M 48
109
T 1

M 48
109
T 1

М 48/109

№ 269.

ПАМЯТНИКИ
НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СБОРНИКЪ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ,

издаваемый

В. Кашпиревымъ.

ТОМЪ I.

Составленъ при содѣйствіи и участіи К. Н. Бестужева-Рюмина, А. К., Д. Е. Извѣкова, Д. А. Кропотова, В. И. Ламанскаго, А. М., Л. Н. Майкова и П. Н. Петрова.

С.-Петербургъ.
1871.

М 48/109

№ 269.

ПАМЯТНИКИ
НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СБОРНИКЪ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ,

издаваемый

В. Кашпиревымъ.

ТОМЪ I.

Составленъ при содѣйствіи и участіи К. Н. Бестужева-Рюмина, А. К., Д. Е. Извѣкова, Д. А. Кропотова, В. И. Ламанскаго, А. М., Л. Н. Майкова и П. Н. Петрова.

С.-Петербургъ.
1871.

ПАМЯТНИКИ

НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ПАМЯТНИКИ

НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

801-95
И624-5

ПАМЯТНИКИ
НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СБОРНИКЪ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ,

издаваемый

В. Кашпиревымъ.

ТОМЪ I.

Составленъ при содѣйствіи и участіи К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Е., Д. Е. Извѣкова, Д. А. Кропотова, В. И. Ламанскаго, А. М., Л. Н. Майкова и П. Н. Петрова.

Библіотека Русскаго Географическаго Общества
IX-8906

С. Петербургъ.
Типографія Майкова, въ домѣ Министерства Финансовъ, на Дворцовой площади.
1871.

801-95
И624-5

ПАМЯТНИКИ
НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СБОРНИКЪ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ,

издаваемый

В. Кашпиревымъ.

ТОМЪ I.

Составленъ при содѣйствіи и участіи К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Е., Д. Е. Извѣкова, Д. А. Кропотова, В. И. Ламанскаго, А. М., Л. Н. Майкова и П. Н. Петрова.

Библіотека Русскаго Географическаго Общества
IX-8906

С. Петербургъ.
Типографія Майкова, въ домѣ Министерства Финансовъ, на Дворцовой площади.
1871.

2007063575

2007063575

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

стр.

Одинъ изъ малоизвѣстныхъ литературныхъ противниковъ Ѳеофана Прокоповича, Д. Е. Ивѣнкова 1

Евдокимъ Михайловичъ Кравковъ, дворянинъ-старовѣръ, В. И. Ламанскаго 35

Цесаревна Анна Петровна. 1708—1728 (Біографическій очеркъ), П. Н. Петрова 49

Отдѣлъ второй.

Документы о восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны, съ замѣткою К. Н. Б.—Р. 1

Волненія крестьянъ въ Лифляндіи въ 1777 году. 17

Походъ Русскихъ въ Закубанскія горы въ 1789 году 39

Воспоминанія о коронаціи императора Александра I, М. Н. Макарова. 47

Дѣло Гурьевыхъ и Хрущовыхъ 95

Картина Европы въ началѣ XIX столѣтія и отношеніе къ ней Россіи (Записка графа Ѳ. В. Растопчина), съ замѣткою А. К 102

Рѣчь Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова къ помѣщикамъ Кіевской губерніи 8-го мая 1851 года, съ предисловіемъ Д. А. Кропотова 112

Дѣло о политическомъ подметномъ письмѣ 1771 года 123

Первая мысль о Морейской экспедиціи графа А. Г. Орлова, съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. 139

А. Я. Шубинъ, съ предисловіемъ П. Н. Петрова 146

Судьба князей Долгоруковыхъ при императрицѣ Аннѣ. 152

Сношенія князя А. А. Черкасскаго съ Гольштинскимъ дворомъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, съ замѣткою Л. Н. Майкова 194

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

стр.

Одинъ изъ малоизвѣстныхъ литературныхъ противниковъ Ѳеофана Прокоповича, Д. Е. Ивѣнкова 1

Евдокимъ Михайловичъ Кравковъ, дворянинъ-старовѣръ, В. И. Ламанскаго 35

Цесаревна Анна Петровна. 1708—1728 (Біографическій очеркъ), П. Н. Петрова 49

Отдѣлъ второй.

Документы о восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны, съ замѣткою К. Н. Б.—Р. 1

Волненія крестьянъ въ Лифляндіи въ 1777 году. 17

Походъ Русскихъ въ Закубанскія горы въ 1789 году 39

Воспоминанія о коронаціи императора Александра I, М. Н. Макарова. 47

Дѣло Гурьевыхъ и Хрущовыхъ 95

Картина Европы въ началѣ XIX столѣтія и отношеніе къ ней Россіи (Записка графа Ѳ. В. Растопчина), съ замѣткою А. К 102

Рѣчь Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова къ помѣщикамъ Кіевской губерніи 8-го мая 1851 года, съ предисловіемъ Д. А. Кропотова 112

Дѣло о политическомъ подметномъ письмѣ 1771 года 123

Первая мысль о Морейской экспедиціи графа А. Г. Орлова, съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. 139

А. Я. Шубинъ, съ предисловіемъ П. Н. Петрова 146

Судьба князей Долгоруковыхъ при императрицѣ Аннѣ. 152

Сношенія князя А. А. Черкасскаго съ Гольштинскимъ дворомъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, съ замѣткою Л. Н. Майкова 194

стр.
По дѣлу Мировича. 307
Эпизодъ изъ экспедиціи въ Дарго въ 1845 году (Письмо съ Кавказа, отъ 25-го іюня 1845 года). 312
Король Шведскій Густавъ IV Адольфъ въ С.-Петербургѣ въ 1796 г. (Изъ записокъ Массона), съ предисловіемъ и примѣчаніями А. М. . . 317
Изъ нравовъ XVIII вѣка: I. Семейныя отношенія графа А. П. Бестужева-Рюмина, съ предисловіемъ А. К. — II. Письмо П. С. Сумарокова, съ замѣткою его же 331
Событія 1730 года (Извлеченіе изъ депешъ французскихъ резидентовъ въ Москвѣ) 361
Изъ переписки Петра I и Екатерины I со своими дочерьми 379
Письма графа А. П. Бестужева-Рюмина къ барону И. А. Черкасову. 383
Біографическое извѣстіе объ И. П. Шульгинѣ, съ приложеніями: I. Разсказы, записанные И. П. Шульгинымъ. II. Собственноручныя примѣчанія А. С. Пушкина къ „Исторіи Пугачевскаго бунта“. 393
Дополненія и поправки ко второму отдѣлу 409
Указатель личныхъ именъ 413

стр.
По дѣлу Мировича. 307
Эпизодъ изъ экспедиціи въ Дарго въ 1845 году (Письмо съ Кавказа, отъ 25-го іюня 1845 года). 312
Король Шведскій Густавъ IV Адольфъ въ С.-Петербургѣ въ 1796 г. (Изъ записокъ Массона), съ предисловіемъ и примѣчаніями А. М. . . 317
Изъ нравовъ XVIII вѣка: I. Семейныя отношенія графа А. П. Бестужева-Рюмина, съ предисловіемъ А. К. — II. Письмо П. С. Сумарокова, съ замѣткою его же 331
Событія 1730 года (Извлеченіе изъ депешъ французскихъ резидентовъ въ Москвѣ) 361
Изъ переписки Петра I и Екатерины I со своими дочерьми 379
Письма графа А. П. Бестужева-Рюмина къ барону И. А. Черкасову. 383
Біографическое извѣстіе объ И. П. Шульгинѣ, съ приложеніями: I. Разсказы, записанные И. П. Шульгинымъ. II. Собственноручныя примѣчанія А. С. Пушкина къ „Исторіи Пугачевскаго бунта“. 393
Дополненія и поправки ко второму отдѣлу 409
Указатель личныхъ именъ 413

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОДИНЪ ИЗЪ МАЛОИЗВѢСТНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОТИВНИКОВЪ ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА.

Ѳеофану Прокоповичу особенно посчастливилось въ нашей ученой литературѣ. Кромѣ многихъ біографическихъ и историко-критическихъ замѣтокъ о немъ, мы имѣемъ обширное и капитальное по своимъ документамъ сочиненіе г. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“ (С.-Петербургъ, 1869 г.). Г. Чистовичъ представилъ въ самыхъ яркихъ чертахъ складъ жизни, воззрѣнія, убѣжденія, увлеченія, ошибки и интриги какъ разносторонне-дѣятельнаго и многовліятельнаго Ѳеофана Прокоповича, такъ и длинной вереницы его литературныхъ и не литературныхъ враговъ. Но въ книгѣ г. Чистовича, богатой матеріалами для характеристики и малоизвѣстныхъ для насъ, и видныхъ церковныхъ дѣятелей Петровской эпохи, замѣчается существенная неполнота — въ изложеніи и анализѣ той ученой полемики, которая горячо и страстно велась въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ, между Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и его образованными противниками. Это обстоятельство и даетъ намъ возможность сообщить нѣсколько новыхъ и интересныхъ свѣдѣній объ одномъ малоизвѣстномъ въ нашей литературѣ противникѣ Ѳеофана и его учено-обличительномъ произведеніи; а такъ какъ это произведеніе стояло въ тѣснѣйшей связи съ другими обличительными сочиненіями противъ Ѳеофана и было необходимымъ звеномъ въ многообразной полемикѣ противниковъ Прокоповича, то для полнаго уясненія дѣла мы предварительно изложимъ эту полемическую дѣятельность.

Пылкій, неутомимо-дѣятельный, энергичный и рѣшительный, но въ то же время честолюбивый и гордый, Ѳеофанъ Прокоповичъ еще

ОДИНЪ ИЗЪ МАЛОИЗВѢСТНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОТИВНИКОВЪ ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА.

Ѳеофану Прокоповичу особенно посчастливилось въ нашей ученой литературѣ. Кромѣ многихъ біографическихъ и историко-критическихъ замѣтокъ о немъ, мы имѣемъ обширное и капитальное по своимъ документамъ сочиненіе г. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“ (С.-Петербургъ, 1869 г.). Г. Чистовичъ представилъ въ самыхъ яркихъ чертахъ складъ жизни, воззрѣнія, убѣжденія, увлеченія, ошибки и интриги какъ разносторонне-дѣятельнаго и многовліятельнаго Ѳеофана Прокоповича, такъ и длинной вереницы его литературныхъ и не литературныхъ враговъ. Но въ книгѣ г. Чистовича, богатой матеріалами для характеристики и малоизвѣстныхъ для насъ, и видныхъ церковныхъ дѣятелей Петровской эпохи, замѣчается существенная неполнота — въ изложеніи и анализѣ той ученой полемики, которая горячо и страстно велась въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ, между Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и его образованными противниками. Это обстоятельство и даетъ намъ возможность сообщить нѣсколько новыхъ и интересныхъ свѣдѣній объ одномъ малоизвѣстномъ въ нашей литературѣ противникѣ Ѳеофана и его учено-обличительномъ произведеніи; а такъ какъ это произведеніе стояло въ тѣснѣйшей связи съ другими обличительными сочиненіями противъ Ѳеофана и было необходимымъ звеномъ въ многообразной полемикѣ противниковъ Прокоповича, то для полнаго уясненія дѣла мы предварительно изложимъ эту полемическую дѣятельность.

Пылкій, неутомимо-дѣятельный, энергичный и рѣшительный, но въ то же время честолюбивый и гордый, Ѳеофанъ Прокоповичъ еще

на школьной скамьѣ замѣтно отдѣлился отъ окружавшей его среды и ходячихъ тогда схоластико-теологическихъ доктринъ въ духѣ католичества. Увидѣвъ лицемъ къ лицу представителей католической схоластики, онъ съ презрѣніемъ отвернулся отъ нихъ и вынесъ изъ заграничныхъ школъ глубокую антипатію къ растлѣвающему католицизму, съ его гнилымъ папствомъ и іезуитами. Эта антипатія ясно обнаружилась на первыхъ же порахъ наставнической дѣятельности Ѳеофана въ Кіевской коллегіи [1]). Не оставилъ онъ въ покоѣ католическую доктрину и на богословской каѳедрѣ. Въ своихъ богословскихъ лекціяхъ онъ постоянно, энергично и съ насмѣшкой опровергаетъ различныя католическія тенденціи и обряды [2]). Но отшатнувшись видимо и рѣшительно отъ католической системы, Ѳеофанъ впалъ въ другую крайность, сталъ сочувствовать протестантамъ, или точнѣе, свободной и научной критикѣ и пріемамъ ихъ. Новое направленіе въ воззрѣніяхъ Ѳеофана было первымъ зерномъ и основною канвою всей полемической дѣятельности противъ него малорусскихъ ученыхъ и великорусскихъ начетчиковъ. Изъ свидѣтельства современниковъ Ѳеофана мы знаемъ, что свободный образъ мыслей его вызывалъ горячіе споры съ нимъ еще въ стѣнахъ Кіевской академіи [3]). Но они ни къ чему не вели. Ѳеофанъ остался вѣренъ себѣ и съ церковной каѳедры заявилъ себя явнымъ приверженцемъ и панегиристомъ реформатора Петра I, который сочувствовалъ протестанскимъ формамъ церковной жизни и антипатично относился къ старорусскому складу жизни. Петръ Великій, умѣвшій сразу и мѣтко угадывать способныхъ и даровитыхъ людей, не задумался приблизить къ себѣ Ѳеофана и постарался вѣрнѣе узнать его стремленія, наклонности и образъ мыслей, и чѣмъ ближе узналъ его, тѣмъ болѣе сближался съ нимъ, какъ съ своимъ единомышленникомъ и новаторомъ.

Сближеніе съ императоромъ воодушевило и окрылило честолюбца [4]);

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ сообщены въ Трудахъ Кіевской Академіи за мартъ 1865 г.

[2]) Читавшій въ подлинникѣ богословскую систему Ѳ. Прокоповича найдетъ въ ней неуклонную и почти постоянную борьбу съ мнѣніями католическихъ богослововъ и преимущественно Беллярмина.

[3]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1862 г., I.

[4]) Князь Щербатовъ называетъ Ѳ. Прокоповича „мужемъ, исполненнымъ честолюбія“, хотѣвшимъ себѣ болѣе могущества и силы пріобрѣсти; см. его сочиненіе о поврежденіи нравовъ въ Россіи, Русская старина 1870 года, іюль, стр. 49.

на школьной скамьѣ замѣтно отдѣлился отъ окружавшей его среды и ходячихъ тогда схоластико-теологическихъ доктринъ въ духѣ католичества. Увидѣвъ лицемъ къ лицу представителей католической схоластики, онъ съ презрѣніемъ отвернулся отъ нихъ и вынесъ изъ заграничныхъ школъ глубокую антипатію къ растлѣвающему католицизму, съ его гнилымъ папствомъ и іезуитами. Эта антипатія ясно обнаружилась на первыхъ же порахъ наставнической дѣятельности Ѳеофана въ Кіевской коллегіи [1]). Не оставилъ онъ въ покоѣ католическую доктрину и на богословской каѳедрѣ. Въ своихъ богословскихъ лекціяхъ онъ постоянно, энергично и съ насмѣшкой опровергаетъ различныя католическія тенденціи и обряды [2]). Но отшатнувшись видимо и рѣшительно отъ католической системы, Ѳеофанъ впалъ въ другую крайность, сталъ сочувствовать протестантамъ, или точнѣе, свободной и научной критикѣ и пріемамъ ихъ. Новое направленіе въ воззрѣніяхъ Ѳеофана было первымъ зерномъ и основною канвою всей полемической дѣятельности противъ него малорусскихъ ученыхъ и великорусскихъ начетчиковъ. Изъ свидѣтельства современниковъ Ѳеофана мы знаемъ, что свободный образъ мыслей его вызывалъ горячіе споры съ нимъ еще въ стѣнахъ Кіевской академіи [3]). Но они ни къ чему не вели. Ѳеофанъ остался вѣренъ себѣ и съ церковной каѳедры заявилъ себя явнымъ приверженцемъ и панегиристомъ реформатора Петра I, который сочувствовалъ протестанскимъ формамъ церковной жизни и антипатично относился къ старорусскому складу жизни. Петръ Великій, умѣвшій сразу и мѣтко угадывать способныхъ и даровитыхъ людей, не задумался приблизить къ себѣ Ѳеофана и постарался вѣрнѣе узнать его стремленія, наклонности и образъ мыслей, и чѣмъ ближе узналъ его, тѣмъ болѣе сближался съ нимъ, какъ съ своимъ единомышленникомъ и новаторомъ.

Сближеніе съ императоромъ воодушевило и окрылило честолюбца [4]);

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ сообщены въ Трудахъ Кіевской Академіи за мартъ 1865 г.

[2]) Читавшій въ подлинникѣ богословскую систему Ѳ. Прокоповича найдетъ въ ней неуклонную и почти постоянную борьбу съ мнѣніями католическихъ богослововъ и преимущественно Беллярмина.

[3]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1862 г., I.

[4]) Князь Щербатовъ называетъ Ѳ. Прокоповича „мужемъ, исполненнымъ честолюбія“, хотѣвшимъ себѣ болѣе могущества и силы пріобрѣсти; см. его сочиненіе о поврежденіи нравовъ въ Россіи, Русская старина 1870 года, іюль, стр. 49.

въ 1712 г. онъ выступилъ на литературное поприще, съ сочиненіемъ „Объ игѣ неудобоносимомъ“, или „Повѣсть о распрѣ Павла и Варнавы съ іудействующими и трудность слова Петра; апостола объ игѣ неудобоносимомъ“ [1]). Раскрывая въ своемъ сочиненіи двѣ основныя мысли: „яко законное оправданіе требуетъ всецѣлаго безгрѣшія, и яко никто же безгрѣшенъ можетъ быти“, Ѳеофанъ разошелся съ воззрѣніями на этотъ вопросъ Московскихъ ученыхъ и въ скоромъ времени встрѣтилъ съ ихъ стороны ученое нападеніе, которое впрочемъ не было неожиданностію и новостію для автора хитраго и тонко-понимавшаго настроеніе своихъ противниковъ. Выпуская въ свѣтъ свой трудъ, Ѳеофанъ предпослалъ ему такое замѣчаніе: „Не ставлю сіе мое толкованіе ига неудобоносимаго въ самый несумнѣнный (?) вѣры догматъ, но сіе подвергаю суду церковному.... и желаю, чтобы судьи его не были водимы ни завистію, ни предвосприятымъ мнѣніемъ, но чтобы они оцѣнили его не просто, а подавая вину и извѣстіе суда своего и отъ Слова Божія, и отъ твореній отеческихъ, и отъ разума“. Въ такомъ, дѣйствительно, духѣ послѣдовали возраженія на сочиненіе Прокоповича со стороны извѣстныхъ своею обширною ученостію и образованностію Стефана Яворскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго. Отвѣтъ перваго „на слово объ игѣ неудобоносимомъ“ для насъ не извѣстенъ [2]); но судя по направленію, складу образованія и обширной учености автора, можно предположить, что отвѣтъ Яворскаго былъ столь же вѣскій и строгій, какъ и сохранившійся и извѣстный намъ отвѣтъ ректора Московской академіи Ѳеофилакта Лопатинскаго, который былъ даровитымъ школьнымъ товарищемъ Ѳеофана въ Кіевѣ и за границей, но совершенно расходился съ нимъ въ убѣжденіяхъ и взглядахъ на церковно-іерархическіе и дисциплинарные порядки и на научные, методологическіе пріемы въ разъясненіи истинъ вѣры и нравственности. По свидѣтельству современниковъ, Ѳеофилактъ былъ чуждъ реформаторскихъ стремленій, придерживался старыхъ порядковъ, уважалъ авторитетъ католической доктрины, отличался

---

[1]) Смотри Полное собраніе сочиненій Прокоповича, изд. 1774 г. Упомянутое сочиненіе Прокоповича пользовалось въ свое время большою извѣстностію, было переведено Давидомъ Нащинскимъ и Іоакинѳомъ Карпинскимъ на латинскій языкъ и въ 1782 г. отпечатано въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: „de Jugo intolerabile“ (Словарь м. *Евгенія*, II, стр. 310).

[2]) Возраженіе Яворскаго „на слово объ игѣ неудобоносимомъ“ сохранилось въ рукописи Царскаго, № 23.

въ 1712 г. онъ выступилъ на литературное поприще, съ сочиненіемъ „Объ игѣ неудобоносимомъ“, или „Повѣсть о распрѣ Павла и Варнавы съ іудействующими и трудность слова Петра; апостола объ игѣ неудобоносимомъ“ [1]). Раскрывая въ своемъ сочиненіи двѣ основныя мысли: „яко законное оправданіе требуетъ всецѣлаго безгрѣшія, и яко никто же безгрѣшенъ можетъ быти“, Ѳеофанъ разошелся съ воззрѣніями на этотъ вопросъ Московскихъ ученыхъ и въ скоромъ времени встрѣтилъ съ ихъ стороны ученое нападеніе, которое впрочемъ не было неожиданностію и новостію для автора хитраго и тонко-понимавшаго настроеніе своихъ противниковъ. Выпуская въ свѣтъ свой трудъ, Ѳеофанъ предпослалъ ему такое замѣчаніе: „Не ставлю сіе мое толкованіе ига неудобоносимаго въ самый несумнѣнный (?) вѣры догматъ, но сіе подвергаю суду церковному.... и желаю, чтобы судьи его не были водимы ни завистію, ни предвоспріятымъ мнѣніемъ, но чтобы они оцѣнили его не просто, а подавая вину и извѣстіе суда своего и отъ Слова Божія, и отъ твореній отеческихъ, и отъ разума“. Въ такомъ, дѣйствительно, духѣ послѣдовали возраженія на сочиненіе Прокоповича со стороны извѣстныхъ своею обширною ученостію и образованностію Стефана Яворскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго. Отвѣтъ перваго „на слово объ игѣ неудобоносимомъ“ для насъ не извѣстенъ [2]); но судя по направленію, складу образованія и обширной учености автора, можно предположить, что отвѣтъ Яворскаго былъ столь же вѣскій и строгій, какъ и сохранившійся и извѣстный намъ отвѣтъ ректора Московской академіи Ѳеофилакта Лопатинскаго, который былъ даровитымъ школьнымъ товарищемъ Ѳеофана въ Кіевѣ и за границей, но совершенно расходился съ нимъ въ убѣжденіяхъ и взглядахъ на церковно-іерархическіе и дисциплинарные порядки и на научные, методологическіе пріемы въ разъясненіи истинъ вѣры и нравственности. По свидѣтельству современниковъ, Ѳеофилактъ былъ чуждъ реформаторскихъ стремленій, придерживался старыхъ порядковъ, уважалъ авторитетъ католической доктрины, отличался

---

[1]) Смотри Полное собраніе сочиненій Прокоповича, изд. 1774 г. Упомянутое сочиненіе Прокоповича пользовалось въ свое время большою извѣстностію, было переведено Давидомъ Нащинскимъ и Іоакинѳомъ Карпинскимъ на латинскій языкъ и въ 1782 г. отпечатано въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: „de Jugo intolerabile“ (Словарь м. *Евгенія*, II, стр. 310).

[2]) Возраженіе Яворскаго „на слово объ игѣ неудобоносимомъ“ сохранилось въ рукописи Царскаго, № 23.

непоколебимою честностію во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, считалъ долгомъ защищать православіе и при всемъ томъ обладалъ самымъ многостороннимъ образованіемъ, за что̀ и пользовался любовію и уваженіемъ въ ученомъ кругу [1]). Обращая вниманіе на такое направленіе Ѳеофилакта, легко понять, что онъ выступитъ противъ книги Прокоповича честно, горячо, съ большимъ запасомъ ерудиціи и во всеоружіи схоластико-полемическихъ пріемовъ.

Возраженіе Ѳеофилакта въ полномъ своемъ видѣ носитъ такое заглавіе: „Иго Господне благо и бремя его легко, си есть, законъ Божій, съ заповѣдьми своими отъ призрачныхъ, новоизмышленныхъ тяжестей и неудобствъ противническихъ свобожденъ“ и проч. [2]). На первыхъ же строкахъ Ѳеофилактъ обличаетъ Прокоповича въ протестантскихъ тенденціяхъ. „Въ недавнія времена“, говоритъ онъ въ предисловіи къ православному читателю, „нарицаемая реформатская произыде ересь лютеранская и кальвинская, между иными своими новостьми проповѣдующая, яко закона Божія никто же можетъ исполнити, ниже кто когда исполни его отъ святыхъ всѣхъ бывшихъ... Такожде и оправданіе, единымъ Христомъ содѣянное, единою вѣрою пріемлютъ. Мудрованію сему о законѣ Божіи и оправданіи человѣка предъ Богомъ послѣдуетъ отъ насъ произшедшій противникъ, яко же свидѣтельствуетъ его писаніе о законномъ *неудобоносимомъ игѣ*. Сію нашу книжицу, на ученія его составленную, чтущій всякъ увидитъ“. Разбирая подробно каждую неправильную мысль своего противника, Ѳеофилактъ становится на обычныя ходули общепринятой тогда схоластической методы, то есть, отвлекаетъ и обобщаетъ наиболѣе рѣзкія и смѣлыя мысли „ига неудобоносимаго“ и показываетъ полную несостоятельность ихъ предъ судомъ Св. Писанія, вселенскихъ соборовъ, отеческихъ твореній, здраваго разума и самыхъ мудрованій противника. „Разсуди, православный читателю, что̀ прекословно (въ сочиненіи противника) божественному, апостольскому, отеческому и церковному лексикону... Но дабы кто не реклъ“, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ возражатель, „яко отъ зависти или иныя страсти порицаемъ противника

---

[1]) См. современный отзывъ о Лопатинскомъ *Фандербека* въ Сынѣ Отечества 1842 г., кн. I. См. также Рѣшиловское дѣло г. *Чистовича* и Словарь *Бантыша-Каменскаго*, ч. V.

[2]) Это неизвѣстное въ нашей литературѣ сочиненіе въ полномъ своемъ видѣ сохранилось въ рукописи Московской духовной академіи безъ нумера. Оно составляетъ громадный томъ.

непоколебимою честностію во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, считалъ долгомъ защищать православіе и при всемъ томъ обладалъ самымъ многостороннимъ образованіемъ, за что̀ и пользовался любовію и уваженіемъ въ ученомъ кругу [1]). Обращая вниманіе на такое направленіе Θеофилакта, легко понять, что онъ выступитъ противъ книги Прокоповича честно, горячо, съ большимъ запасомъ ерудиціи и во всеоружіи схоластико-полемическихъ пріемовъ.

Возраженіе Θеофилакта въ полномъ своемъ видѣ носитъ такое заглавіе: „Иго Господне благо и бремя его легко, си есть, законъ Божій, съ заповѣдьми своими отъ призрачныхъ, новоизмышленныхъ тяжестей и неудобствъ противническихъ свобожденъ“ и проч. [2]). На первыхъ же строкахъ Θеофилактъ обличаетъ Прокоповича въ протестантскихъ тенденціяхъ. „Въ недавнія времена“, говоритъ онъ въ предисловіи къ православному читателю, „нарицаемая реформатская произыде ересь лютеранская и кальвинская, между иными своими новостьми проповѣдующая, яко закона Божія никто же можетъ исполнити, ниже кто когда исполни его отъ святыхъ всѣхъ бывшихъ... Такожде и оправданіе, единымъ Христомъ содѣянное, единою вѣрою пріемлютъ. Мудрованію сему о законѣ Божіи и оправданіи человѣка предъ Богомъ послѣдуетъ отъ насъ произшедшій противникъ, яко же свидѣтельствуетъ его писаніе о законномъ *неудобоносимомъ игѣ*. Сію нашу книжицу, на ученія его составленную, чтущій всякъ увидитъ“. Разбирая подробно каждую неправильную мысль своего противника, Θеофилактъ становится на обычныя ходули общепринятой тогда схоластической методы, то есть, отвлекаетъ и обобщаетъ наиболѣе рѣзкія и смѣлыя мысли „ига неудобоносимаго“ и показываетъ полную несостоятельность ихъ предъ судомъ Св. Писанія, вселенскихъ соборовъ, отеческихъ твореній, здраваго разума и самыхъ мудрованій противника. „Разсуди, православный читателю, что̀ прекословно (въ сочиненіи противника) божественному, апостольскому, отеческому и церковному лексикону... Но дабы кто не реклъ“, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ возражатель, „яко отъ зависти или иныя страсти порицаемъ противника

---

[1]) См. современный отзывъ о Лопатинскомъ *Фандербека* въ Сынѣ Отечества 1842 г., кн. I. См. также Рѣшиловское дѣло г. *Чистовича* и Словарь *Бантыша-Каменскаго*, ч. V.

[2]) Это неизвѣстное въ нашей литературѣ сочиненіе въ полномъ своемъ видѣ сохранилось въ рукописи Московской духовной академіи безъ нумера. Оно составляетъ громадный томъ.

ученіемъ непріятнымъ церкве православнѣй, имже подвизахомся на него въ семъ дѣльцѣ, предлагаемъ неправоты нѣкія, содѣланныя отъ него самаго въ письмѣ своемъ". Въ заключеніи своего труда возражатель предостерегаетъ читателей отъ „ига неудобоносимаго", какъ опаснаго и еретическаго произведенія. Θеофилактъ конечно воображалъ, что его трудъ произведетъ отрезвляющее вліяніе на умы, опьянѣвшіе отъ увлеченія новомодными порядками и взглядами. Но его сочиненію пришлось довольствоваться самою скромною и печальною ролью. Оно осталось не напечатаннымъ и было извѣстно только ограниченному кругу знакомыхъ автору лицъ, которыя и сами по себѣ неблагопріятно смотрѣли на Θеофана. Въ свою очередь Θеофанъ постарался довести всѣхъ своихъ враговъ, въ томъ числѣ и Θеофилакта, до тайной канцеляріи, гдѣ ужъ была своего рода, вовсе не литературная критика и антикритика. Но эта расправа впереди, при кровавыхъ временахъ Бироновщины. Теперь же, въ вѣкъ Петра, Θеофанъ ограничился молчаніемъ и тайною злобою противъ своихъ враговъ. Только въ письмѣ къ пріятелю своему Марковичу 1716 г. онъ рѣшился намекнуть на критику и происки своихъ ученыхъ недруговъ. Посылая Марковичу свой трактатъ „объ оправданіи", онъ какъ-бы мимоходомъ замѣчаетъ: „Пусть враги благодати Божіей противодѣйствуютъ намъ, аще имъ то угодно, только бы напередъ они обстоятельно уразумѣли, какое есть о семъ наше мудрованіе, то есть, что̀ именно мы чрезъ оправданіе и что̀ чрезъ вѣру оправдывающую разумѣемъ, и како поучаемъ о благихъ дѣлахъ и о прочихъ,—и тогда пусть сражаются съ нами, не вымышляя однакожъ отъ себя ничего и намъ ложно не приписывая того, чего мы никогда не говаривали и не говоримъ, въ противномъ же случаѣ они не съ нами, но съ собственными своими сновидѣніями и мечтами ратовати будутъ и тщетно ловити то, чего въ самой вещи совсѣмъ нѣтъ"! [1]) Мы видимъ здѣсь прозрачный намекъ на возраженія Яворскаго и Лопатинскаго, о которыхъ Θеофанъ легко и скоро могъ освѣдомиться чрезъ своихъ агентовъ, кои, по выраженію Антіоха Кантемира, помогали Θеофану „масло и творогъ жирный (противъ враговъ) въ творилахъ истискати" [2]),

---

[1]) См. Четыре сочиненія Θ. Прокоповича, отдѣльно изданныя въ 1773 г. стр. 186.

[2]) Сатира III-я, къ архіепископу Новогородскому.

ученіемъ непріятнымъ церкве православнѣй, имже подвизахомся на него въ семъ дѣльцѣ, предлагаемъ неправоты нѣкія, содѣланныя отъ него самаго въ письмѣ своемъ". Въ заключеніи своего труда возражатель предостерегаетъ читателей отъ „ига неудобоносимаго", какъ опаснаго и еретическаго произведенія. Θеофилактъ конечно воображалъ, что его трудъ произведетъ отрезвляющее вліяніе на умы, опьянѣвшіе отъ увлеченія новомодными порядками и взглядами. Но его сочиненію пришлось довольствоваться самою скромною и печальною ролью. Оно осталось не напечатаннымъ и было извѣстно только ограниченному кругу знакомыхъ автору лицъ, которыя и сами по себѣ неблагопріятно смотрѣли на Θеофана. Въ свою очередь Θеофанъ постарался довести всѣхъ своихъ враговъ, въ томъ числѣ и Θеофилакта, до тайной канцеляріи, гдѣ ужъ была своего рода, вовсе не литературная критика и антикритика. Но эта расправа впереди, при кровавыхъ временахъ Бироновщины. Теперь же, въ вѣкъ Петра, Θеофанъ ограничился молчаніемъ и тайною злобою противъ своихъ враговъ. Только въ письмѣ къ пріятелю своему Марковичу 1716 г. онъ рѣшился намекнуть на критику и происки своихъ ученыхъ недруговъ. Посылая Марковичу свой трактатъ „объ оправданіи", онъ какъ-бы мимоходомъ замѣчаетъ: „Пусть враги благодати Божіей противодѣйствуютъ намъ, аще имъ то угодно, только бы напередъ они обстоятельно уразумѣли, какое есть о семъ наше мудрованіе, то есть, что̀ именно мы чрезъ оправданіе и что̀ чрезъ вѣру оправдывающую разумѣемъ, и како поучаемъ о благихъ дѣлахъ и о прочихъ,—и тогда пусть сражаются съ нами, не вымышляя однакожъ отъ себя ничего и намъ ложно не приписывая того, чего мы никогда не говаривали и не говоримъ, въ противномъ же случаѣ они не съ нами, но съ собственными своими сновидѣніями и мечтами ратовати будутъ и тщетно ловити то, чего въ самой вещи совсѣмъ нѣтъ"! [1]) Мы видимъ здѣсь прозрачный намекъ на возраженія Яворскаго и Лопатинскаго, о которыхъ Θеофанъ легко и скоро могъ освѣдомиться чрезъ своихъ агентовъ, кои, по выраженію Антіоха Кантемира, помогали Θеофану „масло и творогъ жирный (противъ враговъ) въ творилахъ истискати" [2]),

---

[1]) См. Четыре сочиненія Θ. Прокоповича, отдѣльно изданныя въ 1773 г. стр. 186.

[2]) Сатира III-я, къ архіепископу Новогородскому.

видимъ и то, что Θеофанъ рѣшился твердо стоять на своей точкѣ врѣнія) [1]).

Нападки враговъ нисколько не помѣшали славѣ и внѣшнему величію Θеофана. Въ 1716 г. онъ былъ вызванъ Петромъ въ С.-Петербургъ для завѣдыванія духовными дѣлами Псковской епархіи. Прибытіе Θеофана взволновало духовенство и даже свѣтскихъ людей [2]), потому что молва ужь успѣла окрестить его еретикомъ и жаркимъ союзникомъ Петра. Прокоповичъ ясно понялъ, гдѣ находится центръ тяжести его жизни, и прямо и рѣшительно сталъ на сторонѣ своего высокаго патрона. „Посвященный во всѣ виды Петра", говоритъ о Θеофанѣ Ю. Θ. Самаринъ, „и будучи его совѣтникомъ и помощникомъ, онъ шелъ передъ нимъ, прочищая ему дорогу; задолго до каждаго новаго дѣла онъ готовилъ и склонялъ къ нему общее мнѣніе, и когда дѣло совершалось, онъ его оправдывалъ и отвѣчалъ на всѣ доходившія до него возраженія. Оправданіе преобразованія—вотъ тема торжественныхъ и похвальныхъ словъ Θеофана Прокоповича" [3]). И дѣйствительно, Θ. Прокоповичъ во всеуслышаніе, увлекательно и горячо защищалъ и объяснялъ благодѣтельное значеніе царевой реформы, доказывалъ пользу путешествій по разнымъ странамъ, враждебно и желчно относился къ стародавнимъ обычаямъ и формамъ русской жизни и съ увлеченіемъ рисовалъ новые идеалы европейской цивилизаціи; при этомъ онъ не стѣснялся никакими картинами, никакими выраженіями для возвышенія новыхъ порядковъ и униженія старыхъ [4]). Не забывалъ честолюбивый архіерей и о своихъ ученыхъ врагахъ. Въ письмѣ къ Марковичу онъ такъ честитъ ихъ: „Что же сказать о попахъ, монахахъ, или о нашихъ латынщикахъ? Если по милости Божіей въ ихъ головахъ найдется нѣсколько богослов-

---

[1]) Θеофанъ распространяетъ и разъясняетъ въ трактатѣ „объ оправданіи" то, что сказано въ сочиненіи „объ игѣ неудобоносимомъ", и по мѣстамъ опровергаетъ тѣ возраженія, которыя выставляли ему Московскіе ученые, „слишкомъ привязанные къ раздѣленіямъ, исключеніямъ и прочимъ пустословіямъ софистическимъ" (Четыре сочиненія Прокоповича, стр. 215).

[2]) Наука и литература при Петрѣ В. *Пекарскаго*, I, стр. 485.

[3]) Стефанъ Яворскій и Θ. Прокоповичъ, какъ проповѣдники, *Ю. Самарина*, стр. 145—146.

[4]) См. слово о баталіи Полтавской, произнесенное въ 1717 г.; рѣчь Петру по возвращеніи его изъ Европы; рѣчь отъ имени всего народа, по возвращеніи Петра изъ чужихъ краевъ; слово въ день Рождества Христова, произнесенное въ 1717 г. (Полное собраніе соч. Прокоповича, I)

видимъ и то, что Θеофанъ рѣшился твердо стоять на своей точкѣ врѣнія) [1]).

Нападки враговъ нисколько не помѣшали славѣ и внѣшнему величію Θеофана. Въ 1716 г. онъ былъ вызванъ Петромъ въ С.-Петербургъ для завѣдыванія духовными дѣлами Псковской епархіи. Прибытіе Θеофана взволновало духовенство и даже свѣтскихъ людей [2]), потому что молва ужь успѣла окрестить его еретикомъ и жаркимъ союзникомъ Петра. Прокоповичъ ясно понялъ, гдѣ находится центръ тяжести его жизни, и прямо и рѣшительно сталъ на сторонѣ своего высокаго патрона. „Посвященный во всѣ виды Петра", говоритъ о Θеофанѣ Ю. Θ. Самаринъ, „и будучи его совѣтникомъ и помощникомъ, онъ шелъ передъ нимъ, прочищая ему дорогу; задолго до каждаго новаго дѣла онъ готовилъ и склонялъ къ нему общее мнѣніе, и когда дѣло совершалось, онъ его оправдывалъ и отвѣчалъ на всѣ доходившія до него возраженія. Оправданіе преобразованія—вотъ тема торжественныхъ и похвальныхъ словъ Θеофана Прокоповича" [3]). И дѣйствительно, Θ. Прокоповичъ во всеуслышаніе, увлекательно и горячо защищалъ и объяснялъ благодѣтельное значеніе царевой реформы, доказывалъ пользу путешествій по разнымъ странамъ, враждебно и желчно относился къ стародавнимъ обычаямъ и формамъ русской жизни и съ увлеченіемъ рисовалъ новые идеалы европейской цивилизаціи; при этомъ онъ не стѣснялся никакими картинами, никакими выраженіями для возвышенія новыхъ порядковъ и униженія старыхъ [4]). Не забывалъ честолюбивый архіерей и о своихъ ученыхъ врагахъ. Въ письмѣ къ Марковичу онъ такъ честитъ ихъ: „Что же сказать о попахъ, монахахъ, или о нашихъ латынщикахъ? Если по милости Божіей въ ихъ головахъ найдется нѣсколько богослов-

---

[1]) Θеофанъ распространяетъ и разъясняетъ въ трактатѣ „объ оправданіи" то, что сказано въ сочиненіи „объ игѣ неудобоносимомъ", и по мѣстамъ опровергаетъ тѣ возраженія, которыя выставляли ему Московскіе ученые, „слишкомъ привязанные къ раздѣленіямъ, исключеніямъ и прочимъ пустословіямъ софистическимъ" (Четыре сочиненія Прокоповича, стр. 215).

[2]) Наука и литература при Петрѣ В. *Пекарскаго*, I, стр. 485.

[3]) Стефанъ Яворскій и Θ. Прокоповичъ, какъ проповѣдники, *Ю. Самарина*, стр. 145—146.

[4]) См. слово о баталіи Полтавской, произнесенное въ 1717 г.; рѣчь Петру по возвращеніи его изъ Европы; рѣчь отъ имени всего народа, по возвращеніи Петра изъ чужихъ краевъ; слово въ день Рождества Христова, произнесенное въ 1717 г. (Полное собраніе соч. Прокоповича, I)

скихъ трактатовъ и отдѣловъ, выхваченныхъ когда какимъ-либо іезуитомъ изъ какихъ-нибудь твореній схоластическихъ епископовъ и плохо сшитыхъ, то наши латынщики воображаютъ себя столь мудрыми, что для нихъ знать уже ничего не осталось... Наши латынщики такъ высоко о себѣ думаютъ, какъ будто они проглотили цѣлый океанъ мудрости“ [1]).

Свободный образъ мыслей Ѳеофана и его презрительное отношеніе къ представителямъ старины поселили къ нему еще большую вражду и въ высшихъ сферахъ духовенства, и въ ученой Московской корпораціи. И вотъ, когда Петръ въ 1718 г. вздумалъ посвятить Ѳеофана въ епископскій санъ, явилось донесеніе, что Прокоповичъ „наложилъ на себя препятствіе ко святому, великому архіерейскому сану, проповѣдуя въ Кіевѣ ученіе, несогласное съ православною церковію“. Вмѣстѣ съ донесеніемъ царю, Стефанъ Яворскій вручилъ инструкцію Алексѣю архіепископу Сарскому и Варлааму епископу Тверскому, въ 17 пунктахъ которой объявляются главныя заблужденія Прокоповича. Ѳеофанъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Но благодаря сильной помощи царя и своей тонкой, оправдательной діалектикѣ, онъ скоро вышелъ изъ бѣды: обвинители принуждены были отказаться отъ своихъ доносовъ, а обвиняемый въ томъ же 1718 году получилъ епископскій санъ и саккосъ [2]). „Наше имя“, писалъ Ѳеофанъ, „истерзанное клеветою, возсіяло въ прежнемъ блескѣ. Безъ замедленія получилъ я предназначенное мнѣ достоинство“ [3]). Теперь онъ могъ воспользоваться, со всею ловкостію придворнаго интригана, начавшимся судомъ надъ царевичемъ Алексѣемъ, гдѣ были замѣшаны Стефанъ Яворскій, Іоасафъ Кроковскій, епископъ Досифей и др. Въ словѣ „о власти и чести царской“, сказанномъ въ томъ же году, Ѳеофанъ представляетъ своихъ противниковъ опасными и дерзкими возмутителями общественнаго спокойствія: „Не обрѣтаются ли и нынѣ таковіи (возмутители)? Аще и не въ такой мѣрѣ“, говоритъ онъ, „обаче суть тако злобніи и понурыи“. Касаясь современнаго духовенства и монашества, онъ при-

---

[1]) Труды Кіевской Духовной Академіи, январь 1865 г., стр. 146—147.

[2]) Весь этотъ процессъ подробно раскрытъ въ Чт. общ. ист. и древн. росс. 1862 г., I, въ Рѣшиловскомъ дѣлѣ г. *Чистовича* и въ его же трудѣ. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 37—43.

[3]) Труды Кіевской Духовной Академіи, январь 1865 г., стр. 155; Наука при П. В., *Пекарскаго*, I, стр. 488.

скихъ трактатовъ и отдѣловъ, выхваченныхъ когда какимъ-либо іезуитомъ изъ какихъ-нибудь твореній схоластическихъ епископовъ и плохо сшитыхъ, то наши латынщики воображаютъ себя столь мудрыми, что для нихъ знать уже ничего не осталось... Наши латынщики такъ высоко о себѣ думаютъ, какъ будто они проглотили цѣлый океанъ мудрости“ [1]).

Свободный образъ мыслей Ѳеофана и его презрительное отношеніе къ представителямъ старины поселили къ нему еще большую вражду и въ высшихъ сферахъ духовенства, и въ ученой Московской корпораціи. И вотъ, когда Петръ въ 1718 г. вздумалъ посвятить Ѳеофана въ епископскій санъ, явилось донесеніе, что Прокоповичъ „наложилъ на себя препятствіе ко святому, великому архіерейскому сану, проповѣдуя въ Кіевѣ ученіе, несогласное съ православною церковію“. Вмѣстѣ съ донесеніемъ царю, Стефанъ Яворскій вручилъ инструкцію Алексѣю архіепископу Сарскому и Варлааму епископу Тверскому, въ 17 пунктахъ которой объявляются главныя заблужденія Прокоповича. Ѳеофанъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Но благодаря сильной помощи царя и своей тонкой, оправдательной діалектикѣ, онъ скоро вышелъ изъ бѣды: обвинители принуждены были отказаться отъ своихъ доносовъ, а обвиняемый въ томъ же 1718 году получилъ епископскій санъ и саккосъ [2]). „Наше имя“, писалъ Ѳеофанъ, „истерзанное клеветою, возсіяло въ прежнемъ блескѣ. Безъ замедленія получилъ я предназначенное мнѣ достоинство“ [3]). Теперь онъ могъ воспользоваться, со всею ловкостію придворнаго интригана, начавшимся судомъ надъ царевичемъ Алексѣемъ, гдѣ были замѣшаны Стефанъ Яворскій, Іоасафъ Кроковскій, епископъ Досифей и др. Въ словѣ „о власти и чести царской“, сказанномъ въ томъ же году, Ѳеофанъ представляетъ своихъ противниковъ опасными и дерзкими возмутителями общественнаго спокойствія: „Не обрѣтаются ли и нынѣ таковіи (возмутители)? Аще и не въ такой мѣрѣ“, говоритъ онъ, „обаче суть тако злобніи и понурыи“. Касаясь современнаго духовенства и монашества, онъ при-

---

[1]) Труды Кіевской Духовной Академіи, январь 1865 г., стр. 146—147.

[2]) Весь этотъ процессъ подробно раскрытъ въ Чт. общ. ист. и древн. росс. 1862 г., I, въ Рѣшиловскомъ дѣлѣ г. *Чистовича* и въ его же трудѣ. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 37—43.

[3]) Труды Кіевской Духовной Академіи, январь 1865 г., стр. 155; Наука при П. В., *Пекарскаго*, I, стр. 488.

бавляетъ: „Се тернъ, или паче рещи, жало, но жало се зміино есть, папежскій се духъ, но не вѣмъ, какъ-то досягающій и касающійся насъ.... Да еще и треба сны видѣти людемъ на бѣду: себѣ спите, волхвы!“ (явное указаніе на Досифея, который разсказывалъ сны царицѣ Евдокіи). Съ такимъ же непріязненнымъ чувствомъ и ѣдкою насмѣшкой отзывался онъ и о другихъ представителяхъ и защитникахъ старины. Въ упомянутомъ словѣ онъ сравниваетъ ихъ съ „летающими прузями“, съ крылотѣлыми и не могущими летать животными, называетъ ихъ „буесловцами, не разумѣющими Писанія, ни силы Божія, дрождіемъ народа, дешевыми человѣчками, тунеядцами“, и проч. [1]), однимъ словомъ—обноситъ ихъ самыми язвительными и оскорбительными именами. Петръ до точности понялъ реформаторскій духъ своего клеврета и поручилъ ему въ 1719 г. написать „Духовный регламентъ“, который долженъ былъ преобразовать церковное управленіе. Ѳеофанъ немедленно привелъ въ исполненіе порученіе царя, и въ своемъ „Духовномъ регламентѣ“ онъ опять нападаетъ на противную ему сторону. О всѣхъ кандидатахъ въ патріархи (которыхъ было не мало) онъ отзывается, что они „склонны къ бунтамъ, воспріемля надежды высокія“, что „они неосновательные мудрецы, и если кто во ученіи похваляемъ, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити“ (намекъ на исторію своего посвященія въ епископство). Въ томъ же регламентѣ Ѳеофанъ осмѣялъ странную и смѣшную манеру произношенія проповѣдей митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ, старался уронить многіе старорусскіе церковные обычаи и обряды [2]) и преобразовать, какъ выражался Антіохъ Кантемиръ, „изнуренны нравы пастырей и хвальный чинъ (въ церковномъ управленіи) вводити“ [3]). Не трудно представить, какое озлобленіе и недовольство воспитывалъ къ себѣ Ѳеофанъ въ высшемъ и низшемъ духовенствѣ и народѣ. Теперь изъ устъ въ уста стало переходить обвиненіе Ѳеофана въ еретичествѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ появились тайныя сочиненія и пасквили, направленные противъ новыхъ, одобряемыхъ и восхваляемыхъ Ѳеофаномъ идей.

---

[1]) Слова и рѣчи Прокоповича, ч. 1, стр. 257,—239—241.

[2]) Въ Духовномъ регламентѣ запрещено „слагать новые акафисты, службы и моленія“, приказано критически относиться къ мощамъ, о которыхъ „много налгутано“, иконамъ, коимъ „много чудесъ вымышлено“, и ко всѣмъ „смѣха достойнымъ“ обычаямъ и обрядамъ. Все это до дна души волновало, колебало и возмущало большинство духовенства.

[3]) См. III-ю сатиру Кантемира, къ архіепископу Новгородскому.

бавляетъ: „Се тернъ, или паче рещи, жало, но жало се зміино есть, папежскій се духъ, но не вѣмъ, какъ-то досягающій и касающійся насъ.... Да еще и треба сны видѣти людемъ на бѣду: себѣ спите, волхвы!“ (явное указаніе на Досифея, который разсказывалъ сны царицѣ Евдокіи). Съ такимъ же непріязненнымъ чувствомъ и ѣдкою насмѣшкой отзывался онъ и о другихъ представителяхъ и защитникахъ старины. Въ упомянутомъ словѣ онъ сравниваетъ ихъ съ „летающими прузями“, съ крылотѣлыми и не могущими летать животными, называетъ ихъ „буесловцами, не разумѣющими Писанія, ни силы Божія, дрождіемъ народа, дешевыми человѣчками, тунеядцами“, и проч. [1]), однимъ словомъ—обноситъ ихъ самыми язвительными и оскорбительными именами. Петръ до точности понялъ реформаторскій духъ своего клеврета и поручилъ ему въ 1719 г. написать „Духовный регламентъ“, который долженъ былъ преобразовать церковное управленіе. Ѳеофанъ немедленно привелъ въ исполненіе порученіе царя, и въ своемъ „Духовномъ регламентѣ“ онъ опять нападаетъ на противную ему сторону. О всѣхъ кандидатахъ въ патріархи (которыхъ было не мало) онъ отзывается, что они „склонны къ бунтамъ, воспріемля надежды высокія“, что „они неосновательные мудрецы, и если кто во ученіи похваляемъ, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити“ (намекъ на исторію своего посвященія въ епископство). Въ томъ же регламентѣ Ѳеофанъ осмѣялъ странную и смѣшную манеру произношенія проповѣдей митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ, старался уронить многіе старорусскіе церковные обычаи и обряды [2]) и преобразовать, какъ выражался Антіохъ Кантемиръ, „изнуренны нравы пастырей и хвальный чинъ (въ церковномъ управленіи) вводити“ [3]). Не трудно представить, какое озлобленіе и недовольство воспитывалъ къ себѣ Ѳеофанъ въ высшемъ и низшемъ духовенствѣ и народѣ. Теперь изъ устъ въ уста стало переходить обвиненіе Ѳеофана въ еретичествѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ появились тайныя сочиненія и пасквили, направленные противъ новыхъ, одобряемыхъ и восхваляемыхъ Ѳеофаномъ идей.

---

[1]) Слова и рѣчи Прокоповича, ч. 1, стр. 257,—239—241.

[2]) Въ Духовномъ регламентѣ запрещено „слагать новые акафисты, службы и моленія“, приказано критически относиться къ мощамъ, о которыхъ „много наплутано“, иконамъ, коимъ „много чудесъ вымышлено“, и ко всѣмъ „смѣха достойнымъ“ обычаямъ и обрядамъ. Все это до дна души волновало, колебало и возмущало большинство духовенства.

[3]) См. III-ю сатиру Кантемира, къ архіепископу Новгородскому.

Въ одномъ изъ сочиненій того времени прямо говорится, что государь Петръ Великій и его единомышленники „начаша гонити и искореняти останокъ въ Россіи православныя вѣры, и свои новые умыслы уставляя и нова законоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію составиша многіе *регламенты* и разослаша многіе указы во всю Россію, съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ“ [1]). Θеофанъ нисколько не разумѣлся общимъ недовольствомъ и съ презрѣніемъ относился къ нему. Въ своемъ словѣ, сказанномъ по случаю открытія св. сунода, онъ снова и язвительно нападаетъ на своихъ враговъ: „До того пришло“, говоритъ онъ, „и въ тая времена мы родилися, когда слѣпіи слѣпыхъ водятъ, самін грубѣйшіе невѣжды богословствуютъ и догматы, смѣха достойные, пишутъ и въ преданіи бабіимъ баснемъ скоро вѣруется; прямое же и основательное ученіе (то есть, проводимое имъ самимъ) не точію не получаетъ вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угроженія вмѣсто возмездія пріемлетъ“ [2]). Явное дѣло, что Θеофанъ поставилъ своею цѣлію до конца разить всѣхъ своихъ недруговъ. Но что же дѣлали они? Молчали и терпѣли, потому что сила и власть была на сторонѣ Θеофана. Самый сильный изъ нихъ, Стефанъ Яворскій, попытался было представить Петру въ черномъ видѣ жизнь Прокоповича, но его доносъ остался безъ всякихъ послѣдствій для обвиняемаго и со вредомъ для доносчика [3]). Враги Прокоповича осязательно убѣдились, что „противорѣчному стремленію плыти нельзя“, а потому оставили пока всѣ свои замыслы въ сторонѣ. Между тѣмъ Прокоповичъ съ удивительною изобрѣтательностію и въ однажды принятомъ имъ духѣ пишетъ сочиненіе за сочиненіемъ. Онъ не боялся сѣять и послѣ плохихъ всходовъ. Почти одновременно съ Регламентомъ и въ одномъ направленіи съ нимъ онъ написалъ и издалъ по повелѣнію Петра „Первое ученіе отрокомъ“ [4]) или Катихизисъ, который обя-

[1]) Чт. общ. ист. и древн. росс. 1863 г., I, отд. III.

[2]) Слова и рѣчи Θ. Прокоповича, II, стр. 67—68, изд. 1761 г.

[3]) Дѣянія Петра В., *Голикова*, XV, 212 и проч.

[4]) Антіохъ Кантемиръ ошибочно думаетъ, что „Первое ученіе отрокомъ“ явилось въ 1714 г. (см. примѣчанія къ III-й сатирѣ, изд. *Глазунова*, стр. 78). Самъ Прокоповичъ пишетъ другу своему Марковичу, что „краткое изложеніе десяти заповѣдей, съ толкованіемъ Никейскаго символа и Молитвы Господней“ написано имъ и готовится къ печати въ 1720 г. (Θеофанъ Прокоповичъ и его время, *Чистовича*, стр. 46—47). По свидѣтельству Антіоха Кантемира, „Катехизмъ православныя вѣры Θ. Прокоповича на многіе чужестранные языки переведенъ, печатанъ и въ европейскихъ разныхъ школахъ читается“ (примѣчанія къ III-ей сатирѣ, стр. 78).

Въ одномъ изъ сочиненій того времени прямо говорится, что государь Петръ Великій и его единомышленники „начаша гонити и искореняти останокъ въ Россіи православныя вѣры, и свои новые умыслы уставляя и нова законоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію составиша многіе *регламенты* и разослаша многіе указы во всю Россію, съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ“ [1]). Ѳеофанъ нисколько не вразумлялся общимъ недовольствомъ и съ презрѣніемъ относился къ нему. Въ своемъ словѣ, сказанномъ по случаю открытія св. синода, онъ снова и язвительно нападаетъ на своихъ враговъ: „До того пришло“, говоритъ онъ, „и въ тая времена мы родилися, когда слѣпіи слѣпыхъ водятъ, самін грубѣйшіе невѣжды богословствуютъ и догматы, смѣха достойные, пишутъ и въ преданіи бабіимъ баснемъ скоро вѣруется; прямое же и основательное ученіе (то есть, проводимое имъ самимъ) не точію не получаетъ вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угроженія вмѣсто возмездія пріемлетъ“ [2]). Явное дѣло, что Ѳеофанъ поставилъ своею цѣлію до конца разить всѣхъ своихъ недруговъ. Но что же дѣлали они? Молчали и терпѣли, потому что сила и власть была на сторонѣ Ѳеофана. Самый сильный изъ нихъ, Стефанъ Яворскій, попытался было представить Петру въ черномъ видѣ жизнь Прокоповича, но его доносъ остался безъ всякихъ послѣдствій для обвиняемаго и со вредомъ для доносчика [3]). Враги Прокоповича осязательно убѣдились, что „противорѣчному стремленію плыти нельзя“, а потому оставили пока всѣ свои замыслы въ сторонѣ. Между тѣмъ Прокоповичъ съ удивительною изобрѣтательностію и въ однажды принятомъ имъ духѣ пишетъ сочиненіе за сочиненіемъ. Онъ не боялся сѣять и послѣ плохихъ всходовъ. Почти одновременно съ Регламентомъ и въ одномъ направленіи съ нимъ онъ написалъ и издалъ по повелѣнію Петра „Первое ученіе отрокомъ“ [4]) или Катихизисъ, который обя-

[1]) Чт. общ. ист. и древн. росс. 1863 г., I, отд. III.

[2]) Слова и рѣчи Ѳ. Прокоповича, II, стр. 67—68, изд. 1761 г.

[3]) Дѣянія Петра В., *Голикова*, XV, 212 и проч.

[4]) Антіохъ Кантемиръ ошибочно думаетъ, что „Первое ученіе отрокомъ“ явилось въ 1714 г. (см. примѣчанія къ III-й сатирѣ, изд. *Глазунова*, стр. 78). Самъ Прокоповичъ пишетъ другу своему Марковичу, что „краткое изложеніе десяти заповѣдей, съ толкованіемъ Никейскаго символа и Молитвы Господней“ написано имъ и готовится къ печати въ 1720 г. (Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, *Чистовича*, стр. 46—47). По свидѣтельству Антіоха Кантемира, „Катехизмъ православныя вѣры Ѳ. Прокоповича на многіе чужестранные языки переведенъ, печатанъ и въ европейскихъ разныхъ школахъ читается“ (примѣчанія къ III-ей сатирѣ, стр. 78).

зательно назначался для воспитанія всѣхъ русскихъ дѣтей. Это сочиненіе вызвало новое недовольство даже въ образованной свѣтской средѣ [1]). Противникомъ Прокоповича на этотъ разъ явился многообразованный молдавскій господарь Димитрій Кантемиръ, отецъ извѣстнаго нашего сатирическаго писателя и друга Прокоповича, Антіоха Кантемира. Димитрій Кантемиръ нашелъ многія несообразности и отступленія отъ общевыработанныхъ и установившихся воззрѣній православія въ изданномъ Катихизисѣ и сдѣлалъ на него опроверженія, подъ заглавіемъ: „Loca obscura in Cathechisi, quae ab anonimo auctore Slaveno ediomate edita et „первое ученіе отрокомъ“ intitulata est, dilucitata auctore principe Demetrio Cantemirio“ [2]). На это почти вовсе неизвѣстное въ нашей литературѣ сочиненіе Димитрія Кантемира [3]) мы и обратимъ вниманіе въ настоящей статьѣ.

---

[1]) «Ruteni nonnuli Catechismum hunc improbarunt, quod de cultu S. imaginum aliter docuerit, quam Jaworsky in «Petra Fidei», говоритъ біографъ Ѳеофана (Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, *Чистовича*, стр. 50).

[2]) Подъ такимъ заглавіемъ сохранилось возраженіе Кантемира на катехизисъ Прокоповича въ рукописи Моск. д. акад., № 277; рукопись съ поправками и нумераціей. Текстъ „Перваго ученія отрокомъ“ вездѣ приводится по русски. Сочиненіе Кантемира сохранилось на русскомъ языкѣ, въ библіотекѣ Толстаго, подъ № 433 (нынѣ въ императорской публичной библіотекѣ), подъ названіемъ: „Мѣста примрачныя въ Катихизисѣ, иже отъ безъименнаго автора на славенскомъ языкѣ изданъ и «первое ученіе отрокомъ» именованъ есть“. Здѣсь не указывается авторъ возраженія, вѣроятно, изъ скромности опустившій свое имя и потомъ ужь обозначенный въ латинской рукописи, по сохранившимся о немъ свѣжимъ извѣстіямъ. „Имѣются на книги его (Прокоповича) возраженія“, говорилъ въ 1731 г. Маркеллъ Родышевскій, „а именно: на букварь—возраженіе покойнаго валахскаго господаря Кантемира“. Латинскій экземпляръ возраженія, который былъ въ нашихъ рукахъ, вѣроятно, есть переложеніе съ русскаго языка. Но можетъ быть, это списокъ и съ оригинала. Рѣшить съ точностію вопросъ о первоначальномъ подлинникѣ и языкѣ возраженія Кантемирова, безъ всякаго указанія на это историческихъ данныхъ, не беремся. Впрочемъ это и не имѣетъ ближайшаго для насъ интереса. Для насъ важно то, что опроверженіе Кантемира сохранилось въ нѣсколькихъ экземплярахъ, на двухъ языкахъ, и хорошо было извѣстно нѣкоторымъ современникамъ Прокоповича. Отселѣ можно заключить, что оно имѣло силу и значеніе въ свое время и достойно полнаго вниманія при изученіи церковной исторіи XVIII вѣка.

[3]) Возраженія Кантемира на „Первое ученіе отрокомъ“ впервые и только въ отрывкахъ приведены въ сочиненіи г. *Чистовича*, стр. 50—54. Обозрѣвая трудъ Кантемира по латинскому списку, мы будемъ пользоваться, для сохраненія типическихъ особенностей его и отрывками, приведенными у г. Чистовича.

зательно назначался для воспитанія всѣхъ русскихъ дѣтей. Это сочиненіе вызвало новое недовольство даже въ образованной свѣтской средѣ [1]). Противникомъ Прокоповича на этотъ разъ явился многообразованный молдавскій господарь Димитрій Кантемиръ, отецъ извѣстнаго нашего сатирическаго писателя и друга Прокоповича, Антіоха Кантемира. Димитрій Кантемиръ нашелъ многія несообразности и отступленія отъ общевыработанныхъ и установившихся воззрѣній православія въ изданномъ Катихизисѣ и сдѣлалъ на него опроверженія, подъ заглавіемъ: „Loca obscura in Cathechisi, quae ab anonimo auctore Slaveno ediomate edita et „первое ученіе отрокомъ“ intitulata est, dilucitata auctore principe Demetrio Cantemirio“ [2]). На это почти вовсе неизвѣстное въ нашей литературѣ сочиненіе Димитрія Кантемира [3]) мы и обратимъ вниманіе въ настоящей статьѣ.

---

[1]) «Ruteni nonnuli Catechismum hunc improbarunt, quod de cultu S. imaginum aliter docuerit, quam Jaworsky in «Petra Fidei», говоритъ біографъ Ѳеофана (Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, *Чистовича*, стр. 50).

[2]) Подъ такимъ заглавіемъ сохранилось возраженіе Кантемира на катехизисъ Прокоповича въ рукописи Моск. д. акад., № 277; рукопись съ поправками и нумераціей. Текстъ „Перваго ученія отрокомъ“ вездѣ приводится по русски. Сочиненіе Кантемира сохранилось на русскомъ языкѣ, въ библіотекѣ Толстаго, подъ № 433 (нынѣ въ императорской публичной библіотекѣ), подъ названіемъ: „Мѣста примрачныя въ Катихизисѣ, иже отъ безъименнаго автора на славенскомъ языкѣ изданъ и «первое ученіе отрокомъ» именованъ есть“. Здѣсь не указывается авторъ возраженія, вѣроятно, изъ скромности опустившій свое имя и потомъ ужь обозначенный въ латинской рукописи, по сохранившимся о немъ свѣжимъ извѣстіямъ. „Имѣются на книги его (Прокоповича) возраженія“, говорилъ въ 1731 г. Маркеллъ Родышевскій, „а именно: на букварь—возраженіе покойнаго валахскаго господаря Кантемира“. Латинскій экземпляръ возраженія, который былъ въ нашихъ рукахъ, вѣроятно, есть переложеніе съ русскаго языка. Но можетъ быть, это списокъ и съ оригинала. Рѣшить съ точностію вопросъ о первоначальномъ подлинникѣ и языкѣ возраженія Кантемирова, безъ всякаго указанія на это историческихъ данныхъ, не беремся. Впрочемъ это и не имѣетъ ближайшаго для насъ интереса. Для насъ важно то, что опроверженіе Кантемира сохранилось въ нѣсколькихъ экземплярахъ, на двухъ языкахъ, и хорошо было извѣстно нѣкоторымъ современникамъ Прокоповича. Отселѣ можно заключить, что оно имѣло силу и значеніе въ свое время и достойно полнаго вниманія при изученіи церковной исторіи XVIII вѣка.

[3]) Возраженія Кантемира на „Первое ученіе отрокомъ“ впервые и только въ отрывкахъ приведены въ сочиненіи г. *Чистовича*, стр. 50—54. Обозрѣвая трудъ Кантемира по латинскому списку, мы будемъ пользоваться, для сохраненія типическихъ особенностей его и отрывками, приведенными у г. Чистовича.

При обзорѣ и разборѣ каждаго литературнаго произведенія всегда важно и необходимо знать, въ интересѣ точнаго пониманія и обстоятельнаго анализа его, характеръ и направленіе автора, а равно и тѣ побудительные мотивы, которые вызвали появленіе его произведенія. Слѣдуя такой существенной и немногосложной задачѣ исторической критики, мы скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ образованія Димитрія Кантемира и тѣхъ побужденіяхъ, которыя руководили его возраженіемъ на „Первое ученіе отрокомъ“, а потомъ ужь обратимся къ самымъ возраженіямъ.

Димитрій Кантемиръ въ свое время считался умнымъ, образованнымъ и многосвѣдущимъ человѣкомъ, умѣвшимъ цѣнить науку и оставившимъ послѣ себя нѣсколько дѣльныхъ сочиненій. По свидѣтельству Бантыша-Каменскаго, любимыми занятіями Димитрія Кантемира были языки, исторія, архитектура, философія и математика. Онъ хорошо владѣлъ турецкимъ и персидскимъ языками [1]), за что Петръ Великій и ввѣрилъ ему въ 1722 г. управленіе своею походною канцеляріею и поручалъ составленіе разныхъ воззваній и манифестовъ къ жителямъ Персіи. Въ походномъ журналѣ Петра о Димитріи Кантемирѣ замѣчается: „Оный господарь человѣкъ зѣло разумный и въ совѣтахъ способный“. По свидѣтельству Бантыша-Каменскаго, Димитрій Кантемиръ „пріобрѣлъ себѣ любовь всѣхъ обществъ, коихъ онъ былъ украшеніемъ“. Сознавая нужду и пользу образованія, онъ выговорилъ у Петра право безпрепятственнаго воспитанія своихъ дѣтей, которыхъ можно „послать для наукъ въ знатные городы и иныя христіанскія страны“ [2]). Для обученія дѣтей онъ пригласилъ къ себѣ въ домъ многообразованнаго священника Анастасія Кондоиди, который знакомилъ ихъ съ древнимъ и ново-греческимъ, латинскимъ и италіянскимъ языками. Можно думать, что близкое знакомство съ Кондоиди не прошло безъ пользы для образованія самого Димитрія Кантемира, потому что онъ отличался любознательностію и непосредственно наблюдалъ за ходомъ обученія своихъ дѣтей [3]) даже и тогда, когда они находились въ опытныхъ рукахъ. Вскорѣ ученый Грекъ Кондоиди былъ взятъ на государственную службу въ духовную коллегію.

---

[1]) Словарь *Бантыша-Каменскаго*, ч. III, стр. 35.

[2]) Наука и литература при Петрѣ I, *Пекарскаго*, I, прилож. IX.

[3]) Фандербекъ отзывается съ самыми изысканными похвалами объ учености и проповѣдническомъ дарѣ Кондоиди (Θеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 96).

При обзорѣ и разборѣ каждаго литературнаго произведенія всегда важно и необходимо знать, въ интересѣ точнаго пониманія и обстоятельнаго анализа его, характеръ и направленіе автора, а равно и тѣ побудительные мотивы, которые вызвали появленіе его произведенія. Слѣдуя такой существенной и немногосложной задачѣ исторической критики, мы скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ образованія Димитрія Кантемира и тѣхъ побужденіяхъ, которыя руководили его возраженіемъ на „Первое ученіе отрокомъ“, а потомъ ужь обратимся къ самымъ возраженіямъ.

Димитрій Кантемиръ въ свое время считался умнымъ, образованнымъ и многосвѣдущимъ человѣкомъ, умѣвшимъ цѣнить науку и оставившимъ послѣ себя нѣсколько дѣльныхъ сочиненій. По свидѣтельству Бантыша-Каменскаго, любимыми занятіями Димитрія Кантемира были языки, исторія, архитектура, философія и математика. Онъ хорошо владѣлъ турецкимъ и персидскимъ языками [1]), за что Петръ Великій и ввѣрилъ ему въ 1722 г. управленіе своею походною канцеляріею и поручалъ составленіе разныхъ воззваній и манифестовъ къ жителямъ Персіи. Въ походномъ журналѣ Петра о Димитріи Кантемирѣ замѣчается: „Оный господарь человѣкъ зѣло разумный и въ совѣтахъ способный“. По свидѣтельству Бантыша-Каменскаго, Димитрій Кантемиръ „пріобрѣлъ себѣ любовь всѣхъ обществъ, коихъ онъ былъ украшеніемъ“. Сознавая нужду и пользу образованія, онъ выговорилъ у Петра право безпрепятственнаго воспитанія своихъ дѣтей, которыхъ можно „послать для наукъ въ знатные городы и иныя христіанскія страны“ [2]). Для обученія дѣтей онъ пригласилъ къ себѣ въ домъ многообразованнаго священника Анастасія Кондоиди, который знакомилъ ихъ съ древнимъ и ново-греческимъ, латинскимъ и италіянскимъ языками. Можно думать, что близкое знакомство съ Кондоиди не прошло безъ пользы для образованія самого Димитрія Кантемира, потому что онъ отличался любознательностію и непосредственно наблюдалъ за ходомъ обученія своихъ дѣтей [3]) даже и тогда, когда они находились въ опытныхъ рукахъ. Вскорѣ ученый Грекъ Кондоиди былъ взятъ на государственную службу въ духовную коллегію.

---

[1]) Словарь *Бантыша-Каменскаго*, ч. III, стр. 35.

[2]) Наука и литература при Петрѣ I, *Пекарскаго*, I, прилож. IX.

[3]) Фандербекъ отзывается съ самыми изысканными похвалами объ учености и проповѣдническомъ дарѣ Кондоиди (Θеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 96).

Тогда четыре сына Кантемира, по наученію отца, обратились къ Петру съ просьбою дать имъ въ учителя Елевферія Коллетти. Но эта просьба осталась безъ послѣдствій [1]). Изъ жизни и дѣятельности Димитрія Кантемира видно, что онъ высоко цѣнилъ образованіе и былъ знакомъ съ тогдашнимъ ученымъ міромъ. Отселѣ не трудно понять, что его возраженіе будетъ ученое и обстоятельное. Сочувственно относился Кантемиръ къ европейскимъ школамъ и уважительно къ Петру. На основаніи этого нужно допустить наибольшую безпристрастность въ его сужденіяхъ о Катихизисѣ Прокоповича. Чѣмъ же условливалось самое появленіе Кантемирова возраженія?

Прежде всего и больше всего оно было вызвано разностію возрѣній Ѳеофана Прокоповича и Димитрія Кантемира. Первый весь былъ отданъ реформамъ Петра, слѣпо относился ко всѣмъ его замысламъ и планамъ, переносилъ торопливою рукою на русскую почву незрѣлые плоды европейской цивилизаціи и съ презрѣніемъ относился къ старымъ формамъ церковной жизни и прежнему направленію русскаго образованія, заимствованнымъ съ востока. Послѣдній, то есть, Кантемиръ, былъ преданъ греческому православному ученію и греческому направленію въ образованіи [2]), хотя безъ закоренѣлаго предубѣжденія относился къ европейской наукѣ. Стоя на почвѣ древняго греческаго благочестія и греческаго образованія, онъ неблагопріятно смотрѣлъ на всѣ европейскія церковныя реформы и потому не могъ помириться съ смѣлыми и часто дерзкими выходками яраго западника Ѳеофана. Въ этомъ главнымъ образомъ и нужно искать причины появленія возраженія Кантемира на „Первое ученіе отрокомъ“. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что Кантемира, какъ высокообразованнаго и независимаго человѣка, могли просить объ участіи въ полемикѣ противъ Ѳеофана и противники послѣдняго. Это было у нихъ въ модѣ [3]).

---

[1]) Прошеніе дѣтей Кантемира къ Петру объ учителѣ Коллетти помѣщено сполна у Чистовича (Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 377—378 и во II томѣ полнаго изданія сочиненій Антіоха Кантемира подъ редакціею *П. Ефремова*).

[2]) Кантемиръ очень любилъ Грековъ; поэтому онъ и вызывалъ ихъ въ учители своихъ дѣтей.

[3]) Изъ исторіи полемики, направленной противъ Ѳеофана, мы знаемъ,

Тогда четыре сына Кантемира, по наученію отца, обратились къ Петру съ просьбою дать имъ въ учителя Елевферія Коллетти. Но эта просьба осталась безъ послѣдствій [1]). Изъ жизни и дѣятельности Димитрія Кантемира видно, что онъ высоко цѣнилъ образованіе и былъ знакомъ съ тогдашнимъ ученымъ міромъ. Отселѣ не трудно понять, что его возраженіе будетъ ученое и обстоятельное. Сочувственно относился Кантемиръ къ европейскимъ школамъ и уважительно къ Петру. На основаніи этого нужно допустить наибольшую безпристрастность въ его сужденіяхъ о Катихизисѣ Прокоповича. Чѣмъ же условливалось самое появленіе Кантемирова возраженія?

Прежде всего и больше всего оно было вызвано разностію возрѣній Ѳеофана Прокоповича и Димитрія Кантемира. Первый весь былъ отданъ реформамъ Петра, слѣпо относился ко всѣмъ его замысламъ и планамъ, переносилъ торопливою рукою на русскую почву незрѣлые плоды европейской цивилизаціи и съ презрѣніемъ относился къ старымъ формамъ церковной жизни и прежнему направленію русскаго образованія, заимствованнымъ съ востока. Послѣдній, то есть, Кантемиръ, былъ преданъ греческому православному ученію и греческому направленію въ образованіи [2]), хотя безъ закоренѣлаго предубѣжденія относился къ европейской наукѣ. Стоя на почвѣ древняго греческаго благочестія и греческаго образованія, онъ неблагопріятно смотрѣлъ на всѣ европейскія церковныя реформы и потому не могъ помириться съ смѣлыми и часто дерзкими выходками яраго западника Ѳеофана. Въ этомъ главнымъ образомъ и нужно искать причины появленія возраженія Кантемира на „Первое ученіе отрокомъ“. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что Кантемира, какъ высокообразованнаго и независимаго человѣка, могли просить объ участіи въ полемикѣ противъ Ѳеофана и противники послѣдняго. Это было у нихъ въ модѣ [3]).

---

[1]) Прошеніе дѣтей Кантемира къ Петру объ учителѣ Коллетти помѣщено сполна у Чистовича (Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 377—378 и во II томѣ полнаго изданія сочиненій Антіоха Кантемира подъ редакціею *П. Ефремова*).

[2]) Кантемиръ очень любилъ Грековъ; поэтому онъ и вызывалъ ихъ въ учители своихъ дѣтей.

[3]) Изъ исторіи полемики, направленной противъ Ѳеофана, мы знаемъ,

Въ основаніи борьбы Кантемира съ Ѳеофаномъ можно предположить и другія побужденія, зависѣвшія отъ особенностей, цѣли и назначенія самого „Перваго ученія отрокомъ“.

Катихизисъ Прокоповича рѣзко отличался отъ всѣхъ предшествующихъ и современныхъ ему букварей по своему внутреннему и внѣшнему характеру. Въ этомъ отчасти сознается и самъ Прокоповичъ: „Въ Россіи были таковыя книжицы“ (то есть, катихизисы), говоритъ онъ въ предисловіи къ „Первому ученію отрокомъ“, „но понеже славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ написаны, того ради лишалися доселѣ отроцы подобающаго себѣ воспитанія“. Что же это были за „книжицы“, каково было направленіе и характеръ ихъ? Всѣ до-Петровскія книжицы для народа и дѣтей отличались тенденціозностію и витіеватостію; онѣ проводили въ народъ безраздѣльное уваженіе къ традиціямъ отцовъ и презрѣніе къ иноземнымъ ересямъ [1]), а вслѣдствіе того и не могли нравиться Петру [2]). Вслѣдствіе распоряженія царя и подъ его же надзоромъ въ 1704 г. былъ напечатанъ, а въ 1708 г. перепечатанъ въ Москвѣ „Букварь языка славенска, сирѣчь начало ученія дѣтямъ, хотящимъ учитися чтенію писаній“. Но и этотъ букварь отличался пышною витіеватостію и тенденціозностію; въ немъ предписывалось „не чести книгъ еретическихъ, ниже слушати вредоноснаго ученія ихъ о священномъ и святомъ писаніи и вѣдѣніи священнаго благочестія“ [3]). Государь опять остался недоволенъ букварями. Въ 1717 г. появилось въ С.-Петербургѣ „Юности честное зерцало“, предназначавшееся для мірянъ и значительно отличавшееся отъ прежнихъ букварей [4]). Но и оно не удовлетворило Петра. Поэтому онъ снова повелѣлъ сочинить „книжицу съ яснымъ толкомъ закона Божія, и Символа Вѣры и Молит-

---

что враги общими силами старались поразить своего противника. Дюкъ Лирійскій подговаривалъ Маркелла Родышевскаго написать доносъ на катихизисъ Прокоповича (Наука и литература при Петрѣ В., *Пекарскаго*, I, стр. 42—43, 496), а справщикъ Абрамовъ приносилъ Маркеллу Родышевскому отъ архимандрита Варлаама деньги на расходы для написанія начерно и набѣло возраженій противъ Ѳеофана (тамъ же, стр. 503—504).

[1]) Объ этихъ букваряхъ сообщено много свѣдѣній въ Наукѣ и литературѣ при Петрѣ В., *Пекарскаго*, I.

[2]) Полн. Собр. Зак., VII, № 4493.

[3]) Наука и литература при Петрѣ В., *Пекарскаго*, I, стр. 177—178, II, стр. 55—56.

[4]) Тамъ же, I, стр. 178.

Въ основаніи борьбы Кантемира съ Ѳеофаномъ можно предположить и другія побужденія, зависѣвшія отъ особенностей, цѣли и назначенія самого „Перваго ученія отрокомъ“.

Катихизисъ Прокоповича рѣзко отличался отъ всѣхъ предшествующихъ и современныхъ ему букварей по своему внутреннему и внѣшнему характеру. Въ этомъ отчасти сознается и самъ Прокоповичъ: „Въ Россіи были таковыя книжицы“ (то есть, катихизисы), говоритъ онъ въ предисловіи къ „Первому ученію отрокомъ“, „но понеже славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ написаны, того ради лишалися доселѣ отроцы подобающаго себѣ воспитанія“. Что же это были за „книжицы“, каково было направленіе и характеръ ихъ? Всѣ до-Петровскія книжицы для народа и дѣтей отличались тендеціозностію и витіеватостію; онѣ проводили въ народъ безраздѣльное уваженіе къ традиціямъ отцовъ и презрѣніе къ иноземнымъ ересямъ [1]), а вслѣдствіе того и не могли нравиться Петру [2]). Вслѣдствіе распоряженія царя и подъ его же надзоромъ въ 1704 г. былъ напечатанъ, а въ 1708 г. перепечатанъ въ Москвѣ „Букварь языка славенска, сирѣчь начало ученія дѣтямъ, хотящимъ учитися чтенію писаній“. Но и этотъ букварь отличался пышною витіеватостію и тендеціозностію; въ немъ предписывалось „не чести книгъ еретическихъ, ниже слушати вредоноснаго ученія ихъ о священномъ и святомъ писаніи и вѣдѣніи священнаго благочестія“ [3]). Государь опять остался недоволенъ букварями. Въ 1717 г. появилось въ С.-Петербургѣ „Юности честное зерцало“, предназначавшееся для мірянъ и значительно отличавшееся отъ прежнихъ букварей [4]). Но и оно не удовлетворило Петра. Поэтому онъ снова повелѣлъ сочинить „книжицу съ яснымъ толкомъ закона Божія, и Символа Вѣры и Молит-

---

что враги общими силами старались поразить своего противника. Дюкъ Лирійскій подговаривалъ Маркелла Родышевскаго написать доносъ на катихизисъ Прокоповича (Наука и литература при Петрѣ В., *Пекарскаго*, I, стр. 42—43, 496), а справщикъ Абрамовъ приносилъ Маркеллу Родышевскому отъ архимандрита Варлаама деньги на расходы для написанія начерно и набѣло возраженій противъ Ѳеофана (тамъ же, стр. 503—504).

[1]) Объ этихъ букваряхъ сообщено много свѣдѣній въ Наукѣ и литературѣ при Петрѣ В., *Пекарскаго*, I.

[2]) Полн. Собр. Зак., VII, № 4493.

[3]) Наука и литература при Петрѣ В., *Пекарскаго*, I, стр. 177—178, II, стр. 55—56.

[4]) Тамъ же, I, стр. 178.

вы Господней и десяти блаженствъ“ [1]). Требованію государя постарался наконецъ удовлетворить самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ [2]). Въ 1720 г. онъ написалъ и напечаталъ „Первое ученіе отрокомъ, въ ней же буквы и слоги; таже: краткое толкованіе законнаго десятословія, Молитвы Господней, Символа Вѣры и девяти блаженствъ“. Катихизисъ Прокоповича, вполнѣ согласный съ намѣреніями и требованіями преобразователя Россіи, замѣтно выдѣлялся изъ массы всѣхъ предшествовавшихъ и современныхъ ему букварей; въ немъ нѣтъ витіеватости и схоластицизма, нѣтъ порицанія иноземцевъ и ихъ ученія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ и того высокаго уваженія къ древне-русскому благочестію, которое старались внушить дѣтямъ прежніе катихизисы; въ немъ, на оборотъ, замѣчаются двусмысленные отзывы о почитаніи иконъ, мощей, священныхъ мѣстъ и проч. Все это никакъ не могло помириться съ нѣжнымъ религіознымъ чувствомъ и безпредѣльною любовію къ древнему благочестію молдавскаго господаря Димитрія Кантемира, и онъ рѣшилъ выступить съ возраженіями противъ новшествъ Ѳеофанова Катихизиса. На появленіе его возраженій могли также оказывать вліяніе самая цѣль и назначеніе этого Катихизиса.

Повелѣвая сочинить новую „книжицу“ для дѣтей съ яснымъ „толкованіемъ закона Божія“, Петръ желалъ, чтобы въ ней раскрыты были тѣ же воззрѣнія, какія лежали въ основаніи его церковной и народо-образовательной реформы, и которыя уже съ достаточною полнотою и рельефностію высказались во многихъ правительственныхъ указахъ, въ Ѳеофановыхъ проповѣдяхъ и наконецъ въ Духовномъ регламентѣ. Геніальный и предусмотрительный государь ясно понималъ, что когда „нѣтъ свѣта ученія, нельзя не быть нестроеніямъ и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ“ [3]); что поэтому всякая реформа только тогда укореняется въ народѣ, когда она начинается ab ovo—съ молодаго поколѣнія. Въ этихъ видахъ Петръ обратилъ главное вниманіе на воспитаніе подростающаго поколѣнія, въ которомъ таились будущія обновительныя силы Россіи, и которое, по естественному закону человѣческой природы, должно было отличаться живою воспріимчивостію къ новымъ впечатлѣніямъ и порядкамъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній и цѣлей

---

[1]) Полн. Собр. Зак., кн. VII, № 4493.

[2]) См. предисловіе къ „Первому ученію отрокомъ“.

[3]) См. Духовный регламентъ, глава: Домы училищные.

вы Господней и десяти блаженствъ“ [1]). Требованію государя постарался наконецъ удовлетворить самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ [2]). Въ 1720 г. онъ написалъ и напечаталъ „Первое ученіе отрокомъ, въ ней же буквы и слоги; таже: краткое толкованіе законнаго десятословія, Молитвы Господней, Символа Вѣры и девяти блаженствъ“. Катихизисъ Прокоповича, вполнѣ согласный съ намѣреніями и требованіями преобразователя Россіи, замѣтно выдѣлялся изъ массы всѣхъ предшествовавшихъ и современныхъ ему букварей; въ немъ нѣтъ витіеватости и схоластицизма, нѣтъ порицанія иноземцевъ и ихъ ученія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ и того высокаго уваженія къ древне-русскому благочестію, которое старались внушить дѣтямъ прежніе катихизисы; въ немъ, на оборотъ, замѣчаются двусмысленные отзывы о почитаніи иконъ, мощей, священныхъ мѣстъ и проч. Все это никакъ не могло помириться съ нѣжнымъ религіознымъ чувствомъ и безпредѣльною любовію къ древнему благочестію молдавскаго господаря Димитрія Кантемира, и онъ рѣшилъ выступить съ возраженіями противъ новшествъ Ѳеофанова Катихизиса. На появленіе его возраженій могли также оказывать вліяніе самая цѣль и назначеніе этого Катихизиса.

Повелѣвая сочинить новую „книжицу“ для дѣтей съ яснымъ „толкованіемъ закона Божія“, Петръ желалъ, чтобы въ ней раскрыты были тѣ же воззрѣнія, какія лежали въ основаніи его церковной и народо-образовательной реформы, и которыя уже съ достаточною полнотою и рельефностію высказались во многихъ правительственныхъ указахъ, въ Ѳеофановыхъ проповѣдяхъ и наконецъ въ Духовномъ регламентѣ. Геніальный и предусмотрительный государь ясно понималъ, что когда „нѣтъ свѣта ученія, нельзя не быть нестроеніямъ и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ“ [3]); что поэтому всякая реформа только тогда укореняется въ народѣ, когда она начинается ab ovo—съ молодаго поколѣнія. Въ этихъ видахъ Петръ обратилъ главное вниманіе на воспитаніе подростающаго поколѣнія, въ которомъ таились будущія обновительныя силы Россіи, и которое, по естественному закону человѣческой природы, должно было отличаться живою воспріимчивостію къ новымъ впечатлѣніямъ и порядкамъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній и цѣлей

---

[1]) Полн. Собр. Зак., кн. VII, № 4493.

[2]) См. предисловіе къ „Первому ученію отрокомъ“.

[3]) См. Духовный регламентъ, глава: Домы училищные.

онъ и поручилъ „главному церкви всея правителю“ и „правой рукѣ своей на тронѣ“ написать „Первое ученіе отрокомъ“; и когда оно появилось, то императоръ остался доволенъ составителемъ сочиненія и самымъ сочиненіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно сдѣлалъ изъ него самое лучшее употребленіе, то есть, приказалъ назначить „Первое ученіе“ для воспитанія всѣхъ отроковъ и даже для чтенія его въ церквахъ дважды въ день, такъ чтобы все прочитать въ четверть года [1]). Гордый же авторъ Катихизиса постарался внушить, что его толкованія выше и полезнѣе изученія „псалмовъ и молитвъ“ [2]). Противники Петровской реформы и ея споспѣшника Ѳеофана Прокоповича ясно понимали указанныя нами задачи, цѣль и назначеніе „Перваго ученія“ въ свое время. Оттого они ожесточенно вооружились противъ новаго сочиненія Прокоповича [3]). Въ общій ропотъ и недовольство волею-неволею втянулся и многообразованный и любознательный Димитрій Кантемиръ. Какъ опытный царедворецъ, онъ лучше и нагляднѣе другихъ понималъ цѣль и значеніе Ѳеофанова Катихизиса; но не смотря на то, не скрылъ своего разногласія съ педагогическими пріемами, со многими догматическими и нравственно-обрядовыми воззрѣніями автора Катихизиса и рѣшилъ написать возраженіе на „Первое ученіе отрокомъ“ вскорѣ по появленіи въ свѣтъ этой книги [4]). Возраженіе это сохранилось въ подлинномъ видѣ, и мы сейчасъ же приступимъ къ обзору и разбору его содержанія.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5172. Слич. Духовный регламентъ, глава: Дѣла общая.

[2]) Предисловіе къ „Первому ученію отрокомъ“.

[3]) „Обрѣтаются у насъ въ Россіи книги новоизданніи и новопечатніи въ разныхъ годѣхъ“, говорилъ въ 1727 г. въ доношеніи Петру II Маркеллъ Родышевскій; „таковы: толкованіе на блаженства Христовы, буквари съ толкованіемъ десяти заповѣдей ветхаго завѣта,... въ которыхъ книжицахъ преисполнено странныхъ ученій, паче же самыхъ прямыхъ кальвинскихъ и лютерскихъ... И таковымъ новоизданнымъ книгамъ еретическимъ велѣно указомъ обучатися и въ церквахъ читать... а таковымъ ученіемъ, паче же когда кто протолкуетъ, многіи имутъ кальвинскою и лютерскою повредитися ересію и отъ церкви святой отпасти“ (*Пекарскаго*, I, стр. 496—497).

[4]) Имѣя въ виду то, что Димитрій Кантемиръ въ двадцатыхъ годахъ XVIII в. былъ въ походахъ (Сочиненія, письма и переводы Ант. Кантемира, изд. *Ефремова*, I, стр. 16), а послѣ этого времени, по причинѣ усилившейся болѣзни, удалился въ свое малороссійское помѣстье, гдѣ въ 1723 г. умеръ (тамъ же, II, стр. 342), можно думать, что возраженіе про-

онъ и поручилъ „главному церкви всея правителю“ и „правой рукѣ своей на тронѣ“ написать „Первое ученіе отрокомъ“; и когда оно появилось, то императоръ остался доволенъ составителемъ сочиненія и самымъ сочиненіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно сдѣлалъ изъ него самое лучшее употребленіе, то есть, приказалъ назначить „Первое ученіе“ для воспитанія всѣхъ отроковъ и даже для чтенія его въ церквахъ дважды въ день, такъ чтобы все прочитать въ четверть года [1]). Гордый же авторъ Катихизиса постарался внушить, что его толкованія выше и полезнѣе изученія „псалмовъ и молитвъ“ [2]). Противники Петровской реформы и ея споспѣшника Ѳеофана Прокоповича ясно понимали указанныя нами задачи, цѣль и назначеніе „Перваго ученія“ въ свое время. Оттого они ожесточенно вооружились противъ новаго сочиненія Прокоповича [3]). Въ общій ропотъ и недовольство волею-неволею втянулся и многообразованный и любознательный Димитрій Кантемиръ. Какъ опытный царедворецъ, онъ лучше и нагляднѣе другихъ понималъ цѣль и значеніе Ѳеофанова Катихизиса; но не смотря на то, не скрылъ своего разногласія съ педагогическими пріемами, со многими догматическими и нравственно-обрядовыми воззрѣніями автора Катихизиса и рѣшилъ написать возраженіе на „Первое ученіе отрокомъ“ вскорѣ по появленіи въ свѣтъ этой книги [4]). Возраженіе это сохранилось въ подлинномъ видѣ, и мы сейчасъ же приступимъ къ обзору и разбору его содержанія.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5172. Слич. Духовный регламентъ, глава: Дѣла общая.

[2]) Предисловіе къ „Первому ученію отрокомъ“.

[3]) „Обрѣтаются у насъ въ Россіи книги новоизданніи и новопечатніи въ разныхъ годѣхъ“, говорилъ въ 1727 г. въ доношеніи Петру II Маркеллъ Родышевскій; „таковы: толкованіе на блаженства Христовы, буквари съ толкованіемъ десяти заповѣдей ветхаго завѣта,... въ которыхъ книжицахъ преисполнено странныхъ ученій, паче же самыхъ прямыхъ кальвинскихъ и лютерскихъ... И таковымъ новоизданнымъ книгамъ еретическимъ велѣно указомъ обучатися и въ церквахъ читать... а таковымъ ученіемъ, паче же когда кто протолкуетъ, многіи имутъ кальвинскою и лютерскою повредитися ересію и отъ церкви святой отпасти“ (*Пекарскаго*, I, стр. 496—497).

[4]) Имѣя въ виду то, что Димитрій Кантемиръ въ двадцатыхъ годахъ XVIII в. былъ въ походахъ (Сочиненія, письма и переводы Ант. Кантемира, изд. *Ефремова*, I, стр. 16), а послѣ этого времени, по причинѣ усилившейся болѣзни, удалился въ свое малороссійское помѣстье, гдѣ въ 1723 г. умеръ (тамъ же, II, стр. 342), можно думать, что возраженіе про-

Критика Кантемира раздѣляется на три части: предисловіе, изслѣдованіе и эпилогъ. Общій характеръ этой критики состоитъ въ томъ, что она послѣдовательно слѣдитъ за содержаніемъ „Перваго ученія отрокомъ“ и останавливается на тѣхъ частяхъ его, въ которыхъ сказывается разница воззрѣній Ѳеофана отъ общепринятыхъ понятій и взглядовъ. Возражатель беретъ ex abrupto тѣ или другія фразы Катихизиса и подробно разбираетъ ихъ смыслъ и направленіе. Эти общія черты Кантемировой критики неизмѣнно выдерживаются въ разборѣ всѣхъ рѣзкихъ выраженій и двусмысленныхъ взглядовъ предисловія и толкованія десяти заповѣдей въ „Первомъ ученіи отрокомъ“.

Въ предисловіи къ „Первому ученію отрокомъ“ Ѳеофанъ Прокоповичъ счелъ нужнымъ предпослать читателю нѣсколько общихъ соображеній о необходимости и важности воспитанія и о томъ порядкѣ обученія дѣтей, который наиболѣе раціоналенъ и сообразенъ съ Св. Писаніемъ и съ здравымъ разумомъ. Нашъ возражатель прежде всего останавливается на этихъ мѣстахъ предисловія и находитъ въ нихъ, между прочимъ, такія несообразности: Неправильно, говоритъ онъ, замѣчено въ „Первомъ ученіи“, что отъ возраста дѣтскаго, аки отъ корене, и добро, и зло во все житіе течетъ. Вина сего—грѣховность прародителей и преклонность наша отъ начала житія ко злу; тако говоритъ и Св. Писаніе: трудно отроку злымъ не быти, который и родился золъ. Этими словами, по мнѣнію Кантемира, авторъ желаетъ утвердить новоизмышленное ученіе Кальвина объ окончательномъ поврежденіи и растлѣніи естественнаго человѣка. Но такое ученіе находится въ прямомъ противорѣчіи съ несомнѣнными догматами православной церкви о созданіи человѣка по образу и подобію Божію, объ искупленіи всѣхъ людей кровію Іисуса Христа, о дѣйствіи благодати Божіей на всякаго истинно

тивъ Ѳеофанова Катихизиса написано имъ между 1720 и 1723 годами, то есть, въ самомъ скоромъ времени по выпускѣ въ свѣтъ „Перваго ученія отрокомъ“. Преосвященный Филаретъ Черниговскій ошибается въ указаніи года, когда написано его возраженіе; по его мнѣнію, оно написано въ 1727 г. (Обзоръ русской духовной литературы, II, стр. 16), но въ это время возражателя уже не было въ живыхъ. Ошибка эта произошла отъ того, то въ 1727 г. появилось, въ доношеніи императору Петру II, другое обличеніе на Катихизисъ Прокоповича, написанное Маркелломъ Родышевскимъ. Но Маркеллъ только еще готовился, по наущенію Жюбе и при помощи справщика Абрамова, писать возраженіе на катихизисъ Прокоповича, и притомъ въ исходѣ 1728 г. (*Пекарскій*, I, стр. 42—43).

Критика Кантемира раздѣляется на три части: предисловіе, изслѣдованіе и эпилогъ. Общій характеръ этой критики состоитъ въ томъ, что она послѣдовательно слѣдитъ за содержаніемъ „Перваго ученія отрокомъ“ и останавливается на тѣхъ частяхъ его, въ которыхъ сказывается разница воззрѣній Ѳеофана отъ общепринятыхъ понятій и взглядовъ. Возражатель беретъ ex abrupto тѣ или другія фразы Катихизиса и подробно разбираетъ ихъ смыслъ и направленіе. Эти общія черты Кантемировой критики неизмѣнно выдерживаются въ разборѣ всѣхъ рѣзкихъ выраженій и двусмысленныхъ взглядовъ предисловія и толкованія десяти заповѣдей въ „Первомъ ученіи отрокомъ“.

Въ предисловіи къ „Первому ученію отрокомъ“ Ѳеофанъ Прокоповичъ счелъ нужнымъ предпослать читателю нѣсколько общихъ соображеній о необходимости и важности воспитанія и о томъ порядкѣ обученія дѣтей, который наиболѣе раціоналенъ и сообразенъ съ Св. Писаніемъ и съ здравымъ разумомъ. Нашъ возражатель прежде всего останавливается на этихъ мѣстахъ предисловія и находитъ въ нихъ, между прочимъ, такія несообразности: Неправильно, говоритъ онъ, замѣчено въ „Первомъ ученіи“, что отъ возраста дѣтскаго, аки отъ корене, и добро, и зло во все житіе течетъ. Вина сего—грѣховность прародителей и преклонность наша отъ начала житія ко злу; тако говоритъ и Св. Писаніе: трудно отроку злымъ не быти, который и родился золъ. Этими словами, по мнѣнію Кантемира, авторъ желаетъ утвердить новоизмышленное ученіе Кальвина объ окончательномъ поврежденіи и растлѣніи естественнаго человѣка. Но такое ученіе находится въ прямомъ противорѣчіи съ несомнѣнными догматами православной церкви о созданіи человѣка по образу и подобію Божію, объ искупленіи всѣхъ людей кровію Іисуса Христа, о дѣйствіи благодати Божіей на всякаго истинно

тивъ Ѳеофанова Катихизиса написано имъ между 1720 и 1723 годами, то есть, въ самомъ скоромъ времени по выпускѣ въ свѣтъ „Перваго ученія отрокомъ“. Преосвященный Филаретъ Черниговскій ошибается въ указаніи года, когда написано его возраженіе; по его мнѣнію, оно написано въ 1727 г. (Обзоръ русской духовной литературы, II, стр. 16), но въ это время возражателя уже не было въ живыхъ. Ошибка эта произошла отъ того, то въ 1727 г. появилось, въ доношеніи императору Петру II, другое обличеніе на Катихизисъ Прокоповича, написанное Маркелломъ Родышевскимъ. Но Маркеллъ только еще готовился, по наущенію Жюбе и при помощи справщика Абрамова, писать возраженіе на катихизисъ Прокоповича, и притомъ въ исходѣ 1728 г. (*Пекарскій*, I, стр. 42—43).

вѣрующаго и кающагося грѣшника и о сохраненіи въ злыхъ людяхъ остатковъ добра. Также не правильно, по мнѣнію возражателя, и то ученіе автора, что страхъ и любовь къ Богу не могутъ быть въ нашихъ сердцахъ по силѣ и волѣ естественной, но Духъ Божій сіи добродѣтели невидимо насаждаетъ въ душахъ человѣческихъ. Здѣсь, по взгляду возражателя, отвергается свобода воли человѣка въ дѣлѣ спасенія, и опять допускается кальвинское ученіе о предопредѣленіи, которое рѣшительно несообразно съ словами Спасителя, обращенными къ Іудеямъ (Матѳ. гл. 23).

Аргументы возражателя сами по себѣ, конечно, справедливы и сообразны съ ученіемъ вселенской церкви, но они оказываются излишними въ приложеніи къ словамъ автора Катихизиса. Въ приведенныхъ словахъ его говорится только о томъ, что мы съ дѣтства склонны ко злу вслѣдствіе поврежденія и растлѣнія нашей природы чрезъ прародителей; а это ученіе не противорѣчитъ смыслу догмата о первородномъ грѣхѣ, которымъ допускается преемственный переходъ испорченности отъ прародителей ко всѣмъ ихъ потомкамъ, откуда не исключаются и дѣти. Критикъ обвинилъ своего противника въ кальвинской ереси слишкомъ поспѣшно. Выраженіе „который (отрокъ) и родился золъ“ не отвергаетъ присутствія въ дѣтяхъ остатковъ естественнаго добра, такъ какъ въ томъ же Катихизисѣ прямо говорится, что „отъ возраста дѣтскаго и добро, и зло во все житіе течетъ“. Не отвергаетъ авторъ „Перваго ученія отрокомъ“ и свободы воли, такъ какъ онъ приписываетъ Святому Духу только тѣ добродѣтели, которыя свойственны возрожденному человѣку, и которыя въ Св. Писаніи называются дарами Святаго Духа.

Авторъ Катихизиса, объясняя далѣе въ своемъ предисловіи причину написанія „Перваго ученія отрокомъ“ и ссылаясь при этомъ на высшій правительственный авторитетъ, откуда изошло повелѣніе „сочинить книжицу, съ яснымъ толкованіемъ закона Божія и символа вѣры“, настоятельно требуетъ, „дабы отроцы читать учащіеся во утвержденіе чтенія своего не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія училися“. Вникая въ смыслъ этой тирады, возражатель сначала соглашается съ своимъ противникомъ въ томъ, что для дѣтей дѣйствительно нужно ясное и толковое разъясненіе существенныхъ догматовъ евангельскаго закона („дѣтямъ потребна легкая пища—млеко“), и что существующіе буквари мало удовлетворяютъ такому требованію. Но въ слѣдъ за тѣмъ онъ обличаетъ сочинителя Катихизиса въ отступничествѣ отъ древнихъ и установленныхъ самою православною церковію обычаевъ и порядковъ въ

вѣрующаго и кающагося грѣшника и о сохраненіи въ злыхъ людяхъ остатковъ добра. Также не правильно, по мнѣнію возражателя, и то ученіе автора, что страхъ и любовь къ Богу не могутъ быть въ нашихъ сердцахъ по силѣ и волѣ естественной, но Духъ Божій сіи добродѣтели невидимо насаждаетъ въ душахъ человѣческихъ. Здѣсь, по взгляду возражателя, отвергается свобода воли человѣка въ дѣлѣ спасенія, и опять допускается кальвинское ученіе о предопредѣленіи, которое рѣшительно несообразно съ словами Спасителя, обращенными къ Іудеямъ (Матѳ. гл. 23).

Аргументы возражателя сами по себѣ, конечно, справедливы и сообразны съ ученіемъ вселенской церкви, но они оказываются излишними въ приложеніи къ словамъ автора Катихизиса. Въ приведенныхъ словахъ его говорится только о томъ, что мы съ дѣтства склонны ко злу вслѣдствіе поврежденія и растлѣнія нашей природы чрезъ прародителей; а это ученіе не противорѣчитъ смыслу догмата о первородномъ грѣхѣ, которымъ допускается преемственный переходъ испорченности отъ прародителей ко всѣмъ ихъ потомкамъ, откуда не исключаются и дѣти. Критикъ обвинилъ своего противника въ кальвинской ереси слишкомъ поспѣшно. Выраженіе „который (отрокъ) и родился золъ“ не отвергаетъ присутствія въ дѣтяхъ остатковъ естественнаго добра, такъ какъ въ томъ же Катихизисѣ прямо говорится, что „отъ возраста дѣтскаго и добро, и зло во все житіе течетъ“. Не отвергаетъ авторъ „Перваго ученія отрокомъ“ и свободы воли, такъ какъ онъ приписываетъ Святому Духу только тѣ добродѣтели, которыя свойственны возрожденному человѣку, и которыя въ Св. Писаніи называются дарами Святаго Духа.

Авторъ Катихизиса, объясняя далѣе въ своемъ предисловіи причину написанія „Перваго ученія отрокомъ“ и ссылаясь при этомъ на высшій правительственный авторитетъ, откуда изошло повелѣніе „сочинить книжицу, съ яснымъ толкованіемъ закона Божія и символа вѣры“, настоятельно требуетъ, „дабы отроцы читать учащіеся во утвержденіе чтенія своего не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія училися“. Вникая въ смыслъ этой тирады, возражатель сначала соглашается съ своимъ противникомъ въ томъ, что для дѣтей дѣйствительно нужно ясное и толковое разъясненіе существенныхъ догматовъ евангельскаго закона („дѣтямъ потребна легкая пища—млеко“), и что существующіе буквари мало удовлетворяютъ такому требованію. Но въ слѣдъ за тѣмъ онъ обличаетъ сочинителя Катихизиса въ отступничествѣ отъ древнихъ и установленныхъ самою православною церковію обычаевъ и порядковъ въ

обученій христіанскихъ дѣтей. „Православная церковь“, говоритъ онъ, „сама расположила, когда чему учить изъ Писанія. Когда отрокъ четырехъ, пяти или больши лѣтъ, ученіемъ Христовымъ уже отрожденный, прилагается къ ученію письменъ, долженствуетъ отъ учителя своего, во первыхъ, слышати имя и призываніе святаго и животворящаго креста: *кресте, помози ми*, зане знаменіе креста есть яко символъ вѣры православной; второе: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа;* третіе: алфавиту или азбукѣ учимы бываютъ; четвертое: изучаютъ молитву, яже глаголется *святыхъ отецъ*, то есть, за молитвы св. отецъ и проч.; пятое: *Богородице Дѣво радуйся;* такъ бо отъ низшаго степени къ высшимъ возводятъ умъ отроковъ;... шестое: *Царю небесный;* седьмое: *Трисвятое;* осьмое: *Слава Отцу...;* девятое: *Пресвятая Троице;* десятое: *Отче нашъ;* одинадцатое: *Пріидите поклонимся;* двѣнадцатое: *Вѣрую.* Сія убо суть основанія или (да мочь будетъ рещи) стихіи Катихизиса, яже мати св. церковь сыномъ своимъ во первыхъ къ наученію предложила. Симъ же на память изученнымъ бывшимъ, абіе присланные отроки къ ученію вечернихъ и утренніихъ молитвъ, также и всего церковнаго чина переходятъ. Потомъ ученія бываютъ, да поне удобно читати могутъ октоиха. Потомъ къ ученію царскихъ и пророческихъ приступаютъ псалмовъ. И сей убо чинъ есть и наставленіе, еже премудрѣйшая мати церковь сыномъ своимъ отъ младыхъ (да безъименнаго автора латинскимъ реку глаголенія образомъ) ногтей преда̀де и уставила есть, еже долгимъ уже временемъ и отъ толикихъ вѣковъ всегда соблюдаемо толикое возъимѣ употребительство, яко (свидѣтельствующей греческой, арабской, георгійской, великороссійской, малороссійской, молдовлахійской, угровлахійской, славянской за Дунаемъ сущей, болгарской, иллирической, албанской, далматской, трансильванской и всей купно православной церкви), аще бы инъ нынѣ иный, кромѣ сего ученія, отрокомъ усиловался привести чинъ, хотя благочестнымъ и ревностнымъ сіе начать бы тщаніемъ, обаче едва или никакоже могъ бы, яко мню, избыти порока подозрѣнія; кольми паче изобрѣтатель или древняго обычая истребитель чнимъ и презираемъ былъ бы“. Съ особенною силою старается критикъ защитить и оправдать давнее, повсюдное и неотложно важное употребленіе псалтири при обученіи дѣтей. Для доказательства своей мысли онъ ссылается на многія мѣста отеческихъ твореній, въ которыхъ говорится о важности изученія псалтири, и на практику церкви, которая освятила и вполнѣ подтвердила собою отеческія воззрѣнія на значеніе псалтири въ началь-

обученій христіанскихъ дѣтей. „Православная церковь“, говоритъ онъ, „сама расположила, когда чему учить изъ Писанія. Когда отрокъ четырехъ, пяти или больши лѣтъ, ученіемъ Христовымъ уже отрожденный, прилагается къ ученію письменъ, долженствуетъ отъ учителя своего, во первыхъ, слышати имя и призываніе святаго и животворящаго креста: *кресте, помози ми*, зане знаменіе креста есть яко символъ вѣры православной; второе: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа;* третіе: алфавиту или азбукѣ учимы бываютъ; четвертое: изучаютъ молитву, яже глаголется *святыхъ отецъ*, то есть, за молитвы св. отецъ и проч.; пятое: *Богородице Дѣво радуйся;* такъ бо отъ низшаго степени къ высшимъ возводятъ умъ отроковъ;... шестое: *Царю небесный;* седьмое: *Трисвятое;* осьмое: *Слава Отцу...;* девятое: *Пресвятая Троице;* десятое: *Отче нашъ;* одинадцатое: *Пріидите поклонимся;* двѣнадцатое: *Вѣрую.* Сія убо суть основанія или (да мочь будетъ рещи) стихіи Катихизиса, яже мати св. церковь сыномъ своимъ во первыхъ къ наученію предложила. Симъ же на память изученнымъ бывшимъ, абіе присланные отроки къ ученію вечернихъ и утреннихъ молитвъ, также и всего церковнаго чина переходятъ. Потомъ ученія бываютъ, да поне удобно читати могутъ октоиха. Потомъ къ ученію царскихъ и пророческихъ приступаютъ псалмовъ. И сей убо чинъ есть и наставленіе, еже премудрѣйшая мати церковь сыномъ своимъ отъ младыхъ (да безъименнаго автора латинскимъ реку глаголенія образомъ) ногтей преда̀де и уставила есть, еже долгимъ уже временемъ и отъ толикихъ вѣковъ всегда соблюдаемо толикое возъимѣ употребительство, яко (свидѣтельствующей греческой, арабской, георгійской, великороссійской, малороссійской, молдовлахійской, угровлахійской, славянской за Дунаемъ сущей, болгарской, иллирической, албанской, далматской, трансильванской и всей купно православной церкви), аще бы инъ нынѣ иный, кромѣ сего ученія, отрокомъ усиловался привести чинъ, хотя благочестнымъ и ревностнымъ сіе начать бы тщаніемъ, обаче едва или никакоже могъ бы, яко мню, избыти порока подозрѣнія; кольми паче изобрѣтатель или древняго обычая истребитель чнимъ и презираемъ былъ бы“. Съ особенною силою старается критикъ защитить и оправдать давнее, повсюдное и неотложно важное употребленіе псалтири при обученіи дѣтей. Для доказательства своей мысли онъ ссылается на многія мѣста отеческихъ твореній, въ которыхъ говорится о важности изученія псалтири, и на практику церкви, которая освятила и вполнѣ подтвердила собою отеческія воззрѣнія на значеніе псалтири въ началь-

номъ и дальнѣйшемъ воспитаніи человѣка. Въ концѣ своего возраженія критикъ заключаетъ, что выраженіе „дабы отроцы... не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія училися“ совершенно чуждо (valde alienum) обычаямъ и принятымъ въ православной церкви пріемамъ обученія христіанскихъ дѣтей.

Нашъ возражатель, очевидно, держится строго-церковной и старорусской точки зрѣнія въ своемъ разсужденіи о дѣтскомъ воспитаніи. Но эта точка зрѣнія въ главныхъ чертахъ доселѣ удержалась въ христіанской системѣ воспитанія дѣтей. Ошибка Кантемира только въ томъ, что онъ безъ надлежащаго порядка и не вполнѣ обозначилъ важнѣйшіе моменты и планъ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей. Но дѣло не въ деталяхъ и планировкѣ, а въ вѣрномъ пониманіи основаній и стихій начальнаго обученія христіанскихъ отроковъ. Выражая въ каждой своей строкѣ глубокую привязанность къ православію и принятымъ церковнымъ формамъ, возражатель однако соглашается съ авторомъ Катихизиза въ нуждѣ новыхъ, ясныхъ и толковыхъ катехизическихъ руководствъ для дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ основательно взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ неумѣстность и рѣзкость выраженія Ѳеофана „о молитвахъ и псалмахъ“. Съ какой стороны мы ни посмотрѣли бы на эти выраженія, онѣ все-таки страдаютъ неуваженіемъ къ церковной и древне-русской святынѣ, и безъ сомнѣнія, были въ высшей степени не обычны для русскаго человѣка Петровской эпохи.

Разобравъ нѣкоторыя мѣста изъ предисловія къ „Первому ученію“, возражатель переходитъ къ разсмотрѣнію самаго содержанія Катихизиса, и такъ какъ во главѣ его стоитъ опредѣленіе закона Божія, то онъ прежде всего и разсматриваетъ это опредѣленіе Ѳеофанъ въ „Первомъ ученіи отрокомъ“ ограничилъ законъ Божій только заповѣдями десятословія. Законъ Божій, по его мнѣнію, есть „Божіе повелѣніе, чрезъ Моисея людямъ преданное въ десяти заповѣдѣхъ, дабы всякъ человѣкъ вѣдалъ, что̀ угодно воли Божіей“. Кантемиръ находитъ, что это опредѣленіе закона Божія узко и невѣрно. Хотя ветхозавѣтныя заповѣди десятословія даны для руководства людямъ чрезъ самого Бога, тѣмъ не менѣе онѣ приспособлены къ іудейскимъ нравамъ и не обнимаютъ собою всей системы христіанскаго вѣроученія и нравоученія, вслѣдствіе чего пополнены и разъяснены самимъ Іисусомъ Христомъ (Матѳ., 5—7 гл., Іоанна, 1). Онъ далъ людямъ для руководства законъ евангельскій, и этотъ законъ необходимъ для жизни и дѣятельности каждаго христіанина. „Сладкое Господа Спаса ито сладцѣ пріем-

номъ и дальнѣйшемъ воспитаніи человѣка. Въ концѣ своего возраженія критикъ заключаетъ, что выраженіе „дабы отроцы... не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія учился“ совершенно чуждо (valde alienum) обычаямъ и принятымъ въ православной церкви пріемамъ обученія христіанскихъ дѣтей.

Нашъ возражатель, очевидно, держится строго-церковной и старорусской точки зрѣнія въ своемъ разсужденіи о дѣтскомъ воспитаніи. Но эта точка зрѣнія въ главныхъ чертахъ доселѣ удержалась въ христіанской системѣ воспитанія дѣтей. Ошибка Кантемира только въ томъ, что онъ безъ надлежащаго порядка и не вполнѣ обозначилъ важнѣйшіе моменты и планъ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей. Но дѣло не въ деталяхъ и планировкѣ, а въ вѣрномъ пониманіи основаній и стихій начальнаго обученія христіанскихъ отроковъ. Выражая въ каждой своей строкѣ глубокую привязанность къ православію и принятымъ церковнымъ формамъ, возражатель однако соглашается съ авторомъ Катихизиза въ нуждѣ новыхъ, ясныхъ и толковыхъ катехизическихъ руководствъ для дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ основательно взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ неумѣстность и рѣзкость выраженія Ѳеофана „о молитвахъ и псалмахъ“. Съ какой стороны мы ни посмотрѣли бы на эти выраженія, онѣ все-таки страдаютъ неуваженіемъ къ церковной и древне-русской святынѣ, и безъ сомнѣнія, были въ высшей степени не обычны для русскаго человѣка Петровской эпохи.

Разобравъ нѣкоторыя мѣста изъ предисловія къ „Первому ученію“, возражатель переходитъ къ разсмотрѣнію самаго содержанія Катихизиса, и такъ какъ во главѣ его стоитъ опредѣленіе закона Божія, то онъ прежде всего и разсматриваетъ это опредѣленіе Ѳеофанъ въ „Первомъ ученіи отрокомъ“ ограничилъ законъ Божій только заповѣдями десятословія. Законъ Божій, по его мнѣнію, есть „Божіе повелѣніе, чрезъ Моисея людямъ преданное въ десяти заповѣдѣхъ, дабы всякъ человѣкъ вѣдалъ, что̀ угодно воли Божіей“. Кантемиръ находитъ, что это опредѣленіе закона Божія узко и невѣрно. Хотя ветхозавѣтныя заповѣди десятословія даны для руководства людямъ чрезъ самого Бога, тѣмъ не менѣе онѣ приспособлены къ іудейскимъ нравамъ и не обнимаютъ собою всей системы христіанскаго вѣроученія и нравоученія, вслѣдствіе чего пополнены и разъяснены самимъ Іисусомъ Христомъ (Матѳ., 5—7 гл., Іоанна, 1). Онъ далъ людямъ для руководства законъ евангельскій, и этотъ законъ необходимъ для жизни и дѣятельности каждаго христіанина. „Сладкое Господа Спаса ито сладцѣ пріем-

ляй и легкое Его бремя со усердіемъ носяй познаетъ законъ десяти заповѣдей несовершеннымъ, егоже потомъ чрезъ Сына восхотѣ исполнити. Чего ради ученикъ Новаго Завѣта не удовлетворитъ благому Учителю, если скажетъ: азъ отъ юности совершихъ сія вся". Послѣ этого возражатель приходитъ къ тому естественному выводу, что сочинитель Катихизиса погрѣшаетъ въ толкованіи самыхъ важныхъ пунктовъ христіанства и впадаетъ въ ложныя мудрованія тѣхъ древнихъ еретиковъ, которые руководствовались однимъ десятословіемъ, и которыхъ осудилъ 7-й вселенскій соборъ.

И здѣсь замѣчанія возражателя очень вѣски. Церковь учитъ, что Спаситель пришелъ не *разорити*, но *исполнити* законъ, что для Него каждая іота, каждая черта его была истиной; но что Онъ призналъ недостаточнымъ для христіанина ветхозавѣтный законъ и отчасти пополнилъ его новыми нравственными правилами и добродѣтелями, а отчасти глубже и всестороннѣе раскрылъ его значеніе и приложеніе въ жизни человѣка.

Указавъ неточности и ошибки въ опредѣленіи закона Божія, возражатель приступаетъ къ разбору толкованія самыхъ заповѣдей десятословія и здѣсь по преимуществу останавливается на такихъ мѣстахъ, въ которыхъ можно найдти или недомолвки и пропуски, или явныя и скрытыя отступленія отъ признанныхъ въ церкви понятій и правилъ. По мнѣнію возражателя, авторъ Катихизиса неполно и невѣрно истолковалъ первую заповѣдь, потому что онъ заставляетъ вѣровать только въ одного Бога. Для христіанина нужна вѣра не въ Единаго только, а и въ Тріединаго Бога, замѣчаетъ критикъ. По этому для христіанскихъ отроковъ должно быть непремѣнно изложено ученіе о троичности лицъ, которое ясно доказывается многими мѣстами ветхозавѣтнаго и особенно новозавѣтнаго Писанія (въ слѣдъ за тѣмъ приводятся и поясняются эти мѣста).

Нельзя согласиться съ возражателемъ въ томъ, будто Прокоповичъ явно проводитъ ученіе о вѣрѣ въ одного только Бога и съ умысломъ не излагаетъ ученіе о троичности лицъ. Въ самой заповѣди сказано: „да небудутъ тебѣ бозіи иніи, развѣ Мене". При толкованіи этихъ словъ естественно было остановиться на ученіи о единствѣ Божіемъ, и если толкователь не распространяется о тріединствѣ Божества, то изъ этого никакъ нельзя вывести неблагопріятнаго для него отзыва. Къ большему оправданію своему авторъ Катихизиса, при изъясненіи первой же заповѣди, осуждаетъ тѣхъ еретиковъ, которые отвергали вселенскій догматъ о троичности лицъ.

ляй и легкое Его бремя со усердіемъ носяй познаетъ законъ десяти заповѣдей несовершеннымъ, егоже потомъ чрезъ Сына восхотѣ исполнити. Чего ради ученикъ Новаго Завѣта не удовлетворитъ благому Учителю, если скажетъ: азъ отъ юности совершихъ сія вся". Послѣ этого возражатель приходитъ къ тому естественному выводу, что сочинитель Катихизиса погрѣшаетъ въ толкованіи самыхъ важныхъ пунктовъ христіанства и впадаетъ въ ложныя мудрованія тѣхъ древнихъ еретиковъ, которые руководствовались однимъ десятословіемъ, и которыхъ осудилъ 7-й вселенскій соборъ.

И здѣсь замѣчанія возражателя очень вѣски. Церковь учитъ, что Спаситель пришелъ не *разорити*, но *исполнити* законъ, что для Него каждая іота, каждая черта его была истиной; но что Онъ призналъ недостаточнымъ для христіанина ветхозавѣтный законъ и отчасти пополнилъ его новыми нравственными правилами и добродѣтелями, а отчасти глубже и всестороннѣе раскрылъ его значеніе и приложеніе въ жизни человѣка.

Указавъ неточности и ошибки въ опредѣленіи закона Божія, возражатель приступаетъ къ разбору толкованія самыхъ заповѣдей десятословія и здѣсь по преимуществу останавливается на такихъ мѣстахъ, въ которыхъ можно найдти или недомолвки и пропуски, или явныя и скрытыя отступленія отъ признанныхъ въ церкви понятій и правилъ. По мнѣнію возражателя, авторъ Катихизиса неполно и невѣрно истолковалъ первую заповѣдь, потому что онъ заставляетъ вѣровать только въ одного Бога. Для христіанина нужна вѣра не въ Единаго только, а и въ Тріединаго Бога, замѣчаетъ критикъ. По этому для христіанскихъ отроковъ должно быть непремѣнно изложено ученіе о троичности лицъ, которое ясно доказывается многими мѣстами ветхозавѣтнаго и особенно новозавѣтнаго Писанія (въ слѣдъ за тѣмъ приводятся и поясняются эти мѣста).

Нельзя согласиться съ возражателемъ въ томъ, будто Прокоповичъ явно проводитъ ученіе о вѣрѣ въ одного только Бога и съ умысломъ не излагаетъ ученіе о троичности лицъ. Въ самой заповѣди сказано: „да небудутъ тебѣ бозіи иніи, развѣ Мене". При толкованіи этихъ словъ естественно было остановиться на ученіи о единствѣ Божіемъ, и если толкователь не распространяется о тріединствѣ Божества, то изъ этого никакъ нельзя вывести неблагопріятнаго для него отзыва. Къ большему оправданію своему авторъ Катихизиса, при изъясненіи первой же заповѣди, осуждаетъ тѣхъ еретиковъ, которые отвергали вселенскій догматъ о троичности лицъ.

Болѣе мѣткости въ той небольшой замѣткѣ возражателя, въ которой онъ указываетъ, что авторъ Катихизиса, толкуя первую заповѣдь, обнаруживаетъ протестантское воззрѣніе на Св. Писаніе, какъ главный и исключительный источникъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія. Возражатель не безъ основательности замѣтилъ, что Ѳеофанъ намѣренно умолчалъ о преданіяхъ и твореніяхъ отцевъ, какъ второстепенныхъ и важнѣйшихъ источникахъ христіанскаго ученія. Имѣя въ виду, съ одной стороны, богословскую систему Прокоповича [1]), а съ другой, и преимущественно — приписываемую ему „Апологію“ Буддея [2]), мы можемъ согласиться съ предположеніемъ возражателя о неправильномъ воззрѣніи Прокоповича на источники христіанскаго ученія.

Съ особенною энергіею возражатель нападаетъ на неправильное

---

[1]) Пользуясь при составленіи своихъ богословскихъ уроковъ сочиненіями знаменитыхъ въ то время протестантскихъ богослововъ Квенштедта (профессора и ректора Виттенбергскаго университета) и Іоанна Гергарда (профессора богословіи въ Іенскомъ университетѣ), Ѳеофанъ слишкомъ далеко заходилъ, подъ вліяніемъ ихъ, въ полемикѣ противъ католиковъ, и въ жару спора, терялъ надлежащее понятіе объ источникахъ христіанскаго ученія. Вопреки католическому богослову Беллармину онъ доказываетъ, что Св. Писаніе есть необходимый и единственно вѣрный источникъ православнаго богословія (Theol. Theoph. Prok., c. IV), что изъ священныхъ преданій только тѣ важны и обязательны, которыя заповѣданы непосредственно (primo ex viva voce) Іисусомъ Христомъ и апостолами, которыя основываются на ясныхъ словахъ Св. Писанія или же согласны со смысломъ и текстомъ его, и которыя носятъ на себѣ не человѣческій, а божественный авторитетъ (Theol. Theoph, Prok., tract. de traditionum auctoritate, p. 271 — 300). Держась такихъ воззрѣній на Св. Писаніе и преданіе, Ѳеофанъ не даетъ самостоятельнаго значенія коллективному голосу церкви въ установленіи и возобновленіи преданій и отвергаетъ тѣ изъ нихъ, которыя не имѣютъ прямаго подтвержденія въ Св. Писаніи. Во всемъ этомъ нельзя не замѣтить сочувственнаго отношенія Прокоповича къ протестантскимъ взглядамъ на источники христіанскаго вѣроученія и нравоученія.

[2]) «Апологія» Буддея, явившаяся въ 1729 г. въ Іенѣ (подъ заглавіемъ «Epistola apologetica pro Ecclesia Lutherana contra calumnias et obrectationes Stephani Jaworskii»), въ свое время приписывалась Ѳеофану Прокоповичу (Чт. общ. ист., и древ. росс. 1863 г., кн. 4; Обзоръ русской духовной литературы *Филарета* Черниговскаго, II, стр. 16). Авторъ этой «Апологіи» защищаетъ и оправдываетъ протестантскія воззрѣнія на посты, иконы, добрыя дѣла, оправданіе вѣрою и священныя преданія. Въ трактатѣ о преданіяхъ онъ ясно и рѣшительно проводитъ ту мысль, что для руководства въ вѣрѣ и нравственности вполнѣ достаточно Св. Писанія и тѣхъ преданій, которыя имѣютъ ближайшее и очевидное основаніе въ Св. Писаніи и въ практикѣ одной первенствующей церкви (Apologia pro Eccles. Luther. edit. 1729 an. Iena, p. 75—78).

Болѣе мѣткости въ той небольшой замѣткѣ возражателя, въ которой онъ указываетъ, что авторъ Катихизиса, толкуя первую заповѣдь, обнаруживаетъ протестантское воззрѣніе на Св. Писаніе, какъ главный и исключительный источникъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія. Возражатель не безъ основательности замѣтилъ, что Ѳеофанъ намѣренно умолчалъ о преданіяхъ и твореніяхъ отцевъ, какъ второстепенныхъ и важнѣйшихъ источникахъ христіанскаго ученія. Имѣя въ виду, съ одной стороны, богословскую систему Прокоповича [1]), а съ другой, и преимущественно — приписываемую ему „Апологію“ Буддея [2]), мы можемъ согласиться съ предположеніемъ возражателя о неправильномъ воззрѣніи Прокоповича на источники христіанскаго ученія.

Съ особенною энергіею возражатель нападаетъ на неправильное

---

[1]) Пользуясь при составленіи своихъ богословскихъ уроковъ сочиненіями знаменитыхъ въ то время протестантскихъ богослововъ Квенштедта (профессора и ректора Виттенбергскаго университета) и Іоанна Гергарда (профессора богословіи въ Іенскомъ университетѣ), Ѳеофанъ слишкомъ далеко заходилъ, подъ вліяніемъ ихъ, въ полемикѣ противъ католиковъ, и въ жару спора, терялъ надлежащее понятіе объ источникахъ христіанскаго ученія. Вопреки католическому богослову Беллармину онъ доказываетъ, что Св. Писаніе есть необходимый и единственно вѣрный источникъ православнаго богословія (Theol. Theoph. Prok., c. IV), что изъ священныхъ преданій только тѣ важны и обязательны, которыя заповѣданы непосредственно (primo ex viva voce) Іисусомъ Христомъ и апостолами, которыя основываются на ясныхъ словахъ Св. Писанія или же согласны со смысломъ и текстомъ его, и которыя носятъ на себѣ не человѣческій, а божественный авторитетъ (Theol. Theoph, Prok., tract. de traditionum auctoritate, p. 271 — 300). Держась такихъ воззрѣній на Св. Писаніе и преданіе, Ѳеофанъ не даетъ самостоятельнаго значенія коллективному голосу церкви въ установленіи и возобновленіи преданій и отвергаетъ тѣ изъ нихъ, которыя не имѣютъ прямаго подтвержденія въ Св. Писаніи. Во всемъ этомъ нельзя не замѣтить сочувственнаго отношенія Прокоповича къ протестантскимъ взглядамъ на источники христіанскаго вѣроученія и нравоученія.

[2]) «Апологія» Буддея, явившаяся въ 1729 г. въ Іенѣ (подъ заглавіемъ «Epistola apologetica pro Ecclesia Lutherana contra calumnias et obrectationes Stephani Jaworskii»), въ свое время приписывалась Ѳеофану Прокоповичу (Чт. общ. ист., и древ. росс. 1863 г., кн. 4; Обзоръ русской духовной литературы *Филарета* Черниговскаго, II, стр. 16). Авторъ этой «Апологіи» защищаетъ и оправдываетъ протестантскія воззрѣнія на посты, иконы, добрыя дѣла, оправданіе вѣрою и священныя преданія. Въ трактатѣ о преданіяхъ онъ ясно и рѣшительно проводитъ ту мысль, что для руководства въ вѣрѣ и нравственности вполнѣ достаточно Св. Писанія и тѣхъ преданій, которыя имѣютъ ближайшее и очевидное основаніе въ Св. Писаніи и въ практикѣ одной первенствующей церкви (Apologia pro Eccles. Luther. edit. 1729 an. Iena, p. 75—78).

и ложное толкованіе Прокоповичемъ второй заповѣди десятословія, гдѣ проводится такой взглядъ на иконы: „Идолослуженіе (idolatria) есть, когда кто честь Божію воздаетъ образу или подобію коейлибо вещи, то есть, когда кто покореніе души своея нѣкоему образу приноситъ, бояся его и надѣяся на него, аки бы нѣкую въ себѣ невидимую силу имущаго". Останавливаясь на этихъ выраженіяхъ, возражатель замѣчаетъ: „Хотя авторъ, краткости поучался, непорочнымъ сіе произнесе умомъ и сердцемъ, обаче можетъ быть сумнительство, яко нѣчто болѣе въ себѣ заключаетъ, нежели елико отъ младыхъ отроческихъ умовъ могло бы поято быти. Есть сила и въ водѣ и въ мурѣ, и въ хлѣбѣ и въ водѣ, елеѣ и въ мощахъ". Разъясняя подробнѣе свою мысль, возражатель замѣчаетъ: церковь твердо и несомнѣнно вѣруетъ, что подъ видомъ воды крещенія мы получаемъ освящающую и перерождающую насъ благодать Святаго Духа; что подъ видомъ освященныхъ и пресуществленныхъ хлѣба и вина мы вкушаемъ тѣло и кровь Іисуса Христа; что видимое изображеніе (figura) креста имѣетъ силу и власть прогонять злыхъ духовъ; что вообще въ каждомъ таинствѣ церкви есть внѣшняя сторона, за которою скрывается и въ которой сказывается внутренняя, зиждительная сила таинства. Признаетъ церковь и то, что образа (imagines) святыхъ скрываютъ подъ собою и въ себѣ невидимую и чудодѣйственную силу, что̀ доказывается многими чудотвореніями (miraculis exstraordinariis) отъ иконъ Іисуса Христа, Богоматери, апостоловъ и святыхъ мужей и женъ. Это ясно засвидѣтельствовалъ и утвердилъ, какъ непререкаемую догму, седьмый вселенскій соборъ (Act. 5, tom. 5, p. 350). Итакъ, кто учитъ, что въ иконахъ нѣтъ невидимой силы, что къ нимъ не нужно прибѣгать со страхомъ и надеждою, тотъ долженъ быть отдѣленъ отъ церкви, какъ негодный и вредный членъ ея, „is impius est, blasphemus et idolatra... publicanus, phariseus, ab Ecclesia Dei separatus et ethnicus est".

Выводъ возражателя не имѣетъ впрочемъ непосредственнаго и осязательнаго приложенія къ составителю Катихизиса. Слова Θеофана не подрываютъ иконопочитанія, а только раскрываютъ неправильность воззрѣній на иконопочитанія тѣхъ русскихъ суевѣровъ, которые слѣпо преклонялись предъ иконами, забывая, что онѣ, по ученію церкви, имѣютъ животворящую силу не сами по себѣ, а по изображеннымъ на нихъ ликамъ. Неправильный взглядъ на иконы былъ силь но распространенъ въ XVIII вѣкѣ и опровергался въ Духовномъ Регламентѣ. Но при строгомъ и благоговѣйномъ отно-

и ложное толкованіе Прокоповичемъ второй заповѣди десятословія, гдѣ проводится такой взглядъ на иконы: „Идолослуженіе (idolatria) есть, когда кто честь Божію воздаетъ образу или подобію коейлибо вещи, то есть, когда кто покореніе души своея нѣкоему образу приноситъ, бояся его и надѣяся на него, аки бы нѣкую въ себѣ невидимую силу имущаго". Останавливаясь на этихъ выраженіяхъ, возражатель замѣчаетъ: „Хотя авторъ, краткости поучался, непорочнымъ сіе произнесе умомъ и сердцемъ, обаче можетъ быть сумнительство, яко нѣчто болѣе въ себѣ заключаетъ, нежели елико отъ младыхъ отроческихъ умовъ могло бы понято быти. Есть сила и въ водѣ и въ мурѣ, и въ хлѣбѣ и въ водѣ, елеѣ и въ мощахъ". Разъясняя подробнѣе свою мысль, возражатель замѣчаетъ: церковь твердо и несомнѣнно вѣруетъ, что подъ видомъ воды крещенія мы получаемъ освящающую и перерождающую насъ благодать Святаго Духа; что подъ видомъ освященныхъ и пресуществленныхъ хлѣба и вина мы вкушаемъ тѣло и кровь Іисуса Христа; что видимое изображеніе (figura) креста имѣетъ силу и власть прогонять злыхъ духовъ; что вообще въ каждомъ таинствѣ церкви есть внѣшняя сторона, за которою скрывается и въ которой сказывается внутренняя, зиждительная сила таинства. Признаетъ церковь и то, что образа (imagines) святыхъ скрываютъ подъ собою и въ себѣ невидимую и чудодѣйственную силу, что̀ доказывается многими чудотвореніями (miraculis exstraordinariis) отъ иконъ Іисуса Христа, Богоматери, апостоловъ и святыхъ мужей и женъ. Это ясно засвидѣтельствовалъ и утвердилъ, какъ непререкаемую догму, седьмый вселенскій соборъ (Act. 5, tom. 5, p. 350). Итакъ, кто учитъ, что въ иконахъ нѣтъ невидимой силы, что къ нимъ не нужно прибѣгать со страхомъ и надеждою, тотъ долженъ быть отдѣленъ отъ церкви, какъ негодный и вредный членъ ея, „is impius est, blasphemus et idolatra... publicanus, phariseus, ab Ecclesia Dei separatus et ethnicus est".

Выводъ возражателя не имѣетъ впрочемъ непосредственнаго и осязательнаго приложенія къ составителю Катихизиса. Слова Θеофана не подрываютъ иконопочитанія, а только раскрываютъ неправильность воззрѣній на иконопочитанія тѣхъ русскихъ суевѣровъ, которые слѣпо преклонялись предъ иконами, забывая, что онѣ, по ученію церкви, имѣютъ животворящую силу не сами по себѣ, а по изображеннымъ на нихъ ликамъ. Неправильный взглядъ на иконы былъ силь но распространенъ въ XVIII вѣкѣ и опровергался въ Духовномъ Регламентѣ. Но при строгомъ и благоговѣйномъ отно-

щеніи къ священнымъ изображеніямъ легко было усмотрѣть рѣзкость, или по меньшей мѣрѣ, какую-то двусмысленность въ вышеприведенныхъ словахъ Ѳеофана. Возставая противъ современныхъ взглядовъ на иконопочитаніе, Ѳеофанъ часто забывалъ неприкосновенность догмата и впадалъ въ насмѣшливыя и неуважительныя сужденія объ иконахъ. Это замѣчается, напримѣръ, въ дальнѣйшихъ толкованіяхъ Ѳеофаномъ второй заповѣди: „Идоли, то есть, образишки", говоритъ онъ,—„о христіанскихъ же иконахъ, что̀ разумѣти подобаетъ?" Такое смѣшеніе понятій и такія недоумѣнія касательно христіанскихъ иконъ могли показаться очень обидными для людей, твердо стоявшихъ за православіе, его традиціи и обряды, и вполнѣ неприличными въ такомъ сочиненіи, которое назначается настольною книгою для дѣтей. „Нескладно нѣчто въ сихъ словахъ", возражаетъ Кантемиръ. „По гречески τὸ εἴδολον хотя и въ латинскомъ simulacrum и въ славянскомъ кумира знаменуетъ, обаче не поелику *образишки*, но поелику кумира указуетъ, то есть, идола или образъ, его же поганые язычницы латревтически, то есть, по божески, почитали. Нужно было идолъ протолковать кумиръ, а не образишки". Идолы et re et nomine отличаются отъ образовъ (imagines). Образами называются такіе предметы, которыхъ прототипы существовали и существуютъ въ природѣ вещей (in rerum natura), а идолы, по выраженію Цицерона, суть бездушныя вещи. „Имя εἴδολον въ греческомъ языкѣ произведено есть отъ ἰδέα, ея же бытность Аристотелемъ и всѣми христіанами весьма отмещется". Самъ апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ, что *идолъ ничто̀ есть въ мірѣ*... Итакъ, слово идолъ нужно было протолковать кумиръ, но не *образишки* (imaguncula), какое наименованіе взято отъ слова образъ (imago). Ученіе автора Катихизиса, очевидно, вредно и негодно (nefas est) въ книгѣ для дѣтей.

Въ этомъ, впрочемъ, довольно мѣткомъ возраженіи бросается въ глаза одна странность. Возражатель вполнѣ раздѣляетъ воззрѣніе Аристотеля на идеи, между тѣмъ какъ оно идетъ въ разрѣзъ съ христіанствомъ. Отвергая „бытность идей", въ то же время необходимо отвергнуть и „бытность" горняго міра. Но этотъ послѣдовательный выводъ могъ потрясающимъ образомъ подѣйствовать на нашего возражателя. Чѣмъ же объяснить его уваженіе къ Аристотелю и его согласіе съ нимъ? Аристотель, какъ извѣстно, сдѣлался царемъ схоластической мысли. Средніе вѣка, исказившіе его систему, безусловно и слѣпо вѣрили всей мудрости Стагирита. Это рабское довѣріе къ Аристотелю было

щеніи къ священнымъ изображеніямъ легко было усмотрѣть рѣзкость, или по меньшей мѣрѣ, какую-то двусмысленность въ вышеприведенныхъ словахъ Ѳеофана. Возставая противъ современныхъ взглядовъ на иконопочитаніе, Ѳеофанъ часто забывалъ неприкосновенность догмата и впадалъ въ насмѣшливыя и неуважительныя сужденія объ иконахъ. Это замѣчается, напримѣръ, въ дальнѣйшихъ толкованіяхъ Ѳеофаномъ второй заповѣди: „Идоли, то есть, образишки", говоритъ онъ,—„о христіанскихъ же иконахъ, что̀ разумѣти подобаетъ?" Такое смѣшеніе понятій и такія недоумѣнія касательно христіанскихъ иконъ могли показаться очень обидными для людей, твердо стоявшихъ за православіе, его традиціи и обряды, и вполнѣ неприличными въ такомъ сочиненіи, которое назначается настольною книгою для дѣтей. „Нескладно нѣчто въ сихъ словахъ", возражаетъ Кантемиръ. „По гречески *το εἴδολον* хотя и въ латинскомъ simulacrum и въ славянскомъ кумира знаменуетъ, обаче не поелику *образишки*, но поелику кумира указуетъ, то есть, идола или образъ, его же поганые язычницы латревтически, то есть, по божески, почитали. Нужно было идолъ протолковать кумиръ, а не образишки". Идолы et re et nomine отличаются отъ образовъ (imagines). Образами называются такіе предметы, которыхъ прототипы существовали и существуютъ въ природѣ вещей (in rerum natura), а идолы, по выраженію Цицерона, суть бездушныя вещи. „Имя *εἴδολον* въ греческомъ языкѣ произведено есть отъ *ιδέα*, ея же бытность Аристотелемъ и всѣми христіанами весьма отмещется". Самъ апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ, что *идолъ ничто̀ есть въ мірѣ*... Итакъ, слово идолъ нужно было протолковать кумиръ, но не *образишки* (imaguncula), какое наименованіе взято отъ слова образъ (imago). Ученіе автора Катихизиса, очевидно, вредно и негодно (nefas est) въ книгѣ для дѣтей.

Въ этомъ, впрочемъ, довольно мѣткомъ возраженіи бросается въ глаза одна странность. Возражатель вполнѣ раздѣляетъ воззрѣніе Аристотеля на идеи, между тѣмъ какъ оно идетъ въ разрѣзъ съ христіанствомъ. Отвергая „бытность идей", въ то же время необходимо отвергнуть и „бытность" горняго міра. Но этотъ послѣдовательный выводъ могъ потрясающимъ образомъ подѣйствовать на нашего возражателя. Чѣмъ же объяснить его уваженіе къ Аристотелю и его согласіе съ нимъ? Аристотель, какъ извѣстно, сдѣлался царемъ схоластической мысли. Средніе вѣка, исказившіе его систему, безусловно и слѣпо вѣрили всей мудрости Стагирита. Это рабское довѣріе къ Аристотелю было

рабски усвоено и перенесено на Русь Кіевскими учеными. Общему увлеченію Аристотелемъ поддался и нашъ ученый возражатель. Вступая въ полемику съ Θеофаномъ, онъ замѣтнымъ образомъ выбиралъ оружіе изъ того же арсенала, которымъ пользовались Кіевскіе ученые, сочувствовавшіе средневѣковой методѣ и аргументаціи.

Продолжая полемику съ составителемъ Катихизиса объ иконопочитаніи, возражатель больше всего остановился на толкованіи 7-го правила 7-го вселенскаго собора. Правило это авторъ Катихизиса толкуетъ слѣдующимъ образомъ: „Не подобаетъ почитать иконы святыхъ истиннымъ служеніемъ, еже бываетъ вѣрою, духомъ и истиною... съ прошеніемъ и упованіемъ. Но почитаніе иконное тотъ же соборъ толкуетъ въ разумѣ любительнаго объятія и цѣлованія". И еще: „Противъ вторыя заповѣди грѣшитъ тотъ, кто поклоненіе св. Троицѣ, бываемое по латріи, воздаетъ образамъ". Нападая на такое толкованіе правилъ вселенскаго собора, возражатель прибѣгаетъ къ общераспространенной тогда аргументаціи объ иконопочитаніи и загромождаетъ ею нѣсколько листовъ. Мы представимъ только общій ходъ его полемики. Сначала онъ говоритъ, что анонимный авторъ „Перваго ученія отрокомъ" приводитъ слова собора не въ томъ порядкѣ и смыслѣ, какъ сказано въ текстѣ собора. Въ текстѣ собора прямо заповѣдуется почитаніе и поклоненіе иконамъ. Оно же заповѣдуется въ „Православномъ Исповѣданіи" Петра Могилы, въ письмѣ патріарха Тарасія къ папѣ Адріану, въ письмѣ папы Григорія къ Льву Исавру, въ „Исповѣданіи вѣры" Василія Анкирскаго и въ твореніяхъ многихъ отцевъ церкви—Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Аѳанасія Александрійскаго, Епифанія и др. За тѣмъ дѣлается ссылка на письмо Адріана къ Константину и Иринѣ, и снова указываются опредѣленія самаго собора, изъ которыхъ видно, что онъ рѣшительно заповѣдуетъ иконопоклоненіе, „бываемое по латріи". Въ заключеніе своей критики возражатель выясняетъ, въ какомъ духѣ и тонѣ слѣдуетъ говорить объ иконахъ предъ дѣтьми: имъ нужно внушать, чтобъ они чествовали и лобызали иконы „не токмо любительнымъ благопріятіемъ", но и твердо надѣялся на нихъ и твердо вѣруя, что чествуя образъ святаго, мы чествуемъ самого святаго.

Опроверженія критика, направленныя противъ двусмысленныхъ выраженій Катихизиса, не стоятъ однако въ живой и ближайшей связи съ самыми выраженіями Θеофана. Можно даже сказать, что выставляя противъ него ученую аргументацію въ защиту иконопочитанія, Кантемиръ впалъ въ логическую натяжку въ отношеніи

рабски усвоено и перенесено на Русь Кіевскими учеными. Общему увлеченію Аристотелемъ поддался и нашъ ученый возражатель. Вступая въ полемику съ Ѳеофаномъ, онъ замѣтнымъ образомъ выбиралъ оружіе изъ того же арсенала, которымъ пользовались Кіевскіе ученые, сочувствовавшіе средневѣковой методѣ и аргументаціи.

Продолжая полемику съ составителемъ Катихизиса объ иконопочитаніи, возражатель больше всего остановился на толкованіи 7-го правила 7-го вселенскаго собора. Правило это авторъ Катихизиса толкуетъ слѣдующимъ образомъ: „Не подобаетъ почитать иконы святыхъ истиннымъ служеніемъ, еже бываетъ вѣрою, духомъ и истиною... съ прошеніемъ и упованіемъ. Но почитаніе иконное тотъ же соборъ толкуетъ въ разумѣ любительнаго объятія и цѣлованія". И еще: „Противъ вторыя заповѣди грѣшитъ тотъ, кто поклоненіе св. Троицѣ, бываемое по латріи, воздаетъ образамъ". Нападая на такое толкованіе правилъ вселенскаго собора, возражатель прибѣгаетъ къ общераспространенной тогда аргументаціи объ иконопочитаніи и загромождаетъ ею нѣсколько листовъ. Мы представимъ только общій ходъ его полемики. Сначала онъ говоритъ, что анонимный авторъ „Перваго ученія отрокомъ" приводитъ слова собора не въ томъ порядкѣ и смыслѣ, какъ сказано въ текстѣ собора. Въ текстѣ собора прямо заповѣдуется почитаніе и поклоненіе иконамъ. Оно же заповѣдуется въ „Православномъ Исповѣданіи" Петра Могилы, въ письмѣ патріарха Тарасія къ папѣ Адріану, въ письмѣ папы Григорія къ Льву Исавру, въ „Исповѣданіи вѣры" Василія Анкирскаго и въ твореніяхъ многихъ отцевъ церкви—Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Аѳанасія Александрійскаго, Епифанія и др. За тѣмъ дѣлается ссылка на письмо Адріана къ Константину и Иринѣ, и снова указываются опредѣленія самаго собора, изъ которыхъ видно, что онъ рѣшительно заповѣдуетъ иконопоклоненіе, „бываемое по латріи". Въ заключеніе своей критики возражатель выясняетъ, въ какомъ духѣ и тонѣ слѣдуетъ говорить объ иконахъ предъ дѣтьми: имъ нужно внушать, чтобъ они чествовали и лобызали иконы „не токмо любительнымъ благопріятіемъ", но и твердо надѣялся на нихъ и твердо вѣруя, что чествуя образъ святаго, мы чествуемъ самого святаго.

Опроверженія критика, направленныя противъ двусмысленныхъ выраженій Катихизиса, не стоятъ однако въ живой и ближайшей связи съ самыми выраженіями Ѳеофана. Можно даже сказать, что выставляя противъ него ученую аргументацію въ защиту иконопочитанія, Кантемиръ впалъ въ логическую натяжку въ отношеніи

къ разбираемому Катихизису. Впрочемъ и эта аргументація имѣла значеніе въ то время въ виду сильно распространившихся тогда протестантскихъ воззрѣній на иконы [1]).

Возставая противъ неправильныхъ воззрѣній Русскихъ на иконопочтеніе, авторъ Катихизиса прибавляетъ: „Не трудно можешь разсудить, кто неправильную и запрещенную честь иконамъ творитъ, напримѣръ, нѣцыи въ церковь приносятъ свою икону и ей поклоняются.... иніи же Богу молитися не хотятъ, гдѣ иконѣ не видятъ“ [2]). Защищая отъ нападокъ Ѳеофана принятые и устоявшіе отъ напоровъ времени традиціи и обряды старой Руси, возражатель прежде всего укоряетъ своего противника въ строгости и суровости приговоровъ его о простотѣ и невинномъ суевѣріи неопытныхъ людей, которые безсознательно и формально, но не существенно грѣшатъ противъ второй заповѣди десятословія. „Строго судить тѣхъ, говоритъ онъ, которые предпочтительно кланяются своимъ (домашнимъ) иконамъ или иконамъ своихъ патроновъ, не слѣдуетъ; ибо все это происходитъ отъ простоты нравовъ и укоренившихся обычаевъ, а не отъ умышленнаго неуваженія къ иконамъ вообще. Такихъ людей нужно отечески увѣщевать, а не порицать. Еще неразумнѣе порицать отеческіе обычаи предъ дѣтьми, которые должны свято относиться къ своимъ отцамъ и ихъ вѣрованіямъ; имъ (дѣтямъ) умѣстнѣе и благоразумнѣе было бы разъяснить въ „Первомъ ученіи“, какъ, въ какомъ порядкѣ и въ какомъ духѣ слѣдуетъ чествовать иконы, а не глумиться надъ простоватостію неопытныхъ людей. Что же касается тѣхъ, которые не молятся въ

---

[1]) Одинъ изъ приверженцевъ Тверитинова (главы тѣхъ русскихъ еретиковъ Петровскаго времени, которые склонялись на сторону протестантства), Ѳома цирюльникъ всенародно осмѣялъ и изрубилъ въ Успенскомъ соборѣ образъ св. Алексія. О первопредставителѣ тогдашней церковной іерархіи Ѳеодосіѣ Яновскомъ сохранилось извѣстіе, что онъ называлъ Русскихъ идолопоклонниками за то, что они покланялись иконамъ (Слѣд. дѣло объ архіепископѣ Ѳеодосіи въ Русскомъ Архивѣ 1864 г., стр. 135. Слич. Словарь *Бантышъ-Каменскаго*, V, стр. 385—386).

[2]) Этотъ недостатокъ простонародья съ большею яростію порицалъ одинъ изъ послѣдователей Ѳеофана, современникъ его, іеромонахъ Симонъ Кохановскій: „Что же, когда дойдемъ“, говоритъ онъ въ церковномъ словѣ 1720 года, „до окаянной мужицкой, а паче до бабской богословіи, сирѣчь до буесловія и смѣхотворныхъ (?) вопросовъ: которую икону почитать и которую не почитать? Яйцемъ или масломъ письмено, старая или новая? На доскѣ ли, на холстѣ, или на бумагѣ?“ См. *Пекарскаго*, Наука и литература при Петрѣ I, стр. 493).

къ разбираемому Катихизису. Впрочемъ и эта аргументація имѣла значеніе въ то время въ виду сильно распространившихся тогда протестантскихъ воззрѣній на иконы [1]).

Возставая противъ неправильныхъ воззрѣній Русскихъ на иконопочтеніе, авторъ Катихизиса прибавляетъ: „Не трудно можешь разсудить, кто неправильную и запрещенную честь иконамъ творитъ, напримѣръ, нѣцыи въ церковь приносятъ свою икону и ей поклоняются.... иніи же Богу молитися не хотятъ, гдѣ иконѣ не видятъ“ [2]). Защищая отъ нападокъ Ѳеофана принятые и устоявшіе отъ напоровъ времени традиціи и обряды старой Руси, возражатель прежде всего укоряетъ своего противника въ строгости и суровости приговоровъ его о простотѣ и невинномъ суевѣріи неопытныхъ людей, которые безсознательно и формально, но не существенно грѣшатъ противъ второй заповѣди десятословія. „Строго судить тѣхъ, говоритъ онъ, которые предпочтительно кланяются своимъ (домашнимъ) иконамъ или иконамъ своихъ патроновъ, не слѣдуетъ; ибо все это происходитъ отъ простоты нравовъ и укоренившихся обычаевъ, а не отъ умышленнаго неуваженія къ иконамъ вообще. Такихъ людей нужно отечески увѣщевать, а не порицать. Еще неразумнѣе порицать отеческіе обычаи предъ дѣтьми, которые должны свято относиться къ своимъ отцамъ и ихъ вѣрованіямъ; имъ (дѣтямъ) умѣстнѣе и благоразумнѣе было бы разъяснить въ „Первомъ ученіи“, какъ, въ какомъ порядкѣ и въ какомъ духѣ слѣдуетъ чествовать иконы, а не глумиться надъ простоватостію неопытныхъ людей. Что же касается тѣхъ, которые не молятся въ

---

[1]) Одинъ изъ приверженцевъ Тверитинова (главы тѣхъ русскихъ еретиковъ Петровскаго времени, которые склонялись на сторону протестантства), Ѳома цирюльникъ всенародно осмѣялъ и изрубилъ въ Успенскомъ соборѣ образъ св. Алексія. О первопредставителѣ тогдашней церковной іерархіи Ѳеодосіѣ Яновскомъ сохранилось извѣстіе, что онъ называлъ Русскихъ идолопоклонниками за то, что они покланялись иконамъ (Слѣд. дѣло объ архіепископѣ Ѳеодосіи въ Русскомъ Архивѣ 1864 г., стр. 135. Слич. Словарь *Бантышъ-Каменскаго*, V, стр. 385—386).

[2]) Этотъ недостатокъ простонародья съ большею яростію порицалъ одинъ изъ послѣдователей Ѳеофана, современникъ его, іеромонахъ Симонъ Кохановскій: „Что же, когда дойдемъ“, говоритъ онъ въ церковномъ словѣ 1720 года, „до окаянной мужицкой, а паче до бабской богословіи, сирѣчь до буесловія и смѣхотворныхъ (?) вопросовъ: которую икону почитать и которую не почитать? Яйцемъ или масломъ письмено, старая или новая? На доскѣ ли, на холстѣ, или на бумагѣ?“ См. *Пекарскаго*, Наука и литература при Петрѣ I, стр. 493).

домахъ, гдѣ нѣтъ изображеній святыхъ или Креста Господня, то тутъ виновны не они, а отступившіе отъ вѣры и благочестія домохозяева. По правиламъ и обычаямъ древней христіанской церкви, всякій обязывался знаменовать себя крестомъ при входѣ въ домъ и выходѣ изъ него. Тогда это соблюдалось, потому что въ каждомъ домѣ были изображенія святыхъ. Но нынѣ этотъ обычай, благодаря безразсудству и неразумію ученыхъ и наплыву въ Русь неправомысленныхъ иноземцевъ, сталъ забываться и выходить изъ употребленія. Нынѣ домы стали украшаться неприличными и свѣтскими картинами [1]). Виноваты ли православные, которые не молятся въ такихъ домахъ, и не болѣе ли виноваты здѣсь сами домовладѣльцы? По ученію 7-го вселенскаго собора храмъ безъ священныхъ образовъ не есть храмъ, и въ немъ не должно молиться Богу, какъ въ храмѣ; точно также и всякій домъ, гдѣ нѣтъ иконъ, или креста, не есть домъ христіанскій. Теперь: явно ли грѣшитъ противъ второй заповѣди тотъ, кто не знаменуется крестомъ въ такомъ домѣ, хотя этого и нельзя одобрить, потому что прославленіе имени Божія всегда и вездѣ имѣетъ значеніе. Продолжая свою мысль, возражатель ссылается на такой примѣръ: если бы мнѣ кто нибудь показалъ строеніе храма и сказалъ, что это церковь, то я тогда только повѣрилъ бы его словамъ, когда увидѣлъ бы изображеніе креста и иконы, а если бы не увидѣлъ ихъ, то и не повѣрилъ бы, что извѣстное зданіе есть домъ Божій, такъ какъ оно можетъ быть и турецкою мечетью, и іудейскою синагогою. Въ зданіи безъ креста и иконъ я не сталъ бы и молиться Богу такъ, какъ молюсь въ св. церкви". Защищая и оправдывая порицаемыхъ авторомъ Катихизиса людей, возражатель снова силится доказать, что люди эти достойны не порицанія и хулы, а человѣколюбиваго призора и снисхожденія, пастырскаго назиданія и наученія, тѣмъ болѣе, что простой народъ, при всемъ своемъ невѣжествѣ, явно отличаетъ иконы святыхъ отъ самыхъ святыхъ. На образахъ обыкновенно подписывается: „образъ св. Николая, образъ св. Димитрія Селунскаго", и народъ знаетъ, что это только образа, а не живыя, изображенныя на нихъ лица; въ этомъ смыслѣ онъ и молится предъ иконами. Поэтому иконопочитаніе простаго народа не есть идолослуженіе, какъ даетъ понять авторъ Катихизиса.

---

[1]) На это жаловался и извѣстный справщикъ Петербургской типографіи Аврамовъ, см. Наука и литература при Петрѣ В., *Пекарскаго*, II, стр. 505—506.

домахъ, гдѣ нѣтъ изображеній святыхъ или Креста Господня, то тутъ виновны не они, а отступившіе отъ вѣры и благочестія домохозяева. По правиламъ и обычаямъ древней христіанской церкви, всякій обязывался знаменовать себя крестомъ при входѣ въ домъ и выходѣ изъ него. Тогда это соблюдалось, потому что въ каждомъ домѣ были изображенія святыхъ. Но нынѣ этотъ обычай, благодаря безразсудству и неразумію ученыхъ и наплыву въ Русь неправомысленныхъ иноземцевъ, сталъ забываться и выходить изъ употребленія. Нынѣ домы стали украшаться неприличными и свѣтскими картинами [1]). Виноваты ли православные, которые не молятся въ такихъ домахъ, и не болѣе ли виноваты здѣсь сами домовладѣльцы? По ученію 7-го вселенскаго собора храмъ безъ священныхъ образовъ не есть храмъ, и въ немъ не должно молиться Богу, какъ въ храмѣ; точно также и всякій домъ, гдѣ нѣтъ иконъ, или креста, не есть домъ христіанскій. Теперь: явно ли грѣшитъ противъ второй заповѣди тотъ, кто не знаменуется крестомъ въ такомъ домѣ, хотя этого и нельзя одобрить, потому что прославленіе имени Божія всегда и вездѣ имѣетъ значеніе. Продолжая свою мысль, возражатель ссылается на такой примѣръ: если бы мнѣ кто нибудь показалъ строеніе храма и сказалъ, что это церковь, то я тогда только повѣрилъ бы его словамъ, когда увидѣлъ бы изображеніе креста и иконы, а если бы не увидѣлъ ихъ, то и не повѣрилъ бы, что извѣстное зданіе есть домъ Божій, такъ какъ оно можетъ быть и турецкою мечетью, и іудейскою синагогою. Въ зданіи безъ креста и иконъ я не сталъ бы и молиться Богу такъ, какъ молюсь въ св. церкви". Защищая и оправдывая порицаемыхъ авторомъ Катихизиса людей, возражатель снова силится доказать, что люди эти достойны не порицанія и хулы, а человѣколюбиваго призора и снисхожденія, пастырскаго назиданія и наученія, тѣмъ болѣе, что простой народъ, при всемъ своемъ невѣжествѣ, явно отличаетъ иконы святыхъ отъ самыхъ святыхъ. На образахъ обыкновенно подписывается: „образъ св. Николая, образъ св. Димитрія Селунскаго", и народъ знаетъ, что это только образа, а не живыя, изображенныя на нихъ лица; въ этомъ смыслѣ онъ и молится предъ иконами. Поэтому иконопочитаніе простаго народа не есть идолослуженіе, какъ даетъ понять авторъ Катихизиса.

---

[1]) На это жаловался и извѣстный справщикъ Петербургской типографіи Аврамовъ, см. Наука и литература при Петрѣ В., *Пекарскаго*, II, стр. 505—506.

При обзорѣ толкованій на третью заповѣдь возражатель находитъ несправедливыми и неправославными слѣдующія сужденія автора Катихизиса: „Лгутъ на Бога оніи проклятіи льстецы, которые иконамъ святымъ, или мощамъ, или мѣсту нѣкоему притворяютъ чудеса и откровенія“. Возражатель удивляется такимъ страннымъ словамъ церковнаго пастыря, и особенно такого, который взялъ на себя обязанность научить и просвѣтить дѣтей: развѣ можно такъ легкомысленно и дерзко выражаться предъ отроками о святыхъ иконахъ, мощахъ и священныхъ мѣстахъ? Дѣтямъ, продолжаетъ возражатель, необходимо слѣдовало: 1) раскрыть, что святыя иконы и мощи всегда творили и творятъ чудеса, лишь бы съ вѣрою и благоговѣніемъ прибѣгали къ нимъ; 2) что для вѣрующихъ въ Бога всегда возможны откровенія свыше; 3) что въ церкви было очень много людей, отличавшихся даромъ пророчества и чудотвореній, и наконецъ, 4) что въ православныхъ странахъ всегда были и могутъ быть святыя мѣста, въ которыхъ проявляется сила и благодать Божія. Подкрѣпивъ надлежащими историческими примѣрами, соборными постановленіями и отеческими писаніями указанныя положенія, авторъ могъ коснуться и того, что въ невѣжественномъ простонародьи (in obscuro vulgo) есть такіе люди, которые разсказываютъ ложныя басни и разглашаютъ ложныя откровенія и несбыточныя чудеса, и что къ разсказамъ такихъ людей нужно относиться съ крайнею осторожностію. Послѣ этого возражатель приводитъ многія отеческія мѣста, въ которыхъ говорится о нетлѣніи мощей и священныхъ мѣстахъ, а также о чудотворныхъ иконахъ.

Желая основательнѣе защитить почитаніе мощей и чудотворныхъ иконъ, возражатель снова обращается къ этому вопросу при разборѣ толкованія на 7-ю заповѣдь, гдѣ авторъ Катихизиса выражается такъ: „Знай, что сей грѣхъ, то есть, обманъ въ притвореніи мощей, будто святыхъ, иконъ и мѣстъ чудотворныхъ, не оставляется, понеже похищенное добро чудесе не возвращено будетъ, то есть Господину своему... Нерѣдко таковые явишася прелестницы, которые прибытка ради притворныя за святыхъ мощи пронесоша, яко же въ Москвѣ иногда случися (что всѣмъ извѣстно есть). И иная нѣкая симъ подобная, подъ покрываломъ святости, лестцы оныя простымъ людемъ утвердиша, яко же млеко пресв. Богородицы, кровь Іисуса Христа и власы брады Его, что все противно истинѣ“. Возражатель соглашается съ своимъ противникомъ въ томъ, что въ народѣ дѣйствительно ходятъ разныя басни о молокѣ Божіей Матери, о крови, бородѣ и волосахъ Спасителя, что

При обзорѣ толкованій на третью заповѣдь возражатель находитъ несправедливыми и неправославными слѣдующія сужденія автора Катихизиса: „Лгутъ на Бога оніи проклятіи льстецы, которые иконамъ святымъ, или мощамъ, или мѣсту нѣкоему притворяютъ чудеса и откровенія“. Возражатель удивляется такимъ страннымъ словамъ церковнаго пастыря, и особенно такого, который взялъ на себя обязанность научить и просвѣтить дѣтей: развѣ можно такъ легкомысленно и дерзко выражаться предъ отроками о святыхъ иконахъ, мощахъ и священныхъ мѣстахъ? Дѣтямъ, продолжаетъ возражатель, необходимо слѣдовало: 1) раскрыть, что святыя иконы и мощи всегда творили и творятъ чудеса, лишь бы съ вѣрою и благоговѣніемъ прибѣгали къ нимъ; 2) что для вѣрующихъ въ Бога всегда возможны откровенія свыше; 3) что въ церкви было очень много людей, отличавшихся даромъ пророчества и чудотвореній, и наконецъ, 4) что въ православныхъ странахъ всегда были и могутъ быть святыя мѣста, въ которыхъ проявляется сила и благодать Божія. Подкрѣпивъ надлежащими историческими примѣрами, соборными постановленіями и отеческими писаніями указанныя положенія, авторъ могъ коснуться и того, что въ невѣжественномъ простонародьи (in obscuro vulgo) есть такіе люди, которые разсказываютъ ложныя басни и разглашаютъ ложныя откровенія и несбыточныя чудеса, и что къ разсказамъ такихъ людей нужно относиться съ крайнею осторожностію. Послѣ этого возражатель приводитъ многія отеческія мѣста, въ которыхъ говорится о нетлѣніи мощей и священныхъ мѣстахъ, а также о чудотворныхъ иконахъ.

Желая основательнѣе защитить почитаніе мощей и чудотворныхъ иконъ, возражатель снова обращается къ этому вопросу при разборѣ толкованія на 7-ю заповѣдь, гдѣ авторъ Катихизиса выражается такъ: „Знай, что сей грѣхъ, то есть, обманъ въ притвореніи мощей, будто святыхъ, иконъ и мѣстъ чудотворныхъ, не оставляется, понеже похищенное добро чудесе не возвращено будетъ, то есть Господину своему... Нерѣдко таковые явишася прелестницы, которые прибытка ради притворныя за святыхъ мощи пронесоша, яко же въ Москвѣ иногда случися (что всѣмъ извѣстно есть). И иная нѣкая симъ подобная, подъ покрываломъ святости, лестцы оные простымъ людемъ утвердиша, яко же млеко пресв. Богородицы, кровь Іисуса Христа и власы брады Его, что все противно истинѣ“. Возражатель соглашается съ своимъ противникомъ въ томъ, что въ народѣ дѣйствительно ходятъ разныя басни о молокѣ Божіей Матери, о крови, бородѣ и волосахъ Спасителя, что

и доселѣ Нептунъ почитается вмѣсто Спиридона, и проч. Но эти суевѣрія искоренимы, и виноваты въ нихъ не простолюдины, а ложные проповѣдники и обманщики, то есть, не обманывающіеся, а обманывающіе, которые и получаютъ достойную мзду, подобно тому, какъ за дурныя лѣкарства всегда порицаются и обвиняются не больные, а врачи. Но упрекая разныхъ льстецовъ, авторъ Катихизиса, по мнѣнію Кантемира, не имѣетъ никакого права выражаться объ иконахъ, мощахъ и чудотворныхъ мѣстахъ, какъ *будто святыхъ*. Эта фраза неизбѣжно выражаетъ недовѣріе къ предмету, и оставленная безъ разъясненія, она можетъ поколебать отроческій умъ въ такихъ вещахъ, которыя должны быть для нихъ святы и ненарушимы. Что же касается грѣха льстецовъ, то онъ можетъ быть и прощенъ Отцемъ небеснымъ при совершенномъ раскаяніи ихъ, такъ какъ онъ не есть грѣхъ противъ Духа Святаго, не прощаемый ни въ этой, ни въ будущей жизни, по ученію Спасителя. Въ разборѣ той же заповѣди возражатель совѣтуетъ автору „Перваго ученія отрокомъ“ воздерживаться отъ перевода знаменательныхъ словъ, которыя теряютъ свою надлежащую силу и значеніе въ переводѣ: „Лучше бы греческія слова (символъ, *λατρία, δουλία, υπερδουλία, προσκύνησις*) оставить безъ перевода, потому что въ нѣкоторыхъ богословскихъ реченіяхъ славянскій языкъ страждетъ и грѣшитъ, между тѣмъ, какъ по гречески они просты и ясны“. По справедливому замѣчанію г. Чистовича, этотъ совѣтъ напоминаетъ старый не свойственный православной церкви предразсудокъ, по которому понятій и истинъ христіанскаго ученія нельзя выразить ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ еврейскаго, греческаго и латинскаго.

Въ толкованіи четвертой заповѣди Кантемиръ нашелъ ту несообразность, что авторъ Катихизиса слишкомъ высоко ставитъ каждаго пастыря церкви, приписывая его словамъ божественную силу: „Не подобаетъ не вѣдѣти“, замѣчаетъ возражатель, „яко не всякъ ученый въ церкви или въ приватныхъ предикахъ по истинѣ добрый пастырь и благочестный учитель есть; тѣмже подобаетъ искушати духа. Мнози бо быть могутъ, иже отвнѣ жезлъ и одежду пастырскую носити являются, внутрь же суть наемницы, волкамъ безопасно похищати попущающіи; паче же сами, овчею прикрывшеся кожею, волцы суть... Восклицаше иногда Кикеронъ, римскаго краснословія начальникъ: o tempora, o mores! Не потребѣ и нынѣ восклицати: о церкви, о пастырей!“

Въ этихъ словахъ рисуется портретъ Прокоповича и его привер-

и доселѣ Нептунъ почитается вмѣсто Спиридона, и проч. Но эти суевѣрія искоренимы, и виноваты въ нихъ не простолюдины, а ложные проповѣдники и обманщики, то есть, не обманывающіеся, а обманывающіе, которые и получаютъ достойную мзду, подобно тому, какъ за дурныя лѣкарства всегда порицаются и обвиняются не больные, а врачи. Но упрекая разныхъ льстецовъ, авторъ Катихизиса, по мнѣнію Кантемира, не имѣетъ никакого права выражаться объ иконахъ, мощахъ и чудотворныхъ мѣстахъ, какъ *будто святыхъ*. Эта фраза неизбѣжно выражаетъ недовѣріе къ предмету, и оставленная безъ разъясненія, она можетъ поколебать отроческій умъ въ такихъ вещахъ, которыя должны быть для нихъ святы и ненарушимы. Что же касается грѣха льстецовъ, то онъ можетъ быть и прощенъ Отцемъ небеснымъ при совершенномъ раскаяніи ихъ, такъ какъ онъ не есть грѣхъ противъ Духа Святаго, не прощаемый ни въ этой, ни въ будущей жизни, по ученію Спасителя. Въ разборѣ той же заповѣди возражатель совѣтуетъ автору „Перваго ученія отрокомъ“ воздерживаться отъ перевода знаменательныхъ словъ, которыя теряютъ свою надлежащую силу и значеніе въ переводѣ: „Лучше бы греческія слова (символъ, *λατρία, δουλία, υπερδουλία, προσκίνησις*) оставить безъ перевода, потому что въ нѣкоторыхъ богословскихъ реченіяхъ славянскій языкъ страждетъ и грѣшитъ, между тѣмъ, какъ по гречески они просты и ясны“. По справедливому замѣчанію г. Чистовича, этотъ совѣтъ напоминаетъ старый не свойственный православной церкви предразсудокъ, по которому понятій и истинъ христіанскаго ученія нельзя выразить ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ еврейскаго, греческаго и латинскаго.

Въ толкованіи четвертой заповѣди Кантемиръ нашелъ ту несообразность, что авторъ Катихизиса слишкомъ высоко ставитъ каждаго пастыря церкви, приписывая его словамъ божественную силу: „Не подобаетъ не вѣдѣти“, замѣчаетъ возражатель, „яко не всякъ ученый въ церкви или въ приватныхъ предикахъ по истинѣ добрый пастырь и благочестный учитель есть; тѣмже подобаетъ искушати духа. Мнози бо быть могутъ, иже отвнѣ жезлъ и одежду пастырскую носити являются, внутрь же суть наемницы, волкамъ безопасно похищати попущающіи; паче же сами, овчею прикрывшеся кожею, волцы суть... Восклицаше иногда Кикеронъ, римскаго краснословія начальникъ: o tempora, o mores! Не потребѣ и нынѣ восклицати: о церкви, о пастырей!“

Въ этихъ словахъ рисуется портретъ Прокоповича и его привер-

женцевъ, и притомъ портретъ, не совсѣмъ утрированный. Вся эта группа духовныхъ лицъ какъ извѣстно, сквозь пальцы смотрѣла на распространеніе въ Россіи протестантскихъ религіозныхъ воззрѣній [1]), и если указывала на него, то лишь слабо и какъ-бы мимоходомъ. Такимъ образомъ они волей-неволей являлись „наемниками, волкамъ безопасно похищати стадо попущающими".

Обращаясь къ толкованію пятой заповѣди, возражатель останавливается на слѣдующихъ словахъ Катихизиса: „Дѣти должны родителямъ всякимъ послушаніемъ и безъ ихъ благословенія не начинать никакого дѣла важнаго, наипаче не избирать чина житія брачнаго или монашескаго". Возражая на это, Кантемиръ говоритъ: „Еже глаголется не избирать чина житія брачнаго, за позволеніемъ автора реклъ бы, яко не подлежатъ сему закону. Какъ сынъ не долженъ безъ соизволенія своихъ родителей вступать въ бракъ, такъ и родители не должны принуждать взять ту, которой онъ не хочетъ, съ каковою у него ни по возрасту, ни по любленію каковое-либо сходство быти показуется; напримѣръ, аще бы родители понуждали сына своего, 17 лѣтъ суща, пояти жену 40 лѣтъ или хотя и 15-лѣтну слѣпую или съ другимъ недостаткомъ, какой-либо знаменитой въ тѣлѣ части лишенную, для богатства и высшаго рода, а онъ ни богатства, ни рода, а только жены по желанію своего сердца желалъ бы". Въ большей степени не рекомендуетъ возражатель вмѣшиваться родителямъ въ рѣшенія дѣтей, желающихъ поступить въ монахи. Это послѣднее замѣчаніе Кантемира особенно важно по отношеніи ко времени. Кантемиръ отвергаетъ всякій контроль родителей надъ дѣтьми при поступленіи ихъ въ монашество; между тѣмъ стремленіе къ монашеской жизни было чрезвычайно распространено въ старой Руси и въ Петровское время. Извѣстны мѣры, которыя принималъ Петръ противъ крайностей этого направленія, которое порождало множество негодныхъ „тунеядцевъ" монаховъ въ его вре-

---

[1]) По мнѣнію Маркелла Родышевскаго, эта партія положительно способствовала развитію протестантизма на Руси: „Ѳеофанъ, Ѳеодосій (Яновскій), Гавріилъ (Бужинскій), Ѳеофилъ Круликъ, Симонъ (Кохановскій) Горка (Лаврентій), Адамъ и другіе ихъ единомышленники", не безъ преувеличенія говоритъ Маркеллъ, „смѣло начали поносить и ругать древнее благочестіе и словесно потщились вводить свое еретическое ученіе, о нихъ же всѣмъ православнымъ христіаномъ стало быть весьма видно" (Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, *Чистовича*, стр. 265; сл. стр. 303—304).

женцевъ, и притомъ портретъ, не совсѣмъ утрированный. Вся эта група духовныхъ лицъ какъ извѣстно, сквозь пальцы смотрѣла на распространеніе въ Россіи протестантскихъ религіозныхъ воззрѣній [1]), и если указывала на него, то лишь слабо и какъ-бы мимоходомъ. Такимъ образомъ они волей-неволей являлись „наемниками, волкамъ безопасно похищати стадо попущающими".

Обращаясь къ толкованію пятой заповѣди, возражатель останавливается на слѣдующихъ словахъ Катихизиса: „Дѣти должны родителямъ всякимъ послушаніемъ и безъ ихъ благословенія не начинать никакого дѣла важнаго, наипаче не избирать чина житія брачнаго или монашескаго". Возражая на это, Кантемиръ говоритъ: „Еже глаголется не избирать чина житія брачнаго, за позволеніемъ автора рекль бы, яко не подлежатъ сему закону. Какъ сынъ не долженъ безъ соизволенія своихъ родителей вступать въ бракъ, такъ и родители не должны принуждать взять ту, которой онъ не хочетъ, съ каковою у него ни по возрасту, ни по любленію каковое-либо сходство быти показуется; напримѣръ, аще бы родители понуждали сына своего, 17 лѣтъ суща, пояти жену 40 лѣтъ или хотя и 15-лѣтну слѣпую или съ другимъ недостаткомъ, какой-либо знаменитой въ тѣлѣ части лишенную, для богатства и высшаго рода, а онъ ни богатства, ни рода, а только жены по желанію своего сердца желалъ бы". Въ большей степени не рекомендуетъ возражатель вмѣшиваться родителямъ въ рѣшенія дѣтей, желающихъ поступить въ монахи. Это послѣднее замѣчаніе Кантемира особенно важно по отношеніи ко времени. Кантемиръ отвергаетъ всякій контроль родителей надъ дѣтьми при поступленіи ихъ въ монашество; между тѣмъ стремленіе къ монашеской жизни было чрезвычайно распространено въ старой Руси и въ Петровское время. Извѣстны мѣры, которыя принималъ Петръ противъ крайностей этого направленія, которое порождало множество негодныхъ „тунеядцевъ" монаховъ въ его вре-

---

[1]) По мнѣнію Маркелла Родышевскаго, эта партія положительно способствовала развитію протестантизма на Руси: „Ѳеофанъ, Ѳеодосій (Яновскій), Гавріилъ (Бужинскій), Ѳеофилъ Круликъ, Симонъ (Кохановскій) Горка (Лаврентій), Адамъ и другіе ихъ единомышленники", не безъ преувеличенія говоритъ Маркеллъ, „смѣло начали поносить и ругать древнее благочестіе и словесно потщились вводить свое еретическое ученіе, о нихъ же всѣмъ православнымъ христіаномъ стало быть весьма видно" (Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, *Чистовича*, стр. 265; сл. стр. 303—304).

мя. Димитрій Кантемиръ высказываетъ мнѣніе, совершенно противуположное тому, котораго держался государь.

По разсмотрѣніи толкованій Прокоповича на семь заповѣдей десятословія, возражатель въ дальнѣйшей полемикѣ ограничивается небольшими и легкими замѣтками о приснодѣвствѣ Богоматери, о равночестіи Сына съ Отцемъ, объ источникахъ христіанскаго вѣроученія. Въ заключеніи, „in libelli epilogo“, онъ дѣлаетъ упрекъ ученому и возвышенному (docto et sublimi) автору „Перваго ученія отрокомъ“ въ томъ, что тотъ, издавая доктрину изъ доктринъ, Катихизисъ изъ катихизисовъ, не остался вѣренъ Св. Писанію, не воспользовался какъ слѣдуетъ, своею ученостію и не представилъ безошибочно-вѣрнаго, православнаго и пригоднаго толкованія для дѣтей.

Всматриваясь внимательно и безпристрастно въ возраженія Димитрія Кантемира на „Первое ученіе отрокомъ“, мы нашли, что эти возраженія иногда натянуты и мелочны до пустаго словопренія, иногда поспѣшны и неосмотрительны, но въ большинствѣ случаевъ мѣтки, здравы и доказательны. Обладая богатымъ запасомъ тогдашней богословской эрудиціи, отличаясь свѣтлымъ и честнымъ взглядомъ на современный порядокъ вещей и вполнѣ сочувствуя исторически освященнымъ и плотно-сложившимся древнимъ церковнымъ обычаямъ и воззрѣніямъ, Димитрій Кантемиръ представилъ увлекавшемуся тогда обществу вѣскія и далеко не безполезныя замѣчанія и предостереженія. Въ то время, когда поспѣшно и круто совершался на Руси общественный переворотъ, когда въ Россію проникали протестантскія воззрѣнія [1]), и русское молодое и взволнованное поколѣніе при своемъ невѣжествѣ готово было увлекаться всякимъ новымъ направленіемъ [2]), дѣльный и безпристрастный отзывъ Димитрія Кантемира объ ошибкахъ Прокоповича, а неразлучно съ тѣмъ, о неправотѣ и несостоятельности протестантскихъ церковныхъ новшествъ, могъ оказать отрезвляющее и полезное вліяніе на тогдашніе умы. Умныя замѣчанія Кантемира были тѣмъ уважительнѣе и вліятельнѣе, что авторъ ихъ, при своей учености и значительно высокомъ и независимомъ положеніи [3]), не

[1]) *Пекарскій*, I, стр. 128, 135—139; *Устряловъ*, Исторія Петра В., III, 511—512.

[2]) Описаніе рукописей Синод. Библіотеки, отд. II, стр. 417—418; Прибавленія къ твореніямъ св. отцевъ, ст. „Янъ Бѣлободскій и Павелъ Негребецкій“; Дневникъ Берхгольца, II, стр. 160, 244—245; *Пекарскій*, I, стр. 505—506.

[3]) Димитрій Кантемиръ по прибытіи въ Россію въ 1711 г. сохранилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя и правосуда надъ выходцами Молдаванами (Сочиненія Ант. Кантемира, изд. *Ефремова*, стр. XII).

мя. Димитрій Кантемиръ высказываетъ мнѣніе, совершенно противуположное тому, котораго держался государь.

По разсмотрѣніи толкованій Прокоповича на семь заповѣдей десятословія, возражатель въ дальнѣйшей полемикѣ ограничивается небольшими и легкими замѣтками о приснодѣвствѣ Богоматери, о равночестіи Сына съ Отцемъ, объ источникахъ христіанскаго вѣроученія. Въ заключеніи, „in libelli epilogo“, онъ дѣлаетъ упрекъ ученому и возвышенному (docto et sublimi) автору „Перваго ученія отрокомъ“ въ томъ, что тотъ, издавая доктрину изъ доктринъ, Катихизисъ изъ катихизисовъ, не остался вѣренъ Св. Писанію, не воспользовался какъ слѣдуетъ, своею ученостію и не представилъ безошибочно-вѣрнаго, православнаго и пригоднаго толкованія для дѣтей.

Всматриваясь внимательно и безпристрастно въ возраженія Димитрія Кантемира на „Первое ученіе отрокомъ“, мы нашли, что эти возраженія иногда натянуты и мелочны до пустаго словопренія, иногда поспѣшны и неосмотрительны, но въ большинствѣ случаевъ мѣтки, здравы и доказательны. Обладая богатымъ запасомъ тогдашней богословской эрудиціи, отличаясь свѣтлымъ и честнымъ взглядомъ на современный порядокъ вещей и вполнѣ сочувствуя исторически освященнымъ и плотно-сложившимся древнимъ церковнымъ обычаямъ и воззрѣніямъ, Димитрій Кантемиръ представилъ увлекавшемуся тогда обществу вѣскія и далеко не безполезныя замѣчанія и предостереженія. Въ то время, когда поспѣшно и круто совершался на Руси общественный переворотъ, когда въ Россію проникали протестантскія воззрѣнія [1]), и русское молодое и взволнованное поколѣніе при своемъ невѣжествѣ готово было увлекаться всякимъ новымъ направленіемъ [2]), дѣльный и безпристрастный отзывъ Димитрія Кантемира объ ошибкахъ Прокоповича, а неразлучно съ тѣмъ, о неправотѣ и несостоятельности протестантскихъ церковныхъ новшествъ, могъ оказать отрезвляющее и полезное вліяніе на тогдашніе умы. Умныя замѣчанія Кантемира были тѣмъ уважительнѣе и вліятельнѣе, что авторъ ихъ, при своей учености и значительно высокомъ и независимомъ положеніи [3]), не

[1]) *Пекарскій*, I, стр. 128, 135—139; *Устряловъ*, Исторія Петра В., III, 511—512.

[2]) Описаніе рукописей Синод. Библіотеки, отд. II, стр. 417—418; Прибавленія къ твореніямъ св. отцевъ, ст. „Янъ Бѣлободскій и Павелъ Негребецкій“; Дневникъ Берхгольца, II, стр. 160, 244—245; *Пекарскій*, I, стр. 505—506.

[3]) Димитрій Кантемиръ по прибытіи въ Россію въ 1711 г. сохранилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя и правосуда надъ выходцами Молдаванами (Сочиненія Ант. Кантемира, изд. *Ефремова*, стр. XII).

былъ лично и своекорыстно заинтересованъ церковною реформою Петра и тою кипучею и разъяренною борьбою, которая велась изъ за нея между іерархическими дѣятелями церкви. Вспомнимъ также и сравнительно ровный, сдержанный и трезвый тонъ Кантемировой полемики съ Прокоповичемъ [1]), замѣтно выдѣлявшій эти возраженія изъ ряда другихъ современныхъ полемическихъ выходокъ [2]). Кантемиръ уважительно отнесся къ нѣкоторымъ здравымъ замѣткамъ своего противника и сохранилъ при этомъ теплое и увлекательно-симпатичное отношеніе къ твердымъ, издревле-выработаннымъ педагогическимъ идеаламъ и завѣтамъ восточныхъ и русскихъ отцевъ и къ ученію православной церкви. Все это не могло не вразумлять лучшихъ современниковъ Кантемира, способныхъ понять цѣну русскихъ началъ и формъ жизни.

Но какъ же подѣйствовало возраженіе Кантемира на самаго Прокоповича?

Ѳеофанъ, никогда и ни въ чемъ не уступавшій своимъ противникамъ и всегда клеймившій ихъ или язвительною сатирою, или клеветой и интригами, не забылъ отвѣтить и нашему возражателю въ письмѣ къ одной духовной особѣ. Вотъ его отвѣтъ: „Преподобнѣйшій отче! Не мало дивно мнѣ, что нѣціи сумнѣваются (какъ я отъ вашего преподобія иногда слышалъ) о нашемъ словѣ въ наставленіи отроческомъ, гдѣ мы написали, что св. седьмой соборъ вселенскій не велитъ иконъ почитать истиннымъ служеніемъ, и прочая. Посмотрѣли бы оные прекословцы: въ соборѣ ономъ такъ ли стоитъ? Ибо мы слово истое собора онаго положили, и

---

[1]) Въ этомъ отношеніи съ сочиненіемъ Кантемира можно сравнить только „Рожнецъ духовный“, монаха Нафнутія, написанный по поводу Московскихъ еретиковъ при Петрѣ Великомъ. Сравнительно ровный и спокойный тонъ полемики Кантемира, съ одной стороны, условливался старческими годами его, а съ другой—свѣтлымъ и безпристрастнымъ взглядомъ его на дѣло полемики.

[2]) Мы уже видѣли, что самъ Ѳеофилактъ Лопатинскій сильно и энергично порицалъ Ѳеофана за его увлеченіе протестантскими идеями. Что же касается другихъ многочисленныхъ противниковъ Прокоповича, то изъ устъ ихъ постоянно выходили такіе отзывы: „Ѳеофанъ училъ еретичеству и многія ереси въ народѣ всѣвалъ и безчисленныя хулы на Св. Церковь говорилъ“, онъ съ своими союзниками „великія озлобленія, досады и гоненія церкви святѣй чинилъ“, онъ—„мерзкій ересіархъ, безбожникъ и достоинъ съ товарищи на Красной площади или на болотѣ такой же славы, яко же Ѳома цирюльникъ“, и проч. (Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., кн. I; Рѣшиловское дѣло, *Чистовича* и его же „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“).

былъ лично и своекорыстно заинтересованъ церковною реформою Петра и тою кипучею и разъяренною борьбою, которая велась изъ за нея между іерархическими дѣятелями церкви. Вспомнимъ также и сравнительно ровный, сдержанный и трезвый тонъ Кантемировой полемики съ Прокоповичемъ [1]), замѣтно выдѣлявшій эти возраженія изъ ряда другихъ современныхъ полемическихъ выходокъ [2]). Кантемиръ уважительно отнесся къ нѣкоторымъ здравымъ замѣткамъ своего противника и сохранилъ при этомъ теплое и увлекательно-симпатичное отношеніе къ твердымъ, издревле-выработаннымъ педагогическимъ идеаламъ и завѣтамъ восточныхъ и русскихъ отцевъ и къ ученію православной церкви. Все это не могло не вразумлять лучшихъ современниковъ Кантемира, способныхъ понять цѣну русскихъ началъ и формъ жизни.

Но какъ же подѣйствовало возраженіе Кантемира на самаго Прокоповича?

Ѳеофанъ, никогда и ни въ чемъ не уступавшій своимъ противникамъ и всегда клеймившій ихъ или язвительною сатирою, или клеветой и интригами, не забылъ отвѣтить и нашему возражателю въ письмѣ къ одной духовной особѣ. Вотъ его отвѣтъ: „Преподобнѣйшій отче! Не мало дивно мнѣ, что нѣціи сумнѣваются (какъ я отъ вашего преподобія иногда слышалъ) о нашемъ словѣ въ наставленіи отроческомъ, гдѣ мы написали, что св. седьмой соборъ вселенскій не велитъ иконъ почитать истиннымъ служеніемъ, и прочая. Посмотрѣли бы оные прекословцы: въ соборѣ ономъ такъ ли стоитъ? Ибо мы слово истое собора онаго положили, и

---

[1]) Въ этомъ отношеніи съ сочиненіемъ Кантемира можно сравнить только „Рожнецъ духовный“, монаха Нафнутія, написанный по поводу Московскихъ еретиковъ при Петрѣ Великомъ. Сравнительно ровный и спокойный тонъ полемики Кантемира, съ одной стороны, условливался старческими годами его, а съ другой—свѣтлымъ и безпристрастнымъ взглядомъ его на дѣло полемики.

[2]) Мы уже видѣли, что самъ Ѳеофилактъ Лопатинскій сильно и энергично порицалъ Ѳеофана за его увлеченіе протестантскими идеями. Что же касается другихъ многочисленныхъ противниковъ Прокоповича, то изъ устъ ихъ постоянно выходили такіе отзывы: „Ѳеофанъ училъ еретичеству и многія ереси въ народѣ всѣвалъ и безчисленныя хулы на Св. Церковь говорилъ“, онъ съ своими союзниками „великія озлобленія, досады и гоненія церкви святѣй чинилъ“, онъ—„мерзкій ересіархъ, безбожникъ и достоинъ съ товарищи на Красной площади или на болотѣ такой же славы, яко же Ѳома цирюльникъ“, и проч. (Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., кн. I; Рѣшиловское дѣло, *Чистовича* и его же „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“).

для того характеромъ крупнымъ напечатано. И если не такъ соборъ говоритъ или не такими словами, то было бы имъ для чего сумнѣваться, и моя ложь была бы явна. А сумнѣваться и прекословять подъ такимъ розыскомъ дивно во истину; а еще дивнѣе того, если и видѣли слово соборное, а однакожь порицаютъ насъ, понеже мы нашима очима слово тое на св. соборѣ видимъ, по двоихъ изданіяхъ еллино-латинскихъ на Римскомъ и Парижскомъ, и книги оныя посылаю вашему преподобію.

„Да мнится мнѣ—слово греческое λατρεία устрашило ихъ, и думаютъ, ,что недобрѣ мы перевели λατρεία славенски служеніемъ; да вельми въ томъ погрѣшаютъ, помышляюще, что служеніе не λατρεία, но другое слово греческое δουλεία знаменуетъ, и того ради переводъ нашъ охуждаютъ... До здѣ наша рѣчь была о переводѣ слова. Еще поговоримъ и о самой вещи. Которые прекословятъ намъ здѣ, хотятъ почитать иконы святымъ служеніемъ. Что се слышу новое? Какъ же служить иконамъ? Благоволили бы намъ истолковать. Только сіе мнѣніе, яко злочестивое, отвергаетъ 7-й соборъ вселенскій.

„Наконецъ вельми дивно, что прекословящіи не изволили внять, о какомъ служеніи глаголемъ мы съ соборомъ вселенскимъ. Вѣдь не нагое служенія слово положено тамъ, но съ такъ высокими прилогами, что весьма злочестивый будетъ, аще кто такое служеніе коей-либо и высочайшей твари восписати дерзнетъ. Много таковыхъ словъ есть, которыя сами собою ни доброе, ни злое, ни малое что, ни великое означаютъ; а когда приложимъ къ нимъ опись другими словами, покажутъ намъ или злое, или доброе, или малое, или великое. Напримѣръ, глаголъ сей: „вѣрую“ самъ собою ни зла, ни добра намъ не являетъ, а съ такимъ придаткомъ: „вѣрую слову Божію“ великое добро, а съ другимъ таковымъ: „вѣрую бѣсовскому ученію“ великое зло представляетъ. Подобнѣ имъ слово „имѣніе“ ни малую, ни великую силу показуетъ само собою; но аще рекли: „имѣніе сего человѣка до 10 милліоновъ,“ слышу великое богатство; аще же рекли о другомъ: „имѣніе его все не стоитъ 5 рублей съ полтиною“, слышу великую скудость. Такъ разсуждати подобаетъ и о служеніи. Слово сіе само собою значитъ ни что иное, токмо подчиненну быти воли чьей и повелѣнія его хранити, а не являетъ само собою, какое оное есть подчиненіе: можетъ бо и малое, и великое быти. Подчиненъ есть самовольный слуга господину своему, да больше подчиненъ не свободный рабъ, каковіи прежде бывали купленніи, а у насъ въ Россіи крестьяни.

для того характеромъ крупнымъ напечатано. И если не такъ соборъ говоритъ или не такими словами, то было бы имъ для чего сумнѣваться, и моя ложь была бы явна. А сумнѣваться и прекословить подъ такимъ розыскомъ дивно во истину; а еще дивнѣе того, если и видѣли слово соборное, а однакожь порицаютъ насъ, понеже мы нашима очима слово тое на св. соборѣ видимъ, по двоихъ изданіяхъ еллино-латинскихъ на Римскомъ и Парижскомъ, и книги оныя посылаю вашему преподобію.

„Да мнится мнѣ—слово греческое λατρεία устрашило ихъ, и думаютъ, ,что недобрѣ мы перевели λατρεία славенски служеніемъ; да вельми въ томъ погрѣшаютъ, помышляюще, что служеніе не λατρεία, но другое слово греческое δουλεία знаменуетъ, и того ради переводъ нашъ охуждаютъ... До здѣ наша рѣчь была о переводѣ слова. Еще поговоримъ и о самой вещи. Которые прекословятъ намъ здѣ, хотятъ почитать иконы святымъ служеніемъ. Что се слышу новое? Какъ же служить иконамъ? Благоволили бы намъ истолковать. Только сіе мнѣніе, яко злочестивое, отвергаетъ 7-й соборъ вселенскій.

„Наконецъ вельми дивно, что прекословящіи не изволили внять, о какомъ служеніи глаголемъ мы съ соборомъ вселенскимъ. Вѣдь не нагое служенія слово положено тамъ, но съ такъ высокими прилогами, что весьма злочестивый будетъ, аще кто такое служеніе коей-либо и высочайшей твари восписати дерзнетъ. Много таковыхъ словъ есть, которыя сами собою ни доброе, ни злое, ни малое что, ни великое означаютъ; а когда приложимъ къ нимъ опись другими словами, покажутъ намъ или злое, или доброе, или малое, или великое. Напримѣръ, глаголъ сей: „вѣрую“ самъ собою ни зла, ни добра намъ не являетъ, а съ такимъ придаткомъ: „вѣрую слову Божію“ великое добро, а съ другимъ таковымъ: „вѣрую бѣсовскому ученію“ великое зло представляетъ. Подобнѣ имъ слово „имѣніе“ ни малую, ни великую силу показуетъ само собою; но аще рекли: „имѣніе сего человѣка до 10 милліоновъ,“ слышу великое богатство; аще же рекли о другомъ: „имѣніе его все не стоитъ 5 рублей съ полтиною“, слышу великую скудость. Такъ разсуждати подобаетъ и о служеніи. Слово сіе само собою значитъ ни что иное, токмо подчиненну быти воли чьей и повелѣнія его хранити, а не являетъ само собою, какое оное есть подчиненіе: можетъ бо и малое, и великое быти. Подчиненъ есть самовольный слуга господину своему, да больше подчиненъ не свободный рабъ, каковіи прежде бывали купленніи, а у насъ въ Россіи крестьяни.

И еще какъ слуга, такъ рабъ и вси прочіи больше подчинены суть власти высочайшей, все отечество управляющей. Неравность сія подчиненія и служенія не можетъ познаватися отъ единаго слова сего: слуга или служеніе, а опознавается съ прилогомъ, напримѣръ, таковымъ: сей служитъ сему господину самовольно, а сей приписный рабъ есть ему. Сіе ясное всѣхъ есть вѣдѣніе, и отъ сего не трудно уразумѣти можно, какое подчиненіе есть человѣка Богу.

„Что больше требуютъ и что на сіе скажутъ прекословцы? Не совершенное ли поклоненіе показалъ намъ Христосъ? Аще не совершенное, то для чего не научилъ насъ совершеннѣйшему? Аще же совершенное, то какъ тое поклоненіе принесемъ къ тварямъ? Сравнимъ ли твари съ Богомъ?“

Смыслъ словъ Ѳеофана, увертливо отдѣлывающагося отъ своего критика, прозрачно показываетъ, что онъ не желалъ серьезно защищать свои толкованія, будучи убѣжденъ въ ихъ непогрѣшимости и недосягаемости для современныхъ, по его мнѣнію, невѣжественныхъ рецензентовъ. Прокоповичъ однажды на всегда убѣдился, что его противники „прекословцы, буесловцы, прузи, безумные разскащики, не разумѣющіе Св. Писанія, и пустые латынщики, сражающіеся съ собственными мечтами и сновидѣніями“. Подъ вліяніемъ такого убѣжденія онъ избиралъ довольно легкое и унизительное орудіе для сраженія съ ними, игралъ словами, отдѣлывался насмѣшкой, а чаще всего, бранью и интригами. Въ послѣднихъ приведенныхъ тирадахъ Прокоповича — одна удачная игра словъ и явная лавировка дѣломъ. Взявшись выяснить слово „служеніе“ (въ отношеніи къ иконопочитанію), онъ затянулъ его нитью аналогій и примѣровъ и вовсе не раскрылъ сущности и духа служенія Богу. Вообще, въ приведенныхъ словахъ Ѳеофанъ обнаруживаетъ ту искусно изощренную способность, которою онъ приводилъ въ изумленіе и замѣшательство даже тайную канцелярію при Аннѣ Іоанновнѣ. Никто лучше его не умѣлъ перетолковывать въ извѣстную сторону слова, фразы и выраженія (при кропотливомъ сравненіи, изученіи и анализѣ ихъ), встрѣчавшіяся въ подметныхъ письмахъ и другихъ пасквиляхъ. Не вступая съ своимъ возражателемъ въ серьезную полемику, Ѳеофанъ, по обычаю сильныхъ міра, сдѣлалъ ему приличное наставленіе и обличеніе: „Зри, преподобнѣйшій отче, какъ недобрѣ дѣется, что не сильно у насъ слово св. ап. Іакова: *не мнози учители бывайте, братія мои, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ*. Многое искусство въ

И еще какъ слуга, такъ рабъ и вси прочіи больше подчинены суть власти высочайшей, все отечество управляющей. Неравность сія подчиненія и служенія не можетъ познаватися отъ единаго слова сего: слуга или служеніе, а опознавается съ прилогомъ, напримѣръ, таковымъ: сей служитъ сему господину самовольно, а сей приписный рабъ есть ему. Сіе ясное всѣхъ есть вѣдѣніе, и отъ сего не трудно уразумѣти можно, какое подчиненіе есть человѣка Богу.

„Что больше требуютъ и что на сіе скажутъ прекословцы? Не совершенное ли поклоненіе показалъ намъ Христосъ? Аще не совершенное, то для чего не научилъ насъ совершеннѣйшему? Аще же совершенное, то какъ тое поклоненіе принесемъ къ тварямъ? Сравнимъ ли твари съ Богомъ?“

Смыслъ словъ Ѳеофана, увертливо отдѣлывающагося отъ своего критика, прозрачно показываетъ, что онъ не желалъ серьезно защищать свои толкованія, будучи убѣжденъ въ ихъ непогрѣшимости и недосягаемости для современныхъ, по его мнѣнію, невѣжественныхъ рецензентовъ. Прокоповичъ однажды на всегда убѣдился, что его противники „прекословцы, буесловцы, прузи, безумные разскащики, не разумѣющіе Св. Писанія, и пустые латынщики, сражающіеся съ собственными мечтами и сновидѣніями“. Подъ вліяніемъ такого убѣжденія онъ избиралъ довольно легкое и унизительное орудіе для сраженія съ ними, игралъ словами, отдѣлывался насмѣшкой, а чаще всего, бранью и интригами. Въ послѣднихъ приведенныхъ тирадахъ Прокоповича — одна удачная игра словъ и явная лавировка дѣломъ. Взявшись выяснить слово „служеніе“ (въ отношеніи къ иконопочитанію), онъ затянулъ его нитью аналогій и примѣровъ и вовсе не раскрылъ сущности и духа служенія Богу. Вообще, въ приведенныхъ словахъ Ѳеофанъ обнаруживаетъ ту искусно изощренную способность, которою онъ приводилъ въ изумленіе и замѣшательство даже тайную канцелярію при Аннѣ Іоанновнѣ. Никто лучше его не умѣлъ перетолковывать въ извѣстную сторону слова, фразы и выраженія (при кропотливомъ сравненіи, изученіи и анализѣ ихъ), встрѣчавшіяся въ подметныхъ письмахъ и другихъ пасквиляхъ. Не вступая съ своимъ возражателемъ въ серьезную полемику, Ѳеофанъ, по обычаю сильныхъ міра, сдѣлалъ ему приличное наставленіе и обличеніе: „Зри, преподобнѣйшій отче, какъ недобрѣ дѣется, что не сильно у насъ слово св. ап. Іакова: *не мнози учители бывайте, братія мои, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ*. Многое искусство въ

томъ имѣти подобаетъ, въ чемъ кто учителемъ хощетъ быти. Но искусный долженъ есть долго и прилежно и слова, и вещь, и вещи самой естество и обстоятельства, и вся оной, тако рещи, утробы разбирать, разсуждать и проницать, когда хощетъ произнести судъ свой въ чуждемъ мнѣніи и ученіи. Не многи же обрѣтаются такъ искусніи и такъ прилежніи, ово за невеликое остроуміе, ово за несильное въ богословіи обученіе (иногда и обѣ скудости сія случаются въ единомъ лицѣ); того ради глаголетъ Духъ Святый, да не мнози касаются дѣла учительскаго, боящеся большаго осужденія Что̀ бо слѣдуетъ таковому легкомысленному учительству? Первѣе распри, а въ народѣ сумнительство, потомъ и расколы, и ереси, и факціи; и сколько погибнетъ душъ таковыми бѣдствіи, взыщется за взятыя на судѣ Божіи. Отъ таковыхъ любопрѣтельныхъ совопросниковъ въ нашемъ семъ съ прекословцами дѣлѣ не слѣдуетъ ли сіе: что слышавше оное прекословіе человѣцы простіи непохотятъ отрокомъ своимъ сего толь полезнаго давать наставленія, и тако многіе отроцы въ грубости и ненаставленіи останутся и желаніе царскаго величества и желаніе всѣхъ нелицемѣрно благочестныхъ вотще пойдетъ за положенное ученію сему препятіе прекословіемъ толь неискуснымъ и неправеднымъ; ибо вся прекословія сего сила виситъ на двоихъ невѣжествахъ—на одномъ грамматическомъ, а на другомъ богословскомъ. Грамматическое невѣжество есть не знати, что̀ значитъ греческое слово λατρεία, и какъ на славянскомъ языкѣ переводится въ Писаніи; а богословское невѣжество есть не знати, что̀ есть служеніе истиною, вѣрою и духомъ бываемое, и не вѣдати, что сія служенія и поклоненія единому Богу подобающаго дефиниція есть положена отъ самаго Христа. Съ таковымъ сугубымъ неискусствомъ какъ дерзаетъ къ учительскому дѣлу и судить ученія богословская? Дерзая же, какъ не бояться большаго осужденія? Дивлюся всѣмъ таковымъ и довольно удивитися не могу".

Въ этихъ словахъ еще ярче обрисовывается презрительное отношеніе Θеофана къ своимъ литературнымъ ошпонентамъ.

Θеофанъ имѣлъ вообще весьма серьезный и глубокій взглядъ на сущность и пріемы критики: „Искусный учитель", говоритъ онъ, „долженъ есть долго и прилежно и слова, и вещь, и вещи самой естество и обстоятельства, и вся оной, тако рещи, утробы разбирать, разсуждать и проницать, когда хощетъ произнести судъ свой въ чуждемъ мнѣніи и ученіи". Но замѣчательно, что это воззрѣніе нисколько не было примѣнено къ дѣлу въ рецензіи Кантемирова

томъ имѣти подобаетъ, въ чемъ кто учителемъ хощетъ быти. Но искусный долженъ есть долго и прилежно и слова, и вещь, и вещи самой естество и обстоятельства, и вся оной, тако рещи, утробы разбирать, разсуждать и проницать, когда хощетъ произнести судъ свой въ чуждемъ мнѣніи и ученіи. Не многи же обрѣтаются такъ искусніи и такъ прилежніи, ово за невеликое остроуміе, ово за несильное въ богословіи обученіе (иногда и обѣ скудости сія случаются въ единомъ лицѣ); того ради глаголетъ Духъ Святый, да не мнози касаются дѣла учительскаго, боящеся большаго осужденія Что̀ бо слѣдуетъ таковому легкомысленному учительству? Первѣе распри, а въ народѣ сумнительство, потомъ и расколы, и ереси, и факціи; и сколько погибнетъ душъ таковыми бѣдствіи, взыщется за взятыя на судѣ Божіи. Отъ таковыхъ любопрѣтельныхъ совопросниковъ въ нашемъ семъ съ прекословцами дѣлѣ не слѣдуетъ ли сіе: что слышавше оное прекословіе человѣцы простіи непохотятъ отрокомъ своимъ сего толь полезнаго давать наставленія, и тако многіе отроцы въ грубости и ненаставленіи останутся и желаніе царскаго величества и желаніе всѣхъ нелицемѣрно благочестныхъ вотще пойдетъ за положенное ученію сему препятіе прекословіемъ толь неискуснымъ и неправеднымъ; ибо вся прекословія сего сила виситъ на двоихъ невѣжествахъ—на одномъ грамматическомъ, а на другомъ богословскомъ. Грамматическое невѣжество есть не знати, что̀ значитъ греческое слово λατρεία, и какъ на славянскомъ языкѣ переводится въ Писаніи; а богословское невѣжество есть не знати, что̀ есть служеніе истиною, вѣрою и духомъ бываемое, и не вѣдати, что сія служенія и поклоненія единому Богу подобающаго дефиниція есть положена отъ самаго Христа. Съ таковымъ сугубымъ неискусствомъ какъ дерзаетъ къ учительскому дѣлу и судить ученія богословская? Дерзая же, какъ не бояться большаго осужденія? Дивлюся всѣмъ таковымъ и довольно удивитися не могу".

Въ этихъ словахъ еще ярче обрисовывается презрительное отношеніе Θеофана къ своимъ литературнымъ ошпонентамъ.

Θеофанъ имѣлъ вообще весьма серьезный и глубокій взглядъ на сущность и пріемы критики: „Искусный учитель", говоритъ онъ, „долженъ есть долго и прилежно и слова, и вещь, и вещи самой естество и обстоятельства, и вся оной, тако рещи, утробы разбирать, разсуждать и проницать, когда хощетъ произнести судъ свой въ чуждемъ мнѣніи и ученіи". Но замѣчательно, что это воззрѣніе нисколько не было примѣнено къ дѣлу въ рецензіи Кантемирова

возраженія; а въ другихъ случаяхъ хотя Ѳеофанъ долго и прилежно изучалъ „и слова, и вещь, и вещи самой естество, равно и обстоятельства“, но не съ тѣмъ, чтобы честно и безпристрастно „произнести судъ въ чуждемъ мнѣніи и ученіи“, а съ тѣмъ, чтобы „разбирать, разсуждать и проницать *утробы*“ всѣхъ своихъ, правыхъ и неправыхъ, мнимыхъ и истинныхъ, литературныхъ и нелитературныхъ враговъ.

Д. И—въ.

возраженія; а въ другихъ случаяхъ хотя Ѳеофанъ долго и прилежно изучалъ „и слова, и вещь, и вещи самой естество, равно и обстоятельства“, но не съ тѣмъ, чтобы честно и безпристрастно „произнести судъ въ чуждемъ мнѣніи и ученіи“, а съ тѣмъ, чтобы „разбирать, разсуждать и проницать *утробы*“ всѣхъ своихъ, правыхъ и неправыхъ, мнимыхъ и истинныхъ, литературныхъ и нелитературныхъ враговъ.

Д. И—въ.

ЕВДОКИМЪ МИХАЙЛОВИЧЪ КРАВКОВЪ, ДВОРЯНИНЪ-СТАРОВѢРЪ [1]).

Noblesse oblige.

27-го сентября 1784 года, въ Нижегородское намѣстническое правленіе представленъ былъ, съ рапортомъ отъ Балахнинскаго земскаго исправника, отставной капитанъ-лейтенантъ Кравковъ. Исправникъ усмотрѣлъ его въ Макарьевской слободѣ „шатающимся въ пьянствѣ и неподобной одеждѣ“ и долгомъ своимъ счелъ арестовать и препроводить его къ высшему начальству—не потому однако, что онъ былъ бродята, не помнящій родства: при немъ былъ паспортъ изъ адмиралтейской коллегіи, за подписью вице-адмирала Чичагова; и не потому, что онъ былъ „шатающійся въ пьянствѣ“: пьяницъ исправникъ зналъ, конечно, довольно и не отсылалъ же ихъ всѣхъ въ Нижній. Нѣтъ, исправника поразилъ внѣшній видъ Кравкова: былъ онъ въ „неподобной одеждѣ“, дворянинъ въ русскомъ платьѣ, съ бородой, съ образомъ Николая Чудотворца и съ какою-то старинною книгою въ 8-ку, переплетенною въ черную кожу!

Въ это время полицейскія преслѣдованія старовѣровъ и раскольниковъ были прекращены, денежные штрафы за бороду и русское платье уничтожены. Неподобіе одежды Кравкова состояло не въ томъ собственно, что она была русская, а въ томъ, что она была на плечахъ благороднаго россійскаго дворянина и отставнаго штабъ-офицера. Странность явленія внушила исправнику мысль о неблагонадежности Кравкова.

Исправляющій должность Нижегородскаго и Пензенскаго гене-

---

[1]) Эта статья перепечатывается здѣсь изъ газеты «День» 1862 года, № 28, съ обязательнаго согласія И. С. Аксакова и самого автора, который вновь пересмотрѣлъ ее.

ЕВДОКИМЪ МИХАЙЛОВИЧЪ КРАВКОВЪ, ДВОРЯНИНЪ-СТАРОВѢРЪ [1]).

Noblesse oblige.

27-го сентября 1784 года, въ Нижегородское намѣстническое правленіе представленъ былъ, съ рапортомъ отъ Балахнинскаго земскаго исправника, отставной капитанъ-лейтенантъ Кравковъ. Исправникъ усмотрѣлъ его въ Макарьевской слободѣ „шатающимся въ пьянствѣ и неподобной одеждѣ“ и долгомъ своимъ счелъ арестовать и препроводить его къ высшему начальству—не потому однако, что онъ былъ бродята, не помнящій родства: при немъ былъ паспортъ изъ адмиралтейской коллегіи, за подписью вице-адмирала Чичагова; и не потому, что онъ былъ „шатающійся въ пьянствѣ“: пьяницъ исправникъ зналъ, конечно, довольно и не отсылалъ же ихъ всѣхъ въ Нижній. Нѣтъ, исправника поразилъ внѣшній видъ Кравкова: былъ онъ въ „неподобной одеждѣ“, дворянинъ въ русскомъ платьѣ, съ бородой, съ образомъ Николая Чудотворца и съ какою-то старинною книгою въ 8-ку, переплетенною въ черную кожу!

Въ это время полицейскія преслѣдованія старовѣровъ и раскольниковъ были прекращены, денежные штрафы за бороду и русское платье уничтожены. Неподобіе одежды Кравкова состояло не въ томъ собственно, что она была русская, а въ томъ, что она была на плечахъ благороднаго россійскаго дворянина и отставнаго штабъ-офицера. Странность явленія внушила исправнику мысль о неблагонадежности Кравкова.

Исправляющій должность Нижегородскаго и Пензенскаго гене-

---

[1]) Эта статья перепечатывается здѣсь изъ газеты «День» 1862 года, № 28, съ обязательнаго согласія И. С. Аксакова и самого автора, который вновь пересмотрѣлъ ее.

ралъ-губернатора, генералъ-поручикъ Ребиндеръ самъ былъ пораженъ не меньше Балахнинскаго исправника при видѣ Кравкова и, по отобраніи отъ него показаній 2-го октября, написалъ письмо въ Петербургъ къ генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому, о неслыханномъ прежде явленіи — дворянинѣ-старовѣрѣ. Кравковъ въ правленіи показалъ, что „онъ, скитаясь по разнымъ мѣстамъ, жилъ въ раскольническихъ за Волгою скитахъ и, находя въ разсужденіи церковныхъ книгъ сомнѣніе, не только духовенство, но и церковь не почитаетъ, таинствъ ея принимать не желаетъ". Въ письмѣ своемъ Ребиндеръ прибавилъ, что, не смотря на увѣщанія Нижегородскаго архіерея, Кравковъ остался въ своемъ развратѣ непреклоннымъ, не только таинствъ не принялъ, но и Евангеліе отвергъ, сказавъ, что „онъ не знаетъ его, а мыслитъ такъ, какъ Богъ ему открылъ"; при чемъ говорилъ, что „онъ ни подъ чью не состоитъ властью, и никто ему ни въ чемъ указать не можетъ, гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и что̀ хочетъ, то̀ и думаетъ". Видя въ немъ „такое упорство и опасаясь дальнѣйшаго вреда, обществу произойти отъ него могущаго зловреднымъ ученія разсѣяніемъ", Ребиндеръ испрашивалъ разрѣшенія, что̀ ему повелѣно будетъ учинить съ Кравковымъ. Князь Вяземскій доложилъ о томъ императрицѣ и, отъ 18-го октября, увѣдомилъ Ребиндеръ по высочайшему повелѣнію, чтобъ онъ немедленно доставилъ Кравкова въ Петербургъ, со всѣми найденными при немъ бумагами.

Въ показаніяхъ Кравкова не заключалось ничего особенно страннаго или новаго ни для кого, ни въ Нижнемъ, ни тѣмъ менѣе въ Петербургѣ. Между тѣмъ Кравковъ производитъ впечатлѣніе, и тутъ и тамъ обращаетъ на себя вниманіе!

Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка русское образованное общество, къ лучшимъ представителямъ котораго, за исключеніемъ, быть можетъ, Балахнинскаго исправника, принадлежали всѣ лица, такъ вдругъ единодушно заинтересовавшіяся личностью Кравкова,—это общество, по крайней мѣрѣ большинство образованнаго дворянства, не отличалось особенною преданностью церкви и православію, считало сотнями въ своихъ рядахъ ревностныхъ масоновъ, иллюминатовъ или усердныхъ поклонниковъ Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Гельвеція. Ни въ Нижнемъ, ни въ Петербургѣ особенно, никого тогда не могло удивить, что какой-то русскій дворянинъ, отставной капитанъ-лейтенантъ, съ неуваженіемъ отзывается о русской церкви, не почитаетъ ни таинствъ ея, ни обрядовъ. Кощунство надъ вѣрою, насмѣшки надъ христіанствомъ были въ то время у

ралъ-губернатора, генералъ-поручикъ Ребиндеръ самъ былъ пораженъ не меньше Балахнинскаго исправника при видѣ Кравкова и, по отобраніи отъ него показаній 2-го октября, написалъ письмо въ Петербургъ къ генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому, о неслыханномъ прежде явленіи — дворянинѣ-старовѣрѣ. Кравковъ въ правленіи показалъ, что „онъ, скитаясь по разнымъ мѣстамъ, жилъ въ раскольническихъ за Волгою скитахъ и, находя въ разсужденіи церковныхъ книгъ сомнѣніе, не только духовенство, но и церковь не почитаетъ, таинствъ ея принимать не желаетъ". Въ письмѣ своемъ Ребиндеръ прибавилъ, что, не смотря на увѣщанія Нижегородскаго архіерея, Кравковъ остался въ своемъ развратѣ непреклоннымъ, не только таинствъ не принялъ, но и Евангеліе отвергъ, сказавъ, что „онъ не знаетъ его, а мыслитъ такъ, какъ Богъ ему открылъ"; при чемъ говорилъ, что „онъ ни подъ чью не состоитъ властью, и никто ему ни въ чемъ указать не можетъ, гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и что̀ хочетъ, то̀ и думаетъ". Видя въ немъ „такое упорство и опасаясь дальнѣйшаго вреда, обществу произойти отъ него могущаго зловреднымъ ученія разсѣяніемъ", Ребиндеръ испрашивалъ разрѣшенія, что̀ ему повелѣно будетъ учинить съ Кравковымъ. Князь Вяземскій доложилъ о томъ императрицѣ и, отъ 18-го октября, увѣдомилъ Ребиндеръ по высочайшему повелѣнію, чтобъ онъ немедленно доставилъ Кравкова въ Петербургъ, со всѣми найденными при немъ бумагами.

Въ показаніяхъ Кравкова не заключалось ничего особенно страннаго или новаго ни для кого, ни въ Нижнемъ, ни тѣмъ менѣе въ Петербургѣ. Между тѣмъ Кравковъ производитъ впечатлѣніе, и тутъ и тамъ обращаетъ на себя вниманіе!

Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка русское образованное общество, къ лучшимъ представителямъ котораго, за исключеніемъ, быть можетъ, Балахнинскаго исправника, принадлежали всѣ лица, такъ вдругъ единодушно заинтересовавшіяся личностью Кравкова,—это общество, по крайней мѣрѣ большинство образованнаго дворянства, не отличалось особенною преданностью церкви и православію, считало сотнями въ своихъ рядахъ ревностныхъ масоновъ, иллюминатовъ или усердныхъ поклонниковъ Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Гельвеція. Ни въ Нижнемъ, ни въ Петербургѣ особенно, никого тогда не могло удивить, что какой-то русскій дворянинъ, отставной капитанъ-лейтенантъ, съ неуваженіемъ отзывается о русской церкви, не почитаетъ ни таинствъ ея, ни обрядовъ. Кощунство надъ вѣрою, насмѣшки надъ христіанствомъ были въ то время у

насъ до такой степени въ модѣ, что имъ предавались часто даже люди вѣрующіе, изъ боязни прослыть отсталыми! Въ рѣчахъ Кравкова, такъ вдругъ поразившихъ высокопоставленныя лица и въ Нижнемъ, и въ Петербургѣ, были высказаны тѣ вольныя мысли о церкви, которыхъ держались и сами они, и огромное множество ихъ друзей и знакомыхъ, и наконецъ нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ крестьянъ и купцовъ раскольниковъ, которыхъ въ то время запрещено было преслѣдовать. Въ простыхъ словахъ Кравкова: „гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и что хочетъ, то и думаетъ", выразились самыя невинныя и естественныя требованія каждаго свободнаго человѣка, самое первое правило начала свободы совѣсти, начала, торжественно провозглашеннаго законодательствомъ того времени! Тѣмъ не менѣе, и Ребиндеру въ Нижнемъ, и высшимъ лицамъ въ Петербургѣ мысли Кравкова представляются „зловредными. Подобно Балахнинскому исправнику, всѣ они одинаково были поражены не мыслями Кравкова, а тѣмъ обстоятельствамъ, что ихъ возвѣщалъ отставной капитанъ-лейтенантъ съ бородой, въ неподобной одеждѣ; что онъ, осуждая греко-россійскую церковь, ея таинства и обряды, въ то же время называлъ себя христіаниномъ, почиталъ Николая Чудотворца. Раскольника крестьянина не арестовалъ бы и Балахнинскій исправникъ; дворянина масона, деиста или атеиста преспокойно оставили бы въ покоѣ, но дворянинъ раскольникъ былъ явленіемъ до такой степени страннымъ, что не могъ не возбудить къ себѣ сильнаго подозрѣнія и въ Балахнинскомъ исправникѣ, и въ исправляющемъ должность генералъ-губернатора, и въ князѣ Вяземскомъ, и въ самой императрицѣ Екатеринѣ II. Всѣ они были изумлены этимъ случаемъ не только какъ лица правительственныя, представители государства, но и просто, какъ люди образованные, представители русскаго общества второй половины XVIII вѣка.

Пока будетъ исполнено высочайшее повелѣніе, и Кравкова препроводятъ въ столицу, разскажемъ, что знаемъ, объ его прежней жизни. Тѣмъ временемъ въ Петербургѣ наводили о немъ справки.

Сынъ мелкопомѣстнаго дворянина (во Владимірскомъ намѣстничествѣ), служившаго въ гвардіи и отставленнаго фурьеромъ, Евдокимъ Михайловичъ Кравковъ былъ опредѣленъ въ морской кадетскій корпусъ въ 1761 году, произведенъ въ мичманы въ 1768 году, въ лейтенанты въ 1770 и въ капитанъ-лейтенанты въ 1775 году; въ 1777 году, по случаю болѣзни (герніи) онъ вышелъ въ отставку. Въ продолженіе своей службы Кравковъ участвовалъ въ тринадцати

насъ до такой степени въ модѣ, что имъ предавались часто даже люди вѣрующіе, изъ боязни прослыть отсталыми! Въ рѣчахъ Кравкова, такъ вдругъ поразившихъ высокопоставленныя лица и въ Нижнемъ, и въ Петербургѣ, были высказаны тѣ вольныя мысли о церкви, которыхъ держались и сами они, и огромное множество ихъ друзей и знакомыхъ, и наконецъ нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ крестьянъ и купцовъ раскольниковъ, которыхъ въ то время запрещено было преслѣдовать. Въ простыхъ словахъ Кравкова: „гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и что хочетъ, то и думаетъ", выразились самыя невинныя и естественныя требованія каждаго свободнаго человѣка, самое первое правило начала свободы совѣсти, начала, торжественно провозглашеннаго законодательствомъ того времени! Тѣмъ не менѣе, и Ребиндеру въ Нижнемъ, и высшимъ лицамъ въ Петербургѣ мысли Кравкова представляются „зловредными. Подобно Балахнинскому исправнику, всѣ они одинаково были поражены не мыслями Кравкова, а тѣмъ обстоятельствамъ, что ихъ возвѣщалъ отставной капитанъ-лейтенантъ съ бородой, въ неподобной одеждѣ; что онъ, осуждая греко-россійскую церковь, ея таинства и обряды, въ то же время называлъ себя христіаниномъ, почиталъ Николая Чудотворца. Раскольника крестьянина не арестовалъ бы и Балахнинскій исправникъ; дворянина масона, деиста или атеиста преспокойно оставили бы въ покоѣ, но дворянинъ раскольникъ былъ явленіемъ до такой степени страннымъ, что не могъ не возбудить къ себѣ сильнаго подозрѣнія и въ Балахнинскомъ исправникѣ, и въ исправляющемъ должность генералъ-губернатора, и въ князѣ Вяземскомъ, и въ самой императрицѣ Екатеринѣ II. Всѣ они были изумлены этимъ случаемъ не только какъ лица правительственныя, представители государства, но и просто, какъ люди образованные, представители русскаго общества второй половины XVIII вѣка.

Пока будетъ исполнено высочайшее повелѣніе, и Кравкова препроводятъ въ столицу, разскажемъ, что знаемъ, объ его прежней жизни. Тѣмъ временемъ въ Петербургѣ наводили о немъ справки.

Сынъ мелкопомѣстнаго дворянина (во Владимірскомъ намѣстничествѣ), служившаго въ гвардіи и отставленнаго фурьеромъ, Евдокимъ Михайловичъ Кравковъ былъ опредѣленъ въ морской кадетскій корпусъ въ 1761 году, произведенъ въ мичманы въ 1768 году, въ лейтенанты въ 1770 и въ капитанъ-лейтенанты въ 1775 году; въ 1777 году, по случаю болѣзни (герніи) онъ вышелъ въ отставку. Въ продолженіе своей службы Кравковъ участвовалъ въ тринадцати

кампаніяхъ, между прочимъ въ Архипелажской экспедиціи, бывалъ въ Копенгагенѣ, Портсмутѣ, другихъ англійскихъ портахъ и въ Ливорно. По случаю болѣзни, въ маѣ 1771 года, генералъ-аншефъ А. Г. Орловъ отправилъ Кравкова изъ Ливорно сухимъ путемъ въ Петербургъ, гдѣ онъ и былъ опредѣленъ въ береговую корабельную коммиссію ассесоромъ. Въ 1772 году Кравковъ былъ командированъ въ Архангельскъ, при чемъ ему были поручены въ команду морскаго корпуса гардемарины. Изъ Архангельска онъ ходилъ до Ревеля. По ордеру вице-президента адмиралтейской коллегіи графа И. Г. Чернышева, Кравковъ былъ командированъ въ Петербургъ, откуда снова былъ отправленъ къ Ревельскому порту. Затѣмъ Кравковъ, по собственному желанію, былъ назначенъ въ эскадру контръ-адмирала С. К. Грейга и ходилъ отъ Ревеля до Копенгагена и потомъ до Портсмута, наконецъ въ Ливорно и въ Архипелагъ до Дарданеллъ. По возвращеніи въ Кронштадтъ, въ 1776 году Кравковъ состоялъ въ эскадрѣ Грейга для экзерцицій отъ Кронштадта до Красной Горки. Въ томъ же году его командировали въ Азовскую флотилію. Въ 1777 году онъ ходилъ въ Черное море на крейсировку между Суджукъ-Кале и Кафою. Въ томъ же году, приложивъ къ всеподданнѣйшему прошенію объ отставкѣ свидѣтельство врачей о своемъ разстроенномъ здоровьѣ, Кравковъ отправился въ Петербургъ хлопотать о пенсіонѣ. Ему было тогда 33 года.

13-го ноября 1784 года Кравковъ былъ привезенъ въ Петербургъ, въ тайную экспедицію, въ дѣлахъ которой записаны его показанія, передаваемыя здѣсь съ буквальною точностью, равно какъ и предложенные ему допросы и увѣщанія, лучше всякихъ указовъ и манифестовъ знакомящіе насъ съ господствовавшими тогда воззрѣніями на отношенія государства къ церкви и обществу.

Кравковъ говорилъ, что хотя на докладъ адмиралтейской коллегіи объ его отставкѣ и послѣдовала высочайшая резолюція о выдачѣ ему пенсіона, и хотя онъ неоднократно подавалъ о томъ прошенія въ коллегію, графъ И. Г. Чернышевъ рѣшительно отказалъ ему, объявивъ, что пенсіонной суммы нѣтъ. Послѣ этого Кравковъ сталъ просить, чтобъ его, какъ человѣка безъ средствъ, по прежнему опредѣлили на службу въ Казань. Но и въ этомъ графъ Чернышевъ отказалъ ему. Въ бытность свою въ Петербургѣ, въ хожденіи за пенсіономъ, Кравковъ пришелъ въ такую крайность, что ему просто нечего было ѣсть. Продавъ мундиръ, онъ поѣхалъ въ свою деревеньку, въ которой было около

кампаніяхъ, между прочимъ въ Архипелажской экспедиціи, бывалъ въ Копенгагенѣ, Портсмутѣ, другихъ англійскихъ портахъ и въ Ливорно. По случаю болѣзни, въ маѣ 1771 года, генералъ-аншефъ А. Г. Орловъ отправилъ Кравкова изъ Ливорно сухимъ путемъ въ Петербургъ, гдѣ онъ и былъ опредѣленъ въ береговую корабельную коммиссію ассесоромъ. Въ 1772 году Кравковъ былъ командированъ въ Архангельскъ, при чемъ ему были поручены въ команду морскаго корпуса гардемарины. Изъ Архангельска онъ ходилъ до Ревеля. По ордеру вице-президента адмиралтейской коллегіи графа И. Г. Чернышева, Кравковъ былъ командированъ въ Петербургъ, откуда снова былъ отправленъ къ Ревельскому порту. Затѣмъ Кравковъ, по собственному желанію, былъ назначенъ въ эскадру контръ-адмирала С. К. Грейга и ходилъ отъ Ревеля до Копенгагена и потомъ до Портсмута, наконецъ въ Ливорно и въ Архипелагъ до Дарданеллъ. По возвращеніи въ Кронштадтъ, въ 1776 году Кравковъ состоялъ въ эскадрѣ Грейга для экзерцицій отъ Кронштадта до Красной Горки. Въ томъ же году его командировали въ Азовскую флотилію. Въ 1777 году онъ ходилъ въ Черное море на крейсировку между Суджукъ-Кале и Кафою. Въ томъ же году, приложивъ къ всеподданнѣйшему прошенію объ отставкѣ свидѣтельство врачей о своемъ разстроенномъ здоровьѣ, Кравковъ отправился въ Петербургъ хлопотать о пенсіонѣ. Ему было тогда 33 года.

13-го ноября 1784 года Кравковъ былъ привезенъ въ Петербургъ, въ тайную экспедицію, въ дѣлахъ которой записаны его показанія, передаваемыя здѣсь съ буквальною точностью, равно какъ и предложенные ему допросы и увѣщанія, лучше всякихъ указовъ и манифестовъ знакомящіе насъ съ господствовавшими тогда воззрѣніями на отношенія государства къ церкви и обществу.

Кравковъ говорилъ, что хотя на докладъ адмиралтейской коллегіи объ его отставкѣ и послѣдовала высочайшая резолюція о выдачѣ ему пенсіона, и хотя онъ неоднократно подавалъ о томъ прошенія въ коллегію, графъ И. Г. Чернышевъ рѣшительно отказалъ ему, объявивъ, что пенсіонной суммы нѣтъ. Послѣ этого Кравковъ сталъ просить, чтобъ его, какъ человѣка безъ средствъ, по прежнему опредѣлили на службу въ Казань. Но и въ этомъ графъ Чернышевъ отказалъ ему. Въ бытность свою въ Петербургѣ, въ хожденіи за пенсіономъ, Кравковъ пришелъ въ такую крайность, что ему просто нечего было ѣсть. Продавъ мундиръ, онъ поѣхалъ въ свою деревеньку, въ которой было около

двадцати душъ. Тутъ сосѣди стали его звать въ общество масоновъ, но онъ, убоясь сего зла, сталъ пить, и такъ пилъ, что впалъ въ безуміе. (Масонство онъ называлъ зломъ потому, что масоны Бога не знаютъ, да и самъ онъ, по его словамъ, въ сію бездну былъ втащенъ въ Херсонѣ двумя офицерами). Кравковъ допивался тогда „до чертиковъ“: около головы его летали бѣсы на подобіе голубей и не давали ему нигдѣ покоя. Потомъ сосѣди привезли его во Владиміръ и содержали подъ карауломъ, никого къ нему не допускали, при чемъ онъ былъ и боленъ, а когда сталъ выздоравливать, то у него и на послѣднюю деревню взяли купчую, сколько онъ могъ припомнить, въ 500 рублей. Деньги онъ получилъ, но кто купилъ, не помнитъ; только знаетъ, что когда крестьянъ вывезли изъ деревни, то послѣ какой-то заводчикъ купилъ уже одну землю и заплатилъ 5,000 рублей. Бывшій генералъ-губернаторъ графъ Р. И. Воронцовъ опредѣлилъ Кравкова въ верхній земскій судъ засѣдателемъ, сначала во Владимірѣ, а потомъ въ Пензѣ, гдѣ и женилъ его незнаемо на какой дѣвкѣ или женщинѣ, которая совсѣмъ разрушила его покой и чисто съ ума свела черезъ дьяволовъ *). „Напрасно я вамъ объ этомъ и сказываю“, продолжалъ онъ свой разсказъ о женѣ;—„она, я думаю, уже давно за мужемъ; сказалъ я о ней для того только, что я твердо рѣшился удалиться отъ свѣта и отъ масоновъ, ибо въ Пензѣ и во Владимірѣ все масоны, да и графъ (Воронцовъ) самъ сказывалъ, что онъ масонъ: „я де и Чернышева вашего поставилъ масономъ“. Я рѣшился искать прямо христіанской вѣры, ушелъ изъ Пензы, продалъ свое платье, одѣлся въ это (то есть, русское) и пошелъ въ раскольничьи скиты, гдѣ и нашелъ людей, прямо живущихъ по закону Божію“.

С. И. Шешковскій, а можетъ быть, и самъ князь Вяземскій (изъ дѣла не видно) говорили ему: „Но тамъ живутъ люди, не имѣющіе никакого просвѣщенія, наполненные суевѣрствомъ и невѣжествомъ, и самые простые мужики. Кажется бы, по состоянію вашему отнюдь не прилично по здравому разуму прилѣпляться къ такимъ простякамъ, забывъ свою честь, что вы почтены въ государствѣ“.

Кравковъ своими отвѣтами точно также поражаетъ тайную экспедицію, какъ и Балахнинскаго исправника: „Мнѣ ни честь, ни достоинство не нужны, а пріятна ихъ жизнь и обряды въ богопочтеніи. Я почитаю, они основаны на истинѣ Священнаго Писанія, а по сему я ихъ и считаю настоящими христіанами“.

*) По собраннымъ справкамъ оказалось, что жена Кравкова была жива въ 1784 году и вела жизнь крайне распутную.

двадцати душъ. Тутъ сосѣди стали его звать въ общество масоновъ, но онъ, убоясь сего зла, сталъ пить, и такъ пилъ, что впалъ въ безуміе. (Масонство онъ называлъ зломъ потому, что масоны Бога не знаютъ, да и самъ онъ, по его словамъ, въ сію бездну былъ втащенъ въ Херсонѣ двумя офицерами). Кравковъ допивался тогда „до чертиковъ“: около головы его летали бѣсы на подобіе голубей и не давали ему нигдѣ покоя. Потомъ сосѣди привезли его во Владиміръ и содержали подъ карауломъ, никого къ нему не допускали, при чемъ онъ былъ и боленъ, а когда сталъ выздоравливать, то у него и на послѣднюю деревню взяли купчую, сколько онъ могъ припомнить, въ 500 рублей. Деньги онъ получилъ, но кто купилъ, не помнитъ; только знаетъ, что когда крестьянъ вывезли изъ деревни, то послѣ какой-то заводчикъ купилъ уже одну землю и заплатилъ 5,000 рублей. Бывшій генералъ-губернаторъ графъ Р. И. Воронцовъ опредѣлилъ Кравкова въ верхній земскій судъ засѣдателемъ, сначала во Владимірѣ, а потомъ въ Пензѣ, гдѣ и женилъ его незнаемо на какой дѣвкѣ или женщинѣ, которая совсѣмъ разрушила его покой и чисто съ ума свела черезъ дьяволовъ *). „Напрасно я вамъ объ этомъ и сказываю“, продолжалъ онъ свой разсказъ о женѣ;—„она, я думаю, уже давно за мужемъ; сказалъ я о ней для того только, что я твердо рѣшился удалиться отъ свѣта и отъ масоновъ, ибо въ Пензѣ и во Владимірѣ все масоны, да и графъ (Воронцовъ) самъ сказывалъ, что онъ масонъ: „я де и Чернышева вашего поставилъ масономъ“. Я рѣшился искать прямо христіанской вѣры, ушелъ изъ Пензы, продалъ свое платье, одѣлся въ это (то есть, русское) и пошелъ въ раскольничьи скиты, гдѣ и нашелъ людей, прямо живущихъ по закону Божію“.

С. И. Шешковскій, а можетъ быть, и самъ князь Вяземскій (изъ дѣла не видно) говорили ему: „Но тамъ живутъ люди, не имѣющіе никакого просвѣщенія, наполненные суевѣрствомъ и невѣжествомъ, и самые простые мужики. Кажется бы, по состоянію вашему отнюдь не прилично по здравому разуму прилѣпляться къ такимъ простякамъ, забывъ свою честь, что вы почтены въ государствѣ“.

Кравковъ своими отвѣтами точно также поражаетъ тайную экспедицію, какъ и Балахнинскаго исправника: „Мнѣ ни честь, ни достоинство не нужны, а пріятна ихъ жизнь и обряды въ богопочтеніи. Я почитаю, они основаны на истинѣ Священнаго Писанія, а по сему я ихъ и считаю настоящими христіанами“.

*) По собраннымъ справкамъ оказалось, что жена Кравкова была жива въ 1784 году и вела жизнь крайне распутную.

„Но вѣдь эти люди“, повторяла экспедиція, увлекаемая своимъ раціонализмомъ,—„наполнены суевѣрствомъ и невѣжествомъ, то кажется, никакъ не совмѣстно и не прилично вамъ быть въ ихъ сообществѣ, а надлежитъ, оставя такое заблужденіе, искать, по состоянію вашему, лучшей участи и уклониться отъ ихъ прелестнаго ученія“.

„Я ничего не хочу“, возражалъ „упорный въ своемъ развратѣ“ Кравковъ. — „Одинъ рабъ двумъ господамъ служить не можетъ; бороды брить, другаго платья носить и лучшей участи имѣть не желаю, а только прошу отпустить меня за границу, я тамъ себѣ изберу мѣсто, какое мнѣ Богъ назначитъ. А эти люди, живущіе въ лѣсахъ, упражняются въ богомоліи и трудахъ, да они жь, бѣдные, и подати платятъ; въ томъ же скиту, гдѣ я былъ, живетъ человѣкъ сто-другое мужчинъ и сотъ до пяти женщинъ, и старухи, всѣ трудятся въ работахъ“.

Экспедиція замѣтила ему на это, что такъ какъ они имѣютъ земли и промыслы, то и должны наравнѣ съ прочими платить государственныя подати.

Но дворянинъ Кравковъ разсуждалъ совершенно по-мужицки: „Земля та вѣдь Божья, а Богъ не велѣлъ никому никакого насилья дѣлать, ибо Онъ сотворилъ всѣхъ равными“.

Желая его усовѣстить, экспедиція говорила: „Стыдно вамъ, имѣвши чинъ штабъ-офицерскій, быть такъ упряму противъ установленнаго въ государствѣ порядка и защищать такихъ людей, которые, живучи въ праздности, подъ видомъ ложной святости, стараются своими хитростями вовлекать людей въ свои пагубныя сѣти, что̀ самое случилось и съ вами“.

„Ежели я сдѣлалъ какое зло, то въ волѣ вашей, можете меня мучить, бить или живота лишить. Я на все готовъ. Только души у меня отнять никто не можетъ. Буде же хотите, судите меня воинскимъ судомъ. Хотя сжечь велите, только я отъ моего намѣренія не отступлю“.

При этомъ раціоналисты тайной экспедиціи не могли удержаться отъ иронической улыбки и замѣтили этому „оподлившемуся“ дворянину не безъ нѣкотораго негодованія на его чисто мужичьи воззрѣнія: „Никто васъ мучить не будетъ, да и нѣтъ нужды. Можно думать, что вы столь упорствуете для того, что васъ старички послали посланникомъ за нихъ пострадать и для того вамъ въ напутствіе дали образъ святителя Николая. Но они въ этомъ весьма ошиблись, потому что, по власти Божіей и

„Но вѣдь эти люди“, повторяла экспедиція, увлекаемая своимъ раціонализмомъ,—„наполнены суевѣрствомъ и невѣжествомъ, то кажется, никакъ не совмѣстно и не прилично вамъ быть въ ихъ сообществѣ, а надлежитъ, оставя такое заблужденіе, искать, по состоянію вашему, лучшей участи и уклониться отъ ихъ прелестнаго ученія“.

„Я ничего не хочу“, возражалъ „упорный въ своемъ развратѣ“ Кравковъ. — „Одинъ рабъ двумъ господамъ служить не можетъ; бороды брить, другаго платья носить и лучшей участи имѣть не желаю, а только прошу отпустить меня за границу, я тамъ себѣ изберу мѣсто, какое мнѣ Богъ назначитъ. А эти люди, живущіе въ лѣсахъ, упражняются въ богомоліи и трудахъ, да они жь, бѣдные, и подати платятъ; въ томъ же скиту, гдѣ я былъ, живетъ человѣкъ сто-другое мужчинъ и сотъ до пяти женщинъ, и старухи, всѣ трудятся въ работахъ“.

Экспедиція замѣтила ему на это, что такъ какъ они имѣютъ земли и промыслы, то и должны наравнѣ съ прочими платить государственныя подати.

Но дворянинъ Кравковъ разсуждалъ совершенно по-мужицки: „Земля та вѣдь Божья, а Богъ не велѣлъ никому никакого насилья дѣлать, ибо Онъ сотворилъ всѣхъ равными“.

Желая его усовѣстить, экспедиція говорила: „Стыдно вамъ, имѣвши чинъ штабъ-офицерскій, быть такъ упряму противъ установленнаго въ государствѣ порядка и защищать такихъ людей, которые, живучи въ праздности, подъ видомъ ложной святости, стараются своими хитростями вовлекать людей въ свои пагубныя сѣти, что̀ самое случилось и съ вами“.

„Ежели я сдѣлалъ какое зло, то въ волѣ вашей, можете меня мучить, бить или живота лишить. Я на все готовъ. Только души у меня отнять никто не можетъ. Буде же хотите, судите меня воинскимъ судомъ. Хотя сжечь велите, только я отъ моего намѣренія не отступлю“.

При этомъ раціоналисты тайной экспедиціи не могли удержаться отъ иронической улыбки и замѣтили этому „оподлившемуся“ дворянину не безъ нѣкотораго негодованія на его чисто мужичьи воззрѣнія: „Никто васъ мучить не будетъ, да и нѣтъ нужды. Можно думать, что вы столь упорствуете для того, что васъ старички послали посланникомъ за нихъ пострадать и для того вамъ въ напутствіе дали образъ святителя Николая. Но они въ этомъ весьма ошиблись, потому что, по власти Божіей и

по милости всемилостивѣйшей государыни, наша вѣра христіанская соблюдается отъ всѣхъ (sic) по самому Евангелію и преданіямъ святыхъ отецъ. А люди эти, держащіеся стараго обряда, достойны сожалѣнія, ибо отчуждаются церкви Христовой по однимъ только обрядамъ. Впрочемъ, они также христіане, почему и васъ, кажется, мучить нужды настоять не будетъ, а только требуется отъ васъ, по общимъ государственнымъ законамъ, повиновенія, какъ отъ свѣдущаго по службѣ человѣка и заслужившаго штабъ-офицерскій чинъ".

Измученный этими допросами и наставленіями, Кравковъ точно также, кажется, считалъ своихъ миссіонеровъ безбожниками, какъ они его нелѣпымъ фантазеромъ, идіотомъ и вмѣстѣ мятежникомъ, возбуждавшимъ въ нихъ презрѣніе и ненависть къ себѣ и коловшимъ имъ глаза своею нравственною стойкостью: „Я уже болѣе говорить не буду; я все сказалъ, чтобъ отпустить меня за границу; вѣдь другихъ отпускаютъ. А буде нельзя, пошлите на каторгу, такъ я тамъ буду работать; или отошлите въ острогъ, я и тамъ трудиться буду, а здѣсь я запертъ и живу въ праздности".

Когда отъ Кравкова потребовали, чтобъ онъ засвидѣтельствовалъ приложеніемъ руки отобранныя отъ него и записанныя показанія, то онъ отвѣтилъ: „А на что мнѣ руку прикладывать; дѣлайте, что хотите; я вѣдь уже забылъ и писать".

Черезъ три дня послѣ этого зашелъ къ Кравкову Шешковскій, спросилъ его о здоровьѣ и напомнилъ ему о рукоприкладствѣ. Но онъ только крестился, не говоря ни слова, и клалъ земные поклоны. Караульные потомъ сказывали, что послѣ этого почти около двухъ мѣсяцевъ не произносилъ онъ ни слова. Только 11-го января 1785 года караульный сержантъ донесъ, что когда въ этотъ день принесли Кравкову обѣдъ со стола генералъ-прокурора, то онъ не сталъ ѣсть, а сказалъ караульнымъ: „Это не мнѣ, а собакамъ ѣсть должно; я и такъ уже довольно ѣлъ нечистаго кушанья, приготовленнаго руками неправо вѣрующихъ". А когда вечеромъ принесли ужинъ, то онъ уже выбросилъ его въ горшокъ, замѣтивъ при этомъ: „Скажите Шешковскому: если со мною ничего не сдѣлаютъ и станутъ меня еще здѣсь держать, то вѣдь руки у меня не скованы, я самъ что-нибудь надъ собою сдѣлаю".

Между тѣмъ, увлекаемая духомъ критицизма, тайная экспедиція, собирала въ Владимірскомъ и Костромскомъ намѣстничествѣ справки о тамошней службѣ и жизни Кравкова. Велѣно было даже, подъ рукою, безъ малѣйшей огласки, развѣдать отъ его жены, по

по милости всемилостивѣйшей государыни, наша вѣра христіанская соблюдается отъ всѣхъ (sic) по самому Евангелію и преданіямъ святыхъ отецъ. А люди эти, держащіеся стараго обряда, достойны сожалѣнія, ибо отчуждаются церкви Христовой по однимъ только обрядамъ. Впрочемъ, они также христіане, почему и васъ, кажется, мучить нужды настоять не будетъ, а только требуется отъ васъ, по общимъ государственнымъ законамъ, повиновенія, какъ отъ свѣдущаго по службѣ человѣка и заслужившаго штабъ-офицерскій чинъ".

Измученный этими допросами и наставленіями, Кравковъ точно также, кажется, считалъ своихъ миссіонеровъ безбожниками, какъ они его нелѣпымъ фантазеромъ, идіотомъ и вмѣстѣ мятежникомъ, возбуждавшимъ въ нихъ презрѣніе и ненависть къ себѣ и коловшимъ имъ глаза своею нравственною стойкостью: „Я уже болѣе говорить не буду; я все сказалъ, чтобъ отпустить меня за границу; вѣдь другихъ отпускаютъ. А буде нельзя, пошлите на каторгу, такъ я тамъ буду работать; или отошлите въ острогъ, я и тамъ трудиться буду, а здѣсь я запертъ и живу въ праздности".

Когда отъ Кравкова потребовали, чтобъ онъ засвидѣтельствовалъ приложеніемъ руки отобранныя отъ него и записанныя показанія, то онъ отвѣтилъ: „А на что мнѣ руку прикладывать; дѣлайте, что хотите; я вѣдь уже забылъ и писать".

Черезъ три дня послѣ этого зашелъ къ Кравкову Шешковскій, спросилъ его о здоровьѣ и напомнилъ ему о рукоприкладствѣ. Но онъ только крестился, не говоря ни слова, и клалъ земные поклоны. Караульные потомъ сказывали, что послѣ этого почти около двухъ мѣсяцевъ не произносилъ онъ ни слова. Только 11-го января 1785 года караульный сержантъ донесъ, что когда въ этотъ день принесли Кравкову обѣдъ со стола генералъ-прокурора, то онъ не сталъ ѣсть, а сказалъ караульнымъ: „Это не мнѣ, а собакамъ ѣсть должно; я и такъ уже довольно ѣлъ нечистаго кушанья, приготовленнаго руками неправо вѣрующихъ". А когда вечеромъ принесли ужинъ, то онъ уже выбросилъ его въ горшокъ, замѣтивъ при этомъ: „Скажите Шешковскому: если со мною ничего не сдѣлаютъ и станутъ меня еще здѣсь держать, то вѣдь руки у меня не скованы, я самъ что-нибудь надъ собою сдѣлаю".

Между тѣмъ, увлекаемая духомъ критицизма, тайная экспедиція, собирала въ Владимірскомъ и Костромскомъ намѣстничествѣ справки о тамошней службѣ и жизни Кравкова. Велѣно было даже, подъ рукою, безъ малѣйшей огласки, развѣдать отъ его жены, по

какому случаю она за него вышла, сколько времени съ нимъ жила, и какимъ образомъ онъ ее оставилъ, также кому онъ продалъ свою деревню, за какую цѣну, и законнымъ ли порядкомъ совершена о продажѣ оной купчая?

12-го января получены были свѣдѣнія, приведенныя нами выше, а 22-го января, въ домъ князя Вяземскаго, гдѣ содержался Кравковъ, приглашенъ былъ митрополитъ Гавріилъ. Держась мужицкой, холопской вѣры и нося бороду и русское платье, Кравковъ возбуждалъ къ себѣ какую-то ненависть въ людяхъ, вообще очень равнодушныхъ къ дѣламъ вѣры. Имъ непремѣнно хотѣлось, чтобъ онъ держался казенной вѣры или безвѣрія большинства образованныхъ людей. Для того-то и былъ приглашенъ митрополитъ Гавріилъ. Документы тайной экспедиціи передаютъ рѣчи митрополита по своему, при чемъ онѣ мало согласны съ его же письменнымъ свидѣтельствомъ о Кравковѣ *). Приводимъ ихъ, ибо онѣ еще болѣе раскрываютъ намъ всю силу ожесточенія экспедиціи противъ Кравкова.

Документы увѣряютъ, что будто бы митрополитъ увѣщевалъ его и доказывалъ ему, „сколь для него постыдно, заслуживши чинъ штабъ-офицерскій, войти въ такое заблужденіе, которому слѣдуютъ люди, не имѣвшіе никогда никакого просвѣщенія, удалиться отъ общества и тѣмъ паче оставить святую церковь, всѣ ея преданія и вѣрить такимъ людямъ, которые не только никакого понятія, въ

---

*) Вотъ это письменное свидѣтельство на имя князя Вяземскаго:

„Сіятельнѣйшій князь Александръ Алексѣевичь, милостивый государь!

„Присланный отъ вашего сіятельства ко мнѣ флота капитанъ 2-го ранга Евдокимъ Кравковъ многократно былъ увѣщеваемъ, но остался въ прежнихъ мысляхъ. Онъ приверженъ къ толку старообрядцевъ, называемому поповщиною; но при всей той приверженности имѣетъ мнѣнія и раскольниками нетерпимыя. Его отзывы и разсужденія показываютъ человѣка разстроенныхъ мыслей. А какъ въ такое состояніе приведенъ онъ печальными обстоятельствами и причиною того почитаетъ другихъ, то произшедшее отъ сего въ немъ негодованіе производитъ недовѣрчивость, отвращеніе и упорство; исправить его, кромѣ снисхожденія, не можно. Онъ чрезъ время, увидѣвши не то, что нынѣ заключаетъ, можетъ смягчиться въ своемъ упорствѣ. Я его съ симъ къ вашему сіятельству препровождаю. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть всегда вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій.—15-го февраля 1785 года".

Удивительно, какъ преосвященный Гавріилъ не могъ настоять на необходимости совершеннаго освобожденія несчастнаго Кравкова, не попечаловался о немъ!

какому случаю она за него вышла, сколько времени съ нимъ жила, и какимъ образомъ онъ ее оставилъ, также кому онъ продалъ свою деревню, за какую цѣну, и законнымъ ли порядкомъ совершена о продажѣ оной купчая?

12-го января получены были свѣдѣнія, приведенныя нами выше, а 22-го января, въ домъ князя Вяземскаго, гдѣ содержался Кравковъ, приглашенъ былъ митрополитъ Гавріилъ. Держась мужицкой, холопской вѣры и нося бороду и русское платье, Кравковъ возбуждалъ къ себѣ какую-то ненависть въ людяхъ, вообще очень равнодушныхъ къ дѣламъ вѣры. Имъ непремѣнно хотѣлось, чтобъ онъ держался казенной вѣры или безвѣрія большинства образованныхъ людей. Для того-то и былъ приглашенъ митрополитъ Гавріилъ. Документы тайной экспедиціи передаютъ рѣчи митрополита по своему, при чемъ онѣ мало согласны съ его же письменнымъ свидѣтельствомъ о Кравковѣ *). Приводимъ ихъ, ибо онѣ еще болѣе раскрываютъ намъ всю силу ожесточенія экспедиціи противъ Кравкова.

Документы увѣряютъ, что будто бы митрополитъ увѣщевалъ его и доказывалъ ему, „сколь для него постыдно, заслуживши чинъ штабъ-офицерскій, войти въ такое заблужденіе, которому слѣдуютъ люди, не имѣвшіе никогда никакого просвѣщенія, удалиться отъ общества и тѣмъ паче оставить святую церковь, всѣ ея преданія и вѣрить такимъ людямъ, которые не только никакого понятія, въ

---

*) Вотъ это письменное свидѣтельство на имя князя Вяземскаго:

„Сіятельнѣйшій князь Александръ Алексѣевичь, милостивый государь!

„Присланный отъ вашего сіятельства ко мнѣ флота капитанъ 2-го ранга Евдокимъ Кравковъ многократно былъ увѣщеваемъ, но остался въ прежнихъ мысляхъ. Онъ приверженъ къ толку старообрядцевъ, называемому поповщиною; но при всей той приверженности имѣетъ мнѣнія и раскольниками нетерпимыя. Его отзывы и разсужденія показываютъ человѣка разстроенныхъ мыслей. А какъ въ такое состояніе приведенъ онъ печальными обстоятельствами и причиною того почитаетъ другихъ, то произшедшее отъ сего въ немъ негодованіе производитъ недовѣрчивость, отвращеніе и упорство; исправить его, кромѣ снисхожденія, не можно. Онъ чрезъ время, увидѣвши не то, что нынѣ заключаетъ, можетъ смягчиться въ своемъ упорствѣ. Я его съ симъ къ вашему сіятельству препровождаю. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть всегда вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій.—15-го февраля 1785 года".

Удивительно, какъ преосвященный Гавріилъ не могъ настоять на необходимости совершеннаго освобожденія несчастнаго Кравкова, не попечаловался о немъ!

чемъ они сомнѣваются, не имѣютъ, но что̀ и сами, по глупости своей, истиною полагаютъ, что и тому правдоподобнаго доказательства дать не могутъ. Слѣдовательно, если бы вы и хотѣли посвятить себя на службу Богу и удалиться отъ суетъ, то могли бы избрать мѣсто, по желанію вашему, въ монастырѣ, гдѣ быть вамъ не только не постыдно, но и полезно бы было для васъ, и притомъ, надѣюсь, на сіе бы и всемилостивѣйшая государыня изъявить изволила свое благоволеніе".

„Помилуйте, что̀ вамъ до меня за нужда", кротко и разумно отвѣчалъ Кравковъ; „Богъ насильно никого ко спасенію призывать не велѣлъ, а открылъ путь всякому, кто какъ желаетъ спастись, почему—какъ я о величествѣ Божіи мыслю и ищу спасенія, знать никто не можетъ".

Кравкову въ тайной экспедиціи доказывали: „Не мы, но самъ Богъ, чрезъ посредство постановленныхъ пастырей церкви Христовой, которымъ онъ ввѣрилъ самъ, по словеси своему, пасти стадо, призываетъ васъ къ истинному боропознанію. Положимъ, что вы конечно вѣруете въ Бога, чаете себѣ спасенія, но равнымъ образомъ и всякій христіанинъ того же желаетъ и ищетъ для того по своему состоянію. Всякій исполняетъ всѣ обязанности, налагаемыя закономъ и вѣрою, и церковь святую почитаетъ матерью своею, всѣ ея преданія, установленныя отъ Христа, и преданія св. отецъ по возможности исполняетъ; а вы совсѣмъ отчуждились отъ церкви и ее оставили. Повѣрьте, если бы сіе не было прискорбно, и вы не были бы достойны сожалѣнія въ разсужденіи такихъ странныхъ кроющихся въ васъ воображеній, то конечно бы, понапрасну не стали бы васъ принуждать къ присоединенію къ церкви Христовой, страшась, дабы не отдать отвѣта Богу, что объ васъ не старались или мало о обращеніи вашемъ попеченія имѣли, тѣмъ болѣе, что и всемилостивѣйшей государынѣ весьма сіе угодно, ибо она, аки мать, о чадахъ своихъ печется, но видитъ своего подданнаго, падшаго въ такое заблужденіе. И для того мы, будучи обязаны вѣрностію къ самодержицѣ своей, должны о васъ имѣть сожалѣніе и, сколь возможно, привести къ познанію истины".

Вся эта проповѣдь, дышущая грубѣйшимъ матеріализмомъ, полная кощунства надъ вѣрою и ученіемъ евангельскимъ, терзала и мучила Кравкова, стоила ему всякой пытки: „Я родился во тьмѣ, хочу также и умереть. Я не знаю, что̀ кому нужды имѣть обо мнѣ попеченіе, я ни отъ кого ничего не требую и не желаю, ни о чемъ никого не просилъ, хотя и лишенъ былъ собственно мнѣ принадлежащаго, которое, можетъ быть, по суду мнѣ и возвращено бы

чемъ они сомнѣваются, не имѣютъ, но что и сами, по глупости своей, истиною полагаютъ, что и тому правдоподобнаго доказательства дать не могутъ. Слѣдовательно, если бы вы и хотѣли посвятить себя на службу Богу и удалиться отъ суетъ, то могли бы избрать мѣсто, по желанію вашему, въ монастырѣ, гдѣ быть вамъ не только не постыдно, но и полезно бы было для васъ, и притомъ, надѣюсь, на сіе бы и всемилостивѣйшая государыня изъявить изволила свое благоволеніе".

„Помилуйте, что вамъ до меня за нужда", кротко и разумно отвѣчалъ Кравковъ; „Богъ насильно никого ко спасенію призывать не велѣлъ, а открылъ путь всякому, кто какъ желаетъ спастись, почему—какъ я о величествѣ Божіи мыслю и ищу спасенія, знать никто не можетъ".

Кравкову въ тайной экспедиціи доказывали: „Не мы, но самъ Богъ, чрезъ посредство постановленныхъ пастырей церкви Христовой, которымъ онъ ввѣрилъ самъ, по словеси своему, пасти стадо, призываетъ васъ къ истинному боропознанію. Положимъ, что вы конечно вѣруете въ Бога, чаете себѣ спасенія, но равнымъ образомъ и всякій христіанинъ того же желаетъ и ищетъ для того по своему состоянію. Всякій исполняетъ всѣ обязанности, налагаемыя закономъ и вѣрою, и церковь святую почитаетъ матерью своею, всѣ ея преданія, установленныя отъ Христа, и преданія св. отецъ по возможности исполняетъ; а вы совсѣмъ отчуждились отъ церкви и ее оставили. Повѣрьте, если бы сіе не было прискорбно, и вы не были бы достойны сожалѣнія въ разсужденіи такихъ странныхъ кроющихся въ васъ воображеній, то конечно бы, понапрасну не стали бы васъ принуждать къ присоединенію къ церкви Христовой, страшась, дабы не отдать отвѣта Богу, что объ васъ не старались или мало о обращеніи вашемъ попеченія имѣли, тѣмъ болѣе, что и всемилостивѣйшей государынѣ весьма сіе угодно, ибо она, аки мать, о чадахъ своихъ печется, но видитъ своего подданнаго, падшаго въ такое заблужденіе. И для того мы, будучи обязаны вѣрностію къ самодержицѣ своей, должны о васъ имѣть сожалѣніе и, сколь возможно, привести къ познанію истины".

Вся эта проповѣдь, дышущая грубѣйшимъ матеріализмомъ, полная кощунства надъ вѣрою и ученіемъ евангельскимъ, терзала и мучила Кравкова, стоила ему всякой пытки: „Я родился во тьмѣ, хочу также и умереть. Я не знаю, что кому нужды имѣть обо мнѣ попеченіе, я ни отъ кого ничего не требую и не желаю, ни о чемъ никого не просилъ, хотя и лишенъ былъ собственно мнѣ принадлежащаго, которое, можетъ быть, по суду мнѣ и возвращено бы

было, но я не хотѣлъ. Если же я сдѣлалъ что̀ противное законамъ, то вольны меня разжаловать, наказать по законамъ и хотя лишить жизни“.

Тутъ сталъ ему доказывать преосвященный словами Священнаго Писанія, какъ человѣка, впадшаго въ отчаяніе и заблужденіе, утѣшать должно, и что никакой нужды нѣтъ и не за что̀ его наказывать. Кравковъ слушалъ все это молча и наконецъ вышелъ вонъ изъ присутствія съ торопливостью.

Трудно иногда представить себѣ, до какого уродства и безобразія способны доходить люди въ своемъ безвѣріи и индифферентизмѣ, когда по какимъ-нибудь внѣшнимъ разсчетамъ и соображеніямъ считаютъ себя призванными являться защитниками вѣры, христіанства, ученія любви и свободы, не только не нуждающагося въ ихъ покровительствѣ, но еще оскверняемаго ими въ своей святынѣ! Кто хлопочетъ объ обращеніи Кравкова? Князь Вяземскій, низкой души человѣкъ, нечестный гражданинъ, грязный въ своей семейной жизни! О нравственности и крѣпости христіанскихъ убѣжденій Шешковскаго и другихъ нечего и упоминать.

Наконецъ дѣло Кравкова было рѣшено. 17-го февраля князь Вяземскій, во исполненіе высочайшаго соизволенія о Кравковѣ, приказалъ: „Онъ, Кравковъ, какъ человѣкъ противъ званія своего дѣлаетъ поведеніемъ и жизнію своею нетерпимый въ обществѣ не только соблазнъ, но самымъ своимъ ложнымъ мнѣніемъ развращаетъ и другихъ, отторгнувшись отъ святой церкви, и предавшись умствованіямъ и наставленіямъ неправомыслящихъ невѣждъ, избралъ лучшее сожитіе съ тѣми невѣждами, нежели въ обществѣ людей, законами и вѣрою охраняемыхъ, такъ что никакія увѣщанія духовной и мірской власти о повиновеніи церкви и установленнымъ государственнымъ законамъ, какъ выше сего описано, воздѣйствовать въ немъ не могли, за что̀, по силѣ законовъ, и достоинъ онъ, Кравковъ, тяжкому осужденію, — но поелику довольно изъ собственныхъ его изрѣченій да и по существу самыхъ его дѣяній видно, что въ сіе заблужденіе впалъ и столь упорно настоитъ по всѣенному въ него отъ вышеписанныхъ невѣждъ суевѣрію, которое онъ, по слабости разсудка своего, мнитъ быть истиннымъ; а сіе самое и ввергло его въ совершенную фанатизму *),

*) Наши либералы въ XVIII вѣкѣ особенно не любили фанатизма и строго его преслѣдовали. Такъ напримѣръ, въ 1763 году какой-то крестьянинъ Кашеваровъ произнесъ какія-то великоважныя непристойныя слова и былъ взятъ въ тайную экспедицію, дѣлами которой завѣдывали тогда

было, но я не хотѣлъ. Если же я сдѣлалъ что̀ противное законамъ, то вольны меня разжаловать, наказать по законамъ и хотя лишить жизни“.

Тутъ сталъ ему доказывать преосвященный словами Священнаго Писанія, какъ человѣка, впадшаго въ отчаяніе и заблужденіе, утѣшать должно, и что никакой нужды нѣтъ и не за что̀ его наказывать. Кравковъ слушалъ все это молча и наконецъ вышелъ вонъ изъ присутствія съ торопливостью.

Трудно иногда представить себѣ, до какого уродства и безобразія способны доходить люди въ своемъ безвѣріи и индифферентизмѣ, когда по какимъ-нибудь внѣшнимъ разсчетамъ и соображеніямъ считаютъ себя призванными являться защитниками вѣры, христіанства, ученія любви и свободы, не только не нуждающагося въ ихъ покровительствѣ, но еще оскверняемаго ими въ своей святынѣ! Кто хлопочетъ объ обращеніи Кравкова? Князь Вяземскій, низкой души человѣкъ, нечестный гражданинъ, грязный въ своей семейной жизни! О нравственности и крѣпости христіанскихъ убѣжденій Шешковскаго и другихъ нечего и упоминать.

Наконецъ дѣло Кравкова было рѣшено. 17-го февраля князь Вяземскій, во исполненіе высочайшаго соизволенія о Кравковѣ, приказалъ: „Онъ, Кравковъ, какъ человѣкъ противъ званія своего дѣлаетъ поведеніемъ и жизнію своею нетерпимый въ обществѣ не только соблазнъ, но самымъ своимъ ложнымъ мнѣніемъ развращаетъ и другихъ, отторгнувшись отъ святой церкви, и предавшись умствованіямъ и наставленіямъ неправомыслящихъ невѣждъ, избралъ лучшее сожитіе съ тѣми невѣждами, нежели въ обществѣ людей, законами и вѣрою охраняемыхъ, такъ что никакія увѣщанія духовной и мірской власти о повиновеніи церкви и установленнымъ государственнымъ законамъ, какъ выше сего описано, воздѣйствовать въ немъ не могли, за что̀, по силѣ законовъ, и достоинъ онъ, Кравковъ, тяжкому осужденію, — но поелику довольно изъ собственныхъ его изрѣченій да и по существу самыхъ его дѣяній видно, что въ сіе заблужденіе впалъ и столь упорно настоитъ по всѣенному въ него отъ вышеписанныхъ невѣждъ суевѣрію, которое онъ, по слабости разсудка своего, мнитъ быть истиннымъ; а сіе самое и ввергло его въ совершенную фанатизму *),

*) Наши либералы въ XVIII вѣкѣ особенно не любили фанатизма и строго его преслѣдовали. Такъ напримѣръ, въ 1763 году какой-то крестьянинъ Кашеваровъ произнесъ какія-то великоважныя непристойныя слова и былъ взятъ въ тайную экспедицію, дѣлами которой завѣдывали тогда

или лучше сказать, что лишенъ онъ конечно здраваго разсудка".

Послѣ этого разглагольствованія вы ждете, конечно, что Кравковъ назначается въ богадѣльню и только съ недоумѣніемъ останавливаетесь передъ вопросами: зачѣмъ же было называть его преступникомъ или обращать въ православіе? Но приговоръ продолжаетъ:

„Почему, а болѣе подражая матернему ея величеству человѣколюбію и милосердію, отъ положеннаго законами осужденія его избавить, но дабы онъ (то есть, лишенный разсудка) не могъ, по таковому своему упорству и пренебрегаючи не только общее, но и собственное благосостояніе, между обществомъ по разнымъ мѣстамъ шататься, а тѣмъ самымъ не подавалъ бы другимъ слабаго разсудка людямъ соблазна, а не меньше по объятому имъ суевѣрству чрезъ странныя разглашенія о святой церкви, то послать его за надежнымъ присмотромъ въ Ревельскую крѣпость, гдѣ велѣть тамошнему коменданту содержать его подъ такою стражею, чтобъ онъ никакъ оттуда уйтить не могъ, и для того отвесть ему особый покой; однакожъ будущимъ при той стражѣ подтвердить, дабы съ нимъ поступано было съ сохраненіемъ человѣческаго состоянія, не дѣлая никакихъ оскорбленій. А какъ онъ, Кравковъ, человѣкъ лишившійся здраваго разума, то иногда что-либо станетъ дѣлать или говорить непристойное, въ такомъ случаѣ коменданту его отъ того удерживать по данной ему, по высочайшему учрежденію, власти. Буде же, паче чаянія, оный Кравковъ станетъ что̀ врать важное, то въ такомъ случаѣ писать о томъ къ генералъ-прокурору, а стражѣ, находящейся при немъ, наиприлежнѣйше истолковать, чтобы отъ него, яко отъ безумнаго человѣка, ничего не слушать и никому бъ, кромѣ его, коменданта, о томъ враньѣ никакъ не разглашали подъ опасеніемъ военнаго суда. Писемъ писать ему не велѣть и ни отъ кого къ нему не брать, чего ради бумаги, пера, чернилъ и всего къ письму способнаго ему ни для чего не давать, также строго смотрѣть,

---

Н. И. Панинъ и А. И. Глѣбовъ. „По усмотрѣнію ихъ и штабъ-лекаря, Кашеваровъ оказался настоящимъ фанатикомъ, отъ чего хотя и пользованъ былъ пущеніемъ крови, такъ и медикаментами, но только облегченія не получилъ; въ разсужденіи чего, а паче избѣгая кровопролитія, яко фанатику наказанія не чинить; а чтобъ онъ тѣхъ важныхъ непристойныхъ словъ произносить не дерзалъ, послать его въ Нерчинскъ въ работу вѣчно и впредь никакимъ его разглашеніямъ, равнымъ образомъ и доносамъ не вѣрить, а если онъ станетъ что-либо важное гдѣ произносить, то въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ то произнесетъ, чинить наказаніе плетьми".

или лучше сказать, что лишенъ онъ конечно здраваго разсудка".

Послѣ этого разглагольствованія вы ждете, конечно, что Кравковъ назначается въ богадѣльню и только съ недоумѣніемъ останавливаетесь передъ вопросами: зачѣмъ же было называть его преступникомъ или обращать въ православіе? Но приговоръ продолжаетъ:

„Почему, а болѣе подражая матернему ея величеству человѣколюбію и милосердію, отъ положеннаго законами осужденія его избавить, но дабы онъ (то есть, лишенный разсудка) не могъ, по таковому своему упорству и пренебрегаючи не только общее, но и собственное благосостояніе, между обществомъ по разнымъ мѣстамъ шататься, а тѣмъ самымъ не подавалъ бы другимъ слабаго разсудка людямъ соблазна, а не меньше по объятому имъ суевѣрству чрезъ странныя разглашенія о святой церкви, то послать его за надежнымъ присмотромъ въ Ревельскую крѣпость, гдѣ велѣть тамошнему коменданту содержать его подъ такою стражею, чтобъ онъ никакъ оттуда уйтить не могъ, и для того отвесть ему особый покой; однакожъ будущимъ при той стражѣ подтвердить, дабы съ нимъ поступано было съ сохраненіемъ человѣческаго состоянія, не дѣлая никакихъ оскорбленій. А какъ онъ, Кравковъ, человѣкъ лишившійся здраваго разума, то иногда что-либо станетъ дѣлать или говорить непристойное, въ такомъ случаѣ коменданту его отъ того удерживать по данной ему, по высочайшему учрежденію, власти. Буде же, паче чаянія, оный Кравковъ станетъ что̀ врать важное, то въ такомъ случаѣ писать о томъ къ генералъ-прокурору, а стражѣ, находящейся при немъ, наиприлежнѣйше истолковать, чтобы отъ него, яко отъ безумнаго человѣка, ничего не слушать и никому бъ, кромѣ его, коменданта, о томъ враньѣ никакъ не разглашали подъ опасеніемъ военнаго суда. Писемъ писать ему не велѣть и ни отъ кого къ нему не брать, чего ради бумаги, пера, чернилъ и всего къ письму способнаго ему ни для чего не давать, также строго смотрѣть,

---

Н. И. Панинъ и А. И. Глѣбовъ. „По усмотрѣнію ихъ и штабъ-лекаря, Кашеваровъ оказался настоящимъ фанатикомъ, отъ чего хотя и пользованъ былъ пущеніемъ крови, такъ и медикаментами, но только облегченія не получилъ; въ разсужденіи чего, а паче избѣгая кровопролитія, яко фанатику наказанія не чинить; а чтобъ онъ тѣхъ важныхъ непристойныхъ словъ произносить не дерзалъ, послать его въ Нерчинскъ въ работу вѣчно и впредь никакимъ его разглашеніямъ, равнымъ образомъ и доносамъ не вѣрить, а если онъ станетъ что-либо важное гдѣ произносить, то въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ то произнесетъ, чинить наказаніе плетьми".

чтобы онъ чего надъ собою или надъ стражею сдѣлать вреднаго не могъ и для того ножа и никакого орудія, чѣмъ человѣкъ себя и другаго повредить можетъ, не давать, да и караульнымъ въ томъ покоѣ, гдѣ онъ содержанъ будетъ, никакого орудія не имѣть. На протитаніе жь и одежду выдавать ему на каждый день по десяти копѣекъ. Въ какомъ же онъ состояніи находиться будетъ, и придетъ ли онъ въ познаніе истины, генералъ-прокурору чрезъ каждые четыре мѣсяца, при требованіи на него кормовыхъ денегъ, репортовать. Если же, паче чаянія, оный Кравковъ пожелаетъ позвать къ себѣ попа для исповѣди или святаго причастія, то онаго къ нему, хотя бы онъ былъ и здоровъ, допустить; буде жь будетъ въ болѣзни, то потому жь преподать ему о семъ спасительномъ для него способѣ совѣтъ, сказавъ однакожь священнику, что буде оный Кравковъ откроетъ ему свое заблужденіе и станетъ просить его о присоединеніи къ церкви, то чтобъ онъ въ то же время далъ знать коменданту (комендантомъ въ Ревелѣ былъ Нѣмецъ лютеранинъ!), а оный имѣетъ донести о томъ генералъ-прокурору (то есть, о присоединеніи Кравкова къ церкви). Если же онъ умретъ, то похоронить его, Кравкова, по церковному чиноположенію и объ томъ коменданту той крѣпости отписать".

До насъ сохранился списокъ заключеннымъ въ различныхъ крѣпостяхъ въ 1796 году. Изъ него видно, что Кравковъ въ то время былъ еще живъ, по прежнему занимая казематъ въ Ревельской крѣпости!

Повторяемъ что лица, осудившія Кравкова за его неправославіе, сами нисколько не сочувствовали и не вѣрили православію: иначе они не поступили бы такимъ образомъ съ Кравковымъ. Если бы, напримѣръ, Кравковъ былъ деистъ или атеистъ, то никто не тронулъ бы его, очевидно—не изъ признанія свободы совѣсти, а потому, что всѣ тогдашнія правительственныя лица въ Россіи, вмѣстѣ съ большинствомъ образованнаго общества, сами глубоко сочувствовали Вольтеру и энциклопедистамъ. Никому изъ правительственныхъ лицъ не могла тогда придти въ голову дикая мысль о томъ, чтобы хватать въ тайную экспедицію людей за деизмъ, атеизмъ или масонство *), словомъ—всѣхъ образованныхъ Русскихъ не православныхъ, и тамъ насильственно обращать ихъ въ пра-

*) Масоновъ Екатерина II стала преслѣдовать не за ихъ нравственныя или религіозныя убѣжденія, а за ихъ политическія тенденціи, за ихъ сочувствіе и расположеніе къ великому князю Павлу Петровичу.

чтобы онъ чего надъ собою или надъ стражею сдѣлать вреднаго не могъ и для того ножа и никакого орудія, чѣмъ человѣкъ себя и другаго повредить можетъ, не давать, да и караульнымъ въ томъ покоѣ, гдѣ онъ содержанъ будетъ, никакого орудія не имѣть. На протитаніе жь и одежду выдавать ему на каждый день по десяти копѣекъ. Въ какомъ же онъ состояніи находиться будетъ, и придетъ ли онъ въ познаніе истины, генералъ-прокурору чрезъ каждые четыре мѣсяца, при требованіи на него кормовыхъ денегъ, репортовать. Если же, паче чаянія, оный Кравковъ пожелаетъ позвать къ себѣ попа для исповѣди или святаго причастія, то онаго къ нему, хотя бы онъ былъ и здоровъ, допустить; буде жь будетъ въ болѣзни, то потому жь преподать ему о семъ спасительномъ для него способѣ совѣтъ, сказавъ однакожь священнику, что буде оный Кравковъ откроетъ ему свое заблужденіе и станетъ просить его о присоединеніи къ церкви, то чтобъ онъ въ то же время далъ знать коменданту (комендантомъ въ Ревелѣ былъ Нѣмецъ лютеранинъ!), а оный имѣетъ донести о томъ генералъ-прокурору (то есть, о присоединеніи Кравкова къ церкви). Если же онъ умретъ, то похоронить его, Кравкова, по церковному чиноположенію и объ томъ коменданту той крѣпости отписать".

До насъ сохранился списокъ заключеннымъ въ различныхъ крѣпостяхъ въ 1796 году. Изъ него видно, что Кравковъ въ то время былъ еще живъ, по прежнему занимая казематъ въ Ревельской крѣпости!

Повторяемъ что лица, осудившія Кравкова за его неправославіе, сами нисколько не сочувствовали и не вѣрили православію: иначе они не поступили бы такимъ образомъ съ Кравковымъ. Если бы, напримѣръ, Кравковъ былъ деистъ или атеистъ, то никто не тронулъ бы его, очевидно—не изъ признанія свободы совѣсти, а потому, что всѣ тогдашнія правительственныя лица въ Россіи, вмѣстѣ съ большинствомъ образованнаго общества, сами глубоко сочувствовали Вольтеру и энциклопедистамъ. Никому изъ правительственныхъ лицъ не могла тогда придти въ голову дикая мысль о томъ, чтобы хватать въ тайную экспедицію людей за деизмъ, атеизмъ или масонство *), словомъ—всѣхъ образованныхъ Русскихъ не православныхъ, и тамъ насильственно обращать ихъ въ пра-

*) Масоновъ Екатерина II стала преслѣдовать не за ихъ нравственныя или религіозныя убѣжденія, а за ихъ политическія тенденціи, за ихъ сочувствіе и расположеніе къ великому князю Павлу Петровичу.

вославіе! Извѣстны сношенія Екатерины II съ Вольтеромъ и энциклопедистами; Дидро она даже приглашала въ воспитатели къ своему сыну; а тогдашній оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода П. П. Чебышевъ громко хвалился своимъ атеизмомъ... Но отчего же тайная экспедиція, встрѣтясь съ Кравковымъ, вдругъ такъ воспламеняется жаромъ учительства и непремѣнно отъ него требуетъ, чтобъ онъ обратился къ церкви?

Мы видѣли, что Кравкова пытаютъ и осуждаютъ не за то собственно, что онъ мыслилъ и вѣровалъ неправославно, не согласно съ церковью, а за то, что онъ, природный россійскій дворянинъ и отставной штабъ-офицеръ, носилъ бороду и неподобную одежду, мыслилъ и вѣровалъ, какъ непросвѣщенный невѣжда. Тайная полиція Россійской имперіи въ 1784—1785 годахъ ловитъ дворянина Кравкова и сажаетъ его въ казематъ Ревельской крѣпости, слишкомъ на 11 лѣтъ, за то единственно, что онъ вѣровалъ и мыслилъ по мужицки, неприлично своему званію, не согласно съ тогдашними исправниками, губернаторами, С. И. Шликовкимъ, княземъ А. А. Вяземскимъ и императрицей Екатериною. По существу не напоминаетъ ли это дѣло священной тайной инквизиціи, о которой если не самъ Шликовской, то князь Вяземскій и императрица отзывались, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ съ благороднымъ негодованіемъ? И не есть ли случай съ Кравковымъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ исторій въ лѣтописяхъ всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ полицейско-военныхъ государствъ, въ которыхъ тайная полиція не только разыскиваетъ и предупреждаетъ преступленія, но сама судитъ и наказываетъ людей по ея мнѣнію виновныхъ, обладаетъ безконтрольною властью, распоряжается огромными тайными суммами и заправляетъ внѣшнею и внутреннею политикою страны? Съ этой высшей точки зрѣнія, я боюсь, исторія бѣднаго Кравкова покажется русскому читателю самымъ незначащимъ анекдотомъ

Владиміръ Ламанскій.

вославіе! Извѣстны сношенія Екатерины II съ Вольтеромъ и энциклопедистами; Дидро она даже приглашала въ воспитатели къ своему сыну; а тогдашній оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода П. П. Чебышевъ громко хвалился своимъ атеизмомъ... Но отчего же тайная экспедиція, встрѣтясь съ Кравковымъ, вдругъ такъ воспламеняется жаромъ учительства и непремѣнно отъ него требуетъ, чтобъ онъ обратился къ церкви?

Мы видѣли, что Кравкова пытаютъ и осуждаютъ не за то собственно, что онъ мыслилъ и вѣровалъ неправославно, не согласно съ церковью, а за то, что онъ, природный россійскій дворянинъ и отставной штабъ-офицеръ, носилъ бороду и неподобную одежду, мыслилъ и вѣровалъ, какъ непросвѣщенный невѣжда. Тайная полиція Россійской имперіи въ 1784—1785 годахъ ловитъ дворянина Кравкова и сажаетъ его въ казематъ Ревельской крѣпости, слишкомъ на 11 лѣтъ, за то единственно, что онъ вѣровалъ и мыслилъ по мужицки, неприлично своему званію, не согласно съ тогдашними исправниками, губернаторами, С. И. Шликовкимъ, княземъ А. А. Вяземскимъ и императрицей Екатериною. По существу не напоминаетъ ли это дѣло священной тайной инквизиціи, о которой если не самъ Шликовской, то князь Вяземскій и императрица отзывались, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ съ благороднымъ негодованіемъ? И не есть ли случай съ Кравковымъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ исторій въ лѣтописяхъ всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ полицейско-военныхъ государствъ, въ которыхъ тайная полиція не только разыскиваетъ и предупреждаетъ преступленія, но сама судитъ и наказываетъ людей по ея мнѣнію виновныхъ, обладаетъ безконтрольною властью, распоряжается огромными тайными суммами и заправляетъ внѣшнею и внутреннею политикою страны? Съ этой высшей точки зрѣнія, я боюсь, исторія бѣднаго Кравкова покажется русскому читателю самымъ незначащимъ анекдотомъ

Владиміръ Ламанскій.

ЦЕСАРЕВНА АННА ПЕТРОВНА.

1708 — 1728.

(Біографическій очеркъ).

Въ исторіи нашей, да вѣроятно и во всякой другой, не много найдется такихъ лицъ, которыя при жизни не пользовались большимъ значеніемъ и, какъ бы въ возмездіе за то, получили въ потомствѣ первостепенную важность. Но такова судьба любимой дочери Петра I, цесаревны Анны Петровны, герцогини Голштинской. Вся короткая жизнь этой принцессы протекла въ кругу семейномъ. Она является въ родительскомъ домѣ покорною любящей дочерью, а потомъ на чужбинѣ, одинокою супругою, при томъ кажется, не на столько любимою мужемъ, какъ стоила того. Вскорѣ по рожденіи единственнаго сына, всего двадцати лѣтъ отъ роду, цесаревна скончалась вдали отъ родины, и только прахъ ея, перенесенный въ общую усыпальницу родителей, покоится тамъ, гдѣ жилъ и короткое время царствовалъ ея сынъ, императоръ Петръ III. Значеніе ея въ царственномъ потомствѣ даетъ знаменитость и ей самой. Кромѣ того, разсказъ о судьбѣ Анны Петровны вводитъ насъ въ семейный бытъ Петра I и его коронованной супруги въ послѣдній періодъ ихъ жизни. Смерть матери своей Анна Петровна пережила сама только однимъ годомъ, при томъ не представляющимъ видныхъ фактовъ, кромѣ отъѣзда ея въ Голштинію да рожденія сына. Стало быть, можно смѣло сказать, что вся жизнь принцессы заключалась въ жизни ея отца и матери. Къ тому же, изъ всѣхъ эпохъ русской исторіи, время сближенія нашего съ западомъ—самое интересное по столкновенію противопо-

ЦЕСАРЕВНА АННА ПЕТРОВНА.

1708 — 1728.

(Біографическій очеркъ).

Въ исторіи нашей, да вѣроятно и во всякой другой, не много найдется такихъ лицъ, которыя при жизни не пользовались большимъ значеніемъ и, какъ бы въ возмездіе за то, получили въ потомствѣ первостепенную важность. Но такова судьба любимой дочери Петра I, цесаревны Анны Петровны, герцогини Голштинской. Вся короткая жизнь этой принцессы протекла въ кругу семейномъ. Она является въ родительскомъ домѣ покорною любящей дочерью, а потомъ на чужбинѣ, одинокою супругою, при томъ кажется, не на столько любимою мужемъ, какъ стоила того. Вскорѣ по рожденіи единственнаго сына, всего двадцати лѣтъ отъ роду, цесаревна скончалась вдали отъ родины, и только прахъ ея, перенесенный въ общую усыпальницу родителей, покоится тамъ, гдѣ жилъ и короткое время царствовалъ ея сынъ, императоръ Петръ III. Значеніе ея въ царственномъ потомствѣ даетъ знаменитость и ей самой. Кромѣ того, разсказъ о судьбѣ Анны Петровны вводитъ насъ въ семейный бытъ Петра I и его коронованной супруги въ послѣдній періодъ ихъ жизни. Смерть матери своей Анна Петровна пережила сама только однимъ годомъ, при томъ не представляющимъ видныхъ фактовъ, кромѣ отъѣзда ея въ Голштинію да рожденія сына. Стало быть, можно смѣло сказать, что вся жизнь принцессы заключалась въ жизни ея отца и матери. Къ тому же, изъ всѣхъ эпохъ русской исторіи, время сближенія нашего съ западомъ—самое интересное по столкновенію противопо-

ложностей всякаго рода. Съ одной стороны, въ это время искусственно слагается что-то, называемое обществомъ, тамъ гдѣ его совсѣмъ не было, съ другой же стороны, вмѣстѣ съ этимъ призракомъ общества усвоиваются новые обычаи, не вдругъ прививающіеся, всѣмъ чуждые, до того, что и самая потребность въ нихъ еще не начинала чувствоваться большинствомъ, да едва ли сознавалась и меньшинствомъ, показывавшимъ къ нимъ сочувствіе. Это то время, когда желѣзная воля государя одна поддерживала неслыханныя дотолѣ нововведенія и старалась привить одновременно и новыя понятія, и другія условія быта, и потребности чужаго, мало сходнаго съ нашимъ строя жизни, мы попытаемся очертить, разсказывая о жизни Анны Петровны.

Случаи, свидѣтельницей или участницею которыхъ была она по волѣ своей или другихъ, одни только и выказываютъ ея образъ, не часто являющійся, какъ всякая не главная пружина сложной машины. Машина скрыпитъ, но двигается, не останавливаясь, быстро, хотя можетъ быть и монотонно, въ промежуткѣ между яркими праздниками и грозою жестокихъ казней. Такъ прошло въ семьѣ царя и золотое время дѣтства и юности старшей дочери Петра I. Незамѣтно наступилъ 1721 годъ, а съ нимъ — пріѣздъ нѣмецкаго принца, чрезъ четыре года сдѣлавшагося супругомъ. Съ нимъ Анна Петровна прожила лучшіе годы разцвѣта красоты, выясненія взгляда на вещи и — кто порукою — не ранняго ли разочарованія въ жизни? Такая судьба, согласитесь, выпади она на долю и не царской дочери, все же будетъ драматичною. Прослѣдимъ же эту драму молодой жизни цесаревны Анны Петровны.

Великая Сѣверная война, какъ извѣстно, отвлекала часто Петра I изъ Москвы, гдѣ жили его сестры. Одна изъ нихъ, Наталья Алексѣевна, знала многое, оставшееся тайною для другихъ царевенъ. Такъ, съ перваго же времени появленія въ селѣ Преображенскомъ Екатерины Алексѣевны, царевна Наталья Алексѣевна была уже посвящена въ строгое инкогнито, которымъ Петръ покрывалъ посѣщенія таинственной обитательницы уединеннаго домика. Порою, и сама затворница предпринимала поѣздки для свиданія съ царемъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда въ письмахъ своихъ онъ назначалъ ей пріѣзжать. Неизмѣнною спутницею ея въ этихъ разъѣздахъ была преданная ей дѣвица, Анисья Кирилловна Толстая; она была подругою сестеръ Арсеньевыхъ, также навѣщавшихъ мѣста расположенія войскъ, гдѣ находился

ложностей всякаго рода. Съ одной стороны, въ это время искусственно слагается что-то, называемое обществомъ, тамъ гдѣ его совсѣмъ не было, съ другой же стороны, вмѣстѣ съ этимъ призракомъ общества усвоиваются новые обычаи, не вдругъ прививающіеся, всѣмъ чуждые, до того, что и самая потребность въ нихъ еще не начинала чувствоваться большинствомъ, да едва ли сознавалась и меньшинствомъ, показывавшимъ къ нимъ сочувствіе. Это то время, когда желѣзная воля государя одна поддерживала неслыханныя дотолѣ нововведенія и старалась привить одновременно и новыя понятія, и другія условія быта, и потребности чужаго, мало сходнаго съ нашимъ строя жизни, мы попытаемся очертить, разсказывая о жизни Анны Петровны.

Случаи, свидѣтельницей или участницею которыхъ была она по волѣ своей или другихъ, одни только и выказываютъ ея образъ, не часто являющійся, какъ всякая не главная пружина сложной машины. Машина скрыпитъ, но двигается, не останавливаясь, быстро, хотя можетъ быть и монотонно, въ промежуткѣ между яркими праздниками и грозою жестокихъ казней. Такъ прошло въ семьѣ царя и золотое время дѣтства и юности старшей дочери Петра I. Незамѣтно наступилъ 1721 годъ, а съ нимъ — пріѣздъ нѣмецкаго принца, чрезъ четыре года сдѣлавшагося супругомъ. Съ нимъ Анна Петровна прожила лучшіе годы разцвѣта красоты, выясненія взгляда на вещи и — кто порукою — не ранняго ли разочарованія въ жизни? Такая судьба, согласитесь, выпади она на долю и не царской дочери, все же будетъ драматичною. Прослѣдимъ же эту драму молодой жизни цесаревны Анны Петровны.

Великая Сѣверная война, какъ извѣстно, отвлекала часто Петра I изъ Москвы, гдѣ жили его сестры. Одна изъ нихъ, Наталья Алексѣевна, знала многое, остававшееся тайною для другихъ царевенъ. Такъ, съ перваго же времени появленія въ селѣ Преображенскомъ Екатерины Алексѣевны, царевна Наталья Алексѣевна была уже посвящена въ строгое инкогнито, которымъ Петръ покрывалъ посѣщенія таинственной обитательницы уединеннаго домика. Порою, и сама затворница предпринимала поѣздки для свиданія съ царемъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда въ письмахъ своихъ онъ назначалъ ей пріѣзжать. Неизмѣнною спутницею ея въ этихъ разъѣздахъ была преданная ей дѣвица, Анисья Кирилловна Толстая; она была подругою сестеръ Арсеньевыхъ, также навѣщавшихъ мѣста расположенія войскъ, гдѣ находился

князь Меншиковъ, который наконецъ и женился въ 1706 году на одной изъ нихъ, Дарьѣ Михайловнѣ, и до конца жизни считалъ лучшимъ своимъ совѣтникомъ умную сестру жены, Варвару Михайловну. Анисья Кирилловна была въ такихъ же отношеніяхъ къ Петру I и Екатеринѣ Алексѣевнѣ, въ какихъ Варвара Михайловна находилась къ князю и княгинѣ Меншиковымъ. Въ первое время своего знакомства съ Екатериной, царь обыкновенно адресовалъ письма свои „госпожамъ тетке и матке", какъ называлъ онъ Екатерину Алексѣевну и Анисью Кирилловну, исполнявшую при Екатеринѣ обязанность секретаря и увѣдомлявшую государя, что̀ у нихъ дѣлалось. Однимъ изъ писемъ дѣвицы Толстой, между прочимъ, царь былъ извѣщенъ о рожденіи первой своей дочери, названной Анною. Не зная еще объ этомъ, отъ 29-го января 1708 г., государь писалъ изъ Вильна къ теткѣ и маткѣ. Онъ благодарилъ на этотъ разъ за письмо и *прежентъ* (презентъ, подарокъ) и намекалъ на предстоящее приращеніе своего семейства: „Чаю, что сіе мое письмо вамъ при самомъ времени выѣзда ганскина изъ кельдера достанетца, о чемъ зѣло слышать желаю, что дай Боже въ радости не только слышать, но и видеть". При этомъ, не зная еще съ приближеніемъ непріятеля, „куда его обороты будутъ", государь обѣщалъ имъ написать *немедленно*, „увидевъ время куды быть... понеже гораздо безъ васъ скучаю", спѣшитъ тутъ же прибавить Петръ. Затѣмъ изъ Думиловичь, отъ 8-го февраля, поздравляя матку и тетку съ *нововыпъзжею*, какъ называлъ государь новорожденныхъ дочерей своихъ, онъ наказывалъ „по выпорожненіи ѣхать въ Моленскъ (Смоленскъ) и отдать поклонъ" царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Поѣздка эта однако не состоялась. Между тѣмъ, Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ и, не получая „с три недѣли извѣстій" о Екатеринѣ, но слыша стороною, что не очень здорово въ его семействѣ, тотчасъ же, 20-го марта, написалъ ей: „Для Бога, пріежжайте скоряй; а ежели за чѣмъ невозможно скоро быть, отпишите; понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, не вижу васъ; а съ симъ письмомъ посланъ къ вамъ в стречу башмашникъ вашъ, — понеже чаю, что вы уже въ дорогѣ". Въ это время Петръ былъ серьозно боленъ въ любимомъ своемъ Петербургѣ, и для посѣщенія его здѣсь въ раннюю, но мокрую уже весну, обѣ царицы, невѣстки государя, и всѣ царевны, сестры его, предприняли поѣздку изъ Москвы. Любимая сестра государя, царевна Наталья, повезла съ собою и Екатерину Алексѣевну съ новорожденною дочерью. Въ Петербургѣ царь съ семействомъ своимъ провелъ въ лѣченіи и забавахъ цѣлые два мѣ-

князь Меншиковъ, который наконецъ и женился въ 1706 году на одной изъ нихъ, Дарьѣ Михайловнѣ, и до конца жизни считалъ лучшимъ своимъ совѣтникомъ умную сестру жены, Варвару Михайловну. Анисья Кирилловна была въ такихъ же отношеніяхъ къ Петру I и Екатеринѣ Алексѣевнѣ, въ какихъ Варвара Михайловна находилась къ князю и княгинѣ Меншиковымъ. Въ первое время своего знакомства съ Екатериной, царь обыкновенно адресовалъ письма свои „госпожамъ тетке и матке", какъ называлъ онъ Екатерину Алексѣевну и Анисью Кирилловну, исполнявшую при Екатеринѣ обязанность секретаря и увѣдомлявшую государя, что̀ у нихъ дѣлалось. Однимъ изъ писемъ дѣвицы Толстой, между прочимъ, царь былъ извѣщенъ о рожденіи первой своей дочери, названной Анною. Не зная еще объ этомъ, отъ 29-го января 1708 г., государь писалъ изъ Вильна къ теткѣ и маткѣ. Онъ благодарилъ на этотъ разъ за письмо и *прежентъ* (презентъ, подарокъ) и намекалъ на предстоящее приращеніе своего семейства: „Чаю, что сіе мое письмо вамъ при самомъ времени выѣзда ганскина изъ кельдера достанетца, о чемъ зѣло слышать желаю, что дай Боже въ радости не только слышать, но и видеть". При этомъ, не зная еще съ приближеніемъ непріятеля, „куда его обороты будутъ", государь обѣщалъ имъ написать *немедленно*, „увидевъ время куды быть... понеже гораздо безъ васъ скучаю", спѣшитъ тутъ же прибавить Петръ. Затѣмъ изъ Думиловичь, отъ 8-го февраля, поздравляя матку и тетку съ *нововыпъзжею*, какъ называлъ государь новорожденныхъ дочерей своихъ, онъ наказывалъ „по выпорожненіи ѣхать въ Моленскъ (Смоленскъ) и отдать поклонъ" царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Поѣздка эта однако не состоялась. Между тѣмъ, Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ и, не получая „с три недѣли извѣстій" о Екатеринѣ, но слыша стороною, что не очень здорово въ его семействѣ, тотчасъ же, 20-го марта, написалъ ей: „Для Бога, пріежжайте скоряй; а ежели за чѣмъ невозможно скоро быть, отпишите; понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, не вижу васъ; а съ симъ письмомъ посланъ къ вамъ в стречу башмашникъ вашъ, — понеже чаю, что вы уже въ дорогѣ". Въ это время Петръ былъ серьозно боленъ въ любимомъ своемъ Петербургѣ, и для посѣщенія его здѣсь въ раннюю, но мокрую уже весну, обѣ царицы, невѣстки государя, и всѣ царевны, сестры его, предприняли поѣздку изъ Москвы. Любимая сестра государя, царевна Наталья, повезла съ собою и Екатерину Алексѣевну съ новорожденною дочерью. Въ Петербургѣ царь съ семействомъ своимъ провелъ въ лѣченіи и забавахъ цѣлые два мѣ-

сяца. Въ Шлиссельбургѣ царевна Наталья Алексѣевна и ея будущая невѣстка останавливались въ одномъ домѣ съ государемъ; по пріѣздѣ же въ Петербургъ, онѣ поселились въ домѣ, нарочно построенномъ для царевны Натальи, на Петербургскомъ островѣ.

И такъ, слѣдовательно, государь въ первый разъ увидѣлъ новорожденную дочь свою Анну Петровну въ сѣверной столицѣ. Отсюда отправился онъ, вмѣстѣ съ подругой своею и дочерью, въ Смоленскъ, но здѣсь и разстался съ ними, чтобы ѣхать на встрѣчу шведскаго героя на Днѣпрѣ. Въ эпоху боя подъ Добрымъ и Лѣснымъ Екатерина съ дочерью и подругою своею продолжала жить въ Смоленскѣ, какъ это и видно изъ надписи на письмѣ къ нимъ государя отъ 26-го сентября 1708 года. Въ слѣдующемъ 1709 году, письмомъ отъ 7-го февраля, изъ г. Ахтырокъ, на имя А. К. Толстой, государь вызвалъ ее съ Екатериною въ Бѣлгородъ. 27-го іюня того же года, въ самый день Полтавской баталіи, Петръ писалъ уже прямо Екатеринѣ. Письмо это сообщало ей радостную вѣсть о Полтавской побѣдѣ и было писано въ лагерѣ, куда Петръ и звалъ Екатерину Алексѣевну пріѣхать „для поздравленія“. Не извѣстно, одна ли мать, или вмѣстѣ съ новорожденною, совершала всѣ слѣдующіе отъ Смоленска переѣзды; первое, по видимому, вѣроятнѣе. Изъ Вильны, куда царь звалъ Екатерину, онъ отправился въ Варшаву, за тѣмъ въ Пруссію и черезъ Лифляндію прибылъ 23-го ноября въ Петербургъ. Декабря 18-го Полтавскій побѣдитель имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву съ войсками, а между тѣмъ у него родилась вторая дочь Елизавета. Воспоминанія о трудахъ, понесенныхъ въ первую половину войны, счастливо кончившуюся при Полтавѣ, всегда были дороги Петру; привязанность его къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ тоже укрѣпилась въ это время, и цесаревна Анна, какъ живое напоминаніе о времени, дорогомъ для родителей, потому и была имъ дорога.

Послѣ побѣды при Полтавѣ, Петръ переселяется въ Петербургъ, и Екатерина, уже снявъ съ себя прежнее инкогнито, начинаетъ пользоваться почетомъ при дворѣ. Въ это время, кромѣ сестры Натальи Алексѣевны, въ дружескихъ отношеніяхъ къ Екатеринѣ находилась и царица Прасковья Ѳедоровна, и ея дочери. Всѣмъ этимъ роднымъ, благопріятствовавшимъ подругѣ царя, Петръ велитъ, напримѣръ, въ письмахъ къ Екатеринѣ отъ 1-го мая и 14-го іюня 1710 года [1]) „отдать поклонъ“. Въ слѣдующемъ же 1711 году,

[1]) Съ шнявы *Лизетка*, во время крейсерства въ Финскомъ заливѣ, и изъ Выборга.

сяца. Въ Шлиссельбургѣ царевна Наталья Алексѣевна и ея будущая невѣстка останавливались въ одномъ домѣ съ государемъ; по пріѣздѣ же въ Петербургъ, онѣ поселились въ домѣ, нарочно построенномъ для царевны Натальи, на Петербургскомъ островѣ.

И такъ, слѣдовательно, государь въ первый разъ увидѣлъ новорожденную дочь свою Анну Петровну въ сѣверной столицѣ. Отсюда отправился онъ, вмѣстѣ съ подругой своею и дочерью, въ Смоленскъ, но здѣсь и разстался съ ними, чтобы ѣхать на встрѣчу шведскаго героя на Днѣпрѣ. Въ эпоху боя подъ Добрымъ и Лѣснымъ Екатерина съ дочерью и подругою своею продолжала жить въ Смоленскѣ, какъ это и видно изъ надписи на письмѣ къ нимъ государя отъ 26-го сентября 1708 года. Въ слѣдующемъ 1709 году, письмомъ отъ 7-го февраля, изъ г. Ахтырокъ, на имя А. К. Толстой, государь вызвалъ ее съ Екатериною въ Бѣлгородъ. 27-го іюня того же года, въ самый день Полтавской баталіи, Петръ писалъ уже прямо Екатеринѣ. Письмо это сообщало ей радостную вѣсть о Полтавской побѣдѣ и было писано въ лагерѣ, куда Петръ и звалъ Екатерину Алексѣевну пріѣхать „для поздравленія“. Не извѣстно, одна ли мать, или вмѣстѣ съ новорожденною, совершала всѣ слѣдующіе отъ Смоленска переѣзды; первое, по видимому, вѣроятнѣе. Изъ Вильны, куда царь звалъ Екатерину, онъ отправился въ Варшаву, за тѣмъ въ Пруссію и черезъ Лифляндію прибылъ 23-го ноября въ Петербургъ. Декабря 18-го Полтавскій побѣдитель имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву съ войсками, а между тѣмъ у него родилась вторая дочь Елизавета. Воспоминанія о трудахъ, понесенныхъ въ первую половину войны, счастливо кончившуюся при Полтавѣ, всегда были дороги Петру; привязанность его къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ тоже укрѣпилась въ это время, и цесаревна Анна, какъ живое напоминаніе о времени, дорогомъ для родителей, потому и была имъ дорога.

Послѣ побѣды при Полтавѣ, Петръ переселяется въ Петербургъ, и Екатерина, уже снявъ съ себя прежнее инкогнито, начинаетъ пользоваться почетомъ при дворѣ. Въ это время, кромѣ сестры Натальи Алексѣевны, въ дружескихъ отношеніяхъ къ Екатеринѣ находилась и царица Прасковья Ѳедоровна, и ея дочери. Всѣмъ этимъ роднымъ, благопріятствовавшимъ подругѣ царя, Петръ велитъ, напримѣръ, въ письмахъ къ Екатеринѣ отъ 1-го мая и 14-го іюня 1710 года [1]) „отдать поклонъ“. Въ слѣдующемъ же 1711 году,

[1]) Съ шнявы *Лизетка*, во время крейсерства въ Финскомъ заливѣ, и изъ Выборга.

6-го марта, послѣдовало публичное объявленіе о томъ, что Екатерина Алексѣевна „есть истинная государыня“. Объявленіе это передъ отъѣздомъ ея съ царемъ въ турецкій походъ офиціально было названо совершеніемъ „нѣкотораго знатнаго дѣла“. Оставивъ дѣтей на попеченіи царевны Натальи и царицы Прасковьи, Екатерина съ начала марта по конецъ декабря 1711 года, какъ извѣстно, была въ отлучкѣ, сперва дѣля съ Петромъ опасности турецкаго похода и потомъ живя въ Торнѣ, между тѣмъ какъ царь участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, а за тѣмъ въ Торгау пировалъ на свадьбѣ сына. Еще 19-го февраля 1712 года, по возвращеніи въ Петербургъ, объявленный уже настоящею столицею, было обнародовано о бракѣ Петра и Екатерины. Для гостей накрыты были столы въ шести палатахъ перваго и въ одной палатѣ втораго этажа. Послѣ стола, за которымъ сидѣли до 6-ти часовъ по полудни, продолжались до 11 часа вечера танцы, а въ заключеніе была зажжена иллюминація. Въ слѣдующемъ году, 5-го апрѣля уже праздновалось, по свидѣтельству „Юрнала“ Петра Великаго, „рожденіе государыни царицы Екатерины Алексѣевны“. Эти событія перемѣнили прежніе виды относительно дочерей ея. Хотя по прежнему упоминанія о нихъ въ современныхъ документахъ попадаются рѣдко, однакожь видно, что ихъ трактуютъ уже не иначе, какъ царевенъ. Первая отмѣтка о нихъ встрѣчается въ „Юрналѣ“ въ 1711 году, подъ 3-мъ февраля: „У его царскаго величества господа министры всѣ обѣдали и довольно веселились понеже въ тотъ день была именинница маленькая царевна Анна Петровна“. Сколько намъ удалось разыскать, это было первое празднованіе имянинъ старшей дочери царя. Вѣроятно, названіе царевны употреблено здѣсь также не даромъ и имѣетъ отношеніе къ послѣдовавшему 6-го марта того же года „объявленію“.

Обѣихъ дочерей своихъ Екатерина воспитывала вмѣстѣ. Въ началѣ, какъ по всему видно, ихъ держали очень просто и не совсѣмъ открыто. Анисья Кирилловна, кормилица Авдотья Ильинична Клементова и нѣсколько простыхъ женщинъ, уроженокъ Ингріи, для прислуги Екатеринѣ,—вотъ и весь первоначальный составъ ея двора. Не то стало послѣ объявленія о бракѣ, когда старались дать Аннѣ и Елизаветѣ воспитаніе, достойное могущества отца и его политическаго значенія въ средѣ владѣтелей Европы. Зимній дворецъ, положимъ, былъ еще тѣсенъ и непомѣстителенъ, но и въ немъ ком-

6-го марта, послѣдовало публичное объявленіе о томъ, что Екатерина Алексѣевна „есть истинная государыня“. Объявленіе это передъ отъѣздомъ ея съ царемъ въ турецкій походъ офиціально было названо совершеніемъ „нѣкотораго знатнаго дѣла“. Оставивъ дѣтей на попеченіи царевны Натальи и царицы Прасковьи, Екатерина съ начала марта по конецъ декабря 1711 года, какъ извѣстно, была въ отлучкѣ, сперва дѣля съ Петромъ опасности турецкаго похода и потомъ живя въ Торнѣ, между тѣмъ какъ царь участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, а за тѣмъ въ Торгау пировалъ на свадьбѣ сына. Еще 19-го февраля 1712 года, по возвращеніи въ Петербургъ, объявленный уже настоящею столицею, было обнародовано о бракѣ Петра и Екатерины. Для гостей накрыты были столы въ шести палатахъ перваго и въ одной палатѣ втораго этажа. Послѣ стола, за которымъ сидѣли до 6-ти часовъ по полудни, продолжались до 11 часа вечера танцы, а въ заключеніе была зажжена иллюминація. Въ слѣдующемъ году, 5-го апрѣля уже праздновалось, по свидѣтельству „Юрнала“ Петра Великаго, „рожденіе государыни царицы Екатерины Алексѣевны“. Эти событія перемѣнили прежніе виды относительно дочерей ея. Хотя по прежнему упоминанія о нихъ въ современныхъ документахъ попадаются рѣдко, однакожь видно, что ихъ трактуютъ уже не иначе, какъ царевенъ. Первая отмѣтка о нихъ встрѣчается въ „Юрналѣ“ въ 1711 году, подъ 3-мъ февраля: „У его царскаго величества господа министры всѣ обѣдали и довольно веселились понеже въ тотъ день была именинница маленькая царевна Анна Петровна“. Сколько намъ удалось разыскать, это было первое празднованіе имянинъ старшей дочери царя. Вѣроятно, названіе царевны употреблено здѣсь также не даромъ и имѣетъ отношеніе къ послѣдовавшему 6-го марта того же года „объявленію“.

Обѣихъ дочерей своихъ Екатерина воспитывала вмѣстѣ. Въ началѣ, какъ по всему видно, ихъ держали очень просто и не совсѣмъ открыто. Анисья Кирилловна, кормилица Авдотья Ильинична Клементова и нѣсколько простыхъ женщинъ, уроженокъ Ингріи, для прислуги Екатеринѣ,—вотъ и весь первоначальный составъ ея двора. Не то стало послѣ объявленія о бракѣ, когда старались дать Аннѣ и Елизаветѣ воспитаніе, достойное могущества отца и его политическаго значенія въ средѣ владѣтелей Европы. Зимній дворецъ, положимъ, былъ еще тѣсенъ и непомѣстителенъ, но и въ немъ ком-

наты для деревенъ были ужъ особыя. Столъ имѣли онѣ отдѣльный отъ родителей, въ своихъ апартаментахъ, какъ и царевны, сестры государя; имѣли также и свою особую прислугу, въ составъ которой входили инородки, какъ и у матери [1]), карлы для потѣхи, горничныя дѣвушки, прачки, повара и пр. За отъѣздомъ Петра I съ супругою въ путешествіе по Европѣ болѣе чѣмъ на полтора года (1716 — 1717 гг.), за малолѣтними дочерьми царскими наблюдала сперва царевна Наталья Алексѣевна. По смерти же ея, 11-го іюня 1716 г., мѣсто если не воспитательницы царевенъ, то по крайней мѣрѣ надзирательницы за ихъ хозяйствомъ и женскою прислугою заняла состоявшая при государыни княжна Марья Ѳедоровна Вяземская. Это объясняется, между прочимъ, адресованнымъ къ ней изъ-за границы письмомъ отъ имени государыни [2]). „Увѣдомились мы", сказано въ этомъ письмѣ, „что вы за дѣтками нашими надсматриваете и не оставляете ихъ, за что̀ вамъ благодарствуемъ, и впредь о семъ просимъ, и пребываемъ вамъ доброжелательною".

Впрочемъ непосредственною смотрительницею за дочерьми царя была Авдотья Ильинична, мама царевны Анны Петровны. Въ счетахъ о жалованьѣ за 1713 годъ уже показано: „мамѣ государыни царевны Анны Петровны Авдотьѣ Ильиной противъ прошлогодней дачи въ приказъ 30 рублевъ". Къ ней царица адресовала сама письма, наказывая „отдать поклонъ Лискине и всѣмъ дѣвушкамъ и кормилицамъ, пребывающимъ *въ обыхъ комнатахъ*". При этомъ государыня подтверждала, чтобъ онѣ (т. е. прислуги) „вѣрно служили и за царевнами смотрѣли,... во всемъ находясь въ послушаніи государынѣ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ" [3]). Вѣрною мамою государыня была постоянно довольна и, кажется, очень цѣнила ее. Только разъ, въ первое время по смерти царевны Натальи, Екатерина выразила ей письменно свое неблаговоленіе за несоблюденіе заведеннаго порядка въ обиходѣ дѣтей [4]). По всему видно, что государыня была сильно огорчена нарушеніемъ порядка, и посылая тогда княгинѣ Меншиковой въ подарокъ юбку, про-

---

[1]) Крещенныя калмычки и Татарки.

[2]) Кабинетъ Петра I, отд. II, кн. 64, № 746. Письмо это безъ означенія мѣсяца и года, но писано, безъ сомнѣнія, по смерти царевны Натальи.

[3]) Кабинетъ Петра В., отд. II. кн. 61, № 733.

[4]) Вотъ это письмо (Кабинетъ Петра В., отд. III, кн. 64, № 688): «Авдотья Ильинишна, слышала я, что вы царевенъ стали кормить не за однимъ столомъ, чему зѣло дивлюся, для чего не такъ дѣлаете, какъ при насъ было. Такъ и вы розны столъ имѣете, что впредь не дѣлайте. Такъ же какъ тебѣ, такъ же Лискине и маме Магрете хорошенко смотрѣть».

наты для деревенъ были ужъ особыя. Столъ имѣли онѣ отдѣльный отъ родителей, въ своихъ апартаментахъ, какъ и царевны, сестры государя; имѣли также и свою особую прислугу, въ составъ которой входили инородки, какъ и у матери [1]), карлы для потѣхи, горничныя дѣвушки, прачки, повара и пр. За отъѣздомъ Петра I съ супругою въ путешествіе по Европѣ болѣе чѣмъ на полтора года (1716 — 1717 гг.), за малолѣтними дочерьми царскими наблюдала сперва царевна Наталья Алексѣевна. По смерти же ея, 11-го іюня 1716 г., мѣсто если не воспитательницы царевенъ, то по крайней мѣрѣ надзирательницы за ихъ хозяйствомъ и женскою прислугою заняла состоявшая при государыни княжна Марья Ѳедоровна Вяземская. Это объясняется, между прочимъ, адресованнымъ къ ней изъ-за границы письмомъ отъ имени государыни [2]). „Увѣдомились мы", сказано въ этомъ письмѣ, „что вы за дѣтками нашими надсматриваете и не оставляете ихъ, за что̀ вамъ благодарствуемъ, и впредь о семъ просимъ, и пребываемъ вамъ доброжелательною".

Впрочемъ непосредственною смотрительницею за дочерьми царя была Авдотья Ильинична, мама царевны Анны Петровны. Въ счетахъ о жалованьѣ за 1713 годъ уже показано: „мамѣ государыни царевны Анны Петровны Авдотьѣ Ильиной противъ прошлогодней дачи въ приказъ 30 рублевъ". Къ ней царица адресовала сама письма, наказывая „отдать поклонъ Лискине и всѣмъ дѣвушкамъ и кормилицамъ, пребывающимъ *въ обыхъ комнатахъ*". При этомъ государыня подтверждала, чтобъ онѣ (т. е. прислуги) „вѣрно служили и за царевнами смотрѣли,... во всемъ находясь въ послушаніи государынѣ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ" [3]). Вѣрною мамою государыня была постоянно довольна и, кажется, очень цѣнила ее. Только разъ, въ первое время по смерти царевны Натальи, Екатерина выразила ей письменно свое неблаговоленіе за несоблюденіе заведеннаго порядка въ обиходѣ дѣтей [4]). По всему видно, что государыня была сильно огорчена нарушеніемъ порядка, и посылая тогда княгинѣ Меншиковой въ подарокъ юбку, про-

---

[1]) Крещенныя калмычки и Татарки.

[2]) Кабинетъ Петра I, отд. II, кн. 64, № 746. Письмо это безъ означенія мѣсяца и года, но писано, безъ сомнѣнія, по смерти царевны Натальи.

[3]) Кабинетъ Петра В., отд. II. кн. 61, № 733.

[4]) Вотъ это письмо (Кабинетъ Петра В., отд. III, кн. 64, № 688): «Авдотья Ильинишна, слышала я, что вы царевенъ стали кормить не за однимъ столомъ, чему зѣло дивлюся, для чего не такъ дѣлаете, какъ при насъ было. Такъ и вы розны столъ имѣете, что впредь не дѣлайте. Такъ же какъ тебѣ, такъ же Лискине и маме Магрете хорошенко смотрѣть».

сила ее не дозволять впредь „самовольства Евдошкѣ“. Изъ приводимыхъ писемъ видно, что вмѣстѣ съ Клементовой, при дѣтяхъ государевыхъ состояли еще Лискина Андреевна (вѣроятно, уменьшительное имя Елизаветы), мама Елизаветы Петровны, и Магреть (Маргарита), мама Натальи Алексѣевны. Въ т. VIII. „Дѣяній Петра Великаго“ Голиковъ приводитъ списокъ полнаго штата при комнатахъ царевенъ въ 1718 году. Въ этомъ спискѣ прислуга царевны Анны Петровны показана, кромѣ мамы, изъ семи дѣвушекъ [1]). Изъ числа ихъ Мавра Егоровна Шепелева, приходившаяся по женскому колѣну съ родни цесаревнамъ, одна была въ послѣдствіи фрейлиною, и то послѣ брака Анны Петровны. Всѣ же прочія дѣвицы никогда не поднимались выше камерюнгферъ или горничныхъ. У цесаревны Елизаветы было только пять дѣвицъ. Кромѣ того, у каждой цесаревны было по двѣ карлицы [2]), да у обѣихъ вмѣстѣ было четверо дворянъ: Петръ и Василій Мошковы, Петръ Климовъ и Алексѣй Полозовъ; сверхъ того, было два лакея и шесть Калмыковъ. При поѣздкѣ въ Москву въ 1721 году, при царевнахъ было еще нѣсколько лицъ, которыя, вѣроятно, находились и ранѣе, въ томъ числѣ именно: докторъ Паликала и господинъ Гликъ, сынъ Маріенбургскаго пробста, по всей вѣроятности, учитель или, какъ называла его въ письмахъ своихъ государыня, мастеръ нѣмецкаго языка [3]). Мужскую прислугу при комнатахъ царевенъ составляли тогда шесть человѣкъ [4]). Сверхъ того, при царевнахъ состояли три гайдука, кухмистеръ съ поварами и четыре конюха. Въ 1722 году была опредѣлена къ цесаревнамъ жена французскаго дворянина Латуръ-Ланна, не оставившая цесаревну Анну Петровну и при отъѣздѣ въ Голштинію.

Воспитаніе дочерей царя велось правильно. Восьми лѣтъ царевна Анна Петровна писала уже сама письма къ матери, и какъ видно изъ корреспонденціи Екатерины съ Клементовой, подписывалась прежде „принцесса Анна“, а въ послѣдствіи однимъ именемъ.

---

[1]) Имена ихъ: Катерина Бухвостова, Дарья Иванова, Беата Крестьянова, Софья Степанова, Француженка Жентонида (вѣроятно, одно лицо съ показанною тамъ же гувернанткою Ла Ви), Наталья Козмина и Мавра Шепелева. Голиковъ считалъ всѣхъ ихъ фрейлинами, но ошибочно.

[2]) У Анны Петровны—Устинья Никитина и Марфа Данилова.

[3]) Изъ женщинъ, кромѣ названныхъ Жентониды, Б. Крестьяновой и М. Шепелевой, были: Дарья Синявская, Домна и Авдотья Большая.

[4]) Изъ прежнихъ только Полозовъ, изъ новыхъ—Вульфъ, Возжинскій, Никита Калугинъ, С. Марковъ и Звѣрякинъ.

сила ее не дозволять впредь „самовольства Евдошкѣ“. Изъ приводимыхъ писемъ видно, что вмѣстѣ съ Клементовой, при дѣтяхъ государевыхъ состояли еще Лискина Андреевна (вѣроятно, уменьшительное имя Елизаветы), мама Елизаветы Петровны, и Магреть (Маргарита), мама Натальи Алексѣевны. Въ т. VIII. „Дѣяній Петра Великаго“ Голиковъ приводитъ списокъ полнаго штата при комнатахъ царевенъ въ 1718 году. Въ этомъ спискѣ прислуга царевны Анны Петровны показана, кромѣ мамы, изъ семи дѣвушекъ [1]). Изъ числа ихъ Мавра Егоровна Шепелева, приходившаяся по женскому колѣну съ родни цесаревнамъ, одна была въ послѣдствіи фрейлиною, и то послѣ брака Анны Петровны. Всѣ же прочія дѣвицы никогда не поднимались выше камерюнгферъ или горничныхъ. У цесаревны Елизаветы было только пять дѣвицъ. Кромѣ того, у каждой цесаревны было по двѣ карлицы [2]), да у обѣихъ вмѣстѣ было четверо дворянъ: Петръ и Василій Мошковы, Петръ Климовъ и Алексѣй Полозовъ; сверхъ того, было два лакея и шесть Калмыковъ. При поѣздкѣ въ Москву въ 1721 году, при царевнахъ было еще нѣсколько лицъ, которыя, вѣроятно, находились и ранѣе, въ томъ числѣ именно: докторъ Паликала и господинъ Гликъ, сынъ Маріенбургскаго пробста, по всей вѣроятности, учитель или, какъ называла его въ письмахъ своихъ государыня, мастеръ нѣмецкаго языка [3]). Мужскую прислугу при комнатахъ царевенъ составляли тогда шесть человѣкъ [4]). Сверхъ того, при царевнахъ состояли три гайдука, кухмистеръ съ поварами и четыре конюха. Въ 1722 году была опредѣлена къ цесаревнамъ жена французскаго дворянина Латуръ-Ланнуа, не оставившая цесаревну Анну Петровну и при отъѣздѣ въ Голштинію.

Воспитаніе дочерей царя велось правильно. Восьми лѣтъ царевна Анна Петровна писала уже сама письма къ матери, и какъ видно изъ корреспонденціи Екатерины съ Клементовой, подписывалась прежде „принцесса Анна“, а въ послѣдствіи однимъ именемъ.

---

[1]) Имена ихъ: Катерина Бухвостова, Дарья Иванова, Беата Крестьянова, Софья Степанова, Француженка Жентонида (вѣроятно, одно лицо съ показанною тамъ же гувернанткою Ла Ви), Наталья Козмина и Мавра Шепелева. Голиковъ считалъ всѣхъ ихъ фрейлинами, но ошибочно.

[2]) У Анны Петровны—Устинья Никитина и Марфа Данилова.

[3]) Изъ женщинъ, кромѣ названныхъ Жентониды, Б. Крестьяновой и М. Шепелевой, были: Дарья Синявская, Домна и Авдотья Большая.

[4]) Изъ прежнихъ только Полозовъ, изъ новыхъ—Вульфъ, Вожинскій, Никита Калугинъ, С. Марковъ и Звѣрякинъ.

Бассевичъ[1]) говоритъ, что Анна Петровна была очень хорошо обучена, прекрасно говорила, кромѣ отечественнаго языка, по французски, по нѣмецки, по италіянски и по шведски. Въ кабинетѣ Петра Великаго хранится нѣсколько поздравительныхъ писемъ ея къ отцу, писанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ одномъ изъ нихъ, отъ 1-го мая 1721 года, адресованномъ въ Ригу, любящая дочь выражаетъ желаніе поскорѣе лично поцѣловать ручки государя батюшки. Тонъ и складъ этого письма несомнѣнно доказываютъ, что оно не есть произведеніе наставницы или учителя, а лепетъ умнаго дитяти, какимъ и была тогда старшая цесаревна. Изъ писемъ государыни за это время видна также постоянная заботливость, чтобы цесаревна совершенствовалась въ нѣмецкой грамотѣ. Видѣть быстрые успѣхи принцессы въ этомъ языкѣ царственнымъ родителямъ было, конечно, очень желательно; такъ, отъ 3-го мая 1721 года, въ слѣдъ за полученіемъ нѣмецкаго посланія отъ царевны Анны, государыня прислала обѣимъ старшимъ дочерямъ своимъ въ презентъ по перстеньку и еще ящикъ померанцевъ и лимоновъ, только что привезенныхъ въ Ригу при открытіи тамъ навигаціи; при этомъ Аннѣ Петровнѣ было предоставлено выбрать какой угодно перстень и подарить меньшой сестрѣ; это ясно указываетъ на поощрительную цѣль подарка старшей цесаревнѣ. Сопоставляя время отсылки писемъ съ цѣлью самой поѣздки Петра и Екатерины въ Ригу, можно ясно видѣть, что ускоряемое обученіе имѣло связь съ пріѣздомъ въ Россію герцога Голштинскаго.

Кромѣ знанія языковъ, Анна и Елизавета были научены танцовать и превосходно выполняли разные танцы, какъ видно изъ дневника Берхгольца. Государыня еще въ одномъ изъ ранніхъ писемъ своихъ (1717 года) поручала Аннѣ Петровнѣ выучить меньшую сестрицу танцовать по испански. Не даромъ и танцмейстеръ Стефанъ Рамбуръ, Французъ, наставникъ изъ Московской школы Эрнеста Глика, поселившійся въ Россіи, въ челобитьѣ своемъ, прося награжденія за вѣрную службу, выставлялъ свое усердіе въ наученіи принцессъ. Судя по отзыву очевидца Берхгольца, дѣйствительно онъ отлично выучилъ цесаревенъ. Хорошее знаніе двухъ языковъ да умѣнье войдти, поклониться и легко танцовать,—вотъ чѣмъ ограничивалось при извѣстномъ образѣ жизни, при частыхъ балахъ, маскерадахъ и ассамблеяхъ, женское образованіе даже въ высшемъ

---

[1]) Въ статьѣ «Eclaircissemens sur plusieurs faits, arrivés dans le règne de Pierre le Grand», въ Magazin Бюшинга, ч. IX, стр. 370—371.

Бассевичъ[1]) говоритъ, что Анна Петровна была очень хорошо обучена, прекрасно говорила, кромѣ отечественнаго языка, по французски, по нѣмецки, по италіянски и по шведски. Въ кабинетѣ Петра Великаго хранится нѣсколько поздравительныхъ писемъ ея къ отцу, писанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ одномъ изъ нихъ, отъ 1-го мая 1721 года, адресованномъ въ Ригу, любящая дочь выражаетъ желаніе поскорѣе лично поцѣловать ручки государя батюшки. Тонъ и складъ этого письма несомнѣнно доказываютъ, что оно не есть произведеніе наставницы или учителя, а лепетъ умнаго дитяти, какимъ и была тогда старшая цесаревна. Изъ писемъ государыни за это время видна также постоянная заботливость, чтобы цесаревна совершенствовалась въ нѣмецкой грамотѣ. Видѣть быстрые успѣхи принцессы въ этомъ языкѣ царственнымъ родителямъ было, конечно, очень желательно; такъ, отъ 3-го мая 1721 года, въ слѣдъ за полученіемъ нѣмецкаго посланія отъ царевны Анны, государыня прислала обѣимъ старшимъ дочерямъ своимъ въ презентъ по перстеньку и еще ящикъ померанцевъ и лимоновъ, только что привезенныхъ въ Ригу при открытіи тамъ навигаціи; при этомъ Аннѣ Петровнѣ было предоставлено выбрать какой угодно перстень и подарить меньшой сестрѣ; это ясно указываетъ на поощрительную цѣль подарка старшей цесаревнѣ. Сопоставляя время отсылки писемъ съ цѣлью самой поѣздки Петра и Екатерины въ Ригу, можно ясно видѣть, что ускоряемое обученіе имѣло связь съ пріѣздомъ въ Россію герцога Голштинскаго.

Кромѣ знанія языковъ, Анна и Елизавета были научены танцовать и превосходно выполняли разные танцы, какъ видно изъ дневника Берхгольца. Государыня еще въ одномъ изъ раннихъ писемъ своихъ (1717 года) поручала Аннѣ Петровнѣ выучить меньшую сестрицу танцовать по испански. Не даромъ и танцмейстеръ Стефанъ Рамбуръ, Французъ, наставникъ изъ Московской школы Эрнеста Глика, поселившійся въ Россіи, въ челобитьѣ своемъ, прося награжденія за вѣрную службу, выставлялъ свое усердіе въ наученіи принцессъ. Судя по отзыву очевидца Берхгольца, дѣйствительно онъ отлично выучилъ цесаревенъ. Хорошее знаніе двухъ языковъ да умѣнье войдти, поклониться и легко танцовать,—вотъ чѣмъ ограничивалось при извѣстномъ образѣ жизни, при частыхъ балахъ, маскерадахъ и ассамблеяхъ, женское образованіе даже въ высшемъ

---

[1]) Въ статьѣ «Eclaircissemens sur plusieurs faits, arrivés dans le règne de Pierre le Grand», въ Magazin Бюшинга, ч. IX, стр. 370—371.

обществѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка; и это было не у насъ однихъ, но и въ государствахъ, издавна слывшихъ за страны образованныя. Дочери Петра Великаго получили, слѣдовательно, лучшее по своему времени воспитаніе.

Въ 1714 году, 3-го февраля, въ имянины старшей дочери, царь находился въ отлучкѣ отъ своего семейства, но былъ на пути въ свою столицу. Онъ провелъ этотъ день въ деревнѣ генерала Шлиппенбаха (въ 60-ти верстахъ отъ Ревеля) и здѣсь за обѣдомъ „кушалъ венгерское за здоровье имянинницы". На слѣдующій же годъ, въ семействѣ государя уже праздновался и день рожденія „государыни цесаревны Анны Петровны" 28-го января. У царя „были гости", какъ и въ день имянинъ дочери. Въ „Юрналѣ" сказано: „Царское величество изволилъ купать дома въ верху, и государыня царица". Весь 1715 годъ, какъ извѣстно, преобразователь Россіи провелъ въ своей любезной приморской столицѣ: ѣздилъ съ супругою по загороднымъ дворцамъ, сухимъ путемъ и водою, посѣщалъ школы и морскую академію, устроивалъ маскерады, угощалъ гостей въ садахъ Лѣтняго дома, работалъ въ токарнѣ и навѣщалъ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, къ которымъ наиболѣе благоволилъ. Такъ, поощряя усердіе корабельнаго мастера Гавріила Авдѣевича Меньшикова, Петръ I крестилъ у него сына 2-го іюля, взявъ въ воспріемницы новорожденнаго принцессу Анну Петровну.

Октябрь мѣсяцъ 1715 года принесъ съ собою печаль и вмѣстѣ радость царскому семейству: 12-го октября кронпринцесса Шарлотта-Софія разрѣшилась отъ бремени сыномъ, Петромъ Алексѣевичемъ, а 22-го того же мѣсяца скончалась. На другой же день похоронъ ея родился государю сынъ Петръ Петровичъ, ранняя кончина котораго омрачила неутѣшною печалью послѣдніе годы жизни перваго императора, по смерти царевича Алексѣя Петровича не имѣвшаго болѣе дѣтей мужскаго пола. Въ концѣ того же года государь самъ былъ опасно боленъ, а 31-го декабря скончалась старшая невѣстка его, вдовствовавшая супруга царя Ѳеодора Алексѣевича, царица Марѳа Матвѣевна. Нерадостный годъ этотъ и заключился впрочемъ этимъ печальнымъ случаемъ.

Въ началѣ 1716 года государь и государыня болѣе чѣмъ на полтора года оставили Россію, поручивъ дѣтей своихъ попеченіямъ вѣрнаго князя Меньшикова, царевны Натальи Алексѣевны и царицы Прасковьи Ѳеодоровны. При этомъ Меньшиковъ съ каждою почтою обстоятельно извѣщалъ царя и царицу о томъ, что дѣлается, и какъ поживаютъ принцъ и принцессы, всѣ помѣщенные

обществѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка; и это было не у насъ однихъ, но и въ государствахъ, издавна слывшихъ за страны образованныя. Дочери Петра Великаго получили, слѣдовательно, лучшее по своему времени воспитаніе.

Въ 1714 году, 3-го февраля, въ имянины старшей дочери, царь находился въ отлучкѣ отъ своего семейства, но былъ на пути въ свою столицу. Онъ провелъ этотъ день въ деревнѣ генерала Шлиппенбаха (въ 60-ти верстахъ отъ Ревеля) и здѣсь за обѣдомъ „кушалъ венгерское за здоровье имянинницы". На слѣдующій же годъ, въ семействѣ государя уже праздновался и день рожденія „государыни цесаревны Анны Петровны" 28-го января. У царя „были гости", какъ и въ день имянинъ дочери. Въ „Юрналѣ" сказано: „Царское величество изволилъ купать дома въ верху, и государыня царица". Весь 1715 годъ, какъ извѣстно, преобразователь Россіи провелъ въ своей любезной приморской столицѣ: ѣздилъ съ супругою по загороднымъ дворцамъ, сухимъ путемъ и водою, посѣщалъ школы и морскую академію, устроивалъ маскерады, угощалъ гостей въ садахъ Лѣтняго дома, работалъ въ токарнѣ и навѣщалъ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, къ которымъ наиболѣе благоволилъ. Такъ, поощряя усердіе корабельнаго мастера Гавріила Авдѣевича Меньшикова, Петръ I крестилъ у него сына 2-го іюля, взявъ въ воспріемницы новорожденнаго принцессу Анну Петровну.

Октябрь мѣсяцъ 1715 года принесъ съ собою печаль и вмѣстѣ радость царскому семейству: 12-го октября кронпринцесса Шарлотта-Софія разрѣшилась отъ бремени сыномъ, Петромъ Алексѣевичемъ, а 22-го того же мѣсяца скончалась. На другой же день похоронъ ея родился государю сынъ Петръ Петровичъ, ранняя кончина котораго омрачила неутѣшною печалью послѣдніе годы жизни перваго императора, по смерти царевича Алексѣя Петровича не имѣвшаго болѣе дѣтей мужскаго пола. Въ концѣ того же года государь самъ былъ опасно боленъ, а 31-го декабря скончалась старшая невѣстка его, вдовствовавшая супруга царя Ѳеодора Алексѣевича, царица Марѳа Матвѣевна. Нерадостный годъ этотъ и заключился впрочемъ этимъ печальнымъ случаемъ.

Въ началѣ 1716 года государь и государыня болѣе чѣмъ на полтора года оставили Россію, поручивъ дѣтей своихъ попеченіямъ вѣрнаго князя Меньшикова, царевны Натальи Алексѣевны и царицы Прасковьи Ѳеодоровны. При этомъ Меньшиковъ съ каждою почтою обстоятельно извѣщалъ царя и царицу о томъ, что дѣлается, и какъ поживаютъ принцъ и принцессы, всѣ помѣщенные

вмѣстѣ. Впрочемъ, и его увѣдомленія, и письма царицы Прасковьи въ сущности не болѣе, какъ повтореніе стереотипныхъ фразъ: „дорогіе дѣтки ваши, слава Богу, здоровы", или „ихъ высочества, государь царевичъ, дражайшій нашъ хозяинъ (какъ величалъ Меньшиковъ малютку Петра Петровича) и царевны государынин во всякомъ добромъ и здоровомъ обрѣтаются состояніи".

Царственные супруги взяли съ собою въ заграничный вояжъ племянницу, невѣсту герцога Мекленбургскаго, царевну Екатерину Ивановну, которой бракосочетаніе съ принцемъ Карломъ-Леопольдомъ и было отпраздновано 8-го апрѣля въ Данцигѣ, въ присутствіи короля Польскаго, царевны Маріи Алексѣевны и всѣхъ министровъ. Отпировавъ на свадьбѣ племянницы, государь съ государынею 24-го мая разстались: Петръ поѣхалъ въ Пирмонтъ — пить минеральныя воды, а Екатерина I осталась въ Шверинѣ—гостить у племянницы. За тѣмъ Петръ ѣздилъ по Германіи, гостилъ, вмѣстѣ съ государынею, у Датскаго короля, и посѣтилъ Голландію и Австрійскіе Нидерланды.

Находясь въ Спа, изъ писемъ князя Меньшикова и Екатерины государь узналъ, что въ Петербургѣ на царевнахъ Елизаветѣ и Аннѣ Петровнахъ появилась въ маѣ мѣсяцѣ 1717 г. оспа. Первая подвергнулась этому бичу младшая царевна, а 19-го мая и старшая, на которой вообще болѣзнь была не сильна и въ теченіи мѣсяца прошла безъ всякаго слѣда, нисколько не попортивъ ея граціознаго личика, чрезвычайно похожаго на красавицу-мать. Послѣ оспы обѣ принцессы, особенно старшая, значительно выросли и похорошѣли. Старшая царевна сама уже писала, какъ мы выше сказали, письма, получая которыя государыня только упрашивала ее „для Бога потщиться писать хорошенько, чтобъ похвалить за оное можно, и вамъ послать въ презентъ прилежанія вашего гостинцы, на что бъ смотря и маленькая сестричка также тщилась заслуживать гостинцы". Въ началѣ 1717 года Меньшиковъ прислалъ къ государю и государынѣ въ Голландію портретъ Петра Петровича въ видѣ амура съ крылышками или, какъ выражался въ письмѣ своемъ князь Ижорскій, „изображеніе дражайшаго нашего Купиды", ребенка дѣйствительно миловиднаго. Получивъ портретъ сына, Екатерина поручила Анисьѣ Кирилловнѣ Толстой написать отъ ея имени Меньшикову, чтобъ онъ „приказалъ написать персоны обѣихъ царевенъ и прислать тоже къ нимъ. Въ исполненіе этаго повелѣнія, Людвигъ Каравакъ написалъ цесаревенъ Анну и Елизавету Петровну на одной картинѣ, въ видѣ ге-

вмѣстѣ. Впрочемъ, и его увѣдомленія, и письма царицы Прасковьи въ сущности не болѣе, какъ повтореніе стереотипныхъ фразъ: „дорогіе дѣтки ваши, слава Богу, здоровы", или „ихъ высочества, государь царевичъ, дражайшій нашъ хозяинъ (какъ величалъ Меньшиковъ малютку Петра Петровича) и царевны государынин во всякомъ добромъ и здоровомъ обрѣтаются состояніи".

Царственные супруги взяли съ собою въ заграничный вояжъ племянницу, невѣсту герцога Мекленбургскаго, царевну Екатерину Ивановну, которой бракосочетаніе съ принцемъ Карломъ-Леопольдомъ и было отпраздновано 8-го апрѣля въ Данцигѣ, въ присутствіи короля Польскаго, царевны Маріи Алексѣевны и всѣхъ министровъ. Отпировавъ на свадьбѣ племянницы, государь съ государынею 24-го мая разстались: Петръ поѣхалъ въ Пирмонтъ — пить минеральныя воды, а Екатерина I осталась въ Шверинѣ—гостить у племянницы. За тѣмъ Петръ ѣздилъ по Германіи, гостилъ, вмѣстѣ съ государынею, у Датскаго короля, и посѣтилъ Голландію и Австрійскіе Нидерланды.

Находясь въ Спа, изъ писемъ князя Меньшикова и Екатерины государь узналъ, что въ Петербургѣ на царевнахъ Елизаветѣ и Аннѣ Петровнахъ появилась въ маѣ мѣсяцѣ 1717 г. оспа. Первая подвергнулась этому бичу младшая царевна, а 19-го мая и старшая, на которой вообще болѣзнь была не сильна и въ теченіи мѣсяца прошла безъ всякаго слѣда, нисколько не попортивъ ея граціознаго личика, чрезвычайно похожаго на красавицу-мать. Послѣ оспы обѣ принцессы, особенно старшая, значительно выросли и похорошѣли. Старшая царевна сама уже писала, какъ мы выше сказали, письма, получая которыя государыня только упрашивала ее „для Бога потщиться писать хорошенько, чтобъ похвалить за оное можно, и вамъ послать въ презентъ прилежанія вашего гостинцы, на что бъ смотря и маленькая сестричка также тщилась заслуживать гостинцы". Въ началѣ 1717 года Меньшиковъ прислалъ къ государю и государынѣ въ Голландію портретъ Петра Петровича въ видѣ амура съ крылышками или, какъ выражался въ письмѣ своемъ князь Ижорскій, „изображеніе дражайшаго нашего Купиды", ребенка дѣйствительно миловиднаго. Получивъ портретъ сына, Екатерина поручила Анисьѣ Кирилловнѣ Толстой написать отъ ея имени Меньшикову, чтобъ онъ „приказалъ написать персоны обѣихъ царевенъ и прислать тоже къ нимъ. Въ исполненіе этаго повелѣнія, Людвигъ Каравакъ написалъ цесаревенъ Анну и Елизавету Петровну на одной картинѣ, въ видѣ ге-

ніевъ съ развѣвающими драпировками и эѳирными крылышками мотылька за плечами. Цесаревна Анна Петровна изображена держащею корзинку цвѣтовъ. Миловидное дѣтское личико ея задумчиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ симпатично. Черные волосы ея завиваются въ кудри, и черные глаза полны огня и живости, такъ рѣзко проявлявшихся во взглядѣ и движеніяхъ великаго Петра. Если не ошибаемся, портретъ этотъ [1]) былъ самымъ раннимъ по времени изображеніемъ дочерей Петра I, едва выходившихъ еще изъ дѣтства, но значительно успѣвшихъ подрости въ теченіе полуторогодоваго отсутствія родителей.

Наконецъ наступила пора и свиданія цесаревенъ съ ними. 10-го октября 1717 г. Петербургъ опять увидѣлъ Петра въ стѣнахъ своихъ. На встрѣчу ему выѣхали къ Прешпективной дорогѣ [2]) обѣ старшія цесаревны въ испанскихъ платьяхъ. Въ сопровожденіи дочерей и сановниковъ, государь вступилъ въ дворецъ свой, гдѣ царевны Анна и Елизавета произнесли сочиненное архимандритомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ славянское привѣтствіе, а трехлѣтній сынъ князя Меньшикова сказалъ рѣчь на французскомъ языкѣ отъ лица двухлѣтняго „Купиды“, царевича Петра Петровича, въ это время важно сидѣвшаго на деревянномъ конькѣ въ передней комнатѣ дворца. Но всѣ эти сюрпризы пришлись не въ добрый часъ. Петръ былъ гнѣвенъ и задумчивъ; ему предстояло рѣшеніе судьбы царевича Алексѣя, котораго везли въ родную Русь изъ далекаго Неаполя гдѣ онъ думалъ было укрыться отъ отцовскаго гнѣва. 15-го декабря Петръ съ супругою уѣхалъ въ Москву. Остававшіяся въ Петербургѣ, царевны Анна и Елизавета, 26-го февраля 1718 г., были приведены княземъ Меньшиковымъ къ присягѣ царевичу Петру Петровичу, вмѣстѣ съ прочимъ дворомъ, и безъ сомнѣнія не понимая, что̀ дѣлается вокругъ нихъ и для чего все это. Минуя тяжелыя воспоминанія о кровавыхъ розыскахъ, арестахъ и казняхъ, которыя также, по всей вѣроятности, не были извѣстны сестрамъ несчастнаго царевича Алексѣя, замѣтимъ только, что 20-го августа родилась имъ еще сестра — Наталья Петровна, при крещеніи которой, 14-го сентября, цесаревна Анна была воспріемницею вмѣстѣ съ адмираломъ Апраксинымъ.

Не прошло года послѣ потери царевича Алексѣя, какъ 25-го

---

[1]) Въ настоящее время онъ находится въ Романовской галлереѣ Императорскаго эрмитажа, подъ № 5351 (вышиною 17¼ в., шириною 22 в.).

[2]) Нынѣшнему Невскому проспекту.

ніевъ съ развѣвающими драпировками и эѳирными крылышками мотылька за плечами. Цесаревна Анна Петровна изображена держащею корзинку цвѣтовъ. Миловидное дѣтское личико ея задумчиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ симпатично. Черные волосы ея завиваются въ кудри, и черные глаза полны огня и живости, такъ рѣзко проявлявшихся во взглядѣ и движеніяхъ великаго Петра. Если не ошибаемся, портретъ этотъ [1]) былъ самымъ раннимъ по времени изображеніемъ дочерей Петра I, едва выходившихъ еще изъ дѣтства, но значительно успѣвшихъ подрости въ теченіе полуторогодоваго отсутствія родителей.

Наконецъ наступила пора и свиданія цесаревенъ съ ними. 10-го октября 1717 г. Петербургъ опять увидѣлъ Петра въ стѣнахъ своихъ. На встрѣчу ему выѣхали къ Прешпективной дорогѣ [2]) обѣ старшія цесаревны въ испанскихъ платьяхъ. Въ сопровожденіи дочерей и сановниковъ, государь вступилъ въ дворецъ свой, гдѣ царевны Анна и Елизавета произнесли сочиненное архимандритомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ славянское привѣтствіе, а трехлѣтній сынъ князя Меньшикова сказалъ рѣчь на французскомъ языкѣ отъ лица двухлѣтняго „Купиды“, царевича Петра Петровича, въ это время важно сидѣвшаго на деревянномъ конькѣ въ передней комнатѣ дворца. Но всѣ эти сюрпризы пришлись не въ добрый часъ. Петръ былъ гнѣвенъ и задумчивъ; ему предстояло рѣшеніе судьбы царевича Алексѣя, котораго везли въ родную Русь изъ далекаго Неаполя гдѣ онъ думалъ было укрыться отъ отцовскаго гнѣва. 15-го декабря Петръ съ супругою уѣхалъ въ Москву. Остававшіяся въ Петербургѣ, царевны Анна и Елизавета, 26-го февраля 1718 г., были приведены княземъ Меньшиковымъ къ присягѣ царевичу Петру Петровичу, вмѣстѣ съ прочимъ дворомъ, и безъ сомнѣнія не понимая, что̀ дѣлается вокругъ нихъ и для чего все это. Минуя тяжелыя воспоминанія о кровавыхъ розыскахъ, арестахъ и казняхъ, которыя также, по всей вѣроятности, не были извѣстны сестрамъ несчастнаго царевича Алексѣя, замѣтимъ только, что 20-го августа родилась имъ еще сестра — Наталья Петровна, при крещеніи которой, 14-го сентября, цесаревна Анна была воспріемницею вмѣстѣ съ адмираломъ Апраксинымъ.

Не прошло года послѣ потери царевича Алексѣя, какъ 25-го

---

[1]) Въ настоящее время онъ находится въ Романовской галлереѣ Императорскаго эрмитажа, подъ № 5351 (вышиною 17¼ в., шириною 22 в.).

[2]) Нынѣшнему Невскому проспекту.

апрѣля 1719 года, не стало и Петра Петровича. Эти грустныя событія не располагали царя къ веселью и развлеченіямъ. Только подъ конецъ 1719 года завелись въ Петербургѣ очередныя ассамблеи, начавшіяся 8-го декабря первымъ собраніемъ въ домѣ царскаго величества. Черезъ день устроилъ у себя ассамблею адмиралъ Апраксинъ, 14-го числа—Меньшиковъ, 17-го—канцлеръ Головкинъ; на другой же день послѣ него снова была ассамблея въ домѣ его величества—въ день рожденія цесаревны Елизаветы. Мы не должны пропускать безъ вниманія эти собранія, на которыхъ всегда присутствовалъ съ своимъ семействомъ грозный царь, и которыми онъ думалъ пріучить своихъ подданныхъ жить по европейски, являясь публично съ женами и дочерьми и проводя время въ невинныхъ неубыточныхъ удовольствіяхъ. Отъ хозяина ассамблеи требовалось освѣщеніе, вода для утоленія жажды танцующихъ, и только. Курильщики являлись съ своимъ табакомъ и трубками въ особую комнату, гдѣ и могли курить сколько угодно; также особо угощались и виномъ, при чемъ каждый пилъ свое. Такой порядокъ угощенія былъ повсемѣстный, за исключеніемъ богатыхъ, первостепенныхъ сановниковъ, приготовлявшихъ чай, сласти и вино на всѣхъ гостей. На ассамблеяхъ, въ то время, когда люди пожилые особо курили, разговаривали или пили, молодежь занималась въ общей залѣ танцами, бывшими тогда въ модѣ, англійскимъ кадрилемъ, менуэтомъ, польскимъ. Такія потѣхи, безъ сомнѣнія, не нравились суровымъ отцамъ и супругамъ; что же касается прекраснаго пола, то всѣ безъ изъятія представительницы его страстно полюбили ассамблеи, гдѣ можно было блеснуть роскошью туалета. Въ слѣдъ за супругою и дочерьми царя петербургскія дамы стали являться въ парчевыхъ, горѣвшихъ золотомъ и серебромъ платьяхъ, украшая прическу драгоцѣнными камнями. Роскошь нарядовъ предписывалась даже правилами ассамблей, и если на такое отягощеніе не жаловались отцы и супруги, то потому лишь, что не смѣли жаловаться.

1720 годъ начался фейерверкомъ, а затѣмъ послѣдовали урочныя ассамблеи. Въ послѣдній день января государь присутствовалъ на освященіи церкви св. апостола Матвѣя, а въ имянины старшей дочери на Почтовомъ дворѣ, обыкновенномъ мѣстѣ пиршествъ, былъ данъ праздникъ многочисленнымъ гостямъ. Семейство доступнаго всѣмъ государя и онъ самъ присутствовали обыкновенно на свадьбахъ, крестинахъ, имянинахъ и прочихъ семейныхъ торжествахъ своихъ приближенныхъ. Такъ, въ 1720 г. именитые гости

апрѣля 1719 года, не стало и Петра Петровича. Эти грустныя событія не располагали царя къ веселью и развлеченіямъ. Только подъ конецъ 1719 года завелись въ Петербургѣ очередныя ассамблеи, начавшіяся 8-го декабря первымъ собраніемъ въ домѣ царскаго величества. Черезъ день устроилъ у себя ассамблею адмиралъ Апраксинъ, 14-го числа—Меньшиковъ, 17-го—канцлеръ Головкинъ; на другой же день послѣ него снова была ассамблея въ домѣ его величества—въ день рожденія цесаревны Елизаветы. Мы не должны пропускать безъ вниманія эти собранія, на которыхъ всегда присутствовалъ съ своимъ семействомъ грозный царь, и которыми онъ думалъ пріучить своихъ подданныхъ жить по европейски, являясь публично съ женами и дочерьми и проводя время въ невинныхъ неубыточныхъ удовольствіяхъ. Отъ хозяина ассамблеи требовалось освѣщеніе, вода для утоленія жажды танцующихъ, и только. Курильщики являлись съ своимъ табакомъ и трубками въ особую комнату, гдѣ и могли курить сколько угодно; также особо угощались и виномъ, при чемъ каждый пилъ свое. Такой порядокъ угощенія былъ повсемѣстный, за исключеніемъ богатыхъ, первостепенныхъ сановниковъ, приготовлявшихъ чай, сласти и вино на всѣхъ гостей. На ассамблеяхъ, въ то время, когда люди пожилые особо курили, разговаривали или пили, молодежь занималась въ общей залѣ танцами, бывшими тогда въ модѣ, англійскимъ кадрилемъ, менуэтомъ, польскимъ. Такія потѣхи, безъ сомнѣнія, не нравились суровымъ отцамъ и супругамъ; что же касается прекраснаго пола, то всѣ безъ изъятія представительницы его страстно полюбили ассамблеи, гдѣ можно было блеснуть роскошью туалета. Въ слѣдъ за супругою и дочерьми царя петербургскія дамы стали являться въ парчевыхъ, горѣвшихъ золотомъ и серебромъ платьяхъ, украшая прическу драгоцѣнными камнями. Роскошь нарядовъ предписывалась даже правилами ассамблей, и если на такое отягощеніе не жаловались отцы и супруги, то потому лишь, что не смѣли жаловаться.

1720 годъ начался фейерверкомъ, а затѣмъ послѣдовали урочныя ассамблеи. Въ послѣдній день января государь присутствовалъ на освященіи церкви св. апостола Матвѣя, а въ имянины старшей дочери на Почтовомъ дворѣ, обыкновенномъ мѣстѣ пиршествъ, былъ данъ праздникъ многочисленнымъ гостямъ. Семейство доступнаго всѣмъ государя и онъ самъ присутствовали обыкновенно на свадьбахъ, крестинахъ, имянинахъ и прочихъ семейныхъ торжествахъ своихъ приближенныхъ. Такъ, въ 1720 г. именитые гости

были на брачномъ сочетаніи великана Француза Никола Буржуа съ невзрачною великаншею же, уроженкою финской тундры. Процессія коллегіи кардиналовъ, носившихъ князя-папу въ громадномъ ковшикѣ отъ одного кабака до другаго (28-го февраля), да предшествовавшее этому великому торжеству маскированье, съ прогулками на быкахъ, собакахъ, козлахъ и медвѣдѣ, были интересными варіантами веселья, мало по малу проявившагося въ петербургской знатной и не знатной публикѣ послѣ грозъ 1718 года. Весна въ 1720 г. наступила не поздно и дала возможность государю съ семействомъ по цѣлымъ днямъ гулять въ садахъ столицы и окрестностей. Царь, страстный любитель моря, катался на баржахъ, верейкахъ и буерахъ или на торнихойтѣ, въ сопровожденіи польскаго посла. Въ кругу семьи своей и министровъ, Петръ I произвелъ теперь закладку палатъ въ Стрѣльнѣ; часто придумывалъ также прогулки въ рощахъ Ораніенбаума и Екатерингофа, такъ что все лѣто 1720 г. можно назвать однимъ непрерывнымъ рядомъ праздниковъ. 10-го іюля государь со всѣмъ своимъ семействомъ пировалъ на свадьбѣ любимца своего маіора А. И. Румянцева, отца Задунайскаго. 8-го сентября послѣдовалъ торжественный вводъ въ Петербургъ четырехъ взятыхъ у Шведовъ фрегатовъ, почему вечеромъ былъ фейерверкъ и катанье на буерахъ всей шумной компаніи. Въ эту же осень былъ окончательно отдѣланъ Зимній дворецъ, и 29-го октября, перевозя туда дѣтей и внучатъ, государь пріѣхалъ въ новое жилище на саняхъ по первопуткѣ. Имянины государыни, 24-го ноября, были отпразднованы, какъ и всегда, вечернимъ пиромъ съ фейерверкомъ, а черезъ два дня послѣ того открытъ былъ зимній сезонъ общественныхъ собраній ассамблеей у государя. Такъ незамѣтно пролетѣлъ 1720 годъ, уступивъ мѣсто новому, шумному году Ништадтскаго мира.

Въ 1721 г. рожденіе Анны Петровны пировали тоже какъ бы веселѣе, а въ день имянинъ ея, откушавъ у царевенъ, гости съ государемъ отправились на спускъ корабля *св. Андрей*, послѣ же того въ Почтовый домъ, гдѣ, при громѣ шутихъ и букетовъ изъ ракетъ, былъ зажженъ фейерверкъ.

Царевнѣ только что минуло тринадцать лѣтъ, а между тѣмъ, 17-го марта, спустя лишь полтора мѣсяца послѣ упомянутаго празднества, въ Ригу пріѣхалъ искатель руки ея, герцогъ Карлъ-Фридрихъ Голштинскій. Государь съ государыней, желая съ нимъ познакомиться прежде, чѣмъ показать жениха невѣстѣ, отправились сами въ Ригу и провели тамъ всю весну. Первое и какъ нельзя

были на брачномъ сочетаніи великана Француза Никола Буржуа съ невзрачною великаншею же, уроженкою финской тундры. Процессія коллегіи кардиналовъ, носившихъ князя-папу въ громадномъ ковшикѣ отъ одного кабака до другаго (28-го февраля), да предшествовавшее этому великому торжеству маскированье, съ прогулками на быкахъ, собакахъ, козлахъ и медвѣдѣ, были интересными варіантами веселья, мало по малу проявившагося въ петербургской знатной и не знатной публикѣ послѣ грозъ 1718 года. Весна въ 1720 г. наступила не поздно и дала возможность государю съ семействомъ по цѣлымъ днямъ гулять въ садахъ столицы и окрестностей. Царь, страстный любитель моря, катался на баржахъ, верейкахъ и буерахъ или на торнихойтѣ, въ сопровожденіи польскаго посла. Въ кругу семьи своей и министровъ, Петръ I произвелъ теперь закладку палатъ въ Стрѣльнѣ; часто придумывалъ также прогулки въ рощахъ Ораніенбаума и Екатерингофа, такъ что все лѣто 1720 г. можно назвать однимъ непрерывнымъ рядомъ праздниковъ. 10-го іюля государь со всѣмъ своимъ семействомъ пировалъ на свадьбѣ любимца своего маіора А. И. Румянцева, отца Задунайскаго. 8-го сентября послѣдовалъ торжественный вводъ въ Петербургъ четырехъ взятыхъ у Шведовъ фрегатовъ, почему вечеромъ былъ фейерверкъ и катанье на буерахъ всей шумной компаніи. Въ эту же осень былъ окончательно отдѣланъ Зимній дворецъ, и 29-го октября, перевозя туда дѣтей и внучатъ, государь пріѣхалъ въ новое жилище на саняхъ по первопуткѣ. Имянины государыни, 24-го ноября, были отпразднованы, какъ и всегда, вечернимъ пиромъ съ фейерверкомъ, а черезъ два дня послѣ того открытъ былъ зимній сезонъ общественныхъ собраній ассамблеей у государя. Такъ незамѣтно пролетѣлъ 1720 годъ, уступивъ мѣсто новому, шумному году Ништадтскаго мира.

Въ 1721 г. рожденіе Анны Петровны пировали тоже какъ бы веселѣе, а въ день имянинъ ея, откушавъ у царевенъ, гости съ государемъ отправились на спускъ корабля *св. Андрей*, послѣ же того въ Почтовый домъ, гдѣ, при громѣ шутихъ и букетовъ изъ ракетъ, былъ зажженъ фейерверкъ.

Царевнѣ только что минуло тринадцать лѣтъ, а между тѣмъ, 17-го марта, спустя лишь полтора мѣсяца послѣ упомянутаго празднества, въ Ригу пріѣхалъ искатель руки ея, герцогъ Карлъ-Фридрихъ Голштинскій. Государь съ государыней, желая съ нимъ познакомиться прежде, чѣмъ показать жениха невѣстѣ, отправились сами въ Ригу и провели тамъ всю весну. Первое и какъ нельзя

болѣе дружественное свиданіе царя съ будущимъ затемъ своимъ послѣдовало 20-го марта. Въ частыхъ прогулкахъ по городу и по морю, дальновидный политикъ, какимъ былъ Петръ I, нашелъ молодого герцога годнымъ для его видовъ, и потому, послѣ отправленія Остерманна на конгресъ въ Ништадтъ (гдѣ, между прочимъ, должно было замолвить слово и въ пользу Голштиніи), герцогъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ Ревель, а затѣмъ и въ Петербургъ.

Сватовство герцога Голштинскаго устроилось не съ разу. Дѣло получило ходъ только послѣ нѣсколькихъ отказовъ, прямыхъ и косвенныхъ. Главною пружиною тѣснаго сближенія русскаго двора съ голштинскимъ былъ баронъ Герцъ, извѣстный министръ сперва голштинскій, а потомъ Шведскаго короля Карла XII. Въ его геніяльной головѣ сложился планъ возвышенія Голштинскаго дома посредствомъ этого союза, и въ этомъ дѣлѣ онъ явился истымъ патріотомъ и положилъ себѣ задачею цѣлой жизни — создать изъ Голштиніи, утѣсненной и разоренной Даніей, опасную для послѣдней соперницу. Съ самой осады Тенингена въ 1713 г. онъ задумалъ доставить престолъ Швеціи герцогу Голштинскому Карлу-Фридриху, между тѣмъ какъ Карлъ XII долженъ былъ быть удаленъ отъ власти; за содѣйствіе въ своихъ планахъ Герцъ предлагалъ Петру уступку нѣмецкихъ земель, принадлежавшихъ шведской коронѣ. Но Петръ почему-то сурово отклонилъ это предложеніе. Быть можетъ, царь не вѣрилъ въ возможность такого исхода дѣла и не зналъ еще способностей Герца. Не смотря на то, сойдясь въ Гузумѣ съ главнокомандующимъ русскою арміей княземъ Меньшиковымъ, Герцъ рѣшался этимъ путемъ вовлечь Россію въ свои интересы; онъ внушилъ князю Ижорскому возможность отдѣлить Шлезвигъ отъ твердой земли посредствомъ канала, которымъ могли бы проходить корабли изъ Балтійскаго моря прямо въ Нѣмецкое, не огибая острововъ и Ютландіи. Такой морской трактъ былъ выставленъ имъ особенно выгоднымъ для Русскихъ, за которыми, безъ сомнѣнія, останется Шлезвигъ, если бы состоялось заключеніе брачнаго союза герцога Карла-Фридриха со старшею дочерью царя. Меньшиковъ ухватился за эту идею и присовѣтовалъ Герцу отправить Бассевича въ Петербургъ для представленія этого плана царю. Туда же отправился и самъ князь; но здѣсь его встрѣтилъ гнѣвъ царя, и Меньшиковъ долженъ былъ выслушать очень строгіе упреки государя, такъ что полагали даже видѣть полную опалу его, если бы не заступничество Екатерины.

болѣе дружественное свиданіе царя съ будущимъ затемъ своимъ послѣдовало 20-го марта. Въ частыхъ прогулкахъ по городу и по морю, дальновидный политикъ, какимъ былъ Петръ I, нашелъ молодого герцога годнымъ для его видовъ, и потому, послѣ отправленія Остерманна на конгресъ въ Ништадтъ (гдѣ, между прочимъ, должно было замолвить слово и въ пользу Голштиніи), герцогъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ Ревель, а затѣмъ и въ Петербургъ.

Сватовство герцога Голштинскаго устроилось не съ разу. Дѣло получило ходъ только послѣ нѣсколькихъ отказовъ, прямыхъ и косвенныхъ. Главною пружиною тѣснаго сближенія русскаго двора съ голштинскимъ былъ баронъ Герцъ, извѣстный министръ сперва голштинскій, а потомъ Шведскаго короля Карла XII. Въ его геніяльной головѣ сложился планъ возвышенія Голштинскаго дома посредствомъ этого союза, и въ этомъ дѣлѣ онъ явился истымъ патріотомъ и положилъ себѣ задачею цѣлой жизни — создать изъ Голштиніи, утѣсненной и разоренной Даніей, опасную для послѣдней соперницу. Съ самой осады Тенингена въ 1713 г. онъ задумалъ доставить престолъ Швеціи герцогу Голштинскому Карлу-Фридриху, между тѣмъ какъ Карлъ XII долженъ былъ быть удаленъ отъ власти; за содѣйствіе въ своихъ планахъ Герцъ предлагалъ Петру уступку нѣмецкихъ земель, принадлежавшихъ шведской коронѣ. Но Петръ почему-то сурово отклонилъ это предложеніе. Быть можетъ, царь не вѣрилъ въ возможность такого исхода дѣла и не зналъ еще способностей Герца. Не смотря на то, сойдясь въ Гузумѣ съ главнокомандующимъ русскою арміей княземъ Меньшиковымъ, Герцъ рѣшался этимъ путемъ вовлечь Россію въ свои интересы; онъ внушилъ князю Ижорскому возможность отдѣлить Шлезвигъ отъ твердой земли посредствомъ канала, которымъ могли бы проходить корабли изъ Балтійскаго моря прямо въ Нѣмецкое, не огибая острововъ и Ютландіи. Такой морской трактъ былъ выставленъ имъ особенно выгоднымъ для Русскихъ, за которыми, безъ сомнѣнія, останется Шлезвигъ, если бы состоялось заключеніе брачнаго союза герцога Карла-Фридриха со старшею дочерью царя. Меньшиковъ ухватился за эту идею и присовѣтовалъ Герцу отправить Бассевича въ Петербургъ для представленія этого плана царю. Туда же отправился и самъ князь; но здѣсь его встрѣтилъ гнѣвъ царя, и Меньшиковъ долженъ былъ выслушать очень строгіе упреки государя, такъ что полагали даже видѣть полную опалу его, если бы не заступничество Екатерины.

При такихъ-то обстоятельствахъ явился въ русскую столицу довѣренный Герца. Петръ I, считая голштинскій дворъ слишкомъ незначительнымъ для того, чтобы вступать въ союзъ съ сильными державами, очень откровенно высказался Бассевичу на счетъ его предложеній: „Вашъ дворъ, руководимый пустыми внушеніями Герца", сказалъ монархъ, „похожъ на мелкое судно съ мачтами большаго корабля; ничтожнѣйшій вѣтеръ съ боку опрокинетъ его непремѣнно". Напрасно хитрый Бассевичъ ярко рисовалъ ослабленіе Даніи и въ обольстительныхъ краскахъ представлялъ славу и выгоды отъ союза Россіи съ Голштиніею; Петръ требовалъ дѣла и доказательствъ болѣе положительныхъ. Въ царѣ даже возбудилась недовѣрчивость къ агенту Герца, и всѣ письма къ нему вскрывались. Однако Меньшикову удалось еще разъ склонить царя въ пользу интересовъ Голштиніи, такъ что наконецъ, съ разрѣшенія царя заготовленъ былъ письменный актъ, которымъ государь обязывался отдать герцогу руку дочери даже и въ томъ случаѣ, если онъ не получитъ шведской короны; если жъ исканіе короны удастся, то герцогъ обязывался, съ своей стороны, уступить Россіи или Ливонію съ Эстоніей, или Корелію съ Выборгомъ. Царь, съ своей стороны, долженъ былъ одними своими войсками занять Тенингенъ и удерживать этотъ важный военный пунктъ до совершеннолѣтія герцога Голштинскаго (которому тогда было только 14 лѣтъ).

Всѣ эти выгодные для Голштиніи расчеты однако не осуществились по случаю быстраго возвращенія Карла XII изъ Турціи. Впрочемъ 25-го марта 1714 года царь далъ отвѣтъ, выгодный для Голштиніи уже потому, что имъ давалась возможность трактовать впредь о дѣлахъ черезъ полномочнаго посла, котораго царь обѣщалъ принять съ достоинствомъ, *приличнымъ Голштиніи*. Между тѣмъ двуличный Герцъ, при возвращеніи Карла XII, котораго онъ страшно боялся, успѣлъ войдти въ милость къ сѣверному воителю и сталъ дѣйствовать совершенно противоположно прежнимъ своимъ планамъ. Въ такихъ обстоятельствахъ царь съ царицею отправились за границу въ началѣ 1716 года. Въ слѣдующемъ году въ Голландіи государь лично увидѣлся съ Герцемъ. Слѣдствіемъ этого свиданія было открытіе въ маѣ слѣдующаго года конференціи на Аландѣ. Но смерть Карла XII въ концѣ этого года еще разъ помѣшала соглашенію и отсрочила дѣло герцога Голштинскаго на долго. Несчастный хитрецъ Герцъ погибъ. Все дѣло о судьбѣ племянника Карла XII перешло въ руки Бассевича,

При такихъ-то обстоятельствахъ явился въ русскую столицу довѣренный Герца. Петръ I, считая голштинскій дворъ слишкомъ незначительнымъ для того, чтобы вступать въ союзъ съ сильными державами, очень откровенно высказался Бассевичу на счетъ его предложеній: „Вашъ дворъ, руководимый пустыми внушеніями Герца", сказалъ монархъ, „похожъ на мелкое судно съ мачтами большаго корабля; ничтожнѣйшій вѣтеръ съ боку опрокинетъ его непремѣнно". Напрасно хитрый Бассевичъ ярко рисовалъ ослабленіе Даніи и въ обольстительныхъ краскахъ представлялъ славу и выгоды отъ союза Россіи съ Голштиніею; Петръ требовалъ дѣла и доказательствъ болѣе положительныхъ. Въ царѣ даже возбудилась недовѣрчивость къ агенту Герца, и всѣ письма къ нему вскрывались. Однако Меньшикову удалось еще разъ склонить царя въ пользу интересовъ Голштиніи, такъ что наконецъ, съ разрѣшенія царя заготовленъ былъ письменный актъ, которымъ государь обязывался отдать герцогу руку дочери даже и въ томъ случаѣ, если онъ не получитъ шведской короны; если жъ исканіе короны удастся, то герцогъ обязывался, съ своей стороны, уступить Россіи или Ливонію съ Эстоніей, или Корелію съ Выборгомъ. Царь, съ своей стороны, долженъ былъ одними своими войсками занять Тенингенъ и удерживать этотъ важный военный пунктъ до совершеннолѣтія герцога Голштинскаго (которому тогда было только 14 лѣтъ).

Всѣ эти выгодные для Голштиніи расчеты однако не осуществились по случаю быстраго возвращенія Карла XII изъ Турціи. Впрочемъ 25-го марта 1714 года царь далъ отвѣтъ, выгодный для Голштиніи уже потому, что имъ давалась возможность трактовать впредь о дѣлахъ черезъ полномочнаго посла, котораго царь обѣщалъ принять съ достоинствомъ, *приличнымъ Голштиніи*. Между тѣмъ двуличный Герцъ, при возвращеніи Карла XII, котораго онъ страшно боялся, успѣлъ войдти въ милость къ сѣверному воителю и сталъ дѣйствовать совершенно противоположно прежнимъ своимъ планамъ. Въ такихъ обстоятельствахъ царь съ царицею отправились за границу въ началѣ 1716 года. Въ слѣдующемъ году въ Голландіи государь лично увидѣлся съ Герцемъ. Слѣдствіемъ этого свиданія было открытіе въ маѣ слѣдующаго года конференціи на Аландѣ. Но смерть Карла XII въ концѣ этого года еще разъ помѣшала соглашенію и отсрочила дѣло герцога Голштинскаго на долго. Несчастный хитрецъ Герцъ погибъ. Все дѣло о судьбѣ племянника Карла XII перешло въ руки Бассевича,

при чемъ впрочемъ система голштинской политики не измѣнилась. Бассевичъ крѣпко стоялъ за тѣсное дружеское соединеніе Россіи съ Швеціей, для котораго посредствующимъ звеномъ долженъ былъ быть герцогъ Голштинскій. Между тѣмъ дворы Швеціи, Англіи и Франціи были противъ сближенія Россіи съ Голштиніей. Въ этихъ видахъ французскій дворъ отправилъ даже въ Петербургъ извѣстнаго Кампредона, устраивавшаго соглашеніе между Франціей, Англіей и Швеціей. Дипломату этому было поручено косвенными внушеніями препятствовать усиленію вліянія герцога Голштинскаго при особѣ царя, и Кампредонъ прибылъ въ Россію за мѣсяцъ до пріѣзда туда герцога. Но на этотъ разъ въ расчеты политики Петра уже входила поддержка этого принца, племянника Карла XII, сына старшей сестры его Элеоноры-Гедвиги. Герцогъ Карлъ-Фридрихъ имѣлъ законное право занять послѣ дяди шведскій престолъ, и только интересы шведской либеральной партіи, предложившей съ извѣстнымъ ограниченіемъ власти корону его теткѣ, Элеонорѣ-Ульрикѣ, лишили герцога Карла-Фридриха его законнаго наслѣдія.

Мы выше сказали, что 17-го марта 1721 года Карлъ-Фридрихъ прибылъ въ Ригу. Съ нимъ пріѣхалъ и Бассевичъ, и кромѣ того, для сопровожденія герцога, былъ вытребованъ изъ Парижа камеръ-юнкеръ Берхгольцъ; послѣдній съ самаго же перваго времени своей поѣздки до 1726 года велъ дневникъ, любопытный въ высшей степени и представляющій житье-бытье герцога Голштинскаго въ Россіи со всѣми подробностями. Интересуясь въ нашемъ отечествѣ, конечно, болѣе всего невѣстою своего государя, ловкій камеръ-юнкеръ оставилъ не мало подробностей о цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ и вообще о ходѣ сватовства его государя герцога. Дневникъ Берхгольца и послужитъ путеводною нитью для нашего разсказа до самаго царствованія Екатерины I.

Берхгольцъ пріѣхалъ въ Петербургъ вечеромъ 13-го іюня 1721 года и въ день коронаціи царя (25-го іюня) имѣлъ случай видѣть все царское семейство на праздникѣ въ Лѣтнемъ саду. „Взоры наши“, говоритъ наблюдательный камеръ-юнкеръ, „тотчасъ обратились на старшую принцессу, брюнетку и прекрасную какъ ангелъ. Цвѣтъ лица, руки и станъ у нея чудно-хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростомъ“. Далѣе наблюдатель замѣчаетъ, что цесаревна Анна немного худа и менѣе жива, чѣмъ младшая сестра, съ которою она была одинаково одѣта, „но крылышки, недавно срѣзанныя, были еще у нея не сняты, а

при чемъ впрочемъ система голштинской политики не измѣнилась. Бассевичъ крѣпко стоялъ за тѣсное дружеское соединеніе Россіи съ Швеціей, для котораго посредствующимъ звеномъ долженъ былъ быть герцогъ Голштинскій. Между тѣмъ дворы Швеціи, Англіи и Франціи были противъ сближенія Россіи съ Голштиніей. Въ этихъ видахъ французскій дворъ отправилъ даже въ Петербургъ извѣстнаго Кампредона, устраивавшаго соглашеніе между Франціей, Англіей и Швеціей. Дипломату этому было поручено косвенными внушеніями препятствовать усиленію вліянія герцога Голштинскаго при особѣ царя, и Кампредонъ прибылъ въ Россію за мѣсяцъ до пріѣзда туда герцога. Но на этотъ разъ въ расчеты политики Петра уже входила поддержка этого принца, племянника Карла XII, сына старшей сестры его Элеоноры-Гедвиги. Герцогъ Карлъ-Фридрихъ имѣлъ законное право занять послѣ дяди шведскій престолъ, и только интересы шведской либеральной партіи, предложившей съ извѣстнымъ ограниченіемъ власти корону его теткѣ, Элеонорѣ-Ульрикѣ, лишили герцога Карла-Фридриха его законнаго наслѣдія.

Мы выше сказали, что 17-го марта 1721 года Карлъ-Фридрихъ прибылъ въ Ригу. Съ нимъ пріѣхалъ и Бассевичъ, и кромѣ того, для сопровожденія герцога, былъ вытребованъ изъ Парижа камеръ-юнкеръ Берхгольцъ; послѣдній съ самаго же перваго времени своей поѣздки до 1726 года велъ дневникъ, любопытный въ высшей степени и представляющій житье-бытье герцога Голштинскаго въ Россіи со всѣми подробностями. Интересуясь въ нашемъ отечествѣ, конечно, болѣе всего невѣстою своего государя, ловкій камеръ-юнкеръ оставилъ не мало подробностей о цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ и вообще о ходѣ сватовства его государя герцога. Дневникъ Берхгольца и послужитъ путеводною нитью для нашего разсказа до самаго царствованія Екатерины I.

Берхгольцъ пріѣхалъ въ Петербургъ вечеромъ 13-го іюня 1721 года и въ день коронаціи царя (25-го іюня) имѣлъ случай видѣть все царское семейство на праздникѣ въ Лѣтнемъ саду. „Взоры наши“, говоритъ наблюдательный камеръ-юнкеръ, „тотчасъ обратились на старшую принцессу, брюнетку и прекрасную какъ ангелъ. Цвѣтъ лица, руки и станъ у нея чудно-хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростомъ“. Далѣе наблюдатель замѣчаетъ, что цесаревна Анна немного худа и менѣе жива, чѣмъ младшая сестра, съ которою она была одинаково одѣта, „но крылышки, недавно срѣзанныя, были еще у нея не сняты, а

только зашнурованы“ [1]). Платья принцессъ были безъ золота и серебра, изъ красивой двухцвѣтной матеріи, а головы убраны драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, по послѣдней французской модѣ и съ изяществомъ, „которое сдѣлало бы честь лучшему парижскому парикмахеру“. О дворѣ государыни Берхгольцъ при первомъ знакомствѣ не только вывелъ благопріятное заключеніе, но даже не усумнился рѣшить, что дворъ этотъ „такъ хорошъ и блестящъ, какъ почти всѣ дворы германскіе“, которые ему удалось видѣть.

Герцогъ Голштинскій торжественно въѣхалъ въ Петербургъ въ годовщину Полтавской баталіи, 27-го іюня 1721 года, чтобъ исполнить волю царя, желавшаго видѣть его участникомъ этого торжества. Когда поѣздъ герцога поравнялся съ Почтовымъ домомъ [2]), съ крѣпости началась пальба. Царь съ царицею были еще у обѣдни. По вступленіи герцога въ назначенный для него домъ, явились посланные отъ ихъ величествъ поздравить его высочество съ пріѣздомъ. Около полудня самъ герцогъ представлялся государю и государынѣ, во время молебна на Троицкой площади. Получивъ приглашеніе пріѣхать послѣ обѣда въ садъ государыни, герцогъ увидѣлъ тамъ въ первый разъ цесаревну Анну, сидѣвшую съ матерью и другими членами царскаго семейства. Всѣ были въ самыхъ парадныхъ костюмахъ, дѣлавшихъ собраніе особенно блестящимъ, „и я“, замѣчаетъ Берхгольцъ, „никогда не видалъ вдругъ столько драгоцѣнныхъ камней, или если видѣлъ, то развѣ только на ауді-енціи турецкаго посла въ Парижѣ“.

Государыня, поговоривъ съ четверть часа съ Карломъ-Фридрихомъ, незамѣтно обратила рѣчь къ свитѣ его и дала герцогу случай заговорить съ цесаревною. Берхгольцъ замѣчаетъ, что во время этого перваго разговора „оба были довольно застѣнчивы, такъ что еслибъ на ихъ устахъ не пробѣгала по временамъ легкая улыбка, то нельзя было бы и узнать, разговариваютъ они или нѣтъ“. Послѣ разговора герцогъ танцовалъ съ цесаревною нѣмецкій танецъ и менуэтъ. Около 12-ти часовъ, въ заключеніе праздника, зажгли фейерверкъ.

---

1) Какъ портреты временъ Людовика XIV нерѣдко изображали дѣтей знатныхъ особъ съ эфирными крыльями бабочки, въ видѣ геніевъ, такъ и въ дѣйствительности тогдашняя мода требовала привѣшиванія такихъ крыльевъ къ дѣтскимъ платьямъ. Эти крылышки дѣлались изъ двухцвѣтной матеріи и торчали за плечами дѣвочекъ на подобіе надувательныхъ мѣховъ, на китовыхъ усахъ.

2) На мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца.

только зашнурованы“ [1]). Платья принцессъ были безъ золота и серебра, изъ красивой двухцвѣтной матеріи, а головы убраны драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, по послѣдней французской модѣ и съ изяществомъ, „которое сдѣлало бы честь лучшему парижскому парикмахеру“. О дворѣ государыни Берхгольцъ при первомъ знакомствѣ не только вывелъ благопріятное заключеніе, но даже не усумнился рѣшить, что дворъ этотъ „такъ хорошъ и блестящъ, какъ почти всѣ дворы германскіе“, которые ему удалось видѣть.

Герцогъ Голштинскій торжественно въѣхалъ въ Петербургъ въ годовщину Полтавской баталіи, 27-го іюня 1721 года, чтобъ исполнить волю царя, желавшаго видѣть его участникомъ этого торжества. Когда поѣздъ герцога поравнялся съ Почтовымъ домомъ [2]), съ крѣпости началась пальба. Царь съ царицею были еще у обѣдни. По вступленіи герцога въ назначенный для него домъ, явились посланные отъ ихъ величествъ поздравить его высочество съ пріѣздомъ. Около полудня самъ герцогъ представлялся государю и государынѣ, во время молебна на Троицкой площади. Получивъ приглашеніе пріѣхать послѣ обѣда въ садъ государыни, герцогъ увидѣлъ тамъ въ первый разъ цесаревну Анну, сидѣвшую съ матерью и другими членами царскаго семейства. Всѣ были въ самыхъ парадныхъ костюмахъ, дѣлавшихъ собраніе особенно блестящимъ, „и я“, замѣчаетъ Берхгольцъ, „никогда не видалъ вдругъ столько драгоцѣнныхъ камней, или если видѣлъ, то развѣ только на ауді-енціи турецкаго посла въ Парижѣ“.

Государыня, поговоривъ съ четверть часа съ Карломъ-Фридрихомъ, незамѣтно обратила рѣчь къ свитѣ его и дала герцогу случай заговорить съ цесаревною. Берхгольцъ замѣчаетъ, что во время этого перваго разговора „оба были довольно застѣнчивы, такъ что еслибъ на ихъ устахъ не пробѣгала по временамъ легкая улыбка, то нельзя было бы и узнать, разговариваютъ они или нѣтъ“. Послѣ разговора герцогъ танцовалъ съ цесаревною нѣмецкій танецъ и менуэтъ. Около 12-ти часовъ, въ заключеніе праздника, зажгли фейерверкъ.

---

1) Какъ портреты временъ Людовика XIV нерѣдко изображали дѣтей знатныхъ особъ съ эфирными крыльями бабочки, въ видѣ геніевъ, такъ и въ дѣйствительности тогдашняя мода требовала привѣшиванія такихъ крыльевъ къ дѣтскимъ платьямъ. Эти крылышки дѣлались изъ двухцвѣтной матеріи и торчали за плечами дѣвочекъ на подобіе надувательныхъ мѣховъ, на китовыхъ усахъ.

2) На мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца.

Въ день именинъ Петра, 29-го іюня, утромъ происходило поздравленіе царя, а вечеромъ были устроены танцы въ галереѣ, и конечно, герцогъ былъ кавалеромъ цесаревны въ менуэтѣ. Такъ началось сближеніе молодыхъ людей.

Въ день празднованія Ништадтскаго мира, 22-го октября, герцогъ принесъ царю поздравленіе при выходѣ изъ церкви и послѣдовалъ за государемъ въ зданіе сената, гдѣ было назначено празднество; здѣсь онъ поцѣловалъ руку у царицы и у принцессъ. Анна Петровна, въ тотъ день только освободившаяся отъ болѣзни, была еще слаба и блѣдна. Какъ она, такъ и Елизавета Петровна, были одѣты въ бѣлыхъ платьяхъ, обложенныхъ серебромъ и золотомъ, а на головѣ имѣли множество драгоцѣнныхъ камней. Когда герцогъ кончилъ поздравленіе, то и на этотъ разъ императрица, отойдя въ сторону, дала ему случай поговорить съ его будущею невѣстою. Въ большой аудіенцъ-залѣ, гдѣ обыкновенно принимались посланники, накрыты были длинные столы для тысячи человѣкъ гостей. Императрица кушала за большимъ овальнымъ столомъ „съ дамами, въ сосѣдней залѣ, имѣя цесаревну Анну по лѣвую сторону“. Послѣ обѣда государь ушелъ отдыхать на свою яхту, не приказавъ никого выпускать изъ сената до его возвращенія; герцогъ же Гольштинскій отправился въ ту комнату, гдѣ была императрица. Столы здѣсь были уже убраны. Поговоривъ съ государынею, Карлъ-Фридрихъ сѣлъ подлѣ Анны Петровны и „смѣло вступилъ съ нею въ длинный разговоръ, на что прежде никогда не рѣшался, потому что“, замѣчаетъ Берхгольцъ, „какъ его высочество, такъ и принцесса все еще были довольно застѣнчивы другъ съ другомъ. Маленькій Кампредонъ, стоя передъ окошкомъ, сдѣланнымъ въ двери изъ большой залы въ комнату, гдѣ была императрица, соколинымъ глазомъ слѣдилъ за происходившимъ между его высочествомъ и принцессами“, заключаетъ наблюдательный камеръ-юнкеръ. Когда начались танцы, герцогъ Голштинскій танцовалъ съ старшею дочерью царя менуэтъ, одинъ изъ танцевъ, которые назывались *церемоніальными*. Въ 9 часовъ зажгли фейерверкъ, представлявшій храмъ Януса, бога мира. Внутри его, въ прекрасномъ голубомъ огнѣ горѣло изображеніе престарѣлаго Януса, державшаго въ правой рукѣ лавровый вѣнокъ, а въ лѣвой — вѣтвь маслины. Немного спустя по бокамъ изображенія Януса показались двѣ фигуры коронованныхъ рыцарей, изображавшихъ Россію и Швецію. Фигуры эти, медленно подвигаясь, наконецъ приблизились къ открытымъ дверямъ храма и подали другъ другу

Въ день именинъ Петра, 29-го іюня, утромъ происходило поздравленіе царя, а вечеромъ были устроены танцы въ галереѣ, и конечно, герцогъ былъ кавалеромъ цесаревны въ менуэтѣ. Такъ началось сближеніе молодыхъ людей.

Въ день празднованія Ништадтскаго мира, 22-го октября, герцогъ принесъ царю поздравленіе при выходѣ изъ церкви и послѣдовалъ за государемъ въ зданіе сената, гдѣ было назначено празднество; здѣсь онъ поцѣловалъ руку у царицы и у принцессъ. Анна Петровна, въ тотъ день только освободившаяся отъ болѣзни, была еще слаба и блѣдна. Какъ она, такъ и Елизавета Петровна, были одѣты въ бѣлыхъ платьяхъ, обложенныхъ серебромъ и золотомъ, а на головѣ имѣли множество драгоцѣнныхъ камней. Когда герцогъ кончилъ поздравленіе, то и на этотъ разъ императрица, отойдя въ сторону, дала ему случай поговорить съ его будущею невѣстою. Въ большой аудіенцъ-залѣ, гдѣ обыкновенно принимались посланники, накрыты были длинные столы для тысячи человѣкъ гостей. Императрица кушала за большимъ овальнымъ столомъ „съ дамами, въ сосѣдней залѣ, имѣя цесаревну Анну по лѣвую сторону“. Послѣ обѣда государь ушелъ отдыхать на свою яхту, не приказавъ никого выпускать изъ сената до его возвращенія; герцогъ же Гольштинскій отправился въ ту комнату, гдѣ была императрица. Столы здѣсь были уже убраны. Поговоривъ съ государынею, Карлъ-Фридрихъ сѣлъ подлѣ Анны Петровны и „смѣло вступилъ съ нею въ длинный разговоръ, на что прежде никогда не рѣшался, потому что“, замѣчаетъ Берхгольцъ, „какъ его высочество, такъ и принцесса все еще были довольно застѣнчивы другъ съ другомъ. Маленькій Кампредонъ, стоя передъ окошкомъ, сдѣланнымъ въ двери изъ большой залы въ комнату, гдѣ была императрица, соколинымъ глазомъ слѣдилъ за происходившимъ между его высочествомъ и принцессами“, заключаетъ наблюдательный камеръ-юнкеръ. Когда начались танцы, герцогъ Голштинскій танцовалъ съ старшею дочерью царя менуэтъ, одинъ изъ танцевъ, которые назывались *церемоніальными*. Въ 9 часовъ зажгли фейерверкъ, представлявшій храмъ Януса, бога мира. Внутри его, въ прекрасномъ голубомъ огнѣ горѣло изображеніе престарѣлаго Януса, державшаго въ правой рукѣ лавровый вѣнокъ, а въ лѣвой — вѣтвь маслины. Немного спустя по бокамъ изображенія Януса показались двѣ фигуры коронованныхъ рыцарей, изображавшихъ Россію и Швецію. Фигуры эти, медленно подвигаясь, наконецъ приблизились къ открытымъ дверямъ храма и подали другъ другу

руки, послѣ чего двери закрылись. Народу между тѣмъ выставленъ былъ жареный быкъ, и по сторонамъ его били фонтаны бѣлаго и краснаго вина. Въ то мгновеніе, когда были закрыты двери Янусова храма, раздался залпъ изъ ружей и пушекъ съ крѣпостей и яхтъ, стоявшихъ на Невѣ, и гулъ отъ выстрѣловъ слился съ звономъ всѣхъ колоколовъ въ городѣ, надъ которымъ мракъ ночнаго неба замѣнился яркимъ заревомъ, какъ бы отъ большаго пожара. По сторонамъ догорѣвшаго храма Януса, были зажжены щиты. На одномъ изъ нихъ было изображено правосудіе съ надписью: „всегда побѣдитъ“, а другой представлялъ корабль, входившій въ пристань съ надписью: „конецъ вѣнчаетъ дѣло“. Пирамиды изъ бриліантоваго огня, а также съ швермерами и звѣздами, да множество воздушныхъ шаровъ, ракетъ, бураковъ, фонтаны изъ краснаго огня и колеса съ фигурами изъ голубаго и бѣлаго огня на водѣ, были зажжены въ заключеніе праздника.

Свиданія герцога съ принцессою, хотя рѣдкія и при свидѣтеляхъ, достигали однако цѣли; иначе и быть не могло. По поводу серенады, данной герцогомъ Голштинскимъ императрицѣ въ день ея имянинъ, еще до разсвѣта, при свѣтѣ факеловъ, словоохотный камеръ-юнкеръ уже замѣчаетъ, что старшая принцесса постоянно держала тактъ рукою и головою, и герцогъ часто обращалъ взоры къ ея окну, вѣроятно, не безъ тайныхъ вздоховъ: „Онъ питаетъ къ ней большое уваженіе и неописанную любовь, которая обнаруживается при всѣхъ случаяхъ, какъ въ ея присутствіи, такъ и въ разговорахъ съ нами“.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ дворъ отправился въ Москву; туда же поѣхалъ, конечно, и герцогъ. Тамъ праздновался новый 1722 годъ, и повторились всѣ особенности петербургскихъ осеннихъ торжествъ по случаю заключенія мира.

Въ день рожденія цесаревны Анны, 28-го января, у герцога Голштинскаго былъ обѣдъ, и вечеромъ была зажжена иллюминація, изготовленная къ предстоявшему празднованію мира. Передъ отведеннымъ герцогу домомъ былъ построенъ большой порталъ, слишкомъ въ 6 сажень вышиною и до пяти сажень шириной, освященный тысячью шкаликовъ. Порталъ этотъ, родъ тріумфальныхъ воротъ, былъ увѣнчанъ русскимъ орломъ съ вензелемъ императора на груди. Орла поддерживали двѣ Фамы (славы)[1]), а по сто-

[1]) Женскія фигуры съ крыльями и трубой.

руки, послѣ чего двери закрылись. Народу между тѣмъ выставленъ былъ жареный быкъ, и по сторонамъ его били фонтаны бѣлаго и краснаго вина. Въ то мгновеніе, когда были закрыты двери Янусова храма, раздался залпъ изъ ружей и пушекъ съ крѣпостей и яхтъ, стоявшихъ на Невѣ, и гулъ отъ выстрѣловъ слился съ звономъ всѣхъ колоколовъ въ городѣ, надъ которымъ мракъ ночнаго неба замѣнился яркимъ заревомъ, какъ бы отъ большаго пожара. По сторонамъ догорѣвшаго храма Януса, были зажжены щиты. На одномъ изъ нихъ было изображено правосудіе съ надписью: „всегда побѣдитъ“, а другой представлялъ корабль, входившій въ пристань съ надписью: „конецъ вѣнчаетъ дѣло“. Пирамиды изъ бриліантоваго огня, а также съ швермерами и звѣздами, да множество воздушныхъ шаровъ, ракетъ, бураковъ, фонтаны изъ краснаго огня и колеса съ фигурами изъ голубаго и бѣлаго огня на водѣ, были зажжены въ заключеніе праздника.

Свиданія герцога съ принцессою, хотя рѣдкія и при свидѣтеляхъ, достигали однако цѣли; иначе и быть не могло. По поводу серенады, данной герцогомъ Голштинскимъ императрицѣ въ день ея именинъ, еще до разсвѣта, при свѣтѣ факеловъ, словоохотный камеръ-юнкеръ уже замѣчаетъ, что старшая принцесса постоянно держала тактъ рукою и головою, и герцогъ часто обращалъ взоры къ ея окну, вѣроятно, не безъ тайныхъ вздоховъ: „Онъ питаетъ къ ней большое уваженіе и неописанную любовь, которая обнаруживается при всѣхъ случаяхъ, какъ въ ея присутствіи, такъ и въ разговорахъ съ нами“.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ дворъ отправился въ Москву; туда же поѣхалъ, конечно, и герцогъ. Тамъ праздновался новый 1722 годъ, и повторились всѣ особенности петербургскихъ осеннихъ торжествъ по случаю заключенія мира.

Въ день рожденія цесаревны Анны, 28-го января, у герцога Голштинскаго былъ обѣдъ, и вечеромъ была зажжена иллюминація, изготовленная къ предстоявшему празднованію мира. Передъ отведеннымъ герцогу домомъ былъ построенъ большой порталъ, слишкомъ въ 6 сажень вышиною и до пяти сажень шириной, освященный тысячью шкаликовъ. Порталъ этотъ, родъ тріумфальныхъ воротъ, былъ увѣнчанъ русскимъ орломъ съ вензелемъ императора на груди. Орла поддерживали двѣ Фамы (славы)[1]), а по сто-

[1]) Женскія фигуры съ крыльями и трубой.

ронамъ ихъ были поставлены два сфинкса [1]). Ниже ихъ, въ видѣ двухъ зеленѣющихъ лавровыхъ деревьевъ, были изображены рога изобилія, подъ которыми латинская надпись выражала посвященіе „Петру Великому, отцу отечества, всея Россіи императору". Ниже подписи были изображены фигуры въ ростъ царя Іоанна Васильевича съ надписью „incepit" (началъ) и Петра I съ надписью „perfecit" (довершилъ). Виды Кронштадта и Петербурга, также съ соотвѣтствующими подписями, были помѣщены еще ниже фигуръ. Въ окнахъ квартиры герцога были вставлены шесть транспарантовъ, изъ которыхъ замѣчательнѣе прочихъ былъ третій. Онъ представлялъ корабль, который, подъ флагомъ двухъ львовъ (гербомъ герцогства Шлезвигскаго), носится по бурному морю, направляясь въ темнотѣ на сѣверную звѣзду, съ надписью: „non alia". (не иначе).

28-е января, день, въ который праздновалось при дворѣ рожденіе Анны Петровны, бывшее на канунѣ, пришелся кстати въ имянины Карла-Фридриха. Въ этотъ день герцогъ получилъ андреевскую ленту. Петръ I снова остался очень доволенъ иллюминаціей, которую герцогъ приказалъ устроить въ этотъ день въ Преображенскомъ, и которая состояла изъ трехъ большихъ латинскихъ буквъ: V. C. A. съ короною на верху, все изъ бѣлаго огня. Буквы эти означали: „Vivat Caesarevna Anna!"

Скорый отъѣздъ императора и императрицы, сперва въ Олонецъ, а потомъ въ Астрахань, и возвращеніе царскаго семейства въ Петербургъ болѣе чѣмъ на годъ отдалили герцога отъ его будущей невѣсты. Въ этотъ промежутокъ времени молодые люди только два раза, не болѣе, видѣлись другъ съ другомъ. Между тѣмъ многое измѣнилось въ герцогѣ въ теченіи этого времени. Онъ не зналъ въ точности, которая изъ двухъ цесаревенъ ему назначается, и потому хотя прежде онъ и выказывалъ изъ расчета сочувствіе къ старшей принцессѣ, на самомъ дѣлѣ сердце его обратилось къ младшей сестрѣ. Между тѣмъ цесаревна Анна „со дня на день хорошѣла, при всякомъ случаѣ бывала необыкновенно любезна съ герцогомъ"; но онъ по словамъ Берхгольца, не только выказывалъ къ ней холодность, но скорбѣлъ, когда ему не удавалось видѣть Елизавету Петровну, и выражалъ тоскливость свою словами, не скрывая ея даже при самой Аннѣ.

---

[1]) Фантастическія лежащія львиныя крылатыя фигуры, съ женскимъ торсомъ и головою.

ронамъ ихъ были поставлены два сфинкса [1]). Ниже ихъ, въ видѣ двухъ зеленѣющихъ лавровыхъ деревьевъ, были изображены рога изобилія, подъ которыми латинская надпись выражала посвященіе „Петру Великому, отцу отечества, всея Россіи императору". Ниже подписи были изображены фигуры въ ростъ царя Іоанна Васильевича съ надписью „incepit" (началъ) и Петра I съ надписью „perfecit" (довершилъ). Виды Кронштадта и Петербурга, также съ соотвѣтствующими подписями, были помѣщены еще ниже фигуръ. Въ окнахъ квартиры герцога были вставлены шесть транспарантовъ, изъ которыхъ замѣчательнѣе прочихъ былъ третій. Онъ представлялъ корабль, который, подъ флагомъ двухъ львовъ (гербомъ герцогства Шлезвигскаго), носится по бурному морю, направляясь въ темнотѣ на сѣверную звѣзду, съ надписью: „non alia". (не иначе).

28-е января, день, въ который праздновалось при дворѣ рожденіе Анны Петровны, бывшее на канунѣ, пришелся кстати въ имянины Карла-Фридриха. Въ этотъ день герцогъ получилъ андреевскую ленту. Петръ I снова остался очень доволенъ иллюминаціей, которую герцогъ приказалъ устроить въ этотъ день въ Преображенскомъ, и которая состояла изъ трехъ большихъ латинскихъ буквъ: V. C. A. съ короною на верху, все изъ бѣлаго огня. Буквы эти означали: „Vivat Caesarevna Anna!"

Скорый отъѣздъ императора и императрицы, сперва въ Олонецъ, а потомъ въ Астрахань, и возвращеніе царскаго семейства въ Петербургъ болѣе чѣмъ на годъ отдалили герцога отъ его будущей невѣсты. Въ этотъ промежутокъ времени молодые люди только два раза, не болѣе, видѣлись другъ съ другомъ. Между тѣмъ многое измѣнилось въ герцогѣ въ теченіи этого времени. Онъ не зналъ въ точности, которая изъ двухъ цесаревенъ ему назначается, и потому хотя прежде онъ и выказывалъ изъ расчета сочувствіе къ старшей принцессѣ, на самомъ дѣлѣ сердце его обратилось къ младшей сестрѣ. Между тѣмъ цесаревна Анна „со дня на день хорошѣла, при всякомъ случаѣ бывала необыкновенно любезна съ герцогомъ"; но онъ по словамъ Берхгольца, не только выказывалъ къ ней холодность, но скорбѣлъ, когда ему не удавалось видѣть Елизавету Петровну, и выражалъ тоскливость свою словами, не скрывая ея даже при самой Аннѣ.

---

[1]) Фантастическія лежащія львиныя крылатыя фигуры, съ женскимъ торсомъ и головою.

Между тѣмъ, въ это именно время все доказывало уже близость развязки — и дозволеніе, чуть не приказаніе императрицы герцогу оставаться съ принцессами, и занятіе имъ мѣста среди царской семьи на праздникахъ и зрѣлищахъ, и наконецъ, порученіе герцогу вести подъ руку императрицу въ Успенскій соборъ въ великій для Екатерины I день ея коронованія. На принцевъ гессенскихъ, находившихся въ то время при русскомъ дворѣ, совсѣмъ не такъ смотрѣли. Ясно, что названіе императора „батюшкою“, принятое имъ отъ герцога, нѣсколько отуманеннаго частыми тостами, при спускѣ его яхты, 6-го августа 1724 г., было допущено не спроста. Государь, вѣроятно, рѣшилъ уже въ умѣ своемъ породниться съ нимъ. Дѣло обдѣлывалось впрочемъ въ тайнѣ.

Швеція принуждена была дать Карлу-Фридриху титулъ королевскаго высочества и признать его наслѣдникомъ шведской короны по прекращеніи потомства тетки его. Герцогъ зналъ все это и былъ готовъ соединиться брачными узами съ любою изъ дочерей Русскаго императора. Но если Карлъ-Фридрихъ смотрѣлъ на бракъ свой такъ легко и вѣтрено, за то Анна Петровна, какъ удостовѣряетъ Берхгольцъ, чувствовала къ герцогу привязанность искреннюю и нѣжную. Она даже ясно высказала ее при одномъ случаѣ: 15-го августа 1724 г., герцогъ пять разъ проѣзжалъ по Невѣ мимо оконъ дворца, и цесаревна всякій разъ, когда онъ равнялся съ ея окномъ, отворяла его, привѣтствовала герцога издали и смотрѣла ему въ слѣдъ до тѣхъ поръ, пока онъ не исчезалъ у нея изъ виду.

Вотъ наконецъ наступилъ и ноябрь 1724 года. Казнь каммергера Монса, неожиданно разразившаяся грозою надъ дворомъ, который сталъ было ужъ отвыкать отъ подобныхъ ужасовъ, возмутила очень многихъ и подала даже поводъ къ разнаго рода разсказамъ, болѣе или менѣе сомнительнымъ, въ которыхъ упоминалось между прочимъ и о дочеряхъ царя. Но одинъ подобный разсказъ, занесенный адмираломъ Вильбуа въ его записки, и изъ котораго видно, что царь гнѣвался по дѣлу Монса не только на императрицу, но и на царевенъ, кажется намъ не совсѣмъ невѣроятнымъ. Мы только находимъ необходимымъ принимать сообщаемое извѣстіе съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ самую же эпоху Монсова дѣла, 18-го ноября, совершенно неожиданно для герцога, Остерманъ прислалъ къ нему чиновника—просить у его высочества брачнаго контракта.

Затѣмъ, 22-го ноября, къ полному удовольствію приближенныхъ

Между тѣмъ, въ это именно время все доказывало уже близость развязки — и дозволеніе, чуть не приказаніе императрицы герцогу оставаться съ принцессами, и занятіе имъ мѣста среди царской семьи на праздникахъ и зрѣлищахъ, и наконецъ, порученіе герцогу вести подъ руку императрицу въ Успенскій соборъ въ великій для Екатерины I день ея коронованія. На принцевъ гессенскихъ, находившихся въ то время при русскомъ дворѣ, совсѣмъ не такъ смотрѣли. Ясно, что названіе императора „батюшкою“, принятое имъ отъ герцога, нѣсколько отуманеннаго частыми тостами, при спускѣ его яхты, 6-го августа 1724 г., было допущено не спроста. Государь, вѣроятно, рѣшилъ уже въ умѣ своемъ породниться съ нимъ. Дѣло обдѣлывалось впрочемъ въ тайнѣ.

Швеція принуждена была дать Карлу-Фридриху титулъ королевскаго высочества и признать его наслѣдникомъ шведской короны по прекращеніи потомства тетки его. Герцогъ зналъ все это и былъ готовъ соединиться брачными узами съ любою изъ дочерей Русскаго императора. Но если Карлъ-Фридрихъ смотрѣлъ на бракъ свой такъ легко и вѣтрено, за то Анна Петровна, какъ удостовѣряетъ Берхгольцъ, чувствовала къ герцогу привязанность искреннюю и нѣжную. Она даже ясно высказала ее при одномъ случаѣ: 15-го августа 1724 г., герцогъ пять разъ проѣзжалъ по Невѣ мимо оконъ дворца, и цесаревна всякій разъ, когда онъ равнялся съ ея окномъ, отворяла его, привѣтствовала герцога издали и смотрѣла ему въ слѣдъ до тѣхъ поръ, пока онъ не исчезалъ у нея изъ виду.

Вотъ наконецъ наступилъ и ноябрь 1724 года. Казнь каммергера Монса, неожиданно разразившаяся грозою надъ дворомъ, который сталъ было ужъ отвыкать отъ подобныхъ ужасовъ, возмутила очень многихъ и подала даже поводъ къ разнаго рода разсказамъ, болѣе или менѣе сомнительнымъ, въ которыхъ упоминалось между прочимъ и о дочеряхъ царя. Но одинъ подобный разсказъ, занесенный адмираломъ Вильбуа въ его записки, и изъ котораго видно, что царь гнѣвался по дѣлу Монса не только на императрицу, но и на царевенъ, кажется намъ не совсѣмъ невѣроятнымъ. Мы только находимъ необходимымъ принимать сообщаемое извѣстіе съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ самую же эпоху Монсова дѣла, 18-го ноября, совершенно неожиданно для герцога, Остерманъ прислалъ къ нему чиновника—просить у его высочества брачнаго контракта.

Затѣмъ, 22-го ноября, къ полному удовольствію приближенныхъ

Карла-Фридриха, послѣ продолжительной конференціи Остермана, самаго герцога и голштинскихъ тайныхъ совѣтниковъ Штамке и Бассевича, были окончательно формулированы обоюдныя брачныя условія, а въ день имянинъ императрицы эти условія были подписаны при торжественномъ обрученіи герцога съ Анною Петровною.

Условія этого контракта, кромѣ опредѣленія будущаго хозяйства новобрачныхъ, состава двора ихъ, приданаго невѣсты [1]), правъ потомства ея и проч., заключались въ 21 статьѣ. Положено было, что цесаревна сохранитъ вѣру своихъ предковъ и будетъ воспитывать въ ея правилахъ дочерей своихъ. Сыновья же должны были исповѣдывать лютеранство. Герцогиня голштинская и супругъ ея отказывались также „отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній на всероссійскій престолъ". Этотъ пунктъ условія и былъ причиною, почему по смерти императора Петра I, хотя всѣ знали его виды относительно любимой старшей дочери, къ которой, по всей вѣроятности, относились послѣднія невнятныя слова, написанныя умирающимъ: „отдайте все",—имя Анны Петровны не было даже ни кѣмъ произнесено, когда зашла рѣчь о назначеніи наслѣдника имперіи. Между тѣмъ, въ секретныхъ артикулахъ, одновременно съ публикованными, государь предоставилъ себѣ право сдѣлать по усмотрѣнію своимъ наслѣдникомъ „одного изъ урожденныхъ отъ сего брака принцевъ".

На канунѣ этого торжественнаго дня, дѣлавшаго герцога Голштинскаго уже членомъ царской семьи, онъ, какъ и три года назадъ, въ 6 часовъ вечера далъ будущей тещѣ своей серенаду. На дворѣ Зимняго дворца, передъ комнатами императрицы и принцессъ, были расположены музыканты и, вокругъ нихъ, факельщики въ герцогской ливреѣ. Въ продолженіе музыки герцогъ стоялъ подъ окнами принцессъ, какъ казалось, слушавшихъ серенаду со вниманіемъ. Черезъ полчаса, герцога и его свиту пригласили во дворецъ, гдѣ императрица собственноручно поднесла всѣмъ по стакану венгерскаго, послѣ чего, въ первый разъ, герцогъ получилъ приглашеніе отъ самого императора пожаловать на другой день къ обѣду. Это было принято голштинскими придворными какъ знакъ, что отнынѣ ихъ герцогъ дѣлается лицемъ не посторонним для Русскаго государя. По свидѣтельству Берхгольца, и

---

[1]) 300,000 рублей деньгами единовременно, кромѣ драгоцѣнностей и уборовъ.

Карла-Фридриха, послѣ продолжительной конференціи Остермана, самаго герцога и голштинскихъ тайныхъ совѣтниковъ Штамке и Бассевича, были окончательно формулированы обоюдныя брачныя условія, а въ день имянинъ императрицы эти условія были подписаны при торжественномъ обрученіи герцога съ Анною Петровною.

Условія этого контракта, кромѣ опредѣленія будущаго хозяйства новобрачныхъ, состава двора ихъ, приданаго невѣсты [1]), правъ потомства ея и проч., заключались въ 21 статьѣ. Положено было, что цесаревна сохранитъ вѣру своихъ предковъ и будетъ воспитывать въ ея правилахъ дочерей своихъ. Сыновья же должны были исповѣдывать лютеранство. Герцогиня голштинская и супругъ ея отказывались также „отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній на всероссійскій престолъ". Этотъ пунктъ условія и былъ причиною, почему по смерти императора Петра I, хотя всѣ знали его виды относительно любимой старшей дочери, къ которой, по всей вѣроятности, относились послѣднія невнятныя слова, написанныя умирающимъ: „отдайте все",—имя Анны Петровны не было даже ни кѣмъ произнесено, когда зашла рѣчь о назначеніи наслѣдника имперіи. Между тѣмъ, въ секретныхъ артикулахъ, одновременно съ публикованными, государь предоставилъ себѣ право сдѣлать по усмотрѣнію своимъ наслѣдникомъ „одного изъ урожденныхъ отъ сего брака принцевъ".

На канунѣ этого торжественнаго дня, дѣлавшаго герцога Голштинскаго уже членомъ царской семьи, онъ, какъ и три года назадъ, въ 6 часовъ вечера далъ будущей тещѣ своей серенаду. На дворѣ Зимняго дворца, передъ комнатами императрицы и принцессъ, были расположены музыканты и, вокругъ нихъ, факельщики въ герцогской ливреѣ. Въ продолженіе музыки герцогъ стоялъ подъ окнами принцессъ, какъ казалось, слушавшихъ серенаду со вниманіемъ. Черезъ полчаса, герцога и его свиту пригласили во дворецъ, гдѣ императрица собственноручно поднесла всѣмъ по стакану венгерскаго, послѣ чего, въ первый разъ, герцогъ получилъ приглашеніе отъ самого императора пожаловать на другой день къ обѣду. Это было принято голштинскими придворными какъ знакъ, что отнынѣ ихъ герцогъ дѣлается лицемъ не посторонним для Русскаго государя. По свидѣтельству Берхгольца, и

---

[1]) 300,000 рублей деньгами единовременно, кромѣ драгоцѣнностей и уборовъ.

при этомъ случаѣ принцесса Анна, во время серенады стояла съ сестрою у окна, а когда герцогъ Карлъ-Фридрихъ, собираясь идти домой, подошелъ отдать ей реверансъ, то она выказала ему необыкновенную любезность. „Она и въ своемъ неглиже походила на ангела“, замѣчаетъ по этому случаю авторъ дневника; „вообще можно сказать, что нельзя написать лица, болѣе прелестнаго, и найдти сложеніе болѣе совершенное, чѣмъ у этой принцессы. Ко всему этому присоединяются еще врожденная привѣтливость и обходительность, которыми она обладаетъ въ высшей степени“. Съ своей стороны, Бассевичъ, въ своихъ запискахъ, подробно описывая наружность Анны Петровны, выражается почти также. „Анна Петровна“, говоритъ онъ, „похожа была лицемъ и характеромъ на своего августѣйшаго родителя, но природные дары ея украсились воспитаніемъ. Ростомъ была она выше пяти футовъ; имѣла чрезвычайно тонкій станъ и совершенную соразмѣрность въ частяхъ тѣла. Ничто не могло сравниться съ умѣньемъ ея держать себя съ величіемъ, чѣмъ полна была ея осанка. Черты лица у нея были совершенно правильны, но эта правильность нисколько не уменьшала пріятности взгляда и улыбки. Волосы и брови были у нея черные; цвѣтъ же кожи былъ ослѣпительной бѣлизны, при свѣжемъ и нѣжномъ румянцѣ, оттѣнковъ котораго нѣтъ возможности поддѣлать. Цвѣтъ глазъ ея опредѣлить трудно, особенно при блескѣ и огнѣ ихъ; короче, во всей фигурѣ ея сама зависть не могла была отыскать ни одного недостатка. Проницательный умъ, съ тѣмъ вмѣстѣ неподдѣльная искренность и доброта характера, не исключали щедрости и любви къ великолѣпію. Она была хорошо образована, и кромѣ роднаго языка, пріятно объяснялась на французскомъ, нѣмецкомъ, италіянскомъ и шведскомъ языкахъ“.

Разсказывая выше объ образованіи Анны Петровны, мы уже говорили и о томъ, что при дочеряхъ императора находились иностранныя воспитательницы. Онѣ появились едва ли не въ то время, когда, въ 1716 и 1717 годахъ, государь и государыня поѣхали на долгое время за границу; и впервые былъ сформированъ дворъ Екатерины, достойный величія Россіи. Такъ, въ началѣ осени 1716 года, была вызвана къ царскимъ дѣтямъ въ Петербургъ Гречанка Лавра Паликала, „дохтурица“, какъ называлъ ее Петръ I. Выписанная графомъ С. В. Рагузинскимъ. Италіянка графиня Маріана Маніяни прибыла въ Петербургъ и заняла мѣсто при принцессахъ, въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ 1716 года. Ви-

при этомъ случаѣ принцесса Анна, во время серенады стояла съ сестрою у окна, а когда герцогъ Карлъ-Фридрихъ, собираясь идти домой, подошелъ отдать ей реверансъ, то она выказала ему необыкновенную любезность. „Она и въ своемъ неглиже походила на ангела“, замѣчаетъ по этому случаю авторъ дневника; „вообще можно сказать, что нельзя написать лица, болѣе прелестнаго, и найдти сложеніе болѣе совершенное, чѣмъ у этой принцессы. Ко всему этому присоединяются еще врожденная привѣтливость и обходительность, которыми она обладаетъ въ высшей степени“. Съ своей стороны, Бассевичъ, въ своихъ запискахъ, подробно описывая наружность Анны Петровны, выражается почти также. „Анна Петровна“, говоритъ онъ, „похожа была лицемъ и характеромъ на своего августѣйшаго родителя, но природные дары ея украсились воспитаніемъ. Ростомъ была она выше пяти футовъ; имѣла чрезвычайно тонкій станъ и совершенную соразмѣрность въ частяхъ тѣла. Ничто не могло сравниться съ умѣньемъ ея держать себя съ величіемъ, чѣмъ полна была ея осанка. Черты лица у нея были совершенно правильны, но эта правильность нисколько не уменьшала пріятности взгляда и улыбки. Волосы и брови были у нея черные; цвѣтъ же кожи былъ ослѣпительной бѣлизны, при свѣжемъ и нѣжномъ румянцѣ, оттѣнковъ котораго нѣтъ возможности поддѣлать. Цвѣтъ глазъ ея опредѣлить трудно, особенно при блескѣ и огнѣ ихъ; короче, во всей фигурѣ ея сама зависть не могла была отыскать ни одного недостатка. Проницательный умъ, съ тѣмъ вмѣстѣ неподдѣльная искренность и доброта характера, не исключали щедрости и любви къ великолѣпію. Она была хорошо образована, и кромѣ роднаго языка, пріятно объяснялась на французскомъ, нѣмецкомъ, италіянскомъ и шведскомъ языкахъ“.

Разсказывая выше объ образованіи Анны Петровны, мы уже говорили и о томъ, что при дочеряхъ императора находились иностранныя воспитательницы. Онѣ появились едва ли не въ то время, когда, въ 1716 и 1717 годахъ, государь и государыня поѣхали на долгое время за границу; и впервые былъ сформированъ дворъ Екатерины, достойный величія Россіи. Такъ, въ началѣ осени 1716 года, была вызвана къ царскимъ дѣтямъ въ Петербургъ Гречанка Лавра Паликала, „дохтурица“, какъ называлъ ее Петръ I. Выписанная графомъ С. В. Рагузинскимъ. Италіянка графиня Маріана Маніяни прибыла въ Петербургъ и заняла мѣсто при принцессахъ, въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ 1716 года. Ви-

контеса же Латуръ Ла Нуа находилась при нихъ еще нѣсколько раньше. Что касается наставниковъ и наставницъ шведскаго языка, то ихъ всего легче было найдти въ Петербургѣ, да къ тому же, великія княжны Анна и Елизавета Петровны, окруженныя съ младенчества уроженками Ингріи, знавшими, безъ сомнѣнія, шведскій языкъ, вѣроятно, отъ нихъ и научились ему исподволь. Повторяемъ: такимъ образомъ, Анна Петровна была, дѣйствительно, хорошо образована по своему времени; этимъ, независимо отъ красоты ея и отъ выгодности партіи, и объясняются восторженные отзывы о ней гольштинскихъ придворныхъ. Не сомнѣнно и то, что не однимъ умомъ, но и наружными достоинствами Анна Петровна далеко превосходила своего жениха. Герцогъ Карлъ-Фридрихъ былъ не высокъ ростомъ и не имѣлъ особенной привлекательности въ чертахъ лица. Высокимъ государственнымъ умомъ онъ также не отличался; былъ беззаботенъ, не любилъ кипучей дѣятельности и имѣлъ еще одинъ порокъ, впрочемъ общій тогда всѣмъ, даже великимъ людямъ, не выключая и Петра: герцогъ съ юношескихъ лѣтъ привыкъ топить черное горе и невзгоды въ круговой чашѣ между придворными собутыльниками. Заведеніе въ Петербургѣ тостъ-коллегіи было для него великимъ событіемъ. Члены тостъ-коллегіи пили съ соблюденіемъ церемоній. Въ такихъ забавахъ незамѣтно пролетало время, и герцогъ, равнодушный ко всякимъ умственнымъ интересамъ, ничего не читавшій, былъ совершенно доволенъ своимъ образомъ жизни въ Петербургѣ. Да и откуда бы могли явиться у него подобные интересы или охота къ чтенію? Ее могла возбудить жажда любознательности при извѣстной подготовкѣ; но воспитаніе, данное сиротѣ-герцогу его бабкою, шведскою королевою, было болѣе чѣмъ поверхностное и недостаточное, стало быть, не могло вызвать въ немъ любознательности. Всѣ дурныя стороны характера, незамѣтно развившіяся въ немъ въ годы неудачъ, нисколько не уничтожились при блестящей перемѣнѣ обстоятельствъ, и напротивъ того, казалось, ждали только случая проявиться. Жизнь въ Петербургѣ и Москвѣ, въ первые три года пребыванія герцога въ Россіи, полная скуки, одиночества и томительной неизвѣстности, усилила наклонность его къ вину, хотя онъ чувствовалъ послѣ шумныхъ празднествъ головную боль и другіе признаки нездоровья. Пристрастіе къ мелочности и формализму также было не послѣднимъ качествомъ характера Карла-Фридриха, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи. Ко всему этому прибавимъ, что герцогъ Голштинскій не чувствовалъ любви къ прекрасной

контеса же Латуръ Ла Нуа находилась при нихъ еще нѣсколько раньше. Что касается наставниковъ и наставницъ шведскаго языка, то ихъ всего легче было найдти въ Петербургѣ, да къ тому же, великія княжны Анна и Елизавета Петровны, окруженныя съ младенчества уроженками Ингріи, знавшими, безъ сомнѣнія, шведскій языкъ, вѣроятно, отъ нихъ и научились ему исподволь. Повторяемъ: такимъ образомъ, Анна Петровна была, дѣйствительно, хорошо образована по своему времени; этимъ, независимо отъ красоты ея и отъ выгодности партіи, и объясняются восторженные отзывы о ней гольштинскихъ придворныхъ. Не сомнѣнно и то, что не однимъ умомъ, но и наружными достоинствами Анна Петровна далеко превосходила своего жениха. Герцогъ Карлъ-Фридрихъ былъ не высокъ ростомъ и не имѣлъ особенной привлекательности въ чертахъ лица. Высокимъ государственнымъ умомъ онъ также не отличался; былъ беззаботенъ, не любилъ кипучей дѣятельности и имѣлъ еще одинъ порокъ, впрочемъ общій тогда всѣмъ, даже великимъ людямъ, не выключая и Петра: герцогъ съ юношескихъ лѣтъ привыкъ топить черное горе и невзгоды въ круговой чашѣ между придворными собутыльниками. Заведеніе въ Петербургѣ тостъ-коллегіи было для него великимъ событіемъ. Члены тостъ-коллегіи пили съ соблюденіемъ церемоній. Въ такихъ забавахъ незамѣтно пролетало время, и герцогъ, равнодушный ко всякимъ умственнымъ интересамъ, ничего не читавшій, былъ совершенно доволенъ своимъ образомъ жизни въ Петербургѣ. Да и откуда бы могли явиться у него подобные интересы или охота къ чтенію? Ее могла возбудить жажда любознательности при извѣстной подготовкѣ; но воспитаніе, данное сиротѣ-герцогу его бабкою, шведскою королевою, было болѣе чѣмъ поверхностное и недостаточное, стало быть, не могло вызвать въ немъ любознательности. Всѣ дурныя стороны характера, незамѣтно развившіяся въ немъ въ годы неудачъ, нисколько не уничтожилась при блестящей перемѣнѣ обстоятельствъ, и напротивъ того, казалось, ждали только случая проявиться. Жизнь въ Петербургѣ и Москвѣ, въ первые три года пребыванія герцога въ Россіи, полная скуки, одиночества и томительной неизвѣстности, усилила наклонность его къ вину, хотя онъ чувствовалъ послѣ шумныхъ празднествъ головную боль и другіе признаки нездоровья. Пристрастіе къ мелочности и формализму также было не послѣднимъ качествомъ характера Карла-Фридриха, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи. Ко всему этому прибавимъ, что герцогъ Голштинскій не чувствовалъ любви къ прекрасной

своей невѣстѣ. Великая же княжна-невѣста, какъ мы и выше замѣчали, соединяя искренность съ теплотою чувства, незамѣтно полюбивъ разъ, не могла ужь измѣнить своему сердечному влеченію.

Таковы были отношенія обрученной четы въ то время, когда частые болѣзненные припадки заставили Петра (если вѣрить довольно впрочемъ правдоподобнымъ словамъ голштинскаго министра Бассевича) взглянуть на старшую дочь свою, какъ на непосредственную преемницу и продолжательницу своихъ царственныхъ заботъ о Россіи. Послѣ обрученія, говоритъ Бассевичъ, императоръ часто бесѣдовалъ съ принцессой и герцогомъ о дѣлахъ правительственныхъ и старался ввести ихъ въ пониманіе его видовъ и намѣреній. Впрочемъ, близости смерти государя никто не предчувствовалъ, а онъ самъ—всего менѣе. Дѣла шли своимъ чередомъ, и въ день новаго 1725 года былъ сожженъ обычный фейерверкъ на Троицкой площади, противъ канцеляріи сената. Церковный парадъ въ день крещенія былъ отправленъ также, какъ обыкновенно. Императоръ, отслушавъ литургію у Исаакія, самъ въ качествѣ полковника, повелъ Преображенскую гвардію берегомъ до Почтоваго двора и, спустившись тамъ на Неву, поставилъ ее около Іордани. По окончаніи же священнодѣйствія онъ обратно шелъ съ Преображенскимъ полкомъ до самаго дворца. 9-го января Петръ I присутствовалъ еще, вмѣстѣ съ Екатериною, на шутовской свадьбѣ слуги деньщика Поспѣлова Мишки съ Настасьею Гудошницей, для чего были собраны всѣ гудошники. Затѣмъ, 12-го и 14-го января были ассамблеи у графа Толстаго и адмирала Крейца, и даже 15-го января, впрочемъ уже въ послѣдній разъ, Петръ выѣзжалъ еще въ домъ Сенявина. Обручивъ дочь свою, Петръ намѣренъ былъ вскорѣ совершить и свадьбу, но произошло замедленіе въ слѣдствіе приготовленія приданаго, именно ожидали привоза изъ Франціи заказанныхъ тамъ для свадебнаго подарка невѣстѣ бриліантовыхъ вещей. Между тѣмъ, такъ какъ герцогу Голштинскому положено было жить съ супругою въ Ригѣ, на правахъ намѣстника Прибалтійскихъ провинцій, то государь хотѣлъ лично сдѣлать на мѣстѣ необходимыя о томъ распоряженія. 17-го января онъ предполагалъ уже выѣхать туда, но чувствуя себя въ этотъ день нездоровымъ, отложилъ отъѣздъ еще на недѣлю. Эта незначительная, какъ казалось сначала, болѣзнь между тѣмъ обратилась въ смертельную.

Вотъ весь ходъ этой болѣзни, не вполнѣ понятной по замѣткамъ очевидцевъ: 18-го января Остерманъ съ прочими министрами

своей невѣстѣ. Великая же княжна-невѣста, какъ мы и выше замѣчали, соединяя искренность съ теплотою чувства, незамѣтно полюбивъ разъ, не могла ужь измѣнить своему сердечному влеченію.

Таковы были отношенія обрученной четы въ то время, когда частые болѣзненные припадки заставили Петра (если вѣрить довольно впрочемъ правдоподобнымъ словамъ голштинскаго министра Бассевича) взглянуть на старшую дочь свою, какъ на непосредственную преемницу и продолжательницу своихъ царственныхъ заботъ о Россіи. Послѣ обрученія, говоритъ Бассевичъ, императоръ часто бесѣдовалъ съ принцессой и герцогомъ о дѣлахъ правительственныхъ и старался ввести ихъ въ пониманіе его видовъ и намѣреній. Впрочемъ, близости смерти государя никто не предчувствовалъ, а онъ самъ—всего менѣе. Дѣла шли своимъ чередомъ, и въ день новаго 1725 года былъ сожженъ обычный фейерверкъ на Троицкой площади, противъ канцеляріи сената. Церковный парадъ въ день крещенія былъ отправленъ также, какъ обыкновенно. Императоръ, отслушавъ литургію у Исаакія, самъ въ качествѣ полковника, повелъ Преображенскую гвардію берегомъ до Почтоваго двора и, спустившись тамъ на Неву, поставилъ ее около Іордани. По окончаніи же священнодѣйствія онъ обратно шелъ съ Преображенскимъ полкомъ до самаго дворца. 9-го января Петръ I присутствовалъ еще, вмѣстѣ съ Екатериною, на шутовской свадьбѣ слуги деньщика Поспѣлова Мишки съ Настасьею Гудошницей, для чего были собраны всѣ гудошники. Затѣмъ, 12-го и 14-го января были ассамблеи у графа Толстаго и адмирала Крейца, и даже 15-го января, впрочемъ уже въ послѣдній разъ, Петръ выѣзжалъ еще въ домъ Сенявина. Обручивъ дочь свою, Петръ намѣренъ былъ вскорѣ совершить и свадьбу, но произошло замедленіе въ слѣдствіе приготовленія приданаго, именно ожидали привоза изъ Франціи заказанныхъ тамъ для свадебнаго подарка невѣстѣ бриліантовыхъ вещей. Между тѣмъ, такъ какъ герцогу Голштинскому положено было жить съ супругою въ Ригѣ, на правахъ намѣстника Прибалтійскихъ провинцій, то государь хотѣлъ лично сдѣлать на мѣстѣ необходимыя о томъ распоряженія. 17-го января онъ предполагалъ уже выѣхать туда, но чувствуя себя въ этотъ день нездоровымъ, отложилъ отъѣздъ еще на недѣлю. Эта незначительная, какъ казалось сначала, болѣзнь между тѣмъ обратилась въ смертельную.

Вотъ весь ходъ этой болѣзни, не вполнѣ понятной по замѣткамъ очевидцевъ: 18-го января Остерманъ съ прочими министрами

еще былъ у доклада. Противъ обыкновенія, Петръ былъ чѣмъ-то сильно обезпокоенъ и какъ бы спѣшилъ разными государственными распоряженіями. У постели больнаго государя въ этотъ разъ министры толковали о дѣлахъ цѣлую ночь. На утро, по волѣ больнаго, приглашенъ былъ къ нему герцогъ Голштинскій, и съ нимъ государь разговаривалъ почти часъ. Въ этотъ день, 19-го числа, Петръ I исповѣдался, и къ вечеру послѣдовало облегченіе, но 22-го числа утромъ государь почувствовалъ себя такъ дурно, что посланы были къ иностраннымъ дворамъ увѣдомленія объ его болѣзни. Къ вечеру Екатерина съ цесаревною Анною пришла въ комнату государя, и здѣсь цесаревна просидѣла до поздней ночи, а императрица провела и ночь у постели больнаго. Въ это время у больнаго монарха были невыносимо жестокіе приступы колики, но къ утру страданія его уменьшились, и наступила слабость. Послѣ обѣда, Петръ I принималъ еще разъ герцога Голштинскаго и увѣрялъ его, что поѣдетъ съ нимъ въ Ригу, какъ только поправится. Правда, Остерманъ представлялъ, что императоръ долженъ поберечь себя и не приступать къ занятіямъ по случаю слабости; но царь полагалъ, что здоровье его въ хорошемъ положеніи; скоро однако пришлось ему разочароваться. Колика неожиданно возвратилась и уже рѣдко прерывалась, развѣ на короткое время, чтобы возобновляться потомъ съ еще большею силою. Пароксизмы жестокой боли извлекали у больнаго государя крики, оглушавшіе его небольшой унылый дворецъ. Въ эти послѣдніе дни Петръ часто впадалъ и въ безпамятство. Послѣ соборованія, 26-го января, чувствуя кратковременное облегченіе и, вѣроятно, думая о наслѣдованіи престола, онъ потребовалъ аспидную доску и написалъ на ней: „Отдайте все...“ Но далѣе рука не повиновалась и дѣлала только неопредѣленные знаки. Сознавая свое безсиліе, умирающій монархъ велѣлъ позвать Анну Петровну и хотѣлъ диктовать ей; но когда она приблизилась къ постели его, онъ уже не могъ говорить, и въ такомъ положеніи длилась его агонія тридцать шесть часовъ. Его не стало 28-го января утромъ, въ пять съ четвертью часовъ.

Еще не успѣли, какъ говорится, охолодѣть ноги великаго человѣка, какъ во дворцѣ его ужь образовались партіи. Одна изъ нихъ, составлявшая большинство приверженцевъ стараго порядка, хотѣла возвести на престолъ малолѣтняго сына цесаревича Алексѣя Петровича, заключивъ Екатерину съ дочерьми въ монастырь. Эта партія, вѣроятно, и достигла бы своей цѣли, еслибъ Ягужин-

еще былъ у доклада. Противъ обыкновенія, Петръ былъ чѣмъ-то сильно обезпокоенъ и какъ бы спѣшилъ разными государственными распоряженіями. У постели больнаго государя въ этотъ разъ министры толковали о дѣлахъ цѣлую ночь. На утро, по волѣ больнаго, приглашенъ былъ къ нему герцогъ Голштинскій, и съ нимъ государь разговаривалъ почти часъ. Въ этотъ день, 19-го числа, Петръ I исповѣдался, и къ вечеру послѣдовало облегченіе, но 22-го числа утромъ государь почувствовалъ себя такъ дурно, что посланы были къ иностраннымъ дворамъ увѣдомленія объ его болѣзни. Къ вечеру Екатерина съ цесаревною Анною пришла въ комнату государя, и здѣсь цесаревна просидѣла до поздней ночи, а императрица провела и ночь у постели больнаго. Въ это время у больнаго монарха были невыносимо жестокіе приступы колики, но къ утру страданія его уменьшились, и наступила слабость. Послѣ обѣда, Петръ I принималъ еще разъ герцога Голштинскаго и увѣрялъ его, что поѣдетъ съ нимъ въ Ригу, какъ только поправится. Правда, Остерманъ представлялъ, что императоръ долженъ поберечь себя и не приступать къ занятіямъ по случаю слабости; но царь полагалъ, что здоровье его въ хорошемъ положеніи; скоро однако пришлось ему разочароваться. Колика неожиданно возвратилась и уже рѣдко прерывалась, развѣ на короткое время, чтобы возобновляться потомъ съ еще большею силою. Пароксизмы жестокой боли извлекали у больнаго государя крики, оглушавшіе его небольшой унылый дворецъ. Въ эти послѣдніе дни Петръ часто впадалъ и въ безпамятство. Послѣ соборованія, 26-го января, чувствуя кратковременное облегченіе и, вѣроятно, думая о наслѣдованіи престола, онъ потребовалъ аспидную доску и написалъ на ней: „Отдайте все...“ Но далѣе рука не повиновалась и дѣлала только неопредѣленные знаки. Сознавая свое безсиліе, умирающій монархъ велѣлъ позвать Анну Петровну и хотѣлъ диктовать ей; но когда она приблизилась къ постели его, онъ уже не могъ говорить, и въ такомъ положеніи длилась его агонія тридцать шесть часовъ. Его не стало 28-го января утромъ, въ пять съ четвертью часовъ.

Еще не успѣли, какъ говорится, охолодѣть ноги великаго человѣка, какъ во дворцѣ его ужь образовались партіи. Одна изъ нихъ, составлявшая большинство приверженцевъ стараго порядка, хотѣла возвести на престолъ малолѣтняго сына цесаревича Алексѣя Петровича, заключивъ Екатерину съ дочерьми въ монастырь. Эта партія, вѣроятно, и достигла бы своей цѣли, еслибъ Ягужин-

скій не предупредилъ объ этомъ, по дружбѣ, Бассевича, а тотъ не увѣдомилъ императрицу, и еслибъ оба они не отправились въ ту же минуту къ Меньшикову и не приняли вмѣстѣ съ нимъ мѣръ для уничтоженія этого плана. Мы не будемъ повторять здѣсь, какъ это сдѣлалось, но скажемъ кстати, что дѣйствуя такимъ образомъ, тонкій дипломатъ Бассевичъ, вѣроятно, не считалъ возможнымъ или, по крайней мѣрѣ, находилъ рановременнымъ объявить наслѣдницею Петра I старшую его дочь. При занятіи же престола родительницею принцессы, дѣло послѣдней, полагалъ онъ, устроится недурно, и его государь герцогъ ничего не потеряетъ. Всѣ знали однако волю умершаго государя относительно цесаревны Анны Петровны и ея обрученнаго жениха. Поэтому никто не сомнѣвался, что слова, написанныя Петромъ: „отдайте все...“, относились именно къ старшей дочери, а отнюдь не къ супругѣ, наслѣдовавшей престолъ. Впрочемъ Ѳеофанъ Прокоповичъ утверждалъ, что Петръ собираясь короновать Екатерину, выражалъ будто бы непремѣнную волю свою видѣть ее на престолѣ, о чемъ и говорилъ де Прокоповичу на канунѣ коронаціи въ бесѣдѣ съ нимъ у кущи Томсена.

Цесаревна Анна Петровна, любимая государемъ болѣе прочихъ дѣтей его, и сама любила родителя больше всѣхъ ихъ. Внезапная почти потеря его произвела на нее страшное дѣйствіе. Каждый разъ, когда входила она въ залу, гдѣ стояло тѣло родителя, рыданія усиливались въ ней до того, что съ ней дѣлалось дурно, такъ что ея и сестру ея перестали наконецъ пускать въ эту залу. Погруженная въ глубокую скорбь, принцесса-невѣста, какъ говоритъ Берхгольцъ, чуть было не сгорѣла 26-го февраля вечеромъ. Она такъ близко стояла у свѣчи, что когда наклонилась, дѣлая крестъ, то головной уборъ ея вдругъ вспыхнулъ, и только ловкость Берхгольца спасла ее отъ несчастія.

Погребеніе рано скончавшагося императора, какъ извѣстно, совершилось 10-го марта, вмѣстѣ съ похоронами младшей его дочери, Натальи Петровны, умершей 4-го марта. Мы не имѣемъ возможности приводить церемоніалъ обоихъ этихъ похоронъ, при чемъ старшая дочь усопшаго, конечно, присутствовала вмѣстѣ съ другими членами царскаго семейства, и глубокая скорбь ея, обнаруживавшаяся при всякомъ случаѣ, проявилась ощутительно въ виду безчисленныхъ зрителей. По волѣ императрицы, въ день Пасхи царственное семейство снимало трауръ, и въ слѣдъ за минованіемъ праздниковъ приступлено было къ сооруженію, на бе-

скій не предупредилъ объ этомъ, по дружбѣ, Бассевича, а тотъ не увѣдомилъ императрицу, и еслибъ оба они не отправились въ ту же минуту къ Меньшикову и не приняли вмѣстѣ съ нимъ мѣръ для уничтоженія этого плана. Мы не будемъ повторять здѣсь, какъ это сдѣлалось, но скажемъ кстати, что дѣйствуя такимъ образомъ, тонкій дипломатъ Бассевичъ, вѣроятно, не считалъ возможнымъ или, по крайней мѣрѣ, находилъ рановременнымъ объявить наслѣдницею Петра I старшую его дочь. При занятіи же престола родительницею принцессы, дѣло послѣдней, полагалъ онъ, устроится недурно, и его государь герцогъ ничего не потеряетъ. Всѣ знали однако волю умершаго государя относительно цесаревны Анны Петровны и ея обрученнаго жениха. Поэтому никто не сомнѣвался, что слова, написанныя Петромъ: „отдайте все...“, относились именно къ старшей дочери, а отнюдь не къ супругѣ, наслѣдовавшей престолъ. Впрочемъ Ѳеофанъ Прокоповичъ утверждалъ, что Петръ собираясь короновать Екатерину, выражалъ будто бы непремѣнную волю свою видѣть ее на престолѣ, о чемъ и говорилъ де Прокоповичу на канунѣ коронаціи въ бесѣдѣ съ нимъ у кушца Томсена.

Цесаревна Анна Петровна, любимая государемъ болѣе прочихъ дѣтей его, и сама любила родителя больше всѣхъ ихъ. Внезапная почти потеря его произвела на нее страшное дѣйствіе. Каждый разъ, когда входила она въ залу, гдѣ стояло тѣло родителя, рыданія усиливались въ ней до того, что съ ней дѣлалось дурно, такъ что ея и сестру ея перестали наконецъ пускать въ эту залу. Погруженная въ глубокую скорбь, принцесса-невѣста, какъ говоритъ Берхгольцъ, чуть было не сгорѣла 26-го февраля вечеромъ. Она такъ близко стояла у свѣчи, что когда наклонилась, дѣлая крестъ, то головной уборъ ея вдругъ вспыхнулъ, и только ловкость Берхгольца спасла ее отъ несчастія.

Погребеніе рано скончавшагося императора, какъ извѣстно, совершилось 10-го марта, вмѣстѣ съ похоронами младшей его дочери, Натальи Петровны, умершей 4-го марта. Мы не имѣемъ возможности приводить церемоніалъ обоихъ этихъ похоронъ, при чемъ старшая дочь усопшаго, конечно, присутствовала вмѣстѣ съ другими членами царскаго семейства, и глубокая скорбь ея, обнаруживавшаяся при всякомъ случаѣ, проявилась ощутительно въ виду безчисленныхъ зрителей. По волѣ императрицы, въ день Пасхи царственное семейство снимало трауръ, и въ слѣдъ за миноваиіемъ праздниковъ приступлено было къ сооруженію, на бе-

регу Невы, въ Лѣтнемъ саду, обширной залы для торжества брака цесаревны съ герцогомъ Голштинскимъ. 19-го апрѣля праздновался при дворѣ въ первый разъ день рожденія герцога Голштинскаго. Императрица и цесаревна были у него въ полутраурѣ, и высокообрученная невѣста принимала поздравленія. Въ 12 часовъ съ крѣпости данъ былъ 21 выстрѣлъ, и въ ту же минуту на дворцѣ выкинули большой государственный флагъ. При громѣ пушекъ цесаревна Анна Петровна собственноручно угощала водкою всѣхъ бывшихъ во дворцѣ съ поздравленіями.

Приготовленія къ свадьбѣ пошли быстро. Герцогъ нанялъ для жительства съ супругою трехэтажный каменный домъ у генералъ-адмирала Апраксина, стоявшій на мѣстѣ Салтыковскаго подъѣзда нынѣшняго Зимняго дворца. Зданіе это, построенное для генералъ-адмирала казенными работниками и изъ казеннаго матеріала, состояло изъ главнаго корпуса, обращеннаго окнами на Неву и имѣвшаго во весь фасадъ обширный балконъ въ среднемъ этажѣ, и двухъ флигелей безъ балконовъ, въ видѣ покоя, которые тянулись параллельно адмиралтейству и вели къ необширному двору, обращенному на большой лугъ [1]). При домѣ было три двора. Объ обширности этого дома можно судить по тому, что герцогъ условился платить за него по 3.000 рублей въ годъ.

По очищеніи дома прежнимъ владѣльцемъ, 27-го апрѣля, герцогъ Карлъ-Фридрихъ занялся распредѣленіемъ помѣщеній для себя и своего двора. Цесаревнѣ Аннѣ назначилъ онъ лѣвую половину, обращенную къ Адмиралтейству, а для себя взялъ правую. Въ это время были привезены изъ Берлина двѣ бриліантовыя шпильки для подарка Карла-Фридриха своей невѣстѣ. Одна изъ этихъ шпилекъ (aiguillettes) замѣчательна была по вдѣланной въ нее жемчужинѣ необыкновенной величины, доставшейся герцогу отъ его матери.

29-го апрѣля былъ утвержденъ штатъ цесаревны невѣсты. Въ него включили, кромѣ бывшихъ при Аннѣ фрейлинъ Лобановой и Шепелевой, еще старшую дочь Ягужинскаго да дѣвицу Нарышкину. Мама Клементова, возведенная въ баронское достоинство, была произведена въ оберъ-гофмейстерины при бывшей своей воспитанницѣ. Въ должность второй оберъ-гофмейстерины „надъ фрейлинами“ была опредѣлена, по желанію герцога, вдова генерала шведской службы графиня Веллингъ, вызванная для того

---

[1]) Къ Адмиралтейству и на нынѣшнюю Дворцовую площадь.

регу Невы, въ Лѣтнемъ саду, обширной залы для торжества брака цесаревны съ герцогомъ Голштинскимъ. 19-го апрѣля праздновался при дворѣ въ первый разъ день рожденія герцога Голштинскаго. Императрица и цесаревна были у него въ полутраурѣ, и высокообрученная невѣста принимала поздравленія. Въ 12 часовъ съ крѣпости данъ былъ 21 выстрѣлъ, и въ ту же минуту на дворцѣ выкинули большой государственный флагъ. При громѣ пушекъ цесаревна Анна Петровна собственноручно угощала водкою всѣхъ бывшихъ во дворцѣ съ поздравленіями.

Приготовленія къ свадьбѣ пошли быстро. Герцогъ нанялъ для жительства съ супругою трехэтажный каменный домъ у генералъ-адмирала Апраксина, стоявшій на мѣстѣ Салтыковскаго подъѣзда нынѣшняго Зимняго дворца. Зданіе это, построенное для генералъ-адмирала казенными работниками и изъ казеннаго матеріала, состояло изъ главнаго корпуса, обращеннаго окнами на Неву и имѣвшаго во весь фасадъ обширный балконъ въ среднемъ этажѣ, и двухъ флигелей безъ балконовъ, въ видѣ покоя, которые тянулись параллельно адмиралтейству и вели къ необширному двору, обращенному на большой лугъ [1]). При домѣ было три двора. Объ обширности этого дома можно судить по тому, что герцогъ условился платить за него по 3.000 рублей въ годъ.

По очищеніи дома прежнимъ владѣльцемъ, 27-го апрѣля, герцогъ Карлъ-Фридрихъ занялся распредѣленіемъ помѣщеній для себя и своего двора. Цесаревнѣ Аннѣ назначилъ онъ лѣвую половину, обращенную къ Адмиралтейству, а для себя взялъ правую. Въ это время были привезены изъ Берлина двѣ бриліантовыя шпильки для подарка Карла-Фридриха своей невѣстѣ. Одна изъ этихъ шпилекъ (aiguillettes) замѣчательна была по вдѣланной въ нее жемчужинѣ необыкновенной величины, доставшейся герцогу отъ его матери.

29-го апрѣля былъ утвержденъ штатъ цесаревны невѣсты. Въ него включили, кромѣ бывшихъ при Аннѣ фрейлинъ Лобановой и Шепелевой, еще старшую дочь Ягужинскаго да дѣвицу Нарышкину. Мама Клементова, возведенная въ баронское достоинство, была произведена въ оберъ-гофмейстерины при бывшей своей воспитанницѣ. Въ должность второй оберъ-гофмейстерины „надъ фрейлинами“ была опредѣлена, по желанію герцога, вдова генерала шведской службы графиня Веллингъ, вызванная для того

---

[1]) Къ Адмиралтейству и на нынѣшнюю Дворцовую площадь.

изъ Эстляндіи. Кромѣ поименованныхъ нами фрейлинъ, при дворѣ Анны было еще двѣ, такъ что всѣхъ ихъ по штату положено было шесть. Кромѣ того, въ штатъ были включены: одна камеръ-фрау, 3 камеръ-юнгферы, 20 дѣвушекъ для прислуги ко всѣмъ этимъ дамамъ, одна „комнатная“ прачка, одна повариха, и въ заключеніе, „бабушка пріемная“, всего 34 лица женскаго пола. Придворныхъ чиновъ мужскаго пола положено было по штату 27. Служителей назначено 23 человѣка; впрочемъ, въ числѣ ихъ показаны 2 камеръ-пажа и 4 пажа, да еще 22 человѣка „прислуги у экипажей“. Въ составѣ штатныхъ чиновъ двора имѣлись между прочимъ „медикусъ“, секретарь, аптекарь, копіистъ и „лейбшнейдеръ“. За устройствомъ двора послѣдовало назначеніе подарковъ голштинскимъ чинамъ, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ, конечно, стоялъ Бассевичъ, главный устроитель свадебнаго дѣла. Онъ получилъ 1.000 червонцевъ; прочіе были одарены соотвѣтственно своимъ рангамъ и значенію. 20-го мая 1725 г. сдѣлано было торжественное объявленіе о имѣющемъ быть въ слѣдующій день бракосочетаніи. Объявленіе это возглашалъ капитанъ Преображенскаго полка Альбрехтъ, разъѣзжая при звукѣ литавръ и бубенъ по главнымъ улицамъ столицы съ унтеръ-офицеромъ и 12 рядовыми.

Наконецъ, наступилъ и вожделѣнный день свадьбы, 21-е мая. Утромъ, въ парадной залѣ, возведенной для торжества въ Лѣтнемъ саду, собрались оберъ-маршалъ свадьбы князь Меньшиковъ и маршалъ Ягужинскій съ шаферами [1]). Въ 11 часовъ былъ отправленъ за женихомъ церемоніальный поѣздъ въ домъ его. Впереди ѣхалъ придворный гофъ-фурьеръ, верхомъ; за нимъ слѣдовали 12 младшихъ шаферовъ попарно, а за ними—литаврщикъ съ 4 трубачами попарно же, 4 шафера по два врядъ и маршалъ Ягужинскій, держа передъ собою свой четырегранный маршальскій жезлъ. За Ягужинскимъ ѣхали 4 полковника, въ качествѣ „оберъ-шаферовъ“, а за ними слѣдовалъ самъ князь А. Д. Меньшиковъ съ круглымъ оберъ-маршальскимъ жезломъ въ рукѣ. Четыре генералъ-маіора, старшіе оберъ-шаферы, тоже попарно, заключали поѣздъ.

---

[1]) Шаферовъ было 24: бригадиры Зотовъ, Лихаревъ; полковники С. Сукинъ, Кампенгаузенъ, С. Блеклой, Занеманъ; лейбъ-гвардіи капитаны Измайловъ, Бобрищевъ-Пушкинъ, Бредихинъ, Бибиковъ, Танѣевъ, Бахметевъ; капитаны-лейтенанты Альбрехтъ, П. И. Мусинъ-Пушкинъ; флота командоры Бредаль, Н. Вильбуа, Мишуковъ, Зотовъ, Бенсъ, Головинъ, Мурзинъ, Ладыжинскій; фонъ-Шлейницъ и А. Дмитріевъ-Мамоновъ.

изъ Эстляндіи. Кромѣ поименованныхъ нами фрейлинъ, при дворѣ Анны было еще двѣ, такъ что всѣхъ ихъ по штату положено было шесть. Кромѣ того, въ штатъ были включены: одна камеръ-фрау, 3 камеръ-юнгферы, 20 дѣвушекъ для прислуги ко всѣмъ этимъ дамамъ, одна „комнатная“ прачка, одна повариха, и въ заключеніе, „бабушка пріемная“, всего 34 лица женскаго пола. Придворныхъ чиновъ мужскаго пола положено было по штату 27. Служителей назначено 23 человѣка; впрочемъ, въ числѣ ихъ показаны 2 камеръ-пажа и 4 пажа, да еще 22 человѣка „прислуги у экипажей“. Въ составѣ штатныхъ чиновъ двора имѣлись между прочимъ „медикусъ“, секретарь, аптекарь, копіистъ и „лейбшнейдеръ“. За устройствомъ двора послѣдовало назначеніе подарковъ голштинскимъ чинамъ, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ, конечно, стоялъ Бассевичъ, главный устроитель свадебнаго дѣла. Онъ получилъ 1.000 червонцевъ; прочіе были одарены соотвѣтственно своимъ рангамъ и значенію. 20-го мая 1725 г. сдѣлано было торжественное объявленіе о имѣющемъ быть въ слѣдующій день бракосочетаніи. Объявленіе это возглашалъ капитанъ Преображенскаго полка Альбрехтъ, разъѣзжая при звукѣ литавръ и бубенъ по главнымъ улицамъ столицы съ унтеръ-офицеромъ и 12 рядовыми.

Наконецъ, наступилъ и вожделѣнный день свадьбы, 21-е мая. Утромъ, въ парадной залѣ, возведенной для торжества въ Лѣтнемъ саду, собрались оберъ-маршалъ свадьбы князь Меньшиковъ и маршалъ Ягужинскій съ шаферами [1]). Въ 11 часовъ былъ отправленъ за женихомъ церемоніальный поѣздъ въ домъ его. Впереди ѣхалъ придворный гофъ-фурьеръ, верхомъ; за нимъ слѣдовали 12 младшихъ шаферовъ попарно, а за ними—литаврщикъ съ 4 трубачами попарно же, 4 шафера по два врядъ и маршалъ Ягужинскій, держа передъ собою свой четырегранный маршальскій жезлъ. За Ягужинскимъ ѣхали 4 полковника, въ качествѣ „оберъ-шаферовъ“, а за ними слѣдовалъ самъ князь А. Д. Меньшиковъ съ круглымъ оберъ-маршальскимъ жезломъ въ рукѣ. Четыре генералъ-маіора, старшіе оберъ-шаферы, тоже попарно, заключали поѣздъ.

---

[1]) Шаферовъ было 24: бригадиры Зотовъ, Лихаревъ; полковники С. Сукинъ, Кампенгаузенъ, С. Блеклой, Занеманъ; лейбъ-гвардіи капитаны Измайловъ, Бобрищевъ-Пушкинъ, Бредихинъ, Бибиковъ, Танѣевъ, Бахметевъ; капитаны-лейтенанты Альбрехтъ, П. И. Мусинъ-Пушкинъ; флота командоры Бредаль, Н. Вильбуа, Мишуковъ, Зотовъ, Бенсъ, Головинъ, Мурзинъ, Ладыжинскій; фонъ-Шлейницъ и А. Дмитріевъ-Мамоновъ.

Въ домѣ герцога поѣзжане, встрѣченные кавалерами, были угощены закускою. При возвращеніи во дворецъ, уже съ женихомъ, шествіе открывалъ камеръ-фурьеръ герцога поручикъ фонъ-Банкъ, съ голштинскими камеръ- и гофъ-фурьерами въ рядъ и съ шестью ординарцами отъ Преображенскаго полка. Шафера ѣхали всѣ вмѣстѣ, попарно. За Меньшиковымъ шли служители и чиновники герцога, который ѣхалъ самъ въ парадной каретѣ, запряженной шестернею цугомъ, имѣя впереди себя верхами своихъ придворныхъ: оберъ-камергера графа Бонде и гофъ-маршала Плате. По сторонамъ жениховой кареты шли съ открытыми головами 4 голштинскихъ камергера, а за каретою слѣдовали голштинскіе министры, въ предшествованіи своей прислуги.

Прибывъ къ Лѣтнему саду и выйдя изъ экипажей, маршалы и шафера провели герцога въ парадную залу и изъ нея въ апартаменты императрицы. Отсюда женихъ повелъ свою невѣсту къ парадной 18-ти весельной шлюпкѣ, которая и перевезла ихъ на другой берегъ Невы, къ собору св. Троицы. На одной шлюпкѣ съ брачною четою помѣстились всѣ принцессы и княгиня Меньшикова, а также посаженные отцы невѣсты и жениха, графы Апраксинъ и Головкинъ. Императрица переѣхала черезъ Неву въ своей шлюпкѣ, обитой чернымъ. За нею же была перевезена свита и прочія особы. Въ церкви св. Троицы императрица возложила на цесаревну орденъ св. Екатерины, еще разъ благословивъ ее на вступленіе въ бракъ. Священнодѣйствіе совершалъ архіепископъ Псковскій Ѳеофанъ, по уставамъ греческой церкви, повторяя для жениха всѣ главныя слова молитвъ на латинскомъ языкѣ. Послѣ вѣнчанія, тѣмъ же порядкомъ, при пушечной пальбѣ съ крѣпостей и яхтъ, стоявшихъ на Невѣ, совершенъ былъ переѣздъ свадебнаго кортежа и гостей въ парадную залу, гдѣ тотчасъ всѣ усѣлись за великолѣпно убранные столы. Въ продолженіе обѣда, при каждомъ тостѣ, раздавались звуки литавръ и трубъ и залпы артиллеріи. При послѣдней же перемѣнѣ кушаньевъ, на столъ жениха и невѣсты поставили два огромные пастета. Когда сняли съ нихъ крышки, изъ пастета невѣсты выскочилъ карликъ, въ костюмѣ скорохода, съ бутылкою и стаканомъ въ рукахъ; изъ пастета же, стоявшаго противъ жениха, появилась карлица. Въ заключеніи чета этихъ уродцевъ „съ глубокими реверансами“ протанцовала вокругъ стола.

Обѣдъ длился до 8 часовъ вечера; затѣмъ, все общество, вмѣстѣ съ четою новобрачныхъ, перешло черезъ садъ на Царицынъ лугъ,

Въ домѣ герцога поѣзжане, встрѣченные кавалерами, были угощены закускою. При возвращеніи во дворецъ, уже съ женихомъ, шествіе открывалъ камеръ-фурьеръ герцога поручикъ фонъ-Банкъ, съ голштинскими камеръ- и гофъ-фурьерами въ рядъ и съ шестью ординарцами отъ Преображенскаго полка. Шафера ѣхали всѣ вмѣстѣ, попарно. За Меньшиковымъ шли служители и чиновники герцога, который ѣхалъ самъ въ парадной каретѣ, запряженной шестернею цугомъ, имѣя впереди себя верхами своихъ придворныхъ: оберъ-камергера графа Бонде и гофъ-маршала Плате. По сторонамъ жениховой кареты шли съ открытыми головами 4 голштинскихъ камергера, а за каретою слѣдовали голштинскіе министры, въ предшествованіи своей прислуги.

Прибывъ къ Лѣтнему саду и выйдя изъ экипажей, маршалы и шафера провели герцога въ парадную залу и изъ нея въ апартаменты императрицы. Отсюда женихъ повелъ свою невѣсту къ парадной 18-ти весельной шлюпкѣ, которая и перевезла ихъ на другой берегъ Невы, къ собору св. Троицы. На одной шлюпкѣ съ брачною четою помѣстились всѣ принцессы и княгиня Меньшикова, а также посаженные отцы невѣсты и жениха, графы Апраксинъ и Головкинъ. Императрица переѣхала черезъ Неву въ своей шлюпкѣ, обитой чернымъ. За нею же была перевезена свита и прочія особы. Въ церкви св. Троицы императрица возложила на цесаревну орденъ св. Екатерины, еще разъ благословивъ ее на вступленіе въ бракъ. Священнодѣйствіе совершалъ архіепископъ Псковскій Ѳеофанъ, по уставамъ греческой церкви, повторяя для жениха всѣ главныя слова молитвъ на латинскомъ языкѣ. Послѣ вѣнчанія, тѣмъ же порядкомъ, при пушечной пальбѣ съ крѣпостей и яхтъ, стоявшихъ на Невѣ, совершенъ былъ переѣздъ свадебнаго кортежа и гостей въ парадную залу, гдѣ тотчасъ всѣ усѣлись за великолѣпно убранные столы. Въ продолженіе обѣда, при каждомъ тостѣ, раздавались звуки литавръ и трубъ и залпы артиллеріи. При послѣдней же перемѣнѣ кушаньевъ, на столъ жениха и невѣсты поставили два огромные пастета. Когда сняли съ нихъ крышки, изъ пастета невѣсты выскочилъ карликъ, въ костюмѣ скорохода, съ бутылкою и стаканомъ въ рукахъ; изъ пастета же, стоявшаго противъ жениха, появилась карлица. Въ заключеніи чета этихъ уродцевъ „съ глубокими реверансами“ протанцовала вокругъ стола.

Обѣдъ длился до 8 часовъ вечера; затѣмъ, все общество, вмѣстѣ съ четою новобрачныхъ, перешло черезъ садъ на Царицынъ лугъ,

гдѣ были выстроены оба полка гвардіи. Туда же пожаловала и императрица, при появленіи которой заиграла музыка, а войска, отдавъ честь царскому семейству, выстрѣлили три раза. Затѣмъ изъ фонтановъ, устроенныхъ подлѣ жареныхъ быковъ на лугу, пущено было бѣлое и красное вино. Высочайшія особы смотрѣли, какъ народъ пользовался этимъ приготовленнымъ для него угощеніемъ. Въ 10 часовъ вечера гости, не принадлежащіе къ свитамъ, разъѣхались. Особы же царской фамиліи и лица, состоявшія въ свитахъ ихъ, воротились въ залу, откуда послѣдовалъ и отъѣздъ новобрачныхъ, послѣ трогательнаго прощанія съ императрицею. Герцогъ повелъ самъ свою супругу къ каретѣ, запряженной осмью гнѣдыми лошадьми; за ними слѣдовала пустая карета, въ которой ѣхалъ герцогъ утромъ. Вступивъ въ свой домъ, цесаревна Анна Петровна сняла въ большой залѣ великокняжескую мантію и сѣла за столъ, уставленный сластями; за нимъ пробыла она еще съ часъ времени до проводовъ въ спальню. „Такъ кончился“, говоритъ Берхгольцъ, „этотъ первый торжественный день свадьбы; во всемъ соблюденъ былъ величайшій порядокъ, и все прошло весело, радостно и благополучно“.

Не такова была дальнѣйшая жизнь великой княгини въ замужествѣ. Мнимая любовь герцога къ Аннѣ Петровнѣ не замедлила разоблачиться. Вскорѣ стали происходить размолвки между новобрачными; пристрастіе герцога къ крѣпкимъ напиткамъ, которое до свадьбы было не такъ явно, тоже мало по малу, какъ кажется, сдѣлалось причиною обоюднаго охлажденія супруговъ. Къ этому присоединились еще вспышки неосновательной ревности герцога. Такъ, Бассевичъ разсказываетъ, что Карлу-Фридриху показалось излишнимъ вниманіе, оказываемое его супругою молодому графу Тессину, шведскому посланнику, проявившему большое усердіе къ дѣлу герцога о Голштинскомъ наслѣдованіи, между тѣмъ какъ внимательность эта была только наградою за услуги графа. Не вникнувъ въ сущность дѣла, Карлъ-Фридрихъ настоялъ на удаленіи Тессина, что, конечно, оскорбило великую княгиню, чувствовавшую всю незаслуженность мужнина подозрѣнія. Медовые мѣсяцы супружества протекли впрочемъ въ удовольствіяхъ. Императрица съ четою новобрачныхъ часто совершала увеселительныя прогулки въ Кронштадтъ и Петергофъ. Ѣздили по окрестностямъ столицы и одни новобрачные. Такъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ были они на свадьбѣ графа Бонде на мызѣ Поль, за Нарвою, и провели тамъ десять дней (съ 18-го по 28-е іюня); въ концѣ сентября они совершили поѣздку въ Шлиссельбургъ и на Ладожскій ка-

гдѣ были выстроены оба полка гвардіи. Туда же пожаловала и императрица, при появленіи которой заиграла музыка, а войска, отдавъ честь царскому семейству, выстрѣлили три раза. Затѣмъ изъ фонтановъ, устроенныхъ подлѣ жареныхъ быковъ на лугу, пущено было бѣлое и красное вино. Высочайшія особы смотрѣли, какъ народъ пользовался этимъ приготовленнымъ для него угощеніемъ. Въ 10 часовъ вечера гости, не принадлежащіе къ свитамъ, разъѣхались. Особы же царской фамиліи и лица, состоявшія въ свитахъ ихъ, воротились въ залу, откуда послѣдовалъ и отъѣздъ новобрачныхъ, послѣ трогательнаго прощанія съ императрицею. Герцогъ повелъ самъ свою супругу къ каретѣ, запряженной осмью гнѣдыми лошадьми; за ними слѣдовала пустая карета, въ которой ѣхалъ герцогъ утромъ. Вступивъ въ свой домъ, цесаревна Анна Петровна сняла въ большой залѣ великокняжескую мантію и сѣла за столъ, уставленный сластями; за нимъ пробыла она еще съ часъ времени до проводовъ въ спальню. „Такъ кончился“, говоритъ Берхгольцъ, „этотъ первый торжественный день свадьбы; во всемъ соблюденъ былъ величайшій порядокъ, и все прошло весело, радостно и благополучно“.

Не такова была дальнѣйшая жизнь великой княгини въ замужествѣ. Мнимая любовь герцога къ Аннѣ Петровнѣ не замедлила разоблачиться. Вскорѣ стали происходить размолвки между новобрачными; пристрастіе герцога къ крѣпкимъ напиткамъ, которое до свадьбы было не такъ явно, тоже мало по малу, какъ кажется, сдѣлалось причиною обоюднаго охлажденія супруговъ. Къ этому присоединились еще вспышки неосновательной ревности герцога. Такъ, Бассевичъ разсказываетъ, что Карлу-Фридриху показалось излишнимъ вниманіе, оказываемое его супругою молодому графу Тессину, шведскому посланнику, проявившему большое усердіе къ дѣлу герцога о Голштинскомъ наслѣдованіи, между тѣмъ какъ внимательность эта была только наградою за услуги графа. Не вникнувъ въ сущность дѣла, Карлъ-Фридрихъ настоялъ на удаленіи Тессина, что, конечно, оскорбило великую княгиню, чувствовавшую всю незаслуженность мужнина подозрѣнія. Медовые мѣсяцы супружества протекли впрочемъ въ удовольствіяхъ. Императрица съ четою новобрачныхъ часто совершала увеселительныя прогулки въ Кронштадтъ и Петергофъ. Ѣздили по окрестностямъ столицы и одни новобрачные. Такъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ были они на свадьбѣ графа Бонде на мызѣ Поль, за Нарвою, и провели тамъ десять дней (съ 18-го по 28-е іюня); въ концѣ сентября они совершили поѣздку въ Шлиссельбургъ и на Ладожскій ка-

налъ, по приглашенію Миниха. Во время этой поѣздки въ деревнѣ Лавѣ, на ночлегѣ, пустой случай проявилъ всю доброту прекрасной души герцогини Анны Петровны. Въ домѣ, гдѣ остановились молодые супруги, оказалось много дѣтей: молодая герцогиня тотчасъ же собрала ихъ всѣхъ къ себѣ и, забавляясь съ ними, совершенно забыла неудобства бѣднаго помѣщенія. Утромъ явились дѣти и въ квартиру гофмейстерины, гдѣ высокіе путешественники кушали кофе и чай. Здѣсь еще разъ молодая цесаревна предалась любви своей къ дѣтямъ: заставила ихъ пѣть, раздавала имъ деньги и уѣхала, очень довольная ночлегомъ. Разсказывая объ этомъ случаѣ, Берхгольцъ замѣчаетъ: „Вообще ея высочество легко умѣетъ мириться со всякимъ положеніемъ“.

Именины цесаревны въ 1726 году праздновались торжественно. У герцога было „учинено трактованіе, при обыкновенной у стола музыкѣ, при пушечной пальбѣ, съ великою магнифиценціею“. Домъ герцога былъ иллюминованъ „въ препзрядныхъ разныхъ эмблемахъ“. Императрица послала именинницѣ въ подарокъ „два зеркала, одно настольное, другое ручное, чернильницу, да ларчикъ съ зеркаломъ же и многія иныя галантеріи столовыя и зепьныя [1]), украшенныя брилліантами и прочими алмазами, да золотой посуды: лоханъ съ рукомойникомъ, стаканомъ съ крышкою, поднось съ чаркою и съ иною мелкою посудою, принадлежащею до стола, да особливо его королевскому высочеству кубъ золотой“.

10-го февраля 1726 года былъ учрежденъ верховный тайный совѣтъ, и въ первое же засѣданіе его было положено: согласно желанію императрицы, принять вооруженное посредничество въ дѣлѣ Голштиніи съ Даніею, вооружить флотъ къ веснѣ и снарядить пѣхотный корпусъ въ 20.000 человѣкъ, для чего теперь же заготовлять провіантъ, также вступить въ соглашеніе съ Австріей и Швеціей о принужденіи Даніи очистить Шлезвигъ. 17-го февраля, совершенно неожиданно для Меньшикова, начинавшаго уже не любить герцога Голштинскаго или, лучше сказать, видѣть въ немъ соперника по вліянію на императрицу,—Макаровъ объявилъ высочайшую волю, чтобы герцогъ засѣдалъ въ совѣтѣ. Меньшиковъ не хотѣлъ этому вѣрить; нѣсколько разъ переспрашивалъ онъ Макарова: такъ ли онъ разслушалъ высочайшую волю и, не удовольствовавшись положительнымъ отвѣтомъ, самъ поѣхалъ къ

---

[1]) Вѣроятно, такія, которыя входили въ составъ костюма; такъ напримѣръ, карманные часы назывались *зепными*.

налъ, по приглашенію Миниха. Во время этой поѣздки въ деревнѣ Лавѣ, на ночлегѣ, пустой случай проявилъ всю доброту прекрасной души герцогини Анны Петровны. Въ домѣ, гдѣ остановились молодые супруги, оказалось много дѣтей: молодая герцогиня тотчасъ же собрала ихъ всѣхъ къ себѣ и, забавляясь съ ними, совершенно забыла неудобства бѣднаго помѣщенія. Утромъ явились дѣти и въ квартиру гофмейстерины, гдѣ высокіе путешественники кушали кофе и чай. Здѣсь еще разъ молодая цесаревна предалась любви своей къ дѣтямъ: заставила ихъ пѣть, раздавала имъ деньги и уѣхала, очень довольная ночлегомъ. Разсказывая объ этомъ случаѣ, Берхгольцъ замѣчаетъ: „Вообще ея высочество легко умѣетъ мириться со всякимъ положеніемъ“.

Именины цесаревны въ 1726 году праздновались торжественно. У герцога было „учинено трактованіе, при обыкновенной у стола музыкѣ, при пушечной пальбѣ, съ великою магнифиценціею“. Домъ герцога былъ иллюминованъ „въ препзрядныхъ разныхъ эмблемахъ“. Императрица послала именинницѣ въ подарокъ „два зеркала, одно настольное, другое ручное, чернильницу, да ларчикъ съ зеркаломъ же и многія иныя галантеріи столовыя и зепьныя [1]), украшенныя брилліантами и прочими алмазами, да золотой посуды: лоханъ съ рукомойникомъ, стаканомъ съ крышкою, поднось съ чаркою и съ иною мелкою посудою, принадлежащею до стола, да особливо его королевскому высочеству кубъ золотой“.

10-го февраля 1726 года былъ учрежденъ верховный тайный совѣтъ, и въ первое же засѣданіе его было положено: согласно желанію императрицы, принять вооруженное посредничество въ дѣлѣ Голштиніи съ Даніею, вооружить флотъ къ веснѣ и снарядить пѣхотный корпусъ въ 20.000 человѣкъ, для чего теперь же заготовлять провіантъ, также вступить въ соглашеніе съ Австріей и Швеціей о принужденіи Даніи очистить Шлезвигъ. 17-го февраля, совершенно неожиданно для Меньшикова, начинавшаго уже не любить герцога Голштинскаго или, лучше сказать, видѣть въ немъ соперника по вліянію на императрицу,—Макаровъ объявилъ высочайшую волю, чтобы герцогъ засѣдалъ въ совѣтѣ. Меньшиковъ не хотѣлъ этому вѣрить; нѣсколько разъ переспрашивалъ онъ Макарова: такъ ли онъ разслушалъ высочайшую волю и, не удовольствовавшись положительнымъ отвѣтомъ, самъ поѣхалъ къ

---

[1]) Вѣроятно, такія, которыя входили въ составъ костюма; такъ напримѣръ, карманные часы назывались *зепными*.

императрицѣ, но не успѣлъ достигнуть отмѣны назначенія герцога. Спустя четыре дня, герцогъ въ первый разъ присутствовалъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, а на слѣдующее засѣданіе, происходившее во дворцѣ, представилъ мнѣніе о распредѣленіи слушанія дѣлъ: по средамъ — внутреннихъ, а по пятницамъ — чужестранныхъ. Представлялъ онъ еще о перемѣнѣ названія сената вмѣсто „правительствующаго“ на „высокій“ и нѣсколько другихъ мелочныхъ формальностей. Только подобныя вещи да наружныя почести и занимали герцога. Его любовь къ наружнымъ преимуществамъ, чѣмъ отличался впрочемъ и самъ Меньшиковъ, были первою причиною ненависти къ нему послѣдняго.

Пожалованіе въ члены верховнаго тайнаго совѣта было яблокомъ раздора между герцогомъ и Меньшиковымъ. Чтобы смягчить для послѣдняго этотъ ударъ, 19-го марта, въ день имянинъ жены его, императрица сама возложила на нее „кавалерію св. Екатерины“, а чрезъ день, пожаловала жениха его дочери, графа Сапѣгу орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ день Пасхи новое назначеніе герцога подполковникомъ Преображенскаго полка возмутило Меньшикова еще болѣе прежняго. Между тѣмъ было уже поздно предпринимать противъ этого какія-либо мѣры. Благосклонность императрицы къ зятю росла день ото дня все болѣе и болѣе. Ждали вскрытія рѣкъ, чтобъ начать военныя дѣйствія противъ Даніи. Но вотъ наступила весна, и нежданно-негаданно пришла въ Финскій заливъ англійская эскадра, подъ командою адмирала Норриса и воспрепятствовала нашему флоту выйдти изъ портовъ. Слабая Данія, слыша о приготовленіяхъ Россіи, чего не считали нужнымъ скрывать, успѣла найдти защитника въ Англійскомъ королѣ, пославшемъ эскадру, которая и успѣла предупредить дѣйствія русскаго двора. Неожиданная остановка, конечно, возбудила протестаціи нашего кабинета, но на этихъ протестаціяхъ дѣло и кончилось. Компанія 1726 года не состоялась, и хотя можетъ быть съ неудовольствіемъ, но русскому правительству, пришлось возложить надежды на будущій годъ, давъ себѣ слово быть осторожнѣе и не распространять заранѣе слуховъ о томъ, что предполагалось дѣлать.

Меньшиковъ, не успѣвшій въ своемъ искательствѣ на престолъ Курляндіи, былъ счастливѣе въ Петербургѣ, гдѣ со времени своего возвращенія, онъ снова пріобрѣлъ себѣ полную довѣренность государыни. Между тѣмъ какъ даже члены августѣйшаго семейства не всегда допускались къ ней, онъ безпрепятственно пользо-

императрицѣ, но не успѣлъ достигнуть отмѣны назначенія герцога. Спустя четыре дня, герцогъ въ первый разъ присутствовалъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, а на слѣдующее засѣданіе, происходившее во дворцѣ, представилъ мнѣніе о распредѣленіи слушанія дѣлъ: по средамъ — внутреннихъ, а по пятницамъ — чужестранныхъ. Представлялъ онъ еще о перемѣнѣ названія сената вмѣсто „правительствующаго“ на „высокій“ и нѣсколько другихъ мелочныхъ формальностей. Только подобныя вещи да наружныя почести и занимали герцога. Его любовь къ наружнымъ преимуществамъ, чѣмъ отличался впрочемъ и самъ Меньшиковъ, были первою причиною ненависти къ нему послѣдняго.

Пожалованіе въ члены верховнаго тайнаго совѣта было яблокомъ раздора между герцогомъ и Меньшиковымъ. Чтобы смягчить для послѣдняго этотъ ударъ, 19-го марта, въ день имянинъ жены его, императрица сама возложила на нее „кавалерію св. Екатерины“, а чрезъ день, пожаловала жениха его дочери, графа Сапѣгу орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ день Пасхи новое назначеніе герцога подполковникомъ Преображенскаго полка возмутило Меньшикова еще болѣе прежняго. Между тѣмъ было уже поздно предпринимать противъ этого какія-либо мѣры. Благосклонность императрицы къ зятю росла день ото дня все болѣе и болѣе. Ждали вскрытія рѣкъ, чтобъ начать военныя дѣйствія противъ Даніи. Но вотъ наступила весна, и нежданно-негаданно пришла въ Финскій заливъ англійская эскадра, подъ командою адмирала Норриса и воспрепятствовала нашему флоту выйдти изъ портовъ. Слабая Данія, слыша о приготовленіяхъ Россіи, чего не считали нужнымъ скрывать, успѣла найдти защитника въ Англійскомъ королѣ, пославшемъ эскадру, которая и успѣла предупредить дѣйствія русскаго двора. Неожиданная остановка, конечно, возбудила протестаціи нашего кабинета, но на этихъ протестаціяхъ дѣло и кончилось. Компанія 1726 года не состоялась, и хотя можетъ быть съ неудовольствіемъ, но русскому правительству, пришлось возложить надежды на будущій годъ, давъ себѣ слово быть осторожнѣе и не распространять заранѣе слуховъ о томъ, что предполагалось дѣлать.

Меньшиковъ, не успѣвшій въ своемъ искательствѣ на престолъ Курляндіи, былъ счастливѣе въ Петербургѣ, гдѣ со времени своего возвращенія, онъ снова пріобрѣлъ себѣ полную довѣренность государыни. Между тѣмъ какъ даже члены августѣйшаго семейства не всегда допускались къ ней, онъ безпрепятственно пользо-

вался этимъ правомъ. Въ октябрѣ 1726 года пріѣхалъ двоюродный братъ герцога Карла-Фридриха, принцъ Людвигъ Эйтинскій, приглашенный для соединенія узами брака съ цесаревною Елизаветою. Онъ очень понравился императрицѣ и, кажется, на столько же приглянулся и предполагаемой невѣстѣ; но самую цѣль пріѣзда принца скрывали отъ всѣхъ, боясь Меньшикова. Возвращеніемъ вліянія на императрицу Меньшиковъ на этотъ разъ былъ обязанъ самому Карлу-Фридриху, заступившемуся за него, тогда какъ ему открывался удобный случай освободиться отъ этого страшнаго человѣка.

Новый 1727 годъ наступилъ радостно. Императрица чувствовала себя здоровою и была еще въ такихъ годахъ, когда все предвѣщало ей жизнь продолжительную. Но излишнее пользованіе удовольствіями и употребленіе вреднаго средства для скрытія ихъ послѣдствій почти внезапно развили въ ней, въ концѣ апрѣля, опасную болѣзнь, которая стала дѣйствовать такъ разрушительно, что меньше чѣмъ въ двѣ недѣли, именно 6-го мая вечеромъ, Екатерины Алексѣевны не стало.

Противники Меншикова подняли было голову еще во время тяжкой болѣзни императрицы, но любимецъ князь не дремалъ. Воспользовавшись тѣмъ, что зять его Девіэръ не соблюлъ условій придворнаго этикета, онъ успѣлъ вывести изъ этого государственное преступленіе — оскорбленіе величества, и въ лицѣ Девіэра подавилъ своихъ противниковъ. Обезсиливъ ихъ внезапностью отважнаго нападенія, онъ для видовъ своихъ воспользовался послѣдними днями монархини и, составивъ отъ ея имени завѣщаніе, заставилъ цесаревну Елизавету, какъ обыкновенно, подписать его за мать. Въ силу этого-то завѣщанія (уничтоженнаго императрицею Анною Ивановною), престолъ передавался сыну Алексѣя Петровича, Петру Алексѣевичу, но съ тѣмъ, что послѣдній до совершеннолѣтія долженъ былъ остаться подъ опекою совѣта, первыми членами котораго были назначены обѣ цесаревны и герцогъ Карлъ-Фридрихъ. многіе изъ вліятельныхъ лицъ полагали, что теперь Анна Петровна займетъ первое мѣсто и въ совѣтѣ, и въ управленіи не на словахъ только, но и на самомъ дѣлѣ. „Она умильна собою, и пріемна, и умна, походитъ на отца“, говорилъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, согласно съ которымъ думали, вѣроятно, очень многіе, надѣясь, что Анна Петровна съумѣетъ дать совѣту благоразумныя указанія относительно его обязанностей; полагаясь на самостоятельность ея характера и знаніе въ дѣлахъ, предполагали, что у нея

вался этимъ правомъ. Въ октябрѣ 1726 года пріѣхалъ двоюродный братъ герцога Карла-Фридриха, принцъ Людвигъ Эйтинскій, приглашенный для соединенія узами брака съ цесаревною Елизаветою. Онъ очень понравился императрицѣ и, кажется, на столько же приглянулся и предполагаемой невѣстѣ; но самую цѣль пріѣзда принца скрывали отъ всѣхъ, боясь Меньшикова. Возвращеніемъ вліянія на императрицу Меньшиковъ на этотъ разъ былъ обязанъ самому Карлу-Фридриху, заступившемуся за него, тогда какъ ему открывался удобный случай освободиться отъ этого страшнаго человѣка.

Новый 1727 годъ наступилъ радостно. Императрица чувствовала себя здоровою и была еще въ такихъ годахъ, когда все предвѣщало ей жизнь продолжительную. Но излишнее пользованіе удовольствіями и употребленіе вреднаго средства для скрытія ихъ послѣдствій почти внезапно развили въ ней, въ концѣ апрѣля, опасную болѣзнь, которая стала дѣйствовать такъ разрушительно, что меньше чѣмъ въ двѣ недѣли, именно 6-го мая вечеромъ, Екатерины Алексѣевны не стало.

Противники Меншикова подняли было голову еще во время тяжкой болѣзни императрицы, но любимецъ князь не дремалъ. Воспользовавшись тѣмъ, что зять его Девіэръ не соблюлъ условій придворнаго этикета, онъ успѣлъ вывести изъ этого государственное преступленіе — оскорбленіе величества, и въ лицѣ Девіэра подавилъ своихъ противниковъ. Обезсиливъ ихъ внезапностью отважнаго нападенія, онъ для видовъ своихъ воспользовался послѣдними днями монархини и, составивъ отъ ея имени завѣщаніе, заставилъ цесаревну Елизавету, какъ обыкновенно, подписать его за мать. Въ силу этого-то завѣщанія (уничтоженнаго императрицею Анною Ивановною), престолъ передавался сыну Алексѣя Петровича, Петру Алексѣевичу, но съ тѣмъ, что послѣдній до совершеннолѣтія долженъ былъ остаться подъ опекою совѣта, первыми членами котораго были назначены обѣ цесаревны и герцогъ Карлъ-Фридрихъ. многіе изъ вліятельныхъ лицъ полагали, что теперь Анна Петровна займетъ первое мѣсто и въ совѣтѣ, и въ управленіи не на словахъ только, но и на самомъ дѣлѣ. „Она умильна собою, и пріемна, и умна, походитъ на отца“, говорилъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, согласно съ которымъ думали, вѣроятно, очень многіе, надѣясь, что Анна Петровна съумѣетъ дать совѣту благоразумныя указанія относительно его обязанностей; полагаясь на самостоятельность ея характера и знаніе въ дѣлахъ, предполагали, что у нея

хватитъ силы воли и рѣшимости противостоять вліянію Меньшикова. Но надежды эти не сбылись. Цесаревна много довѣряла своему супругу, а тотъ, какъ мы сказали выше, думалъ болѣе о наружныхъ почестяхъ, чѣмъ о сущности самой власти; онъ пожелалъ быть генералиссимусомъ русскихъ войскъ и обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Спустя пять дней по кончинѣ императрицы, Меньшиковъ произвелъ себя въ генералиссимусы, а спустя еще десять дней, сговорилъ за несовершеннолѣтняго государя дочь свою княжну Марію Александровну.

При такомъ положеніи дѣлъ голштинскіе министры подали въ верховный совѣтъ, отъ имени герцога Карла-Фридриха, меморіалъ, которымъ требовались: выдача цесаревнамъ Аннѣ и Елизаветѣ копіи съ завѣщанія матери, опредѣленіе коммисаровъ для описи оставшихся послѣ императрицы драгоцѣнностей, назначеніе герцогу и герцогинѣ Голштинскимъ содержанія по 100.000 рублей въ годъ и опредѣленіе условій, на коихъ долженъ былъ уплачиваться завѣщанный царевнамъ милліонъ рублей. Испрашивались также: покупка, для голштинскаго посольства, дома въ Петербургѣ и разрѣшеніе свитѣ герцога занять нѣсколько комнатъ въ академіи. Всѣ эти требованія были оставлены безъ отвѣта, и только спустя мѣсяцъ, именно 27-го іюня, отъ Бассевича потребовали, чтобы герцогъ далъ объясненіе относительно употребленія денегъ, выданныхъ въ приданое цесаревнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оберъ-гофмейстеру Голштинскаго двора Нарышкину наказывалось, чтобъ онъ подалъ представленіе самой цесаревны о томъ, получаетъ ли она что изъ денегъ, отпущенныхъ въ приданое, или съ нихъ проценты? Нарышкинъ былъ обязанъ доставить отзывъ ея высочества въ верховный тайный совѣтъ. Подобное требованіе было уже слишкомъ безцеремонно и явно клонилось къ оскорбленію герцога.

Послѣ этого и послѣ словъ, сказанныхъ Меньшиковымъ Бассевичу, что герцогу не дурно бы уѣхать, „ибо ему, яко природному Шведу, не довѣряютъ“, Карлу-Фридриху, дѣйствительно, не оказывалось возможности далѣе оставаться въ Петербургѣ. Въ слѣдствіе того на слѣдующій же день, 28-го іюня, Штамбке и Бассевичъ подали въ совѣтъ меморіалъ о намѣреніи ихъ высочествъ отъѣхать въ Голштинію. Въ четырнадцати пунктахъ этого документа заключались требованія: о возобновленіи трактатовъ и секретныхъ статей Петра I съ Швеціей въ пользу герцога и съ нимъ самимъ; о сохраненіи въ полной силѣ конвенціи императрицы съ Австріей

хватитъ силы воли и рѣшимости противостоять вліянію Меньшикова. Но надежды эти не сбылись. Цесаревна много довѣряла своему супругу, а тотъ, какъ мы сказали выше, думалъ болѣе о наружныхъ почестяхъ, чѣмъ о сущности самой власти; онъ пожелалъ быть генералиссимусомъ русскихъ войскъ и обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Спустя пять дней по кончинѣ императрицы, Меньшиковъ произвелъ себя въ генералиссимусы, а спустя еще десять дней, сговорилъ за несовершеннолѣтняго государя дочь свою княжну Марію Александровну.

При такомъ положеніи дѣлъ голштинскіе министры подали въ верховный совѣтъ, отъ имени герцога Карла-Фридриха, меморіалъ, которымъ требовались: выдача цесаревнамъ Аннѣ и Елизаветѣ копіи съ завѣщанія матери, опредѣленіе коммисаровъ для описи оставшихся послѣ императрицы драгоцѣнностей, назначеніе герцогу и герцогинѣ Голштинскимъ содержанія по 100.000 рублей въ годъ и опредѣленіе условій, на коихъ долженъ былъ уплачиваться завѣщанный царевнамъ милліонъ рублей. Испрашивались также: покупка, для голштинскаго посольства, дома въ Петербургѣ и разрѣшеніе свитѣ герцога занять нѣсколько комнатъ въ академіи. Всѣ эти требованія были оставлены безъ отвѣта, и только спустя мѣсяцъ, именно 27-го іюня, отъ Бассевича потребовали, чтобы герцогъ далъ объясненіе относительно употребленія денегъ, выданныхъ въ приданое цесаревнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оберъ-гофмейстеру Голштинскаго двора Нарышкину наказывалось, чтобъ онъ подалъ представленіе самой цесаревны о томъ, получаетъ ли она что изъ денегъ, отпущенныхъ въ приданое, или съ нихъ проценты? Нарышкинъ былъ обязанъ доставить отзывъ ея высочества въ верховный тайный совѣтъ. Подобное требованіе было уже слишкомъ безцеремонно и явно клонилось къ оскорбленію герцога.

Послѣ этого и послѣ словъ, сказанныхъ Меньшиковымъ Бассевичу, что герцогу не дурно бы уѣхать, „ибо ему, яко природному Шведу, не довѣряютъ“, Карлу-Фридриху, дѣйствительно, не оказывалось возможности далѣе оставаться въ Петербургѣ. Въ слѣдствіе того на слѣдующій же день, 28-го іюня, Штамбке и Бассевичъ подали въ совѣтъ меморіалъ о намѣреніи ихъ высочествъ отъѣхать въ Голштинію. Въ четырнадцати пунктахъ этого документа заключались требованія: о возобновленіи трактатовъ и секретныхъ статей Петра I съ Швеціей въ пользу герцога и съ нимъ самимъ; о сохраненіи въ полной силѣ конвенціи императрицы съ Австріей

и о выдачѣ герцогу копіи съ этой конвенціи. Равно требовалась еще разъ и копія съ завѣщанія императрицы. Относительно денежныхъ производствъ въ меморіалѣ заключались требованія немедленнаго отпуска на этотъ годъ 100.000 руб., выдачи теперь же 200.000 руб. на путевыя издержки въ счетъ 1 милліона руб., съ разсрочкою остальныхъ 800.000 руб. „на восемь лѣтъ по ровну", и съ тѣмъ, чтобъ ежегодная выдача 100.000 руб. была производима къ 24-му іюля, безъ отмѣны ежегоднаго отпуска 100.000 руб., назначенныхъ до возвращенія Шлезвига. Карлъ-Фридрихъ просилъ также ускорить раздѣломъ наслѣдства матери между цесаревнами до отъѣзда его супруги. Для отправленія своего герцогъ требовалъ приличнаго транспорта и, наконецъ, просилъ уступить въ его пользу казенный долгъ, состоящій на Англичанинѣ Марсеѣ. На другой день верховному тайному совѣту была доставлена квитанція въ полученіи герцогомъ 300.000 руб. приданаго, причемъ голштинскіе министры были увѣдомлены, что меморіалъ принятъ, но признана невозможною и неприличною выдача копій съ завѣщанія, тѣмъ болѣе, „что сія копія его королевскому высочеству не потребна". Что же касается до наслѣдованія шведскаго престола, то совѣтъ отвѣтилъ, что „сіе состоитъ въ волѣ его императорскаго величества Всероссійскаго, и никто посторонній въ сіе дѣло вмѣшаться не можетъ". Князь Меньшиковъ, захвативъ себѣ 60.000 руб. изъ выданныхъ супругу цесаревны 200.000 руб., далъ впрочемъ росписку въ нихъ и притомъ хвалился мнимыми услугами герцогу при составленіи завѣщанія императрицы. Сверхъ того, онъ обязалъ еще Карла-Фридриха заплатить ему впредь 20.000 руб. и потомъ вытребовалъ отъ барона Штамбке 2.000 руб. въ счетъ выговоренной половины изъ казеннаго долга купца Марсея, уступленнаго императоромъ герцогу Голштинскому.

Въ верховномъ совѣтѣ, при разсужденіи о дачѣ транспорта герцогу Голштинскому, положено было (3-го іюля) назначить для того фрегатъ и шесть ластовыхъ судовъ. На требованіе же герцогомъ кораблей, въ извиненіе отказа, было сказано: „что какъ будутъ они съ грузомъ, то нельзя ихъ провести Невою". Посланникомъ въ Голштинію, вмѣсто Головкина, за котораго просила Анна Петровна, былъ назначенъ Артемій Петровичъ Волынскій. При разсужденіи же объ отпускѣ милліона, положено было, чтобъ эти деньги герцогъ обязался расходовать по волѣ цесаревны, и чтобъ она могла быть увѣрена въ сохранности своего капитала. Наконецъ, согласились и о выдачѣ акта относительно обязательства державъ, заключав-

и о выдачѣ герцогу копіи съ этой конвенціи. Равно требовалась еще разъ и копія съ завѣщанія императрицы. Относительно денежныхъ производствъ въ меморіалѣ заключались требованія немедленнаго отпуска на этотъ годъ 100.000 руб., выдачи теперь же 200.000 руб. на путевыя издержки въ счетъ 1 милліона руб., съ разсрочкою остальныхъ 800.000 руб. „на восемь лѣтъ по ровну", и съ тѣмъ, чтобъ ежегодная выдача 100.000 руб. была производима къ 24-му іюля, безъ отмѣны ежегоднаго отпуска 100.000 руб., назначенныхъ до возвращенія Шлезвига. Карлъ-Фридрихъ просилъ также ускорить раздѣломъ наслѣдства матери между цесаревнами до отъѣзда его супруги. Для отправленія своего герцогъ требовалъ приличнаго транспорта и, наконецъ, просилъ уступить въ его пользу казенный долгъ, состоящій на Англичанинѣ Марсеѣ. На другой день верховному тайному совѣту была доставлена квитанція въ полученіи герцогомъ 300.000 руб. приданаго, причемъ голштинскіе министры были увѣдомлены, что меморіалъ принятъ, но признана невозможною и неприличною выдача копій съ завѣщанія, тѣмъ болѣе, „что сія копія его королевскому высочеству не потребна". Что же касается до наслѣдованія шведскаго престола, то совѣтъ отвѣтилъ, что „сіе состоитъ въ волѣ его императорскаго величества Всероссійскаго, и никто посторонній въ сіе дѣло вмѣшаться не можетъ". Князь Меньшиковъ, захвативъ себѣ 60.000 руб. изъ выданныхъ супругу цесаревны 200.000 руб., далъ впрочемъ росписку въ нихъ и притомъ хвалился мнимыми услугами герцогу при составленіи завѣщанія императрицы. Сверхъ того, онъ обязалъ еще Карла-Фридриха заплатить ему впредь 20.000 руб. и потомъ вытребовалъ отъ барона Штамбке 2.000 руб. въ счетъ выговоренной половины изъ казеннаго долга купца Марсея, уступленнаго императоромъ герцогу Голштинскому.

Въ верховномъ совѣтѣ, при разсужденіи о дачѣ транспорта герцогу Голштинскому, положено было (3-го іюля) назначить для того фрегатъ и шесть ластовыхъ судовъ. На требованіе же герцогомъ кораблей, въ извиненіе отказа, было сказано: „что какъ будутъ они съ грузомъ, то нельзя ихъ провести Невою". Посланникомъ въ Голштинію, вмѣсто Головкина, за котораго просила Анна Петровна, былъ назначенъ Артемій Петровичъ Волынскій. При разсужденіи же объ отпускѣ милліона, положено было, чтобъ эти деньги герцогъ обязался расходовать по волѣ цесаревны, и чтобъ она могла быть увѣрена въ сохранности своего капитала. Наконецъ, согласились и о выдачѣ акта относительно обязательства державъ, заключав-

шихъ конвенціи, но при представленіи девяти квитанцій на деньги, члены совѣта, замѣтивъ, что герцогиня подписывалась „наслѣдственною принцессою всероссійскою“, потребовали замѣны слова „наслѣдственная“ словомъ „урожденная“. Голштинскіе министры еще разъ сообщили верховному совѣту прискорбіе цесаревны, что „за несдѣланіемъ раздѣла съ сестрою она взять съ собою не можетъ ничего для памяти матери своей“, просили по крайней мѣрѣ росписи вещамъ, прибавляя, что ея высочество охотно уступаетъ императору и сестрѣ его то, что̀ имъ понравится изъ вещей покойной ея матери, и что есть еще два сундука, которые не внесены въ раздѣлъ. Верховники отвѣчали, что императору и сестрѣ его ничего не нужно, и что упоминаемые сундуки, если окажутся, войдутъ въ роспись. Тѣмъ дѣло и кончилось. 25-го іюля былъ назначенъ день отъѣзда герцога и герцогини. Генералъ-адмиралъ Апраксинъ, рано оставивъ совѣтъ, прямо отправился сопровождать ихъ до Кронштадта. Супруги оставляли навсегда Россію, унося воспоминаніе о непріятностяхъ и оскорбленіяхъ. Въ тотъ же день ихъ маленькая эскадра вышла въ море, подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина.

Недолго однако по отъѣздѣ цесаревны удержался и всемощный Меньшиковъ. 7-го сентября былъ „сказанъ ему арестъ“ Салтыковымъ, а 9-го числа онъ, лишенный чиновъ, былъ сосланъ въ Раненбургъ. Объ этомъ неожиданномъ событіи Елизавета Петровна увѣдомила сестру; но отъ кроткой Анны Петровны она получила въ отвѣтъ только слѣдующія слова: „Что изволите писать объ князѣ, что его сослали, и у насъ такая же печаль сдѣлалась объ немъ, какъ у васъ“. Незлобивое сердце цесаревны полно было грусти, при которой всѣ другія оскорбленія и непріятности были мало замѣтны.

О грустномъ настроеніи цесаревны оставилъ несомнѣнное свидѣтельство С. И. Мордвиновъ, въ послѣдствіи адмиралъ, а въ то время унтеръ-лейтенантъ, остававшійся въ Килѣ, съ галіотомъ *Керимакаромъ*, по 26-е октября. Онъ говоритъ: „Содержанъ я тамъ (въ Килѣ) былъ отъ ихъ высочествъ милостиво и при столѣ ихъ былъ всегда, и покои мнѣ отведены были во дворцѣ. А при отбытіи моемъ, за день отъѣзду, былъ я при столѣ его высочества, въ его покояхъ, а тотъ день, какъ отбылъ, надобно было при столѣ ея высочества въ ея опочивальнѣ находиться, гдѣ изволила кушать только въ 8-ми персонахъ, въ печальномъ видѣ, а послѣ стола, какъ я откланивался, съ горестными слезами изволила мнѣ вручить письма къ государю и къ государынѣ цесаревнѣ

ихъ конвенціи, но при представленіи девяти квитанцій на деньги, члены совѣта, замѣтивъ, что герцогиня подписывалась „наслѣдственною принцессою всероссійскою“, потребовали замѣны слова „наслѣдственная“ словомъ „урожденная“. Голштинскіе министры еще разъ сообщили верховному совѣту прискорбіе цесаревны, что „за несдѣланіемъ раздѣла съ сестрою она взять съ собою не можетъ ничего для памяти матери своей“, просили по крайней мѣрѣ росписи вещамъ, прибавляя, что ея высочество охотно уступаетъ императору и сестрѣ его то, что имъ понравится изъ вещей покойной ея матери, и что есть еще два сундука, которые не внесены въ раздѣлъ. Верховники отвѣчали, что императору и сестрѣ его ничего не нужно, и что упоминаемые сундуки, если окажутся, войдутъ въ роспись. Тѣмъ дѣло и кончилось. 25-го іюля былъ назначенъ день отъѣзда герцога и герцогини. Генералъ-адмиралъ Апраксинъ, рано оставивъ совѣтъ, прямо отправился сопровождать ихъ до Кронштадта. Супруги оставляли навсегда Россію, унося воспоминаніе о непріятностяхъ и оскорбленіяхъ. Въ тотъ же день ихъ маленькая эскадра вышла въ море, подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина.

Недолго однако по отъѣздѣ цесаревны удержался и всемощный Меньшиковъ. 7-го сентября былъ „сказанъ ему арестъ“ Салтыковымъ, а 9-го числа онъ, лишенный чиновъ, былъ сосланъ въ Раненбургъ. Объ этомъ неожиданномъ событіи Елизавета Петровна увѣдомила сестру; но отъ кроткой Анны Петровны она получила въ отвѣтъ только слѣдующія слова: „Что изволите писать объ князѣ, что его сослали, и у насъ такая же печаль сдѣлалась объ немъ, какъ у васъ“. Незлобивое сердце цесаревны полно было грусти, при которой всѣ другія оскорбленія и непріятности были мало замѣтны.

О грустномъ настроеніи цесаревны оставилъ несомнѣнное свидѣтельство С. И. Мордвиновъ, въ послѣдствіи адмиралъ, а въ то время унтеръ-лейтенантъ, остававшійся въ Килѣ, съ галіотомъ *Керимакаромъ*, по 26-е октября. Онъ говоритъ: „Содержанъ я тамъ (въ Килѣ) былъ отъ ихъ высочествъ милостиво и при столѣ ихъ былъ всегда, и покои мнѣ отведены были во дворцѣ. А при отбытіи моемъ, за день отъѣзду, былъ я при столѣ его высочества, въ его покояхъ, а тотъ день, какъ отбылъ, надобно было при столѣ ея высочества въ ея опочивальнѣ находиться, гдѣ изволила кушать только въ 8-ми персонахъ, въ печальномъ видѣ, а послѣ стола, какъ я откланивался, съ горестными слезами изволила мнѣ вручить письма къ государю и къ государынѣ цесаревнѣ

Елисаветѣ Петровнѣ и сестрицѣ государевой Натальѣ Алексѣевнѣ и, пожаловавъ меня къ рукѣ, въ слезахъ изволила пойдти въ кабинетъ". Грусть русской цесаревны происходила, конечно, не отъ того, что ея новую столицу покидало послѣднее русское судно. Безъ сомнѣнія, тому способствовали и холодныя отношенія между герцогиней и герцогомъ, на что намекаетъ и Мордвиновъ, разсказывая, что они обѣдаютъ розно.

Но среди печальнаго одиночества, въ дали отъ родныхъ, память о людяхъ, прежде окружавшихъ цесаревну, какъ видно, постоянно занимала ее. Для доказательства этого приводимъ письмо ея къ сестрѣ, изъ Киля: „Государыня, дорогая моя сестра! Доношу вашему высочеству, что я слава Богу, въ добромъ здоровьи сюды [1]) пріѣхала съ герцогомъ, и здѣсь очень хорошо жить, потому что люди очень ласковы ко мнѣ; только не одинъ день не проходитъ, чтобы я не плакала по васъ, дорогая моя сестрица! Не вѣдаю, каково вамъ тамъ жить? Прошу васъ, дорогая сестрица, чтобы вы изволили писать ко мнѣ почаще о здравіи вашего высочества. При семъ посылаю къ вашему высочеству гостинецъ—опахало, такое, какъ здѣсь всѣ дамы носятъ, мушечную коробку, зубочистку, готовальню на орѣхи, женское платье, какъ здѣсь носятъ, и шапку. Прошу вашего высочества отдать Микитѣ Волокитѣ [2]) бѣлую шляпу. Впрочемъ рекомендую себя въ неотмѣнную любовь и остаюсь вѣрною до гроба сестра и услужница Анна. Прошу ваше высочество отдать мой поклонъ всѣмъ Петербургскимъ, а наши Голштинцы приказали отдать поклонъ вашему высочеству".

Герцогиня пишетъ, что жить хорошо, что новые подданные къ ней очень ласковы, только ни одинъ день не проходитъ, чтобы она не плакала. Будь молодой супругъ понѣжнѣе, не загрустила бы такъ девятнадцатилѣтняя герцогиня даже и на чужбинѣ. Вся бѣда была въ томъ, что не было именно этой нѣжности, и ея то недостатокъ заставлялъ Анну проливать слезы. Что жь мудренаго, что при такихъ условіяхъ жизнь молодой герцогини протянулась недолго. Конечно, мы не смѣемъ выдавать свои предположенія за несомнѣнную истину, какъ бы ни казались они вѣроятными; но мы позволимъ себѣ находить достаточное подтвержденіе догадокъ

---

[1]) 13-го августа герцогъ и герцогиня высадились въ Килѣ.

[2]) Трудно сказать, кто разумѣется подъ этимъ прозвищемъ. Не адмиралъ ли Никита Петровичъ Вильбуа, который былъ принятъ, какъ домашній человѣкъ, при дворѣ императрицы Екатерины?

Елисаветѣ Петровнѣ и сестрицѣ государевой Натальѣ Алексѣевнѣ и, пожаловавъ меня къ рукѣ, въ слезахъ изволила пойдти въ кабинетъ". Грусть русской цесаревны происходила, конечно, не отъ того, что ея новую столицу покидало послѣднее русское судно. Безъ сомнѣнія, тому способствовали и холодныя отношенія между герцогиней и герцогомъ, на что намекаетъ и Мордвиновъ, разсказывая, что они обѣдаютъ розно.

Но среди печальнаго одиночества, въ дали отъ родныхъ, память о людяхъ, прежде окружавшихъ цесаревну, какъ видно, постоянно занимала ее. Для доказательства этого приводимъ письмо ея къ сестрѣ, изъ Киля: „Государыня, дорогая моя сестра! Доношу вашему высочеству, что я слава Богу, въ добромъ здоровьи сюды [1]) пріѣхала съ герцогомъ, и здѣсь очень хорошо жить, потому что люди очень ласковы ко мнѣ; только не одинъ день не проходитъ, чтобы я не плакала по васъ, дорогая моя сестрица! Не вѣдаю, каково вамъ тамъ жить? Прошу васъ, дорогая сестрица, чтобы вы изволили писать ко мнѣ почаще о здравіи вашего высочества. При семъ посылаю къ вашему высочеству гостинецъ—опахало, такое, какъ здѣсь всѣ дамы носятъ, мушечную коробку, зубочистку, готовальню на орѣхи, женское платье, какъ здѣсь носятъ, и шапку. Прошу вашего высочества отдать Микитѣ Волокитѣ [2]) бѣлую шляпу. Впрочемъ рекомендую себя въ неотмѣнную любовь и остаюсь вѣрною до гроба сестра и услужница Анна. Прошу ваше высочество отдать мой поклонъ всѣмъ Петербургскимъ, а наши Голштинцы приказали отдать поклонъ вашему высочеству".

Герцогиня пишетъ, что жить хорошо, что новые подданные къ ней очень ласковы, только ни одинъ день не проходитъ, чтобы она не плакала. Будь молодой супругъ понѣжнѣе, не загрустила бы такъ девятнадцатилѣтняя герцогиня даже и на чужбинѣ. Вся бѣда была въ томъ, что не было именно этой нѣжности, и ея то недостатокъ заставлялъ Анну проливать слезы. Что жь мудренаго, что при такихъ условіяхъ жизнь молодой герцогини протянулась недолго. Конечно, мы не смѣемъ выдавать свои предположенія за несомнѣнную истину, какъ бы ни казались они вѣроятными; но мы позволимъ себѣ находить достаточное подтвержденіе догадокъ

---

[1]) 13-го августа герцогъ и герцогиня высадились въ Килѣ.

[2]) Трудно сказать, кто разумѣется подъ этимъ прозвищемъ. Не адмиралъ ли Никита Петровичъ Вильбуа, который былъ принятъ, какъ домашній человѣкъ, при дворѣ императрицы Екатерины?

нашихъ въ послѣдовавшей такъ скоро кончинѣ цесаревны (какъ говоритъ императрица Екатерина II въ своихъ запискахъ) отъ чахотки, которая не развивается безъ причины и чаще всего сопровождаетъ сердечную скорбь. Полное разрѣшеніе этого темнаго для насъ дѣла, не мыслимо, особенно при недостаточности и скудости вообще извѣстій о житьѣ-бытьѣ цесаревны въ Килѣ.

Наши свѣдѣнія объ этомъ періодѣ ея жизни ограничиваются данными чисто внѣшняго характера; такъ, мы знаемъ, что 29-го (18-го стараго стиля) декабря, при небольшомъ герцогскомъ дворѣ былъ празднованъ 19-й годъ рожденія Елизаветы Петровны, и были всѣ въ „галѣ", („въ богатоубранномъ платьѣ"). Въ курантахъ объ этомъ торжествѣ говорится, что оно было „отправлено съ великою магнифиценціею" и заключено „при препзрядномъ балѣ".

Герцогиня готовилась быть матерью, и на радостяхъ мѣстный магистратъ изготовилъ для будущаго принца серебряную колыбель, обитую внутри синимъ бархатомъ и стоившую 3.000 ефимковъ. Не замедлилось и самое радостное сообщеніе, что 21-го (10-го) февраля, въ 1-мъ часу герцогиня „счастливо родила принца Карла-Петра-Ульриха". По словамъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1728 г., рожденіе принца совершилось „къ изрѣченному удовольствованію герцогскаго дома и къ общей радости жителей здѣшняго герцогства. Великія и радостныя доказательства, которыя того ради при дворѣ и въ городѣ учинены, публичныя общія благодаренія въ церквахъ, торжественная прокламація (объявленіе), которая отъ герольда, при играніи на трубахъ и битіи на литаврахъ, во всѣхъ улицахъ того ради учинена, и что въ прочемъ при семъ приключилось, не возможно изобразить". При отсылкѣ курьеромъ въ Москву маіора Дитмара, молодая мать и новорожденный остались „при пожелаемомъ высокомъ благополучіи". 27-го (16-го) февраля было совершено крещеніе принца въ герцогской придворной церкви. Но, если въ Голштиніи всѣ радовались рожденію наслѣдника, за то ни тамъ, ни въ Россіи никто не думалъ, что молодая мать, столь же любимая на родинѣ, какъ въ новомъ своемъ отечествѣ, такъ скоро обманетъ всѣ надежды. 23-го мая, какъ громомъ поразила Россію неожиданная вѣсть, что цесаревна Анна Петровна 15-го числа того мѣсяца, то-есть, 4-го мая стараго стиля, въ ночи, „въ 21 году отъ рожденія своего, горячкою преставилась". Таково было официальное извѣстіе; но какъ упомянуто выше, императрица Екатерина II, со словъ Елизаветы Петровны, въ запискахъ своихъ говоритъ, что бодѣзнь, такъ рано сразившая мать ея супруга, была чахотка.

нашихъ въ послѣдовавшей такъ скоро кончинѣ цесаревны (какъ говоритъ императрица Екатерина II въ своихъ запискахъ) отъ чахотки, которая не развивается безъ причины и чаще всего сопровождаетъ сердечную скорбь. Полное разрѣшеніе этого темнаго для насъ дѣла, не мыслимо, особенно при недостаточности и скудости вообще извѣстій о житьѣ-бытьѣ цесаревны въ Килѣ.

Наши свѣдѣнія объ этомъ періодѣ ея жизни ограничиваются данными чисто внѣшняго характера; такъ, мы знаемъ, что 29-го (18-го стараго стиля) декабря, при небольшомъ герцогскомъ дворѣ былъ празднованъ 19-й годъ рожденія Елизаветы Петровны, и были всѣ въ „галѣ", („въ богатоубранномъ платьѣ"). Въ курантахъ объ этомъ торжествѣ говорится, что оно было „отправлено съ великою магнифиценціею" и заключено „при препзрядномъ балѣ".

Герцогиня готовилась быть матерью, и на радостяхъ мѣстный магистратъ изготовилъ для будущаго принца серебряную колыбель, обитую внутри синимъ бархатомъ и стоившую 3.000 ефимковъ. Не замедлилось и самое радостное сообщеніе, что 21-го (10-го) февраля, въ 1-мъ часу герцогиня „счастливо родила принца Карла-Петра-Ульриха". По словамъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1728 г., рожденіе принца совершилось „къ изрѣченному удовольствованію герцогскаго дома и къ общей радости жителей здѣшняго герцогства. Великія и радостныя доказательства, которыя того ради при дворѣ и въ городѣ учинены, публичныя общія благодаренія въ церквахъ, торжественная прокламація (объявленіе), которая отъ герольда, при играніи на трубахъ и битіи на литаврахъ, во всѣхъ улицахъ того ради учинена, и что въ прочемъ при семъ приключилось, не возможно изобразить". При отсылкѣ курьеромъ въ Москву маіора Дитмара, молодая мать и новорожденный остались „при пожелаемомъ высокомъ благополучіи". 27-го (16-го) февраля было совершено крещеніе принца въ герцогской придворной церкви. Но, если въ Голштиніи всѣ радовались рожденію наслѣдника, за то ни тамъ, ни въ Россіи никто не думалъ, что молодая мать, столь же любимая на родинѣ, какъ въ новомъ своемъ отечествѣ, такъ скоро обманетъ всѣ надежды. 23-го мая, какъ громомъ поразила Россію неожиданная вѣсть, что цесаревна Анна Петровна 15-го числа того мѣсяца, то-есть, 4-го мая стараго стиля, въ ночи, „въ 21 году отъ рожденія своего, горячкою преставилась". Таково было официальное извѣстіе; но какъ упомянуто выше, императрица Екатерина II, со словъ Елизаветы Петровны, въ запискахъ своихъ говоритъ, что бодѣзнь, такъ рано сразившая мать ея супруга, была чахотка.

Супругъ, мало внимательный къ женѣ при жизни, представился при смерти ея неутѣшнымъ до того, что во все время, пока тѣло стояло въ Кильской церкви, жилъ въ Рейнбекѣ одинокимъ и недоступнымъ. Въ числѣ печальныхъ церемоній, выражавшихъ горесть герцога, манифестомъ отъ 2-го іюня (новаго стиля) былъ предписанъ подданнымъ его королевскаго высочества годовой трауръ, при чемъ „повседневно три часа, и именно предъ полуднемъ отъ 8 до 9, въ полдень отъ 12 до 1, и по полудни отъ 3 до 4 вездѣ въ колоколахъ звонили, а на органахъ и протчей музыкѣ извнѣ въ церквахъ, такъ и въ протчихъ мѣстахъ играть перестали". Затѣмъ, 30-го (19-го) мая въ 10-мъ часу вечера, тѣло цесаревны было перенесено, при звукѣ колоколовъ, изъ дворца въ русскую церковь.

Такъ какъ умирая, цесаревна просила чтобъ ее погребли *подлѣ отца*, верховный тайный совѣтъ, по полученіи извѣстія объ ея кончинѣ въ Россіи, именемъ государя сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи въ Голштинію за тѣломъ цесаревны генералъ-маіора Ивана Бибикова, президента ревизіонъ-коллегіи, съ однимъ архимандритомъ и двумя священниками, на кораблѣ *Рафаилъ*, въ сопровожденіи одного фрегата. Эскадрой этою начальствовалъ контръ-адмиралъ Бредаль. Фрегаты отправились уже осенью, и по прибытіи ихъ въ Киль 30-го сентября новаго стиля, происходило торжественное перенесеніе тѣла на корабль *Рафаилъ*. 12-го октября нашего стиля, получивъ донесеніе, что Бибиковъ съ тѣломъ цесаревны прибылъ въ Кронштадтъ, верховный совѣтъ предписалъ генералу Миниху, начальствовавшему тогда въ столицѣ, „встрѣтить тѣло съ подобающію честію и предать оное землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ". Приготовленія къ погребенію заняли слишкомъ мѣсяцъ, и только 12-го ноября земля приняла останки любимой дочери Петра I.

Дворъ, какъ извѣстно, находился въ это время въ Москвѣ; въ Петербургѣ же оставались только лица не высокихъ ранговъ, которые одни и участвовали въ церемоніальной процессіи. Главнымъ духовнымъ лицемъ былъ архіепископъ Нижегородскій Питиримъ, извѣстный дѣятель по расколу; при немъ были два епископа, пять архимандритовъ, два соборныхъ протоіерея, да наличная братія Александроневская, съ пѣвчими и церковниками. Оберъ-маршаломъ погребенія былъ баронъ Люберасъ, строитель Кронштадтской крѣпости, а маршалами два бригадира. Въ процессіи большею частію участвовали корабельные мастера и офицеры флота, сподвижники родителя усопшей великой княгини. Кромѣ нихъ и духовенства

Супругъ, мало внимательный къ женѣ при жизни, представился при смерти ея неутѣшнымъ до того, что во все время, пока тѣло стояло въ Кильской церкви, жилъ въ Рейнбекѣ одинокимъ и недоступнымъ. Въ числѣ печальныхъ церемоній, выражавшихъ горесть герцога, манифестомъ отъ 2-го іюня (новаго стиля) былъ предписанъ подданнымъ его королевскаго высочества годовой трауръ, при чемъ „повседневно три часа, и именно предъ полуднемъ отъ 8 до 9, въ полдень отъ 12 до 1, и по полудни отъ 3 до 4 вездѣ въ колоколахъ звонили, а на органахъ и протчей музыкѣ извнѣ въ церквахъ, такъ и въ протчихъ мѣстахъ играть перестали". Затѣмъ, 30-го (19-го) мая въ 10-мъ часу вечера, тѣло цесаревны было перенесено, при звукѣ колоколовъ, изъ дворца въ русскую церковь.

Такъ какъ умирая, цесаревна просила чтобъ ее погребли *подлѣ отца*, верховный тайный совѣтъ, по полученіи извѣстія объ ея кончинѣ въ Россіи, именемъ государя сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи въ Голштинію за тѣломъ цесаревны генералъ-маіора Ивана Бибикова, президента ревизіонъ-коллегіи, съ однимъ архимандритомъ и двумя священниками, на кораблѣ *Рафаилъ*, въ сопровожденіи одного фрегата. Эскадрой этою начальствовалъ контръ-адмиралъ Бредаль. Фрегаты отправились уже осенью, и по прибытіи ихъ въ Киль 30-го сентября новаго стиля, происходило торжественное перенесеніе тѣла на корабль *Рафаилъ*. 12-го октября нашего стиля, получивъ донесеніе, что Бибиковъ съ тѣломъ цесаревны прибылъ въ Кронштадтъ, верховный совѣтъ предписалъ генералу Миниху, начальствовавшему тогда въ столицѣ, „встрѣтить тѣло съ подобающію честію и предать оное землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ". Приготовленія къ погребенію заняли слишкомъ мѣсяцъ, и только 12-го ноября земля приняла останки любимой дочери Петра I.

Дворъ, какъ извѣстно, находился въ это время въ Москвѣ; въ Петербургѣ же оставались только лица не высокихъ ранговъ, которые одни и участвовали въ церемоніальной процессіи. Главнымъ духовнымъ лицемъ былъ архіепископъ Нижегородскій Питиримъ, извѣстный дѣятель по расколу; при немъ были два епископа, пять архимандритовъ, два соборныхъ протоіерея, да наличная братія Александроневская, съ пѣвчими и церковниками. Оберъ-маршаломъ погребенія былъ баронъ Люберасъ, строитель Кронштадтской крѣпости, а маршалами два бригадира. Въ процессіи большею частію участвовали корабельные мастера и офицеры флота, сподвижники родителя усопшей великой княгини. Кромѣ нихъ и духовенства

были еще придворныя дамы цесаревны, да фрейлины сестры ея Елизаветы Петровны, которая однако сама не пріѣзжала изъ Москвы для этого случая. Вѣроятно, ее удержали въ древней столицѣ близкія отношенія къ молодому государю, который въ первое время по воцареніи до того простиралъ къ ней свою привязанность, что Остерманъ предлагалъ даже обвѣнчать ихъ, не смотря на близкое родство. Въ замѣнъ особъ царскаго семейства и болѣе важныхъ дамъ, церемонію отправили супруги тѣхъ же чиновъ, которые сами были въ процессіи, то-есть, особы не выше бригадирскаго ранга. Нева еще не стала, а потому отъ дворца тѣло повезли по берегу до Почтоваго двора и тамъ уже перевезли черезъ рѣку, поставивъ гробъ на покрытую чернымъ бархатомъ галеру, на которой помѣстились также высшее духовенство и высшія лица процессіи. Всѣ прочіе участники и участницы церемоніи были перевезены на другихъ траурныхъ же галерахъ и шлюбкахъ къ Троицкой пристани. По набережной, на пути погребальнаго шествія и на укрѣпленіяхъ крѣпости были разставлены войска. По внесеніи тѣла въ деревянную церковь (построенную для погребенія Петра I внутри не оконченнаго Петропавловскаго собора), въ которой стояли еще на катафалкахъ гробницы Петра и Екатерины, тѣло цесаревны поставили въ ногахъ родителей, передъ алтаремъ, и началась служба. По прочтеніи евангелія, войска дали залпъ изъ ружей; другой залпъ послѣдовалъ по произнесеніи надгробной рѣчи архіепископомъ Питиримомъ, предъ отпѣваніемъ. Въ пятомъ часу, когда уже совершенно смерклось, и тѣло было предано землѣ, раздался третій заключительный залпъ. По возвращеніи во дворецъ, особамъ первыхъ пяти классовъ былъ предложенъ обѣденный столъ.

Вотъ и всѣ тѣ скудныя почести, которыя были послѣднимъ напоминаніемъ о любимой всѣми принцессѣ, на которую, за годъ назадъ, всѣ вѣрные слуги отечества возлагали такія горячія надежды. Но если судьба и лишила покойную принцессу принадлежавшаго ей по праву престола Россіи, онъ сдѣлался въ послѣдствіи удѣломъ ея осиротѣлаго сына, и послѣдовало это именно въ то время, когда ранняя потеря отца дѣлала участь его еще несчастнѣе, а сильный врагъ его дома, какова была тогда Данія, казалось, сталъ окончательно уже хозяйничать въ скудномъ владѣніи, унаслѣдованномъ имъ отъ отца.

были еще придворныя дамы цесаревны, да фрейлины сестры ея Елизаветы Петровны, которая однако сама не пріѣзжала изъ Москвы для этого случая. Вѣроятно, ее удержали въ древней столицѣ близкія отношенія къ молодому государю, который въ первое время по воцареніи до того простиралъ къ ней свою привязанность, что Остерманъ предлагалъ даже обвѣнчать ихъ, не смотря на близкое родство. Въ замѣнъ особъ царскаго семейства и болѣе важныхъ дамъ, церемонію отправили супруги тѣхъ же чиновъ, которые сами были въ процессіи, то-есть, особы не выше бригадирскаго ранга. Нева еще не стала, а потому отъ дворца тѣло повезли по берегу до Почтоваго двора и тамъ уже перевезли черезъ рѣку, поставивъ гробъ на покрытую чернымъ бархатомъ галеру, на которой помѣстились также высшее духовенство и высшія лица процессіи. Всѣ прочіе участники и участницы церемоніи были перевезены на другихъ траурныхъ же галерахъ и шлюбкахъ къ Троицкой пристани. По набережной, на пути погребальнаго шествія и на укрѣпленіяхъ крѣпости были разставлены войска. По внесеніи тѣла въ деревянную церковь (построенную для погребенія Петра I внутри не оконченнаго Петропавловскаго собора), въ которой стояли еще на катафалкахъ гробницы Петра и Екатерины, тѣло цесаревны поставили въ ногахъ родителей, передъ алтаремъ, и началась служба. По прочтеніи евангелія, войска дали залпъ изъ ружей; другой залпъ послѣдовалъ по произнесеніи надгробной рѣчи архіепископомъ Питиримомъ, предъ отпѣваніемъ. Въ пятомъ часу, когда уже совершенно смерклось, и тѣло было предано землѣ, раздался третій заключительный залпъ. По возвращеніи во дворецъ, особамъ первыхъ пяти классовъ былъ предложенъ обѣденный столъ.

Вотъ и всѣ тѣ скудныя почести, которыя были послѣднимъ напоминаніемъ о любимой всѣми принцессѣ, на которую, за годъ назадъ, всѣ вѣрные слуги отечества возлагали такія горячія надежды. Но если судьба и лишила покойную принцессу принадлежавшаго ей по праву престола Россіи, онъ сдѣлался въ послѣдствіи удѣломъ ея осиротѣлаго сына, и послѣдовало это именно въ то время, когда ранняя потеря отца дѣлала участь его еще несчастнѣе, а сильный врагъ его дома, какова была тогда Данія, казалось, сталъ окончательно уже хозяйничать въ скудномъ владѣніи, унаслѣдованномъ имъ отъ отца.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ДОКУМЕНТЫ О ВОСШЕСТВІИ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Предлагаемые здѣсь матеріалы касаются вступленія на престолъ императрицы Анны, которое изображается въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева, т. XIX, въ статьѣ П. К. Щебальскаго: „Вступленіе на престолъ императрицы Анны“, (Русск. Вѣст. 1859, № 1); въ „Gesch. des Russ. Staats“ Германа т. IV; въ „Memoires Historiques sur la Russie“ Манштейна; въ „Запискахъ дюка Лирійскаго“ (русскій переводъ Языкова); въ его „Письмахъ изъ Россіи въ Испанію“ („Осемн. Вѣкъ“ т. III); въ книгѣ Н. А. Попова: „В. Н. Татищевъ и его время“; въ „Письмахъ леди Рондо“ (русск. переводъ М. К.); въ „La cour de Russie il y a cent ans“; въ „Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ“ князя П. В. Долгорукова.

Матеріалы эти напечатаны по копіямъ, найденнымъ въ бумагахъ покойнаго И. П. Шульгина. Они суть:

1) Пункты, предложенные верховниками (т. е. членами Верховнаго Тайнаго Совѣта) Аннѣ Іоанновнѣ. До насъ дошло нѣсколько редакцій этихъ пунктовъ, вѣроятно, черновыхъ (см. сличеніе ихъ въ вышепомянутой статьѣ П. К. Щебальскаго. Напечатанные С. М. Соловьевымъ пункты, заимствованные изъ государственнаго архива, представляютъ значительное несходство съ варіантами, здѣсь предлагаемыми; именно противъ перваго въ нихъ нѣтъ пунктовъ 1, 2 и 3; 7-й изложенъ иначе: въ нашемъ варіантѣ: «ко двору Ея Величества сверхъ опредѣленнаго штата никого не принимать»; а у г. Соловьева: «въ придворные чины какъ Русскихъ, такъ и иноземцевъ не производить», какъ въ нашемъ второмъ варіантѣ, противъ котораго у г. Соловьева недостаетъ первыхъ двухъ пунктовъ; въ остальныхъ пунктахъ есть нѣкоторая разница въ изложеніи: къ пункту 9-му (у г. Соловьева 5-й) прибавлено слово «живота». Пе-

ДОКУМЕНТЫ О ВОСШЕСТВІИ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Предлагаемые здѣсь матеріалы касаются вступленія на престолъ императрицы Анны, которое изображается въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева, т. XIX, въ статьѣ П. К. Щебальскаго: „Вступленіе на престолъ императрицы Анны“, (Русск. Вѣст. 1859, № 1); въ „Gesch. des Russ. Staats“ Германа т. IV; въ „Memoires Historiques sur la Russie“ Манштейна; въ „Запискахъ дюка Лирійскаго“ (русскій переводъ Языкова); въ его „Письмахъ изъ Россіи въ Испанію“ („Осемн. Вѣкъ“ т. III); въ книгѣ Н. А. Попова: „В. Н. Татищевъ и его время“; въ „Письмахъ леди Рондо“ (русск. переводъ М. К.); въ „La cour de Russie il y a cent ans“; въ „Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ“ князя П. В. Долгорукова.

Матеріалы эти напечатаны по копіямъ, найденнымъ въ бумагахъ покойнаго И. П. Шульгина. Они суть:

1) Пункты, предложенные верховниками (т. е. членами Верховнаго Тайнаго Совѣта) Аннѣ Іоанновнѣ. До насъ дошло нѣсколько редакцій этихъ пунктовъ, вѣроятно, черновыхъ (см. сличеніе ихъ въ вышепомянутой статьѣ П. К. Щебальскаго. Напечатанные С. М. Соловьевымъ пункты, заимствованные изъ государственнаго архива, представляютъ значительное несходство съ варіантами, здѣсь предлагаемыми; именно противъ перваго въ нихъ нѣтъ пунктовъ 1, 2 и 3; 7-й изложенъ иначе: въ нашемъ варіантѣ: «ко двору Ея Величества сверхъ опредѣленнаго штата никого не принимать»; а у г. Соловьева: «въ придворные чины какъ Русскихъ, такъ и иноземцевъ не производить», какъ въ нашемъ второмъ варіантѣ, противъ котораго у г. Соловьева недостаетъ первыхъ двухъ пунктовъ; въ остальныхъ пунктахъ есть нѣкоторая разница въ изложеніи: къ пункту 9-му (у г. Соловьева 5-й) прибавлено слово «живота». Пе-

чатаемъ эти пункты потому, что они представляютъ разныя колебанія мысли верховниковъ и могутъ съ этой стороны имѣть интересъ для историка; до сихъ поръ варіанты были извѣстны по донесеніямъ иностранныхъ пословъ; окончательной же редакціей надо считать безъ всякаго сомнѣнія ту, которую представляетъ г. Соловьевъ. Труднѣе сказать, что̀ значитъ приписка ко второму варіанту, составленная какъ бы отъ лица императрицы? Извѣстно, что рескриптъ ея Верховному Тайному Совѣту составленъ въ томъ смыслѣ, что ограниченіе совершается по ея собственной волѣ («Зап. дюка Лирійскаго», стр. 166—168; «Сказанія о родѣ Долгорукovыхъ», стр. 233). Вѣроятно, это тоже черновой проектъ. Не былъ ли онъ предлагаемъ императрицѣ, и не предпочла ли она сдѣлать объявленіе отъ своего имени?

2) Три записки, заключающія въ себѣ изложеніе проектовъ измѣненій въ государственномъ устройствѣ, предлагавшихся разными партіями (см. въ «Исторіи Россіи», XIX., 256—259; «В. Н. Татищевъ», 114—122 и въ статьѣ г. Щебальскаго, 43—49); первая изъ нихъ есть сокращенная записка Татищева, представляющая нѣкоторые варіанты противъ полной (см. „Утро“ 1859, 357—379); едва ли не нашъ варіантъ разумѣетъ г. Соловьевъ подъ названіемъ втораго мнѣнія; о второй упоминаетъ г. Соловьевъ и дѣлаетъ изъ нея извлеченіе, но, говоря сколькими лицами она подписана, не называетъ именъ; третья, быть можетъ, та записка графа Мусина-Пушкина, о которой упоминаетъ г. Соловьевъ.

3) Прошеніе, поданное княземъ Черкасскимъ Аннѣ Іоанновнѣ объ измѣненіи формы правленія. До сихъ поръ оно было извѣстно только по иностраннымъ источникамъ (у г. Щебальскаго, 55—56; у г. Попова, 128—129).

4) Двѣ записки до сихъ поръ неизвѣстныя о ходѣ замысловъ верховниковъ, изъ которыхъ первая писана кѣмъ-то изъ канцеляріи Верховнаго Тайнаго Совѣта, а вторая, судя по слогу (слово *затѣйка* напоминаетъ Ѳеофана), какимъ-либо лицомъ, учившимся въ малороссійскихъ духовныхъ училищахъ.

чатаемъ эти пункты потому, что они представляютъ разныя колебанія мысли верховниковъ и могутъ съ этой стороны имѣть интересъ для историка; до сихъ поръ варіанты были извѣстны по донесеніямъ иностранныхъ пословъ; окончательной же редакціей надо считать безъ всякаго сомнѣнія ту, которую представляетъ г. Соловьевъ. Труднѣе сказать, что̀ значитъ приписка ко второму варіанту, составленная какъ бы отъ лица императрицы? Извѣстно, что рескриптъ ея Верховному Тайному Совѣту составленъ въ томъ смыслѣ, что ограниченіе совершается по ея собственной волѣ («Зап. дюка Лирійскаго», стр. 166—168; «Сказанія о родѣ Долгорукovыхъ», стр. 233). Вѣроятно, это тоже черновой проектъ. Не былъ ли онъ предлагаемъ императрицѣ, и не предпочла ли она сдѣлать объявленіе отъ своего имени?

2) Три записки, заключающія въ себѣ изложеніе проектовъ измѣненій въ государственномъ устройствѣ, предлагавшихся разными партіями (см. въ «Исторіи Россіи», XIX., 256—259; «В. Н. Татищевъ», 114—122 и въ статьѣ г. Щебальскаго, 43—49); первая изъ нихъ есть сокращенная записка Татищева, представляющая нѣкоторые варіанты противъ полной (см. „Утро“ 1859, 357—379); едва ли не нашъ варіантъ разумѣетъ г. Соловьевъ подъ названіемъ втораго мнѣнія; о второй упоминаетъ г. Соловьевъ и дѣлаетъ изъ нея извлеченіе, но, говоря сколькими лицами она подписана, не называетъ именъ; третья, быть можетъ, та записка графа Мусина-Пушкина, о которой упоминаетъ г. Соловьевъ.

3) Прошеніе, поданное княземъ Черкасскимъ Аннѣ Іоанновнѣ объ измѣненіи формы правленія. До сихъ поръ оно было извѣстно только по иностраннымъ источникамъ (у г. Щебальскаго, 55—56; у г. Попова, 128—129).

4) Двѣ записки до сихъ поръ неизвѣстныя о ходѣ замысловъ верховниковъ, изъ которыхъ первая писана кѣмъ-то изъ канцеляріи Верховнаго Тайнаго Совѣта, а вторая, судя по слогу (слово *затѣйка* напоминаетъ Ѳеофана), какимъ-либо лицомъ, учившимся въ малороссійскихъ духовныхъ училищахъ.

I.

Пункты, каковы отъ Россійскаго Верховнаго Тайнаго Совѣта посланы были въ Митаву къ Ея Величеству, съ тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ князь Васильемъ Лукичемъ Долгоруковымъ да дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ князь Михайломъ Михайловичемъ Голицынымъ, и подписаны собственною Ея Императорскаго Величества рукою.

Варіантъ первый.

1.

По принятіи Ея Величества россійскіе короны замужъ не посягать.

2.

Какъ при себѣ, такъ и по себѣ Россійскаго государства къ коронѣ наслѣдника никого не учинить.

3.

Тайной Верховной Россійской Совѣтъ, которой нынѣ обретается въ 8-ми персонахъ, никакъ не отмѣнить и въ государственные дѣла безъ общаго ихъ согласія не вступать.

4.

Государственныхъ деревень, земель и денегъ никому не отдавать.

5.

Выше полковника не жаловать.

6.

У шляхетства чиновъ, деревень и земель безъ суда не отнимать.

7.

Ко двору Ея Величества сверхъ опредѣленнаго штата никого не принимать.

8.

Излишнихъ податей сверхъ положеннаго ни на кого не накладывать.

Подписано подъ сими пунктами Ея Величества собственною рукою тако:

Содержать по сему, а ежели что противно учиню, то лишена буду россійскіе короны.

Варіантъ второй.

1.

Замужъ не посягать.

I.

Пункты, каковы отъ Россійскаго Верховнаго Тайнаго Совѣта посланы были въ Митаву къ Ея Величеству, съ тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ князь Васильемъ Лукичемъ Долгоруковымъ да дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ князь Михайломъ Михайловичемъ Голицынымъ, и подписаны собственною Ея Императорскаго Величества рукою.

Варіантъ первый.

1.

По принятіи Ея Величества россійскіе короны замужъ не посягать.

2.

Какъ при себѣ, такъ и по себѣ Россійскаго государства къ коронѣ наслѣдника никого не учинить.

3.

Тайной Верховной Россійской Совѣтъ, которой нынѣ обретается въ 8-ми персонахъ, никакъ не отмѣнить и въ государственные дѣла безъ общаго ихъ согласія не вступать.

4.

Государственныхъ деревень, земель и денегъ никому не отдавать.

5.

Выше полковника не жаловать.

6.

У шляхетства чиновъ, деревень и земель безъ суда не отнимать.

7.

Ко двору Ея Величества сверхъ опредѣленнаго штата никого не принимать.

8.

Излишнихъ податей сверхъ положеннаго ни на кого не накладывать.

Подписано подъ сими пунктами Ея Величества собственною рукою тако:

Содержать по сему, а ежели что противно учиню, то лишена буду россійскіе короны.

Варіантъ второй.

1.

Замужъ не посягать.

2.

Наслѣдія при себѣ и ни по себѣ не избирать.

3.

Въ чины выше полковника, какъ военныхъ такъ и статскихъ, безъ Совѣту не жаловать и ко двору какъ Русскихъ, такъ и иноземцевъ безъ Совѣту не жаловать.

4.

Войны не вчинать и миру безъ Совѣту не заключать.

5.

Гвардіи и всей арміи быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣту.

6.

Деревнями и ничѣмъ не жаловать и денегъ не брать.

7.

У шляхетства деревень, ни чести безъ суда не отнимать.

8.

Излишнихъ податей съ крестьянъ не имать.

Правда, что Богъ всѣмъ владѣетъ, и Онъ вложилъ въ сердца Ваши такое попеченіе о мнѣ, однакожъ я тотъ поступокъ почитаю за великое Ваше и всего народа усердіе ко мнѣ.

И намереніе мое ко всему народу и къ вамъ, сколько Богъ мнѣ поможетъ, всякую милость казать и во всемъ отечеству моему пользы и благополучія искать.

II.

Первый проэктъ.

Сего Февраля 7 дня, при собраніи въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ военнаго и статскаго генералитета, по прочтеніи присланныхъ отъ Ея Величества Государыни Императрицы за подписаніемъ Ея пунктовъ объявлено, отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: ежели кто что можетъ изобрѣсти къ лучшей пользѣ государству и обществу не для собственныхъ интересовъ, боясь суда Божія, посовѣтовавъ по совѣсти, предъявили бъ; и по тому объявленію, что могли изыскать по совѣсти къ лучшей пользѣ государству и обществу, предъявляемъ нижеслѣдующее: 1) въ началѣ учредить вышнее правительство въ 21 персонѣ; 2) дабы онаго вышняго суда правительства множествомъ дѣлъ не отягчить, того ради для отправленія протчихъ дѣлъ учинить сенатъ въ 11 *)-персонахъ; 3) въ

*) По другой редакціи 100 (см. «Утро» 1859, стр. 375).

2.

Наслѣдія при себѣ и ни по себѣ не избирать.

3.

Въ чины выше полковника, какъ военныхъ такъ и статскихъ, безъ Совѣту не жаловать и ко двору какъ Русскихъ, такъ и иноземцевъ безъ Совѣту не жаловать.

4.

Войны не вчинать и миру безъ Совѣту не заключать.

5.

Гвардіи и всей арміи быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣту.

6.

Деревнями и ничѣмъ не жаловать и денегъ не брать.

7.

У шляхетства деревень, ни чести безъ суда не отнимать.

8.

Излишнихъ податей съ крестьянъ не имать.

Правда, что Богъ всѣмъ владѣетъ, и Онъ вложилъ въ сердца Ваши такое попеченіе о мнѣ, однакожъ я тотъ поступокъ почитаю за великое Ваше и всего народа усердіе ко мнѣ.

И намереніе мое ко всему народу и къ вамъ, сколько Богъ мнѣ поможетъ, всякую милость казать и во всемъ отечеству моему пользы и благополучія искать.

II.

Первый проэктъ.

Сего Февраля 7 дня, при собраніи въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ военнаго и статскаго генералитета, по прочтеніи присланныхъ отъ Ея Величества Государыни Императрицы за подписаніемъ Ея пунктовъ объявлено, отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: ежели кто что можетъ изобрѣсти къ лучшей пользѣ государству и обществу не для собственныхъ интересовъ, бояся суда Божія, посовѣтовавъ по совѣсти, предъявили бъ; и по тому объявленію, что могли изыскать по совѣсти къ лучшей пользѣ государству и обществу, предъявляемъ нижеслѣдующее: 1) въ началѣ учредить вышнее правительство въ 21 персонѣ; 2) дабы онаго вышняго суда правительства множествомъ дѣлъ не отягчить, того ради для отправленія протчихъ дѣлъ учинить сенатъ въ 11 *)-персонахъ; 3) въ

*) По другой редакціи 100 (см. «Утро» 1859, стр. 375).

вышнее правительство и въ сенатъ и въ губернаторы и въ президенты въ коллегіи кандидатовъ выбирать и балатировать генералитету и шляхетству, а въ кандидаты болѣе одной персоны изъ одной фамиліи не выбирать, также и при балатированіи болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, — а при балатированіи быть неменьше ста персонъ, а изъ которой фамиліи выбраны будутъ въ кандидаты, и той фамиліи при балатированіи не быть; 4) въ вышнемъ правительствѣ и въ сенатѣ впредь кромѣ обрѣтающихся нынѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, щитая въ обоихъ какъ въ вышнемъ правительствѣ, такъ и въ сенатѣ; 5) въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ также, и что потребно будетъ впредь сочинить въ дополненіе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству, — оные сочинять и утверждать вышнему правительству и сенату, генералитету и шляхетству общимъ совѣтомъ; 6) для произвожденія въ службу шляхетству искать лучшаго способу, а далѣе 20-ти лѣтъ неволею въ службѣ не содержать, также въ матросы и мастерства невольно не брать, а которые нынѣ имѣются въ матросахъ и въ мастерствахъ изъ шляхетства, и объ оныхъ надлежитъ разсмотрѣніе учинить; 7) духовенству, купечеству въ квартирахъ и протчихъ трудностяхъ, также крестьянству въ податяхъ по разсмотрѣнію надлежащее облегченіе учинить; 8) о порядочномъ произвожденіи офицеровъ и салдатъ и о справленіи въ заплатѣ жалованья разсмотрѣніи учинить, чтобъ на сроки могло проходить; 9) о отставкѣ, первенство въ наслѣдствѣ, и какъ впредь быть надлежитъ надлежащее разсмотрѣніе учинить; 10) которые офицеры и солдаты за раны и за старостью отставлены будутъ отъ службы, а собственнаго своего пропитанія не имѣютъ, онымъ надлежитъ учинить разсмотрѣніе, и о награжденіи имъ пропитанія.

У сего 330 руκъ приложено, въ томъ числѣ:

Максимъ Грековъ.
Иванъ Кропотовъ.
Василій Новосильцовъ.
Андрей Апраксинъ.
Алексѣй Тараканов.
Степанъ Вельяминовъ.
Платонъ Мусинъ-Пушкинъ.
Петръ Вельяминовъ.
Князь Алексѣй Шаховской.
Князь Василій Вяземскій.
Иванъ Бибиковъ.
Матвѣй Алсуфьевъ.
Князь Григорій Юсуповъ.
Григорій Чернышевъ.
Михайло Головкинъ.
Семенъ Сукинъ.
Михайло Сухотинъ.
Иванъ Головкинъ.
Алексѣй Макаровъ.
Алексѣй Баскаковъ.
Иванъ Плещеевъ.
Алексѣй Зыбинъ.
Степанъ Лапухинъ.
Князь Иванъ Борятинской.
Петръ Воейковъ.
Князь Алексѣй Черкаской.
Андрей Ушаковъ.
Андрей Елагинъ.

Въ такой силѣ мнѣніе объявлено лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка отъ штабъ и оберъ-офицерамъ.

вышнее правительство и въ сенатъ и въ губернаторы и въ президенты въ коллегіи кандидатовъ выбирать и балатировать генералитету и шляхетству, а въ кандидаты болѣе одной персоны изъ одной фамиліи не выбирать, также и при балатированіи болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, — а при балатированіи быть неменьше ста персонъ, а изъ которой фамиліи выбраны будутъ въ кандидаты, и той фамиліи при балатированіи не быть; 4) въ вышнемъ правительствѣ и въ сенатѣ впредь кромѣ обрѣтающихся нынѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, щитая въ обоихъ какъ въ вышнемъ правительствѣ, такъ и въ сенатѣ; 5) въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ также, и что потребно будетъ впредь сочинить въ дополненіе установъ, принадлежащихъ къ государственному правительству, — оные сочинять и утверждать вышнему правительству и сенату, генералитету и шляхетству общимъ совѣтомъ; 6) для произвожденія въ службу шляхетству искать лучшаго способу, а далѣе 20-ти лѣтъ неволею въ службѣ не содержать, также въ матросы и мастерства невольно не брать, а которые нынѣ имѣются въ матросахъ и въ мастерствахъ изъ шляхетства, и объ оныхъ надлежитъ разсмотрѣніе учинить; 7) духовенству, купечеству въ квартирахъ и протчихъ трудностяхъ, также крестьянству въ податяхъ по разсмотрѣнію надлежащее облегченіе учинить; 8) о порядочномъ произвожденіи офицеровъ и салдатъ и о справленіи въ заплатѣ жалованья разсмотрѣніи учинить, чтобъ на сроки могло проходить; 9) о отставкѣ, первенство въ наслѣдствѣ, и какъ впредь быть надлежитъ надлежащее разсмотрѣніе учинить; 10) которые офицеры и солдаты за раны и за старостью отставлены будутъ отъ службы, а собственнаго своего пропитанія не имѣютъ, онымъ надлежитъ учинить разсмотрѣніе, и о награжденіи имъ пропитанія.

У сего 330 руκъ приложено, въ томъ числѣ:

Максимъ Грековъ.
Иванъ Кропотовъ.
Василій Новосильцовъ.
Андрей Апраксинъ.
Алексѣй Тараканов.
Степанъ Вельяминовъ.
Платонъ Мусинъ-Пушкинъ.
Петръ Вельяминовъ.
Князь Алексѣй Шаховской.
Князь Василій Вяземскій.
Иванъ Бибиковъ.
Матвѣй Алсуфьевъ.
Князь Григорій Юсуповъ.
Григорій Чернышевъ.
Михайло Головкинъ.
Семенъ Сукинъ.
Михайло Сухотинъ.
Иванъ Головкинъ.
Алексѣй Макаровъ.
Алексѣй Баскаковъ.
Иванъ Плещеевъ.
Алексѣй Зыбинъ.
Степанъ Лапухинъ.
Князь Иванъ Борятинской.
Петръ Воейковъ.
Князь Алексѣй Черкаской.
Андрей Ушаковъ.
Андрей Елагинъ.

Въ такой силѣ мнѣніе объявлено лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка отъ штабъ и оберъ-офицерамъ.

Второй проэктъ.

Сего февраля въ (*) день, при собраніи Тайнаго Верховнаго Совѣта, по прочтеніи присланныхъ отъ Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ руки Ея Величества пунктовъ, отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта объявлено: ежели кто можетъ изобрести къ лучшей пользѣ отечеству объявили бы; и по тому объявленію, что могли изобрѣсти по совѣсти, предлагаемъ слѣдующее: 1) къ Верховному Тайному Совѣту, къ настоящимъ персонамъ мнится прибавить, чтобъ съ прежними было 16-ть персонъ, понеже для важныхъ дѣлъ призывано будетъ общество, какъ показано ниже въ 10 пунктѣ; 2) а нынѣ къ Верховному Тайному Совѣту въ прибавокъ и впредь на ваканціи выбирать обществомъ, чтобъ было въ собраніи не меньше ста персонъ, а именно генералитету военнаго и статскаго и шляхетства, а балатировать окромѣ тѣхъ, которые будутъ выбирать, толикимъ же числомъ, какъ въ семъ пунктѣ значитъ, и на одну персону выбирать толикимже числомъ, какъ въ семъ пунктѣ значитъ, и на персону выбирать по три кандидата, которыхъ выбалатировавъ представить въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ для опредѣленія изъ нихъ одного Ея Императорскому Величеству; 3) а оные вновь выбалатированные персоны хотя и будутъ присутствовать, а явныхъ заслугъ къ отечеству впредь не покажутъ, то онымъ ранговъ и жалованья противъ нынѣ присутствующихъ, мнится, не давать, а имѣть имъ ранги жалованья прежніе, въ которыхъ они выбалатированы; а когда покажутъ къ отечеству службы, тогда по заслугамъ и награждены быть имѣютъ, а при выборѣ и при балатированьѣ болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, а которые будутъ выбраны въ кандидаты, и изъ тѣхъ изъ одной фамиліи болѣе одной персоны въ кандидатѣхъ не быть; а которыхъ фамилій выбраны будутъ, тѣхъ фамилій при балатированіи не быть; 4) въ сенатѣ, мнится, быть съ настоящими 21 персона, чтобъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и множествомъ дѣлъ не отягчить, по большей части голосовъ рѣшать дѣла, и для смотрѣнія быть однажды въ каждомъ году по губерніямъ, всякихъ ко исправленію государственныхъ и челобитчиковыхъ дѣлъ, и новоприбавочныхъ въ кандидаты выбирать и балатировать и рангами и жалованьемъ быть, пока заслужатъ по прежнему, и по заслугамъ награждать и представлять для опредѣленія какъ сенаторовъ, такъ губернаторовъ и президентовъ коллежскихъ противъ 2, 1, 3 пунктовъ; 5) въ коллежскіе вице-президенты и воеводы и протчіе гражданскіе чины выбирать и балатировать обществомъ, какъ показано во 2 и 3 пунктахъ, не менѣе 50 персонъ, и по балатированіи для опредѣленія представить высокому сенату, также и въ протчемъ чинить противъ 4-го пункта; 6) о наслѣдствіи въ недвижимомъ и о послѣднемъ

*) См. «Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта» (Чт. Общ. Ист. 1858, III, стр. 115).

Второй проэктъ.

Сего февраля въ (*) день, при собраніи Тайнаго Верховнаго Совѣта, по прочтеніи присланныхъ отъ Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ руки Ея Величества пунктовъ, отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта объявлено: ежели кто можетъ изобрести къ лучшей пользѣ отечеству объявили бы; и по тому объявленію, что могли изобрѣсти по совѣсти, предлагаемъ слѣдующее: 1) къ Верховному Тайному Совѣту, къ настоящимъ персонамъ мнится прибавить, чтобъ съ прежними было 16-ть персонъ, понеже для важныхъ дѣлъ призывано будетъ общество, какъ показано ниже въ 10 пунктѣ; 2) а нынѣ къ Верховному Тайному Совѣту въ прибавокъ и впредь на ваканціи выбирать обществомъ, чтобъ было въ собраніи не меньше ста персонъ, а именно генералитету военнаго и статскаго и шляхетства, а балатировать окромѣ тѣхъ, которые будутъ выбирать, толикимъ же числомъ, какъ въ семъ пунктѣ значитъ, и на одну персону выбирать толикимже числомъ, какъ въ семъ пунктѣ значитъ, и на персону выбирать по три кандидата, которыхъ выбалатировавъ представить въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ для опредѣленія изъ нихъ одного Ея Императорскому Величеству; 3) а оные вновь выбалатированные персоны хотя и будутъ присутствовать, а явныхъ заслугъ къ отечеству впредь не покажутъ, то онымъ ранговъ и жалованья противъ нынѣ присутствующихъ, мнится, не давать, а имѣть имъ ранги жалованья прежніе, въ которыхъ они выбалатированы; а когда покажутъ къ отечеству службы, тогда по заслугамъ и награждены быть имѣютъ, а при выборѣ и при балатированьѣ болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, а которые будутъ выбраны въ кандидаты, и изъ тѣхъ изъ одной фамиліи болѣе одной персоны въ кандидатѣхъ не быть; а которыхъ фамилій выбраны будутъ, тѣхъ фамилій при балатированіи не быть; 4) въ сенатѣ, мнится, быть съ настоящими 21 персона, чтобъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и множествомъ дѣлъ не отягчить, по большей части голосовъ рѣшать дѣла, и для смотрѣнія быть однажды въ каждомъ году по губерніямъ, всякихъ ко исправленію государственныхъ и челобитчиковыхъ дѣлъ, и новоприбавочныхъ въ кандидаты выбирать и балатировать и рангами и жалованьемъ быть, пока заслужатъ по прежнему, и по заслугамъ награждать и представлять для опредѣленія какъ сенаторовъ, такъ губернаторовъ и президентовъ коллежскихъ противъ 2, 1, 3 пунктовъ; 5) въ коллежскіе вице-президенты и воеводы и протчіе гражданскіе чины выбирать и балатировать обществомъ, какъ показано во 2 и 3 пунктахъ, не менѣе 50 персонъ, и по балатированіи для опредѣленія представить высокому сенату, также и въ протчемъ чинить противъ 4-го пункта; 6) о наслѣдствіи въ недвижимомъ и о послѣднемъ

*) См. «Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта» (Чт. Общ. Ист. 1858, III, стр. 115).

въ фамиліи какъ впредь быть надлежащее разсмотреніе учинить; 7) о порядочномъ произвожденіи офицеровъ и салдатъ и о исправной заплатѣ жалованьемъ разсмотрѣніе учинить, чтобъ на сроки могло приходить; 8) шляхетству, духовенству, купечеству и прочимъ всякому по состоянію ихъ учинить удовольствіе, въ чемъ возможно, понеже отъ того зависитъ цѣлость правленія, такожъ и крестьянству въ податяхъ разсмотрѣніе и надлежащее облегченіе; 9) для произвожденія въ службу шляхетству искать лучшаго способу и положить время до какихъ лѣтъ въ службѣ быть, также въ матросы и въ мастерства неволею не брать; 10) что потребно впредь сочинить въ дополненіе уставовъ принадлежащихъ къ государственному правительству, или какіе дѣла касатся будутъ къ государству ощей пользѣ, оные сочинить и утверждать верховному правительству и шляхетству общемъ совѣту.

У сего (25).

Третій проэктъ.

Нынѣ обществомъ сочиняется:

1.

Сенату быть въ 30-ти персонахъ, Государынѣ президенствовать и имѣть три голоса, а Верховному Тайному Совѣту не быть.

2.

Для дѣлъ малѣйшихъ отлучить съ перемѣною по годно 10 человѣкъ, а въ государственныхъ дѣлахъ собщаться всѣмъ.

3.

Въ члены выбирать въ сенатъ чрезъ балатированье, а чтобы было отъ одной фамиліи не больше двухъ человѣкъ.

4.

Войску быть подъ военными коллегіями, а гвардіи подъ сенатомъ.

5.

Придворные чины выбрать вновь.

6.

На убылые мѣста въ сенатъ въ члены, и въ коллегіи въ президенты и въ губернаторы, выбирать обществомъ балатированьемъ; а сенату къ выборамъ не вступаться.

7.

Впредь что потребно къ исправленію и къ пользѣ государственной явится, сочинить сѣйму и утвердить обществомъ.

въ фамиліи какъ впредь быть надлежащее разсмотреніе учинить; 7) о порядочномъ произвожденіи офицеровъ и салдатъ и о исправной заплатѣ жалованьемъ разсмотрѣніе учинить, чтобъ на сроки могло приходить; 8) шляхетству, духовенству, купечеству и прочимъ всякому по состоянію ихъ учинить удовольствіе, въ чемъ возможно, понеже отъ того зависитъ цѣлость правленія, такожъ и крестьянству въ податяхъ разсмотрѣніе и надлежащее облегченіе; 9) для произвожденія въ службу шляхетству искать лучшаго способу и положить время до какихъ лѣтъ въ службѣ быть, также въ матросы и въ мастерства неволею не брать; 10) что потребно впредь сочинить въ дополненіе уставовъ принадлежащихъ къ государственному правительству, или какіе дѣла касатся будутъ къ государству ощей пользѣ, оные сочинить и утверждать верховному правительству и шляхетству общемъ совѣту.

У сего (25).

Третій проэктъ.

Нынѣ обществомъ сочиняется:

1.

Сенату быть въ 30-ти персонахъ, Государынѣ президенствовать и имѣть три голоса, а Верховному Тайному Совѣту не быть.

2.

Для дѣлъ малѣйшихъ отлучить съ перемѣною по годно 10 человѣкъ, а въ государственныхъ дѣлахъ собщаться всѣмъ.

3.

Въ члены выбирать въ сенатъ чрезъ балатированье, а чтобы было отъ одной фамиліи не больше двухъ человѣкъ.

4.

Войску быть подъ военными коллегіями, а гвардіи подъ сенатомъ.

5.

Придворные чины выбрать вновь.

6.

На убылые мѣста въ сенатъ въ члены, и въ коллегіи въ президенты и въ губернаторы, выбирать обществомъ балатированьемъ; а сенату къ выборамъ не вступаться.

7.

Впредь что потребно къ исправленію и къ пользѣ государственной явится, сочинить сѣйму и утвердить обществомъ.

8.

Шляхетство въ военные рядовые чины и въ мастеровые чины не выбирать, а сочинить для оныхъ особливые роты шляхетскіе, а для морскихъ гардемарины.

9.

Старшинство въ наслѣдствѣ дѣтей отставить, а дать на волю родителемъ, а ежели родителей у кого не останется, дѣлить по частямъ.

III.

Прошеніе, поданное княземъ А. М. Черкасскимъ.

Всепресвѣтлѣйшая всемилостивѣйшая Государыня Императрица!

Хотя волею Всевышняго Царя согласнымъ соизволеніемъ всего народа единодушно Ваше Величество на престолъ Имперіи Россійской возведена, Ваше же Императорское Величество, въ показаніе высокой Вашей ко всему Государству милости, изволили представленные отъ Верховнаго Совѣта пункты подписать, за которые Ваше милостивное намѣреніе всенижайше рабски благодарствуемъ, и не токмо мы но и вѣчно наслѣдники наши имени Вашему безсмертное благодареніе и почитаніе воздавать сердцемъ и устами причину имѣютъ; однакоже, Всемилостивѣйшая Государыня, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ находятся сумнительства такія, что большая часть народа состоитъ въ страхѣ предбудущаго безпокойства, изъ котораго только непріятелемъ Отечества нашего польза быть можетъ, и хотя мы, съ благоразсуднымъ разсмотрѣніемъ написавъ на оные наше мнѣніе, съ подобающею честію и смиреніемъ Верховному Тайному Совѣту представили, прося, чтобы изволили для пользы и спокойствія всего Государства по оному, яко по большему числу голосовъ, безопасную Правленія Государственнаго форму учредить, однакоже, Всемилостивѣйшая Государыня, они еще о томъ не разсудили, а отъ многихъ и мнѣній подписанныхъ не принято, а объявлено, что того безъ воли Вашего Императорскаго Величества учинить невозможно.

Мы же, вѣдая Вашего Императорскаго Величества природное человѣколюбіе и склонность къ показанію всему Имперію милости, всепокорно нижайше Вашего Величества просимъ, дабы Всемилостивѣйше по поданнымъ отъ насъ и прочихъ мнѣніямъ соизволили собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхетству по одному или по два отъ фамилій разсмотрѣть и всѣ обстоятельства изслѣдовать, согласнымъ мнѣніемъ по большимъ голосамъ форму Правленія Государственнаго сочинить и Вашему Величеству ко утвержденію представить.

8.

Шляхетство въ военные рядовые чины и въ мастеровые чины не выбирать, а сочинить для оныхъ особливые роты шляхетскіе, а для морскихъ гардемарины.

9.

Старшинство въ наслѣдствѣ дѣтей отставить, а дать на волю родителемъ, а ежели родителей у кого не останется, дѣлить по частямъ.

III.

Прошеніе, поданное княземъ А. М. Черкасскимъ.

Всепресвѣтлѣйшая всемилостивѣйшая Государыня Императрица!

Хотя волею Всевысшаго Царя согласнымъ соизволеніемъ всего народа единодушно Ваше Величество на престолъ Имперіи Россійской возведена, Ваше же Императорское Величество, въ показаніе высокой Вашей ко всему Государству милости, изволили представленные отъ Верховнаго Совѣта пункты подписать, за которые Ваше милостивное намѣреніе всенижайше рабски благодарствуемъ, и не токмо мы но и вѣчно наслѣдники наши имени Вашему безсмертное благодареніе и почитаніе воздавать сердцемъ и устами причину имѣютъ; однакоже, Всемилостивѣйшая Государыня, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ находятся сумнительства такія, что большая часть народа состоитъ въ страхѣ предбудущаго безпокойства, изъ котораго только непріятелемъ Отечества нашего польза быть можетъ, и хотя мы, съ благоразсуднымъ разсмотрѣніемъ написавъ на оные наше мнѣніе, съ подобающею честію и смиреніемъ Верховному Тайному Совѣту представили, прося, чтобы изволили для пользы и спокойствія всего Государства по оному, яко по большему числу голосовъ, безопасную Правленія Государственнаго форму учредить, однакоже, Всемилостивѣйшая Государыня, они еще о томъ не разсудили, а отъ многихъ и мнѣній подписанныхъ не принято, а объявлено, что того безъ воли Вашего Императорскаго Величества учинить невозможно.

Мы же, вѣдая Вашего Императорскаго Величества природное человѣколюбіе и склонность къ показанію всему Имперію милости, всепокорно нижайше Вашего Величества просимъ, дабы Всемилостивѣйше по поданнымъ отъ насъ и прочихъ мнѣніямъ соизволили собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхетству по одному или по два отъ фамилій разсмотрѣть и всѣ обстоятельства изслѣдовать, согласнымъ мнѣніемъ по большимъ голосамъ форму Правленія Государственнаго сочинить и Вашему Величеству ко утвержденію представить.

Напротивъ же тому всепокорно нижайше желаемъ и обѣщаемъ всякую вѣрность и надлежащую пользу персонѣ Вашего Величества изыскивать и яко сущую всего Отечества мать почитать и прославлять во вѣки безсмертные будемъ.

И хотя къ сему прошенію не многіе подписались, понеже собою собраться для подписки опасны, а согласуютъ большая часть, чему свидѣтельствуютъ подписанные отъ многихъ мнѣній, о которыхъ выше показано, что иные еще и не приняты.

Просьба сія подписана слѣдующими лицами:

Григорій Чернышевъ.
Князь Григорій Юсуповъ.
Семенъ Салтыковъ.
Графъ Иванъ Головкинъ.
Графъ Михайло Головкинъ.
Андрей Ушаковъ.
Василій Новосельцовъ.
Семенъ Сукинъ.
Степанъ Вельяминовъ.
Михайло Сухотинъ.
Родіонъ Кошелевъ.
Дмитрій Шепелевъ.
Князь Алексѣй Черкаской.
Князь Никита Трубецкой.
Князь Александръ Черкаской.
Князь Иванъ Борятинскій.
Алексѣй Тарабановъ.
Сергѣй Секіотовъ.
Графъ Матвѣевъ.
Иванъ Бибиковъ.
Князь Петръ Черкаской.
Алексѣй Замыцкой.
Степанъ Шемякинъ.
Александръ Румянцевъ.
Александръ Раевскій.
Семенъ Кишкинъ.
Потапъ Колокольцовъ.
Иванъ Волынской.
Никита Юббазинковъ (?).
Василій Бибиковъ.
Федоръ Ушаковъ.
Степанъ Апраксинъ.
Андрей Усовъ.
Петръ Воейковъ.
Алексѣй Зыбинъ.
Князь Семенъ Гагаринъ.
Степанъ Шепелевъ.
Василій Татищевъ.
Александръ Ржевской.
Савостьянъ Ешишковъ.
Федоръ Полонской.
Федоръ Шушеринъ.
Князь Борисъ Юсуповъ.
Петръ Ханыковъ.
Андріянъ Лопухинъ.
Дмитрій Золотиловъ.
Михайло Павловъ.
Никита Соковнинъ.
Петръ Салтыковъ.
Романъ Тургеновъ.
Князь Андрей Борятинскій.
Иванъ Пашковъ.
Иванъ Ильинъ.
Иванъ Гурьевъ.
Князь Данило Друцкой.
Николай Полонской.
Семенъ Кайсаровъ.
Александръ Хитрово.
Александръ Юшковъ.
(*Не разобрано*).
Левъ Бухвастовъ.
Лукьянъ Боборыкинъ.
Автомонъ Савеловъ.
Иванъ Языковъ.
Иванъ Наумовъ.
Петръ Доктуровъ.
Максимъ Мансуровъ.
Иванъ Кабановъ.
Андрей Касаговъ.
Афонасій Елизаровъ.
Иванъ Нащокинъ.
Иванъ Дурновъ.
Ларіонъ Даниловъ.
Александръ (*не разобрано*).
Петръ Хитрово.
Михайло Зузинъ.

Напротивъ же тому всепокорно нижайше желаемъ и обѣщаемъ всякую вѣрность и надлежащую пользу персонѣ Вашего Величества изыскивать и яко сущую всего Отечества мать почитать и прославлять во вѣки безсмертные будемъ.

И хотя къ сему прошенію не многіе подписались, понеже собою собраться для подписки опасны, а согласуютъ большая часть, чему свидѣтельствуютъ подписанные отъ многихъ мнѣній, о которыхъ выше показано, что иные еще и не приняты.

Просьба сія подписана слѣдующими лицами:

Григорій Чернышевъ.
Князь Григорій Юсуповъ.
Семенъ Салтыковъ.
Графъ Иванъ Головкинъ.
Графъ Михайло Головкинъ.
Андрей Ушаковъ.
Василій Новосельцовъ.
Семенъ Сукинъ.
Степанъ Вельяминовъ.
Михайло Сухотинъ.
Родіонъ Кошелевъ.
Дмитрій Шепелевъ.
Князь Алексѣй Черкаской.
Князь Никита Трубецкой.
Князь Александръ Черкаской.
Князь Иванъ Борятинскій.
Алексѣй Тарабановъ.
Сергѣй Секіотовъ.
Графъ Матвѣевъ.
Иванъ Бибиковъ.
Князь Петръ Черкаской.
Алексѣй Замыцкой.
Степанъ Шемякинъ.
Александръ Румянцевъ.
Александръ Раевскій.
Семенъ Кишкинъ.
Потапъ Колокольцовъ.
Иванъ Волынской.
Никита Юббазинковъ (?).
Василій Бибиковъ.
Федоръ Ушаковъ.
Степанъ Апраксинъ.
Андрей Усовъ.
Петръ Воейковъ.
Алексѣй Зыбинъ.
Князь Семенъ Гагаринъ.
Степанъ Шепелевъ.
Василій Татищевъ.
Александръ Ржевской.
Савостьянъ Ешишковъ.
Федоръ Полонской.
Федоръ Шушеринъ.
Князь Борисъ Юсуповъ.
Петръ Ханыковъ.
Андріянъ Лопухинъ.
Дмитрій Золотиловъ.
Михайло Павловъ.
Никита Соковнинъ.
Петръ Салтыковъ.
Романъ Тургеновъ.
Князь Андрей Борятинскій.
Иванъ Пашковъ.
Иванъ Ильинъ.
Иванъ Гурьевъ.
Князь Данило Друцкой.
Николай Полонской.
Семенъ Кайсаровъ.
Александръ Хитрово.
Александръ Юшковъ.
(*Не разобрано*).
Левъ Бухвастовъ.
Лукьянъ Боборыкинъ.
Автомонъ Савеловъ.
Иванъ Языковъ.
Иванъ Наумовъ.
Петръ Доктуровъ.
Максимъ Мансуровъ.
Иванъ Кабановъ.
Андрей Касаговъ.
Афонасій Елизаровъ.
Иванъ Нащокинъ.
Иванъ Дурновъ.
Ларіонъ Даниловъ.
Александръ (*не разобрано*).
Петръ Хитрово.
Михайло Зузинъ.

Григорій Остафьевъ.
Семенъ Юшковъ.
Иванъ *(не разобрано)*.
Николай Лужковъ.
Александръ Возницынъ.
Борисъ Горсткинъ.
Иванъ Чубаровъ.
Андрей Кологривовъ.
Князь Андрей Шаховской.
Михайло Хвостовъ.
Григорій *(не разобрано)*.

IV.

Записка неизвѣстнаго.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По повѣленію и указу Вашего Императорскаго Величества доношу яко вѣрный рабъ чистосердечно что могу вспомнить.

Въ прошломъ 1730-мъ году Генваря въ 18 день, егда Его Императорское Величество Петръ вторый зѣло прискорбѣлъ, то прислалъ по меня Андрей Ивановичь Остерманъ.

И какъ я туды пріѣхалъ, то велѣлъ мнѣ тамо быть неотлучно.

И потому къ вечеру съѣхались всѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта Министры и нѣсколько изъ генералитету и изъ тогдашняго высокого сенату.

Его Императорскаго Величества не стало послѣ полуночи въ 1-мъ часу.

И Верховнаго Тайнаго Совѣту Министры пошли во особливую камору, а что у нихъ происходило, о томъ я неизвѣстенъ, понеже тамо не былъ, оставался въ тѣхъ покояхъ, гдѣ Его Величества не стало. А вышедъ спросили меня и велѣли взять чернилицу, и отшедъ въ палату ту, которая предъ тою, гдѣ Его Императорское Величество скончался, посадя меня за маленькой столъ, приказывать стали писать пункты или кондиціи, и тотъ и другой сказывали такъ, что я не зналъ что и писать, а болѣе приказывали иногда князь Дмитрій Михайловичь, иногда князь Василій Лукичь. Увидя сіе, что за разными приказы медлитца, Гаврило Ивановичь и другія просили Андрея Ивановича, чтобы онъ яко знающій лучше штиль диктовалъ, который отговаривался, чиня приличныя представленія, что такъ дѣло важное и онъ за иноземничествомъ вступать въ оное не можетъ, а какія подлинно чинилъ представленіи, объявитъ за минувшимъ долгимъ временемъ не упомню, и потомъ онъ какъ штиль весть сказывалъ, а пункты болѣе диктовалъ князь Василій Лукичь, и я съ ихъ словъ списалъ; а были тамо Гаврило Ивановичь, князь Михайло Михайловичь, князь Василій Володиміровичь, князь Дмитрій Михайловичь, князь Василій Лукичь, Андрей Ивановичь Остерманъ, князь Алексѣй Григорьевичь, князь Михайло Володиміровичь.

Написавъ заѣхали на малое время по домамъ, а по утру 19-го, всѣ пріѣхали въ мастерскую въ тогдашній Верховной Тайной Со-

Григорій Остафьевъ.
Семенъ Юшковъ.
Иванъ *(не разобрано)*.
Николай Лужковъ.
Александръ Возницынъ.
Борисъ Горсткинъ.
Иванъ Чубаровъ.
Андрей Кологривовъ.
Князь Андрей Шаховской.
Михайло Хвостовъ.
Григорій *(не разобрано)*.

IV.

Записка неизвѣстнаго.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По повѣленію и указу Вашего Императорскаго Величества доношу яко вѣрный рабъ чистосердечно что могу вспомнить.

Въ прошломъ 1730-мъ году Генваря въ 18 день, егда Его Императорское Величество Петръ вторый зѣло прискорбѣлъ, то прислалъ по меня Андрей Ивановичь Остерманъ.

И какъ я туды пріѣхалъ, то велѣлъ мнѣ тамо быть неотлучно.

И потому къ вечеру съѣхались всѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта Министры и нѣсколько изъ генералитету и изъ тогдашняго высокого сенату.

Его Императорскаго Величества не стало послѣ полуночи въ 1-мъ часу.

И Верховнаго Тайнаго Совѣту Министры пошли во особливую камору, а что у нихъ происходило, о томъ я неизвѣстенъ, понеже тамо не былъ, оставался въ тѣхъ покояхъ, гдѣ Его Величества не стало. А вышедъ спросили меня и велѣли взять чернилицу, и отшедъ въ палату ту, которая предъ тою, гдѣ Его Императорское Величество скончался, посадя меня за маленькой столъ, приказывать стали писать пункты или кондиціи, и тотъ и другой сказывали такъ, что я не зналъ что и писать, а болѣе приказывали иногда князь Дмитрій Михайловичь, иногда князь Василій Лукичь. Увидя сіе, что за разными приказы медлитца, Гаврило Ивановичь и другія просили Андрея Ивановича, чтобы онъ яко знающій лучше штиль диктовалъ, который отговаривался, чиня приличныя представленія, что такъ дѣло важное и онъ за иноземничествомъ вступать въ оное не можетъ, а какія подлинно чинилъ представленіи, объявить за минувшимъ долгимъ временемъ не упомню, и потомъ онъ какъ штиль весть сказывалъ, а пункты болѣе диктовалъ князь Василій Лукичь, и я съ ихъ словъ списалъ; а были тамо Гаврило Ивановичь, князь Михайло Михайловичь, князь Василій Володиміровичь, князь Дмитрій Михайловичь, князь Василій Лукичь, Андрей Ивановичь Остерманъ, князь Алексѣй Григорьевичь, князь Михайло Володиміровичь.

Написавъ заѣхали на малое время по домамъ, а по утру 19-го, всѣ пріѣхали въ мастерскую въ тогдашній Верховной Тайной Со-

вѣтъ, и тамо собраны были, какъ духовнаго чина знатныя, такъ и свѣтскаго генералитетъ, и сенатъ, и прочіе изъ коллегій немалое число; и сперва всѣмъ тѣмъ собраннымъ объявили о Вашемъ Императорскомъ Величествѣ, что довольны ли, которыя всѣ тому возрадовались и были довольны, а о пунктахъ или кондиціяхъ, каковы оныя; ничего имъ не объявили.

А отпустя ихъ, стали тѣ сочиненныя въ слободѣ пункты читать, и многія прибавки привезши съ собою, князь Василій Лукичъ и князь Дмитрій Михайловичъ вписывать велѣли, которые имянно значатъ въ черныхъ; а Андрей Ивановичъ Остерманъ заболѣлъ и при томъ не былъ и съ того времяни уже не ѣздилъ. И учиня прибавки и написавъ вчернѣ, къ Вашему Величеству письмо велѣли переписать и ради подписи по домамъ къ себѣ привезть, съ которыми я для подписи ѣздилъ, а подписавъ привезъ въ домъ князя Василья Лукича, гдѣ меня дожидались Анисимъ Масловъ и Матвѣй Кузминъ, и все тамо заключа, вручили князю Василью Лукичу, съ чѣмъ онъ того вечера и поѣхалъ.

У Андрея Ивановича былъ, и онъ только одно письмо подписалъ, а кондицій не подписывалъ, и хотя я къ нему и послѣ по приказу ради подписанія оныхъ ѣздилъ, но онъ не подписывалъ, и потомъ уже спустя, и какъ помнится, по пріѣздѣ Леонтьева, какъ посланъ къ нему былъ я съ тѣмъ, что развѣ онъ не хочетъ быть съ ними сообщникомъ, что не подписываетъ, то тогда подписалъ.

По отпускѣ князя Василья Лукича, Гаврило Ивановичъ говаривалъ въ Совѣтѣ, сколько я упомнить могу, что отпустили они только одни пять человѣкъ письмо и кондиціи, а другимъ не объявили: надлежало бы объявить другимъ. Понеже когда Ваше Величество прибудете въ Святское, то придутъ къ Вашему Величеству многія и скажутъ, что они о томъ не знали, и говаривалъ о кондиціяхъ, что тяжки. А особливо о лишеніи короны, но протчіе о тѣхъ кондиціяхъ не хотѣли объявлять; а иногда что говаривали между себя втайнѣ, того знать не могу, понеже насъ высылывали вонъ.

Изъясненіе, каковы были нѣкіихъ лицъ умыслы, затѣйки и дѣйствія въ призовъ на престолъ Ея Императорскаго Величества.

Въ прошедшемъ Генварѣ мѣсяцѣ, по преставленіи блаженныя памяти Государя Императора Петра втораго, въ первый день, то есть числомъ девятнадесятый, Верховнаго Совѣта Члены, къ числу своихъ пяти человѣкъ присовокупили трехъ новыхъ, и стало ихъ собраніе осмеричное. И тогды же созывая Синодальныхъ, и Сенатскихъ, такожъ и Генералитета, и Коллежскихъ членовъ, объявили свое согласіе къ наслѣдствованію Всероссійскаго Престола Великой Государынѣ Царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ Герцогинѣ Курляндской, нынѣ уже царствующей Императрицѣ, не воспоминая никакихъ къ тому кондицій или договоровъ, но просто требуя народ-

вѣтъ, и тамо собраны были, какъ духовнаго чина знатныя, такъ и свѣтскаго генералитетъ, и сенатъ, и прочіе изъ коллегій немалое число; и сперва всѣмъ тѣмъ собраннымъ объявили о Вашемъ Императорскомъ Величествѣ, что довольны ли, которыя всѣ тому возрадовались и были довольны, а о пунктахъ или кондиціяхъ, каковы оныя; ничего имъ не объявили.

А отпустя ихъ, стали тѣ сочиненныя въ слободѣ пункты читать, и многія прибавки привезши съ собою, князь Василій Лукичъ и князь Дмитрій Михайловичъ вписывать велѣли, которые имянно значатъ въ черныхъ; а Андрей Ивановичъ Остерманъ заболѣлъ и при томъ не былъ и съ того времяни уже не ѣздилъ. И учиня прибавки и написавъ вчернѣ, къ Вашему Величеству письмо велѣли переписать и ради подписи по домамъ къ себѣ привезть, съ которыми я для подписи ѣздилъ, а подписавъ привезъ въ домъ князя Василья Лукича, гдѣ меня дожидались Анисимъ Масловъ и Матвѣй Кузминъ, и все тамо заключа, вручили князю Василью Лукичу, съ чѣмъ онъ того вечера и поѣхалъ.

У Андрея Ивановича былъ, и онъ только одно письмо подписалъ, а кондицій не подписывалъ, и хотя я къ нему и послѣ по приказу ради подписанія оныхъ ѣздилъ, но онъ не подписывалъ, и потомъ уже спустя, и какъ помнится, по пріѣздѣ Леонтьева, какъ посланъ къ нему былъ я съ тѣмъ, что развѣ онъ не хочетъ быть съ ними сообщникомъ, что не подписываетъ, то тогда подписалъ.

По отпускѣ князя Василья Лукича, Гаврило Ивановичъ говаривалъ въ Совѣтѣ, сколько я упомнить могу, что отпустили они только одни пять человѣкъ письмо и кондиціи, а другимъ не объявили: надлежало бы объявить другимъ. Понеже когда Ваше Величество прибудете въ Святское, то придутъ къ Вашему Величеству многія и скажутъ, что они о томъ не знали, и говаривалъ о кондиціяхъ, что тяжки. А особливо о лишеніи короны, но протчіе о тѣхъ кондиціяхъ не хотѣли объявлять; а иногда что говаривали между себя втайнѣ, того знать не могу, понеже насъ высылывали вонъ.

Изъясненіе, каковы были нѣкіихъ лицъ умыслы, затѣйки и дѣйствія въ призовъ на престолъ Ея Императорскаго Величества.

Въ прошедшемъ Генварѣ мѣсяцѣ, по преставленіи блаженныя памяти Государя Императора Петра втораго, въ первый день, то есть числомъ девятнадесятый, Верховнаго Совѣта Члены, къ числу своихъ пяти человѣкъ присовокупили трехъ новыхъ, и стало ихъ собраніе осмеричное. И тогды же созывая Синодальныхъ, и Сенатскихъ, такожъ и Генералитета, и Коллежскихъ членовъ, объявили свое согласіе къ наслѣдствованію Всероссійскаго Престола Великой Государынѣ Царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ Герцогинѣ Курляндской, нынѣ уже царствующей Императрицѣ, не воспоминая никакихъ къ тому кондицій или договоровъ, но просто требуя народ-

наго согласія: и тотъ часъ всѣ оные помянутые чины съ великою радостію согласіе свое показали. Въ тотъ же день оныи осмичисленныи Господа, въ десятомъ по полудни часу, выслали отъ себя посланниковъ въ Курляндію просить Ея Величество на прародительскій престолъ. А на утріе, двадесятаго дня Генваря, пронесся слухъ, что не просто посольство оное къ привозу Ея Величества выправлено, но съ нѣкіими договорными предложеніи. И слышно было, чтобъ Ея Величеству не быть Самодержавной, какъ Ея предки были. А послѣ, Февраля 2-го дня, полученное изъ Курляндіи, отъ лица Ея Величества, акц бы тамо сочиненное письмо, созвавъ паки въ Верховный Совѣтъ всѣхъ чиновъ, всѣмъ въ слухъ прочитано, гдѣ слышаны тяжественныя на высокую Ея Величество Особу наложенныя одолженія, подъ лишеніемъ за неисполненіе Короны Россійской, съ удивленіемъ, недоуменіемъ, ужасомъ всѣхъ слушателей. Нельзя было не думать, что письмо оное Ея Величество подписала, или страхомъ принуждена, или нѣкоею прильщена обманою. Что по прибытіи въ Москву Ея Величества и показалось ясно. Скоро же потомъ прочіи всѣ чины вѣрныи Ея Величества подданныи великимъ множествомъ просили, дабы Ея Величество изволила принять на себе самодержавіе, каковое имѣли предки Ея. И Февраля 25-го дня, при Верховнаго Совѣта, Генералитета Членахъ и прочіяго шляхетнаго народа, Ея Величество Государыня Императрица, объявляя себя Россійскою Самодержицею, вышепомянутое письмо свое, показуя быть обманное, своими руками разодрала. За что во первыхъ Богу, также и самой Ея Величеству великое отъ насъ должно благодареніе. Надобно же изъяснить помянутыхъ осьми лицъ каковое въ затѣйкѣ сей было и намѣреніе, и дѣйствіе, и къ общей ли народа пользѣ, или къ приватнымъ нѣкіимъ интересамъ простиралося.

Невозможно затѣечнаго сего дѣла не назвать самимъ злѣйшимъ преступленіемъ, хотя бы какіе кто вымышлялъ оттоворки, а то ради слѣдующихъ причинъ:

1) Дѣлали сіе не многіи, и весьма число не токмо не довольное, но малое и скудное. А если бы искалося отъ нихъ добро общее, какъ они сказуютъ, то бы надлежало отъ всѣхъ чиновъ призвать на совѣтъ не по малому числу человѣкъ.

2) Дѣлалось же и весма тайно, что надобно было всѣмъ объявить, а хотя бы не всему народу, то хотя Начальнѣйшимъ Духовнымъ Сенату, Генералитету, Коллежскимъ Членамъ; всѣ ли сіи неискательны добра общаго; всѣ ли не доброхотны и не вѣрны своему Отечеству; одни ли они и мудры, и вѣрны, и благосовѣстны? И хотя бы и прямо искали они общей Государству пользы (что весьма можно есть), то однакожъ таковымъ презрѣніемъ всѣхъ, которыи и честію фамиліи, и знатными прислугами неменьше ихъ суть, обезчестили и зѣло опорочили, понеже ни во что всѣхъ поставили, или въ числѣ дураковъ и плутовъ имѣли.

3) Дѣлалось же то и скоро, и очинь торопко: А толь важное дѣло требуетъ многаго и долгаго разсужденія. Партикулярные

наго согласія: и тотъ часъ всѣ оные помянутые чины съ великою радостію согласіе свое показали. Въ тотъ же день оныи осмичисленныи Господа, въ десятомъ по полудни часу, выслали отъ себя посланниковъ въ Курляндію просить Ея Величество на прародительскій престолъ. А на утріе, двадесятаго дня Генваря, пронесся слухъ, что не просто посольство оное къ привозу Ея Величества выправлено, но съ нѣкіими договорными предложеніи. И слышно было, чтобъ Ея Величеству не быть Самодержавной, какъ Ея предки были. А послѣ, Февраля 2-го дня, полученное изъ Курляндіи, отъ лица Ея Величества, акц бы тамо сочиненное письмо, созвавъ паки въ Верховный Совѣтъ всѣхъ чиновъ, всѣмъ въ слухъ прочитано, гдѣ слышаны тяжественныя на высокую Ея Величество Особу наложенныя одолженія, подъ лишеніемъ за неисполненіе Короны Россійской, съ удивленіемъ, недоуменіемъ, ужасомъ всѣхъ слушателей. Нельзя было не думать, что письмо оное Ея Величество подписала, или страхомъ принуждена, или нѣкоею прильщена обманою. Что по прибытіи въ Москву Ея Величества и показалось ясно. Скоро же потомъ прочіи всѣ чины вѣрныи Ея Величества подданныи великимъ множествомъ просили, дабы Ея Величество изволила принять на себе самодержавіе, каковое имѣли предки Ея. И Февраля 25-го дня, при Верховнаго Совѣта, Генералитета Членахъ и прочіяго шляхетнаго народа, Ея Величество Государыня Императрица, объявляя себя Россійскою Самодержицею, вышепомянутое письмо свое, показуя быть обманное, своими руками разодрала. За что во первыхъ Богу, также и самой Ея Величеству великое отъ насъ должно благодареніе. Надобно же изъяснить помянутыхъ осьми лицъ каковое въ затѣйкѣ сей было и намѣреніе, и дѣйствіе, и къ общей ли народа пользѣ, или къ приватнымъ нѣкіимъ интересамъ простиралося.

Невозможно затѣечнаго сего дѣла не назвать самимъ злѣйшимъ преступленіемъ, хотя бы какіе кто вымышлялъ оттоворки, а то ради слѣдующихъ причинъ:

1) Дѣлали сіе не многіи, и весьма число не токмо не довольное, но малое и скудное. А если бы искалося отъ нихъ добро общее, какъ они сказуютъ, то бы надлежало отъ всѣхъ чиновъ призвать на совѣтъ не по малому числу человѣкъ.

2) Дѣлалось же и весма тайно, что надобно было всѣмъ объявить, а хотя бы не всему народу, то хотя Начальнѣйшимъ Духовнымъ Сенату, Генералитету, Коллежскимъ Членамъ; всѣ ли сіи неискательны добра общаго; всѣ ли не доброхотны и не вѣрны своему Отечеству; одни ли они и мудры, и вѣрны, и благосовѣстны? И хотя бы и прямо искали они общей Государству пользы (что весьма можно есть), то однакожъ таковымъ презрѣніемъ всѣхъ, которыи и честію фамиліи, и знатными прислугами неменьше ихъ суть, обезчестили и зѣло опорочили, понеже ни во что всѣхъ поставили, или въ числѣ дураковъ и плутовъ имѣли.

3) Дѣлалось же то и скоро, и очинь торопко: А толь важное дѣло требуетъ многаго и долгаго разсужденія. Партикулярные

дѣла обрѣтаются, которыхъ скоро разсудить и производить нельзя: а какъ Государю Царствовать и перемѣнить форму Государства показалось дѣльце легкое. И невозможно такъ скоро пива сварить, какъ скоро они о семъ опредѣлили.

4) Двѣ на то сошлися фамиліи: кто же не видитъ, что они партикулярныхъ и приватныхъ себѣ интересовъ искали; сіе и утайки и скорости требовало: и для чего о семъ не думано по смерти блаженныя памяти Государыни Екатерины; Петръ вторый младъ былъ, мощно было ему какъ нѣкое ученіе предлагать о исправленіи Государства. Скажутъ, что опасно было, если бы не послушалъ: если же то скажутъ, то является страшная ихъ затѣйка, и вина слѣдующая:

5) Что они думали о Ея Величествѣ Аннѣ, уже въ народъ декларованной Императрицѣ; если бы она требованію ихъ отказала; нельзя чтобъ не что думали легкое: а изъ того каковые бы въ народѣ востали мятенія, смуты, междоусобія; и чуть не пришло бы Государство къ крайнему разоренію.

6) Если бы намѣренная свадба смерть Государеву предварила: не минуло бы скипетро оставшей по немъ вдовицѣ. А отнимали бы у Ей Самодержавство, о томъ и думать дурно.

7) Великая ихъ дерзость, что сами собою Верховнаго Совѣта вновь членовъ опредѣлили, Государыни не дожидаясь. А сіе дѣло едино Государей есть. И тако они уже въ Чинъ Царскій самозваніемъ вступили.

8) Прибавку же тую не изъ стороны, но изъ ихъ же фамилій здѣлали. И се уже не подозрѣніе, но явный видъ, что они за приватными своими интересы гонялися. Имъ бы и самимъ надлежало прочь отступить и власти себѣ данной лишиться, или дабы отставлены были, просить Государыни, чтобъ отъ подозрѣнія приватныхъ искательствъ чисты быть могли: а то еще отъ себя же себѣ числа прибавили.

9) Да и посольство къ Государыни изъ своихъ же фамилій выправили. Кто жъ такъ тупъ и глупъ, кто бы здѣ не догадался, что дѣлалось.

10) Бѣгло же посольство оное скоро такъ, что безмѣрный трудъ понесли: для чего жъ таковое поспѣшеніе и прыткость; вѣть не для чего инаго, только чтобъ ни кто не упредилъ собою или письмомъ и не донесъ бы Государынѣ, кто и съ чѣмъ идетъ къ ней. А симъ сами и не хотя показали, что обмануть Ея Величество хотѣли, какъ было и сдѣлали. Говорила же имъ ихъ же самая сивѣсть, что требованіе ихъ злое: понеже къ доброму обманное проводить не нужда. А трудъ ихъ толикій въ толь жестокомъ бѣгу даровый ли; явно, что интересы ихъ приватныи такъ ихъ жестоко погоняли.

11) Къ тому же и сіе дѣлали, что вси дороги заставами осадили и заключили и никого пропускать изъ Москвы, и письма обыскивать и обирать велѣли. Что было съ великимъ народа удивленіемъ. И симъ опаствомъ своимъ навели на Государыню весма

дѣла обрѣтаются, которыхъ скоро разсудить и производить нельзя: а какъ Государю Царствовать и перемѣнить форму Государства показалось дѣльце легкое. И невозможно такъ скоро пива сварить, какъ скоро они о семъ опредѣлили.

4) Двѣ на то сошлися фамиліи: кто же не видитъ, что они партикулярныхъ и приватныхъ себѣ интересовъ искали; сіе и утайки и скорости требовало: и для чего о семъ не думано по смерти блаженныя памяти Государыни Екатерины; Петръ вторый младъ былъ, мощно было ему какъ нѣкое ученіе предлагать о исправленіи Государства. Скажутъ, что опасно было, если бы не послушалъ: если же то скажутъ, то является страшная ихъ затѣйка, и вина слѣдующая:

5) Что они думали о Ея Величествѣ Аннѣ, уже въ народъ декларованной Императрицѣ; если бы она требованію ихъ отказала; нельзя чтобъ не что думали легкое: а изъ того каковые бы въ народѣ востали мятенія, смуты, междоусобія; и чуть не пришло бы Государство къ крайнему разоренію.

6) Если бы намѣренная свадба смерть Государеву предварила: не минуло бы скипетро оставшей по немъ вдовицѣ. А отнимали бы у Ей Самодержавство, о томъ и думать дурно.

7) Великая ихъ дерзость, что сами собою Верховнаго Совѣта вновь членовъ опредѣлили, Государыни не дожидаясь. А сіе дѣло едино Государей есть. И тако они уже въ Чинъ Царскій самозваніемъ вступили.

8) Прибавку же тую не изъ стороны, но изъ ихъ же фамилій здѣлали. И се уже не подозрѣніе, но явный видъ, что они за приватными своими интересы гонялися. Имъ бы и самимъ надлежало прочь отступить и власти себѣ данной лишиться, или дабы отставлены были, просить Государыни, чтобъ отъ подозрѣнія приватныхъ искательствъ чисты быть могли: а то еще отъ себя же себѣ числа прибавили.

9) Да и посольство къ Государыни изъ своихъ же фамилій выправили. Кто жъ такъ тупъ и глупъ, кто бы здѣ не догадался, что дѣлалось.

10) Бѣгло же посольство оное скоро такъ, что безмѣрный трудъ понесли: для чего жъ таковое поспѣшеніе и прыткость; вѣть не для чего инаго, только чтобъ ни кто не упредилъ собою или письмомъ и не донесъ бы Государынѣ, кто и съ чѣмъ идетъ къ ней. А симъ сами и не хотя показали, что обмануть Ея Величество хотѣли, какъ было и сдѣлали. Говорила же имъ ихъ же самая сивѣсть, что требованіе ихъ злое: понеже къ доброму обманное проводить не нужда. А трудъ ихъ толикій въ толь жестокомъ бѣгу даровый ли; явно, что интересы ихъ приватныи такъ ихъ жестоко погоняли.

11) Къ тому же и сіе дѣлали, что вси дороги заставами осадили и заключили и никого пропускать изъ Москвы, и письма обыскивать и обирать велѣли. Что было съ великимъ народа удивленіемъ. И симъ опаствомъ своимъ навели на Государыню весма

недобрый порокъ, будто она, какъ малый отрокъ, что отъ кого ни услышитъ первѣе, тому и повѣритъ. Да симъ же своимъ поступкомъ сдѣлали всей націи Россійской у иностранныхъ народовъ стыдъ нестерпимый.

12) Доѣхавъ Государыни, требованіе свое приватное и тайное и малаго факціи ихъ числа нарѣкли народнымъ, будто весь народъ того требуетъ. Которая жъ ложъ можетъ быть вящше безстудная, да и которая большая сія дерзость быть можетъ; такъ безстудно лгать, чтобъ Государыню обольстить.

13) Да еще обманы то сіи способъ другій придумали таковою дерзостію, каковой никто вѣкъ бы не надѣлся. Сочинили письмо въ Москвѣ отъ лица Ея Величества, аки бы въ Курляндіи Ея секретаремъ писанное. Преклонили же, или паче понудили Государыню свою подданныи, чтобы письмо оное своеручно подписала. Подписанное скоро прислали въ Москву, и тутъ созвавъ народъ въ слухъ прочтено: вси же удивлялись, и съ чего писать такъ пришло на мысль Государынѣ: а вѣроятно было, что письмо Ея Величества. Еще же, и какъ Ея Величеству, сверхъ имени своего Анна, нѣчто пространными рѣчами оное письмо утвердить своеручно, по ихъ прихотямъ и домагательствамъ, надлежало, и то сами сочинивъ на особливой бумажкѣ подали Ей. И тако они Господа имянемъ народа обманули Государыню въ Курляндіи, а имѣнемъ Государыни обманули народъ въ Москвѣ: думай же кто хочетъ, что сіе дѣло маловажное, непорочно же рукоподписаніе Ея Величества. Понеже она, повѣривъ (а ктожъ бы такъ дерзостной лжи надѣялся), что того отъ Ея весь народъ требуетъ, не щадя славы и чести своей и много лишая себѣ владѣтельской свободы, подписалась: въ чемъ Ея безприкладное явилось къ народу благоутробіе, и отъ насъ должное благодареніе. А понеже Ея Величество, по прибытіи своемъ на Престолъ, узнавъ обману и подлогъ, тоежъ письмо публично раздрать изволила, того ради и сугубо Ея Величеству благодарить мы должны.

14) Но что въ ономъ письмѣ написано, и чего требовано; кромѣ ихъ весьма тяжестныхъ одолженій, положено и сіе, чтобъ она не шла замужъ, и по себѣ нарѣкла и оставила наслѣдника. Видно же было изъ преждерѣченныхъ, что приватные сихъ Господъ интересы искались: а отъ сего видно уже, и каковые интересы. Тамъ же придано, что если подписанныхъ артикуловъ Государыня не исполнитъ, то была бы лишена короны Россійской. О терпѣнія Твоего, Боже! Кому бы и весьма пьяному сіе могло взыйти на мысль, не то, что дерзнуть писать, да еще предлагать именемъ всего народа, будто съ Государя содрать корону такъ легко, какъ съ простаго мужика мошеннику шапку схватить. Кто же не видитъ, куды затѣйки сіи намѣрены были? Сиричъ не трудно Государя подлогомъ навѣсть на погрѣшеніе, не трудно же коварнымъ людямъ и доброе Государево дѣло на преступленіе протолковать, и такъ не трудно было бы Государыню на лишеніе короны осудить, которая казнь горшая смерти: да и весьма опасно лишеннаго короны Государя въ живыхъ оставъ-

недобрый порокъ, будто она, какъ малый отрокъ, что отъ кого ни услышитъ первѣе, тому и повѣритъ. Да симъ же своимъ поступкомъ сдѣлали всей націи Россійской у иностранныхъ народовъ стыдъ нестерпимый.

12) Доѣхавъ Государыни, требованіе свое приватное и тайное и малаго факціи ихъ числа нарѣкли народнымъ, будто весь народъ того требуетъ. Которая жъ ложъ можетъ быть вящше безстудная, да и которая большая сія дерзость быть можетъ; такъ безстудно лгать, чтобъ Государыню обольстить.

13) Да еще обманы то сіи способъ другій придумали таковою дерзостію, каковой никто вѣкъ бы не надѣлся. Сочинили письмо въ Москвѣ отъ лица Ея Величества, аки бы въ Курляндіи Ея секретаремъ писанное. Преклонили же, или паче понудили Государыню свою подданныи, чтобы письмо оное своеручно подписала. Подписанное скоро прислали въ Москву, и тутъ созвавъ народъ въ слухъ прочтено: вси же удивлялись, и съ чего писать такъ пришло на мысль Государынѣ: а вѣроятно было, что письмо Ея Величества. Еще же, и какъ Ея Величеству, сверхъ имени своего Анна, нѣчто пространными рѣчами оное письмо утвердить своеручно, по ихъ прихотямъ и домагательствамъ, надлежало, и то сами сочинивъ на особливой бумажкѣ подали Ей. И тако они Господа имянемъ народа обманули Государыню въ Курляндіи, а имѣнемъ Государыни обманули народъ въ Москвѣ: думай же кто хочетъ, что сіе дѣло маловажное, непорочно же рукоподписаніе Ея Величества. Понеже она, повѣривъ (а ктожъ бы такъ дерзостной лжи надѣялся), что того отъ Ея весь народъ требуетъ, не щадя славы и чести своей и много лишая себѣ владѣтельской свободы, подписалась: въ чемъ Ея безприкладное явилось къ народу благоутробіе, и отъ насъ должное благодареніе. А понеже Ея Величество, по прибытіи своемъ на Престолъ, узнавъ обману и подлогъ, тоежъ письмо публично раздрать изволила, того ради и сугубо Ея Величеству благодарить мы должны.

14) Но что въ ономъ письмѣ написано, и чего требовано; кромѣ ихъ весьма тяжестныхъ одолженій, положено и сіе, чтобъ она не шла замужъ, и по себѣ нарѣкла и оставила наслѣдника. Видно же было изъ преждерѣченныхъ, что приватные сихъ Господъ интересы искались: а отъ сего видно уже, и каковые интересы. Тамъ же придано, что если подписанныхъ артикуловъ Государыня не исполнитъ, то была бы лишена короны Россійской. О терпѣнія Твоего, Боже! Кому бы и весьма пьяному сіе могло взыйти на мысль, не то, что дерзнуть писать, да еще предлагать именемъ всего народа, будто съ Государя содрать корону такъ легко, какъ съ простаго мужика мошеннику шапку схватить. Кто же не видитъ, куды затѣйки сіи намѣрены были? Сиричъ не трудно Государя подлогомъ навѣсть на погрѣшеніе, не трудно же коварнымъ людямъ и доброе Государево дѣло на преступленіе протолковать, и такъ не трудно было бы Государыню на лишеніе короны осудить, которая казнь горшая смерти: да и весьма опасно лишеннаго короны Государя въ живыхъ оставъ-

лять. Вотъ куды шли умыслы сихъ отечества поборниковъ! Да кто жъ бы казни той экзекуторомъ былъ; кто бы Государыню съ престола сводилъ и короны обножалъ; и какъ бы сіе могло статься безъ кроваваго вездѣ смущенія, и придумать невозможно. Не посматривано ли гдѣ на низложеніе Царя Василія Ивановича Шуйскаго; да то таковое дѣло, что надобно бы оное у всѣхъ и нашихъ и иностранныхъ людей, если бы мощно, изъ памяти вынять и вѣчному забвенію предать. А если кто изъ оной факціи себѣ и сковникомъ своимъ въ утвержденіе привелъ Судъ Англичанскій на Короля ихъ Карола перваго, котораго не слыханнымъ дерзской злобы прикладомъ окаянныи подданныи публично казнили смертію, то дабы мощно познать, какъ безбожный былъ тотъ у нашихъ совѣтникъ, надлежитъ вкратцѣ извѣстить, какъ разсуждали объ ономъ нечестивомъ Англичанскомъ дѣлѣ и разныи народы, и сами Англичане, которыи ослѣплены не были тьмою своихъ измѣнниковъ. Когда пойманъ и въ заключеніи держанъ былъ король оный, а слухъ носился, что на смерть судятъ Его, многіе изъ Духовнаго и Мірскаго чина лица знатныя, въ Англіи, и словесно и письменно тому спорили, яко пребеззаконному начинанію, за что многіи отъ измѣнниковъ грабленія, изгнанія и темницы страдали: да нѣкіи и изъ тѣмницъ писали и противу Богомерзской оной затѣйкѣ: много же и отъ иныхъ Государствъ нарочно изданными книгами Англичанъ отъ того отводили: и приходили изъ Шкоціи и Голландіи послы, народовъ своихъ именемъ унимая оныхъ клятвопреступниковъ. А когда уже о казнѣ Королевой всюды вѣдомости загремѣли, 1649 года, вездѣ по всѣмъ государствамъ и имя Англичанское мерзостно стало, всѣ народы не могли довольно удивиться тому и безчисленныи вездѣ изданы книги, показуя, что злодѣяніе оное безприкладное было, Богомерзское, безсовѣстное, безбожное и убіенію Христову подобное. Сами же Англичаны во вѣчное омерзеніе толикаго беззаконія уставили годовый праздникъ да печальный, въ который съ великимъ покаяніемъ, постомъ и слезами Богу молятся, да не отмститъ имъ за толикій грѣхъ предковъ своихъ и за кровь помазанника своего. Празднуется то у нихъ по всегодно, генваря въ 30 день, какъ въ ихъ же требникѣ положено. Изъ чего мощно знать, что если въ Совѣтѣ нашихъ сихъ затѣйщиковъ на примѣръ заимствовано дѣло оное Англійское, равно и здѣ безбожная нѣкая душа была, которая то похваляла. Но что бы ни было, то извѣстно, что снимать корону съ Государя есть дѣло весьма подобное помянутому дѣлу Англичанскому.

15) Да надлежало же симъ требователемъ и на себѣ за преступленіе хотя штрафъ какой положить. Не положили никакого. Государыню самодержавію лишивъ, лишить намѣрены и короны за преступленіе: а себѣ ни суду, ни наказанію не поддали, и потому на свою компанію самодержавіе перенесли. Гдѣ такіе контракты дѣлаются и между равными, не то что между подданными и Государями? Нельзя сказать, что они, какъ и всѣ прочіи, подлежали бы наказанію по преждимъ уложеніямъ: понеже въ перемѣнной

лять. Вотъ куды шли умыслы сихъ отечества поборниковъ! Да кто жъ бы казни той экзекуторомъ былъ; кто бы Государыню съ престола сводилъ и короны обножалъ; и какъ бы сіе могло статься безъ кроваваго вездѣ смущенія, и придумать невозможно. Не посматривано ли гдѣ на низложеніе Царя Василія Ивановича Шуйскаго; да то таковое дѣло, что надобно бы оное у всѣхъ и нашихъ и иностранныхъ людей, если бы мощно, изъ памяти вынять и вѣчному забвенію предать. А если кто изъ оной факціи себѣ и сковникомъ своимъ въ утвержденіе привелъ Судъ Англичанскій на Короля ихъ Карола перваго, котораго не слыханнымъ дерзской злобы прикладомъ окаянныи подданныи публично казнили смертію, то дабы мощно познать, какъ безбожный былъ тотъ у нашихъ совѣтникъ, надлежитъ вкратцѣ извѣстить, какъ разсуждали объ ономъ нечестивомъ Англичанскомъ дѣлѣ и разныи народы, и сами Англичане, которыи ослѣплены не были тьмою своихъ измѣнниковъ. Когда пойманъ и въ заключеніи держанъ былъ король оный, а слухъ носился, что на смерть судятъ Его, многіе изъ Духовнаго и Мірскаго чина лица знатныя, въ Англіи, и словесно и письменно тому спорили, яко пребеззаконному начинанію, за что многіи отъ измѣнниковъ грабленія, изгнанія и темницы страдали: да нѣкіи и изъ тѣмницъ писали и противу Богомерзской оной затѣйкѣ: много же и отъ иныхъ Государствъ нарочно изданными книгами Англичанъ отъ того отводили: и приходили изъ Шкоціи и Голландіи послы, народовъ своихъ именемъ унимая оныхъ клятвопреступниковъ. А когда уже о казнѣ Королевой всюды вѣдомости загремѣли, 1649 года, вездѣ по всѣмъ государствамъ и имя Англичанское мерзостно стало, всѣ народы не могли довольно удивиться тому и безчисленныи вездѣ изданы книги, показуя, что злодѣяніе оное безприкладное было, Богомерзское, безсовѣстное, безбожное и убіенію Христову подобное. Сами же Англичаны во вѣчное омерзеніе толикаго беззаконія уставили годовый праздникъ да печальный, въ который съ великимъ покаяніемъ, постомъ и слезами Богу молятся, да не отмститъ имъ за толикій грѣхъ предковъ своихъ и за кровь помазанника своего. Празднуется то у нихъ по всегодно, генваря въ 30 день, какъ въ ихъ же требникѣ положено. Изъ чего мощно знать, что если въ Совѣтѣ нашихъ сихъ затѣйщиковъ на примѣръ заимствовано дѣло оное Англійское, равно и здѣ безбожная нѣкая душа была, которая то похваляла. Но что бы ни было, то извѣстно, что снимать корону съ Государя есть дѣло весьма подобное помянутому дѣлу Англичанскому.

15) Да надлежало же симъ требователемъ и на себѣ за преступленіе хотя штрафъ какой положить. Не положили никакого. Государыню самодержавію лишивъ, лишить намѣрены и короны за преступленіе: а себѣ ни суду, ни наказанію не поддали, и потому на свою компанію самодержавіе перенесли. Гдѣ такіе контракты дѣлаются и между равными, не то что между подданными и Государями? Нельзя сказать, что они, какъ и всѣ прочіи, подлежали бы наказанію по преждимъ уложеніямъ: понеже въ перемѣнной

владѣтельства формѣ, не мощно бы знать, что осталось неперемѣненное, и надлежало имъ о томъ помянуть. А если бы когда вси они на нѣкое зло согласились (а такъ малому числу согласиться не трудно), кто бы ихъ въ такъ твердой властительской крѣпости достать возмогъ; Государыня, какъ то они же узаконяли, ничего важнаго безъ ихъ соизволенія дѣлать не могла бы: то кольми бы паче не могла соцарствующихъ себѣ казнить или наказывать безъ ихъ же соизволенія, а на то ихъ соизволенія долго бы, чаю, дожидаться.

16) Къ такъ дерзкой и безстудной обманѣ, придали еще они же Господа явственно тиранское насильствіе. Ибо не только, слышавъ Ея Величества приходъ, опять дороги оружными заставами заключили: будто бы непріятель на насъ шелъ, и опасатся бы, дабы кто къ нему не перекинулся: но еще и всякими угроженіи тѣмъ, которыхъ думали себѣ въ томъ противныхъ, претили и знатныхъ персонъ арестовали, и одного изъ нихъ кавалеріи обнажили: Чего какъ никто, кромѣ Государей и отнимать не можетъ. И тако они Господа всячески въ дѣла царской власти вступить не усумнилися. И такой по Москвѣ страхъ былъ, что нынѣ, какъ дѣло ихъ затѣечное упразднилось, одинъ другаго взаимъ поздравляютъ, аки бы самихъ себѣ воскресеніемъ своимъ.

17) На послѣдокъ, что и се; что и въ дорогѣ везли Ея Величество, слово въ слово, какъ бы пойманную зѣло виноватую персону, необычною скоростію, ни мало не опасаясь нарушенія здравія Ея, и въ однихъ съ нею саняхъ сѣдѣли, и что горшее, пріѣхавъ въ Москву за карауломъ почитай держали, сами во Дворцѣ дненощно аки бы въ другой свой домъ переселясь, пребывая, и ни съ кимъ Ея Величество не допускал поговорить безъ своего ихъ присутствія. И когда сіе въ Государствѣ нашемъ бывало; и да помыслитъ всякъ, для чего такъ дѣлалось.

18) Слышно же, что они же Господа формовали форму присяги иную, отъ показанной февраля 20-го дня: и иную форму объявить они и ихъ секретари должны, чтобъ и вящше еще умыслы ихъ увидѣть можно.

19) Не надобно и сего умолчать, что нѣкоторыми изъ нихъ же фамилій и компаніи превеликіе скарбы изъ Дворцовой Государевой казны похищены: а прочіимъ имъ не могло то быть не извѣстно: а однакъ къ тому не оспорено, за страхъ или не ведомо для чего. Какова же отъ нихъ ожидать было полезнаго обществу Правленія.

Сіе же все видя, да разсудятъ прочіи Ея Величества вѣрныи подданныи и добра народнаго рачители, каковымъ именемъ толь страшное умышленіе и дѣйствіе назвать надлежитъ, и чего оно достойно, и каковое впредь отъ таковыхъ затѣйщиковъ подобаетъ имѣть опасеніе, какъ всѣмъ намъ, такъ и самой Ея Величества Государынѣ Милостивѣйшей.

владѣтельства формѣ, не мощно бы знать, что осталось неперемѣненное, и надлежало имъ о томъ помянуть. А если бы когда вси они на нѣкое зло согласились (а такъ малому числу согласиться не трудно), кто бы ихъ въ такъ твердой властительской крѣпости достать возмогъ; Государыня, какъ то они же узаконяли, ничего важнаго безъ ихъ соизволенія дѣлать не могла бы: то кольми бы паче не могла соцарствующихъ себѣ казнить или наказывать безъ ихъ же соизволенія, а на то ихъ соизволенія долго бы, чаю, дожидаться.

16) Къ такъ дерзкой и безстудной обманѣ, придали еще они же Господа явственно тиранское насильствіе. Ибо не только, слышавъ Ея Величества приходъ, опять дороги оружными заставами заключили: будто бы непріятель на насъ шелъ, и опасатся бы, дабы кто къ нему не перекинулся: но еще и всякими угроженіи тѣмъ, которыхъ думали себѣ въ томъ противныхъ, претили и знатныхъ персонъ арестовали, и одного изъ нихъ кавалеріи обнажили: Чего какъ никто, кромѣ Государей и отнимать не можетъ. И тако они Господа всячески въ дѣла царской власти вступить не усумнилися. И такой по Москвѣ страхъ былъ, что нынѣ, какъ дѣло ихъ затѣчное упразднилось, одинъ другаго взаимъ поздравляютъ, аки бы самихъ себѣ воскресеніемъ своимъ.

17) На послѣдокъ, что и се; что и въ дорогѣ везли Ея Величество, слово въ слово, какъ бы пойманную зѣло виноватую персону, необычною скоростію, ни мало не опасаясь нарушенія здравія Ея, и въ однихъ съ нею саняхъ сѣдѣли, и что горшее, пріѣхавъ въ Москву за карауломъ почитай держали, сами во Дворцѣ дненощно аки бы въ другой свой домъ переселясь, пребывая, и ни съ кимъ Ея Величество не допуская поговорить безъ своего ихъ присутствія. И когда сіе въ Государствѣ нашемъ бывало; и да помыслитъ всякъ, для чего такъ дѣлалось.

18) Слышно же, что они же Господа формовали форму присяги иную, отъ показанной февраля 20-го дня: и иную форму объявить они и ихъ секретари должны, чтобъ и вящше еще умыслы ихъ увидѣть можно.

19) Не надобно и сего умолчать, что нѣкоторыми изъ нихъ же фамилій и компаніи превеликіе скарбы изъ Дворцовой Государевой казны похищены: а прочіимъ имъ не могло то быть не извѣстно: а однакъ къ тому не оспорено, за страхъ или не ведомо для чего. Какова же отъ нихъ ожидать было полезнаго обществу Правленія.

Сіе же все видя, да разсудятъ прочіи Ея Величества вѣрныи подданныи и добра народнаго рачители, каковымъ именемъ толь страшное умышленіе и дѣйствіе назвать надлежитъ, и чего оно достойно, и каковое впредь отъ таковыхъ затѣйщиковъ подобаетъ имѣть опасеніе, какъ всѣмъ намъ, такъ и самой Ея Величества Государынѣ Милостивѣйшей.

ВОЛНЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ЛИФЛЯНДІИ ВЪ 1777 ГОДУ [1]).

I.

Извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ прошеній лифляндскихъ крестьянъ 1777 года.

1.

Наша всемилостивѣйшая и державнѣйшая Императрица и мать! Ваше Императорское Величество и Ваши Императорскія Высочества, да будете счастливы и многолѣтны!

Мы желаемъ Ея Императорскому Величеству, нашей всемилостивѣйшей матери отечества, и ихъ Императорскимъ Высочествамъ, нашимъ младымъ Государямъ, Великому Князю и Великой Княгинѣ, миръ и здравіе. Исполни, Боже небесный, Васъ милосердіемъ и разумомъ; просвѣти лице свое по вся дни на Васъ во всѣхъ путяхъ Вашихъ!

Ваше Императорское Величество! Всемилостивѣйшая мать отечества и Государыня! Ваши Императорскіе Высочества! Здѣсь предстоимъ мы, бѣдные, земные черви, недостойные приближаться къ подножію ногъ Вашихъ.

Мы, Вашего Императорскаго Величества подданные, состоявшіе въ вѣдомствѣ Лифляндскаго надворнаго суда, прибѣгаемъ къ Вашему Императорскому Величеству и къ Вашимъ Императорскимъ Высочествамъ со всѣми сердцами и душами, орошая путь слезами; да смягчится дражайшее и всещедрое Вашего Императорскаго Величества сердце къ намъ, бѣднымъ и утѣсненнымъ и извергеннымъ земнымъ червямъ!

И просимъ: не поставьте во зло Вашимъ подлымъ и непросвѣщеннымъ чадамъ и рабамъ, что мы приняли дерзновеніе писать, ища у Васъ милосердія; но прочтите сіе къ нашему нестерпимому мученію, причиняемому намъ въ здѣшнихъ мѣстахъ отъ нашихъ начальниковъ и помощниковъ, ибо каждый дворянинъ поступаетъ

[1]) Изъ бумагъ И. П. Шульгина.

ВОЛНЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ЛИФЛЯНДІИ ВЪ 1777 ГОДУ [1]).

I.

Извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ прошеній лифляндскихъ крестьянъ 1777 года.

1.

Наша всемилостивѣйшая и державнѣйшая Императрица и мать! Ваше Императорское Величество и Ваши Императорскія Высочества, да будете счастливы и многолѣтны!

Мы желаемъ Ея Императорскому Величеству, нашей всемилостивѣйшей матери отечества, и ихъ Императорскимъ Высочествамъ, нашимъ младымъ Государямъ, Великому Князю и Великой Княгинѣ, миръ и здравіе. Исполни, Боже небесный, Васъ милосердіемъ и разумомъ; просвѣти лице свое по вся дни на Васъ во всѣхъ путяхъ Вашихъ!

Ваше Императорское Величество! Всемилостивѣйшая мать отечества и Государыня! Ваши Императорскіе Высочества! Здѣсь предстоимъ мы, бѣдные, земные черви, недостойные приближаться къ подножію ногъ Вашихъ.

Мы, Вашего Императорскаго Величества подданные, состоявшіе въ вѣдомствѣ Лифляндскаго надворнаго суда, прибѣгаемъ къ Вашему Императорскому Величеству и къ Вашимъ Императорскимъ Высочествамъ со всѣми сердцами и душами, орошая путь слезами; да смягчится дражайшее и всещедрое Вашего Императорскаго Величества сердце къ намъ, бѣднымъ и утѣсненнымъ и извереннымъ земнымъ червямъ!

И просимъ: не поставьте во зло Вашимъ подлымъ и непросвѣщеннымъ чадамъ и рабамъ, что мы приняли дерзновеніе писать, ища у Васъ милосердія; но прочтите сіе къ нашему нестерпимому мученію, причиняемому намъ въ здѣшнихъ мѣстахъ отъ нашихъ начальниковъ и помощниковъ, ибо каждый дворянинъ поступаетъ

[1]) Изъ бумагъ И. П. Шульгина.

нынѣ и съ находящимися въ его власти людьми такъ, какъ ему одному только заблагоразсудится.

Когда мы, Волмарсгофскіе крестьяне, въ 1776 году подали Его Императорскому Высочеству, дражайшему и всещедрому Государю и Великому Князю, прошеніе о нашихъ собственныхъ нестерпимыхъ нуждахъ и отягощеніяхъ и провѣдали о томъ наши господа, то управитель Волмарсгофской сказалъ такое гнусное слово, что мы, бѣдные, мы, подлые люди, истинно стыдимся и боимся приписать оное высочайшему Вашего Императорскаго Величества правленію.

Въ 1776 году октября 24-го дня, прибылъ въ первый разъ въ Волмарсгофъ надворный судъ. Тотчасъ сысканы были напередъ тѣ люди, которые подали прошеніе Его Императорскому Высочеству. Ихъ допрашивали: сколько человѣкъ было при сочиненіи оныхъ, и сколько денегъ каждый далъ? Тогда записано насъ девять человѣкъ. Потомъ требовалъ къ себѣ сей надворный судъ помянутыхъ девять человѣкъ по одиначкѣ, и тотъ, который по учиненіи ему допроса выпущенъ былъ изъ суда, отданъ тотчасъ подъ караулъ; сіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ девять человѣкъ допрошены и отданы подъ караулъ; прочимъ же объявлено, что они могутъ идти въ свои дома. Мы, бѣдные, несчастные люди, были всѣ согласны и отвѣтствовали всѣ единоустно, что мы всѣ такія же отягощенія несемъ, какъ и тѣ девять человѣкъ, которые здѣсь подъ карауломъ задержаны. Послѣ того надворный судъ призвалъ всѣхъ насъ передъ себя и объявилъ большой толпѣ: „Приносите вашу жалобу!“ Когда же мы, бѣдные, представили суду нашу нужду и отягощенія, то отвѣтствовалъ намъ оный слѣдующимъ образомъ: „О семъ жаловались уже тѣ, которые содержатся подъ карауломъ, а вы ступайте домой. Ежели вы слушались вашего господина, то будьте и еще ему послушны; а буде вы сѣчены, то пускай управитель и еще васъ сѣчетъ“. Съ симъ отпустилъ насъ отъ себя сей судъ. Потомъ паки позваны были въ судъ всѣ вмѣстѣ находящіеся подъ карауломъ девять человѣкъ, изъ которыхъ шестеро отпущены были домой. Прочіе трое были скованы по два вмѣстѣ, и на ноги надѣты имъ колодки, и 29-го октября отправлены съ солдатами въ Ригу подъ карауломъ въ тюрьму.

Въ 1777 году марта 27-го дня, былъ вторичный судъ въ Волмарсгофѣ. Тогда допрашиваны были мы въ судѣ: какимъ образомъ обработывали мы лѣтомъ поля нашего помѣщика? Мы отвѣтствовали, что мы, увидѣвъ себя уже вовсе разоренными, не могли болѣе работать на нашего помѣщика, какъ прежде; что мы уже всѣ поля вспахали и обработали такъ, что наши люди и лошади истощены. Сверхъ же того, на полѣ для корму лошадей ни какой травы, вся пропала, а дорога отъ снѣгу и грязи испортилась. Тогда надворный судъ отвѣтствовалъ намъ: „Народъ! Господинъ вашъ заплатилъ за сію деревню великую сумму денегъ, почему и властенъ онъ требовать и брать то, что онъ съ кого только похочетъ. А вамъ надлежитъ, ежели вы въ состояніи и когда не хотите

нынѣ и съ находящимися въ его власти людьми такъ, какъ ему одному только заблагоразсудится.

Когда мы, Волмарсгофскіе крестьяне, въ 1776 году подали Его Императорскому Высочеству, дражайшему и всещедрому Государю и Великому Князю, прошеніе о нашихъ собственныхъ нестерпимыхъ нуждахъ и отягощеніяхъ и провѣдали о томъ наши господа, то управитель Волмарсгофской сказалъ такое гнусное слово, что мы, бѣдные, мы, подлые люди, истинно стыдимся и боимся приписать оное высочайшему Вашего Императорскаго Величества правленію.

Въ 1776 году октября 24-го дня, прибылъ въ первый разъ въ Волмарсгофъ надворный судъ. Тотчасъ сысканы были напередъ тѣ люди, которые подали прошеніе Его Императорскому Высочеству. Ихъ допрашивали: сколько человѣкъ было при сочиненіи оныхъ, и сколько денегъ каждый далъ? Тогда записано насъ девять человѣкъ. Потомъ требовалъ къ себѣ сей надворный судъ помянутыхъ девять человѣкъ по одиначкѣ, и тотъ, который по учиненіи ему допроса выпущенъ былъ изъ суда, отданъ тотчасъ подъ караулъ; сіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ девять человѣкъ допрошены и отданы подъ караулъ; прочимъ же объявлено, что они могутъ идти въ свои дома. Мы, бѣдные, несчастные люди, были всѣ согласны и отвѣтствовали всѣ единоустно, что мы всѣ такія же отягощенія несемъ, какъ и тѣ девять человѣкъ, которые здѣсь подъ карауломъ задержаны. Послѣ того надворный судъ призвалъ всѣхъ насъ передъ себя и объявилъ большой толпѣ: „Приносите вашу жалобу!“ Когда же мы, бѣдные, представили суду нашу нужду и отягощенія, то отвѣтствовалъ намъ оный слѣдующимъ образомъ: „О семъ жаловались уже тѣ, которые содержатся подъ карауломъ, а вы ступайте домой. Ежели вы слушались вашего господина, то будьте и еще ему послушны; а буде вы сѣчены, то пускай управитель и еще васъ сѣчетъ“. Съ симъ отпустилъ насъ отъ себя сей судъ. Потомъ паки позваны были въ судъ всѣ вмѣстѣ находящіеся подъ карауломъ девять человѣкъ, изъ которыхъ шестеро отпущены были домой. Прочіе трое были скованы по два вмѣстѣ, и на ноги надѣты имъ колодки, и 29-го октября отправлены съ солдатами въ Ригу подъ карауломъ въ тюрьму.

Въ 1777 году марта 27-го дня, былъ вторичный судъ въ Волмарсгофѣ. Тогда допрашиваны были мы въ судѣ: какимъ образомъ обработывали мы лѣтомъ поля нашего помѣщика? Мы отвѣтствовали, что мы, увидѣвъ себя уже вовсе разоренными, не могли болѣе работать на нашего помѣщика, какъ прежде; что мы уже всѣ поля вспахали и обработали такъ, что наши люди и лошади истощены. Сверхъ же того, на полѣ для корму лошадей ни какой травы, вся пропала, а дорога отъ снѣгу и грязи испортилась. Тогда надворный судъ отвѣтствовалъ намъ: „Народъ! Господинъ вашъ заплатилъ за сію деревню великую сумму денегъ, почему и властенъ онъ требовать и брать то, что онъ съ кого только похочетъ. А вамъ надлежитъ, ежели вы въ состояніи и когда не хотите

слушаться своего господина, заплатить ему тѣ деньги, которыя онъ за сію деревню выдалъ". На сіе отвѣтствовали мы, бѣдные нищіе, предъ помянутымъ судомъ: „Пускай всемилостивѣйшая Государыня и Его Императорское Высочество и судъ дѣлаютъ то, чему ихъ благоразуміе наставитъ!" А судъ говорилъ: „Смотрите, народъ, какъ вы глупо разсуждаете: не ужели же Императрица пріѣдетъ сюда васъ судить? Кто васъ приведетъ къ Государынѣ, и дадутъ ли вамъ, свиньямъ, судъ? На оное мы, бѣдные нищіе, сему суду въ отвѣтъ сказали: „Мы пойдемъ и представимъ сами нашу нужду Ея Императорскому Величеству, и безъ всевысочайшаго Ея свѣдѣнія и воли мы ничего не предпримемъ. Пустъ Она по всевысочайшему Ея соизволенію съ нами бѣдными дѣлаетъ то, что̀ всещедрой ея воли и разуму благоугодно будетъ".

Въ третій и послѣдній разъ прибылъ помянутый судъ въ Волмарсгофъ мая 20-го дня. Тогда сей надворный судъ насъ ни о чемъ болѣе не допрашивалъ, но угрожалъ намъ только наказаніемъ, говоря: „Вы всѣ солгали предъ судомъ и Ея Императорскимъ Величествомъ, такъ что сама Императрица и мать отечества, не удостоя васъ суда, повелѣть соизволила: чтобъ тѣ изъ васъ, которые сіе говорили, высѣчены были у церковнаго столба двадцатью парами прутьевъ". А тѣмъ пяти человѣкамъ, которые осмѣлились подать прошеніе Его Императорскому Высочеству, отъ суда объявлено, что они жестоко наказаны будутъ тюремнымъ заключеніемъ и кнутомъ и останутся въ Ригѣ въ казенной работѣ, для увѣщанія всѣмъ, дабы никто не осмѣлился впредь подавать прошеній Его Императорскому Высочеству. Тогда тѣхъ пять человѣкъ, которые представили въ своихъ прошеніяхъ Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю нестерпимую свою нужду, заклепали въ большую колодку, состоящую изъ двухъ большихъ брусьевъ, окованныхъ желѣзомъ, длиною двѣ сажени съ половиною, въ которую бы вдругъ шесть человѣкъ заклепать можно было, заперли и ночью держали подъ карауломъ, а на 18 человѣкъ, которые присуждены были къ наказанію при церквѣ, надѣты были колодки, и содержались оные во всю ночь подъ карауломъ.

21-го мая съ помянутыхъ пяти человѣкъ сняли большую колодку и, надѣвъ на нихъ большія желѣза, сковали по два человѣка вмѣстѣ и съ тѣми 18, у которыхъ на ногахъ были колодки, вывели ихъ изъ тюрьмы; потомъ солдаты зарядили свои ружья пулями, и Волмарсгофскіе крестьяне съ солдатами посланы были въ церковь.

Во все время службы Божіей, солдаты стояли въ церкви Божіей съ заряженными ружьями. И всякъ, видя сіе, чувствовалъ великій страхъ и удивленіе. Достойный учитель, священникъ Лодеръ, въ сей день проповѣди не говорилъ, но другой читалъ приличное тому дню Евангеліе, что по надлежащему да накажутся согрѣшившіе предъ Богомъ и высокимъ своимъ правительствомъ, для того что они въ 1776 году вручили Его Императорскому Высочеству прошеніи, принося въ оныхъ жалобу на своихъ помѣщиковъ; да и

слушаться своего господина, заплатить ему тѣ деньги, которыя онъ за сію деревню выдалъ". На сіе отвѣтствовали мы, бѣдные нищіе, предъ помянутымъ судомъ: „Пускай всемилостивѣйшая Государыня и Его Императорское Высочество и судъ дѣлаютъ то, чему ихъ благоразуміе наставитъ!" А судъ говорилъ: „Смотрите, народъ, какъ вы глупо разсуждаете: не ужели же Императрица пріѣдетъ сюда васъ судить? Кто васъ приведетъ къ Государынѣ, и дадутъ ли вамъ, свиньямъ, судъ? На оное мы, бѣдные нищіе, сему суду въ отвѣтъ сказали: „Мы пойдемъ и представимъ сами нашу нужду Ея Императорскому Величеству, и безъ всевысочайшаго Ея свѣдѣнія и воли мы ничего не предпримемъ. Пустъ Она по всевысочайшему Ея соизволенію съ нами бѣдными дѣлаетъ то, что̀ всещедрой ея воли и разуму благоугодно будетъ".

Въ третій и послѣдній разъ прибылъ помянутый судъ въ Волмарсгофъ мая 20-го дня. Тогда сей надворный судъ насъ ни о чемъ болѣе не допрашивалъ, но угрожалъ намъ только наказаніемъ, говоря: „Вы всѣ солгали предъ судомъ и Ея Императорскимъ Величествомъ, такъ что сама Императрица и мать отечества, не удостоя васъ суда, повелѣть соизволила: чтобъ тѣ изъ васъ, которые сіе говорили, высѣчены были у церковнаго столба двадцатью парами прутьевъ". А тѣмъ пяти человѣкамъ, которые осмѣлились подать прошеніе Его Императорскому Высочеству, отъ суда объявлено, что они жестоко наказаны будутъ тюремнымъ заключеніемъ и кнутомъ и останутся въ Ригѣ въ казенной работѣ, для увѣщанія всѣмъ, дабы никто не осмѣлился впредь подавать прошеній Его Императорскому Высочеству. Тогда тѣхъ пять человѣкъ, которые представили въ своихъ прошеніяхъ Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю нестерпимую свою нужду, заклепали въ большую колодку, состоящую изъ двухъ большихъ брусьевъ, окованныхъ желѣзомъ, длиною двѣ сажени съ половиною, въ которую бы вдругъ шесть человѣкъ заклепать можно было, заперли и ночью держали подъ карауломъ, а на 18 человѣкъ, которые присуждены были къ наказанію при церквѣ, надѣты были колодки, и содержались оные во всю ночь подъ карауломъ.

21-го мая съ помянутыхъ пяти человѣкъ сняли большую колодку и, надѣвъ на нихъ большія желѣза, сковали по два человѣка вмѣстѣ и съ тѣми 18, у которыхъ на ногахъ были колодки, вывели ихъ изъ тюрьмы; потомъ солдаты зарядили свои ружья пулями, и Волмарсгофскіе крестьяне съ солдатами посланы были въ церковь.

Во все время службы Божіей, солдаты стояли въ церкви Божіей съ заряженными ружьями. И всякъ, видя сіе, чувствовалъ великій страхъ и удивленіе. Достойный учитель, священникъ Лодеръ, въ сей день проповѣди не говорилъ, но другой читалъ приличное тому дню Евангеліе, что по надлежащему да накажутся согрѣшившіе предъ Богомъ и высокимъ своимъ правительствомъ, для того что они въ 1776 году вручили Его Императорскому Высочеству прошеніи, принося въ оныхъ жалобу на своихъ помѣщиковъ; да и

тѣхъ, кои впредь отваживаются подавать Его Императорскому Высочеству таковыя прошеніи, наказывать у церковнаго столба 20 парами розгъ. А тотъ, который оные прошеніи писалъ и Государю вручилъ, будетъ содержанъ вѣчно въ тюрьмѣ на хлѣбѣ и водѣ, высѣченъ кнутомъ и употребленъ въ казенную работу.

По окончаніи Божіей службы, отвели ихъ тѣ же солдаты на назначенныя къ наказанію ихъ мѣста, гдѣ привязавъ за руки къ поставленнымъ для нихъ у церкви тремъ столбамъ, подняли ихъ на оные, и такъ какъ судомъ угрожаемы были, сѣкли ихъ мучительски сперва крестьяне. По истинѣ было сіе наказаніе свирѣпо и жестоко. Потомъ призваны были два полковые профоса, которые должны были сѣчь ихъ до послѣдняго издыханія, и сѣкли всѣхъ одного за другимъ, при чемъ присутствовали всѣ господа помѣщики, судьи и управители. Сихъ болѣе по суду не наказывали, какъ только ударили по 8 разъ одною парою прутьевъ, и когда все кончилось, то тѣхъ пять человѣкъ, которыхъ прежде сѣкли жестоко крестьяне, били вторично палками полковые профосы и замучили до смерти. Сію скорбь, вопль, стенаніе, слезы и кровь, въ сей день въ Волмарсгофѣ пролитые, не можно по истинѣ словами изобразить. А тѣхъ несчастныхъ пять человѣкъ, которые въ большихъ желѣзахъ по двое вмѣстѣ скованы были, не наказывали, но привели ихъ туда для большаго обличенія, и 22-го мая съ солдатами за карауломъ, отправили въ Рижскую тюрьму для содержанія на хлѣбѣ и водѣ и для наказанія кнутомъ и казенною работою.

2.

Всемилостивѣйшая, всевысочайшая Императрица, великая мать отечества, и вседражайшіе Государь Великій Князь и Государыня Великая Княгиня, самодержцы Россійскія имперіи, Государи и повелители всѣхъ высокихъ императорскихъ генераловъ, властители надъ всѣми господами и дворянами и надъ всѣми судами, Вамъ подвластными; всѣ императорскія правительства и начальники надъ всѣми бѣдными земными червями!

Здѣсь, предстоя предъ Вами на колѣняхъ, мы, бѣдные черви и земные жители, просимъ у васъ милосердія, представляемъ со слезами нашу неизрѣченную нужду, претерпѣваемую нами въ нашихъ Лифляндскихъ странахъ, которая по всюду насъ угнетаетъ.

О, всемилостивѣйшая, Великая Государыня и Императрица! Когда сіе благоугодно соизволенію Вашего Императорскаго Величества, то отними отъ насъ сіе поношеніе и воззри благопріятнымъ и праведнымъ окомъ на нашу неслыханную и неописанную скорбь, стѣсненіе и слезы.

Мы, бѣдные, и наши жены претерпѣваемъ въ нынѣшнемъ году такую горесть, что многія беременныя женщины принуждены плакать и крушиться, видя своихъ мужей безвинно наказанныхъ, обруганныхъ и изъ своего отечества прародительскаго изгнанныхъ.

тѣхъ, кои впредь отваживаются подавать Его Императорскому Высочеству таковыя прошеніи, наказывать у церковнаго столба 20 парами розгъ. А тотъ, который оные прошеніи писалъ и Государю вручилъ, будетъ содержанъ вѣчно въ тюрьмѣ на хлѣбѣ и водѣ, высѣченъ кнутомъ и употребленъ въ казенную работу.

По окончаніи Божіей службы, отвели ихъ тѣ же солдаты на назначенныя къ наказанію ихъ мѣста, гдѣ привязавъ за руки къ поставленнымъ для нихъ у церкви тремъ столбамъ, подняли ихъ на оные, и такъ какъ судомъ угрожаемы были, сѣкли ихъ мучительски сперва крестьяне. По истинѣ было сіе наказаніе свирѣпо и жестоко. Потомъ призваны были два полковые профоса, которые должны были сѣчь ихъ до послѣдняго издыханія, и сѣкли всѣхъ одного за другимъ, при чемъ присутствовали всѣ господа помѣщики, судьи и управители. Сихъ болѣе по суду не наказывали, какъ только ударили по 8 разъ одною парою прутьевъ, и когда все кончилось, то тѣхъ пять человѣкъ, которыхъ прежде сѣкли жестоко крестьяне, били вторично палками полковые профосы и замучили до смерти. Сію скорбь, вопль, стенаніе, слезы и кровь, въ сей день въ Волмарсгофѣ пролитые, не можно по истинѣ словами изобразить. А тѣхъ несчастныхъ пять человѣкъ, которые въ большихъ желѣзахъ по двое вмѣстѣ скованы были, не наказывали, но привели ихъ туда для большаго обличенія, и 22-го мая съ солдатами за карауломъ, отправили въ Рижскую тюрьму для содержанія на хлѣбѣ и водѣ и для наказанія кнутомъ и казенною работою.

2.

Всемилостивѣйшая, всевысочайшая Императрица, великая мать отечества, и вседражайшіе Государь Великій Князь и Государыня Великая Княгиня, самодержцы Россійскія имперіи, Государи и повелители всѣхъ высокихъ императорскихъ генераловъ, властители надъ всѣми господами и дворянами и надъ всѣми судами, Вамъ подвластными; всѣ императорскія правительства и начальники надъ всѣми бѣдными земными червями!

Здѣсь, предстоя предъ Вами на колѣняхъ, мы, бѣдные черви и земные жители, просимъ у васъ милосердія, представляемъ со слезами нашу неизрѣченную нужду, претерпѣваемую нами въ нашихъ Лифляндскихъ странахъ, которая по всюду насъ угнетаетъ.

О, всемилостивѣйшая, Великая Государыня и Императрица! Когда сіе благоугодно соизволенію Вашего Императорскаго Величества, то отними отъ насъ сіе поношеніе и воззри благопріятнымъ и праведнымъ окомъ на нашу неслыханную и неописанную скорбь, стѣсненіе и слезы.

Мы, бѣдные, и наши жены претерпѣваемъ въ нынѣшнемъ году такую горесть, что многія беременныя женщины принуждены плакать и крушиться, видя своихъ мужей безвинно наказанныхъ, обруганныхъ и изъ своего отечества прародительскаго изгнанныхъ.

Такимъ же образомъ восчувствуютъ уже сію горесть и малые, на лонѣ матерей своихъ лежащіе, и нѣжные грудные младенцы напитаются молокомъ горести и притѣсненія.

Мы живемъ въ Лифляндіи, яко ссылочные, что̀ чувствуемъ уже многіе годы, а о нашей всевысочайшей Императрицѣ и всемилостивѣйшемъ Ея правленіи, щедротахъ и указахъ ничего не вѣдаемъ. Наши пастыри и учители не объявляютъ намъ въ церквѣ о семъ ничего. А нашихъ помѣщиковъ работа и служба столь велики и для насъ тягостны, что мы ни воскресныхъ, ниже праздничныхъ дней почти не знаемъ.

Мы, бѣдные, горестные и утѣсненные черви, просимъ о помилованіи и освобожденіи насъ отъ тюремнаго заключенія и наказаній и отъ всѣхъ нашихъ несказанныхъ притѣсненій и отягощеній.

Всемилостивѣйшая и всещедрая наша Императрица и Ваши Императорскіе Высочества! По врученному вамъ отъ Бога правленію, вся Лифляндія устремляетъ на Васъ свои взоры съ радостію, и рачительный земледѣлецъ ожидаетъ сего, подобно какъ восходящаго солнца, освѣщающаго новый день и прогоняющаго съ небеси и горизонта темноту ночную.

На нѣмецкомъ переводѣ по листамъ подписано тако: „Сей переводъ съ словами и содержаніемъ оригинальнаго летскаго письма сходенъ, въ томъ свидѣтельствую: ассессоръ Г. Гернгросъ“. Съ нѣмецкаго на россійскій переводилъ переводчикъ Иванъ Пырскій.

3.

По титулѣ предисловіе то же самое, что̀ въ предъидущихъ просительныхъ пцсьмахъ.

Въ 1773 году господинъ статгалтеръ принялъ во владѣніе вотчину Марценгофъ, состоящую въ Раупасскомъ приходѣ. При самомъ началѣ дано повелѣніе, чтобъ мы ѣхали въ Ригу съ каждаго двора съ 16 фурами, хотя мы по старинному праву только 6 фуръ ставить обязаны были. Послѣ того въ первую весну были мы нѣсколько спокойны; однако сколь скоро наступила осень, то приказалъ онъ намъ таскать бревна и гонялъ насъ изъ дому на своемъ хлѣбѣ и прислалъ съ нами нѣмецкаго архитектора въ лѣсъ, Ауламень называемый, состоящій въ четырехъ миляхъ отъ нашей маетности. Помянутый архитекторъ былъ такой, который человѣка ни за что̀ почиталъ; однимъ словомъ: живодеръ! Ежели дерево повалившись раскололось, то топалъ онъ ногами и билъ насъ съ головы на голову; буде онъ на кого за одно только слово разсердился, то не можно было никакого суда на немъ отъискать. Когда жаловались помѣщику Сталю, то приказывалъ господинъ статгалтеръ въ другой разъ сѣчь плетьми. Такимъ образомъ таскали мы такія большія бревна, для которыхъ, чтобы вытащить ихъ изъ лѣсу, надобно было отъ трехъ до четырехъ лошадей. И каждый крестьянскій дворъ долженъ былъ привести до тридцати такихъ бревенъ; при чемъ долженъ былъ одинъ работникъ стоять

Такимъ же образомъ восчувствуютъ уже сію горесть и малые, на лонѣ матерей своихъ лежащіе, и нѣжные грудные младенцы напитаются молокомъ горести и притѣсненія.

Мы живемъ въ Лифляндіи, яко ссылочные, что̀ чувствуемъ уже многіе годы, а о нашей всевысочайшей Императрицѣ и всемилостивѣйшемъ Ея правленіи, щедротахъ и указахъ ничего не вѣдаемъ. Наши пастыри и учители не объявляютъ намъ въ церквѣ о семъ ничего. А нашихъ помѣщиковъ работа и служба столь велики и для насъ тягостны, что мы ни воскресныхъ, ниже праздничныхъ дней почти не знаемъ.

Мы, бѣдные, горестные и утѣсненные черви, просимъ о помилованіи и освобожденіи насъ отъ тюремнаго заключенія и наказаній и отъ всѣхъ нашихъ несказанныхъ притѣсненій и отягощеній.

Всемилостивѣйшая и всещедрая наша Императрица и Ваши Императорскіе Высочества! По врученному вамъ отъ Бога правленію, вся Лифляндія устремляетъ на Васъ свои взоры съ радостію, и рачительный земледѣлецъ ожидаетъ сего, подобно какъ восходящаго солнца, освѣщающаго новый день и прогоняющаго съ небеси и горизонта темноту ночную.

На нѣмецкомъ переводѣ по листамъ подписано тако: „Сей переводъ съ словами и содержаніемъ оригинальнаго летскаго письма сходенъ, въ томъ свидѣтельствую: ассессоръ Г. Гернгросъ“. Съ нѣмецкаго на россійскій переводилъ переводчикъ Иванъ Пырскій.

3.

По титулѣ предисловіе то же самое, что̀ въ предъидущихъ просительныхъ пцсьмахъ.

Въ 1773 году господинъ статгалтеръ принялъ во владѣніе вотчину Марценгофъ, состоящую въ Раупасскомъ приходѣ. При самомъ началѣ дано повелѣніе, чтобъ мы ѣхали въ Ригу съ каждаго двора съ 16 фурами, хотя мы по старинному праву только 6 фуръ ставить обязаны были. Послѣ того въ первую весну были мы нѣсколько спокойны; однако сколь скоро наступила осень, то приказалъ онъ намъ таскать бревна и гонялъ насъ изъ дому на своемъ хлѣбѣ и прислалъ съ нами нѣмецкаго архитектора въ лѣсъ, Ауламень называемый, состоящій въ четырехъ миляхъ отъ нашей маетности. Помянутый архитекторъ былъ такой, который человѣка ни за что̀ почиталъ; однимъ словомъ: живодеръ! Ежели дерево повалившись раскололось, то топалъ онъ ногами и билъ насъ съ головы на голову; буде онъ на кого за одно только слово разсердился, то не можно было никакого суда на немъ отъискать. Когда жаловались помѣщику Сталю, то приказывалъ господинъ статгалтеръ въ другой разъ сѣчь плетьми. Такимъ образомъ таскали мы такія большія бревна, для которыхъ, чтобы вытащить ихъ изъ лѣсу, надобно было отъ трехъ до четырехъ лошадей. И каждый крестьянскій дворъ долженъ былъ привести до тридцати такихъ бревенъ; при чемъ долженъ былъ одинъ работникъ стоять

для стереженія, а дома не было у насъ совсѣмъ дровъ и для печенія хлѣба, который мы съ собою на работу брать должны были. Прежде, нежели мы окончали сію работу, то послали насъ за шесть миль отъ нашего двора валять деревья еще больше прежнихъ и съ ними того же архитектора; тутъ принуждены были мы рубить превеличайшія деревья и оттуда возить назадъ, полагая на каждое семейство по 8 бревенъ. По окончаніи сей рубки принуждены мы были во дворѣ столько работать, сколько силы одного человѣка и лошади снести могутъ. Когда лѣсъ на дворъ привезли, то начали оный обрубать и пилить доски. Сія работа продолжалась около четырехъ недѣль.

Послѣ того самый новый и крѣпкій уголъ пивовареннаго и винокуреннаго завода, который только за пять лѣтъ изъ молодаго и крѣпкаго лѣсу построенъ былъ и могъ бы простоять еще 20 лѣтъ, нашъ господинъ статгалтеръ безъ всякой нужды сломалъ и мучилъ насъ весною каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ и покрышкою кровлей, въ самую рабочую пору, и выстроилъ свой пивоваренный и винокуренный заводъ изъ мазанокъ.

Въ 1774 году, по наступленіи другой зимы, начали мы опять новую работу: нашъ господинъ имѣлъ два подмызка, но какъ сего для него было не довольно, то началъ онъ строить третій. Здѣсь была для насъ первая работа, чтобъ каждый крестьянскій дворъ привезъ четыре сажени камня, и прежде, нежели сія работа окончалась, то помышляли опять о возкѣ бревенъ изъ Ауламешь (вотчинный лѣсъ). Тутъ принуждены мы были сами съ каждаго двора рубить и возить по 16 бревенъ и по два бруса. И не окончивъ еще сего, послали насъ опять въ лѣсъ за большими бревнами; тогда принуждены были мы опять съ каждаго крестьянскаго двора по 16 бревенъ валять и возить. Оныя таскали мы и весною, когда не сошелъ еще снѣгъ. Будучи угнетаемы сею нуждою и бременемъ, были мы при сей трудной работѣ послушны; ибо отъ нашего господина смотрителямъ и прикащикамъ дано было повелѣніе, что ежели кто хотя одною саженью дровъ долженъ останется, то выгнать его изъ его двора. Наша работа столь была велика и тяжестна, что мы ни воскресные, ниже въ будничные дни не могли пользоваться тепломъ и покоемъ въ нашихъ хижинахъ; почему чрезъ столь великое отягощеніе лишимся мы скоро своихъ лошадей, да и своея жизни конецъ скоро увидимъ.

По окончаніи сего, начали въ новомъ подмызкѣ поперекъ скотнаго двора строеніе изъ обтесанныхъ бревенъ; когда и сіе приведено было къ окончанію, то оное не понравилось нашему господину, которое приказалъ онъ тотчасъ сломать. Потомъ зачали строить каменныя риги, для которыхъ нашъ господинъ статгалтеръ содержалъ трехъ нѣмецкихъ мастеровъ, двухъ каменьщиковъ и одного архитектора; къ каждому потребенъ былъ особливый работникъ съ каждаго двора; также много и другихъ повозокъ, со всякаго двора крестьянскаго, на собственномъ своемъ коштѣ и хлѣбѣ, все потребное даже и лубья возили къ сему строенію.

для стереженія, а дома не было у насъ совсѣмъ дровъ и для печенія хлѣба, который мы съ собою на работу брать должны были. Прежде, нежели мы окончали сію работу, то послали насъ за шесть миль отъ нашего двора валять деревья еще больше прежнихъ и съ ними того же архитектора; тутъ принуждены были мы рубить превеличайшія деревья и оттуда возить назадъ, полагая на каждое семейство по 8 бревенъ. По окончаніи сей рубки принуждены мы были во дворѣ столько работать, сколько силы одного человѣка и лошади снести могутъ. Когда лѣсъ на дворъ привезли, то начали оный обрубать и пилить доски. Сія работа продолжалась около четырехъ недѣль.

Послѣ того самый новый и крѣпкій уголъ пивовареннаго и винокуреннаго завода, который только за пять лѣтъ изъ молодаго и крѣпкаго лѣсу построенъ былъ и могъ бы простоять еще 20 лѣтъ, нашъ господинъ статгалтеръ безъ всякой нужды сломалъ и мучилъ насъ весною каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ и покрышкою кровлей, въ самую рабочую пору, и выстроилъ свой пивоваренный и винокуренный заводъ изъ мазанокъ.

Въ 1774 году, по наступленіи другой зимы, начали мы опять новую работу: нашъ господинъ имѣлъ два подмызка, но какъ сего для него было не довольно, то началъ онъ строить третій. Здѣсь была для насъ первая работа, чтобъ каждый крестьянскій дворъ привезъ четыре сажени камня, и прежде, нежели сія работа окончалась, то помышляли опять о возкѣ бревенъ изъ Ауламешь (вотчинный лѣсъ). Тутъ принуждены мы были сами съ каждаго двора рубить и возить по 16 бревенъ и по два бруса. И не окончивъ еще сего, послали насъ опять въ лѣсъ за большими бревнами; тогда принуждены были мы опять съ каждаго крестьянскаго двора по 16 бревенъ валять и возить. Оныя таскали мы и весною, когда не сошелъ еще снѣгъ. Будучи угнетаемы сею нуждою и бременемъ, были мы при сей трудной работѣ послушны; ибо отъ нашего господина смотрителямъ и прикащикамъ дано было повелѣніе, что ежели кто хотя одною саженью дровъ долженъ останется, то выгнать его изъ его двора. Наша работа столь была велика и тяжестна, что мы ни воскресные, ниже въ будничные дни не могли пользоваться тепломъ и покоемъ въ нашихъ хижинахъ; почему чрезъ столь великое отягощеніе лишимся мы скоро своихъ лошадей, да и своея жизни конецъ скоро увидимъ.

По окончаніи сего, начали въ новомъ подмызкѣ поперекъ скотнаго двора строеніе изъ обтесанныхъ бревенъ; когда и сіе приведено было къ окончанію, то оное не понравилось нашему господину, которое приказалъ онъ тотчасъ сломать. Потомъ зачали строить каменныя риги, для которыхъ нашъ господинъ статгалтеръ содержалъ трехъ нѣмецкихъ мастеровъ, двухъ каменьщиковъ и одного архитектора; къ каждому потребенъ былъ особливый работникъ съ каждаго двора; также много и другихъ повозокъ, со всякаго двора крестьянскаго, на собственномъ своемъ коштѣ и хлѣбѣ, все потребное даже и лубья возили къ сему строенію.

При господскомъ домѣ было всегда по одному работнику и по два помощника; и тутъ претерпѣвали такую нужду, что не знали, гдѣ взять хлѣба, который надобно было отпускать съ ними на господскую службу. Когда же риги были построены, то строили опять избу изъ бревенъ; потомъ начали вновь строить мазанки для скотныхъ хлѣвовъ; сіе продолжалось во все лѣто до самой осени, такъ что отъ безпрестанной работы и нужды не оставалось намъ ни какого времени для себя. Въ семъ году пришли мы и въ долги, а дома наши обѣдняли.

Въ 1775 году, при наступленіи третьей зимы, возили мы бревна для половъ въ цокояхъ и строили изъ кирпича скотные хлѣвы по приказанію нашего господина; потомъ строили мы хлѣвы для свиней изъ мазанокъ, а изъ Ауламешь (вотчинный лѣсъ) должно было срубить и привезти къ дому по 8 бревенъ съ каждаго крестьянскаго двора: едва токмо сіе мы окончили, то послали насъ далѣе въ лѣсъ за бревнами еще больше прежняго, и съ нами тотъ же нѣмецкій архитекторъ и живодеръ. Тамъ принуждены были мы рубить самыя большія деревья, каковыхъ съ каждаго крестьянскаго двора надлежало срубить и привезти по 12 бревенъ. Сію возку продолжали мы во всю зиму; однакожъ не могли въ томъ году оную окончить, но остались должны на будущій годъ, а собственная наша работа вовсе пресѣклась. Мы принуждены были однакожъ и тутъ повиноваться, не смотря на то, могли ли мы сіе исполнить или нѣтъ! А сколь скоро снѣгъ сошелъ, то хотя за распутицею не можно было никакъ ѣздить; однакожъ столь не милосердно съ нами поступали, что не уступили намъ ни одной повозки.

Сверхъ того строилъ нашъ господинъ статгалтеръ каждую зиму заборъ, который надобно было обвести для выгону скота всея вотчины. За каждую сажень дровъ надлежало работать 16 дней, въ которые человѣку ни днемъ, ни ночью ни малѣйшей свободы не было. Но какъ и сего для нашего господина было еще мало, то даетъ онъ прясть льну на каждый дворъ отъ четырехъ до шести фунтовъ. Въ то время надлежало-бъ намъ привезти изъ Муренгофа по дозволенію Рижской канцеляріи на каждый дворъ по три сажени; нѣкоторымъ удалось нарубить, но многіе не имѣли и на то времени.

И такимъ образомъ, въ семъ году пришли мы въ такіе долги, что иной дворъ можетъ подлинно сказать, что нѣтъ у него совсѣмъ хлѣба, чтобъ заплатить господину и взять для пищи и сѣмянъ; потому что изъ занятаго хлѣба ни одной мѣры въ дому не оставлено, хотя бы дома и ничего не оставалось. А какъ нашъ господинъ статгалтеръ приказалъ своимъ смотрителямъ, чтобы сегодня взыскать все, а завтра опять выдать; слѣдовательно, онъ ссудою своего хлѣба и сѣмянъ и весьма трудною работою и податью привелъ насъ въ такое состояніе, что мы никогда долговъ своихъ заплатить не будемъ въ состояніи, а наши лошади отъ того мученія вскорѣ умирать принуждены; равномѣрно и тотъ, который хотя и не имѣетъ на себѣ долговъ, однакожъ

При господскомъ домѣ было всегда по одному работнику и по два помощника; и тутъ претерпѣвали такую нужду, что не знали, гдѣ взять хлѣба, который надобно было отпускать съ ними на господскую службу. Когда же риги были построены, то строили опять избу изъ бревенъ; потомъ начали вновь строить мазанки для скотныхъ хлѣвовъ; сіе продолжалось во все лѣто до самой осени, такъ что отъ безпрестанной работы и нужды не оставалось намъ ни какого времени для себя. Въ семъ году пришли мы и въ долги, а дома наши обѣдняли.

Въ 1775 году, при наступленіи третьей зимы, возили мы бревна для половъ въ цокояхъ и строили изъ кирпича скотные хлѣвы по приказанію нашего господина; потомъ строили мы хлѣвы для свиней изъ мазанокъ, а изъ Ауламешь (вотчинный лѣсъ) должно было срубить и привезти къ дому по 8 бревенъ съ каждаго крестьянскаго двора: едва токмо сіе мы окончили, то послали насъ далѣе въ лѣсъ за бревнами еще больше прежняго, и съ нами тотъ же нѣмецкій архитекторъ и живодеръ. Тамъ принуждены были мы рубить самыя большія деревья, каковыхъ съ каждаго крестьянскаго двора надлежало срубить и привезти по 12 бревенъ. Сію возку продолжали мы во всю зиму; однакожъ не могли въ томъ году оную окончить, но остались должны на будущій годъ, а собственная наша работа вовсе пресѣклась. Мы принуждены были однакожъ и тутъ повиноваться, не смотря на то, могли ли мы сіе исполнить или нѣтъ! А сколь скоро снѣгъ сошелъ, то хотя за распутицею не можно было никакъ ѣздить; однакожъ столь не милосердно съ нами поступали, что не уступили намъ ни одной повозки.

Сверхъ того строилъ нашъ господинъ статгалтеръ каждую зиму заборъ, который надобно было обвести для выгону скота всея вотчины. За каждую сажень дровъ надлежало работать 16 дней, въ которые человѣку ни днемъ, ни ночью ни малѣйшей свободы не было. Но какъ и сего для нашего господина было еще мало, то даетъ онъ прясть льну на каждый дворъ отъ четырехъ до шести фунтовъ. Въ то время надлежало-бъ намъ привезти изъ Муренгофа по дозволенію Рижской канцеляріи на каждый дворъ по три сажени; нѣкоторымъ удалось нарубить, но многіе не имѣли и на то времени.

И такимъ образомъ, въ семъ году пришли мы въ такіе долги, что иной дворъ можетъ подлинно сказать, что нѣтъ у него совсѣмъ хлѣба, чтобъ заплатить господину и взять для пищи и сѣмянъ; потому что изъ занятаго хлѣба ни одной мѣры въ дому не оставлено, хотя бы дома и ничего не оставалось. А какъ нашъ господинъ статгалтеръ приказалъ своимъ смотрителямъ, чтобы сегодня взыскать все, а завтра опять выдать; слѣдовательно, онъ ссудою своего хлѣба и сѣмянъ и весьма трудною работою и податью привелъ насъ въ такое состояніе, что мы никогда долговъ своихъ заплатить не будемъ въ состояніи, а наши лошади отъ того мученія вскорѣ умирать принуждены; равномѣрно и тотъ, который хотя и не имѣетъ на себѣ долговъ, однакожъ

совершенно разоренъ. Почему уповательно, что мы всѣ равны, такъ какъ предъ Богомъ на небеси равны будемъ. И такимъ образомъ нашъ господинъ статгалтеръ лишитъ насъ всего, ежели онъ еще долѣе нами владѣть будетъ. Онъ такой человѣкъ, котораго жадность, никогда насытиться не можетъ. Хотя мы, повинуясь ему, и исправляемъ работу, однакожь не можемъ его и тѣмъ удовольствовать. А какъ мы чрезъ него и его ссудою впали въ долги, то платя безпрестанно оные, не можемъ никогда оные выплатить. Слѣдовательно, ежели мы долѣе жить будемъ, то всѣмъ намъ будетъ равный конецъ.

Въ 1776 году мучились мы также, какъ и въ прочіе года, рубкою и тасканіемъ бревенъ и дровъ. Въ томъ же году должны были мы перемолоть въ муку на провіантъ Вашего Императорскаго Величества и Вашего Императорскаго Высочества солдатамъ 1600 пуръ ржи. И тогда отъ нашего господина дано было приказаніе, чтобъ на 6 пуръ ржи наддавать по шести пригоршней или гарнцовъ молотой муки, а господину отдавать по семи пуръ. Кто не могъ отдать такого числа, то недостатокъ должны были мы наполнять изъ домашней нашей муки, и сверхъ того сѣкли насъ большею плетью, сколько вытерпѣть можно; ибо нашъ господинъ статгалтеръ столь разуменъ, что онъ совершенно знаетъ, какъ наживаться: онъ знаетъ также, что для шести пуръ ржи потребно доброе ведро воды, которою намачиваютъ рожь, чтобъ оная размокла, мука разбухла, и пура наполнилась, а вѣсу прибавилось. Такимъ образомъ нашъ господинъ отъ каждаго работника получитъ барыша по четверику: гдѣ надлежало дать ему по три пуры, то давалъ онъ только двѣ съ половиною, а чего не доставало въ третьей пурѣ, то наполнялъ нашъ господинъ водою, и мы принуждены были съ каждаго крестьянскаго двора привести по 10 пуръ на мельницу, остерегаясь солдатъ, чтобъ они сего искусства или обмана въ смачкѣ не примѣтили.

Въ семъ году помянутый господинъ отъ слѣдующей Вашего Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ солдатамъ муки и провіанта получилъ барыша двѣсти пуръ. И такимъ образомъ всѣ господскіе амбары и риги наполнены намоченною и сыроватою рожью по собственному приказанію господина статгалтера, при чемъ были управители, старосты, ключники и г. Сталь и упражнялись сами въ сей въ работѣ.

Окончаніе письма то же самое, что и въ другихъ просительныхъ письмахъ, только съ прибавленіемъ слѣдующихъ словъ:

Имя нашего господина статгалтера—господинъ генералъ-директоръ Іоганъ фонъ-Энгельгардтъ.

По листамъ въ нѣмецкомъ переводѣ подписано такъ:

„Сей переводъ съ подлинникомъ летскимъ сходенъ, въ чемъ свидѣтельствую: ассессоръ Генрихъ Гернгросъ". Съ нѣмецкаго на россійскій переводилъ переводчикъ Иванъ Пырскій.

совершенно разоренъ. Почему уповательно, что мы всѣ равны, такъ какъ предъ Богомъ на небеси равны будемъ. И такимъ образомъ нашъ господинъ статгалтеръ лишитъ насъ всего, ежели онъ еще долѣе нами владѣть будетъ. Онъ такой человѣкъ, котораго жадность, никогда насытиться не можетъ. Хотя мы, повинуясь ему, и исправляемъ работу, однакожь не можемъ его и тѣмъ удовольствовать. А какъ мы чрезъ него и его ссудою впали въ долги, то платя безпрестанно оные, не можемъ никогда оные выплатить. Слѣдовательно, ежели мы долѣе жить будемъ, то всѣмъ намъ будетъ равный конецъ.

Въ 1776 году мучились мы также, какъ и въ прочіе года, рубкою и тасканіемъ бревенъ и дровъ. Въ томъ же году должны были мы перемолоть въ муку на провіантъ Вашего Императорскаго Величества и Вашего Императорскаго Высочества солдатамъ 1600 пуръ ржи. И тогда отъ нашего господина дано было приказаніе, чтобъ на 6 пуръ ржи наддавать по шести пригоршней или гарнцовъ молотой муки, а господину отдавать по семи пуръ. Кто не могъ отдать такого числа, то недостатокъ должны были мы наполнять изъ домашней нашей муки, и сверхъ того сѣкли насъ большею плетью, сколько вытерпѣть можно; ибо нашъ господинъ статгалтеръ столь разуменъ, что онъ совершенно знаетъ, какъ наживаться: онъ знаетъ также, что для шести пуръ ржи потребно доброе ведро воды, которою намачиваютъ рожь, чтобъ оная размокла, мука разбухла, и пура наполнилась, а вѣсу прибавилось. Такимъ образомъ нашъ господинъ отъ каждаго работника получитъ барыша по четверику: гдѣ надлежало дать ему по три пуры, то давалъ онъ только двѣ съ половиною, а чего не доставало въ третьей пурѣ, то наполнялъ нашъ господинъ водою, и мы принуждены были съ каждаго крестьянскаго двора привести по 10 пуръ на мельницу, остерегаясь солдатъ, чтобъ они сего искусства или обмана въ смачкѣ не примѣтили.

Въ семъ году помянутый господинъ отъ слѣдующей Вашего Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ солдатамъ муки и провіанта получилъ барыша двѣсти пуръ. И такимъ образомъ всѣ господскіе амбары и риги наполнены намоченною и сыроватою рожью по собственному приказанію господина статгалтера, при чемъ были управители, старосты, ключники и г. Сталь и упражнялись сами въ сей въ работѣ.

Окончаніе письма то же самое, что и въ другихъ просительныхъ письмахъ, только съ прибавленіемъ слѣдующихъ словъ:

Имя нашего господина статгалтера—господинъ генералъ-директоръ Іоганъ фонъ-Энгельгардтъ.

По листамъ въ нѣмецкомъ переводѣ подписано такъ:

„Сей переводъ съ подлинникомъ летскимъ сходенъ, въ чемъ свидѣтельствую: ассессоръ Генрихъ Гернгросъ". Съ нѣмецкаго на россійскій переводилъ переводчикъ Иванъ Пырскій.

II.

Переводъ съ латскаго письма съ слѣдующею надписью:

Государю моему Петру Матвѣевичу Г., поручику изъ Лифляндіи, находящемуся въ службѣ при большой Ея Императорскаго Величества конюшнѣ, въ С.-Петербургѣ.

Желаемъ вамъ всякаго благополучія и здравія отъ Бога и отъ нашей всемилостивѣйшей Государыни. Чрезъ сіе письмо посылаютъ вамъ свой поклонъ находящіеся въ Муремуйзе ваши братья: поваръ Марцисъ, и Юррисъ, и сестра ваша Анна, и Шаггатъ Лаурсъ, и Анна, и всѣ ваши знакомые и родственники и благодарятъ васъ со слезами, что вы объ насъ, огорченныхъ, бѣдныхъ рабахъ, въ нашей великой нуждѣ и печали столь милосердо вспомнили и переслали къ намъ столько денегъ чрезъ корчмаря Меллума, которыя мы и получили исправно. Мы не можемъ ни совершенно возблагодарить словами за сію неизрѣченную великую милость, ниже довольно описать вашу великую щедроту и несказанное милосердіе. Я, какъ вашъ знакомецъ и вашъ новый родственникъ или зять вашего брата повара Марце, называюсь Марценсъ Шаггатъ Лаурсъ, и моя жена Анна, цѣлуя въ мысляхъ щедрую вашу руку, просимъ васъ со слезами: не прогнѣвайтесь на насъ, бѣдныхъ, подлыхъ и огорченныхъ людей, что мы къ вамъ пишемъ, ибо наши печали и недостатокъ въ нынѣшнее время весьма велики и ужасны.

При семъ посылаю я къ вамъ вмѣсто себя моего роднаго брата именемъ Яна. Ежели вы можете оказать ему сію милость, что снабдите его въ Петербургѣ квартирою, то будьте столь милосерды и окажите бѣднымъ сію милость, и ежели братъ съ вами о чемъ говорить будетъ, то пожалуйте помогите ему во всемъ; ибо я не могу здѣсь столько написать, сколько онъ вамъ изустно перескажетъ. Я цалую въ мысляхъ тысячу разъ вашу любезную руку съ несказанными слезами и остаюсь вашъ знакомецъ Марценской Шаггатъ Лаурсъ.

Апрѣля 25-го дня 1777 г.

III.

Жалобныя пѣсни, сочиненныя лифляндскими крестьянами.

1.

Вседержавнѣйшая и вседражайшая Императрица! Всесвѣтлѣйшіе и всещедрые Государи, Ваши Императорскіе Высочества! Наше высокое, драгое и избранное Богомъ императорское правленіе! Здѣсь предстоимъ мы, бѣдные и подлые люди, ваши рабы и несмысленные дѣти, недостойные приближатися къ подножію ногъ вашихъ;

II.

Переводъ съ латскаго письма съ слѣдующею надписью:

Государю моему Петру Матвѣевичу Г., поручику изъ Лифляндіи, находящемуся въ службѣ при большой Ея Императорскаго Величества конюшнѣ, въ С.-Петербургѣ.

Желаемъ вамъ всякаго благополучія и здравія отъ Бога и отъ нашей всемилостивѣйшей Государыни. Чрезъ сіе письмо посылаютъ вамъ свой поклонъ находящіеся въ Муремуйзе ваши братья: поваръ Марцисъ, и Юррисъ, и сестра ваша Анна, и Шаггатъ Лаурсъ, и Анна, и всѣ ваши знакомые и родственники и благодарятъ васъ со слезами, что вы объ насъ, огорченныхъ, бѣдныхъ рабахъ, въ нашей великой нуждѣ и печали столь милосердо вспомнили и переслали къ намъ столько денегъ чрезъ корчмаря Меллума, которыя мы и получили исправно. Мы не можемъ ни совершенно возблагодарить словами за сію неизрѣченную великую милость, ниже довольно описать вашу великую щедроту и несказанное милосердіе. Я, какъ вашъ знакомецъ и вашъ новый родственникъ или зять вашего брата повара Марце, называюсь Марценсъ Шаггатъ Лаурсъ, и моя жена Анна, цѣлуя въ мысляхъ щедрую вашу руку, просимъ васъ со слезами: не прогнѣвайтесь на насъ, бѣдныхъ, подлыхъ и огорченныхъ людей, что мы къ вамъ пишемъ, ибо наши печали и недостатокъ въ нынѣшнее время весьма велики и ужасны.

При семъ посылаю я къ вамъ вмѣсто себя моего роднаго брата именемъ Яна. Ежели вы можете оказать ему сію милость, что снабдите его въ Петербургѣ квартирою, то будьте столь милосерды и окажите бѣднымъ сію милость, и ежели братъ съ вами о чемъ говорить будетъ, то пожалуйте помогите ему во всемъ; ибо я не могу здѣсь столько написать, сколько онъ вамъ изустно перескажетъ. Я цалую въ мысляхъ тысячу разъ вашу любезную руку съ несказанными слезами и остаюсь вашъ знакомецъ Марценской Шаггатъ Лаурсъ.

Апрѣля 25-го дня 1777 г.

III.

Жалобныя пѣсни, сочиненныя лифляндскими крестьянами.

1.

Вседержавнѣйшая и вседражайшая Императрица! Всесвѣтлѣйшіе и всещедрые Государи, Ваши Императорскіе Высочества! Наше высокое, драгое и избранное Богомъ императорское правленіе! Здѣсь предстоимъ мы, бѣдные и подлые люди, ваши рабы и несмысленные дѣти, недостойные приближатися къ подножію ногъ вашихъ;

мы осмѣлились предъ Высочайшимъ Вашимъ престоломъ сочинить въ нынѣшнемъ 1777 году пѣсню и желали бы, чтобъ оная предъ Вашими ушами и дражайшимъ лицемъ и предъ престоломъ Вашимъ восшѣта была, ибо мы сочинили ее, утопая въ нашемъ убожествѣ и слезахъ. Если-жъ оная не удостоена будетъ Вашего Императорскаго благоволенія и милости, то преклонивъ колѣна наши, просимъ отъ всего сердца и всея души со слезами помилованія, да не изліется на насъ гнѣвъ Вашъ, но да обрящемъ милость въ очахъ Вашихъ.

Голосъ: „Коль прекрасно сіяетъ утренняя звѣзда“.

1.

Приближась къ нашей державнѣйшей Императрицѣ, нашей самодержавной матери отечества, упадаемъ мы къ Ея стопамъ. Да сіяетъ Твоя корона, яко солнце, а ненавистники Твои, яко раздробленное древо, да повергнутся къ Твоимъ ногамъ. Пріидите, трепещите и падите, цалуя ноги пресвѣтлѣйшія матери!

2.

Да потребится сила тѣхъ, которые Ей противоборствуютъ! Да будутъ всѣ они поруганы, осмѣяны и уничтожены! Да низринутся они со стыда! Страхъ, бѣдствіе, трепетъ и посмѣяніе да узрятъ тѣ, кои помыслятъ подъяти руки своя!

3.

Да будетъ повсюду радость безмѣрная и безконечная, не отлученна отъ нашихъ вождей! Подаждь ты имъ сама премудрость, дабы они шли съ радостію предъ лице дражайшей Императрицы! И честно, хорошо, искренно и единодушно исполняли бы они то, что имъ сія мать повелитъ.

4.

Пусть всѣ, какъ нижніе, такъ и вышніе воины наблюдаютъ справедливость въ лицѣ своея Императрицы и отечества матери, и да падутъ ницъ предъ своимъ отцомъ. Пусть остроумно, незазорно, свѣтло, благоразумно и съ преданностію они другъ съ другомъ поживутъ, яко рабы послушные.

5.

Соломоновъ миръ и честь да даруется нашей Государынѣ на Ея высокомъ и сильномъ престолѣ! Да обладаетъ Она кушно и вѣнцемъ чести, яко самый житель небесный, удаленный отъ всѣхъ суетъ! Воспоетъ и взыграетъ наша всепресвѣтлѣйшая Императрица и вседражайшая Императорская фамилія.

6.

Императорскаго сына и наслѣдника признаваемъ мы нашимъ отцамъ, а дражайшею матерію отечества веселимся мы съ великимъ

мы осмѣлились предъ Высочайшимъ Вашимъ престоломъ сочинить въ нынѣшнемъ 1777 году пѣсню и желали бы, чтобъ оная предъ Вашими ушами и дражайшимъ лицемъ и предъ престоломъ Вашимъ воспѣта была, ибо мы сочинили ее, утопая въ нашемъ убожествѣ и слезахъ. Если-жъ оная не удостоена будетъ Вашего Императорскаго благоволенія и милости, то преклонивъ колѣна наши, просимъ отъ всего сердца и всея души со слезами помилованія, да не изліется на насъ гнѣвъ Вашъ, но да обрящемъ милость въ очахъ Вашихъ.

Голосъ: „Коль прекрасно сіяетъ утренняя звѣзда“.

1.

Приближась къ нашей державнѣйшей Императрицѣ, нашей самодержавной матери отечества, упадаемъ мы къ Ея стопамъ. Да сіяетъ Твоя корона, яко солнце, а ненавистники Твои, яко раздробленное древо, да повергнутся къ Твоимъ ногамъ. Пріидите, трепещите и падите, цалуя ноги пресвѣтлѣйшія матери!

2.

Да потребится сила тѣхъ, которые Ей противоборствуютъ! Да будутъ всѣ они поруганы, осмѣяны и уничтожены! Да низринутся они со стыда! Страхъ, бѣдствіе, трепетъ и посмѣяніе да узрятъ тѣ, кои помыслятъ подъяти руки своя!

3.

Да будетъ повсюду радость безмѣрная и безконечная, не отлученна отъ нашихъ вождей! Подаждь ты имъ сама премудрость, дабы они шли съ радостію предъ лице дражайшей Императрицы! И честно, хорошо, искренно и единодушно исполняли бы они то, что имъ сія мать повелитъ.

4.

Пусть всѣ, какъ нижніе, такъ и вышніе воины наблюдаютъ справедливость въ лицѣ своея Императрицы и отечества матери, и да падутъ ницъ предъ своимъ отцомъ. Пусть остроумно, незазорно, свѣтло, благоразумно и съ преданностію они другъ съ другомъ поживутъ, яко рабы послушные.

5.

Соломоновъ миръ и честь да даруется нашей Государынѣ на Ея высокомъ и сильномъ престолѣ! Да обладаетъ Она купно и вѣнцемъ чести, яко самый житель небесный, удаленный отъ всѣхъ суетъ! Воспоетъ и взыграетъ наша всепресвѣтлѣйшая Императрица и вседражайшая Императорская фамилія.

6.

Императорскаго сына и наслѣдника признаваемъ мы нашимъ отцамъ, а дражайшею матерію отечества веселимся мы съ великимъ

трепетомъ, какъ путь намъ показанъ. Мать, сынъ всевысочайшіе! Мы, почитая Васъ, какую принесемъ Вамъ благодарность!

7.

Наша младая Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна да возсіяетъ и да царствуетъ въ будущія времена въ великой тишинѣ и во здравіи, съ благоразуміемъ, славою и честію, съ пріятностію и сладостію! Мы желаемъ Ей здравія и веселія, и да поживетъ Она всегда во счастіи!

8.

Да умножатся благословенно Ея силы во здравіи и чести, да будетъ безболѣзненъ Ея вѣкъ; да веселятся Ихъ Императорскіе Высочества; да не потерпятъ Они никакого несчастія; да возрадуются Они своими желаніями; да воспляшутъ и возсмѣются Ихъ сродники и друзья высочайшаго Императорскаго дома, даруй Имъ Боже миръ и здравіе!

9.

И тако да умилосердятся они надъ нами несчастными крестьянами; да возсіяетъ надъ Ними солнце; во истину да будетъ сія воля Божія — Бога, Который отверзетъ очи милосердой Государыни, дабы Она узнала наши несчастія! Тако ниспосли, Боже, свою благодать на сей престолъ, свою честь на тронъ Императрицы!

2.

Пѣсня заключеннаго крестьянина, сочиненная въ утѣсненіи, въ страхѣ и въ великой горести, въ 1777 году.

Голосъ: „Что хвалимъ мы Тебя“.

Мы, стоя на колѣнахъ, просимъ прилежно и представляемъ со слезами нашу нужду Вамъ, яко нашей всевысочайшей и дражайшей Императрицѣ, самодержицѣ Всероссійскія имперіи, и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, самодержавнымъ наслѣдникамъ престола, и всѣмъ высокимъ генераламъ, совѣтодателямъ нашея самодержицы! Благоволите услышать крестьянскія горести, нынѣ ежедневно нами претерпѣваемыя. Когда токмо блеснетъ на насъ дражайшій взоръ, то укрѣпятся наши силы, и ободрятся наши сердца, и отъ Вашего лица и дражайшихъ ногъ обрящемъ мы помилованіе и покой въ нашихъ жилищахъ.

Не безъизвѣстно уже нашимъ крестьянамъ, что никакой смертный безъ горести быть не можетъ. Дворянство наше преисполнено злости, веселится нашимъ мученіемъ. Они грозятъ отрубить намъ руки и ноги, чтобы мы забыли наше отечество, чтобъ иной жилъ въ лѣсу, какъ дикій звѣрь, и не могъ бы сносить великой нужды. Ведя такую бѣдственную жизнь, текутъ ежедневно на хлѣбъ слезы. 39 человѣкъ сидятъ въ Ригѣ въ цѣпяхъ, кромѣ множества живу-

трепетомъ, какъ путь намъ показанъ. Мать, сынъ всевысочайшіе! Мы, почитая Васъ, какую принесемъ Вамъ благодарность!

7.

Наша младая Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна да возсіяетъ и да царствуетъ въ будущія времена въ великой тишинѣ и во здравіи, съ благоразуміемъ, славою и честію, съ пріятностію и сладостію! Мы желаемъ Ей здравія и веселія, и да поживетъ Она всегда во счастіи!

8.

Да умножатся благословенно Ея силы во здравіи и чести, да будетъ безболѣзненъ Ея вѣкъ; да веселятся Ихъ Императорскіе Высочества; да не потерпятъ Они никакого несчастія; да возрадуются Они своими желаніями; да воспляшутъ и возсмѣются Ихъ сродники и друзья высочайшаго Императорскаго дома, даруй Имъ Боже миръ и здравіе!

9.

И тако да умилосердятся они надъ нами несчастными крестьянами; да возсіяетъ надъ Ними солнце; во истину да будетъ сія воля Божія — Бога, Который отверзетъ очи милосердой Государыни, дабы Она узнала наши несчастія! Тако ниспосли, Боже, свою благодать на сей престолъ, свою честь на тронъ Императрицы!

2.

Пѣсня заключеннаго крестьянина, сочиненная въ утѣсненіи, въ страхѣ и въ великой горести, въ 1777 году.

Голосъ: „Что хвалимъ мы Тебя“.

Мы, стоя на колѣнахъ, просимъ прилежно и представляемъ со слезами нашу нужду Вамъ, яко нашей всевысочайшей и дражайшей Императрицѣ, самодержицѣ Всероссійскія имперіи, и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, самодержавнымъ наслѣдникамъ престола, и всѣмъ высокимъ генераламъ, совѣтодателямъ нашея самодержицы! Благоволите услышать крестьянскія горести, нынѣ ежедневно нами претерпѣваемыя. Когда токмо блеснетъ на насъ дражайшій взоръ, то укрѣпятся наши силы, и ободрятся наши сердца, и отъ Вашего лица и дражайшихъ ногъ обрящемъ мы помилованіе и покой въ нашихъ жилищахъ.

Не безъизвѣстно уже нашимъ крестьянамъ, что никакой смертный безъ горести быть не можетъ. Дворянство наше преисполнено злости, веселится нашимъ мученіемъ. Они грозятъ отрубить намъ руки и ноги, чтобы мы забыли наше отечество, чтобъ иной жилъ въ лѣсу, какъ дикій звѣрь, и не могъ бы сносить великой нужды. Ведя такую бѣдственную жизнь, текутъ ежедневно на хлѣбъ слезы. 39 человѣкъ сидятъ въ Ригѣ въ цѣпяхъ, кромѣ множества живу-

щихъ въ бѣдности; въ темницѣ многіе уже распроданы, но и новые ихъ господа ввергнули ихъ въ мученіе и нужду, нашихъ женъ и малолѣтнихъ дѣтей мучатъ во дворѣ въ колодкахъ; беременныя женщины съ малыми ихъ дѣтьми плачутъ всѣ и блеятъ по овечьи; здѣсь проливаются слезы, начиная отъ стариковъ до грудныхъ дѣтей; чрезъ то и сіи младенцы напояются млекомъ горести и мученія; такожь и носимые во чревѣ матери наслѣдуютъ уже горесть отъ родителей; иные, не достигнувъ своего времени, лишаются живота во чревѣ матернемъ, иныя жены плачутъ денно и ночно, взирая на снѣдающее мученіе и срамъ; они плачутъ о любезныхъ своихъ мужьяхъ и позабываютъ всѣ дни своея жизни. Воспоминая прежнее свое здравіе, не находятъ нигдѣ помощи и свободы ни у другихъ людей, ниже у нашихъ господъ, но горесть за горестью, подобно наводненію. По истинѣ Богъ увидитъ мученіе крестьянское и поможетъ тѣмъ, которыхъ снѣдается сердце, взирая какъ на пашни и жилища своихъ предковъ, такъ и на ближнихъ и дальнихъ сродниковъ.

Укрѣпи, Боже Высочайшій и Дражайшій, духъ и силы нашей всемилостивѣйшей Государыни, купно и нашихъ младыхъ Государей, самодержцевъ и наслѣдниковъ престола и нашихъ высокихъ генераловъ, совѣтниковъ нашей дражайшей Государыни, чтобъ они извѣщали Ей наши нужды и обращали на насъ драгіе свои взоры. Тогда восплачутъ тѣ, кои радуются нынѣ и жесточатся на насъ, качая головами. Когда Богъ сіе сдѣлаетъ, то дадимъ мы клятву, что вѣчно вѣрными пребудемъ, и потомки наши воспомянутъ сей годъ, благодаря вѣчно въ роды родовъ, аминь! Господи Іисусе, предвари нашу свободу; не возможемъ болѣе стенати предъ Тобою, Ты токмо единъ нашъ покровитель; покажи надъ нами Свое владычество и защити, понеже мы всѣ единодушны, болѣзненны, злосчастны и безсильны!

IV.

Извлеченія изъ реляцій Лифляндскаго генералъ-губернатора графа Ю. Ю. Броуна Императрицѣ Екатеринѣ II, 1777 года.

1) Генералъ графъ Броунъ Ея Императорскому Величеству отъ 15-го мая реляціей доноситъ, что замѣшательству крестьянскому причиною, такъ, какъ сами крестьяне объявляютъ, состоитъ капитанъ Богдановъ, который говоритъ имъ, чтобъ они другъ за друга стояли, они терпятъ напрасно,—онъ проводитъ ихъ въ Петербургъ къ Ея Императорскому Величеству. Богдановъ здѣсь въ говореніи такихъ словъ, чтобъ они стояли другъ за друга, и что они терпятъ напрасно,—не признался, и что касается до провожденія, то въ семъ, а равно, что онъ не исполнилъ даннаго повелѣнія о содержаніи строгомъ крестьянъ подъ карауломъ, и что онъ къ нимъ не только сторонникъ допустилъ, но и написать одному колоднику

щихъ въ бѣдности; въ темницѣ многіе уже распроданы, но и новые ихъ господа ввергнули ихъ въ мученіе и нужду, нашихъ женъ и малолѣтнихъ дѣтей мучатъ во дворѣ въ колодкахъ; беременныя женщины съ малыми ихъ дѣтьми плачутъ всѣ и блеятъ по овечьи; здѣсь проливаются слезы, начиная отъ стариковъ до грудныхъ дѣтей; чрезъ то и сіи младенцы напояются млекомъ горести и мученія; такожь и носимые во чревѣ матери наслѣдуютъ уже горесть отъ родителей; иные, не достигнувъ своего времени, лишаются живота во чревѣ матернемъ, иныя жены плачутъ денно и ночно, взирая на снѣдающее мученіе и срамъ; они плачутъ о любезныхъ своихъ мужьяхъ и позабываютъ всѣ дни своея жизни. Воспоминая прежнее свое здравіе, не находятъ нигдѣ помощи и свободы ни у другихъ людей, ниже у нашихъ господъ, но горесть за горестью, подобно наводненію. По истинѣ Богъ увидитъ мученіе крестьянское и поможетъ тѣмъ, которыхъ снѣдается сердце, взирая какъ на пашни и жилища своихъ предковъ, такъ и на ближнихъ и дальнихъ сродниковъ.

Укрѣпи, Боже Высочайшій и Дражайшій, духъ и силы нашей всемилостивѣйшей Государыни, купно и нашихъ младыхъ Государей, самодержцевъ и наслѣдниковъ престола и нашихъ высокихъ генераловъ, совѣтниковъ нашей дражайшей Государыни, чтобъ они извѣщали Ей наши нужды и обращали на насъ драгіе свои взоры. Тогда восплачутъ тѣ, кои радуются нынѣ и жесточатся на насъ, качая головами. Когда Богъ сіе сдѣлаетъ, то дадимъ мы клятву, что вѣчно вѣрными пребудемъ, и потомки наши воспомянутъ сей годъ, благодаря вѣчно въ роды родовъ, аминь! Господи Іисусе, предвари нашу свободу; не возможемъ болѣе стенати предъ Тобою, Ты токмо единъ нашъ покровитель; покажи надъ нами Свое владычество и защити, понеже мы всѣ единодушны, болѣзненны, злосчастны и безсильны!

IV.

Извлеченія изъ реляцій Лифляндскаго генералъ-губернатора графа Ю. Ю. Броуна Императрицѣ Екатеринѣ II, 1777 года.

1) Генералъ графъ Броунъ Ея Императорскому Величеству отъ 15-го мая реляціей доноситъ, что замѣшательству крестьянскому причиною, такъ, какъ сами крестьяне объявляютъ, состоитъ капитанъ Богдановъ, который говоритъ имъ, чтобъ они другъ за друга стояли, они терпятъ напрасно,—онъ проводитъ ихъ въ Петербургъ къ Ея Императорскому Величеству. Богдановъ здѣсь въ говореніи такихъ словъ, чтобъ они стояли другъ за друга, и что они терпятъ напрасно,—не признался, и что касается до провожденія, то въ семъ, а равно, что онъ не исполнилъ даннаго повелѣнія о содержаніи строгомъ крестьянъ подъ карауломъ, и что онъ къ нимъ не только сторонникъ допустилъ, но и написать одному колоднику

къ другимъ крестьянамъ позволилъ и далъ самъ имъ бумагу,— винился. Сіе-то письмо, которое написано колодникомъ, и подало поводъ мятежнымъ крестьянамъ чтобъ идти сюда, ибо сказано въ ономъ, что за нихъ стоять будетъ и къ Ея Императорскому Величеству преставитъ ихъ жалобы Богдановъ, ибо какъ Богдановъ смѣнился съ караула, то крестьяне, приходя въ его квартиру, сносили къ нему свои челобитныя, кои онъ принималъ и деньги съ нихъ на прогоны взялъ, говоря при томъ, что если онъ ихъ къ Ея Императорскому Величеству представитъ, то бъ они его тогда наградили. Отъ онаго подвига и Богдановъ здѣсь не отрекается, но въ свое оправданіе говоритъ: „Я-де все это съ крестьянами дѣлалъ, обманывая оныхъ для того, чтобъ узнать всѣ ихъ мысли и потомъ на нихъ донести“. Но сіе его изреченіе во оправданіе по самому существу сего дѣла и по правосудію служить не можетъ, а паче симъ обличаетъ его коварный, или прямо сказать, алчный къ непозволительному прибытку нравъ, потому, первое, что онъ, будучи повѣренною персоною на караулѣ у мятежниковъ, и вѣдая уже преступленіе, какъ они посажены отъ правительства за оное, то ни малѣйшей нужды ни резону не имѣлъ онъ такое отъ нихъ желать свѣдѣніе, а тѣмъ паче, преступя свою должность, входить съ такими обличенными мятежниками въ дружбу и обязываться быть за нихъ ходатаемъ; чтожъ онъ прямо за нихъ ходатаемъ быть хотѣлъ, то доказано сіе тѣмъ, что онъ уже просилъ себѣ отпуску у полковника въ Петербургѣ, изъявляя свои нужды, не сказавъ однакожъ оному, что онъ сей отпускъ просилъ для одного обмана мужиковъ; итакъ, если бъ онъ отпущенъ былъ, то бъ ходатаемъ онъ былъ здѣсь за мужиковъ, конечно; чтожъ онъ собралъ отъ мужиковъ челобитныя, то сіе произошло не по доброй его волѣ, но отъ того, что уже онъ лишился надежды отпущенъ быть сюда, а съ мужиковъ деньги обобралъ, то боялся, чтобъ мужики не били на него за взятыя съ нихъ деньги просителями; второе, должность его состояла въ томъ, что коль скоро онъ услышалъ отъ содержащагося колодника Янки слова такія, что они сами знаютъ, какъ искать правосудія,—жаль только, что вы солдаты здѣсь, а то мы сами бы съ помѣщиками-то управились, то бъ тотъ же часъ долженъ онъ былъ о семъ отрапортовать своему командиру, а онъ, Богдановъ, не только о семъ умолчалъ, но послѣ такихъ, можно сказать, возмутительныхъ рѣчей сдѣлался за нихъ стряпчимъ; что же онъ въ оправданіе свое говоритъ здѣсь, что-де объ ономъ онъ не донесъ для того, что-де колодникъ говорилъ тѣ слова по латышски, слѣдовательно, и не имѣлъ онъ свидѣтеля, но сія его отговорка есть сама собою вымышленная, потому, какъ уже тотъ крестьянинъ признанъ явнымъ власти ослушникомъ, за что опредѣленъ тюремному заключенію,— то правительство могло ли бъ почесть, держась благоразумія, извѣтъ его, Богданова, ложнымъ, и не додало бъ ему, какъ караульному офицеру, на явнаго и обличеннаго уже продерзателя вѣры.

2) Отъ 24-го мая, въ реляціи къ своей господинъ графъ Броунъ пишетъ, что нѣкоторые крестьяне, которые хотѣли съ Богда-

къ другимъ крестьянамъ позволилъ и далъ самъ имъ бумагу,— винился. Сіе-то письмо, которое написано колодникомъ, и подало поводъ мятежнымъ крестьянамъ чтобъ идти сюда, ибо сказано въ ономъ, что за нихъ стоять будетъ и къ Ея Императорскому Величеству преставитъ ихъ жалобы Богдановъ, ибо какъ Богдановъ смѣнился съ караула, то крестьяне, приходя въ его квартиру, сносили къ нему свои челобитныя, кои онъ принималъ и деньги съ нихъ на прогоны взялъ, говоря при томъ, что если онъ ихъ къ Ея Императорскому Величеству представитъ, то бъ они его тогда наградили. Отъ онаго подвига и Богдановъ здѣсь не отрекается, но въ свое оправданіе говоритъ: „Я-де все это съ крестьянами дѣлалъ, обманывая оныхъ для того, чтобъ узнать всѣ ихъ мысли и потомъ на нихъ донести“. Но сіе его изреченіе во оправданіе по самому существу сего дѣла и по правосудію служить не можетъ, а паче симъ обличаетъ его коварный, или прямо сказать, алчный къ непозволительному прибытку нравъ, потому, первое, что онъ, будучи повѣренною персоною на караулѣ у мятежниковъ, и вѣдая уже преступленіе, какъ они посажены отъ правительства за оное, то ни малѣйшей нужды ни резону не имѣлъ онъ такое отъ нихъ желать свѣдѣніе, а тѣмъ паче, преступя свою должность, входить съ такими обличенными мятежниками въ дружбу и обязываться быть за нихъ ходатаемъ; чтожъ онъ прямо за нихъ ходатаемъ быть хотѣлъ, то доказано сіе тѣмъ, что онъ уже просилъ себѣ отпуску у полковника въ Петербургѣ, изъявляя свои нужды, не сказавъ однакожъ оному, что онъ сей отпускъ просилъ для одного обмана мужиковъ; итакъ, если бъ онъ отпущенъ былъ, то бъ ходатаемъ онъ былъ здѣсь за мужиковъ, конечно; чтожъ онъ собралъ отъ мужиковъ челобитныя, то сіе произошло не по доброй его волѣ, но отъ того, что уже онъ лишился надежды отпущенъ быть сюда, а съ мужиковъ деньги обобралъ, то боялся, чтобъ мужики не били на него за взятыя съ нихъ деньги просителями; второе, должность его состояла въ томъ, что коль скоро онъ услышалъ отъ содержащагося колодника Янки слова такія, что они сами знаютъ, какъ искать правосудія,—жаль только, что вы солдаты здѣсь, а то мы сами бы съ помѣщиками-то управились, то бъ тотъ же часъ долженъ онъ былъ о семъ отрапортовать своему командиру, а онъ, Богдановъ, не только о семъ умолчалъ, но послѣ такихъ, можно сказать, возмутительныхъ рѣчей сдѣлался за нихъ стряпчимъ; что же онъ въ оправданіе свое говоритъ здѣсь, что-де объ ономъ онъ не донесъ для того, что-де колодникъ говорилъ тѣ слова по латышски, слѣдовательно, и не имѣлъ онъ свидѣтеля, но сія его отговорка есть сама собою вымышленная, потому, какъ уже тотъ крестьянинъ признанъ явнымъ власти ослушникомъ, за что опредѣленъ тюремному заключенію,— то правительство могло ли бъ почесть, держась благоразумія, извѣтъ его, Богданова, ложнымъ, и не додало бъ ему, какъ караульному офицеру, на явнаго и обличеннаго уже продерзателя вѣры.

2) Отъ 24-го мая, въ реляціи къ своей господинъ графъ Броунъ пишетъ, что нѣкоторые крестьяне, которые хотѣли съ Богда-

новымъ ѣхать сюда, пойманы, а двоихъ не сыскано, и чаятельно, пошли они въ Петербургъ, потому что сей злой человѣкъ (т. е. Богдановъ), а можетъ быть, и другіе ему подобные наговорили крестьянамъ, что исполненное надъ ними наказаніе безъ свѣдѣнія и повелѣнія Ея Императорскаго Величества учинено, а если они твердо пребудутъ въ своемъ намѣреніи, то сбудется ихъ надежда, умалчивая о другихъ дерзкихъ внушеніяхъ.

Пойманные здѣсь двое крестьянъ называются одинъ—арендной мызы Марценгофъ Лауръ, который былъ въ то самое время, какъ Богдановъ ихъ обольщалъ, что онъ ихъ самъ представитъ предъ Ея Императорское Величество, и который отдалъ ему челобитную; а другой—наслѣдной Волмерской мызы называемый Петеръ Биснекъ, который дважды былъ содержанъ въ тюрьмѣ съ прочими мятежниками, но однакожь безъ наказанія освобожденъ и потомъ бѣжалъ,—у коихъ найдены челобитныя, которыми они просятъ, чтобъ ихъ отъ помѣщиковъ и отъ владѣльцевъ свободными сдѣлать, также и содержащихся въ Ригѣ изъ-подъ караула выпустить, прописывая, что статгалтеръ Іоганъ фонъ-Энгельгардтъ съ 773 года до нынѣ отягощалъ ихъ работами, и что главное ихъ негодованіе въ томъ, что помѣщики заводятъ новые подмызки и заставляютъ въ зимнее время возить на строеніе бревна неумѣренно; между же прочаго, изъ тѣхъ ихъ прошеній видно и то, что они приносили свои жалобы въ надворномъ судѣ, но однако тѣ ихъ жалобы за справедливое не приняты.

3) Отъ 24-го мая, господинъ генералъ графъ Броунъ въ реляціи пишетъ, что—послѣ моего послѣдняго рапорта оказалось еще во многихъ коронныхъ и господскихъ деревняхъ, господскіе крестьяне не хотятъ признавать своихъ помѣщиковъ, а коронные отказываются отъ всякаго земледѣлія и приращенія маетностей.

4) Въ приложеніи своемъ господинъ графъ Броунъ пишетъ, что-де жалобы крестьянъ наипаче состояли въ слѣдующемъ: Помѣщики требуютъ отъ нихъ больше работы при земледѣліи, винокуреніи, при возкѣ дровъ и прочаго, сколько надлежитъ и сверхъ ихъ возможности. Нѣкоторыя изъ сихъ жалобъ найдены справедливыми во всѣхъ трехъ господскихъ мызахъ, а именно въ Венденѣ, Волмаргофѣ и Баллодѣ; но оные налоги въ оныхъ уничтожены, и крестьянамъ за то заплачено по самой справедливости, потому въ оныхъ трехъ маетностяхъ всѣ излишнія работы оставлены, и помѣщикамъ приказано щедро заплатить крестьянамъ за излишнюю работу.

5) Отъ 24-го мая господинъ же графъ Броунъ въ реляціи пишетъ: Для нужнаго изобличенія ихъ въ заблужденіи, кажется, потребно сіе учинить, чтобъ тѣ, кои изъ нихъ найдутся въ Петербургѣ, публично наказаны и сюда скованные присланы, или чтобы каждый бунтующей маетности главный зачинщикъ былъ взятъ въ Петербургъ, тамъ наказанъ кнутомъ и присланъ въ Ригу обратно, дабы ихъ сообщники могли знать, что они точно наказаны по указу Ея Императорскаго Величества за ихъ преступленіе.

новымъ ѣхать сюда, пойманы, а двоихъ не сыскано, и чаятельно, пошли они въ Петербургъ, потому что сей злой человѣкъ (т. е. Богдановъ), а можетъ быть, и другіе ему подобные наговорили крестьянамъ, что исполненное надъ ними наказаніе безъ свѣдѣнія и повелѣнія Ея Императорскаго Величества учинено, а если они твердо пребудутъ въ своемъ намѣреніи, то сбудется ихъ надежда, умалчивая о другихъ дерзкихъ внушеніяхъ.

Пойманные здѣсь двое крестьянъ называются одинъ—арендной мызы Марценгофъ Лауръ, который былъ въ то самое время, какъ Богдановъ ихъ обольщалъ, что онъ ихъ самъ представитъ предъ Ея Императорское Величество, и который отдалъ ему челобитную; а другой—наслѣдной Волмерской мызы называемый Петеръ Биснекъ, который дважды былъ содержанъ въ тюрьмѣ съ прочими мятежниками, но однакожь безъ наказанія освобожденъ и потомъ бѣжалъ,—у коихъ найдены челобитныя, которыми они просятъ, чтобъ ихъ отъ помѣщиковъ и отъ владѣльцевъ свободными сдѣлать, также и содержащихся въ Ригѣ изъ-подъ караула выпустить, прописывая, что статгалтеръ Іоганъ фонъ-Энгельгардтъ съ 773 года до нынѣ отягощалъ ихъ работами, и что главное ихъ негодованіе въ томъ, что помѣщики заводятъ новые подмызки и заставляютъ въ зимнее время возить на строеніе бревна неумѣренно; между же прочаго, изъ тѣхъ ихъ прошеній видно и то, что они приносили свои жалобы въ надворномъ судѣ, но однако тѣ ихъ жалобы за справедливое не приняты.

3) Отъ 24-го мая, господинъ генералъ графъ Броунъ въ реляціи пишетъ, что—послѣ моего послѣдняго рапорта оказалось еще во многихъ коронныхъ и господскихъ деревняхъ, господскіе крестьяне не хотятъ признавать своихъ помѣщиковъ, а коронные отказываются отъ всякаго земледѣлія и приращенія маетностей.

4) Въ приложеніи своемъ господинъ графъ Броунъ пишетъ, что-де жалобы крестьянъ наипаче состояли въ слѣдующемъ: Помѣщики требуютъ отъ нихъ больше работы при земледѣліи, винокуреніи, при возкѣ дровъ и прочаго, сколько надлежитъ и сверхъ ихъ возможности. Нѣкоторыя изъ сихъ жалобъ найдены справедливыми во всѣхъ трехъ господскихъ мызахъ, а именно въ Венденѣ, Волмаргофѣ и Баллодѣ; но оные налоги въ оныхъ уничтожены, и крестьянамъ за то заплачено по самой справедливости, потому въ оныхъ трехъ маетностяхъ всѣ излишнія работы оставлены, и помѣщикамъ приказано щедро заплатить крестьянамъ за излишнюю работу.

5) Отъ 24-го мая господинъ же графъ Броунъ въ реляціи пишетъ: Для нужнаго изобличенія ихъ въ заблужденіи, кажется, потребно сіе учинить, чтобъ тѣ, кои изъ нихъ найдутся въ Петербургѣ, публично наказаны и сюда скованные присланы, или чтобы каждый бунтующей маетности главный зачинщикъ былъ взятъ въ Петербургъ, тамъ наказанъ кнутомъ и присланъ въ Ригу обратно, дабы ихъ сообщники могли знать, что они точно наказаны по указу Ея Императорскаго Величества за ихъ преступленіе.

6) Въ другомъ параграфѣ сей же релящи видно, что мужики, кои были наказываны, не вѣрили, что они наказываны по волѣ Ея Императорскаго Величества.

7) Касательно жь о капитанѣ Богдановѣ, то господинъ графъ Броунъ, въ релящи своей отъ 7-го сентября пишетъ, дабы по его дѣлу поступлено было наиправосуднѣйше, ибо ежели съ симъ человѣкомъ совѣсти лишеннымъ не будетъ поступлено въ образецъ другимъ, а, особливо когда онъ не будетъ удаленъ изъ тамошней околичности, то тлѣющій въ крестьянствѣ огонь не утушится.

8) Въ приложеніи же его господина графа Броуна написано, что Муремойзенскіе мужики суть родственники находящагося при придворной конюшнѣ поручика Матвѣева, которые, надѣясь чрезъ него получить подкрѣпленіе, послали къ нему въ Петербургъ письмо, въ которомъ однакожъ ничего яснаго о намѣреніяхъ крестьянскихъ не содержится, и что онъ, можетъ быть, въ томъ совсѣмъ не виновенъ. Содержащіяся же здѣсь выше сказанныя Латыши показали, что они у Матвѣева были, и одинъ изъ нихъ просилъ его, чтобы указалъ имъ дворецъ, а другой объявилъ, что онъ ни какой просьбы отъ нихъ слышать не хотѣлъ и никакого обнадеживанія имъ не дѣлалъ.

Сдѣлавшіе заговоръ крестьяне сыскали хитраго писца, короннаго Блуменгофскаго Геренпрета Кикуля Якоба, который въ семъ признался, что ни онъ, ниже весь уѣздъ не имѣлъ причины жаловаться, и что онъ по своей выдумкѣ писалъ ложно, противъ воли прочихъ челобитчиковъ.

V.

Составленная въ Тайной экспедиціи записка о показаніяхъ Богданова.

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, кригсрехтъ, произведенный въ Ригѣ надъ капитаномъ Углицкаго пѣхотнаго полка Ѳедоромъ Богдановымъ, изъ военной коллегіи возвращенъ къ господину генералъ-фельдмаршалу князю Александръ Михайловичу Голицыну, а потомъ и самъ оный Богдановъ, будучи содержанъ въ Ригѣ подъ карауломъ, сюда же присланъ. По сему кригсрехту Богдановъ найденъ виноватъ въ томъ: 1) будучи въ Рижской цитадели на караулѣ, какъ при письменномъ повелѣніи присланы къ нему были бунтующіе, или такъ сказать, не покоряющіеся власти помѣщика своего Венденскіе крестьяне, семь человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ разсадя ихъ порознь, содержать подъ крѣпкимъ карауломъ и никого къ нимъ не допускать и самихъ ихъ вмѣстѣ не сводить, то онъ въ противность онаго, войдя съ однимъ изъ колодниковъ, называемымъ Янкою, въ разговоръ и слыша отъ него рѣчи, склоняющіяся къ будущему ихъ непослушанію и дурнымъ замысламъ, не только въ то время не донесъ,

6) Въ другомъ параграфѣ сей же релящи видно, что мужики, кои были наказываны, не вѣрили, что они наказываны по волѣ Ея Императорскаго Величества.

7) Касательно жь о капитанѣ Богдановѣ, то господинъ графъ Броунъ, въ релящи своей отъ 7-го сентября пишетъ, дабы по его дѣлу поступлено было наиправосуднѣйше, ибо ежели съ симъ человѣкомъ совѣсти лишеннымъ не будетъ поступлено въ образецъ другимъ, а, особливо когда онъ не будетъ удаленъ изъ тамошней околичности, то тлѣющій въ крестьянствѣ огонь не утушится.

8) Въ приложеніи же его господина графа Броуна написано, что Муремойзенскіе мужики суть родственники находящагося при придворной конюшнѣ поручика Матвѣева, которые, надѣясь чрезъ него получить подкрѣпленіе, послали къ нему въ Петербургъ письмо, въ которомъ однакожъ ничего яснаго о намѣреніяхъ крестьянскихъ не содержится, и что онъ, можетъ быть, въ томъ совсѣмъ не виновенъ. Содержащіяся же здѣсь выше сказанныя Латыши показали, что они у Матвѣева были, и одинъ изъ нихъ просилъ его, чтобы указалъ имъ дворецъ, а другой объявилъ, что онъ ни какой просьбы отъ нихъ слышать не хотѣлъ и никакого обнадеживанія имъ не дѣлалъ.

Сдѣлавшіе заговоръ крестьяне сыскали хитраго писца, короннаго Блуменгофскаго Геренпрета Кикуля Якоба, который въ семъ признался, что ни онъ, ниже весь уѣздъ не имѣлъ причины жаловаться, и что онъ по своей выдумкѣ писалъ ложно, противъ воли прочихъ челобитчиковъ.

V.

Составленная въ Тайной экспедиціи записка о показаніяхъ Богданова.

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, кригсрехтъ, произведенный въ Ригѣ надъ капитаномъ Углицкаго пѣхотнаго полка Ѳедоромъ Богдановымъ, изъ военной коллегіи возвращенъ къ господину генералъ-фельдмаршалу князю Александръ Михайловичу Голицыну, а потомъ и самъ оный Богдановъ, будучи содержанъ въ Ригѣ подъ карауломъ, сюда же присланъ. По сему кригсрехту Богдановъ найденъ виноватъ въ томъ: 1) будучи въ Рижской цитадели на караулѣ, какъ при письменномъ повелѣніи присланы къ нему были бунтующіе, или такъ сказать, не покоряющіеся власти помѣщика своего Венденскіе крестьяне, семь человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ разсадя ихъ порознь, содержать подъ крѣпкимъ карауломъ и никого къ нимъ не допускать и самихъ ихъ вмѣстѣ не сводить, то онъ въ противность онаго, войдя съ однимъ изъ колодниковъ, называемымъ Янкою, въ разговоръ и слыша отъ него рѣчи, склоняющіяся къ будущему ихъ непослушанію и дурнымъ замысламъ, не только въ то время не донесъ,

но и объявилъ ему себя ходатаемъ за нимъ, приказывая написать имъ о своихъ обидахъ и притѣсненіяхъ къ Ея Императорскому Величеству челобитную, которую обѣщался отвести самъ съ двумя изъ нихъ выборными въ Петербургъ; а потому 2) далъ оному Янкѣ свиданіе съ другимъ его товарищемъ, называемымъ Соркомарцъ, для того, чтобъ оный, какъ грамотный человѣкъ, увѣдомилъ своимъ письмомъ прочую свою собратію въ селеніяхъ обрѣтающихся, что онъ, Богдановъ, взялся за ихъ дѣло, и чтобъ они, составя челобитную и выбравъ двухъ депутатовъ, велѣли бы онымъ явиться у него, Богданова, въ квартирѣ; и на написаніе сего письма далъ онъ, Богдановъ, и бумаги, да и допустилъ послѣ Янку до разговоровъ и до врученія онаго письма присланнымъ изъ ихъ селенія съ провизіею для нихъ мужикамъ; 3) по смѣнѣ съ сего караула, въ слѣдствіе того письма были у него въ квартирѣ трижды по нѣсколько человѣкъ изъ Венденскихъ мужиковъ, коихъ онъ также какъ и содержащихся, обнадеживалъ своимъ ходатайствомъ, и показывая имъ свою готовность ѣхать съ ними по почтѣ въ Петербургъ, вычислядъ, сколько надобно денегъ на прогоны, коихъ положа 60 руб., взялъ отъ нихъ въ число сихъ въ первый разъ 16 талеровъ, въ другой 34 ефимка, а въ третій 12 рублевиковъ; 4) получа напослѣдокъ въ свои руки челобитную отъ сихъ мужиковъ и не представя оной по командѣ, просился самымъ дѣломъ у своего полковника въ отпускъ въ Петербургъ на 15 дней, а получа отъ него отказъ, просилъ позволеніе ѣхать въ Ригу, для испрошенія того отпуска у дивизіоннаго командира, генерала Ельмта, но какъ и въ томъ ему также отказано, то и тогда, утаевая онъ о своемъ сообщеніи съ мужиками предъ своимъ полковникомъ, отпросился у него наконецъ въ Венденъ подъ видомъ свиданія съ знакомыми офицерами, и тамо въ ландгерихтѣ представя означенную челобитную, доставилъ оному и тѣхъ мужиковъ, кои хотѣли въ Петербургъ съ нимъ ѣхать.

Богдановъ же какъ въ военномъ судѣ отвѣчалъ, такъ и здѣсь въ тайной экспедиціи показываетъ, что онъ съ предписанными мужиками во мнимое согласіе вступилъ отнюдь не для интереса какого, но единственно для того, чтобъ симъ средствомъ выманя у нихъ на бумагѣ всѣ ихъ неудовольствія и жалобы, на тамошнія присутственныя мѣста изъявляемыя ими, хотѣлъ представить оныя губернатору, и тѣмъ желалось ему не только вывести себя у губернатора изъ дурнаго мнѣнія, послѣдовавшаго отъ оклеветанія одного гарнизоннаго маіора, съ нимъ Богдановымъ поссорившагося [1]), но и предупредить дурные тѣхъ мужиковъ замыслы и на-

[1]) Ссора сія послѣдовала отъ того, что Богдановъ, будучи у каторжныхъ невольниковъ на караулѣ, изыскалъ, что попущеніемъ того маіора не исполнилась инструкція, данная караульнымъ офицерамъ, какъ то: 1) опредѣленный отъ онаго маіора къ острогу унтеръ-офицеръ украдкою приносилъ въ острогъ вино и продавалъ каторжнымъ; 2) каторжные имѣли при себѣ ножи, топоры, пилы, струги, скобли и другія многія вещи такія, которыхъ по инструкціи накрѣпко запрещено имѣть въ острогѣ: но маіоръ

но и объявилъ ему себя ходатаемъ за нимъ, приказывая написать имъ о своихъ обидахъ и притѣсненіяхъ къ Ея Императорскому Величеству челобитную, которую обѣщался отвести самъ съ двумя изъ нихъ выборными въ Петербургъ; а потому 2) далъ оному Янкѣ свиданіе съ другимъ его товарищемъ, называемымъ Соркомарцъ, для того, чтобъ оный, какъ грамотный человѣкъ, увѣдомилъ своимъ письмомъ прочую свою собратію въ селеніяхъ обрѣтающихся, что онъ, Богдановъ, взялся за ихъ дѣло, и чтобъ они, составя челобитную и выбравъ двухъ депутатовъ, велѣли бы онымъ явиться у него, Богданова, въ квартирѣ; и на написаніе сего письма далъ онъ, Богдановъ, и бумаги, да и допустилъ послѣ Янку до разговоровъ и до врученія онаго письма присланнымъ изъ ихъ селенія съ провизіею для нихъ мужикамъ; 3) по смѣнѣ съ сего караула, въ слѣдствіе того письма были у него въ квартирѣ трижды по нѣсколько человѣкъ изъ Венденскихъ мужиковъ, коихъ онъ также какъ и содержащихся, обнадеживалъ своимъ ходатайствомъ, и показывая имъ свою готовность ѣхать съ ними по почтѣ въ Петербургъ, вычислядъ, сколько надобно денегъ на прогоны, коихъ положа 60 руб., взялъ отъ нихъ въ число сихъ въ первый разъ 16 талеровъ, въ другой 34 ефимка, а въ третій 12 рублевиковъ; 4) получа напослѣдокъ въ свои руки челобитную отъ сихъ мужиковъ и не представя оной по командѣ, просился самымъ дѣломъ у своего полковника въ отпускъ въ Петербургъ на 15 дней, а получа отъ него отказъ, просилъ позволеніе ѣхать въ Ригу, для испрошенія того отпуска у дивизіоннаго командира, генерала Ельмта, но какъ и въ томъ ему также отказано, то и тогда, утаевая онъ о своемъ сообщеніи съ мужиками предъ своимъ полковникомъ, отпросился у него наконецъ въ Венденъ подъ видомъ свиданія съ знакомыми офицерами, и тамо въ ландгерихтѣ представя означенную челобитную, доставилъ оному и тѣхъ мужиковъ, кои хотѣли въ Петербургъ съ нимъ ѣхать.

Богдановъ же какъ въ военномъ судѣ отвѣчалъ, такъ и здѣсь въ тайной экспедиціи показываетъ, что онъ съ предписанными мужиками во мнимое согласіе вступилъ отнюдь не для интереса какого, но единственно для того, чтобъ симъ средствомъ выманя у нихъ на бумагѣ всѣ ихъ неудовольствія и жалобы, на тамошнія присутственныя мѣста изъявляемыя ими, хотѣлъ представить оныя губернатору, и тѣмъ желалось ему не только вывести себя у губернатора изъ дурнаго мнѣнія, послѣдовавшаго отъ оклеветанія одного гарнизоннаго маіора, съ нимъ Богдановымъ поссорившагося [1]), но и предупредить дурные тѣхъ мужиковъ замыслы и на-

---

[1]) Ссора сія послѣдовала отъ того, что Богдановъ, будучи у каторжныхъ невольниковъ на караулѣ, изыскалъ, что попущеніемъ того маіора не исполнилась инструкція, данная караульнымъ офицерамъ, какъ то: 1) опредѣленный отъ онаго маіора къ острогу унтеръ-офицеръ украдкою приносилъ въ острогъ вино и продавалъ каторжнымъ; 2) каторжные имѣли при себѣ ножи, топоры, пилы, струги, скобли и другія многія вещи такія, которыхъ по инструкціи накрѣпко запрещено имѣть въ острогѣ: но маіоръ

мѣренія, кои понялъ онъ изъ словъ, сказанныхъ ему вышепомянутымъ Янкою при первомъ съ нимъ разговорѣ, и именно такихъ: что если Государыня не повелитъ записать ихъ за молодаго Государя, то они принуждены будутъ, оставя дома, женъ и дѣтей, искать правосудія сами. А какъ онъ, Богдановъ, вопросилъ его: „а какъ же вы будете искать-то?“, то онъ, кивнувъ головою, сказалъ: „ну, уже мы знаемъ какъ; жаль только, что вы солдаты здѣсь, а то мы сами бы съ помѣщиками-то управились“. Сіи слова Янка говорилъ ему, хотя и при караульныхъ солдатахъ, но они ихъ не разумѣли, потому что говорены были на латышскомъ языкѣ, слѣдовательно, и не могъ представить ни какой улики Янкѣ на случай его запирательства, въ разсужденіи чего и не посмѣлъ онъ, Богдановъ, въ то самое время донести объ оныхъ губернатору, ибо будучи у него въ дурномъ мнѣніи, боялся того, что почтенъ будетъ ложнымъ доносителемъ, однакожъ, понимая важность сихъ рѣчей, не хотѣлъ оставить безъ донесенія, предпринявъ истребовать отъ нихъ на письмѣ что-нибудь такое, которое могло бы удостовѣрить его донось, а ихъ дурные замыслы, такъ какъ и узнать количество тамошнихъ крестьянскихъ селеній, противу помѣщиковъ своихъ возстающихъ; а сіе самое и понудило его объявить себя мужикамъ адвокатомъ ихъ, поступая съ содержащимися въ противность даннаго повелѣнія; да и просился наконецъ самымъ дѣломъ у полковника своего въ отпускъ въ Петербургъ на 15 дней, дабы тѣмъ лучше увѣрить мятущихся крестьянъ, что онъ ихъ не обманываетъ, и чтобъ безбоязненно снесли къ нему всѣ свои челобитныя, по полученіи коихъ хотѣлъ онъ ѣхать въ Ригу и представить оныя губернатору. Но какъ полковникъ отказалъ ему въ отпускѣ въ Петербургъ и въ Ригу, то принужденъ уже онъ былъ отпроситься въ Венденъ и тамо объявить обо всемъ ономъ происхожденіи въ ландгерихтѣ, яко въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ бунтующіе Венденскіе мужики судомъ и расправою вѣдомы, да и доставилъ наконецъ оному приготовившихся ѣхать съ нимъ въ Петербургъ двухъ мужиковъ, переодѣтыхъ въ платье русскихъ ямщиковъ и ожидавшихъ его на пути лежащей въ Петербургъ дороги для представленія Всемилостивѣйшей Государынѣ ему врученныя (бумаги); почему и получилъ онъ тогда онаго ландгерихта отъ присутствующихъ за его усердіе благодарность и награду, состоящую во стѣ рубляхъ; однакожъ послѣ сего спустя два мѣсяца отдали его подъ военный судъ. Что же принадлежитъ до утаенія его о семъ дѣлѣ предъ своимъ полковникомъ, то сіе онъ учинилъ для того, что опасался, дабы полковникъ прежде времени

позволилъ имъ оныя имѣть для того, что они нѣсколько лѣтъ сряду дѣлали на него и на его пріятелей, въ томъ числѣ и находящагося при губернаторѣ надворнаго совѣтника Дружинина, разныя мебели, а какъ Богдановъ письменно рапортовалъ о семъ своей командѣ, и команда представляла губернатору о изслѣдованіи объ ономъ, то маіоръ и Дружининъ обнесли его предъ губернаторомъ, будто бы онъ дурной и самый безпокойный человѣкъ. *Прим. подлинника.*

мѣреніи, кои понялъ онъ изъ словъ, сказанныхъ ему вышепомянутымъ Янкою при первомъ съ нимъ разговорѣ, и именно такихъ: что если Государыня не повелитъ записать ихъ за молодаго Государя, то они принуждены будутъ, оставя дома, женъ и дѣтей, искать правосудія сами. А какъ онъ, Богдановъ, вопросилъ его: „а какъ же вы будете искать-то?“, то онъ, кивнувъ головою, сказалъ: „ну, уже мы знаемъ какъ; жаль только, что вы солдаты здѣсь, а то мы сами бы съ помѣщиками-то управились“. Сіи слова Янка говорилъ ему, хотя и при караульныхъ солдатахъ, но они ихъ не разумѣли, потому что говорены были на латышскомъ языкѣ, слѣдовательно, и не могъ представить ни какой улики Янкѣ на случай его запирательства, въ разсужденіи чего и не посмѣлъ онъ, Богдановъ, въ то самое время донести объ оныхъ губернатору, ибо будучи у него въ дурномъ мнѣніи, боялся того, что почтенъ будетъ ложнымъ доносителемъ, однакожъ, понимая важность сихъ рѣчей, не хотѣлъ оставить безъ донесенія, предпринявъ истребовать отъ нихъ на письмѣ что-нибудь такое, которое могло бы удостовѣрить его донось, а ихъ дурные замыслы, такъ какъ и узнать количество тамошнихъ крестьянскихъ селеній, противу помѣщиковъ своихъ возстающихъ; а сіе самое и понудило его объявить себя мужикамъ адвокатомъ ихъ, поступая съ содержащимися въ противность даннаго повелѣнія; да и просился наконецъ самымъ дѣломъ у полковника своего въ отпускъ въ Петербургъ на 15 дней, дабы тѣмъ лучше увѣрить мятущихся крестьянъ, что онъ ихъ не обманываетъ, и чтобъ безбоязненно снесли къ нему всѣ свои челобитныя, по полученіи коихъ хотѣлъ онъ ѣхать въ Ригу и представить оныя губернатору. Но какъ полковникъ отказалъ ему въ отпускѣ въ Петербургъ и въ Ригу, то принужденъ уже онъ былъ отпроситься въ Венденъ и тамо объявить обо всемъ ономъ происхожденіи въ ландгерихтѣ, яко въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ бунтующіе Венденскіе мужики судомъ и расправою вѣдомы, да и доставилъ наконецъ оному приготовившихся ѣхать съ нимъ въ Петербургъ двухъ мужиковъ, переодѣтыхъ въ платье русскихъ ямщиковъ и ожидавшихъ его на пути лежащей въ Петербургъ дороги для представленія Всемилостивѣйшей Государынѣ ему врученныя (бумаги); почему и получилъ онъ тогда онаго ландгерихта отъ присутствующихъ за его усердіе благодарность и награду, состоящую во стѣ рубляхъ; однакожъ послѣ сего спустя два мѣсяца отдали его подъ военный судъ. Что же принадлежитъ до утаенія его о семъ дѣлѣ предъ своимъ полковникомъ, то сіе онъ учинилъ для того, что опасался, дабы полковникъ прежде времени

позволилъ имъ оныя имѣть для того, что они нѣсколько лѣтъ сряду дѣлали на него и на его пріятелей, въ томъ числѣ и находящагося при губернаторѣ надворнаго совѣтника Дружинина, разныя мебели, а какъ Богдановъ письменно рапортовалъ о семъ своей командѣ, и команда представляла губернатору о изслѣдованіи объ ономъ, то маіоръ и Дружининъ обнесли его предъ губернаторомъ, будто бы онъ дурной и самый безпокойный человѣкъ. *Прим. подлинника.*

не вывелъ предъ мужиками наружу его обмана, ибо ему извѣстно, что полковникъ всѣхъ лифляндскихъ дворянъ ненавидитъ и презираетъ, а какъ намѣреніе его, Богданова, служило въ пользу того дворянства, то и мыслилъ онъ такъ, что полковникъ не оставитъ открытія его въ секретѣ потому паче, что онъ и самого его, Богданова, не любитъ и называетъ безпокойнымъ человѣкомъ.

Военный судъ заключенною сентенціею и командующій генералитетъ, какъ-то: генералъ-маіоръ Кохіусъ, генералъ-аншефъ Бергъ и генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, мнѣніями своими согласно приговорили онаго Богданова, за описанное выше сего преступленіе его, въ силу воинскаго устава 28-го и 129-го съ толкованіями артикуловъ, лиша всѣхъ чиновъ, отослать для опредѣленія въ отдаленные гарнизоны.

А Рижскій генералъ-губернаторъ графъ Броунъ, при реляціи своей отъ 7-го сентября прилагая копіи съ представленныхъ къ нему отъ Рейхарта, управителя Небальскихъ графа Шереметева деревень, двухъ писемъ, писанныхъ отъ имени Богданова къ оному Рейхарту, дабы онъ прислалъ ему тысячу червонныхъ, ограживая за отказъ въ оныхъ вступить въ доносъ по крестьянскимъ на него жалобамъ, его всего лишить и сдѣлать крайне несчастливымъ, по прочемъ пишетъ въ оной о немъ Богдановѣ такъ: что „если съ симъ человѣкомъ, совѣсти лишившимся, не будетъ поступлено въ образецъ другимъ, а особливо, когда онъ не будетъ удаленъ изъ околичности здѣшней, то тлѣющій въ крестьянствѣ огонь не рушится, ибо хотя бывшія до сего времени безпокойства на первый случай и утишены, но однако оказывается мѣстами, что не совсѣмъ унялся духъ упорства, понеже тому назадъ предъ двумя недѣлями нѣсколько изъ крестьянокъ удавили ночью послѣдную госпожу свою. А какъ сіи убійцы по собственному признанію ихъ поступили на такое убійство, надѣясь, что нѣтъ имъ опасности наказаннымъ быть смертію,—то Ваше Императорское Величество, по своей наипросвѣщеннѣйшей къ правосудію любви, соизволите сами усмотрѣть, какія строгія средства для пресѣченія сего зла нужны, и что по меньшей мѣрѣ, хотя одинъ образецъ, приличный такому преступленію, такихъ злодѣевъ въ страхъ привесть долженъ".

Богдановъ, будучи въ тайной экспедиціи допрашиванъ о помянутыхъ письмахъ, показалъ, что онъ нетолько самъ оныхъ не писалъ и писать никому не приказывалъ, но и совсѣмъ не знаетъ ни Рейхарта, ни поручика Клингенау, къ которому назначалась тѣми письмами присылка требуемыхъ червонныхъ, а потому и проситъ, чтобъ въ оригиналѣ сіи письма сюда присланы, надѣясь, не узнаетъ ли иногда по рукѣ о пасквилантѣ, а между тѣмъ подозрѣваетъ въ ономъ ремеслѣ содержащагося обще съ ними Рижской цитадели подъ карауломъ бывшаго въ Дерптѣ камерира Петерсона, потому: 1) что онъ, пріобыкши къ роскошной жизни и будучи теперь бѣденъ, имѣетъ въ деньгахъ нужду; 2) доказанъ въ воровствѣ казенныхъ денегъ 18 тысячъ рублей; 3) совѣтывалъ и показывалъ

не вывелъ предъ мужиками наружу его обмана, ибо ему извѣстно, что полковникъ всѣхъ лифляндскихъ дворянъ ненавидитъ и презираетъ, а какъ намѣреніе его, Богданова, служило въ пользу того дворянства, то и мыслилъ онъ такъ, что полковникъ не оставитъ открытія его въ секретѣ потому паче, что онъ и самого его, Богданова, не любитъ и называетъ безпокойнымъ человѣкомъ.

Военный судъ заключенною сентенціею и командующій генералитетъ, какъ-то: генералъ-маіоръ Кохіусъ, генералъ-аншефъ Бергъ и генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, мнѣніями своими согласно приговорили онаго Богданова, за описанное выше сего преступленіе его, въ силу воинскаго устава 28-го и 129-го съ толкованіями артикуловъ, лиша всѣхъ чиновъ, отослать для опредѣленія въ отдаленные гарнизоны.

А Рижскій генералъ-губернаторъ графъ Броунъ, при реляціи своей отъ 7-го сентября прилагая копіи съ представленныхъ къ нему отъ Рейхарта, управителя Небальскихъ графа Шереметева деревень, двухъ писемъ, писанныхъ отъ имени Богданова къ оному Рейхарту, дабы онъ прислалъ ему тысячу червонныхъ, ограживая за отказъ въ оныхъ вступить въ доносъ по крестьянскимъ на него жалобамъ, его всего лишить и сдѣлать крайне несчастливымъ, по прочемъ пишетъ въ оной о немъ Богдановѣ такъ: что „если съ симъ человѣкомъ, совѣсти лишившимся, не будетъ поступлено въ образецъ другимъ, а особливо, когда онъ не будетъ удаленъ изъ околичности здѣшней, то тлѣющій въ крестьянствѣ огонь не рушится, ибо хотя бывшія до сего времени безпокойства на первый случай и утишены, но однако оказывается мѣстами, что не совсѣмъ унялся духъ упорства, понеже тому назадъ предъ двумя недѣлями нѣсколько изъ крестьянокъ удавили ночью послѣдную госпожу свою. А какъ сіи убійцы по собственному признанію ихъ поступили на такое убійство, надѣясь, что нѣтъ имъ опасности наказаннымъ быть смертію,—то Ваше Императорское Величество, по своей наипросвѣщеннѣйшей къ правосудію любви, соизволите сами усмотрѣть, какія строгія средства для пресѣченія сего зла нужны, и что по меньшей мѣрѣ, хотя одинъ образецъ, приличный такому преступленію, такихъ злодѣевъ въ страхъ привесть долженъ".

Богдановъ, будучи въ тайной экспедиціи допрашиванъ о помянутыхъ письмахъ, показалъ, что онъ нетолько самъ оныхъ не писалъ и писать никому не приказывалъ, но и совсѣмъ не знаетъ ни Рейхарта, ни поручика Клингенау, къ которому назначалась тѣми письмами присылка требуемыхъ червонныхъ, а потому и проситъ, чтобъ въ оригиналѣ сіи письма сюда присланы, надѣясь, не узнаетъ ли иногда по рукѣ о пасквилантѣ, а между тѣмъ подозрѣваетъ въ ономъ ремеслѣ содержащагося обще съ ними Рижской цитадели подъ карауломъ бывшаго въ Дерптѣ камерира Петерсона, потому: 1) что онъ, пріобыкши къ роскошной жизни и будучи теперь бѣденъ, имѣетъ въ деньгахъ нужду; 2) доказанъ въ воровствѣ казенныхъ денегъ 18 тысячъ рублей; 3) совѣтывалъ и показывалъ

готовность свою написать ему, Богданову, къ лифляндскому дворянству письмо, дабы они наградили его за описанный доносъ; и 4) писалъ въ одно время, когда они вмѣстѣ содержались, нѣчто, таясь отъ него, и написанное пряталъ.

По допросу же онаго Богданова въ тайной экспедиціи открылось: 1) что онъ напредь сего изъ сержантовъ написанъ былъ вѣчно въ солдаты за поношеніе командующаго генералитета; но онъ говоритъ, что сіе учинено съ нимъ будто бы безвинно, по нападкамъ генералъ-маіора Эссена, показывая въ допросѣ и причину онымъ; и 2) за ложныя слова и дѣла сказываніе гоненъ шпицрутенами, однакожъ онъ при военномъ судѣ все сіе утаилъ, сказавъ, что ни въ какихъ штрафахъ и наказаніяхъ не бывалъ. При вступленіи въ службу показалъ онъ себя дворовымъ человѣкомъ, но теперь въ тайной экспедиціи показываетъ, что онъ лифляндскій уроженецъ, вольный человѣкъ и мельниковъ сынъ, дворовымъ же человѣкомъ при опредѣленіи въ службу назвался онъ потому, что служилъ до того времени изъ платы у многихъ господъ лакеемъ. Женатъ онъ на служанкѣ графа Мантефеля и имѣетъ теперь дочь четырехлѣтнюю, которыя пріѣхали нынѣ съ нимъ сюда и живутъ у Владимірской. Отъ роду ему 40 лѣтъ. Прежде сего содержалъ онъ законъ лютеранскій, а нынѣ греческій, который воспріялъ въ 1757 году, будучи въ услуженіи у генерала Бороздина. Въ офицерское достоинство попалъ онъ, можно сказать, благодѣяніемъ генералъ-маіора Аристарха Кашкина, потому что онъ при представленіи его въ военную коллегію умолчалъ въ аттестатѣ то, что онъ гоненъ шпицрутенами и написанъ былъ изъ сержантовъ въ солдаты. Однакожъ Богдановъ служилъ послѣ порядочно и былъ въ походахъ прусскомъ и турецкомъ, и въ первомъ получилъ четыре раны.

VI.

Приговоръ.

На подлинномъ подписано Собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*

1777 года ноября 29-го дня, генералъ-фельдмаршалъ сенаторъ князь Голицынъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, во исполненіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія о содержащемся въ С.-Петербургской крѣпости Углицкаго пѣхотнаго полка капитанѣ Ѳедорѣ Богдановѣ, о которомъ по присланному изъ военной коллегіи къ генералъ-фельдмаршалу князю Голицыну фергеру и кригсрехту оказалось, что онъ, по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, въ возмущеніи имъ Рижской губерніи крестьянъ судимъ былъ воинскимъ судомъ, и за оказавшіяся вины его, на основаніи воинскаго процесса, по сентенціи презуса и ассессо-

готовность свою написать ему, Богданову, къ лифляндскому дворянству письмо, дабы они наградили его за описанный доносъ; и 4) писалъ въ одно время, когда они вмѣстѣ содержались, нѣчто, таясь отъ него, и написанное пряталъ.

По допросу же онаго Богданова въ тайной экспедиціи открылось: 1) что онъ напредь сего изъ сержантовъ написанъ былъ вѣчно въ солдаты за поношеніе командующаго генералитета; но онъ говоритъ, что сіе учинено съ нимъ будто бы безвинно, по нападкамъ генералъ-маіора Эссена, показывая въ допросѣ и причину онымъ; и 2) за ложныя слова и дѣла сказываніе гоненъ шпицрутенами, однакожъ онъ при военномъ судѣ все сіе утаилъ, сказавъ, что ни въ какихъ штрафахъ и наказаніяхъ не бывалъ. При вступленіи въ службу показалъ онъ себя дворовымъ человѣкомъ, но теперь въ тайной экспедиціи показываетъ, что онъ лифляндскій уроженецъ, вольный человѣкъ и мельниковъ сынъ, дворовымъ же человѣкомъ при опредѣленіи въ службу назвался онъ потому, что служилъ до того времени изъ платы у многихъ господъ лакеемъ. Женатъ онъ на служанкѣ графа Мантефеля и имѣетъ теперь дочь четырехлѣтнюю, которыя пріѣхали нынѣ съ нимъ сюда и живутъ у Владимірской. Отъ роду ему 40 лѣтъ. Прежде сего содержалъ онъ законъ лютеранскій, а нынѣ греческій, который воспріялъ въ 1757 году, будучи въ услуженіи у генерала Бороздина. Въ офицерское достоинство попалъ онъ, можно сказать, благодѣяніемъ генералъ-маіора Аристарха Кашкина, потому что онъ при представленіи его въ военную коллегію умолчалъ въ аттестатѣ то, что онъ гоненъ шпицрутенами и написанъ былъ изъ сержантовъ въ солдаты. Однакожъ Богдановъ служилъ послѣ порядочно и былъ въ походахъ прусскомъ и турецкомъ, и въ первомъ получилъ четыре раны.

VI.

Приговоръ.

На подлинномъ подписано Собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*

1777 года ноября 29-го дня, генералъ-фельдмаршалъ сенаторъ князь Голицынъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, во исполненіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія о содержащемся въ С.-Петербургской крѣпости Углицкаго пѣхотнаго полка капитанѣ Ѳедорѣ Богдановѣ, о которомъ по присланному изъ военной коллегіи къ генералъ-фельдмаршалу князю Голицыну фергеру и кригсрехту оказалось, что онъ, по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, въ возмущеніи имъ Рижской губерніи крестьянъ судимъ былъ воинскимъ судомъ, и за оказавшіяся вины его, на основаніи воинскаго процесса, по сентенціи презуса и ассессо-

ровъ присужденъ, чтобъ его лишить всѣхъ чиновъ и опредѣлить въ отдаленный гарнизонъ, съ коею сентенціею дивизіонные генералы, такъ, какъ и фельдмаршалъ князь Голицынъ согласны,—приказали: онаго Богданова, за описанныя въ сентенціи и во мнѣніяхъ вины по сентенціи военнаго суда надлежало, лиша всѣхъ чиновъ, послать въ дальній гарнизонъ; но какъ оный Богдановъ, сперва будучи при судѣ, а потомъ и при увѣщеваніи его священникомъ ложно показывалъ, что будто бы онъ во время продолженія его службы ни въ какихъ штрафахъ не бывалъ, но здѣсь въ тайной экспедиціи открылось, да и самъ онъ въ допросѣ своемъ признался, что онъ до вступленія его въ службу за побѣгъ отъ Чоглокова троекратно былъ наказыванъ въ Московской губернской канцеляріи плетьми, будучи-жь въ службѣ за продерзости написанъ былъ изъ сержантовъ въ солдаты, а потомъ за ложный въ бывшей тайной экспедиціи доносъ наказанъ шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ пять разъ; слѣдовательно, воинскій судъ, не знавъ такихъ его гнусныхъ пороковъ, рѣшился наказать его лишеніемъ только чиновъ; а сверхъ сего по разсмотрѣніи всего производимаго о немъ, Богдановѣ, здѣсь дѣла, оказалось слѣдующее: 1) Въ реляціи Рижскій господинъ генералъ-губернаторъ графъ Броунъ Ея Императорскому Величеству доносилъ, что-де замѣшательству крестьянскому причиною, такъ какъ сами крестьяне объявляютъ, состоитъ Богдановъ, который-де говорилъ имъ, чтобъ они другъ за друга стояли, они-де терпятъ напрасно, онъ проводитъ ихъ къ Ея Императорскому Величеству. Богдановъ, здѣсь въ говореніи такихъ словъ, чтобъ они стояли другъ за друга, и что они терпятъ напрасно, не признался, а что касается до провожденія ихъ сюда признался, а по сему довольно видѣть можно, что такія рѣчи, показывая себя усерднымъ за тѣхъ мятежниковъ быть ходатаемъ, говорилъ, но не признается, избѣгая достойнаго, какъ человѣкъ, дѣлающій въ народѣ смуты, положеннаго законами наказанія. 2) Онъ же, Богдановъ, винился здѣсь, такъ и при воинскомъ судѣ, въ томъ, что онъ не исполнилъ даннаго ему повелѣнія о строгомъ содержаніи крестьянъ, яко то: не только допускалъ къ нимъ сторонніхъ людей, но и написать одному колоднику къ другимъ крестьянамъ позволилъ, давъ ему бумагу. А сіе-то самое письмо, которое написано было колодникомъ, и подало поводъ мятежнымъ крестьянамъ, чтобъ идти сюда; въ ономъ же письмѣ написано, что за нихъ стоять будетъ и къ Ея Императорскому Величеству представитъ ихъ жалобы онъ, Богдановъ, отъ чего и самъ онъ, Богдановъ, не отрекается, что тѣ слова онъ говорилъ, да и отрещись не можно, потому что какъ онъ, Богдановъ, смѣнился съ караула, то крестьяне, приходя къ нему въ квартиру, сносили къ нему свои челобитныя, кои онъ принялъ, деньги съ нихъ обралъ, а при томъ съ тѣми мятежными крестьянами имѣлъ такое условіе, что если онъ ихъ предъ Ея Императорское Величество представитъ, то бъ они его тогда наградили; здѣсь же хотя Богдановъ и показываетъ, что-де онъ все это съ крестьяна-

ровъ присужденъ, чтобъ его лишить всѣхъ чиновъ и опредѣлить въ отдаленный гарнизонъ, съ коею сентенціею дивизіонные генералы, такъ, какъ и фельдмаршалъ князь Голицынъ согласны,—приказали: онаго Богданова, за описанныя въ сентенціи и во мнѣніяхъ вины по сентенціи военнаго суда надлежало, лиша всѣхъ чиновъ, послать въ дальній гарнизонъ; но какъ оный Богдановъ, сперва будучи при судѣ, а потомъ и при увѣщеваніи его священникомъ ложно показывалъ, что будто бы онъ во время продолженія его службы ни въ какихъ штрафахъ не бывалъ, но здѣсь въ тайной экспедиціи открылось, да и самъ онъ въ допросѣ своемъ признался, что онъ до вступленія его въ службу за побѣгъ отъ Чоглокова троекратно былъ наказыванъ въ Московской губернской канцеляріи плетьми, будучи-жь въ службѣ за продерзости написанъ былъ изъ сержантовъ въ солдаты, а потомъ за ложный въ бывшей тайной экспедиціи доносъ наказанъ шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ пять разъ; слѣдовательно, воинскій судъ, не знавъ такихъ его гнусныхъ пороковъ, рѣшился наказать его лишеніемъ только чиновъ; а сверхъ сего по разсмотрѣніи всего производимаго о немъ, Богдановѣ, здѣсь дѣла, оказалось слѣдующее: 1) Въ реляціи Рижскій господинъ генералъ-губернаторъ графъ Броунъ Ея Императорскому Величеству доносилъ, что-де замѣшательству крестьянскому причиною, такъ какъ сами крестьяне объявляютъ, состоитъ Богдановъ, который-де говорилъ имъ, чтобъ они другъ за друга стояли, они-де терпятъ напрасно, онъ проводитъ ихъ къ Ея Императорскому Величеству. Богдановъ, здѣсь въ говореніи такихъ словъ, чтобъ они стояли другъ за друга, и что они терпятъ напрасно, не признался, а что касается до провожденія ихъ сюда признался, а по сему довольно видѣть можно, что такія рѣчи, показывая себя усерднымъ за тѣхъ мятежниковъ быть ходатаемъ, говорилъ, но не признается, избѣгая достойнаго, какъ человѣкъ, дѣлающій въ народѣ смуты, положеннаго законами наказанія. 2) Онъ же, Богдановъ, винился здѣсь, такъ и при воинскомъ судѣ, въ томъ, что онъ не исполнилъ даннаго ему повелѣнія о строгомъ содержаніи крестьянъ, яко то: не только допускалъ къ нимъ сторонніхъ людей, но и написать одному колоднику къ другимъ крестьянамъ позволилъ, давъ ему бумагу. А сіе-то самое письмо, которое написано было колодникомъ, и подало поводъ мятежнымъ крестьянамъ, чтобъ идти сюда; въ ономъ же письмѣ написано, что за нихъ стоять будетъ и къ Ея Императорскому Величеству представитъ ихъ жалобы онъ, Богдановъ, отъ чего и самъ онъ, Богдановъ, не отрекается, что тѣ слова онъ говорилъ, да и отрещись не можно, потому что какъ онъ, Богдановъ, смѣнился съ караула, то крестьяне, приходя къ нему въ квартиру, сносили къ нему свои челобитныя, кои онъ принялъ, деньги съ нихъ обралъ, а при томъ съ тѣми мятежными крестьянами имѣлъ такое условіе, что если онъ ихъ предъ Ея Императорское Величество представитъ, то бъ они его тогда наградили; здѣсь же хотя Богдановъ и показываетъ, что-де онъ все это съ крестьяна-

ми дѣлалъ, обманывая оныхъ, для того, чтобъ узнать ихъ всѣ мысли и потомъ на нихъ донести, но сіе его изреченіе къ оправданію по существу сего дѣла и по правосудію служить не можетъ, а паче какъ выдуманнымъ или, прямо сказать, ложнымъ изреченіемъ обличается коварный, а купно и алчный къ не позволенному корыстолюбію нравъ, потому что онъ, будучи повѣренною персоною на карауле у мятежниковъ, слѣдовательно, и вѣдая уже ихъ преступленіе, кои и преданы отъ правительства толь строгому по законамъ тюремному заключенію, то не имѣлъ онъ, Богдановъ, нужды, ни резону желать отъ нихъ имѣть сказанное имъ свѣдѣніе, а тѣмъ паче, преступя свою должность, входить съ такими обличенными преступниками въ дружбу и обязываться быть за нихъ ходатаемъ, отъ чего и самъ онъ, какъ выше сказано, не отрекается. Сверхъ сего его признанія доказано о немъ и тѣмъ, что онъ уже просилъ себѣ отпуска у полковника въ Петербургъ, изъявляя свои нужды, не сказавъ однакожь, что онъ сей отпускъ проситъ для одного обмана мятежниковъ, а по сему инаково заключить не можно, какъ то, что если бъ онъ отъ полковника былъ отпущенъ, то бъ онъ ходатаемъ за мятежниковъ, обобравъ ихъ—конечно, былъ. 3) Что же по собраніи отъ упоминаемыхъ мужиковъ прошеній, оныя объявилъ послѣ въ гофгерихтѣ, то сіе отъ него произошло—держась благоразумія, можно видѣть—не по доброму намѣренію, но отъ того, что какъ уже полковникъ въ отпускѣ его ему отказалъ, и потому лишился онъ надежды быть сюда отпущенъ, а деньги съ мужиковъ уже обобралъ, то и боялся того, чтобъ мужики не были на него за взятыя съ нихъ деньги просителями. 4) Онъ же, Богдановъ, услыша отъ содержащагося подъ его карауломъ колодника Янки слова такія, что „они сами знаютъ, какъ искать правосудія, жаль только, что вы солдаты здѣсь, а то мы сами бы съ помѣщиками управились“, не только о такихъ, можно сказать, возмутительныхъ рѣчахъ командиру не донесъ, но слыша уже явное ихъ къ нарушенію спокойствія дурное намѣреніе, однакожь обѣщался за нихъ быть ходатаемъ или стряпчимъ; что же онъ въ оправданіе говоритъ свое здѣсь, что-де онъ о семъ не донесъ для того, что-де означенный Янка тѣ слова говорилъ безъ свидѣтеля, то и думалъ онъ, что ему въ томъ не дадутъ вѣры, но сія его отговорка сама собою есть вымышленная, потому какъ тотъ крестьянинъ признанъ явнымъ власти ослушникомъ, за что и былъ въ заключеніи, то правительство могло ли бъ почесть, держась правосудія, извѣтъ его, Богданова, ложнымъ и не додало бъ ему, какъ караульному офицеру, вѣры на явнаго и обличеннаго продерзателя. И такъ оный Богдановъ, по государственнымъ законамъ, за показанное его преступленіе достоинъ тягчайшему наказанію, но подражая человѣколюбію и милосердію Ея Императорскаго Величества, отъ положеннаго законами наказанія его, Богданова, избавить, а за всѣ описанныя его вины лишить всѣхъ чиновъ, а сверхъ того принявъ во уваженіе представленіе господина генерала графа Броуна къ

ми дѣлалъ, обманывая оныхъ, для того, чтобъ узнать ихъ всѣ мысли и потомъ на нихъ донести, но сіе его изреченіе къ оправданію по существу сего дѣла и по правосудію служить не можетъ, а паче какъ выдуманнымъ или, прямо сказать, ложнымъ изреченіемъ обличается коварный, а купно и алчный къ не позволенному корыстолюбію нравъ, потому что онъ, будучи повѣренною персоною на карауле у мятежниковъ, слѣдовательно, и вѣдая уже ихъ преступленіе, кои и преданы отъ правительства толь строгому по законамъ тюремному заключенію, то не имѣлъ онъ, Богдановъ, нужды, ни резону желать отъ нихъ имѣть сказанное имъ свѣдѣніе, а тѣмъ паче, преступя свою должность, входить съ такими обличенными преступниками въ дружбу и обязываться быть за нихъ ходатаемъ, отъ чего и самъ онъ, какъ выше сказано, не отрекается. Сверхъ сего его признанія доказано о немъ и тѣмъ, что онъ уже просилъ себѣ отпуска у полковника въ Петербургъ, изъявляя свои нужды, не сказавъ однакожь, что онъ сей отпускъ проситъ для одного обмана мятежниковъ, а по сему инаково заключить не можно, какъ то, что если бъ онъ отъ полковника былъ отпущенъ, то бъ онъ ходатаемъ за мятежниковъ, обобравъ ихъ—конечно, былъ. 3) Что же по собраніи отъ упоминаемыхъ мужиковъ прошеній, оныя объявилъ послѣ въ гофгерихтѣ, то сіе отъ него произошло—держась благоразумія, можно видѣть—не по доброму намѣренію, но отъ того, что какъ уже полковникъ въ отпускѣ его ему отказалъ, и потому лишился онъ надежды быть сюда отпущенъ, а деньги съ мужиковъ уже обобралъ, то и боялся того, чтобъ мужики не были на него за взятыя съ нихъ деньги просителями. 4) Онъ же, Богдановъ, услыша отъ содержащагося подъ его карауломъ колодника Янки слова такія, что „они сами знаютъ, какъ искать правосудія, жаль только, что вы солдаты здѣсь, а то мы сами бы съ помѣщиками управились“, не только о такихъ, можно сказать, возмутительныхъ рѣчахъ командиру не донесъ, но слыша уже явное ихъ къ нарушенію спокойствія дурное намѣреніе, однакожь обѣщался за нихъ быть ходатаемъ или стряпчимъ; что же онъ въ оправданіе говоритъ свое здѣсь, что-де онъ о семъ не донесъ для того, что-де означенный Янка тѣ слова говорилъ безъ свидѣтеля, то и думалъ онъ, что ему въ томъ не дадутъ вѣры, но сія его отговорка сама собою есть вымышленная, потому какъ тотъ крестьянинъ признанъ явнымъ власти ослушникомъ, за что и былъ въ заключеніи, то правительство могло ли бъ почесть, держась правосудія, извѣтъ его, Богданова, ложнымъ и не додало бъ ему, какъ караульному офицеру, вѣры на явнаго и обличеннаго продерзателя. И такъ оный Богдановъ, по государственнымъ законамъ, за показанное его преступленіе достоинъ тягчайшему наказанію, но подражая человѣколюбію и милосердію Ея Императорскаго Величества, отъ положеннаго законами наказанія его, Богданова, избавить, а за всѣ описанныя его вины лишить всѣхъ чиновъ, а сверхъ того принявъ во уваженіе представленіе господина генерала графа Броуна къ

Ея Императорскому Величеству, коимъ онъ описываетъ онаго Богданова злымъ человѣкомъ и проситъ, чтобъ его примѣрно для возстановленія въ Рижской губерніи спокойствія наказать, а тѣмъ паче навсегда отъ оной губерніи его отлучить, то сего ради, какъ человѣка наидерзкаго, бывшаго въ публичныхъ наказаніяхъ и въ страхъ другимъ, послать его, Богданова, въ Таганрогъ въ работу вѣчно, съ таковымъ повелѣніемъ, чтобъ по дурному его и развращенному нраву имѣть тамо и наистрожайшее смотрѣніе, чтобъ онъ оттуда никакъ не могъ имѣть способа учинить побѣга, такожъ и никакимъ его разглашеніямъ ни письменнымъ, ни словеснымъ никто-бъ не вѣрилъ; тамошнему жъ командиру велѣть чрезъ каждый годъ секретно къ генералъ-прокурору рапортовать, въ какомъ оный Богдановъ состояніи находиться будетъ, и примѣчено ли будетъ въ преступленіяхъ его прямое раскаяніе. Что же господинъ генералъ графъ Броунъ, послѣ присылки Богданова сюда, прислалъ къ Ея Императорскому Величеству съ письма, писаннаго Богдановымъ къ управителю графа Шереметева Рейхарду, копію, но оный Богдановъ въ писаніи того, такъ какъ и въ посылкѣ къ Рейхарду не признался, то по сему надлежало бъ въ обличеніе Богданова истребовать подлинное отъ господина графа Броуна письмо, но какъ выше прописанныя обстоятельства довольно обличили онаго Богданова и въ другихъ кромѣ сего преступленіяхъ, за что уже онъ и присужденъ на каторгу, то нынѣ и не настоитъ ни малѣйшей нужды во объявленномъ его обличеніи и для того оное оставить безъ изслѣдованія.

Подписали: Князь Александръ Голицынъ.
Князь А. Вяземскій.

Ея Императорскому Величеству, коимъ онъ описываетъ онаго Богданова злымъ человѣкомъ и проситъ, чтобъ его примѣрно для возстановленія въ Рижской губерніи спокойствія наказать, а тѣмъ паче навсегда отъ оной губерніи его отлучить, то сего ради, какъ человѣка наидерзкаго, бывшаго въ публичныхъ наказаніяхъ и въ страхъ другимъ, послать его, Богданова, въ Таганрогъ въ работу вѣчно, съ таковымъ повелѣніемъ, чтобъ по дурному его и развращенному нраву имѣть тамо и наистрожайшее смотрѣніе, чтобъ онъ оттуда никакъ не могъ имѣть способа учинить побѣга, такожъ и никакимъ его разглашеніямъ ни письменнымъ, ни словеснымъ никто-бъ не вѣрилъ; тамошнему жъ командиру велѣть чрезъ каждый годъ секретно къ генералъ-прокурору рапортовать, въ какомъ оный Богдановъ состояніи находиться будетъ, и примѣчено ли будетъ въ преступленіяхъ его прямое раскаяніе. Что же господинъ генералъ графъ Броунъ, послѣ присылки Богданова сюда, прислалъ къ Ея Императорскому Величеству съ письма, писаннаго Богдановымъ къ управителю графа Шереметева Рейхарду, копію, но оный Богдановъ въ писаніи того, такъ какъ и въ посылкѣ къ Рейхарду не признался, то по сему надлежало бъ въ обличеніе Богданова истребовать подлинное отъ господина графа Броуна письмо, но какъ выше прописанныя обстоятельства довольно обличили онаго Богданова и въ другихъ кромѣ сего преступленіяхъ, за что уже онъ и присужденъ на каторгу, то нынѣ и не настоитъ ни малѣйшей нужды во объявленномъ его обличеніи и для того оное оставить безъ изслѣдованія.

Подписали: Князь Александръ Голицынъ.
Князь А. Вяземскій.

ПОХОДЪ РУССКИХЪ ВЪ ЗАКУБАНСКІЯ ГОРЫ ВЪ 1789 ГОДУ [1]).

Было время, когда народы Закубанскіе, извѣстные у насъ подъ общимъ именемъ Черкесовъ, приводили въ ужасъ, нечаяннымъ появленіемъ изъ горъ, цѣлыя смежныя имъ области, въ которыхъ едва начали только возникать селенія. Неоднократно пытались усмирять дерзость ихъ силою оружія. Въ 1788 году извѣстный храбростію генералъ Текелли проникъ въ неприступнѣйшіе вертепы горцевъ, и цѣлый годъ послѣ того все было тихо на линіи.

Въ 1789 году генералъ Текелли смѣненъ генераломъ Салтыковымъ, который, отозванъ будучи вскорѣ къ другому назначенію, сдалъ начальство надъ войсками на линіи старшему по себѣ генералъ-лейтенанту Бибикову. Сей генералъ былъ изъ числа тѣхъ предпріимчивыхъ людей, которые, обольщаясь мечтательною цѣлію, считаютъ ни во что всѣ препятствія на пути къ оной. Къ несчастію, одна дерзкая храбрость никогда не можетъ замѣнить необходимаго полководцу благоразумія; отъ того-то и предпріятіе генерала Бибикова, предпріятіе, принадлежащее къ числу *самыхъ отважнѣйшихъ*, какія намъ только доселѣ извѣстны, не принесло никакой славы отечеству, ни малѣйшей пользы тамошнему краю.

Безъ всякаго приказанія отъ высшаго начальства предпринялъ онъ походъ въ горы; взявъ съ собою 8.000 строеваго войска, 1.000 казаковъ и 26 отъ 3-хъ до 12-ти фунтоваго калибра пушекъ, съ 300 зарядами для каждой, отправился онъ за линію. Всего необдуманнѣе было то, что, надѣясь найдти продовольствіе у самыхъ горцевъ, которыхъ вездѣ предполагалъ быть, онъ велѣлъ взять съ собою провіанту не болѣе, какъ на семь дней!... Перейдя Кубань по льду (ибо походъ предпринятъ въ концѣ зимы), онъ не встрѣтилъ сначала ни малѣйшаго сопротивленія. Беззащитные аулы не могли остановить войска, и слабыя племена Ногайцевъ тотчасъ согласились присягнуть въ подданствѣ Россіи; но чѣмъ болѣе подавалось войско въ верхъ къ рѣкѣ Лабѣ, тѣмъ примѣтнѣе ста-

---

[1]) Изъ бумагъ И. П. Шульгина. Авторъ этой записки не извѣстенъ.

ПОХОДЪ РУССКИХЪ ВЪ ЗАКУБАНСКІЯ ГОРЫ ВЪ 1789 ГОДУ [1]).

Было время, когда народы Закубанскіе, извѣстные у насъ подъ общимъ именемъ Черкесовъ, приводили въ ужасъ, нечаяннымъ появленіемъ изъ горъ, цѣлыя смежныя имъ области, въ которыхъ едва начали только возникать селенія. Неоднократно пытались усмирять дерзость ихъ силою оружія. Въ 1788 году извѣстный храбростію генералъ Текелли проникъ въ неприступнѣйшіе вертепы горцевъ, и цѣлый годъ послѣ того все было тихо на линіи.

Въ 1789 году генералъ Текелли смѣненъ генераломъ Салтыковымъ, который, отозванъ будучи вскорѣ къ другому назначенію, сдалъ начальство надъ войсками на линіи старшему по себѣ генералъ-лейтенанту Бибикову. Сей генералъ былъ изъ числа тѣхъ предпріимчивыхъ людей, которые, обольщаясь мечтательною цѣлію, считаютъ ни во что всѣ препятствія на пути къ оной. Къ несчастію, одна дерзкая храбрость никогда не можетъ замѣнить необходимаго полководцу благоразумія; отъ того-то и предпріятіе генерала Бибикова, предпріятіе, принадлежащее къ числу *самыхъ отважнѣйшихъ*, какія намъ только доселѣ извѣстны, не принесло никакой славы отечеству, ни малѣйшей пользы тамошнему краю.

Безъ всякаго приказанія отъ высшаго начальства предпринялъ онъ походъ въ горы; взявъ съ собою 8.000 строеваго войска, 1.000 казаковъ и 26 отъ 3-хъ до 12-ти фунтоваго калибра пушекъ, съ 300 зарядами для каждой, отправился онъ за линію. Всего необдуманнѣе было то, что, надѣясь найдти продовольствіе у самыхъ горцевъ, которыхъ вездѣ предполагалъ быть, онъ велѣлъ взять съ собою провіанту не болѣе, какъ на семь дней!... Перейдя Кубань по льду (ибо походъ предпринятъ въ концѣ зимы), онъ не встрѣтилъ сначала ни малѣйшаго сопротивленія. Беззащитные аулы не могли остановить войска, и слабыя племена Ногайцевъ тотчасъ согласились присягнуть въ подданствѣ Россіи; но чѣмъ болѣе подавалось войско въ верхъ къ рѣкѣ Лабѣ, тѣмъ примѣтнѣе ста-

---

[1]) Изъ бумагъ И. П. Шульгина. Авторъ этой записки не извѣстенъ.

новилось непріязненное движеніе горскихъ народовъ; наконецъ, когда Русскіе зашли далѣе въ горы, Черкесы, ободряемые съ одной стороны изувѣромъ, прослывшимъ у нихъ за пророка, а съ другой подкрѣпленные Турками, напали отовсюду съ такою свирѣпою храбростію, что одно только русское мужество могло устоять противъ оной: Черкесы отражены, разсѣяны, и войско, огласивъ громомъ оружія нашего пустыни дикія, въ которыхъ никогда еще не видно было дотолѣ слѣда Русскихъ, отомстило сторицею за кровь братій своихъ, подобно какъ нѣкогда Римляне мстили въ глубинѣ лѣсовъ германскихъ за пораженія легіоновъ Варровыхъ. Всякій день нападенія возобновлялись со стороны горцевъ, и всякій день побѣда увѣнчевала Русскихъ.

Между тѣмъ препятствія, предлежащія Русскимъ, часъ отъ часу становились непреодолимѣе; они должны были идти безъ пути и дороги въ такое время года, когда отъ перваго дѣйствія весенникъ лучей талые снѣга вездѣ пустили подъ собою воды. Часто имъ надлежало прокапывать путь сквозь высокіе сугробы, и въ одинъ день поднялась столь сильная мятель, что все войско, съ трудомъ проходившее по горнымъ тѣснинамъ, совершенно завѣялось снѣгомъ, и люди должны были цѣлые три дня дожидаться оттепели въ семъ положеніи; для пойла лошадей не было инаго средства, какъ растапливать снѣгъ въ солдатскихъ котлахъ, а вмѣсто фуража, котораго подъ снѣгомъ достать невозможно было, кормили ихъ старыми изсѣченными рогожами. Внезапная и слишкомъ сильная оттепель поставила солдатъ еще въ затруднительнѣйшее положеніе: небольшіе ручьи сдѣлались рѣками, а потоки озерами,— таково свойство горныхъ водъ. Вездѣ надлежало строить мосты. Во многихъ мѣстахъ необходимость заставляла подымать повозки и тяжести на высоту скалъ на веревкахъ, отъ чего многіе, обрываясь, упадали въ бездны. Но какъ при всѣхъ неслыханныхъ затрудненіяхъ, побѣда всегда не разлучна была съ Русскими, то Черкесы, отчаявшись остановить ихъ движеніе, перемѣнили совсѣмъ образъ войны. Вмѣсто прежнихъ ежедневныхъ нападеній, они стали съ умышленною робостію уклоняться, съ тѣмъ, чтобъ заманя Русскихъ сколько возможно далѣе въ непроходимыя тѣснины, отрѣзать имъ вѣрнѣе обратный путь. Такъ все продолжалось нѣсколько времени, наконецъ, когда, въ исходѣ февраля, Русскіе, проходившіе въ двухъ далеко между собою разобщенныхъ колоннахъ, должны были прокладать вооруженною рукою дорогу чрезъ одну изъ самыхъ узкихъ долинъ, Черкесы возмечтали, что тутъ то и удобно время и мѣсто къ погубленію непріятелей. Первою колонною командовалъ самъ генералъ Бибиковъ, а второю—храбрый генералъ Булгаковъ. Первая колонна прошла благополучно. Чрезъ нѣсколько времени и вторая приближалась уже къ узкой долинѣ, изъ которой выходъ покрытъ былъ лѣсомъ, а входъ оной огражденъ довольно глубокою рѣчкою. Тутъ то, на противномъ берегу сей рѣки, сдѣлавъ наскоро каменный брустверъ, Черкесы и Турки, съ мѣткими винтовками, засѣли и ожидали Русскихъ. Сильный ружейный огонь

новилось непріязненное движеніе горскихъ народовъ; наконецъ, когда Русскіе зашли далѣе въ горы, Черкесы, ободряемые съ одной стороны изувѣромъ, прослывшимъ у нихъ за пророка, а съ другой подкрѣпленные Турками, напали отовсюду съ такою свирѣпою храбростію, что одно только русское мужество могло устоять противъ оной: Черкесы отражены, разсѣяны, и войско, оглашивъ громомъ оружія нашего пустыни дикія, въ которыхъ никогда еще не видно было дотолѣ слѣда Русскихъ, отомстило сторицею за кровь братій своихъ, подобно какъ нѣкогда Римляне мстили въ глубинѣ лѣсовъ германскихъ за пораженія легіоновъ Варровыхъ. Всякій день нападенія возобновлялись со стороны горцевъ, и всякій день побѣда увѣнчевала Русскихъ.

Между тѣмъ препятствія, предлежащія Русскимъ, часъ отъ часу становились непреодолимѣе; они должны были идти безъ пути и дороги въ такое время года, когда отъ перваго дѣйствія весенникъ лучей талые снѣга вездѣ пустили подъ собою воды. Часто имъ надлежало прокапывать путь сквозь высокіе сугробы, и въ одинъ день поднялась столь сильная мятель, что все войско, съ трудомъ проходившее по горнымъ тѣснинамъ, совершенно завѣялось снѣгомъ, и люди должны были цѣлые три дня дожидаться оттепели въ семъ положеніи; для пойла лошадей не было инаго средства, какъ растапливать снѣгъ въ солдатскихъ котлахъ, а вмѣсто фуража, котораго подъ снѣгомъ достать невозможно было, кормили ихъ старыми изсѣченными рогожами. Внезапная и слишкомъ сильная оттепель поставила солдатъ еще въ затруднительнѣйшее положеніе: небольшіе ручьи сдѣлались рѣками, а потоки озерами,— таково свойство горныхъ водъ. Вездѣ надлежало строить мосты. Во многихъ мѣстахъ необходимость заставляла подымать повозки и тяжести на высоту скалъ на веревкахъ, отъ чего многіе, обрываясь, упадали въ бездны. Но какъ при всѣхъ неслыханныхъ затрудненіяхъ, побѣда всегда не разлучна была съ Русскими, то Черкесы, отчаявшись остановить ихъ движеніе, перемѣнили совсѣмъ образъ войны. Вмѣсто прежнихъ ежедневныхъ нападеній, они стали съ умышленною робостію уклоняться, съ тѣмъ, чтобъ заманя Русскихъ сколько возможно далѣе въ непроходимыя тѣснины, отрѣзать имъ вѣрнѣе обратный путь. Такъ все продолжалось нѣсколько времени; наконецъ, когда, въ исходѣ февраля, Русскіе, проходившіе въ двухъ далеко между собою разобщенныхъ колоннахъ, должны были прокладать вооруженною рукою дорогу чрезъ одну изъ самыхъ узкихъ долинъ, Черкесы возмечтали, что тутъ то и удобно время и мѣсто къ погубленію непріятелей. Первою колонною командовалъ самъ генералъ Бибиковъ, а второю—храбрый генералъ Булгаковъ. Первая колонна прошла благополучно. Чрезъ нѣсколько времени и вторая приближалась уже къ узкой долинѣ, изъ которой выходъ покрытъ былъ лѣсомъ, а входъ оной огражденъ довольно глубокою рѣчкою. Тутъ то, на противномъ берегу сей рѣки, сдѣлавъ наскоро каменный брустверъ, Черкесы и Турки, съ мѣткими винтовками, засѣли и ожидали Русскихъ. Сильный ружейный огонь

встрѣтилъ внезапно вторую колонну, и въ то же время справа и слѣва посыпалъ градъ картечъ изъ двухъ скрытыхъ на высотѣ батарей. Казалось, что всей колоннѣ непремѣнно слѣдовало тутъ потибнуть, и въ самомъ дѣлѣ первая потеря въ людяхъ была не маловажна. Но мужество Русскихъ возрастало по мѣрѣ опасности. Артиллерія наша, удачными выстрѣлами, тотчасъ уничтожила брустверъ вмѣстѣ съ засѣвшими за онымъ Черкесами и Турками; въ то же время отряженные вправо и влѣво егеря легко и проворно взобрались на скалы и бросились прямо на пушки. Тутъ Черкесы и Турки, оставя много побитыхъ и раненыхъ, поспѣшно укрылись въ лѣса, покинувъ и всѣ свои пушки, изъ которыхъ желѣзныя заклепаны и брошены, а мѣдныя взяты побѣдителями.

Съ сего мѣста и послѣ сей побѣды Русскимъ надлежало бы возвратиться: они достигли крайней цѣли своихъ дѣйствій, побѣдя Черкесовъ и Турокъ и загнавъ побѣжденныхъ въ непроходимыя тѣснины дальнѣйшихъ горъ. Но счастіе и мгновенныя удачи ослѣпили Бибикова; вмѣсто того, чтобы возвратиться, онъ шелъ все далѣе и правѣе къ восточному берегу Чернаго моря: турецкая крѣпость Анапа была предметомъ тайныхъ надеждъ и смѣлыхъ замысловъ его. Вразумленный однако послѣднимъ происшествіемъ, онъ не раздѣлялъ уже болѣе колоннъ своихъ тутъ. Конечно, проникнувъ намѣреніе русскаго генерала, Черкесы бросились угонять скотъ и истреблять все, что могло служить къ продовольствію людей и лошадей на пути, по которому войску слѣдовать надлежало. Въ то же время и нападенія возобновились съ новою лютостію. Въ каждой долинѣ происходилъ конный бой, изъ-за каждой удобной высоты Русскіе встрѣчаемы были дождемъ пуль. Однако, сражаясь съ неслыханнымъ безпримѣрнымъ мужествомъ, они все побѣждали и все подвигались впередъ. Смѣло можно сказать, что въ семъ необычномъ походѣ каждый рядовой заслужилъ имя героя, если право на оное дается одною только храбростію. Но преодолѣвая непріятеля, они должны были уступать нуждѣ и голоду; когда истощились и послѣднія крохи истертыхъ сухарей, то мясо лошадей обозныхъ сдѣлалось единственною пищею; при столь крайней нуждѣ, офицеры смотрѣли сквозь пальцы и на то, когда голодные солдаты собственныхъ своихъ лошадей убивали. Наконецъ 24-го марта въ вечеру, наканунѣ самаго свѣтлаго праздника Воскресенія Христова, Русскіе вышли изъ горъ на долину, прилегающую къ стѣнамъ Анапы. Не смотря на усталость, войско провело всю ночь безъ сна на молитвѣ. По всѣмъ полкамъ пѣли заутрени и обѣдни въ походныхъ церквахъ; съ первымъ же лучемъ дня солдаты наши, обнявъ другъ друга, построились въ колонны и въ торжественномъ молчаніи, по мановенію начальника, двинулись съ разныхъ сторонъ къ крѣпости. Сорокатысячный гарнизонъ, завидя Русскихъ, высыпалъ весь на валы, и валы зашестрѣли отъ безчисленнаго множества разноцвѣтныхъ знаменъ и вѣющихъ бунчуковъ. По всей крѣпости открылась пушечная пальба, ядра запрыгали около колоннъ; но Русскіе, не теряя духу, кричали смѣясь: „Смо-

встрѣтилъ внезапно вторую колонну, и въ то же время справа и слѣва посыпалъ градъ картечъ изъ двухъ скрытыхъ на высотѣ батарей. Казалось, что всей колоннѣ непремѣнно слѣдовало тутъ потибнуть, и въ самомъ дѣлѣ первая потеря въ людяхъ была не маловажна. Но мужество Русскихъ возрастало по мѣрѣ опасности. Артиллерія наша, удачными выстрѣлами, тотчасъ уничтожила брустверъ вмѣстѣ съ засѣвшими за онымъ Черкесами и Турками; въ то же время отряженные вправо и влѣво егеря легко и проворно взобрались на скалы и бросились прямо на пушки. Тутъ Черкесы и Турки, оставя много побитыхъ и раненыхъ, поспѣшно укрылись въ лѣса, покинувъ и всѣ свои пушки, изъ которыхъ желѣзныя заклепаны и брошены, а мѣдныя взяты побѣдителями.

Съ сего мѣста и послѣ сей побѣды Русскимъ надлежало бы возвратиться: они достигли крайней цѣли своихъ дѣйствій, побѣдя Черкесовъ и Турокъ и загнавъ побѣжденныхъ въ непроходимыя тѣснины дальнѣйшихъ горъ. Но счастіе и мгновенныя удачи ослѣпили Бибикова; вмѣсто того, чтобы возвратиться, онъ шелъ все далѣе и правѣе къ восточному берегу Чернаго моря: турецкая крѣпость Анапа была предметомъ тайныхъ надеждъ и смѣлыхъ замысловъ его. Вразумленный однако послѣднимъ происшествіемъ, онъ не раздѣлялъ уже болѣе колоннъ своихъ тутъ. Конечно, проникнувъ намѣреніе русскаго генерала, Черкесы бросились угонять скотъ и истреблять все, что могло служить къ продовольствію людей и лошадей на пути, по которому войску слѣдовать надлежало. Въ то же время и нападенія возобновились съ новою лютостію. Въ каждой долинѣ происходилъ конный бой, изъ-за каждой удобной высоты Русскіе встрѣчаемы были дождемъ пуль. Однако, сражаясь съ неслыханнымъ безпримѣрнымъ мужествомъ, они все побѣждали и все подвигались впередъ. Смѣло можно сказать, что въ семъ необычномъ походѣ каждый рядовой заслужилъ имя героя, если право на оное дается одною только храбростію. Но преодолѣвая непріятеля, они должны были уступать нуждѣ и голоду; когда истощились и послѣднія крохи истертыхъ сухарей, то мясо лошадей обозныхъ сдѣлалось единственною пищею; при столь крайней нуждѣ, офицеры смотрѣли сквозь пальцы и на то, когда голодные солдаты собственныхъ своихъ лошадей убивали. Наконецъ 24-го марта въ вечеру, наканунѣ самаго свѣтлаго праздника Воскресенія Христова, Русскіе вышли изъ горъ на долину, прилегающую къ стѣнамъ Анапы. Не смотря на усталость, войско провело всю ночь безъ сна на молитвѣ. По всѣмъ полкамъ пѣли заутрени и обѣдни въ походныхъ церквахъ; съ первымъ же лучемъ дня солдаты наши, обнявъ другъ друга, построились въ колонны и въ торжественномъ молчаніи, по мановенію начальника, двинулись съ разныхъ сторонъ къ крѣпости. Сорокатысячный гарнизонъ, завидя Русскихъ, высыпалъ весь на валы, и валы зашестрѣли отъ безчисленнаго множества разноцвѣтныхъ знаменъ и вѣющихъ бунчуковъ. По всей крѣпости открылась пушечная пальба, ядра запрыгали около колоннъ; но Русскіе, не теряя духу, кричали смѣясь: „Смо-

трите, смотрите, Турки христосуются съ нами!“ Однако генералъ Бибиковъ, не желая подвергать людей большей опасности, приказалъ разбить лагерь внѣ пушечнаго выстрѣла. Между тѣмъ какъ занимались устроеніемъ лагеря, Турки, въ глазахъ Русскихъ, спустили съ одного изъ своихъ баталіоновъ смѣлаго наѣздника съ бѣлою лошадью. Этому смѣльчаку поручено было проскакать сквозь всѣ русскіе полки съ тѣмъ, чтобы увѣдомить горцевъ, въ какой именно часъ и съ которой стороны намѣрены Турки напасть на Русскихъ. Разумѣется, что вмѣстѣ съ симъ извѣстіемъ приглашали они Черкесовъ ударить въ то же время на общихъ непріятелей съ тылу. Проникнувъ намѣреніе Турокъ, всѣ обратили вниманіе на то, чтобы какъ можно скорѣе схватить всадника. Его полагали уже въ нашихъ рукахъ, и можно ли было думать иначе, когда дерзкому наѣзднику надлежало прорваться сквозь все русское войско, чтобы достигнуть своего назначенія! Но Турокъ на бѣломъ конѣ помчался вихремъ по равнинѣ; тысяча казаковъ разсыпалась въ мгновеніе ока; одни за нимъ гнались, другіе переѣзжали ему дорогу; въ него метали дротиками, по немъ стрѣляли изъ пистолетовъ; но ни пуля, ни сабля, ни дротикъ не сразили всадника, который, исторгшись изъ толпы съ неимовѣрною быстротою, далеко оставилъ за собою всѣхъ преслѣдователей. Черкесы получили вѣсть и готовились къ бою. Русскіе знали, что должны будутъ сражаться, такъ сказать, обѣими руками; ибо Турки и Черкесы направляли на нихъ удары свои справа и слѣва; но сіи обстоятельства не ослабили въ нихъ духа и не смутили ихъ спокойствія; всѣ равнодушно ожидали боя. Вскорѣ ожидаемое сбылось. 15.000 Турокъ, выступя тремя большими толпами изъ крѣпости, бросились на Русскихъ съ бѣшенствомъ. Громъ сраженія отозвался въ горахъ, и Черкесы въ безчисленномъ множествѣ устремились съ другой стороны. Тутъ погибель Русскихъ, поставленныхъ между двухъ разъяренныхъ и несравненно въ силу ихъ превосходящихъ непріятелей, казалась уже неизбѣжна. Непостижимо, какъ они не только уцѣлѣли, не только устояли, но и побѣдили; Турки и Черкесы опять обращены въ бѣгство. При семъ случаѣ отличился поручикъ Мейнцъ; въ глазахъ всего войска, съ однимъ только эскадрономъ, врубился онъ въ цѣлую толпу Турокъ и разсѣялъ оную. При самомъ умѣренномъ уронѣ съ нашей стороны 6.000 Турокъ и Черкесъ устлали поле своими трупами, а прочіе разсѣяны. Къ причиненію столь важнаго урона побѣжденнымъ содѣйствовали наиболѣе казаки, особенно искусные наносить величайшій вредъ непріятелю бѣгущему. Итакъ, сраженіе кончилось весьма несчастливо для побѣжденныхъ, но послѣдствія онаго были крайне бѣдственны и для самыхъ побѣдителей. Одинъ изъ полковниковъ, сходный въ запальчивости съ генераломъ Бибиковымъ, возмечталъ, что очень нетрудно будетъ ворваться вмѣстѣ съ толпами бѣгущихъ Турокъ въ крѣпость и овладѣть оною. Онъ сообщаетъ намѣреніе свое Бибикову; и опрометчивый генералъ сей, ослѣпленный блескомъ удачи, тотчасъ велитъ идти войску на штурмъ. Храбрые, какъ

трите, смотрите, Турки христосуются съ нами!“ Однако генералъ Бибиковъ, не желая подвергать людей большей опасности, приказалъ разбить лагерь внѣ пушечнаго выстрѣла. Между тѣмъ какъ занимались устроеніемъ лагеря, Турки, въ глазахъ Русскихъ, спустили съ одного изъ своихъ баталіоновъ смѣлаго наѣздника съ бѣлою лошадью. Этому смѣльчаку поручено было проскакать сквозь всѣ русскіе полки съ тѣмъ, чтобы увѣдомить горцевъ, въ какой именно часъ и съ которой стороны намѣрены Турки напасть на Русскихъ. Разумѣется, что вмѣстѣ съ симъ извѣстіемъ приглашали они Черкесовъ ударить въ то же время на общихъ непріятелей съ тылу. Проникнувъ намѣреніе Турокъ, всѣ обратили вниманіе на то, чтобы какъ можно скорѣе схватить всадника. Его полагали уже въ нашихъ рукахъ, и можно ли было думать иначе, когда дерзкому наѣзднику надлежало прорваться сквозь все русское войско, чтобы достигнуть своего назначенія! Но Турокъ на бѣломъ конѣ помчался вихремъ по равнинѣ; тысяча казаковъ разсыпалась въ мгновеніе ока; одни за нимъ гнались, другіе переѣзжали ему дорогу; въ него метали дротиками, по немъ стрѣляли изъ пистолетовъ; но ни пуля, ни сабля, ни дротикъ не сразили всадника, который, исторгшись изъ толпы съ неимовѣрною быстротою, далеко оставилъ за собою всѣхъ преслѣдователей. Черкесы получили вѣсть и готовились къ бою. Русскіе знали, что должны будутъ сражаться, такъ сказать, обѣими руками; ибо Турки и Черкесы направляли на нихъ удары свои справа и слѣва; но сіи обстоятельства не ослабили въ нихъ духа и не смутили ихъ спокойствія; всѣ равнодушно ожидали боя. Вскорѣ ожидаемое сбылось. 15.000 Турокъ, выступя тремя большими толпами изъ крѣпости, бросились на Русскихъ съ бѣшенствомъ. Громъ сраженія отозвался въ горахъ, и Черкесы въ безчисленномъ множествѣ устремились съ другой стороны. Тутъ погибель Русскихъ, поставленныхъ между двухъ разъяренныхъ и несравненно въ силу ихъ превосходящихъ непріятелей, казалась уже неизбѣжна. Непостижимо, какъ они не только уцѣлѣли, не только устояли, но и побѣдили; Турки и Черкесы опять обращены въ бѣгство. При семъ случаѣ отличился поручикъ Мейнцъ; въ глазахъ всего войска, съ однимъ только эскадрономъ, врубился онъ въ цѣлую толпу Турокъ и разсѣялъ оную. При самомъ умѣренномъ уронѣ съ нашей стороны 6.000 Турокъ и Черкесъ устлали поле своими трупами, а прочіе разсѣяны. Къ причиненію столь важнаго урона побѣжденнымъ содѣйствовали наиболѣе казаки, особенно искусные наносить величайшій вредъ непріятелю бѣгущему. Итакъ, сраженіе кончилось весьма несчастливо для побѣжденныхъ, но послѣдствія онаго были крайне бѣдственны и для самыхъ побѣдителей. Одинъ изъ полковниковъ, сходный въ запальчивости съ генераломъ Бибиковымъ, возмечталъ, что очень нетрудно будетъ ворваться вмѣстѣ съ толпами бѣгущихъ Турокъ въ крѣпость и овладѣть оною. Онъ сообщаетъ намѣреніе свое Бибикову; и опрометчивый генералъ сей, ослѣпленный блескомъ удачи, тотчасъ велитъ идти войску на штурмъ. Храбрые, какъ

львы, и послушные, какъ дѣти, солдаты русскіе стремятся, смѣшавшись съ бѣгущими, въ крѣпость. Но Турки не подорожили нѣсколькими сотнями своихъ, заперли ворота и открыли страшную рѣзню. Тутъ очутились Русскіе у самыхъ воротъ и подъ сильнѣйшимъ картечнымъ огнемъ. Имѣй они лѣстницы, и Анапа, безъ, всякаго сомнѣнія, сдѣлалась бы наградою за всѣ несчетные труды, за всѣ претерпѣнныя опасности; но лѣстницъ не было, ночь опускалась, и Русскіе, жестоко поражаемые изъ крѣпости, уклонились въ свой лагерь съ потерею 600 храбрыхъ. При семъ случаѣ, завидя издали отраженіе нашихъ отъ крѣпости, огромная толпа Черкесъ, съ быстротою вихря, понеслась на нихъ съ саблями. Большая половина войска должна была погибнуть, если бы расторопность и отличная храбрость маіора Веревкина, не остановила успѣховъ и злобы враговъ; сей достойный штабъ-офицеръ, вмѣстѣ съ подобнымъ себѣ въ храбрости и всѣмъ войскомъ чрезвычайно любимымъ артиллеріи маіоромъ Афросимовымъ, поспѣшилъ на встрѣчу Черкесамъ. Оба они—первый съ двумя баталіонами егерей, а второй съ пушками, оказавъ чудеса храбрости, отразили непріятеля и способствовали къ спасенію на сей разъ всего войска.

Не взирая на то, что Русскіе отступили въ безпорядкѣ отъ крѣпости, крѣпость не считала еще себя въ безопасности отъ ихъ предпріимчивости. За днемъ кровопролитнаго сраженія послѣдовала самая бурная ночь. Съ одной стороны кипѣло море, съ другой шумѣли вѣтры въ лѣсахъ и горныхъ ущеліяхъ. Безпрерывный громъ и частыя молніи усугубляли ужасы сей грозной ночи. Но Турки боялись не грозы, а приступа, и всю ночь провели въ осторожности, содержа на валахъ огни и стрѣляя изъ пушекъ.

Такимъ образомъ Русскіе простояли подъ Анапою въ продолженіи 14 дней. Неоднократно собираемые военные совѣты всякій разъ большинствомъ голосовъ возставали противъ штурма; но Бибиковъ, желая загладить вину свою покореніемъ крѣпости, не перемѣнялъ намѣренія и рѣшительно желалъ приступа. Уже начали дѣлать и лѣстницы, какъ приближеніе голода и крайній недостатокъ въ свинцѣ и порохѣ заставили его склониться на отступленіе. Когда Русскіе поднялись съ своего лагеря, турецкій начальникъ Анапы прислалъ къ генералу Бибикову двухъ невольниковъ съ однимъ хлѣбомъ, приказавъ сказать, что паша посылаетъ хлѣбъ сей для того, чтобы главнокомандующій русскаго войска не умеръ съ голоду. На сію колкую насмѣшку отвѣчали презрѣніемъ и пошли своимъ путемъ. На семъ пути ожидали ихъ все тѣ же затрудненія, что и прежде, только сопровождаемыя еще большимъ во всемъ недостаткомъ. О хлѣбѣ и слуху не было, а конское мясо считалось самымъ лакомымъ кушаньемъ. Недостатокъ въ соли причинялъ также не менѣе самаго голоду безпокойства въ арміи.

Чтобы достигнуть скорѣе Кубани и россійскихъ границъ избрали они кратчайшую дорогу, по которой въ 1788 году прошелъ генералъ Текелли. Въ трехъ миляхъ отъ Кубани надлежало пройдти лѣсъ и за онымъ узкую, но глубокую рѣчку, которая хотя высту-

львы, и послушные, какъ дѣти, солдаты русскіе стремятся, смѣшавшись съ бѣгущими, въ крѣпость. Но Турки не подорожили нѣсколькими сотнями своихъ, заперли ворота и открыли страшную рѣзню. Тутъ очутились Русскіе у самыхъ воротъ и подъ сильнѣйшимъ картечнымъ огнемъ. Имѣй они лѣстницы, и Анапа, безъ, всякаго сомнѣнія, сдѣлалась бы наградою за всѣ несчетные труды, за всѣ претерпѣнныя опасности; но лѣстницъ не было, ночь опускалась, и Русскіе, жестоко поражаемые изъ крѣпости, уклонились въ свой лагерь съ потерею 600 храбрыхъ. При семъ случаѣ, завидя издали отраженіе нашихъ отъ крѣпости, огромная толпа Черкесъ, съ быстротою вихря, понеслась на нихъ съ саблями. Большая половина войска должна была погибнуть, если бы расторопность и отличная храбрость маіора Веревкина, не остановила успѣховъ и злобы враговъ; сей достойный штабъ-офицеръ, вмѣстѣ съ подобнымъ себѣ въ храбрости и всѣмъ войскомъ чрезвычайно любимымъ артиллеріи маіоромъ Афросимовымъ, поспѣшилъ на встрѣчу Черкесамъ. Оба они—первый съ двумя баталіонами егерей, а второй съ пушками, оказавъ чудеса храбрости, отразили непріятеля и способствовали къ спасенію на сей разъ всего войска.

Не взирая на то, что Русскіе отступили въ безпорядкѣ отъ крѣпости, крѣпость не считала еще себя въ безопасности отъ ихъ предпріимчивости. За днемъ кровопролитнаго сраженія послѣдовала самая бурная ночь. Съ одной стороны кипѣло море, съ другой шумѣли вѣтры въ лѣсахъ и горныхъ ущеліяхъ. Безпрерывный громъ и частыя молніи усугубляли ужасы сей грозной ночи. Но Турки боялись не грозы, а приступа, и всю ночь провели въ осторожности, содержа на валахъ огни и стрѣляя изъ пушекъ.

Такимъ образомъ Русскіе простояли подъ Анапою въ продолженіи 14 дней. Неоднократно собираемые военные совѣты всякій разъ большинствомъ голосовъ возставали противъ штурма; но Бибиковъ, желая загладить вину свою покореніемъ крѣпости, не перемѣнялъ намѣренія и рѣшительно желалъ приступа. Уже начали дѣлать и лѣстницы, какъ приближеніе голода и крайній недостатокъ въ свинцѣ и порохѣ заставили его склониться на отступленіе. Когда Русскіе поднялись съ своего лагеря, турецкій начальникъ Анапы прислалъ къ генералу Бибикову двухъ невольниковъ съ однимъ хлѣбомъ, приказавъ сказать, что паша посылаетъ хлѣбъ сей для того, чтобы главнокомандующій русскаго войска не умеръ съ голоду. На сію колкую насмѣшку отвѣчали презрѣніемъ и пошли своимъ путемъ. На семъ пути ожидали ихъ все тѣ же затрудненія, что и прежде, только сопровождаемыя еще большимъ во всемъ недостаткомъ. О хлѣбѣ и слуху не было, а конское мясо считалось самымъ лакомымъ кушаньемъ. Недостатокъ въ соли причинялъ также не менѣе самаго голоду безпокойства въ арміи.

Чтобы достигнуть скорѣе Кубани и россійскихъ границъ избрали они кратчайшую дорогу, по которой въ 1788 году прошелъ генералъ Текелли. Въ трехъ миляхъ отъ Кубани надлежало пройдти лѣсъ и за онымъ узкую, но глубокую рѣчку, которая хотя высту-

пала изъ береговъ, но не сорвала еще находившаго на ней моста. Недостатокъ въ продовольствіи принудилъ ихъ, за день предъ тѣмъ, имѣть роздыхъ для доставленія себѣ фуража изъ ближайшей большой деревни. Турки и Черкесы, опоздавшіе разорить мостъ, думали удержать Русскихъ батареею, поставленною на высотѣ, и безпрерывными нападеніями. Но Бибиковъ, не взирая ни на что, быстро пошелъ впередъ, пробился сквозь толпы и захватилъ мостъ. Отрядъ егерей съ пушкою удерживалъ натискъ преслѣдовавшихъ, а Бибиковъ успѣлъ между тѣмъ провести колонну за рѣчку, вытянулъ ее въ линію и направилъ батарею на самый мостъ. Тутъ, когда и послѣдніе егеря перешли, Турки и Черкесы, бросились за ними густою толпою, но были встрѣчены гибельнымъ картечнымъ огнемъ. Отъ того ли, что тянувшіяся изъ лѣсу толпы не видали гибели переднихъ рядовъ, или потому, что Турки хотѣли, можетъ быть, во что бы то ни стало, овладѣть симъ мостомъ, стремленіе ихъ ни мало не умѣрялось безпрерывною пальбою изъ всѣхъ нашихъ пушекъ. О великой потерѣ Турокъ, состоявшей, конечно, изъ многихъ тысячъ убитыхъ и тяжело раненныхъ, можно судить по тому, что въ продолженіе цѣлаго часа картечный огонь изъ 16 орудій, стоявшихъ не далѣе 25 шаговъ отъ мосту, продолжался, не замолкая ни на минуту. Убійственное дѣйствіе огня сего направлено было на огромныя толпы, которыя, то видимо рѣдѣя, то вновь сгущаясь, бросались, какъ слѣпые, на мостъ и на пушки, не овладѣвъ однако ни одною изъ нихъ. Съ сей то минуты упрямая храбрость непріятелей уже ослабѣла, и шествіе Русскихъ сдѣлалось спокойнѣе; но разрушивъ всѣ замыслы враговъ, они не могли разрушить препятствій, полагаемыхъ природою. Борьба съ стихіями приводила въ трепетъ и самыхъ безтрепетныхъ; Русскіе встрѣтили на пути своемъ разливъ воды на двѣ версты шириною; съ трудомъ перешли они сію воду и съ прискорбіемъ увидѣли, что отъ того мѣста, гдѣ находились, до возвышеннаго берега Кубани, вдали едва примѣтнаго, все пространство на 14 верстъ залито было водою!.. Невозможность построенія плотовъ и совершенный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ понудили генерала Бибикова провести войско дальнѣйшею дорогою, въ обходъ чрезъ горы, гдѣ надѣялся онъ найдти хотя какія-нибудь средства къ прокормленію людей. Напрасно всѣ офицеры представляли, что дальняя дорога изнуритъ солдатъ до крайности, и что всѣ они сдѣлаются жертвою Черкесовъ. Не подѣйствовали даже и представленія всѣми любимаго маіора Афросимова, который объявилъ, что у него осталось снарядовъ не болѣе, какъ на 5 орудій. Генералъ Бибиковъ, не внимая ни чему, велѣлъ приковать Афросимова къ пушкѣ и, закричавъ солдатамъ: „направо, ступай, ступай“, поѣхалъ самъ направо въ лѣсъ, и все за нимъ послѣдовало. Но когда приближались къ горнымъ ущеліямъ, которые, какъ слухъ пронесся, усѣяны были Черкесами, то цѣлый баталіонъ легъ, и всѣ люди закричали въ голосъ: „Воля Бога и матушки царицы, мы не можемъ идти далѣе“. Генералъ Бибиковъ, будто ничего

пала изъ береговъ, но не сорвала еще находившаго на ней моста. Недостатокъ въ продовольствіи принудилъ ихъ, за день предъ тѣмъ, имѣть роздыхъ для доставленія себѣ фуража изъ ближайшей большой деревни. Турки и Черкесы, опоздавшіе разорить мостъ, думали удержать Русскихъ батареею, поставленною на высотѣ, и безпрерывными нападеніями. Но Бибиковъ, не взирая ни на что, быстро пошелъ впередъ, пробился сквозь толпы и захватилъ мостъ. Отрядъ егерей съ пушкою удерживалъ натискъ преслѣдовавшихъ, а Бибиковъ успѣлъ между тѣмъ провести колонну за рѣчку, вытянулъ ее въ линію и направилъ батарею на самый мостъ. Тутъ, когда и послѣдніе егеря перешли, Турки и Черкесы, бросились за ними густою толпою, но были встрѣчены гибельнымъ картечнымъ огнемъ. Отъ того ли, что тянувшіяся изъ лѣсу толпы не видали гибели переднихъ рядовъ, или потому, что Турки хотѣли, можетъ быть, во что бы то ни стало, овладѣть симъ мостомъ, стремленіе ихъ ни мало не умѣрялось безпрерывною пальбою изъ всѣхъ нашихъ пушекъ. О великой потерѣ Турокъ, состоявшей, конечно, изъ многихъ тысячъ убитыхъ и тяжело раненныхъ, можно судить по тому, что въ продолженіе цѣлаго часа картечный огонь изъ 16 орудій, стоявшихъ не далѣе 25 шаговъ отъ мосту, продолжался, не замолкая ни на минуту. Убійственное дѣйствіе огня сего направлено было на огромныя толпы, которыя, то видимо рѣдѣя, то вновь сгущаясь, бросались, какъ слѣпые, на мостъ и на пушки, не овладѣвъ однако ни одною изъ нихъ. Съ сей то минуты упрямая храбрость непріятелей уже ослабѣла, и шествіе Русскихъ сдѣлалось спокойнѣе; но разрушивъ всѣ замыслы враговъ, они не могли разрушить препятствій, полагаемыхъ природою. Борьба съ стихіями приводила въ трепетъ и самыхъ безтрепетныхъ; Русскіе встрѣтили на пути своемъ разливъ воды на двѣ версты шириною; съ трудомъ перешли они сію воду и съ прискорбіемъ увидѣли, что отъ того мѣста, гдѣ находились, до возвышеннаго берега Кубани, вдали едва примѣтнаго, все пространство на 14 верстъ залито было водою!.. Невозможность построенія плотовъ и совершенный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ понудили генерала Бибикова провести войско дальнѣйшею дорогою, въ обходъ чрезъ горы, гдѣ надѣялся онъ найдти хотя какія-нибудь средства къ прокормленію людей. Напрасно всѣ офицеры представляли, что дальняя дорога изнуритъ солдатъ до крайности, и что всѣ они сдѣлаются жертвою Черкесовъ. Не подѣйствовали даже и представленія всѣми любимаго маіора Афросимова, который объявилъ, что у него осталось снарядовъ не болѣе, какъ на 5 орудій. Генералъ Бибиковъ, не внимая ни чему, велѣлъ приковать Афросимова къ пушкѣ и, закричавъ солдатамъ: „направо, ступай, ступай“, поѣхалъ самъ направо въ лѣсъ, и все за нимъ послѣдовало. Но когда приближались къ горнымъ ущеліямъ, которые, какъ слухъ пронесся, усѣяны были Черкесами, то цѣлый баталіонъ легъ, и всѣ люди закричали въ голосъ: „Воля Бога и матушки царицы, мы не можемъ идти далѣе“. Генералъ Бибиковъ, будто ничего

не примѣчая, ѣхалъ все впередъ въ сопровожденіи только 12 казаковъ; но остановясь и увидя, что за нимъ ни кого не было, воротился съ страшнымъ гнѣвомъ; однако смягченный общимъ голосомъ солдатъ приказалъ отвязать Афросимова отъ пушки и согласился идти кратчайшею дорогою чрезъ воду. Тутъ надлежало пройдти Русскимъ 14 верстъ по странѣ неизвѣстной и глубоко наводненной. Казаки, ѣхавшіе впередъ, отыскивали гдѣ было мелче и удобнопроходимѣе; но и самая мелкая вода хватала до пояса и часто доставала по грудь! Всего труднѣе было перевезти свои и отнятыя у непріятеля пушки; всѣ солдаты несли сумы съ патронами, поднявъ вверхъ надъ головами, и отъ того многіе изъ нихъ спотыкаясь тонули. Когда достигли возвышеннаго берега Кубани, то лошади нашли себѣ на ономъ молодую траву и съ жадностію питались ею; людямъ же, какъ и прежде, никакой не было надежды къ продовольствію. Все войско стояло между двухъ смертей: за спиною блистали черкесскія сабли, передъ глазами шумѣла быстрая на двѣ версты разливавшаяся Кубань: надлежало умереть или отъ желѣза, или отъ воды, но скорѣе ожидали смерти отъ голоду, который всѣмъ равно угрожалъ. Наконецъ дано повелѣніе переправляться; восемь дней занимались построеніемъ плотовъ изъ тростника, въ которомъ по счастію недостатка не было. На сихъ-то тлѣнныхъ плотахъ принята переправа. Повозки и тяжести, при малѣйшемъ склонновѣсіи на одну сторону, становились добычею волнъ; другіе же плоты, при малѣйшей неловкости гребцовъ, легко могли быть унесены быстротою въ Черное море. Всѣмъ пушкамъ надлежало погибнуть, если бы случай не доставилъ двухъ небольшихъ челновъ, которые сплотили вмѣстѣ, сдѣлавъ сверху настилку изъ тростника и хворосту. И на семъ-то ничтожномъ плоту перевезены всѣ свои и у непріятеля отнятыя орудія и патронные ящики; по прошествіи восьми дней все, чтб уцѣлѣло отъ потопленія, увидѣло себя наконецъ на русскомъ берегу. Но тутъ осталось еще на восемь дней пути голою степью. Однако высланные впередъ казаки успѣли въ скорости дать знать о бѣдственномъ положеніи войска, и выѣхавшая на встрѣчу онаго тысяча человѣкъ конницы привезла достаточное количество хлѣба. Но и съ самымъ хлѣбомъ надлежало обходиться весьма осторожно; нельзя было давать его безъ особыхъ пріуготовленій солдатамъ, опухшимъ отъ голоду. Изъ всего войска осталось немного болѣе 3.000 на ногахъ и 1.000 больныхъ.

Такъ кончился походъ, который, судя по необычайному мужеству, единственному терпѣнію и неслыханнымъ трудамъ, къ продолженію онаго понесеннымъ, едва ли не превосходитъ безпримѣрнаго доселѣ похода Кортеса въ Мексику. Но тамъ Гишпанцы, влекомые корыстолюбіемъ и личною выгодою, имѣли очевидную поверхность въ огнестрѣльномъ оружіи, а здѣсь Русскіе безъ всякихъ для себя выгодъ, изъ единаго повиновенія къ начальнику, сражались съ непріятелемъ, одинакое съ ними оружіе имѣвшимъ. Смѣло можно сказать, что весьма мало встрѣчалось послѣ того

не примѣчая, ѣхалъ все впередъ въ сопровожденіи только 12 казаковъ; но остановясь и увидя, что за нимъ ни кого не было, воротился съ страшнымъ гнѣвомъ; однако смягченный общимъ голосомъ солдатъ приказалъ отвязать Афросимова отъ пушки и согласился идти кратчайшею дорогою чрезъ воду. Тутъ надлежало пройдти Русскимъ 14 верстъ по странѣ неизвѣстной и глубоко наводненной. Казаки, ѣхавшіе впередъ, отыскивали гдѣ было мелче и удобнопроходимѣе; но и самая мелкая вода хватала до пояса и часто доставала по грудь! Всего труднѣе было перевезти свои и отнятыя у непріятеля пушки; всѣ солдаты несли сумы съ патронами, поднявъ вверхъ надъ головами, и отъ того многіе изъ нихъ спотыкаясь тонули. Когда достигли возвышеннаго берега Кубани, то лошади нашли себѣ на ономъ молодую траву и съ жадностію питались ею; людямъ же, какъ и прежде, никакой не было надежды къ продовольствію. Все войско стояло между двухъ смертей: за спиною блистали черкесскія сабли, передъ глазами шумѣла быстрая на двѣ версты разливавшаяся Кубань: надлежало умереть или отъ желѣза, или отъ воды, но скорѣе ожидали смерти отъ голоду, который всѣмъ равно угрожалъ. Наконецъ дано повелѣніе переправляться; восемь дней занимались построеніемъ плотовъ изъ тростника, въ которомъ по счастію недостатка не было. На сихъ-то тлѣнныхъ плотахъ принята переправа. Повозки и тяжести, при малѣйшемъ склонновѣсіи на одну сторону, становились добычею волнъ; другіе же плоты, при малѣйшей неловкости гребцовъ, легко могли быть унесены быстротою въ Черное море. Всѣмъ пушкамъ надлежало погибнуть, если бы случай не доставилъ двухъ небольшихъ челновъ, которые сплотили вмѣстѣ, сдѣлавъ сверху настилку изъ тростника и хворосту. И на семъ-то ничтожномъ плоту перевезены всѣ свои и у непріятеля отнятыя орудія и патронные ящики; по прошествіи восьми дней все, чтб уцѣлѣло отъ потопленія, увидѣло себя наконецъ на русскомъ берегу. Но тутъ осталось еще на восемь дней пути голою степью. Однако высланные впередъ казаки успѣли въ скорости дать знать о бѣдственномъ положеніи войска, и выѣхавшая на встрѣчу онаго тысяча человѣкъ конницы привезла достаточное количество хлѣба. Но и съ самымъ хлѣбомъ надлежало обходиться весьма осторожно; нельзя было давать его безъ особыхъ пріуготовленій солдатамъ, опухшимъ отъ голоду. Изъ всего войска осталось немного болѣе 3.000 на ногахъ и 1.000 больныхъ.

Такъ кончился походъ, который, судя по необычайному мужеству, единственному терпѣнію и неслыханнымъ трудамъ, къ продолженію онаго понесеннымъ, едва ли не превосходитъ безпримѣрнаго доселѣ похода Кортеса въ Мексику. Но тамъ Гишпанцы, влекомые корыстолюбіемъ и личною выгодою, имѣли очевидную поверхность въ огнестрѣльномъ оружіи, а здѣсь Русскіе безъ всякихъ для себя выгодъ, изъ единаго повиновенія къ начальнику, сражались съ непріятелемъ, одинакое съ ними оружіе имѣвшимъ. Смѣло можно сказать, что весьма мало встрѣчалось послѣ того

случаевъ, гдѣ бы войско россійское покрыло себя толикою славою, какъ въ семъ дивномъ, но почти неизвѣстномъ и вовсе безплодномъ походѣ. За худой успѣхъ никто конечно не повинитъ солдатъ и офицеровъ: съ безпримѣрною покорностію исполняли они волю главнаго начальника, который за дерзкую неосмотрительность свою подвергся тогда же строжайшему наказанію по приговору военнаго суда.

случаевъ, гдѣ бы войско россійское покрыло себя толикою славою, какъ въ семъ дивномъ, но почти неизвѣстномъ и вовсе безплодномъ походѣ. За худой успѣхъ никто конечно не повинитъ солдатъ и офицеровъ: съ безпримѣрною покорностію исполняли они волю главнаго начальника, который за дерзкую неосмотрительность свою подвергся тогда же строжайшему наказанію по приговору военнаго суда.

ВОСПОМИНАНІЯ О КОРОНАЦІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I *).

I.

Публичный актъ въ Московскомъ университетѣ 1801 года.

(Письмо къ N. N.).

Сегодня, завтра, послѣзавтра и всякій часъ и въ каждую минуту всѣ ожидаютъ императора! Но годовой праздникъ университетскій совершился прежде его прибытія, именно: *тридцать-перваго* августа, въ день имянинъ государевыхъ. Я, какъ принадлежащій питомецъ къ святилищу московскихъ музъ **), былъ извѣщенъ о торжествѣ вмѣстѣ съ прочими и былъ уже тамъ въ началѣ осьмого часа утра. Ученый церемоніалъ происходилъ слѣдующимъ порядкомъ; вотъ тебѣ статья газетная:

По собраніи университетскихъ питомцевъ въ университетскую церковь, въ присутствіи знатнѣйшихъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ отправлена была въ оной божественная литургія, предъ окончаніемъ которой настоятелемъ церкви, протоіереемъ Ѳеодоромъ

---

*) Эти воспоминанія писаны извѣстнымъ карамзинистомъ, Михаиломъ Николаевичемъ Макаровымъ, и доставлены для напечатанія его дочерью, О. М. Макаровою. Они предназначались для печати въ свое время, и отрывки изъ нихъ были даже напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Этими обстоятельствами объясняется совершенно литературный и нѣсколько официальный характеръ изложенія въ предлагаемыхъ воспоминаніяхъ. Не смотря однако на то, многія страницы ихъ живо воспроизводятъ общественное настроеніе описываемой эпохи — Александрова воцаренія. Читатели замѣтятъ нѣкоторое сходство между разсказами М. Н. Макарова и извѣстными «Записками современника» С. П. Жихарева. — Подстрочныя примѣчанія къ воспоминаніямъ принадлежатъ автору.

**) Воспитанникъ университетскаго благороднаго пансіона.

ВОСПОМИНАНІЯ О КОРОНАЦІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I *).

I.

Публичный актъ въ Московскомъ университетѣ 1801 года.

(Письмо къ N. N.).

Сегодня, завтра, послѣзавтра и всякій часъ и въ каждую минуту всѣ ожидаютъ императора! Но годовой праздникъ университетскій совершился прежде его прибытія, именно: *тридцать-перваго* августа, въ день имянинъ государевыхъ. Я, какъ принадлежащій питомецъ къ святилищу московскихъ музъ **), былъ извѣщенъ о торжествѣ вмѣстѣ съ прочими и былъ уже тамъ въ началѣ осьмого часа утра. Ученый церемоніалъ происходилъ слѣдующимъ порядкомъ; вотъ тебѣ статья газетная:

По собраніи университетскихъ питомцевъ въ университетскую церковь, въ присутствіи знатнѣйшихъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ отправлена была въ оной божественная литургія, предъ окончаніемъ которой настоятелемъ церкви, протоіереемъ Ѳеодоромъ

---

*) Эти воспоминанія писаны извѣстнымъ карамзинистомъ, Михаиломъ Николаевичемъ Макаровымъ, и доставлены для напечатанія его дочерью, О. М. Макаровою. Они предназначались для печати въ свое время, и отрывки изъ нихъ были даже напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Этими обстоятельствами объясняется совершенно литературный и нѣсколько офиціальный характеръ изложенія въ предлагаемыхъ воспоминаніяхъ. Не смотря однако на то, многія страницы ихъ живо воспроизводятъ общественное настроеніе описываемой эпохи — Александрова воцаренія. Читатели замѣтятъ нѣкоторое сходство между разсказами М. Н. Макарова и извѣстными «Записками современника» С. П. Жихарева. — Подстрочныя примѣчанія къ воспоминаніямъ принадлежатъ автору.

**) Воспитанникъ университетскаго благороднаго пансіона.

Аксентіевичемъ Малиновскимъ, говорено къ питомцамъ университета поученіе: *о необходимости и пользѣ повиновенія верховной власти.* Ты знаешь нашего духовнаго оратора Малиновскаго: онъ говоритъ просто, безъ излишнихъ фигуръ; но его рѣчь сладка, его каждое слово глубоко и крѣпко ложится на сердце человѣческое: при его ораторствѣ нѣтъ мѣста мыслямъ низкимъ, злымъ! Настоящая рѣчь многихъ изъ питомцевъ тронула въ душѣ; я самъ видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ плакали, и при словѣ: *любовь къ царямъ есть благо жизни подданныхъ,* мы, кажется, всѣ готовы были сказать: мы нашихъ царей любили и любимъ, какъ отцевъ, какъ друзей-благодѣтелей!

Литургія совершилась, и начальники университета и всѣ посѣтители и всѣ мы отправились въ большую аудиторію. Профессоръ и докторъ медицины Барсукъ-Моисеевъ открылъ собраніе рѣчью; онъ говорилъ: *о вліяніи воздуха, временъ года и метеоровъ на здравіе человѣческое и о правилахъ діэтетическихъ, какія наблюдать должно по разному состоянію воздуха.* Барсукъ-Моисеевъ не краснорѣчивъ выговоромъ, но доказательства пользы изложеннаго въ его рѣчи неоспоримы; его языкъ не украшается достоинствомъ свѣтскости и потомъ жестокъ, но за то онъ везлѣ дышетъ пріятною силою истины!

За рѣчью Барсука-Моисеева тотчасъ заступилъ его мѣсто другой профессоръ, это Павелъ Аѳонасьевичь Сохацкій, нашъ любимый учитель, сотрудникъ Подшивалова, одинъ изъ небольшаго числа теперешнихъ нашихъ ученыхъ, охотно соглашающійся на преобразованія въ слогѣ нашемъ дѣлаемыя Карамзинымъ. Онъ читалъ свое слово: *о предметахъ, свойствѣ и вліяніи изящнаго вкуса на счастіе жизни.* Можно сказать прямо, что всеобщее вниманіе, во всей силѣ, было обращено къ этому прекрасному слову. Оно кончилось, и питомцы университета сами изъявили, краткими рѣчьми, на разныхъ языкахъ, свою благодарность ко всемилостивѣйшему монарху, покровителю наукъ.

Послѣ сего инспекторъ гимназіи представилъ студентовъ, учениковъ, отличившихся отъ прочихъ прилежаніемъ, успѣхами въ наукахъ и добрымъ поведеніемъ господину вице-директору, который также, съ своей стороны, представилъ ихъ присутствовавшимъ господамъ кураторамъ. Кураторовъ было четверо: Михаилъ Матвѣевичь Херасковъ, князь Ѳедоръ Николаевичь Голицынъ, Михаилъ Ивановичь Коваленскій и Павелъ Ивановичь Голенищевъ-Кутузовъ. Почтенный творецъ Россіады весьма благосклонно говорилъ съ отличившимися, говорилъ имъ о славѣ Александровой, приказалъ одному изъ студентовъ прочитать стихи на рожденіе Порфиророднаго и заключилъ, разговаривая съ юными питомцами, почти всегда однимъ: „Будь ученъ, но не забывай себя: будь добръ, будь благороденъ, поведеніе хорошее—вѣнецъ твоей будущей славы!» Въ сіе же время слѣдовало награжденіе золотыми и серебряными медалями, произведеніе въ студенты и раздача ученикамъ книгъ за прилежаніе.

Аксентіевичемъ Малиновскимъ, говорено къ питомцамъ университета поученіе: *о необходимости и пользѣ повиновенія верховной власти.* Ты знаешь нашего духовнаго оратора Малиновскаго: онъ говоритъ просто, безъ излишнихъ фигуръ; но его рѣчь сладка, его каждое слово глубоко и крѣпко ложится на сердце человѣческое: при его ораторствѣ нѣтъ мѣста мыслямъ низкимъ, злымъ! Настоящая рѣчь многихъ изъ питомцевъ тронула въ душѣ; я самъ видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ плакали, и при словѣ: *любовь къ царямъ есть благо жизни подданныхъ,* мы, кажется, всѣ готовы были сказать: мы нашихъ царей любили и любимъ, какъ отцевъ, какъ друзей-благодѣтелей!

Литургія совершилась, и начальники университета и всѣ посѣтители и всѣ мы отправились въ большую аудиторію. Профессоръ и докторъ медицины Барсукъ-Моисеевъ открылъ собраніе рѣчью; онъ говорилъ: *о вліяніи воздуха, временъ года и метеоровъ на здравіе человѣческое и о правилахъ діэтетическихъ, какія наблюдать должно по разному состоянію воздуха.* Барсукъ-Моисеевъ не краснорѣчивъ выговоромъ, но доказательства пользы изложеннаго въ его рѣчи неоспоримы; его языкъ не украшается достоинствомъ свѣтскости и потомъ жестокъ, но за то онъ весь дышетъ пріятною силою истины!

За рѣчью Барсука-Моисеева тотчасъ заступилъ его мѣсто другой профессоръ, это Павелъ Аѳонасьевичь Сохацкій, нашъ любимый учитель, сотрудникъ Подшивалова, одинъ изъ небольшаго числа теперешнихъ нашихъ ученыхъ, охотно соглашающійся на преобразованія въ слогѣ нашемъ дѣлаемыя Карамзинымъ. Онъ читалъ свое слово: *о предметахъ, свойствѣ и вліяніи изящнаго вкуса на счастіе жизни.* Можно сказать прямо, что всеобщее вниманіе, во всей силѣ, было обращено къ этому прекрасному слову. Оно кончилось, и питомцы университета сами изъявили, краткими рѣчьми, на разныхъ языкахъ, свою благодарность ко всемилостивѣйшему монарху, покровителю наукъ.

Послѣ сего инспекторъ гимназіи представилъ студентовъ, учениковъ, отличившихся отъ прочихъ прилежаніемъ, успѣхами въ наукахъ и добрымъ поведеніемъ господину вице-директору, который также, съ своей стороны, представилъ ихъ присутствовавшимъ господамъ кураторамъ. Кураторовъ было четверо: Михаилъ Матвѣевичь Херасковъ, князь Ѳедоръ Николаевичь Голицынъ, Михаилъ Ивановичь Коваленскій и Павелъ Ивановичь Голенищевъ-Кутузовъ. Почтенный творецъ Россіады весьма благосклонно говорилъ съ отличившимися, говорилъ имъ о славѣ Александровой, приказалъ одному изъ студентовъ прочитать стихи на рожденіе Порфиророднаго и заключилъ, разговаривая съ юными питомцами, почти всегда однимъ: „Будь ученъ, но не забывай себя: будь добръ, будь благороденъ, поведеніе хорошее—вѣнецъ твоей будущей славы!» Въ сіе же время слѣдовало награжденіе золотыми и серебряными медалями, произведеніе въ студенты и раздача ученикамъ книгъ за прилежаніе.

При заключеніи собранія инспекторъ гимназіи изъявилъ отъ университета благодарность посѣтителямъ за участвованіе въ праздникѣ учащихся, а симъ послѣднимъ сдѣлалъ краткое увѣщаніе къ прилежанію и доброму поведенію.

Доброе поведеніе при добромъ государѣ произраститъ вездѣ добро!

II.

Императоръ Александръ I въ Петровскомъ дворцѣ предъ торжественнымъ вшествіемъ своимъ для высочайшаго коронованія.

Вечеръ 6-го Сентября 1801 г.

Пишу къ тебѣ, любезный другъ, въ вечеръ самаго достопамятнаго дня въ моей жизни.

Ожидая всякій Божій день прибытія государя, я неоднократно, вмѣстѣ съ толпами народными, бѣгалъ за Петербургскую заставу, и вмѣстѣ съ симъ нашимъ, усернымъ къ своимъ царямъ, народомъ все еще не былъ счастливъ. *Красное солнышко не всходило— государь не бывалъ!*

За то нынѣче, ровно въ три часа за полночь, старый мой дядька разбудилъ меня. „Вставай, вставай, сударь!“ говорилъ онъ, потрепывая меня тихонько по плечу,— „есть вѣрныя вѣсти, что Императоръ въ Петровскомъ дворцѣ *)!“ Не прошло четверти часа, какъ я ужь былъ готовъ и на своёмъ гнѣдомъ клеперѣ скоро галопировалъ за заставою.

Несчетное множество народа тѣснилось ко дворцу; необыкновенное движеніе наполняло всю дорогу; въ иныхъ мѣстахъ толны народныя мѣшали самымъ экипажамъ придворныхъ; въ другихъ доставалось и пѣшеходцамъ отъ нашей братьи конныхъ.

Было почти 5 часовъ утра, когда я достигъ пункта моего назначенія и очень сильно почувствовалъ всю невыгоду моей кавалерійской прогулки: мнѣ нельзя было втѣсниться ближе ко дворцу, ближе къ вожделѣнному отцу народа; мнѣ нельзя было свободно, наряду со всѣми, участвовать въ общихъ восторгахъ вѣрноподданническихъ; и потому я, повѣривъ моего коня служителю въ гостинницѣ, втолпился въ народъ пѣшкомъ, лишился одного платка, потерялъ нѣсколько пуговицъ съ сюртука и наконецъ, достигнувъ цѣли, остановился на ряду со многими противъ того окошка, въ которое, по догадкамъ моего ближайшаго сосѣда, купца, долженъ былъ явиться Александръ.

Волнуясь въ народномъ морѣ и разговаривая, хотъ и слишкомъ лаконически, съ разными лицами ожидающими, я прогулялъ мину-

*) Государь императоръ прибылъ въ Петровскій дворецъ съ 4-го на 5-е число сентября.

При заключеніи собранія инспекторъ гимназіи изъявилъ отъ университета благодарность посѣтителямъ за участвованіе въ праздникѣ учащихся, а симъ послѣднимъ сдѣлалъ краткое увѣщаніе къ прилежанію и доброму поведенію.

Доброе поведеніе при добромъ государѣ произраститъ вездѣ добро!

II.

Императоръ Александръ I въ Петровскомъ дворцѣ предъ торжественнымъ вшествіемъ своимъ для высочайшаго коронованія.

Вечеръ 6-го Сентября 1801 г.

Пишу къ тебѣ, любезный другъ, въ вечеръ самаго достопамятнаго дня въ моей жизни.

Ожидая всякій Божій день прибытія государя, я неоднократно, вмѣстѣ съ толпами народными, бѣгалъ за Петербургскую заставу, и вмѣстѣ съ симъ нашимъ, усернымъ къ своимъ царямъ, народомъ все еще не былъ счастливъ. *Красное солнышко не всходило— государь не бывалъ!*

За то нынѣче, ровно въ три часа за полночь, старый мой дядька разбудилъ меня. „Вставай, вставай, сударь!“ говорилъ онъ, потрепывая меня тихонько по плечу,— „есть вѣрныя вѣсти, что Императоръ въ Петровскомъ дворцѣ *)!“ Не прошло четверти часа, какъ я ужь былъ готовъ и на своёмъ гнѣдомъ клеперѣ скоро галопировалъ за заставою.

Несчетное множество народа тѣснилось ко дворцу; необыкновенное движеніе наполняло всю дорогу; въ иныхъ мѣстахъ толны народныя мѣшали самымъ экипажамъ придворныхъ; въ другихъ доставалось и пѣшеходцамъ отъ нашей братьи конныхъ.

Было почти 5 часовъ утра, когда я достигъ пункта моего назначенія и очень сильно почувствовалъ всю невыгоду моей кавалерійской прогулки: мнѣ нельзя было втѣсниться ближе ко дворцу, ближе къ вожделѣнному отцу народа; мнѣ нельзя было свободно, наряду со всѣми, участвовать въ общихъ восторгахъ вѣрноподданническихъ; и потому я, повѣривъ моего коня служителю въ гостинницѣ, втолпился въ народъ пѣшкомъ, лишился одного платка, потерялъ нѣсколько пуговицъ съ сюртука и наконецъ, достигнувъ цѣли, остановился на ряду со многими противъ того окошка, въ которое, по догадкамъ моего ближайшаго сосѣда, купца, долженъ былъ явиться Александръ.

Волнуясь въ народномъ морѣ и разговаривая, хотъ и слишкомъ лаконически, съ разными лицами ожидающими, я прогулялъ мину-

*) Государь императоръ прибылъ въ Петровскій дворецъ съ 4-го на 5-е число сентября.

ту перваго явленія, всѣми ожидаемаго. Вдругъ раздалось громкое *ура! ура!* и меня потрясло отъ головы до ногъ! Я не зналъ, на землѣ ли я; мои глаза сами собою прикова.ись къ общей радости, и я въ первый разъ увидѣлъ императора подъ Москвою, столицею, знаменитою въ мірѣ своимъ усердіемъ къ монархамъ!

Александръ былъ въ полномъ мундирѣ и веселъ, какъ свѣтлый день майскій. Никто не окружалъ его! Другіе однакожь замѣтили цесаревича и генераловъ поодаль. Онъ кланялся на всѣ стороны, и *ура* не прерывалось.

Нѣкоторые изъ стоящихъ подлѣ меня видѣли также мелькомъ императрицу и великихъ князей. Я стоялъ до тѣхъ поръ, пока онъ не оставилъ окошка, пока старый нашъ фельдмаршалъ Салтыковъ не выѣхалъ изъ дворца, и пока слухъ, вѣроятно для спокойствія императора же распущенный въ народѣ, что государь не будетъ болѣе у окна, не заставилъ меня идти прочь вмѣстѣ съ другими.

Нашелъ своего коня, прискакалъ домой, пишу къ тебѣ, и ничего другого, кромѣ восторговъ, не имѣю въ душѣ моей! Несчастный ты человѣкъ! Ты не видалъ Александра императора въ первый разъ подъ Москвою! Vale.

III.

Торжественное шествіе императора Александра Павловича въ Москву.

Сентября 8-го дня.

Я видѣлъ въѣздъ императора въ Москву. Не ожидай отъ меня ничего собственно *моего;* описываю тебѣ все буквально по церемоніалу. Впрочемъ, все-таки долженъ сказать нѣчто и о моихъ средствахъ видѣть *рѣдко видаемое,* какъ желалось душѣ: я былъ у Петровскаго дворца, былъ у Тверской заставы при самомъ въѣздѣ государя, былъ въ Кремлѣ, у дворца Слободскаго въ самое время прибытія въ оный, и былъ въ домѣ фельдмаршальши Салтыковой, въ приходѣ церкви Димитрія Селунскаго. Теперь суди о моемъ проворствѣ, суди о моемъ пламенномъ желаніи сообщить всѣмъ отсутствующимъ пріятелямъ новости о государѣ несравненномъ, о такомъ государѣ, которому подобнаго точно нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Онъ обѣщаетъ царствовать по сердцу и закону Великія Екатерины!

Будучи еще у Петровскаго дворца, мы услышали девять пушечныхъ выстрѣловъ и съ тѣмъ же вмѣстѣ торжественный благовѣстъ церковный. Пушки, какъ мнѣ извѣстно, постановлены были противъ Чудова монастыря, и вотъ соединившійся съ ними необыкновенный гулъ большаго соборнаго и прочихъ колоколовъ здѣсь у насъ вдали производилъ что-то невыразимое! Сначала не могли мы

ту перваго явленія, всѣми ожидаемаго. Вдругъ раздалось громкое *ура! ура!* и меня потрясло отъ головы до ногъ! Я не зналъ, на землѣ ли я; мои глаза сами собою прикова.ись къ общей радости, и я въ первый разъ увидѣлъ императора подъ Москвою, столицею, знаменитою въ мірѣ своимъ усердіемъ къ монархамъ!

Александръ былъ въ полномъ мундирѣ и веселъ, какъ свѣтлый день майскій. Никто не окружалъ его! Другіе однакожъ замѣтили цесаревича и генераловъ поодаль. Онъ кланялся на всѣ стороны, и *ура* не прерывалось.

Нѣкоторые изъ стоящихъ подлѣ меня видѣли также мелькомъ императрицу и великихъ князей. Я стоялъ до тѣхъ поръ, пока онъ не оставилъ окошка, пока старый нашъ фельдмаршалъ Салтыковъ не выѣхалъ изъ дворца, и пока слухъ, вѣроятно для спокойствія императора же распущенный въ народѣ, что государь не будетъ болѣе у окна, не заставилъ меня идти прочь вмѣстѣ съ другими.

Нашелъ своего коня, прискакалъ домой, пишу къ тебѣ, и ничего другого, кромѣ восторговъ, не имѣю въ душѣ моей! Несчастный ты человѣкъ! Ты не видалъ Александра императора въ первый разъ подъ Москвою! Vale.

III.

Торжественное шествіе императора Александра Павловича въ Москву.

Сентября 8-го дня.

Я видѣлъ въѣздъ императора въ Москву. Не ожидай отъ меня ничего собственно *моего;* описываю тебѣ все буквально по церемоніалу. Впрочемъ, все-таки долженъ сказать нѣчто и о моихъ средствахъ видѣть *рѣдко видаемое,* какъ желалось душѣ: я былъ у Петровскаго дворца, былъ у Тверской заставы при самомъ въѣздѣ государя, былъ въ Кремлѣ, у дворца Слободскаго въ самое время прибытія въ оный, и былъ въ домѣ фельдмаршальши Салтыковой, въ приходѣ церкви Димитрія Селунскаго. Теперь суди о моемъ проворствѣ, суди о моемъ пламенномъ желаніи сообщить всѣмъ отсутствующимъ пріятелямъ новости о государѣ несравненномъ, о такомъ государѣ, которому подобнаго точно нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Онъ обѣщаетъ царствовать по сердцу и закону Великія Екатерины!

Будучи еще у Петровскаго дворца, мы услышали девять пушечныхъ выстрѣловъ и съ тѣмъ же вмѣстѣ торжественный благовѣстъ церковный. Пушки, какъ мнѣ извѣстно, постановлены были противъ Чудова монастыря, и вотъ соединившійся съ ними необыкновенный гулъ большаго соборнаго и прочихъ колоколовъ здѣсь у насъ вдали производилъ что-то невыразимое! Сначала не могли мы

понять: ни себя, ни всего насъ окружающаго; въ одно и то же время, кажется, всѣ были нѣмы и всѣ что-то необычайное очень сильно чувствовали. Такова-то эта мудреная музыка, возвѣстительница радушной готовности подданныхъ встрѣтить царя-отца!

Въ сію же самую минуту всѣ войска строились по мѣстамъ назначеннымъ, а чиновники, опредѣленные къ церемоніальному кортежу, одинъ за другимъ и въ *густыхъ* толпахъ, сказать по твоему военному, собирались въ Петровскій дворецъ.

Въ толпѣ народной меня замѣтили знакомцы: полиціймейстеръ Ивашкинъ и подполковникъ Либгардъ *); не знаю, вспомнятъ ли они это, но я никогда не забуду ихъ благого совѣта: пробраться къ Тверской заставѣ и тамъ на удобномъ мѣстѣ смотрѣть на первое шествіе церемоніи. Такъ я и сдѣлалъ. Мой мундиръ и моя природная застѣнчивость, прикрытая какою-то, на сей разъ, смѣлою вѣжливостію, дали мнѣ дорогу вездѣ.

Шествіе началось одною половиною конной гвардіи съ ея штандартомъ; за симъ послѣдовали кареты всѣхъ пяти классовъ особъ цугами, расположенныя старшинствомъ въѣзда по чинамъ своихъ владѣльцевъ, но порожнія. Предъ каждымъ изъ сихъ экипажей ѣхали ихъ шталмейстеры, лакеи шли пѣшкомъ. Весьма богатые цуги графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, фельдмаршала графа И. П. Салтыкова, княгини и князя Дашковыхъ, А. Ѳ. Сабурова, гг. Савеловыхъ, Всеволожскаго и другихъ многихъ.

Знатное россійское дворянство ѣхало верхами по два въ рядъ, въ губернскихъ мундирахъ, предпочтительно въ московскихъ, кажется, для того, чтобы менѣе было въ семъ случаѣ пестроты. За дворянствомъ послѣдовали гг. сенаторы въ своихъ каретахъ.

Пятая перемѣна: штабъ-квартермейстеръ верхомъ; за нимъ шестдесятъ придворныхъ лакеевъ, шесть камеръ-лакеевъ и шесть скороходовъ, всѣ по два въ рядъ и въ самыхъ богатыхъ ливреяхъ. Товарищи мои, зрители, остановили свой внимательный взоръ на скороходахъ и называли ихъ всѣхъ красавцами. За симъ послѣдовали придворныя кареты цугами; въ нихъ сидѣло по два чиновника, къ свитѣ императора принадлежащіе, но въ церемоніи мѣстъ не имѣвшіе.

Открытая дворцовая коляска цугомъ; въ ней два церемоніймейстера (Ланской и Мезонневъ) съ ихъ знаками. Оберъ-церемоніймейстеръ (графъ Головкинъ), каммергеры верхами. Высшіе придворные чины въ каретахъ. Члены государственнаго совѣта. Два гофмаршала (Демидовъ и Строгоновъ) въ открытой коляскѣ съ ихъ жезлами. Оберъ-гофмаршалъ (А. Л. Нарышкинъ) съ жезломъ и наконецъ другое отдѣленіе кавалергардовъ.

„Вотъ и государь! Ура!“ вскричало вдругъ тысячи голосовъ, „Вотъ и государь!“ говорилъ и самъ себѣ безпрестанно, и не умѣю тебѣ выразить, что со мною сдѣлалось: вся моя душа ощутила

*) Оба въ послѣдствіи генералъ-маіоры: первый—московскій оберъ-полиціймейстеръ, а второй—комендантъ крѣпости Херсонской.

понять: ни себя, ни всего насъ окружающаго; въ одно и то же время, кажется, всѣ были нѣмы и всѣ что-то необычайное очень сильно чувствовали. Такова-то эта мудреная музыка, возвѣстительница радушной готовности подданныхъ встрѣтить царя-отца!

Въ сію же самую минуту всѣ войска строились по мѣстамъ назначеннымъ, а чиновники, опредѣленные къ церемоніальному кортежу, одинъ за другимъ и въ *густыхъ* толпахъ, сказать по твоему военному, собирались въ Петровскій дворецъ.

Въ толпѣ народной меня замѣтили знакомцы: полиціймейстеръ Ивашкинъ и подполковникъ Либгардъ *); не знаю, вспомнятъ ли они это, но я никогда не забуду ихъ благого совѣта: пробраться къ Тверской заставѣ и тамъ на удобномъ мѣстѣ смотрѣть на первое шествіе церемоніи. Такъ я и сдѣлалъ. Мой мундиръ и моя природная застѣнчивость, прикрытая какою-то, на сей разъ, смѣлою вѣжливостію, дали мнѣ дорогу вездѣ.

Шествіе началось одною половиною конной гвардіи съ ея штандартомъ; за симъ послѣдовали кареты всѣхъ пяти классовъ особъ цугами, расположенныя старшинствомъ въѣзда по чинамъ своихъ владѣльцевъ, но порожнія. Предъ каждымъ изъ сихъ экипажей ѣхали ихъ шталмейстеры, лакеи шли пѣшкомъ. Весьма богатые цуги графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, фельдмаршала графа И. П. Салтыкова, княгини и князя Дашковыхъ, А. Ѳ. Сабурова, гг. Савеловыхъ, Всеволожскаго и другихъ многихъ.

Знатное россійское дворянство ѣхало верхами по два въ рядъ, въ губернскихъ мундирахъ, предпочтительно въ московскихъ, кажется, для того, чтобы менѣе было въ семъ случаѣ пестроты. За дворянствомъ послѣдовали гг. сенаторы въ своихъ каретахъ.

Пятая перемѣна: штабъ-квартермейстеръ верхомъ; за нимъ шестдесятъ придворныхъ лакеевъ, шесть камеръ-лакеевъ и шесть скороходовъ, всѣ по два въ рядъ и въ самыхъ богатыхъ ливреяхъ. Товарищи мои, зрители, остановили свой внимательный взоръ на скороходахъ и называли ихъ всѣхъ красавцами. За симъ послѣдовали придворныя кареты цугами; въ нихъ сидѣло по два чиновника, къ свитѣ императора принадлежащіе, но въ церемоніи мѣстъ не имѣвшіе.

Открытая дворцовая коляска цугомъ; въ ней два церемоніймейстера (Ланской и Мезонневъ) съ ихъ знаками. Оберъ-церемоніймейстеръ (графъ Головкинъ), каммергеры верхами. Высшіе придворные чины въ каретахъ. Члены государственнаго совѣта. Два гофмаршала (Демидовъ и Строгоновъ) въ открытой коляскѣ съ ихъ жезлами. Оберъ-гофмаршалъ (А. Л. Нарышкинъ) съ жезломъ и наконецъ другое отдѣленіе кавалергардовъ.

„Вотъ и государь! Ура!“ вскричало вдругъ тысячи голосовъ, „Вотъ и государь!“ говорилъ и самъ себѣ безпрестанно, и не умѣю тебѣ выразить, что со мною сдѣлалось: вся моя душа ощутила

*) Оба въ послѣдствіи генералъ-маіоры: первый—московскій оберъ-полиціймейстеръ, а второй—комендантъ крѣпости Херсонской.

нѣчто небесное, и отъ необыкновеннаго восторга волосы подня-лись на головѣ моей!

Весьма тихо на прекрасной лошади, безъ шляпы, съ ангельскимъ лицемъ ѣхалъ нашъ императоръ; подлѣ него сподвижникъ Суво-рова, цесаревичъ Константинъ Павловичъ; за ними оберъ-шталмейстеры и безчисленная свита. Государь кланялся на всѣ сторо-ны; волны народа покланялись ему; все это было сопровождаемо торжественною тишиною. Мы, зрители всѣ вмѣстѣ, кажется, съ каждымъ излишнимъ движеніемъ своимъ боялись потерять и одну драгоцѣнную минуту.

Императрица-мать изволила ѣхать въ богатой каретѣ подъ ко-роною. Восемь лошадей были заложены въ карету; каждую изъ нихъ держалъ конюшенный служитель. Подлѣ кареты былъ шталь-мейстеръ; на ремняхъ сидѣли четыре пажа, по сторонамъ шли восемь гайдуковъ, а тотчасъ за каретою слѣдовали шесть камеръ-пажей верхами.

Вторая торжественная карета—императрицы Елисаветы Алексѣ-евны. При ней сохраненъ описанный же церемоніалъ, безъ малѣй-шаго отличія отъ первой. „Вотъ наша благодѣтельница!“ сказалъ нѣкто изъ стоявшихъ подлѣ меня. „Благодѣтельница, благодѣтель-ница! Добрая государыня!“ повторяли другіе, и благодѣтельница была весела, какъ радость небесная. Эта радость сіяла на лицѣ ея! Признаюсь тебѣ въ моемъ неучтивствѣ: чтобы видѣть всю царскую фамилію, я никому не успѣваю кланяться, и одно мгно-веніе, употребляемое теперь на поклонъ, для меня чрезвычайно дорого!

Въ послѣдующихъ экипажахъ ѣхали великая княгиня, великія князья и великія княжны. Ихъ кареты заложены были цугами; у каретъ ихъ двора шталмейстеры, на ремняхъ по два пажа, за ка-ретами по два камеръ-пажа верхами, и по четыре гайдука у каж-дой.

„Благословенная фамилія нашихъ государей!“ думалъ я,—„вездѣ вижу и духъ и черты Великой Екатерины!“.. Ихъ поклоны, ихъ снисходительная привѣтливость къ своему народу и въ самой юно-сти ихъ принадлежитъ только русскимъ государямъ. Дѣти на-шихъ царей поселяютъ также въ мою душу что-то необыкновен-ное. Смотрю на нихъ, и восторгъ мой все непрерывенъ; хочу го-ворить много, много радостнаго, и могу только твердить: „Какія небесныя лица!“

За царскими каретами послѣдовала команда кавалергардовъ.

Желалъ бы теперь докончить тебѣ полное описаніе всего торже-ственнаго въѣзда въ Москву Александра; но отъ необыкновенно радостныхъ восторговъ мои силы мнѣ измѣнили: ни за что не мо-гу приняться! Теперь глухая полночь; но торжественный звонъ колокольный, громъ пушекъ и радостное могучее ура все еще от-даются въ моихъ ушахъ. Дай вздохнуть, и съ первою же почтою ты получишь отъ меня окончаніе начатаго мною и много другаго: ты увидишь картины дѣлъ добродѣтельныхъ, усердія, благодар-

нѣчто небесное, и отъ необыкновеннаго восторга волосы подня-лись на головѣ моей!

Весьма тихо на прекрасной лошади, безъ шляпы, съ ангельскимъ лицемъ ѣхалъ нашъ императоръ; подлѣ него сподвижникъ Суво-рова, цесаревичъ Константинъ Павловичъ; за ними оберъ-шталмейстеры и безчисленная свита. Государь кланялся на всѣ сторо-ны; волны народа покланялись ему; все это было сопровождаемо торжественною тишиною. Мы, зрители всѣ вмѣстѣ, кажется, съ каждымъ излишнимъ движеніемъ своимъ боялись потерять и одну драгоцѣнную минуту.

Императрица-мать изволила ѣхать въ богатой каретѣ подъ ко-роною. Восемь лошадей были заложены въ карету; каждую изъ нихъ держалъ конюшенный служитель. Подлѣ кареты былъ шталь-мейстеръ; на ремняхъ сидѣли четыре пажа, по сторонамъ шли восемь гайдуковъ, а тотчасъ за каретою слѣдовали шесть камеръ-пажей верхами.

Вторая торжественная карета—императрицы Елисаветы Алексѣ-евны. При ней сохраненъ описанный же церемоніалъ, безъ малѣй-шаго отличія отъ первой. „Вотъ наша благодѣтельница!“ сказалъ нѣкто изъ стоявшихъ подлѣ меня. „Благодѣтельница, благодѣтель-ница! Добрая государыня!“ повторяли другіе, и благодѣтельница была весела, какъ радость небесная. Эта радость сіяла на лицѣ ея! Признаюсь тебѣ въ моемъ неучтивствѣ: чтобы видѣть всю царскую фамилію, я никому не успѣваю кланяться, и одно мгно-веніе, употребляемое теперь на поклонъ, для меня чрезвычайно дорого!

Въ послѣдующихъ экипажахъ ѣхали великая княгиня, великія князья и великія княжны. Ихъ кареты заложены были цугами; у каретъ ихъ двора шталмейстеры, на ремняхъ по два пажа, за ка-ретами по два камеръ-пажа верхами, и по четыре гайдука у каж-дой.

„Благословенная фамилія нашихъ государей!“ думалъ я,—„вездѣ вижу и духъ и черты Великой Екатерины!“.. Ихъ поклоны, ихъ снисходительная привѣтливость къ своему народу и въ самой юно-сти ихъ принадлежитъ только русскимъ государямъ. Дѣти на-шихъ царей поселяютъ также въ мою душу что-то необыкновен-ное. Смотрю на нихъ, и восторгъ мой все непрерывенъ; хочу го-ворить много, много радостнаго, и могу только твердить: „Какія небесныя лица!“

За царскими каретами послѣдовала команда кавалергардовъ.

Желалъ бы теперь докончить тебѣ полное описаніе всего торже-ственнаго въѣзда въ Москву Александра; но отъ необыкновенно радостныхъ восторговъ мои силы мнѣ измѣнили: ни за что не мо-гу приняться! Теперь глухая полночь; но торжественный звонъ колокольный, громъ пушекъ и радостное могучее ура все еще от-даются въ моихъ ушахъ. Дай вздохнуть, и съ первою же почтою ты получишь отъ меня окончаніе начатаго мною и много другаго: ты увидишь картины дѣлъ добродѣтельныхъ, усердія, благодар-

ности, картины самыя трудныя для кисти обыкновенной. Твой всегда.

IV.

Прибытіе Государя Императора въ Слободскій дворецъ.

9-го Сентября.

Чего не досказалъ съ твоимъ посланнымъ, все допишу тебѣ съ нашимъ знакомцемъ К-л-мъ, который при отъѣздѣ своемъ весьма кстати случился у меня. Слушай или читай:

За командою кавалергардовъ слѣдовали придворные экипажи; въ нихъ сидѣли: оберъ-гофмейстерина, гофмейстерины, штатсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины.

За симъ слѣдовали: другая половина конной гвардіи, двѣнадцать почталіоновъ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ верхами, дорожные экипажи Его Императорскаго Величества и всей императорской фамиліи. Заключеніе сей торжественной церемоніи: шесть почталіоновъ верхами.

Рядъ экипажей частныхъ тянулся весьма долго. Императорская дорожная коляска, темнозеленая, внутри обитая такимъ же сафьяномъ, работы прочной, прочная петербургская. При ней былъ императорскій камердинеръ и еще чиновникъ.

У самой Тверской заставы государь былъ встрѣченъ нашимъ военнымъ губернаторомъ (фельдмаршаломъ графомъ Салтыковымъ) со всею свитою чиновниковъ. Государь весьма милостиво благодарилъ нашего почтеннаго старца.

Въ Земляномъ городѣ при Тріумфальныхъ воротахъ встрѣтило государя городовое правленіе, при Тверскихъ (въ Бѣломъ городѣ) губернскій предводитель (Н. И. Масловъ) и дворянство, при Воскресенскихъ московскій губернаторъ (Н. Я. Аршеневскій) съ чинами присутственныхъ мѣстъ. У сихъ же воротъ Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества изволили останавливаться для поклоненія образу Иверскія Богоматери. Пробравшись сюда окольными улицами, мы успѣли только видѣть государя, выходящаго изъ часовни, но за то императрицы и вся императорская фамилія, въ моихъ глазахъ, поклонялись святой иконѣ. Колѣнопреклоненіе ихъ, ихъ умилительное благоговѣніе, разсказываютъ бывшіе ближе къ нимъ, составляютъ одну изъ сценъ самыхъ трогательнѣйшихъ. Тѣ же близкіе люди говорятъ, что государь самъ изволилъ прочесть предъ св. ликомъ Богоматери поданную Ему краткую молитву.

При Никольскихъ воротахъ встрѣчалъ императора нашъ добрый, благородный комендантъ генералъ Гессе со всѣми состоявшими въ его командѣ штабъ и оберъ-офицерами; а у самаго Успенскаго собора, по совершеніи о многолѣтнемъ Его Императорскаго Величества здравіи благодарственнаго молебствія, встрѣтили государя

ности, картины самыя трудныя для кисти обыкновенной. Твой всегда.

IV.

Прибытіе Государя Императора въ Слободскій дворецъ.

9-го Сентября.

Чего не досказалъ съ твоимъ посланнымъ, все допишу тебѣ съ нашимъ знакомцемъ К-л-мъ, который при отъѣздѣ своемъ весьма кстати случился у меня. Слушай или читай:

За командою кавалергардовъ слѣдовали придворные экипажи; въ нихъ сидѣли: оберъ-гофмейстерина, гофмейстерины, штатсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины.

За симъ слѣдовали: другая половина конной гвардіи, двѣнадцать почталіоновъ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ верхами, дорожные экипажи Его Императорскаго Величества и всей императорской фамиліи. Заключеніе сей торжественной церемоніи: шесть почталіоновъ верхами.

Рядъ экипажей частныхъ тянулся весьма долго. Императорская дорожная коляска, темнозеленая, внутри обитая такимъ же сафьяномъ, работы прочной, прочная петербургская. При ней былъ императорскій камердинеръ и еще чиновникъ.

У самой Тверской заставы государь былъ встрѣченъ нашимъ военнымъ губернаторомъ (фельдмаршаломъ графомъ Салтыковымъ) со всею свитою чиновниковъ. Государь весьма милостиво благодарилъ нашего почтеннаго старца.

Въ Земляномъ городѣ при Тріумфальныхъ воротахъ встрѣтило государя городовое правленіе, при Тверскихъ (въ Бѣломъ городѣ) губернскій предводитель (Н. И. Масловъ) и дворянство, при Воскресенскихъ московскій губернаторъ (Н. Я. Аршеневскій) съ чинами присутственныхъ мѣстъ. У сихъ же воротъ Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества изволили останавливаться для поклоненія образу Иверскія Богоматери. Пробравшись сюда окольными улицами, мы успѣли только видѣть государя, выходящаго изъ часовни, но за то императрицы и вся императорская фамилія, въ моихъ глазахъ, поклонялись святой иконѣ. Колѣнопреклоненіе ихъ, ихъ умилительное благоговѣніе, разсказываютъ бывшіе ближе къ нимъ, составляютъ одну изъ сценъ самыхъ трогательнѣйшихъ. Тѣ же близкіе люди говорятъ, что государь самъ изволилъ прочесть предъ св. ликомъ Богоматери поданную Ему краткую молитву.

При Никольскихъ воротахъ встрѣчалъ императора нашъ добрый, благородный комендантъ генералъ Гессе со всѣми состоявшими въ его командѣ штабъ и оберъ-офицерами; а у самаго Успенскаго собора, по совершеніи о многолѣтнемъ Его Императорскаго Величества здравіи благодарственнаго молебствія, встрѣтили государя

со крестами и святою водою и предшествовали ему въ соборъ сунодъ и духовенство. Пѣвчіе въ сіе время пѣли тропарь изъ службы въ недѣлю Ваій. Многія знатныя особы ожидали императора также у главнаго храма.

По вступленіи Александра въ Успенскій соборъ и во все время, покуда онъ изволилъ прикладываться ко святымъ мощамъ въ другихъ двухъ соборахъ, Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ, восемьдесятъ-пять пушекъ сдѣлали залпы.

Совершивъ поклоненіе святынѣ, государь продолжалъ шествіе въ Слободской дворецъ описаннымъ выше порядкомъ.

При выходѣ изъ Китая у Никольскихъ воротъ встрѣтили государя: академіи ректоръ Владиміръ со студентами, у Мясницкихъ старшины цеховыхъ, стоявшіе съ ихъ значками, у Красныхъ купечество съ хлѣбомъ и солью. Нѣкоторыхъ изъ нихъ государь весьма благосклонно привѣтствовалъ. Замѣчу тебѣ именно московскихъ купцовъ: Андрея Кригера, Наума, Аѳанасья Сазонова, Илью Алексѣева и Шелагина.

По улицамъ, гдѣ происходило высочайшее шествіе, домы были убраны богатыми матеріями и коврами, а при церквахъ духовенство встрѣчало императора со святыми иконами и со крестами.

P. S. Вчерашній же день (8-го Сентября) государь императоръ изволилъ объявить свое удовольствіе всѣмъ войскамъ, городу и полиціи за устройство и порядокъ. Нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ строю, пожаловано по чаркѣ вина.

Мы ужинали у А., и шампанское, питое за здравіе монарха при радостныхъ восклицаніяхъ *ура*! у насъ сильно кипѣло въ бокалахъ и въ сердцахъ!

V.

Встрѣча въ Слободскомъ дворцѣ и благодарность гвардейцамъ.

9-го Сентября, вечеръ.

„Восторги пріятны; но безпрестанные восторги невозможны!“ Такъ ты замѣчаешь мнѣ; согласенъ, они будутъ *невыносимыми*; но по крайней мѣрѣ будь согласенъ въ томъ, что чувства души, преданность сердца должны быть и могутъ быть въ добромъ благородномъ отношеніи неизмѣнными: мы любимъ нашего государя больше всего на свѣтѣ, мы Русскіе! Впрочемъ, обращаясь къ однимъ только восторгамъ, неумѣстнымъ, безпрестаннымъ, конечно, ты все право будешь имѣть поставить меня на одну доску, какъ пишешь ты, съ тѣмъ ужаснымъ піитомъ, въ наше время четверостопнымъ Тредіаковскимъ, который, какъ ты же сказываешь, цѣлые четыре тома своихъ *бомбастическихъ* фоліантовъ мастеритъ только изъ однихъ восторговъ и знаковъ восклицаній: *ихъ тьма темъ тысячъ, они, какъ лѣсъ*! Скажи лучше безъ насмѣшки: усер-

со крестами и святою водою и предшествовали ему въ соборъ синодъ и духовенство. Пѣвчіе въ сіе время пѣли тропарь изъ службы въ недѣлю Ваій. Многія знатныя особы ожидали императора также у главнаго храма.

По вступленіи Александра въ Успенскій соборъ и во все время, покуда онъ изволилъ прикладываться ко святымъ мощамъ въ другихъ двухъ соборахъ, Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ, восемьдесятъ-пять пушекъ сдѣлали залпы.

Совершивъ поклоненіе святынѣ, государь продолжалъ шествіе въ Слободской дворецъ описаннымъ выше порядкомъ.

При выходѣ изъ Китая у Никольскихъ воротъ встрѣтили государя: академіи ректоръ Владиміръ со студентами, у Мясницкихъ старшины цеховыхъ, стоявшіе съ ихъ значками, у Красныхъ купечество съ хлѣбомъ и солью. Нѣкоторыхъ изъ нихъ государь весьма благосклонно привѣтствовалъ. Замѣчу тебѣ именно московскихъ купцовъ: Андрея Кригера, Наума, Аѳанасья Сазонова, Илью Алексѣева и Шелагина.

По улицамъ, гдѣ происходило высочайшее шествіе, домы были убраны богатыми матеріями и коврами, а при церквахъ духовенство встрѣчало императора со святыми иконами и со крестами.

P. S. Вчерашній же день (8-го Сентября) государь императоръ изволилъ объявить свое удовольствіе всѣмъ войскамъ, городу и полиціи за устройство и порядокъ. Нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ строю, пожаловано по чаркѣ вина.

Мы ужинали у А., и шампанское, питое за здравіе монарха при радостныхъ восклицаніяхъ *ура*! у насъ сильно кипѣло въ бокалахъ и въ сердцахъ!

V.

Встрѣча въ Слободскомъ дворцѣ и благодарность гвардейцамъ.

9-го Сентября, вечеръ.

„Восторги пріятны; но безпрестанные восторги невозможны!“ Такъ ты замѣчаешь мнѣ; согласенъ, они будутъ *невыносимыми*; но по крайней мѣрѣ будь согласенъ въ томъ, что чувства души, преданность сердца должны быть и могутъ быть въ добромъ благородномъ отношеніи неизмѣнными: мы любимъ нашего государя больше всего на свѣтѣ, мы Русскіе! Впрочемъ, обращаясь къ однимъ только восторгамъ, неумѣстнымъ, безпрестаннымъ, конечно, ты все право будешь имѣть поставить меня на одну доску, какъ пишешь ты, съ тѣмъ ужаснымъ піитомъ, въ наше время четверостопнымъ Тредіаковскимъ, который, какъ ты же сказываешь, цѣлые четыре тома своихъ *бомбастическихъ* фоліантовъ мастеритъ только изъ однихъ восторговъ и знаковъ восклицаній: *ихъ тьма темъ тысячъ, они, какъ лѣсъ*! Скажи лучше безъ насмѣшки: усер-

діе пінты неоспоримо похвально; но напредки ему, доколѣ онъ насъ не переморитъ всѣхъ, да неспослетъ самому ему небо свое царствіе! Такъ точно неумѣренные восторги и всѣ восклики пінтическіе гораздо еще хуже и такихъ стиховъ, каковы, напримѣръ:

„Я шелъ деревню *чрезъ*, къ тебѣ богиня, о!»

Но говоря о восторженныхъ, ты заключаешь: вдругъ, невидимо — и самъ себя чѣмъ нибудь ослабишь, развлечешь и потеряешься и пропадешь! Итакъ, приступимъ къ дѣлу, къ вѣстямъ драгоцѣннымъ!

При входѣ въ Слободской дворецъ Александръ былъ встрѣченъ священниками, ожидавшими его со крестомъ и святою водою, при сей же встрѣчѣ былъ и большой кортежъ придворныхъ. Верховный же маршалъ съ подначальными ему чиновниками поднесъ государю на вызолоченномъ богатомъ блюдѣ хлѣбъ и соль.

Здѣсь же у подъѣзда дворца, гдѣ и я случайно нахожусь, ожидали императора и всѣ особы, предшествовавшія ему въ торжественной церемоніи. Весьма милостиво государь изъявилъ имъ свою благодарность. Но вмѣстѣ съ его вступленіемъ на подъѣздъ дворца, пушки кремлевскія произвели сто-одинъ выстрѣлъ, и колокола церковные вмѣстѣ съ сими ударами торжественный звонъ свой; съ тѣмъ же слилось ура, и я никакъ не могъ разслушать драгоцѣнной привѣтливости императорской. Знаю только, что вскорѣ по моемъ возвращеніи домой, по городу носились разные слухи о великихъ милостяхъ царскихъ, и что императорская гвардія и самъ инспекторъ оной генералъ Николай Алексѣевичъ Татищевъ за соблюденіе порядка и дисциплину во время марша изъ С.-Петербурга въ Москву получили особенное благоволеніе императорское. Старецъ Татищевъ и всѣ гвардейцы веселы, какъ ясный день; со многими изъ нихъ я встрѣчался на великолѣпной нашей иллюминаціи, начавшейся съ сего же дня. Ужинаю посреди блеска же — на Тверской у фельдмаршала и возвращаюсь домой очень поздно.

VI.

Поздравленіе императора съ высочайшимъ его прибытіемъ въ Москву.

9-го Сентября, вечеръ.

Пишу сегодня же вслѣдъ за твоимъ нарочнымъ: я ѣздилъ съ однимъ изъ родственниковъ поздравлять императора съ благополучнымъ его прибытіемъ въ Москву. Представь себѣ, что начиная отъ нашей Новинской квартиры вплоть до дворца Слободскаго — я не умѣю и пересказать тебѣ, сколько проскакало каретъ и все по одному и тому же тракту, все къ Богомъ избранному отцу милліоновъ народа!

діе пінты неоспоримо похвально; но напредки ему, доколѣ онъ насъ не переморитъ всѣхъ, да неспослетъ самому ему небо свое царствіе! Такъ точно неумѣренные восторги и всѣ восклики пінтическіе гораздо еще хуже и такихъ стиховъ, каковы, напримѣръ:

„Я шелъ деревню *чрезъ*, къ тебѣ богиня, о!»

Но говоря о восторженныхъ, ты заключаешь: вдругъ, невидимо — и самъ себя чѣмъ нибудь ослабишь, развлечешь и потеряешься и пропадешь! Итакъ, приступимъ къ дѣлу, къ вѣстямъ драгоцѣннымъ!

При входѣ въ Слободской дворецъ Александръ былъ встрѣченъ священниками, ожидавшими его со крестомъ и святою водою, при сей же встрѣчѣ былъ и большой кортежъ придворныхъ. Верховный же маршалъ съ подначальными ему чиновниками поднесъ государю на вызолоченномъ богатомъ блюдѣ хлѣбъ и соль.

Здѣсь же у подъѣзда дворца, гдѣ и я случайно нахожусь, ожидали императора и всѣ особы, предшествовавшія ему въ торжественной церемоніи. Весьма милостиво государь изъявилъ имъ свою благодарность. Но вмѣстѣ съ его вступленіемъ на подъѣздъ дворца, пушки кремлевскія произвели сто-одинъ выстрѣлъ, и колокола церковные вмѣстѣ съ сими ударами торжественный звонъ свой; съ тѣмъ же слилось ура, и я никакъ не могъ разслушать драгоцѣнной привѣтливости императорской. Знаю только, что вскорѣ по моемъ возвращеніи домой, по городу носились разные слухи о великихъ милостяхъ царскихъ, и что императорская гвардія и самъ инспекторъ оной генералъ Николай Алексѣевичъ Татищевъ за соблюденіе порядка и дисциплину во время марша изъ С.-Петербурга въ Москву получили особенное благоволеніе императорское. Старецъ Татищевъ и всѣ гвардейцы веселы, какъ ясный день; со многими изъ нихъ я встрѣчался на великолѣпной нашей иллюминаціи, начавшейся съ сего же дня. Ужинаю посреди блеска же— на Тверской у фельдмаршала и возвращаюсь домой очень поздно.

VI.

Поздравленіе императора съ высочайшимъ его прибытіемъ въ Москву.

9-го Сентября, вечеръ.

Пишу сегодня же вслѣдъ за твоимъ нарочнымъ: я ѣздилъ съ однимъ изъ родственниковъ поздравлять императора съ благополучнымъ его прибытіемъ въ Москву. Представь себѣ, что начиная отъ нашей Новинской квартиры вплоть до дворца Слободскаго—я не умѣю и пересказать тебѣ, сколько проскакало каретъ и все по одному и тому же тракту, все къ Богомъ избранному отцу милліоновъ народа!

На Кузнецкомъ мосту тѣснота отъ другихъ каретъ, прибывшихъ туда съ домашними избытками нашихъ хозяекъ и теперь смѣшавшимися съ нашими каретами, отправляющимися на великое дѣло признательности къ царю, была ужасна, и отъ того, признаюсь тебѣ, я боялся опоздать временемъ видѣть мое любимое—выходъ къ намъ императора. Но куда уйдешь отъ женщинъ: онѣ намъ почти всегда мѣшаютъ!

На большой Слободской улицѣ, ближайшей ко дворцу, карета наша остановилась въ ряду, и мы уже принуждены были, не доѣзжая до оного, выйдти. Въ противномъ бы случаѣ, за безпорядкомъ поспѣшавшихъ, мы никакъ не увидѣли бы перваго выхода государева.

Въ большой, огромной залѣ дворцовой уже собрано было много знатнѣйшаго духовенства и свѣтскихъ особъ обоего пола, имѣющихъ въѣздъ ко двору, какъ было сказано. Весьма любопытны были на многихъ нашихъ старцахъ мундиры: на одномъ престарѣломъ маіорѣ Беклемишевѣ я видѣлъ мундиръ временъ императрицы Елисаветы, на другихъ двухъ или трехъ штабъ и оберъ-офицерахъ были мундиры Петра III. Генералъ князь С. Н. Трубецкой, бригадиръ князь Н. А. Волконской имѣли парадные Екатерины II мундиры: старина, заслуживающая особенное вниманіе усердствующаго отечественными наблюденіями. Мундиръ маіора Беклемишева свѣтлозеленый, съ краснымъ низкимъ воротникомъ, съ красными обшлагами и съ краснымъ же стамеднымъ подбоемъ, самыя мелкія дутыя пуговицы, бстфорты, наколѣнники, кривые въ верхъ торчащіе шпоры, шпага въ родѣ тесака съ золотымъ темлякомъ, тесменные золотые эполеты (весьма узенькіе), трехугольная узенькая шляпа съ острымъ носкомъ и бѣлою большою кокардою, камзолъ и нижнее платье красные. Это истинный памятникъ старинныхъ курфирстамъ прусскимъ. Мало разнились отъ сего мундиры императора Петра III — развѣ тѣмъ только, что воротники ихъ еще ниже, и они всѣ гораздо прямополѣе перваго.

Залы, отъ часу наполнялись тѣснѣе и тѣснѣе, и вотъ вдругъ отворились двери къ общему ожиданію; между нами явился Александръ!

Настала тишина необыкновенная, и я самъ весьма явственно слышалъ слова императорскія: „Слишкомъ много цѣню ко мнѣ усердіе ваше и благодарю...“ На глазахъ государя были слезы: Онъ былъ тронутъ глубоко! И я также плачу отъ радости! Прощай!

На Кузнецкомъ мосту тѣснота отъ другихъ каретъ, прибывшихъ туда съ домашними избытками нашихъ хозяекъ и теперь смѣшавшимися съ нашими каретами, отправляющимися на великое дѣло признательности къ царю, была ужасна, и отъ того, признаюсь тебѣ, я боялся опоздать временемъ видѣть мое любимое—выходъ къ намъ императора. Но куда уйдешь отъ женщинъ: онѣ намъ почти всегда мѣшаютъ!

На большой Слободской улицѣ, ближайшей ко дворцу, карета наша остановилась въ ряду, и мы уже принуждены были, не доѣзжая до оного, выйдти. Въ противномъ бы случаѣ, за безпорядкомъ поспѣшавшихъ, мы никакъ не увидѣли бы перваго выхода государева.

Въ большой, огромной залѣ дворцовой уже собрано было много знатнѣйшаго духовенства и свѣтскихъ особъ обоего пола, имѣющихъ въѣздъ ко двору, какъ было сказано. Весьма любопытны были на многихъ нашихъ старцахъ мундиры: на одномъ престарѣломъ маіорѣ Беклемишевѣ я видѣлъ мундиръ временъ императрицы Елисаветы, на другихъ двухъ или трехъ штабъ и оберъ-офицерахъ были мундиры Петра III. Генералъ князь С. Н. Трубецкой, бригадиръ князь Н. А. Волконской имѣли парадные Екатерины II мундиры: старина, заслуживающая особенное вниманіе усердствующаго отечественными наблюденіями. Мундиръ маіора Беклемишева свѣтлозеленый, съ краснымъ низкимъ воротникомъ, съ красными обшлагами и съ краснымъ же стамеднымъ подбоемъ, самыя мелкія дутыя пуговицы, ботфорты, наколѣнники, кривые въ верхъ торчащіе шпоры, шпага въ родѣ тесака съ золотымъ темлякомъ, тесменные золотые эполеты (весьма узенькіе), трехугольная узенькая шляпа съ острымъ носкомъ и бѣлою большою кокардою, камзолъ и нижнее платье красные. Это истинный памятникъ старинныхъ курфирстамъ прусскимъ. Мало разнились отъ сего мундиры императора Петра III — развѣ тѣмъ только, что воротники ихъ еще ниже, и они всѣ гораздо прямополѣе перваго.

Залы, отъ часу наполнялись тѣснѣе и тѣснѣе, и вотъ вдругъ отворились двери къ общему ожиданію; между нами явился Александръ!

Настала тишина необыкновенная, и я самъ весьма явственно слышалъ слова императорскія: „Слишкомъ много цѣню ко мнѣ усердіе ваше и благодарю...“ На глазахъ государя были слезы: Онъ былъ тронутъ глубоко! И я также плачу отъ радости! Прощай!

VII.

Примѣры революцій просителямъ; стихотворенія Александру; объявленіе о высочайшемъ коронованіи; герольды.

Полдень 14-го Сентября.

Всякій Божій день только и слышишь о милостяхъ, изливаемыхъ государемъ: сегодня, вчера, въ самую сію минуту и безпрестанно разсказываютъ намъ о высокихъ и человѣколюбивыхъ подвигахъ императора. Нѣтъ просителя (а просители, по обыкновенію, безчисленны), который остался бы не удовлетвореннымъ, или которому бы не было сказано, что онъ виноватъ въ своей просьбѣ неосновательной или почему либо недостаточной.

Вотъ тебѣ нѣсколько примѣровъ: нѣкто баронъ Ибнъ, надворный совѣтникъ, давно жившій въ отставкѣ, просилъ государя только о томъ, чтобъ ему служить хотя гдѣ-нибудь подъ кроткимъ скипетромъ его правленія. „Будетъ вакансія, чину и способности его соотвѣтственная—опредѣлить,“ отвѣтилъ императоръ, и баронъ, сидящій теперь противъ меня, выросъ почти цѣлою головою выше.—Другой проситель, Великолуцкій уѣздный казначей регистраторъ Семенъ Развозовъ, съ которымъ я видѣлся не болѣе получаса назадъ, объяснилъ государю, что онъ въ теченіе своей безпорочной тридцати-осьмилѣтней службы, бывъ неоднократно въ сраженіяхъ, получивъ тяжкія раны, отставленъ только прапорщикомъ и потомъ по вступленіи въ статскую службу переименованъ въ коллежскіе регистраторы. Имѣлъ въ отвѣтъ отъ государя чинъ титулярнаго совѣтника.—Другой: ассессоръ Кондратъ Лохвицкій, доносившій предварительно еще въ 1797 году объ открывшейся въ Подольской губерніи заразительной болѣзни, по какому доносу приняты были всѣ нужныя мѣры, пожалованъ императоромъ, въ сравненіе съ сверстниками, надворнымъ совѣтникомъ.—Отставной маіоръ Николай Хрущовъ, представившій въ 1799 году проектъ о надбавкѣ на чугунъ подати, награжденъ 3.000 рублями.—Знакомый тебѣ Лифляндецъ Пезаровіусъ получилъ дозволеніе напечатать посвященную государю свою музыку. Я здѣсь тебѣ говорилъ только два или три примѣра милостей царскихъ къ людямъ, тебѣ извѣстнымъ; но на описаніе всего милосердія Александрова потребны цѣлыя стопы бумаги, и всякое мое письмо къ тебѣ должно будетъ обратиться въ огромную посылку!

12-го числа государь императоръ посѣщалъ военный госпиталь и былъ весьма доволенъ совершеннымъ порядкомъ въ оном. Начальствующій надъ госпиталемъ генералъ-лейтенантъ Хомутовъ *) и всѣ чиновники, принадлежащіе къ тому же вѣдомству, получили высокомонаршее благоволеніе.

---

*) Григорій Аѳлодоновичъ, послѣ сенаторъ.

VII.

Примѣры революцій просителямъ; стихотворенія Александру; объявленіе о высочайшемъ коронованіи; герольды.

Полдень 14-го Сентября.

Всякій Божій день только и слышишь о милостяхъ, изливаемыхъ государемъ: сегодня, вчера, въ самую сію минуту и безпрестанно разсказываютъ намъ о высокихъ и человѣколюбивыхъ подвигахъ императора. Нѣтъ просителя (а просители, по обыкновенію, безчисленны), который остался бы не удовлетвореннымъ, или которому бы не было сказано, что онъ виноватъ въ своей просьбѣ неосновательной или почему либо недостаточной.

Вотъ тебѣ нѣсколько примѣровъ: нѣкто баронъ Ибнъ, надворный совѣтникъ, давно жившій въ отставкѣ, просилъ государя только о томъ, чтобъ ему служить хотя гдѣ-нибудь подъ кроткимъ скипетромъ его правленія. „Будетъ вакансія, чину и способности его соотвѣтственная—опредѣлить," отвѣтилъ императоръ, и баронъ, сидящій теперь противъ меня, выросъ почти цѣлою головою выше.—Другой проситель, Великолуцкій уѣздный казначей регистраторъ Семенъ Развозовъ, съ которымъ я видѣлся не болѣе получаса назадъ, объяснилъ государю, что онъ въ теченіе своей безпорочной тридцати-осьмилѣтней службы, бывъ неоднократно въ сраженіяхъ, получивъ тяжкія раны, отставленъ только прапорщикомъ и потомъ по вступленіи въ статскую службу переименованъ въ коллежскіе регистраторы. Имѣлъ въ отвѣтъ отъ государя чинъ титулярнаго совѣтника.—Другой: ассессоръ Кондратъ Лохвицкій, доносившій предварительно еще въ 1797 году объ открывшейся въ Подольской губерніи заразительной болѣзни, по какому доносу приняты были всѣ нужныя мѣры, пожалованъ императоромъ, въ сравненіе съ сверстниками, надворнымъ совѣтникомъ.—Отставной маіоръ Николай Хрущовъ, представившій въ 1799 году проектъ о надбавкѣ на чугунъ подати, награжденъ 3.000 рублями.—Знакомый тебѣ Лифляндецъ Пезаровіусъ получилъ дозволеніе напечатать посвященную государю свою музыку. Я здѣсь тебѣ говорилъ только два или три примѣра милостей царскихъ къ людямъ, тебѣ извѣстнымъ; но на описаніе всего милосердія Александрова потребны цѣлыя стопы бумаги, и всякое мое письмо къ тебѣ должно будетъ обратиться въ огромную посылку!

12-го числа государь императоръ посѣщалъ военный госпиталь и былъ весьма доволенъ совершеннымъ порядкомъ въ оном. Начальствующій надъ госпиталемъ генералъ-лейтенантъ Хомутовъ *) и всѣ чиновники, принадлежащіе къ тому же вѣдомству, получили высокомонаршее благоволеніе.

---

*) Григорій Аѳлодоновичъ, послѣ сенаторъ.

Наши московскія музы также не безъ дѣла: поздравительныхъ стиховъ поднесено уже императору множество. Кромѣ извѣстныхъ нашихъ писателей Державина, Хераскова, Карамзина и другихъ, посвятившихъ свои стихотворенія государю, въ томъ же спискѣ посвятителей вы находите имена: Шатрова, Семена Родзянки, княжны Шаликовой, Павла Приклонскаго, Николая Селявина, Лихарева и проч. и проч., и все принято императоромъ великодушно и милостиво, и всѣ достойно награждены. Впрочемъ, о музахъ усердствовавшихъ Александру и обо всѣхъ ихъ пѣсняхъ, я буду писать тебѣ особенно.

Но теперь, кстати о стихотворцахъ, замѣтилъ ли ты надпись къ портрету Александрову, сочиненную Севергинымъ и напечатанную въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“? Она очень удачна, если и знаешь, то повтори ее; читай:

Въ поляхъ увидясь Елисейскихъ
Съ Екатериной Аппелесъ,—
„Богиня!“ ей онъ произнесъ,—
„Среди тщеты, суетъ житейскихъ,
„Хочу изобразить я рай?“
„Пиши!“ богиня отвѣчаетъ.
Вдругъ Александровъ ликъ сіяетъ,
И съ нимъ блаженный Россовъ край.

По городу уже начали читать извѣстіе о коронаціи; кортежъ сихъ счастливыхъ извѣстителей составленъ изъ одного военнаго генерала, двухъ оберъ-церемоніймейстеровъ, двухъ герольдмейстеровъ, четырехъ церемоніймейстеровъ и двухъ сенатскихъ секретарей при двухъ эскадронахъ конной гвардіи. Въ числѣ церемоніймейстеровъ я замѣтилъ однажды и богатаго князя Радзивилла. Вотъ тебѣ и вѣрная копія съ объявленія сказанныхъ герольдовъ:

„Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, Великій Государь нашъ Императоръ Александръ Павловичъ, восшедъ на прародительскій, наслѣдственный, Всероссійскій престолъ, воспріемлетъ по образу благочестивыхъ Государей предковъ Его на Себя корону и муромъ святымъ отъ невидимой десницы Вышняго помазуется сего Сентября въ пятыйнадесять день, пріобщая къ сему священному дѣйствію и супругу Его Великую Государыню Императрицу Елисавету Алексѣевну. О семъ торжественномъ происшествіи всѣмъ вѣрноподданнымъ чрезъ сіе извѣщается, дабы въ вожделѣнный оный день усугубили мольбы свои къ Царю царствующихъ, да всевозможною Его благостію пріосѣнитъ царство Его Величества и да утвердитъ въ немъ миръ и тишину во славу свою святую и къ непоколебимому блаженству имперіи“.

По утру 14-го числа (сего дня) мы видѣли двухъ церемоніймейстеровъ, посланныхъ съ симъ объявленіемъ ко всѣмъ чужестраннымъ министрамъ, здѣсь теперь пребывающимъ. Придворные ихъ экипажи весьма богаты и разъѣзжали по Москвѣ, согласно съ установленнымъ порядкомъ, весьма тихо, съ ноги за ногу.

Наши московскія музы также не безъ дѣла: поздравительныхъ стиховъ поднесено уже императору множество. Кромѣ извѣстныхъ нашихъ писателей Державина, Хераскова, Карамзина и другихъ, посвятившихъ свои стихотворенія государю, въ томъ же спискѣ посвятителей вы находите имена: Шатрова, Семена Родзянки, княжны Шаликовой, Павла Приклонскаго, Николая Селявина, Лихарева и проч. и проч., и все принято императоромъ великодушно и милостиво, и всѣ достойно награждены. Впрочемъ, о музахъ усердствовавшихъ Александру и обо всѣхъ ихъ пѣсняхъ, я буду писать тебѣ особенно.

Но теперь, кстати о стихотворцахъ, замѣтилъ ли ты надпись къ портрету Александрову, сочиненную Севергинымъ и напечатанную въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“? Она очень удачна, если и знаешь, то повтори ее; читай:

Въ поляхъ увидясь Елисейскихъ
Съ Екатериной Аппелесъ,—
„Богиня!“ ей онъ произнесъ,—
„Среди тщеты, суетъ житейскихъ,
„Хочу изобразить я рай?“
„Пиши!“ богиня отвѣчаетъ.
Вдругъ Александровъ ликъ сіяетъ,
И съ нимъ блаженный Россовъ край.

По городу уже начали читать извѣстіе о коронаціи; кортежъ сихъ счастливыхъ извѣстителей составленъ изъ одного военнаго генерала, двухъ оберъ-церемоніймейстеровъ, двухъ герольдмейстеровъ, четырехъ церемоніймейстеровъ и двухъ сенатскихъ секретарей при двухъ эскадронахъ конной гвардіи. Въ числѣ церемоніймейстеровъ я замѣтилъ однажды и богатаго князя Радзивилла. Вотъ тебѣ и вѣрная копія съ объявленія сказанныхъ герольдовъ:

„Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, Великій Государь нашъ Императоръ Александръ Павловичъ, восшедъ на прародительскій, наслѣдственный, Всероссійскій престолъ, воспріемлетъ по образу благочестивыхъ Государей предковъ Его на Себя корону и муромъ святымъ отъ невидимой десницы Вышняго помазуется сего Сентября въ пятыйнадесять день, пріобщая къ сему священному дѣйствію и супругу Его Великую Государыню Императрицу Елисавету Алексѣевну. О семъ торжественномъ происшествіи всѣмъ вѣрноподданнымъ чрезъ сіе извѣщается, дабы въ вожделѣнный оный день усугубили мольбы свои къ Царю царствующихъ, да всевозможною Его благостію пріосѣнитъ царство Его Величества и да утвердитъ въ немъ миръ и тишину во славу свою святую и къ непоколебимому блаженству имперіи“.

По утру 14-го числа (сего дня) мы видѣли двухъ церемоніймейстеровъ, посланныхъ съ симъ объявленіемъ ко всѣмъ чужестраннымъ министрамъ, здѣсь теперь пребывающимъ. Придворные ихъ экипажи весьма богаты и разъѣзжали по Москвѣ, согласно съ установленнымъ порядкомъ, весьма тихо, съ ноги за ногу.

Прощай! Завтра для всей Россіи самый великій день. Еще сегодня съ вечера, я подъ кровомъ моего дѣдушки Кожина *), имѣю мѣстечко видѣть то, что не всякій увидитъ. Прощай еще разъ.

VIII.

Всеночная у Спаса за Золотою Рѣшеткою.

Ночь 14-го Сентября.

Пишу въ Кремлѣ, карандашемъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ все переписать для тебя чернилами. Это прибавка къ предъидущему моему письму, посланному къ тебѣ же давеча въ полдень.

Знай, что нынче при переѣздѣ государя императора изъ Слободскаго въ Кремлевскій дворецъ здѣсь встрѣтили его знатнѣйшее духовенство со крестомъ и святою водою.

Во всѣхъ московскихъ церквахъ (ровно въ одно время) отправлялась божественная служба о благоденствіи Александровомъ. Въ вечеру ударили ко всеночной. Самъ императоръ и вся его императорская фамилія изволили слушать оную у Спаса за Золотою Рѣшеткою, причемъ прочтено предъ государемъ и надлежащее правило о коронованіи. Я не нашелъ никакой возможности быть въ церкви. Къ тому же, присоединяя желаніе мое получить какое-нибудь удобное мѣсто собственно для зрѣнія коронаціи, я хлопоталъ только вокругъ дѣдушки Кожина, человѣка необыкновенно честнаго, правдиваго, какъ и ты знаешь, но подчасъ до того неприступнаго, что я легко, легко могъ жертвовать тщетѣ всѣми моими ожиданіями. Впрочемъ его помощь, какъ ты увидишь, до сей поры на меня изливается необыкновеннымъ благомъ: „Онъ хочетъ все видѣть не даромъ, не изъ суеты *дворянской*!“ говоритъ онъ про меня,— „и увидишь!“ „И увижу“, повторяю я за нимъ, и увижу зрѣлище несравненное, буду счастливѣе многихъ мнѣ подобныхъ людей безвѣстныхъ. Я увижу чинъ таинства важнаго, картину, оригиналъ которой не всякому и живописцу достается на счастливую долю—копировать его! Vale.

P. S. Vivat дѣдушка Кожинъ!

IX.

Первые часы утра 15-го Сентября.

Отправлено 16-го Сентября.

Дѣдушка Кожинъ помѣстилъ меня въ число прислужниковъ, принадлежащихъ къ собору, и я ночевалъ въ немъ—не спавши; ибо

*) Тайный совѣтникъ Петръ Никитичъ, главноуправлявшій Мастерскою Оружейною Палатою. Онъ скончался въ 1805 году.

Прощай! Завтра для всей Россіи самый великій день. Еще сегодня съ вечера, я подъ кровомъ моего дѣдушки Кожина *), имѣю мѣстечко видѣть то, что не всякій увидитъ. Прощай еще разъ.

VIII.

Всеночная у Спаса за Золотою Рѣшеткою.

Ночь 14-го Сентября.

Пишу въ Кремлѣ, карандашемъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ все переписать для тебя чернилами. Это прибавка къ предъидущему моему письму, посланному къ тебѣ же давеча въ полдень.

Знай, что нынче при переѣздѣ государя императора изъ Слободскаго въ Кремлевскій дворецъ здѣсь встрѣтили его знатнѣйшее духовенство со крестомъ и святою водою.

Во всѣхъ московскихъ церквахъ (ровно въ одно время) отправлялась божественная служба о благоденствіи Александровомъ. Въ вечеру ударили ко всеночной. Самъ императоръ и вся его императорская фамилія изволили слушать оную у Спаса за Золотою Рѣшеткою, причемъ прочтено предъ государемъ и надлежащее правило о коронованіи. Я не нашелъ никакой возможности быть въ церкви. Къ тому же, присоединяя желаніе мое получить какое-нибудь удобное мѣсто собственно для зрѣнія коронаціи, я хлопоталъ только вокругъ дѣдушки Кожина, человѣка необыкновенно честнаго, правдиваго, какъ и ты знаешь, но подчасъ до того неприступнаго, что я легко, легко могъ жертвовать тщетѣ всѣми моими ожиданіями. Впрочемъ его помощь, какъ ты увидишь, до сей поры на меня изливается необыкновеннымъ благомъ: „Онъ хочетъ все видѣть не даромъ, не изъ суеты *дворянской*!“ говоритъ онъ про меня,— „и увидишь!“ „И увижу“, повторяю я за нимъ, и увижу зрѣлище несравненное, буду счастливѣе многихъ мнѣ подобныхъ людей безвѣстныхъ. Я увижу чинъ таинства важнаго, картину, оригиналъ которой не всякому и живописцу достается на счастливую долю—копировать его! Vale.

P. S. Vivat дѣдушка Кожинъ!

IX.

Первые часы утра 15-го Сентября.

Отправлено 16-го Сентября.

Дѣдушка Кожинъ помѣстилъ меня въ число прислужниковъ, принадлежащихъ къ собору, и я ночевалъ въ немъ—не спавши; ибо

*) Тайный совѣтникъ Петръ Никитичъ, главноуправлявшій Мастерскою Оружейною Палатою. Онъ скончался въ 1805 году.

до всю ночь и ожиданія, и суеты готовящихся къ лучшему устройству дѣла великаго, да и самое то мѣсто, въ которомъ былъ и оставленъ, заставили меня позабыть всѣ сны въ свѣтѣ!

Разсвѣло, и по сигналу двадцати одной пушки мгновенно устроилось все войско. Во всемъ Кремлѣ еще съ самой ночи народъ кипѣлъ тысячами; теперь съѣзжались должностные въ назначенныя имъ мѣста; а черезъ нѣсколько минутъ и знатное обоего пола дворянство и чужестранные министры начали собираться въ соборную церковь по билетамъ; они занимали мѣста, собственно для нихъ устроенныя. Изъ нашихъ первыми пріѣхали: графъ Разумовскій (дѣйствительный тайный совѣтникъ) и Гурьевъ (тайный совѣтникъ), а изъ иностранцевъ аббатъ Беневенти, чрезвычайный посланникъ Пія VII, и графъ Зауеръ, Римско-Императорскаго двора посолъ. Я досмотрѣлъ на нихъ съ особеннымъ любопытствомъ. Аббатъ, вступивши во храмъ, обратилъ глаза къ алтарю, и кажется, совершалъ какую-то молитву: онъ воздѣлъ руки свои и нѣсколько минутъ оставался въ благоговѣйномъ молчаніи; напротивъ того, Зауеръ любопытствовалъ безпрестанно и относился, какъ я полагалъ, къ одному изъ чиновниковъ своей свиты. Соборъ часъ отъ часу наполнялся знатными зрителями и должностными.

Одному всего обнять взоромъ невозможно, и потому описываю тебѣ смѣсью и видѣнное мною самимъ, и взятое мною изъ церемоніала. Читай, наслаждайся и завидуй намъ, свидѣтелямъ священныхъ клятвъ Александровыхъ за свой народъ, за свое государство, за свое сердце.

Въ началѣ шестаго часа утра ассистенты тѣхъ чиновниковъ, которые, при шествіи въ соборъ, должны будутъ нести регаліи, перенесли оныя въ аудіенцъ-камеру. Въ числѣ сихъ ассистентовъ мнѣ показались академикъ Палласъ и ученый Пильнинской коллегіи ландратъ Офенбергъ. Но это легко можетъ быть ошибкою; отъ необыкновеннаго я еще весь какъ въ туманѣ!

Вѣрнѣе читай, вотъ что гласитъ церемоніалъ: „Прежде шли два церемоніймейстера, съ ихъ жезлами, потомъ оберъ-церемоніймейстеры съ своими жезлами, за ними: лица, къ несенію регалій назначенныя, верховный церемоніймейстеръ, верховный маршалъ, два герольдмейстера, въ ихъ герольдмейстерскихъ уборахъ“.

Регаліи несли на подушкахъ; всѣ онѣ, еще до прибытія государя императора, положены были на столѣ, поставленномъ подъ балдахиномъ на тронѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Цѣпь ордена св. Андрея, панїръ, государственная печать, государственный мечь, мантія для Ея Императорскаго Величества, принесенная на двухъ подушкахъ, равно также и мантія для Его Императорскаго Величества, принесенная на двухъ же подушкахъ, скипетръ, держава, корона императорская меньшая, корона императорская большая. Всѣ сіи регаліи до самой аудіенцъ-камеры препровождали два кавалергардскіе офицера и двадцать-четыре рядовыхъ кавалергарда, съ ихъ карабинами.

На Красномъ крыльцѣ балдахинъ держали тридцать-два штабъ-

до всю ночь и ожиданія, и суеты готовящихся къ лучшему устройству дѣла великаго, да и самое то мѣсто, въ которомъ былъ и оставленъ, заставили меня позабыть всѣ сны въ свѣтѣ!

Разсвѣло, и по сигналу двадцати одной пушки мгновенно устроилось все войско. Во всемъ Кремлѣ еще съ самой ночи народъ кипѣлъ тысячами; теперь съѣзжались должностные въ назначенныя имъ мѣста; а черезъ нѣсколько минутъ и знатное обоего пола дворянство и чужестранные министры начали собираться въ соборную церковь по билетамъ; они занимали мѣста, собственно для нихъ устроенныя. Изъ нашихъ первыми пріѣхали: графъ Разумовскій (дѣйствительный тайный совѣтникъ) и Гурьевъ (тайный совѣтникъ), а изъ иностранцевъ аббатъ Беневенти, чрезвычайный посланникъ Пія VII, и графъ Зауеръ, Римско-Императорскаго двора посолъ. Я досмотрѣлъ на нихъ съ особеннымъ любопытствомъ. Аббатъ, вступивши во храмъ, обратилъ глаза къ алтарю, и кажется, совершалъ какую-то молитву: онъ воздѣлъ руки свои и нѣсколько минутъ оставался въ благоговѣйномъ молчаніи; напротивъ того, Зауеръ любопытствовалъ безпрестанно и относился, какъ я полагалъ, къ одному изъ чиновниковъ своей свиты. Соборъ часъ отъ часу наполнялся знатными зрителями и должностными.

Одному всего обнять взоромъ невозможно, и потому описываю тебѣ смѣсью и видѣнное мною самимъ, и взятое мною изъ церемоніала. Читай, наслаждайся и завидуй намъ, свидѣтелямъ священныхъ клятвъ Александровыхъ за свой народъ, за свое государство, за свое сердце.

Въ началѣ шестаго часа утра ассистенты тѣхъ чиновниковъ, которые, при шествіи въ соборъ, должны будутъ нести регаліи, перенесли оныя въ аудіенцъ-камеру. Въ числѣ сихъ ассистентовъ мнѣ показались академикъ Палласъ и ученый Пильнинской коллегіи ландратъ Офенбергъ. Но это легко можетъ быть ошибкою; отъ необыкновеннаго я еще весь какъ въ туманѣ!

Вѣрнѣе читай, вотъ что гласитъ церемоніалъ: „Прежде шли два церемоніймейстера, съ ихъ жезлами, потомъ оберъ-церемоніймейстеры съ своими жезлами, за ними: лица, къ несенію регалій назначенныя, верховный церемоніймейстеръ, верховный маршалъ, два герольдмейстера, въ ихъ герольдмейстерскихъ уборахъ“.

Регаліи несли на подушкахъ; всѣ онѣ, еще до прибытія государя императора, положены были на столѣ, поставленномъ подъ балдахиномъ на тронѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Цѣпь ордена св. Андрея, панiръ, государственная печать, государственный мечь, мантія для Ея Императорскаго Величества, принесенная на двухъ подушкахъ, равно также и мантія для Его Императорскаго Величества, принесенная на двухъ же подушкахъ, скипетръ, держава, корона императорская меньшая, корона императорская большая. Всѣ сіи регаліи до самой аудіенцъ-камеры препровождали два кавалергардскіе офицера и двадцать-четыре рядовыхъ кавалергарда, съ ихъ карабинами.

На Красномъ крыльцѣ балдахинъ держали тридцать-два штабъ-

офицера, изъ коихъ было девять полковниковъ, двѣнадцать подполковниковъ и одинадцать штатныхъ чиновниковъ и маіоровъ.

Въ то же самое время въ соборѣ отправляли молебствіе о здравіи Его Императорскаго Величества, и по прочтеніи обыкновенныхъ часовъ все духовенство уже въ полномъ облаченіи ожидало государя.

Кромѣ митрополита и нашего Московскаго викарнаго епископа Серафима, Новогородскаго митрополита Амвросія, я видѣлъ, между прочими Рязанскаго и Зарайскаго архіепископа Сумона, старца достопочтеннаго, и ректора Троице-Сергіевой лавры архимандрита Августина *); Сумонъ извѣстенъ мнѣ, какъ монахъ набожный, истинно простосердечный и какъ пламенный любитель нашей отечественной исторіи, а предпочтительно, по весьма полезнымъ изысканіямъ малоизвѣстной и любопытной исторіи своей Рязанской епархіи. При томъ, этотъ же Сумонъ уважителенъ еще болѣе и потому, что самъ нашъ Платонъ признаетъ въ немъ одного изъ первыхъ своихъ учителей; Троицкій же ректоръ Августинъ, говоритъ свои поученія языкомъ новымъ, очищеннымъ, и его теперь должно назвать лучшимъ риторомъ въ краснорѣчіи духовныхъ.

Начинаютъ говорить, что государь императоръ и государыня императрица изволили отправиться изъ внутреннихъ покоевъ въ аудіенцъ-камеру, и тогда же вдовствующая государыня-императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами: великою княгинею и великими княжнами прибыла въ соборъ. Онѣ всѣ остановились на предуготовленныхъ для нихъ мѣстахъ и нѣсколько минутъ съ трогательнымъ усердіемъ молились. Какіе ангелы!

На императрицѣ-матери была корона и мантія; шлейфъ оной несли шесть каммергеровъ, а конецъ сего шлейфа одинъ изъ высшихъ придворныхъ чиновъ. За императрицею же матерью прибыла и свита придворныхъ, къ услугамъ царскимъ принадлежащая.

X.

Церемоніалъ.

Отправлено 16-го Сентября, вечеромъ.

Предъ начатіемъ шествія Его Императорскаго Величества протопопъ Успенскаго собора со крестомъ и при немъ два діакона, несшіе на золотомъ блюдѣ чашу со святою водою, окропляли путь, предназначенный государямъ коронующимся.

Между тѣмъ (какъ намъ было извѣстно) Ихъ Императорскія Величества, по прибытіи въ аудіенцъ-камеру, изволили сѣсть подъ балдахиномъ въ кресла, ударилъ залпъ пушекъ, заиграли литавры и трубы, и шествіе изъ дворца къ намъ въ соборъ началось въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

---

*) Въ послѣдствіи архіепископъ Московскій.

офицера, изъ коихъ было девять полковниковъ, двѣнадцать подполковниковъ и одинадцать штатныхъ чиновниковъ и маіоровъ.

Въ то же самое время въ соборѣ отправляли молебствіе о здравіи Его Императорскаго Величества, и по прочтеніи обыкновенныхъ часовъ все духовенство уже въ полномъ облаченіи ожидало государя.

Кромѣ митрополита и нашего Московскаго викарнаго епископа Серафима, Новогородскаго митрополита Амвросія, я видѣлъ, между прочими Рязанскаго и Зарайскаго архіепископа Сумона, старца достопочтеннаго, и ректора Троице-Сергіевой лавры архимандрита Августина *); Сумонъ извѣстенъ мнѣ, какъ монахъ набожный, истинно простосердечный и какъ пламенный любитель нашей отечественной исторіи, а предпочтительно, по весьма полезнымъ изысканіямъ малоизвѣстной и любопытной исторіи своей Рязанской епархіи. При томъ, этотъ же Сумонъ уважителенъ еще болѣе и потому, что самъ нашъ Платонъ признаетъ въ немъ одного изъ первыхъ своихъ учителей; Троицкій же ректоръ Августинъ, говоритъ свои поученія языкомъ новымъ, очищеннымъ, и его теперь должно назвать лучшимъ риторомъ въ краснорѣчіи духовныхъ.

Начинаютъ говорить, что государь императоръ и государыня императрица изволили отправиться изъ внутреннихъ покоевъ въ аудіенцъ-камеру, и тогда же вдовствующая государыня-императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами: великою княгинею и великими княжнами прибыла въ соборъ. Онѣ всѣ остановились на предуготовленныхъ для нихъ мѣстахъ и нѣсколько минутъ съ трогательнымъ усердіемъ молились. Какіе ангелы!

На императрицѣ-матери была корона и мантія; шлейфъ оной несли шесть каммергеровъ, а конецъ сего шлейфа одинъ изъ высшихъ придворныхъ чиновъ. За императрицею же матерью прибыла и свита придворныхъ, къ услугамъ царскимъ принадлежащая.

X.

Церемоніалъ.

Отправлено 16-го Сентября, вечеромъ.

Предъ начатіемъ шествія Его Императорскаго Величества протопопъ Успенскаго собора со крестомъ и при немъ два діакона, несшіе на золотомъ блюдѣ чашу со святою водою, окропляли путь, предназначенный государямъ коронующимся.

Между тѣмъ (какъ намъ было извѣстно) Ихъ Императорскія Величества, по прибытіи въ аудіенцъ-камеру, изволили сѣсть подъ балдахиномъ въ кресла, ударилъ залпъ пушекъ, заиграли литавры и трубы, и шествіе изъ дворца къ намъ въ соборъ началось въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

---

*) Въ послѣдствіи архіепископъ Московскій.

А. Взводъ кавалергардовъ, подъ предводительствомъ одного офицера. Дошедши къ соборной церкви, они разставлены были по обѣ стороны пути.

Б. Двадцать-шесть пажей и камеръ-пажей съ ихъ гофмейстеромъ (княземъ Голицынымъ). Они, прошедъ сквозь церковь, ожидали окончанія службы въ Крестовой сунодальной палатѣ.

В. Два церемоніймейстера съ ихъ жезлами. Сіи, показавъ всѣмъ идущимъ въ церемоніи принадлежащія мѣста предъ императорскимъ мѣстомъ, въ послѣдствіи остались и сами на мѣстахъ, собственно для нихъ назначенныхъ.

Г. Депутаты отъ всего россійскаго купечества, прибывшіе изъ каждой губерніи, вошли по два въ рядъ. Изъ нихъ по одному старшему отъ каждой пары осталось въ церкви; а прочіе прошли сквозь оную.

Д. Купцы иностранные, изъ коихъ двое старшихъ остаются въ церкви. Въ числѣ сихъ же купцовъ и въ числѣ оставшихся въ соборѣ мы видѣли нарочно прибывшихъ для коронованія Александрова Англичанъ: Томаса Пайркера, извѣстнаго теперь англійскаго путешественника Корстона, богатаго англійскаго купца Джона Мейбома, ворянъ англійскихъ путешественниковъ: Вилліамса Генрея, Джона Куста Роберта Рушбрура, ученыхъ Французовъ: аббата де-ла-Бретонъ и Кюно де-Бельвуа, какого-то нѣмецкаго стихотворца Вердена и проч.

Е. Войска Черноморскаго съ депутатами, изъ коихъ кошевой со старшимъ депутатомъ остается въ церкви.

Ж. Войска Донскаго атаманъ съ депутатами же, изъ коихъ онъ атаманъ со старшимъ своимъ депутатомъ также остались въ церкви.

З. Московское городовое правленіе.

И. Императорскій Московскій университетъ подъ предводительствомъ своихъ кураторовъ: М. М. Хераскова, князя Ѳ. Н. Голицына, М. И. Коваленскаго и Павла Голенищева-Кутузова. Между профессорами были извѣстные тебѣ Барсукъ-Моисеевъ, Чеботаревъ, отличный нашъ литераторъ и журналистъ Сохацкій, Геймъ, Авіа и многіе другіе.

І. Опекунскій совѣтъ.

К. Всѣ палаты Московской губерніи.

Л. Губернское правленіе.

М. Московскій архивъ старыхъ дѣлъ.

Н. Вотчинный департаментъ.

О. Департаментъ камеръ-коллегіи.

П. Банковая контора.

Р. Департаментъ ревизіонъ-коллегіи.

С. Бергъ-контора.

Т. Монетный департаментъ.

У. Государственныя казначейства для статныхъ и остаточныхъ суммъ.

Ф. Межевая канцелярія.

Х. Главная соляная контора.

А. Взводъ кавалергардовъ, подъ предводительствомъ одного офицера. Дошедши къ соборной церкви, они разставлены были по обѣ стороны пути.

Б. Двадцать-шесть пажей и камеръ-пажей съ ихъ гофмейстеромъ (княземъ Голицынымъ). Они, прошедъ сквозь церковь, ожидали окончанія службы въ Крестовой сунодальной палатѣ.

В. Два церемоніймейстера съ ихъ жезлами. Сіи, показавъ всѣмъ идущимъ въ церемоніи принадлежащія мѣста предъ императорскимъ мѣстомъ, въ послѣдствіи остались и сами на мѣстахъ, собственно для нихъ назначенныхъ.

Г. Депутаты отъ всего россійскаго купечества, прибывшіе изъ каждой губерніи, вошли по два въ рядъ. Изъ нихъ по одному старшему отъ каждой пары осталось въ церкви; а прочіе прошли сквозь оную.

Д. Купцы иностранные, изъ коихъ двое старшихъ остаются въ церкви. Въ числѣ сихъ же купцовъ и въ числѣ оставшихся въ соборѣ мы видѣли нарочно прибывшихъ для коронованія Александрова Англичанъ: Томаса Пайркера, извѣстнаго теперь англійскаго путешественника Корстона, богатаго англійскаго купца Джона Мейбома, ворянъ англійскихъ путешественниковъ: Вилліамса Генрея, Джона Куста Роберта Рушбрура, ученыхъ Французовъ: аббата де-ла-Бретонъ и Кюно де-Бельвуа, какого-то нѣмецкаго стихотворца Вердена и проч.

Е. Войска Черноморскаго съ депутатами, изъ коихъ кошевой со старшимъ депутатомъ остается въ церкви.

Ж. Войска Донскаго атаманъ съ депутатами же, изъ коихъ онъ атаманъ со старшимъ своимъ депутатомъ также остались въ церкви.

З. Московское городовое правленіе.

И. Императорскій Московскій университетъ подъ предводительствомъ своихъ кураторовъ: М. М. Хераскова, князя Ѳ. Н. Голицына, М. И. Коваленскаго и Павла Голенищева-Кутузова. Между профессорами были извѣстные тебѣ Барсукъ-Моисеевъ, Чеботаревъ, отличный нашъ литераторъ и журналистъ Сохацкій, Геймъ, Авіа и многіе другіе.

І. Опекунскій совѣтъ.

К. Всѣ палаты Московской губерніи.

Л. Губернское правленіе.

М. Московскій архивъ старыхъ дѣлъ.

Н. Вотчинный департаментъ.

О. Департаментъ камеръ-коллегіи.

П. Банковая контора.

Р. Департаментъ ревизіонъ-коллегіи.

С. Бергъ-контора.

Т. Монетный департаментъ.

У. Государственныя казначейства для статныхъ и остаточныхъ суммъ.

Ф. Межевая канцелярія.

Х. Главная соляная контора.

не оставляла государю: онъ готовилъ себя къ необычайно великому дѣлу, можетъ быть, много имѣлъ причинъ думать о будущемъ съ труднымъ подвигомъ царскаго правленія ему предстоящимъ, его ожидающимъ; но любя душою свой народъ русскій, въ то же время онъ и на минуту не могъ не сорадоваться усердію народному; онъ чувствовалъ, онъ предъугадывалъ, что будетъ жить нашимъ любимымъ государемъ!

Государыню императрицу сопровождали придворныя дамы. Здѣсь я видѣлъ супругу *спасителя царей* княгиню Италійскую графиню Суворову-Рымникскую, друга и любимицу нашей безсмертной Фелицы княгиню Е. Р. Дашкову, княгинь Долгорукую и Прозоровскую, графинь: Головкину. Салтыкову, Мусину-Пушкину-Брюсъ и другихъ многихъ нашихъ дамъ знатнѣйшихъ, супругъ вельможъ-благодѣтелей великаго русскаго народа.

За дамами послѣдовалъ взводъ кавалергардовъ.

Въ сорокъ-второй перемѣнѣ шелъ корпусъ знатнѣйшаго россійскаго дворянства, по одному изъ каждой фамиліи, по трое въ рядъ. Знатнѣйшій чиновникъ ими предводительствовалъ. Герой Чесмы графъ Орловъ, Н. А. Заборовскій, князь Несвицкій (тебѣ извѣстный) и Несторъ нашъ оберъ-камергеръ князь А. М. Голицынъ вписали свои имена въ число дворянъ московскихъ. Подлинно знатное россійское дворянство. Весь сей кортежъ остановился при входѣ въ церковь, за исключеніемъ однакожъ знаменитѣйшихъ, которые тотъ же часъ всѣ имѣли мѣста въ соборѣ.

За дворянствомъ слѣдовалъ корпусъ мануфактуристовъ и заводчиковъ, по трое же въ рядъ. За ними лучшее московское купечество, по трое же въ рядъ. Заключеніе: взводъ кавалергардовъ.

Надобно тебѣ также замѣтить, что съ самаго начала и во все продолженіе сей торжественной процессіи, благовѣстъ церковный былъ во всей Москвѣ; полки, стоявшіе въ парадѣ, во время шествія Его Императорскаго Величества отдавали честь. Въ извѣстное время артиллеристы стрѣляли изъ пушекъ.

По приближеніи государя императора къ дверямъ соборнымъ, все духовенство встрѣчало его ѳиміамомъ и окропленіемъ святой воды. Въ самыхъ же дверяхъ церковныхъ онъ встрѣченъ былъ маститымъ нашимъ и лѣтами и мудростію Платономъ со крестомъ, а Павломъ архіепископомъ Ярославскимъ съ чашею святой воды.

Прощай! Съ будущею почтою мой церемоніалъ едва ли еще будетъ довершеннымъ. Я увѣренъ, что ты гораздо скорѣе прочтешь его печатнымъ. Но за то тамъ ты не увидишь изліянія чувствъ твоего друга, любящаго своихъ государей, неизъяснимо, неописанно! Тамъ ты не замѣтишь дѣйствій пера, обезсилившаго отъ непрестанныхъ восторговъ!

не оставляла государю: онъ готовилъ себя къ необычайно великому дѣлу, можетъ быть, много имѣлъ причинъ думать о будущемъ съ труднымъ подвигомъ царскаго правленія ему предстоящимъ, его ожидающимъ; но любя душою свой народъ русскій, въ то же время онъ и на минуту не могъ не сорадоваться усердію народному; онъ чувствовалъ, онъ предъугадывалъ, что будетъ жить нашимъ любимымъ государемъ!

Государыню императрицу сопровождали придворныя дамы. Здѣсь я видѣлъ супругу *спасителя царей* княгиню Италійскую графиню Суворову-Рымникскую, друга и любимицу нашей безсмертной Фелицы княгиню Е. Р. Дашкову, княгинь Долгорукую и Прозоровскую, графинь: Головкину, Салтыкову, Мусину-Пушкину-Брюсъ и другихъ многихъ нашихъ дамъ знатнѣйшихъ, супругъ вельможъ-благодѣтелей великаго русскаго народа.

За дамами послѣдовалъ взводъ кавалергардовъ.

Въ сорокъ-второй перемѣнѣ шелъ корпусъ знатнѣйшаго россійскаго дворянства, по одному изъ каждой фамиліи, по трое въ рядъ. Знатнѣйшій чиновникъ ими предводительствовалъ. Герой Чесмы графъ Орловъ, Н. А. Заборовскій, князь Несвицкій (тебѣ извѣстный) и Несторъ нашъ оберъ-камергеръ князь А. М. Голицынъ вписали свои имена въ число дворянъ московскихъ. Подлинно знатное россійское дворянство. Весь сей кортежъ остановился при входѣ въ церковь, за исключеніемъ однакожъ знаменитѣйшихъ, которые тотъ же часъ всѣ имѣли мѣста въ соборѣ.

За дворянствомъ слѣдовалъ корпусъ мануфактуристовъ и заводчиковъ, по трое же въ рядъ. За ними лучшее московское купечество, по трое же въ рядъ. Заключеніе: взводъ кавалергардовъ.

Надобно тебѣ также замѣтить, что съ самаго начала и во все продолженіе сей торжественной процессіи, благовѣстъ церковный былъ во всей Москвѣ; полки, стоявшіе въ парадѣ, во время шествія Его Императорскаго Величества отдавали честь. Въ извѣстное время артиллеристы стрѣляли изъ пушекъ.

По приближеніи государя императора къ дверямъ соборнымъ, все духовенство встрѣчало его ѳиміамомъ и окропленіемъ святой воды. Въ самыхъ же дверяхъ церковныхъ онъ встрѣченъ былъ маститымъ нашимъ и лѣтами и мудростію Платономъ со крестомъ, а Павломъ архіепископомъ Ярославскимъ съ чашею святой воды.

Прощай! Съ будущею почтою мой церемоніалъ едва ли еще будетъ довершеннымъ. Я увѣренъ, что ты гораздо скорѣе прочтешь его печатнымъ. Но за то тамъ ты не увидишь изліянія чувствъ твоего друга, любящаго своихъ государей, неизъяснимо, неописанно! Тамъ ты не замѣтишь дѣйствій пера, обезсилившаго отъ непрестанныхъ восторговъ!

Ц. Медицинская контора.
Ч. Мануфактуръ-контора.
Ш. Московское депо провіантской коммисіи.
Щ. Коммисаріатъ.
Ъ. Московскій почтамтъ.

Начальствующій каждаго присутственнаго мѣста съ двумя старшими чиновниками оставались въ церкви, а прочіе всѣ проходили сквозь онуи.

За вышеозначенными присутственными мѣстами слѣдовали депутаты дворянства губерній, и отъ каждой по два остались въ церкви. Тѣ же, которые были вѣры не христіанской, обходили мимо, и кажется, имъ было совѣстно, что они не покланялися съ нами вмѣстѣ Богу истинному. Великолѣпіе храма, важный чинъ дѣйствія помазанія муромъ, неописанный, необъяснимый при ономъ блескъ церемоніи, общій восторгъ христіанъ-соучастниковъ въ торжествѣ — какой необыкновенный урокъ для не постигшихъ еще совершенствъ вѣры небесной! Я самъ видѣлъ одного калмыцкаго депутата, онъ какъ-бы невольно сдѣлалъ крестное знаменіе и плакалъ: вѣрую, вѣрую, что пріидетъ время, когда свѣтъ Христовъ осѣнитъ чалмоносца и язычника, когда вѣра во Христа будетъ единымъ перломъ для всѣхъ земель, для всѣхъ народовъ!

Правительствующій сенатъ слѣдовалъ тотчасъ за депутатами дворянства, а за сенатомъ государственный совѣтъ. Назову тебѣ нѣкоторыхъ изъ членовъ сего послѣдняго: князь Зубовъ, графъ Завадовскій и Зубовъ, князь Куракинъ, графъ Румянцевъ, князь Лопухинъ и князь Гагаринъ.

Всѣ вышеписанныя особы шли по трое въ рядъ.

Въ тридцать-первой перемѣнѣ проходили два оберъ-церемоніймейстера съ ихъ жезлами, за ними верховный церемоніймейстеръ (графъ Головкинъ) съ жезломъ же, два герольдмейстера, съ ихъ знаками. Императорскія регаліи несены были назначенными для того особами, съ ихъ ассистентами, точно въ томъ же порядкѣ, въ каковомъ были переносимы и въ аудіенцъ-камеру.

Два гофмаршала (Демидовъ и князь Вяземскій), а въ срединѣ ихъ оберъ-гофмаршалъ (Нарышкинъ) съ своимъ жезломъ.

Верховный маршалъ и наконецъ государь императоръ, при немъ два генералъ-адъютанта, и шефъ кавалергардскаго корпуса съ обнаженною шпагою. За императоромъ слѣдовала государыня императрица, при ней два ассистента.

Балдахинъ надъ Ихъ Императорскими Величествами несли шестнадцать генералъ-лейтенантовъ, а шнуры держали шестнадцать же генералъ-міоровъ. Въ числѣ тѣхъ и другихъ я вспоминаю: Хорвата, П. М. Лунина, Н. В. Ситягина, князя Эристова, В. Д. Арсеньева, А. Д. Гвоздева, П. М. Глазова, Л. Д. Измайлова, Н. И. Богданова, Ивашева, П. А. Афросимова и проч.

Какъ императоръ, равно также императрица, по замѣчанію многихъ, шли съ какимъ-то святымъ благоговѣніемъ; скромная тишина предшествовала стопамъ ихъ, но ангельская, небесная улыбка

Ц. Медицинская контора.
Ч. Мануфактуръ-контора.
Ш. Московское депо провіантской коммисіи.
Щ. Коммисаріатъ.
Ъ. Московскій почтамтъ.

Начальствующій каждаго присутственнаго мѣста съ двумя старшими чиновниками оставались въ церкви, а прочіе всѣ проходили сквозь онуи.

За вышеозначенными присутственными мѣстами слѣдовали депутаты дворянства губерній, и отъ каждой по два остались въ церкви. Тѣ же, которые были вѣры не христіанской, обходили мимо, и кажется, имъ было совѣстно, что они не покланялися съ нами вмѣстѣ Богу истинному. Великолѣпіе храма, важный чинъ дѣйствія помазанія муромъ, неописанный, необъяснимый при ономъ блескъ церемоніи, общій восторгъ христіанъ-соучастниковъ въ торжествѣ — какой необыкновенный урокъ для не постигшихъ еще совершенствъ вѣры небесной! Я самъ видѣлъ одного калмыцкаго депутата, онъ какъ-бы невольно сдѣлалъ крестное знаменіе и плакалъ: вѣрую, вѣрую, что пріидетъ время, когда свѣтъ Христовъ осѣнитъ чалмоносца и язычника, когда вѣра во Христа будетъ единымъ перломъ для всѣхъ земель, для всѣхъ народовъ!

Правительствующій сенатъ слѣдовалъ тотчасъ за депутатами дворянства, а за сенатомъ государственный совѣтъ. Назову тебѣ нѣкоторыхъ изъ членовъ сего послѣдняго: князь Зубовъ, графъ Завадовскій и Зубовъ, князь Куракинъ, графъ Румянцевъ, князь Лопухинъ и князь Гагаринъ.

Всѣ вышеписанныя особы шли по трое въ рядъ.

Въ тридцать-первой перемѣнѣ проходили два оберъ-церемоніймейстера съ ихъ жезлами, за ними верховный церемоніймейстеръ (графъ Головкинъ) съ жезломъ же, два герольдмейстера, съ ихъ знаками. Императорскія регаліи несены были назначенными для того особами, съ ихъ ассистентами, точно въ томъ же порядкѣ, въ каковомъ были переносимы и въ аудіенцъ-камеру.

Два гофмаршала (Демидовъ и князь Вяземскій), а въ срединѣ ихъ оберъ-гофмаршалъ (Нарышкинъ) съ своимъ жезломъ.

Верховный маршалъ и наконецъ государь императоръ, при немъ два генералъ-адъютанта, и шефъ кавалергардскаго корпуса съ обнаженною шпагою. За императоромъ слѣдовала государыня императрица, при ней два ассистента.

Балдахинъ надъ Ихъ Императорскими Величествами несли шестнадцать генералъ-лейтенантовъ, а шнуры держали шестнадцать же генералъ-міоровъ. Въ числѣ тѣхъ и другихъ я вспоминаю: Хорвата, П. М. Лунина, Н. В. Ситягина, князя Эристова, В. Д. Арсеньева, А. Д. Гвоздева, П. М. Глазова, Л. Д. Измайлова, Н. И. Богданова, Ивашева, П. А. Афросимова и проч.

Какъ императоръ, равно также императрица, по замѣчанію многихъ, шли съ какимъ-то святымъ благоговѣніемъ; скромная тишина предшествовала стопамъ ихъ, но ангельская, небесная улыбка

XI.

Александръ въ Успенскомъ соборѣ.

Продолженіе церемоніала.

Новая трогательная картина, для точнаго описанія которой нѣтъ никакихъ возможностей. У меня также почти нѣтъ и самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ словъ, чтобы все разсказать тебѣ, какъ должно, какъ слѣдуетъ, какъ прилично для вѣрнаго объясненія этой необыкновенной картины.

Первый шагъ вступленія Александра и Елисаветы во храмъ Бога неизглаголаннаго—троекратное, благоговѣйное поклоненіе ихъ предъ вратами Царя царей и предъ всѣми изображеніями святыни! Предъ каждымъ образомъ они молились съ колѣнопреклоненіемъ, прикладывались къ онымъ и только по окончаніи молитвъ заняли пріуготовленныя для нихъ мѣста, устроенныя подъ великолѣпнымъ балдахиномъ посреди собора.

Государь возсѣлъ на престолъ, и въ то же время архіереи, архимандриты и все прочее духовенство, бывшее во служеніи, стало отъ послѣдней ступени трона до Царскихъ вратъ, по обѣ стороны, а пѣвчіе на клиросѣ хоромъ воспѣли: „Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи!“ Сей клятвенный, обѣтованный и благодарственный стихъ потрясъ всѣ души! Но обратимся къ церемоніальному порядку.

Еще въ то время, когда императоръ вмѣстѣ съ императрицею поклонялись иконамъ, чиновники, несущіе регаліи, обратясь къ алтарю, остановились у трона, и едва только государь началъ восходить на оный, тогда сказанные чиновники послѣдовали за нимъ же и, расположивши на столѣ принесенное, всѣ остановились въ слѣдующемъ порядкѣ: принесшіе скиптръ, на первой ступени, по правую сторону; принесшіе державу на той же ступени, но по лѣвую сторону. Несшіе императорскую мантію на второй ступени по правую сторону, несшіе же мантію государыни императрицы по лѣвую сторону; принесшіе государственный мечь на третей ступени, по правую сторону; принесшіе панирь держали оный на третьей ступени, по лѣвую сторону; а принесшіе печать и цѣпь ордена св. Андрея остановились на четвертой ступени, по правую и по лѣвую сторонамъ.

Герольдмейстеры, предшествовавшіе регаліямъ на тронъ, по возложеніи оныхъ на мѣста, остались по обѣимъ сторонамъ трона на послѣдней ступени; всѣ ассистенты сихъ чиновниковъ при регаліяхъ, не всходя на тронъ, стояли позади духовенства. Верховный маршалъ, обергофмаршалъ, гофмаршалъ и верховный церемоніймейстеръ, вошедшіе предъ Его Императорскимъ Величествомъ въ церковь, остановились противъ Царскихъ дверей, и доколѣ государь изволилъ прикладываться ко святымъ иконамъ, они стояли на первой ступени, а потомъ, проводя Его Величество на тронъ, сошли и

XI.

Александръ въ Успенскомъ соборѣ.

Продолженіе церемоніала.

Новая трогательная картина, для точнаго описанія которой нѣтъ никакихъ возможностей. У меня также почти нѣтъ и самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ словъ, чтобы все разсказать тебѣ, какъ должно, какъ слѣдуетъ, какъ прилично для вѣрнаго объясненія этой необыкновенной картины.

Первый шагъ вступленія Александра и Елисаветы во храмъ Бога неизглаголаннаго—троекратное, благоговѣйное поклоненіе ихъ предъ вратами Царя царей и предъ всѣми изображеніями святыни! Предъ каждымъ образомъ они молились съ колѣнопреклоненіемъ, прикладывались къ онымъ и только по окончаніи молитвъ заняли пріуготовленныя для нихъ мѣста, устроенныя подъ великолѣпнымъ балдахиномъ посреди собора.

Государь возсѣлъ на престолъ, и въ то же время архіереи, архимандриты и все прочее духовенство, бывшее во служеніи, стало отъ послѣдней ступени трона до Царскихъ вратъ, по обѣ стороны, а пѣвчіе на клиросѣ хоромъ воспѣли: „Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи!“ Сей клятвенный, обѣтованный и благодарственный стихъ потрясъ всѣ души! Но обратимся къ церемоніальному порядку.

Еще въ то время, когда императоръ вмѣстѣ съ императрицею поклонялись иконамъ, чиновники, несущіе регаліи, обратясь къ алтарю, остановились у трона, и едва только государь началъ восходить на оный, тогда сказанные чиновники послѣдовали за нимъ же и, расположивши на столѣ принесенное, всѣ остановились въ слѣдующемъ порядкѣ: принесшіе скиптръ, на первой ступени, по правую сторону; принесшіе державу на той же ступени, но по лѣвую сторону. Несшіе императорскую мантію на второй ступени по правую сторону, несшіе же мантію государыни императрицы по лѣвую сторону; принесшіе государственный мечь на третей ступени, по правую сторону; принесшіе панирь держали оный на третьей ступени, по лѣвую сторону; а принесшіе печать и цѣпь ордена св. Андрея остановились на четвертой ступени, по правую и по лѣвую сторонамъ.

Герольдмейстеры, предшествовавшіе регаліямъ на тронъ, по возложеніи оныхъ на мѣста, остались по обѣимъ сторонамъ трона на послѣдней ступени; всѣ ассистенты сихъ чиновниковъ при регаліяхъ, не всходя на тронъ, стояли позади духовенства. Верховный маршалъ, обергофмаршалъ, гофмаршалъ и верховный церемоніймейстеръ, вошедшіе предъ Его Императорскимъ Величествомъ въ церковь, остановились противъ Царскихъ дверей, и доколѣ государь изволилъ прикладываться ко святымъ иконамъ, они стояли на первой ступени, а потомъ, проводя Его Величество на тронъ, сошли и

остановились на первомъ приступѣ трона: верховный маршалъ посреди, обергофмаршалъ на правой, верховный церемоніймейстеръ на лѣвой, и гофмаршалы по сторонамъ оныхъ. Когда же государь изволилъ стать на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, тогда всѣ упомянутые знаменитые царедворцы наши остановились на ступени противъ государя, а именно: верховный маршалъ по правую, а гофмаршалъ по лѣвую сторонамъ. Императорскіе ассистенты стояли на тронѣ, уступя немного впередъ, по сторонамъ императора, и въ томъ же точно порядкѣ стояли императрицыны ассистенты. Оберъ-церемоніймейстеры, между двухъ первыхъ церковныхъ столбовъ, по двое на каждой сторонѣ. Оберъ-офицеры кавалергардовъ: старшіе стояли, по обѣ стороны уступа немного назади; а младшіе—на самомъ первомъ тронномъ уступѣ, имѣя въ рукахъ обнаженныя шпаги. Унтеръ-офицеры кавалергардовъ и при нихъ по два кавалергарда были на караулѣ у двухъ церковныхъ дверей, внутрь церкви, и внѣ оной по два унтеръ-офицера съ алебардами. Прочіе же кавалергарды построяся ожидали выхода Его Императорскаго Величества у сѣверныхъ дверей собора. Генералитетъ и другіе чиновники, бывшіе въ процессіи, разставлены были въ опредѣленныхъ галлереяхъ.

XII.

Коронація.

Продолженіе церемоніала.

Началась коронація. Митрополитъ воздѣлъ руки къ небу и, благоговѣйно прочитавъ молитву, приступилъ къ совершенію священнаго дѣйствія постановленія царей.

Прочли Евангеліе, и государь, обратясь къ стоявшимъ при регаліяхъ, приказалъ возложить на себя сперва императорскую мантію, которую митрополитъ съ прочими духовными чинами, поднесши Его Императорскому Величеству на подушкѣ, при обыкновенномъ чтеніи молитвъ, помогалъ ему возложить. По возложеніи же мантіи, самъ же отецъ паствы прочиталъ въ слухъ двѣ обычныя при семъ молитвы. Съ окончаніемъ сихъ молитвъ государь изволилъ указать подать императорскую корону, которую въ то же мгновеніе и подалъ одинъ изъ чиновниковъ митрополиту, а митрополитъ самъ уже поднесъ ее государю. Здѣсь Александръ сдѣлалъ крестное знаменіе и потомъ, принявъ отъ митрополита (продолжавшаго во все сіе время чтеніе обычныхъ молитвъ) корону, возложилъ ее на себя, приказавъ, въ то же время поднести себѣ скиптръ и державу, которые самимъ же митрополитомъ и поднесены ему. Нужно ли говорить, что теперь юный монархъ нашъ преобразилъ себя въ существо необыкновенное: это былъ полубогъ, посредникъ между Помазанникомъ Небеснымъ и народомъ своимъ, творецъ всего счастія земнаго! Онъ возсѣлъ на тронъ: трогательное, умилительное

остановились на первомъ приступѣ трона: верховный маршалъ посреди, обергофмаршалъ на правой, верховный церемоніймейстеръ на лѣвой, и гофмаршалы по сторонамъ оныхъ. Когда же государь изволилъ стать на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, тогда всѣ упомянутые знаменитые царедворцы наши остановились на ступени противъ государя, а именно: верховный маршалъ по правую, а гофмаршалъ по лѣвую сторонамъ. Императорскіе ассистенты стояли на тронѣ, уступя немного впередъ, по сторонамъ императора, и въ томъ же точно порядкѣ стояли императрицыны ассистенты. Оберъ-церемоніймейстеры, между двухъ первыхъ церковныхъ столбовъ, по двое на каждой сторонѣ. Оберъ-офицеры кавалергардовъ: старшіе стояли, по обѣ стороны уступа немного назади; а младшіе—на самомъ первомъ тронномъ уступѣ, имѣя въ рукахъ обнаженныя шпаги. Унтеръ-офицеры кавалергардовъ и при нихъ по два кавалергарда были на караулѣ у двухъ церковныхъ дверей, внутрь церкви, и внѣ оной по два унтеръ-офицера съ алебардами. Прочіе же кавалергарды построяся ожидали выхода Его Императорскаго Величества у сѣверныхъ дверей собора. Генералитетъ и другіе чиновники, бывшіе въ процессіи, разставлены были въ опредѣленныхъ галлереяхъ.

XII.

Коронація.

Продолженіе церемоніала.

Началась коронація. Митрополитъ воздѣлъ руки къ небу и, благоговѣйно прочитавъ молитву, приступилъ къ совершенію священнаго дѣйствія постановленія царей.

Прочли Евангеліе, и государь, обратясь къ стоявшимъ при регаліяхъ, приказалъ возложить на себя сперва императорскую мантію, которую митрополитъ съ прочими духовными чинами, поднесши Его Императорскому Величеству на подушкѣ, при обыкновенномъ чтеніи молитвъ, помогалъ ему возложить. По возложеніи же мантіи, самъ же отецъ паствы прочиталъ въ слухъ двѣ обычныя при семъ молитвы. Съ окончаніемъ сихъ молитвъ государь изволилъ указать подать императорскую корону, которую въ то же мгновеніе и подалъ одинъ изъ чиновниковъ митрополиту, а митрополитъ самъ уже поднесъ ее государю. Здѣсь Александръ сдѣлалъ крестное знаменіе и потомъ, принявъ отъ митрополита (продолжавшаго во все сіе время чтеніе обычныхъ молитвъ) корону, возложилъ ее на себя, приказавъ, въ то же время поднести себѣ скиптръ и державу, которые самимъ же митрополитомъ и поднесены ему. Нужно ли говорить, что теперь юный монархъ нашъ преобразилъ себя въ существо необыкновенное: это былъ полубогъ, посредникъ между Помазанникомъ Небеснымъ и народомъ своимъ, творецъ всего счастія земнаго! Онъ возсѣлъ на тронъ: трогательное, умилительное

величество возсіяло на прекрасномъ лицѣ нашего ангела; въ сію минуту, казалось мнѣ, что вся Россія въ необыкновенномъ чувствѣ восторговъ распростерлась у ногъ его. Вотъ картина, для которой нѣтъ еще ни пера, ни кисти, чтобъ описать ее; вотъ картина, для которой нѣтъ и словъ, чтобы разсказать объ ней. Мнѣ представилось, что всѣ присутствовавшіе въ церкви тотъ же часъ готовы были измѣнить положенному для нихъ порядку и пасть предъ своимъ императоромъ, смертными не изобразимымъ!

Вотъ и другая картина неменѣе трогательная: императоръ, положивъ поднесенныя ему чиновниками регаліи на подушку, пригласилъ императрицу и, снявъ съ себя корону, прикоснулся оною ко главѣ ея и потомъ опять возложилъ корону на себя. Но въ то же время императрицѣ была поднесена другая, меньшая корона, которую самъ же императоръ и возложилъ на нее.

Четыре штатсъ-дамы, изъ коихъ намъ весьма замѣчательны были: любимица Великой Екатерины и бывшій президентъ академіи княгиня Е. Р. Дашкова, графиня Ливенъ, графиня Салтыкова и Протасова, четыре штатсъ-дамы, повторю я,—оправили на императрицѣ корону. Сказаннымъ же порядкомъ, какъ и сія корона, поднесены государю, для возложенія на Ея Императорское Величество мантія и цѣпь ордена св. апостола Андрея. По возложеніи каждой изъ сихъ двухъ регалій, прежнія же штатсъ-дамы оправляли оныя. Послѣ сего императоръ принялъ опять свои регаліи: скипетръ и державу. Все сіе происходило съ необыкновенно трогательнымъ чувствомъ. Вообрази ты себѣ двухъ ангеловъ, избравшихъ себѣ мѣстомъ великолѣпный храмъ Непзглаголаннаго и возсѣдшихъ тамъ на тронѣ для блага человѣчества. Вотъ нашъ Александръ! Вотъ наша Елисавета!

Протодіаконъ возгласилъ императорскій титулъ, воскликнулъ многолѣтіе и хоры пѣвчихъ троекратно повторили: „многая лѣта, многая лѣта, многая лѣта!“

Въ ту-же самую минуту заблаговѣстили колокола на всѣхъ церквахъ московскихъ *), и по данному сигналу изъ всѣхъ стоявшихъ на площади, по бастіонамъ и по Кремлю пушекъ пропзведенъ стодинъ выстрѣлъ. Равномѣрно отъ находившихся въ парадѣ полковъ бѣглымъ огнемъ учинена первая пальба. Между пѣніемъ же многолѣтія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія особы, оставивши свои мѣста, поздравили государя троекратнымъ поклономъ.

По пропѣтіи многолѣтія и по окончаніи звона и пальбы Его Императорское Величество, возставъ съ престола и отдавъ скипетръ и державу тѣмъ же чиновникамъ, которыми они были несены въ процессіи, съ колѣнопреклоненіемъ прочелъ по книгѣ учрежденную

*) Достойно замѣчанія, по донесенію, сдѣланному графу И. П. Салтыкову, что въ то же время, ближайшія къ Москвѣ селы учинили свой благовѣстъ и передали оный, въ нѣкоторыхъ сторонахъ, за нѣсколько сотъ верстъ— и такимъ образомъ, ближе нежели *въ полчаса* (если вѣрить?), благовѣстили о коронаціи въ Вязьмѣ, Коломнѣ, Серпуховѣ, въ Тулѣ и проч.

величество возсіяло на прекрасномъ лицѣ нашего ангела; въ сію минуту, казалось мнѣ, что вся Россія въ необыкновенномъ чувствѣ восторговъ распростерлась у ногъ его. Вотъ картина, для которой нѣтъ еще ни пера, ни кисти, чтобъ описать ее; вотъ картина, для которой нѣтъ и словъ, чтобы разсказать объ ней. Мнѣ представилось, что всѣ присутствовавшіе въ церкви тотъ же часъ готовы были измѣнить положенному для нихъ порядку и пасть предъ своимъ императоромъ, смертными не изобразимымъ!

Вотъ и другая картина неменѣе трогательная: императоръ, положивъ поднесенныя ему чиновниками регаліи на подушку, пригласилъ императрицу и, снявъ съ себя корону, прикоснулся оною ко главѣ ея и потомъ опять возложилъ корону на себя. Но въ то же время императрицѣ была поднесена другая, меньшая корона, которую самъ же императоръ и возложилъ на нее.

Четыре штатсъ-дамы, изъ коихъ намъ весьма замѣчательны были: любимица Великой Екатерины и бывшій президентъ академіи княгиня Е. Р. Дашкова, графиня Ливенъ, графиня Салтыкова и Протасова, четыре штатсъ-дамы, повторю я,—оправили на императрицѣ корону. Сказаннымъ же порядкомъ, какъ и сія корона, поднесены государю, для возложенія на Ея Императорское Величество мантія и цѣпь ордена св. апостола Андрея. По возложеніи каждой изъ сихъ двухъ регалій, прежнія же штатсъ-дамы оправляли оныя. Послѣ сего императоръ принялъ опять свои регаліи: скипетръ и державу. Все сіе происходило съ необыкновенно трогательнымъ чувствомъ. Вообрази ты себѣ двухъ ангеловъ, избравшихъ себѣ мѣстомъ великолѣпный храмъ Непзглаголаннаго и возсѣдшихъ тамъ на тронѣ для блага человѣчества. Вотъ нашъ Александръ! Вотъ наша Елисавета!

Протодіаконъ возгласилъ императорскій титулъ, воскликнулъ многолѣтіе и хоры пѣвчихъ троекратно повторили: „многая лѣта, многая лѣта, многая лѣта!“

Въ ту-же самую минуту заблаговѣстили колокола на всѣхъ церквахъ московскихъ *), и по данному сигналу изъ всѣхъ стоявшихъ на площади, по бастіонамъ и по Кремлю пушекъ пропзведенъ стоодинъ выстрѣлъ. Равномѣрно отъ находившихся въ парадѣ полковъ бѣглымъ огнемъ учинена первая пальба. Между пѣніемъ же многолѣтія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія особы, оставивши свои мѣста, поздравили государя троекратнымъ поклономъ.

По пропѣтіи многолѣтія и по окончаніи звона и пальбы Его Императорское Величество, возставъ съ престола и отдавъ скипетръ и державу тѣмъ же чиновникамъ, которыми они были несены въ процессіи, съ колѣнопреклоненіемъ прочелъ по книгѣ учрежденную

*) Достойно замѣчанія, по донесенію, сдѣланному графу И. П. Салтыкову, что въ то же время, ближайшія къ Москвѣ селы учинили свой благовѣстъ и передали оный, въ нѣкоторыхъ сторонахъ, за нѣсколько сотъ верстъ— и такимъ образомъ, ближе нежели *въ полчаса* (если вѣрить?), благовѣстили о коронаціи въ Вязьмѣ, Коломнѣ, Серпуховѣ, въ Тулѣ и проч.

молитву, и когда оная была совершена, тогда митрополитъ и всѣ во храмѣ находившіеся съ колѣнопреклоненіемъ учинили свою молитву. А государь во все сіе время изволилъ стоять.

Наконецъ общая молитва прочтена, и старецъ Платонъ, кажется, на это время окончившій, произнесъ къ императору краткую поздравительную рѣчь.

Запѣли *Тебѣ Бога хвалимъ*, и загремѣла опять стройная торжественная музыка колоколовъ церковныхъ!

XIII.

Соборная литургія, по совершеніи коронованія.

Продолженіе церемоніала.

Приступили къ служенію божественной литургіи. Въ продолженіе оной, въ извѣстное время, какъ напримѣръ: при чтеніи Евангелія (которое по прочтеніи поднесено было къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ для цѣлованія), при большомъ выходѣ со Святыми Дарами, при словахъ Христовыхъ: *Пріимите, ядите*, даже до скончанія: *Достойно* и Молитвы Господней: Отче нашъ, равно какъ и при торжественной пѣсни: *Святая Святыхъ*, Ихъ Императорскія Величества снимали съ себя короны и отдавали ихъ держать принесшимъ оныя.

Когда же началось пѣніе каноника, тогда императоръ, отступивъ отъ трона, съ благоговѣніемъ изготовлялся приступить ко вратамъ Царскимъ для принятія по святомъ муропомазаніи, Святыхъ, безсмертныхъ Таинъ Христовыхъ. Московскій вице-губернаторъ и два чиновника, полковничьяго ранга, подостлали для сего случая, въ подножіе императору, бархатъ. Сей бархатъ былъ малиновый и обложенъ золотымъ галуномъ. Подлѣ же самыхъ Царскихъ дверей, тѣ же сказанные чиновники постлали для государя сверхъ бархата парчу. И едва каноникъ былъ оконченъ, два архіерея, по своемъ причащеніи внутри алтаря, возвѣстили императора чрезъ послѣдующихъ за ними протодіаконовъ о времени царскаго муропомазанія. Вслѣдствіе того государь, оставившій уже тронъ, изволилъ тотъ же часъ послѣдовать къ Царскимъ дверямъ, а за нимъ императрица.

Оберъ-церемоніймейстеры, въ срединѣ ихъ верховный церемоніймейстеръ, гофъ-маршалы, также оберъ-гофмаршалъ и верховный маршалъ пошли такимъ же порядкомъ, какимъ они шли и въ первой процессіи. Несшіе же регаліи, скипетръ и державу по двоевъ рядъ. Ассистенты Ихъ Императорскихъ Величествъ и два старшіе кавалергардскіе офицера слѣдовали по сторонамъ коронованныхъ. Всѣ сіи чиновники, по приближеніи къ Царскимъ дверямъ, остановились на трехъ приступахъ церковныхъ. Шлейфъ Ихъ Императорскихъ Величествъ несли тѣ же, кои несли мантіи въ церемоніи.

молитву, и когда оная была совершена, тогда митрополитъ и всѣ во храмѣ находившіеся съ колѣнопреклоненіемъ учинили свою молитву. А государь во все сіе время изволилъ стоять.

Наконецъ общая молитва прочтена, и старецъ Платонъ, кажется, на это время окончившій, произнесъ къ императору краткую поздравительную рѣчь.

Запѣли *Тебѣ Бога хвалимъ*, и загремѣла опять стройная торжественная музыка колоколовъ церковныхъ!

XIII.

Соборная литургія, по совершеніи коронованія.

Продолженіе церемоніала.

Приступили къ служенію божественной литургіи. Въ продолженіе оной, въ извѣстное время, какъ напримѣръ: при чтеніи Евангелія (которое по прочтеніи поднесено было къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ для цѣлованія), при большомъ выходѣ со Святыми Дарами, при словахъ Христовыхъ: *Пріимите, ядите*, даже до скончанія: *Достойно* и Молитвы Господней: Отче нашъ, равно какъ и при торжественной пѣсни: *Святая Святыхъ*, Ихъ Императорскія Величества снимали съ себя короны и отдавали ихъ держать принесшимъ оныя.

Когда же началось пѣніе каноника, тогда императоръ, отступивъ отъ трона, съ благоговѣніемъ изготовлялся приступить ко вратамъ Царскимъ для принятія по святомъ муропомазаніи, Святыхъ, безсмертныхъ Таинъ Христовыхъ. Московскій вице-губернаторъ и два чиновника, полковничьяго ранга, подостлали для сего случая, въ подножіе императору, бархатъ. Сей бархатъ былъ малиновый и обложенъ золотымъ галуномъ. Подлѣ же самыхъ Царскихъ дверей, тѣ же сказанные чиновники постлали для государя сверхъ бархата парчу. И едва каноникъ былъ оконченъ, два архіерея, по своемъ причащеніи внутри алтаря, возвѣстили императора чрезъ послѣдующихъ за ними протодіаконовъ о времени царскаго муропомазанія. Вслѣдствіе того государь, оставившій уже тронъ, изволилъ тотъ же часъ послѣдовать къ Царскимъ дверямъ, а за нимъ императрица.

Оберъ-церемоніймейстеры, въ срединѣ ихъ верховный церемоніймейстеръ, гофъ-маршалы, также оберъ-гофмаршалъ и верховный маршалъ пошли такимъ же порядкомъ, какимъ они шли и въ первой процессіи. Несшіе же регаліи, скипетръ и державу по двоевъ рядъ. Ассистенты Ихъ Императорскихъ Величествъ и два старшіе кавалергардскіе офицера слѣдовали по сторонамъ окоронованныхъ. Всѣ сіи чиновники, по приближеніи къ Царскимъ дверямъ, остановились на трехъ приступахъ церковныхъ. Шлейфъ Ихъ Императорскихъ Величествъ несли тѣ же, кои несли мантіи въ церемоніи.

Приближась къ Царскимъ дверямъ, государь изволилъ стать у оныхъ на изготовленной и посланной для него золотой парчѣ, государыня же остановилась не доходя Царскихъ дверей. А регаліи, то есть: короны, скипетръ и держава, отданы были тѣмъ же чиновникамъ, которые и прежде находились при оныхъ. Они, принявъ ихъ отъ государя и государыни, держали оныя на подушкахъ до самаго окончанія мѵропомазанія и причащенія Святыхъ Таинъ.

Митрополитъ, изъ парочно къ тому пріуготовленнаго золотаго сосуда, омоча устроенный для священной церемоніи сучецъ во святое мѵро, совершилъ помазаніе надъ Его Императорскимъ Величествомъ; а старшій архіерей отеръ мѣста помазанія чистою хлопчатою бумагою. Въ сіе самое время раздался звонъ колоколовъ, стрѣльба изъ пушекъ, и произведенъ бѣглый огонь изъ ружей, стоявшими въ парадѣ войсками. Мѣсто на парчѣ заступила государыня императрица и была помазана только на челѣ.

За симъ чрезъ самыя Царскія двери митрополитъ ввелъ государя во внутрь алтаря, гдѣ Его Императорское Величество, остановясь предъ святою трапезою, на золотомъ коврѣ, изволилъ принять отъ того же митрополита Святыя Тайны, по установленію и чину царскому. Потомъ другой архіерей поднесъ государю антидоръ и вино, а третій послужилъ Его Величеству устъ и рукъ умовеніемъ. Какъ же скоро императоръ изволилъ, въ преднесеніи регалій возвращаться на царское мѣсто, въ то самое время императрица приступила къ Царскимъ дверямъ, приняла Святое причащеніе и возвратилась къ императорскому мѣсту устроеннымъ порядкомъ.

До самаго окончанія литургіи окоронованные пробыли на тронѣ.

XIV.

Убранство Успенскаго собора.

Продолженіе церемоніала.

Балдахинъ, поставленный надъ тропомъ, обитъ кармазиннымъ бархатомъ и украшенъ золотымъ позументомъ и золотыми же: бахромою, снурами и кистями. Въ плафонѣ онаго вышитъ всероссійскій гербъ, а вокругъ сего гербы: Кіевскій, Владимірскій, Казанскій, Астраханскій, Сибирскій и Таврическій. Подзоры балдахина, какъ изнутри, такъ и снаружи, вышиты золотомъ и обложены золотымъ позументомъ, по сторонамъ же (снаружи) изображено вензелевое имя Его Императорскаго Величества. Тронъ о двѣнадцати ступеняхъ, между которыми оставлены двѣ площадки.

Вокругъ трона и по сторонамъ ступеней, до самаго низу, сдѣланы балюстрады. Весь тронъ и всѣ ступени обиты кармазиннымъ бархатомъ и золотымъ позументомъ.

На тронѣ: для креселъ Его Императорскаго Величества постро-

Приближась къ Царскимъ дверямъ, государь изволилъ стать у оныхъ на изготовленной и посланной для него золотой парчѣ, государыня же остановилась не доходя Царскихъ дверей. А регаліи, то есть: короны, скипетръ и держава, отданы были тѣмъ же чиновникамъ, которые и прежде находились при оныхъ. Они, принявъ ихъ отъ государя и государыни, держали оныя на подушкахъ до самаго окончанія мѵропомазанія и причащенія Святыхъ Таинъ.

Митрополитъ, изъ парочно къ тому пріуготовленнаго золотаго сосуда, омоча устроенный для священной церемоніи сучецъ во святое мѵро, совершилъ помазаніе надъ Его Императорскимъ Величествомъ; а старшій архіерей отеръ мѣста помазанія чистою хлопчатою бумагою. Въ сіе самое время раздался звонъ колоколовъ, стрѣльба изъ пушекъ, и произведенъ бѣглый огонь изъ ружей, стоявшими въ парадѣ войсками. Мѣсто на парчѣ заступила государыня императрица и была помазана только на челѣ.

За симъ чрезъ самыя Царскія двери митрополитъ ввелъ государя во внутрь алтаря, гдѣ Его Императорское Величество, остановясь предъ святою трапезою, на золотомъ коврѣ, изволилъ принять отъ того же митрополита Святыя Тайны, по установленію и чину царскому. Потомъ другой архіерей поднесъ государю антидоръ и вино, а третій послужилъ Его Величеству устъ и рукъ умовеніемъ. Какъ же скоро императоръ изволилъ, въ преднесеніи регалій возвращаться на царское мѣсто, въ то самое время императрица приступила къ Царскимъ дверямъ, приняла Святое причащеніе и возвратилась къ императорскому мѣсту устроеннымъ порядкомъ.

До самаго окончанія литургіи окоронованные пробыли на тронѣ.

XIV.

Убранство Успенскаго собора.

Продолженіе церемоніала.

Балдахинъ, поставленный надъ тономъ, обитъ кармазиннымъ бархатомъ и украшенъ золотымъ позументомъ и золотыми же: бахромою, снурами и кистями. Въ плафонѣ онаго вышитъ всероссійскій гербъ, а вокругъ сего гербы: Кіевскій, Владимірскій, Казанскій, Астраханскій, Сибирскій и Таврическій. Подзоры балдахина, какъ изнутри, такъ и снаружи, вышиты золотомъ и обложены золотымъ позументомъ, по сторонамъ же (снаружи) изображено вензелевое имя Его Императорскаго Величества. Тронъ о двѣнадцати ступеняхъ, между которыми оставлены двѣ площадки.

Вокругъ трона и по сторонамъ ступеней, до самаго низу, сдѣланы балюстрады. Весь тронъ и всѣ ступени обиты кармазиннымъ бархатомъ и золотымъ позументомъ.

На тронѣ: для креселъ Его Императорскаго Величества постро-

но особое возвышеніе, украшенное такъ же, какъ и все прочее. По правую сторону императорскихъ креселъ поставлены кресла для Ея Императорскаго Величества на таковомъ же устроенномъ возвышеніи, а на лѣвой: покрытый золотою парчею съ бахромами стоялъ столъ для императорскихъ регалій. Полъ церкви и ступени предъ алтаремъ, равно какъ и скамьи для духовныхъ особъ обиты краснымъ сукномъ.

Кстати: къ украшенію мѣстъ соборныхъ, прибавлю и вообще о церемоніальномъ устройствѣ оныхъ. Внѣ собора: онѣ находились отъ Краснаго крыльца, мимо Архангельскаго собора, по Ивановской площади, кругомъ Ивановской колокольни и Чудова монастыря къ Сунодальному дому до Сѣверныхъ дверей Успенскаго собора и отъ Южныхъ дверей онаго до Краснаго крыльца. Особенно: для зрителей *разнаго* званія сдѣланы были мѣста, по сторонамъ Ивановской колокольни. Сіи послѣднія украшались разными матеріями, по вкусу и желанію ихъ занимавшихъ. Мѣста же, принадлежавшія собственно казенному вѣдомству, всѣ обиты краснымъ сукномъ.

Балдахинъ, несенный надъ Ихъ Императорскими Величествами, снаружи обитъ серебряною, а внутри золотою парчею съ золотымъ позументомъ и украшенъ бахромою, снурами и шестнадцатью большими кистями на шестнадцати же серебряныхъ штангахъ, украшенныхъ гербами и вензелевыми именами Его Императорскаго Величества.

XV.

Окончаніе церемоніала.

Симъ письмомъ, кажется, уже оканчиваю такъ счастливо мною видѣнный церемоніалъ коронаціи Александровой. Описать все вдругъ мнѣ не было никакой возможности: и недостатокъ времени и другія дѣла и встрѣчи рѣшили меня на гораздо удобнѣйшее, именно препроводить къ тебѣ скорѣе весь печатный церемоніалъ и потомъ уже писать свое понемножку. Но свѣряй мои письма съ церемоніаломъ, и ты увидишь, что въ нужныхъ обстоятельствахъ, въ томъ, что̀ любопытно собственно по церемоніалу, разницы не совсѣмъ много. Да и не должна быть она, ибо я пишу тебѣ безъ всякихъ цвѣтныхъ фигуръ, только то одно, что̀ видѣлъ и вижу. Читай.

По совершеніи священнаго коронованія всѣ чиновники, принадлежавшіе къ процессіи, вышли изъ собора въ Сѣверныя двери и остановились въ прежнемъ церемоніальномъ порядкѣ. А когда государыня императрица-мать съ Ихъ Императорскими Высочествами возвратилась своимъ прежнимъ порядкомъ, тогда и самъ императоръ съ императрицею пошли изъ собора въ Сѣверныя двери, по устроеннымъ мѣстамъ *прежнимъ же порядкомъ*—подъ балдахиномъ;

но особое возвышеніе, украшенное такъ же, какъ и все прочее. По правую сторону императорскихъ креселъ поставлены кресла для Ея Императорскаго Величества на таковомъ же устроенномъ возвышеніи, а на лѣвой: покрытый золотою парчею съ бахромами стоялъ столъ для императорскихъ регалій. Полъ церкви и ступени предъ алтаремъ, равно какъ и скамьи для духовныхъ особъ обиты краснымъ сукномъ.

Кстати: къ украшенію мѣстъ соборныхъ, прибавлю и вообще о церемоніальномъ устройствѣ оныхъ. Внѣ собора: онѣ находились отъ Краснаго крыльца, мимо Архангельскаго собора, по Ивановской площади, кругомъ Ивановской колокольни и Чудова монастыря къ Сунодальному дому до Сѣверныхъ дверей Успенскаго собора и отъ Южныхъ дверей онаго до Краснаго крыльца. Особенно: для зрителей *разнаго* званія сдѣланы были мѣста, по сторонамъ Ивановской колокольни. Сіи послѣднія украшались разными матеріями, по вкусу и желанію ихъ занимавшихъ. Мѣста же, принадлежавшія собственно казенному вѣдомству, всѣ обиты краснымъ сукномъ.

Балдахинъ, несенный надъ Ихъ Императорскими Величествами, снаружи обитъ серебряною, а внутри золотою парчею съ золотымъ позументомъ и украшенъ бахромою, снурами и шестнадцатью большими кистями на шестнадцати же серебряныхъ штангахъ, украшенныхъ гербами и вензелевыми именами Его Императорскаго Величества.

XV.

Окончаніе церемоніала.

Симъ письмомъ, кажется, уже оканчиваю такъ счастливо мною видѣнный церемоніалъ коронаціи Александровой. Описать все вдругъ мнѣ не было никакой возможности: и недостатокъ времени и другія дѣла и встрѣчи рѣшили меня на гораздо удобнѣйшее, именно препроводить къ тебѣ скорѣе весь печатный церемоніалъ и потомъ уже писать свое понемножку. Но свѣряй мои письма съ церемоніаломъ, и ты увидишь, что въ нужныхъ обстоятельствахъ, въ томъ, что̀ любопытно собственно по церемоніалу, разницы не совсѣмъ много. Да и не должна быть она, ибо я пишу тебѣ безъ всякихъ цвѣтныхъ фигуръ, только то одно, что̀ видѣлъ и вижу. Читай.

По совершеніи священнаго коронованія всѣ чиновники, принадлежавшіе къ процессіи, вышли изъ собора въ Сѣверныя двери и остановились въ прежнемъ церемоніальномъ порядкѣ. А когда государыня императрица-мать съ Ихъ Императорскими Высочествами возвратилась своимъ прежнимъ порядкомъ, тогда и самъ императоръ съ императрицею пошли изъ собора въ Сѣверныя двери, по устроеннымъ мѣстамъ *прежнимъ же порядкомъ*—подъ балдахиномъ;

шествіе ихъ было въ Архангельскій соборъ. Здѣсь чиновники, находившіеся въ процессіи, проходили въ западныя двери къ Благовѣщенскому собору, и покамѣсть Ихъ Императорскія Величества изволили прикладываться ко св. иконамъ и мощамъ и въ то же время покланяться гробамъ своихъ предковъ, протодіаконъ читалъ эктенію и по окончаніи оной возглашалъ многолѣтіе.

Точно описаннымъ же порядкомъ государь былъ и въ Благовѣщенскомъ соборѣ. У обоихъ сихъ соборовъ, для встрѣтенія его находились архіереи и духовенство со крестами и святою водою.

Во все продолженіе послѣдняго шествія Александръ былъ въ императорской коронѣ и мантіи, имѣя скипетръ и державу въ рукахъ. Шлейфъ мантіи государя несли восемь камергеровъ, а конецъ оной держалъ шталмейстеръ. Въ числѣ камергеровъ, бывшихъ при императорскомъ шлейфѣ, я припомню: Комбурлея, графа Орлова, Лаваля и князя Тюфякина. Шлейфъ государыни императрицы несли шесть камергеровъ (въ числѣ которыхъ были графы Марущи и Моравскій), а конецъ шлейфа держали оберъ-егермейстеры. Во время сего шествія отъ оставшихся въ парадѣ войскъ произведенъ былъ бѣглый огонь, играла музыка, продолжался барабанный бой, а изъ пушекъ былъ сдѣланъ сто-одинъ выстрѣлъ.

Замѣть также, что въ минуту посѣщенія Его Императорскимъ Величествомъ Архангельскаго собора, церемоніальный балдахинъ обнесенъ былъ прежде упомянутыми же мною штабъ-офицерами къ западнымъ дверямъ сего собора и оными былъ держанъ. По выходѣ же Ихъ Величествъ изъ собора, штабъ-офицеры тотчасъ сдали балдахинъ генералъ-лейтенантамъ и генералъ-маіорамъ.

Въ то же время, когда императоръ изволилъ прикладываться ко святымъ иконамъ и мощамъ, тогда отдавалъ корону, скипетръ и державу тѣмъ чиновникамъ, кои несли оные.

Изъ Благовѣщенскаго собора коронованные помазанники изволили шествовать къ Красному крыльцу, а отгуда во внутренніе покои, гдѣ и пробыли до тѣхъ поръ, пока изготовили всё къ столу въ Грановитой палатѣ. А когда верховный маршалъ извѣстилъ о изготовленіи стола, тогда императоръ, императрица, мать-императрица во всемъ императорскомъ изволили пойдти въ Грановитую палату; ихъ сопровождали церемоніймейстеры, обер-церемоніймейстеры, вышніе чины двора и верховный маршалъ.

По обѣимъ сторонамъ государя шли генералъ и флигель-адъютанты, секретари и придворные кавалеры. Путь былъ охраняемъ, по церемоніалу, кавалергардами, стоявшими по обочь шествія въ двѣ шеренги, на каждой сторонѣ, а церемоніймейстеры въ сіе же самое время препровождали въ палату духовныхъ и свѣтскихъ особъ первыхъ четырехъ классовъ, обоего пола. Дамы находились по правую, а духовные съ прочими по лѣвую сторону столовъ.

Ихъ Императорскія Величества къ обѣденному столу взошли на тронъ, расположенный подъ балдахиномъ. За креслами Ихъ Величествъ стояли первѣйшіе дворскіе чиновники и ассистенты Ихъ Ве-

шествіе ихъ было въ Архангельскій соборъ. Здѣсь чиновники, находившіеся въ процессіи, проходили въ западныя двери къ Благовѣщенскому собору, и покамѣсть Ихъ Императорскія Величества изволили прикладываться ко св. иконамъ и мощамъ и въ то же время покланяться гробамъ своихъ предковъ, протодіаконъ читалъ эктенію и по окончаніи оной возглашалъ многолѣтіе.

Точно описаннымъ же порядкомъ государь былъ и въ Благовѣщенскомъ соборѣ. У обоихъ сихъ соборовъ, для встрѣтенія его находились архіереи и духовенство со крестами и святою водою.

Во все продолженіе послѣдняго шествія Александръ былъ въ императорской коронѣ и мантіи, имѣя скипетръ и державу въ рукахъ. Шлейфъ мантіи государя несли восемь камергеровъ, а конецъ оной держалъ шталмейстеръ. Въ числѣ камергеровъ, бывшихъ при императорскомъ шлейфѣ, я припомню: Комбурлея, графа Орлова, Лаваля и князя Тюфякина. Шлейфъ государыни императрицы несли шесть камергеровъ (въ числѣ которыхъ были графы Марущи и Моравскій), а конецъ шлейфа держали оберъ-егермейстеры. Во время сего шествія отъ оставшихся въ парадѣ войскъ произведенъ былъ бѣглый огонь, играла музыка, продолжался барабанный бой, а изъ пушекъ былъ сдѣланъ сто-одинъ выстрѣлъ.

Замѣть также, что въ минуту посѣщенія Его Императорскимъ Величествомъ Архангельскаго собора, церемоніальный балдахинъ обнесенъ былъ прежде упомянутыми же мною штабъ-офицерами къ западнымъ дверямъ сего собора и оными былъ держанъ. По выходѣ же Ихъ Величествъ изъ собора, штабъ-офицеры тотчасъ сдали балдахинъ генералъ-лейтенантамъ и генералъ-маіорамъ.

Въ то же время, когда императоръ изволилъ прикладываться ко святымъ иконамъ и мощамъ, тогда отдавалъ корону, скипетръ и державу тѣмъ чиновникамъ, кои несли оные.

Изъ Благовѣщенскаго собора коронованные помазанники изволили шествовать къ Красному крыльцу, а отгуда во внутренніе покои, гдѣ и пробыли до тѣхъ поръ, пока изготовили всё къ столу въ Грановитой палатѣ. А когда верховный маршалъ извѣстилъ о изготовленіи стола, тогда императоръ, императрица, мать-императрица во всемъ императорскомъ изволили пойдти въ Грановитую палату; ихъ сопровождали церемоніймейстеры, обер-церемоніймейстеры, вышніе чины двора и верховный маршалъ.

По обѣимъ сторонамъ государя шли генералъ и флигель-адъютанты, секретари и придворные кавалеры. Путь былъ охраняемъ, по церемоніалу, кавалергардами, стоявшими по обочь шествія въ двѣ шеренги, на каждой сторонѣ, а церемоніймейстеры въ сіе же самое время препровождали въ палату духовныхъ и свѣтскихъ особъ первыхъ четырехъ классовъ, обоего пола. Дамы находились по правую, а духовные съ прочими по лѣвую сторону столовъ.

Ихъ Императорскія Величества къ обѣденному столу взошли на тронъ, расположенный подъ балдахиномъ. За креслами Ихъ Величествъ стояли первѣйшіе дворскіе чиновники и ассистенты Ихъ Ве-

личествѣ, а напротивъ ихъ форшнейдеръ. По сторонамъ трона находились четыре кавалергардскихъ офицера.

Императоръ подалъ знакъ, и государственный казначей поднесъ государынямъ императрицамъ на случай высочайшаго коронованія сдѣланныя медали, а потомъ оныя раздѣлилъ и прочимъ, находившимся въ Грановитой палатѣ обоего пола особамъ: Ихъ Императорскимъ Высочествамъ отнесены были медали ихъ дворовъ чиновниками. Въ продолженіи сего митрополитъ Платонъ благословилъ трапезу.

Для высочайшихъ особъ императорской фамиліи обѣденный столъ пріуготовили въ Тайникѣ. Когда Его Императорское Величество изволилъ спросить пить, тогда всѣ духовныя и свѣтскія первыхъ двухъ классовъ обоего пола особы сѣли за особо устроенные для нихъ въ Грановитой палатѣ столы. Вотъ тебѣ и списокъ свѣтскихъ особъ мужскаго пола, бывшихъ за симъ столомъ, но не полный: Два графа Салтыкова (Иванъ Петровичъ и Николай Ивановичъ), генералъ-фельдмаршалы, графъ Каменскій (Михаилъ Ѳедотовичъ) генералъ-фельдмаршалъ, два графа Остермана (Ѳедоръ Андреевичъ и Иванъ Андреевичъ) дѣйствительные тайные совѣтники перваго класса, вторый—канцлеръ, князь Голицынъ (Александръ Михайловичъ) оберъ-камергеръ, князь Голицынъ (Сергѣй Ѳедоровичъ) генералъ отъ инфантеріи, князь Долгорукій (Юрій Владиміровичъ) генералъ отъ инфантеріи, графъ Орловъ (Алексѣй Григорьевичъ) генералъ-аншефъ, Корсаковъ (Алексѣй Ивановичъ) генералъ инспекторъ всей артиллеріи, графъ Денисовъ генералъ отъ кавалеріи, князь Чарторижскій дѣйствительный тайный совѣтникъ, Михельсонъ (Иванъ Ивановичъ) генералъ отъ кавалеріи, Новороссійскій военный губернаторъ, Пассекъ генералъ отъ инфантеріи, Горичъ генералъ отъ кавалеріи, графъ Воронцовъ (Александръ Романовичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса, Вязмитиновъ (Сергѣй Козмичъ) генералъ отъ инфантеріи, графъ Разумовскій (Алексѣй Кириловичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ и камергеръ, князь Куракинъ (Алексѣй Борисовичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Головкинъ (Гавріилъ Ивановичъ) коммисіи о коронаціи оберъ-церемоніймейстеръ, Нарышкинъ (Александръ Львовичъ) оберъ-гофмаршалъ, Валуевъ (Петръ Степановичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Головинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Волконскій (Григорій Семеновичъ) генералъ отъ кавалеріи, графъ Гудовичъ (Иванъ Васильевичъ) генералъ отъ инфантеріи, графъ Марковъ (Ираклій Ивановичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, Грушевскій, (Александръ Владиміровичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, Заборовскій (Иванъ Александровичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Бѣлосельскій (Александръ Михайловичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Щербатовъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, Колокольцевъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, Еропкинъ (Петръ Дмитріевичъ) генералъ-аншефъ, Апраксинъ (Степанъ Степановичъ) генералъ отъ кавалеріи, Московской и Смоленской дивизій инспекторъ, Херасковъ

личествѣ, а напротивъ ихъ форшнейдеръ. По сторонамъ трона находились четыре кавалергардскихъ офицера.

Императоръ подалъ знакъ, и государственный казначей поднесъ государынямъ императрицамъ на случай высочайшаго коронованія сдѣланныя медали, а потомъ оныя раздѣлилъ и прочимъ, находившимся въ Грановитой палатѣ обоего пола особамъ: Ихъ Императорскимъ Высочествамъ отнесены были медали ихъ дворовъ чиновниками. Въ продолженіи сего митрополитъ Платонъ благословилъ трапезу.

Для высочайшихъ особъ императорской фамиліи обѣденный столъ приуготовили въ Тайникѣ. Когда Его Императорское Величество изволилъ спросить пить, тогда всѣ духовныя и свѣтскія первыхъ двухъ классовъ обоего пола особы сѣли за особо устроенные для нихъ въ Грановитой палатѣ столы. Вотъ тебѣ и списокъ свѣтскихъ особъ мужскаго пола, бывшихъ за симъ столомъ, но не полный: Два графа Салтыкова (Иванъ Петровичъ и Николай Ивановичъ), генералъ-фельдмаршалы, графъ Каменскій (Михаилъ Ѳедотовичъ) генералъ-фельдмаршалъ, два графа Остермана (Ѳедоръ Андреевичъ и Иванъ Андреевичъ) дѣйствительные тайные совѣтники перваго класса, вторый—канцлеръ, князь Голицынъ (Александръ Михайловичъ) оберъ-камергеръ, князь Голицынъ (Сергѣй Ѳедоровичъ) генералъ отъ инфантеріи, князь Долгорукій (Юрій Владиміровичъ) генералъ отъ инфантеріи, графъ Орловъ (Алексѣй Григорьевичъ) генералъ-аншефъ, Корсаковъ (Алексѣй Ивановичъ) генералъ инспекторъ всей артиллеріи, графъ Денисовъ генералъ отъ кавалеріи, князь Чарторижскій дѣйствительный тайный совѣтникъ, Михельсонъ (Иванъ Ивановичъ) генералъ отъ кавалеріи, Новороссійскій военный губернаторъ, Пассекъ генералъ отъ инфантеріи, Горичъ генералъ отъ кавалеріи, графъ Воронцовъ (Александръ Романовичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса, Вязмитиновъ (Сергѣй Козмичъ) генералъ отъ инфантеріи, графъ Разумовскій (Алексѣй Кириловичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ и камергеръ, князь Куракинъ (Алексѣй Борисовичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Головкинъ (Гавріилъ Ивановичъ) коммисіи о коронаціи оберъ-церемоніймейстеръ, Нарышкинъ (Александръ Львовичъ) оберъ-гофмаршалъ, Валуевъ (Петръ Степановичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Головинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Волконскій (Григорій Семеновичъ) генералъ отъ кавалеріи, графъ Гудовичъ (Иванъ Васильевичъ) генералъ отъ инфантеріи, графъ Марковъ (Ираклій Ивановичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, Грушевскій, (Александръ Владиміровичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, Заборовскій (Иванъ Александровичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Бѣлосельскій (Александръ Михайловичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Щербатовъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, Колокольцевъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, Еропкинъ (Петръ Дмитріевичъ) генералъ-аншефъ, Апраксинъ (Степанъ Степановичъ) генералъ отъ кавалеріи, Московской и Смоленской дивизій инспекторъ, Херасковъ

(Михаилъ Матвѣевичъ), Татищевъ (Николай Алексѣевичъ) генералъ отъ инфантеріи, князь Волконскій генералъ интендантъ всей арміи, Архаровы (Николай Петровичъ и Иванъ Петровичъ) генералы отъ инфантеріи, князь Прозоровскій (Александръ Александровичъ) генералъ отъ инфантеріи, Державинъ (Гавріилъ Романовичъ), графъ Зубовъ (Николай Александровичъ), князь Куракинъ (Александръ Борисовичъ) вице-канцлеръ, графъ Румянцевъ (Николай Петровичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Безбородко (Александръ Андреевичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Кочубей (Викторъ Павловичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, Энгельгартъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Панинъ (Никита Петровичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, Свиньинъ (Петръ Сергѣевичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Зубовъ (Платонъ Александровичъ), графъ Зубовъ (Валерьянъ Александровичъ) генералъ отъ инфантеріи, графъ Браницкій генералъ отъ инфантеріи, Беклешовъ (Александръ Андреевичъ) генералъ-прокуроръ, баронъ Васильевъ (Алексѣй Васильевичъ), Ламбъ, вице-президентъ военной коллегіи, графъ Самойловъ (Александръ Николаевичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Завадовскій (Петръ Васильевичъ) и многіе другіе, въ доставленной мнѣ запискѣ не находившіеся. Какъ наблюдатель замѣть и запиши: сколько еще тутъ вельможъ и героевъ двора Екатерининa! Но мундиромъ аншефовъ Екатерининыхъ отличался одинъ только старый воинъ ея, вельможа хлѣбосолъ московскій, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

Прочихъ классовъ обоего пола особы, сколько мѣстъ дозволяло, обѣдали въ другихъ покояхъ. Между ними должно было упомнить: богатаго графа Потоцкаго (тайн. совѣт.) Кнорринга (Астраханскаго военнаго губернатора), храбраго графа Маркова (генералъ-лейтенанта), помощника въ Италійскихъ побѣдахъ Суворова, любимца его князя Багратіона, разсчетливаго, но непобѣдимаго воина генералъ-лейтенанта Бенингсена, славнаго въ свое время начальника гусаровъ генералъ-лейтенанта Боура (каждый рубецъ на немъ есть знакъ свѣтлой чести), вихря въ побѣдахъ, Донскаго героя генералъ-маіора Платова и товарища его всегда соучастника шефа Апшеронскаго полка генералъ-маіора Милорадовича, дѣятельнаго по службѣ государственной, любимца героя Потемкина-Таврическаго, вѣка Екатерины Великой тайнаго совѣтника (В. С.) Попова, ужаснаго для всѣхъ горскихъ народовъ генералъ-лейтенанта (С. А.) Булгакова, еще храбраго непобѣдимаго Донца генералъ-маіора (А. В.) Иловайскаго, глубокомысленнаго изслѣдователя языка нашего вице-адмирала А. С. Шишкова, необыкновенно пламеннаго любителя русскаго стихотворства, сунодальнаго оберъ-прокурора тайнаго совѣтника графа Д. И. Хвостова, богатаго князя Сапегу, многихъ генераловъ службы Екатерининой и юнаго принца Мекленбургскаго, нашей службы генералъ-маіора.

Кушанье въ предслѣдованіи верховныхъ маршаловъ и церемоніймейстера носили штабъ-офицеры, а за ними слѣдовали оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры. На столъ же кушанье было ста-

(Михаилъ Матвѣевичъ), Татищевъ (Николай Алексѣевичъ) генералъ отъ инфантеріи, князь Волконскій генералъ интендантъ всей арміи, Архаровы (Николай Петровичъ и Иванъ Петровичъ) генералы отъ инфантеріи, князь Прозоровскій (Александръ Александровичъ) генералъ отъ инфантеріи, Державинъ (Гавріилъ Романовичъ), графъ Зубовъ (Николай Александровичъ), князь Куракинъ (Александръ Борисовичъ) вице-канцлеръ, графъ Румянцевъ (Николай Петровичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Безбородко (Александръ Андреевичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Кочубей (Викторъ Павловичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, Энгельгартъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Панинъ (Никита Петровичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, Свиньинъ (Петръ Сергѣевичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Зубовъ (Платонъ Александровичъ), графъ Зубовъ (Валерьянъ Александровичъ) генералъ отъ инфантеріи, графъ Браницкій генералъ отъ инфантеріи, Беклешовъ (Александръ Андреевичъ) генералъ-прокуроръ, баронъ Васильевъ (Алексѣй Васильевичъ), Ламбъ, вице-президентъ военной коллегіи, графъ Самойловъ (Александръ Николаевичъ) дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Завадовскій (Петръ Васильевичъ) и многіе другіе, въ доставленной мнѣ запискѣ не находившіеся. Какъ наблюдатель замѣть и запиши: сколько еще тутъ вельможъ и героевъ двора Екатерининa! Но мундиромъ аншефовъ Екатерининыхъ отличался одинъ только старый воинъ ея, вельможа хлѣбосолъ московскій, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

Прочихъ классовъ обоего пола особы, сколько мѣстъ дозволяло, обѣдали въ другихъ покояхъ. Между ними должно было упомнить: богатаго графа Потоцкаго (тайн. совѣт.) Кнорринга (Астраханскаго военнаго губернатора), храбраго графа Маркова (генералъ-лейтенанта), помощника въ Италійскихъ побѣдахъ Суворова, любимца его князя Багратіона, разсчетливаго, но непобѣдимаго воина генералъ-лейтенанта Бенингсена, славнаго въ свое время начальника гусаровъ генералъ-лейтенанта Боура (каждый рубецъ на немъ есть знакъ свѣтлой чести), вихря въ побѣдахъ, Донскаго героя генералъ-маіора Платова и товарища его всегда соучастника шефа Апшеронскаго полка генералъ-маіора Милорадовича, дѣятельнаго по службѣ государственной, любимца героя Потемкина-Таврическаго, вѣка Екатерины Великой тайнаго совѣтника (В. С.) Попова, ужаснаго для всѣхъ горскихъ народовъ генералъ-лейтенанта (С. А.) Булгакова, еще храбраго непобѣдимаго Донца генералъ-маіора (А. В.) Иловайскаго, глубокомысленнаго изслѣдователя языка нашего вице-адмирала А. С. Шишкова, необыкновенно пламеннаго любителя русскаго стихотворства, сунодальнаго оберъ-прокурора тайнаго совѣтника графа Д. И. Хвостова, богатаго князя Сапегу, многихъ генераловъ службы Екатерининой и юнаго принца Мекленбургскаго, нашей службы генералъ-маіора.

Кушанье въ предслѣдованіи верховныхъ маршаловъ и церемоній-мейстера носили штабъ-офицеры, а за ними слѣдовали оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры. На столъ же кушанье было ста-

влено гофъ-маршалами. Въ продолженіи стола игранъ былъ инструментальный и вокальный концертъ.

По окончаніи стола Ихъ Императорскія Величества государь императоръ и государыня императрица изволили возвратиться во внутренніе апартаменты, тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и прибыли.

Тогда, какъ на Ивановской площади, такъ и въ разныхъ частяхъ города избранными чиновниками раздавались народу жетоны.

XVI.

Уничтоженіе тайной экспедиціи.

17-го Сентября.

Читая манифестъ о коронаціи, ты видѣлъ слова: „*Отвергнувъ ужасы тайной экспедиціи, мы исторгнули изъ заклеповъ ея всѣ ея жертвы! Благосостояніе царствъ земныхъ зиждется временемъ и устрояется продолжительнымъ къ общему добру устремленіемъ!*“ Крестись на благодать небесную и цѣлуй эти слова, мой любезный другъ! Александръ—истинный внукъ Великой Екатерины: ея слова онъ произнесъ своими устами и заручилъ ихъ своимъ великимъ сердцемъ!

Дни царства его будутъ изочтены днями преуспѣянія Россіи въ добродѣтели и просвѣщеніи, единомъ твердомъ основаніи непоколебимаго всѣхъ царствъ блаженства!

Сенаторы князь Алексѣй Борисовичь Куракинъ, Николай Николаевичь Новосильцевъ, Осипъ Петровичь Козадавлевъ и Михаилъ Кондратьевичь Макаровъ опредѣлены въ коммисію для изысканія несчастныхъ, подвергшихъ себя бѣдствіямъ неожиданнымъ. Понимаешь ли ты меня? Но вотъ и еще самыя объяснительныя, ни съ чѣмъ несравненныя златыя слова Александровы: „Среди всеобщаго торжества вѣрныхъ сыновъ отечества“, говоритъ нашъ добродѣтельный монархъ, простирая взоръ состраданія и на отпадшихъ его чадъ, винами своими отторгнувшихся отъ нѣдръ его, но не потерявшихъ правъ человѣчества,—„повелѣваемъ правительствующему сенату, составя изъ сенаторовъ, самимъ сенатомъ избранныхъ и на утвержденіе намъ представленныхъ, особую коммиссію, поручить ей, собравъ свѣдѣнія, какъ въ самомъ сенатѣ, такъ и въ мѣстахъ заточенія и ссылки, войдти въ разсмотрѣніе, не найдутся ли въ числѣ потерпѣвшихъ сіе наказаніе всякаго рода и званія людей такіе, коихъ вины не умышленны и болѣе относятся ко мнѣнію и образу мыслей того времени, нежели къ дѣламъ безчестнымъ и дѣйствительный вредъ государству наносящимъ; и ежели таковые откроются, сочинивъ списки имъ, съ означеніемъ самыхъ винъ, качества, времени и мѣста наказанія, представить намъ на усмотрѣніе, дабы судя по существу преступленій и понесеннаго ужь ими

влено гофъ-маршалами. Въ продолженіи стола игранъ былъ инструментальный и вокальный концертъ.

По окончаніи стола Ихъ Императорскія Величества государь императоръ и государыня императрица изволили возвратиться во внутренніе апартаменты, тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и прибыли.

Тогда, какъ на Ивановской площади, такъ и въ разныхъ частяхъ города избранными чиновниками раздавались народу жетоны.

XVI.

Уничтоженіе тайной экспедиціи.

17-го Сентября.

Читая манифестъ о коронаціи, ты видѣлъ слова: „*Отвергнувъ ужасы тайной экспедиціи, мы исторгнули изъ заклеповъ ея всѣ ея жертвы! Благосостояніе царствъ земныхъ зиждется временемъ и устрояется продолжительнымъ къ общему добру устремленіемъ!*“ Крестись на благодать небесную и цѣлуй эти слова, мой любезный другъ! Александръ—истинный внукъ Великой Екатерины: ея слова онъ произнесъ своими устами и заручилъ ихъ своимъ великимъ сердцемъ!

Дни царства его будутъ изочтены днями преуспѣянія Россіи въ добродѣтели и просвѣщеніи, единомъ твердомъ основаніи непоколебимаго всѣхъ царствъ блаженства!

Сенаторы князь Алексѣй Борисовичь Куракинъ, Николай Николаевичь Новосильцевъ, Осипъ Петровичь Козадавлевъ и Михаилъ Кондратьевичь Макаровъ опредѣлены въ коммисію для изысканія несчастныхъ, подвергшихъ себя бѣдствіямъ неожиданнымъ. Понимаешь ли ты меня? Но вотъ и еще самыя объяснительныя, ни съ чѣмъ несравненныя златыя слова Александровы: „Среди всеобщаго торжества вѣрныхъ сыновъ отечества“, говоритъ нашъ добродѣтельный монархъ, простирая взоръ состраданія и на отпадшихъ его чадъ, винами своими отторгнувшихся отъ нѣдръ его, но не потерявшихъ правъ человѣчества,—„повелѣваемъ правительствующему сенату, составя изъ сенаторовъ, самимъ сенатомъ избранныхъ и на утвержденіе намъ представленныхъ, особую коммиссію, поручить ей, собравъ свѣдѣнія, какъ въ самомъ сенатѣ, такъ и въ мѣстахъ заточенія и ссылки, войдти въ разсмотрѣніе, не найдутся ли въ числѣ потерпѣвшихъ сіе наказаніе всякаго рода и званія людей такіе, коихъ вины не умышленны и болѣе относятся ко мнѣнію и образу мыслей того времени, нежели къ дѣламъ безчестнымъ и дѣйствительный вредъ государству наносящимъ; и ежели таковые откроются, сочинивъ списки имъ, съ означеніемъ самыхъ винъ, качества, времени и мѣста наказанія, представить намъ на усмотрѣніе, дабы судя по существу преступленій и понесеннаго ужь ими

наказанія, облегчить участь ихъ, не ослабляя силы закона и не прерывая строгаго его дѣйствія на тѣхъ, кои поступками злонамѣренными, чести и порядку противными, обратили на себя его преще-ніе. Сія коммиссія возьметъ періодъ своего разсмотрѣнія съ такого времени, чтобы въ безполезное ей отягощеніе не простирались ея розысканія на людей, кои, бывъ сосланы, по естественному порядку вещей не могутъ уже въ живыхъ находиться. Впрочемъ, въ руководство ей и въ яснѣйшее означеніе предметовъ, коими она должна заняться, какъ скоро избранные къ составленію ея кандидаты намъ представлены и утверждены будутъ, не оставимъ мы снабдить ее подробнѣйшими наставленіями".

Такъ говоритъ и чувствуетъ Александръ; сама истина владычествуетъ надъ нами! Ея рукою заклепы расторгнуты, двери темницъ отворились, благоденствіе излилось на всѣхъ и повсюду. Счастливая Россія!

На другой день коронованія былъ обѣденный столъ для духовенства и первыхъ двухъ классовъ обоего пола особъ. Ничего не могу сказать тебѣ о семъ парадномъ придворномъ обѣдѣ, и силы моей неутомимой бдительности все знать не всегда и не вездѣ возможны! Прощай!

XVII.

Балъ въ Грановитой палатѣ на третій день коронованія государя императора Александра Павловича.

18-го Сентября.

Вчерашній день я былъ на балѣ у императора; это новость для меня еще совершенно необыкновенная, любопытная, восхитительная: я былъ *вмѣстѣ* съ нашимъ государемъ, стоялъ подлѣ него, глядѣлъ на него, глядѣлъ на всю его фамилію и глядѣлъ столько, сколько желала того душа моя. Но признаюсь тебѣ—какъ со мною водится—я все еще на нихъ не наглядѣлся! Вспоминаю русскую пѣсню:

Государь ты царь, родной батюшко!
Ненаглядное наше солнышко!

И точно такъ: нашъ государь—ненаглядное наше солнышко! Видѣть Александра и его супругу, всю его фамилію — это желаніе ненасытное, желаніе такое, котораго я никакъ и никогда не буду умѣть объяснить тебѣ, мой другъ любезный!

Еще 16 го числа батюшка, извѣстивъ меня о предназначенномъ балѣ въ Грановитой палатѣ, сказалъ, что меня беретъ, какъ чиновника дипломатическаго, на балъ къ государю и велѣлъ, чтобъ я къ 7-ми часамъ вечера назначеннаго числа былъ готовымъ. Неожиданность эта, признаюсь тебѣ, меня поразила. „Какъ это! На балъ къ государю?" воскликнулъ я и побѣжалъ съ симъ словомъ,

наказанія, облегчить участь ихъ, не ослабляя силы закона и не прерывая строгаго его дѣйствія на тѣхъ, кои поступками злонамѣренными, чести и порядку противными, обратили на себя его преще-ніе. Сія коммиссія возьметъ періодъ своего разсмотрѣнія съ такого времени, чтобы въ безполезное ей отягощеніе не простирались ея розысканія на людей, кои, бывъ сосланы, по естественному порядку вещей не могутъ уже въ живыхъ находиться. Впрочемъ, въ руководство ей и въ яснѣйшее означеніе предметовъ, коими она должна заняться, какъ скоро избранные къ составленію ея кандидаты намъ представлены и утверждены будутъ, не оставимъ мы снабдить ее подробнѣйшими наставленіями".

Такъ говоритъ и чувствуетъ Александръ; сама истина владычествуетъ надъ нами! Ея рукою заклепы расторгнуты, двери темницъ отворились, благоденствіе излилось на всѣхъ и повсюду. Счастливая Россія!

На другой день коронованія былъ обѣденный столъ для духовенства и первыхъ двухъ классовъ обоего пола особъ. Ничего не могу сказать тебѣ о семъ парадномъ придворномъ обѣдѣ, и силы моей неутомимой бдительности все знать не всегда и не вездѣ возможны! Прощай!

XVII.

Балъ въ Грановитой палатѣ на третій день коронованія государя императора Александра Павловича.

18-го Сентября.

Вчерашній день я былъ на балѣ у императора; это новость для меня еще совершенно необыкновенная, любопытная, восхитительная: я былъ *вмѣстѣ* съ нашимъ государемъ, стоялъ подлѣ него, глядѣлъ на него, глядѣлъ на всю его фамилію и глядѣлъ столько, сколько желала того душа моя. Но признаюсь тебѣ—какъ со мною водится—я все еще на нихъ не наглядѣлся! Вспоминаю русскую пѣсню:

Государь ты царь, родной батюшко!
Ненаглядное наше солнышко!

И точно такъ: нашъ государь—ненаглядное наше солнышко! Видѣть Александра и его супругу, всю его фамилію — это желаніе ненасытное, желаніе такое, котораго я никакъ и никогда не буду умѣть объяснить тебѣ, мой другъ любезный!

Еще 16 го числа батюшка, извѣстивъ меня о предназначенномъ балѣ въ Грановитой палатѣ, сказалъ, что меня беретъ, какъ чиновника дипломатическаго, на балъ къ государю и велѣлъ, чтобъ я къ 7-ми часамъ вечера назначеннаго числа былъ готовымъ. Неожиданность эта, признаюсь тебѣ, меня поразила. „Какъ это! На балъ къ государю?" воскликнулъ я и побѣжалъ съ симъ словомъ,

кажется, только для того, чтобы сообщить мою радость каждому изъ нашихъ домашнихъ.

Не умѣю тебѣ выразить, въ какихъ хлопотахъ и восторгахъ прошло для меня утро 17-го числа и весь день сей до назначеннаго времени ѣхать на балъ къ государю. Ты очень знаешь мое равнодушіе ко всякому щегольству; но тогда я безпрестанно или примѣривалъ новый мундиръ свой, или вытиралъ шпагу, обвертывалъ ее темлякомъ и опять развертывалъ, бралъ шляпу, не отходилъ отъ зеркала и учился кланяться.

Наконецъ насталъ часъ желанный — ровно семь часовъ, время, котораго я никогда не позабуду! Мы пріѣхали въ Грановитую палату, и вотъ вся моя храбрость отличить себя теперь совершенно исчезла: блескъ двора, еще для меня необыкновенный, мною никогда не виданный, очаровалъ меня; я остановился и нѣсколько минутъ былъ недвижимымъ!

Явился нашъ ангелъ-хранитель, нашъ Александръ, и всѣ сердца и всѣ взоры обратились къ нему: у всѣхъ въ очахъ онъ одинъ, другое все забыто! Знаешь ли ты, что это человѣкъ необыкновенный: въ немъ юность, красота, величество въ одной точкѣ, въ одномъ градусѣ высшаго совершенства; онѣ никакъ не раздѣльны: между ними нѣтъ и тѣни отличій того или другаго въ первенствѣ. Нашъ государь, повторю я, человѣкъ единственный; другаго ему подобнаго человѣка едва ли еще возможно найдти въ свѣтѣ!

Заиграла музыка польскія, и начались танцы. Императоръ танцовалъ со всею своею фамиліею и со многими нашими московскими дамами. Припомню графиню Орлову, Валуеву, графинь Салтыковыхъ, Чичерину; но объ этомъ буду писать тебѣ послѣ, послѣ я разскажу тебѣ о всѣхъ счастливыхъ.

Великій князь, великія княгини и великія княжны также принимали участіе въ танцахъ, не исключая въ семъ случаѣ даже и почтенныхъ нашихъ вельможъ-старцевъ, между которыми я особенно замѣчаю графа Ивана Андреевича Остермана канцлера, князя Александра Михайловича Голицына стараго оберъ-камергера, графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Послѣ польскихъ танцовали экоссесъ; но не долго: въ девять часовъ балъ уже кончился.

Нужно ли тебѣ описывать бальную залу нашей Грановитой палаты? Ты ее знаешь; но кажется, не излишнимъ будетъ, если я разскажу тебѣ о настоящемъ ея убранствѣ. Вкусомъ онаго мы предпочтительно обязаны почтеннѣйшему нашему Петру Степановичу Валуеву, онъ, какъ мнѣ сказывали, принималъ въ украшеніи сей залы непосредственное участіе и оправдалъ себя въ мастерствѣ украшать.

Средній столбъ, поддерживающій своды палаты, покрытъ новою позолотою, убранъ рѣзьбою и живописью мастерскою. Самая зала, по обойкѣ малиновымъ бархатомъ, обложена вокругъ всѣхъ приличныхъ мѣстъ золотымъ позументомъ. Между оконъ на всемъ пространствѣ комнаты установлены гербы и вензелевыя имена подъ

кажется, только для того, чтобы сообщить мою радость каждому изъ нашихъ домашнихъ.

Не умѣю тебѣ выразить, въ какихъ хлопотахъ и восторгахъ прошло для меня утро 17-го числа и весь день сей до назначеннаго времени ѣхать на балъ къ государю. Ты очень знаешь мое равнодушіе ко всякому щегольству; но тогда я безпрестанно или примѣривалъ новый мундиръ свой, или вытиралъ шпагу, обвертывалъ ее темлякомъ и опять развертывалъ, бралъ шляпу, не отходилъ отъ зеркала и учился кланяться.

Наконецъ насталъ часъ желанный — ровно семь часовъ, время, котораго я никогда не позабуду! Мы пріѣхали въ Грановитую палату, и вотъ вся моя храбрость отличить себя теперь совершенно исчезла: блескъ двора, еще для меня необыкновенный, мною никогда не виданный, очаровалъ меня; я остановился и нѣсколько минутъ былъ недвижимымъ!

Явился нашъ ангелъ-хранитель, нашъ Александръ, и всѣ сердца и всѣ взоры обратились къ нему: у всѣхъ въ очахъ онъ одинъ, другое все забыто! Знаешь ли ты, что это человѣкъ необыкновенный: въ немъ юность, красота, величество въ одной точкѣ, въ одномъ градусѣ высшаго совершенства; онѣ никакъ не раздѣльны: между ними нѣтъ и тѣни отличій того или другаго въ первенствѣ. Нашъ государь, повторю я, человѣкъ единственный; другаго ему подобнаго человѣка едва ли еще возможно найдти въ свѣтѣ!

Заиграла музыка польскія, и начались танцы. Императоръ танцовалъ со всею своею фамиліею и со многими нашими московскими дамами. Припомню графиню Орлову, Валуеву, графинь Салтыковыхъ, Чичерину; но объ этомъ буду писать тебѣ послѣ, послѣ я разскажу тебѣ о всѣхъ счастливыхъ.

Великій князь, великія княгини и великія княжны также принимали участіе въ танцахъ, не исключая въ семъ случаѣ даже и почтенныхъ нашихъ вельможъ-старцевъ, между которыми я особенно замѣчаю графа Ивана Андреевича Остермана канцлера, князя Александра Михайловича Голицына стараго оберъ-камергера, графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Послѣ польскихъ танцовали экоссесъ; но не долго: въ девять часовъ балъ уже кончился.

Нужно ли тебѣ описывать бальную залу нашей Грановитой палаты? Ты ее знаешь; но кажется, не излишнимъ будетъ, если я разскажу тебѣ о настоящемъ ея убранствѣ. Вкусомъ онаго мы предпочтительно обязаны почтеннѣйшему нашему Петру Степановичу Валуеву, онъ, какъ мнѣ сказывали, принималъ въ украшеніи сей залы непосредственное участіе и оправдалъ себя въ мастерствѣ украшать.

Средній столбъ, поддерживающій своды палаты, покрытъ новою позолотою, убранъ рѣзьбою и живописью мастерскою. Самая зала, по обойкѣ малиновымъ бархатомъ, обложена вокругъ всѣхъ приличныхъ мѣстъ золотымъ позументомъ. Между оконъ на всемъ пространствѣ комнаты установлены гербы и вензелевыя имена подъ

коронами, весьма искусно сдѣланными изъ золотаго глазета. Подъ окнами живописные гербы всѣхъ нашихъ областей и губерній. Полъ устланъ алымъ сукномъ, а вокругъ вышеупомянутаго столба разставлены всѣ древніе императорскіе, царскіе и княжескіе золотые и серебряные сосуды и другія вещи.

Въ правой сторонѣ палаты находится балдахинъ; онъ сдѣланъ также изъ малиноваго бархата, подъ цвѣтъ залы, убранъ дорогимъ золотымъ позументомъ, такою же бахрамою и кистями. На стѣнѣ балдахина вышитъ государственный гербъ, а въ плафонѣ вензелевое имя императорское.

По сторонамъ балдахина весьма живописно распростерта императорская мантія: она изъ золотаго же глазета, обшита, по приличію, орлами, подложена горностаемъ и окаймлена богатымъ золотымъ позументомъ; на каждой изъ ея сторонъ по двѣ золотыя кисти; самый верхъ балдахина убранъ золотомъ же и позументомъ; а надъ симъ установленъ вышитый и обложенный также золотомъ имперіалъ, поверхъ котораго на малиновой бархатной же подушкѣ большая императорская корона, украшенная, какъ и ты знаешь, рѣдкими драгоцѣнными каменьями.

Тронъ устроенъ подъ балдахиномъ со ступенями, обитъ также, какъ и все другое, бархатомъ и выложенъ позументомъ. На тронѣ стояли богатые кресла и столъ для Его Императорскаго Величества, по правую руку таковые же для императрицы-матери, а по лѣвую для императрицы, супруги императора.

Въ двухъ углахъ на пьедесталахъ стоятъ древнія вазы, какъ думаю, нѣкогда привезенныя по велѣнію Елисаветы Петровны изъ Рима; но за это не отвѣчаю.

Оркестръ для музыкантовъ обитъ малиновымъ же бархатомъ съ позументомъ; онъ построенъ отъ входа въ палату по одну сторону дверей.

Описывать теперь больше нѣтъ силъ; обѣщаю впредь говорить многое и многое радостное и для тебя, и для всего народа Александрова. Какъ чиновникъ дипломатическій, хоть и самый маленькій, я нахожу случаи и способы знать все и видѣть все лучше и прежде многихъ другихъ, а предпочтительно съ помощію благодѣтельнаго моего начальника Николая Николаевича Бантыша-Каменскаго, который чего не знаетъ? Vale....

XVIII.

Гулянье въ Сокольникахъ.

19-го Сентября.

Императоръ изволилъ переѣхать въ Слободскій дворецъ, и три дня назначены для общихъ веселостей. Сего дня мы гуляли въ Сокольникахъ. Это вотъ какъ было: съ ранней утренней звѣзды народъ уже длинными рядами потянулся со всѣхъ концевъ Москвы

коронами, весьма искусно сдѣланными изъ золотаго глазета. Подъ окнами живописные гербы всѣхъ нашихъ областей и губерній. Полъ устланъ алымъ сукномъ, а вокругъ вышеупомянутаго столба разставлены всѣ древніе императорскіе, царскіе и княжескіе золотые и серебряные сосуды и другія вещи.

Въ правой сторонѣ палаты находится балдахинъ; онъ сдѣланъ также изъ малиноваго бархата, подъ цвѣтъ залы, убранъ дорогимъ золотымъ позументомъ, такою же бахрамою и кистями. На стѣнѣ балдахина вышитъ государственный гербъ, а въ плафонѣ вензелевое имя императорское.

По сторонамъ балдахина весьма живописно распростерта императорская мантія: она изъ золотаго же глазета, обшита, по приличію, орлами, подложена горностаемъ и окаймлена богатымъ золотымъ позументомъ; на каждой изъ ея сторонъ по двѣ золотыя кисти; самый верхъ балдахина убранъ золотомъ же и позументомъ; а надъ симъ установленъ вышитый и обложенный также золотомъ имперіалъ, поверхъ котораго на малиновой бархатной же подушкѣ большая императорская корона, украшенная, какъ и ты знаешь, рѣдкими драгоцѣнными каменьями.

Тронъ устроенъ подъ балдахиномъ со ступенями, обитъ также, какъ и все другое, бархатомъ и выложенъ позументомъ. На тронѣ стояли богатые кресла и столъ для Его Императорскаго Величества, по правую руку таковые же для императрицы-матери, а по лѣвую для императрицы, супруги императора.

Въ двухъ углахъ на пьедесталахъ стоятъ древнія вазы, какъ думаю, нѣкогда привезенныя по велѣнію Елисаветы Петровны изъ Рима; но за это не отвѣчаю.

Оркестръ для музыкантовъ обитъ малиновымъ же бархатомъ съ позументомъ; онъ построенъ отъ входа въ палату по одну сторону дверей.

Описывать теперь больше нѣтъ силъ; обѣщаю впредь говорить многое и многое радостное и для тебя, и для всего народа Александрова. Какъ чиновникъ дипломатическій, хоть и самый маленькій, я нахожу случаи и способы знать все и видѣть все лучше и прежде многихъ другихъ, а предпочтительно съ помощію благодѣтельнаго моего начальника Николая Николаевича Бантыша-Каменскаго, который чего не знаетъ? Vale....

XVIII.

Гулянье въ Сокольникахъ.

19-го Сентября.

Императоръ изволилъ переѣхать въ Слободскій дворецъ, и три дня назначены для общихъ веселостей. Сего дня мы гуляли въ Сокольникахъ. Это вотъ какъ было: съ ранней утренней звѣзды народъ уже длинными рядами потянулся со всѣхъ концевъ Москвы

къ Сокольникамъ. Тамъ, по обширному полю Сокольничьему, устроены были бесѣдки и галлереи въ разныхъ видахъ, столы, цѣлые быки мяса съ золотыми рогами, жареные гуси, утки; гуси, индѣйки, какъ плоды, висѣли на деревьяхъ; винные и пивные фонтаны не нуждались въ запасѣ лучшей простонародной веселости *погулять*. Полныя виномъ и пивомъ огромныя сороковыя бочки, съ избыткомъ готовы были наполнять убылое. Но замѣтимъ, что вино пили не хлѣбное. Для экипажей, въ нѣкоторой отдаленности отъ пирующихъ, назначенъ былъ особенный ѣздъ.

Государь изволилъ пожаловать на Сокольническій праздникъ въ исходѣ перваго часа, заиграла музыка, раздалось ура! и въ мгновеніе ока, всѣ столы опустѣли, весь садъ съ яствами исчезъ, и даже быковъ, какъ не существовало; одно вино еще для гостей-магиковъ не истощалось: одни все еще пили шляпами, другіе все еще подставляли рты къ фонтанамъ!

Радостныя, веселыя пѣсни гремѣли во всѣхъ углахъ праздника; въ другой сторонѣ душа русскаго восторга неизъяснимое слово ура! сопутствовало Александру и его благословенной фамиліи. Государь ѣздилъ посреди рядовъ народныхъ и, какъ привѣтливый отецъ, угощалъ дѣтей своихъ ласковымъ словомъ: „Кушайте, будьте довольны!“ „Довольны, очень довольны, Ваше Императорское Величество,“ отвѣчалъ ему одинъ отставнѣй служивой гвардеецъ времени Екатерины II,— „тебѣ только такъ угощать насъ, въ тебѣ, государь, мы опять видимъ нашу матушку-царицу!...“ Не знаю что отвѣчалъ ему Александръ: ура раздалось и заглушило все.

Порядокъ полиціи въ распоряженіяхъ праздника былъ чудесенъ; въ тысячахъ народа *) были хмѣльные, были шумливые; но никто изъ нихъ не дерзнулъ и на малѣйшее безпокойство: всѣ гости какъ приходили, такъ и расходились. Праздникъ кончился, и все то, что должно было остаться цѣлымъ, было цѣлымъ. „Нитка не пропала, ноги не отдавили!“ говорила наша московская полиція. И вподлинну такъ. Вѣжливая заботливость оберъ-полиціймейстера Каверина и двухъ его товарищей полиціймейстеровъ Ивашкина и Алексѣева единственны!

Изъ штукарей, разнообразившихъ народный праздникъ, предпочтительно отличался съ своею компаніею извѣстный тебѣ привиллегированный берейторъ Петръ Магіэ; и онъ, и всѣ его товарищи и всѣ его лошади—волшебники; ихъ не взяла, какъ говорила чернь, ни остріе шпаги, ни тонина веревочки; они рѣзались и кувыркались на дпво!

Государь возвратился съ праздника часу въ пятомъ. Императрицы уѣхали гораздо по прежде.

*) Полагали до 350,000.

къ Сокольникамъ. Тамъ, по обширному полю Сокольничьему, устроены были бесѣдки и галлереи въ разныхъ видахъ, столы, цѣлые быки мяса съ золотыми рогами, жареные гуси, утки; гуси, индѣйки, какъ плоды, висѣли на деревьяхъ; винные и пивные фонтаны не нуждались въ запасѣ лучшей простонародной веселости *подгулять*. Полныя виномъ и пивомъ огромныя сороковыя бочки, съ избыткомъ готовы были наполнять убылое. Но замѣтимъ, что вино пили не хлѣбное. Для экипажей, въ нѣкоторой отдаленности отъ пирующихъ, назначенъ былъ особенный ѣздъ.

Государь изволилъ пожаловать на Сокольническій праздникъ въ исходѣ перваго часа, заиграла музыка, раздалось ура! и въ мгновеніе ока, всѣ столы опустѣли, весь садъ съ яствами исчезъ, и даже быковъ, какъ не существовало; одно вино еще для гостей-магиковъ не истощалось: одни все еще пили шляпами, другіе все еще подставляли рты къ фонтанамъ!

Радостныя, веселыя пѣсни гремѣли во всѣхъ углахъ праздника; въ другой сторонѣ душа русскаго восторга неизъяснимое слово ура! сопутствовало Александру и его благословенной фамиліи. Государь ѣздилъ посреди рядовъ народныхъ и, какъ привѣтливый отецъ, угощалъ дѣтей своихъ ласковымъ словомъ: „Кушайте, будьте довольны!“ „Довольны, очень довольны, Ваше Императорское Величество,“ отвѣчалъ ему одинъ отставнѣй служивой гвардеецъ времени Екатерины II,— „тебѣ только такъ угощать насъ, въ тебѣ, государь, мы опять видимъ нашу матушку-царицу!...“ Не знаю что отвѣчалъ ему Александръ: ура раздалось и заглушило все.

Порядокъ полиціи въ распоряженіяхъ праздника былъ чудесенъ; въ тысячахъ народа *) были хмѣльные, были шумливые; но никто изъ нихъ не дерзнулъ и на малѣйшее безпокойство: всѣ гости какъ приходили, такъ и расходились. Праздникъ кончился, и все то, что должно было остаться цѣлымъ, было цѣлымъ. „Нитка не пропала, ноги не отдавили!“ говорила наша московская полиція. И вподлинну такъ. Вѣжливая заботливость оберъ-полиціймейстера Каверина и двухъ его товарищей полиціймейстеровъ Ивашкина и Алексѣева единственны!

Изъ штукарей, разнообразившихъ народный праздникъ, предпочтительно отличался съ своею компаніею извѣстный тебѣ привиллегированный берейторъ Петръ Магіэ; и онъ, и всѣ его товарищи и всѣ его лошади—волшебники; ихъ не взяла, какъ говорила чернь, ни остріе шпаги, ни тонина веревочки; они рѣзались и кувыркались на дпво!

Государь возвратился съ праздника часу въ пятомъ. Императрицы уѣхали гораздо по прежде.

*) Полагали до 350,000.

XIX.

Маскерадъ въ россійскомъ благородномъ собраніи.

20-го Сентября.

Я не могъ быть на придворномъ балѣ и ужинѣ, бывшемъ вчерашній день во дворцѣ; но за то сегодня въ маскерадѣ, данномъ въ благородномъ собраніи, я былъ съ нашими царями цѣлый вечеръ, почти во всю ночь,—ибо возвратился домой уже въ четыре часа утра.

Главноначальствующій Москвою, старшины и всѣ члены собранія оставались въ стройномъ порядкѣ почти съ седьмаго часа—старшіе ближе къ подъѣзду, младшіе въ линіи посѣтителей, протянувшейся по комнатамъ отъ швейцарской вплоть до большой главной залы. Всѣ были въ мундирахъ, всѣ въ отличительномъ парадѣ Явились мундиры временъ Петра III и даже императрицы Елисаветы Петровны, а Екатерининскихъ было очень много. Изъ сихъ старыхъ служивыхъ замѣчательны: князь Ю. Н. Трубецкой, гг. Савинъ. Охлестышевъ, Хитровъ, Алексѣевъ и многіе другіе. Необыкновенно яркое освѣщеніе, богатое и блестящее убранство дамъ и мундиры придворныхъ, все вмѣстѣ было ослѣпительно.

По моимъ часамъ, государь императоръ изволилъ прибыть ровно въ восемь часовъ съ четвертью. За нимъ въ слѣдъ и вся его высокая фамилія. Удовольствіе въ необыкновенно живыхъ краскахъ блистало на ихъ лицахъ и самая полная радость на лицахъ ихъ подданныхъ. Вѣнецъ общихъ торжественныхъ ожиданій! Далѣе не выражаюсь! Здѣсь, при сладостнѣйшемъ воспоминаніи сердечной и душевной встрѣчи императору Александру, слезы навертываются на моихъ глазахъ, мы встрѣчаемъ его и будемъ всегда встрѣчать его какъ небывалаго нашего, рѣдкаго и дорогого друга и гостя.

Заиграла музыка съ хорами пѣвчихъ (слова перемѣнялись: то Державина, то Нелединскаго-Мелецкаго). Государь началъ польскія съ графинею Д. П. Салтыковой, фельдмаршальшой, и потомъ танцовалъ со многими нашими почтенными дамами, и между прочими съ супругою поэта Д. А. Державиной. Молодыя также (какъ напримѣръ, кн. Щербатова, кн. Прозоровская, кн. Хованская и многія другія) удостоились танцовать съ императоромъ. Государыня императрица Елисавета Алексѣевна также изволила быть въ танцахъ.

Но въ два часа, послѣ богатаго ужина, между нами ни императора, ни его фамиліи уже не было. Теперь все обратилось къ воспоминаніямъ видѣннаго, къ анекдотамъ о мудрости и благости Александровой, и нѣтъ никакой возможности все пересказать тебѣ чрезъ письмо! Vale.

P. S. Кажется, я еще не говорилъ тебѣ о томъ, что въ самый день торжественнаго въѣзда императора въ Москву, здѣсь началась иллюминація. Въ три дня коронаціи она опять возобнови-

XIX.

Маскерадъ въ россійскомъ благородномъ собраніи.

20-го Сентября.

Я не могъ быть на придворномъ балѣ и ужинѣ, бывшемъ вчерашній день во дворцѣ; но за то сегодня въ маскерадѣ, данномъ въ благородномъ собраніи, я былъ съ нашими царями цѣлый вечеръ, почти во всю ночь,—ибо возвратился домой уже въ четыре часа утра.

Главноначальствующій Москвою, старшины и всѣ члены собранія оставались въ стройномъ порядкѣ почти съ седьмаго часа— старшіе ближе къ подъѣзду, младшіе въ линіи посѣтителей, протянувшейся по комнатамъ отъ швейцарской вплоть до большой главной залы. Всѣ были въ мундирахъ, всѣ въ отличительномъ парадѣ Явились мундиры временъ Петра III и даже императрицы Елисаветы Петровны, а Екатерининскихъ было очень много. Изъ сихъ старыхъ служивыхъ замѣчательны: князь Ю. Н. Трубецкой, гг. Савинъ. Охлестышевъ, Хитровъ, Алексѣевъ и многіе другіе. Необыкновенно яркое освѣщеніе, богатое и блестящее убранство дамъ и мундиры придворныхъ, все вмѣстѣ было ослѣпительно.

По моимъ часамъ, государь императоръ изволилъ прибыть ровно въ восемь часовъ съ четвертью. За нимъ въ слѣдъ и вся его высокая фамилія. Удовольствіе въ необыкновенно живыхъ краскахъ блистало на ихъ лицахъ и самая полная радость на лицахъ ихъ подданныхъ. Вѣнецъ общихъ торжественныхъ ожиданій! Далѣе не выражаюсь! Здѣсь, при сладостнѣйшемъ воспоминаніи сердечной и душевной встрѣчи императору Александру, слезы навертываются на моихъ глазахъ, мы встрѣчаемъ его и будемъ всегда встрѣчать его какъ небывалаго нашего, рѣдкаго и дорогого друга и гостя.

Заиграла музыка съ хорами пѣвчихъ (слова перемѣнялись: то Державина, то Нелединскаго-Мелецкаго). Государь началъ польскія съ графинею Д. П. Салтыковой, фельдмаршальшой, и потомъ танцовалъ со многими нашими почтенными дамами, и между прочими съ супругою поэта Д. А. Державиной. Молодыя также (какъ напримѣръ, кн. Щербатова, кн. Прозоровская, кн. Хованская и многія другія) удостоились танцовать съ императоромъ. Государыня императрица Елисавета Алексѣевна также изволила быть въ танцахъ.

Но въ два часа, послѣ богатаго ужина, между нами ни императора, ни его фамиліи уже не было. Теперь все обратилось къ воспоминаніямъ видѣннаго, къ анекдотамъ о мудрости и благости Александровой, и нѣтъ никакой возможности все пересказать тебѣ чрезъ письмо! Vale.

P. S. Кажется, я еще не говорилъ тебѣ о томъ, что въ самый день торжественнаго въѣзда императора въ Москву, здѣсь началась иллюминація. Въ три дня коронаціи она опять возобнови-

лась и кончилась только тремя днями публичныхъ увеселеній, бывшихъ, какъ знаешь ты, послѣ коронаціи. Въ сіи послѣдніе три дня колокольнаго звона не было.

Лучшимъ украшеніемъ въ щитахъ въ сей иллюминаціи я почитаю щитъ, горѣвшій противъ дому главнокомандующихъ; необыкновенный также былъ щитъ на Лубянкѣ въ домѣ князя Павла Михайловича Волконскаго: тамъ цѣлыя аллеи деревъ, съ необыкновеннымъ вкусомъ освѣщались огнями. За Москвою рѣкою мы смотрѣли щитъ противъ дома контръ-адмирала Тимашева и проч. Прощай еще разъ.

XX.

Александръ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ.

25-го Сентября, вечеръ.

24-го сентября государь императоръ со всею своею фамиліею изволилъ посѣтить Троице-Сергіеву лавру. Прибытіе ихъ было ознаменовано пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Самъ митрополитъ Платонъ въ богатомъ священномъ облаченіи, со всѣми духовными и семинаристами, при пѣніи канта, встрѣтилъ императора и препроводилъ въ лавру, гдѣ великіе гости изволили слушать всеночную.

На другой день, въ день памяти св. преподобнаго Сергія Радонежскаго, государь и всѣ его высокіе спутники были у обѣдни. Маститый нашъ ораторъ сказалъ краснорѣчивую рѣчь; она кратка, но прекрасна. Это благодарность царю земному и душеспасительный совѣтъ ему любить, всегда помнить и всегда повиноваться волѣ Царя Небеснаго. Примѣръ любви твоей къ Богу, такъ почти выразилъ Платонъ, первый и поучительный примѣръ любви нашей, къ тебѣ, государь!

По окончаніи литургіи Александръ посѣтилъ ризницу и прочія церкви, съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ всѣ рѣдкія богатства обители, а поровнявшись, на возвратномъ пути, съ бѣднымъ памятникомъ Годунова, какъ-бы невольно спросилъ: „Кто похороненъ тутъ?“ „Нашъ Кромвель Годуновъ“, отвѣчалъ ему одинъ изъ придворныхъ. „Въ Россіи не было Кромвеля,“ отвѣчалъ государь; „Годуновъ могъ быть названъ похитителемъ престола; но въ Годуновѣ-царѣ была добродѣтель, памятники тому въ Москвѣ!“

Шествіе императора, также какъ и наканунѣ, сопровождалось пѣніемъ кантовъ. Въ семинаріи его привѣтствовали на разныхъ языкахъ рѣчами и стихами. Изъ семинаріи онъ посѣтилъ семинарскую больницу, устроенную отъ щедротъ покойнаго императора Павла Петровича, а послѣ сего имѣлъ обѣденный столъ въ настоятельскихъ покояхъ. Во время стола, при игрѣ инструментальной музыки семинаристы пѣли опять канты и читали нарочно сочи-

лась и кончилась только тремя днями публичныхъ увеселеній, бывшихъ, какъ знаешь ты, послѣ коронаціи. Въ сіи послѣдніе три дня колокольнаго звона не было.

Лучшимъ украшеніемъ въ щитахъ въ сей иллюминаціи я почитаю щитъ, горѣвшій противъ дому главнокомандующихъ; необыкновенный также былъ щитъ на Лубянкѣ въ домѣ князя Павла Михайловича Волконскаго: тамъ цѣлыя аллеи деревъ, съ необыкновеннымъ вкусомъ освѣщались огнями. За Москвою рѣкою мы смотрѣли щитъ противъ дома контръ-адмирала Тимашева и проч. Прощай еще разъ.

XX.

Александръ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ.

25-го Сентября, вечеръ.

24-го сентября государь императоръ со всею своею фамиліею изволилъ посѣтить Троице-Сергіеву лавру. Прибытіе ихъ было ознаменовано пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Самъ митрополитъ Платонъ въ богатомъ священномъ облаченіи, со всѣми духовными и семинаристами, при пѣніи канта, встрѣтилъ императора и препроводилъ въ лавру, гдѣ великіе гости изволили слушать всеночную.

На другой день, въ день памяти св. преподобнаго Сергія Радонежскаго, государь и всѣ его высокіе спутники были у обѣдни. Маститый нашъ ораторъ сказалъ краснорѣчивую рѣчь; она кратка, но прекрасна. Это благодарность царю земному и душеспасительный совѣтъ ему любить, всегда помнить и всегда повиноваться волѣ Царя Небеснаго. Примѣръ любви твоей къ Богу, такъ почти выразилъ Платонъ, первый и поучительный примѣръ любви нашей, къ тебѣ, государь!

По окончаніи литургіи Александръ посѣтилъ ризницу и прочія церкви, съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ всѣ рѣдкія богатства обители, а поровнявшись, на возвратномъ пути, съ бѣднымъ памятникомъ Годунова, какъ-бы невольно спросилъ: „Кто похороненъ тутъ?“ „Нашъ Кромвель Годуновъ“, отвѣчалъ ему одинъ изъ придворныхъ. „Въ Россіи не было Кромвеля,“ отвѣчалъ государь; „Годуновъ могъ быть названъ похитителемъ престола; но въ Годуновѣ-царѣ была добродѣтель, памятники тому въ Москвѣ!“

Шествіе императора, также какъ и наканунѣ, сопровождалось пѣніемъ кантовъ. Въ семинаріи его привѣтствовали на разныхъ языкахъ рѣчами и стихами. Изъ семинаріи онъ посѣтилъ семинарскую больницу, устроенную отъ щедротъ покойнаго императора Павла Петровича, а послѣ сего имѣлъ обѣденный столъ въ настоятельскихъ покояхъ. Во время стола, при игрѣ инструментальной музыки семинаристы пѣли опять канты и читали нарочно сочи-

ненный на сей случай *Разговоръ*. Съ возглашеніемъ же многолѣтія Его Императорскому Величеству, Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ произво дилась пушечная пальба и колокольный звонъ.

По окончаніи стола государь съ императрицами и со всею фамиліею изволилъ быть въ соборѣ, гдѣ приложившись къ иконамъ и мощамъ, былъ привѣтствованъ отъ митрополита благодарственною рѣчью за посѣщеніе обители. Наконецъ, принявъ въ благословеніе святые образа, благоволилъ всѣхъ духовныхъ жаловать къ рукѣ.

Отбывъ изъ лавры, Александръ посѣтилъ Спасо-Вѳанскій училищный монастырь, гдѣ по пробытіи во храмѣ посѣтилъ также и покои митрополитовы, а пототъ и семинарію Вѳанскую, гдѣ опять былъ привѣтствованъ, по прежнему же обряду, какъ и въ лаврѣ, кантами, рѣчами и стихами. Отсюда отправился въ путь.

Во все время сего путешествія, государь, какъ мнѣ сказывали, весьма много былъ занятъ историческими предметами лавры. Онъ останавливался съ замѣчаніемъ, на нѣсколько минутъ, въ Алексѣевскомъ, въ Братовщинѣ, спрашивалъ объ Авраамѣ Палицинѣ, объ инокахъ Пересвѣтѣ и Ослябѣ и проч.; и вотъ нашъ Карамзинъ, въ преднамѣренномъ имъ издавать журналѣ, обѣщаетъ издать все историческое, относящееся къ достопамятностямъ лаврскимъ и къ пути въ лавру!

XXI.

Императоръ Александръ, членъ россійскаго благороднаго собранія.

28-го Сентября, утро.

27-го числа Сентября, въ самый великій для меня день, ибо ты знаешь, что это былъ день моего перваго появленія въ свѣтъ, и легко статься можетъ, что сей же день будетъ и моимъ прощальнымъ днемъ со всѣми,—такъ, иногда, случается!—въ самый этотъ день былъ особенный балъ для Его Императорскаго Величества въ благородномъ собраніи.

Не стану повторять тебѣ о порядкѣ, великолѣпіи, блескѣ собранія, ничего не скажу тебѣ о необыкновенномъ желаніи всѣхъ членовъ быть опять вмѣстѣ съ Александромъ. Вообрази себѣ, что кромѣ иностранцевъ и кромѣ первостатейныхъ купцевъ, бывшихъ гостями у насъ, одна наша большая зала заключала въ себѣ до 4,000 человѣкъ; всѣ другія комнаты были также почти полны. Замѣчательно, что почти никто изъ дворянъ не хотѣлъ быть простымъ посѣтителемъ собранія; но даже проѣзжавшіе въ сіе время Москву и прибывшіе только на день и на два брали свидѣтельство о себѣ отъ старыхъ членовъ и вносили за себя положенные двадцать рублей съ тѣмъ, чтобъ и внѣ Москвы, съ сею же еже-

ненный на сей случай *Разговоръ*. Съ возглашеніемъ же многолѣтія Его Императорскому Величеству, Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ производилась пушечная пальба и колокольный звонъ.

По окончаніи стола государь съ императрицами и со всею фамиліею изволилъ быть въ соборѣ, гдѣ приложившись къ иконамъ и мощамъ, былъ привѣтствованъ отъ митрополита благодарственною рѣчью за посѣщеніе обители. Наконецъ, принявъ въ благословеніе святые образа, благоволилъ всѣхъ духовныхъ жаловать къ рукѣ.

Отбывъ изъ лавры, Александръ посѣтилъ Спасо-Вѳанскій училищный монастырь, гдѣ по пробытіи во храмѣ посѣтилъ также и покои митрополитовы, а пототъ и семинарію Вѳанскую, гдѣ опять былъ привѣтствованъ, по прежнему же обряду, какъ и въ лаврѣ, кантами, рѣчами и стихами. Отсюда отправился въ путь.

Во все время сего путешествія, государь, какъ мнѣ сказывали, весьма много былъ занятъ историческими предметами лавры. Онъ останавливался съ замѣчаніемъ, на нѣсколько минутъ, въ Алексѣевскомъ, въ Братовщинѣ, спрашивалъ объ Авраамѣ Палицинѣ, объ инокахъ Пересвѣтѣ и Ослябѣ и проч.; и вотъ нашъ Карамзинъ, въ преднамѣренномъ имъ издавать журналѣ, обѣщаетъ издать все историческое, относящееся къ достопамятностямъ лаврскимъ и къ пути въ лавру!

XXI.

Императоръ Александръ, членъ россійскаго благороднаго собранія.

28-го Сентября, утро.

27-го числа Сентября, въ самый великій для меня день, ибо ты знаешь, что это былъ день моего перваго появленія въ свѣтъ, и легко статься можетъ, что сей же день будетъ и моимъ прощальнымъ днемъ со всѣми,—такъ, иногда, случается!—въ самый этотъ день былъ особенный балъ для Его Императорскаго Величества въ благородномъ собраніи.

Не стану повторять тебѣ о порядкѣ, великолѣпіи, блескѣ собранія, ничего не скажу тебѣ о необыкновенномъ желаніи всѣхъ членовъ быть опять вмѣстѣ съ Александромъ. Вообрази себѣ, что кромѣ иностранцевъ и кромѣ первостатейныхъ купцевъ, бывшихъ гостями у насъ, одна наша большая зала заключала въ себѣ до 4,000 человѣкъ; всѣ другія комнаты были также почти полны. Замѣчательно, что почти никто изъ дворянъ не хотѣлъ быть простымъ посѣтителемъ собранія; но даже проѣзжавшіе въ сіе время Москву и прибывшіе только на день и на два брали свидѣтельство о себѣ отъ старыхъ членовъ и вносили за себя положенные двадцать рублей съ тѣмъ, чтобъ и внѣ Москвы, съ сею же еже-

годною умѣренною платою быть во всю жизнь членами россійскаго благороднаго собранія. При мнѣ одинъ небогатый военный чиновникъ записалъ себя, жену, сына и двухъ дочерей съ тѣмъ, какъ онъ примолвилъ, чтобы навсегда покуда живы, пользоваться честью быть сочленомъ лучшаго русскаго дворянства. „Доходъ мой очень не великъ", примолвилъ онъ; „но на семьдесятъ рублей насъ станетъ ежегодно!"—„А теперь, ваше семейство все здѣсь?" спросилъ военнаго одинъ изъ почтеннѣйшихъ нашихъ старшинъ.—„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, „и я только до завтра; но желаніе имѣть въ товариществѣ лучшій кругъ жителей московскихъ, называть своими старшинами васъ, заслуженыхъ вельможь-патріотовъ, должно быть отличною честью и заочно для каждаго русскаго дворянина". Думаю, что съ такими же мыслями записали себя и многіе.

Предпочтительно красотѣ собранія, теперь принадлежали всѣ наши юныя Москвитянки. Я еще во всю жизнь мою не видывалъ столько хорошенькихъ вмѣстѣ!

Государь и вся его фамилія изволили прибыть въ собраніе также, какъ и прежде, въ началѣ осьмаго часа. Встрѣча ему отъ старшинъ и членовъ была прежняя же, съ восторгомъ радости неизъяснимой. Но теперь Александръ кланялся со многими, какъ со старыми знакомцами, со многими говорилъ по нѣскольку минутъ, и по изъявленному имъ желанію, наименовалъ себя самъ членомъ собранія. Онъ былъ веселъ неописанно! При первомъ шагѣ его въ залъ танцевъ оркестръ музыки загремѣлъ, отличные пѣвчіе запѣли огромный хоръ; это былъ польскій, по обыкновенію начатый императоромъ, нашимъ безцѣннымъ новымъ сочленомъ. Императрица Елисавета, сама кротость, ангелъ во плоти, приглашала танцовать фельдмаршала, многихъ изъ старшинъ, иностранныхъ министровъ и многихъ, объ именахъ которыхъ теперь я упомянуть не успѣю. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ также находился въ безпрестанныхъ танцахъ, которые и продолжались до двѣнадцати часовъ; въ первомъ часу былъ готовъ столъ: императоръ и вся его фамилія ужинали и кушали заздравный тостъ хозяевамъ собранія!

Теперь скажи мнѣ, должно ли бы когда-нибудь измѣниться въ непремѣнности своихъ правилъ наше россійское благородное собраніе: Александръ членъ его и все то, что положено при основаніи собранія, должно быть вѣчнымъ; въ сихъ правилахъ нашелъ его нашъ несравненный императоръ!

Много было прекрасныхъ и безчисленно много: говорю тебѣ словами Англичанина Роберта Рутбрука, дворянина, нарочно пріѣхавшаго изъ Лондона только съ тѣмъ, чтобы взглянуть на праздникъ Александровой коронаціи и тотчасъ на дняхъ возвратиться опять въ отечество! За то другой путешественникъ, товарищъ тебѣ извѣстнаго Англичанина Пайркера, именно Французъ аббать Лабретонъ, какъ художникъ, снимаетъ силуэты съ лицъ замѣчательныхъ, съ лицъ прекрасныхъ; онъ также срисовываетъ наши національные костюмы и выражаетъ французскими литерами, кажется вотще, наше неизъяснимое восторгомъ ура. Завтра онъ ѣдетъ. Помощникъ

годною умѣренною платою быть во всю жизнь членами россійскаго благороднаго собранія. При мнѣ одинъ небогатый военный чиновникъ записалъ себя, жену, сына и двухъ дочерей съ тѣмъ, какъ онъ примолвилъ, чтобы навсегда покуда живы, пользоваться честью быть сочленомъ лучшаго русскаго дворянства. „Доходъ мой очень не великъ", примолвилъ онъ; „но на семьдесятъ рублей насъ станетъ ежегодно!"—„А теперь, ваше семейство все здѣсь?" спросилъ военнаго одинъ изъ почтеннѣйшихъ нашихъ старшинъ.—„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, „и я только до завтра; но желаніе имѣть въ товариществѣ лучшій кругъ жителей московскихъ, называть своими старшинами васъ, заслуженыхъ вельможь-патріотовъ, должно быть отличною честью и заочно для каждаго русскаго дворянина". Думаю, что съ такими же мыслями записали себя и многіе.

Предпочтительно красотѣ собранія, теперь принадлежали всѣ наши юныя Москвитянки. Я еще во всю жизнь мою не видывалъ столько хорошенькихъ вмѣстѣ!

Государь и вся его фамилія изволили прибыть въ собраніе также, какъ и прежде, въ началѣ осьмаго часа. Встрѣча ему отъ старшинъ и членовъ была прежняя же, съ восторгомъ радости неизъяснимой. Но теперь Александръ кланялся со многими, какъ со старыми знакомцами, со многими говорилъ по нѣскольку минутъ, и по изъявленному имъ желанію, наименовалъ себя самъ членомъ собранія. Онъ былъ веселъ неописанно! При первомъ шагѣ его въ залъ танцевъ оркестръ музыки загремѣлъ, отличные пѣвчіе запѣли огромный хоръ; это былъ польскій, по обыкновенію начатый императоромъ, нашимъ безцѣннымъ новымъ сочленомъ. Императрица Елисавета, сама кротость, ангелъ во плоти, приглашала танцовать фельдмаршала, многихъ изъ старшинъ, иностранныхъ министровъ и многихъ, объ именахъ которыхъ теперь я упомянуть не успѣю. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ также находился въ безпрестанныхъ танцахъ, которые и продолжались до двѣнадцати часовъ; въ первомъ часу былъ готовъ столъ: императоръ и вся его фамилія ужинали и кушали заздравный тостъ хозяевамъ собранія!

Теперь скажи мнѣ, должно ли бы когда-нибудь измѣниться въ непремѣнности своихъ правилъ наше россійское благородное собраніе: Александръ членъ его и все то, что положено при основаніи собранія, должно быть вѣчнымъ; въ сихъ правилахъ нашелъ его нашъ несравненный императоръ!

Много было прекрасныхъ и безчисленно много: говорю тебѣ словами Англичанина Роберта Рутбрука, дворянина, нарочно пріѣхавшаго изъ Лондона только съ тѣмъ, чтобы взглянуть на праздникъ Александровой коронаціи и тотчасъ на дняхъ возвратиться опять въ отечество! За то другой путешественникъ, товарищъ тебѣ извѣстнаго Англичанина Пайркера, именно Французъ аббать Лабретонъ, какъ художникъ, снимаетъ силуэты съ лицъ замѣчательныхъ, съ лицъ прекрасныхъ; онъ также срисовываетъ наши національные костюмы и выражаетъ французскими литерами, кажется вотще, наше неизъяснимое восторгомъ ура. Завтра онъ ѣдетъ. Помощникъ

Лебретону, шамбелянъ и кавалеръ Ро-в-скій, но Р-ій все какъ-то бережетъ только для себя.

Императоръ оставилъ собраніе въ третьемъ часу.

XXII.

Первые пѣвцы императора Александра I.

Сентябрь.

Ты хотѣлъ знать о произведеніяхъ московскихъ и всѣхъ вообще нашихъ музъ, явившихся съ поздравленіями къ Александру. Много есть очень хорошаго; но все разкажешь ли, все перепишешь ли, все купишь ли? Впрочемъ, если не теперь, то и то, и другое можетъ исполниться со временемъ. Съ нынѣшнею почтою посылаю тебѣ одинъ только вѣрный каталогъ всего, появившагося въ честь и славу нашего юного монарха, не исключая даже изъ сего явившагося здѣсь же и на языкѣ иностранцевъ. Читай:

Нѣкто Михайло Прокудинъ-Горскій, доселѣ извѣстный намъ невсегда удачными театральными сочиненіями и агрономическими наблюденіями, теперь сочинилъ и напечаталъ: „Гласъ Славы на всерадостное восшествіе на Всероссійскій Императорскій престолъ Его Величества, всепресвѣтлѣйшаго, самодержавнѣйшаго, Великаго Государя Императора Александра Павловича“ *). Ѳ. Покровскій, сочинитель „Мыслей философа Горы Алаунской при извѣстіи о смерти Великой Екатерины“, издалъ другія мысли того же философа—при кончинѣ Павла I и при вступленіи на престолъ всемилостивѣйшаго Александра. Первую изъ сихъ книжекъ, то-есть: сочиненіе Прокудина-Горскаго, ты можешь купить для своей библіотеки только какъ знакъ усердія вѣрноподданническаго, а вторую, при благородствѣ той же мысли, но какъ и образецъ письма краснорѣчиваго, писаннаго языкомъ Карамзина.

Княжна Александра Шаликова, также сочинила на прибытіе Его Императорскаго Величества стихи. а нѣкто Николай Микулинъ оду. Таково было начало привѣтствій поздравительныхъ; но за симъ слѣдуетъ уже длинный рядъ именъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ писателей, усердствовавшихъ своими піитическими дарованіями къ прославленію имени Александрова. Вотъ онѣ: 1) Херасковъ Михаилъ Матвѣевичь, написавшій „Оду Его Императорскому Величеству Августѣйшему Государю Александру I Самодержцу Всероссійскому на всерадостное Его прибытіе въ Москву, ради Священнаго Муропомазанія“; 2) Карамзинъ Николай Михайловичь—стихи на торжественное коронованіе Его Императорскаго Величества; 3) Николай Селявинъ—оду на коронованіе; 4) Семенъ Родзянко—оду же на случай вожделѣннаго прибытія Государя; 5) Цавелъ Приклонскій—стихи Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру Павловичу, на всерадостное прибы-

(* Таковъ титулъ сочиненія.

Лебретону, шамбелянъ и кавалеръ Ро-в-скій, но Р-ій все какъ-то бережетъ только для себя.

Императоръ оставилъ собраніе въ третьемъ часу.

XXII.

Первые пѣвцы императора Александра I.

Сентябрь.

Ты хотѣлъ знать о произведеніяхъ московскихъ и всѣхъ вообще нашихъ музъ, явившихся съ поздравленіями къ Александру. Много есть очень хорошаго; но все разкажешь ли, все перепишешь ли, все купишь ли? Впрочемъ, если не теперь, то и то, и другое можетъ исполниться со временемъ. Съ нынѣшнею почтою посылаю тебѣ одинъ только вѣрный каталогъ всего, появившагося въ честь и славу нашего юного монарха, не исключая даже изъ сего явившагося здѣсь же и на языкѣ иностранцевъ. Читай:

Нѣкто Михайло Прокудинъ-Горскій, доселѣ извѣстный намъ невсегда удачными театральными сочиненіями и агрономическими наблюденіями, теперь сочинилъ и напечаталъ: „Гласъ Славы на всерадостное восшествіе на Всероссійскій Императорскій престолъ Его Величества, всепресвѣтлѣйшаго, самодержавнѣйшаго, Великаго Государя Императора Александра Павловича“ *). Ѳ. Покровскій, сочинитель „Мыслей философа Горы Алаунской при извѣстіи о смерти Великой Екатерины“, издалъ другія мысли того же философа—при кончинѣ Павла I и при вступленіи на престолъ всемилостивѣйшаго Александра. Первую изъ сихъ книжекъ, то-есть: сочиненіе Прокудина-Горскаго, ты можешь купить для своей библіотеки только какъ знакъ усердія вѣрноподданническаго, а вторую, при благородствѣ той же мысли, но какъ и образецъ письма краснорѣчиваго, писаннаго языкомъ Карамзина.

Княжна Александра Шаликова, также сочинила на прибытіе Его Императорскаго Величества стихи. а нѣкто Николай Микулинъ оду. Таково было начало привѣтствій поздравительныхъ; но за симъ слѣдуетъ уже длинный рядъ именъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ писателей, усердствовавшихъ своими піитическими дарованіями къ прославленію имени Александрова. Вотъ онѣ: 1) Херасковъ Михаилъ Матвѣевичь, написавшій „Оду Его Императорскому Величеству Августѣйшему Государю Александру I Самодержцу Всероссійскому на всерадостное Его прибытіе въ Москву, ради Священнаго Муропомазанія“; 2) Карамзинъ Николай Михайловичь—стихи на торжественное коронованіе Его Императорскаго Величества; 3) Николай Селявинъ—оду на коронованіе; 4) Семенъ Родзянко—оду же на случай вожделѣннаго прибытія Государя; 5) Цавелъ Приклонскій—стихи Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру Павловичу, на всерадостное прибы-

(* Таковъ титулъ сочиненія.

тіе въ первопрестольный градъ Москву, къ священному Мvропомазанію и возложенію на Себя короны; 6) Дмитрій Лихаревъ описалъ въ прозѣ торжествующую Москву по случаю всерадостнаго прибытія въ оную Императора; 7) Иванъ Нехачинъ сочинилъ оду „Плоды просвѣщенія на восшествіе на Престолъ Государя Императора“; 8) Николай Шатровъ—оду на прибытіе Государя; 9) неизвѣстный написалъ „Чувствованія Россіянина при чтеніи милостивыхъ манифестовъ, изданныхъ Государемъ Императоромъ“; 10) Членъ канцеляріи императорскаго Московскаго университета Максимъ Невзоровъ сочинилъ оду Императору Александру; 11) А. Ѳ. Таушевъ—стихи на коронованіе; 12) Князь П. И. Шаликовъ—оду; 13) Княжна Катерина Урусова—стихи, и другіе она же посвятила Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; 14) Иванъ Похвисневъ сочинилъ книжку „Жертва искреннѣйшаго усердія на всерадостное въ Престольный градъ Москву Высочайшее Ихъ Императорскихъ Величествъ шествіе для высокоторжественнаго возложенія короны и священнѣйшаго мvропомазанія 1801 г. сентября 8 дня“; 15) университетскій студентъ Василій Колосовъ произвелъ „Плодъ энтузіазма“, лирическое сочиненіе на случай всерадостнѣйшаго прибытія (въ Москву) и священнѣйшей коронаціи Его Императорскаго Величества Всеавгустѣйшаго Монарха Александра I; 16) актеръ Петръ Алексѣевичь Плавильщиковъ написалъ оду на коронованіе; 17) дѣвица Марья Поспѣлова сочинила оду на всерадостнѣйшій день коронованія; 18) Владимірскій житель Дмитревскій—„Пѣснь Москвы на прибытіе Государя въ оную“; 19) онъ же Дмитревскій сочинилъ и стихи на вступленіе на Престолъ Его Величества; 20) Митрополитъ Платонъ напечаталъ свое Слово на Всерадостнѣйшій день Высочайшаго коронованія; 21) Николай Петровичь Николевъ сочинилъ поздравительную пѣснь Его Императорскому Величеству Александру I Самодержцу Всероссійскому, во всерадостнѣйшій день священнаго мvропомазанія и коронованія, которую сочинитель всеподданнѣйше поднести имѣлъ счастіе въ самый оный день, во время торжественнаго Его Величества шествія въ Грановитую Палату (въ заглавіи сей пѣсни поставлено гравированное эмблематическое изображеніе); 22) университетскій баккалавръ Алексѣй Мерзляковъ сочинилъ оду на всерадостнѣйшее коронованіе Государя Императора и читалъ ее въ публичномъ актѣ императорскаго Московскаго университета; 23) книгопродавецъ Иванъ Поповъ сочинилъ также оду на случай Высочайшаго прибытія Его Величества въ Москву, для воспріятія Прародительской Короны; 24) духовная типографія собрала и напечатала всѣ рѣчи Его Императорскому Величеству, въ настоящее въ Москвѣ присутствіе при разныхъ случаяхъ Преосвященнѣйшимъ Платономъ митрополитомъ Московскимъ говоренныя; 25) та же (духовная) типографія напечатала „Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось Высочайшее Его Императорскаго Величества коронованіе“; 26) В. А. Левшинъ сочинилъ оду Его Императорскому Величеству на день коронованія; 27) Гаврiилъ Романовичь Державинъ сотворилъ

тіе въ первопрестольный градъ Москву, къ священному Мvропомазанію и возложенію на Себя короны; 6) Дмитрій Лихаревъ описалъ въ прозѣ торжествующую Москву по случаю всерадостнаго прибытія въ оную Императора; 7) Иванъ Нехачинъ сочинилъ оду „Плоды просвѣщенія на восшествіе на Престолъ Государя Императора“; 8) Николай Шатровъ—оду на прибытіе Государя; 9) неизвѣстный написалъ „Чувствованія Россіянина при чтеніи милостивыхъ манифестовъ, изданныхъ Государемъ Императоромъ“; 10) Членъ канцеляріи императорскаго Московскаго университета Максимъ Невзоровъ сочинилъ оду Императору Александру; 11) А. Ѳ. Таушевъ—стихи на коронованіе; 12) Князь П. И. Шаликовъ—оду; 13) Княжна Катерина Урусова—стихи, и другіе она же посвятила Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; 14) Иванъ Похвисневъ сочинилъ книжку „Жертва искреннѣйшаго усердія на всерадостное въ Престольный градъ Москву Высочайшее Ихъ Императорскихъ Величествъ шествіе для высокоторжественнаго возложенія короны и священнѣйшаго мvропомазанія 1801 г. сентября 8 дня“; 15) университетскій студентъ Василій Колосовъ произвелъ „Плодъ энтузіазма“, лирическое сочиненіе на случай всерадостнѣйшаго прибытія (въ Москву) и священнѣйшей коронаціи Его Императорскаго Величества Всеавгустѣйшаго Монарха Александра I; 16) актеръ Петръ Алексѣевичь Плавильщиковъ написалъ оду на коронованіе; 17) дѣвица Марья Поспѣлова сочинила оду на всерадостнѣйшій день коронованія; 18) Владимірскій житель Дмитревскій—„Пѣснь Москвы на прибытіе Государя въ оную“; 19) онъ же Дмитревскій сочинилъ и стихи на вступленіе на Престолъ Его Величества; 20) Митрополитъ Платонъ напечаталъ свое Слово на Всерадостнѣйшій день Высочайшаго коронованія; 21) Николай Петровичь Николевъ сочинилъ поздравительную пѣснь Его Императорскому Величеству Александру I Самодержцу Всероссійскому, во всерадостнѣйшій день священнаго мvропомазанія и коронованія, которую сочинитель всеподданнѣйше поднести имѣлъ счастіе въ самый оный день, во время торжественнаго Его Величества шествія въ Грановитую Палату (въ заглавіи сей пѣсни поставлено гравированное эмблематическое изображеніе); 22) университетскій баккалавръ Алексѣй Мерзляковъ сочинилъ оду на всерадостнѣйшее коронованіе Государя Императора и читалъ ее въ публичномъ актѣ императорскаго Московскаго университета; 23) книгопродавецъ Иванъ Поповъ сочинилъ также оду на случай Высочайшаго прибытія Его Величества въ Москву, для воспріятія Прародительской Короны; 24) духовная типографія собрала и напечатала всѣ рѣчи Его Императорскому Величеству, въ настоящее въ Москвѣ присутствіе при разныхъ случаяхъ Преосвященнѣйшимъ Платономъ митрополитомъ Московскимъ говоренныя; 25) та же (духовная) типографія напечатала „Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось Высочайшее Его Императорскаго Величества коронованіе“; 26) В. А. Левшинъ сочинилъ оду Его Императорскому Величеству на день коронованія; 27) Гаврілъ Романовичь Державинъ сотворилъ

„Вѣнчаніе Леля“, аллегорическое сочиненіе, преисполненное красотъ; 28) надворный совѣтникъ Александръ Раздеришинъ сочинилъ и поднесъ Его Императорскому Величеству Слово на вшествіе Его въ Москву; 29) Яковъ Похвисневъ сочинилъ и всеподданнѣйше поднесъ Его Императорскому Величеству акростихъ; 30) Н. Анненскій сокращенно перевелъ извѣстное твореніе Циммермана: „О уединеніи относительно къ разуму и сердцу“ и посвятилъ его государю императору; 31) князь П. Н. Енгалычевъ написалъ для полнаго оркестра польскій, напечаталъ его у Реинсдорпа и посвятилъ Его Величеству; 32) графъ Григорій Сергѣевичъ Салтыковъ, написалъ Его Императорскому Величеству оду; 33) В. Левшинъ написалъ еще и другую оду, которую и посвятилъ императору еще въ самый первый день Свѣтлаго Воскресенія; 34) отъ войска Донскаго издана книга: „Жертва усердія къ Его Императорскому Величеству“; 35) неизвѣстный написалъ „Златый вѣкъ“, оду на коронацію, 36) другой анонимъ издалъ книгу: „Величество Бога во всѣхъ царствахъ природы, или Лѣствица отъ тварей ко Творцу, отъ земли на Небо“ и посвятилъ ее Его Императорскому Величеству; 37) вышла также книга, посвященная Его Величеству подъ названіемъ: „Начальное основаніе о гармоніи“ музыкальная; 38) Анастасій архіепископъ могилевскій и бѣлорусскій перевелъ и посвятилъ Государю Императору книгу: „Истинный Мессія или доказательство о божественномъ пришествіи въ міръ Іисуса Христа и Его Божества“.

Французскіе книгопродавцы Риссъ и Соссе получили изъ С.-Петербурга весьма сходный (алебастровый) бюстъ Александра и продаютъ его по 30 рублей. Работа очень хороша; но лучшіе и сходнѣйшіе бюсты, какъ императора, такъ и императрицы, работы художника Фридмана. Другой французскій же книгопродавецъ Ф. Куртенеръ имѣетъ Александровъ портретъ, писанный однимъ изъ лучшихъ въ С.-Петербургѣ художниковъ, масляными красками. Онъ продаетъ его безъ рамъ за 125 рублей. Первый гравированный портретъ государевъ, и не весьма искусный, явился у книгопродавца Матвѣя Глазунова; за то дешевъ: онъ стоитъ только 2 руб. 50 коп. Вскорѣ, однакожь, за симъ портретомъ Риссъ и Соссе получили другой лучшій портретъ, гравированный Валкеромъ. Еще лучше выгравированъ такой же государевъ портретъ художникомъ Клауберомъ.

Первая рѣчь митрополита Платона—говорю о рѣчи его на день коронаціи—переведена уже на французскій и нѣмецкій языки; другая его же рѣчь, сказанная имъ Его Императорскому Величеству въ день рожденія императрицы-матери и по случаю отъѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, напечатана. У сказаннаго иностранца Куртенера найдешь также небольшую книжку: „L'ange Gardien de Catherine II, vision de l'an 1801“. Здѣсь есть пророчество, надежды, восторги о славѣ Александровой...

Весьма любопытенъ изданный и сочиненный извѣстнымъ нашимъ писателемъ Клушинымъ: „Ручной дорожникъ для употребленія на пути между императорскими всероссійскими столицами“. Въ немъ

„Вѣнчаніе Леля“, аллегорическое сочиненіе, преисполненное красотъ; 28) надворный совѣтникъ Александръ Раздеришинъ сочинилъ и поднесъ Его Императорскому Величеству Слово на вшествіе Его въ Москву; 29) Яковъ Похвисневъ сочинилъ и всеподданнѣйше поднесъ Его Императорскому Величеству акростихъ; 30) Н. Анненскій сокращенно перевелъ извѣстное твореніе Циммермана: „О уединеніи относительно къ разуму и сердцу“ и посвятилъ его государю императору; 31) князь П. Н. Енгалычевъ написалъ для полнаго оркестра польскій, напечаталъ его у Реинсдорпа и посвятилъ Его Величеству; 32) графъ Григорій Сергѣевичъ Салтыковъ, написалъ Его Императорскому Величеству оду; 33) В. Левшинъ написалъ еще и другую оду, которую и посвятилъ императору еще въ самый первый день Свѣтлаго Воскресенія; 34) отъ войска Донскаго издана книга: „Жертва усердія къ Его Императорскому Величеству“; 35) неизвѣстный написалъ „Златый вѣкъ“, оду на коронацію, 36) другой анонимъ издалъ книгу: „Величество Бога во всѣхъ царствахъ природы, или Лѣствица отъ тварей ко Творцу, отъ земли на Небо“ и посвятилъ ее Его Императорскому Величеству; 37) вышла также книга, посвященная Его Величеству подъ названіемъ: „Начальное основаніе о гармоніи“ музыкальная; 38) Анастасій архіепископъ могилевскій и бѣлорусскій перевелъ и посвятилъ Государю Императору книгу: „Истинный Мессія или доказательство о божественномъ пришествіи въ міръ Іисуса Христа и Его Божества“.

Французскіе книгопродавцы Риссъ и Соссе получили изъ С.-Петербурга весьма сходный (алебастровый) бюстъ Александра и продаютъ его по 30 рублей. Работа очень хороша; но лучшіе и сходнѣйшіе бюсты, какъ императора, такъ и императрицы, работы художника Фридмана. Другой французскій же книгопродавецъ Ф. Куртенеръ имѣетъ Александровъ портретъ, писанный однимъ изъ лучшихъ въ С.-Петербургѣ художниковъ, масляными красками. Онъ продаетъ его безъ рамъ за 125 рублей. Первый гравированный портретъ государевъ, и не весьма искусный, явился у книгопродавца Матвѣя Глазунова; за то дешевъ: онъ стоитъ только 2 руб. 50 коп. Вскорѣ, однакожь, за симъ портретомъ Риссъ и Соссе получили другой лучшій портретъ, гравированный Валкеромъ. Еще лучше выгравированъ такой же государевъ портретъ художникомъ Клауберомъ.

Первая рѣчь митрополита Платона—говорю о рѣчи его на день коронаціи—переведена уже на французскій и нѣмецкій языки; другая его же рѣчь, сказанная имъ Его Императорскому Величеству въ день рожденія императрицы-матери и по случаю отъѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, напечатана. У сказаннаго иностранца Куртенера найдешь также небольшую книжку: „L'ange Gardien de Catherine II, vision de l'an 1801“. Здѣсь есть пророчество, надежды, восторги о славѣ Александровой...

Весьма любопытенъ изданный и сочиненный извѣстнымъ нашимъ писателемъ Клушинымъ: „Ручной дорожникъ для употребленія на пути между императорскими всероссійскими столицами“. Въ немъ

описаны нѣкоторыя историческія, географическія и политическія замѣчанія, съ объясненіемъ обывательскихъ обрядовъ, одеждъ, нарѣчій и видовъ лучшихъ мѣстъ, на сказанномъ пути встрѣчающихся. Книжка сія писана весьма пріятно и посвящена государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Церемоніалъ торжественнаго шествія государя императора въ Москву продается у Глазунова.

Но здѣсь еще не весь счетъ поздравленій и приношеній императору Александру; многихъ я не имѣю. Прощай.

XXIII.

Торжественное молебствіе объ Александрѣ въ церкви св. Лудовика.

29-го Сентября.

„Французы, оставляя приходскую церковь св. Лудовика, преисполненные благодарностію ко всемилостивѣйшему самодержцу, который благоволилъ имъ дать убѣжище и защиту въ своихъ областяхъ, нынѣ принимая участіе въ общей радости, просили, чтобы былъ отправленъ благодарный молебенъ для благополучнѣйшаго восшествія на престолъ и коронаціи Его Императорскаго Величества въ ихъ приходской церкви“.

Такъ было объявлено отъ пребывающихъ здѣсь Французовъ въ газетахъ, и вотъ почему сегодня извѣстный тебѣ эмигрантъ Ла-Лье пригласилъ меня быть свидѣтелемъ радушнаго усердія къ Александру сихъ несчастныхъ иностранцевъ-изгнанниковъ. Можетъ быть, только Александру дано право свыше быть ихъ спасителемъ!

Служили торжественный молебенъ. Служба отправляема была аббатомъ Беневенти, чрезвычайнымъ посланникомъ его святѣйшества Пія VII. Привѣтственная и весьма трогательная рѣчь къ императору была произнесена извѣстнымъ тебѣ аббатомъ Перренемъ. Усердствующихъ церкви и людей, подобно мнѣ любопытствующихъ, было множество, и одна только значительность здѣсь Ла-Лье могла доставить мнѣ мѣсто. Посланники всѣхъ державъ и вся ихъ свита, безъ исключенія, присутствовали на праздникѣ усердствующихъ своему покровителю.

Служба Беневенти сколь благоговѣйна, столько же и величественна. При выраженіи имъ имени Александрова мы какъ-бы невольно вставали всѣ съ мѣстъ своихъ, и тишина довершала торжественность!

Другой аббатъ Мосцанъ, въ сильной рѣчи своей, казалось, употребилъ не столько краснорѣчія, сколько чувства. Большая часть иностранцевъ-изгнанниковъ плакали.

XXIV.

Александръ въ Московскомъ сенатѣ.

Сентября.

Синодъ, прибывъ изъ Санктпетербурга, вступилъ въ отправленіе дѣлъ своихъ Сентября 4-го, а первый департаментъ сената, по сво-

описаны нѣкоторыя историческія, географическія и политическія замѣчанія, съ объясненіемъ обывательскихъ обрядовъ, одеждъ, нарѣчій и видовъ лучшихъ мѣстъ, на сказанномъ пути встрѣчающихся. Книжка сія писана весьма пріятно и посвящена государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Церемоніалъ торжественнаго шествія государя императора въ Москву продается у Глазунова.

Но здѣсь еще не весь счетъ поздравленій и приношеній императору Александру; многихъ я не имѣю. Прощай.

XXIII.

Торжественное молебствіе объ Александрѣ въ церкви св. Лудовика.

29-го Сентября.

„Французы, оставляя приходскую церковь св. Лудовика, преисполненные благодарностію ко всемилостивѣйшему самодержцу, который благоволилъ имъ дать убѣжище и защиту въ своихъ областяхъ, нынѣ принимая участіе въ общей радости, просили, чтобы былъ отправленъ благодарный молебенъ для благополучнѣйшаго восшествія на престолъ и коронаціи Его Императорскаго Величества въ ихъ приходской церкви“.

Такъ было объявлено отъ пребывающихъ здѣсь Французовъ въ газетахъ, и вотъ почему сегодня извѣстный тебѣ эмигрантъ Ла-Лье пригласилъ меня быть свидѣтелемъ радушнаго усердія къ Александру сихъ несчастныхъ иностранцевъ-изгнанниковъ. Можетъ быть, только Александру дано право свыше быть ихъ спасителемъ!

Служили торжественный молебенъ. Служба отправляема была аббатомъ Беневенти, чрезвычайнымъ посланникомъ его святѣйшества Пія VII. Привѣтственная и весьма трогательная рѣчь къ императору была произнесена извѣстнымъ тебѣ аббатомъ Перренемъ. Усердствующихъ церкви и людей, подобно мнѣ любопытствующихъ, было множество, и одна только значительность здѣсь Ла-Лье могла доставить мнѣ мѣсто. Посланники всѣхъ державъ и вся ихъ свита, безъ исключенія, присутствовали на праздникѣ усердствующихъ своему покровителю.

Служба Беневенти сколь благоговѣйна, столько же и величественна. При выраженіи имъ имени Александрова мы какъ-бы невольно вставали всѣ съ мѣстъ своихъ, и тишина довершала торжественность!

Другой аббатъ Мосцанъ, въ сильной рѣчи своей, казалось, употребилъ не столько краснорѣчія, сколько чувства. Большая часть иностранцевъ-изгнанниковъ плакали.

XXIV.

Александръ въ Московскомъ сенатѣ.

Сентября.

Синодъ, прибывъ изъ Санктпетербурга, вступилъ въ отправленіе дѣлъ своихъ Сентября 4-го, а первый департаментъ сената, по сво-

емъ прибытіи въ Москву, открылъ первое засѣданіе еще 2-го Сентября.

Я ежедневно ходилъ въ сенатъ, чтобы дождаться туда прибытія императорскаго: какъ любопытно видѣть великаго царя явнымъ судьею дѣлъ его подданныхъ! Это случай для Москвы необыкновенный!

Государь удостоилъ своимъ присутствіемъ только общее собраніе правительствующаго сената Санктпетербургскаго перваго и собраніе Московскихъ департаментовъ. Онъ изволилъ прибыть въ сенатъ 4-го октября, часу въ десятомъ утра и, сказавъ много привѣтственныхъ словъ гг. сенаторямъ, открылъ съ ними присутствіе. Слушали два дѣла: 1) объ употребленіи на непозволительные расходы изъ складочной въ Херсонѣ на городскія надобности суммы 14.823 р., и 2) прапорщика Стороженкова: о неправильномъ у него завладѣніи маіоромъ Ольховскимъ принадлежащихъ ему земель и Черкасъ. „По первому дѣлу я самъ истецъ“, какъ говорятъ, сказалъ императоръ,—„но по второму я первый защитникъ невинности!“

Дѣла рѣшили, и государь удостоилъ оба рѣшенія высочайшимъ своимъ благоволеніемъ. „Нельзя справедливѣе“, примолвилъ онъ милостиво и соизволилъ отбыть изъ сената по полудни въ два часа съ половиною.

Замѣчательно, что здѣсь нашъ монархъ, со всѣмъ усердіемъ добраго и честнаго судьи самъ, войдя въ предметъ дѣлъ довольно запутанныхъ, извѣдалъ истину въ самомъ ея корнѣ, совѣтывалъ, и былъ самымъ послѣднимъ въ своемъ голосѣ, готовымъ уступить и малѣйшей справедливости въ пользу обижаемыхъ.

Говори мнѣ теперь, каковъ нашъ Александръ! Говори, чего мы должны надѣяться отъ любимаго внука великой Екатерины? Пѣвецъ Фелицы пророкъ: онъ не даромъ принималъ его на стихахъ своихъ. Слава Порфироороднаго принесетъ намъ радость, радость, радость непзглаголанную!

XXV.

Вѣстникъ Европы.

Утро 9-го Октября.

Сегодня Николай Михайловичъ Карамзинъ объявилъ, что онъ съ будущаго новаго (1802) года будетъ издавать у насъ въ Москвѣ журналъ подъ именемъ „Вѣстникъ Европы“. Англійскіе, нѣмецкіе и французскіе журналы составятъ его матеріалы. Вообще „Вѣстникъ Европы“ раздѣлится на двѣ части, изъ коихъ одна заключитъ въ себѣ словесность, другая политику. Первая часть, говоритъ издатель, украсится всѣми цвѣтами новыхъ произведеній ума и чувства въ Европѣ. Извлеченія изъ книгъ, повѣсти, любопытные анекдоты, разныя открытія въ искусствахъ и наукахъ входятъ въ планъ сего отдѣленія. Политическія извѣстія будутъ сообщаемы въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ и какъ можно скорѣе. Для нашей словесности и критики назначается особливая статья.

„Смѣю надѣяться“, присовокупляетъ Карамзинъ, „что не только

емъ прибытіи въ Москву, открылъ первое засѣданіе еще 2-го Сентября.

Я ежедневно ходилъ въ сенатъ, чтобы дождаться туда прибытія императорскаго: какъ любопытно видѣть великаго царя явнымъ судьею дѣлъ его подданныхъ! Это случай для Москвы необыкновенный!

Государь удостоилъ своимъ присутствіемъ только общее собраніе правительствующаго сената Санктпетербургскаго перваго и собраніе Московскихъ департаментовъ. Онъ изволилъ прибыть въ сенатъ 4-го октября, часу въ десятомъ утра и, сказавъ много привѣтственныхъ словъ гг. сенаторямъ, открылъ съ ними присутствіе. Слушали два дѣла: 1) объ употребленіи на непозволительные расходы изъ складочной въ Херсонѣ на городскія надобности суммы 14.823 р., и 2) прапорщика Стороженкова: о неправильномъ у него завладѣніи маіоромъ Ольховскимъ принадлежащихъ ему земель и Черкасъ. „По первому дѣлу я самъ истецъ“, какъ говорятъ, сказалъ императоръ,—„но по второму я первый защитникъ невинности!“

Дѣла рѣшили, и государь удостоилъ оба рѣшенія высочайшимъ своимъ благоволеніемъ. „Нельзя справедливѣе“, примолвилъ онъ милостиво и соизволилъ отбыть изъ сената по полудни въ два часа съ половиною.

Замѣчательно, что здѣсь нашъ монархъ, со всѣмъ усердіемъ добраго и честнаго судьи самъ, войдя въ предметъ дѣлъ довольно запутанныхъ, извѣдалъ истину въ самомъ ея корнѣ, совѣтывалъ, и былъ самымъ послѣднимъ въ своемъ голосѣ, готовымъ уступить и малѣйшей справедливости въ пользу обижаемыхъ.

Говори мнѣ теперь, каковъ нашъ Александръ! Говори, чего мы должны надѣяться отъ любимаго внука великой Екатерины? Пѣвецъ Фелицы пророкъ: онъ не даромъ принималъ его на стихахъ своихъ. Слава Порфироднаго принесетъ намъ радость, радость, радость непзглаголанную!

XXV.

Вѣстникъ Европы.

Утро 9-го Октября.

Сегодня Николай Михайловичъ Карамзинъ объявилъ, что онъ съ будущаго новаго (1802) года будетъ издавать у насъ въ Москвѣ журналъ подъ именемъ „Вѣстникъ Европы“. Англійскіе, нѣмецкіе и французскіе журналы составятъ его матеріалы. Вообще „Вѣстникъ Европы“ раздѣлится на двѣ части, изъ коихъ одна заключитъ въ себѣ словесность, другая политику. Первая часть, говоритъ издатель, украсится всѣми цвѣтами новыхъ произведеній ума и чувства въ Европѣ. Извлеченія изъ книгъ, повѣсти, любопытные анекдоты, разныя открытія въ искусствахъ и наукахъ входятъ въ планъ сего отдѣленія. Политическія извѣстія будутъ сообщаемы въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ и какъ можно скорѣе. Для нашей словесности и критики назначается особливая статья.

„Смѣю надѣяться“, присовокупляетъ Карамзинъ, „что не только

московская, но и вся россійская публика удостоитъ своего вниманія такое предпріятіе, требующее какъ великихъ трудовъ, такъ и многихъ издержекъ; а я съ своей стороны постараюсь угодить вкусу читателей строгимъ выборомъ пьесъ и слогомъ". Журналъ составится изъ двадцати-четырехъ книжекъ въ большую осьмушку. Каждая книжка не толще восьмидесяти страницъ. Цѣна въ Москвѣ 12, съ пересылкою 15 рублей.

Новость видѣть ученаго Карамзина опять журналистомъ возбуждаетъ общее любопытство и общій городской разговоръ. „Вѣстникъ Европы"—явленіе достойное перваго года царствованія Александрова. Во дворцѣ, какъ мнѣ сказывали, также много говорили о Карамзинѣ; государь императоръ и его высокая фамилія всѣ удостоиваютъ славнаго нашего писателя особеннымъ благоволеніемъ: они приказали поставить свои имена въ число подписавшихся на журналъ.

XXVI.

Гренадеръ Смирновъ.

Вечеръ 9-го Октября.

Часу въ двѣнадцатомъ нынѣшняго же утра государю императору представили о подвигѣ Павловскаго гренадерскаго полка гренадера Смирнова. Этотъ Смирновъ въ бывшую голландскую экспедицію 1799 года захваченъ былъ непріятелемъ въ плѣнъ и, лишась собственныхъ денегъ до сорока рублей серебромъ, спасъ ввѣренные ему для сбереженія семьдесятъ-пять рублей артельныхъ денегъ. Въ продолженіе двухлѣтняго плѣна, находясь въ горчайшемъ положеніи, претерпѣвая разныя нужды отъ худаго содержанія, онъ никогда не хотѣлъ для облегченія своей участи коснуться до имѣющихся при немъ денегъ, сохраняя ихъ свято, дабы не нарушить сдѣланную ему довѣренность его товарищей, и вотъ послѣ двухъ лѣтъ Смирновъ, возвратясь къ своему полку, принесъ деньги съ собою и отдалъ ихъ въ цѣлости той артели, которой онѣ принадлежали, не оставляя себѣ ничего въ замѣнъ потерянныхъ собственныхъ денегъ. Государь приказалъ о семъ напечатать въ вѣдомостяхъ.

XXVII.

День рожденія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Отправлено вечеромъ 15-го Октября.

Еще на вечеръ тринадцатаго числа въ Успенскомъ соборѣ совершено было всенощное бдѣніе; службу отправлялъ Іона митрополитъ Грузинскій съ духовенствомъ.

На утро, то-есть въ самый день рожденія государыни императрицы-матери, до начатія литургіи молебствіе о здравіи и долгоденствіи императора и всего дома его совершали самъ митропо-

московская, но и вся россійская публика удостоитъ своего вниманія такое предпріятіе, требующее какъ великихъ трудовъ, такъ и многихъ издержекъ; а я съ своей стороны постараюсь угодить вкусу читателей строгимъ выборомъ пьесъ и слогомъ". Журналъ составится изъ двадцати-четырехъ книжекъ въ большую осьмушку. Каждая книжка не толще восьмидесяти страницъ. Цѣна въ Москвѣ 12, съ пересылкою 15 рублей.

Новость видѣть ученаго Карамзина опять журналистомъ возбуждаетъ общее любопытство и общій городской разговоръ. „Вѣстникъ Европы"—явленіе достойное перваго года царствованія Александрова. Во дворцѣ, какъ мнѣ сказывали, также много говорили о Карамзинѣ; государь императоръ и его высокая фамилія всѣ удостоиваютъ славнаго нашего писателя особеннымъ благоволеніемъ: они приказали поставить свои имена въ число подписавшихся на журналъ.

XXVI.

Гренадеръ Смирновъ.

Вечеръ 9-го Октября.

Часу въ двѣнадцатомъ нынѣшняго же утра государю императору представили о подвигѣ Павловскаго гренадерскаго полка гренадера Смирнова. Этотъ Смирновъ въ бывшую голландскую экспедицію 1799 года захваченъ былъ непріятелемъ въ плѣнъ и, лишась собственныхъ денегъ до сорока рублей серебромъ, спасъ ввѣренные ему для сбереженія семьдесятъ-пять рублей артельныхъ денегъ. Въ продолженіе двухлѣтняго плѣна, находясь въ горчайшемъ положеніи, претерпѣвая разныя нужды отъ худаго содержанія, онъ никогда не хотѣлъ для облегченія своей участи коснуться до имѣющихся при немъ денегъ, сохраняя ихъ свято, дабы не нарушить сдѣланную ему довѣренность его товарищей, и вотъ послѣ двухъ лѣтъ Смирновъ, возвратясь къ своему полку, принесъ деньги съ собою и отдалъ ихъ въ цѣлости той артели, которой онѣ принадлежали, не оставляя себѣ ничего въ замѣнъ потерянныхъ собственныхъ денегъ. Государь приказалъ о семъ напечатать въ вѣдомостяхъ.

XXVII.

День рожденія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Отправлено вечеромъ 15-го Октября.

Еще на вечеръ тринадцатаго числа въ Успенскомъ соборѣ совершено было всенощное бдѣніе; службу отправлялъ Іона митрополитъ Грузинскій съ духовенствомъ.

На утро, то-есть въ самый день рожденія государыни императрицы-матери, до начатія литургіи молебствіе о здравіи и долгоденствіи императора и всего дома его совершали самъ митропо-

литъ Платонъ, ярославскій и ростовскій архіепископъ Павелъ, упомянутый митрополитъ Іона, епископъ Грузинскій Евлогій и знатнѣйшее Московское духовенство. Когда-жъ императоръ, обѣ императрицы, цесаревичъ и великія княжны изволили прибыть къ собору, митрополитъ Платонъ встрѣтилъ ихъ со крестомъ. Послѣ сего тотъ же часъ началась божественная литургія, которую и совершалъ онъ же митрополитъ Московскій соборнѣ.

Во все продолженіе обѣдни государь и вся его фамилія обращены были единственно къ молитвѣ. Мнѣ казалось, ничто не могло отвлечь ихъ отъ глубокаго вниманія къ дѣйствіямъ службы божественной: при выносахъ, при херувимской, при чтеніи символа вѣры и молитвы „Отче нашъ“ императоръ дѣлалъ земные поклоны; между всѣми соблюдалась тишина торжественная, небесная!

По окончаніи литургіи митрополитъ Платонъ, архіепископъ Ярославскій, Московскій викарій Серафимъ, Грузинскіе митрополитъ Іона и епископъ Евлогій и все прочее духовенство принесли Господу Богу молебствіе о благополучномъ въ путь шествіи всего императорскаго дома. Въ самомъ заключеніи митрополитъ сказалъ Его Императорскому Величеству краткую рѣчь, поднесъ Ихъ Величествамъ крестъ и окропилъ всѣхъ святою водою. Во время же пѣнія многолѣтія государь, императрицы и всѣ прочія особы императорской фамиліи изволили прикладываться ко святымъ иконамъ и мощамъ. На Ивановской колокольнѣ продолжался звонъ.

Итакъ, мы разстаемся съ Александромъ! Болѣе не пишу ни слова. Время счастія, все торжество Москвы скрылось. Прости!

P. S. Сегодня же государынею императрицею Маріею Ѳеодоровною пожалована орденомъ св. Екатерины меньшаго креста игуменья Александровскаго монастыря княжна Анфиса Михайловна Козловская.

XXVIII.

Примѣрный подвигъ московскаго купца Дмитрія Фалѣева.

20-го Октября.

Въ будущихъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ ты прочтешь вѣсть о благородномъ подвигѣ нашего богатаго московскаго купца Дмитрія Ѳедоровича Фалѣева. Сегодня онъ объявилъ фельдмаршалу, что для торжественнаго дня священнаго муропомазанія онъ прощаетъ бѣднѣйшимъ должникамъ своимъ до 20.000 рублей. „Примѣръ этотъ“, сказалъ фельдмаршалъ, „можетъ быть и другимъ добрымъ богачамъ покажетъ путь къ таковому же великодушію и сниметъ цѣпи со многихъ невиннораззоренныхъ“.

Во дни Александра должны ли быть страждущіе? Дѣти слабы, могли заблуждаться; но ихъ чистое раскаяніе милосердый отецъ всегда встрѣтитъ прощеніемъ!

литъ Платонъ, ярославскій и ростовскій архіепископъ Павелъ, упомянутый митрополитъ Іона, епископъ Грузинскій Евлогій и знатнѣйшее Московское духовенство. Когда-жъ императоръ, обѣ императрицы, цесаревичъ и великія княжны изволили прибыть къ собору, митрополитъ Платонъ встрѣтилъ ихъ со крестомъ. Послѣ сего тотъ же часъ началась божественная литургія, которую и совершалъ онъ же митрополитъ Московскій соборнѣ.

Во все продолженіе обѣдни государь и вся его фамилія обращены были единственно къ молитвѣ. Мнѣ казалось, ничто не могло отвлечь ихъ отъ глубокаго вниманія къ дѣйствіямъ службы божественной: при выносахъ, при херувимской, при чтеніи символа вѣры и молитвы „Отче нашъ“ императоръ дѣлалъ земные поклоны; между всѣми соблюдалась тишина торжественная, небесная!

По окончаніи литургіи митрополитъ Платонъ, архіепископъ Ярославскій, Московскій викарій Серафимъ, Грузинскіе митрополитъ Іона и епископъ Евлогій и все прочее духовенство принесли Господу Богу молебствіе о благополучномъ въ путь шествіи всего императорскаго дома. Въ самомъ заключеніи митрополитъ сказалъ Его Императорскому Величеству краткую рѣчь, поднесъ Ихъ Величествамъ крестъ и окропилъ всѣхъ святою водою. Во время же пѣнія многолѣтія государь, императрицы и всѣ прочія особы императорской фамиліи изволили прикладываться ко святымъ иконамъ и мощамъ. На Ивановской колокольнѣ продолжался звонъ.

Итакъ, мы разстаемся съ Александромъ! Болѣе не пишу ни слова. Время счастія, все торжество Москвы скрылось. Прости!

P. S. Сегодня же государынею императрицею Маріею Ѳеодоровною пожалована орденомъ св. Екатерины меньшаго креста игуменья Александровскаго монастыря княжна Анфиса Михайловна Козловская.

XXVIII.

Примѣрный подвигъ московскаго купца Дмитрія Фалѣева.

20-го Октября.

Въ будущихъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ ты прочтешь вѣсть о благородномъ подвигѣ нашего богатаго московскаго купца Дмитрія Ѳедоровича Фалѣева. Сегодня онъ объявилъ фельдмаршалу, что для торжественнаго дня священнаго муропомазанія онъ прощаетъ бѣднѣйшимъ должникамъ своимъ до 20.000 рублей. „Примѣръ этотъ“, сказалъ фельдмаршалъ, „можетъ быть и другимъ добрымъ богачамъ покажетъ путь къ таковому же великодушію и сниметъ цѣпи со многихъ невиннораззоренныхъ“.

Во дни Александра должны ли быть страждущіе? Дѣти слабы, могли заблуждаться; но ихъ чистое раскаяніе милосердый отецъ всегда встрѣтитъ прощеніемъ!

XXIX.

Театры, концерты, имена нѣкоторыхъ иностранцевъ, прибывшихъ съ тѣмъ, чтобы видѣть коронацію Александрову, и проч.

10-го Ноября.

Во время присутствія государя императора въ Москвѣ я ничего не говорилъ тебѣ о спектакляхъ, бывшихъ на нашемъ Петровскомъ театрѣ; за то теперь посылаю къ тебѣ не только полный репертуаръ съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ затѣй всего театральнаго; но тутъ же ты найдешь и мое воспоминаніе о концертахъ, объ артистахъ, о фигурантахъ и о многомъ прочемъ, о чемъ ты имѣешь все право требовать отъ меня отчета. Письмо довольно длинно; однакожь требователю должно прочесть его. Итакъ читай:

Втораго октября театръ открылся прологомъ: „Храмъ Радости“, сочиненнымъ для случая торжества всерадостной коронаціи государя императора. Въ этомъ прологѣ много есть хорошаго, въ немъ весьма похвальны пламенныя, живыя чувства усердія, жаль одного: онъ не писанъ перомъ Карамзина! За прологомъ слѣдовала новая комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ: „Примиреніе двухъ братьевъ“, сочиненіе Коцебу. Здѣсь много чувства, много сильно трогательнаго, языкъ прекрасный. Но комедія-драма Коцебу, судя строго, кажется бы, не ко-дню.

6-го Октября представили оперу: „Школа Ревнивыхъ“, украшенную, кромѣ ея роднаго украшенія, превосходной музыки Саліёрія, (послѣ перваго акта) забавнымъ балетомъ: „Сумасшедшіе“, сочиненнымъ балетмейстеромъ Соломоніемъ. Вмѣстѣ со мною пріѣхалъ слушать музыку Тосканецъ лѣкарь, нѣкто Ганнибалъ Маріани. Онъ находилъ въ нашей перелицеванной музыкѣ какіе-то недостатки и не позабылъ сдѣлать также хорошаго упрека и Соломонію. „На что толкать Саліера, на что мѣшать ему?“ Такъ говорилъ съ досадою мой Тосканецъ. „Саліери запѣлъ, и одинъ только Саліери долженъ быть непрерывнымъ: посторонніе эпизоды для правильной, хорошей музыки кровная обида“. Я былъ нѣсколько противнаго мнѣнія: мнѣ казался балетъ Соломоніевъ поставленнымъ кстати и почти необходимымъ для такой оперы, какова „Школа Ревнивыхъ“. То же, можетъ быть, думали и многіе; но впрочемъ, Маріани сколько лѣкарь, по столько же вдвое знатокъ музыки. Лѣкарскія познанія для него въ Россіи безполезны, и онъ ѣдетъ за границу.

Послѣ оперы представляли комедію „Товарищъ или отъисканный сынъ“, въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Павла Сумарокова. Но мы ее не досмотрѣли: Маріани требовалъ маскерада, и мы отправились въ маскерадъ, гдѣ встрѣтили много придворныхъ, гвардейцевъ и вмѣстѣ съ прочими усладили себя англійскою кадрилью и вальсами, быстрота которыхъ, какъ замѣчаютъ пребывающіе здѣсь путешественники, у насъ въ Россіи превосходитъ всякую возможность.

XXIX.

Театры, концерты, имена нѣкоторыхъ иностранцевъ, прибывшихъ съ тѣмъ, чтобы видѣть коронацію Александрову, и проч.

10-го Ноября.

Во время присутствія государя императора въ Москвѣ я ничего не говорилъ тебѣ о спектакляхъ, бывшихъ на нашемъ Петровскомъ театрѣ; за то теперь посылаю къ тебѣ не только полный репертуаръ съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ затѣй всего театральнаго; но тутъ же ты найдешь и мое воспоминаніе о концертахъ, объ артистахъ, о фигурантахъ и о многомъ прочемъ, о чемъ ты имѣешь все право требовать отъ меня отчета. Письмо довольно длинно; однакожь требователю должно прочесть его. Итакъ читай:

Втораго октября театръ открылся прологомъ: „Храмъ Радости“, сочиненнымъ для случая торжества всерадостной коронаціи государя императора. Въ этомъ прологѣ много есть хорошаго, въ немъ весьма похвальны пламенныя, живыя чувства усердія, жаль одного: онъ не писанъ перомъ Карамзина! За прологомъ слѣдовала новая комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ: „Примиреніе двухъ братьевъ“, сочиненіе Коцебу. Здѣсь много чувства, много сильно трогательнаго, языкъ прекрасный. Но комедія-драма Коцебу, судя строго, кажется бы, не ко-дню.

6-го Октября представили оперу: „Школа Ревнивыхъ“, украшенную, кромѣ ея роднаго украшенія, превосходной музыки Саліёрія, (послѣ перваго акта) забавнымъ балетомъ: „Сумасшедшіе“, сочиненнымъ балетмейстеромъ Соломоніемъ. Вмѣстѣ со мною пріѣхалъ слушать музыку Тосканецъ лѣкарь, нѣкто Ганнибалъ Маріани. Онъ находилъ въ нашей перелицеванной музыкѣ какіе-то недостатки и не позабылъ сдѣлать также хорошаго упрека и Соломонію. „На что толкать Саліера, на что мѣшать ему?“ Такъ говорилъ съ досадою мой Тосканецъ. „Саліери запѣлъ, и одинъ только Саліери долженъ быть непрерывнымъ: посторонніе эпизоды для правильной, хорошей музыки кровная обида“. Я былъ нѣсколько противнаго мнѣнія: мнѣ казался балетъ Соломоніевъ поставленнымъ кстати и почти необходимымъ для такой оперы, какова „Школа Ревнивыхъ“. То же, можетъ быть, думали и многіе; но впрочемъ, Маріани сколько лѣкарь, по столько же вдвое знатокъ музыки. Лѣкарскія познанія для него въ Россіи безполезны, и онъ ѣдетъ за границу.

Послѣ оперы представляли комедію „Товарищъ или отъисканный сынъ“, въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Павла Сумарокова. Но мы ее не досмотрѣли: Маріани требовалъ маскерада, и мы отправились въ маскерадъ, гдѣ встрѣтили много придворныхъ, гвардейцевъ и вмѣстѣ съ прочими усладили себя англійскою кадрилью и вальсами, быстрота которыхъ, какъ замѣчаютъ пребывающіе здѣсь путешественники, у насъ въ Россіи превосходитъ всякую возможность.

Октября 9-го играли Шериданову комедію: „Школу Злословія“. Хорошо игралъ Плавильщиковъ и его вызвали. Во второй пьесѣ оперѣ: „Два маленькіе Савойца“, роли Савойцевъ играли дочери балетмейстера Соломонія. Музыка единственнаго (для меня) Далейрака. Керцеллій, управляющій театральнымъ оркестромъ, приглашалъ слушать ее Денглера и Даллоку, двухъ отличныхъ придворныхъ артистовъ. Въ субботу 12-го октября у нихъ будетъ свой концертъ, и я имѣю уже билетъ.

Октября 14 го представляли комедію: „Корсиканцы“, въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Коцебу. Послѣ оной дали мою нелюбимую оперу: „Тайну“; но въ этой нелюбимой моей оперѣ играла и пѣла Сандунова, и я, не смотря на сухость оперы, смотрѣлъ ее безъ лѣни и скуки. Сверхъ того драматикъ нашъ Померанцевъ, игравшій въ „Корсиканцахъ“, отличною, натуральною своею игрою оставилъ во всѣхъ зрителяхъ большія впечатлѣнія. Сказывали, что Померанцева приглашали въ Петербургъ; но старикъ отказался; онъ желаетъ умереть въ Москвѣ. Въ десятомъ часу опять открыли Петровскій маскерадъ. Танцовали въ нашей огромной маскерадной ротондѣ. Прелестная англійская кадриль и быстрые наши вальсы все еще держатся во всей своей силѣ.

Октября 18-го играли „Примиреніе двухъ братьевъ“ и послѣ опять оперу: „Два маленькіе Савойца“.

Октября 20-го представляли „Козарару“ (Рѣдкую вещь) и послѣ оной приличный къ сей оперѣ балетъ „Пастушье увеселеніе“. Сандунова въ роли Гиты была превосходна. Театръ былъ полонъ; въ пятомъ часу вечера не было уже не только ложь или креселъ, но даже мѣста въ партерѣ и въ галлереяхъ. Послѣ спектакля опять маскерадъ и опять въ огромной ротондѣ. Многіе изъ придворныхъ и пребывающихъ здѣсь именитыхъ иностранцевъ нынѣ предпочтительно посѣтили сей маскерадъ.

21-го Октября Сандунова въ залѣ Петровскаго же театра давала концертъ, составленный изъ всей музыки новой оперы: „Наталья Боярская дочь“. Оркестръ былъ огроменъ и украшалъ себя безпрестанными хорами пѣвчихъ и необыкновенною мелодіею славной Шереметевской роговой музыки и проч. Сочинитель мотива оперы Сергѣй Николаевичъ Глинка, музыки—Д. Н. Кашинъ. Все русское и все шло чрезвычайно хорошо. Всѣ вообще прибывшіе для коронаціи иностранцы и особенно Англичане были въ концертѣ. Старый богатый Шотландецъ Петръ Верденъ просилъ меня показать ему автора оперы и автора музыки; исполнено.

Октября 23-го давали „Серебряную Свадьбу“, комедію въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе Коцебу, а послѣ оной новую оперу: „Чеботари“. Музыка Бруни мнѣ не понравилась. Замѣть также, что нашлись люди, которые начинаютъ кабалить Коцебу, и особенно Нѣмцы; да не сбудется мое пророчество: Нѣмцы прежде всѣхъ его разлюбятъ!...

25-го Октября явилась на сценѣ опера: „Венеціянская Ярмарка“ и послѣ Соломоніевъ балетъ: „Сила Любви“. Голосъ Сандуновой и

Октября 9-го играли Шериданову комедію: „Школу Злословія“. Хорошо игралъ Плавильщиковъ и его вызвали. Во второй пьесѣ оперѣ: „Два маленькіе Савойца“, роли Савойцевъ играли дочери балетмейстера Соломонія. Музыка единственнаго (для меня) Далейрака. Керцеллій, управляющій театральнымъ оркестромъ, приглашалъ слушать ее Денглера и Даллоку, двухъ отличныхъ придворныхъ артистовъ. Въ субботу 12-го октября у нихъ будетъ свой концертъ, и я имѣю уже билетъ.

Октября 14 го представляли комедію: „Корсиканцы“, въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Коцебу. Послѣ оной дали мою нелюбимую оперу: „Тайну“; но въ этой нелюбимой моей оперѣ играла и пѣла Сандунова, и я, не смотря на сухость оперы, смотрѣлъ ее безъ лѣни и скуки. Сверхъ того драматикъ нашъ Померанцевъ, игравшій въ „Корсиканцахъ“, отличною, натуральною своею игрою оставилъ во всѣхъ зрителяхъ большія впечатлѣнія. Сказывали, что Померанцева приглашали въ Петербургъ; но старикъ отказался; онъ желаетъ умереть въ Москвѣ. Въ десятомъ часу опять открыли Петровскій маскерадъ. Танцовали въ нашей огромной маскерадной ротондѣ. Прелестная англійская кадриль и быстрые наши вальсы все еще держатся во всей своей силѣ.

Октября 18-го играли „Примиреніе двухъ братьевъ“ и послѣ опять оперу: „Два маленькіе Савойца“.

Октября 20-го представляли „Козарару“ (Рѣдкую вещь) и послѣ оной приличный къ сей оперѣ балетъ „Пастушье увеселеніе“. Сандунова въ роли Гиты была превосходна. Театръ былъ полонъ; въ пятомъ часу вечера не было уже не только ложь или креселъ, но даже мѣста въ партерѣ и въ галлереяхъ. Послѣ спектакля опять маскерадъ и опять въ огромной ротондѣ. Многіе изъ придворныхъ и пребывающихъ здѣсь именитыхъ иностранцевъ нынѣ предпочтительно посѣтили сей маскерадъ.

21-го Октября Сандунова въ залѣ Петровскаго же театра давала концертъ, составленный изъ всей музыки новой оперы: „Наталья Боярская дочь“. Оркестръ былъ огроменъ и украшалъ себя безпрестанными хорами пѣвчихъ и необыкновенною мелодіею славной Шереметевской роговой музыки и проч. Сочинитель мотива оперы Сергѣй Николаевичъ Глинка, музыки—Д. Н. Кашинъ. Все русское и все шло чрезвычайно хорошо. Всѣ вообще прибывшіе для коронаціи иностранцы и особенно Англичане были въ концертѣ. Старый богатый Шотландецъ Петръ Верденъ просилъ меня показать ему автора оперы и автора музыки; исполнено.

Октября 23-го давали „Серебряную Свадьбу“, комедію въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе Коцебу, а послѣ оной новую оперу: „Чеботари“. Музыка Бруни мнѣ не понравилась. Замѣть также, что нашлись люди, которые начинаютъ кабалить Коцебу, и особенно Нѣмцы; да не сбудется мое пророчество: Нѣмцы прежде всѣхъ его разлюбятъ!...

25-го Октября явилась на сценѣ опера: „Венеціянская Ярмарка“ и послѣ Соломоніевъ балетъ: „Сила Любви“. Голосъ Сандуновой и

музыка оперы опять привлекли множество зрителей, и театръ опять былъ полонъ.

27-го Октября представили комедію: „Брюзгливый“, въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Коцебу, послѣ оной оперу: „Ѳедулъ съ дѣтьми“, при которой балетъ былъ съ русскою пляскою. Великій авторъ забавнаго Ѳедула тебѣ извѣстенъ. Здѣсь русская пѣсня: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ“, есть одинъ изъ тріумфовъ нашей Сандуновой, и въ четыре часа пополудни я едва-едва могъ найдти для себя мѣсто въ галлереѣ.

28-го Октября спектакль для любителей театра самый затруднительный: это былъ бенефисъ придворнаго актера Воробьева. Опернстъ сей явился въ ролѣ Тито (въ оперѣ „Козарара“) и вмѣстѣ съ Гиттою-Сандуновою превзошелъ игрою самаго себя. Любимая арія *Лишь будь мнѣ вѣренъ*, и дуэтъ *Плутомъ ты меня бранила* имѣли требованія безчисленныя, и признаюсь, не знаю, какъ могли ихъ вынести эти два превосходные артиста.

30-го Октября представляли оперу: „Сонный порошекъ или Похищенную крестьянку“, переведенную съ италіянскаго, музыка разныхъ композиторовъ. Послѣ оной былъ балетъ, повеселившій раекъ буфонствомъ дороднаго Райкова.

1-го Ноября опять комедія: „Брюзгливый“ и опять опера: „Чеботари“.

3-го Ноября, во второй разъ, комедія: „Товарищъ или отысканный сынъ“, въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Павла Сумарокова; послѣ оной твоя любимая опера: „Дезертеръ“.

4-го Ноября бенефисъ актера Колпакова: драма „Сынъ Любви“ и опера „Притворный жокей или Странная предпріимчивость“.

Симъ спектаклемъ закрылся нашъ театръ до окончанія траура. Весьма замѣчателенъ нынѣшній вкусъ нашъ къ произведеніямъ Коцебу и ревностное желаніе нашей театральной дирекціи угождать намъ только музыкою оперы, въ чемъ она и успѣла.

Во всѣхъ сказанныхъ пьесахъ въ свою очередь отличались (кромѣ упомянутыхъ Померанцева, Плавильщикова и Сандуновой) актеры: Шушеринъ, Сахаровъ, Сандуновъ, Пономаревъ и Ожогинъ; актрисы: Сахарова-Синявская, Померанцева-Синявская, Каллиграфъ и Носова, молодая актриса съ изрядным голосомъ.

Другіе концерты: 12 октября разыгрывали Гайденову ораторію: „Сотвореніе міра“. Слова для оной переведены Н. М. Карамзинымъ. Прежде сего (10-го Октября) виртуозъ, первый скрипачь и директоръ музыки короля Шведскаго, нѣкто Миллеръ, давалъ свой концертъ. Въ сихъ музыкальныхъ праздникахъ участвовали: скрипачи Денглеръ, князь П. Н. Енгалычевъ, Герлидчка, Фракманъ и Безаровіусъ, віончелистъ и контрбасистъ Даллока, пѣвецъ Бианки, пѣвица Сандунова, и фортепіанистъ Кашинъ. Всѣмъ была удача, все шло очень хорошо!

Желаніе твое знать имена нѣкоторыхъ иностранцевъ, прибывшихъ сюда безъ всякой обязанности, именно для Александра, я удовлетворю сей часъ. Не погнѣвись однакожъ, на томъ, что этотъ

музыка оперы опять привлекли множество зрителей, и театръ опять былъ полонъ.

27-го Октября представили комедію: „Брюзгливый“, въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Коцебу, послѣ оной оперу: „Ѳедулъ съ дѣтьми“, при которой балетъ былъ съ русскою пляскою. Великій авторъ забавнаго Ѳедула тебѣ извѣстенъ. Здѣсь русская пѣсня: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ“, есть одинъ изъ тріумфовъ нашей Сандуновой, и въ четыре часа пополудни я едва-едва могъ найдти для себя мѣсто въ галлереѣ.

28-го Октября спектакль для любителей театра самый затруднительный: это былъ бенефисъ придворнаго актера Воробьева. Опернстъ сей явился въ ролѣ Тито (въ оперѣ „Козарара“) и вмѣстѣ съ Гиттою-Сандуновою превзошелъ игрою самаго себя. Любимая арія *Лишь будь мнѣ вѣренъ*, и дуэтъ *Плутомъ ты меня бранила* имѣли требованія безчисленныя, и признаюсь, не знаю, какъ могли ихъ вынестп эти два превосходные артиста.

30-го Октября представляли оперу: „Сонный порошекъ или Похищенную крестьянку“, переведенную съ италіянскаго, музыка разныхъ композиторовъ. Послѣ оной былъ балетъ, повеселившій раекъ буфонствомъ дороднаго Райкова.

1-го Ноября опять комедія: „Брюзгливый“ и опять опера: „Чеботари“.

3-го Ноября, во второй разъ, комедія: „Товарищъ или отысканный сынъ“, въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Павла Сумарокова; послѣ оной твоя любимая опера: „Дезертеръ“.

4-го Ноября бенефисъ актера Колпакова: драма „Сынъ Любви“ и опера „Притворный жокей или Странная предпріимчивость“.

Симъ спектаклемъ закрылся нашъ театръ до окончанія траура. Весьма замѣчателенъ нынѣшній вкусъ нашъ къ произведеніямъ Коцебу и ревностное желаніе нашей театральной дирекціи угождать намъ только музыкою оперы, въ чемъ она и успѣла.

Во всѣхъ сказанныхъ пьесахъ въ свою очередь отличались (кромѣ упомянутыхъ Померанцева, Плавильщикова и Сандуновой) актеры: Шушеринъ, Сахаровъ, Сандуновъ, Пономаревъ и Ожогинъ; актрисы: Сахарова-Синявская, Померанцева-Синявская, Каллиграфъ и Носова, молодая актриса съ изрядным голосомъ.

Другіе концерты: 12 октября разыгрывали Гайденову ораторію: „Сотвореніе міра“. Слова для оной переведены Н. М. Карамзинымъ. Прежде сего (10-го Октября) виртуозъ, первый скрипачь и директоръ музыки короля Шведскаго, нѣкто Миллеръ, давалъ свой концертъ. Въ сихъ музыкальныхъ праздникахъ участвовали: скрипачи Денглеръ, князь П. Н. Енгалычевъ, Герлидчка, Фракманъ и Безаровіусъ, віончелистъ и контрбасистъ Даллока, пѣвецъ Бианки, пѣвица Сандунова, и фортепіанистъ Кашинъ. Всѣмъ была удача, все шло очень хорошо!

Желаніе твое знать имена нѣкоторыхъ иностранцевъ, прибывшихъ сюда безъ всякой обязанности, именно для Александра, я удовлетворю сей часъ. Не погнѣвись однакожъ, на томъ, что этотъ

списокъ будетъ несовсѣмъ полнымъ: я пишу къ тебѣ только о тѣхъ чужеземцахъ, съ которыми былъ знакомъ. Начинаю Азіятцами, какъ народами древнѣйшими. Вотъ они.

Грузинецъ Парсаданъ Минигаръ Андронникъ, богачъ Константинопольскій (какъ онъ сказываетъ), не въ прямомъ дѣлѣ, обыкновенный провозный торговый промышленникъ, живущій, какъ ему вздумается, то въ Африкѣ, то въ Азіи, то въ Европѣ. Много разсказываетъ объ Индіи, Персіи, Китаѣ, и, кажется, отточиваетъ всѣ свои знанія только искусствомъ распознавать ткани азіятскія.

Грекъ Мавродинъ и товарищъ его Грекъ Николай Папа Ангели; оба подобны Грузинцу Парсадану съ тою только разницею, что послѣдній, живши въ Неаполѣ, получилъ отъ какого-то Француза понятіе о Фенелоновомъ Телемакѣ, прочелъ его и разсердился на Фенелона за то, что онъ, Фенелонъ, по его словамъ, не зная мѣстности греческой, ставилъ многія греческія названія, перепортивши французскимъ языкомъ.

Два остальные Грека (моихъ знакомыхъ) первый Константинъ Малеа и другой Тедоръ Христіано, оба богатые торгаши, записные враги Турокъ, пророки о будущей славѣ Греціи.

Изъ Европейцевъ всего прежде поставляю тебѣ Англичанъ, какъ людей изъ всѣхъ европейскихъ націй болѣе всѣхъ другихъ любопытствующихъ.

Томасъ или Ѳома Пайркеръ, коммисаръ какого-то Лондонскаго торговаго общества, смотритъ на всякую вещь какъ на товаръ.

Дворянинъ Кейретонъ, человѣкъ, къ намъ прибывшій единственно только за тѣмъ, чтобы взглянуть на Александра, на его коронацію и на Москву. Онъ носитъ красный мундиръ съ синими лацканами, мало говоритъ, но бываетъ вездѣ.

Купцы Джонъ Мейбомъ и Джемсъ Ровандъ, помышляютъ объ основаніи и объ улучшеніи здѣсь англійскихъ конторъ. Ровандъ добрый, гостепріимный человѣкъ.

Дворяне Генрей и Джонъ Кустъ, оба въ красныхъ мундирахъ, молодые люди гораздо словоохотнѣе Кейретона, но менѣе любопытствующіе.

Робертъ Рушбрукъ, дворянинъ въ синемъ мундирѣ, хорошо знакомъ съ Америкою и называетъ мадамъ Радклиффъ дальнею кузиною.

Дворяне Харбортъ и Флемингъ, молодые люди въ красныхъ мундирахъ, повторяютъ многое за Рушбрукомъ и хвалятъ свою націю.

Французъ абе (аббатъ) де-Лабретонъ, ученый начитанный эмигрантъ, прибывшій изъ Англіи.

Французскій дворянинъ Клавдій-Франсоа Кюно де-Бельвоа, эмигрантъ, желающій быть (по неволѣ) англоманомъ, весьма вѣрно доказывающій, что всѣ наши мусьи и мадамы не ученые люди, и что они и онѣ много, много вредятъ воспитанію Русскихъ и потому самому многими изъ насъ замѣчено, что кавалеръ де Бельвоа—Баярдовой крови, человѣкъ честный!

списокъ будетъ несовсѣмъ полнымъ: я пишу къ тебѣ только о тѣхъ чужеземцахъ, съ которыми былъ знакомъ. Начинаю Азіятцами, какъ народами древнѣйшими. Вотъ они.

Грузинецъ Парсаданъ Минигаръ Андронникъ, богачъ Константинопольскій (какъ онъ сказываетъ), не въ прямомъ дѣлѣ, обыкновенный провозный торговый промышленникъ, живущій, какъ ему вздумается, то въ Африкѣ, то въ Азіи, то въ Европѣ. Много разсказываетъ объ Индіи, Персіи, Китаѣ, и, кажется, отточиваетъ всѣ свои знанія только искусствомъ распознавать ткани азіятскія.

Грекъ Мавродинъ и товарищъ его Грекъ Николай Папа Ангели; оба подобны Грузинцу Парсадану съ тою только разницею, что послѣдній, живши въ Неаполѣ, получилъ отъ какого-то Француза понятіе о Фенелоновомъ Телемакѣ, прочелъ его и разсердился на Фенелона за то, что онъ, Фенелонъ, по его словамъ, не зная мѣстности греческой, ставилъ многія греческія названія, перепортивши французскимъ языкомъ.

Два остальные Грека (моихъ знакомыхъ) первый Константинъ Малеа и другой Тедоръ Христіано, оба богатые торгаши, записные враги Турокъ, пророки о будущей славѣ Греціи.

Изъ Европейцевъ всего прежде поставляю тебѣ Англичанъ, какъ людей изъ всѣхъ европейскихъ націй болѣе всѣхъ другихъ любопытствующихъ.

Томасъ или Ѳома Пайркеръ, коммисаръ какого-то Лондонскаго торговаго общества, смотритъ на всякую вещь какъ на товаръ.

Дворянинъ Кейретонъ, человѣкъ, къ намъ прибывшій единственно только за тѣмъ, чтобы взглянуть на Александра, на его коронацію и на Москву. Онъ носитъ красный мундиръ съ синими лацканами, мало говоритъ, но бываетъ вездѣ.

Купцы Джонъ Мейбомъ и Джемсъ Ровандъ, помышляютъ объ основаніи и объ улучшеніи здѣсь англійскихъ конторъ. Ровандъ добрый, гостепріимный человѣкъ.

Дворяне Генрей и Джонъ Кустъ, оба въ красныхъ мундирахъ, молодые люди гораздо словоохотнѣе Кейретона, но менѣе любопытствующіе.

Робертъ Рушбрукъ, дворянинъ въ синемъ мундирѣ, хорошо знакомъ съ Америкою и называетъ мадамъ Радклиффъ дальнею кузиною.

Дворяне Харбортъ и Флемингъ, молодые люди въ красныхъ мундирахъ, повторяютъ многое за Рушбрукомъ и хвалятъ свою націю.

Французъ абе (аббатъ) де-Лабретонъ, ученый начитанный эмигрантъ, прибывшій изъ Англіи.

Французскій дворянинъ Клавдій-Франсоа Кюно де-Бельвоа, эмигрантъ, желающій быть (по неволѣ) англоманомъ, весьма вѣрно доказывающій, что всѣ наши мусьи и мадамы не ученые люди, и что они и онѣ много, много вредятъ воспитанію Русскихъ и потому самому многими изъ насъ замѣчено, что кавалеръ де Бельвоа—Баярдовой крови, человѣкъ честный!

Венгерцы: полковникъ и кавалеръ Эмманюель Бальшъ, гусаръ и купецъ Осипъ Десингъ и товарищъ сего послѣдняго Николай Жакень. Всѣ трое весьма хорошіе молодцы, всѣ трое не наглядятся на нашего императора, и въ особенности первый, готовъ, кажется, быть даже въ нашей службѣ, если только ему позволятъ наформировать безсмертныхъ гусаровъ; наша молодежь, охотница и до усовъ и до гусарскихъ мундировъ, вьется около Бальша, какъ пчелы кругъ матки. Безсмертная медвѣжья шапка съ серебряною мертвою головою, черный лихой гусарскій мундиръ—кому не приманка!

Саксонецъ Осипъ Флорковскій и дворянинъ, и купецъ, и воинъ, и дипломатъ; какъ ему вздумается, такъ и говоритъ о себѣ. Но въ самомъ дѣлѣ это славянскій Нѣмчикъ, едва ли не польскій уроженецъ, переселившійся въ Саксонію послѣ побѣды надъ Костюшкою. Такъ гласитъ молва.

Тосканецъ докторъ Ганнибалъ Маріани болѣе артистъ музыки, нежели эскулапъ, худенькій человѣчекъ съ черными блестящими глазами. Но я уже тебѣ говорилъ о немъ.

Голландецъ Вильгельмъ Глетіонъ также тебѣ знакомъ по моимъ письмамъ.

Петръ и сынъ его Іосифъ Верденъ торговцы, любопытствующіе Швейцарцы.

Мартинъ Баумъ, Павелъ и братъ его Иванъ Лауферъ, добрые Тирольцы, но не крестьяне канареичники, какъ они говорятъ, ибо имѣютъ право носить мундиры, похожіе на гусарскіе. Пѣвцы и весельчаки!

Венгерцы: полковникъ и кавалеръ Эмманюель Бальшъ, гусаръ и купецъ Осипъ Десингъ и товарищъ сего послѣдняго Николай Жакень. Всѣ трое весьма хорошіе молодцы, всѣ трое не наглядятся на нашего императора, и въ особенности первый, готовъ, кажется, быть даже въ нашей службѣ, если только ему позволятъ наформировать безсмертныхъ гусаровъ; наша молодежь, охотница и до усовъ и до гусарскихъ мундировъ, вьется около Бальша, какъ пчелы кругъ матки. Безсмертная медвѣжья шапка съ серебряною мертвою головою, черный лихой гусарскій мундиръ—кому не приманка!

Саксонецъ Осипъ Флорковскій и дворянинъ, и купецъ, и воинъ, и дипломатъ; какъ ему вздумается, такъ и говоритъ о себѣ. Но въ самомъ дѣлѣ это славянскій Нѣмчикъ, едва ли не польскій уроженецъ, переселившійся въ Саксонію послѣ побѣды надъ Костюшкою. Такъ гласитъ молва.

Тосканецъ докторъ Ганнибалъ Маріани болѣе артистъ музыки, нежели эскулапъ, худенькій человѣчекъ съ черными блестящими глазами. Но я уже тебѣ говорилъ о немъ.

Голландецъ Вильгельмъ Глетіонъ также тебѣ знакомъ по моимъ письмамъ.

Петръ и сынъ его Іосифъ Верденъ торговцы, любопытствующіе Швейцарцы.

Мартинъ Баумъ, Павелъ и братъ его Иванъ Лауферъ, добрые Тирольцы, но не крестьяне канареичники, какъ они говорятъ, ибо имѣютъ право носить мундиры, похожіе на гусарскіе. Пѣвцы и весельчаки!

ДѢЛО ГУРЬЕВЫХЪ И ХРУЩОВЫХЪ.

(1762 годъ).

Обнародованныя доселѣ свѣдѣнія о смутѣ, произведенной въ 1762 г. дворянами Гурьевыми и Хрущовыми, находятся въ извѣстномъ манифестѣ „о явльшихся преступникахъ", изданномъ 24-го октября 1762 года и помѣщенномъ въ Полномъ собраніи законовъ подъ № 11.693. Предлагаемые здѣсь документы, извлеченные изъ бумагъ И. П. Шульгина, раскрываютъ весь ходъ этого дѣла. По поводу того же событія, 28-го октября 1762 года, въ Москвѣ изданъ былъ императрицею Екатериною циркулярный указъ, имѣвшій цѣлью обратить вниманіе общества на снисходительный судъ надъ преступниками. Указъ этотъ напечатанъ въ сборникѣ П. И. Бартенева „Осьмнадцатый вѣкъ", кн. I, стр. 75—76 (изд. 2-ое). Въ объясненіе къ этому указу въ упомянутомъ изданіи приведено и извлеченіе изъ современныхъ документовъ, относящееся будто-бы къ дѣлу Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, но въ сущности касающееся совершенно другого событія, именно дѣла Хитрово, Рославлевыхъ и Ласунскихъ. Въ III-й книгѣ „Осьмнадцатаго вѣка", стр. 491, М. Н. Лонгиновъ ужь указалъ, что дѣло Хитрово, возникшее въ Москвѣ, не имѣло никакого отношенія къ смутѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, произведенной въ Петербургѣ. Сличеніе печатаемыхъ документовъ съ извлеченіемъ изъ подлинныхъ бумагъ, помѣщеннымъ въ I-й книгѣ „Осьмнадцаго вѣка", вполнѣ подтверждаетъ это указаніе. Но надобно замѣтить, что и по дѣлу Гурьевыхъ и Хрущовыхъ процессъ производился не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ.

ДѢЛО ГУРЬЕВЫХЪ И ХРУЩОВЫХЪ.

(1762 годъ).

Обнародованныя доселѣ свѣдѣнія о смутѣ, произведенной въ 1762 г. дворянами Гурьевыми и Хрущовыми, находятся въ извѣстномъ манифестѣ „о явльшихся преступникахъ", изданномъ 24-го октября 1762 года и помѣщенномъ въ Полномъ собраніи законовъ подъ № 11.693. Предлагаемые здѣсь документы, извлеченные изъ бумагъ И. П. Шульгина, раскрываютъ весь ходъ этого дѣла. По поводу того же событія, 28-го октября 1762 года, въ Москвѣ изданъ былъ императрицею Екатериною циркулярный указъ, имѣвшій цѣлью обратить вниманіе общества на снисходительный судъ надъ преступниками. Указъ этотъ напечатанъ въ сборникѣ П. И. Бартенева „Осьмнадцатый вѣкъ", кн. I, стр. 75—76 (изд. 2-ое). Въ объясненіе къ этому указу въ упомянутомъ изданіи приведено и извлеченіе изъ современныхъ документовъ, относящееся будто-бы къ дѣлу Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, но въ сущности касающееся совершенно другого событія, именно дѣла Хитрово, Рославлевыхъ и Ласунскихъ. Въ III-й книгѣ „Осьмнадцатаго вѣка", стр. 491, М. Н. Лонгиновъ ужь указалъ, что дѣло Хитрово, возникшее въ Москвѣ, не имѣло никакого отношенія къ смутѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, произведенной въ Петербургѣ. Сличеніе печатаемыхъ документовъ съ извлеченіемъ изъ подлинныхъ бумагъ, помѣщеннымъ въ I-й книгѣ „Осьмнадцаго вѣка", вполнѣ подтверждаетъ это указаніе. Но надобно замѣтить, что и по дѣлу Гурьевыхъ и Хрущовыхъ процессъ производился не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ.

I.

Указъ сенату.

Изъ приложеннаго при семъ доношенія къ Намъ отъ Нашихъ лейбъ-гвардіи штабъ-офицеровъ: гетмана графа Разумовскаго, сенатора Суворова и генералъ-поручика Вадковскаго, Нашъ сенатъ довольно усмотритъ, сколь велико должно быть Наше сожалѣніе, что въ самое то время, когда Мы видимъ, съ какимъ единодушіемъ всѣ Наши правительства стремятся соотвѣтствовать нашей собственной ревности о блаженствѣ народномъ, сыскалися въ самой столицѣ столь злые люди, что ни своего, ни общаго покоя имѣть не хотятъ и, дѣлая въ народѣ возмущеніе, разоряютъ свое и ближняго своего благосостояніе. Мы тутъ чистосердечно презираемъ, что̀ до Насъ собственно касаться можетъ. Но нельзя Намъ пренебречь всего того, что̀ повреждаетъ спокойство любезнаго Нашего отечества, и для того отдаемъ сіе беззаконное дѣло суду Нашего верховнаго правительства, повелѣвая симъ Нашему сенату въ полномъ собраніи, присовокупя президентовъ отъ находящихся здѣсь Нашихъ коллегій, прочитать вышепомянутое доношеніе и по оному осудить преступниковъ по силѣ законовъ, а подписанную о томъ сентенцію подать Намъ на аппробацію. Наше человѣколюбіе не можетъ однакожъ оставить безъ увѣщанія, чтобъ и тутъ, наблюдая нужду государственной строгости, сила законовъ была соображаема съ достойнымъ монаршимъ милосердіемъ.

На подлинномъ написано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Октября ... дня
1762 г.

II.

Доношеніе слѣдственной комиссіи.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица, государыня всемилостивѣйшая!

Нынѣшняго мѣсяца 3-го числа Ваше Императорское Величество намъ нижеподписавшимся изустно всевысочайше указать изволила, чтобы мы секретно по самой справедливости ближайшими способами къ открытію правды и безъ розысковъ произвели слѣдствіе по дошедшимъ слухамъ о умыслахъ противу общей тишины и благоденствія между нѣкоторыми отчаянными людьми; и что̀ мы откроемъ, о томъ бы всеподданнѣйше взнести въ докладъ къ Вашему Императорскому Величеству.

Мы, держась точно предписанныхъ намъ монаршихъ правилъ,

I.

Указъ сенату.

Изъ приложеннаго при семъ доношенія къ Намъ отъ Нашихъ лейбъ-гвардіи штабъ-офицеровъ: гетмана графа Разумовскаго, сенатора Суворова и генералъ-поручика Вадковскаго, Нашъ сенатъ довольно усмотритъ, сколь велико должно быть Наше сожалѣніе, что въ самое то время, когда Мы видимъ, съ какимъ единодушіемъ всѣ Наши правительства стремятся соотвѣтствовать нашей собственной ревности о блаженствѣ народномъ, сыскалися въ самой столицѣ столь злые люди, что ни своего, ни общаго покоя имѣть не хотятъ и, дѣлая въ народѣ возмущеніе, разоряютъ свое и ближняго своего благосостояніе. Мы тутъ чистосердечно презираемъ, что̀ до Насъ собственно касаться можетъ. Но нельзя Намъ пренебречь всего того, что̀ повреждаетъ спокойство любезнаго Нашего отечества, и для того отдаемъ сіе беззаконное дѣло суду Нашего верховнаго правительства, повелѣвая симъ Нашему сенату въ полномъ собраніи, присовокупя президентовъ отъ находящихся здѣсь Нашихъ коллегій, прочитать вышепомянутое доношеніе и по оному осудить преступниковъ по силѣ законовъ, а подписанную о томъ сентенцію подать Намъ на аппробацію. Наше человѣколюбіе не можетъ однакожъ оставить безъ увѣщанія, чтобъ и тутъ, наблюдая нужду государственной строгости, сила законовъ была соображаема съ достойнымъ монаршимъ милосердіемъ.

На подлинномъ написано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Октября ... дня
1762 г.

II.

Доношеніе слѣдственной комиссіи.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица, государыня всемилостивѣйшая!

Нынѣшняго мѣсяца 3-го числа Ваше Императорское Величество намъ нижеподписавшимся изустно всевысочайше указать изволила, чтобы мы секретно по самой справедливости ближайшими способами къ открытію правды и безъ розысковъ произвели слѣдствіе по дошедшимъ слухамъ о умыслахъ противу общей тишины и благоденствія между нѣкоторыми отчаянными людьми; и что̀ мы откроемъ, о томъ бы всеподданнѣйше взнести въ докладъ къ Вашему Императорскому Величеству.

Мы, держась точно предписанныхъ намъ монаршихъ правилъ,

чрезъ многіе распросы и очныя ставки со свидѣтелями открыли оскорбленіе величества и совершенный умыселъ къ общему возмущенію отъ людей нижепоименованныхъ:

Первый, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ Петръ Хрущовъ, доказанъ и виннлся въ изблеваніи того оскорбленія, и что онъ старался другихъ привлекать къ намѣряемому имъ возмущенію противъ Вашего Императорскаго Величества и общаго покоя, затѣвая, яко бы ужь и многихъ имѣлъ въ своемъ согласіи.

Второй, Ингерманландскаго пѣхотнаго полка поручикъ Семенъ Гурьевъ, яко сообщникъ съ первымъ, не токмо въ злодѣйскомъ умыслѣ соглашался, но и самъ другихъ къ тому подговаривалъ съ прибавленіемъ отъ себя разныхъ лживыхъ внушеній, изъ чего во многомъ въ первомъ допросѣ, а по обличеніи отъ свидѣтелей и во всемъ самъ признался.

Третій, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Иванъ Гурьевъ, сдѣлалъ себя съ ними соучастникомъ тѣмъ, что знавъ ихъ умыселъ, объ ономъ нигдѣ не донесъ и самъ, яко свѣдущій, одной персонѣ о томъ внушалъ,—о чемъ въ первомъ своемъ допросѣ утаилъ, а по вторичнымъ и на очныхъ ставкахъ по изобличенію винился.

Четвертый, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка квартермистръ Петръ Гурьевъ, слышалъ отъ Петра Хрущова противу Вашего Императорскаго Величества оскорбительныя слова, такъ и о зломъ умыслѣ и о возмущеніи; о томъ не доносилъ и сначала запирался, а наконецъ отчасти изобличенъ былъ, отчастижъ и добровольное признаніе принесъ и винился.

Пятый, коллежскій ассессоръ Алексѣй Хрущовъ, изобличаемъ однимъ доносителемъ, яко бы и онъ ему сказывалъ о общемъ вышепомянутомъ зломъ намѣреніи, но какъ свидѣтелей тому нѣтъ, а онъ Хрущовъ, запирается, то остается одно къ нему подозрѣніе, первое въ томъ, что онъ, слыша отъ Петра Хрущова нѣкоторыя дерзкія слова, не доносилъ, однакожь, по видимому, поставлялъ ихъ важными, потому что для перепросу объ оныхъ прикачивалъ того, который на него послѣ доносилъ вышеписанное; второе, что онъ изобличаемъ однимъ постороннимъ свидѣтелемъ въ слышаніи имъ подозрительнаго слова, которое того же дня и въ той же компаніи выговорилъ Петръ Хрущовъ, въ чемъ онъ, Алексѣй Хрущовъ, признанія своего не приноситъ.

И тако въ силу Вашего Императорскаго Величества повелѣнія всеподданнѣйше донося сіе наше производство, пребываемъ со всеглубочайшимъ подобострастіемъ:

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе рабы:

Подлинное подписали: Графъ К. Разумовскій.
Василій Суворовъ.
Ѳедоръ Вадковской.

чрезъ многіе распросы и очныя ставки со свидѣтелями открыли оскорбленіе величества и совершенный умыселъ къ общему возмущенію отъ людей нижепоименованныхъ:

Первый, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ Петръ Хрущовъ, доказанъ и винился въ изблеваніи того оскорбленія, и что онъ старался другихъ привлекать къ намѣряемому имъ возмущенію противъ Вашего Императорскаго Величества и общаго покоя, затѣвая, яко бы ужь и многихъ имѣлъ въ своемъ согласіи.

Второй, Ингерманландскаго пѣхотнаго полка поручикъ Семенъ Гурьевъ, яко сообщникъ съ первымъ, не токмо въ злодѣйскомъ умыслѣ соглашался, но и самъ другихъ къ тому подговаривалъ съ прибавленіемъ отъ себя разныхъ лживыхъ внушеній, изъ чего во многомъ въ первомъ допросѣ, а по обличеніи отъ свидѣтелей и во всемъ самъ признался.

Третій, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Иванъ Гурьевъ, сдѣлалъ себя съ ними соучастникомъ тѣмъ, что знавъ ихъ умыселъ, объ ономъ нигдѣ не донесъ и самъ, яко свѣдущій, одной персонѣ о томъ внушалъ,—о чемъ въ первомъ своемъ допросѣ утаилъ, а по вторичнымъ и на очныхъ ставкахъ по изобличенію винился.

Четвертый, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка квартермистръ Петръ Гурьевъ, слышалъ отъ Петра Хрущова противу Вашего Императорскаго Величества оскорбительныя слова, такъ и о зломъ умыслѣ и о возмущеніи; о томъ не доносилъ и сначала запирался, а наконецъ отчасти изобличенъ былъ, отчастижъ и добровольное признаніе принесъ и винился.

Пятый, коллежскій ассессоръ Алексѣй Хрущовъ, изобличаемъ однимъ доносителемъ, яко бы и онъ ему сказывалъ о общемъ вышепомянутомъ зломъ намѣреніи, но какъ свидѣтелей тому нѣтъ, а онъ Хрущовъ, запирается, то остается одно къ нему подозрѣніе, первое въ томъ, что онъ, слыша отъ Петра Хрущова нѣкоторыя дерзкія слова, не доносилъ, однакожь, по видимому, поставлялъ ихъ важными, потому что для перепросу объ оныхъ прикачивалъ того, который на него послѣ доносилъ вышеписанное; второе, что онъ изобличаемъ однимъ постороннимъ свидѣтелемъ въ слышаніи имъ подозрительнаго слова, которое того же дня и въ той же компаніи выговорилъ Петръ Хрущовъ, въ чемъ онъ, Алексѣй Хрущовъ, признанія своего не приноситъ.

И тако въ силу Вашего Императорскаго Величества повелѣнія всеподданнѣйше донося сіе наше производство, пребываемъ со всеглубочайшимъ подобострастіемъ:

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе рабы:

Подлинное подписали: Графъ К. Разумовскій.
Василій Суворовъ.
Ѳедоръ Вадковской.

III.

Сентенція сената.

1762 года октября 24-го дня, правительствующій сенатъ во исполненіе подписаннаго Ея Императорскимъ Величествомъ сего октября 24-го дня, о учиненныхъ бывшими лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикомъ Петромъ Хрущовымъ, Ингерманландскаго пѣхотнаго полка поручикомъ Семеномъ Гурьевымъ, Измайловскаго полка капитанъ-поручикомъ Иваномъ Гурьевымъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка квартермейстеромъ Петромъ Гурьевымъ и коллежскимъ ассессоромъ Алексѣемъ Хрущовымъ, важныхъ винахъ манифеста, приказали учинить слѣдующее: 1) Означенныхъ преступниковъ изъ того мѣста, гдѣ они нынѣ содержатся, давъ знать сенатору и кавалеру Василію Ивановичу Суворову, взять и велѣть отвести на Красную площадь и оныхъ бывшихъ: Петра Хрущова, Семена Гурьева, Ивана и Петра Гурьевыхъ, взвести на эшафотъ и изъ оныхъ Петра Хрущова и Семена Гурьева по силѣ воинскаго артикула, ошелмовать. 2) Отъ Московской губернской канцеляріи приказать сдѣлать на объявленной площади, дабы преступникомъ чиненное шелмованіе всѣмъ видимо было, эшафотъ, о чемъ въ той губернской канцеляріи чрезъ экзекутора объявить. 3) Оныхъ преступниковъ отправить въ Сибирскую губернскую канцелярію при указѣ подъ крѣпкими караулами на ямскихъ пятнадцати подводахъ, на которыя прогонныя до Тобольска и отъ Тобольска обратно до Москвы на шесть подводъ, такожь на покупку велѣть и необходимо нужнаго въ пути и на дачу кормовыхъ денегъ по требованію командированнаго съ оными преступниками офицера выдать изъ штатсъ-конторы, и о выдачѣ тѣхъ денегъ въ ту контору послать указъ. 4) Для порядку за оными преступниками требовать отъ военной коллегіи здѣшняго гарнизона оберъ-офицера одного и унтеръ-офицера одного, капраловъ двухъ, солдатъ двѣнадцать человѣкъ, добрыхъ и надежныхъ людей, коимъ велѣть явиться въ правительствующій сенатъ, какъ наискорѣе, и объ ономъ въ военную коллегію послать указъ; какъ же оные явятся, то дать надлежащую объ отвозѣ показанныхъ преступниковъ до Тобольска подъ крѣпкими караулами, дабы утечки учинить не могли, равнымъ образомъ, будучи въ пути, съ посторонними сообщенія, ни письменнаго, ни словеснаго не имѣли, инструкцію. 5) Въ посланномъ въ Сибирскую губернскую канцелярію указѣ написать, что какъ означенные преступники въ оной объявлены будутъ, то бъ ихъ, ни мало не мѣшкавъ, отправить въ повелѣнное мѣсто въ ссылки вѣчно на житье, а доколѣ они до означенныхъ мѣстъ довезены будутъ, давать имъ по пяти копѣекъ въ день человѣку. 6) Для учиненія показаннымъ преступникамъ объявленной экзекуціи, требовать отъ здѣшнихъ лейбъ-гвардіи баталіоновъ при одномъ штабъ- и пристойномъ числѣ оберъ- и унтеръ-офицеровъ, съ каждаго полка по

III.

Сентенція сената.

1762 года октября 24-го дня, правительствующій сенатъ во исполненіе подписаннаго Ея Императорскимъ Величествомъ сего октября 24-го дня, о учиненныхъ бывшими лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикомъ Петромъ Хрущовымъ, Ингерманландскаго пѣхотнаго полка поручикомъ Семеномъ Гурьевымъ, Измайловскаго полка капитанъ-поручикомъ Иваномъ Гурьевымъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка квартермейстеромъ Петромъ Гурьевымъ и коллежскимъ ассессоромъ Алексѣемъ Хрущовымъ, важныхъ винахъ манифеста, приказали учинить слѣдующее: 1) Означенныхъ преступниковъ изъ того мѣста, гдѣ они нынѣ содержатся, давъ знать сенатору и кавалеру Василію Ивановичу Суворову, взять и велѣть отвести на Красную площадь и оныхъ бывшихъ: Петра Хрущова, Семена Гурьева, Ивана и Петра Гурьевыхъ, взвести на эшафотъ и изъ оныхъ Петра Хрущова и Семена Гурьева по силѣ воинскаго артикула, ошелмовать. 2) Отъ Московской губернской канцеляріи приказать сдѣлать на объявленной площади, дабы преступникомъ чиненное шелмованіе всѣмъ видимо было, эшафотъ, о чемъ въ той губернской канцеляріи чрезъ экзекутора объявить. 3) Оныхъ преступниковъ отправить въ Сибирскую губернскую канцелярію при указѣ подъ крѣпкими караулами на ямскихъ пятнадцати подводахъ, на которыя прогонныя до Тобольска и отъ Тобольска обратно до Москвы на шесть подводъ, такожь на покупку велѣть и необходимо нужнаго въ пути и на дачу кормовыхъ денегъ по требованію командированнаго съ оными преступниками офицера выдать изъ штатсъ-конторы, и о выдачѣ тѣхъ денегъ въ ту контору послать указъ. 4) Для порядку за оными преступниками требовать отъ военной коллегіи здѣшняго гарнизона оберъ-офицера одного и унтеръ-офицера одного, капраловъ двухъ, солдатъ двѣнадцать человѣкъ, добрыхъ и надежныхъ людей, коимъ велѣть явиться въ правительствующій сенатъ, какъ наискорѣе, и объ ономъ въ военную коллегію послать указъ; какъ же оные явятся, то дать надлежащую объ отвозѣ показанныхъ преступниковъ до Тобольска подъ крѣпкими караулами, дабы утечки учинить не могли, равнымъ образомъ, будучи въ пути, съ посторонними сообщенія, ни письменнаго, ни словеснаго не имѣли, инструкцію. 5) Въ посланномъ въ Сибирскую губернскую канцелярію указѣ написать, что какъ означенные преступники въ оной объявлены будутъ, то бъ ихъ, ни мало не мѣшкавъ, отправить въ повелѣнное мѣсто въ ссылки вѣчно на житье, а доколѣ они до означенныхъ мѣстъ довезены будутъ, давать имъ по пяти копѣекъ въ день человѣку. 6) Для учиненія показаннымъ преступникамъ объявленной экзекуціи, требовать отъ здѣшнихъ лейбъ-гвардіи баталіоновъ при одномъ штабъ- и пристойномъ числѣ оберъ- и унтеръ-офицеровъ, съ каждаго полка по

сту человѣкъ рядовыхъ, итого триста человѣкъ, о чемъ сенатору и кавалеру графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому дать знать письменно, при чемъ, какъ его сіятельству, такъ и сенатору Василію Ивановичу Суворову сообщить, какимъ образомъ означенному штабъ-офицеру съ объявленною командою поступать, также и преступникамъ шелмованіе учинить, съ аппробованной правительствующимъ сенатомъ записки сообщить копіи. 7) Алексѣю Хрущову, о вышеобъявленныхъ преступленіяхъ манифестъ прочесть, и что онъ лишенъ всѣхъ чиновъ, такожъ дабы онъ изъ деревень своихъ въ столицы Ея Императорскаго Величества не въѣзжалъ, объявить въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ содержится, и потомъ за карауломъ отправить его въ ту деревню, куда онъ похочетъ, на имянныхъ же подводахъ, на которыя прогонныя деньги выдать изъ штатсъ-конторы. 8) Вышеписанный же Ея Императорскаго Величества манифестъ напечатать довольное число и публиковать во всемъ государствѣ. 9) Означенную же экзекуцію учинить сего октября 28-го дня, т. е. въ понедѣльникъ, о чемъ для обыкновенной публикаціи послать указъ въ Московскую полицію.

Подлинный за подписаніемъ правительствующаго сената.

IV.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой!

По состоявшемуся Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки манифесту повелѣно: оказавшихся въ важныхъ винахъ преступниковъ бывшихъ Петра Хрущова и Семена Гурьева, ошелмовавъ публично, послать въ назначенную въ томъ манифестѣ ссылку; оную жъ экзекуцію разсуждено правительствующимъ сенатомъ учинить на Красной площади сего октября 28-го дня, т. е. въ понедѣльникъ. Необходимо же надобно преступниковъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они содержаться, на Красную площадь привести воинской командѣ полковъ лейбъ-гвардіи, чего ради ваше сіятельство благоволите приказать отъ находящихся здѣсь лейбъ-гвардіи баталіоновъ командировать при одномъ штабъ-офицерѣ и надлежащемъ числѣ оберъ- и унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ по сту человѣкъ съ баталіона, и означенному штабъ-офицеру для принятія означенныхъ преступниковъ ваше сіятельство изволите приказать явиться у сенатора и лейбъ-гвардіи маіора Василія Ивановича Суворова; какимъ же образомъ по принятіи оныхъ преступниковъ означенному гвардіи штабъ-офицеру поступать и что чинить, при семъ съ аппробаціи правительствующаго сената къ вашему сіятельству прилагаю записку. Въ прочемъ съ должнѣйшимъ моимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорный слуга.

25-го октября 1762 года.

сту человѣкъ рядовыхъ, итого триста человѣкъ, о чемъ сенатору и кавалеру графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому дать знать письменно, при чемъ, какъ его сіятельству, такъ и сенатору Василію Ивановичу Суворову сообщить, какимъ образомъ означенному штабъ-офицеру съ объявленною командою поступать, также и преступникамъ шелмованіе учинить, съ аппробованной правительствующимъ сенатомъ записки сообщить копіи. 7) Алексѣю Хрущову, о вышеобъявленныхъ преступленіяхъ манифестъ прочесть, и что онъ лишенъ всѣхъ чиновъ, такожъ дабы онъ изъ деревень своихъ въ столицы Ея Императорскаго Величества не въѣзжалъ, объявить въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ содержится, и потомъ за карауломъ отправить его въ ту деревню, куда онъ похочетъ, на имянныхъ же подводахъ, на которыя прогонныя деньги выдать изъ штатсъ-конторы. 8) Вышеписанный же Ея Императорскаго Величества манифестъ напечатать довольное число и публиковать во всемъ государствѣ. 9) Означенную же экзекуцію учинить сего октября 28-го дня, т. е. въ понедѣльникъ, о чемъ для обыкновенной публикаціи послать указъ въ Московскую полицію.

Подлинный за подписаніемъ правительствующаго сената.

IV.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой!

По состоявшемуся Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки манифесту повелѣно: оказавшихся въ важныхъ винахъ преступниковъ бывшихъ Петра Хрущова и Семена Гурьева, ошелмовавъ публично, послать въ назначенную въ томъ манифестѣ ссылку; оную жъ экзекуцію разсуждено правительствующимъ сенатомъ учинить на Красной площади сего октября 28-го дня, т. е. въ понедѣльникъ. Необходимо же надобно преступниковъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они содержаться, на Красную площадь привести воинской командѣ полковъ лейбъ-гвардіи, чего ради ваше сіятельство благоволите приказать отъ находящихся здѣсь лейбъ-гвардіи баталіоновъ командировать при одномъ штабъ-офицерѣ и надлежащемъ числѣ оберъ- и унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ по сту человѣкъ съ баталіона, и означенному штабъ-офицеру для принятія означенныхъ преступниковъ ваше сіятельство изволите приказать явиться у сенатора и лейбъ-гвардіи маіора Василія Ивановича Суворова; какимъ же образомъ по принятіи оныхъ преступниковъ означенному гвардіи штабъ-офицеру поступать и что чинить, при семъ съ аппробаціи правительствующаго сената къ вашему сіятельству прилагаю записку. Въ прочемъ съ должнѣйшимъ моимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорный слуга.

25-го октября 1762 года.

V.

Записка, по которой поступать командированному къ экзекуціи преступниковъ лейбъ-гвардіи штабъ-офицеру.

1. Въ понедѣльникъ, т. е. октября 28-го числа, не позже пополуночи въ 6 часовъ, явиться ему въ квартирѣ сенатора генералъ-поручика лейбъ-гвардіи маіора и кавалера Василія Ивановича Суворова и требовать извѣстныхъ преступниковъ письменно.

2. Какъ оные отданы будутъ, то оныхъ приставя къ каждому рядовыхъ по осьми человѣкъ и по одному сержанту, велѣть подъ командою одного офицера вести на Красную площадь къ пріуготовленному мѣсту.

3. Какъ же штабъ-офицеръ поѣдетъ въ квартиру господина сенатора Суворова, то командированной всей командѣ, положа ружья, остаться на Красной площади, гдѣ ожидать возвратнаго его на ту площадь прибытія.

4. По прибытіи на Красную площадь штабъ-офицера, и какъ преступники приведены жь будутъ, то приказать, построясь въ три ширенги, сдѣлать циркулемъ вокругъ эшафота, гдѣ бъ преступники были порознь разставлены, и при нихъ было бъ часовыхъ по два человѣка съ примкнутыми штыками.

5. Потомъ объявленному штабъ-офицеру приказать Петра Хрущова и Семена Гурьева, Ивана и Петра Гурьевыхъ взвесть на эшафотъ, гдѣ взойтить и солдатамъ, напримѣръ, четыремъ или шести человѣкамъ, а какъ взведены осужденные будутъ, то велѣть ударить въ барабанъ и сдѣлать на караулъ и въ то же самое время читать о винахъ тѣхъ преступниковъ манифестъ; какъ же оный прочтенъ будетъ, то и гвардіи командѣ тотъ же часъ съ эшафота сойтить, а Ивана и Петра Гурьевыхъ съ того эшафота приказать свести и отдать гарнизонному офицеру для отвода въ ссылки, а бывшихъ Петра Хрущова и Семена Гурьева для ошельмованія оставя на эшафотѣ и отдать профосамъ (и для того онымъ профосамъ быть на томъ эшафотѣ до шести или до осьми человѣкъ), и приказать онымъ профосамъ каждаго преступника взять двумъ человѣкамъ подъ руки и переломить палачу надъ каждымъ преступникомъ, т. е. надъ Петромъ Хрущовымъ и Семеномъ Гурьевымъ, надъ головами ихъ шпаги, кои заблаговременно, чтобы скорѣе можно было переломить, приказать самыя тѣ шпаги, съ коими тѣ преступники служили, надпилить и бросить палачамъ предъ ними на эшафотѣ, а коль скоро шпаги переломлены будутъ, то того же часа профосамъ приказать ихъ свести съ эшафота подъ руки и отдать для отводу въ ссылки командированному здѣшняго гарнизона офицеру.

6. Смотрѣть же того — коль скоро манифестъ чтеніемъ окончатъ, то бы солдаты сдѣлали ружьемъ на плечо.

7. По окончаніи жь означенной экзекуціи всю команду распу-

V.

Записка, по которой поступать командированному къ экзекуціи преступниковъ лейбъ-гвардіи штабъ-офицеру.

1. Въ понедѣльникъ, т. е. октября 28-го числа, не позже пополуночи въ 6 часовъ, явиться ему въ квартирѣ сенатора генералъ-поручика лейбъ-гвардіи маіора и кавалера Василія Ивановича Суворова и требовать извѣстныхъ преступниковъ письменно.

2. Какъ оные отданы будутъ, то оныхъ приставя къ каждому рядовыхъ по осьми человѣкъ и по одному сержанту, велѣть подъ командою одного офицера вести на Красную площадь къ пріуготовленному мѣсту.

3. Какъ же штабъ-офицеръ поѣдетъ въ квартиру господина сенатора Суворова, то командированной всей командѣ, положа ружья, остаться на Красной площади, гдѣ ожидать возвратнаго его на ту площадь прибытія.

4. По прибытіи на Красную площадь штабъ-офицера, и какъ преступники приведены жь будутъ, то приказать, построясь въ три ширенги, сдѣлать циркулемъ вокругъ эшафота, гдѣ бъ преступники были порознь разставлены, и при нихъ было бъ часовыхъ по два человѣка съ примкнутыми штыками.

5. Потомъ объявленному штабъ-офицеру приказать Петра Хрущова и Семена Гурьева, Ивана и Петра Гурьевыхъ взвесть на эшафотъ, гдѣ взойтить и солдатамъ, напримѣръ, четыремъ или шести человѣкамъ, а какъ взведены осужденные будутъ, то велѣть ударить въ барабанъ и сдѣлать на караулъ и въ то же самое время читать о винахъ тѣхъ преступниковъ манифестъ; какъ же оный прочтенъ будетъ, то и гвардіи командѣ тотъ же часъ съ эшафота сойтить, а Ивана и Петра Гурьевыхъ съ того эшафота приказать свести и отдать гарнизонному офицеру для отвода въ ссылки, а бывшихъ Петра Хрущова и Семена Гурьева для ошельмованія оставя на эшафотѣ и отдать профосамъ (и для того онымъ профосамъ быть на томъ эшафотѣ до шести или до осьми человѣкъ), и приказать онымъ профосамъ каждаго преступника взять двумъ человѣкамъ подъ руки и переломить палачу надъ каждымъ преступникомъ, т. е. надъ Петромъ Хрущовымъ и Семеномъ Гурьевымъ, надъ головами ихъ шпаги, кои заблаговременно, чтобы скорѣе можно было переломить, приказать самыя тѣ шпаги, съ коими тѣ преступники служили, надпилить и бросить палачамъ предъ ними на эшафотѣ, а коль скоро шпаги переломлены будутъ, то того же часа профосамъ приказать ихъ свести съ эшафота подъ руки и отдать для отводу въ ссылки командированному здѣшняго гарнизона офицеру.

6. Смотрѣть же того — коль скоро манифестъ чтеніемъ окончатъ, то бы солдаты сдѣлали ружьемъ на плечо.

7. По окончаніи жь означенной экзекуціи всю команду распу-

стить въ полки, а съ манифеста копію тотъ штабъ-офицеръ имѣетъ приказать прибить тутъ же на Красной площади, а самому о учиненномъ имъ исполненіи въ правительствующій сенатъ отрепортовать.

8 Для чтенія манифеста имѣетъ быть при сенатскомъ экзекуторѣ секретарь изъ земскаго приказа.

9. Для ломанія шпагъ палачу велѣно явиться къ командированному маіору, октября 28-го числа, по утру въ 6 часовъ.

10. Если исправиться можетъ командированный маіоръ, то оную экзекуцію учинить 28-го числа октября, по полуночи въ 8 часовъ.

стить въ полки, а съ манифеста копію тотъ штабъ-офицеръ имѣетъ приказать прибить тутъ же на Красной площади, а самому о учиненномъ имъ исполненіи въ правительствующій сенатъ отрепортовать.

8 Для чтенія манифеста имѣетъ быть при сенатскомъ экзекуторѣ секретарь изъ земскаго приказа.

9. Для ломанія шпагъ палачу велѣно явиться къ командированному маіору, октября 28-го числа, по утру въ 6 часовъ.

10. Если исправиться можетъ командированный маіоръ, то оную экзекуцію учинить 28-го числа октября, по полуночи въ 8 часовъ.

КАРТИНА ЕВРОПЫ ВЪ НАЧАЛѢ XIX СТОЛѢТІЯ И ОТНОШЕНІЕ КЪ НЕЙ РОССІИ *).

(Записка графа Ѳ. В. Растопчина).

Высочайше конфирмовано 2-го октября 1800 года: «*Апробуя планъ нашъ во всемъ, желаю, чтобы вы приступили къ исполненію онаго: дай Богъ, чтобъ по сему было!*»

Этотъ въ высшей степени замѣчательный документъ, съ одной стороны объясняющій тотъ поворотъ во внѣшней политикѣ Россіи, который замѣчается въ послѣдніе мѣсяцы царствованія императора Павла, а съ другой—представляющій новое свидѣтельство о блестящихъ дарованіяхъ графа Ѳедора Васильевича Растопчина, извлеченъ изъ бумагъ И. П. Шульгина; среди ихъ онъ находится въ копіи, сдѣланной, впрочемъ, не прямо съ подлинника, представленнаго графомъ Растопчинымъ императору Павлу, а съ современнаго списка, происхожденіе котораго списыватель, князь А. И. Гагаринъ, объяснилъ на самой рукописи, въ слѣдующихъ словахъ: „Графъ Растопчинъ, послѣ нѣсколькихъ дней его пребыванія въ Твери, прислалъ сіи бумаги къ Ея Высочеству великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ изъ Москвы, при письмѣ своемъ черезъ вѣр-

*) Послѣ наложеннаго въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1800 года эмбарго на англійскія суда въ Россіи, императоръ Павелъ приказалъ мнѣ, вслѣдствіе бывшаго разговора по сему случаю, написать мысли мои о политическомъ тогдашнемъ состояніи Европы. Исполня волю его въ слѣдующую ночь, принесъ утромъ меморіалъ, не полагая ни мало, что онъ произведетъ столь важную перемѣну въ политикѣ и будетъ служить основаніемъ новой системѣ и раздѣлу Турціи. Продержавъ сію бумагу два дни, императоръ Павелъ возвратилъ мнѣ ее съ конфирмаціей и замѣчаніями собственноручными. Она можетъ служить сильнымъ и новымъ доказательствомъ, что удобная минута въ большихъ и самоважнѣйшихъ дѣлахъ содѣлываетъ возможными прежде и послѣ вѣками невозможное.

Прим. графа Растопчина.

КАРТИНА ЕВРОПЫ ВЪ НАЧАЛѢ XIX СТОЛѢТІЯ И ОТНОШЕНІЕ КЪ НЕЙ РОССІИ *).

(Записка графа Ѳ. В. Растопчина).

Высочайше конфирмовано 2-го октября 1800 года: «*Апробуя планъ нашъ во всемъ, желаю, чтобы вы приступили къ исполненію онаго: дай Богъ, чтобъ по сему было!*»

Этотъ въ высшей степени замѣчательный документъ, съ одной стороны объясняющій тотъ поворотъ во внѣшней политикѣ Россіи, который замѣчается въ послѣдніе мѣсяцы царствованія императора Павла, а съ другой—представляющій новое свидѣтельство о блестящихъ дарованіяхъ графа Ѳедора Васильевича Растопчина, извлеченъ изъ бумагъ И. П. Шульгина; среди ихъ онъ находится въ копіи, сдѣланной, впрочемъ, не прямо съ подлинника, представленнаго графомъ Растопчинымъ императору Павлу, а съ современнаго списка, происхожденіе котораго списыватель, князь А. И. Гагаринъ, объяснилъ на самой рукописи, въ слѣдующихъ словахъ: „Графъ Растопчинъ, послѣ нѣсколькихъ дней его пребыванія въ Твери, прислалъ сіи бумаги къ Ея Высочеству великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ изъ Москвы, при письмѣ своемъ черезъ вѣр-

*) Послѣ наложеннаго въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1800 года эмбарго на англійскія суда въ Россіи, императоръ Павелъ приказалъ мнѣ, вслѣдствіе бывшаго разговора по сему случаю, написать мысли мои о политическомъ тогдашнемъ состояніи Европы. Исполня волю его въ слѣдующую ночь, принесъ утромъ меморіалъ, не полагая ни мало, что онъ произведетъ столь важную перемѣну въ политикѣ и будетъ служить основаніемъ новой системѣ и раздѣлу Турціи. Продержавъ сію бумагу два дни, императоръ Павелъ возвратилъ мнѣ ее съ конфирмаціей и замѣчаніями собственноручными. Она можетъ служить сильнымъ и новымъ доказательствомъ, что удобная минута въ большихъ и самоважнѣйшихъ дѣлахъ содѣлываетъ возможными прежде и послѣ вѣками невозможное.

Прим. графа Растопчина.

ную оказію, изъясняя, чтобъ оныя ему самому возвратили, когда онъ въ Тверь опять будетъ. Ея Высочество повѣрила ихъ мнѣ на нѣсколько дней, съ которыхъ я и списалъ копію, а потомъ возвратилъ Ея Высочеству обратно. Марта 1810 года. Тверь." — На поляхъ подлинника, принадлежавшаго графу Растопчину, находились замѣтки, сдѣланныя императоромъ Павломъ при чтеніи записки; на это указано въ слѣдующемъ примѣчаніи Гагаринскаго списка: „Все, что̀ на сей сторонѣ и подчеркнуто, есть замѣчанія государя императора Павла, писанныя карандашемъ". При изданіи, эти замѣтки отнесены, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, въ подстрочныя примѣчанія.

Мы не намѣрены входить здѣсь въ подробную оцѣнку записки графа Ростопчина, но не можемъ не сказать, что начертанный имъ планъ является только приноровленнымъ къ измѣнившимся обстоятельствамъ продолженіемъ тѣхъ проэктовъ передѣлки карты Европы, которые не разъ возникали въ мысляхъ императрицы Екатерины II и нѣкоторыхъ лучшихъ изъ ея сподвижниковъ. Ея преемникъ, уничтожая сооруженія Потемкина въ Новороссіи и потомъ вступая въ союзъ съ Турціей, какъ-бы отказывался отъ стремленія къ преобладанію на Черномъ морѣ и вообще въ юго-восточной Европѣ; но опытъ войны 1799 г. и вѣроломство англійскаго кабинета привели императора Павла къ необходимости возвратиться къ Екатерининымъ идеямъ въ области внѣшней политики. Заявленный Растопчинымъ проэктъ передѣлки карты Европы основывался единственно на принципѣ территоріальныхъ возмѣщеній, ибо въ ту эпоху принципъ національности не находилъ себѣ мѣста въ политикѣ; поэтому въ наше время этотъ проэктъ не можетъ выдержать критики; но нельзя не замѣтить, что и понынѣ нѣкоторыя державы романо-германскаго міра стремятся къ осуществленію тѣхъ же видовъ, которыми желалъ увлечь ихъ Растопчинъ; такъ, и теперь Франція старается утвердиться въ Египтѣ, а Австрія захватить сѣверо-западныя области Турціи; нѣкоторыя же изъ предположеній Растопчина, каковы освобожденіе Греціи и присоединеніе сѣверной Германіи къ Пруссіи, перешли уже въ область совершившихся фактовъ. Въ заключеніе обратимъ вниманіе читателей на тѣ нѣсколько строкъ, которыми, въ началѣ своей записки, Растопчинъ характеризуетъ политическое положеніе Турціи: изъ этой характеристики видно, что названіе «больнаго человѣка» присвоивается Турціи не со времени Восточной войны, а съ эпохи гораздо болѣе ранней.

ную оказію, изъясняя, чтобъ оныя ему самому возвратили, когда онъ въ Тверь опять будетъ. Ея Высочество повѣрила ихъ мнѣ на нѣсколько дней, съ которыхъ я и списалъ копію, а потомъ возвратилъ Ея Высочеству обратно. Марта 1810 года. Тверь." — На поляхъ подлинника, принадлежавшаго графу Растопчину, находились замѣтки, сдѣланныя императоромъ Павломъ при чтеніи записки; на это указано въ слѣдующемъ примѣчаніи Гагаринскаго списка: „Все, что̀ на сей сторонѣ и подчеркнуто, есть замѣчанія государя императора Павла, писанныя карандашемъ". При изданіи, эти замѣтки отнесены, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, въ подстрочныя примѣчанія.

Мы не намѣрены входить здѣсь въ подробную оцѣнку записки графа Ростопчина, но не можемъ не сказать, что начертанный имъ планъ является только приноровленнымъ къ измѣнившимся обстоятельствамъ продолженіемъ тѣхъ проэктовъ передѣлки карты Европы, которые не разъ возникали въ мысляхъ императрицы Екатерины II и нѣкоторыхъ лучшихъ изъ ея сподвижниковъ. Ея преемникъ, уничтожая сооруженія Потемкина въ Новороссіи и потомъ вступая въ союзъ съ Турціей, какъ-бы отказывался отъ стремленія къ преобладанію на Черномъ морѣ и вообще въ юго-восточной Европѣ; но опытъ войны 1799 г. и вѣроломство англійскаго кабинета привели императора Павла къ необходимости возвратиться къ Екатерининымъ идеямъ въ области внѣшней политики. Заявленный Растопчинымъ проэктъ передѣлки карты Европы основывался единственно на принципѣ территоріальныхъ возмѣщеній, ибо въ ту эпоху принципъ національности не находилъ себѣ мѣста въ политикѣ; поэтому въ наше время этотъ проэктъ не можетъ выдержать критики; но нельзя не замѣтить, что и понынѣ нѣкоторыя державы романо-германскаго міра стремятся къ осуществленію тѣхъ же видовъ, которыми желалъ увлечь ихъ Растопчинъ; такъ, и теперь Франція старается утвердиться въ Египтѣ, а Австрія захватить сѣверо-западныя области Турціи; нѣкоторыя же изъ предположеній Растопчина, каковы освобожденіе Греціи и присоединеніе сѣверной Германіи къ Пруссіи, перешли уже въ область совершившихся фактовъ. Въ заключеніе обратимъ вниманіе читателей на тѣ нѣсколько строкъ, которыми, въ началѣ своей записки, Растопчинъ характеризуетъ политическое положеніе Турціи: изъ этой характеристики видно, что названіе «больнаго человѣка» присвоивается Турціи не со времени Восточной войны, а съ эпохи гораздо болѣе ранней.

Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть мнѣ вчерашній день представить на бумагѣ настоящее положеніе Россіи въ отношеніи ея съ другими державами и заключить сіе начертаніе собственными моими разсужденіями, предложивъ при этомъ удобные способы для охраненія и впредь Россіи отъ завистниковъ ея славы и могущества, обращенія сихъ способовъ ей въ пользу въ нынѣшнихъ замѣшанныхъ европейскихъ обстоятельствахъ и пріобрѣтенія чрезъ то новыхъ выгодъ на предъидущія времена.

Описаніе сношеній Россіи съ сѣверными державами не займетъ много мѣста.

Швеція, бывъ нѣкогда безпокойна, но отнюдь Россіи не опасна, сама собою никогда противъ ея не дѣйствовала, а бывала единственно орудіемъ другихъ сильнѣйшихъ державъ.

Данія, подъ правленіемъ двухъ Бернсторфовъ, узнавъ сущія свои выгоды, признала войну для себя гибельною и для сего, избѣгая ее всячески, обратила все свое вниманіе на торговлю, чрезъ которую получила и обогатила себя соразмѣрно болѣе, чѣмъ сама Англія; но по слабости своихъ силъ, не смѣла, да и смѣть не будетъ, предпринять что-нибудь для расширенія своихъ владѣній, а при томъ, по древней привычкѣ, опасаясь предпріятій Швеціи, остерегается ея безпрестанно и для сего единственно содержитъ и флотъ; слѣдовательно, всегда найдетъ свою выгоду быть въ дружелюбномъ положеніи съ Россіей и дѣлать ей угодное, что̀ и доказала, согласясь прошедшимъ лѣтомъ, вопреки своей системѣ, приступить къ соединеннымъ державамъ и дѣйствовать съ ними вооруженною рукою противъ Франціи, единственно по самовластному требованію Вашего Императорскаго Величества. Въ случаѣ же надобности, обѣ сіи державы Россія можетъ имѣть въ своей зависимости, угрожая Копенгагену отдачею Норвегіи Шведскому королю, и Стокгольму—занятіемъ прусскими войсками Шведской Помераніи.

Голландія, со дня завоеванія ея Франціей, стала сей державѣ подвластною, и вѣроятно, что и при общемъ замиреніи остается въ томъ же положеніи.

Гишпанія умомъ царскимъ, духомъ народнымъ и душою министерства порабощена той же Франціи.

Португалія — въ обморокѣ, ни полезна, ни вредна быть не можетъ [1]).

Прочія же полуденныя державы въ такое пришли изнеможеніе, что не иначе, какъ черезъ сильное покровительство Ваше, могутъ занять прежнія мѣста ихъ въ Европѣ и возвратить себѣ права царствованія со владѣніями вмѣстѣ.

Король *Сардинскій* едва ли сохранитъ свое достоинство пожертвованіями Піемонта, а можетъ быть, и Савоіи.

Король *Обѣихъ Сицилій*, отсиживаясь въ Палермѣ двумя батальонами Вашими, продолжаетъ быть еще государемъ и въ Неаполѣ.

Папа въ Римѣ на смиреніи.

---

[1]) Ототрутъ Англичане.

Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть мнѣ вчерашній день представить на бумагѣ настоящее положеніе Россіи въ отношеніи ея съ другими державами и заключить сіе начертаніе собственными моими разсужденіями, предложивъ при этомъ удобные способы для охраненія и впредь Россіи отъ завистниковъ ея славы и могущества, обращенія сихъ способовъ ей въ пользу въ нынѣшнихъ замѣшанныхъ европейскихъ обстоятельствахъ и пріобрѣтенія чрезъ то новыхъ выгодъ на предъидущія времена.

Описаніе сношеній Россіи съ сѣверными державами не займетъ много мѣста.

Швеція, бывъ нѣкогда безпокойна, но отнюдь Россіи не опасна, сама собою никогда противъ ея не дѣйствовала, а бывала единственно орудіемъ другихъ сильнѣйшихъ державъ.

Данія, подъ правленіемъ двухъ Бернсторфовъ, узнавъ сущія свои выгоды, признала войну для себя гибельною и для сего, избѣгая ее всячески, обратила все свое вниманіе на торговлю, чрезъ которую получила и обогатила себя соразмѣрно болѣе, чѣмъ сама Англія; но по слабости своихъ силъ, не смѣла, да и смѣть не будетъ, предпринять что-нибудь для расширенія своихъ владѣній, а при томъ, по древней привычкѣ, опасаясь предпріятій Швеціи, остерегается ея безпрестанно и для сего единственно содержитъ и флотъ; слѣдовательно, всегда найдетъ свою выгоду быть въ дружелюбномъ положеніи съ Россіей и дѣлать ей угодное, что̀ и доказала, согласясь прошедшимъ лѣтомъ, вопреки своей системѣ, приступить къ соединеннымъ державамъ и дѣйствовать съ ними вооруженною рукою противъ Франціи, единственно по самовластному требованію Вашего Императорскаго Величества. Въ случаѣ же надобности, обѣ сіи державы Россія можетъ имѣть въ своей зависимости, угрожая Копенгагену отдачею Норвегіи Шведскому королю, и Стокгольму—занятіемъ прусскими войсками Шведской Помераніи.

Голландія, со дня завоеванія ея Франціей, стала сей державѣ подвластною, и вѣроятно, что и при общемъ замиреніи остается въ томъ же положеніи.

Гишпанія умомъ царскимъ, духомъ народнымъ и душою министерства порабощена той же Франціи.

Португалія — въ обморокѣ, ни полезна, ни вредна быть не можетъ [1]).

Прочія же полуденныя державы въ такое пришли изнеможеніе, что не иначе, какъ черезъ сильное покровительство Ваше, могутъ занять прежнія мѣста ихъ въ Европѣ и возвратить себѣ права царствованія со владѣніями вмѣстѣ.

Король *Сардинскій* едва ли сохранитъ свое достоинство пожертвованіями Піемонта, а можетъ быть, и Савоіи.

Король *Обѣихъ Сицилій*, отсиживаясь въ Палермѣ двумя батальонами Вашими, продолжаетъ быть еще государемъ и въ Неаполѣ.

Папа въ Римѣ на смиреніи.

---

[1]) Ототрутъ Англичане.

Порта, разстроенная во всѣхъ частяхъ, отнимаетъ нерѣшимостію и послѣднія силы своего правленія. Всѣ мѣры, ею нынѣ предпринимаемыя, ни что иное, какъ лѣкарство, даваемое безнадежному больному, коему медики не хотятъ объявить объ его опасности. Робость же и отчаяніе Оттоманскаго правительства обнаруживаются въ готовности принять всякую помощь отъ христіанскихъ державъ.

Франція, въ теченіи десяти лѣтъ, безъ закона и безъ правленія, чрезъ непонятныя происшествія, произведенныя варварствомъ, сумасшествіемъ и геройствомъ, приведя не только себя, но и двѣ трети Европы въ совершенный хаосъ, возставъ противъ монархическаго правленія природныхъ своихъ государей, оканчиваетъ нынѣ преданіемъ себя въ самовластіе иноземца Бонапарте и въ самомъ изнеможеніи своемъ похваляется въ видѣ завоевательницы обширныхъ земель и законодательницы въ Европѣ. Нынѣшній повелитель сей державы слишкомъ самолюбивъ, счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ и неограниченъ въ славѣ, дабы не желать мира. Имъ онъ утвердитъ себя въ начальствѣ, пріобрѣтетъ признательность утомленнаго французскаго народа и всей Европы и употребитъ покой внутренній на пріуготовленія военныя противъ Англіи, которая своею завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи [1]). Бонапарте не можетъ опасаться покушенія ея на твердой землѣ; миръ же возстановитъ свободное мореплаваніе. Силы Австріи онъ всѣ истощилъ; Пруссія въ его зависимости; итакъ, остается ему страхъ единственно отъ Россіи; истина сего доказывается всѣмъ его поведеніемъ противъ Вашего Императорскаго Величества: сколько покушеній со стороны его было черезъ прусское и датское министерства, черезъ Вашихъ у разныхъ дворовъ акредитованныхъ министровъ и черезъ другихъ особъ, доступъ имѣющихъ, дабы вступить въ переговоры и, произведя сближеніе, перемѣнить непріязненное положеніе Россіи съ Франціей на дружелюбное, для чего Бонапарте отмѣнно противъ прочихъ содержалъ россійскихъ военноплѣнныхъ и предлагалъ Мальту возвратить Вашему Императорскому Величеству, яко великому магистру ордена!

Австрія, со времени Пильницкаго договора, вооружась на скорую руку для произведенія раздѣла Франціи, какъ то положено было, восемь уже лѣтъ какъ ведетъ безъ отдыха постыдную и разорительную войну и столь упорно слѣдуетъ новому своему предпріятію, что потеряла изъ виду новѣйшую цѣль своей политики [2]). На блюденіи двора Берлинскаго и подвизаемая корыстію, ослѣпленная гордостію, подкрѣпляемая Питтовыми субсидіями и предводимая искоренительнымъ Тугутомъ, подавъ столь справедливыя причины къ негодованію Вашего Императорскаго Величества, предавъ своихъ ближнихъ, отказавшись отъ всего, кромѣ химерическихъ завладѣній, изобличенная своими дѣлами, ждетъ, яко преступница, съ

---

[1]) Мастерски писано!
[2]) Чего захотѣлъ отъ слѣпой курицы!

Порта, разстроенная во всѣхъ частяхъ, отнимаетъ нерѣшимостію и послѣднія силы своего правленія. Всѣ мѣры, ею нынѣ предпринимаемыя, ни что иное, какъ лѣкарство, даваемое безнадежному больному, коему медики не хотятъ объявить объ его опасности. Робость же и отчаяніе Оттоманскаго правительства обнаруживаются въ готовности принять всякую помощь отъ христіанскихъ державъ.

Франція, въ теченіи десяти лѣтъ, безъ закона и безъ правленія, чрезъ непонятныя происшествія, произведенныя варварствомъ, сумасшествіемъ и геройствомъ, приведя не только себя, но и двѣ трети Европы въ совершенный хаосъ, возставъ противъ монархическаго правленія природныхъ своихъ государей, оканчиваетъ нынѣ преданіемъ себя въ самовластіе иноземца Бонапарте и въ самомъ изнеможеніи своемъ похваляется въ видѣ завоевательницы обширныхъ земель и законодательницы въ Европѣ. Нынѣшній повелитель сей державы слишкомъ самолюбивъ, счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ и неограниченъ въ славѣ, дабы не желать мира. Имъ онъ утвердитъ себя въ начальствѣ, пріобрѣтетъ признательность утомленнаго французскаго народа и всей Европы и употребитъ покой внутренній на пріуготовленія военныя противъ Англіи, которая своею завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи [1]). Бонапарте не можетъ опасаться покушенія ея на твердой землѣ; миръ же возстановитъ свободное мореплаваніе. Силы Австріи онъ всѣ истощилъ; Пруссія въ его зависимости; итакъ, остается ему страхъ единственно отъ Россіи; истина сего доказывается всѣмъ его поведеніемъ противъ Вашего Императорскаго Величества: сколько покушеній со стороны его было черезъ прусское и датское министерства, черезъ Вашихъ у разныхъ дворовъ акредитованныхъ министровъ и черезъ другихъ особъ, доступъ имѣющихъ, дабы вступить въ переговоры и, произведя сближеніе, перемѣнить непріязненное положеніе Россіи съ Франціей на дружелюбное, для чего Бонапарте отмѣнно противъ прочихъ содержалъ россійскихъ военноплѣнныхъ и предлагалъ Мальту возвратить Вашему Императорскому Величеству, яко великому магистру ордена!

Австрія, со времени Пильницкаго договора, вооружась на скорую руку для произведенія раздѣла Франціи, какъ то положено было, восемь уже лѣтъ какъ ведетъ безъ отдыха постыдную и разорительную войну и столь упорно слѣдуетъ новому своему предпріятію, что потеряла изъ виду новѣйшую цѣль своей политики [2]). На блюденіи двора Берлинскаго и подвизаемая корыстію, ослѣпленная гордостію, подкрѣпляемая Питтовыми субсидіями и предводимая искоренительнымъ Тугутомъ, подавъ столь справедливыя причины къ негодованію Вашего Императорскаго Величества, предавъ своихъ ближнихъ, отказавшись отъ всего, кромѣ химерическихъ завладѣній, изобличенная своими дѣлами, ждетъ, яко преступница, съ

---

[1]) Мастерски писано!
[2]) Чего захотѣлъ отъ слѣпой курицы!

трепетомъ въ Вѣнѣ рѣшенія своей судьбы отъ Бонапарте и, дошедъ до края пропасти, оставленная всѣми, остается одна.

Пруссія, отставъ умно отъ войны послѣ одной постыдной и двухъ неудачныхъ компаній, приняла на себя сохраненіе сѣверной Германіи и, войдя въ тѣсную связь съ Германіей, ждетъ мира для полученія награды за сохраненіе своихъ обязательствъ.

Англія, среди повсемѣстныхъ своихъ морскихъ успѣховъ, возбудя зависть всѣхъ кабинетовъ своею алчностію и дерзкимъ поведеніемъ на моряхъ, коихъ она исключительно хочетъ присвоить себѣ владычество, не могла сохранить ни одной изо всѣхъ политическихъ связей своихъ. Хотя завоеванія и пріобрѣтенія ея въ Индіяхъ важны, но со всѣмъ тѣмъ, и ей необходимъ миръ, безъ коего торговля есть лотерея, а при томъ она въ такомъ теперь положеніи есть или скоро будетъ, что кромѣ турецкихъ и португальскихъ портовъ, ни въ какіе другіе въ Европѣ входить не можетъ, и по симъ важнымъ причинамъ она посягнетъ на миръ, яко единственный способъ къ нѣкоему примиренію себя съ тѣми державами, кои она своимъ торговымъ величествомъ раздражила. Но въ какомъ бы она положеніи ни была, всегдашняя цѣль англійскаго министерства, такъ какъ и душевное желаніе всякаго Англичанина, будетъ паденіе Франціи. Сіе общественное желаніе англійскаго народа съ самаго начала вѣка обращено въ систему политическую, для чего всѣ виды Англіи устремлены на присвоеніе себѣ единой всѣхъ выгодъ мирной торговли, отъ чего она и стала постепенно портовою державою; подъ видомъ соблюденія пользы общей, обращала единственно въ свою всѣ тѣ случаи, гдѣ находила возможность насильственно присвоить себѣ какое-нибудь право. Такъ она поступила во время французскаго вооруженія, проповѣдуя всѣмъ державамъ ревность свою на изверженіе Парижскаго угрожающаго правленія для возвращенія паки Бурбонскаго разбѣжавшагося дома на престолъ, вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами всѣ державы противъ Франціи [1]) и выпускала ихъ на театръ войны единственно для достиженія собственной цѣли; обовладѣла тѣмъ временемъ торговлею цѣлаго свѣта и, не довольствуясь и симъ, присвоила себѣ право осматривать корабли всѣхъ земель, а наконецъ дерзнула завладѣть Египтомъ и Мальтою, первымъ будто въ услуженіе Порты, а другимъ въ угодность, безъ возврату, Вашему Императорскому Величеству, яко великому магистру ордена.

Но хотя и всѣ державы наружно поставляютъ нынѣ залогомъ ихъ покоя дружбу и покровительство Вашего Императорскаго Величества, но не менѣе того всѣ почти скрытно питаютъ зависть и злобу. Россія, какъ положеніемъ своимъ, такъ равно и неистощимою силою, есть и должна быть первая держава міра, и по сему самому ей должно не дремлющимъ окомъ имѣть надзоръ надъ всѣми движеніями и связями государей сильныхъ въ Европѣ, дабы они сами собою или содѣйствіемъ подвластныхъ державъ не предпри-

[1]) И насъ грѣшныхъ!

трепетомъ въ Вѣнѣ рѣшенія своей судьбы отъ Бонапарте и, дошедъ до края пропасти, оставленная всѣми, остается одна.

Пруссія, отставъ умно отъ войны послѣ одной постыдной и двухъ неудачныхъ компаній, приняла на себя сохраненіе сѣверной Германіи и, войдя въ тѣсную связь съ Германіей, ждетъ мира для полученія награды за сохраненіе своихъ обязательствъ.

Англія, среди повсемѣстныхъ своихъ морскихъ успѣховъ, возбудя зависть всѣхъ кабинетовъ своею алчностію и дерзкимъ поведеніемъ на моряхъ, коихъ она исключительно хочетъ присвоить себѣ владычество, не могла сохранить ни одной изо всѣхъ политическихъ связей своихъ. Хотя завоеванія и пріобрѣтенія ея въ Индіяхъ важны, но со всѣмъ тѣмъ, и ей необходимъ миръ, безъ коего торговля есть лотерея, а при томъ она въ такомъ теперь положеніи есть или скоро будетъ, что кромѣ турецкихъ и португальскихъ портовъ, ни въ какіе другіе въ Европѣ входить не можетъ, и по симъ важнымъ причинамъ она посягнетъ на миръ, яко единственный способъ къ нѣкоему примиренію себя съ тѣми державами, кои она своимъ торговымъ величествомъ раздражила. Но въ какомъ бы она положеніи ни была, всегдашняя цѣль англійскаго министерства, такъ какъ и душевное желаніе всякаго Англичанина, будетъ паденіе Франціи. Сіе общественное желаніе англійскаго народа съ самаго начала вѣка обращено въ систему политическую, для чего всѣ виды Англіи устремлены на присвоеніе себѣ единой всѣхъ выгодъ мирной торговли, отъ чего она и стала постепенно портовою державою; подъ видомъ соблюденія пользы общей, обращала единственно въ свою всѣ тѣ случаи, гдѣ находила возможность насильственно присвоить себѣ какое-нибудь право. Такъ она поступила во время французскаго вооруженія, проповѣдуя всѣмъ державамъ ревность свою на изверженіе Парижскаго угрожающаго правленія для возвращенія паки Бурбонскаго разбѣжавшагося дома на престолъ, вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами всѣ державы противъ Франціи [1]) и выпускала ихъ на театръ войны единственно для достиженія собственной цѣли; обовладѣла тѣмъ временемъ торговлею цѣлаго свѣта и, не довольствуясь и симъ, присвоила себѣ право осматривать корабли всѣхъ земель, а наконецъ дерзнула завладѣть Египтомъ и Мальтою, первымъ будто въ услуженіе Порты, а другимъ въ угодность, безъ возврату, Вашему Императорскому Величеству, яко великому магистру ордена.

Но хотя и всѣ державы наружно поставляютъ нынѣ залогомъ ихъ покоя дружбу и покровительство Вашего Императорскаго Величества, но не менѣе того всѣ почти скрытно питаютъ зависть и злобу. Россія, какъ положеніемъ своимъ, такъ равно и неистощимою силою, есть и должна быть первая держава міра, и по сему самому ей должно не дремлющимъ окомъ имѣть надзоръ надъ всѣми движеніями и связями государей сильныхъ въ Европѣ, дабы они сами собою или содѣйствіемъ подвластныхъ державъ не предпри-

[1]) И насъ грѣшныхъ!

няли чего-нибудь предосудительнаго величію Россіи. Блаженной памяти императрица, мать Ваша, со всею твердостью своего духа, близка была оставить постыдно мѣсто своего пребыванія отъ набѣга короля Шведскаго [1]). Тогда бы на нѣсколько дней или часовъ Россійская имперія пала подъ иго шведское, и отъ вооруженія романическаго Густава всѣ плоды послѣдней Турецкой войны обратились бы въ ничто, безъ дарованія и усердія графа Семена Романовича Воронцова, который отклонилъ Англію отъ войны противъ Россіи, доставилъ сей удобность пріобрѣсть Очаковъ и цѣлую губернію. Подобныхъ сему примѣровъ не мало во всѣхъ царствованіяхъ и во всѣхъ земляхъ, и для настоящаго времени прошедшее есть самый полезнѣйшій урокъ; но къ несчастію человѣческаго рода, все забывается, и люди живые думаютъ всегда быть умнѣе умершихъ. Ваше Императорское Величество простите мнѣ сіи разсужденія, рожденныя собственными Вашими примѣчаніями; истина должна не разлучна быть съ вѣрностію и преданностію передъ престолами царскими; пользуясь ея присутствіемъ, я охотно повторяю ея слова и тѣмъ содѣлываюсь достойнѣе и довѣренности Вашей, и подписи герба моего, кою Сами Вы пожаловать мнѣ изволили.

Теперь представлю настоящее положеніе державъ противъ Россіи.

Бонапарте старается всячески снискать благорасположеніе Ваше для лучшаго успѣха въ заключеніи имъ мира съ Англіей [2]). Пруссія ласкаетъ Васъ для склоненія на предлагаемыя ею себѣ удовлетворенія при общемъ мирѣ. Австрія ползаетъ предъ Вами, дабы возстать передъ Франціей. Англія, полагая принятыя нынѣ противъ ея мѣры въ число тѣхъ, кои происходятъ отъ минутныхъ неудовольствій Вашего Императорскаго Величества и вмѣстѣ съ сердцемъ проходятъ, а притомъ не поставляя возможнымъ сближеніе Ваше съ Франціей, захочетъ, можетъ быть, начальнымъ образомъ удержать свои права и въ состояніи развѣсить въ Балтійскомъ морѣ флагъ свой [3]). Тогда-то надо быть отличному счастію, чтобы флотъ, не имѣющій ни единой гавани для пристанища во всемъ Балтійскомъ морѣ, могъ выйдти изъ него цѣлый. Погибнуть можетъ онъ легко, а вреда нанести много не въ состояніи, какъ бросить нѣсколько бомбъ въ портовые города и мѣшать покою жителей; но при общемъ замиреніи, одинъ лишь сѣверъ, потерпѣвшій менѣе другихъ, остается въ первобытномъ его до войны положеніи. Франція же расширитъ свои владѣнія, сохраня великія свои завоеванія, и притомъ подкрѣпитъ себя союзами и страхомъ, наносимымъ громовою своею силою. Австрія, разслабленная и обезоруженная, займется письмомъ и происками. Пруссія усилится новыми пріобрѣтеніями и тѣсною связью съ французскимъ правленіемъ; Англія

---

[1]) И лошади готовы были.
[2]) И можетъ успѣть.
[3]) Какъ сушатъ бѣлье.

няли чего-нибудь предосудительнаго величію Россіи. Блаженной памяти императрица, мать Ваша, со всею твердостью своего духа, близка была оставить постыдно мѣсто своего пребыванія отъ набѣга короля Шведскаго [1]). Тогда бы на нѣсколько дней или часовъ Россійская имперія пала подъ иго шведское, и отъ вооруженія романическаго Густава всѣ плоды послѣдней Турецкой войны обратились бы въ ничто, безъ дарованія и усердія графа Семена Романовича Воронцова, который отклонилъ Англію отъ войны противъ Россіи, доставилъ сей удобность пріобрѣсть Очаковъ и цѣлую губернію. Подобныхъ сему примѣровъ не мало во всѣхъ царствованіяхъ и во всѣхъ земляхъ, и для настоящаго времени прошедшее есть самый полезнѣйшій урокъ; но къ несчастію человѣческаго рода, все забывается, и люди живые думаютъ всегда быть умнѣе умершихъ. Ваше Императорское Величество простите мнѣ сіи разсужденія, рожденныя собственными Вашими примѣчаніями; истина должна не разлучна быть съ вѣрностію и преданностію передъ престолами царскими; пользуясь ея присутствіемъ, я охотно повторяю ея слова и тѣмъ содѣлываюсь достойнѣе и довѣренности Вашей, и подписи герба моего, кою Сами Вы пожаловать мнѣ изволили.

Теперь представлю настоящее положеніе державъ противъ Россіи.

Бонапарте старается всячески снискать благорасположеніе Ваше для лучшаго успѣха въ заключеніи имъ мира съ Англіей [2]). Пруссія ласкаетъ Васъ для склоненія на предлагаемыя ею себѣ удовлетворенія при общемъ мирѣ. Австрія ползаетъ предъ Вами, дабы возстать передъ Франціей. Англія, полагая принятыя нынѣ противъ ея мѣры въ число тѣхъ, кои происходятъ отъ минутныхъ неудовольствій Вашего Императорскаго Величества и вмѣстѣ съ сердцемъ проходятъ, а притомъ не поставляя возможнымъ сближеніе Ваше съ Франціей, захочетъ, можетъ быть, начальнымъ образомъ удержать свои права и въ состояніи развѣсить въ Балтійскомъ морѣ флагъ свой [3]). Тогда-то надо быть отличному счастію, чтобы флотъ, не имѣющій ни единой гавани для пристанища во всемъ Балтійскомъ морѣ, могъ выйдти изъ него цѣлый. Погибнуть можетъ онъ легко, а вреда нанести много не въ состояніи, какъ бросить нѣсколько бомбъ въ портовые города и мѣшать покою жителей; но при общемъ замиреніи, одинъ лишь сѣверъ, потерпѣвшій менѣе другихъ, остается въ первобытномъ его до войны положеніи. Франція же расширитъ свои владѣнія, сохраня великія свои завоеванія, и притомъ подкрѣпитъ себя союзами и страхомъ, наносимымъ громовою своею силою. Австрія, разслабленная и обезоруженная, займется письмомъ и происками. Пруссія усилится новыми пріобрѣтеніями и тѣсною связью съ французскимъ правленіемъ; Англія

---

[1]) И лошади готовы были.
[2]) И можетъ успѣть.
[3]) Какъ сушатъ бѣлье.

удержитъ въ насильномъ завладѣніи поселенія свои въ Индіяхъ и останется на долго (дай Богъ, чтобы не навсегда!) первою морскою державою. Слѣдственно, за исключеніемъ Австріи, всѣ сіи три державы кончатъ войну съ значительными выгодами, Россія же останется ни при чемъ, потерявъ 23.000 человѣкъ единственно для того, чтобъ увѣрить себя въ вѣроломствѣ Питта и Тугута, а Европу въ безсмертіи князя Суворова. Одна лишь выгода изъ сего произошла—та, что сею войною разорвались всѣ почти союзы Россіи съ другими землями. Ваше Императорское Величество давно уже со мною согласны, что Россіи съ прочими державами не должно имѣть иныхъ связей, кромѣ торговыхъ. Перемѣняющіяся столь часто обстоятельства могутъ рождать и новыя сношенія, и новыя связи [1]); но все сіе можетъ быть случайно, временно и безъ обязательства хранить ненарушимо до положеннаго срока заключенный союзъ министрами, кои часто поставляютъ подарки свыше благосостоянія отечества, славы государей своихъ и святости ихъ слова [2]). Истинныя выгоды Россіи всегда почти предавались забвенію, и вотъ неоспоримыя сему доказательства: въ Тридцатилѣтнюю, Семилѣтнюю и нынѣшнюю восьмилѣтнюю войны, всѣ европейскія державы подвержены были опасности неоднократно лишиться — иныя части, а другія всѣхъ ихъ владѣній; Россія же—никогда ничего, но совсѣмъ тѣмъ во всѣхъ ея трактатахъ съ иностранными державами она принимала на себя всегда обязанность помогать или войсками, или деньгами, а часто и ручательство ихъ владѣній.

Во всегдашнее время политика и цѣль мудрыхъ, простыхъ, благотворительныхъ, равно и злыхъ государей была та, чтобъ увеличивать силы свои на счетъ сосѣдей: вѣрный и единственный способъ держать въ страхѣ сильныхъ и охранять малыхъ.

Великій Фридрихъ доказалъ первый возможность и важность раздѣловъ, и Польша заплатила собою за всѣ невыгодныя войны противу Турокъ и Французовъ. Вѣроятно, что при общемъ замиреніи послѣдуетъ столь много перемѣнъ въ Европѣ, что географія сдѣлается совсѣмъ новою наукою для сей части свѣта; тогда гарантіи, права, титулы, границы и даже сами германскія конституціи останутся единственно въ архивахъ. На что же въ подобныхъ обстоятельствахъ Россія, бывъ Геркулесомъ, дѣлается боязливымъ ребенкомъ? На что оставаться ей безгласною, когда она словами своими повелѣть и въ трепетъ всѣхъ привести можетъ? Дѣло, мысли и виды Вашего Императорскаго Величества слишкомъ извѣстны, но толкованія о нихъ разныя: языки, взгляды и пантомимы ядовитыхъ чужестранцевъ-министровъ, пресмыкающихся придворныхъ и нѣкоторыхъ ближнихъ къ особѣ Вашей [3]), находятъ все совершенно, безподобно и безсмертно; но въ умахъ отдаленныхъ, безпристрастно и безъ страха судящихъ ихъ, не довольно дѣла, но

---

[1]) Святая истина!
[2]) Деньги—вещь великая!
[3]) Строгоновъ, Нарышкинъ и комп.

удержитъ въ насильномъ завладѣніи поселенія свои въ Индіяхъ и останется на долго (дай Богъ, чтобы не навсегда!) первою морскою державою. Слѣдственно, за исключеніемъ Австріи, всѣ сіи три державы кончатъ войну съ значительными выгодами, Россія же останется ни при чемъ, потерявъ 23.000 человѣкъ единственно для того, чтобъ увѣрить себя въ вѣроломствѣ Питта и Тугута, а Европу въ безсмертіи князя Суворова. Одна лишь выгода изъ сего произошла—та, что сею войною разорвались всѣ почти союзы Россіи съ другими землями. Ваше Императорское Величество давно уже со мною согласны, что Россіи съ прочими державами не должно имѣть иныхъ связей, кромѣ торговыхъ. Перемѣняющіяся столь часто обстоятельства могутъ рождать и новыя сношенія, и новыя связи [1]); но все сіе можетъ быть случайно, временно и безъ обязательства хранить ненарушимо до положеннаго срока заключенный союзъ министрами, кои часто поставляютъ подарки свыше благосостоянія отечества, славы государей своихъ и святости ихъ слова [2]). Истинныя выгоды Россіи всегда почти предавались забвенію, и вотъ неоспоримыя сему доказательства: въ Тридцатилѣтнюю, Семилѣтнюю и нынѣшнюю восьмилѣтнюю войны, всѣ европейскія державы подвержены были опасности неоднократно лишиться — иныя части, а другія всѣхъ ихъ владѣній; Россія же—никогда ничего, но совсѣмъ тѣмъ во всѣхъ ея трактатахъ съ иностранными державами она принимала на себя всегда обязанность помогать или войсками, или деньгами, а часто и ручательство ихъ владѣній.

Во всегдашнее время политика и цѣль мудрыхъ, простыхъ, благотворительныхъ, равно и злыхъ государей была та, чтобъ увеличивать силы свои на счетъ сосѣдей: вѣрный и единственный способъ держать въ страхѣ сильныхъ и охранять малыхъ.

Великій Фридрихъ доказалъ первый возможность и важность раздѣловъ, и Польша заплатила собою за всѣ невыгодныя войны противу Турокъ и Французовъ. Вѣроятно, что при общемъ замиреніи послѣдуетъ столь много перемѣнъ въ Европѣ, что географія сдѣлается совсѣмъ новою наукою для сей части свѣта; тогда гарантіи, права, титулы, границы и даже сами германскія конституціи останутся единственно въ архивахъ. На что же въ подобныхъ обстоятельствахъ Россія, бывъ Геркулесомъ, дѣлается боязливымъ ребенкомъ? На что оставаться ей безгласною, когда она словами своими повелѣть и въ трепетъ всѣхъ привести можетъ? Дѣло, мысли и виды Вашего Императорскаго Величества слишкомъ извѣстны, но толкованія о нихъ разныя: языки, взгляды и пантомимы ядовитыхъ чужестранцевъ-министровъ, пресмыкающихся придворныхъ и нѣкоторыхъ ближнихъ къ особѣ Вашей [3]), находятъ все совершенно, безподобно и безсмертно; но въ умахъ отдаленныхъ, безпристрастно и безъ страха судящихъ ихъ, не довольно дѣла, но

---

[1]) Святая истина!
[2]) Деньги—вещь великая!
[3]) Строгоновъ, Нарышкинъ и комп.

даже и безкорыстіе Ваше подвергается сомнѣнію и хулѣ. Слава россійскаго войска гремитъ давно въ Европѣ, но послѣ побѣдъ Суворова утихла, и всѣ великія дѣла его обратились послѣдствіями въ новый стыдъ для царскихъ бывшихъ армій. Союзники Ваши отъ ополченій Вашихъ другой пользы не пріобрѣли, кромѣ страха испуганной Франціи при началѣ возстанія Вашего противъ ея правленія, и въ теченіе двухъ лѣтъ, послѣ множества разныхъ предпріятій, перемѣнъ, минутныхъ успѣховъ, безпокойствій и сердечныхъ сокрушеній, Ваше Императорское Величество вошли паки въ то же положеніе, изъ коего премудро при восшествіи на престолъ выходить намѣрены были и симъ подвигомъ дали неоспоримое право исторіи сказать нѣкогда грядущимъ вѣкамъ: „Павелъ I, вступая въ войну безъ причины, также и отошелъ отъ оной, не достигнувъ до цѣли своей, и всѣ силы его обращены были въ ничто отъ недостатка упорства въ предпринимаемомъ“ [1]).

Такимъ образомъ, исполняя вчерашнее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, пишу мои мысли съ картиною Европы и заключу представленіемъ удобныхъ способовъ для доставленія Россіи выгодъ.

Сіи выгоды, доставя ей новыя богатства, моря и славу, поставятъ ее на безконечность выше всѣхъ державъ, а имя Ваше выше всѣхъ государей, живущихъ по смерти въ храмѣ безсмертія, и для сего я предлагаю раздѣлъ Турціи, согласясь съ Пруссіей, Австріей и Франціей. Россія возметъ Романію, Булгарію и Молдавію, Австрія—Боснію, Сербію и Валахію [2]); Пруссіи, въ замѣнъ и въ удовлетвореніе, отдать все курфиршество Ганноверское и епископства Падернборское и Минстерское, Франціи—Египетъ. Грецію со всѣми островами Архипелагскими учредить по примѣру Венеціанскихъ острововъ республикою, подъ защитою четырехъ державъ, дѣлящихъ владѣнія Порты Оттоманской, а по времени Греки и сами подойдутъ подъ скипетръ россійскій [3]).

Успѣхъ сего важнаго, но легкаго къ исполненію предпріятія зависитъ единственно отъ тайны и скорости. Вѣнскій дворъ съ восхищеніемъ приметъ столь неожиданное предложеніе. Прусскій найдетъ въ ономъ большія для себя выгоды; но центръ сего плана долженъ быть Бонапартѣ. Онъ увидитъ и найдетъ въ предпринимаемомъ раздѣлѣ вѣрнѣйшій способъ къ униженію Великобританіи и утвержденію при общемъ мирѣ всѣхъ завоеваній, Франціей сдѣланныхъ.

Не приступая вдругъ къ открытію настоящихъ видовъ сближенія съ Франціей, должно теперь, не нарушая съ нашей стороны союза, дабы занять сперва Англію и потомъ возбранить ей противиться раздѣлу Турціи, предложить Даніи и Швеціи возобновленіе сѣвернаго нейтралитета и при началѣ негоціацій предложить

---

[1]) Сталъ кругомъ виноватъ.
[2]) Не многоль?
[3]) А можно и подвесть.

даже и безкорыстіе Ваше подвергается сомнѣнію и хулѣ. Слава россійскаго войска гремитъ давно въ Европѣ, но послѣ побѣдъ Суворова утихла, и всѣ великія дѣла его обратились послѣдствіями въ новый стыдъ для царскихъ бывшихъ армій. Союзники Ваши отъ ополченій Вашихъ другой пользы не пріобрѣли, кромѣ страха испуганной Франціи при началѣ возстанія Вашего противъ ея правленія, и въ теченіе двухъ лѣтъ, послѣ множества разныхъ предпріятій, перемѣнъ, минутныхъ успѣховъ, безпокойствій и сердечныхъ сокрушеній, Ваше Императорское Величество вошли паки въ то же положеніе, изъ коего премудро при восшествіи на престолъ выходить намѣрены были и симъ подвигомъ дали неоспоримое право исторіи сказать нѣкогда грядущимъ вѣкамъ: „Павелъ I, вступая въ войну безъ причины, также и отошелъ отъ оной, не достигнувъ до цѣли своей, и всѣ силы его обращены были въ ничто отъ недостатка упорства въ предпринимаемомъ“ [1]).

Такимъ образомъ, исполняя вчерашнее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, пишу мои мысли съ картиною Европы и заключу представленіемъ удобныхъ способовъ для доставленія Россіи выгодъ.

Сіи выгоды, доставя ей новыя богатства, моря и славу, поставятъ ее на безконечность выше всѣхъ державъ, а имя Ваше выше всѣхъ государей, живущихъ по смерти въ храмѣ безсмертія, и для сего я предлагаю раздѣлъ Турціи, согласясь съ Пруссіей, Австріей и Франціей. Россія возметъ Романію, Булгарію и Молдавію, Австрія—Боснію, Сербію и Валахію [2]); Пруссіи, въ замѣнъ и въ удовлетвореніе, отдать все курфиршество Ганноверское и епископства Падернборское и Минстерское, Франціи—Египетъ. Грецію со всѣми островами Архипелагскими учредить по примѣру Венеціанскихъ острововъ республикою, подъ защитою четырехъ державъ, дѣлящихъ владѣнія Порты Оттоманской, а по времени Греки и сами подойдутъ подъ скипетръ россійскій [3]).

Успѣхъ сего важнаго, но легкаго къ исполненію предпріятія зависитъ единственно отъ тайны и скорости. Вѣнскій дворъ съ восхищеніемъ приметъ столь неожиданное предложеніе. Прусскій найдетъ въ ономъ большія для себя выгоды; но центръ сего плана долженъ быть Бонапартѣ. Онъ увидитъ и найдетъ въ предпринимаемомъ раздѣлѣ вѣрнѣйшій способъ къ униженію Великобританіи и утвержденію при общемъ мирѣ всѣхъ завоеваній, Франціей сдѣланныхъ.

Не приступая вдругъ къ открытію настоящихъ видовъ сближенія съ Франціей, должно теперь, не нарушая съ нашей стороны союза, дабы занять сперва Англію и потомъ возбранить ей противиться раздѣлу Турціи, предложить Даніи и Швеціи возобновленіе сѣвернаго нейтралитета и при началѣ негоціацій предложить

---

[1]) Сталъ кругомъ виноватъ.
[2]) Не многоль?
[3]) А можно и подвесть.

Бонапарте съ Гишпаніей вмѣстѣ приступить къ оному по заключеніи мира. Бонапарте найдетъ и тутъ сильный способъ вредить Англіи и принудитъ ее или отказаться отъ беззаконныхъ своихъ морскихъ правъ, или объявя войну всей Европѣ, не имѣть во всѣхъ моряхъ другаго пристанища, какъ въ Гибралтарѣ. Дабы дать нѣкоторую явность переговорамъ о вооруженномъ нейтралитетѣ, должно производить ихъ не скрытно. Потомъ, когда дѣло сіе будетъ приходить къ концу, то отправить въ Парижъ довѣренную особу для трактованія съ Бонапартомъ объ удовлетвореніи пяти пунктовъ, въ отвѣтъ на его предложеніе посланныхъ; между тѣмъ временемъ приказать ему дѣлать внушенія для пріобрѣтенія чрезъ промѣнъ отъ короля Прусскаго — Мемеля. Пока сіе происходить будетъ, возьмутся мѣры противъ Англичанъ, откроются какъ ихъ, такъ и французскія расположенія на миръ и податливость Бонапарте на удовлетвореніе требованій Вашего Императорскаго Величества, и когда все сіе соотвѣтственно будетъ сему предположенію, тогда, дабы не озабочиваться выборомъ довѣреннаго человѣка и безпокойствомъ на счетъ тайны препорученія столь важнаго, я долгомъ поставляю предложить Вашему Императорскому Величеству на сіе дѣло самаго себя, и вотъ какимъ образомъ:

Приготовя въ тайнѣ, то-есть, самъ, всѣ бумаги, состоящія въ проектѣ союза о раздѣлѣ Турціи, письма Вашего Императорскаго Величества къ Бонапарте и къ Римскому императору, полномочіе и паспортъ, за нѣсколько дней до моего отъѣзда я распущу слухъ, что пришелъ въ немилость, напишу къ Вашему Императорскому Величеству письмо, испрашивая позволенія ѣхать лѣчиться къ водамъ; получу отпускъ; на другой день за столомъ Вы извольте спросить у Нарышкина: скоро ли я ѣду, и за симъ черезъ него дать мнѣ внушеніе ѣхать поспѣшнѣе [1]), что̀ я и исполню на другой день, отправясь чрезъ Франкфуртъ на Одерѣ, Лейпцигъ и далѣе. Изъ какого-нибудь маленькаго городка поѣду уже подъ чужимъ именемъ, а можетъ быть, и изъ самаго Мемеля. Подозрѣнія предродить я никакого не могу, имѣя маленькую коляску и одного человѣка, ни какимъ другимъ языкомъ, кромѣ русскаго, говорить не умѣющаго. Пріѣхавъ прямо въ Парижъ и не показываясь акредитованному отъ Васъ у Бонапарте, потребую черезъ Бертье тайнаго съ нимъ свиданія и объявлю первому консулу, вмѣстѣ съ планомъ, и полномочіе для заключенія союза, если воспослѣдуетъ согласіе Бонапарте на предложеніе Ваше. Тогда я, поспѣша постановленіемъ трактата и размѣной онаго, предъ отъѣздомъ моимъ изъ Парижа въ Вѣну, увижусь скрытно съ посланникомъ Вашего Императорскаго Величества, открою ему причину моего пріѣзда, отдамъ ему депеши для отправленія къ Вамъ, а самъ, взявъ отъ него паспортъ курьерскій, поспѣшу въ Вѣну, гдѣ черезъ Кобенцеля буду имѣть переговоры, въ успѣхѣ коихъ, если удастся въ Парижѣ, ни какого не можетъ быть сомнѣнія, и я увѣренъ, что Римскій императоръ

[1]) Мѣшать дѣло съ бездѣльемъ!

Бонапарте съ Гишпаніей вмѣстѣ приступить къ оному по заключеніи мира. Бонапарте найдетъ и тутъ сильный способъ вредить Англіи и принудитъ ее или отказаться отъ беззаконныхъ своихъ морскихъ правъ, или объявя войну всей Европѣ, не имѣть во всѣхъ моряхъ другаго пристанища, какъ въ Гибралтарѣ. Дабы дать нѣкоторую явность переговорамъ о вооруженномъ нейтралитетѣ, должно производить ихъ не скрытно. Потомъ, когда дѣло сіе будетъ приходить къ концу, то отправить въ Парижъ довѣренную особу для трактованія съ Бонапартомъ объ удовлетвореніи пяти пунктовъ, въ отвѣтъ на его предложеніе посланныхъ; между тѣмъ временемъ приказать ему дѣлать внушенія для пріобрѣтенія чрезъ промѣнъ отъ короля Прусскаго — Мемеля. Пока сіе происходить будетъ, возьмутся мѣры противъ Англичанъ, откроются какъ ихъ, такъ и французскія расположенія на миръ и податливость Бонапарте на удовлетвореніе требованій Вашего Императорскаго Величества, и когда все сіе соотвѣтственно будетъ сему предположенію, тогда, дабы не озабочиваться выборомъ довѣреннаго человѣка и безпокойствомъ на счетъ тайны препорученія столь важнаго, я долгомъ поставляю предложить Вашему Императорскому Величеству на сіе дѣло самаго себя, и вотъ какимъ образомъ:

Приготовя въ тайнѣ, то-есть, самъ, всѣ бумаги, состоящія въ проектѣ союза о раздѣлѣ Турціи, письма Вашего Императорскаго Величества къ Бонапарте и къ Римскому императору, полномочіе и паспортъ, за нѣсколько дней до моего отъѣзда я распущу слухъ, что пришелъ въ немилость, напишу къ Вашему Императорскому Величеству письмо, испрашивая позволенія ѣхать лѣчиться къ водамъ; получу отпускъ; на другой день за столомъ Вы извольте спросить у Нарышкина: скоро ли я ѣду, и за симъ черезъ него дать мнѣ внушеніе ѣхать поспѣшнѣе [1]), что̀ я и исполню на другой день, отправясь чрезъ Франкфуртъ на Одерѣ, Лейпцигъ и далѣе. Изъ какого-нибудь маленькаго городка поѣду уже подъ чужимъ именемъ, а можетъ быть, и изъ самаго Мемеля. Подозрѣнія предродить я никакого не могу, имѣя маленькую коляску и одного человѣка, ни какимъ другимъ языкомъ, кромѣ русскаго, говорить не умѣющаго. Пріѣхавъ прямо въ Парижъ и не показываясь акредитованному отъ Васъ у Бонапарте, потребую черезъ Бертье тайнаго съ нимъ свиданія и объявлю первому консулу, вмѣстѣ съ планомъ, и полномочіе для заключенія союза, если воспослѣдуетъ согласіе Бонапарте на предложеніе Ваше. Тогда я, поспѣша постановленіемъ трактата и размѣной онаго, предъ отъѣздомъ моимъ изъ Парижа въ Вѣну, увижусь скрытно съ посланникомъ Вашего Императорскаго Величества, открою ему причину моего пріѣзда, отдамъ ему депеши для отправленія къ Вамъ, а самъ, взявъ отъ него паспортъ курьерскій, поспѣшу въ Вѣну, гдѣ черезъ Кобенцеля буду имѣть переговоры, въ успѣхѣ коихъ, если удастся въ Парижѣ, ни какого не можетъ быть сомнѣнія, и я увѣренъ, что Римскій императоръ

[1]) Мѣшать дѣло съ бездѣльемъ!

со своимъ министерствомъ столько же обрадуется раздѣлу Турціи, какъ разоренный человѣкъ внезапному выигрышу большаго приза въ лотареѣ [1]). Окончивъ трактованіе сего дѣла и въ Вѣнѣ, возвращусь какъ можно скорѣе въ Петербургъ, гдѣ для сохраненія еще на нѣсколько времени тайны моихъ поѣздокъ, надлежитъ распустить слухъ, что Вы изволили писать ко мнѣ о возвращеніи; дабы окончить предпринятое, за мною въ слѣдъ должны пріѣхать какъ изъ Вѣны, такъ и изъ Парижа, уполномоченные, изъ послѣдняго мѣста будто для взаимности, а изъ Вѣны для возобновленія прерванныхъ связей и сношеній о военныхъ операціяхъ; о занятіи каждому назначенныхъ земель по раздѣлу и объ установленіи тамо правленія ничего здѣсь говорить не буду, предоставляя сіе распоряженіямъ Вашего Императорскаго Величества.

Симъ оканчиваю представленіе мое, и если Творецъ міра, съ дальнихъ временъ хранящій подъ покровомъ Своимъ царство Россійское и славу его, благословитъ и предпріятіе сіе, тогда Россія и XIX вѣкъ достойно возгордятся царствованіемъ Вашего Императорскаго Величества, соединившаго воедино престолъ Петра и Константина, двухъ великихъ государей, основателей знатнѣйшихъ имперій свѣта [2]).

Всеподданнѣйшій графъ Растопчинъ.

---

[1]) Только въ прокъ не пойдетъ.
[2]) А меня все таки бранить станутъ.

со своимъ министерствомъ столько же обрадуется раздѣлу Турціи, какъ разоренный человѣкъ внезапному выигрышу большаго приза въ лотареѣ [1]). Окончивъ трактованіе сего дѣла и въ Вѣнѣ, возвращусь какъ можно скорѣе въ Петербургъ, гдѣ для сохраненія еще на нѣсколько времени тайны моихъ поѣздокъ, надлежитъ распустить слухъ, что Вы изволили писать ко мнѣ о возвращеніи; дабы окончить предпринятое, за мною въ слѣдъ должны пріѣхать какъ изъ Вѣны, такъ и изъ Парижа, уполномоченные, изъ послѣдняго мѣста будто для взаимности, а изъ Вѣны для возобновленія прерванныхъ связей и сношеній о военныхъ операціяхъ; о занятіи каждому назначенныхъ земель по раздѣлу и объ установленіи тамо правленія ничего здѣсь говорить не буду, предоставляя сіе распоряженіямъ Вашего Императорскаго Величества.

Симъ оканчиваю представленіе мое, и если Творецъ міра, съ дальнихъ временъ хранящій подъ покровомъ Своимъ царство Россійское и славу его, благословитъ и предпріятіе сіе, тогда Россія и XIX вѣкъ достойно возгордятся царствованіемъ Вашего Императорскаго Величества, соединившаго воедино престолъ Петра и Константина, двухъ великихъ государей, основателей знатнѣйшихъ имперій свѣта [2]).

Всеподданнѣйшій графъ Растопчинъ.

---

[1]) Только въ прокъ не пойдетъ.
[2]) А меня все таки бранить станутъ.

РѢЧЬ КІЕВСКАГО, ПОДОЛЬСКАГО И ВОЛЫНСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА Д. Г. БИБИКОВА КЪ ПОМѢЩИКАМЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ 8-ГО МАЯ 1851 ГОДА.

Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, родившійся въ 1792 году, принадлежалъ къ весьма старинному и почтенному дворянскому роду. Будучи сыномъ весьма богатаго человѣка, онъ получилъ въ родительскомъ домѣ превосходное научное и нравственное образованіе подъ руководствомъ инженернаго полковника Кейзера, о наставленіяхъ котораго въ теченіе всей своей жизни вспоминалъ съ величайшею признательностію. Службу свою онъ началъ въ милиціи въ 1807 году, а по расформированіи ея поступилъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ. Потомъ уже, въ концѣ 1810 года, онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ. Во время Бородинскаго сраженія онъ, вѣроятно, былъ прикомандированъ къ штабу Милорадовича для посылокъ, но адъютантомъ его однакожъ не былъ (какъ полагаетъ г. Богдановичъ въ своей «Исторіи Отечественной войны»). Въ этомъ сраженіи ему оторвало ядромъ лѣвую руку, и кромѣ того, онъ былъ раненъ въ грудь и въ правую руку. За необыкновенное мужество, оказанное въ этой битвѣ, онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и по статуту получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Бывъ на службѣ штабсъ-капитаномъ и капитаномъ, онъ въ то же время имѣлъ и званіе камеръ-юнкера. Вскорѣ онъ оставилъ военную службу и по переименованіи въ коллежскіе совѣтники состоялъ до половины 1822 года въ нѣсколькихъ губерніяхъ вице-губернаторомъ. Это обстоятельство, какъ онъ разсказывалъ въ послѣдствіи, было для него чрезвычайно полезно,

РѢЧЬ КІЕВСКАГО, ПОДОЛЬСКАГО И ВОЛЫНСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА Д. Г. БИБИКОВА КЪ ПОМѢЩИКАМЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ 8-ГО МАЯ 1851 ГОДА.

Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, родившійся въ 1792 году, принадлежалъ къ весьма старинному и почтенному дворянскому роду. Будучи сыномъ весьма богатаго человѣка, онъ получилъ въ родительскомъ домѣ превосходное научное и нравственное образованіе подъ руководствомъ инженернаго полковника Кейзера, о наставленіяхъ котораго въ теченіе всей своей жизни вспоминалъ съ величайшею признательностію. Службу свою онъ началъ въ милиціи въ 1807 году, а по расформированіи ея поступилъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ. Потомъ уже, въ концѣ 1810 года, онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ. Во время Бородинскаго сраженія онъ, вѣроятно, былъ прикомандированъ къ штабу Милорадовича для посылокъ, но адъютантомъ его однакожъ не былъ (какъ полагаетъ г. Богдановичъ въ своей «Исторіи Отечественной войны»). Въ этомъ сраженіи ему оторвало ядромъ лѣвую руку, и кромѣ того, онъ былъ раненъ въ грудь и въ правую руку. За необыкновенное мужество, оказанное въ этой битвѣ, онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и по статуту получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Бывъ на службѣ штабсъ-капитаномъ и капитаномъ, онъ въ то же время имѣлъ и званіе камеръ-юнкера. Вскорѣ онъ оставилъ военную службу и по переименованіи въ коллежскіе совѣтники состоялъ до половины 1822 года въ нѣсколькихъ губерніяхъ вице-губернаторомъ. Это обстоятельство, какъ онъ разсказывалъ въ послѣдствіи, было для него чрезвычайно полезно,

доставивъ ему случай изучать различныя мѣстности обширнаго Русскаго царства не на бумагѣ, а въ оригиналѣ. Въ іюнѣ 1822 года ему поручена была должность директора департамента внѣшней торговли, и онъ завѣдывалъ ею въ продолженіе тринадцати лѣтъ. На этомъ мѣстѣ онъ ознаменовалъ дѣятельность свою весьма важными заслугами, имѣвшими большое вліяніе на развитіе нашей внутренней промышленности: ему обязаны превосходнымъ устройствомъ пограничной стражи, которое она сохранила и до настоящаго времени, и съ тѣмъ вмѣстѣ совершеннымъ почти прекращеніемъ обширной въ то время контрабанды. Но эта дѣятельность сильно надломила его здоровье, и въ апрѣлѣ 1836 года онъ отправился лѣчиться за границу, гдѣ и пробылъ до конца слѣдующаго года. Въ ноябрѣ 1837 года онъ былъ назначенъ сенаторомъ, а 29-го декабря того же года, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, генералъ-губернаторомъ въ Кіевъ, съ подчиненіемъ ему Подольской и Волынской губерній. Въ сентябрѣ 1852 года онъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ этомъ послѣднемъ званіи находился до 7-го сентября 1855 года. Послѣ того онъ уже жилъ въ отставкѣ до самой смерти своей, послѣдовавшей въ началѣ нынѣшняго года. Онъ умеръ, имѣя отъ роду семдесятъ-восемь лѣтъ.

Д. Г. Бибиковъ, по своему нравственному складу, принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей минувшаго царствованія. Въ высшей степени благородный, прямодушный, безкорыстный и настойчивый, онъ пользовался полнымъ довѣріемъ императора Николая, и потому имѣлъ возможность осуществить множество въ высшей степени полезныхъ мѣропріятій. Въ особенности поучительно для государственныхъ людей его просвѣщенное управленіе, въ теченіи почти пятнадцати лѣтъ, Кіевскимъ генералъ-губернаторствомъ. По всей справедливости этотъ періодъ его дѣятельности можно назвать превосходнымъ образчикомъ здравой и совершенно логичной административной системы управленія нашими западными областями. Здѣсь не мѣсто говорить о мѣрахъ Бибикова по замѣщенію въ тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ польскихъ чиновниковъ русскими или о привлеченіи имъ въ край русскихъ землевладѣльцевъ, но мы не можемъ не упомянуть о колоссальной заслугѣ, оказанной имъ югозападному краю утвержденіемъ въ немъ русской народности, совершенно подавленной въ то время иновѣрною шляхтой и не менѣе разъѣдающимъ страну жидовствомъ. Мы говоримъ объ учрежденіи такъ называемыхъ инвентарей или поземельныхъ описей, въ которыя со всею точностію

доставивъ ему случай изучать различныя мѣстности обширнаго Русскаго царства не на бумагѣ, а въ оригиналѣ. Въ іюнѣ 1822 года ему поручена была должность директора департамента внѣшней торговли, и онъ завѣдывалъ ею въ продолженіе тринадцати лѣтъ. На этомъ мѣстѣ онъ ознаменовалъ дѣятельность свою весьма важными заслугами, имѣвшими большое вліяніе на развитіе нашей внутренней промышленности: ему обязаны превосходнымъ устройствомъ пограничной стражи, которое она сохранила и до настоящаго времени, и съ тѣмъ вмѣстѣ совершеннымъ почти прекращеніемъ обширной въ то время контрабанды. Но эта дѣятельность сильно надломила его здоровье, и въ апрѣлѣ 1836 года онъ отправился лѣчиться за границу, гдѣ и пробылъ до конца слѣдующаго года. Въ ноябрѣ 1837 года онъ былъ назначенъ сенаторомъ, а 29-го декабря того же года, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, генералъ-губернаторомъ въ Кіевъ, съ подчиненіемъ ему Подольской и Волынской губерній. Въ сентябрѣ 1852 года онъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ этомъ послѣднемъ званіи находился до 7-го сентября 1855 года. Послѣ того онъ уже жилъ въ отставкѣ до самой смерти своей, послѣдовавшей въ началѣ нынѣшняго года. Онъ умеръ, имѣя отъ роду семдесятъ-восемь лѣтъ.

Д. Г. Бибиковъ, по своему нравственному складу, принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей минувшаго царствованія. Въ высшей степени благородный, прямодушный, безкорыстный и настойчивый, онъ пользовался полнымъ довѣріемъ императора Николая, и потому имѣлъ возможность осуществить множество въ высшей степени полезныхъ мѣропріятій. Въ особенности поучительно для государственныхъ людей его просвѣщенное управленіе, въ теченіи почти пятнадцати лѣтъ, Кіевскимъ генералъ-губернаторствомъ. По всей справедливости этотъ періодъ его дѣятельности можно назвать превосходнымъ образчикомъ здравой и совершенно логичной административной системы управленія нашими западными областями. Здѣсь не мѣсто говорить о мѣрахъ Бибикова по замѣщенію въ тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ польскихъ чиновниковъ русскими или о привлеченіи имъ въ край русскихъ землевладѣльцевъ, но мы не можемъ не упомянуть о колоссальной заслугѣ, оказанной имъ югозападному краю утвержденіемъ въ немъ русской народности, совершенно подавленной въ то время иновѣрною шляхтой и не менѣе разъѣдающимъ страну жидовствомъ. Мы говоримъ объ учрежденіи такъ называемыхъ инвентарей или поземельныхъ описей, въ которыя со всею точностію

были вносимы какъ количество неприкосновеннаго поземельнаго надѣла для крестьянъ, такъ и количество барщины и вообще перечисленіе всѣхъ ихъ обязанностей въ отношеніи помѣщиковъ. Введенные Бибиковымъ инвентари положили начало ограниченію необузданнаго дотолѣ произвола человѣка надъ человѣкомъ, Поляка надъ Русскимъ, и наконецъ, паписта надъ православнымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, послужили первою ступенью къ полному освобожденію земледѣльцевъ, совершившемуся уже въ послѣдующее царствованіе. Едва ли нужно при этомъ добавлять, что при введеніи инвентарей поднялся страшный вопль со стороны польской шляхты, владѣвшей почти всѣми имѣніями въ девяти губерніяхъ западнаго края; противодѣйствіе ея мѣшало осуществленію инвентарной системы не столько на мѣстѣ, сколько въ Петербургѣ, гдѣ она съ наглостію увѣряла Петербургскія власти, будто введеніе этой системы неминуемо повлечетъ за собою народное волненіе или галиційскую рѣзню. Достойно замѣчанія также и то обстоятельство, что къ числу лицъ, неблагопріятно смотрѣвшихъ на инвентари, должно присовокупить и роднаго брата Дмитрія Гавриловича, состоявшаго въ то время Виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Такимъ образомъ, высочайше утвержденныя 15-го апрѣля 1844 года правила для введенія обязательныхъ инвентарей были введены сначала не иначе, какъ въ видѣ опыта на шесть лѣтъ, и то только для трехъ губерній южной половины западнаго края. Уже въ послѣдствіи, съ значительными измѣненіями, правила эти были распространены и на сѣверозападный край.

Печатаемая нами рѣчь Дмитрія Гавриловича Бибикова была произнесена имъ 8-го мая 1851 года по поводу дворянскихъ выборовъ, бывшихъ въ томъ году въ Кіевѣ. Бибиковъ собирался тогда за границу для поправленія своего здоровья. Такъ какъ рѣчь эта имѣетъ всѣ признаки прощальной, и преемникъ его, князь Васильчиковъ, заступившій потомъ его мѣсто, уже въ то время находился въ Кіевѣ и даже присутствовалъ при произнесеніи рѣчи, то можно полагать, что уже тогда Бибикову достовѣрно было извѣстно о намѣреніи императора Николая поручить ему министерство внутреннихъ дѣлъ: намѣреніе, приведенное впрочемъ въ исполненіе не ранѣе сентября слѣдующаго года. Назначеніе Бибикова министромъ имѣло неразрывную связь съ осуществленіемъ одного изъ важнѣйшихъ предположеній императора Николая, клонившагося къ коренному преобразованію отношеній землевладѣльцевъ къ своимъ помѣщикамъ. Но къ несчастію, подготовлявшаяся въ ту пору кре-

были вносимы какъ количество неприкосновеннаго поземельнаго надѣла для крестьянъ, такъ и количество барщины и вообще перечисленіе всѣхъ ихъ обязанностей въ отношеніи помѣщиковъ. Введенные Бибиковымъ инвентари положили начало ограниченію необузданнаго дотолѣ произвола человѣка надъ человѣкомъ, Поляка надъ Русскимъ, и наконецъ, паписта надъ православнымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, послужили первою ступенью къ полному освобожденію земледѣльцевъ, совершившемуся уже въ послѣдующее царствованіе. Едва ли нужно при этомъ добавлять, что при введеніи инвентарей поднялся страшный вопль со стороны польской шляхты, владѣвшей почти всѣми имѣніями въ девяти губерніяхъ западнаго края; противодѣйствіе ея мѣшало осуществленію инвентарной системы не столько на мѣстѣ, сколько въ Петербургѣ, гдѣ она съ наглостію увѣряла Петербургскія власти, будто введеніе этой системы неминуемо повлечетъ за собою народное волненіе или галиційскую рѣзню. Достойно замѣчанія также и то обстоятельство, что къ числу лицъ, неблагопріятно смотрѣвшихъ на инвентари, должно присовокупить и роднаго брата Дмитрія Гавриловича, состоявшаго въ то время Виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Такимъ образомъ, высочайше утвержденныя 15-го апрѣля 1844 года правила для введенія обязательныхъ инвентарей были введены сначала не иначе, какъ въ видѣ опыта на шесть лѣтъ, и то только для трехъ губерній южной половины западнаго края. Уже въ послѣдствіи, съ значительными измѣненіями, правила эти были распространены и на сѣверозападный край.

Печатаемая нами рѣчь Дмитрія Гавриловича Бибикова была произнесена имъ 8-го мая 1851 года по поводу дворянскихъ выборовъ, бывшихъ въ томъ году въ Кіевѣ. Бибиковъ собирался тогда за границу для поправленія своего здоровья. Такъ какъ рѣчь эта имѣетъ всѣ признаки прощальной, и преемникъ его, князь Васильчиковъ, заступившій потомъ его мѣсто, уже въ то время находился въ Кіевѣ и даже присутствовалъ при произнесеніи рѣчи, то можно полагать, что уже тогда Бибикову достовѣрно было извѣстно о намѣреніи императора Николая поручить ему министерство внутреннихъ дѣлъ: намѣреніе, приведенное впрочемъ въ исполненіе не ранѣе сентября слѣдующаго года. Назначеніе Бибикова министромъ имѣло неразрывную связь съ осуществленіемъ одного изъ важнѣйшихъ предположеній императора Николая, клонившагося къ коренному преобразованію отношеній землевладѣльцевъ къ своимъ помѣщикамъ. Но къ несчастію, подготовлявшаяся въ ту пору кре-

стьянская реформа была вдругъ остановлена вспыхнувшею вслѣдъ затѣмъ въ 1853 году войною.

Въ рѣчи своей Бибиковъ упоминаетъ между прочимъ о Бердичевской секціи польскаго банка. Исторія этой секціи представляетъ интересный образчикъ беззаботности нашихъ финансистовъ той эпохи и необыкновенной близорукости тогдашняго мѣстнаго управленія, предъ глазами котораго устроивалось полное порабощеніе вещественныхъ интересовъ страны вліянію Варшавскаго банка, созданнаго русскимъ правительствомъ и изъ русскихъ капиталовъ. Въ Бердичевѣ, этомъ средоточіи тогдашней торговой жизни въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ при посредствѣ Евреевъ совершались всѣ денежныя сдѣлки помѣщиковъ, незамѣтно водворилась, безъ разрѣшенія правительства и даже безъ вѣдома мѣстнаго начальства, такъ называемая секція или контора Варшавскаго банка. Случилось это такимъ образомъ: еще до мятежа польскій банкъ выслалъ въ Бердичевъ своего агента, нѣкоего Скавронскаго, который, не объявляя своего настоящаго назначенія, управлялъ въ Бердичевѣ частною банкирскою конторою Верещинскаго. Во время мятежа онъ бѣжалъ и вступилъ въ ряды мятежниковъ. По усмиреніи мятежа, въ 1832 году, польскій банкъ, на который возложена была операція покупки воловъ для царства, выслалъ въ Бердичевъ агента своего, надворнаго совѣтника Добровольскаго, который былъ прежде секретаремъ Адама Чарторижскаго и занималъ для него въ 1830 году, подъ залогъ имѣнія, деньги, былъ пойманъ и сосланъ въ Кострому. Подъ предлогомъ возложенной на него банкомъ покупки воловъ, Добровольскій началъ производить нѣкоторыя банкирскія дѣла и уже въ 1835 году завелъ собственную контору и началъ дѣйствовать открыто. Къ личному составу конторы принадлежали люди, болѣе или менѣе скомпрометированные въ мятежѣ; самъ же Добровольскій былъ въ постоянныхъ связахъ съ Поляками, находившимися въ сильномъ подозрѣніи у правительства. Вскорѣ оказалось, каково было вліяніе конторы на край. Нося названіе секціи польскаго банка, она безъ большаго труда привлекала къ себѣ всѣхъ Поляковъ, видѣвшихъ въ ней одну изъ опоръ своей національности. Увлеченіе было такъ сильно, что контора завладѣла всѣми почти денежными оборотами края, вытѣснила изъ обращенія русскія кредитныя бумаги и даже звонкую монету и наводнила западныя губерніи польскими облигаціями. Большое количество капиталовъ не только свободныхъ, но даже занимаемыхъ подъ залогъ имѣній въ нашихъ банкахъ, стало обращаться въ польскомъ банкѣ; переводъ

стьянская реформа была вдругъ остановлена вспыхнувшею вслѣдъ затѣмъ въ 1853 году войною.

Въ рѣчи своей Бибиковъ упоминаетъ между прочимъ о Бердичевской секціи польскаго банка. Исторія этой секціи представляетъ интересный образчикъ беззаботности нашихъ финансистовъ той эпохи и необыкновенной близорукости тогдашняго мѣстнаго управленія, предъ глазами котораго устроивалось полное порабощеніе вещественныхъ интересовъ страны вліянію Варшавскаго банка, созданнаго русскимъ правительствомъ и изъ русскихъ капиталовъ. Въ Бердичевѣ, этомъ средоточіи тогдашней торговой жизни въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ при посредствѣ Евреевъ совершались всѣ денежныя сдѣлки помѣщиковъ, незамѣтно водворилась, безъ разрѣшенія правительства и даже безъ вѣдома мѣстнаго начальства, такъ называемая секція или контора Варшавскаго банка. Случилось это такимъ образомъ: еще до мятежа польскій банкъ выслалъ въ Бердичевъ своего агента, нѣкоего Скавронскаго, который, не объявляя своего настоящаго назначенія, управлялъ въ Бердичевѣ частною банкирскою конторою Верещинскаго. Во время мятежа онъ бѣжалъ и вступилъ въ ряды мятежниковъ. По усмиреніи мятежа, въ 1832 году, польскій банкъ, на который возложена была операція покупки воловъ для царства, выслалъ въ Бердичевъ агента своего, надворнаго совѣтника Добровольскаго, который былъ прежде секретаремъ Адама Чарторижскаго и занималъ для него въ 1830 году, подъ залогъ имѣнія, деньги, былъ пойманъ и сосланъ въ Кострому. Подъ предлогомъ возложенной на него банкомъ покупки воловъ, Добровольскій началъ производить нѣкоторыя банкирскія дѣла и уже въ 1835 году завелъ собственную контору и началъ дѣйствовать открыто. Къ личному составу конторы принадлежали люди, болѣе или менѣе скомпрометированные въ мятежѣ; самъ же Добровольскій былъ въ постоянныхъ связахъ съ Поляками, находившимися въ сильномъ подозрѣніи у правительства. Вскорѣ оказалось, каково было вліяніе конторы на край. Нося названіе секціи польскаго банка, она безъ большаго труда привлекала къ себѣ всѣхъ Поляковъ, видѣвшихъ въ ней одну изъ опоръ своей національности. Увлеченіе было такъ сильно, что контора завладѣла всѣми почти денежными оборотами края, вытѣснила изъ обращенія русскія кредитныя бумаги и даже звонкую монету и наводнила западныя губерніи польскими облигаціями. Большое количество капиталовъ не только свободныхъ, но даже занимаемыхъ подъ залогъ имѣній въ нашихъ банкахъ, стало обращаться въ польскомъ банкѣ; переводъ

денегъ до того усилился, что въ короткое время одно лицо перевело во Францію до 750,000 рублей, и очень вѣроятно, что большая часть этихъ денегъ пошла на поддержку эмиграціи. Контора вступила съ помѣщиками не только въ торговыя сдѣлки, давая имъ деньги за восемь процентовъ и болѣе подъ залогъ разныхъ промышленныхъ продуктовъ, но даже взяла въ аренду нѣкоторыя статьи мелочной торговли. Этими средствами и исполненіемъ разныхъ частныхъ комиссій, какъ-то: залогомъ имѣній въ нашихъ банкахъ, платежемъ туда денегъ, пересылкою и покупкою разныхъ продуктовъ, она, или лучше сказать, управляющій ею Добровольскій, прежній секретарь и, быть можетъ, постоянный агентъ Чарторижскаго, получилъ въ краѣ рѣшительное вліяніе, тѣмъ болѣе, что кромѣ національности названія, тѣшившей воображеніе Поляковъ, управленіе конторою ввѣрено было однимъ Полякамъ, дѣйствія которыхъ облекались непроницаемою тайною. Помѣщеніе капиталовъ въ царствѣ, связывая жителей югозападнаго края крѣпкими узами съ Польшею, уже тѣмъ самымъ ослабляло самую живую связь ихъ съ Россіею—связь матеріальныхъ интересовъ. Очень естественно, что тотъ, кто имѣлъ свое состояніе внѣ мѣста своей осѣдлости, отважнѣе могъ рѣшиться на дѣйствія противъ правительства, имъ не любимаго, надѣясь на то, что имущество его находится въ безопасности. Понятно поэтому, какое сильное подспорье своимъ замысламъ могла имѣть въ Бердичевской секціи банка польская эмиграція.

Въ рѣчи Кіевскаго генералъ-губернатора впервые, кажется, было официально высказано, хотя и въ видѣ намека, настоящее значеніе польской шляхты, которую послѣ раздѣла Польши правительство наше, едва ли не вслѣдствіе филологической ошибки, сопричислило въ полномъ составѣ къ благородному россійскому дворянству. Въ Петровскія времена высшая польская шляхта, или магнатство, обладавшая великими богатствами и имѣніями и совершенно независимая отъ королевской власти, пользовалась у насъ такимъ уваженіемъ, что князь Меншиковъ, происходившій изъ монастырскихъ крестьянъ нынѣшней Симбирской губерніи, счелъ нужнымъ вывести свое происхожденіе отъ польской шляхты. Основанный при императрицѣ Аннѣ для образованія дворянскихъ дѣтей, кадетскій корпусъ былъ также названъ шляхетнымъ, въ смыслѣ благороднаго или дворянскаго. Когда случился раздѣлъ Польши, то никому не пришло въ голову справиться, какого рода обязанности несла шляхта въ Польскомъ государствѣ, какую она составляла цифру, и какое было ея

денегъ до того усилился, что въ короткое время одно лицо перевело во Францію до 750,000 рублей, и очень вѣроятно, что большая часть этихъ денегъ пошла на поддержку эмиграціи. Контора вступила съ помѣщиками не только въ торговыя сдѣлки, давая имъ деньги за восемь процентовъ и болѣе подъ залогъ разныхъ промышленныхъ продуктовъ, но даже взяла въ аренду нѣкоторыя статьи мелочной торговли. Этими средствами и исполненіемъ разныхъ частныхъ комиссій, какъ-то: залогомъ имѣній въ нашихъ банкахъ, платежемъ туда денегъ, пересылкою и покупкою разныхъ продуктовъ, она, или лучше сказать, управляющій ею Добровольскій, прежній секретарь и, быть можетъ, постоянный агентъ Чарторижскаго, получилъ въ краѣ рѣшительное вліяніе, тѣмъ болѣе, что кромѣ національности названія, тѣшившей воображеніе Поляковъ, управленіе конторою ввѣрено было однимъ Полякамъ, дѣйствія которыхъ облекались непроницаемою тайною. Помѣщеніе капиталовъ въ царствѣ, связывая жителей югозападнаго края крѣпкими узами съ Польшею, уже тѣмъ самымъ ослабляло самую живую связь ихъ съ Россіею—связь матеріальныхъ интересовъ. Очень естественно, что тотъ, кто имѣлъ свое состояніе внѣ мѣста своей осѣдлости, отважнѣе могъ рѣшиться на дѣйствія противъ правительства, имъ не любимаго, надѣясь на то, что имущество его находится въ безопасности. Понятно поэтому, какое сильное подспорье своимъ замысламъ могла имѣть въ Бердичевской секціи банка польская эмиграція.

Въ рѣчи Кіевскаго генералъ-губернатора впервые, кажется, было официально высказано, хотя и въ видѣ намека, настоящее значеніе польской шляхты, которую послѣ раздѣла Польши правительство наше, едва ли не вслѣдствіе филологической ошибки, сопричислило въ полномъ составѣ къ благородному россійскому дворянству. Въ Петровскія времена высшая польская шляхта, или магнатство, обладавшая великими богатствами и имѣніями и совершенно независимая отъ королевской власти, пользовалась у насъ такимъ уваженіемъ, что князь Меншиковъ, происходившій изъ монастырскихъ крестьянъ нынѣшней Симбирской губерніи, счелъ нужнымъ вывести свое происхожденіе отъ польской шляхты. Основанный при императрицѣ Аннѣ для образованія дворянскихъ дѣтей, кадетскій корпусъ былъ также названъ шляхетнымъ, въ смыслѣ благороднаго или дворянскаго. Когда случился раздѣлъ Польши, то никому не пришло въ голову справиться, какого рода обязанности несла шляхта въ Польскомъ государствѣ, какую она составляла цифру, и какое было ея

общественное значеніе? Не обратили тогда вниманія, что непомѣрное распложеніе этого вреднаго, безпокойнаго, непроизводительнаго и не несущаго никакихъ податей и повинностей сословія было истинною язвою для страны и главнѣйшею причиною распаденія Польскаго государства. Вмѣсто того, чтобы присоединить къ русскому дворянству только одно магнатство или высшую шляхту, мы, въ минувшемъ столѣтіи, сопричислили къ этому сословію и не имѣвшую ничего общаго съ нашимъ дворянствомъ низшую шляхту, которая по своему быту, образованію и свойству общественныхъ обязанностей была совершенно тождественна съ нашими однодворцами и мѣщанами и потому должна была бы войти въ общій составъ податныхъ сословій. Такое распоряженіе, впрочемъ, оправдывалось отчасти и самымъ происхожденіемъ шляхты. Во времена Рѣчи Посполитой польской, шляхетство добывалось не заслугами отечеству на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, но частною службой при дворахъ магнатовъ въ качествѣ поссесоровъ, управителей имѣній, писарей, поваровъ, конюховъ, псарей, кучеровъ, форейторовъ и лакеевъ, или же шляхетство пріобрѣталось вѣроотступничествомъ отъ православія и протестантства. Изъ этого-то мутнаго источника образовалась, послѣ паденія Польши, громадная масса безграмотныхъ русскихъ дворянъ, не только не оказавшихъ какихъ-либо услугъ Русскому государству, но и никогда не служившихъ ему даже въ скромномъ званіи простаго солдата! На основаніи законовъ, владѣніе населенными имѣніями составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ дворянскаго происхожденія; это условіе, совершенно правильное и справедливое въ отношеніи русскихъ дворянъ, за заслуги отечеству пожалованныхъ прежними государями помѣстьями и вотчинами, не могло быть примѣняемо къ польской шляхтѣ, которая, за самыми ничтожными исключеніями, попала въ это сословіе съ козелъ и запятокъ или изъ дворни, нажившейся отъ бывшихъ своихъ господъ. Сдѣлавшись сначала управителемъ или поссесоромъ барскаго имѣнія, прежній лакей, въ короткое время, самъ превращался въ землевладѣльца и становился шляхтичемъ. Подобный способъ пріобрѣтенія шляхетства подвергался порицанію и въ самой Польшѣ, но былъ терпимъ, потому что шляхта обязана была нести на себѣ всю тяжесть воинской, или вѣрнѣе, рекрутской повинности. Мы же, по великодушію своему или недоразумѣнію, включивъ шляхту въ дворянское сословіе, освободили ее съ тѣмъ вмѣстѣ отъ рекрутчины и всѣхъ обязанностей, предоставивъ ей однѣ только права, дотолѣ ей не принадлежавшія и ничѣмъ не

общественное значеніе? Не обратили тогда вниманія, что непомѣрное распложеніе этого вреднаго, безпокойнаго, непроизводительнаго и не несущаго никакихъ податей и повинностей сословія было истинною язвою для страны и главнѣйшею причиною распаденія Польскаго государства. Вмѣсто того, чтобы присоединить къ русскому дворянству только одно магнатство или высшую шляхту, мы, въ минувшемъ столѣтіи, сопричислили къ этому сословію и не имѣвшую ничего общаго съ нашимъ дворянствомъ низшую шляхту, которая по своему быту, образованію и свойству общественныхъ обязанностей была совершенно тождественна съ нашими однодворцами и мѣщанами и потому должна была бы войти въ общій составъ податныхъ сословій. Такое распоряженіе, впрочемъ, оправдывалось отчасти и самымъ происхожденіемъ шляхты. Во времена Рѣчи Посполитой польской, шляхетство добывалось не заслугами отечеству на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, но частною службой при дворахъ магнатовъ въ качествѣ поссесоровъ, управителей имѣній, писарей, поваровъ, конюховъ, псарей, кучеровъ, форейторовъ и лакеевъ, или же шляхетство пріобрѣталось вѣроотступничествомъ отъ православія и протестантства. Изъ этого-то мутнаго источника образовалась, послѣ паденія Польши, громадная масса безграмотныхъ русскихъ дворянъ, не только не оказавшихъ какихъ-либо услугъ Русскому государству, но и никогда не служившихъ ему даже въ скромномъ званіи простаго солдата! На основаніи законовъ, владѣніе населенными имѣніями составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ дворянскаго происхожденія; это условіе, совершенно правильное и справедливое въ отношеніи русскихъ дворянъ, за заслуги отечеству пожалованныхъ прежними государями помѣстьями и вотчинами, не могло быть примѣняемо къ польской шляхтѣ, которая, за самыми ничтожными исключеніями, попала въ это сословіе съ козелъ и запятокъ или изъ дворни, нажившейся отъ бывшихъ своихъ господъ. Сдѣлавшись сначала управителемъ или поссесоромъ барскаго имѣнія, прежній лакей, въ короткое время, самъ превращался въ землевладѣльца и становился шляхтичемъ. Подобный способъ пріобрѣтенія шляхетства подвергался порицанію и въ самой Польшѣ, но былъ терпимъ, потому что шляхта обязана была нести на себѣ всю тяжесть воинской, или вѣрнѣе, рекрутской повинности. Мы же, по великодушію своему или недоразумѣнію, включивъ шляхту въ дворянское сословіе, освободили ее съ тѣмъ вмѣстѣ отъ рекрутчины и всѣхъ обязанностей, предоставивъ ей однѣ только права, дотолѣ ей не принадлежавшія и ничѣмъ не

заслуженныя. Въ силу такого неразборчиваго предоставленія дворянскихъ правъ польской шляхтѣ, она, вступивъ въ сословіе русскаго дворянства, составила громадное большинство, втрое превышающее число всѣхъ русскихъ дворянскихъ родовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Отсюда возникъ и до нынѣ еще существуетъ во всей своей силѣ обильный и неизсякаемый источникъ множества затрудненій, разбивающихъ самыя полезныя и наилучше соображенныя мѣропріятія нашего правительства для устройства западнаго края и привислянскихъ областей.

Отъ свѣтлаго ума Бибикова, разумѣется, не могли укрыться опасныя послѣдствія отъ непомѣрнаго наплыва въ среду русскаго дворянства польской шляхты. Измѣнническія дѣйствія ея въ 1812 году, по великодушію императора Александра I, были забыты; но шляхетское возмущеніе 1831 года представило самое очевидное доказательство ея вѣроломства и неисправимости. Нисколько по этому не удивительно, что императоръ Николай вынужденъ былъ принять нѣкоторыя необходимыя мѣры для излѣченія этого безобразнаго и болѣзненнаго явленія въ нашемъ общественномъ строѣ. Вслѣдъ за усмиреніемъ возмутившейся въ 1831 году шляхты, высочайшимъ указомъ отъ 16-го октября того же года было повелѣно привести въ извѣстность всю польскую шляхту, разсмотрѣть права ея на дворянство и тѣхъ изъ шляхтичей, которые его не докажутъ, причислять къ сельскимъ и податнымъ сословіямъ. Тогда-то открылась въ обширныхъ размѣрахъ, упоминаемая Бибиковымъ въ его рѣчи, фабрикація дворянскихъ патентовъ, дипломовъ и всевозможныхъ грамотъ во Львовѣ, Могилевѣ и Бердичевѣ. Въ послѣднемъ мѣстѣ находилась самая обширная мануфактура для выдѣлки разныхъ генеалогическихъ издѣлій. Учрежденныя въ то же время изъ мѣстнаго, то есть, польскаго дворянства, ревизіонныя коммиссіи для повѣрки дѣйствій дворянскихъ депутатскихъ собраній въ теченіи десяти лѣтъ не принесли никакой пользы и даже признавали иногда документы Бердичевской фабрики за подлинные. Видя полную безуспѣшность этихъ коммиссій, Бибиковъ исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе въ Кіевѣ одной центральной коммиссіи, которая и открыла свои дѣйствія 1-го іюня 1840 года. Въ теченіи четырехъ съ половиною лѣтъ, она по разсмотрѣніи и повѣркѣ дѣйствій дворянскихъ депутатскихъ собраній и ревизіонныхъ коммиссій, исключила изъ дворянскаго сословія 64,000 шляхтичей, не представившихъ достовѣрныхъ и подлинныхъ документовъ. Вся эта шляхта, по утвержденіи дѣлъ герольдіею, и

заслуженныя. Въ силу такого неразборчиваго предоставленія дворянскихъ правъ польской шляхтѣ, она, вступивъ въ сословіе русскаго дворянства, составила громадное большинство, втрое превышающее число всѣхъ русскихъ дворянскихъ родовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Отсюда возникъ и до нынѣ еще существуетъ во всей своей силѣ обильный и неизсякаемый источникъ множества затрудненій, разбивающихъ самыя полезныя и наилучше соображенныя мѣропріятія нашего правительства для устройства западнаго края и привислянскихъ областей.

Отъ свѣтлаго ума Бибикова, разумѣется, не могли укрыться опасныя послѣдствія отъ непомѣрнаго наплыва въ среду русскаго дворянства польской шляхты. Измѣнническія дѣйствія ея въ 1812 году, по великодушію императора Александра I, были забыты; но шляхетское возмущеніе 1831 года представило самое очевидное доказательство ея вѣроломства и неисправимости. Нисколько по этому не удивительно, что императоръ Николай вынужденъ былъ принять нѣкоторыя необходимыя мѣры для излѣченія этого безобразнаго и болѣзненнаго явленія въ нашемъ общественномъ строѣ. Вслѣдъ за усмиреніемъ возмутившейся въ 1831 году шляхты, высочайшимъ указомъ отъ 16-го октября того же года было повелѣно привести въ извѣстность всю польскую шляхту, разсмотрѣть права ея на дворянство и тѣхъ изъ шляхтичей, которые его не докажутъ, причислять къ сельскимъ и податнымъ сословіямъ. Тогда-то открылась въ обширныхъ размѣрахъ, упоминаемая Бибиковымъ въ его рѣчи, фабрикація дворянскихъ патентовъ, дипломовъ и всевозможныхъ грамотъ во Львовѣ, Могилевѣ и Бердичевѣ. Въ послѣднемъ мѣстѣ находилась самая обширная мануфактура для выдѣлки разныхъ генеалогическихъ издѣлій. Учрежденныя въ то же время изъ мѣстнаго, то есть, польскаго дворянства, ревизіонныя коммиссіи для повѣрки дѣйствій дворянскихъ депутатскихъ собраній въ теченіи десяти лѣтъ не принесли никакой пользы и даже признавали иногда документы Бердичевской фабрики за подлинные. Видя полную безуспѣшность этихъ коммиссій, Бибиковъ исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе въ Кіевѣ одной центральной коммиссіи, которая и открыла свои дѣйствія 1-го іюня 1840 года. Въ теченіи четырехъ съ половиною лѣтъ, она по разсмотрѣніи и повѣркѣ дѣйствій дворянскихъ депутатскихъ собраній и ревизіонныхъ коммиссій, исключила изъ дворянскаго сословія 64,000 шляхтичей, не представившихъ достовѣрныхъ и подлинныхъ документовъ. Вся эта шляхта, по утвержденіи дѣлъ герольдіею, и

была причислена къ податнымъ сословіямъ—однодворцевъ въ селеніяхъ и гражданъ въ городахъ. Владиславъ Мицкевичъ, издавшій въ 1863 году рукопись какого-то неизвѣстнаго Украинца подъ заглавіемъ: «La Pologne et ses provinces méridionales», говоритъ, что въ трехъ югозападныхъ губерніяхъ всей шляхты обращено было въ податныя сословія 141,708 человѣкъ. Послѣдняя цифра, относящаяся, какъ кажется, къ позднѣйшей эпохѣ, можетъ быть, и не принадлежитъ всецѣло ко времени Бибиковскаго управленія югозападнымъ краемъ, но еслибъ даже къ дѣятельности его пришлось отнести одну только первую цифру, то есть, 64,000, то и тогда заслуга Бибикова все-таки будетъ весьма не маловажна. Обращеніе подобной массы совершенно празднаго, безполезнаго и непроизводительнаго населенія къ земледѣлію, промышленности и другимъ полезнымъ для общества занятіямъ составляетъ дѣло, въ высшей степени благотворное какъ для самой шляхты, такъ и для гражданскаго благоустройства страны.

Во время Бибиковскаго управленія югозападнымъ краемъ совершилось еще одно счастливое событіе, много способившее возвышенію русской народности въ томъ краѣ, именно упраздненіе Литовскаго статута. Это древнерусское уложеніе, послѣ множества измѣненій, произведенныхъ въ немъ въ теченіи трехъ вѣковъ, содержало въ себѣ столько противорѣчій и обветшалыхъ законоположеній, утратившихъ всякій смыслъ для современной жизни, что сдѣлалось совершенно непригоднымъ для употребленія. Кромѣ того, Литовскій статутъ, имѣвшій главнымъ основаніемъ своимъ признаніе права полной поземельной собственности только за одними дворянскими родами и не допускавшій перехода ея къ простолюдинамъ, былъ приспособленъ исключительно къ интересамъ мѣстной шляхты. Такое готическое свойство статута совершенно объясняетъ настоящую причину всѣхъ сожалѣній и соболѣзнованій шляхты въ то время, когда состоялся указъ о введеніи въ возвращенныхъ отъ Польши областяхъ русскихъ законовъ, безразлично покровительствующихъ всѣмъ сословіямъ.

Рѣчь Д. Г. Бибикова составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ для исторіи западнаго края вообще, ярко обрисовывающій и стройность системы внутренней политики въ царствованіе императора Николая, и благородный характеръ одного изъ почтенныхъ государственныхъ дѣятелей минувшаго царствованія.

Дм. Кр—въ.

была причислена къ податнымъ сословіямъ—однодворцевъ въ селеніяхъ и гражданъ въ городахъ. Владиславъ Мицкевичъ, издавшій въ 1863 году рукопись какого-то неизвѣстнаго Украинца подъ заглавіемъ: «La Pologne et ses provinces méridionales», говоритъ, что въ трехъ югозападныхъ губерніяхъ всей шляхты обращено было въ податныя сословія 141,708 человѣкъ. Послѣдняя цифра, относящаяся, какъ кажется, къ позднѣйшей эпохѣ, можетъ быть, и не принадлежитъ всецѣло ко времени Бибиковскаго управленія югозападнымъ краемъ, но еслибъ даже къ дѣятельности его пришлось отнести одну только первую цифру, то есть, 64,000, то и тогда заслуга Бибикова все-таки будетъ весьма не маловажна. Обращеніе подобной массы совершенно празднаго, безполезнаго и непроизводительнаго населенія къ земледѣлію, промышленности и другимъ полезнымъ для общества занятіямъ составляетъ дѣло, въ высшей степени благотворное какъ для самой шляхты, такъ и для гражданскаго благоустройства страны.

Во время Бибиковскаго управленія югозападнымъ краемъ совершилось еще одно счастливое событіе, много способившее возвышенію русской народности въ томъ краѣ, именно упраздненіе Литовскаго статута. Это древнерусское уложеніе, послѣ множества измѣненій, произведенныхъ въ немъ въ теченіи трехъ вѣковъ, содержало въ себѣ столько противорѣчій и обветшалыхъ законоположеній, утратившихъ всякій смыслъ для современной жизни, что сдѣлалось совершенно непригоднымъ для употребленія. Кромѣ того, Литовскій статутъ, имѣвшій главнымъ основаніемъ своимъ признаніе права полной поземельной собственности только за одними дворянскими родами и не допускавшій перехода ея къ простолюдинамъ, былъ приспособленъ исключительно къ интересамъ мѣстной шляхты. Такое готическое свойство статута совершенно объясняетъ настоящую причину всѣхъ сожалѣній и соболѣзнованій шляхты въ то время, когда состоялся указъ о введеніи въ возвращенныхъ отъ Польши областяхъ русскихъ законовъ, безразлично покровительствующихъ всѣмъ сословіямъ.

Рѣчь Д. Г. Бибикова составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ для исторіи западнаго края вообще, ярко обрисовывающій и стройность системы внутренней политики въ царствованіе императора Николая, и благородный характеръ одного изъ почтенныхъ государственныхъ дѣятелей минувшаго царствованія.

Дм. Кр—въ.

Милостивые государи!

Четырнадцать лѣтъ я нахожусь въ этомъ краѣ, и уже нѣсколько разъ имѣлъ честь быть съ вами во время выборовъ дворянскихъ. Я хочу пройти съ вами весь періодъ моего управленія, отъ самаго пріѣзда моего, съ 1838 года до настоящаго времени. Я хочу сдѣлать это, милостивые государи, не въ видѣ отчета, ибо генералъ-губернаторъ западныхъ губерній отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только Одному, котораго тронъ на сѣверѣ, который владѣетъ пространствомъ отъ Вислы до Байкала, отъ Ахалциха до Ледовитаго моря, кому повинуются 60 милліоновъ людей. Мы всѣ должны, господа, ежедневно и въ каждую минуту, и во всѣхъ помыслахъ нашихъ молиться Всемогущему о долгой жизни, спокойствіи и счастіи нашего добраго, великаго государя, для нашего счастія и спокойствія Европы. Я хочу разсмотрѣть съ вами мои дѣйствія въ финансовомъ, административномъ, политическомъ и судебномъ отношеніяхъ.

Въ 1838 году, пріѣхавъ сюда, засталъ я въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ демократическія общества, даже въ учебныхъ заведеніяхъ, въ Бердичевѣ, въ женскомъ пансіонѣ; всѣ эти общества стремились къ одному: чтобъ уничтожить всѣ законы, всѣ дворянскія права и премущества, весь общественный порядокъ благоустроеннаго гражданскаго общества; одна консисторія, которой имени не назову, дошла даже до того, что проповѣдывала во всеуслышаніе, будто Іисусъ Христосъ не есть Сынъ Божій, Матерь Божія—простая женщина, а папа—шарлатанъ. Я преслѣдовалъ ихъ со всею злостію, которая во мнѣ находится, и истребилъ зло въ самомъ его началѣ.

Приступаю къ финансовой системѣ. Пріѣхавъ въ этотъ край, я засталъ въ Бердичевѣ такъ называемую секцію польскаго банка, въ которой были въ заставѣ и въ залогѣ всѣхъ почти помѣщиковъ имѣнія. Эта секція привлекала только именемъ управлявшаго ею; она брала не по 6 и 8, а по 11 и 14 процентовъ; въ послѣднее время были въ курсѣ только польскія облигаціи, а золотая и серебряная монета совершенно исчезла, многіе помѣщики разорены въ пухъ; фельдмаршалъ [1]) по моему представленію послалъ курьера къ государю императору, и она уничтожена. Для денежныхъ оборотовъ помѣщиковъ и коммерческихъ операцій учреждена была въ Кіевѣ контора государственнаго коммерческаго банка. Кто на нее смѣетъ жаловаться? Кого тамъ притѣсняютъ? Кто замѣтилъ тамъ злоупотребленіе? Скажите: кто?

Перехожу къ правамъ дворянства. Когда я пріѣхалъ, засталъ здѣсь что всѣ были дворяне: помѣщикъ ѣхалъ въ каретѣ, дворянинъ-лакей за каретою, дворянинъ-кучеръ на козлахъ, дворянинъ—форейторъ, дворянинъ—сторожъ, дворянинъ въ кухнѣ стряпалъ, дворянинъ подавалъ ему сапоги, и когда онъ разсердясь, хотѣлъ взыскать съ него, тогда служитель отвѣчалъ ему: „Не имѣешь права, я тебѣ

[1]) Князь И. Ѳ. Паскевичъ, намѣстникъ царства Польскаго.

Милостивые государи!

Четырнадцать лѣтъ я нахожусь въ этомъ краѣ, и уже нѣсколько разъ имѣлъ честь быть съ вами во время выборовъ дворянскихъ. Я хочу пройти съ вами весь періодъ моего управленія, отъ самаго пріѣзда моего, съ 1838 года до настоящаго времени. Я хочу сдѣлать это, милостивые государи, не въ видѣ отчета, ибо генералъ-губернаторъ западныхъ губерній отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только Одному, котораго тронъ на сѣверѣ, который владѣетъ пространствомъ отъ Вислы до Байкала, отъ Ахалциха до Ледовитаго моря, кому повинуются 60 милліоновъ людей. Мы всѣ должны, господа, ежедневно и въ каждую минуту, и во всѣхъ помыслахъ нашихъ молиться Всемогущему о долгой жизни, спокойствіи и счастіи нашего добраго, великаго государя, для нашего счастія и спокойствія Европы. Я хочу разсмотрѣть съ вами мои дѣйствія въ финансовомъ, административномъ, политическомъ и судебномъ отношеніяхъ.

Въ 1838 году, пріѣхавъ сюда, засталъ я въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ демократическія общества, даже въ учебныхъ заведеніяхъ, въ Бердичевѣ, въ женскомъ пансіонѣ; всѣ эти общества стремились къ одному: чтобъ уничтожить всѣ законы, всѣ дворянскія права и премущества, весь общественный порядокъ благоустроеннаго гражданскаго общества; одна консисторія, которой имени не назову, дошла даже до того, что проповѣдывала во всеуслышаніе, будто Іисусъ Христосъ не есть Сынъ Божій, Матерь Божія—простая женщина, а папа—шарлатанъ. Я преслѣдовалъ ихъ со всею злостію, которая во мнѣ находится, и истребилъ зло въ самомъ его началѣ.

Приступаю къ финансовой системѣ. Пріѣхавъ въ этотъ край, я засталъ въ Бердичевѣ такъ называемую секцію польскаго банка, въ которой были въ заставѣ и въ залогѣ всѣхъ почти помѣщиковъ имѣнія. Эта секція привлекала только именемъ управлявшаго ею; она брала не по 6 и 8, а по 11 и 14 процентовъ; въ послѣднее время были въ курсѣ только польскія облигаціи, а золотая и серебряная монета совершенно исчезла, многіе помѣщики разорены въ пухъ; фельдмаршалъ [1]) по моему представленію послалъ курьера къ государю императору, и она уничтожена. Для денежныхъ оборотовъ помѣщиковъ и коммерческихъ операцій учреждена была въ Кіевѣ контора государственнаго коммерческаго банка. Кто на нее смѣетъ жаловаться? Кого тамъ притѣсняютъ? Кто замѣтилъ тамъ злоупотребленіе? Скажите: кто?

Перехожу къ правамъ дворянства. Когда я пріѣхалъ, засталъ здѣсь что всѣ были дворяне: помѣщикъ ѣхалъ въ каретѣ, дворянинъ-лакей за каретою, дворянинъ-кучеръ на козлахъ, дворянинъ—форейторъ, дворянинъ—сторожъ, дворянинъ въ кухнѣ стряпалъ, дворянинъ подавалъ ему сапоги, и когда онъ разсердясь, хотѣлъ взыскать съ него, тогда служитель отвѣчалъ ему: „Не имѣешь права, я тебѣ

[1]) Князь И. Ѳ. Паскевичъ, намѣстникъ царства Польскаго.

ровенъ". Государь императоръ именуетъ себя первымъ дворяниномъ въ Россіи; спрашивается: можетъ ли Онъ подать руку также дворянину-повару или лакею? Была фабрика дворянскихъ документовъ въ Бердичевѣ, гдѣ продавались патенты по рублю серебромъ; были и коммиссіи для повѣрки дѣйствій депутатскихъ собраній, но не принесли никакой пользы. Я собралъ эти коммиссіи въ одну центральную, которая, по разборѣ такъ называемаго дворянства, исключила изъ этого благороднаго сословія 64 тысячи семействъ, не имѣвшихъ права оставаться въ ономъ; они приписались въ разныя податныя состоянія и сдѣлались на своемъ мѣстѣ полезными членами гражданскаго общества. Когда герольдія, утвердивъ уже многіе дворянскіе роды, окончитъ разсмотрѣніе дѣлъ дворянскихъ, то каждый изъ насъ, господа, будетъ увѣренъ, подавая руку подобному себѣ, что подаетъ руку такому же дворянину, какъ онъ самъ.

Многіе въ этомъ краѣ возставали противъ законнаго правительства, желая ниспровергнуть религію и престолъ; они были преслѣдуемы по всей строгости законовъ и получили законное наказаніе. Нѣкоторые изъ нихъ уже прощены, другіе на жительствѣ въ среднихъ губерніяхъ, а два только, главные преступника, не прощены, но и тѣхъ участь облегчена: они уже не въ каторжной работѣ, а въ Сибири на поселеніи.

Я былъ строгъ, я долженъ былъ употребить всѣ мѣры для прекращенія и предупрежденія тѣхъ горестныхъ послѣдствій, которыя мы видѣли въ другихъ мѣстахъ. Нашъ великій государь хочетъ, чтобы западныя губерніи были душею и тѣломъ возсоединены съ Россіею; потому и введено въ этомъ краѣ русское законодательство. Нѣкоторые хвалили Статутъ литовскій, а многіе ли изъ васъ его читали? Нѣкоторые помѣщики мнѣ признавались, что они его никогда не читали, и никто не читалъ, и никто не знаетъ, какое въ немъ законоположеніе, которое при нестройномъ смѣшеніи съ множествомъ противорѣчащихъ себѣ конституцій, устарѣло, неудобопримѣняемо къ настоящимъ гражданскимъ отношеніямъ и дѣламъ, замедляетъ ихъ только и умножаетъ до безконечности, да и отыскать его очень трудно; я досталъ въ оригиналѣ только два экземпляра. Итакъ, введены русскіе законы въ одинъ день, въ одинъ часъ, и теперь не гораздо ли меньше дѣлъ, не проще ли, не быстрѣе ли дѣлопроизводство?

Случилось въ 1851 году, что два помѣщика Радомысльскаго и Овручскаго уѣздовъ имѣли одного крестьянина Іосифа, который въ недѣлю работалъ одному помѣщику три дня и другому три дня; спрашиваю я васъ: что же ему оставалось? Было много злоупотребленій помѣщичьей власти. Введены инвентари. Много было недовольныхъ, сулили большія публичныя бѣдствія, сулили бунты, возмущенія; назначали день и часъ, когда начнется рѣзня. Но Богъ милостивъ. Зарѣзали ли кого-нибудь изъ помѣщиковъ или даже эконома? Били ли кого? Никогда. Случилось ли у насъ что-нибудь подобное тому, что было въ Галиціи? Напротивъ, милости-

ровенъ". Государь императоръ именуетъ себя первымъ дворяниномъ въ Россіи; спрашивается: можетъ ли Онъ подать руку также дворянину-повару или лакею? Была фабрика дворянскихъ документовъ въ Бердичевѣ, гдѣ продавались патенты по рублю серебромъ; были и коммиссіи для повѣрки дѣйствій депутатскихъ собраній, но не принесли никакой пользы. Я собралъ эти коммиссіи въ одну центральную, которая, по разборѣ такъ называемаго дворянства, исключила изъ этого благороднаго сословія 64 тысячи семействъ, не имѣвшихъ права оставаться въ ономъ; они приписались въ разныя податныя состоянія и сдѣлались на своемъ мѣстѣ полезными членами гражданскаго общества. Когда герольдія, утвердивъ уже многіе дворянскіе роды, окончитъ разсмотрѣніе дѣлъ дворянскихъ, то каждый изъ насъ, господа, будетъ увѣренъ, подавая руку подобному себѣ, что подаетъ руку такому же дворянину, какъ онъ самъ.

Многіе въ этомъ краѣ возставали противъ законнаго правительства, желая ниспровергнуть религію и престолъ; они были преслѣдуемы по всей строгости законовъ и получили законное наказаніе. Нѣкоторые изъ нихъ уже прощены, другіе на жительствѣ въ среднихъ губерніяхъ, а два только, главные преступника, не прощены, но и тѣхъ участь облегчена: они уже не въ каторжной работѣ, а въ Сибири на поселеніи.

Я былъ строгъ, я долженъ былъ употребить всѣ мѣры для прекращенія и предупрежденія тѣхъ горестныхъ послѣдствій, которыя мы видѣли въ другихъ мѣстахъ. Нашъ великій государь хочетъ, чтобы западныя губерніи были душею и тѣломъ возсоединены съ Россіею; потому и введено въ этомъ краѣ русское законодательство. Нѣкоторые хвалили Статутъ литовскій, а многіе ли изъ васъ его читали? Нѣкоторые помѣщики мнѣ признавались, что они его никогда не читали, и никто не читалъ, и никто не знаетъ, какое въ немъ законоположеніе, которое при нестройномъ смѣшеніи съ множествомъ противорѣчащихъ себѣ конституцій, устарѣло, неудобопримѣняемо къ настоящимъ гражданскимъ отношеніямъ и дѣламъ, замедляетъ ихъ только и умножаетъ до безконечности, да и отыскать его очень трудно; я досталъ въ оригиналѣ только два экземпляра. Итакъ, введены русскіе законы въ одинъ день, въ одинъ часъ, и теперь не гораздо ли меньше дѣлъ, не проще ли, не быстрѣе ли дѣлопроизводство?

Случилось въ 1851 году, что два помѣщика Радомысльскаго и Овручскаго уѣздовъ имѣли одного крестьянина Іосифа, который въ недѣлю работалъ одному помѣщику три дня и другому три дня; спрашиваю я васъ: что же ему оставалось? Было много злоупотребленій помѣщичьей власти. Введены инвентари. Много было недовольныхъ, сулили большія публичныя бѣдствія, сулили бунты, возмущенія; назначали день и часъ, когда начнется рѣзня. Но Богъ милостивъ. Зарѣзали ли кого-нибудь изъ помѣщиковъ или даже эконома? Били ли кого? Никогда. Случилось ли у насъ что-нибудь подобное тому, что было въ Галиціи? Напротивъ, милости-

вые государи, инвентари, сдѣланные для блага помѣщиковъ, усилили ихъ власть, возвысили ихъ значеніе въ государствѣ и, опредѣливъ отношеніе крестьянина къ владѣльцу, опредѣлили крестьянскія права и обязанности. Случались отступленія отъ нѣкоторыхъ правилъ, но не со стороны самихъ помѣщиковъ, а только ихъ управляющихъ и экономовъ-поссесоровъ или же тѣхъ старыхъ бабъ, которымъ не платятъ, а которыя сами платятъ своимъ любовникамъ, во зло употребляющимъ помѣщичью власть. Послѣ введенія инвентарей—спрашиваю я васъ—упала ли цѣна на имѣнія? Я имѣю оффиціальныя свѣдѣнія, которыя доказываютъ противное.

Въ прошедшіе выборы я имѣлъ честь вамъ сказать, что на мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, нынѣ замѣщаемыя чиновниками, поступятъ дворяне по вашему усмотрѣнію, когда ознакомятся съ русскимъ языкомъ и законодательствомъ. Нынѣ, благодаря Бога, многіе познакомились съ русскимъ языкомъ, но тѣмъ не менѣе я въ настоящую минуту поставленъ въ невозможность не назначить на эти мѣста чиновниковъ по опредѣленію отъ правительства. Но это перемѣнится, и для этой цѣли я посылаю молодыхъ людей въ должность стряпчихъ, чтобъ они, привыкнувъ практически къ дѣлопроизводству, могли быть въ послѣдствіи времени полезны при дворянскихъ выборахъ, и тогда уже всѣ мѣста, согласно коренному закону, будутъ замѣщаемы дворянами по выборамъ дворянства.

Нынѣ по моей болѣзни и по милости нашего великаго государя я для излѣченія уволенъ въ отпускъ за границу на четыре мѣсяца; вмѣсто меня вступилъ въ управленіе тремя губерніями князь Васильчиковъ; это человѣкъ благороднѣйшихъ чувствъ; вы имъ удете довольны, коль исполнитъ онъ всѣ тяжкія обязанности того тяжкаго бремени, которое я несу четырнадцать лѣтъ.

Вашъ начальникъ губерніи исполняетъ свое призваніе отлично; онъ никому изъ васъ не сдѣлалъ зла, а многимъ дѣлалъ добро, и вы не можете не отдать ему этой справедливости. Популярности между вами я никогда не искалъ, а на признательность вашу не расчитываю; но вы меня уважаете, позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу, я въ томъ краѣ, ваши дѣти будутъ благодарны моимъ дѣтямъ въ этомъ увѣренъ.

Теперь вы приступите къ выборамъ; надѣюсь, что давнія службы найдутъ у васъ преимущество, что вы постараетесь оцѣнить по достоинству тѣхъ, которыхъ отличаетъ государь, и которые всегда защищали права дворянства и облегчали мнѣ то бремя, которое я такъ долго двигалъ. Простите, прощайте; если я умру, не поминайте лихомъ!

вые государи, инвентари, сдѣланные для блага помѣщиковъ, усилили ихъ власть, возвысили ихъ значеніе въ государствѣ и, опредѣливъ отношеніе крестьянина къ владѣльцу, опредѣлили крестьянскія права и обязанности. Случались отступленія отъ нѣкоторыхъ правилъ, но не со стороны самихъ помѣщиковъ, а только ихъ управляющихъ и экономовъ-поссесоровъ или же тѣхъ старыхъ бабъ, которымъ не платятъ, а которыя сами платятъ своимъ любовникамъ, во зло употребляющимъ помѣщичью власть. Послѣ введенія инвентарей—спрашиваю я васъ—упала ли цѣна на имѣнія? Я имѣю оффиціальныя свѣдѣнія, которыя доказываютъ противное.

Въ прошедшіе выборы я имѣлъ честь вамъ сказать, что на мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, нынѣ замѣщаемыя чиновниками, поступятъ дворяне по вашему усмотрѣнію, когда ознакомятся съ русскимъ языкомъ и законодательствомъ. Нынѣ, благодаря Бога, многіе познакомились съ русскимъ языкомъ, но тѣмъ не менѣе я въ настоящую минуту поставленъ въ невозможность не назначить на эти мѣста чиновниковъ по опредѣленію отъ правительства. Но это перемѣнится, и для этой цѣли я посылаю молодыхъ людей въ должность стряпчихъ, чтобъ они, привыкнувъ практически къ дѣлопроизводству, могли быть въ послѣдствіи времени полезны при дворянскихъ выборахъ, и тогда уже всѣ мѣста, согласно коренному закону, будутъ замѣщаемы дворянами по выборамъ дворянства.

Нынѣ по моей болѣзни и по милости нашего великаго государя я для излѣченія уволенъ въ отпускъ за границу на четыре мѣсяца; вмѣсто меня вступилъ въ управленіе тремя губерніями князь Васильчиковъ; это человѣкъ благороднѣйшихъ чувствъ; вы имъ удете довольны, коль исполнитъ онъ всѣ тяжкія обязанности того тяжкаго бремени, которое я несу четырнадцать лѣтъ.

Вашъ начальникъ губерніи исполняетъ свое призваніе отлично; онъ никому изъ васъ не сдѣлалъ зла, а многимъ дѣлалъ добро, и вы не можете не отдать ему этой справедливости. Популярности между вами я никогда не искалъ, а на признательность вашу не расчитываю; но вы меня уважаете, позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу, я въ томъ краѣ, ваши дѣти будутъ благодарны моимъ дѣтямъ въ этомъ увѣренъ.

Теперь вы приступите къ выборамъ; надѣюсь, что давнія службы найдутъ у васъ преимущество, что вы постараетесь оцѣнить по достоинству тѣхъ, которыхъ отличаетъ государь, и которые всегда защищали права дворянства и облегчали мнѣ то бремя, которое я такъ долго двигалъ. Простите, прощайте; если я умру, не поминайте лихомъ!

ДѢЛО О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПОДМЕТНОМЪ ПИСЬМѢ 1771 ГОДА.

Печатаемое нами подметное письмо Смолина представляетъ образецъ тѣхъ неблагопріятныхъ толковъ, которые были вызваны въ народѣ нѣкоторыми мѣрами правительства въ первой половинѣ Екатерининскаго царствованія. Юродствовавшій сочинитель этого письма, конечно, не можетъ быть сочтенъ лицомъ, вполнѣ отвѣтственнымъ за высказанные имъ протесты: по всей вѣроятности, въ своемъ гнѣвномъ посланіи онъ только изложилъ то, что̀ слышалъ кругомъ себя, преимущественно въ Тихвинскомъ монастырѣ. Это послѣднее предположеніе подтверждается въ особенности тѣмъ, что письмо Смолина вооружается главнымъ образомъ противъ извѣстнаго указа 26-го Февраля 1764 года объ отобраніи имѣній отъ монастырей. Извѣстно, что указъ этотъ вызвалъ рѣзкій протестъ со стороны тогдашняго митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича, и что дѣйствія этого духовнаго лица, а затѣмъ печальная судьба его пріобрѣли ему значительное сочувствіе въ народѣ. Можно думать, что память о пострадавшемъ іерархѣ, имя котораго упоминается въ письмѣ Смолина,—онъ еще былъ живъ въ 1771 году—также оказала свое вліяніе на автора письма.

Фанатизмомъ Смолина достаточно объясняется раздраженный тонъ его письма. Императрица такъ и взглянула на него, какъ на фанатика: послѣ пятилѣтняго заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости онъ былъ выпущенъ для постриженія въ монахи. „Въ Россіи фанатики не поощряются и не терпятся; съ ними обходятся, какъ съ одержимыми душевною болѣзнію“, сказала Екатерина въ своемъ „Антидотѣ“ (см. Осьмнадцатый вѣкъ, П. И. Бартенева, кн. 4-ая, стр. 337). На дѣлѣ она не могла буквально слѣдовать этимъ словамъ, но по крайней мѣрѣ старалась не смѣшивать искренній фанатизмъ съ коварнымъ злоумышленіемъ.

ДѢЛО О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПОДМЕТНОМЪ ПИСЬМѢ 1771 ГОДА.

Печатаемое нами подметное письмо Смолина представляетъ образецъ тѣхъ неблагопріятныхъ толковъ, которые были вызваны въ народѣ нѣкоторыми мѣрами правительства въ первой половинѣ Екатерининскаго царствованія. Юродствовавшій сочинитель этого письма, конечно, не можетъ быть сочтенъ лицомъ, вполнѣ отвѣтственнымъ за высказанные имъ протесты: по всей вѣроятности, въ своемъ гнѣвномъ посланіи онъ только изложилъ то, что̀ слышалъ кругомъ себя, преимущественно въ Тихвинскомъ монастырѣ. Это послѣднее предположеніе подтверждается въ особенности тѣмъ, что письмо Смолина вооружается главнымъ образомъ противъ извѣстнаго указа 26-го Февраля 1764 года объ отобраніи имѣній отъ монастырей. Извѣстно, что указъ этотъ вызвалъ рѣзкій протестъ со стороны тогдашняго митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича, и что дѣйствія этого духовнаго лица, а затѣмъ печальная судьба его пріобрѣли ему значительное сочувствіе въ народѣ. Можно думать, что память о пострадавшемъ іерархѣ, имя котораго упоминается въ письмѣ Смолина,—онъ еще былъ живъ въ 1771 году—также оказала свое вліяніе на автора письма.

Фанатизмомъ Смолина достаточно объясняется раздраженный тонъ его письма. Императрица такъ и взглянула на него, какъ на фанатика: послѣ пятилѣтняго заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости онъ былъ выпущенъ для постриженія въ монахи. „Въ Россіи фанатики не поощряются и не терпятся; съ ними обходятся, какъ съ одержимыми душевною болѣзнію“, сказала Екатерина въ своемъ „Антидотѣ“ (см. Осьмнадцатый вѣкъ, П. И. Бартенева, кн. 4-ая, стр. 337). На дѣлѣ она не могла буквально слѣдовать этимъ словамъ, но по крайней мѣрѣ старалась не смѣшивать искренній фанатизмъ съ коварнымъ злоумышленіемъ.

I.

Подметное письмо А. И. Смолина.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Ревнуя поревновахъ по Господѣ Богѣ Вседержителѣ, яко людіе Его оставиша законъ Его и поидоша въ слѣдъ похотей своихъ.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Доноситъ православный христіанинъ, а на кого и о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

Бывшій императоръ Петръ третій, иконоборецъ, Божіимъ изволеніемъ восточныя православно-каѳолическія церкви святыя великороссійскія сыновомъ за преумножившіеся грѣхи въ наказаніе воспріялъ престолъ всероссійскій, ибо онъ (какъ отъ Васъ въ манифестѣ объявлено) „возмечталъ о своей власти монаршей, яко бы оная не отъ Бога уставлена была, и не къ пользѣ и благополучію подданныхъ своихъ, но случайно къ нему въ руки впала“, началъ помышлять не яже суть Божія, но человѣческая, Создателю и закону Его противная, о которыхъ его богопротивныхъ дѣлахъ, въ 1762 году августа 12-го дня, обнародовано отъ Васъ въ указѣ тако: „изъ числа нововведенныхъ непорядковъ почитаемъ мы отнятіе изъ вѣдомства духовнаго чина деревень и прочихъ имѣній“; и ниже въ томъ же указѣ признаваете, что „почивающіе въ Бозѣ предки наши и прочіе доброхотные люди, любя благолѣпіе церквей Божіихъ и чинъ духовный, дали оному въ разныя времена и различными образы довольныя имѣнія“. И что вѣрнѣе сего требовать свидѣтельства—сами угодники Божіи, яко же можно видѣть въ Чекминеи, въ житіи святаго Іоанна, архіепископа Новгородскаго, сентемврія въ 7-й день почитаемаго, что онъ на данныя ему отъ Бога деньги „селъ множество монастырю купиша“. И еще ниже отрекаете таковыхъ присвоенія тако: „Не имѣемъ мы намѣренія и желанія присвоить себѣ церковныя имѣнія“. Это правда; да такъ бы и должно благочестія рачителю дѣлать. А послѣ въ скоромъ времени перемѣнилося твое намѣреніе, и чего прежде ненавидѣла, то возлюбила. Должно бы тебѣ подражать древней царицѣ Ѳеодорѣ, Ѳеофила иконоборца подружію, и за мужа своего просить преосвященныхъ архіереевъ и всего священнаго чина, дабы сотворили молитву, во еже оставитися грѣхамъ его, а не властительски повелѣвать, и святыя мѣста, отъ него обиженныя, снабдить и наградить; а ты тѣмъ же послѣдовала дѣламъ и его злыя начинанія привела въ окончаніе, святыхъ мѣстъ отняла вотчины и имѣнія, или лучше сказать, ограбила, и нынѣ отдаешь оныя графу Орлову и другимъ господамъ. И такъ, ты лучше возлюбила злолюбителей, которыя за

I.

Подметное письмо А. И. Смолина.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Ревнуя поревновахъ по Господѣ Богѣ Вседержителѣ, яко людіе Его оставиша законъ Его и поидоша въ слѣдъ похотей своихъ.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Доноситъ православный христіанинъ, а на кого и о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

Бывшій императоръ Петръ третій, иконоборецъ, Божіимъ изволеніемъ восточныя православно-каѳолическія церкви святыя великороссійскія сыновомъ за преумножившіеся грѣхи въ наказаніе воспріялъ престолъ всероссійскій, ибо онъ (какъ отъ Васъ въ манифестѣ объявлено) „возмечталъ о своей власти монаршей, яко бы оная не отъ Бога уставлена была, и не къ пользѣ и благополучію подданныхъ своихъ, но случайно къ нему въ руки впала", началъ помышлять не яже суть Божія, но человѣческая, Создателю и закону Его противная, о которыхъ его богопротивныхъ дѣлахъ, въ 1762 году августа 12-го дня, обнародовано отъ Васъ въ указѣ тако: „изъ числа нововведенныхъ непорядковъ почитаемъ мы отнятіе изъ вѣдомства духовнаго чина деревень и прочихъ имѣній"; и ниже въ томъ же указѣ признаваете, что „почивающіе въ Бозѣ предки наши и прочіе доброхотные люди, любя благолѣпіе церквей Божіихъ и чинъ духовный, дали оному въ разныя времена и различными образы довольныя имѣнія". И что вѣрнѣе сего требовать свидѣтельства—сами угодники Божіи, яко же можно видѣть въ Чекминеи, въ житіи святаго Іоанна, архіепископа Новгородскаго, сентемврія въ 7-й день почитаемаго, что онъ на данныя ему отъ Бога деньги „селъ множество монастырю купиша". И еще ниже отрекаете таковыхъ присвоенія тако: „Не имѣемъ мы намѣренія и желанія присвоить себѣ церковныя имѣнія". Это правда; да такъ бы и должно благочестія рачителю дѣлать. А послѣ въ скоромъ времени перемѣнилося твое намѣреніе, и чего прежде ненавидѣла, то возлюбила. Должно бы тебѣ подражать древней царицѣ Ѳеодорѣ, Ѳеофила иконоборца подружію, и за мужа своего просить преосвященныхъ архіереевъ и всего священнаго чина, дабы сотворили молитву, во еже оставитися грѣхамъ его, а не властительски повелѣвать, и святыя мѣста, отъ него обиженныя, снабдить и наградить; а ты тѣмъ же послѣдовала дѣламъ и его злыя начинанія привела въ окончаніе, святыхъ мѣстъ отняла вотчины и имѣнія, или лучше сказать, ограбила, и нынѣ отдаешь оныя графу Орлову и другимъ господамъ. И такъ, ты лучше возлюбила злолюбителей, которыя за

собаку человѣка не боятся убить, и для ихъ не ужаснулась разорить святыя обители и чрезъ то многіе небогатые монастыри и пустыни привела въ опустошеніе; идѣже прежде приносили священницы безкровную жертву за себя и о людскихъ невѣжествіяхъ, тутъ нынѣ пусто, и имя Божіе остается безъ прославленія; а которые хотя вовсе не разорены, но положены въ штатъ монастыри, въ оныхъ за ветхостію хотя и крышки обвалятся, такъ безъ твоего повелѣнія и указа чинить нельзя. О, богомерзкое повелѣніе! Откуда ты, скажи пожалуй, взяла власть надъ церковнымъ имѣніемъ, идѣже (яко же въ житіи Златоустаго пишется) власти духовныя поставлены суть отъ Бога.

Воровъ повелѣваешь за грабительство и обиды народа наказывать нещадно, а ты чего достойна за разореніе святыхъ монастырей; на тебя суда сыскать негдѣ; токмо всѣ единодушно благочестія рачители со воздыханіемъ, въ умиленіи прося обороны, къ Богу вопіютъ тако: „О, Владыко, стани въ помощь и изсуни мечь сопротивъ гонящихъ церковь святую Твою“. И учинилася ты чрезъ то вторая Евдокія; оная желала похищати чуждыя имѣнія, токмо не церковныя, и обличающаго ю златочнаго источника святаго Іоанна Златоустаго сослала въ заточеніе, а ты преосвященнаго архіерея Божіяго престола митрополита Ростовскаго, обличающаго тя по правдѣ, также сослала, лишивъ сана съ безчестіемъ, въ ссылку. И посмотри что̀ претерпѣла древняя Евдокія за озлобленіе святаго и досады, и за несытое сребролюбіе, яже есть всему злу корень: жива, червьми ядома была, по смерти же 32 лѣта гробница ея тряслася. Изволь же разсудить: она только за то наказана, что людскія имѣнія отнимала, а ты святыхъ отецъ трудами и молитвами созданныя и Богомъ прославленныя обители и монастыри ограбила и разорила,—что̀ надѣешься получить? Покайся и говори Закхево слово ко Господу: „се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ, и аще кого чѣмъ обидѣхъ, возвращу четверицею“, да сподобишися слышати прелюбезнѣйшій гласъ оный: „днесь спасеніе дому сему бысть“. И помни, яко имаши воздати отвѣтъ о твоемъ правосудіи въ день откровенія и праведнаго суда Божія.

Еще можно тебя назвать второю Семирамидою. Оная явно опубликовала указъ, кто съ кѣмъ хочетъ, тотъ такъ и живи; а ты умышленно, яко бы сожалѣя о душегубствѣ, не для послабленія ко грѣху, но для избѣжанія сугубаго, повелѣла отъ приносящихъ незаконно рожденныхъ младенцевъ, не спрашивая и о имени, отъ кого и кто принесъ, принимать, еще же и награжденіе давать. О, пресквернное повелѣніе! Такъ ли бы должно избѣжать грѣха! Ежели бы твое намѣреніе къ тому было, ты бы повелѣла обличившимся крѣпко наблюдать зачавшееся во чревѣ со всякимъ прилежаніемъ, подъ опасеніемъ за умышленіе тягчайшаго наказанія, а по разрѣшеніи наказывать духовнымъ наказаніемъ публично, какъ правила святыхъ отецъ повелѣваютъ.

Въ здѣшнемъ царствующемъ градѣ—можетъ быть, не безъизвѣстно и Вамъ, какъ живутъ злолюбители господа; жены отъ Бога имъ

собаку человѣка не боятся убить, и для ихъ не ужаснулась разорить святыя обители и чрезъ то многіе небогатые монастыри и пустыни привела въ опустошеніе; идѣже прежде приносили священницы безкровную жертву за себя и о людскихъ невѣжествіяхъ, тутъ нынѣ пусто, и имя Божіе остается безъ прославленія; а которые хотя вовсе не разорены, но положены въ штатъ монастыри, въ оныхъ за ветхостію хотя и крышки обвалятся, такъ безъ твоего повелѣнія и указа чинить нельзя. О, богомерзкое повелѣніе! Откуда ты, скажи пожалуй, взяла власть надъ церковнымъ имѣніемъ, идѣже (яко же въ житіи Златоустаго пишется) власти духовныя поставлены суть отъ Бога.

Воровъ повелѣваешь за грабительство и обиды народа наказывать нещадно, а ты чего достойна за разореніе святыхъ монастырей; на тебя суда сыскать негдѣ; токмо всѣ единодушно благочестія рачители со воздыханіемъ, въ умиленіи прося обороны, къ Богу вопіютъ тако: „О, Владыко, стани въ помощь и изсуни мечь сопротивъ гонящихъ церковь святую Твою“. И учинилася ты чрезъ то вторая Евдокія; оная желала похищати чуждыя имѣнія, токмо не церковныя, и обличающаго ю златочнаго источника святаго Іоанна Златоустаго сослала въ заточеніе, а ты преосвященнаго архіерея Божіяго престола митрополита Ростовскаго, обличающаго тя по правдѣ, также сослала, лишивъ сана съ безчестіемъ, въ ссылку. И посмотри что̀ претерпѣла древняя Евдокія за озлобленіе святаго и досады, и за несытое сребролюбіе, яже есть всему злу корень: жива, червьми ядома была, по смерти же 32 лѣта гробница ея тряслася. Изволь же разсудить: она только за то наказана, что людскія имѣнія отнимала, а ты святыхъ отецъ трудами и молитвами созданныя и Богомъ прославленныя обители и монастыри ограбила и разорила,—что̀ надѣешься получить? Покайся и говори Закхево слово ко Господу: „се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ, и аще кого чѣмъ обидѣхъ, возвращу четверицею“, да сподобишися слышати прелюбезнѣйшій гласъ оный: „днесь спасеніе дому сему бысть“. И помни, яко имаши воздати отвѣтъ о твоемъ правосудіи въ день откровенія и праведнаго суда Божія.

Еще можно тебя назвать второю Семирамидою. Оная явно опубликовала указъ, кто съ кѣмъ хочетъ, тотъ такъ и живи; а ты умышленно, яко бы сожалѣя о душегубствѣ, не для послабленія ко грѣху, но для избѣжанія сугубаго, повелѣла отъ приносящихъ незаконно рожденныхъ младенцевъ, не спрашивая и о имени, отъ кого и кто принесъ, принимать, еще же и награжденіе давать. О, пресквернoе повелѣніе! Такъ ли бы должно избѣжать грѣха! Ежели бы твое намѣреніе къ тому было, ты бы повелѣла обличившимся крѣпко наблюдать зачавшееся во чревѣ со всякимъ прилежаніемъ, подъ опасеніемъ за умышленіе тягчайшаго наказанія, а по разрѣшеніи наказывать духовнымъ наказаніемъ публично, какъ правила святыхъ отецъ повелѣваютъ.

Въ здѣшнемъ царствующемъ градѣ—можетъ быть, не безъизвѣстно и Вамъ, какъ живутъ злолюбители господа; жены отъ Бога имъ

данныя оставляютъ, послѣдуя ученію николаитску, его же Христосъ ненавидитъ; кто съ какою похочетъ, такъ и живутъ беззаконно, и постовъ святыхъ, яже уставиша святые апостолы, истинные отцы, и нехранителей оныхъ проклятію предали, не содержатъ; слушаютъ ненавистниковъ православія, нѣмецкихъ докторовъ и лѣкарей, а о правилахъ святыхъ отецъ—не токмо по онымъ поступать, стыдятся о нихъ и говорить; не разбирая качества, въ пищѣ всегда ѣдятъ мясо. А подлый народъ въ гостинницахъ (трактирахъ) публично творятъ блудодѣяніе, еже видя, лютеры и калвины и прочіе еретики укоряютъ насъ, православныхъ христіанъ, и говорятъ: язычники де гнушаются таковыхъ скаредствъ и мерзостей, а людіи Божіи, родъ избранный, царское священіе, въ тѣхъ дѣлахъ невозбранно находятся. А кто тому причина? Безразсудное правленіе твое, о, Екатерина! Чрезъ то собывается на семъ градѣ видѣніе св. Іоанна Богослова, въ Апокалипсисѣ въ главѣ 17-й, въ стихѣ 5-мъ написанное: „Тайна: Вавилонъ великій, мати любодѣицамъ и мерзостемъ земскимъ“; въ главѣ 18, стихъ 2-й, объявляетъ, что онъ слышалъ отъ ангела, какое тому граду Богъ опредѣлилъ мздовоздаяніе глаголя: „Паде, паде Вавилонъ великій, и бысть жилище бѣсомъ, и хранитель всякому духу нечисту, и хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ и ненавидимыхъ: яко отъ вина ярости любодѣянія своего напои вся языки, и царіе земстіи съ нею любодѣяша, и купцы земстіи отъ силы пищи ея разбогатѣша“.

Въ семъ градѣ паденіе православными христіанами уже видится: дозволено лютерамъ и калвинамъ и прочимъ еретикамъ свои ереси наполненныя церкви строить; а вселенскій учитель, святый Златоустъ, на прошеніе Гаины воеводы, аріанина, отъ царя Аркадія, во еже имѣти церковь во Царѣградѣ, великій Іоаннъ отвѣща ему глаголя: „Царь аще хощетъ богобоязненъ быти, то не имать орудія къ церквамъ Божіимъ, въ нихъ же духовныя власти поставлени суть отъ Бога; ты же аще церкве требуеши, то вниди въ кую-либо хощеши и молися, се бо вся церкви во градѣ отверсты тебѣ суть“.

Россійскіе еретики, возобновившіе ересь акефалитовъ, и другіе многіе, по сказанію иже во святыхъ отца нашего Димитрія митрополита Ростовскаго (Розыскъ, часть I-я, глава 20 и 28), приходящіе съ озера Онега изъ Даниловой пустыни и изъ другихъ мѣстъ, или лучше сказать, посланные отъ отца ихъ сатаны, въ здѣшнемъ градѣ и другихъ всѣваютъ посреди пшеницы плевелы; собирающіеся тайно (въ подмольяхъ) совершаютъ свои еретическія молитвы и тѣмъ прельщаютъ и привлекаютъ къ себѣ простѣйшихъ и заблудшихъ отъ пути истины человѣковъ, явно хулятъ невѣсту Христову, церковь святую, и угодника Божія Димитрія Ростовскаго, обличающаго и на чреду всѣ ихъ лукавыя дѣла износящаго, аки зло пресквернoe лаютъ и ругаютъ. Въ патріаршество святаго Іоанна Златоустаго (яко же въ житіи его пишется), бѣ еще множество аріанъ въ Царѣградѣ, еже видя присноблаженнѣйшій святый Іоаннъ Златоустъ; по предложеніи примѣра, рече царю Аркадію: „Подобаетъ убо тебѣ, да или къ соединенію вѣры еретиковъ приведеши, или отъ

данныя оставляютъ, послѣдуя ученію николаитску, его же Христосъ ненавидитъ; кто съ какою похочетъ, такъ и живутъ беззаконно, и постовъ святыхъ, яже уставиша святые апостолы, истинные отцы, и нехранителей оныхъ проклятію предали, не содержатъ; слушаютъ ненавистниковъ православія, нѣмецкихъ докторовъ и лѣкарей, а о правилахъ святыхъ отецъ—не токмо по онымъ поступать, стыдятся о нихъ и говорить; не разбирая качества, въ пищѣ всегда ѣдятъ мясо. А подлый народъ въ гостинницахъ (трактирахъ) публично творятъ блудодѣяніе, еже видя, лютеры и калвины и прочіе еретики укоряютъ насъ, православныхъ христіанъ, и говорятъ: язычники де гнушаются таковыхъ скаредствъ и мерзостей, а людіи Божіи, родъ избранный, царское священіе, въ тѣхъ дѣлахъ невозбранно находятся. А кто тому причина? Безразсудное правленіе твое, о, Екатерина! Чрезъ то сбывается на семъ градѣ видѣніе св. Іоанна Богослова, въ Апокалипсисѣ въ главѣ 17-й, въ стихѣ 5-мъ написанное: „Тайна: Вавилонъ великій, мати любодѣицамъ и мерзостемъ земскимъ“; въ главѣ 18, стихъ 2-й, объявляетъ, что онъ слышалъ отъ ангела, какое тому граду Богъ опредѣлилъ мздовоздаяніе глаголя: „Паде, паде Вавилонъ великій, и бысть жилище бѣсомъ, и хранитель всякому духу нечисту, и хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ и ненавидимыхъ: яко отъ вина ярости любодѣянія своего напои вся языки, и царіе земстіи съ нею любодѣяша, и купцы земстіи отъ силы пищи ея разбогатѣша“.

Въ семъ градѣ паденіе православными христіанами уже видится: дозволено лютерамъ и калвинамъ и прочимъ еретикамъ свои ересси наполненныя церкви строить; а вселенскій учитель, святый Златоустъ, на прошеніе Гаины воеводы, аріанина, отъ царя Аркадія, во еже имѣти церковь во Царѣградѣ, великій Іоаннъ отвѣща ему глаголя: „Царь аще хощетъ богобоязненъ быти, то не имать орудія къ церквамъ Божіимъ, въ нихъ же духовныя власти поставлени суть отъ Бога; ты же аще церкве требуеши, то вниди въ кую-либо хощеши и молися, се бо вся церкви во градѣ отверсты тебѣ суть“.

Россійскіе еретики, возобновившіе ересь акефалитовъ, и другіе многіе, по сказанію иже во святыхъ отца нашего Димитрія митрополита Ростовскаго (Розыскъ, часть I-я, глава 20 и 28), приходящіе съ озера Онега изъ Даниловой пустыни и изъ другихъ мѣстъ, или лучше сказать, посланные отъ отца ихъ сатаны, въ здѣшнемъ градѣ и другихъ всѣваютъ посреди пшеницы плевелы; собирающіеся тайно (въ подмольяхъ) совершаютъ свои еретическія молитвы и тѣмъ прельщаютъ и привлекаютъ къ себѣ простѣйшихъ и заблудшихъ отъ пути истины человѣковъ, явно хулятъ невѣсту Христову, церковь святую, и угодника Божія Димитрія Ростовскаго, обличающаго и на чреду всѣ ихъ лукавыя дѣла износящаго, аки зло пресквернoe лаютъ и ругаютъ. Въ патріаршество святаго Іоанна Златоустаго (яко же въ житіи его пишется), бѣ еще множество аріанъ въ Царѣградѣ, еже видя присноблаженнѣйшій святый Іоаннъ Златоустъ; по предложеніи примѣра, рече царю Аркадію: „Подобаетъ убо тебѣ, да или къ соединенію вѣры еретиковъ приведеши, или отъ

града ижденеши ихъ". Нпже тогда царь повелѣ ихъ изгнати изъ града. И тебѣ убо, о, Екатерина, подобаетъ подражать дѣламъ Аркадія; а буде ты сказаннаго Златоустомъ перваго или втораго опредѣленія не исполнишь, то непремѣнно сбудутся, и нынѣ уже сбываются вышепоказанныя апокалипсическія во градѣ святаго Петра слова: „и бысть жилище бѣсомъ", иже живутъ въ еллинскихъ и раскольническихъ гробницахъ, „и хранитель всякому духу нечисту", иже дѣйствуетъ въ еретическихъ и раскольническихъ сердцахъ, „и хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ и ненавидимыхъ", се есть еретиковъ враговъ и раздирателей церковныхъ, и претыкающихся о главу ея, иже яко и птицы нечистыя приходятъ отъ еретическихъ жилищъ и поселяются отъ оныхъ сожитія. И сіе слово порфиру носящаго пророка, псаломъ 105-й, сбывается: „И смѣсишася во языцѣхъ, и навыкоша дѣломъ ихъ".

Злолюбители Нѣмцамъ послѣдуютъ, а купцы и разночинцы, которые не на камени православнаго исповѣданія, но на песцѣ невѣдѣнія основаны, прельщаются отъ раскольниковъ и оторгаются отъ церкви святыя; и поработиша истину къ инымъ ихъ, и бысть имъ въ соблазнъ (выше писано житіе христіанское въ соблазнъ язычникамъ), и пожроша сыны своя и дщери своя бѣсомъ. Тогда пожирали тѣлесно, а нынѣ злолюбители дѣтей своихъ пожираютъ духовно, отдающе ихъ въ наученіе не страху Божію, яже есть начало премудрости, но сатанѣ на увеселеніе. То есть: отрокъ и азовъ не училъ, а уже объ немъ и соболѣзнуютъ, что онъ плясать и танцовать не умѣетъ; а того будто и не знаютъ, какъ за плясаніе казнитъ Богъ; пишется во Евангеліи у Матѳея святаго, зачало 57-е: „Пляса дщи Иродіадина посредѣ и угоди Иродови". А наконецъ что пострадала, всякъ про то знаетъ. Сей случай намъ въ незабвеніи должно памяти содержать, дабы мы возмогли такой ужасной казни избѣжать.

Еще напомяну тебѣ и сіе, какого тотъ человѣкъ достоинъ наказанія, который восхотѣлъ тебя, Богомъ опредѣленную царскаго престола лишить и уничтожить, а вмѣсто тебя возвести недостойнаго. Былъ и достойный, и прежде тебя царемъ постановленный, блаженныя памяти государь Іоаннъ Антоновичъ, но токмо ты его своими коварными и умышленными происками, Бога не боясь и людей не стыдясь, не ужаснулася словесъ Божіихъ, сказанныхъ къ Каину: „гласъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли", возвигнула руку на раба Господня и убила. Надобно думать, что ты, когда бы узнала про того измѣнника, всячески бы старалась врагу своему отомстить и живота лишить, чтобы и впредь такъ не отважились и другіе дѣлать; но благій Человѣколюбецъ, хотя и видитъ бѣду обителей монастырей святыхъ, отъ тебя разоренныхъ, и вопль ихъ слышитъ и болѣзнь ихъ видитъ, но даетъ тебѣ время на покаяніе, не хощетъ бо смерти грѣшника, но приводя тебя къ покаянію, милосердо наказуетъ подданныхъ твоихъ хлѣбонедородами и во всякихъ промыслахъ противъ прежнихъ временъ недостаткомъ; но ты, имѣя окаменѣлое сердце, яко фараонъ, видя цѣны умно-

града ижденеши ихъ". Ниже тогда царь повелѣ ихъ изгнати изъ града. И тебѣ убо, о, Екатерина, подобаетъ подражать дѣламъ Аркадія; а буде ты сказаннаго Златоустомъ перваго или втораго опредѣленія не исполнишь, то непремѣнно сбудутся, и нынѣ уже сбываются вышепоказанныя апокалипсическія во градѣ святаго Петра слова: „и бысть жилище бѣсомъ", иже живутъ въ еллинскихъ и раскольническихъ гробницахъ, „и хранитель всякому духу нечисту", иже дѣйствуетъ въ еретическихъ и раскольническихъ сердцахъ, „и хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ и ненавидимыхъ", се есть еретиковъ враговъ и раздирателей церковныхъ, и претыкающихся о главу ея, иже яко и птицы нечистыя приходятъ отъ еретическихъ жилищъ и поселяются отъ оныхъ сожитія. И сіе слово порфиру носящаго пророка, псаломъ 105-й, сбывается: „И смѣсишася во языцѣхъ, и навыкоша дѣломъ ихъ".

Злолюбители Нѣмцамъ послѣдуютъ, а купцы и разночинцы, которые не на камени православнаго исповѣданія, но на песцѣ невѣдѣнія основаны, прельщаются отъ раскольниковъ и оторгаются отъ церкви святыя; и поработиша истину къ инымъ ихъ, и бысть имъ въ соблазнъ (выше писано житіе христіанское въ соблазнъ язычникамъ), и пожроша сыны своя и дщери своя бѣсомъ. Тогда пожирали тѣлесно, а нынѣ злолюбители дѣтей своихъ пожираютъ духовно, отдающе ихъ въ наученіе не страху Божію, яже есть начало премудрости, но сатанѣ на увеселеніе. То есть: отрокъ и азовъ не училъ, а уже объ немъ и соболѣзнуютъ, что онъ плясать и танцовать не умѣетъ; а того будто и не знаютъ, какъ за плясаніе казнитъ Богъ; пишется во Евангеліи у Матѳея святаго, зачало 57-е: „Пляса дщи Иродіадина посредѣ и угоди Иродови". А наконецъ что пострадала, всякъ про то знаетъ. Сей случай намъ въ незабвеніи должно памяти содержать, дабы мы возмогли такой ужасной казни избѣжать.

Еще напомяну тебѣ и сіе, какого тотъ человѣкъ достоинъ наказанія, который восхотѣлъ тебя, Богомъ опредѣленную царскаго престола лишить и уничтожить, а вмѣсто тебя возвести недостойнаго. Былъ и достойный, и прежде тебя царемъ постановленный, блаженныя памяти государь Іоаннъ Антоновичъ, но токмо ты его своими коварными и умышленными происками, Бога не боясь и людей не стыдясь, не ужаснулася словесъ Божіихъ, сказанныхъ къ Каину: „гласъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли", возвигнула руку на раба Господня и убила. Надобно думать, что ты, когда бы узнала про того измѣнника, всячески бы старалась врагу своему отомстить и живота лишить, чтобы и впредь такъ не отважились и другіе дѣлать; но благій Человѣколюбецъ, хотя и видитъ бѣду обителей монастырей святыхъ, отъ тебя разоренныхъ, и вопль ихъ слышитъ и болѣзнь ихъ видитъ, но даетъ тебѣ время на покаяніе, не хощетъ бо смерти грѣшника, но приводя тебя къ покаянію, милосердо наказуетъ подданныхъ твоихъ хлѣбонедородами и во всякихъ промыслахъ противъ прежнихъ временъ недостаткомъ; но ты, имѣя окаменѣлое сердце, яко фараонъ, видя цѣны умно-

жающіяся, думаешь, что народъ подлый разбогатился, прибавляешь болѣзнь къ болѣзни, умножая оброки и подати. О, безумія и обиды исполненное повелѣніе! А деньги тратишь безразсудно. Блаженныя памяти отецъ отечества, Петръ Великій имѣлъ завсегда брани, защищая отечество, а податей собиралъ меньше. Съ твоего на престолъ вступленія все государство пришло въ скудность; сбываются въ послѣднемъ времени Владыки и Спасителя нашего предвозвѣщенныя слова: „возстанетъ языкъ на языкъ, царство на царство, и будутъ глади и пагубы, и трусы по мѣстамъ“. Такъ нынѣ и дѣлается: въ Архангелогородской губерніи въ поморскихъ мѣстахъ, за неимѣніемъ хлѣба ѣдятъ сосновую корку; многіе отъ глада и умерли; отъ онаго порта хотя и не велѣно отпускать хлѣба за море, но воръ губернаторъ, пріемля подарки отъ Нѣмцевъ, сверхъ указаннаго повелѣнія отпускаетъ хлѣба множество, и отъ дороговизны оная губернія приходитъ въ крайнее разореніе.

Прошу еще выслушать заключеніе. Ежели ты не возвратишь монастырскія имѣнія на прежнихъ основаніяхъ и законахъ, не присоединишь или не изгонишь еретиковъ и раскольниковъ изъ россійскихъ городовъ, не повелишь злолюбителямъ ненарушимо содержать христіанскіе законы, не запретишь въ трактирахъ блудодѣйствовать, не облегчишь подати, не запретишь за море отпуска хлѣба, то всегда опасайся, что преисполненныя противностей закону Божію и правиламъ святыхъ отцевъ твои безумныя повелѣнія, то есть, разореніе святыхъ обителей и монастырей, обиды и тягости государства, воспламенятъ сыновъ церкви и отечества въ сердцахъ ярости непремѣнно; ежели ты на прежнихъ основаніяхъ не утвердишь, не избѣгнешь рукъ озлобленныхъ тобою и раздраженныхъ.

Сіе доношеніе писано простолюдиномъ. Въ семинаріи я не былъ, краснорѣчію и прочихъ наукъ не учился; итакъ, прошу всякую мою погрѣшность простить, и что̀ не исправно—исправить. Не мнѣ быть мудрымъ о себѣ, но хотя и не красно сочинено, токмо дѣло сказано; знаю я, что не за свое дѣло принялся, чтобы мнѣ тебя обличать: есть на то апостольскіе намѣстники и учители церковные. Но токмо какъ скоро они тебѣ представятъ твои погрѣшности, тотъ же часъ своимъ милосердіемъ наградишь, лишивъ чиновъ, и ссылаешь въ ссылку, какъ выше объявлено объ Ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи. И такъ, хотя и видятъ, соболѣзнуя сердцемъ по благочестіи, преосвященные архіереи, духовные чины и всѣ православные христіане, страшася твоего правосудія, понеже обличателей нагло обидишь, молчатъ. Да сбудется Писаніе: „Аще сіи умолчатъ, каменіе возопіетъ“. Вѣрный сынъ, видя матерь обидѣнную, старается хоть и кровь свою пролить, только врага побѣдить и возлюбленную своею побѣдою прославить; азъ окаянный въ своемъ окѣ бревна не чую, изъ твоего хочу сучецъ вынуть; не могъ утерпѣть, чтобы тебѣ не представить о такой твоей наглости, то есть, о разореніи святыхъ монастырей, когда ты сама очувствоваться не можешь; понеже я отъ тебя милости не ищу; обидѣть тебѣ меня не чѣмъ, только развѣ прикажешь казнить; такъ я, помня Стефана

жающіяся, думаешь, что народъ подлый разбогатился, прибавляешь болѣзнь къ болѣзни, умножая оброки и подати. О, безумія и обиды исполненное повелѣніе! А деньги тратишь безразсудно. Блаженныя памяти отецъ отечества, Петръ Великій имѣлъ завсегда брани, защищая отечество, а податей собиралъ меньше. Съ твоего на престолъ вступленія все государство пришло въ скудность; сбываются въ послѣднемъ времени Владыки и Спасителя нашего предвозвѣщенныя слова: „возстанетъ языкъ на языкъ, царство на царство, и будутъ глади и пагубы, и трусы по мѣстамъ". Такъ нынѣ и дѣлается: въ Архангелогородской губерніи въ поморскихъ мѣстахъ, за неимѣніемъ хлѣба ѣдятъ сосновую корку; многіе отъ глада и умерли; отъ онаго порта хотя и не велѣно отпускать хлѣба за море, но воръ губернаторъ, пріемля подарки отъ Нѣмцевъ, сверхъ указаннаго повелѣнія отпускаетъ хлѣба множество, и отъ дороговизны оная губернія приходитъ въ крайнее разореніе.

Прошу еще выслушать заключеніе. Ежели ты не возвратишь монастырскія имѣнія на прежнихъ основаніяхъ и законахъ, не присоединишь или не изгонишь еретиковъ и раскольниковъ изъ россійскихъ городовъ, не повелишь злолюбителямъ ненарушимо содержать христіанскіе законы, не запретишь въ трактирахъ блудодѣйствовать, не облегчишь подати, не запретишь за море отпуска хлѣба, то всегда опасайся, что преисполненныя противностей закону Божію и правиламъ святыхъ отцевъ твои безумныя повелѣнія, то есть, разореніе святыхъ обителей и монастырей, обиды и тягости государства, воспламенятъ сыновъ церкви и отечества въ сердцахъ ярости непремѣнно; ежели ты на прежнихъ основаніяхъ не утвердишь, не избѣгнешь рукъ озлобленныхъ тобою и раздраженныхъ.

Сіе доношеніе писано простолюдиномъ. Въ семинаріи я не былъ, краснорѣчію и прочихъ наукъ не учился; итакъ, прошу всякую мою погрѣшность простить, и что̀ не исправно—исправить. Не мнѣ быть мудрымъ о себѣ, но хотя и не красно сочинено, токмо дѣло сказано; знаю я, что не за свое дѣло принялся, чтобы мнѣ тебя обличать: есть на то апостольскіе намѣстники и учители церковные. Но токмо какъ скоро они тебѣ представятъ твои погрѣшности, тотъ же часъ своимъ милосердіемъ наградишь, лишивъ чиновъ, и ссылаешь въ ссылку, какъ выше объявлено объ Ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи. И такъ, хотя и видятъ, соболѣзнуя сердцемъ по благочестіи, преосвященные архіереи, духовные чины и всѣ православные христіане, страшася твоего правосудія, понеже обличателей нагло обидишь, молчатъ. Да сбудется Писаніе: „Аще сіи умолчатъ, каменіе возопіетъ". Вѣрный сынъ, видя матерь обидѣнную, старается хоть и кровь свою пролить, только врага побѣдить и возлюбленную своею побѣдою прославить; азъ окаянный въ своемъ окѣ бревна не чую, изъ твоего хочу сучецъ вынуть; не могъ утерпѣть, чтобы тебѣ не представить о такой твоей наглости, то есть, о разореніи святыхъ монастырей, когда ты сама очувствоваться не можешь; понеже я отъ тебя милости не ищу; обидѣть тебѣ меня не чѣмъ, только развѣ прикажешь казнить; такъ я, помня Стефана

новаго, ноября въ 28-й день почитаемаго,—не уподобляю себя, паче всѣхъ сквернѣйшій, яже прежде закона, и въ законѣ окаянный и благодати, таковому великому свѣтилу церковному, кто бы назоветъ сажу снѣгомъ, и желчь медомъ, и тьму свѣтомъ, но токмо подражая любви яже къ Богу, избоязненно слово его говорю: „аще бы имѣлъ крове во мнѣ едину точію горсть сію, и ту за икону Христову проліяти не пощадѣлъ бы", а я за благочестіе готовъ стать и душу мою положить, помня сказанное учителемъ языковъ: мнѣ бо еже жити Христосъ, и еже пріобрѣтеніе есть. Не убойся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити. Аминь.

II.

Экстрактъ изъ допроса Смолину.

1771 года марта 10-го дня, къ генералъ-прокурору князю Вяземскому святѣйшаго синода оберъ-прокуроромъ Чебышевымъ принесенъ пакетъ, на коемъ подписано *изъ Новгородской духовной консисторіи*, распечатанный, о коемъ объявилъ, что оный распечатанъ синодскимъ экзекуторомъ, но коль скоро распечаталъ, то нашелъ въ оном вложенную въ осьмуху листа тетрадку, въ коей въ самомъ заглавіи усмотрѣно написанныя важныя рѣчи. Почему де болѣе и не читалъ, а представилъ къ нему оберъ-прокурору при репортѣ. А въ то же самое время оберъ-секретарь Шишковской ему же генералъ-прокурору доносилъ, что Тверской архіерей Платонъ пишетъ къ нему Шишковскому письмо, въ коемъ изъясняетъ, что явился къ нему одинъ человѣкъ, глаголящій развращенныя и злодѣйственныя, коего онъ и стережетъ, и при томъ требуетъ совѣта, что̀ ему съ тѣмъ человѣкомъ дѣлать надобно; почему отъ него генералъ-прокурора оному Шишковскому приказано того человѣка неизвѣстнаго отъ его преосвященства взять и привесть въ домъ къ нему генералъ-прокурору, по которому приказанію оберъ-секретарь Шишковской къ преосвященному Платону ѣздилъ и, возвратясь, ему генералъ-прокурору донесъ, что его преосвященство отдалъ ему Шишковскому тетрадку, писанную въ осьмуху листа, о которой объявилъ, что де оную тетрадишку подалъ тотъ неизвѣстный человѣкъ, о которомъ онъ въ письмѣ къ нему Шишковскому писалъ, а какъ де въ оной написаны важныя злодѣйскія слова, то де онъ того человѣка содержалъ подъ карауломъ,—коего онъ Шишковской, а равно и показанную тетрадишку, ему генералъ-прокурору и объявилъ. Послѣ чего оный неизвѣстный человѣкъ въ присутствіи его генералъ-прокурора, по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, спрашиванъ и показалъ слѣдующее:

Зовутъ де его Алексѣемъ Ивановымъ сыномъ Смолинымъ, города Устюжа Великаго купецъ, и тому нынѣ третій годъ, изъ Устюга отпущенъ онъ съ паспортомъ для торговаго промысла въ Петер-

новаго, ноября въ 28-й день почитаемаго,—не уподобляю себя, паче всѣхъ сквернѣйшій, яже прежде закона, и въ законѣ окаянный и благодати, таковому великому свѣтилу церковному, кто бы назоветъ сажу снѣгомъ, и желчь медомъ, и тьму свѣтомъ, но токмо подражая любви яже къ Богу, избоязненно слово его говорю: „аще бы имѣлъ крове во мнѣ едину точію горсть сію, и ту за икону Христову проліяти не пощадѣлъ бы", а я за благочестіе готовъ стать и душу мою положить, помня сказанное учителемъ языковъ: мнѣ бо еже жити Христосъ, и еже пріобрѣтеніе есть. Не убойся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити. Аминь.

II.

Экстрактъ изъ допроса Смолину.

1771 года марта 10-го дня, къ генералъ-прокурору князю Вяземскому святѣйшаго синода оберъ-прокуроромъ Чебышевымъ принесенъ пакетъ, на коемъ подписано *изъ Новгородской духовной консисторіи*, распечатанный, о коемъ объявилъ, что оный распечатанъ синодскимъ экзекуторомъ, но коль скоро распечаталъ, то нашелъ въ оном вложенную въ осьмуху листа тетрадку, въ коей въ самомъ заглавіи усмотрѣно написанныя важныя рѣчи. Почему де болѣе и не читалъ, а представилъ къ нему оберъ-прокурору при репортѣ. А въ то же самое время оберъ-секретарь Шишковской ему же генералъ-прокурору доносилъ, что Тверской архіерей Платонъ пишетъ къ нему Шишковскому письмо, въ коемъ изъясняетъ, что явился къ нему одинъ человѣкъ, глаголящій развращенныя и злодѣйственныя, коего онъ и стережетъ, и при томъ требуетъ совѣта, что̀ ему съ тѣмъ человѣкомъ дѣлать надобно; почему отъ него генералъ-прокурора оному Шишковскому приказано того человѣка неизвѣстнаго отъ его преосвященства взять и привесть въ домъ къ нему генералъ-прокурору, по которому приказанію оберъ-секретарь Шишковской къ преосвященному Платону ѣздилъ и, возвратясь, ему генералъ-прокурору донесъ, что его преосвященство отдалъ ему Шишковскому тетрадку, писанную въ осьмуху листа, о которой объявилъ, что де оную тетрадишку подалъ тотъ неизвѣстный человѣкъ, о которомъ онъ въ письмѣ къ нему Шишковскому писалъ, а какъ де въ оной написаны важныя злодѣйскія слова, то де онъ того человѣка содержалъ подъ карауломъ,—коего онъ Шишковской, а равно и показанную тетрадишку, ему генералъ-прокурору и объявилъ. Послѣ чего оный неизвѣстный человѣкъ въ присутствіи его генералъ-прокурора, по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, спрашиванъ и показалъ слѣдующее:

Зовутъ де его Алексѣемъ Ивановымъ сыномъ Смолинымъ, города Устюжа Великаго купецъ, и тому нынѣ третій годъ, изъ Устюга отпущенъ онъ съ паспортомъ для торговаго промысла въ Петер-

бургъ, гдѣ онъ и находился понынѣ въ прикащикахъ у здѣшняго купца Ивана Бѣлоусова, торгуя отъ него въ винномъ погребѣ. Извѣстныя двѣ тетрадишки, кои ему Смолину при семъ показаны, писаны имъ Смолинымъ его рукою, кои онъ началъ писать тому нынѣ недѣли съ двѣ, и писалъ оныя по ночамъ одинъ, не показывая ихъ никогда ни кому, и написалъ ихъ двѣ, и не болѣе, изъ коихъ вчерась, одну запечатавъ въ пакетъ и надписавъ: *изъ Новгородской духовной консисторіи репортъ въ святѣйшій синодъ*, отнесъ во время ефимонъ въ синодъ, и положа на лѣстницѣ, такъ что тогда видѣть никто не могъ, тотъ пакетъ оставилъ, для того, чтобъ оную тетрадишку въ синодѣ прочли; а сегодня въ заутрени пошелъ онъ изъ дому показаннаго Бѣлоусова въ церковь Казанскія Богородицы, гдѣ и слушалъ заутреню. По отпѣтіи же заутрени, какъ народъ пошелъ изъ церкви, то онъ Смолинъ при народѣ и при церковномъ причтѣ бранилъ государыню, называя ее грабительницею, что она монастыри ограбила; церковный причтъ, услыша дерзкія его слова, вытолкали вонъ изъ церкви. Потомъ пошелъ онъ на Троицкое подворье, и по приходѣ, взшедъ въ покой Тверскаго архіерея Платона, другую изъ означенныхъ двухъ тетрадишекъ подалъ оному архіерею, который и велѣлъ его тотчасъ взять подъ караулъ, откуда и присланъ къ генералъ-прокурору. Означенныя тетрадишки никому онъ не показывалъ и намѣренъ былъ подать самой государынѣ, но не удалось. Намѣреніе его было и въ томъ, чтобы оныхъ тетрадишекъ написать множественное число и раскидать по присутственнымъ мѣстамъ, но не успѣлъ. Въ вѣрности Ея Императорскому Величеству онъ присягалъ, и знаетъ же онъ Смолинъ и то, что помазанницу Божію по закону самаго Бога почитать велѣно; но онъ противъ сего святаго закона поступилъ и о Ея Императорскомъ Величествѣ въ тетрадишкахъ своихъ рѣзкія и непристойныя рѣчи писалъ только для того, чтобы Ея Величество изволила возвратить монастырскія деревни, также бы и изволила крѣпче смотрѣть за судьями и боярами, чтобы дѣлали правосудіе, а то де, какъ ему извѣстно, что судьи не поступаютъ по законамъ: вотъ Ея же Величества указъ есть, чтобы дѣла рѣшать въ полгода, а судьи де того не исполняютъ; одинъ де Устюжскій купецъ Бабкинъ подавалъ двадцать-двѣ челобитныя, но ни какой резолюціи не сдѣлано; также де генералъ Глѣбовъ цѣлую Иркутскую губернію разорилъ и перемучилъ, да ничего ему не сдѣлано. А кабы де Ея Величество поступала строже, то бы и онъ Смолинъ этого дѣлать не посмѣлъ, а что онъ Смолинъ дерзкія рѣчи противъ помазанницы Божіей дерзнулъ писать, а равно и въ церквѣ говорить, то подвергаетъ онъ себя гражданскому суду, ибо онъ уже на то пошелъ.

Найденная у него въ карманѣ записка, писанная его рукою, и при семъ показана; писалъ онъ латинскими литерами свои беззаконія для памяти, когда сего поста на первой недѣли ходилъ онъ исповѣдываться къ отцу духовному Симіоніевской церкви къ попу Николаю; однакоже о написанныхъ въ тѣхъ тетра-

бургъ, гдѣ онъ и находился понынѣ въ прикащикахъ у здѣшняго купца Ивана Бѣлоусова, торгуя отъ него въ винномъ погребѣ. Извѣстныя двѣ тетрадишки, кои ему Смолину при семъ показаны, писаны имъ Смолинымъ его рукою, кои онъ началъ писать тому нынѣ недѣли съ двѣ, и писалъ оныя по ночамъ одинъ, не показывая ихъ никогда ни кому, и написалъ ихъ двѣ, и не болѣе, изъ коихъ вчерась, одну запечатавъ въ пакетъ и надписавъ: *изъ Новгородской духовной консисторіи репортъ въ святѣйшій синодъ*, отнесъ во время ефимонъ въ синодъ, и положа на лѣстницѣ, такъ что тогда видѣть никто не могъ, тотъ пакетъ оставилъ, для того, чтобъ оную тетрадишку въ синодѣ прочли; а сегодня въ заутрени пошелъ онъ изъ дому показаннаго Бѣлоусова въ церковь Казанскія Богородицы, гдѣ и слушалъ заутреню. По отпѣтіи же заутрени, какъ народъ пошелъ изъ церкви, то онъ Смолинъ при народѣ и при церковномъ причтѣ бранилъ государыню, называя ее грабительницею, что она монастыри ограбила; церковный причтъ, услыша дерзкія его слова, вытолкали вонъ изъ церкви. Потомъ пошелъ онъ на Троицкое подворье, и по приходѣ, взшедъ въ покой Тверскаго архіерея Платона, другую изъ означенныхъ двухъ тетрадишекъ подалъ оному архіерею, который и велѣлъ его тотчасъ взять подъ караулъ, откуда и присланъ къ генералъ-прокурору. Означенныя тетрадишки никому онъ не показывалъ и намѣренъ былъ подать самой государынѣ, но не удалось. Намѣреніе его было и въ томъ, чтобы оныхъ тетрадишекъ написать множественное число и раскидать по присутственнымъ мѣстамъ, но не успѣлъ. Въ вѣрности Ея Императорскому Величеству онъ присягалъ, и знаетъ же онъ Смолинъ и то, что помазанницу Божію по закону самаго Бога почитать велѣно; но онъ противъ сего святаго закона поступилъ и о Ея Императорскомъ Величествѣ въ тетрадишкахъ своихъ рѣзкія и непристойныя рѣчи писалъ только для того, чтобы Ея Величество изволила возвратить монастырскія деревни, также бы и изволила крѣпче смотрѣть за судьями и боярами, чтобы дѣлали правосудіе, а то де, какъ ему извѣстно, что судьи не поступаютъ по законамъ: вотъ Ея же Величества указъ есть, чтобы дѣла рѣшать въ полгода, а судьи де того не исполняютъ; одинъ де Устюжскій купецъ Бабкинъ подавалъ двадцать-двѣ челобитныя, но ни какой резолюціи не сдѣлано; также де генералъ Глѣбовъ цѣлую Иркутскую губернію разорилъ и перемучилъ, да ничего ему не сдѣлано. А кабы де Ея Величество поступала строже, то бы и онъ Смолинъ этого дѣлать не посмѣлъ, а что онъ Смолинъ дерзкія рѣчи противъ помазанницы Божіей дерзнулъ писать, а равно и въ церквѣ говорить, то подвергаетъ онъ себя гражданскому суду, ибо онъ уже на то пошелъ.

Найденная у него въ карманѣ записка, писанная его рукою, и при семъ показана; писалъ онъ латинскими литерами свои беззаконія для памяти, когда сего поста на первой недѣли ходилъ онъ исповѣдываться къ отцу духовному Симіоніевской церкви къ попу Николаю; однакоже о написанныхъ въ тѣхъ тетра-

дишкахъ его дерзкихъ словахъ на исповѣди не показывалъ и утаилъ. Предъ Ея Императорскимъ Величествомъ въ томъ, что онъ Ея Величество оскорбилъ, признается, только де проситъ онъ у Ея Величества помилованія; такожъ которые монастыри разорены, и службы въ нихъ нѣтъ, то бы учинить въ нихъ службу, ибо близь Тихвина монастыря былъ маленькій монастырь, въ коемъ и мощи преподобнаго, но оный уничтоженъ, и службы не имѣется; такожъ бы въ трактирахъ публично сквернодѣйство было запрещено, и еретиковъ, и раскольниковъ и Нѣмцевъ выгнать изъ града или примирить святой восточной церкви; отъ города Архангельскаго выпускъ за море хлѣба, что народъ погибаетъ тамъ гладомъ, запретить, ибо губернаторъ по дружбѣ съ Нѣмцами выпускаетъ хлѣба больше, нежели сколько указомъ повелѣно. Какъ онъ Смолинъ за свое преступленіе предъ Богомъ и Его помазанницею признаетъ себя достойнымъ казни, то бы съ нимъ учинили, а буде Ея Величество о немъ недостойномъ помилосердуетъ, и даруетъ ему животъ, то онъ всеподданнѣйше проситъ, за сіи его злодѣянія закласть его въ стѣну въ Кіевопечерскомъ монастырѣ до кончины живота его, гдѣ онъ будучи, будетъ приносить о своихъ преступленіяхъ и на молитву святыхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ возлагаетъ свою надежду, понеже они обѣщали: аще каковъ осквернень не будетъ, а въ ихъ монастырѣ погребутъ, спасенъ будетъ.

Къ сему доносу Алексѣй сынъ Смолинъ руку приложилъ.

III.

С. И. Шишковскому.

Милостивый государь мой Степанъ Ивановичъ!

Явился у меня къ смущенію моему одинъ человѣкъ, глаголющій развращенная и злодѣйственная. Пожалуйте, если возможно, пріѣдете теперь ко мнѣ и скажите, что мнѣ дѣлать съ нимъ надобно. А я его теперь у себя стерегу. А если вамъ за чѣмъ-либо пріѣхать не возможно, пожалуйте, наставьте, что съ нимъ мнѣ дѣлать надобно.

Вашъ усердный слуга Платонъ, архіепископъ Тверской.

1771 г. марта 10.
9-й часъ по утру.

IV.

Князю А. А. Вяземскому.

Князь Александръ Алексѣевичъ! Скажите Шишковскому, что когда онъ поѣдетъ къ фанатику, чтобы онъ тогда съ нимъ говорилъ и толковалъ ему, что по закону Божію должно почитать и повиноваться высшей власти; что самъ Спаситель говорилъ: „отдайте царю

дишкахъ его дерзкихъ словахъ на исповѣди не показывалъ и утаилъ. Предъ Ея Императорскимъ Величествомъ въ томъ, что онъ Ея Величество оскорбилъ, признается, только де проситъ онъ у Ея Величества помилованія; такожъ которые монастыри разорены, и службы въ нихъ нѣтъ, то бы учинить въ нихъ службу, ибо близь Тихвина монастыря былъ маленькій монастырь, въ коемъ и мощи преподобнаго, но оный уничтоженъ, и службы не имѣется; такожъ бы въ трактирахъ публично сквернодѣйство было запрещено, и еретиковъ, и раскольниковъ и Нѣмцевъ выгнать изъ града или примирить святой восточной церкви; отъ города Архангельскаго выпускъ за море хлѣба, что народъ погибаетъ тамъ гладомъ, запретить, ибо губернаторъ по дружбѣ съ Нѣмцами выпускаетъ хлѣба больше, нежели сколько указомъ повелѣно. Какъ онъ Смолинъ за свое преступленіе предъ Богомъ и Его помазанницею признаетъ себя достойнымъ казни, то бы съ нимъ учинили, а буде Ея Величество о немъ недостойномъ помилосердуетъ, и даруетъ ему животъ, то онъ всеподданнѣйше проситъ, за сіи его злодѣянія заклясть его въ стѣну въ Кіевопечерскомъ монастырѣ до кончины живота его, гдѣ онъ будучи, будетъ приносить о своихъ преступленіяхъ и на молитву святыхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ возлагаетъ свою надежду, понеже они обѣщали: аще каковъ осквернень не будетъ, а въ ихъ монастырѣ погребутъ, спасенъ будетъ.

Къ сему доносу Алексѣй сынъ Смолинъ руку приложилъ.

III.

С. И. Шишковскому.

Милостивый государь мой Степанъ Ивановичъ!

Явился у меня къ смущенію моему одинъ человѣкъ, глаголющій развращенная и злодѣйственная. Пожалуйте, если возможно, пріѣдете теперь ко мнѣ и скажите, что мнѣ дѣлать съ нимъ надобно. А я его теперь у себя стерегу. А если вамъ за чѣмъ-либо пріѣхать не возможно, пожалуйте, наставьте, что съ нимъ мнѣ дѣлать надобно.

Вашъ усердный слуга Платонъ, архіепископъ Тверской.

1771 г. марта 10.
9-й часъ по утру.

IV.

Князю А. А. Вяземскому.

Князь Александръ Алексѣевичъ! Скажите Шишковскому, что когда онъ поѣдетъ къ фанатику, чтобы онъ тогда съ нимъ говорилъ и толковалъ ему, что по закону Божію должно почитать и повиноваться высшей власти; что самъ Спаситель говорилъ: „отдайте царю

царево", и чрезъ то велѣлъ почитать царя; что браня царя, онъ умножаетъ своихъ грѣховъ, и что письмами своими и его рѣчьми въ Казанской онъ возмущалъ народъ противу коронованной главы и противу помазанницы. Сими и подобными рѣчьми, у время употребленными, авось либо приведете его въ унынiе,—и утихнетъ; и потомъ велите снова ему предложить подписку, чтобы не говорилъ ни съ кѣмъ; также велите ему толковать клятвопреступленiе въ вѣрности государя, по закону Божiею и по гражданскому.

Сiе писано собственною всевысочайшею Ея Императорскаго Величества рукою.

V.

Его сiятельству, господину генералъ-прокурору и разныхъ орденовъ кавалеру князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, отъ коллежскаго секретаря Зряхова покорнѣйшiй репортъ.

Въ слѣдствiе вашего сiятельства приказа, даннаго мнѣ сего марта 12-го числа, пріѣхавъ я въ Тихвинъ 14-го числа по утру, остановился квартировать въ домѣ Новгородской помѣщицы вдовы Авдотьи Яковлевой дочери Мордвиновой, а по мужѣ Бѣлоустовой, которая, узнавъ отъ меня, что я пріѣхалъ въ Тихвинъ для богомоленiя, увѣряла, что Богоматерь явленiемъ чудотворныя своея иконы творитъ многiя чудеса во уврачеванiи больныхъ, и разсказывала о себѣ, что она сряду пять лѣтъ была весьма больна и наконецъ уже года съ полтора лежала безъ всякаго чувства и въ превеликомъ разслабленiи; пришедъ же нѣсколько въ память, обѣщалась посвятить остальную свою жизнь на служенiе чудотворному образу Тихвинскiя Богоматери и съ тѣмъ изъ деревни своей привезена въ Тихвинъ гдѣ, будучи предъ чудотворною иконою чрезъ нѣсколько дней, получила отъ болѣзни своей совершенное исцѣленiе, и такъ, купя себѣ домъ, живетъ уже въ Тихвинѣ безвыѣздно семь лѣтъ, ежедневно ходитъ въ монастырь на Божiю службу, а при томъ, будучи трудолюбива и рукодѣльна, работаетъ на монастырь и на монаховъ, какъ-то и при мнѣ шила она стихарь и свитокъ монаху, а потому и знаетъ она всѣхъ и каждаго порознь того монастыря монаховъ, кто какой жизни и поведенiя, потому болѣе, что она будучи всѣми ими любима, часто бываетъ въ кельѣ у отца архимандрита. Какъ же я изъ обхожденiя ея примѣтилъ, что она человѣкъ весьма разговорчивый и оказывала себя во всемъ знающею, то и заключилъ я, что не трудно мнѣ будетъ получить отъ нея свѣдѣнiе о порученномъ мнѣ развѣданiи,—какъ то и самымъ дѣломъ сбылось.

Она на каждый мой вопросъ, издалека и безъ примѣчанiя заводимый, отвѣчала весьма охотно и обстоятельно: 1) Что архимандритъ отецъ Ефимiй житiя весьма хорошаго и воздержнаго, переведенъ въ Тихвинскiй изъ Новгородскаго Вяжицкаго монастыря тому лѣтъ семь назадъ. 2) Ризничiй его iеродiаконъ Кирилла, лѣтъ тридцати отъ роду, также поведенiя хорошаго и ничего хмѣльнаго

царево", и чрезъ то велѣлъ почитать царя; что браня царя, онъ умножаетъ своихъ грѣховъ, и что письмами своими и его рѣчьми въ Казанской онъ возмущалъ народъ противу коронованной главы и противу помазанницы. Сими и подобными рѣчьми, у время употребленными, авось либо приведете его въ унынie,—и утихнетъ; и потомъ велите снова ему предложить подписку, чтобы не говорилъ ни съ кѣмъ; также велите ему толковать клятвопреступленiе въ вѣрности государя, по закону Божiею и по гражданскому.

Сiе писано собственною всевысочайшею Ея Императорскаго Величества рукою.

V.

Его сiятельству, господину генералъ-прокурору и разныхъ орденовъ кавалеру князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, отъ коллежскаго секретаря Зряхова покорнѣйшiй репортъ.

Въ слѣдствiе вашего сiятельства приказа, даннаго мнѣ сего марта 12-го числа, пріѣхавъ я въ Тихвинъ 14-го числа по утру, остановился квартировать въ домѣ Новгородской помѣщицы вдовы Авдотьи Яковлевой дочери Мордвиновой, а по мужѣ Бѣлоустовой, которая, узнавъ отъ меня, что я пріѣхалъ въ Тихвинъ для богомоленiя, увѣряла, что Богоматерь явленiемъ чудотворныя своея иконы творитъ многiя чудеса во уврачеванiи больныхъ, и разсказывала о себѣ, что она сряду пять лѣтъ была весьма больна и наконецъ уже года съ полтора лежала безъ всякаго чувства и въ превеликомъ разслабленiи; пришедъ же нѣсколько въ память, обѣщалась посвятить остальную свою жизнь на служенiе чудотворному образу Тихвинскiя Богоматери и съ тѣмъ изъ деревни своей привезена въ Тихвинъ гдѣ, будучи предъ чудотворною иконою чрезъ нѣсколько дней, получила отъ болѣзни своей совершенное исцѣленiе, и такъ, купя себѣ домъ, живетъ уже въ Тихвинѣ безвыѣздно семь лѣтъ, ежедневно ходитъ въ монастырь на Божiю службу, а при томъ, будучи трудолюбива и рукодѣльна, работаетъ на монастырь и на монаховъ, какъ-то и при мнѣ шила она стихарь и свитокъ монаху, а потому и знаетъ она всѣхъ и каждаго порознь того монастыря монаховъ, кто какой жизни и поведенiя, потому болѣе, что она будучи всѣми ими любима, часто бываетъ въ кельѣ у отца архимандрита. Какъ же я изъ обхожденiя ея примѣтилъ, что она человѣкъ весьма разговорчивый и оказывала себя во всемъ знающею, то и заключилъ я, что не трудно мнѣ будетъ получить отъ нея свѣдѣнiе о порученномъ мнѣ развѣданiи,—какъ то и самымъ дѣломъ сбылось.

Она на каждый мой вопросъ, издалека и безъ примѣчанiя заводимый, отвѣчала весьма охотно и обстоятельно: 1) Что архимандритъ отецъ Ефимiй житiя весьма хорошаго и воздержнаго, переведенъ въ Тихвинскiй изъ Новгородскаго Вяжицкаго монастыря тому лѣтъ семь назадъ. 2) Ризничiй его iеродiаконъ Кирилла, лѣтъ тридцати отъ роду, также поведенiя хорошаго и ничего хмѣльнаго

не пьетъ, и на котораго вся тягость монастырская отъ архимандрита, такъ какъ онъ его любитъ, возложена; отецъ де его былъ въ здѣшнемъ же монастырѣ іеромонахомъ и умеръ, а онъ Кирилла семнадцати лѣтъ былъ посвященъ тутъ въ бѣлаго діакона, но осьмнадцати лишился жены и потому вскорѣ былъ постриженъ, находился подъ искусомъ лѣтъ съ семь, и только что года съ два какъ надѣта на него мантія, и сдѣланъ ризничимъ. Послѣ сихъ словъ пришелъ къ ней оный ризничій Кирилла и, принеся съ собою старый съ ризъ споротый золотой газъ, просилъ ее именемъ архимандрита вычистить оный и нашафранить. Она, принявъ оный и будучи рада его посѣщенію, поила его чаемъ, а между тѣмъ разговаривала съ нимъ тутъ о какомъ-то человѣкѣ, въ монастырѣ живущемъ, называя его блаженнымъ, и выговаривала, что онъ много дурачится и шутитъ не къ стати: ризничій также сей со смѣхомъ отвѣчалъ: „нѣтъ де, онъ не дуракъ“; а она сказала: „да де не дуракъ; вы де объ немъ такъ разсуждаете, потому что вы его любите, да полно, что̀ и говорить, вы любите больше дураковъ, нежели умныхъ“. Потомъ спрашивалъ онъ меня, что̀ я за человѣкъ, и зачѣмъ въ Тихвинъ пріѣхалъ? Я, объявя ему о себѣ, сказалъ, что пріѣхалъ сюда по обѣщанію чудотворной иконѣ помолиться. Онъ меня еще вопрошалъ, нѣтъ ли де какихъ въ Петербургѣ новыхъ вѣстей? А я отвѣчалъ, что никакихъ нѣтъ. Потомъ онъ простяся пошелъ въ монастырь. Во время же его разговора примѣтилъ я, что онъ часто задумывался, такъ что она иногда повторяла ему свои вопросы и говорила: „Что де ты молчишь и о чемъ думаешь? Да полно, что̀ у тебя о томъ и спрашивать! Ты вѣдь всегда таковъ“. Какъ же скоро онъ отъ нея вышелъ, то я, не упуская вдаль бывшаго ихъ разговора о блаженномъ и сочтя оный за благовременный случай на порученное мнѣ развѣданіе, спросилъ ее: „Какой это, сударыня, у нихъ блаженный, о которомъ вы давича разговаривали?“ Она мнѣ отвѣчала: „Это де одинъ монастырскій служка: да онъ де ничего дурнаго не говоритъ, а только что пришучивается и бранится; а де его блаженнымъ называю потому только, что надъ отцемъ своимъ мертвымъ смѣется и разсказываетъ, что онъ только имѣнія ему по смерти въ наслѣдство оставилъ что двѣ шапочки, изъ коихъ де одну надѣлъ онъ на отца своего, а другую оставилъ себѣ“. Потомъ я ее спросилъ: „Правда ли это, сударыня, я слышалъ года съ два тому назадъ, что въ здѣшнемъ монастырѣ жилъ какой-то безумный, который въ церквѣ читывалъ безъ всякаго помѣшательства и порядочно?“ Она мнѣ отвѣчала: „А, знаю, знаю, правда; это былъ Алексѣюшка, по прозванію Смолинъ, купецъ изъ Устюга Великаго. Подлинно тотъ, если кто его не зналъ, или не случалось съ нимъ разговаривать, то никоимъ образомъ нельзя было узнать, что читаетъ безумный. Онъ меня очень любилъ и всегда, бывало, хаживалъ ко мнѣ просить ѣсть и называлъ меня матерью; да вотъ де онъ и жилъ въ кельѣ у этого ризничаго, котораго вы давича у меня видѣли. Жалокъ мнѣ этотъ бѣдный молодой человѣкъ, а какой, батюшка,

не пьетъ, и на котораго вся тягость монастырская отъ архимандрита, такъ какъ онъ его любитъ, возложена; отецъ де его былъ въ здѣшнемъ же монастырѣ іеромонахомъ и умеръ, а онъ Кирилла семнадцати лѣтъ былъ посвященъ тутъ въ бѣлаго діакона, но осьмнадцати лишился жены и потому вскорѣ былъ постриженъ, находился подъ искусомъ лѣтъ съ семь, и только что года съ два какъ надѣта на него мантія, и сдѣланъ ризничимъ. Послѣ сихъ словъ пришелъ къ ней оный ризничій Кирилла и, принеся съ собою старый съ ризъ споротый золотой газъ, просилъ ее именемъ архимандрита вычистить оный и нашафранить. Она, принявъ оный и будучи рада его посѣщенію, поила его чаемъ, а между тѣмъ разговаривала съ нимъ тутъ о какомъ-то человѣкѣ, въ монастырѣ живущемъ, называя его блаженнымъ, и выговаривала, что онъ много дурачится и шутитъ не къ стати: ризничій также сей со смѣхомъ отвѣчалъ: „нѣтъ де, онъ не дуракъ“; а она сказала: „да де не дуракъ; вы де объ немъ такъ разсуждаете, потому что вы его любите, да полно, что̀ и говорить, вы любите больше дураковъ, нежели умныхъ“. Потомъ спрашивалъ онъ меня, что̀ я за человѣкъ, и зачѣмъ въ Тихвинъ пріѣхалъ? Я, объявя ему о себѣ, сказалъ, что пріѣхалъ сюда по обѣщанію чудотворной иконѣ помолиться. Онъ меня еще вопрошалъ, нѣтъ ли де какихъ въ Петербургѣ новыхъ вѣстей? А я отвѣчалъ, что никакихъ нѣтъ. Потомъ онъ простяся пошелъ въ монастырь. Во время же его разговора примѣтилъ я, что онъ часто задумывался, такъ что она иногда повторяла ему свои вопросы и говорила: „Что де ты молчишь и о чемъ думаешь? Да полно, что̀ у тебя о томъ и спрашивать! Ты вѣдь всегда таковъ“. Какъ же скоро онъ отъ нея вышелъ, то я, не упуская вдаль бывшаго ихъ разговора о блаженномъ и сочтя оный за благовременный случай на порученное мнѣ развѣданіе, спросилъ ее: „Какой это, сударыня, у нихъ блаженный, о которомъ вы давича разговаривали?“ Она мнѣ отвѣчала: „Это де одинъ монастырскій служка: да онъ де ничего дурнаго не говоритъ, а только что пришучивается и бранится; а де его блаженнымъ называю потому только, что надъ отцемъ своимъ мертвымъ смѣется и разсказываетъ, что онъ только имѣнія ему по смерти въ наслѣдство оставилъ что двѣ шапочки, изъ коихъ де одну надѣлъ онъ на отца своего, а другую оставилъ себѣ“. Потомъ я ее спросилъ: „Правда ли это, сударыня, я слышалъ года съ два тому назадъ, что въ здѣшнемъ монастырѣ жилъ какой-то безумный, который въ церквѣ читывалъ безъ всякаго помѣшательства и порядочно?“ Она мнѣ отвѣчала: „А, знаю, знаю, правда; это былъ Алексѣюшка, по прозванію Смолинъ, купецъ изъ Устюга Великаго. Подлинно тотъ, если кто его не зналъ, или не случалось съ нимъ разговаривать, то никоимъ образомъ нельзя было узнать, что читаетъ безумный. Онъ меня очень любилъ и всегда, бывало, хаживалъ ко мнѣ просить ѣсть и называлъ меня матерью; да вотъ де онъ и жилъ въ кельѣ у этого ризничаго, котораго вы давича у меня видѣли. Жалокъ мнѣ этотъ бѣдный молодой человѣкъ, а какой, батюшка,

грамотѣй и памятливый; да онъ же де, сказываютъ, и поученъ живописи. Отецъ его добрый человѣкъ и былъ у него здѣсь". Потомъ, оказавъ я ей свою жалость о его несчастіи и будто любопытствуя, спросилъ ее: „Не слыхали ль вы, сударыня, отъ чего онъ сошелъ съ ума, не отъ пьянства ли?" „Нѣтъ", сказала она, „не отъ пьянства; онъ ничего не пилъ; я вамъ разскажу, отъ чего ему сіе безумство приключилось; онъ намъ самъ о томъ, когда приходилъ на нѣкоторое время въ память, разсказывалъ. Онъ сюда въ Тихвинъ пріѣхалъ тому назадъ года съ три или безъ малаго, зимнемъ временемъ, не безумный, а въ полномъ разумѣ, и не одинъ, а съ товарищами, отъ которыхъ онъ здѣсь отсталъ, будучи въ такомъ намѣреніи, чтобъ отслуживъ всенощную и молебенъ чудотворной иконѣ, догнать ихъ на дорогѣ, въ Петербургъ ѣхавшихъ, куда ѣхать его и намѣреніе было. По исполненіи же своего обѣщанія, то есть, отслушавъ всенощную и молебенъ, вышелъ изъ монастыря, съ тѣмъ чтобы идти въ Стрѣтилову слободу и тамъ, нанявъ лошадей, догнать своихъ товарищей; но только лишь поровнялся съ часовнею, близь монастыря стоящею, то вдругъ встрѣтился съ нимъ какой-то старикъ съ сѣдою бородою и несъ въ рукахъ мыло, и то мыло, помнитъ онъ, что оный старикъ всунулъ ему въ руки; но что потомъ съ нимъ сдѣлалось, ничего не помнитъ и не знаетъ, что съ собою дѣлать". До сего мѣста пересказывала она мнѣ по словамъ самаго Смолина, а потомъ сказывала, что съ нимъ послѣ случилось: „Пришедши де онъ къ часовнѣ, и вмѣсто того чтобы идти въ показанную слободу для найма лошадей, вдругъ отъ часовни поворотился назадъ и ударился бѣжать по Новгородской дорогѣ въ лѣсъ, въ которомъ блудя нѣсколько дней, вышелъ наконецъ изъ онаго въ одинъ погостъ, въ тридцати верстахъ отъ Тихвина состоящій, весь уже ограбленъ и нагой, гдѣ зашедъ онъ въ пустой хлѣвъ, пойманъ тамо и почтенъ былъ за вора или, по крайней мѣрѣ, за бѣглаго человѣка, а потому и привезенъ былъ оттуда въ Тихвинъ къ коммисарскимъ дѣламъ. Но какъ тутъ узнали, что онъ не такой человѣкъ, какимъ его въ погостѣ сочли, и притомъ еще примѣтили поврежденіе его въ разумѣ, то и дали о семъ знать архимандриту, который, изъ человѣколюбія одного принявъ его въ свой монастырь, отдалъ его подъ присмотръ объявленному ризничему Кириллѣ, у котораго въ кельѣ и жилъ онъ Смолинъ больше полугода. Во время же большаго его безумства ухаживалъ онъ изъ монастыря и бѣгивалъ зимою и лѣтомъ по улицамъ босикомъ и въ одной рубашкѣ, а иногда и нагишемъ, нѣкогда же входилъ онъ такимъ образомъ и въ церковь; и какъ станутъ его брать и ловить, то со всѣми бранивался и дрался, и временемъ никого людей не зналъ, временемъ же, когда приходилъ онъ нѣсколько въ память, то въ церкви давали ему читать псалмы и каноны, и читывалъ весьма хорошо и безошибочно, такъ какъ бы въ полномъ разумѣ былъ; но только и въ то время былъ весьма тихъ и смиренъ, а на вопросы всегда отвѣчалъ со смѣхомъ и нѣсколько сумазбродно". При чемъ разсказывала, что онъ, у ней въ домѣ лѣ-

грамотѣй и памятливый; да онъ же де, сказываютъ, и поученъ живописи. Отецъ его добрый человѣкъ и былъ у него здѣсь". Потомъ, оказавъ я ей свою жалость о его несчастіи и будто любопытствуя, спросилъ ее: „Не слыхали ль вы, сударыня, отъ чего онъ сошелъ съ ума, не отъ пьянства ли?" „Нѣтъ", сказала она, „не отъ пьянства; онъ ничего не пилъ; я вамъ разскажу, отъ чего ему сіе безумство приключилось; онъ намъ самъ о томъ, когда приходилъ на нѣкоторое время въ память, разсказывалъ. Онъ сюда въ Тихвинъ пріѣхалъ тому назадъ года съ три или безъ малаго, зимнемъ временемъ, не безумный, а въ полномъ разумѣ, и не одинъ, а съ товарищами, отъ которыхъ онъ здѣсь отсталъ, будучи въ такомъ намѣреніи, чтобъ отслуживъ всенощную и молебенъ чудотворной иконѣ, догнать ихъ на дорогѣ, въ Петербургъ ѣхавшихъ, куда ѣхать его и намѣреніе было. По исполненіи же своего обѣщанія, то есть, отслушавъ всенощную и молебенъ, вышелъ изъ монастыря, съ тѣмъ чтобы идти въ Стрѣтилову слободу и тамъ, нанявъ лошадей, догнать своихъ товарищей; но только лишь поровнялся съ часовнею, близь монастыря стоящею, то вдругъ встрѣтился съ нимъ какой-то старикъ съ сѣдою бородою и несъ въ рукахъ мыло, и то мыло, помнитъ онъ, что оный старикъ всунулъ ему въ руки; но что потомъ съ нимъ сдѣлалось, ничего не помнитъ и не знаетъ, что съ собою дѣлать". До сего мѣста пересказывала она мнѣ по словамъ самаго Смолина, а потомъ сказывала, что съ нимъ послѣ случилось: „Пришедши де онъ къ часовнѣ, и вмѣсто того чтобы идти въ показанную слободу для найма лошадей, вдругъ отъ часовни поворотился назадъ и ударился бѣжать по Новгородской дорогѣ въ лѣсъ, въ которомъ блудя нѣсколько дней, вышелъ наконецъ изъ онаго въ одинъ погостъ, въ тридцати верстахъ отъ Тихвина состоящій, весь уже ограбленъ и нагой, гдѣ зашедъ онъ въ пустой хлѣвъ, пойманъ тамо и почтенъ былъ за вора или, по крайней мѣрѣ, за бѣглаго человѣка, а потому и привезенъ былъ оттуда въ Тихвинъ къ коммисарскимъ дѣламъ. Но какъ тутъ узнали, что онъ не такой человѣкъ, какимъ его въ погостѣ сочли, и притомъ еще примѣтили поврежденіе его въ разумѣ, то и дали о семъ знать архимандриту, который, изъ человѣколюбія одного принявъ его въ свой монастырь, отдалъ его подъ присмотръ объявленному ризничему Кириллѣ, у котораго въ кельѣ и жилъ онъ Смолинъ больше полугода. Во время же большаго его безумства ухаживалъ онъ изъ монастыря и бѣгивалъ зимою и лѣтомъ по улицамъ босикомъ и въ одной рубашкѣ, а иногда и нагишемъ, нѣкогда же входилъ онъ такимъ образомъ и въ церковь; и какъ станутъ его брать и ловить, то со всѣми бранивался и дрался, и временемъ никого людей не зналъ, временемъ же, когда приходилъ онъ нѣсколько въ память, то въ церкви давали ему читать псалмы и каноны, и читывалъ весьма хорошо и безошибочно, такъ какъ бы въ полномъ разумѣ былъ; но только и въ то время былъ весьма тихъ и смиренъ, а на вопросы всегда отвѣчалъ со смѣхомъ и нѣсколько сумазбродно". При чемъ разсказывала, что онъ, у ней въ домѣ лѣ-

томъ бывши съ означеннымъ іеродіакономъ Кириллою и выпрося у ней дозволенія отдохнуть въ ея постелѣ, при гостяхъ раздѣлся до нага, и хотя де его и одѣвали, но онъ, не имѣя стыда, опять раздѣвался: „И никоимъ бы образомъ нельзя было намъ отъ того его отвратить, если бы не уговорилъ его оный іеродіаконъ Кирилла идти съ нимъ на рыбную ловлю, котораго онъ очень любилъ и всегда слушался. Да мало ли де было отъ него какихъ проказъ, иное де мнѣ стыдно и выговаривать; въ одно де время, когда сидѣла я у архимандрита въ кельѣ, то пришелъ туда и оный безумный, сталъ архимандрита бранить, который, любя его, только что смѣялся тому и спрашивалъ его: за что де ты, Алексѣюшка, меня бранишь? А онъ ему отвѣчалъ: какъ де тебя не бранить! Держишь ты въ своемъ монастырѣ какихъ беззаконныхъ монаховъ и за ними не смотришь; чему де доброму быть.... Чему де архимандритъ и я смѣялись много. Да онъ де и отца своего который изъ Устюга пріѣзжалъ съ тѣмъ, чтобы его изъ монастыря взять съ собою, всегда бранивалъ и отъ него бѣгалъ, за что̀ отецъ его, думая, что онъ безумнымъ притворяя себя нарочно, для того единственно, чтобъ остаться на вѣкъ въ монастырѣ, съ соизволенія архимандрита сѣкъ плетьми; но и затѣмъ то же самое онъ дѣлалъ и бѣгивалъ ужь ото всѣхъ, ночуя въ монастырскихъ башняхъ, а иногда и на деревѣ. откуда бросалъ во всѣхъ каменьями; и такъ отецъ его, не получая своего желанія, ѣздилъ за чѣмъ-то въ Петербургъ. Но пріѣхавъ оттуда послѣ Успенскаго поста, не знаю де какъ-то уже его уговорилъ и увезъ его съ собою въ Устюгъ“.

Послѣ же сего, я въ тотъ день, а равно и въ послѣдующіе два, такъ какъ богомолецъ, ходилъ въ монастырь для слушанія Божіей службы и нанималъ служить всенощную и молебенъ. По всѣ же тѣ дни изъ церкви я, будучи званъ, заходилъ къ отцу архимандриту и дважды у него обѣдалъ. Во время же бытія моего у него, примѣтилъ я, что онъ человѣкъ житія воздержнаго и поведенія кроткаго; трудолюбивъ, всякій день бываетъ во время службы въ церкви, и послѣ часовъ или обѣдни служилъ всегда самъ Богоматери молебенъ, иногда же и съ акафистомъ, а на вечерни читаетъ канонъ Іисусу, бывъ уже лѣтъ не молодыхъ и около шестидесяти. Между же сего во время моего изъ квартиры въ монастырь прохожденія не оставилъ я также человѣкъ у двухъ, просящихъ на дорогѣ милостыню, по нѣкоторомъ приватномъ разговорѣ порознь каждаго спросить: „Не знаете ли вы, куда тотъ безумный дѣвался, котораго я въ здѣшнемъ монастырѣ года съ полтретьяго назадъ видалъ, что онъ читывалъ въ церкви и ходилъ иногда босикомъ и въ рубашкѣ?“ На что̀ каждый отвѣчалъ: „Не знаемъ де, куда-то сошелъ года съ два будетъ тому назадъ“. Я еще ихъ спрашивалъ: „А что̀ онъ былъ за человѣкъ, и какъ его звали?“ Они отвѣчали: „Алексѣюшкомъ де его называли, но какой человѣкъ—не знаемъ, только слышали, что породою былъ изъ Устюга Великаго“. Одинъ же старикъ, въ часовнѣ живущій, отвѣчалъ мнѣ то же, что̀ и первые сказали: „Не одинъ де ты объ немъ спрашиваешь, но и мно-

томъ бывши съ означеннымъ іеродіакономъ Кириллою и выпрося у ней дозволенія отдохнуть въ ея постелѣ, при гостяхъ раздѣлся до нага, и хотя де его и одѣвали, но онъ, не имѣя стыда, опять раздѣвался: „И никоимъ бы образомъ нельзя было намъ отъ того его отвратить, если бы не уговорилъ его оный іеродіаконъ Кирилла идти съ нимъ на рыбную ловлю, котораго онъ очень любилъ и всегда слушался. Да мало ли де было отъ него какихъ проказъ, иное де мнѣ стыдно и выговаривать; въ одно де время, когда сидѣла я у архимандрита въ кельѣ, то пришелъ туда и оный безумный, сталъ архимандрита бранить, который, любя его, только что смѣялся тому и спрашивалъ его: за что де ты, Алексѣюшка, меня бранишь? А онъ ему отвѣчалъ: какъ де тебя не бранить! Держишь ты въ своемъ монастырѣ какихъ беззаконныхъ монаховъ и за ними не смотришь; чему де доброму быть.... Чему де архимандритъ и я смѣялись много. Да онъ де и отца своего который изъ Устюга пріѣзжалъ съ тѣмъ, чтобы его изъ монастыря взять съ собою, всегда бранивалъ и отъ него бѣгалъ, за что̀ отецъ его, думая, что онъ безумнымъ притворяя себя нарочно, для того единственно, чтобъ остаться на вѣкъ въ монастырѣ, съ соизволенія архимандрита сѣкъ плетьми; но и затѣмъ то же самое онъ дѣлалъ и бѣгивалъ ажь ото всѣхъ, ночуя въ монастырскихъ башняхъ, а иногда и на деревѣ. откуда бросалъ во всѣхъ каменьями; и такъ отецъ его, не получая своего желанія, ѣздилъ за чѣмъ-то въ Петербургъ. Но пріѣхавъ оттуда послѣ Успенскаго поста, не знаю де какъ-то уже его уговорилъ и увезъ его съ собою въ Устюгъ“.

Послѣ же сего, я въ тотъ день, а равно и въ послѣдующіе два, такъ какъ богомолецъ, ходилъ въ монастырь для слушанія Божіей службы и нанималъ служить всенощную и молебенъ. По всѣ же тѣ дни изъ церкви я, будучи званъ, заходилъ къ отцу архимандриту и дважды у него обѣдалъ. Во время же бытія моего у него, примѣтилъ я, что онъ человѣкъ житія воздержнаго и поведенія кроткаго; трудолюбивъ, всякій день бываетъ во время службы въ церкви, и послѣ часовъ или обѣдни служилъ всегда самъ Богоматери молебенъ, иногда же и съ акафистомъ, а на вечерни читаетъ канонъ Іисусу, бывъ уже лѣтъ не молодыхъ и около шестидесяти. Между же сего во время моего изъ квартиры въ монастырь прохожденія не оставилъ я также человѣкъ у двухъ, просящихъ на дорогѣ милостыню, по нѣкоторомъ приватномъ разговорѣ порознь каждаго спросить: „Не знаете ли вы, куда тотъ безумный дѣвался, котораго я въ здѣшнемъ монастырѣ года съ полтретьяго назадъ видалъ, что онъ читывалъ въ церкви и ходилъ иногда босикомъ и въ рубашкѣ?“ На что̀ каждый отвѣчалъ: „Не знаемъ де, куда-то сошелъ года съ два будетъ тому назадъ“. Я еще ихъ спрашивалъ: „А что̀ онъ былъ за человѣкъ, и какъ его звали?“ Они отвѣчали: „Алексѣюшкомъ де его называли, но какой человѣкъ—не знаемъ, только слышали, что породою былъ изъ Устюга Великаго“. Одинъ же старикъ, въ часовнѣ живущій, отвѣчалъ мнѣ то же, что̀ и первые сказали: „Не одинъ де ты объ немъ спрашиваешь, но и мно-

гіе". Такимъ образомъ получа я о объявленномъ Смолинѣ пропи-санное свѣдѣніе, отправился изъ Тихвина 16-го числа въ вечеру и пріѣхалъ сюда сего числа по утру, о чемъ вашему сіятельству до-нося симъ, за надобное почитаю внести сюда и слышанныя мною отъ помянутой дворянки слова слѣдующія: разговаривая она со мною о постороннемъ, дошла рѣчью до постовъ, святыми отцами положенныхъ, и говорила: „Насмѣшилъ де меня однажды ризничій Кирилла; пришедши де онъ ко мнѣ, вдругъ сталъ говорить: ну теперь де и намъ монахамъ можно всѣмъ ѣсть мясо! А какъ де я у него спросила, по чему это онъ такъ разрѣшаетъ, то онъ мнѣ смѣяся говорилъ: какъ де почему, вѣдь мы сначала такъ, какъ и мірскіе, сплошь ѣдали мясо; но преподобная царица Ѳеодора запре-тила намъ оное употреблять, и за то де даны были монастырямъ вотчины, чтобы мы пребывали безъ всякаго попеченія о пищѣ и были бы не исходны изъ монастыря; а какъ де теперь у насъ всѣ вотчины отняты, то мы и можемъ справедливо принять опять ста-рый обрядъ".

Подписалъ: Секретарь Илья Зряховъ.

VI.

Коменданту Шлиссельбургской крѣпости Бередникову.

Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ полковникъ и Шлиссельбургской крѣпости комендантъ!

Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволила посланнаго при семъ сумозброда купца Алексѣя Смолина, по при-чинѣ учиненнаго имъ важнаго преступленія, посадить въ Шлис-сельбургскую крѣпость въ казарму на пять лѣтъ; во время же его Смолина въ той казармѣ содержанія производить ему кормовыхъ денегъ по три копѣйки на день, и какимъ образомъ его тамо со-держать, дать вамъ инструкцію. Я, исполняя сіе высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе, прилагаю при семъ ту ин-струкцію, рекомендую вашему высокоблагородію чинить по оной во всей ея силѣ непремѣнное исполненіе.

Вашего высокоблагородія охотный слуга князь А. Вяземскій.

Марта 23-го дня 1771 г.

VII.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

„Быть по сему".

1776 года марта 18-го дня, дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, во исполненіе высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія о содержащемся въ

гіе". Такимъ образомъ получа я о объявленномъ Смолинѣ пропи-санное свѣдѣніе, отправился изъ Тихвина 16-го числа въ вечеру и пріѣхалъ сюда сего числа по утру, о чемъ вашему сіятельству до-нося симъ, за надобное почитаю внести сюда и слышанныя мною отъ помянутой дворянки слова слѣдующія: разговаривая она со мною о постороннемъ, дошла рѣчью до постовъ, святыми отцами положенныхъ, и говорила: „Насмѣшилъ де меня однажды ризничій Кирилла; пришедши де онъ ко мнѣ, вдругъ сталъ говорить: ну теперь де и намъ монахамъ можно всѣмъ ѣсть мясо! А какъ де я у него спросила, по чему это онъ такъ разрѣшаетъ, то онъ мнѣ смѣяся говорилъ: какъ де почему, вѣдь мы сначала такъ, какъ и мірскіе, сплошь ѣдали мясо; но преподобная царица Ѳеодора запре-тила намъ оное употреблять, и за то де даны были монастырямъ вотчины, чтобы мы пребывали безъ всякаго попеченія о пищѣ и были бы не исходны изъ монастыря; а какъ де теперь у насъ всѣ вотчины отняты, то мы и можемъ справедливо принять опять ста-рый обрядъ".

Подписалъ: Секретарь Илья Зряховъ.

VI.

Коменданту Шлиссельбургской крѣпости Бередникову.

Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ полковникъ и Шлиссельбургской крѣпости комендантъ!

Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволила посланнаго при семъ сумозброда купца Алексѣя Смолина, по при-чинѣ учиненнаго имъ важнаго преступленія, посадить въ Шлис-сельбургскую крѣпость въ казарму на пять лѣтъ; во время же его Смолина въ той казармѣ содержанія производить ему кормовыхъ денегъ по три копѣйки на день, и какимъ образомъ его тамо со-держать, дать вамъ инструкцію. Я, исполняя сіе высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе, прилагаю при семъ ту ин-струкцію, рекомендую вашему высокоблагородію чинить по оной во всей ея силѣ непремѣнное исполненіе.

Вашего высокоблагородія охотный слуга князь А. Вяземскій.

Марта 23-го дня 1771 г.

VII.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

„Быть по сему".

1776 года марта 18-го дня, дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, во исполненіе высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія о содержащемся въ

Шлиссельбургской крѣпости города Устюга купцѣ Алексѣѣ Смолинѣ, и по учиненной съ производившимся объ немъ въ тайной экспедиціи дѣломъ справкѣ, по которой значитъ: оный Смолинъ, за описанныя по дѣлу вины по законамъ государственнымъ подвергъ себя не только жестокому наказанію, но и лишенію живота; но Ея Императорское Величество изъ единаго своего монаршаго милосердія и человѣколюбія, прошлаго 1771 года марта 21-го числа, не только отъ положенной законами казни, но и отъ всякаго тѣлеснаго наказанія всемилостивѣйше избавить его Смолина соизволила; а дабы онъ восчувствовалъ учиненное имъ преступленіе и принесъ бы Всевышнему искреннее раскаяніе, то высочайше повелѣть соизволила послать его Смолина къ содержанію въ Шлиссельбургскую крѣпость на пять лѣтъ; коменданту же по часту за нимъ примѣчать, какую онъ тамо жизнь вести будетъ, и о томъ къ генералъ-прокурору репортовать; почему оный Смолинъ въ ту крѣпость былъ и отправленъ, присланными же репортами во все пятилѣтнее время коменданты Бередниковъ и Циглеръ доносили, что оный Смолинъ ведетъ себя весьма смирно; а наконецъ Циглеръ репортовалъ, что онъ согрѣшеніе свое признаетъ и приноситъ совершенное въ томъ погрѣшеніи своемъ предъ Ея Императорскимъ Величествомъ раскаяніе; какъ же онъ Смолинъ комендантомъ напослѣдокъ безпримѣтнымъ образомъ вопрошенъ былъ, когдабы онъ паче чаянія отъ сего заключенія по милосердію Ея Императорскаго Величества освобожденъ иногда былъ, то какую онъ жизнь вести намѣренъ; — на что оный Смолинъ объявилъ, что еслибъ къ нему оказана была отъ Ея Императорскаго Величества матерняя милость освобожденіемъ его изъ сего заключенія, то бы онъ желалъ жизнь свою продолжить въ Печерскомъ монастырѣ въ монашествѣ. —Приказали: какъ уже назначенное высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ пятилѣтнее время содержанія онаго Смолина въ заключеніи почти истекло, коменданты же, какъ выше описано, репортами доносили, что онъ учиненное имъ погрѣшеніе предъ Ея Императорскимъ Величествомъ признаетъ, въ чемъ и приноситъ совершенное раскаяніе, сверхъ же сего во все пятилѣтнее время заслуженный имъ жребій сносилъ онъ съ кротостію духа и съ смиреніемъ, а по сему и остается, кажется, надежда, что онъ развращенный свой нравъ, а равно и поведеніе чрезъ такое искреннее признаніе поправилъ, въ разсужденіи чего, и тѣмъ паче изъ единаго Ея Императорскаго Величества къ роду человѣческому милосердія отъ нынѣшняго заключенія его Смолина избавить; а какъ онъ проситъ о постриженіи его въ монахи, то и послать его въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, но безъ особаго указа въ монахи его не постригать, ибо онъ Смолинъ еще не въ престарѣлыхъ лѣтахъ, то иногда по прошествіи нѣкотораго времени не пришелъ бы о томъ постриженіи въ раскаяніе, а къ тому же можетъ быть нынѣшнее его о постриженіи прошеніе отъ него вышло не столько отъ внутренняго обѣщанія быть въ монашествѣ, какъ къ избавленію себя отъ заключенія, чего ради къ настоятелю

Шлиссельбургской крѣпости города Устюга купцѣ Алексѣѣ Смолинѣ, и по учиненной съ производившимся объ немъ въ тайной экспедиціи дѣломъ справкѣ, по которой значитъ: оный Смолинъ, за описанныя по дѣлу вины по законамъ государственнымъ подвергъ себя не только жестокому наказанію, но и лишенію живота; но Ея Императорское Величество изъ единаго своего монаршаго милосердія и человѣколюбія, прошлаго 1771 года марта 21-го числа, не только отъ положенной законами казни, но и отъ всякаго тѣлеснаго наказанія всемилостивѣйше избавить его Смолина соизволила; а дабы онъ восчувствовалъ учиненное имъ преступленіе и принесъ бы Всевышнему искреннее раскаяніе, то высочайше повелѣть соизволила послать его Смолина къ содержанію въ Шлиссельбургскую крѣпость на пять лѣтъ; коменданту же по часту за нимъ примѣчать, какую онъ тамо жизнь вести будетъ, и о томъ къ генералъ-прокурору репортовать; почему оный Смолинъ въ ту крѣпость былъ и отправленъ, присланными же репортами во все пятилѣтнее время коменданты Бередниковъ и Циглеръ доносили, что оный Смолинъ ведетъ себя весьма смирно; а наконецъ Циглеръ репортовалъ, что онъ согрѣшеніе свое признаетъ и приноситъ совершенное въ томъ погрѣшеніи своемъ предъ Ея Императорскимъ Величествомъ раскаяніе; какъ же онъ Смолинъ комендантомъ напослѣдокъ безпримѣтнымъ образомъ вопрошенъ былъ, когдабы онъ паче чаянія отъ сего заключенія по милосердію Ея Императорскаго Величества освобожденъ иногда былъ, то какую онъ жизнь вести намѣренъ; — на что оный Смолинъ объявилъ, что еслибъ къ нему оказана была отъ Ея Императорскаго Величества матерняя милость освобожденіемъ его изъ сего заключенія, то бы онъ желалъ жизнь свою продолжить въ Печерскомъ монастырѣ въ монашествѣ. —Приказали: какъ уже назначенное высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ пятилѣтнее время содержанія онаго Смолина въ заключеніи почти истекло, коменданты же, какъ выше описано, репортами доносили, что онъ учиненное имъ погрѣшеніе предъ Ея Императорскимъ Величествомъ признаетъ, въ чемъ и приноситъ совершенное раскаяніе, сверхъ же сего во все пятилѣтнее время заслуженный имъ жребій сносилъ онъ съ кротостію духа и съ смиреніемъ, а по сему и остается, кажется, надежда, что онъ развращенный свой нравъ, а равно и поведеніе чрезъ такое искреннее признаніе поправилъ, въ разсужденіи чего, и тѣмъ паче изъ единаго Ея Императорскаго Величества къ роду человѣческому милосердія отъ нынѣшняго заключенія его Смолина избавить; а какъ онъ проситъ о постриженіи его въ монахи, то и послать его въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, но безъ особаго указа въ монахи его не постригать, ибо онъ Смолинъ еще не въ престарѣлыхъ лѣтахъ, то иногда по прошествіи нѣкотораго времени не пришелъ бы о томъ постриженіи въ раскаяніе, а къ тому же можетъ быть нынѣшнее его о постриженіи прошеніе отъ него вышло не столько отъ внутренняго обѣщанія быть въ монашествѣ, какъ къ избавленію себя отъ заключенія, чего ради къ настоятелю

отписать, чтобы онъ за поведеніемъ и жизнію Смолина, поелику онъ фанатикъ, имѣлъ неослабное смотрѣніе и изъ монастыря безъ добраго надзиранія, а паче безъ нужды выходить не позволялъ; такожь примѣчать и то, въ состояніи ли онъ найдется исполнять съ точностію монашеское званіе; какую де онъ въ томъ монастырѣ жизнь вести будетъ, настоятелю чрезъ каждый годъ къ генералъ-прокурору репортовать; на пропитаніе же и одежду производить ему противъ одного монаха.

Подписалъ: Князь А. Вяземскій.

отписать, чтобы онъ за поведеніемъ и жизнію Смолина, поелику онъ фанатикъ, имѣлъ неослабное смотрѣніе и изъ монастыря безъ добраго надзиранія, а паче безъ нужды выходить не позволялъ; такожь примѣчать и то, въ состояніи ли онъ найдется исполнять съ точностію монашеское званіе; какую де онъ въ томъ монастырѣ жизнь вести будетъ, настоятелю чрезъ каждый годъ къ генералъ-прокурору репортовать; на пропитаніе же и одежду производить ему противъ одного монаха.

Подписалъ: Князь А. Вяземскій.

ПЕРВАЯ МЫСЛЬ О МОРЕЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ ГРАФА А. Г. ОРЛОВА.

Въ числѣ матеріаловъ, имѣющихся въ нашихъ рукахъ, находится предлагаемое извлеченіе изъ письма графа Алексѣя Григорьевича Орлова къ брату его графу Григорію Григорьевичу. Сохранился ли гдѣ-нибудь подлинникъ этого письма или копія съ него въ полномъ видѣ—мы не знаемъ, и потому ни дата его, ни мѣсто, откуда оно писано, не извѣстны намъ въ точности; но тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ издать находящееся у насъ извлеченіе въ виду наступающей столѣтней годовщины славнаго Чесменскаго боя (26-го іюня 1770 года), сохранивъ буквально правописаніе нашего списка. При томъ же время и мѣсто написанія письма, а также и самое значеніе его могутъ быть отчетливо опредѣлены, если мы сравнимъ содержаніе его съ извѣстіями другихъ современныхъ ему документовъ.

Въ исходѣ 1768 года, по случаю объявленія войны Россіи Турціей, императрица Екатерина учредила при высочайшемъ дворѣ совѣтъ для соображенія всѣхъ дѣлъ, относящихся къ веденію этой войны, и въ первомъ же засѣданіи этого собранія, 4-го ноября, одинъ изъ членовъ его, графъ Г. Г. Орловъ, предложилъ: „не можно ли послать, подъ видомъ вояжа, въ Средиземное море нѣсколько судовъ, и оттуда учинить диверсію непріятелю, но чтобъ сіе сдѣлано было съ согласія англійскаго двора“. За тѣмъ, въ засѣданіи 12-го ноября, графъ Григорій Григорьевичь читалъ свое мнѣніе объ экспедиціи въ Средиземное море, и по обсужденіи этого предложенія, совѣтъ постановилъ: „отправить какъ въ Морею, къ Далматамъ, въ Грузію, такъ и ко всѣмъ народамъ, въ Турецкой области живущимъ нашего закона, для разглашенія, что Россія принуждена вести съ Турками войну за законъ, а къ Черногорцамъ

ПЕРВАЯ МЫСЛЬ О МОРЕЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ ГРАФА А. Г. ОРЛОВА.

Въ числѣ матеріаловъ, имѣющихся въ нашихъ рукахъ, находится предлагаемое извлеченіе изъ письма графа Алексѣя Григорьевича Орлова къ брату его графу Григорію Григорьевичу. Сохранился ли гдѣ-нибудь подлинникъ этого письма или копія съ него въ полномъ видѣ—мы не знаемъ, и потому ни дата его, ни мѣсто, откуда оно писано, не извѣстны намъ въ точности; но тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ издать находящееся у насъ извлеченіе въ виду наступающей столѣтней годовщины славнаго Чесменскаго боя (26-го іюня 1770 года), сохранивъ буквально правописаніе нашего списка. При томъ же время и мѣсто написанія письма, а также и самое значеніе его могутъ быть отчетливо опредѣлены, если мы сравнимъ содержаніе его съ извѣстіями другихъ современныхъ ему документовъ.

Въ исходѣ 1768 года, по случаю объявленія войны Россіи Турціей, императрица Екатерина учредила при высочайшемъ дворѣ совѣтъ для соображенія всѣхъ дѣлъ, относящихся къ веденію этой войны, и въ первомъ же засѣданіи этого собранія, 4-го ноября, одинъ изъ членовъ его, графъ Г. Г. Орловъ, предложилъ: „не можно ли послать, подъ видомъ вояжа, въ Средиземное море нѣсколько судовъ, и оттуда учинить диверсію непріятелю, но чтобъ сіе сдѣлано было съ согласія англійскаго двора“. За тѣмъ, въ засѣданіи 12-го ноября, графъ Григорій Григорьевичь читалъ свое мнѣніе объ экспедиціи въ Средиземное море, и по обсужденіи этого предложенія, совѣтъ постановилъ: „отправить какъ въ Морею, къ Далматамъ, въ Грузію, такъ и ко всѣмъ народамъ, въ Турецкой области живущимъ нашего закона, для разглашенія, что Россія принуждена вести съ Турками войну за законъ, а къ Черногорцамъ

для того послать, что ежели экспедиція въ дѣйство произведена будетъ, то въ разсужденіи положенія земли имѣть въ оной безопасное пристанище". Еще двѣ недѣли спустя, графъ Г. Г. Орловъ заявилъ о составляемомъ имъ проэктѣ „освобожденія греческаго закона народовъ", съ тѣмъ, чтобы „сіе поручить людямъ такимъ, которые бы имѣли къ себѣ довѣренность тамошнихъ народовъ, и ежели сіе желанный успѣхъ получить можетъ, то въ то время, взявъ сіи народы подъ протекцію Россіи, сдѣлать разныхъ владѣльцевъ, оставя имъ въ выборѣ на волю"; а въ засѣданіи 22-го января 1769 года были уже читаны и утверждены: заготовленная грамота къ греческимъ и славянскимъ народамъ, полномочіе, открытый листъ и инструкція графу А. Г. Орлову, на котораго возлагалось исполненіе задуманнаго предпріятія, и рескриптъ къ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Венеціи маркизу Марруцци [1]). Такимъ образомъ, протоколы совѣта несомнѣнно доказываютъ, что въ средѣ его мысль объ экспедиціи въ Средиземное море была впервые заявлена Г. Г. Орловымъ, и что это заявленіе было сдѣлано имъ въ ноябрѣ 1768 года. Но изъ вышеизложенныхъ извѣстій не видно, что именно навело графа Григорія Григорьевича на такую мысль, и подъ какими вліяніями она созрѣла въ его головѣ. По свидѣтельству самой Екатерины [2]), еще за нѣсколько лѣтъ до начала войны, „множество Грековъ, Сербинъ и прочіе единовѣрные авантурьеры зачали соваться ко многимъ съ планами, съ проектами, съ переговорами". Одинъ изъ такихъ „авантурьеровъ", Грекъ Папа-Оглы, служившій капитаномъ въ русской артиллеріи, заинтересовалъ своими разсказами Г. Г. Орлова (который былъ его начальникомъ въ качествѣ генералъ-фельдцейхмейстера), и въ 1766 году ему было разрѣшено ѣхать на три года въ Турцію, чтобъ узнать настроеніе умовъ въ тамошнемъ христіанскомъ населеніи и завязать тамъ нѣкоторыя связи [3]). Но агентъ такого рода не могъ быть вполнѣ надежнымъ органомъ для русской политики; да и притомъ, графъ Н. И. Панинъ, управлявшій тогда иностранною коллегіей, не раздѣлялъ надеждъ Г. Г. Орлова. Къ тому же, въ Черногоріи поя-

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, Спб. 1870, ст. 5 и 355—357. Инструкція графу А. Г. Орлову, въ видѣ рескрипта, и рескриптъ Марруцци, отъ 29-го января 1769 года, напечатаны въ т. I Сборника Русскаго историческаго общества, стр. 1—14.

[2]) Сборникъ Русск. истор. общ., т. I, стр. 16.

[3]) Война Россіи съ Турціей и съ польскими конфедератами съ 1768 по 1774 годъ, *А. Петрова*, т. I, стр. 95—96.

для того послать, что ежели экспедиція въ дѣйство произведена будетъ, то въ разсужденіи положенія земли имѣть въ оной безопасное пристанище". Еще двѣ недѣли спустя, графъ Г. Г. Орловъ заявилъ о составляемомъ имъ проэктѣ „освобожденія греческаго закона народовъ", съ тѣмъ, чтобы „сіе поручить людямъ такимъ, которые бы имѣли къ себѣ довѣренность тамошнихъ народовъ, и ежели сіе желанный успѣхъ получить можетъ, то въ то время, взявъ сіи народы подъ протекцію Россіи, сдѣлать разныхъ владѣльцевъ, оставя имъ въ выборѣ на волю"; а въ засѣданіи 22-го января 1769 года были уже читаны и утверждены: заготовленная грамота къ греческимъ и славянскимъ народамъ, полномочіе, открытый листъ и инструкція графу А. Г. Орлову, на котораго возлагалось исполненіе задуманнаго предпріятія, и рескриптъ къ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Венеціи маркизу Марулли [1]). Такимъ образомъ, протоколы совѣта несомнѣнно доказываютъ, что въ средѣ его мысль объ экспедиціи въ Средиземное море была впервые заявлена Г. Г. Орловымъ, и что это заявленіе было сдѣлано имъ въ ноябрѣ 1768 года. Но изъ вышеизложенныхъ извѣстій не видно, что именно навело графа Григорія Григорьевича на такую мысль, и подъ какими вліяніями она созрѣла въ его головѣ. По свидѣтельству самой Екатерины [2]), еще за нѣсколько лѣтъ до начала войны, „множество Грековъ, Сербинъ и прочіе единовѣрные авантурьеры зачали соваться ко многимъ съ планами, съ проектами, съ переговорами". Одинъ изъ такихъ „авантурьеровъ", Грекъ Папа-Оглы, служившій капитаномъ въ русской артиллеріи, заинтересовалъ своими разсказами Г. Г. Орлова (который былъ его начальникомъ въ качествѣ генералъ-фельдцейхмейстера), и въ 1766 году ему было разрѣшено ѣхать на три года въ Турцію, чтобъ узнать настроеніе умовъ въ тамошнемъ христіанскомъ населеніи и завязать тамъ нѣкоторыя связи [3]). Но агентъ такого рода не могъ быть вполнѣ надежнымъ органомъ для русской политики; да и притомъ, графъ Н. И. Панинъ, управлявшій тогда иностранною коллегіей, не раздѣлялъ надеждъ Г. Г. Орлова. Къ тому же, въ Черногоріи поя-

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, Спб. 1870, ст. 5 и 355—357. Инструкція графу А. Г. Орлову, въ видѣ рескрипта, и рескриптъ Маруцци, отъ 29-го января 1769 года, напечатаны въ т. I Сборника Русскаго историческаго общества, стр. 1—14.

[2]) Сборникъ Русск. истор. общ., т. I, стр. 16.

[3]) Война Россіи съ Турціей и съ польскими конфедератами съ 1768 по 1774 годъ, *А. Петрова*, т. I, стр. 95—96.

вился около этого времени таинственный агитаторъ, возбуждавшій Сербовъ противъ Турокъ и называвшій себя императоромъ Петромъ III. Самозванство его дѣлало для русскаго правительства невозможнымъ сближеніе съ нимъ, и если при началѣ войны, въ 1768 году, къ этому самозванцу, извѣстному подъ именемъ Степана Малаго, посланъ былъ русскій офицеръ для завязанія съ нимъ сношеній, то ему вмѣнено было въ обязанность „сказать Степану на отрѣзъ, чтобъ онъ кончилъ пустую свою басню въ разсужденіи персоны покойнаго императора Петра III“ *); только подъ этимъ условіемъ предполагалось воспользоваться вліяніемъ самозванца на своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Такимъ образомъ, и этотъ союзникъ не могъ быть надежнымъ для Россіи, и если русское правительство, начиная войну съ Турціей, рѣшилось сдѣлать ей диверсію со стороны Адріатическаго моря и Архипелага, то во главѣ этого предпріятія необходимо было поставить человѣка, на котораго можно было вполнѣ положиться. Такимъ-то человѣкомъ и явился графъ А. Г. Орловъ. Вышеизложенныя извѣстія изъ протоколовъ совѣта не даютъ полнаго понятія о томъ, какъ состоялось назначеніе графа Алексѣя Григорьевича, но то, что̀ не досказывается офиціальный источникъ, вполнѣ раскрывается изъ одного важнаго указанія частнаго лица. „Въ сіе время“ (то есть, въ исходѣ 1767 года)—пишетъ въ своихъ запискахъ князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ—„графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, находясь для лѣченія болѣзни въ Италіи, разговаривая со Славянами, венеціанскими подданными и нашими единовѣрцами, увѣрился, что они не довольны своимъ правленіемъ; также ихъ сосѣди Черногорцы, турецкіе подданные, и всѣ Греки въ Архипелагѣ преданы двору россійскому. По сему графъ Орловъ писалъ ко двору, дабы на сіи народы и обстоятельства дѣлать свое вниманіе, и онъ представляетъ свои услуги, если присланъ будетъ флотъ и войско, но что онъ начальства не приметъ, если меня къ нему на помощь не пришлютъ. Сіе мнѣ предложено. Хотя мое желаніе было быть употреблену къ извѣстному въ военномъ званіи славному начальнику графу Румянцеву, но сего способа не имѣя, единственно, чтобъ быть на войнѣ, согласился“ **). Изъ этого любопытнаго разсказа очевидно, что планъ экспедиціи въ Средиземное море, предложенный императрицѣ Г. Г. Орловымъ, составленъ былъ, собственно братомъ

*) Тамъ же, стр. 102.

**) Сказанія о родѣ князей Долгорукихъ, изд. I, стр. 301—301.

вился около этого времени таинственный агитаторъ, возбуждавшій Сербовъ противъ Турокъ и называвшій себя императоромъ Петромъ III. Самозванство его дѣлало для русскаго правительства невозможнымъ сближеніе съ нимъ, и если при началѣ войны, въ 1768 году, къ этому самозванцу, извѣстному подъ именемъ Степана Малаго, посланъ былъ русскій офицеръ для завязанія съ нимъ сношеній, то ему вмѣнено было въ обязанность „сказать Степану на отрѣзъ, чтобъ онъ кончилъ пустую свою басню въ разсужденіи персоны покойнаго императора Петра III“ *); только подъ этимъ условіемъ предполагалось воспользоваться вліяніемъ самозванца на своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Такимъ образомъ, и этотъ союзникъ не могъ быть надежнымъ для Россіи, и если русское правительство, начиная войну съ Турціей, рѣшилось сдѣлать ей диверсію со стороны Адріатическаго моря и Архипелага, то во главѣ этого предпріятія необходимо было поставить человѣка, на котораго можно было вполнѣ положиться. Такимъ-то человѣкомъ и явился графъ А. Г. Орловъ. Вышеизложенныя извѣстія изъ протоколовъ совѣта не даютъ полнаго понятія о томъ, какъ состоялось назначеніе графа Алексѣя Григорьевича, но то, что̀ не досказывается офиціальный источникъ, вполнѣ раскрывается изъ одного важнаго указанія частнаго лица. „Въ сіе время“ (то есть, въ исходѣ 1767 года)—пишетъ въ своихъ запискахъ князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ—„графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, находясь для лѣченія болѣзни въ Италіи, разговаривая со Славянами, венеціанскими подданными и нашими единовѣрцами, увѣрился, что они не довольны своимъ правленіемъ; также ихъ сосѣди Черногорцы, турецкіе подданные, и всѣ Греки въ Архипелагѣ преданы двору россійскому. По сему графъ Орловъ писалъ ко двору, дабы на сіи народы и обстоятельства дѣлать свое вниманіе, и онъ представляетъ свои услуги, если присланъ будетъ флотъ и войско, но что онъ начальства не приметъ, если меня къ нему на помощь не пришлютъ. Сіе мнѣ предложено. Хотя мое желаніе было быть употреблену къ извѣстному въ военномъ званіи славному начальнику графу Румянцеву, но сего способа не имѣя, единственно, чтобъ быть на войнѣ, согласился“ **). Изъ этого любопытнаго разсказа очевидно, что планъ экспедиціи въ Средиземное море, предложенный императрицѣ Г. Г. Орловымъ, составленъ былъ, собственно братомъ

*) Тамъ же, стр. 102.

**) Сказанія о родѣ князей Долгорукихъ, изд. I, стр. 301—301.

его Алексѣемъ Григорьевичемъ, который въ слѣдствіе того и былъ поставленъ во главѣ предпріятія. Для насъ же, въ приведенномъ разсказѣ князя Долгорукова важно еще и прямое указаніе на письмо графа А. Г. Орлова, и мы не сомнѣваемся, что письмо, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, и есть то самое, изъ коего мы печатаемъ отрывокъ. Итакъ, издаваемый нами документъ достовѣрно пріурочивается къ осеннимъ мѣсяцамъ 1768 года и писанъ А. Г. Орловымъ, по всей вѣроятности, изъ Венеціи *).

Я здѣсь нашолъ много людей одновѣрныхъ, которые желаютъ быть подъ командою нашею и служить въ теперешнемъ случаѣ противъ Турковъ. Да извѣстія есть многія, что вся гора Черная, такъ же и около лежащія мѣста, которыя принадлежатъ Отоманскому владѣнію нашаго закона за оружіе принимаются; о чемъ я увѣдомляю и если я что могу въ ономъ случаѣ сдѣлать, и ето будетъ надобно. А по моему мнѣнію это другаго сдѣлать бы немогло, чтобы внутри зажечь столь сильный огонь и помѣшательства дѣлать какъ въ привозѣ провіанта, такъ и армію раздѣлить. И если ѣхать, такъ ужь ѣхать до Константинополя, и освободить всѣхъ православныхъ и благочестивыхъ изъ подъ ига тяжкаго, которое они терпятъ. И скажу такъ какъ въ грамотѣ Государь Петръ Первый сказалъ, а ихъ невѣрныхъ магометанъ согнать въ поля и степи пустыя и песчаныя на прежнія ихъ жилища. А тутъ опять заведется благочестіе и скажемъ слава богу нашему и всемогущему. Трудъ же для меня повидимому какъ мнѣ кажется очень мало стоять будетъ привесть етотъ народъ противъ Турчанъ и чтобъ они у меня въ послушаніи были.

Они храбры, любятъ меня и товарищей моихъ много за единовѣріе: все повелѣнное мною хотятъ дѣлать, призывая бога на помощь, хотя здѣсь и строгое о семъ говорить запрещеніе. Выступайте съ однаго конца, а я бы съ другаго зачалъ.

Случилось мнѣ въ Вѣнѣ разговаривать съ однимъ нашимъ монахомъ, который по тамошней странѣ странствовалъ, и я у него многія подробности распрашивалъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что всѣ наши одновѣрцы, даже и женщинъ находилъ, которыя говорили: когда вы будете на освобожденіе наше? терзая себя при томъ за волосы, что ихъ жизнь столь несносна. И ето все знакъ добрый. Да и множество еще другихъ вѣстей есть, которыя я теперь описывать въ подробности нехочу для того, что много писать надобно будетъ.

---

*) О пребываніи А. Г. Орлова именно въ Венеціи говорится въ сочиненіи г. Петрова, т. II, стр. 361. Упоминаемые гр. Алексѣемъ Григорьевичемъ, князь Юрій и Грекъ Папазоли суть, очевидно, князь Ю. В Долгоруковъ и капитанъ Папа-Огли. Приложенная Орловымъ къ своему письму грамота Петра Великаго, къ Черногорцамъ, 19-го сентября 1715 года, напечатана въ Исторіи Россіи, *С. М. Соловьева*, т. XVI, стр. 403—405.

его Алексѣемъ Григорьевичемъ, который въ слѣдствіе того и былъ поставленъ во главѣ предпріятія. Для насъ же, въ приведенномъ разсказѣ князя Долгорукова важно еще и прямое указаніе на письмо графа А. Г. Орлова, и мы не сомнѣваемся, что письмо, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, и есть то самое, изъ коего мы печатаемъ отрывокъ. Итакъ, издаваемый нами документъ достовѣрно пріурочивается къ осеннимъ мѣсяцамъ 1768 года и писанъ А. Г. Орловымъ, по всей вѣроятности, изъ Венеціи *).

Я здѣсь нашолъ много людей одновѣрныхъ, которые желаютъ быть подъ командою нашею и служить въ теперешнемъ случаѣ противъ Турковъ. Да извѣстія есть многія, что вся гора Черная, такъ же и около лежащія мѣста, которыя принадлежатъ Отоманскому владѣнію нашаго закона за оружіе принимаются; о чемъ я увѣдомляю и если я что могу въ ономъ случаѣ сдѣлать, и ето будетъ надобно. А по моему мнѣнію это другаго сдѣлать бы немогло, чтобы внутри зажечь столь сильный огонь и помѣшательства дѣлать какъ въ привозѣ провіанта, такъ и армію раздѣлить. И если ѣхать, такъ ужь ѣхать до Константинополя, и освободить всѣхъ православныхъ и благочестивыхъ изъ подъ ига тяжкаго, которое они терпятъ. И скажу такъ какъ въ грамотѣ Государь Петръ Первый сказалъ, а ихъ невѣрныхъ магометанъ согнать въ поля и степи пустыя и песчаныя на прежнія ихъ жилища. А тутъ опять заведется благочестіе и скажемъ слава богу нашему и всемогущему. Трудъ же для меня повидимому какъ мнѣ кажется очень мало стоять будетъ привесть етотъ народъ противъ Турчанъ и чтобъ они у меня въ послушаніи были.

Они храбры, любятъ меня и товарищей моихъ много за единовѣріе: все повелѣнное мною хотятъ дѣлать, призывая бога на помощь, хотя здѣсь и строгое о семъ говорить запрещеніе. Выступайте съ однаго конца, а я бы съ другаго зачалъ.

Случилось мнѣ въ Вѣнѣ разговаривать съ однимъ нашимъ монахомъ, который по тамошней странѣ странствовалъ, и я у него многія подробности распрашивалъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что всѣ наши одновѣрцы, даже и женщинъ находилъ, которыя говорили: когда вы будете на освобожденіе наше? терзая себя при томъ за волосы, что ихъ жизнь столь несносна. И ето все знакъ добрый. Да и множество еще другихъ вѣстей есть, которыя я теперь описывать въ подробности нехочу для того, что много писать надобно будетъ.

---

*) О пребываніи А. Г. Орлова именно въ Венеціи говорится въ сочиненіи г. Петрова, т. II, стр. 361. Упоминаемые гр. Алексѣемъ Григорьевичемъ, князь Юрій и Грекъ Папазоли суть, очевидно, князь Ю. В Долгоруковъ и капитанъ Папа-Огли. Приложенная Орловымъ къ своему письму грамота Петра Великаго, къ Черногорцамъ, 19-го сентября 1715 года, напечатана въ Исторіи Россіи, *С. М. Соловьева*, т. XVI, стр. 403—405.

Приходили жъ ко мнѣ три человѣка изъ одной партіи Черногорцевъ нашея вѣры, сказывая о себѣ, что они намѣрены ѣхать моремъ противъ Турковъ, и чтобъ я имъ назначилъ мѣсто, гдѣ имъ сбираться, и если что въ добычу получатъ, куда прикажу привозить, чтобы гдѣ можно было складывать. На что я имъ отвѣчалъ: возмите друзья мои терпѣніе и навѣдывайтесь только обо мнѣ, пока я здѣсь, а здѣсь мнѣ съ вами переговоры вести опасно. На что они съ охотою согласились и сказали: какъ Господине повелишъ.

Такъ мое мнѣніе, ежели ето только надобно будетъ, къ чему нибудь, то должно будетъ сдѣлать по примѣру Государя Петра перваго, послать къ нимъ грамоту отъ двора ласковую съ хорошимъ, надежнымъ и искуснымъ человѣкомъ. А каковыя грамоты были присланы въ тогдашнее время, при семъ прилагаю къ вамъ точныя копіи съ тѣхъ грамотъ: а лучше еще можете справиться по архивѣ не былоль и еще другихъ какихъ *); а сіи я здѣсь могъ достать.

Самозванецъ же у нихъ уже той власти по сказкамъ не имѣетъ. И увѣряютъ, что прежній ихъ архіерей опять возвращенъ по старому. Объ офицерѣ жъ ты Григорій пишешъ своемъ Папазоли. Я его не видалъ, для того что я чрезъ то мѣсто не ѣхалъ, а пошлю съ нимъ поговорить потому, что мнѣ самому уѣхать будетъ туда подозрительно: и етому курьеру велѣлъ заѣхать въ Тріестъ и взять отъ него писма къ тебѣ. Сюдажъ ему пріѣхать опасно по нѣкоторымъ на него здѣсь подозрѣніямъ взятымъ отъ здѣшняго мѣста. А про него сказываютъ, что онъ еще и по сіе время тамъ живетъ, жалуясь при томъ на тебя, что онъ оставленъ, и неимѣетъ отвѣта на свои писма.

Если жъ я столь щастливъ могу быть, что ето дѣло по надобности повелено мнѣ будетъ производить, тогда не худо бъ было, если бъ вы прислали ко мнѣ искусныхъ артилеристовъ и инженеровъ. Да не знаю если возможность прислать нѣсколько артилеріи, хотя полевыхъ пушечекъ, и съ ними бъ можно было добра много подѣлать; такъ же надобно будетъ къ нимъ и снаряду. И если вы хотя кромѣ меня вознамѣритесь употребить въ ето дѣло, то подлежитъ при оной грамотѣ и портретъ того человѣка послать для вѣроятности оному народу, чтобъ онъ ошибиться не могъ, какъ и нынѣ съ ними ето случилось. А я свой портретъ уже списалъ, и готовъ держу. А если я назначенъ буду, то мнѣ иныхъ людей

---

*) Къ этому мѣсту на полѣ рукописи сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «Освѣдомился теперь самъ. При покойной Государынѣ были посыланы двѣ: одна въ 42-мъ, другая въ 54-мъ годѣ, да и нынѣча была грамота. Такъ не худо, ежели того бъ офицера спросить, который ѣздилъ туда, и распросить его до пряма обо всѣхъ обстоятельствахъ. А какъ я слышалъ, что прежде народъ о грамотахъ ни чего не зналъ; и за то чуть не побили своихъ старшинъ.

«И нѣсколько подарковъ; а лучше всего медали для народа; какъ они къ етому очень ласковы, и за честь себѣ ставятъ ихъ носить».

Приходили къ ко мнѣ три человѣка изъ одной партіи Черногорцевъ нашея вѣры, сказывая о себѣ, что они намѣрены ѣхать моремъ противъ Турковъ, и чтобъ я имъ назначилъ мѣсто, гдѣ имъ сбираться, и если что въ добычу получатъ, куда прикажу привозить, чтобы гдѣ можно было складывать. На что я имъ отвѣчалъ: возмите друзья мои терпѣніе и навѣдывайтесь только обо мнѣ, пока я здѣсь, а здѣсь мнѣ съ вами переговоры вести опасно. На что они съ охотою согласились и сказали: какъ Господине повелишъ.

Такъ мое мнѣніе, ежели ето только надобно будетъ, къ чему нибудь, то должно будетъ сдѣлать по примѣру Государя Петра перваго, послать къ нимъ грамоту отъ двора ласковую съ хорошимъ, надежнымъ и искуснымъ человѣкомъ. А каковыя грамоты были присланы въ тогдашнее время, при семъ прилагаю къ вамъ точныя копіи съ тѣхъ грамотъ: а лучше еще можете справиться по архивѣ не былоль и еще другихъ какихъ *); а сіи я здѣсь могъ достать.

Самозванецъ же у нихъ уже той власти по сказкамъ не имѣетъ. И увѣряютъ, что прежній ихъ архіерей опять возвращенъ по старому. Объ офицерѣ жъ ты Григорій пишешъ своемъ Папазоли. Я его не видалъ, для того что я чрезъ то мѣсто не ѣхалъ, а пошлю съ нимъ поговорить потому, что мнѣ самому уѣхать будетъ туда подозрительно: и етому курьеру велѣлъ заѣхать въ Тріестъ и взять отъ него писма къ тебѣ. Сюдажъ ему пріѣхать опасно по нѣкоторымъ на него здѣсь подозрѣніямъ взятымъ отъ здѣшняго мѣста. А про него сказываютъ, что онъ еще и по сіе время тамъ живетъ, жалуясь при томъ на тебя, что онъ оставленъ, и неимѣетъ отвѣта на свои писма.

Если жъ я столь щастливъ могу быть, что ето дѣло по надобности повелено мнѣ будетъ производить, тогда не худо бъ было, если бъ вы прислали ко мнѣ искусныхъ артилеристовъ и инженеровъ. Да не знаю если возможность прислать нѣсколько артилеріи, хотя полевыхъ пушечекъ, и съ ними бъ можно было добра много подѣлать; такъ же надобно будетъ къ нимъ и снаряду. И если вы хотя кромѣ меня вознамѣритесь употребить въ ето дѣло, то подлежитъ при оной грамотѣ и портретъ того человѣка послать для вѣроятности оному народу, чтобъ онъ ошибиться не могъ, какъ и нынѣ съ ними ето случилось. А я свой портретъ уже списалъ, и готовъ держу. А если я назначенъ буду, то мнѣ иныхъ людей

---

*) Къ этому мѣсту на полѣ рукописи сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «Освѣдомился теперь самъ. При покойной Государынѣ были посыланы двѣ: одна въ 42-мъ, другая въ 54-мъ годѣ, да и нынѣча была грамота. Такъ не худо, ежели того бъ офицера спросить, который ѣздилъ туда, и распросить его до пряма обо всѣхъ обстоятельствахъ. А какъ я слышалъ, что прежде народъ о грамотахъ ни чего не зналъ; и за то чуть не побили своихъ старшинъ.

«И нѣсколько подарковъ; а лучше всего медали для народа; какъ они къ етому очень ласковы, и за честь себѣ ставятъ ихъ носить».

ни кого не надобно будетъ, кромѣ охотниковъ, которые сами пожелаютъ быть и со мною вмѣстѣ служить отечеству. Спросите тогда у Князь Юрія, и ему велите спросить въ моемъ полку у офицеровъ, а объ артилеристахъ въ бомбардирской ротѣ. И кто пожелаетъ, тѣхъ прошу и прислать ко мнѣ, только при томъ и разобрать людей достойныхъ и недостойныхъ такъ же и надежныхъ. Такожъ и у другихъ спросить, кто пожелаетъ.

Сила жъ всѣхъ етихъ народовъ состоитъ въ ручномъ бою на палашахъ, и храбры какъ не льзя больше. Отъ чего и всѣ здѣшнія мѣста имѣютъ отъ нихъ великое опасеніе, и въ теперешнемъ случаѣ, по великому секрету отправляютъ свои войска на границы и посылаютъ туда своихъ командировъ. Маршируютъ же по два въ рядъ, становятся къ бою въ четыре шеренги, огня долго не выдерживаютъ, а атакуютъ сами за всегда съ палашами своими. Барабаны имѣютъ: а больше въ употребленіи у нихъ дудочки на подобіе флейтъ голосомъ. Знамена жъ ихъ всѣ съ образами такъ какъ наши казацкія. Народъ же здоровъ, крѣпокъ и легокъ, и къ понесенію трудовъ очень способный, жаждущъ на всякую добычь, въ вѣрѣ крѣпокъ и даже непоколебимъ: и Турки по сказкамъ многимъ всегда противу ихъ тройное число посылаютъ: и очень рѣдко, чтобъ когда нибудь они были отъ Турковъ побѣждены, а по большей части удачу имѣли на своей сторонѣ. Недостатокъ же ихъ въ томъ, что они не имѣютъ артилеріи ни какой почти, и на войну ходятъ не приготовливая провіанта, а кто только можетъ взять съ собою, а послѣ питаются грабежемъ; а если чего недостанутъ, тогда опять возвращаются въ свои жилища. О положеніи ихъ лагеревъ и какимъ порядкомъ они становятся, того не могъ до пряма еще узнать.

Да еще подлежитъ въ грамотѣ написать: хотя бъ и миръ съ Портою сдѣлался у насъ, тогда ихъ не оставить и дать объ ономъ знать имъ; а не такъ поступить, какъ поступлено было при Петрѣ первомъ. Они еще все воевали, а у насъ уже и миръ заключенъ былъ. И какъ у етихъ людей больше всѣ дѣла идутъ въ память по преданіямъ, то въ иныхъ случаяхъ оно больше и умножается или увеличивается, а ето ихъ очень много будетъ анкуражировать.

Артилерію жъ на первый случай я постараюсь достать куплею черезъ купцовъ въ приморскихъ здѣшнихъ и около лежащихъ крѣпостяхъ: въ чемъ я чаю большаго затрудненія быть для меня не можетъ.

Да при томъ надобно жъ на ето деньги.

И они всѣ себя считаютъ, что они подъ протекціею Нашей державы: и объ томъ случаѣ очень сожалѣютъ, что они тогда такъ оставлены были и брошены почти на съѣденіе Туркамъ.

Да не безъ нужды кажется, что бъ отъ двора нашего, если заблагоразсудятъ, отписать къ здѣшнему правленію, чтобъ они безвозбранно пропущали по своему морю какъ въ Черную гору такъ и на задъ Россійскихъ людей, или посланныхъ изъ Россіи. А ето они принуждены будутъ сдѣлать, если только Агличане въ оное

ни кого не надобно будетъ, кромѣ охотниковъ, которые сами пожелаютъ быть и со мною вмѣстѣ служить отечеству. Спросите тогда у Князь Юрія, и ему велите спросить въ моемъ полку у офицеровъ, а объ артилеристахъ въ бомбардирской ротѣ. И кто пожелаетъ, тѣхъ прошу и прислать ко мнѣ, только при томъ и разобрать людей достойныхъ и недостойныхъ такъ же и надежныхъ. Такожъ и у другихъ спросить, кто пожелаетъ.

Сила жъ всѣхъ етихъ народовъ состоитъ въ ручномъ бою на палашахъ, и храбры какъ не льзя больше. Отъ чего и всѣ здѣшнія мѣста имѣютъ отъ нихъ великое опасеніе, и въ теперешнемъ случаѣ, по великому секрету отправляютъ свои войска на границы и посылаютъ туда своихъ командировъ. Маршируютъ же по два въ рядъ, становятся къ бою въ четыре шеренги, огня долго не выдерживаютъ, а атакуютъ сами за всегда съ палашами своими. Барабаны имѣютъ: а больше въ употребленіи у нихъ дудочки на подобіе флейтъ голосомъ. Знамена жъ ихъ всѣ съ образами такъ какъ наши казацкія. Народъ же здоровъ, крѣпокъ и легокъ, и къ понесенію трудовъ очень способный, жаждущъ на всякую добычь, въ вѣрѣ крѣпокъ и даже непоколебимъ: и Турки по сказкамъ многимъ всегда противу ихъ тройное число посылаютъ: и очень рѣдко, чтобъ когда нибудь они были отъ Турковъ побѣждены, а по большей части удачу имѣли на своей сторонѣ. Недостатокъ же ихъ въ томъ, что они не имѣютъ артилеріи ни какой почти, и на войну ходятъ не приготовливая провіанта, а кто только можетъ взять съ собою, а послѣ питаются грабежемъ; а если чего недостанутъ, тогда опять возвращаются въ свои жилища. О положеніи ихъ лагеревъ и какимъ порядкомъ они становятся, того не могъ до пряма еще узнать.

Да еще подлежитъ въ грамотѣ написать: хотя бъ и миръ съ Портою сдѣлался у насъ, тогда ихъ не оставить и дать объ ономъ знать имъ; а не такъ поступить, какъ поступлено было при Петрѣ первомъ. Они еще все воевали, а у насъ уже и миръ заключенъ былъ. И какъ у етихъ людей больше всѣ дѣла идутъ въ память по преданіямъ, то въ иныхъ случаяхъ оно больше и умножается или увеличивается, а ето ихъ очень много будетъ анкуражировать.

Артилерію жъ на первый случай я постараюсь достать куплею черезъ купцовъ въ приморскихъ здѣшнихъ и около лежащихъ крѣпостяхъ: въ чемъ я чаю большаго затрудненія быть для меня не можетъ.

Да при томъ надобно жъ на ето деньги.

И они всѣ себя считаютъ, что они подъ протекціею Нашей державы: и объ томъ случаѣ очень сожалѣютъ, что они тогда такъ оставлены были и брошены почти на съѣденіе Туркамъ.

Да не безъ нужды кажется, что бъ отъ двора нашего, если заблагоразсудятъ, отписать къ здѣшнему правленію, чтобъ они безвозбранно пропущали по своему морю какъ въ Черную гору такъ и на задъ Россійскихъ людей, или посланныхъ изъ Россіи. А ето они принуждены будутъ сдѣлать, если только Агличане въ оное

дѣло войдутъ по тому, что здѣшнее мѣсто никого такъ не ласкаетъ какъ етотъ народъ, имѣя во всѣхъ нужныхъ случаяхъ его себѣ въ подкрѣпленіе, и на нихъ однихъ надѣятся, почитая что они вездѣ за волю вступаются.

Беречься же какъ возможно Цесарскаго двора, сколько мнѣ самому примѣтить удалось, и по разговорамъ со мною во многихъ случаяхъ съ разными видѣть могъ, что они намъ величайшіе непріятели. Тако жъ я посылалъ разговаривать и между людьми простыми и купцами, то всѣ можно сказать желаютъ побѣды надъ нашими войсками: а никто я чаю столь много не завидуетъ намъ, какъ они великости и славѣ нашего народа.

Цесарскаго

Отвѣта вашего дожидаться буду съ не терпѣніемъ. Признаюсь вамъ мы всѣ въ великомъ теперь огнѣ, я хоть бы теперь драться радъ, и надѣюсь чтобъ при помощи божіей и щастіемъ Нашея Самодержицы, осмѣлюсь сказать, прислалъ бы я къ вамъ для всей нашей арміи стельки подъ сапоги изъ Турецкихъ стеганыхъ чалмъ.

Надобно жъ мнѣ будетъ и для переводу турецкаго языка, кто бы оный могъ знать совершенно; и умѣлъ бы и написать, буде случится нужда бумажки разобрать или разослать; безъ чего обойтися не можно.

За тѣмъ прощайте, и отвѣтъ скорѣе пришлите съ тѣмъ или съ другимъ, по чему бъ я могъ при одномъ концѣ оставаться.

Прощайте, все ето происходитъ отъ понуждаемой ревностью горячести какъ для всеобщей матери, такъ и для отечества.

Прощайте, долго безъ отвѣта не оставте, не упускайте времени.

Сего 17 дня, въ 12 часѣ ночи получилъ извѣстіе, что нѣкоторыя мѣстечка здѣшняго владѣнія, которыя всѣ состоятъ изъ этихъ черногоровъ взбунтовались, и соединясь съ тѣми, взялись за оружіе. Хотѣли ихъ отъ онаго удержать, но они не согласясь, наконецъ разбили всѣхъ; и здѣсь ето подъ величайшимъ секретомъ. Такъ же опасаются и сами дурныхъ для себя слѣдствій.

При етихъ же извѣстіяхъ еще подтверждаютъ, что противъ Турковъ очень много Христіанъ собираются, только совсѣмъ еще между собою не всѣ согласны; а разными партіями; такъ и выйдетъ дѣло сомнюсь мало важное, ежели ихъ не свесть въмѣстѣ.

дѣло войдутъ по тому, что здѣшнее мѣсто никого такъ не ласкаетъ какъ етотъ народъ, имѣя во всѣхъ нужныхъ случаяхъ его себѣ въ подкрѣпленіе, и на нихъ однихъ надѣятся, почитая что они вездѣ за волю вступаются.

Беречься же какъ возможно Цесарскаго двора, сколько мнѣ самому примѣтить удалось, и по разговорамъ со мною во многихъ случаяхъ съ разными видѣть могъ, что они намъ величайшіе непріятели. Тако жъ я посылалъ разговаривать и между людьми простыми и купцами, то всѣ можно сказать желаютъ побѣды надъ нашими войсками: а никто я чаю столь много не завидуетъ намъ, какъ они великости и славѣ нашего народа.

Отвѣта вашего дожидаться буду съ не терпѣніемъ. Признаюсь вамъ мы всѣ въ великомъ теперь огнѣ, я хоть бы теперь драться радъ, и надѣюсь чтобъ при помощи божіей и щастіемъ Нашея Самодержицы, осмѣлюсь сказать, прислалъ бы я къ вамъ для всей нашей арміи стельки подъ сапоги изъ Турецкихъ стеганыхъ чалмъ.

Надобно жъ мнѣ будетъ и для переводу турецкаго языка, кто бы оный могъ знать совершенно; и умѣлъ бы я написать, буде случится нужда бумажки разобрать или разослать; безъ чего обойтися не можно.

За тѣмъ прощайте, и отвѣтъ скорѣе пришлите съ тѣмъ или съ другимъ, по чему бъ я могъ при одномъ концѣ оставаться.

Прощайте, все ето происходитъ отъ понуждаемой ревностью горячести какъ для всеобщей матери, такъ и для отечества.

Прощайте, долго безъ отвѣта не оставте, не упускайте времени.

Сего 17 дня, въ 12 часѣ ночи получилъ извѣстіе, что нѣкоторыя мѣстечка здѣшняго владѣнія, которыя всѣ состоятъ изъ этихъ черногоровъ взбунтовались, и соединясь съ тѣми, взялись за оружіе. Хотѣли ихъ отъ онаго удержать, но они не согласясь, наконецъ разбили всѣхъ; и здѣсь ето подъ величайшимъ секретомъ. Такъ же опасаются и сами дурныхъ для себя слѣдствій.

При етихъ же извѣстіяхъ еще подтверждаютъ, что противъ Турковъ очень много Христіанъ собираются, только совсѣмъ еще между собою не всѣ согласны; а разными партіями; такъ и выйдетъ дѣло сомнюсь мало важное, ежели ихъ не свесть въмѣстѣ.

А. Я. ШУБИНЪ.

Новѣйшіе изслѣдователи исторіи русскаго двора въ XVIII вѣкѣ уже подмѣтили тяжелую судьбу нѣсколькихъ „героевъ случайности", которые лишь на краткое время являются — говоря старинным слогомъ — „на позорищѣ исторіи" и затѣмъ исчезаютъ на всегда, по большей части осужденные на долгія искупительныя страданія. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ прапорщикъ Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ. Его выдвинула одна красота, безъ другихъ особенныхъ качествъ. Случайно замѣченный цесаревной Елизаветою Петровною, по словамъ Гельбига *), еще при жизни императрицы Екатерины I, Шубинъ пользовался благосклонностью принцессы и въ 1730 году, когда на престолъ вступила императрица Анна Іоанновна. Эта государыня вскорѣ обратила вниманіе на личность Шубина, и онъ былъ внезапно удаленъ отъ двора — сперва въ Ревель, а потомъ, какъ видно изъ печатаемыхъ документовъ, былъ сосланъ въ Сибирь. Тамъ несчастный красавецъ провелъ десять лѣтъ въ совершенной неизвѣстности и былъ вызванъ изъ ссылки только императрицею Елизаветою. Она вспомнила о Шубинѣ на четвертый же день по своемъ воцареніи; но мѣсто заключенія А. Я. Шубина и даже имя его, какъ секретнаго арестанта, не были извѣстны даже въ канцеляріи Сибирскаго губернатора, а потому ссыльнаго долго не могли найдти. Этимъ объясняется происхожденіе послѣдняго изъ печатаемыхъ документовъ и отправка нарочнаго, подпоручика Булгакова. Если вѣрить Гельбигу, Булгаковъ нашелъ Шубина только случайно: Осмотрѣвъ всѣ остроги вплоть до самой Камчатки, спрашивая всюду Шубина и не получая нигдѣ отвѣта, Булгаковъ зашелъ въ послѣдній изъ осмотрѣнныхъ остроговъ вторично,

*) Russische Günstlinge (Tübingen, 1809), стр. 220 и слѣд.

А. Я. ШУБИНЪ.

Новѣйшіе изслѣдователи исторіи русскаго двора въ XVIII вѣкѣ уже подмѣтили тяжелую судьбу нѣсколькихъ „героевъ случайности", которые лишь на краткое время являются — говоря старинным слогомъ — „на позорищѣ исторіи" и затѣмъ исчезаютъ на всегда, по большей части осужденные на долгія искупительныя страданія. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ прапорщикъ Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ. Его выдвинула одна красота, безъ другихъ особенныхъ качествъ. Случайно замѣченный цесаревной Елизаветою Петровною, по словамъ Гельбига *), еще при жизни императрицы Екатерины I, Шубинъ пользовался благосклонностью принцессы и въ 1730 году, когда на престолъ вступила императрица Анна Іоанновна. Эта государыня вскорѣ обратила вниманіе на личность Шубина, и онъ былъ внезапно удаленъ отъ двора — сперва въ Ревель, а потомъ, какъ видно изъ печатаемыхъ документовъ, былъ сосланъ въ Сибирь. Тамъ несчастный красавецъ провелъ десять лѣтъ въ совершенной неизвѣстности и былъ вызванъ изъ ссылки только императрицею Елизаветою. Она вспомнила о Шубинѣ на четвертый же день по своемъ воцареніи; но мѣсто заключенія А. Я. Шубина и даже имя его, какъ секретнаго арестанта, не были извѣстны даже въ канцеляріи Сибирскаго губернатора, а потому ссыльнаго долго не могли найдти. Этимъ объясняется происхожденіе послѣдняго изъ печатаемыхъ документовъ и отправка нарочнаго, подпоручика Булгакова. Если вѣрить Гельбигу, Булгаковъ нашелъ Шубина только случайно: Осмотрѣвъ всѣ остроги вплоть до самой Камчатки, спрашивая всюду Шубина и не получая нигдѣ отвѣта, Булгаковъ зашелъ въ послѣдній изъ осмотрѣнныхъ остроговъ вторично,

*) Russische Günstlinge (Tübingen, 1809), стр. 220 и слѣд.

велѣлъ подводить къ себѣ арестантовъ по одиночкѣ и сталъ внимательно всматриваться въ глаза каждому, дѣлая обычный вопросъ. Но и на этотъ разъ, перебравъ всѣхъ заключенныхъ, Булгаковъ не получилъ желаемаго отвѣта. Въ отчаяніи отъ безуспѣшности трудовъ, за которые безъ результата нельзя было ожидать награды, Булгаковъ, какъ-бы говоря самъ съ собою, произнесъ слова: „Чтожь я скажу государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ!“ Вдругъ одинъ изъ арестантовъ, промолчавшій, когда ему сдѣланъ былъ вопросъ—не онъ ли Шубинъ, говоритъ: „Какъ, Елизавета Петровна на престолѣ?“ „Да“, отвѣчаетъ Булгаковъ. „Такъ я Шубинъ!“ До такой степени боязнь ухудшенія участи заставляла Шубина скрывать свою фамилію.

Шубинъ былъ привезенъ въ Петербургъ не ранѣе лѣта 1743 года, то есть, уже въ то время, когда положеніе тогдашняго фаворита графа Алексѣя Григорьевича окончательно опредѣлилось и упрочилось. Страшная перемѣна въ постарѣвшемъ и ослабѣвшемъ раньше времени Шубинѣ сдѣлала невозможною для него службу при дворѣ. Произведенный въ генералъ-поручики и щедро одаренный помѣстьями и пенсіей, Шубинъ получилъ отставку и провелъ остатокъ дней въ неизвѣстности.

П. П-въ.

I.

Всеподданнѣйшее донесеніе Ревельскаго коменданта Вилима фонъ-Дельдена, отъ 28-го декабря 1731 года.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская! Вашего Императорскаго Величества высокій указъ, писанный сего декабря 22-го, получилъ я чрезъ присланнаго изъ С.-Петербурга, отъ г. генерала-фельдцейхмейстера графа фонъ-Миниха, Ладожскаго пѣхотнаго полку поручика фонъ-Трейдена того жь декабря 27-го дня; по которому велѣно мнѣ посланному отъ онаго г. генерала-фельдцейхмейстера для взятья изъ Ревельскаго гарнизона оберъ-офицера, и котораго именемъ требовать будетъ, отдать его тому присланному подъ караулъ, немедленно; и по тому Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшему высокому указу, какъ по прибытіи въ Ревель помянутый поручикъ Трейденъ объявилъ мнѣ, что велѣно ему взять Ревельскаго гарнизона Дерптскаго полку прапорщика Алексѣя Шубина, того жь момента онъ, Шубинъ, мною и онымъ Трейденомъ тайнымъ поведеніемъ взять подъ крѣпкій караулъ, а пожитки его имъ, Трейденомъ, при мнѣ описаны,

велѣлъ подводить къ себѣ арестантовъ по одиночкѣ и сталъ внимательно всматриваться въ глаза каждому, дѣлая обычный вопросъ. Но и на этотъ разъ, перебравъ всѣхъ заключенныхъ, Булгаковъ не получилъ желаемаго отвѣта. Въ отчаяніи отъ безуспѣшности трудовъ, за которые безъ результата нельзя было ожидать награды, Булгаковъ, какъ-бы говоря самъ съ собою, произнесъ слова: „Чтожь я скажу государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ!“ Вдругъ одинъ изъ арестантовъ, промолчавшій, когда ему сдѣланъ былъ вопросъ—не онъ ли Шубинъ, говоритъ: „Какъ, Елизавета Петровна на престолѣ?“ „Да“, отвѣчаетъ Булгаковъ. „Такъ я Шубинъ!“ До такой степени боязнь ухудшенія участи заставляла Шубина скрывать свою фамилію.

Шубинъ былъ привезенъ въ Петербургъ не ранѣе лѣта 1743 года, то есть, уже въ то время, когда положеніе тогдашняго фаворита графа Алексѣя Григорьевича окончательно опредѣлилось и упрочилось. Страшная перемѣна въ постарѣвшемъ и ослабѣвшемъ раньше времени Шубинѣ сдѣлала невозможною для него службу при дворѣ. Произведенный въ генералъ-поручики и щедро одаренный помѣстьями и пенсіей, Шубинъ получилъ отставку и провелъ остатокъ дней въ неизвѣстности.

П. П-въ.

I.

Всеподданнѣйшее донесеніе Ревельскаго коменданта Вилима фонъ-Дельдена, отъ 28-го декабря 1731 года.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская! Вашего Императорскаго Величества высокій указъ, писанный сего декабря 22-го, получилъ я чрезъ присланнаго изъ С.-Петербурга, отъ г. генерала-фельдцейхмейстера графа фонъ-Миниха, Ладожскаго пѣхотнаго полку поручика фонъ-Трейдена того жь декабря 27-го дня; по которому велѣно мнѣ посланному отъ онаго г. генерала-фельдцейхмейстера для взятья изъ Ревельскаго гарнизона оберъ-офицера, и котораго именемъ требовать будетъ, отдать его тому присланному подъ караулъ, немедленно; и по тому Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшему высокому указу, какъ по прибытіи въ Ревель помянутый поручикъ Трейденъ объявилъ мнѣ, что велѣно ему взять Ревельскаго гарнизона Дерптскаго полку прапорщика Алексѣя Шубина, того жь момента онъ, Шубинъ, мною и онымъ Трейденомъ тайнымъ поведеніемъ взять подъ крѣпкій караулъ, а пожитки его имъ, Трейденомъ, при мнѣ описаны,

изъ которыхъ нѣкоторые взялъ съ собою, а другіе оставилъ въ Ревелѣ за печатью своею; и оный порутчикъ фонъ-Трейденъ съ нимъ Шубинымъ отправлены изъ Ревеля въ С.-Петербургъ сего числа, а для караулу посланы съ нимъ сержантъ одинъ, солдатъ пять человѣкъ.

Вашего Императорскаго Величества
всенижайшій рабъ фонъ-Дельденъ.

II.

Всеподданнѣйшее доношеніе генералъ-фельдцейхмейстера Бургарда-Христофора Миниха, отъ 2-го января 1732 года.

Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу: посланный отъ меня по имянному Вашего Императорскаго Величества указу для взятья Ревельскаго гарнизона прапорщика Шубина, порутчикъ фонъ-Трейденъ декабря 31-го дня мнѣ явился и помянутаго прапорщика Шубина привезъ подъ крѣпкимъ карауломъ, и при немъ два человѣка людей его, о которыхъ онъ помянутому поручику объявилъ, чтобъ взять ихъ съ нимъ подъ арестъ же, также письма и нѣкоторые пожитки, и онъ прапорщикъ, тако жь и люди его, по силѣ Вашего Императорскаго Величества имянного указа до прибытія Вашего Величества содержутся за крѣпкимъ арестомъ въ С.-Петербургской крѣпости каждый порознь, а что на нихъ пожитковъ сюда привезено, о томъ съ поданнаго отъ помянутаго порутчика регистра при семъ во всенижайшей моей покорности въ копіи пріобщаю; и присланныя письма я разсматривалъ, и явились его деревенскія партикулярныя и полковыя, а причинныхъ никакихъ не имѣется, и оные письма и пожитки содержутся у меня подъ карауломъ и за печатями.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ.

III.

Высочайшій указъ на имя генералъ-фельдцейхмейстера Миниха, отъ 5-го Января 1722 года.

Привезеннаго въ силу моего указа Ревельскаго гарнизона прапорщика Алексѣя Шубина за всякія лести его указали мы послать въ Сибирь, а какъ и гдѣ его въ Сибири содержать, о томъ посылается при семъ съ нашего указа губернатору Сибирскому для того нашему генералу-фельдцейхмейстеру; а по полученіи сего, его Шубина и съ находящимися людьми его отправить прямо черезъ Вологду въ Сибирь немедленно, придавъ ему одного добраго оберъ- или ундеръ-офицера съ пристойнымъ числомъ солдатъ, и велѣть ихъ вести дорогою тайно, чтобы посторонніе отнюдь вѣдать о немъ не могли, и для того въ городахъ и въ другихъ знатныхъ мѣстахъ

изъ которыхъ нѣкоторые взялъ съ собою, а другіе оставилъ въ Ревелѣ за печатью своею; и оный порутчикъ фонъ-Трейденъ съ нимъ Шубинымъ отправлены изъ Ревеля въ С.-Петербургъ сего числа, а для караулу посланы съ нимъ сержантъ одинъ, солдатъ пять человѣкъ.

Вашего Императорскаго Величества
всенижайшій рабъ фонъ-Дельденъ.

II.

Всеподданнѣйшее доношеніе генералъ-фельдцейхмейстера Бургарда-Христофора Миниха, отъ 2-го января 1732 года.

Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу: посланный отъ меня по имянному Вашего Императорскаго Величества указу для взятья Ревельскаго гарнизона прапорщика Шубина, порутчикъ фонъ-Трейденъ декабря 31-го дня мнѣ явился и помянутаго прапорщика Шубина привезъ подъ крѣпкимъ карауломъ, и при немъ два человѣка людей его, о которыхъ онъ помянутому поручику объявилъ, чтобъ взять ихъ съ нимъ подъ арестъ же, также письма и нѣкоторые пожитки, и онъ прапорщикъ, тако жь и люди его, по силѣ Вашего Императорскаго Величества имянного указа до прибытія Вашего Величества содержутся за крѣпкимъ арестомъ въ С.-Петербургской крѣпости каждый порознь, а что на нихъ пожитковъ сюда привезено, о томъ съ поданнаго отъ помянутаго порутчика регистра при семъ во всенижайшей моей покорности въ копіи пріобщаю; и присланныя письма я разсматривалъ, и явились его деревенскія партикулярныя и полковыя, а причинныхъ никакихъ не имѣется, и оные письма и пожитки содержутся у меня подъ карауломъ и за печатями.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ.

III.

Высочайшій указъ на имя генералъ-фельдцейхмейстера Миниха, отъ 5-го Января 1722 года.

Привезеннаго въ силу моего указа Ревельскаго гарнизона прапорщика Алексѣя Шубина за всякія лести его указали мы послать въ Сибирь, а какъ и гдѣ его въ Сибири содержать, о томъ посылается при семъ съ нашего указа губернатору Сибирскому для того нашему генералу-фельдцейхмейстеру; а по полученіи сего, его Шубина и съ находящимися людьми его отправить прямо черезъ Вологду въ Сибирь немедленно, придавъ ему одного добраго оберъ-или ундеръ-офицера съ пристойнымъ числомъ солдатъ, и велѣть ихъ вести дорогою тайно, чтобы посторонніе отнюдь вѣдать о немъ не могли, и для того въ городахъ и въ другихъ знатныхъ мѣстахъ

съ ними не останавливаться, всегда въ малыхъ деревняхъ, и накрѣпко смотрѣть, чтобы онъ, ѣдучи деревнею, о себѣ никуда извѣстія подать не могъ; и о томъ обо всемъ дать отъ себя тому посланному надлежащую инструкцію, а потребныя на оное отправленіе деньги, что̀ подлежитъ держать, изъ канцеляріи вашего вѣдомства.

IV.

Въ указѣ губернатору Сибирской губерніи Алексѣю Плещееву между прочимъ предписано: Когда привезенъ будетъ Шубинъ съ людьми, принять его подъ свой караулъ „и такимъ образомъ, чтобы ни кто про него не вѣдалъ, отправить Сибирской губерніи въ самый отдаленный отъ Тобольска городской острогъ, въ которомъ такихъ арестантовъ не имѣется, и велѣть тамъ содержать его въ самомъ крѣпкомъ смотрѣніи, дабы посторонніе никто извѣститься о томъ не могли, и о томъ и людямъ такожде накрѣпко велѣть смотрѣть, чтобъ ни кому ни какихъ писемъ они не писали и къ нимъ не отдавать; а на пропитаніе давать ему Шубину и съ людьми его всѣмъ по 20 копѣекъ на день".

9-го января 1732 года Минихъ донесъ императрицѣ, что онъ получилъ данный 5-го января на его имя указъ, а также указъ Плещееву, и того же числа отправилъ Шубина и людей его „съ нарочнымъ Астраханскаго полку подпорутчикомъ Скрыплевымъ и надлежащимъ числомъ солдатъ на ямскихъ подводахъ".

V.

Регистръ пожиткамъ Ревельскаго гарнизона прапорщика Алексѣя Шубина, взятыхъ въ С.-Петербургѣ.

1) Писемъ всякихъ связка; 2) часы золотые одни; 3) табакерка золотая съ каменьямъ; 4) табакерка серебряная; 5) запонокъ золотыхъ съ синими камнями двѣ; 6) образъ маленькій съ алмазами; 7) другой образъ въ серебрѣ позолоченый; 8) денегъ въ мѣшечкѣ за его Шубина печатью рублевъ съ 5; 9) позументу стараго спорковъ, въ бумагѣ; 10) платковъ шелковыхъ половинчатовыхъ семь, да цѣлый одинъ; 11) рубашка тафтяная; 12) одѣяло тафтяное полосатое, подбито картукомъ; 13) шпага: ефесъ серебряный; 14) нити серебряныя съ протупеею тканою золотою, пряжка мѣдная; 15) шпага: ефесъ золоченый, грифъ серебряный; 16) шапка бархатная соболья съ кистью серебряною; 17) бешметъ тафтяной полосатый, подбитъ лисьимъ мѣхомъ, пуговицы золотомъ шиты; 18) кафтанъ, камзолъ и штаны суконные дикого цвѣту, пуговицы шиты золотомъ, подбитъ гардетуромъ; 19) кафтанъ васильковый суконный, петли и пуговицы обшивныя серебромъ, подбитъ сѣрыми овчинками; 20) камзолъ суконный черный простой; 21)

съ ними не останавливаться, всегда въ малыхъ деревняхъ, и накрѣпко смотрѣть, чтобы онъ, ѣдучи деревнею, о себѣ никуда извѣстія подать не могъ; и о томъ обо всемъ дать отъ себя тому посланному надлежащую инструкцію, а потребныя на оное отправленіе деньги, что̀ подлежитъ держать, изъ канцеляріи вашего вѣдомства.

IV.

Въ указѣ губернатору Сибирской губерніи Алексѣю Плещееву между прочимъ предписано: Когда привезенъ будетъ Шубинъ съ людьми, принять его подъ свой караулъ „и такимъ образомъ, чтобы ни кто про него не вѣдалъ, отправить Сибирской губерніи въ самый отдаленный отъ Тобольска городской острогъ, въ которомъ такихъ арестантовъ не имѣется, и велѣть тамъ содержать его въ самомъ крѣпкомъ смотрѣніи, дабы посторонніе никто извѣститься о томъ не могли, и о томъ и людямъ такожде накрѣпко велѣть смотрѣть, чтобъ ни кому ни какихъ писемъ они не писали и къ нимъ не отдавать; а на пропитаніе давать ему Шубину и съ людьми его всѣмъ по 20 копѣекъ на день".

9-го января 1732 года Минихъ донесъ императрицѣ, что онъ получилъ данный 5-го января на его имя указъ, а также указъ Плещееву, и того же числа отправилъ Шубина и людей его „съ нарочнымъ Астраханскаго полку подпорутчикомъ Скрыплевымъ и надлежащимъ числомъ солдатъ на ямскихъ подводахъ".

V.

Регистръ пожиткамъ Ревельскаго гарнизона прапорщика Алексѣя Шубина, взятыхъ въ С.-Петербургѣ.

1) Писемъ всякихъ связка; 2) часы золотые одни; 3) табакерка золотая съ каменьямъ; 4) табакерка серебряная; 5) запонокъ золотыхъ съ синими камнями двѣ; 6) образъ маленькій съ алмазами; 7) другой образъ въ серебрѣ позолоченый; 8) денегъ въ мѣшечкѣ за его Шубина печатью рублевъ съ 5; 9) позументу стараго спорковъ, въ бумагѣ; 10) платковъ шелковыхъ половинчатовыхъ семь, да цѣлый одинъ; 11) рубашка тафтяная; 12) одѣяло тафтяное полосатое, подбито картукомъ; 13) шпага: ефесъ серебряный; 14) нити серебряныя съ протупеею тканою золотою, пряжка мѣдная; 15) шпага: ефесъ золоченый, грифъ серебряный; 16) шапка бархатная соболья съ кистью серебряною; 17) бешметъ тафтяной полосатый, подбитъ лисьимъ мѣхомъ, пуговицы золотомъ шиты; 18) кафтанъ, камзолъ и штаны суконные дикого цвѣту, пуговицы шиты золотомъ, подбитъ гардетуромъ; 19) кафтанъ васильковый суконный, петли и пуговицы обшивныя серебромъ, подбитъ сѣрыми овчинками; 20) камзолъ суконный черный простой; 21)

портупея кортичная, шита серебромъ; 22) пряжка мѣдная; 23) протупеевъ двѣ, въ томъ числѣ одна съ позолоченою пряжкою.

Münnich.

VI.

Указъ нашему генералу-маіору и Сибирской губерніи губернатору.

Всемилостивѣйше указали мы бывшаго лейбъ-гвардіи прапорщика Алексѣя Шубина отпустить въ С.-Петербургъ, чтобъ явился при дворѣ нашемъ, и для того дать ему подводы, а на прогоны и на проѣздъ выдать ему 200 рублевъ изъ тамошнихъ губернскихъ доходовъ, и повелѣваемъ вамъ учинить по сему нашему указу.

Елисавета.

Ноября 29-го дня 1741 года.

Скрѣпилъ: Князь Алексѣй Черкасскій.

Внизу помѣта: Отправленъ съ нарочнымъ кабинетъ-курьеромъ Яковомъ Чихачевымъ въ Тобольскъ.

VII.

Указъ нашимъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ, воеводамъ и прочимъ управителямъ.

Понеже объявитель сего лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку подпоручикъ Алексѣй Булгаковъ отправленъ въ Сибирь до Камчатки, гдѣ содержимъ былъ лейбъ-гвардіи прапорщикъ Алексѣй Шубинъ, котораго по указу нашему, отправленному еще въ прошломъ 1741 году отъ 29-го дня ноября, велѣно оттуда отпустить ко двору нашему, но онъ и понынѣ не явился, и гдѣ нынѣ обрѣтается— не извѣстно, и для того повелѣно отъ насъ вышепоказанному подпоручику Булгакову, ѣдучи по тракту до Камчатки, объ ономъ Шубинѣ провѣдывать, не проѣзжалъ ли онъ гдѣ прежде его, и буде подлинно увѣдомиться, что онъ то мѣсто, въ которомъ объ немъ достовѣрное извѣстіе получитъ, проѣхалъ, то ему, подпоручику Булгакову, отъ оного мѣста возвратиться и слѣдовать за нимъ со всякимъ поспѣшеніемъ и, соединясь съ нимъ, ѣхать ко двору нашему; а ежели онъ въ пути объ немъ, Шубинѣ, подлиннаго извѣстія получить не можетъ, то какъ наискорѣе ѣхать до Камчатки и оттуда обще съ нимъ возвратиться сюда; буде же, паче чаянія, оный Булгаковъ его, Шубина, и въ Камчаткѣ не застанетъ, то освѣдомиться ему токмо, которымъ онъ трактомъ оттуда поѣхалъ и по тому жъ слѣдовать за нимъ со всякимъ поспѣшеніемъ и, соединясь съ нимъ, ѣхать обще ко двору нашему въ С.-Петербургъ.

Того ради повелѣваемъ нашимъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ, воеводамъ и прочимъ управителямъ: означенному отправленному отъ насъ подпоручику Булгакову отъ Санктъ-Петербурга по

портупея кортичная, шита серебромъ; 22) пряжка мѣдная; 23) протупеевъ двѣ, въ томъ числѣ одна съ позолоченою пряжкою.

Münnich.

VI.

Указъ нашему генералу-маіору и Сибирской губерніи губернатору.

Всемилостивѣйше указали мы бывшаго лейбъ-гвардіи прапорщика Алексѣя Шубина отпустить въ С.-Петербургъ, чтобъ явился при дворѣ нашемъ, и для того дать ему подводы, а на прогоны и на проѣздъ выдать ему 200 рублевъ изъ тамошнихъ губернскихъ доходовъ, и повелѣваемъ вамъ учинить по сему нашему указу.

Елисавета.

Ноября 29-го дня 1741 года.

Скрѣпилъ: Князь Алексѣй Черкасскій.

Внизу помѣта: Отправленъ съ нарочнымъ кабинетъ-курьеромъ Яковомъ Чихачевымъ въ Тобольскъ.

VII.

Указъ нашимъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ, воеводамъ и прочимъ управителямъ.

Понеже объявитель сего лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку подпоручикъ Алексѣй Булгаковъ отправленъ въ Сибирь до Камчатки, гдѣ содержимъ былъ лейбъ-гвардіи прапорщикъ Алексѣй Шубинъ, котораго по указу нашему, отправленному еще въ прошломъ 1741 году отъ 29-го дня ноября, велѣно оттуда отпустить ко двору нашему, но онъ и понынѣ не явился, и гдѣ нынѣ обрѣтается— не извѣстно, и для того повелѣно отъ насъ вышепоказанному подпоручику Булгакову, ѣдучи по тракту до Камчатки, объ ономъ Шубинѣ провѣдывать, не проѣзжалъ ли онъ гдѣ прежде его, и буде подлинно увѣдомиться, что онъ то мѣсто, въ которомъ объ немъ достовѣрное извѣстіе получитъ, проѣхалъ, то ему, подпоручику Булгакову, отъ оного мѣста возвратиться и слѣдовать за нимъ со всякимъ поспѣшеніемъ и, соединясь съ нимъ, ѣхать ко двору нашему; а ежели онъ въ пути объ немъ, Шубинѣ, подлиннаго извѣстія получить не можетъ, то какъ наискорѣе ѣхать до Камчатки и оттуда обще съ нимъ возвратиться сюда; буде же, паче чаянія, оный Булгаковъ его, Шубина, и въ Камчаткѣ не застанетъ, то освѣдомиться ему токмо, которымъ онъ трактомъ оттуда поѣхалъ и по тому жъ слѣдовать за нимъ со всякимъ поспѣшеніемъ и, соединясь съ нимъ, ѣхать обще ко двору нашему въ С.-Петербургъ.

Того ради повелѣваемъ нашимъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ, воеводамъ и прочимъ управителямъ: означенному отправленному отъ насъ подпоручику Булгакову отъ Санктъ-Петербурга по

тракту до Тобольска давать почтовыхъ, но гдѣ почтъ нѣтъ, ямскихъ и уѣздныхъ по двѣ, а отъ Тобольска до Камчатки съ провожатымъ по три подводы безъ всякаго задержанія и остановокъ, и сверхъ того, въ преосвѣдываніи по тракту объ ономъ Шубинѣ чинить ему вездѣ всякое вспоможеніе, и въ которомъ мѣстѣ онъ его, Шубина, найдетъ и возвратиться съ нимъ обще, то давать имъ обоимъ такихъ же подводъ, сколько потребно, за указные прогоны и провожатыхъ, какъ наискорѣе; а на платежъ отъ Санктъ-Петербурга до Тобольска прогонныя деньги даны ему изъ кабинета нашего, и сколько надлежитъ отъ Тобольска до Камчатки и обратно до Тобольска, то число по сему нашему указу дать ему изъ губернской Тобольской канцеляріи. И сей нашъ указъ прочитывая, отдавать его подпоручику Булгакову обратно. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, февраля 28-го дня 1743 года.

тракту до Тобольска давать почтовыхъ, но гдѣ почтъ нѣтъ, ямскихъ и уѣздныхъ по двѣ, а отъ Тобольска до Камчатки съ провожатымъ по три подводы безъ всякаго задержанія и остановокъ, и сверхъ того, въ преосвѣдываніи по тракту объ ономъ Шубинѣ чинить ему вездѣ всякое вспоможеніе, и въ которомъ мѣстѣ онъ его, Шубина, найдетъ и возвратиться съ нимъ обще, то давать имъ обоимъ такихъ же подводъ, сколько потребно, за указные прогоны и провожатыхъ, какъ наискорѣе; а на платежъ отъ Санктъ-Петербурга до Тобольска прогонныя деньги даны ему изъ кабинета нашего, и сколько надлежитъ отъ Тобольска до Камчатки и обратно до Тобольска, то число по сему нашему указу дать ему изъ губернской Тобольской канцеляріи. И сей нашъ указъ прочитывая, отдавать его подпоручику Булгакову обратно. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, февраля 28-го дня 1743 года.

СУДЬБА КНЯЗЕЙ ДОЛГОРУКОВЫХЪ ПРИ ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ.

Въ теченіе царствованія императрицы Анны Іоанновны неоднократно возникали слѣдственныя дѣла объ опальной фамиліи князей Долгоруковыхъ. Дѣла эти хранятся въ государственномъ архивѣ, и до сихъ поръ изъ нихъ обнародовано только немногое. Такъ, нѣсколько извѣстій и выписокъ изъ нихъ приведено въ статьяхъ К. И. Арсеньева: „Царствованіе Петра II“ (въ Трудахъ Императорской Россійской Академіи, кн. II), П. К. Щебальскаго: „Восшествіе на престолъ императрицы Анны“ (въ Русскомъ Вѣстникѣ 1859 г., № 1) и П. П. Пекарскаго: „Путешествіе академика Николая-Іосифа Делиля въ Березовъ въ 1740 году“ (въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ, т. VI, приложеніе), и въ XIX-мъ томѣ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева. Кромѣ того, въ сочиненіи князя П. В. Долгорукова: „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ“ напечатаны манифесты и указы, относящіеся до опалы Долгоруковыхъ при императрицѣ Аннѣ, да въ Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1864 г., кн. I, помѣщено: „Показаніе князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго и мнѣніе о томъ тайной канцеляріи“. Ко всѣмъ этимъ документамъ мы имѣемъ возможность присовокупить нѣсколько новыхъ матеріаловъ, значительно пополняющихъ извѣстныя доселѣ свѣдѣнія о судьбѣ князей Долгоруковыхъ съ 1730 по 1741 годъ. Печатаемые нами матеріалы суть: 1) допросы князю Василію Лукичу и показанія его въ апрѣлѣ 1730 года; 2) документы о ссылкѣ князя Сергѣя Григорьевича въ томъ же году; 3) допросы князю Ивану Алексѣевичу и показанія его въ 1738 году (частію въ подлинникѣ, частію въ извлеченіи); 4) допросы князю Сергѣю Григорьевичу и показанія его въ 1739

СУДЬБА КНЯЗЕЙ ДОЛГОРУКОВЫХЪ ПРИ ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ.

Въ теченіе царствованія императрицы Анны Іоанновны неоднократно возникали слѣдственныя дѣла объ опальной фамиліи князей Долгоруковыхъ. Дѣла эти хранятся въ государственномъ архивѣ, и до сихъ поръ изъ нихъ обнародовано только немногое. Такъ, нѣсколько извѣстій и выписокъ изъ нихъ приведено въ статьяхъ К. И. Арсеньева: „Царствованіе Петра II“ (въ Трудахъ Императорской Россійской Академіи, кн. II), П. К. Щебальскаго: „Восшествіе на престолъ императрицы Анны“ (въ Русскомъ Вѣстникѣ 1859 г., № 1) и П. П. Пекарскаго: „Путешествіе академика Николая-Іосифа Делиля въ Березовъ въ 1740 году“ (въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ, т. VI, приложеніе), и въ XIX-мъ томѣ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева. Кромѣ того, въ сочиненіи князя П. В. Долгорукова: „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ“ напечатаны манифесты и указы, относящіеся до опалы Долгоруковыхъ при императрицѣ Аннѣ, да въ Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1864 г., кн. I, помѣщено: „Показаніе князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго и мнѣніе о томъ тайной канцеляріи“. Ко всѣмъ этимъ документамъ мы имѣемъ возможность присовокупить нѣсколько новыхъ матеріаловъ, значительно пополняющихъ извѣстныя доселѣ свѣдѣнія о судьбѣ князей Долгоруковыхъ съ 1730 по 1741 годъ. Печатаемые нами матеріалы суть: 1) допросы князю Василію Лукичу и показанія его въ апрѣлѣ 1730 года; 2) документы о ссылкѣ князя Сергѣя Григорьевича въ томъ же году; 3) допросы князю Ивану Алексѣевичу и показанія его въ 1738 году (частію въ подлинникѣ, частію въ извлеченіи); 4) допросы князю Сергѣю Григорьевичу и показанія его въ 1739

году и 5) „Архивное извѣстіе о князьяхъ Долгорукихъ“, составленное по документамъ тайной канцеляріи въ 1741 году. Это „Извѣстіе“ заключаетъ въ себѣ обозрѣніе всего дѣла Долгоруковыхъ; сличеніе „Извѣстія“ съ другими документами по тому же событію свидѣтельствуетъ объ его точности и полнотѣ. Изъ числа печатаемыхъ нами документовъ, первые четыре нумера заимствованы изъ портфелей И. П. Шульгина, а пятый изъ одной старинной рукописи, принадлежавшей Д. И. Языкову.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ замѣтить, что показаніе князя Ивана Алексѣевича, напечатанное въ „Чтеніяхъ“, должно слѣдовать послѣ показаній тому же лицу, печатаемыхъ нами.

I.

Допросы князю Василію Лукичу Долгорукову въ 1730 году.

А.

Къ допросу пункты:

1. Блаженныя памяти государя императора Петра Втораго завѣщательное письмо или проэкты оному письму были ль, и кто ихъ сочинялъ, и гдѣ и въ какое время, и нынѣ у кого обрѣтается?

2. Другіе кто именно объ ономъ письмѣ знали, и когда объ нихъ сказывалъ, или самъ отъ кого слышалъ?

3. О объявленномъ завѣщательномъ письмѣ Ея Императорскому Величеству какъ доносилъ, что составлялъ оное Шафировъ, и вѣдали ль братья ваши—князь Алексѣй, князь Сергѣй, князь Иванъ и племянникъ князь Иванъ Долгорукіе, княгиня Александра и князь Сергіева княгиня Марѳа, въ какой силѣ о томъ Ея Императорскому Величеству приносилъ?

Князь Василій (Лукичъ) Долгорукой сказалъ:

О завѣщательномъ письмѣ или такого письма о проэктахъ государя императора Петра Втораго ни о какихъ никогда не слыхалъ и ни о чемъ о томъ не вѣдаетъ.

Во время Ея Императорскаго Величества походу изъ Митавы въ Москву и въ Москвѣ, между другими многими словами упоминалъ ли я о какомъ завѣщательномъ Его Императорскаго Величества письмѣ и о Шафировѣ и о другихъ, того за безпамятствомъ не помню, а когда такія слова въ памяти у самой Ея Императорскаго Величества, и то я совралъ ложь, и въ томъ всепокорно рабски прошу у Ея Императорскаго Величества, чтобъ

году и 5) „Архивное извѣстіе о князьяхъ Долгорукихъ“, составленное по документамъ тайной канцеляріи въ 1741 году. Это „Извѣстіе“ заключаетъ въ себѣ обозрѣніе всего дѣла Долгоруковыхъ; сличеніе „Извѣстія“ съ другими документами по тому же событію свидѣтельствуетъ объ его точности и полнотѣ. Изъ числа печатаемыхъ нами документовъ, первые четыре нумера заимствованы изъ портфелей И. П. Шульгина, а пятый изъ одной старинной рукописи, принадлежавшей Д. И. Языкову.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ замѣтить, что показаніе князя Ивана Алексѣевича, напечатанное въ „Чтеніяхъ“, должно слѣдовать послѣ показаній тому же лицу, печатаемыхъ нами.

I.

Допросы князю Василію Лукичу Долгорукову въ 1730 году.

А.

Къ допросу пункты:

1. Блаженныя памяти государя императора Петра Втораго завѣщательное письмо или проэкты оному письму были ль, и кто ихъ сочинялъ, и гдѣ и въ какое время, и нынѣ у кого обрѣтается?

2. Другіе кто именно объ ономъ письмѣ знали, и когда объ нихъ сказывалъ, или самъ отъ кого слышалъ?

3. О объявленномъ завѣщательномъ письмѣ Ея Императорскому Величеству какъ доносилъ, что составлялъ оное Шафировъ, и вѣдали ль братья ваши—князь Алексѣй, князь Сергѣй, князь Иванъ и племянникъ князь Иванъ Долгорукіе, княгиня Александра и князь Сергіева княгиня Марѳа, въ какой силѣ о томъ Ея Императорскому Величеству приносилъ?

Князь Василій (Лукичъ) Долгорукой сказалъ:

О завѣщательномъ письмѣ или такого письма о проэктахъ государя императора Петра Втораго ни о какихъ никогда не слыхалъ и ни о чемъ о томъ не вѣдаетъ.

Во время Ея Императорскаго Величества походу изъ Митавы въ Москву и въ Москвѣ, между другими многими словами упоминалъ ли я о какомъ завѣщательномъ Его Императорскаго Величества письмѣ и о Шафировѣ и о другихъ, того за безпамятствомъ не помню, а когда такія слова въ памяти у самой Ея Императорскаго Величества, и то я совралъ ложь, и въ томъ всепокорно рабски прошу у Ея Императорскаго Величества, чтобъ

4. Показать обо всемъ вышеписанномъ самую истину безъ всякой утайки подъ смертною казнію.

по природному своему милосердію милостиво меня раба своего простить позволила.

Ежели утаилъ или неправду сказалъ, въ томъ подтверждаю себя, какъ въ четвертомъ пунктѣ написано.

Подписалъ своеручно: Князь Василій Долгорукій.

Б.

Доносилъ ли ты Его Величеству, что есть духовная написанная и сочинена Шафировымъ и прочими?

Ея Величеству государынѣ императрицѣ, что есть духовная написанная и сочинена Шафировымъ и прочими, онъ князь Василій съ продерзости доносилъ ложно, желая за то Ея Величества больше къ себѣ милости.

Правду ли ты то доносилъ, и ежели то правда, гдѣ нынѣ оная, и самъ ли ты ее видѣлъ, или отъ кого слышалъ?

Онъ князь Василій доносилъ только о чемъ и выше значилъ, желая къ себѣ Ея Величества больше милости; а для чего въ первомъ своемъ допросѣ, безпамятствомъ отговариваясь, заперся, и въ томъ онъ предъ Ея Величествомъ приноситъ вину, ибо горести его тому виновны, и для того рабски Ея Императорскаго Величества проситъ о милосердомъ прощеніи въ той его винѣ.

Буде же ты донесъ неправду, чего ради ты то чинилъ, и для чего въ первомъ своемъ допросѣ, безпамятствомъ отговариваясь, заперся?

Во время болѣзни государевой не задолго до кончины имѣлись ли у васъ частые съѣзды въ Головинскій домъ, раза по два въ день, а иногда и ночью, также и въ другихъ домахъ? О чемъ въ тѣхъ съѣздахъ были у васъ совѣты, и не было ль у васъ о духовной и о наслѣдствѣ по ней толкованій?

Во время болѣзни государевой не задолго до кончины, въ Головинскомъ дому по однова и по два раза въ день, а иногда и ночью, онъ князь Василій пріѣзживалъ къ брату своему князю Алексѣю Григорьеву сыну Долгорукову, собою и по призыву его, и въ разговорахъ совѣтовали между собою: ежели Его Императорскому Величеству приключится кончина, чтобы наслѣдницей быть Ея Величеству государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; такожъ одинажды былъ

по природному своему милосердію милостиво меня раба своего простить позволила.

4. Показать обо всемъ вышеписанномъ самую истину безъ всякой утайки подъ смертною казнію.

Ежели утаилъ или неправду сказалъ, въ томъ подтверждаю себя, какъ въ четвертомъ пунктѣ написано.

Подписалъ своеручно: Князь Василій Долгорукій.

Б.

Доносилъ ли ты Его Величеству, что есть духовная написанная и сочинена Шафировымъ и прочими?

Ея Величеству государынѣ императрицѣ, что есть духовная написанная и сочинена Шафировымъ и прочими, онъ князь Василій съ продерзости доносилъ ложно, желая за то Ея Величества больше къ себѣ милости.

Правду ли ты то доносилъ, и ежели то правда, гдѣ нынѣ оная, и самъ ли ты ее видѣлъ, или отъ кого слышалъ?

Буде же ты донесъ неправду, чего ради ты то чинилъ, и для чего въ первомъ своемъ допросѣ, безпамятствомъ отговариваясь, заперся?

Онъ князь Василій доносилъ только о чемъ и выше значилъ, желая къ себѣ Ея Величества больше милости; а для чего въ первомъ своемъ допросѣ, безпамятствомъ отговариваясь, заперся, и въ томъ онъ предъ Ея Величествомъ приноситъ вину, ибо горести его тому виновны, и для того рабски Ея Императорскаго Величества просить о милосердомъ прощеніи въ той его винѣ.

Во время болѣзни государевой не задолго до кончины имѣлись ли у васъ частые съѣзды въ Головинскій домъ, раза по два въ день, а иногда и ночью, также и въ другихъ домахъ? О чемъ въ тѣхъ съѣздахъ были у васъ совѣты, и не было ль у васъ о духовной и о наслѣдствѣ по ней толкованій?

Во время болѣзни государевой не задолго до кончины, въ Головинскомъ дому по однова и по два раза въ день, а иногда и ночью, онъ князь Василій пріѣзживалъ къ брату своему князю Алексѣю Григорьеву сыну Долгорукову, собою и по призыву его, и въ разговорахъ совѣтовали между собою: ежели Его Императорскому Величеству приключится кончина, чтобы наслѣдницей быть Ея Величеству государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; такожъ одинажды былъ

онъ князь Василій въ домѣ князя Михайла Володимірова сына Долгорукова, и въ томъ домѣ съ нимъ князь Михайломъ да братомъ его князь Васильемъ Долгоруковыми разсуждали — быть наслѣдницею Ея жь Императорскому Величеству, и какъ въ Головинскомъ, такъ и въ помянутомъ князя Михайла Долгорукова домѣ во время тѣхъ разговоровъ, кромѣ вышеобъявленныхъ Долгорукихъ, посторонняхъ никого не было; а въ другихъ домахъ съѣздовъ онъ ни съ кѣмъ никогда и совѣту о наслѣдствѣ не имѣлъ; а о духовной очищено выше по первымъ пунктамъ.

О всемъ вышеписанномъ сказать тебѣ самую истинную правду подъ смертною казнію.

О вышеписанномъ онъ князь Василій сказалъ истинную правду подъ смертною казнію.

Подписалъ своеручно: Князь Василій Долгорукій.

Апрѣля 10-го дня 1730 года

Подобные же допросы были: князю Ивану Алексѣевичу, княгинѣ Маріѣ (женѣ князя Сергѣя Григорьевича), княгинѣ Александрѣ, князьямъ Алексѣю и Сергѣю Григорьевичамъ; эти допросы были произведены 9-го апрѣля 1730 года.

За тѣмъ 1-го марта 1731 года о томъ же допрашиванъ былъ вице-президентъ коммерцъ-коллегіи фонъ-Фикъ; въ числѣ шести допросныхъ ему пунктовъ въ одномъ (въ 4-мъ) говорится: «Какіе проекты ты о томъ дѣлѣ (т. е., объ ограниченіи самодержавія) сочинилъ тогда или и прежде того, и кому ты оные сообщилъ?» — Отвѣтъ Фика писалъ Ушаковъ, а Фикъ подписалъ по нѣмецки клятвенное утвержденіе, что онъ въ этихъ проектахъ никакого участія ни письменнаго, ни устнаго не принималъ.

II.

О ссылкѣ князя С. Г. Долгорукова въ 1730 году.

А.

Іюня 12-го сего 1730 года, по имянному Ея Императорскаго Величества указу велѣно князь Сергѣя Долгорукаго съ женою и съ дѣтьми послать въ Ранибургъ.

И того жь іюня 14-го, по приговору правительствующаго сената,

онъ князь Василій въ домѣ князя Михайла Володимірова сына Долгорукова, и въ томъ домѣ съ нимъ князь Михайломъ да братомъ его князь Васильемъ Долгоруковыми разсуждали — быть наслѣдницею Ея жь Императорскому Величеству, и какъ въ Головинскомъ, такъ и въ помянутомъ князя Михайла Долгорукова домѣ во время тѣхъ разговоровъ, кромѣ вышеобъявленныхъ Долгорукихъ, посторонних никого не было; а въ другихъ домахъ съѣздовъ онъ ни съ кѣмъ никогда и совѣту о наслѣдствѣ не имѣлъ; а о духовной очищено выше по первымъ пунктамъ.

О всемъ вышеписанномъ сказать тебѣ самую истинную правду подъ смертною казнію.

О вышеписанномъ онъ князь Василій сказалъ истинную правду подъ смертною казнію.

Подписалъ своеручно: Князь Василій Долгорукій.

Апрѣля 10-го дня 1730 года

Подобные же допросы были: князю Ивану Алексѣевичу, княгинѣ Маріѣ (женѣ князя Сергѣя Григорьевича), княгинѣ Александрѣ, князьямъ Алексѣю и Сергѣю Григорьевичамъ; эти допросы были произведены 9-го апрѣля 1730 года.

За тѣмъ 1-го марта 1731 года о томъ же допрашиванъ былъ вице-президентъ коммерцъ-коллегіи фонъ-Фикъ; въ числѣ шести допросныхъ ему пунктовъ въ одномъ (въ 4-мъ) говорится: «Какіе проекты ты о томъ дѣлѣ (т. е., объ ограниченіи самодержавія) сочинилъ тогда или и прежде того, и кому ты оные сообщилъ?» — Отвѣтъ Фика писалъ Ушаковъ, а Фикъ подписалъ по нѣмецки клятвенное утвержденіе, что онъ въ этихъ проектахъ никакого участія ни письменнаго, ни устнаго не принималъ.

II.

О ссылкѣ князя С. Г. Долгорукова въ 1730 году.

А.

Іюня 12-го сего 1730 года, по имянному Ея Императорскаго Величества указу велѣно князь Сергѣя Долгорукаго съ женою и съ дѣтьми послать въ Ранибургъ.

И того жь іюня 14-го, по приговору правительствующаго сената,

для взятія его князь Сергѣя съ женою и съ дѣтьми подъ караулъ и отвозу въ Ранибургъ въ Муромскія его деревни, посланъ лейбъ-гвардіи подпоручикъ Петръ Румянцовъ, и при немъ сержантъ-капралъ и 12-ть человѣкъ солдатъ, а какъ его содержать, о томъ дана ему изъ сената инструкція; а привезши его князь Сергѣя съ женою и съ дѣтьми въ Ранибургъ, велѣно до прибытія къ нему Румянцову на перемѣну изъ Воронежа послать капитана; содержать ихъ въ крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ; а на заплату ямскихъ и уѣздныхъ подводъ прогонныхъ и на дачу посланнымъ съ нимъ Румянцовымъ урядникомъ и солдатамъ кормовыхъ денегъ дано ему изъ сената 100 руб.; а по возвращеніи въ Москву велѣно въ тѣхъ деньгахъ о расходѣ подать вѣдомость въ сенатѣ. А къ Воронежскому вице-губернатору Пашкову того жъ числа посланъ указъ: велѣно на перемѣну его, Румянцова, выбрать изъ Воронежскаго гарнизона добраго капитана и съ нимъ капральство солдатъ съ надлежащимъ числомъ унтеръ-офицеровъ отправить въ Ранибургъ немедленно, которому пріѣхавъ, у него Румянцова съ женою и съ дѣтьми его князь Сергѣя и данную ему Румянцову изъ сената инструкцію принять съ росписки и держать его, князь Сергѣя и жену его и дѣтей подъ крѣпкимъ карауломъ и во всемъ поступать по данной изъ сената инструкціи; а въ которомъ числѣ тотъ капитанъ съ командою въ Ранибургъ отправленъ будетъ, о томъ въ сенатъ репортовать.

А того жъ іюня отъ 29-го въ сенатѣ получено іюля 14-го чиселъ: означенный подпоручикъ Румянцовъ доношеніемъ объявляетъ, что прибылъ онъ съ князь Сергѣемъ Долгоруковымъ, съ женою его и съ дѣтьми въ Ранибургъ того жъ іюня 28-го числа и содержитъ ихъ въ крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ, а на перемѣну де его капитанъ изъ Воронежа еще не бывалъ.

А сего іюля отъ 6-го въ сенатѣ получено 14-го чиселъ: Воронежскій вице-губернаторъ Пашковъ доношеніемъ объявляетъ, что для принятія у него Румянцова, князь Сергѣя съ женою и съ дѣтьми и содержанія ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ, такожъ и данной ему Румянцову изъ сената инструкціи, въ Ранибургъ отправленъ съ Воронежа сегожъ іюля 6-го числа капитанъ Мясной, и при немъ сержантъ-капралъ и 24 человѣка солдатъ, и оный де Мясной, при отправленіи своемъ, подалъ въ Воронежскую губернскую канцелярію доношеніе, которымъ требуетъ—для содержанія надъ онымъ князь Сергѣемъ Долгорукимъ караулу ночною порою свѣчей откуда получать, и ежели по данной инструкціи случатся какія нужнѣйшія письма куда послать надлежитъ, на какихъ подводахъ, о томъ требовалъ указа, а Воронежская де губернская канцелярія по тому его Мяснова требованію на расходъ, на прогоны и на покупку бумаги и свѣчь и на прочія случившіяся, будучи въ Ранибургѣ, необходимыя нужды, безъ чего ему обойтиться будетъ невозможно, безъ присланнаго изъ сената указу и безъ ассигнаціи каморъ-коллегіи опредѣлить не смѣетъ и о томъ требуетъ указу.

для взятія его князь Сергѣя съ женою и съ дѣтьми подъ караулъ и отвозу въ Ранибургъ въ Муромскія его деревни, посланъ лейбъ-гвардіи подпоручикъ Петръ Румянцовъ, и при немъ сержантъ-капралъ и 12-ть человѣкъ солдатъ, а какъ его содержать, о томъ дана ему изъ сената инструкція; а привезши его князь Сергѣя съ женою и съ дѣтьми въ Ранибургъ, велѣно до прибытія къ нему Румянцову на перемѣну изъ Воронежа послать капитана; содержать ихъ въ крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ; а на заплату ямскихъ и уѣздныхъ подводъ прогонныхъ и на дачу посланнымъ съ нимъ Румянцовымъ урядникомъ и солдатамъ кормовыхъ денегъ дано ему изъ сената 100 руб.; а по возвращеніи въ Москву велѣно въ тѣхъ деньгахъ о расходѣ подать вѣдомость въ сенатѣ. А къ Воронежскому вице-губернатору Пашкову того жъ числа посланъ указъ: велѣно на перемѣну его, Румянцова, выбрать изъ Воронежскаго гарнизона добраго капитана и съ нимъ капральство солдатъ съ надлежащимъ числомъ унтеръ-офицеровъ отправить въ Ранибургъ немедленно, которому пріѣхавъ, у него Румянцова съ женою и съ дѣтьми его князь Сергѣя и данную ему Румянцову изъ сената инструкцію принять съ росписью и держать его, князь Сергѣя и жену его и дѣтей подъ крѣпкимъ карауломъ и во всемъ поступать по данной изъ сената инструкціи; а въ которомъ числѣ тотъ капитанъ съ командою въ Ранибургъ отправленъ будетъ, о томъ въ сенатъ репортовать.

А того жъ іюня отъ 29-го въ сенатѣ получено іюля 14-го чиселъ: означенный подпоручикъ Румянцовъ доношеніемъ объявляетъ, что прибылъ онъ съ князь Сергѣемъ Долгоруковымъ, съ женою его и съ дѣтьми въ Ранибургъ того жъ іюня 28-го числа и содержитъ ихъ въ крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ, а на перемѣну де его капитанъ изъ Воронежа еще не бывалъ.

А сего іюля отъ 6-го въ сенатѣ получено 14-го чиселъ: Воронежскій вице-губернаторъ Пашковъ доношеніемъ объявляетъ, что для принятія у него Румянцова, князь Сергѣя съ женою и съ дѣтьми и содержанія ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ, такожъ и данной ему Румянцову изъ сената инструкціи, въ Ранибургъ отправленъ съ Воронежа сегожъ іюля 6-го числа капитанъ Мясной, и при немъ сержантъ-капралъ и 24 человѣка солдатъ, и оный де Мясной, при отправленіи своемъ, подалъ въ Воронежскую губернскую канцелярію доношеніе, которымъ требуетъ—для содержанія надъ онымъ княземъ Сергѣемъ Долгорукимъ караулу ночною порою свѣчей откуда получать, и ежели по данной инструкціи случатся какія нужнѣйшія письма куда послать надлежитъ, на какихъ подводахъ, о томъ требовалъ указа, а Воронежская де губернская канцелярія по тому его Мяснова требованію на расходъ, на прогоны и на покупку бумаги и свѣчь и на прочія случившіяся, будучи въ Ранибургѣ, необходимыя нужды, безъ чего ему обойтиться будетъ невозможно, безъ присланнаго изъ сената указу и безъ ассигнаціи каморъ-коллегіи опредѣлить не смѣетъ и о томъ требуетъ указу.

А въ прошломъ 1727 году, сентября 16-го дня по опредѣленію верховнаго тайнаго совѣта при отправленіи Меншикова въ Ранибургъ посланному при немъ лейбъ-гвардіи капитану Степану Пырскому на прогоны посылаемымъ отъ него курьеромъ и на прочіе расходы дано изъ каморъ-коллегіи 500 руб. И въ томъ же году декабря 12-го дня, по опредѣленію верховнаго тайнаго совѣта велѣно онаго капитана Пырскаго перемѣнить, а на его мѣсто послать изъ гвардіи жь капитана Петра Мельгунова и остаточную денежную казну велѣно ему, Мельгунову, у него, Пырскаго, принять. А по возвращеніи изъ Ранибурга капитанъ Мельгуновъ доношеніемъ своимъ объявилъ, что по прибытіи его въ Ранибургъ у капитана Пырскаго принялъ онъ остаточныхъ за расходы 397 руб. 28½ к., изъ того числа издержано на бумагу, на сургучь и на прогоны и на прочіе расходы 133 руб. 62½ коп.; за тѣмъ у него въ остаткѣ на лицо 263 руб. 66 коп.

Б.

Пресвѣтлѣйшая державнѣйшая императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Будучи во обители Страшнаго монастыря, взяла я вмѣсто дѣтей двухъ дочерей сына моего князь Сергѣя и въ сущемъ младенчествѣ воспитала, которымъ намѣрена была отдать малыя мои приданыя деревнишки, а понеже за указами тѣхъ моихъ деревень за внукъ моихъ справить было нельзя, и тако оныя были за сыномъ моимъ князь Сергѣемъ, а нынѣ указомъ Вашего Императорскаго Величества тѣ деревни отписаны, съ которыхъ я и сама, убогая старица, имѣла нужное мое пропитаніе и тѣми деревнишками владѣла, на что явствуютъ за моею рукою въ оныхъ о всякихъ нуждахъ письма, такожде и имѣющіеся на мнѣ долги съ оныхъ же уплатить хотѣла. Помилуй, премилосердая государыня, едина моя по Бозѣ надежда, сотвори съ убогою старицею милостыню, заставь вѣчно за высокое Вашего Величества здравіе молить Всевышняго Создателя; покажи милосердіе высокимъ своимъ указомъ, онымъ малымъ деревнишкамъ быть за внуками моими и при сущей моей старости на пропитаніе и на уплату долговъ, дабы въ древности моей въ долгахъ и въ нищетѣ не умереть! Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшая и всенижайшая богомолица монахиня Маргарита Долгорука.

Изъ Аранибурга 1731 января 2-го дня.

В.

1733-го декабря дня, по указу Ея Императорскаго Величества правительствующій сенатъ по доношеніямъ изъ Аранибурга капитана Мяснова, у котораго содержатся подъ карауломъ князь Сергѣй Долгорукій съ женою и съ дѣтьми и служительми, приказали:

По 1-му, что онъ Мясной пишетъ о людяхъ его князь Сергѣе-

А въ прошломъ 1727 году, сентября 16-го дня по опредѣленію верховнаго тайнаго совѣта при отправленіи Меншикова въ Ранибургъ посланному при немъ лейбъ-гвардіи капитану Степану Пырскому на прогоны посылаемымъ отъ него курьеромъ и на прочіе расходы дано изъ каморъ-коллегіи 500 руб. И въ томъ же году декабря 12-го дня, по опредѣленію верховнаго тайнаго совѣта велѣно онаго капитана Пырскаго перемѣнить, а на его мѣсто послать изъ гвардіи жь капитана Петра Мельгунова и остаточную денежную казну велѣно ему, Мельгунову, у него, Пырскаго, принять. А по возвращеніи изъ Ранибурга капитанъ Мельгуновъ доношеніемъ своимъ объявилъ, что по прибытіи его въ Ранибургъ у капитана Пырскаго принялъ онъ остаточныхъ за расходы 397 руб. 28½ к., изъ того числа издержано на бумагу, на сургучь и на прогоны и на прочіе расходы 133 руб. 62½ коп.; за тѣмъ у него въ остаткѣ на лицо 263 руб. 66 коп.

Б.

Пресвѣтлѣйшая державнѣйшая императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Будучи во обители Страшнаго монастыря, взяла я вмѣсто дѣтей двухъ дочерей сына моего князь Сергѣя и въ сущемъ младенчествѣ воспитала, которымъ намѣрена была отдать малыя мои приданыя деревнишки, а понеже за указами тѣхъ моихъ деревень за внукъ моихъ справить было нельзя, и тако оныя были за сыномъ моимъ князь Сергѣемъ, а нынѣ указомъ Вашего Императорскаго Величества тѣ деревни отписаны, съ которыхъ я и сама, убогая старица, имѣла нужное мое пропитаніе и тѣми деревнишками владѣла, на что явствуютъ за моею рукою въ оныхъ о всякихъ нуждахъ письма, такожьде и имѣющіеся на мнѣ долги съ оныхъ же уплатить хотѣла. Помилуй, премилосердая государыня, едина моя по Бозѣ надежда, сотвори съ убогою старицею милостыню, заставь вѣчно за высокое Вашего Величества здравіе молить Всевышняго Создателя; покажи милосердіе высокимъ своимъ указомъ, онымъ малымъ деревнишкамъ быть за внуками моими и при сущей моей старости на пропитаніе и на уплату долговъ, дабы въ древности моей въ долгахъ и въ нищетѣ не умереть! Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшая и всенижайшая богомолица монахиня Маргарита Долгорука.

Изъ Аранибурга 1731 января 2-го дня.

В.

1733-го декабря дня, по указу Ея Императорскаго Величества правительствующій сенатъ по доношеніямъ изъ Аранибурга капитана Мяснова, у котораго содержатся подъ карауломъ князь Сергѣй Долгорукій съ женою и съ дѣтьми и служительми, приказали:

По 1-му, что онъ Мясной пишетъ о людяхъ его князь Сергѣе-

выхъ, которыхъ по присланному изъ сената указу велѣно изъ крѣпости выпускать для покупки харчю и для нуждъ съ караульными солдатами, а нынѣ приходятъ къ нему унтеръ-офицеры и объявляютъ, что оные его люди ходятъ несмирно и дѣлаютъ Аранибургскимъ жителямъ обиды и драки и другія продерзости, о чемъ отъ нихъ ему князь Сергѣю неоднократно объявливано, чтобъ онъ учинилъ въ томъ имъ запрещеніе, токмо онъ ничего не учинилъ, и еще чинятъ такія продерзости, а онъ Мясной штрафу никакого безъ указу чинить имъ не можетъ, и ежели что свыше тѣхъ продерзостей учинятъ, чтобъ того прачтено ему не было, и требуетъ о томъ указу, послать къ нему указъ: велѣть содержать ему его князь Сергѣя Долгорукаго съ женою и съ дѣтьми и съ опредѣленными при немъ людьми по данной ему инструкціи во всемъ непремѣнно, а которые ихъ люди отпусканы были за карауломъ для покупки харчу и чинили продерзости и драки и тамошнимъ жителямъ обиды, тѣмъ за то учинить жестокое наказаніе ему капитану Мясному по своему усмотрѣнію, о чемъ было ему, имѣя подъ арестомъ своимъ, и отписываться въ сенатъ не надлежало; и впредь ни до какихъ продерзостей не токмо людей ихъ, но и самого его князь Сергѣя и жену его и дѣтей не допускать, а ежели впредь покажутся отъ нихъ противные данной ему Мясному инструкціи какіе проступки и продерзости, то ихъ всѣхъ держать передъ прежнимъ арестомъ жесточае и не токмо посторонних, но и опредѣленныхъ при нихъ людей до предбудущаго указу къ нимъ не допускать и о томъ писать въ сенатъ немедленно, объявляя о тѣхъ ихъ поступкахъ и продерзостяхъ, именно и требовать указу; буде же отъ людей ихъ такія жь продерзости или иные противные поступки впредь покажутся, за то ихъ наказывать же, смотря по винамъ ихъ, ему жь капитану Мясному безо всякія пощады и о томъ писать ему въ сенатъ немедленно, а до полученія о томъ указа тѣхъ людей изъ крѣпости не выпущать и поступать съ ними такъ, какъ по указу и по воинскимъ артикуламъ съ содержащимися подъ крѣпкимъ арестомъ колодниками надлежитъ; а что надлежитъ до покупки имъ харча и другихъ нуждъ, то исправлять съ вѣдома его капитанскаго караульнымъ солдатамъ; а ежели до какихъ свыше тѣхъ продерзостей оный капитанъ ихъ допуститъ, то взыскано будетъ на немъ; а сколь давно и съ какого случая или въ какой надеждѣ тѣ его Долгорукова люди такія продерзости чинить начали, о томъ ему Мясному въ сенатъ репортовать немедленно.

По 2-му, о пріемѣ и о распечатываніи къ нимъ князь Сергѣю и къ женѣ его и къ людямъ присылаемыхъ писемъ и о посылкѣ отъ нихъ, и кого къ нимъ допускать и отъ нихъ кого куда посылать запрещено, о томъ и въ прочемъ во всемъ поступать съ такимъ крѣпкимъ смотрѣніемъ и осторожностію, какъ въ данной ему инструкціи изображено и посланными указами потомъ подтверждено; а ежели станутъ требовать, чтобъ посылать имъ письма къ Москвѣ для присылки лѣкарствъ, и такія письма велѣть имъ писать

выхъ, которыхъ по присланному изъ сената указу велѣно изъ крѣпости выпускать для покупки харчю и для нуждъ съ караульными солдатами, а нынѣ приходятъ къ нему унтеръ-офицеры и объявляютъ, что оные его люди ходятъ несмирно и дѣлаютъ Аранибургскимъ жителямъ обиды и драки и другія продерзости, о чемъ отъ нихъ ему князь Сергѣю неоднократно объявливано, чтобъ онъ учинилъ въ томъ имъ запрещеніе, токмо онъ ничего не учинилъ, и еще чинятъ такія продерзости, а онъ Мясной штрафу никакого безъ указу чинить имъ не можетъ, и ежели что свыше тѣхъ продерзостей учинятъ, чтобъ того прачтено ему не было, и требуетъ о томъ указу, послать къ нему указъ: велѣть содержать ему его князь Сергѣя Долгорукаго съ женою и съ дѣтьми и съ опредѣленными при немъ людьми по данной ему инструкціи во всемъ непремѣнно, а которые ихъ люди отпусканы были за карауломъ для покупки харчу и чинили продерзости и драки и тамошнимъ жителямъ обиды, тѣмъ за то учинить жестокое наказаніе ему капитану Мясному по своему усмотрѣнію, о чемъ было ему, имѣя подъ арестомъ своимъ, и отписываться въ сенатъ не надлежало; и впредь ни до какихъ продерзостей не токмо людей ихъ, но и самого его князь Сергѣя и жену его и дѣтей не допускать, а ежели впредь покажутся отъ нихъ противные данной ему Мясному инструкціи какіе проступки и продерзости, то ихъ всѣхъ держать передъ прежнимъ арестомъ жесточае и не токмо посторонних, но и опредѣленныхъ при нихъ людей до предбудущаго указу къ нимъ не допускать и о томъ писать въ сенатъ немедленно, объявляя о тѣхъ ихъ поступкахъ и продерзостяхъ, именно и требовать указу; буде же отъ людей ихъ такія жь продерзости или иные противные поступки впредь покажутся, за то ихъ наказывать же, смотря по винамъ ихъ, ему жь капитану Мясному безо всякія пощады и о томъ писать ему въ сенатъ немедленно, а до полученія о томъ указа тѣхъ людей изъ крѣпости не выпущать и поступать съ ними такъ, какъ по указу и по воинскимъ артикуламъ съ содержащимися подъ крѣпкимъ арестомъ колодниками надлежитъ; а что надлежитъ до покупки имъ харча и другихъ нуждъ, то исправлять съ вѣдома его капитанскаго караульнымъ солдатамъ; а ежели до какихъ свыше тѣхъ продерзостей оный капитанъ ихъ допуститъ, то взыскано будетъ на немъ; а сколь давно и съ какого случая или въ какой надеждѣ тѣ его Долгорукова люди такія продерзости чинить начали, о томъ ему Мясному въ сенатъ репортовать немедленно.

По 2-му, о пріемѣ и о распечатываніи къ нимъ князь Сергѣю и къ женѣ его и къ людямъ присылаемыхъ писемъ и о посылкѣ отъ нихъ, и кого къ нимъ допускать и отъ нихъ кого куда посылать запрещено, о томъ и въ прочемъ во всемъ поступать съ такимъ крѣпкимъ смотрѣніемъ и осторожностію, какъ въ данной ему инструкціи изображено и посланными указами потомъ подтверждено; а ежели станутъ требовать, чтобъ посылать имъ письма къ Москвѣ для присылки лѣкарствъ, и такія письма велѣть имъ писать

тому капитану при себѣ и брать оныя у нихъ безъ печатей ихъ, и прочитая, буде ничего противнаго, какъ въ инструкціи, данной ему, положено, не найдется, отправлять тѣ письма ему капитану отъ себя съ посторонними ѣздоками или чрезъ почту, а съ людьми его и съ пріѣзжими конюхами отправлять, отнюдь не допускать; что онъ Мясной пишетъ, что присланный его Долгорукова служитель Демидъ Конищевъ требовалъ, чтобъ присланнаго конюха послать въ Москву за лѣкарствомъ, на что̀ ему Конищеву объявлено, что съ конюхомъ тѣхъ писемъ въ Москву не пошлетъ, а пошлетъ отъ себя, а потомъ онъ же Конищевъ—пишетъ—вторично и объявилъ ему капитану: „велѣла де тебѣ сказать княгиня: ежели де конюха съ письмами въ Москву не пошлешь, то де я прикажу тому конюху ѣхать прямо въ Петербургъ къ батюшкѣ на тебя съ жалобою“; потомъ въ тотъ же часъ сказалъ: „князь де тебѣ велѣлъ сказать: ежели де хотя мало что̀ мнѣ поможется, то де на васъ будетъ писать въ сенатъ во всякихъ пакостяхъ и блудняхъ“; онъ же Конищевъ требовалъ, чтобъ того конюха допустить къ княгинѣ, на что̀ ему отказано, а послѣ того присланный же его Долгорукаго служитель Александръ Кіевскій требовалъ того жь, чтобъ конюха допустить, на что̀ и ему отказано, и онъ Кіевскій учалъ говорить: „коли де хочешь, я де по воли господъ своихъ сдѣлаю сего дни или завтрѣ, что де пошлешь меня въ С.-Петербургъ“; а какъ онаго конюха изъ крѣпости отправлялъ караульный сержантъ, то вышеписанный Конищевъ, угнавъ у воротъ, приказывалъ тому конюху, чтобъ онъ ѣхалъ въ Москву и сказалъ бы княгинѣ Гагариной, что де капитанъ хочетъ князя уморить, за лѣкарствомъ не посылаетъ и конюховъ для посылокъ держать не велитъ, чтобъ она княгиня Гагарина отписала къ отцу своему;—о томъ писать къ Москвѣ къ генералу и оберъ-гофмейстеру графу Салтыкову, чтобъ онъ съ Москвы отправилъ въ Аранибургъ кого нарочно по своему разсмотрѣнію, на кого бъ въ томъ положиться было можно, которому, пріѣхавъ, вышеписанныхъ Конищева и Кіевскаго взять подъ караулъ и распросить, какой они природы и сколь давно у него Долгорукова въ службѣ, и гдѣ прежде служили; и Кіевскій такія слова капитану Мясному съ угрозами: „коли хочешь, я де по воли господъ своихъ сдѣлаю сего жь дни или завтрѣ, что пошлешь меня въ С.-Петербургъ“, говорилъ въ какой силѣ, и въ чьей надеждѣ, и какая въ томъ господъ ихъ воля есть, и собою ль онъ то говорилъ, или по чьему приказу; а Конищева распросить же, въ какихъ пакостяхъ и блудняхъ князь Долгорукій на того капитана въ сенатъ писать хотѣлъ, тако жь и княгиня для чего хотѣла конюху приказывать ѣхать въ Санктпетербургъ къ отцу, и съ какою на него жь капитана жалобою, и при отправленіи того конюха изъ крѣпости, чтобъ онъ конюхъ ѣхалъ въ Москву и сказалъ бы княгинѣ Гагариной, чтобъ она на того жь капитана писала къ отцу, о томъ онъ Конищевъ ему приказывалъ ли собою, или по чьему приказу; такожь того конюха сыскать немедленно и разспросить же, вышеписанныя Конищева слова княгинѣ Гагариной онъ сказывалъ

тому капитану при себѣ и брать оныя у нихъ безъ печатей ихъ, и прочитая, буде ничего противнаго, какъ въ инструкціи, данной ему, положено, не найдется, отправлять тѣ письма ему капитану отъ себя съ посторонними ѣздоками или чрезъ почту, а съ людьми его и съ пріѣзжими конюхами отправлять, отнюдь не допускать; что онъ Мясной пишетъ, что присланный его Долгорукова служитель Демидъ Конищевъ требовалъ, чтобъ присланнаго конюха послать въ Москву за лѣкарствомъ, на что̀ ему Конищеву объявлено, что съ конюхомъ тѣхъ писемъ въ Москву не пошлетъ, а пошлетъ отъ себя, а потомъ онъ же Конищевъ—пишетъ—вторично и объявилъ ему капитану: „велѣла де тебѣ сказать княгиня: ежели де конюха съ письмами въ Москву не пошлешь, то де я прикажу тому конюху ѣхать прямо въ Петербургъ къ батюшкѣ на тебя съ жалобою“; потомъ въ тотъ же часъ сказалъ: „князь де тебѣ велѣлъ сказать: ежели де хотя мало что̀ мнѣ поможется, то де на васъ будетъ писать въ сенатъ во всякихъ пакостяхъ и блудняхъ“; онъ же Конищевъ требовалъ, чтобъ того конюха допустить къ княгинѣ, на что̀ ему отказано, а послѣ того присланный же его Долгорукаго служитель Александръ Кіевскій требовалъ того жь, чтобъ конюха допустить, на что̀ и ему отказано, и онъ Кіевскій учалъ говорить: „коли де хочешь, я де по воли господъ своихъ сдѣлаю сего дни или завтрѣ, что де пошлешь меня въ С.-Петербургъ“; а какъ онаго конюха изъ крѣпости отправлялъ караульный сержантъ, то вышеписанный Конищевъ, угнавъ у воротъ, приказывалъ тому конюху, чтобъ онъ ѣхалъ въ Москву и сказалъ бы княгинѣ Гагариной, что де капитанъ хочетъ князя уморить, за лѣкарствомъ не посылаетъ и конюховъ для посылокъ держать не велитъ, чтобъ она княгиня Гагарина отписала къ отцу своему;—о томъ писать къ Москвѣ къ генералу и оберъ-гофмейстеру графу Салтыкову, чтобъ онъ съ Москвы отправилъ въ Аранибургъ кого нарочно по своему разсмотрѣнію, на кого бъ въ томъ положиться было можно, которому, пріѣхавъ, вышеписанныхъ Конищева и Кіевскаго взять подъ караулъ и распросить, какой они природы и сколь давно у него Долгорукова въ службѣ, и гдѣ прежде служили; и Кіевскій такія слова капитану Мясному съ угрозами: „коли хочешь, я де по воли господъ своихъ сдѣлаю сего жь дни или завтрѣ, что пошлешь меня въ С.-Петербургъ“, говорилъ въ какой силѣ, и въ чьей надеждѣ, и какая въ томъ господъ ихъ воля есть, и собою ль онъ то говорилъ, или по чьему приказу; а Конищева распросить же, въ какихъ пакостяхъ и блудняхъ князь Долгорукій на того капитана въ сенатъ писать хотѣлъ, тако жь и княгиня для чего хотѣла конюху приказывать ѣхать въ Санктпетербургъ къ отцу, и съ какою на него жь капитана жалобою, и при отправленіи того конюха изъ крѣпости, чтобъ онъ конюхъ ѣхалъ въ Москву и сказалъ бы княгинѣ Гагариной, чтобъ она на того жь капитана писала къ отцу, о томъ онъ Конищевъ ему приказывалъ ли собою, или по чьему приказу; такожь того конюха сыскать немедленно и разспросить же, вышеписанныя Конищева слова княгинѣ Гагариной онъ сказывалъ

ли, и притомъ имъ объявить, чтобъ они о томъ сказали подлинно безо всякія утайки, а ежели что утаятъ, а послѣ про то сыщется, за то учинена имъ будетъ смертная казнь безо всякія пощады, а буде въ томъ они будутъ запираться, допросить о томъ показанныхъ въ доношеніи его Мяснова караульныхъ сержанта и писаря, при которыхъ такія отъ него слова произошли, и тѣ ихъ разспросы прислать въ сенатъ въ самой скорости; а ихъ Конищева и Кіевскаго и конюха до полученія о томъ указа велѣть держать капитану Мясному подъ особливымъ карауломъ и ни кого къ нимъ не допущать, а княгини Хованской человѣка Ивана Сердюкова, который пріѣзжалъ къ нимъ Долгорукимъ въ Аранибургъ съ письмами, и присылала княгиня Долгорукая къ капитану Мясному дважды, чтобъ видѣться съ ними его допустилъ, онаго взять ему генералу и оберъ-гофмейстеру подъ караулъ же и допросить, отъ кого именно онъ въ Аранибургъ посланъ, и какіе словесные приказы къ кому съ нимъ были ль, и оные онъ въ Аранибургѣ ему князь Сергѣю или женѣ его и дѣтямъ, или кому изъ людей ихъ объявлялъ ли, объявя ему прежде тако жь де. чтобъ сказалъ о томъ подлинно безо всякія утайки подъ смертною казнію, ежели потомъ что противное сыщется, и для того къ нему графу Салтыкову съ присланныхъ капитана Мяснова доношеній при указѣ послать копіи.

III.

Допросы князю И. А. Долгорукому въ 1738 году.

Сентября во 2-й день 1738 года.... князь Иванъ Долгорукой... о чемъ надлежало распрашиванъ подъ страхомъ жестокаго истязанія и смертной казни съ немалымъ увѣщаніемъ.

И сентября въ 4-й день князь Иванъ Долгорукой взятъ для прикладыванія къ бѣлому распросу руки, по увѣщаніи винился, и выше-писанный распросъ ему Долгорукому читанъ; а по прочтеніи бѣлаго распросу, не прикладывая руки, по увѣщанію винился и говорилъ: нынѣ де онъ, Долгорукой, признавая по чистой совѣсти предъ Ея Императорскимъ Величествомъ вину свою, объявляетъ истинною правдою въ томъ, какъ де онъ маіоромъ Семеномъ Петровымъ былъ допрашиванъ, и черный допросъ окончавъ, канцелярист Осипъ Тишинъ сталъ на бѣло переписывать, и въ то время маіоръ Семенъ Петровъ на дворъ въ переднюю свѣтлицу выходилъ, и онъ Долгорукой съ онымъ Тишинымъ двое оставались, и на одинѣ тому Тишину къ поношенію чести Ея Императорскаго Величества злыя и вредительныя слова такія: „нынѣ де фамилія и родъ нашъ весь пропалъ; все де это.... нынѣшняя ваша императрица разорила, а все де послушала.... цесаревны Елизаветы за то, что де я хотѣлъ ее за непот..... сослать въ монастырь“, говорилъ съ печали своей и съ горести, потому что содержится подъ карауломъ многое время и никуды его не пускаютъ, и что маіоръ

ли, и притомъ имъ объявить, чтобъ они о томъ сказали подлинно безо всякія утайки, а ежели что утаятъ, а послѣ про то сыщется, за то учинена имъ будетъ смертная казнь безо всякія пощады, а буде въ томъ они будутъ запираться, допросить о томъ показанныхъ въ доношеніи его Мяснова караульныхъ сержанта и писаря, при которыхъ такія отъ него слова произошли, и тѣ ихъ разспросы прислать въ сенатъ въ самой скорости; а ихъ Конищева и Кіевскаго и конюха до полученія о томъ указа велѣть держать капитану Мясному подъ особливымъ карауломъ и ни кого къ нимъ не допущать, а княгини Хованской человѣка Ивана Сердюкова, который пріѣзжалъ къ нимъ Долгорукимъ въ Аранибургъ съ письмами, и присылала княгиня Долгорукая къ капитану Мясному дважды, чтобъ видѣться съ ними его допустилъ, онаго взять ему генералу и оберъ-гофмейстеру подъ караулъ же и допросить, отъ кого именно онъ въ Аранибургъ посланъ, и какіе словесные приказы къ кому съ нимъ были ль, и оные онъ въ Аранибургѣ ему князь Сергѣю или женѣ его и дѣтямъ, или кому изъ людей ихъ объявлялъ ли, объявя ему прежде тако жь де. чтобъ сказалъ о томъ подлинно безо всякія утайки подъ смертною казнію, ежели потомъ что противное сыщется, и для того къ нему графу Салтыкову съ присланныхъ капитана Мяснова доношеній при указѣ послать копіи.

III.

Допросы князю И. А. Долгорукому въ 1738 году.

Сентября во 2-й день 1738 года.... князь Иванъ Долгорукой... о чемъ надлежало распрашиванъ подъ страхомъ жестокаго истязанія и смертной казни съ немалымъ увѣщаніемъ.

И сентября въ 4-й день князь Иванъ Долгорукой взятъ для прикладыванія къ бѣлому распросу руки, по увѣщаніи винился, и выше-писанный распросъ ему Долгорукому читанъ; а по прочтеніи бѣлаго распросу, не прикладывая руки, по увѣщанію винился и говорилъ: нынѣ де онъ, Долгорукой, признавая по чистой совѣсти предъ Ея Императорскимъ Величествомъ вину свою, объявляетъ истинною правдою въ томъ, какъ де онъ маіоромъ Семеномъ Петровымъ былъ допрашиванъ, и черный допросъ окончавъ, канцелярист Осипъ Тишинъ сталъ на бѣло переписывать, и въ то время маіоръ Семенъ Петровъ на дворъ въ переднюю свѣтлицу выходилъ, и онъ Долгорукой съ онымъ Тишинымъ двое оставались, и на одинѣ тому Тишину къ поношенію чести Ея Императорскаго Величества злыя и вредительныя слова такія: „нынѣ де фамилія и родъ нашъ весь пропалъ; все де это.... нынѣшняя ваша императрица разорила, а все де послушала.... цесаревны Елизаветы за то, что де я хотѣлъ ее за непот..... сослать въ монастырь“, говорилъ съ печали своей и съ горести, потому что содержится подъ карауломъ многое время и никуды его не пускаютъ, и что маіоръ

Петровъ его допрашивалъ, и ему князю Ивану было весьма грустно, и плакалъ, и въ той грусти своей и горести оныя слова молвилъ; и канцелярист Тишинъ, услыша отъ него Долгорукаго оныя слова, воспрещалъ ему Долгорукому: „для чего де ты такія слова говоришь, лучше бы тебѣ за Ея Императорское Величество и за всю Императорскаго Величества высокую фамилію Бога молить", говорилъ, и тому Тишину онъ Долгорукой: „гдѣ де тебѣ доносить, ты де нынѣ уже сталъ Сибирякъ, а хотя де и доносить станешь, то де тебѣ жь голову отсѣкутъ", говорилъ спроста; а о маіорѣ Петровѣ, что де маіоръ Петровъ уже нашъ и задаренъ, говорилъ ли, то онъ князь Иванъ не упомнитъ, только маіора Петрова онъ князь Иванъ ничѣмъ не даривалъ и вышеписанныхъ непристойныхъ словъ къ поношенію чести Ея Императорскаго Величества никогда онъ князь Иванъ Долгорукой у мысли своей прежъ сего не содержалъ, и такихъ словъ ни отъ жены своей и отъ братьевъ и отъ сестеръ ни отъ кого не слыхалъ, и самъ никому о такихъ словахъ не сказывалъ.

Сентября въ 11-й день по вышеписанному опредѣленію, въ присутствіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитана поручика господина Ушакова, поручика господина Суворова содержащійся князь Иванъ Долгорукой привоженъ въ застѣнокъ и у дыбы по дѣлу, о чемъ надлежало, распрашиванъ обстоятельно. А въ распросѣ оный князь Иванъ, стоя у дыбы, сказалъ: къ поношенію де чести Ея Императорскаго Величества злыя и вредительныя слова, показанныя въ повинкѣ его князь Ивановой, подлинно онъ Долгорукой говорилъ съ злобы отъ горести своей и съ печали, потому что сосланъ онъ въ ссылку и содержится подъ карауломъ многое время, и что въ Березовѣ присланнымъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку сержантомъ Рогозинымъ у него князь Ивана и у жены его пожитки обобраны и никуды ихъ изъ хоромъ, кромѣ церкви, пускать не велѣно; и въ той же его горести маіоръ Петровъ допрашивалъ, и въ то де время ему князь Ивану весьма было горестно и плакалъ, и съ сердца, отъ горести своей оныя слова говорилъ, а въ мысли своей на предь сего оныхъ словъ онъ князь Иванъ не содержалъ, и такихъ и другихъ никакихъ словъ къ поношенію чести Ея Императорскаго Величества и высочайшей Ея Императорскаго Величества фамиліи онъ князь Иванъ не говаривалъ, и отъ другихъ ни отъ кого такихъ же и тому подобныхъ непристойныхъ словъ князь Иванъ не слыхалъ. А о томъ, якобы Ея Императорское Величество послушала Ея Высочества благовѣрной государыни цесаревны Елисаветъ Петровны и сослала его въ ссылку, и что фамилія и родъ ихъ весь пропалъ, онъ князь Иванъ говорилъ для того, какъ онъ князь Иванъ съ отцомъ своимъ и съ матерью и съ женою и съ братьями и сестрами посланъ въ ссылку, и въ то жь время и дяди его родные посланы въ ссылку жь, того ради о фамиліи своей и упоминалъ, а что будто Ея Императорское Величество послушала цесаревны Елисаветъ Петровны, и о томъ онъ князь Иванъ говорилъ, вымысля собою, по-

Петровъ его допрашивалъ, и ему князю Ивану было весьма грустно, и плакалъ, и въ той грусти своей и горести оныя слова молвилъ; и канцелярист Тишинъ, услыша отъ него Долгорукаго оныя слова, воспрещалъ ему Долгорукому: „для чего де ты такія слова говоришь, лучше бы тебѣ за Ея Императорское Величество и за всю Императорскаго Величества высокую фамилію Бога молить", говорилъ, и тому Тишину онъ Долгорукой: „гдѣ де тебѣ доносить, ты де нынѣ уже сталъ Сибирякъ, а хотя де и доносить станешь, то де тебѣ жь голову отсѣкутъ", говорилъ спроста; а о маіорѣ Петровѣ, что де маіоръ Петровъ уже нашъ и задаренъ, говорилъ ли, то онъ князь Иванъ не упомнитъ, только маіора Петрова онъ князь Иванъ ничѣмъ не даривалъ и вышеписанныхъ непристойныхъ словъ къ поношенію чести Ея Императорскаго Величества никогда онъ князь Иванъ Долгорукой у мысли своей прежъ сего не содержалъ, и такихъ словъ ни отъ жены своей и отъ братьевъ и отъ сестеръ ни отъ кого не слыхалъ, и самъ никому о такихъ словахъ не сказывалъ.

Сентября въ 11-й день по вышеписанному опредѣленію, въ присутствіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитана поручика господина Ушакова, поручика господина Суворова содержащійся князь Иванъ Долгорукой привоженъ въ застѣнокъ и у дыбы по дѣлу, о чемъ надлежало, распрашиванъ обстоятельно. А въ распросѣ оный князь Иванъ, стоя у дыбы, сказалъ: къ поношенію де чести Ея Императорскаго Величества злыя и вредительныя слова, показанныя въ повинкѣ его князь Ивановой, подлинно онъ Долгорукой говорилъ съ злобы отъ горести своей и съ печали, потому что сосланъ онъ въ ссылку и содержится подъ карауломъ многое время, и что въ Березовѣ присланнымъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку сержантомъ Рогозинымъ у него князь Ивана и у жены его пожитки обобраны и никуды ихъ изъ хоромъ, кромѣ церкви, пускать не велѣно; и въ той же его горести маіоръ Петровъ допрашивалъ, и въ то де время ему князь Ивану весьма было горестно и плакалъ, и съ сердца, отъ горести своей оныя слова говорилъ, а въ мысли своей на предь сего оныхъ словъ онъ князь Иванъ не содержалъ, и такихъ и другихъ никакихъ словъ къ поношенію чести Ея Императорскаго Величества и высочайшей Ея Императорскаго Величества фамиліи онъ князь Иванъ не говаривалъ, и отъ другихъ ни отъ кого такихъ же и тому подобныхъ непристойныхъ словъ князь Иванъ не слыхалъ. А о томъ, якобы Ея Императорское Величество послушала Ея Высочества благовѣрной государыни цесаревны Елисаветъ Петровны и сослала его въ ссылку, и что фамилія и родъ ихъ весь пропалъ, онъ князь Иванъ говорилъ для того, какъ онъ князь Иванъ съ отцомъ своимъ и съ матерью и съ женою и съ братьями и сестрами посланъ въ ссылку, и въ то жь время и дяди его родные посланы въ ссылку жь, того ради о фамиліи своей и упоминалъ, а что будто Ея Императорское Величество послушала цесаревны Елисаветъ Петровны, и о томъ онъ князь Иванъ говорилъ, вымысля собою, по-

тому что во время его князь Иваново блаженныя и вѣчнодостойныя памяти при Его Императорскомъ Величествѣ Петрѣ Второмъ, когда Ея Высочество государыня цесаревна Елисаветъ Петровна пріѣзжала во дворецъ и въ поступкахъ своихъ казалась ему князь Ивану и отцу его князь Алексѣю къ нимъ немилостива, и думалъ онъ князь Иванъ что Ея Высочество имѣла на него какой гнѣвъ, и какъ де онъ князь Иванъ съ отцомъ своимъ и съ матерью и женою его и съ братьями и сестрами посланъ въ ссылку, мыслилъ, что Ея Императорское Величество съ совѣту цесаревны Елисаветъ Петровны его въ ссылку сослала, для того и говорилъ; а о томъ онъ князь Иванъ ни отъ кого никогда не слыхалъ, и никто ему не сказывалъ, а говорилъ, подлинно вымысля собою. А Ея де Высочество благовѣрную государыню цесаревну Елисаветъ Петровну сослать въ монастырь намѣреніе онъ князь Иванъ имѣлъ и съ отцомъ своимъ о томъ на одинѣ говаривалъ для того, что въ поступкахъ своихъ казалась ему князь Ивану и отцу его князь Алексѣю немилостива, а чтобъ сослать въ который монастырь именно, такого намѣренія у него князь Ивана и отца его еще было не положено; а что онъ князь Иванъ говорилъ про Ея Высочество государыню цесаревну, что хотѣлъ сослать въ монастырь, яко бы за непот....., и то онъ князь Иванъ говорилъ съ продерзости своей; а о ссылкѣ Ея Высочества съ родственники своими и ни съ кѣмъ сообщенія и согласія онъ не имѣлъ, и про то его намѣреніе изъ родственниковъ и изъ посторонныхъ никто не вѣдали, и съ родственники своими и съ посторонними и ни съ кѣмъ о томъ онъ князь Иванъ не говаривалъ. А извѣтчику де Тишину слова такія: „гдѣ де тебѣ доносить, ты де уже сталъ Сибирякъ, а хотя де и доносить станешь, то де тебѣ жь голову отсѣкутъ“, онъ князь Иванъ говорилъ, устрашивая того Тишина, чтобъ на него князь Ивана о вышеписанныхъ непристойныхъ словахъ не донесъ и оныхъ его словъ опасся, а не въ другой какой силѣ, а о томъ, что „маіоръ де Семенъ Петровъ нашъ и уже задаренъ“ говорилъ ли, того онъ князь Иванъ подлинно не помнитъ.

При кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго отецъ его князь Алексѣй и дядя его князь Василій Володиміровъ сынъ, да князь Василій Лукинъ сынъ Долгорукіе въ Головинскомъ домѣ въ спальнѣ у отца его подлинно были и о сочиненіи духовной совѣтовали и слова такія, чтобъ написать въ духовной, якобы Его Императорское Величество сестру его княжну Катерину учиняетъ по кончинѣ своей наслѣдницею, говорилъ подлинно, да при томъ же былъ и съ отцемъ его и съ дядьми совѣтывалъ же дядя жь его родной князь Сергѣй Григорьевъ сынъ Долгорукой, и послѣ оныхъ словъ дядя его князь Василій Володиміровъ сынъ Долгорукой отъ отца его поѣхалъ, а отецъ де его князь Алексѣй и дядя его князь Василій Лукинъ сынъ да князь Сергѣй Григорьевичь сынъ Долгорукіе и онъ князь Иванъ остались во оной спальнѣ, и дядя де его князь Василій Лукинъ сынъ, сѣдчи у комля на стулъ, и взялъ листъ бу-

тому что во время его князь Иваново блаженныя и вѣчнодостойныя памяти при Его Императорскомъ Величествѣ Петрѣ Второмъ, когда Ея Высочество государыня цесаревна Елисаветъ Петровна пріѣзжала во дворецъ и въ поступкахъ своихъ казалась ему князь Ивану и отцу его князь Алексѣю къ нимъ немилостива, и думалъ онъ князь Иванъ что Ея Высочество имѣла на него какой гнѣвъ, и какъ де онъ князь Иванъ съ отцомъ своимъ и съ матерью и женою его и съ братьями и сестрами посланъ въ ссылку, мыслилъ, что Ея Императорское Величество съ совѣту цесаревны Елисаветъ Петровны его въ ссылку сослала, для того и говорилъ; а о томъ онъ князь Иванъ ни отъ кого никогда не слыхалъ, и никто ему не сказывалъ, а говорилъ, подлинно вымысля собою. А Ея де Высочество благовѣрную государыню цесаревну Елисаветъ Петровну сослать въ монастырь намѣреніе онъ князь Иванъ имѣлъ и съ отцомъ своимъ о томъ на одинѣ говаривалъ для того, что въ поступкахъ своихъ казалась ему князь Ивану и отцу его князь Алексѣю немилостива, а чтобъ сослать въ который монастырь именно, такого намѣренія у него князь Ивана и отца его еще было не положено; а что онъ князь Иванъ говорилъ про Ея Высочество государыню цесаревну, что хотѣлъ сослать въ монастырь, яко бы за непот....., и то онъ князь Иванъ говорилъ съ продерзости своей; а о ссылкѣ Ея Высочества съ родственники своими и ни съ кѣмъ сообщенія и согласія онъ не имѣлъ, и про то его намѣреніе изъ родственниковъ и изъ посторонныхъ никто не вѣдали, и съ родственники своими и съ посторонними и ни съ кѣмъ о томъ онъ князь Иванъ не говаривалъ. А извѣтчику де Тишину слова такія: „гдѣ де тебѣ доносить, ты де уже сталъ Сибирякъ, а хотя де и доносить станешь, то де тебѣ жь голову отсѣкутъ“, онъ князь Иванъ говорилъ, устрашивая того Тишина, чтобъ на него князь Ивана о вышеписанныхъ непристойныхъ словахъ не донесъ и оныхъ его словъ опасся, а не въ другой какой силѣ, а о томъ, что „маіоръ де Семенъ Петровъ нашъ и уже задаренъ“ говорилъ ли, того онъ князь Иванъ подлинно не помнитъ.

При кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго отецъ его князь Алексѣй и дядя его князь Василій Володиміровъ сынъ, да князь Василій Лукинъ сынъ Долгорукіе въ Головинскомъ домѣ въ спальнѣ у отца его подлинно были и о сочиненіи духовной совѣтовали и слова такія, чтобъ написать въ духовной, якобы Его Императорское Величество сестру его княжну Катерину учиняетъ по кончинѣ своей наслѣдницею, говорилъ подлинно, да при томъ же былъ и съ отцемъ его и съ дядьми совѣтывалъ же дядя жь его родной князь Сергѣй Григорьевъ сынъ Долгорукой, и послѣ оныхъ словъ дядя его князь Василій Володиміровъ сынъ Долгорукой отъ отца его поѣхалъ, а отецъ де его князь Алексѣй и дядя его князь Василій Лукинъ сынъ да князь Сергѣй Григорьевичь сынъ Долгорукіе и онъ князь Иванъ остались во оной спальнѣ, и дядя де его князь Василій Лукинъ сынъ, сѣдчи у комля на стулъ, и взялъ листъ бу-

маги да чернилицу, зачалъ было духовную писать, а что написали, того онъ князь Иванъ не усмотрѣлъ; и говорилъ оной его дядя князь Василій: „моей де руки письмо худо, кто бы де получше написалъ"; и дядя жь де его князь Сергѣй, взявъ бумагу и чернилицу и оную духовную, съ совѣту отца его и дяди князь Василья Лукина сына написалъ духовную одну, а потомъ съ оной духовной написалъ другую такую жь; а въ тѣхъ духовныхъ, что Его Императорское Величество при кончинѣ якобы учинилъ наслѣдницею россійскаго престола обрученную свою невѣсту княжну Катерину, подлинно было написано, потому что показанныя слова при письмѣ тѣхъ духовныхъ отецъ его и дядя въ разговорѣхъ говорили, а въ тѣхъ духовныхъ та его сестра Его Императорскаго Величества супругою была подлинно не написана, потому что отецъ его и дядя такой рѣчи не говорили, и онъ князь Иванъ отъ нихъ не слыхалъ, изъ которыхъ духовныхъ одное съ совѣту отца своего и дяденъ князь Василья Лукина сына да князь Сергѣя Григорьева сына Долгорукихъ, вмѣсто Его Императорскаго Величества въ то жь время при тѣхъ своихъ дядьяхъ, не читавъ, онъ князь Иванъ подписалъ тако: *Петръ;* и тое подписанную духовную, также и не подписанную онъ князь Иванъ взялъ къ себѣ, и притомъ отецъ его съ дядями его обще говорили ему князь Ивану, чтобъ онъ князь Иванъ не подписанную духовную, получа у Его Императорскаго Величества время, какъ отъ болѣзни Его Императорскому Величеству будетъ свободнѣе, и придетъ въ память, показавъ тое духовную Его Императорскому Величеству, просилъ, чтобъ Его Императорское Величество подписалъ, а ежели за болѣзнію Его Императорскаго Величества рукою подписано не будетъ, то де и вышеписанную духовную, подписанную его князь Ивановою рукою, по кончинѣ Его Императорскаго Величества объявимъ, что якобы учинилъ сестру его князь Иванову наслѣдницею, а руки де его князь Ивановой съ рукою Его Императорскаго Величества, можетъ быть, не познаютъ; и онъ де князь Иванъ, взявъ тѣ духовныя поѣхалъ во дворецъ и по пріѣздѣ къ Его Императорскому Величеству ходилъ и времени у Его Императорскаго Величества не получилъ, потому что былъ Его Императорское Величество весьма въ тяжкой болѣзни и лежалъ въ безпамятствѣ; и потомъ на другой день, пріѣхавъ во дворецъ, отецъ его князь Ивановъ спросилъ: гдѣ у него духовныя, чтобъ кто тѣхъ духовныхъ не увидѣлъ, и кому бъ не попались въ руки; и онъ де князь Иванъ тѣ духовныя отдалъ тому своему отцу и сказалъ, что времени у Его Императорскаго Величества онъ князь Иванъ подписать духовную не получилъ, и отецъ де его тѣ духовныя взялъ къ себѣ, и послѣ того времени вскорѣ, а сколько дней спустя и при кончинѣ ль Его Императорскаго Величества или послѣ кончины, того онъ князь Иванъ не упомнитъ, увидясь онъ князь Иванъ съ отцомъ своимъ во дворцѣ и вспомня о вышеписанныхъ духовныхъ, того отца своего спросилъ: гдѣ у него духовныя; и отецъ его сказалъ, что де онъ тѣ духовныя съ братомъ своимъ, а съ его князь Ива-

маги да чернилицу, зачалъ было духовную писать, а что написали, того онъ князь Иванъ не усмотрѣлъ; и говорилъ оной его дядя князь Василій: „моей де руки письмо худо, кто бы де получше написалъ"; и дядя жь де его князь Сергѣй, взявъ бумагу и чернилицу и оную духовную, съ совѣту отца его и дяди князь Василья Лукина сына написалъ духовную одну, а потомъ съ оной духовной написалъ другую такую жь; а въ тѣхъ духовныхъ, что Его Императорское Величество при кончинѣ якобы учинилъ наслѣдницею россійскаго престола обрученную свою невѣсту княжну Катерину, подлинно было написано, потому что показанныя слова при письмѣ тѣхъ духовныхъ отецъ его и дядя въ разговорѣхъ говорили, а въ тѣхъ духовныхъ та его сестра Его Императорскаго Величества супругою была подлинно не написана, потому что отецъ его и дядя такой рѣчи не говорили, и онъ князь Иванъ отъ нихъ не слыхалъ, изъ которыхъ духовныхъ одное съ совѣту отца своего и дяденъ князь Василья Лукина сына да князь Сергѣя Григорьева сына Долгорукихъ, вмѣсто Его Императорскаго Величества въ то жь время при тѣхъ своихъ дядьяхъ, не читавъ, онъ князь Иванъ подписалъ тако: *Петръ;* и тое подписанную духовную, также и не подписанную онъ князь Иванъ взялъ къ себѣ, и притомъ отецъ его съ дядями его обще говорили ему князь Ивану, чтобъ онъ князь Иванъ не подписанную духовную, получа у Его Императорскаго Величества время, какъ отъ болѣзни Его Императорскому Величеству будетъ свободнѣе, и придетъ въ память, показавъ тое духовную Его Императорскому Величеству, просилъ, чтобъ Его Императорское Величество подписалъ, а ежели за болѣзнію Его Императорскаго Величества рукою подписано не будетъ, то де и вышеписанную духовную, подписанную его князь Ивановою рукою, по кончинѣ Его Императорскаго Величества объявимъ, что якобы учинилъ сестру его князь Иванову наслѣдницею, а руки де его князь Ивановой съ рукою Его Императорскаго Величества, можетъ быть, не познаютъ; и онъ де князь Иванъ, взявъ тѣ духовныя поѣхалъ во дворецъ и по пріѣздѣ къ Его Императорскому Величеству ходилъ и времени у Его Императорскаго Величества не получилъ, потому что былъ Его Императорское Величество весьма въ тяжкой болѣзни и лежалъ въ безпамятствѣ; и потомъ на другой день, пріѣхавъ во дворецъ, отецъ его князь Ивановъ спросилъ: гдѣ у него духовныя, чтобъ кто тѣхъ духовныхъ не увидѣлъ, и кому бъ не попались въ руки; и онъ де князь Иванъ тѣ духовныя отдалъ тому своему отцу и сказалъ, что времени у Его Императорскаго Величества онъ князь Иванъ подписать духовную не получилъ, и отецъ де его тѣ духовныя взялъ къ себѣ, и послѣ того времени вскорѣ, а сколько дней спустя и при кончинѣ ль Его Императорскаго Величества или послѣ кончины, того онъ князь Иванъ не упомнитъ, увидясь онъ князь Иванъ съ отцомъ своимъ во дворцѣ и вспомня о вышеписанныхъ духовныхъ, того отца своего спросилъ: гдѣ у него духовныя; и отецъ его сказалъ, что де онъ тѣ духовныя съ братомъ своимъ, а съ его князь Ива-

новымъ дядею князь Иваномъ Григорьевичемъ сыномъ Долгорукимъ въ спальнѣ у себя въ комнатѣ сжегъ; а какъ де онъ князь Иванъ вышеписанную духовную подписалъ, и въ то время и никогда не читалъ, и что въ нихъ было еще написано, того онъ не знаетъ; а при сочиненіи той духовной другіе родственники его и изъ постороннихъ никто не были и о томъ не вѣдали; и оныя духовныя бѣлыя были письма руки дяди его князь Сергѣя подлинно, и духовная рукою Его Императорскаго Величества была не подписана подлинно; а отецъ де его князь Ивановъ показанныя духовныя подлинно ли сжегъ, или тѣ духовныя отдалъ кому на сохраненіе, того онъ не знаетъ и о томъ отъ отца своего и родственниковъ своихъ и ни отъ кого не слыхалъ, а у него де князь Ивана такихъ духовныхъ подлинно нѣтъ, и какъ де отецъ его былъ въ Березовѣ, и у того его отца и у братьевъ и сестръ и у жены его не было, и никому онъ князь Иванъ на сохраненіе такихъ духовныхъ не отдавывалъ, а сперва де въ распросѣ и въ повинкѣ, и въ очныхъ ставкахъ о вышеписанныхъ своихъ дядьяхъ князь Сергѣѣ и князь Иванѣ Григорьевыхъ дѣтяхъ Долгорукихъ и о письмѣ онымъ дядею его князь Сергіемъ духовныхъ не объявилъ, сожалѣя тѣхъ своихъ дядьевъ, а о томъ, что онъ князь Иванъ подписалъ духовную вмѣсто Его Императорскаго Величества, не объявилъ для того, что желалъ о томъ утаену быть; а что де онъ князь Иванъ сперва въ повинкѣ своей показалъ, якобы духовную писалъ дядя его князь Василій Лукинъ сынъ Долгорукой, и о томъ показалъ онъ князь Иванъ не опамятуясь.

Книги де Кіевской печати, якобы о бракѣ Его Императорскаго Величества съ сестрою его князь Ивановою княжною Катериною, у него князь Ивана и у жены его и у братьевъ и у сестръ его подлинно не бывало, и объ оной книгѣ и о патентѣ, якобы имѣется у него князь Ивана патентъ за рукою Его Императорскаго Величества Петра Втораго, маіору Семену Петрову при извѣтчикѣ Тишинѣ никогда онъ Долгорукой не сказывалъ, и братъ де его князь Николай такой книги не показывалъ, а оный его братъ князь Николай съ сестрами о вышеписанномъ патентѣ маіору Петрову при извѣтчикѣ Тишинѣ сказывалъ ли, того онъ не знаетъ, а при немъ князь Иванѣ о томъ не сказывали. А книга де, писанная уставомъ, въ которой Его Императорскаго Величества Петра Втораго персона нарисованная, сѣдящая на престолѣ, да Россія, стоящая на колѣнкахъ предъ престоломъ Иго Императорскаго Величества дѣвою въ русскомъ одѣяніи, и та де книга подлинно написана уставомъ о коронаціи въ похвалу Его Императорскаго Величества, а не о бракѣ сестры его, и не Кіевской печати, и та де книга осталась у брата его князь Николая подлинно, а нынѣ та книга цѣла ль, того онъ князь Иванъ не знаетъ, потому что въ бытность маіора Петрова у нихъ Долгорукихъ на караулѣ, вскорѣ послѣ слѣдствія онымъ маіоромъ Петровымъ о парчѣ и о прочемъ — а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ того онъ не упомнитъ— оный его братъ князь Николай говорилъ ему князь Ивану, что де

новымъ дядею князь Иваномъ Григорьевичемъ сыномъ Долгорукимъ въ спальнѣ у себя въ комнатѣ сжегъ; а какъ де онъ князь Иванъ вышеписанную духовную подписалъ, и въ то время и никогда не читалъ, и что въ нихъ было еще написано, того онъ не знаетъ; а при сочиненіи той духовной другіе родственники его и изъ постороннихъ никто не были и о томъ не вѣдали; и оныя духовныя бѣлыя были письма руки дяди его князь Сергѣя подлинно, и духовная рукою Его Императорскаго Величества была не подписана подлинно; а отецъ де его князь Ивановъ показанныя духовныя подлинно ли сжегъ, или тѣ духовныя отдалъ кому на сохраненіе, того онъ не знаетъ и о томъ отъ отца своего и родственниковъ своихъ и ни отъ кого не слыхалъ, а у него де князь Ивана такихъ духовныхъ подлинно нѣтъ, и какъ де отецъ его былъ въ Березовѣ, и у того его отца и у братьевъ и сестръ и у жены его не было, и никому онъ князь Иванъ на сохраненіе такихъ духовныхъ не отдавывалъ, а сперва де въ распросѣ и въ повинкѣ, и въ очныхъ ставкахъ о вышеписанныхъ своихъ дядьяхъ князь Сергѣѣ и князь Иванѣ Григорьевыхъ дѣтяхъ Долгорукихъ и о письмѣ онымъ дядею его князь Сергіемъ духовныхъ не объявилъ, сожалѣя тѣхъ своихъ дядьевъ, а о томъ, что онъ князь Иванъ подписалъ духовную вмѣсто Его Императорскаго Величества, не объявилъ для того, что желалъ о томъ утаену быть; а что де онъ князь Иванъ сперва въ повинкѣ своей показалъ, якобы духовную писалъ дядя его князь Василій Лукинъ сынъ Долгорукой, и о томъ показалъ онъ князь Иванъ не опамятуясь.

Книги де Кіевской печати, якобы о бракѣ Его Императорскаго Величества съ сестрою его князь Ивановою княжною Катериною, у него князь Ивана и у жены его и у братьевъ и у сестръ его подлинно не бывало, и объ оной книгѣ и о патентѣ, якобы имѣется у него князь Ивана патентъ за рукою Его Императорскаго Величества Петра Втораго, маіору Семену Петрову при извѣтчикѣ Тишинѣ никогда онъ Долгорукой не сказывалъ, и братъ де его князь Николай такой книги не показывалъ, а оный его братъ князь Николай съ сестрами о вышеписанномъ патентѣ маіору Петрову при извѣтчикѣ Тишинѣ сказывалъ ли, того онъ не знаетъ, а при немъ князь Иванѣ о томъ не сказывали. А книга де, писанная уставомъ, въ которой Его Императорскаго Величества Петра Втораго персона нарисованная, сѣдящая на престолѣ, да Россія, стоящая на колѣнкахъ предъ престоломъ Иго Императорскаго Величества дѣвою въ русскомъ одѣяніи, и та де книга подлинно написана уставомъ о коронаціи въ похвалу Его Императорскаго Величества, а не о бракѣ сестры его, и не Кіевской печати, и та де книга осталась у брата его князь Николая подлинно, а нынѣ та книга цѣла ль, того онъ князь Иванъ не знаетъ, потому что въ бытность маіора Петрова у нихъ Долгорукихъ на караулѣ, вскорѣ послѣ слѣдствія онымъ маіоромъ Петровымъ о парчѣ и о прочемъ — а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ того онъ не упомнитъ— оный его братъ князь Николай говорилъ ему князь Ивану, что де

онъ князь Николай книгу о коронаціи хочетъ сжечь, для того, что де канцелярист Тишинъ къ оной книгѣ привязывается, а чего для, того оный его братъ не сказалъ, и онъ де князь Иванъ тому своему брату воспрещая говорилъ, чтобъ онъ того не чинилъ—не равно де той книги для чего спросятъ, а той де книги онъ князь Иванъ на сохраненіе никому не отдавалъ и самъ не прятывалъ и не жигалъ и женѣ своей и оному брату своему князь Николаю и другимъ своимъ братьямъ и сестрамъ и людемъ своимъ на сохраненіе не отдавалъ же, и сжечь той книги не приказывалъ. Два патента де у него Долгорукова на ранги его подлинно имѣются, которые въ сохраненіи имѣются у жены его княгини Натальи Борисовой дочери, о которыхъ де его патентахъ предъ взятьемъ его князь Ивана маіоромъ Петровымъ отъ жены его и отъ братьевъ и сестръ подъ особой караулъ, — а за сколько дней, того онъ князь Иванъ не упомнитъ, — приказывалъ онъ той своей женѣ, чтобъ она тѣ патенты спрятала и никому о томъ не объявляла, для того, что желалъ онъ князь Иванъ тѣ патенты имѣть при себѣ для вѣдома прежнихъ своихъ ранговъ, а не для чего другаго, а какъ де онъ Долгорукой посланъ въ ссылку, и будучи въ пути, при обыску подпоручику Любовникову, также и въ Березовѣ сержанту Рогозину о вышеписанныхъ патентахъ онъ князь Иванъ не объявилъ для того, что оные Любовниковъ и Рогозинъ тѣхъ патентовъ у него не спрашивали; а какъ де лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитанъ-поручикъ Ушаковъ, по прибытіи своемъ въ Березовъ, его князь Ивана спрашивалъ: какія у него есть книги печатныя и письменныя и всякія письма, чтобъ объявилъ все, не оставливая у себя ничего, и онъ де князь Иванъ тому капитану сказалъ, что у него писемъ никакихъ нѣтъ, только однѣ книги церковныя, а о вышеписанныхъ патентахъ онъ князь Иванъ не объявилъ въ торопяхъ, испужався; а о тѣхъ же патентахъ жена его и братъ князь Николай подлинно вѣдали, а другіе его братья и сестры и никто о тѣхъ патентахъ не вѣдали, а братьямъ и сестрамъ и людемъ своимъ тѣхъ патентовъ на сохраненіе онъ не отдавалъ, и онымъ же братьямъ и сестрамъ и людемъ своимъ, чтобъ тѣ патенты сожгли или гдѣ схоронили, не приказывалъ.

Въ бытность у него князь Ивана и у жены его и у братьевъ и сестръ на карауле капитана Ивана Михалевскаго, къ нему князь Ивану Березовскіе жители, о которыхъ онъ Долгорукой въ распросѣ своемъ показалъ, въ гостяхъ подлинно бывали и временно обѣдывали, и онъ князь Иванъ съ женою своею и съ братьями и сестрами въ гости хаживали жь, а согласія де никакого ни о какомъ важномъ или подозрительномъ дѣлѣ не имѣлъ, а у другихъ кого Березовскихъ жителей онъ князь Иванъ бывалъ, того подлинно сказать нынѣ не упомнитъ.

Въ бытность вышеписаннаго жь капитана Михалевскаго у него князь Ивана на карауле, поручикъ Дмитрій Овцынъ у него князь Ивана подлинно былъ одиножды, и то пришелъ съ капитаномъ Михалевскомъ вмѣстѣ, а у него князь Ивана не обѣдывалъ и въ

онъ князь Николай книгу о коронаціи хочетъ сжечь, для того, что де канцелярист Тишинъ къ оной книгѣ привязывается, а чего для, того оный его братъ не сказалъ, и онъ де князь Иванъ тому своему брату воспрещая говорилъ, чтобъ онъ того не чинилъ—не равно де той книги для чего спросятъ, а той де книги онъ князь Иванъ на сохраненіе никому не отдавалъ и самъ не прятывалъ и не жигалъ и женѣ своей и оному брату своему князь Николаю и другимъ своимъ братьямъ и сестрамъ и людемъ своимъ на сохраненіе не отдавалъ же, и сжечь той книги не приказывалъ. Два патента де у него Долгорукова на ранги его подлинно имѣются, которые въ сохраненіи имѣются у жены его княгини Натальи Борисовой дочери, о которыхъ де его патентахъ предъ взятьемъ его князь Ивана маіоромъ Петровымъ отъ жены его и отъ братьевъ и сестръ подъ особой караулъ, — а за сколько дней, того онъ князь Иванъ не упомнитъ, — приказывалъ онъ той своей женѣ, чтобъ она тѣ патенты спрятала и никому о томъ не объявляла, для того, что желалъ онъ князь Иванъ тѣ патенты имѣть при себѣ для вѣдома прежнихъ своихъ ранговъ, а не для чего другаго, а какъ де онъ Долгорукой посланъ въ ссылку, и будучи въ пути, при обыску подпоручику Любовникову, также и въ Березовѣ сержанту Рогозину о вышеписанныхъ патентахъ онъ князь Иванъ не объявилъ для того, что оные Любовниковъ и Рогозинъ тѣхъ патентовъ у него не спрашивали; а какъ де лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитанъ-поручикъ Ушаковъ, по прибытіи своемъ въ Березовъ, его князь Ивана спрашивалъ: какія у него есть книги печатныя и письменныя и всякія письма, чтобъ объявилъ все, не оставливая у себя ничего, и онъ де князь Иванъ тому капитану сказалъ, что у него писемъ никакихъ нѣтъ, только однѣ книги церковныя, а о вышеписанныхъ патентахъ онъ князь Иванъ не объявилъ въ торопяхъ, испужався; а о тѣхъ же патентахъ жена его и братъ князь Николай подлинно вѣдали, а другіе его братья и сестры и никто о тѣхъ патентахъ не вѣдали, а братьямъ и сестрамъ и людемъ своимъ тѣхъ патентовъ на сохраненіе онъ не отдавалъ, и онымъ же братьямъ и сестрамъ и людемъ своимъ, чтобъ тѣ патенты сожгли или гдѣ схоронили, не приказывалъ.

Въ бытность у него князь Ивана и у жены его и у братьевъ и сестръ на карауле капитана Ивана Михалевскаго, къ нему князь Ивану Березовскіе жители, о которыхъ онъ Долгорукой въ распросѣ своемъ показалъ, въ гостяхъ подлинно бывали и временно обѣдывали, и онъ князь Иванъ съ женою своею и съ братьями и сестрами въ гости хаживали жь, а согласія де никакого ни о какомъ важномъ или подозрительномъ дѣлѣ не имѣлъ, а у другихъ кого Березовскихъ жителей онъ князь Иванъ бывалъ, того подлинно сказать нынѣ не упомнитъ.

Въ бытность вышеписаннаго жь капитана Михалевскаго у него князь Ивана на карауле, поручикъ Дмитрій Овцынъ у него князь Ивана подлинно былъ одиножды, и то пришелъ съ капитаномъ Михалевскомъ вмѣстѣ, а у него князь Ивана не обѣдывалъ и въ

банѣ не парива́лся, и о томъ маіору Петрову при извѣтчикѣ Тишинѣ и никогда онъ князь Иванъ не сказывалъ; а братъ же его князь Николай о томъ Овцынѣ, якобы былъ у него князь Ивана и обѣдалъ и парился въ банѣ, сказывалъ ли, того онъ не знаетъ; а въ церкви де съ Овцынымъ онъ князь Иванъ вмѣстѣ стаивалъ, а совѣта ни о какомъ важномъ или подозрительномъ дѣлѣ онъ князь Иванъ съ тѣмъ Овцынымъ не имѣлъ и того Овцына ни чемъ не даровалъ, и дружелюбія никакого съ тѣмъ Овцынымъ не имѣлъ же.

Въ бытность у него жь князь Ивана на караулѣ маіора Семена Петрова, съ означеннымъ Овцынымъ въ церквѣ вмѣстѣ не стаивалъ и разговоровъ никакихъ не имѣлъ, токмо оный Овцынъ въ церкви бывалъ и стаивалъ особо, а въ гостяхъ у того Овцына онъ князь Иванъ съ женою своею и съ братьями и съ сестрами не бывалъ и Овцына ни чемъ не даривалъ, и дружелюбія никакого ни о чемъ не имѣлъ.

А означенному де маіору Петрову при извѣтчикѣ Тишинѣ никогда онъ князь Иванъ съ братомъ князь Николаемъ, что де мы воеводѣ Бобровскому и женѣ его подарили за кумовство не парчу, но гризетъ насыпной съ искрами“, послѣ допросовъ и слѣдствія объ оной парчѣ маіоромъ Петровымъ подлинно не сказывалъ. и чтобъ объ оной парчѣ было не явно, но чтобъ было закрыто, съ маіоромъ Петровымъ и съ Бобровскимъ согласія никакого не имѣлъ.

А вышеписанному де Бобровскому онъ князь Иванъ сукно, а жена его того Бобровскаго женѣ гарнитуръ насыпной съ искрами подарили за присылку отъ онаго Бобровскаго къ нимъ всякаго харчу; да еще жь де отецъ его князь Алексѣй тому жь Бобровскому подарилъ часы золотые ветхіе, а тотъ Бобровскій отца его и его князь Ивана подарилъ двумя мѣхами песцовыми; а сперва де въ распросѣ и въ повинкѣ своей и въ очныхъ ставкахъ онъ князь Иванъ объ оныхъ часахъ и мѣхахъ не объявилъ забвеніемъ, запамятуя.

А вышеписанному маіору Петрову онъ князь Иванъ табакерки серебреной вызолоченной не даривалъ, подлинно и съ братомъ своимъ князь Николаемъ ста червонныхъ тому жь маіору Петрову не давывали, подлинно жь и у того Петрова онъ князь Иванъ съ женою своею и съ братьями и съ сестрами въ гостяхъ никогда не бывалъ, и того Петрова и жены его, кромѣ объявленнаго въ распросѣ его князь Ивановомъ, еще ничѣмъ не даривалъ, а за подарки де отъ него князь Ивана маіоръ Петровъ послабленія имъ Долгорукимъ ни какого не чинивалъ, и согласія ни какого ни о чемъ не было, и Бакирева дочери серегъ не давывалъ, и овощей къ нему не важивалъ. Въ бытность онаго жь маіора Петрова у него князь Ивана на караулѣ, къ Березовскимъ жителямъ и ни къ кому онъ князь Иванъ и жена его и братья и сестры въ гости не хаживали, и Березовскіе жители и никто къ нимъ Долгорукимъ допускиваны не были.

Будучи въ Березовѣ подъ карауломъ, онъ князь Иванъ ни о каковой важности совѣта и чрезъ письма согласія ни какого ни

банѣ не парива́лся, и о томъ маіору Петрову при извѣтчикѣ Тишинѣ и никогда онъ князь Иванъ не сказывалъ; а братъ же его князь Николай о томъ Овцынѣ, якобы былъ у него князь Ивана и обѣдалъ и парился въ банѣ, сказывалъ ли, того онъ не знаетъ; а въ церкви де съ Овцынымъ онъ князь Иванъ вмѣстѣ стаивалъ, а совѣта ни о какомъ важномъ или подозрительномъ дѣлѣ онъ князь Иванъ съ тѣмъ Овцынымъ не имѣлъ и того Овцына ни чемъ не даровалъ, и дружелюбія никакого съ тѣмъ Овцынымъ не имѣлъ же.

Въ бытность у него жь князь Ивана на караулѣ маіора Семена Петрова, съ означеннымъ Овцынымъ въ церквѣ вмѣстѣ не стаивалъ и разговоровъ никакихъ не имѣлъ, токмо оный Овцынъ въ церкви бывалъ и стаивалъ особо, а въ гостяхъ у того Овцына онъ князь Иванъ съ женою своею и съ братьями и съ сестрами не бывалъ и Овцына ни чемъ не даривалъ, и дружелюбія никакого ни о чемъ не имѣлъ.

А означенному де маіору Петрову при извѣтчикѣ Тишинѣ никогда онъ князь Иванъ съ братомъ князь Николаемъ, что де мы воеводѣ Бобровскому и женѣ его подарили за кумовство не парчу, но гризетъ насыпной съ искрами“, послѣ допросовъ и слѣдствія объ оной парчѣ маіоромъ Петровымъ подлинно не сказывалъ. и чтобъ объ оной парчѣ было не явно, но чтобъ было закрыто, съ маіоромъ Петровымъ и съ Бобровскимъ согласія никакого не имѣлъ.

А вышеписанному де Бобровскому онъ князь Иванъ сукно, а жена его того Бобровскаго женѣ гарнитуръ насыпной съ искрами подарили за присылку отъ онаго Бобровскаго къ нимъ всякаго харчу; да еще жь де отецъ его князь Алексѣй тому жь Бобровскому подарилъ часы золотые ветхіе, а тотъ Бобровскій отца его и его князь Ивана подарилъ двумя мѣхами песцовыми; а сперва де въ распросѣ и въ повинкѣ своей и въ очныхъ ставкахъ онъ князь Иванъ объ оныхъ часахъ и мѣхахъ не объявилъ забвеніемъ, запамятуя.

А вышеписанному маіору Петрову онъ князь Иванъ табакерки серебреной вызолоченной не даривалъ, подлинно и съ братомъ своимъ князь Николаемъ ста червонныхъ тому жь маіору Петрову не давывали, подлинно жь и у того Петрова онъ князь Иванъ съ женою своею и съ братьями и съ сестрами въ гостяхъ никогда не бывалъ, и того Петрова и жены его, кромѣ объявленнаго въ распросѣ его князь Ивановомъ, еще ничѣмъ не даривалъ, а за подарки де отъ него князь Ивана маіоръ Петровъ послабленія имъ Долгорукимъ ни какого не чинивалъ, и согласія ни какого ни о чемъ не было, и Бакирева дочери серегъ не давывалъ, и овощей къ нему не важивалъ. Въ бытность онаго жь маіора Петрова у него князь Ивана на караулѣ, къ Березовскимъ жителямъ и ни къ кому онъ князь Иванъ и жена его и братья и сестры въ гости не хаживали, и Березовскіе жители и никто къ нимъ Долгорукимъ допускиваны не были.

Будучи въ Березовѣ подъ карауломъ, онъ князь Иванъ ни о каковой важности совѣта и чрезъ письма согласія ни какого ни

съ кѣмъ не имѣлъ, и никого съ нимъ князь Иваномъ ни въ какомъ противномъ и подозрительномъ дѣлѣ сообщниковъ и согласниковъ не бывало, и ни какихъ противныхъ замысловъ онъ князь Иванъ не имѣлъ и ни какой ни на кого ни въ чемъ надежды не полагалъ, и писемъ ни отъ кого ни о чемъ онъ князь Иванъ не получалъ, и самъ не писывалъ, и бумаги и чернилъ у него князь Ивана никогда не имѣлось, и никто къ нему не принашивалъ. Токмо де въ нынѣшнемъ 1738 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, маіоръ Петровъ, какъ отъ жены его и отъ братьевъ и сестръ посадилъ его князь Ивана подъ особый караулъ, и въ то де время сказывалъ ему князь Ивану на одинѣ, что де канцеляристъ Тишинъ на него князь Ивана показалъ слово и дѣло и посланъ для того въ Москву, и онъ князь Иванъ тому Петрову сказалъ: „я де за собою ничего не знаю“, а отъ кого тотъ Петровъ о томъ слышалъ, того ему князь Ивану не сказалъ, да и онъ о томъ того Петрова не спросилъ спроста; а потомъ вторично до пріѣзду въ Березовъ капитана-поручика Ушакова недѣль за пять или больше—подлинно сказать не упомнитъ,—оный же маіоръ Петровъ пришелъ князь Ивану, говорилъ же: „молись де Богу, не печалься, Тишинъ де привезенъ въ Тобольскъ, и дѣла не будетъ, все де совралъ“, а чрезъ кого оный Петровъ о томъ извѣстенъ былъ, того ему князь Ивану не сказалъ, да и онъ князь Иванъ о томъ его не спросилъ спроста жь, а болѣе того отъ онаго маіора Петрова о увѣдомленіи ни о какомъ никогда онъ князь Иванъ не слыхалъ, а о пріѣздѣ въ Березовъ капитана-поручика Ушакова отъ маіора Петрова и ни отъ кого никогда онъ князь Иванъ не слыхалъ.

И вышеписанному князь Ивану Долгорукову съ извѣтчикомъ Осипомъ Тишинымъ въ спорныхъ словахъ въ застѣнкѣ дана очная ставка. А на очной ставкѣ извѣтчикъ Тишинъ съ князь Иваномъ Долгорукимъ говорилъ тѣ жь рѣчи, что и сперва въ распросѣхъ и въ очныхъ ставкахъ своихъ показалъ де: князь де Долгорукой слова такія: „я де имѣю у себя патентъ за подписаніемъ собственныя руки блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго, да книгу Кіевскія печати въ лицахъ о вѣнчаніи брака сестры его Долгорукова княжны Катерины будто съ Его Императорскимъ Величествомъ“ маіору Петрову и ему Тишину подлинно сказывалъ, и въ бытность де маіора Петрова у оныхъ Долгорукихъ на караулѣ, въ церкви поручикъ Овцынъ вмѣстѣ съ нимъ стаивалъ подлинно, и о закрытіи парчи, чтобъ было не явно, но чтобъ было закрыто, съ маіоромъ Петровымъ и съ Бобровскимъ согласіе подлинно имѣлъ, и что оный князь Иванъ съ братомъ князь Николаемъ воеводѣ Бобровскому и женѣ его подарили за кумовство не парчу, но гризетъ насышной съ искрами, послѣ допросовъ и слѣдствія объ оной парчѣ маіоромъ Петровымъ подлинно сказывали, и маіору Петрову оный князь Иванъ табакерку серебреную вызолоченную подлинно подарилъ, и братъ де того князь Ивана князь Николай о томъ, что де „мы съ братомъ князь Иваномъ дали маіору Петрову сто червонныхъ“ под-

съ кѣмъ не имѣлъ, и никого съ нимъ князь Иваномъ ни въ какомъ противномъ и подозрительномъ дѣлѣ сообщниковъ и согласниковъ не бывало, и ни какихъ противныхъ замысловъ онъ князь Иванъ не имѣлъ и ни какой ни на кого ни въ чемъ надежды не полагалъ, и писемъ ни отъ кого ни о чемъ онъ князь Иванъ не получалъ, и самъ не писывалъ, и бумаги и чернилъ у него князь Ивана никогда не имѣлось, и никто къ нему не принашивалъ. Токмо де въ нынѣшнемъ 1738 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, маіоръ Петровъ, какъ отъ жены его и отъ братьевъ и сестръ посадилъ его князь Ивана подъ особый караулъ, и въ то де время сказывалъ ему князь Ивану на одинѣ, что де канцелярист Тишинъ на него князь Ивана показалъ слово и дѣло и посланъ для того въ Москву, и онъ князь Иванъ тому Петрову сказалъ: „я де за собою ничего не знаю“, а отъ кого тотъ Петровъ о томъ слышалъ, того ему князь Ивану не сказалъ, да и онъ о томъ того Петрова не спросилъ спроста; а потомъ вторично до пріѣзду въ Березовъ капитана-поручика Ушакова недѣль за пять или больше—подлинно сказать не упомнитъ,—оный же маіоръ Петровъ пришелъ князь Ивану, говорилъ же: „молись де Богу, не печалься, Тишинъ де привезенъ въ Тобольскъ, и дѣла не будетъ, все де совралъ“, а чрезъ кого оный Петровъ о томъ извѣстенъ былъ, того ему князь Ивану не сказалъ, да и онъ князь Иванъ о томъ его не спросилъ спроста жь, а болѣе того отъ онаго маіора Петрова о увѣдомленіи ни о какомъ никогда онъ князь Иванъ не слыхалъ, а о пріѣздѣ въ Березовъ капитана-поручика Ушакова отъ маіора Петрова и ни отъ кого никогда онъ князь Иванъ не слыхалъ.

И вышеписанному князь Ивану Долгорукову съ извѣтчикомъ Осипомъ Тишинымъ въ спорныхъ словахъ въ застѣнкѣ дана очная ставка. А на очной ставкѣ извѣтчикъ Тишинъ съ князь Иваномъ Долгорукимъ говорилъ тѣ жь рѣчи, что и сперва въ распросѣхъ и въ очныхъ ставкахъ своихъ показалъ де: князь де Долгорукой слова такія: „я де имѣю у себя патентъ за подписаніемъ собственныя руки блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго, да книгу Кіевскія печати въ лицахъ о вѣнчаніи брака сестры его Долгорукова княжны Катерины будто съ Его Императорскимъ Величествомъ“ маіору Петрову и ему Тишину подлинно сказывалъ, и въ бытность де маіора Петрова у оныхъ Долгорукихъ на караулѣ, въ церкви поручикъ Овцынъ вмѣстѣ съ нимъ стаивалъ подлинно, и о закрытіи парчи, чтобъ было не явно, но чтобъ было закрыто, съ маіоромъ Петровымъ и съ Бобровскимъ согласіе подлинно имѣлъ, и что оный князь Иванъ съ братомъ князь Николаемъ воеводѣ Бобровскому и женѣ его подарили за кумовство не парчу, но гризетъ насышной съ искрами, послѣ допросовъ и слѣдствія объ оной парчѣ маіоромъ Петровымъ подлинно сказывали, и маіору Петрову оный князь Иванъ табакерку серебреную вызолоченную подлинно подарилъ, и братъ де того князь Ивана князь Николай о томъ, что де „мы съ братомъ князь Иваномъ дали маіору Петрову сто червонныхъ“ под-

линно сказывалъ, и подъячаго де Григорья Андреянова жена о томъ, что Бакирева дочери оный князь Иванъ подарилъ серьги и привозилъ на сговоръ всякихъ овощей, подлинно сказывала.

А князь Иванъ Долгорукой съ извѣтчикомъ Осипомъ Тишинымъ въ очной ставкѣ говорилъ тѣ жь рѣчи, что и сперва въ распросѣ у дыбы показалъ, и въ томъ утверждался.

И того жь числа вышеписанный князь Иванъ Долгорукой подыманъ на дыбу и изъ подлинной правды пытанъ. А въ распросѣ съ подъему изъ пытки оной князь Иванъ Долгорукой говорилъ то жь, что и сперва въ распросѣ, стоя у дыбы, и съ извѣтчикомъ Осипомъ Тишинымъ въ очной ставкѣ, и въ прочихъ своихъ распросѣхъ и очныхъ ставкахъ показалъ, и въ томъ утверждался.

Онъ же князь Долгорукой съ розыска жь въ пополненіе показалъ: тому лѣтъ съ пять въ Великій постъ, какъ онъ князь Иванъ былъ въ Березовѣ, постился, и исповѣдывалъ де его города Березова церкви Рожества Пресвятыя Богородицы попъ Ѳедоръ Петровъ сынъ Кузнецовъ, и онъ де князь Иванъ тому попу и на исповѣди между прочимъ сказывалъ, что онъ князь Иванъ предъ Богомъ согрѣшилъ.—подписался подъ руку блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго къ духовной для сестры своей княжны Катерины, и попъ де молвилъ: „Богъ де тебя проститъ“, а къ какой духовной, и въ какой силѣ та духовная была сочинена, и что въ ней было написано, о томъ онъ князь Иванъ не сказывалъ, да и оный попъ его не спрашивалъ; а потомъ, что онъ на духовенствѣ о подпискѣ объявилъ, чтобъ оной попъ о томъ молчалъ и нигдѣ бъ не доносилъ, и никому не объявлялъ, тому попу запрещенія никакого онъ князь Иванъ не говаривалъ; а попъ де о томъ гдѣ доносилъ ли, или не доносилъ, того онъ не знаетъ. А сперва де о вышеписанномъ въ распросѣхъ и въ очныхъ ставкахъ онъ князь Иванъ не объявлялъ забвеніемъ.

Подъ всѣми пунктами подписано: „Князь Иванъ Долгорукой руку приложилъ“.

1738 года сентября въ 11-й день, по указу Ея Императорскаго Величества, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитанъ-поручикъ Ушаковъ, поручикъ Василій Суворовъ, по слушанію дѣла приказали князь Ивана Долгорукова по повинкѣ его въ непристойныхъ злыхъ и вредительныхъ словахъ и въ прочемъ, приведчи въ застѣнокъ, распросить съ пристрастіемъ накрѣпко и въ спорѣ съ извѣтчикомъ Осипомъ Тишинымъ дать очную ставку, и онаго жь князь Ивана Долгорукова изъ подлинной правды розыскивать и спрашивать на крѣпко жь въ томъ: 1) Къ поношенію чести Ея Императорскаго Величества злыя и вредительныя слова для чего онъ подлинно говорилъ, и съ какого вымыслу и злости, и давно ль ихъ въ мысли своей содержалъ, и не говорилъ ли другихъ какихъ словъ къ поношенію чести Ея Императорскаго Величества и высочайшей Ея Императорскаго Величества фамиліи, и отъ другихъ отъ кого такихъ же или другихъ какихъ непристойныхъ словъ

линно сказывалъ, и подъячаго де Григорья Андреянова жена о томъ, что Бакирева дочери оный князь Иванъ подарилъ серьги и привозилъ на сговоръ всякихъ овощей, подлинно сказывала.

А князь Иванъ Долгорукой съ извѣтчикомъ Осипомъ Тишинымъ въ очной ставкѣ говорилъ тѣ жь рѣчи, что и сперва въ распросѣ у дыбы показалъ, и въ томъ утверждался.

И того жь числа вышеписанный князь Иванъ Долгорукой подыманъ на дыбу и изъ подлинной правды пытанъ. А въ распросѣ съ подъему изъ пытки оной князь Иванъ Долгорукой говорилъ то жь, что и сперва въ распросѣ, стоя у дыбы, и съ извѣтчикомъ Осипомъ Тишинымъ въ очной ставкѣ, и въ прочихъ своихъ распросѣхъ и очныхъ ставкахъ показалъ, и въ томъ утверждался.

Онъ же князь Долгорукой съ розыска жь въ пополненіе показалъ: тому лѣтъ съ пять въ Великій постъ, какъ онъ князь Иванъ былъ въ Березовѣ, постился, и исповѣдывалъ де его города Березова церкви Рожества Пресвятыя Богородицы попъ Ѳедоръ Петровъ сынъ Кузнецовъ, и онъ де князь Иванъ тому попу и на исповѣди между прочимъ сказывалъ, что онъ князь Иванъ предъ Богомъ согрѣшилъ.—подписался подъ руку блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго къ духовной для сестры своей княжны Катерины, и попъ де молвилъ: „Богъ де тебя проститъ“, а къ какой духовной, и въ какой силѣ та духовная была сочинена, и что въ ней было написано, о томъ онъ князь Иванъ не сказывалъ, да и оный попъ его не спрашивалъ; а потомъ, что онъ на духовенствѣ о подпискѣ объявилъ, чтобъ оной попъ о томъ молчалъ и нигдѣ бъ не доносилъ, и никому не объявлялъ, тому попу запрещенія никакого онъ князь Иванъ не говаривалъ; а попъ де о томъ гдѣ доносилъ ли, или не доносилъ, того онъ не знаетъ. А сперва де о вышеписанномъ въ распросѣхъ и въ очныхъ ставкахъ онъ князь Иванъ не объявлялъ забвеніемъ.

Подъ всѣми пунктами подписано: „Князь Иванъ Долгорукой руку приложилъ“.

1738 года сентября въ 11-й день, по указу Ея Императорскаго Величества, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитанъ-поручикъ Ушаковъ, поручикъ Василій Суворовъ, по слушанію дѣла приказали князь Ивана Долгорукова по повинкѣ его въ непристойныхъ злыхъ и вредительныхъ словахъ и въ прочемъ, приведчи въ застѣнокъ, распросить съ пристрастіемъ накрѣпко и въ спорѣ съ извѣтчикомъ Осипомъ Тишинымъ дать очную ставку, и онаго жь князь Ивана Долгорукова изъ подлинной правды розыскивать и спрашивать на крѣпко жь въ томъ: 1) Къ поношенію чести Ея Императорскаго Величества злыя и вредительныя слова для чего онъ подлинно говорилъ, и съ какого вымыслу и злости, и давно ль ихъ въ мысли своей содержалъ, и не говорилъ ли другихъ какихъ словъ къ поношенію чести Ея Императорскаго Величества и высочайшей Ея Императорскаго Величества фамиліи, и отъ другихъ отъ кого такихъ же или другихъ какихъ непристойныхъ словъ

не слыхалъ ли, и кто, вѣдая о томъ, не молчали ль? 2) Почему онъ Долгорукой, что якобы Ея Императорское Величество послушала государыни цесаревны Елисаветъ Петровны и сослала его въ ссылку, и что фамилія и родъ ихъ весь пропалъ, вѣдаетъ, и отъ кого о томъ онъ свѣдалъ, и давно ль, или собою о томъ вымысля, говорилъ. 3) Ея Высочество благовѣрную государыню цесаревну Елисаветъ Петровну якобы за непот..... или злобу въ монастырь сослать онъ хотѣлъ ли, и въ которой монастырь именно, и съ кѣмъ о томъ сообщеніе и согласіе имѣлъ, и кто, вѣдая о томъ, молчали? 4) Послѣ говоренія непристойныхъ словъ на слова извѣтчика Тишина онъ Долгорукой тому Тишину: „гдѣ де тебѣ доносить, ты де уже сталъ Сибирякъ, а хотя де и доносить станешь, то де тебѣ жь голову съ сѣкутъ“, для чего подлинно говорилъ также и о томъ: „а маіоръ де Петровъ уже нашъ и задаренъ“, говорилъ ли? 5) При кончинѣ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго, отецъ его князь Ивановъ князь Алексѣй Долгорукой съ дядьями его, князь Васильемъ Володиміровымъ сыномъ и съ князь Васильемъ Лукинымъ сыномъ Долгорукими, о духовной у отца его въ спальнѣ подлинно ль совѣтывали, и слова такія, чтобъ написать въ духовной, якобы Его Императорское Величество сестру его князь Иванову княжну Катерину учинятъ по кончинѣ своей наслѣдницею, говорили ль, и какъ дядя его князь Василій Володиміровъ сынъ отъ отца его поѣхалъ; и дядя жь его князь Василій Лукинъ сынъ, сѣдячи у комля на стулъ и взявъ листъ бумаги да чернильницу, оную духовную писалъ ли? И въ той духовной, что Его Императорское Величество при кончинѣ учинилъ наслѣдницею россійскаго престола обрученную свою невѣсту княжну Катерину, подлинно ль было написано? И не написана ль она была супругою, и другое что въ той духовной было написано жь, и тое духовную онъ князь Иванъ читалъ ли, и что еще было написано? И отецъ его князь Алексѣй для подписанія Его Императорскому Величеству духовную ему князь Ивану отдавалъ ли, и слова такія: чтобъ онъ князь Иванъ тое духовную, получа у Его Императорскаго Величества время, какъ отъ болѣзни будетъ свободенъ и прійдетъ въ память, показать тое духовную, чтобъ Его Императорское Величество подписалъ — говорилъ ли, и при сочиненіи той духовной дядья жь его родные и другіе родственники, также и посторонніе кто именно были и о томъ вѣдали, и тое духовную подлинно ль писалъ дядя его князь Василій Лукинъ сынъ, князь переписывана ль кѣмъ другимъ, и та духовная Его Императорскаго Величества рукою чрезъ тебя Долгорукова или другихъ кого нибудь подписана ль была, или подлинно не подписана, и отецъ твой князь Ивановъ о томъ, что тое духовную сжегъ въ комлѣ, подлинно ль тебѣ князь Ивану сказывалъ? И подлинно ль сожжена, и для спея черна о томъ въ распросѣ онъ не показалъ, и такой духовной не имѣется ль у него князь Ивана нынѣ гдѣ въ сохраненіи, или у кого другихъ въ сохраненіи жь? 6) Книга Кіевской печати, якобы о вѣнчаніи брака

не слыхалъ ли, и кто, вѣдая о томъ, не молчали ль? 2) Почему онъ Долгорукой, что якобы Ея Императорское Величество послушала государыни цесаревны Елисаветъ Петровны и сослала его въ ссылку, и что фамилія и родъ ихъ весь пропалъ, вѣдаетъ, и отъ кого о томъ онъ свѣдалъ, и давно ль, или собою о томъ вымысля, говорилъ. 3) Ея Высочество благовѣрную государыню цесаревну Елисаветъ Петровну якобы за непот..... или злобу въ монастырь сослать онъ хотѣлъ ли, и въ которой монастырь именно, и съ кѣмъ о томъ сообщеніе и согласіе имѣлъ, и кто, вѣдая о томъ, молчали? 4) Послѣ говоренія непристойныхъ словъ на слова извѣтчика Тишина онъ Долгорукой тому Тишину: „гдѣ де тебѣ доносить, ты де уже сталъ Сибирякъ, а хотя де и доносить станешь, то де тебѣ жь голову съ сѣкутъ“, для чего подлинно говорилъ также и о томъ: „а маіоръ де Петровъ уже нашъ и задаренъ“, говорилъ ли? 5) При кончинѣ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго, отецъ его князь Ивановъ князь Алексѣй Долгорукой съ дядьями его, князь Васильемъ Володиміровымъ сыномъ и съ князь Васильемъ Лукинымъ сыномъ Долгорукими, о духовной у отца его въ спальнѣ подлинно ль совѣтывали, и слова такія, чтобъ написать въ духовной, якобы Его Императорское Величество сестру его князь Иванову княжну Катерину учинятъ по кончинѣ своей наслѣдницею, говорили ль, и какъ дядя его князь Василій Володиміровъ сынъ отъ отца его поѣхалъ; и дядя жь его князь Василій Лукинъ сынъ, сѣдячи у комля на стулъ и взявъ листъ бумаги да чернильницу, оную духовную писалъ ли? И въ той духовной, что Его Императорское Величество при кончинѣ учинилъ наслѣдницею россійскаго престола обрученную свою невѣсту княжну Катерину, подлинно ль было написано? И не написана ль она была супругою, и другое что въ той духовной было написано жь, и тое духовную онъ князь Иванъ читалъ ли, и что еще было написано? И отецъ его князь Алексѣй для подписанія Его Императорскому Величеству духовную ему князь Ивану отдавалъ ли, и слова такія: чтобъ онъ князь Иванъ тое духовную, получа у Его Императорскаго Величества время, какъ отъ болѣзни будетъ свободенъ и прійдетъ въ память, показать тое духовную, чтобъ Его Императорское Величество подписалъ — говорилъ ли, и при сочиненіи той духовной дядья жь его родные и другіе родственники, также и посторонніе кто именно были и о томъ вѣдали, и тое духовную подлинно ль писалъ дядя его князь Василій Лукинъ сынъ, князь переписывана ль кѣмъ другимъ, и та духовная Его Императорскаго Величества рукою чрезъ тебя Долгорукова или другихъ кого нибудь подписана ль была, или подлинно не подписана, и отецъ твой князь Ивановъ о томъ, что тое духовную сжегъ въ комлѣ, подлинно ль тебѣ князь Ивану сказывалъ? И подлинно ль сожжена, и для спея черна о томъ въ распросѣ онъ не показалъ, и такой духовной не имѣется ль у него князь Ивана нынѣ гдѣ въ сохраненіи, или у кого другихъ въ сохраненіи жь? 6) Книга Кіевской печати, якобы о вѣнчаніи брака

Его Императорскаго Величества съ сестрою его князь Ивановою княжною Катериною, у тебя князь Ивана имѣлась ли, и буде имѣлась, гдѣ нынѣ та книга въ сохраненіи у тебя имѣется, и объ той книгѣ и о патентѣ, что у него Долгорукова имѣются, маіору Семену Петрову при канцелярістѣ Тишинѣ онъ Долгорукой сказывалъ ли, а братъ его князь Николай такую книгу онымъ Петрову и Тишину показывалъ ли? 7) Книга полууставная, что въ ней въ лицахъ нарисовано, о которой онъ князь Иванъ роспросомъ показалъ, подлинно ль написана о коронаціи въ похвалу Его Императорскому Величеству, и та книга не о бракѣ ль сестры его, и подлинно ль написана уставомъ, а не Кіевской печати, и для чего объ ней сперва въ роспросѣ не объявилъ, и та книга подлинно ль осталась у брата его князь Николая и не схоронена ль гдѣ имъ Долгорукимъ, или не сожжена ль и не отдана ль кому на сохраненіе, и женѣ своей и братьямъ и сестрамъ и людемъ своимъ не отдалъ ли той книги на сохраненіе и не приказывалъ ли той книги сжечь? 8) Два патента на ранги его Долгорукова подлинно ли имѣются у жены его князь Ивановой, и какъ онъ посланъ въ ссылку, будучи въ пути, при обыску подпоручику Любовникову, также и въ Березовѣ сержанту Рогозину и капитану-поручику Упакову тѣхъ патентовъ для чего не объявилъ и при себѣ въ сохраненіи держалъ, и чему изъ того быть себѣ не надѣялся ль, и не схоронены ль имъ Долгорукимъ гдѣ, и объ оныхъ патентахъ братья его и сестры вѣдали ль, или не вѣдали, и кто изъ нихъ вѣдалъ, и братьямъ и сестрамъ и людемъ своимъ не отдалъ ли тѣхъ патентовъ на сохраненіе и сжечь не приказывалъ ли? 9) Въ бытность у него Долгорукова, на караулѣ капитана Михалевскаго, къ нему Долгорукову Березовскіе, о которыхъ въ роспросѣ онъ показалъ, въ гостяхъ бывали ль и временно обѣдывали ль, и онъ Долгорукой съ женою своею и съ братьями и съ сестрами въ гости хаживалъ ли и согласія какого съ ними не имѣлъ ли? 10) Въ бытность у него Долгорукова на караулѣ онаго жь капитана Михалевскаго, поручикъ Дмитрій Овцынъ у него Долгорукова многожды бывалъ и обѣдывалъ ли, и въ банѣ парился ль, и о томъ маіору Петрову, при извѣтчикѣ Тишинѣ, онъ Долгорукой сказывалъ ли, и съ онымъ Овцынымъ какъ въ церкви стаивалъ вмѣстѣ совѣта о какой важности или подозрительныхъ какихъ дѣлахъ не имѣлъ ли, и того Овцына чѣмъ не дарилъ ли и дружелюбія какого съ нимъ Овцынымъ не имѣлъ ли? 11) Да въ бытность маіора Семена Петрова у него жь Долгорукова на караулѣ, съ онымъ Овцынымъ въ церкви вмѣстѣ онъ Долгорукой стаивалъ ли, и разговоры имѣлъ ли, и о чемъ именно, или стаивалъ особо, и въ гостяхъ у того Овцына онъ Долгорукой съ женою своею и съ братьями и съ сестрами своими бывалъ ли, и чѣмъ не даривалъ ли? Означенному маіору Петрову при извѣтчикѣ Тишинѣ, онъ Долгорукой, съ братомъ князь Николаемъ, что де „мы воеводѣ Бобровскому и женѣ его подарили за кумовство не парчу, но гризетъ насыпной съ искрами“, послѣ допросовъ и слѣдствія объ оной парчѣ маіоромъ Петровымъ сказывалъ

Его Императорскаго Величества съ сестрою его князь Ивановою княжною Катериною, у тебя князь Ивана имѣлась ли, и буде имѣлась, гдѣ нынѣ та книга въ сохраненіи у тебя имѣется, и объ той книгѣ и о патентѣ, что у него Долгорукова имѣются, маіору Семену Петрову при канцелярістѣ Тишинѣ онъ Долгорукой сказывалъ ли, а братъ его князь Николай такую книгу онымъ Петрову и Тишину показывалъ ли? 7) Книга полууставная, что въ ней въ лицахъ нарисовано, о которой онъ князь Иванъ роспросомъ показалъ, подлинно ль написана о коронаціи въ похвалу Его Императорскому Величеству, и та книга не о бракѣ ль сестры его, и подлинно ль написана уставомъ, а не Кіевской печати, и для чего объ ней сперва въ роспросѣ не объявилъ, и та книга подлинно ль осталась у брата его князь Николая и не схоронена ль гдѣ имъ Долгорукимъ, или не сожжена ль и не отдана ль кому на сохраненіе, и женѣ своей и братьямъ и сестрамъ и людемъ своимъ не отдалъ ли той книги на сохраненіе и не приказывалъ ли той книги сжечь? 8) Два патента на ранги его Долгорукова подлинно ли имѣются у жены его князь Ивановой, и какъ онъ посланъ въ ссылку, будучи въ пути, при обыску подпоручику Любовникову, также и въ Березовѣ сержанту Рогозину и капитану-поручику Упакову тѣхъ патентовъ для чего не объявилъ и при себѣ въ сохраненіи держалъ, и чему изъ того быть себѣ не надѣялся ль, и не схоронены ль имъ Долгорукимъ гдѣ, и объ оныхъ патентахъ братья его и сестры вѣдали ль, или не вѣдали, и кто изъ нихъ вѣдалъ, и братьямъ и сестрамъ и людемъ своимъ не отдалъ ли тѣхъ патентовъ на сохраненіе и сжечь не приказывалъ ли? 9) Въ бытность у него Долгорукова, на караулѣ капитана Михалевскаго, къ нему Долгорукову Березовскіе, о которыхъ въ роспросѣ онъ показалъ, въ гостяхъ бывали ль и временно обѣдывали ль, и онъ Долгорукой съ женою своею и съ братьями и съ сестрами въ гости хаживалъ ли и согласія какого съ ними не имѣлъ ли? 10) Въ бытность у него Долгорукова на караулѣ онаго жь капитана Михалевскаго, поручикъ Дмитрій Овцынъ у него Долгорукова многожды бывалъ и обѣдывалъ ли, и въ банѣ парился ль, и о томъ маіору Петрову, при извѣтчикѣ Тишинѣ, онъ Долгорукой сказывалъ ли, и съ онымъ Овцынымъ какъ въ церкви стаивалъ вмѣстѣ совѣта о какой важности или подозрительныхъ какихъ дѣлахъ не имѣлъ ли, и того Овцына чѣмъ не дарилъ ли и дружелюбія какого съ нимъ Овцынымъ не имѣлъ ли? 11) Да въ бытность маіора Семена Петрова у него жь Долгорукова на караулѣ, съ онымъ Овцынымъ въ церкви вмѣстѣ онъ Долгорукой стаивалъ ли, и разговоры имѣлъ ли, и о чемъ именно, или стаивалъ особо, и въ гостяхъ у того Овцына онъ Долгорукой съ женою своею и съ братьями и съ сестрами своими бывалъ ли, и чѣмъ не даривалъ ли? Означенному маіору Петрову при извѣтчикѣ Тишинѣ, онъ Долгорукой, съ братомъ князь Николаемъ, что де „мы воеводѣ Бобровскому и женѣ его подарили за кумовство не парчу, но гризетъ насыпной съ искрами“, послѣ допросовъ и слѣдствія объ оной парчѣ маіоромъ Петровымъ сказывалъ

ли, и чтобъ объ оной парчѣ было не явно, но чтобъ было закрыто, съ онымъ маіоромъ Петровымъ согласіе какое имѣлъ ли? 13) Вышеписанному жъ Бобровскому онъ князь Иванъ сукно, а жена его того Бобровскаго женѣ гарнитуръ насыпной съ искрами для чего подарили, и за то себѣ отъ нихъ чего желали, и болѣе того оному Бобровскому и женѣ его чего еще не дарили ль, и сперва въ роспросѣ и при слѣдствіи маіоромъ Петровымъ объ оной парчѣ для чего онъ не объявилъ? 14) Оному жъ маіору Петрову онъ Долгорукой табакирку серебреную вызолоченную подарилъ ли, и съ братомъ своимъ князь Николаемъ, сто червонныхъ дали ль, и за что, и у того Петрова онъ Долгорукой съ женою своею и съ братьями и съ сестрами въ гостямъ бывали ль, и того Петрова и жену его, кромѣ объявленнаго въ роспросахъ его, еще чѣмъ дарилъ ли, и чѣмъ именно, и за тѣ подарки оный Петровъ, послабленія какого имъ Долгорукимъ не чинилъ ли, и согласія какого съ нимъ и съ женою его не имѣлъ ли? 15) Въ бытность онаго жъ маіора Петрова у него Долгорукова на караулѣ, къ Березовскимъ жителямъ или къ другимъ кому онъ Долгорукой съ женою своею и съ братьями и съ сестрами въ гости хаживалъ ли, и Березовскіе жители или другіе кто къ нимъ Долгорукимъ допускиваны были ль? 16) Будучи въ Березовѣ подъ карауломъ, онъ Долгорукой о каковой важности совѣта и чрезъ письма согласія какого съ кѣмъ не имѣлъ ли, и кого съ нимъ въ томъ и другомъ какомъ противномъ и подозрительномъ дѣлѣ сообщниковъ и согласниковъ не было ль, и какихъ противныхъ замысловъ не имѣлъ ли, и какой на кого въ томъ и въ другомъ въ чемъ надежды не полагалъ ли, и кто, вѣдая о томъ, не молчалъ ли, и писемъ отъ кого о чемъ онъ Долгорукой не получалъ ли, и самъ не писывалъ ли, и бумаги и чернилъ у него Долгорукова когда не имѣлось ли, и кто къ нему не приносилъ ли?

И что о томъ о всемъ оный князь Иванъ Долгорукой въ роспросѣ и съ розыску покажетъ, о томъ изъ роспросовъ того Долгорукова, также и изъ повинки и изъ роспросу маіора Семена Петрова и изъ очныхъ съ извѣтчикомъ Осипомъ Тишинымъ ставокъ учинить обстоятельный экстрактъ, росписавъ о всемъ порознь; послать при доношеніи въ С.-Петербургъ, въ тайную канцелярію чрезъ почту нарочно лейбъ-гвардіи съ солдатомъ, и о дачѣ тому солдату до С.-Петербурга почтовыхъ двухъ подводъ и на нихъ прогонныхъ денегъ въ одинъ путь до С.-Петербурга послать въ Тобольскую губернскую канцелярію промеморію, а оному солдату дать инструкцію по указу.

Подписали: Ѳедоръ Ушаковъ, Василій Суворовъ.

IV.

Допросъ князю С. Г. Долгорукову 1739 года.

Вопросные пункты князь Сергѣю Григорьевичу Долгорукову.

Октября 10-го дня сего 1739 года, содержащійся въ Шлютель-

ли, и чтобъ объ оной парчѣ было не явно, но чтобъ было закрыто, съ онымъ маіоромъ Петровымъ согласіе какое имѣлъ ли? 13) Вышеписанному жъ Бобровскому онъ князь Иванъ сукно, а жена его того Бобровскаго женѣ гарнитуръ насыпной съ искрами для чего подарили, и за то себѣ отъ нихъ чего желали, и болѣе того оному Бобровскому и женѣ его чего еще не дарили ль, и сперва въ роспросѣ и при слѣдствіи маіоромъ Петровымъ объ оной парчѣ для чего онъ не объявилъ? 14) Оному жъ маіору Петрову онъ Долгорукой табакирку серебреную вызолоченную подарилъ ли, и съ братомъ своимъ князь Николаемъ, сто червонныхъ дали ль, и за что, и у того Петрова онъ Долгорукой съ женою своею и съ братьями и съ сестрами въ гостямъ бывали ль, и того Петрова и жену его, кромѣ объявленнаго въ роспросахъ его, еще чѣмъ дарилъ ли, и чѣмъ именно, и за тѣ подарки оный Петровъ, послабленія какого имъ Долгорукимъ не чинилъ ли, и согласія какого съ нимъ и съ женою его не имѣлъ ли? 15) Въ бытность онаго жъ маіора Петрова у него Долгорукова на караулѣ, къ Березовскимъ жителямъ или къ другимъ кому онъ Долгорукой съ женою своею и съ братьями и съ сестрами въ гости хаживалъ ли, и Березовскіе жители или другіе кто къ нимъ Долгорукимъ допускиваны были ль? 16) Будучи въ Березовѣ подъ карауломъ, онъ Долгорукой о каковой важности совѣта и чрезъ письма согласія какого съ кѣмъ не имѣлъ ли, и кого съ нимъ въ томъ и другомъ какомъ противномъ и подозрительномъ дѣлѣ сообщниковъ и согласниковъ не было ль, и какихъ противныхъ замысловъ не имѣлъ ли, и какой на кого въ томъ и въ другомъ въ чемъ надежды не полагалъ ли, и кто, вѣдая о томъ, не молчалъ ли, и писемъ отъ кого о чемъ онъ Долгорукой не получалъ ли, и самъ не писывалъ ли, и бумаги и чернилъ у него Долгорукова когда не имѣлось ли, и кто къ нему не приносилъ ли?

И что о томъ о всемъ оный князь Иванъ Долгорукой въ роспросѣ и съ розыску покажетъ, о томъ изъ роспросовъ того Долгорукова, также и изъ повинки и изъ роспросу маіора Семена Петрова и изъ очныхъ съ извѣтчикомъ Осипомъ Тишинымъ ставокъ учинить обстоятельный экстрактъ, росписавъ о всемъ порознь; послать при доношеніи въ С.-Петербургъ, въ тайную канцелярію чрезъ почту нарочно лейбъ-гвардіи съ солдатомъ, и о дачѣ тому солдату до С.-Петербурга почтовыхъ двухъ подводъ и на нихъ прогонныхъ денегъ въ одинъ путь до С.-Петербурга послать въ Тобольскую губернскую канцелярію промеморію, а оному солдату дать инструкцію по указу.

Подписали: Ѳедоръ Ушаковъ, Василій Суворовъ.

IV.

Допросъ князю С. Г. Долгорукову 1739 года.

Вопросные пункты князь Сергѣю Григорьевичу Долгорукову.

Октября 10-го дня сего 1739 года, содержащійся въ Шлютель-

бурхской крѣпости князь Сергѣй Григорьевъ сынъ Долгорукой въ присутствіи его превосходительства генерала и кавалера Андрея Ивановича Ушакова по нижеизъявленнымъ вопроснымъ пунктамъ допрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ:

1.

По написаніи тобою противной духовной набѣло князь Алексѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти, тако жь и ты, при князь Васильѣ Лукинѣ сынѣ и при князь Иванъ Алексѣевѣ сынѣ, о томъ, что оной духовной за тяжкою болѣзнію Его Величеству подписать не можно, говорили, и князь Иванъ Алексѣевъ сынъ, вынувъ изъ кармана черный листъ бумаги, слова такія: „вотъ де посмотрите, письмо государевой и моей руки, что письмо де руки моей слово въ слово какъ государево письмо“, вамъ говорилъ ли, и что на томъ листу и чьею подлинно рукою было написано, и что письмо руки князь Ивановой съ письмомъ Его Величества сходственно или не сходственно, какъ вы тогда присмотрѣли, и что жь о томъ говорено и разсуждаемо вами было, и въ какомъ намѣреніи вы остались, и на ономъ черномъ листу рукою Его Императорскаго Величества и князь Иваномъ когда и гдѣ именно писано было, ты, князь Сергѣй, почему о томъ вѣдаешь, и гдѣ нынѣ оный листъ имѣется?

На 1-й.

О томъ де, какъ во оном первомъ пунктѣ показано, говорено ль было, тако жь и о прочемъ объявленномъ въ оном же пунктѣ, сказать нынѣ ни о чемъ онъ князь Сергѣй не упомнитъ.

2.

О томъ, что ежели Его Величество скончается, чтобъ означенную духовную объявить народу и сказать, что тое духовную якобы Его Императорское Величество подписалъ, — въ какомъ намѣре-

На 2-й.

О томъ, какъ въ оном второмъ пунктѣ показано, братъ его князь Алексѣй и другіе ихъ родственники, тако жь и онъ князь Сергѣй говорили ль, того въ памятъ ему не придетъ, и совер-

бурхской крѣпости князь Сергѣй Григорьевъ сынъ Долгорукой въ присутствіи его превосходительства генерала и кавалера Андрея Ивановича Ушакова по нижеизъявленнымъ вопроснымъ пунктамъ допрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ:

1.

По написаніи тобою противной духовной набѣло князь Алексѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти, тако жь и ты, при князь Васильѣ Лукинѣ сынѣ и при князь Иванъ Алексѣевѣ сынѣ, о томъ, что оной духовной за тяжкою болѣзнію Его Величеству подписать не можно, говорили, и князь Иванъ Алексѣевъ сынъ, вынувъ изъ кармана черный листъ бумаги, слова такія: „вотъ де посмотрите, письмо государевой и моей руки, что письмо де руки моей слово въ слово какъ государево письмо“, вамъ говорилъ ли, и что на томъ листу и чьею подлинно рукою было написано, и что письмо руки князь Ивановой съ письмомъ Его Величества сходственно или не сходственно, какъ вы тогда присмотрѣли, и что жь о томъ говорено и разсуждаемо вами было, и въ какомъ намѣреніи вы остались, и на ономъ черномъ листу рукою Его Императорскаго Величества и князь Иваномъ когда и гдѣ именно писано было, ты, князь Сергѣй, почему о томъ вѣдаешь, и гдѣ нынѣ оный листъ имѣется?

На 1-й.

О томъ де, какъ во оном первомъ пунктѣ показано, говорено ль было, тако жь и о прочемъ объявленномъ въ оном же пунктѣ, сказать нынѣ ни о чемъ онъ князь Сергѣй не упомнитъ.

2.

О томъ, что ежели Его Величество скончается, чтобъ означенную духовную объявить народу и сказать, что тое духовную якобы Его Императорское Величество подписалъ, — въ какомъ намѣре-

На 2-й.

О томъ, какъ въ оном второмъ пунктѣ показано, братъ его князь Алексѣй и другіе ихъ родственники, тако жь и онъ князь Сергѣй говорили ль, того въ памятъ ему не придетъ, и совер-

нiи вы говорили, и такимъ случаемъ оную духовную чрезъ что въ дѣйство произвесть вы хотѣли?

3.

Послѣ бывшаго у васъ о сочиненiи духовной совѣту на другой день, князь Василiй Лукинъ сынъ, пріѣхавъ въ Головинскiй домъ къ князю Алексѣю, письмо на французскомъ языкѣ къ нему князю Василью отъ бывшаго тогда въ Москвѣ датскаго посланника Вествальта тебѣ и прочимъ кому именно объявлялъ, и что въ томъ письмѣ было написано, и съ какого подлинно случаю и когда и съ кѣмъ именно оное письмо ко оному князю Василью прислано?

На 3-й.

Послѣ бывшаго о сочиненiи показанной духовной у нихъ совѣту, а на другой ли день, того не упомнитъ, князь Василiй Лукинъ сынъ, пріѣхавъ въ Головинскiй домъ, письмо на французскомъ языкѣ, писанное къ оному князю Василью отъ датскаго посланника Вествальта, брату его князь Алексѣю при немъ князь Сергѣѣ объявлялъ, а другiе де при томъ кто были ль, того не упомнитъ; а оное де письмо оный князь Василiй читалъ брату его князь Алексѣю при немъ князь Сергѣѣ, и при чтенiи де онаго письма прислышалъ онъ, какъ нынѣ помнитъ, токмо то, что ежели Его Величество скончается, дабы Голштинскаго принца на престолъ Россiйской имперiи не избирать, что то ихъ Датскому двору будетъ предосудительно, а больше того изъ онаго письма ничего онъ князь Сергѣй не слыхалъ; а къ оному князь Василью Лукину сыну оное письмо съ какого случая, и когда, и съ кѣмъ именно было прислано, и оное де письмо у князь Василья или у князь Алексѣя осталось, того де онъ князь Сергѣй не знаетъ и не слыхалъ.

4.

Въ означенномъ письмѣ о томъ, что слухъ де носится, что Его Величество весьма боленъ, и ежели де наслѣдство Россiйской имперiи будетъ Голштинскому принцу, то Датскому де королевскому двору съ Россiею дружбы имѣть

шенно вспомнить онъ о томъ за прошедшимъ многимъ временемъ не можетъ.

На 4-й.

Кромѣ де того, какъ выше сего на третiй пунктъ онъ князь Сергѣй показалъ, въ ономъ же письмѣ другое что, тако жь и о томъ, какъ во ономъ четвертомъ пунктѣ показано, написано было ль,—того де онъ князь Сер-

нiи вы говорили, и такимъ случаемъ оную духовную чрезъ что въ дѣйство произвесть вы хотѣли?

3.

Послѣ бывшаго у васъ о сочиненiи духовной совѣту на другой день, князь Василiй Лукинъ сынъ, пріѣхавъ въ Головинскiй домъ къ князю Алексѣю, письмо на французскомъ языкѣ къ нему князю Василью отъ бывшаго тогда въ Москвѣ датскаго посланника Вествальта тебѣ и прочимъ кому именно объявлялъ, и что въ томъ письмѣ было написано, и съ какого подлинно случаю и когда и съ кѣмъ именно оное письмо ко оному князю Василью прислано?

На 3-й.

Послѣ бывшаго о сочиненiи показанной духовной у нихъ совѣту, а на другой ли день, того не упомнитъ, князь Василiй Лукинъ сынъ, пріѣхавъ въ Головинскiй домъ, письмо на французскомъ языкѣ, писанное къ оному князю Василью отъ датскаго посланника Вествальта, брату его князь Алексѣю при немъ князь Сергѣѣ объявлялъ, а другiе де при томъ кто были ль, того не упомнитъ; а оное де письмо оный князь Василiй читалъ брату его князь Алексѣю при немъ князь Сергѣѣ, и при чтенiи де онаго письма прислышалъ онъ, какъ нынѣ помнитъ, токмо то, что ежели Его Величество скончается, дабы Голштинскаго принца на престолъ Россiйской имперiи не избирать, что то ихъ Датскому двору будетъ предосудительно, а больше того изъ онаго письма ничего онъ князь Сергѣй не слыхалъ; а къ оному князь Василью Лукину сыну оное письмо съ какого случая, и когда, и съ кѣмъ именно было прислано, и оное де письмо у князь Василья или у князь Алексѣя осталось, того де онъ князь Сергѣй не знаетъ и не слыхалъ.

4.

Въ означенномъ письмѣ о томъ, что слухъ де носится, что Его Величество весьма боленъ, и ежели де наслѣдство Россiйской имперiи будетъ Голштинскому принцу, то Датскому де королевскому двору съ Россiею дружбы имѣть

шенно вспомнить онъ о томъ за прошедшимъ многимъ временемъ не можетъ.

На 4-й.

Кромѣ де того, какъ выше сего на третiй пунктъ онъ князь Сергѣй показалъ, въ ономъ же письмѣ другое что, тако жь и о томъ, какъ во ономъ четвертомъ пунктѣ показано, написано было ль,—того де онъ князь Сер-

не можно, а понеже де Его Величества обрученная невѣста фамиліи ихъ, и можно де удержать ее такъ, какъ послѣ кончины Его Императорскаго Величества Петра Великаго двѣ знатныя персоны, а именно Меншиковъ и Толстой, государыню императрицу Екатерину Алексѣевну удержали, что̀ и вамъ де по вашей знатной фамиліи учинить можно, что вы де больше силы и права имѣете, —написано было ль?

гѣй сказать нынѣ истинно не упомнитъ, и объ ономъ де о всемъ показываетъ онъ сущую правду безъ всякаго закрытія, въ чемъ за неправду, ежели отъ кого изобличенъ онъ будетъ, подвергаетъ онъ себя тому, какъ о таковыхъ указы Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ.

Подъ всѣми отвѣтами подписано: „Къ сему допросу князь Сергѣй Долгорукой руку приложилъ“.

IV.

Архивное извѣстіе о Долгорукихъ.

Князь Василій и князь Михайло Володиміровы дѣти Долгоруковы, которые напередъ сего сосланы и содержаны были подъ карауломъ, князь Василій въ Иванѣ-городѣ, а князь Михайло въ вотчинѣ его въ Галицкомъ уѣздѣ, въ селѣ Бояриновѣ, а по какимъ именно дѣламъ, о томъ въ тайной канцеляріи извѣстія, и дѣлъ тѣхъ не имѣется.

Но послѣ того по слѣдствію явилось, что князь Алексѣй, князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти, и князь Василій Лукинъ сынъ, и князь Иванъ Алексѣевъ сынъ Долгорукіе во время тяжкой болѣзни блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Втораго, со общаго своего согласія имѣли совѣтъ, чтобы по кончинѣ Его Императорскаго Величества наслѣдницею россійскаго престола быть обрученной Его Величества невѣстѣ, а князь Алексѣевой дочери, княжнѣ Катеринѣ, и для того придумали сочинить духовную, которая ими Долгорукими и сочинена была, и начерно ту духовную написалъ князь Сергѣй, а потомъ съ той духовной написалъ оный же князь Сергѣй двѣ такія же духовныя уборнымъ письмомъ, изъ которыхъ на одной князь Иванъ Алексѣевъ сынъ, по приказу отца своего и вышеобъявленныхъ дядьевъ своихъ, которые сами въ томъ признались и винились, вмѣсто Его Величества подписалъ такимъ почеркомъ, какъ Его Величество имя свое подписывалъ, но потомъ означеннымъ князь Алексѣемъ оныя духовныя сожжены; помянутый же князь Иванъ Алексѣевъ сынъ произносилъ злодѣйскія, непристойныя слова *).

---

*) Противъ сей статьи на полѣ написано:

„Въ 739 году октября 31-го дня, по приговору генеральнаго собранія и по именному блаженныя и вѣчно-достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, указу, состоявшемуся того же ноября 1-го дня

не можно, а понеже де Его Величества обрученная невѣста фамиліи ихъ, и можно де удержать ее такъ, какъ послѣ кончины Его Императорскаго Величества Петра Великаго двѣ знатныя персоны, а именно Меншиковъ и Толстой, государыню императрицу Екатерину Алексѣевну удержали, что̀ и вамъ де по вашей знатной фамиліи учинить можно, что вы де больше силы и права имѣете, —написано было ль?

гѣй сказать нынѣ истинно не упомнитъ, и объ ономъ де о всемъ показываетъ онъ сущую правду безъ всякаго закрытія, въ чемъ за неправду, ежели отъ кого изобличенъ онъ будетъ, подвергаетъ онъ себя тому, какъ о таковыхъ указы Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ.

Подъ всѣми отвѣтами подписано: „Къ сему допросу князь Сергѣй Долгорукой руку приложилъ“.

IV.

Архивное извѣстіе о Долгорукихъ.

Князь Василій и князь Михайло Володиміровы дѣти Долгоруковы, которые напередъ сего сосланы и содержаны были подъ карауломъ, князь Василій въ Иванѣ-городѣ, а князь Михайло въ вотчинѣ его въ Галицкомъ уѣздѣ, въ селѣ Бояриновѣ, а по какимъ именно дѣламъ, о томъ въ тайной канцеляріи извѣстія, и дѣлъ тѣхъ не имѣется.

Но послѣ того по слѣдствію явилось, что князь Алексѣй, князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти, и князь Василій Лукинъ сынъ, и князь Иванъ Алексѣевъ сынъ Долгорукіе во время тяжкой болѣзни блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Втораго, со общаго своего согласія имѣли совѣтъ, чтобы по кончинѣ Его Императорскаго Величества наслѣдницею россійскаго престола быть обрученной Его Величества невѣстѣ, а князь Алексѣевой дочери, княжнѣ Катеринѣ, и для того придумали сочинить духовную, которая ими Долгорукими и сочинена была, и начерно ту духовную написалъ князь Сергѣй, а потомъ съ той духовной написалъ оный же князь Сергѣй двѣ такія же духовныя уборнымъ письмомъ, изъ которыхъ на одной князь Иванъ Алексѣевъ сынъ, по приказу отца своего и вышеобъявленныхъ дядьевъ своихъ, которые сами въ томъ признались и винились, вмѣсто Его Величества подписалъ такимъ почеркомъ, какъ Его Величество имя свое подписывалъ, но потомъ означеннымъ князь Алексѣемъ оныя духовныя сожжены; помянутый же князь Иванъ Алексѣевъ сынъ произносилъ злодѣйскія, непристойныя слова *).

---

*) Противъ сей статьи на полѣ написано:

„Въ 739 году октября 31-го дня, по приговору генеральнаго собранія и по именному блаженныя и вѣчно-достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, указу, состоявшемуся того же ноября 1-го дня

И по оному же слѣдствію помянутые князь Василій и князь Михайло Володиміровы дѣти Долгорукіе въ чемъ приличились, о томъ сперва въ отвѣтахъ на учиненные вопросные пункты ни о чемъ не показали, а потомъ сами они показали, и по слѣдствію явилось слѣдующее:

Князь Василій Володиміровъ сынъ самъ показалъ: Во время де болѣзни Его Императорскаго Величества Петра Втораго былъ онъ князь Василій въ деревнѣ у княжны Вяземской, и въ ту жь его бытность изъ Москвы отъ князь Алексѣя Григорьева сына или отъ князь Василья Лукина сына или отъ брата его роднаго князь Михайла Долгорукихъ, того не упомнитъ, присланъ былъ къ нему, а кто не упомнитъ же, который присланный отъ нихъ объявилъ ему, что Его Величество весьма боленъ, и приказалъ де просить его, чтобъ онъ былъ во дворецъ безъ замедленія; и онъ де князь Василій изъ оной деревни пріѣхалъ въ Москву и по пріѣздѣ на другой день съ братомъ своимъ князь Михайломъ пріѣхалъ во дворецъ и за тяжкою де болѣзнію Его Величества видѣть времени они не получили.

Князь Михайло сказалъ: Во время де болѣзни Его Императорскаго Величества Петра Втораго, братъ его князь Василій Володиміровъ сынъ въ деревнѣ у княжны Вяземской былъ ли, того де онъ князь Михайло не упомнитъ, токмо де въ память ему приходитъ, что въ ту деревню къ оному брату своему онъ князь Михайло со объявленіемъ о вышепоказанномъ никогда никого не посылывалъ, а изъ фамиліи де ихъ кто съ тѣмъ объявленіемъ къ тому брату его посылали ль, того де онъ не вѣдаетъ, только де до кончины Его Императорскаго Величества, а за сколько дней не упомнитъ, онъ князь Михайло со онымъ братомъ своимъ во дворецъ ѣздили и за тяжкою де болѣзнію Его Величества видѣть времени не получили.

А князь Сергѣй при слѣдствіи сказалъ: Во время де болѣзни Его Величества, въ бытность онаго князь Василья въ деревнѣ, а у княжны ль Вяземской, того онъ князь Сергѣй не знаетъ, ко оному князь Василью съ вышепоказаннымъ объявленіемъ посылалъ братъ его князь Алексѣй, а кого де именно посылалъ, того де онъ не упомнитъ; а онъ де князь Сергѣй не посылывалъ.

А князь Иванъ Григорьевъ сынъ объ оной посылкѣ показалъ то жь, токмо объявилъ, что со объявленіями, что Его Величество весьма боленъ, отъ брата его князь Алексѣя кто посланъ былъ, не упомнитъ; а послать де по онаго князь Василья придумано было для того, что какъ де ко учиненію княжнѣ Катеринѣ наслѣдства съ князь Василіемъ Лукинымъ сыномъ они присовѣтовали, и при томъ де совѣтъ положили о томъ своемъ намѣреніи сказать оному князь Василью и отъ него требовать на то совѣту.

оные князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти, тако жь и князь Василій Лукинъ сынъ, и князь Иванъ Алексѣевъ сынъ Долгорукіе, за важныя ихъ вины казнены смертію“.

И по оному же слѣдствію помянутые князь Василій и князь Михайло Володиміровы дѣти Долгорукіе въ чемъ приличились, о томъ сперва въ отвѣтахъ на учиненные вопросные пункты ни о чемъ не показали, а потомъ сами они показали, и по слѣдствію явилось слѣдующее:

Князь Василій Володиміровъ сынъ самъ показалъ: Во время де болѣзни Его Императорскаго Величества Петра Втораго былъ онъ князь Василій въ деревнѣ у княжны Вяземской, и въ ту жь его бытность изъ Москвы отъ князь Алексѣя Григорьева сына или отъ князь Василья Лукина сына или отъ брата его роднаго князь Михайла Долгорукихъ, того не упомнитъ, присланъ былъ къ нему, а кто не упомнитъ же, который присланный отъ нихъ объявилъ ему, что Его Величество весьма боленъ, и приказалъ де просить его, чтобъ онъ былъ во дворецъ безъ замедленія; и онъ де князь Василій изъ оной деревни пріѣхалъ въ Москву и по пріѣздѣ на другой день съ братомъ своимъ князь Михайломъ пріѣхалъ во дворецъ и за тяжкою де болѣзнію Его Величества видѣть времени они не получили.

Князь Михайло сказалъ: Во время де болѣзни Его Императорскаго Величества Петра Втораго, братъ его князь Василій Володиміровъ сынъ въ деревнѣ у княжны Вяземской былъ ли, того де онъ князь Михайло не упомнитъ, токмо де въ память ему приходитъ, что въ ту деревню къ оному брату своему онъ князь Михайло со объявленіемъ о вышепоказанномъ никогда никого не посылывалъ, а изъ фамиліи де ихъ кто съ тѣмъ объявленіемъ къ тому брату его посылали ль, того де онъ не вѣдаетъ, только де до кончины Его Императорскаго Величества, а за сколько дней не упомнитъ, онъ князь Михайло со онымъ братомъ своимъ во дворецъ ѣздили и за тяжкою де болѣзнію Его Величества видѣть времени не получили.

А князь Сергѣй при слѣдствіи сказалъ: Во время де болѣзни Его Величества, въ бытность онаго князь Василья въ деревнѣ, а у княжны ль Вяземской, того онъ князь Сергѣй не знаетъ, ко оному князь Василью съ вышепоказаннымъ объявленіемъ посылалъ братъ его князь Алексѣй, а кого де именно посылалъ, того де онъ не упомнитъ; а онъ де князь Сергѣй не посылывалъ.

А князь Иванъ Григорьевъ сынъ объ оной посылкѣ показалъ то жь, токмо объявилъ, что со объявленіями, что Его Величество весьма боленъ, отъ брата его князь Алексѣя кто посланъ былъ, не упомнитъ; а послать де по онаго князь Василья придумано было для того, что какъ де ко учиненію княжнѣ Катеринѣ наслѣдства съ князь Василіемъ Лукинымъ сыномъ они присовѣтовали, и при томъ де совѣтъ положили о томъ своемъ намѣреніи сказать оному князь Василью и отъ него требовать на то совѣту.

оные князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти, тако жь и князь Василій Лукинъ сынъ, и князь Иванъ Алексѣевъ сынъ Долгорукіе, за важныя ихъ вины казнены смертію“.

А князь Василій Лукинъ сынъ показалъ: По князь Василья де Володимірова сына послалъ онъ князь Василій, а кого, и для чего, и когда именно, и во время ль болѣзни Его Величества, того не упомнитъ.

Князь Василій же Володимировъ сынъ объявилъ: Потомъ де поѣхалъ онъ князь Василій съ братомъ своимъ князь Михайломъ въ Головинскій домъ къ князь Алексѣю, и по приходѣ де къ нему въ покои были тогда у него помянутые князь Василій Лукинъ сынъ, князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти Долгорукіе, да сынъ оного князь Алексѣя князь Иванъ; и онъ де князь Василій спросилъ оного князь Алексѣя: „Каковъ Его Величество, и есть ли къ выздоровленію надежда?“ И князь Алексѣй ему сказалъ, что Его Величество весьма боленъ, и потомъ де оный князь Алексѣй поѣхалъ къ Его Величеству во дворецъ.

А князь Михайло объ означенномъ имъ съ братомъ своимъ князь Васильемъ въ Головинской домъ пріѣздѣ и о показанномъ отъ онаго его брата князь Василья помянутаго князь Алексѣя спрашиваньи показалъ то же, что и оный братъ его князь Василій показалъ; а оный де князь Алексѣй въ означенное время во дворецъ поѣхалъ ли, того онъ князь Михайло не помнитъ.

А князь Сергѣй сказалъ: Оный де князь Василій Володимировъ сынъ брата его князь Алексѣя объ ономъ—чаетъ де онъ князь Сергѣй, что спрашивалъ, и князь Алексѣй оному князь Василью объ означенномъ—чаетъ же де онъ князь Сергѣй, что сказывалъ, а потому де оный князь Алексѣй во дворецъ къ Его Величеству поѣхалъ ли, того де онъ не упомнитъ, а ежели де онъ и поѣхалъ, то де по должности его слѣдовало тогда ѣхать.

А князь Василій Лукинъ сынъ и князь Иванъ Григорьевъ сынъ сказали, что о томъ они не упомнятъ.

Князь Василій же Володимировъ сынъ показалъ: Послѣ де отъѣзду князь Алексѣя во дворецъ, князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти говорили ему князь Василью: „Вотъ де Его Величество весьма боленъ, и ежели де скончается, то надобно какъ можно удержать, чтобы послѣ Его Величества наслѣдницею россійскаго престола быть обрученной Его Величества невѣстѣ княжнѣ Катеринѣ“. И онъ де князь Василій и братъ его князь Михайло онымъ князь Сергѣю и князь Ивану Григорьевымъ дѣтямъ говорили де: „Чтобы княжнѣ Катеринѣ послѣ Его Величества быть наслѣдницею, статься не можно, понеже де она за Его Величествомъ въ супружествѣ не была“. О чемъ и оный князь Михайло показалъ.

Да оный же князь Василій Володимировъ сынъ объявилъ: На показанныя ихъ слова помянутые князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти говорили жь ему князь Василью: „Какъ де этому не сдѣлаться! Ты де въ Преображенскомъ полку подполковникъ, а князь Иванъ маіоръ; то де можно учинить, и въ Семеновскомъ де полку спорить о томъ будетъ не кому; сверхъ же де того, говорить о томъ будемъ графу Гаврилѣ Головкину и князь Дмитрію Голицыну; а ежели де они въ томъ заспорятъ, то де будемъ ихъ

А князь Василій Лукинъ сынъ показалъ: По князь Василья де Володимірова сына послалъ онъ князь Василій, а кого, и для чего, и когда именно, и во время ль болѣзни Его Величества, того не упомнитъ.

Князь Василій же Володимировъ сынъ объявилъ: Потомъ де поѣхалъ онъ князь Василій съ братомъ своимъ князь Михайломъ въ Головинскій домъ къ князь Алексѣю, и по приходѣ де къ нему въ покои были тогда у него помянутые князь Василій Лукинъ сынъ, князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти Долгорукіе, да сынъ оного князь Алексѣя князь Иванъ; и онъ де князь Василій спросилъ оного князь Алексѣя: „Каковъ Его Величество, и есть ли къ выздоровленію надежда?“ И князь Алексѣй ему сказалъ, что Его Величество весьма боленъ, и потомъ де оный князь Алексѣй поѣхалъ къ Его Величеству во дворецъ.

А князь Михайло объ означенномъ имъ съ братомъ своимъ князь Васильемъ въ Головинской домъ пріѣздѣ и о показанномъ отъ онаго его брата князь Василья помянутаго князь Алексѣя спрашиваньи показалъ то же, что и оный братъ его князь Василій показалъ; а оный де князь Алексѣй въ означенное время во дворецъ поѣхалъ ли, того онъ князь Михайло не помнитъ.

А князь Сергѣй сказалъ: Оный де князь Василій Володимировъ сынъ брата его князь Алексѣя объ ономъ—чаетъ де онъ князь Сергѣй, что спрашивалъ, и князь Алексѣй оному князь Василью объ означенномъ—чаетъ же де онъ князь Сергѣй, что сказывалъ, а потому де оный князь Алексѣй во дворецъ къ Его Величеству поѣхалъ ли, того де онъ не упомнитъ, а ежели де онъ и поѣхалъ, то де по должности его слѣдовало тогда ѣхать.

А князь Василій Лукинъ сынъ и князь Иванъ Григорьевъ сынъ сказали, что о томъ они не упомнятъ.

Князь Василій же Володимировъ сынъ показалъ: Послѣ де отъѣзду князь Алексѣя во дворецъ, князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти говорили ему князь Василью: „Вотъ де Его Величество весьма боленъ, и ежели де скончается, то надобно какъ можно удержать, чтобы послѣ Его Величества наслѣдницею россійскаго престола быть обрученной Его Величества невѣстѣ княжнѣ Катеринѣ“. И онъ де князь Василій и братъ его князь Михайло онымъ князь Сергѣю и князь Ивану Григорьевымъ дѣтямъ говорили де: „Чтобы княжнѣ Катеринѣ послѣ Его Величества быть наслѣдницею, статься не можно, понеже де она за Его Величествомъ въ супружествѣ не была“. О чемъ и оный князь Михайло показалъ.

Да оный же князь Василій Володимировъ сынъ объявилъ: На показанныя ихъ слова помянутые князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти говорили жь ему князь Василью: „Какъ де этому не сдѣлаться! Ты де въ Преображенскомъ полку подполковникъ, а князь Иванъ маіоръ; то де можно учинить, и въ Семеновскомъ де полку спорить о томъ будетъ не кому; сверхъ же де того, говорить о томъ будемъ графу Гаврилѣ Головкину и князь Дмитрію Голицыну; а ежели де они въ томъ заспорятъ, то де будемъ ихъ

бить". И онъ де князь Василій онымъ князь Сергѣю и князь Ивану Григорьевымъ дѣтямъ говорилъ: „Что де вы ребячье врете! Какъ тому можно сдѣлаться?" И какъ де ему князь Василью полку объявить? Что услыша де отъ него объ ономъ объявленіе, не токмо будутъ его князь Василья бранить, но и убьютъ, „понеже де не слыханное въ свѣтѣ дѣло вы затѣваете, чтобъ обручённой невѣстѣ быть россійскаго престола наслѣдницею: кто де захочетъ ей подданнымъ быть? Не только де посторонніе, но онъ де князь Василій и прочіе фамиліи нашей никто въ подданствѣ у ней быть не захотятъ, а ежели бы де она за Его Величествомъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы де во учиненіи ее наслѣдницею не безъ сомнѣнія было, понеже де по кончинѣ государя императора Петра Великаго покойная государыня императрица Екатерина Алексѣевна хотя государствовала, но токмо де Ея Величество государь императоръ при животѣ своемъ короновалъ". И на то де оные князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти говорили: „И княжну де Катерину государь императоръ нынѣ изволитъ самъ учинить наслѣдницею по себѣ". И онъ де князь Василій сказалъ: „то бы де хорошо, понеже де оное въ волѣ Его Величества состоитъ; но токмо де какъ имъ о такомъ несостоятельномъ дѣлѣ разсуждать можно, потому что сами де они говорятъ, что Его Величество весьма боленъ и говорить не можетъ, то какъ де Его Величеству оное учинить можно?" И при томъ онымъ князь Сергѣю и князь Ивану Григорьевымъ дѣтямъ, а послѣ того какъ пріѣхалъ къ нимъ князь Алексѣй, то и ему князь Алексѣю говорилъ онъ князь Василій, чтобы они отъ означеннаго намѣренія своего отстали, что тому сдѣлаться не можно, но еще сами де себя въ томъ погубятъ. И оные де князь Алексѣй и князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти за то на него осердились, и онъ де князь Василій съ братомъ своимъ князь Михайломъ отъ нихъ поѣхалъ въ домъ свой. А послѣ де отъѣзду ихъ князь Василій Лукинъ сынъ остался тогда у онаго князь Алексѣя, и безъ него де князь Василья объ ономъ разсуждали ль, и о сочиненіи объ ономъ духовной что они совѣтовали ль, того де онъ князь Василій не знаетъ и ни отъ кого о томъ не слыхалъ, и во оную де его князь Василья у оного князь Алексѣя бытность о сочиненіи оной духовной, кромѣ вышепоказанныхъ словъ, совѣту никакого съ ними онъ князь Василій и братъ его князь Михайло не имѣли, и той духовной они не видывали, и чтобы та духовная кѣмъ сочинена была, о томъ ни отъ кого никогда жь они не слыхивали, и ни чрезъ что о томъ не вѣдаютъ.

Князь Михайло сказалъ, что вышепоказаннаго де отъ брата своего князь Василья онъ не слыхалъ, и подлинно ль де оное все говорено было, не знаетъ, а можетъ де быть, оное было и говорено, но онъ де князь Михайло нынѣ не упомнитъ; токмо де братъ его князь Василій князь Сергѣю и князь Ивану и князь Алексѣю Григорьевымъ дѣтямъ о томъ, чтобъ они отъ вышесказаннаго намѣренія своего отстали, что тому сдѣлаться не можно, но еще сами де себя въ томъ погубятъ, при немъ князь Михайлѣ говорилъ; а

бить". И онъ де князь Василій онымъ князь Сергѣю и князь Ивану Григорьевымъ дѣтямъ говорилъ: „Что де вы ребячье врете! Какъ тому можно сдѣлаться?" И какъ де ему князь Василью полку объявить? Что услыша де отъ него объ ономъ объявленіе, не токмо будутъ его князь Василья бранить, но и убьютъ, „понеже де не слыханное въ свѣтѣ дѣло вы затѣваете, чтобъ обручённой невѣстѣ быть россійскаго престола наслѣдницею: кто де захочетъ ей подданнымъ быть? Не только де посторонніе, но онъ де князь Василій и прочіе фамиліи нашей никто въ подданствѣ у ней быть не захотятъ, а ежели бы де она за Его Величествомъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы де во учиненіи ее наслѣдницею не безъ сомнѣнія было, понеже де по кончинѣ государя императора Петра Великаго покойная государыня императрица Екатерина Алексѣевна хотя государствовала, но токмо де Ея Величество государь императоръ при животѣ своемъ короновалъ". И на то де оные князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти говорили: „И княжну де Катерину государь императоръ нынѣ изволитъ самъ учинить наслѣдницею по себѣ". И онъ де князь Василій сказалъ: „то бы де хорошо, понеже де оное въ волѣ Его Величества состоитъ; но токмо де какъ имъ о такомъ несостоятельномъ дѣлѣ разсуждать можно, потому что сами де они говорятъ, что Его Величество весьма боленъ и говорить не можетъ, то какъ де Его Величеству оное учинить можно?" И при томъ онымъ князь Сергѣю и князь Ивану Григорьевымъ дѣтямъ, а послѣ того какъ пріѣхалъ къ нимъ князь Алексѣй, то и ему князь Алексѣю говорилъ онъ князь Василій, чтобы они отъ означеннаго намѣренія своего отстали, что тому сдѣлаться не можно, но еще сами де себя въ томъ погубятъ. И оные де князь Алексѣй и князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти за то на него осердились, и онъ де князь Василій съ братомъ своимъ князь Михайломъ отъ нихъ поѣхалъ въ домъ свой. А послѣ де отъѣзду ихъ князь Василій Лукинъ сынъ остался тогда у онаго князь Алексѣя, и безъ него де князь Василья объ ономъ разсуждали ль, и о сочиненіи объ ономъ духовной что они совѣтовали ль, того де онъ князь Василій не знаетъ и ни отъ кого о томъ не слыхалъ, и во оную де его князь Василья у оного князь Алексѣя бытность о сочиненіи оной духовной, кромѣ вышепоказанныхъ словъ, совѣту никакого съ ними онъ князь Василій и братъ его князь Михайло не имѣли, и той духовной они не видывали, и чтобы та духовная кѣмъ сочинена была, о томъ ни отъ кого никогда жь они не слыхивали, и ни чрезъ что о томъ не вѣдаютъ.

Князь Михайло сказалъ, что вышепоказаннаго де отъ брата своего князь Василья онъ не слыхалъ, и подлинно ль де оное все говорено было, не знаетъ, а можетъ де быть, оное было и говорено, но онъ де князь Михайло нынѣ не упомнитъ; токмо де братъ его князь Василій князь Сергѣю и князь Ивану и князь Алексѣю Григорьевымъ дѣтямъ о томъ, чтобъ они отъ вышесказаннаго намѣренія своего отстали, что тому сдѣлаться не можно, но еще сами де себя въ томъ погубятъ, при немъ князь Михайлѣ говорилъ; а

за то де на него князь Василья князь Алексѣй и князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти осердились ли, того де онъ князь Михайло не присмотрѣлъ. А о томъ де, что помянутые князь Василій Лукинъ сынъ и князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти и князь Иванъ же Алексѣевъ сынъ Долгорукіе, по отъѣздѣ его князь Михайла съ братомъ своимъ князь Васильемъ въ домы свои, остались у него князь Алексѣя, тако жь и о прочемъ, оный князь Михайло объявилъ то же, что и оный братъ его князь Василій показалъ.

А князь Иванъ Григорьевъ сынъ сказалъ: Что о вышепоказанномъ де отъ князь Василья Володимірова сына говорено было ль, о томъ де о всемъ аккуратно сказать нынѣ онъ не помнитъ; а можетъ де, объ ономъ и говорено было, но таковыми ли рѣчьми, какъ выше явствуетъ, о томъ де за многопрешедшимъ временемъ упомнить ему не можно; и на оное де князь Иванъ, и князь Алексѣй, и князь Сергѣй что говорили, и на оного князь Василья осердились ли, и за что, того де не упомнитъ же; токмо де словъ такихъ, что „говорить де о томъ будемъ графу Гаврилѣ Головкину и князь Дмитрію Голицыну, а ежели де они въ томъ заспорятъ, то де будемъ ихъ бить“, онъ князь Иванъ не говаривалъ, а братъ де его князь Сергѣй о томъ говорилъ ли, того де онъ не упомнитъ же.

Князь Иванъ Алексѣевъ сынъ показалъ: До написанія де означенныхъ духовныхъ, какъ князь Василій Володиміровъ сынъ былъ у отца его, тогда въ разговорахъ съ отцомъ его о наслѣдствіи сестры его князь Ивановой онъ князь Василій отцу его говорилъ: „Какъ де дочери его князь Алексѣевой наслѣдницею быть, что она за государемъ въ супружествѣ не была, и съ чего де о томъ объявить? Я опасенъ, что услыша де то, меня убьютъ“. А окромѣ де того князь Василій и братъ его князь Михайло съ отцомъ его и съ князь Сергѣемъ и съ князь Иваномъ Григорьевымъ дѣтьми, и съ князь Васильемъ Лукинымъ сыномъ, и съ другими съ кѣмъ о вышеозначенномъ говорили ль, того де онъ князь Иванъ не слыхалъ, и въ память де ему того никакъ нынѣ не прійдетъ. А чтобъ отецъ его и князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти на онаго князь Василья Володимірова сына за что сердились, того де онъ князь Иванъ не видалъ и о томъ ни отъ кого не слыхалъ.

Князь Василій Лукинъ сынъ сказалъ: У помянутаго де князь Василья и князь Михайла Володиміровыхъ дѣтей съ князь Алексѣемъ и съ князь Сергѣемъ и съ князь Иваномъ Григорьевыми дѣтьми объявленные разговоры и разсужденія были ль, о томъ де онъ князь Василій не упомнитъ.

Князь Сергѣй при слѣдствіи сперва въ ономъ противъ показанія онаго князь Василья Володимірова сына ни о чемъ не показалъ, а потомъ сказалъ, что въ память де его нынѣ приходитъ, что о вышепоказанномъ говорено было, но токмо таковыми ли рѣчьми, и такъ ли точно, какъ выше объявлено, того де совершенно вспомнить нынѣ онъ не можетъ; токмо де помнится ему, что по примѣру брата своего князь Алексѣя говорилъ онъ князь

за то де на него князь Василья князь Алексѣй и князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти осердились ли, того де онъ князь Михайло не присмотрѣлъ. А о томъ де, что помянутые князь Василій Лукинъ сынъ и князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти и князь Иванъ же Алексѣевъ сынъ Долгорукіе, по отъѣздѣ его князь Михайла съ братомъ своимъ князь Васильемъ въ домы свои, остались у него князь Алексѣя, тако жь и о прочемъ, оный князь Михайло объявилъ то же, что и оный братъ его князь Василій показалъ.

А князь Иванъ Григорьевъ сынъ сказалъ: Что о вышепоказанномъ де отъ князь Василья Володимірова сына говорено было ль, о томъ де о всемъ аккуратно сказать нынѣ онъ не помнитъ; а можетъ де, объ ономъ и говорено было, но таковыми ли рѣчьми, какъ выше явствуетъ, о томъ де за многопрешедшимъ временемъ упомнить ему не можно; и на оное де князь Иванъ, и князь Алексѣй, и князь Сергѣй что говорили, и на оного князь Василья осердились ли, и за что, того де не упомнитъ же; токмо де словъ такихъ, что „говорить де о томъ будемъ графу Гаврилѣ Головкину и князь Дмитрію Голицыну, а ежели де они въ томъ заспорятъ, то де будемъ ихъ бить“, онъ князь Иванъ не говаривалъ, а братъ де его князь Сергѣй о томъ говорилъ ли, того де онъ не упомнитъ же.

Князь Иванъ Алексѣевъ сынъ показалъ: До написанія де означенныхъ духовныхъ, какъ князь Василій Володиміровъ сынъ былъ у отца его, тогда въ разговорахъ съ отцомъ его о наслѣдствіи сестры его князь Ивановой онъ князь Василій отцу его говорилъ: „Какъ де дочери его князь Алексѣевой наслѣдницею быть, что она за государемъ въ супружествѣ не была, и съ чего де о томъ объявить? Я опасенъ, что услыша де то, меня убьютъ“. А окромѣ де того князь Василій и братъ его князь Михайло съ отцомъ его и съ князь Сергѣемъ и съ князь Иваномъ Григорьевымъ дѣтьми, и съ князь Васильемъ Лукинымъ сыномъ, и съ другими съ кѣмъ о вышеозначенномъ говорили ль, того де онъ князь Иванъ не слыхалъ, и въ память де ему того никакъ нынѣ не прійдетъ. А чтобъ отецъ его и князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти на онаго князь Василья Володимірова сына за что сердились, того де онъ князь Иванъ не видалъ и о томъ ни отъ кого не слыхалъ.

Князь Василій Лукинъ сынъ сказалъ: У помянутаго де князь Василья и князь Михайла Володиміровыхъ дѣтей съ князь Алексѣемъ и съ князь Сергѣемъ и съ князь Иваномъ Григорьевыми дѣтьми объявленные разговоры и разсужденія были ль, о томъ де онъ князь Василій не упомнитъ.

Князь Сергѣй при слѣдствіи сперва въ ономъ противъ показанія онаго князь Василья Володимірова сына ни о чемъ не показалъ, а потомъ сказалъ, что въ память де его нынѣ приходитъ, что о вышепоказанномъ говорено было, но токмо таковыми ли рѣчьми, и такъ ли точно, какъ выше объявлено, того де совершенно вспомнить нынѣ онъ не можетъ; токмо де помнится ему, что по примѣру брата своего князь Алексѣя говорилъ онъ князь

Сергѣй оному князь Василью Володимірову сыну: „ежели де сочиненную о наслѣдствіи княжнѣ Катеринѣ духовную Его Величество отдастъ министрамъ, то бы де лучше напередъ прежде отдачи той духовной объявить министрамъ, что о учиненіи княжну Катерину наслѣдницею государь соизволяетъ, а какъ де отъ Его Величества министрамъ та духовная отдана будетъ, то тогда не можно ли де ему князь Василью, какъ подполковнику, а князь Ивану, какъ маіору, собравъ Преображенскій полкъ, объявить волю государеву во учиненіи княжны Катерины наслѣдницею, дабы министры той духовной утаить не могли; а Семеновскій де полкъ объ ономъ хотя и вѣдать не будетъ, понеже де не у него князь Василья въ командѣ, но довольно де будетъ того, что одна его князь Василья команда вѣдать будетъ". И князь Василій отъ того отрекся, что онаго учинить не можно.

Князь Василій Лукинъ сынъ показалъ, что означеннымъ князь Василью и князь Михайлу Володимировымъ дѣтямъ говорилъ онъ, что князь Алексѣй и князь Сергѣй и князь Иванъ Алексѣевъ сынъ думаютъ сочинить духовную, якобы Его Императорское Величество по кончинѣ своей наслѣдницею россійскаго престола учиняетъ обрученную свою невѣсту, а князь Алексѣеву дочь Катерину, и оные де князь Василій и князь Михайло говорили ему князь Василью, что то весьма противно, и въ то же время изъ оныхъ Князь Алексѣй или князь Сергѣй, того не упомнитъ, о вышеозначенномъ своемъ намѣреніи сказали онымъ князь Василью и князь Михайлу, и оные де князь Василій и князь Михайло онымъ князь Алексѣю и князь Сергѣю и князь Ивану говорили, что это де дѣло ни къ чему негодное, и чтобъ они о такомъ противномъ дѣлѣ думать перестали и все бы то бросили.

А князь Василій Володиміровъ сынъ показалъ: князь Василій де Лукинъ сынъ, а потомъ князь Алексѣй и князь Сергѣй ему Князь Василью и брату его князь Михайлу въ Головинскомъ домѣ о сочиненіи означенной духовной сказывали ль, того де онъ не упомнитъ, а больше де въ мысль его приходитъ, что о сочиненіи оной духовной они ему не говаривали; но только де можетъ быть, при вышепоказанныхъ разговорахъ или послѣ того со оныхъ же разговоровъ о сочиненіи духовной оные князь Василій и князь Алексѣй и князь Сергѣй ему и упоминали, токмо де въ какой именно силѣ, того де нынѣ не упомнитъ.

Князь Михайло сказалъ: По пріѣздѣ де его князь Михайла съ братомъ своимъ князь Васильемъ къ князь Алексѣю въ Головинскій домъ, о сочиненіи духовной сперва князь Василій Лукинъ сынъ, а потомъ князь Алексѣй и князь Сергѣй ему князь Михайлу и брату его князь Василью сказывали ль, и какъ именно, того де онъ не упомнитъ, а больше де въ мысль его приходитъ, что о сочиненіи оной духовной ни каковымъ образомъ они ему не говаривали, и отъ него де князь Михайла и отъ брата его князь Василья о сочиненіи оной духовной въ разсужденіе предлагаемаго ничего не было.

*

Сергѣй оному князь Василью Володимірову сыну: „ежели де сочиненную о наслѣдствіи княжнѣ Катеринѣ духовную Его Величество отдастъ министрамъ, то бы де лучше напередъ прежде отдачи той духовной объявить министрамъ, что о учиненіи княжну Катерину наслѣдницею государь соизволяетъ, а какъ де отъ Его Величества министрамъ та духовная отдана будетъ, то тогда не можно ли де ему князь Василью, какъ подполковнику, а князь Ивану, какъ маіору, собравъ Преображенскій полкъ, объявить волю государеву во учиненіи княжны Катерины наслѣдницею, дабы министры той духовной утаить не могли; а Семеновскій де полкъ объ оном хотя и вѣдать не будетъ, понеже де не у него князь Василья въ командѣ, но довольно де будетъ того, что одна его князь Василья команда вѣдать будетъ". И князь Василій отъ того отрекся, что онаго учинить не можно.

Князь Василій Лукинъ сынъ показалъ, что означеннымъ князь Василью и князь Михайлу Володимировымъ дѣтямъ говорилъ онъ, что князь Алексѣй и князь Сергѣй и князь Иванъ Алексѣевъ сынъ думаютъ сочинить духовную, якобы Его Императорское Величество по кончинѣ своей наслѣдницею россійскаго престола учиняетъ обрученную свою невѣсту, а князь Алексѣеву дочь Катерину, и оные де князь Василій и князь Михайло говорили ему князь Василью, что то весьма противно, и въ то же время изъ оныхъ Князь Алексѣй или князь Сергѣй, того не упомнитъ, о вышеозначенномъ своемъ намѣреніи сказали онымъ князь Василью и князь Михайлу, и оные де князь Василій и князь Михайло онымъ князь Алексѣю и князь Сергѣю и князь Ивану говорили, что это де дѣло ни къ чему негодное, и чтобъ они о такомъ противномъ дѣлѣ думать перестали и все бы то бросили.

А князь Василій Володиміровъ сынъ показалъ: князь Василій де Лукинъ сынъ, а потомъ князь Алексѣй и князь Сергѣй ему Князь Василью и брату его князь Михайлу въ Головинскомъ домѣ о сочиненіи означенной духовной сказывали ль, того де онъ не упомнитъ, а больше де въ мысль его приходитъ, что о сочиненіи оной духовной они ему не говаривали; но только де можетъ быть, при вышепоказанныхъ разговорахъ или послѣ того со оныхъ же разговоровъ о сочиненіи духовной оные князь Василій и князь Алексѣй и князь Сергѣй ему и упоминали, токмо де въ какой именно силѣ, того де нынѣ не упомнитъ.

Князь Михайло сказалъ: По пріѣздѣ де его князь Михайла съ братомъ своимъ князь Васильемъ къ князь Алексѣю въ Головинскій домъ, о сочиненіи духовной сперва князь Василій Лукинъ сынъ, а потомъ князь Алексѣй и князь Сергѣй ему князь Михайлу и брату его князь Василью сказывали ль, и какъ именно, того де онъ не упомнитъ, а больше де въ мысль его приходитъ, что о сочиненіи оной духовной ни каковымъ образомъ они ему не говаривали, и отъ него де князь Михайла и отъ брата его князь Василья о сочиненіи оной духовной въ разсужденіе предлагаемаго ничего не было.

*

А Князь Сергѣй показалъ, что о намѣреніи ко учиненію княжну Катерину наслѣдницею россійскаго престола онымъ князь Василью и князь Михайлу сказывалъ братъ его князь Алексѣй, а онъ де князь Сергѣй о томъ имъ сказывалъ ли, не упомнитъ. А о показанномъ де ихъ намѣреніи князь Василій и князь Михайло Володиміровы дѣти вѣдали, съ которыми де о учиненіи наслѣдницей княжну Катерину и разговоры они имѣли, токмо какъ именно съ ними говорили, о томъ де сказать нынѣ не упомнитъ.

Князь Иванъ Григорьевъ сынъ объявилъ: Князь Василью де Володимірову сыну какъ князь Алексѣй и князь Сергѣй, такъ и онъ князь Иванъ говорили, что имѣютъ они намѣреніе, чтобы послѣ кончины Его Величества удержать наслѣдство обрученной Его Величества невѣстѣ Княжнѣ Катеринѣ, и князь Василій де Володиміровъ сынъ отъ того имъ воспрещалъ, а каковыми де рѣчьми, и что они на то съ нимъ говорили, акуратно всего сказать нынѣ онъ не помнитъ, только де согласія съ ними у оного князь Василья Володимірова сына не было, и для того о всемъ вышепоказанномъ своемъ намѣреніи и о сочиненіи духовной, и о прочемъ съ нимъ они не говорили. А братъ де его князь Михайло Володиміровъ сынъ объ ономъ вѣдалъ ли, того де онъ князь Иванъ не помнитъ, а ежели де онъ и вѣдалъ, и то де можетъ столько же слышалъ, какъ и братъ его князь Василій Володиміровъ сынъ, а о духовной де оные князь Василій и князь Михайло не вѣдали.

Князь Василій же Володиміровъ сынъ объявилъ, что онъ князь Василій и братъ его князь Михайло къ вышеозначенному помянутыхъ Долгорукихъ намѣренію не только не приставали, но отъ того еще ихъ отвращали, чтобъ оное свое намѣреніе они отложили; но только де отъ оныхъ князь Алексѣя и князь Сергѣя и князь Ивана Григорьевыхъ дѣтей ни какой ко отложенію оного своего намѣренія склонности онъ не присмотрѣлъ; но еще видѣлъ де онъ, что за оное на него князь Василья осердились. А князь Василій де Лукинъ сынъ во ономъ согласіе съ ними имѣлъ ли, того онъ князь Василій не знаетъ; только де въ означенное время присмотрѣлъ онъ князь Василій онаго князь Василья Лукина сына, что онъ въ печальномъ образѣ былъ, какъ видно, не хотѣлъ слышать отъ оныхъ князь Сергѣя съ братьями показаннаго ихъ противнаго намѣренія, понеже де послѣ того оный князь Василій Лукинъ сынъ сказывалъ ему князь Василью, что оныхъ князь Алексѣя и князь Сергѣя и князь Ивана Григорьевыхъ дѣтей отъ онаго ихъ намѣренія онъ отвращалъ, а означенной де духовной никогда онъ князь Василій ни у кого не видывалъ, и у кого та духовная имѣется ль, того онъ не знаетъ.

А князь Иванъ Григорьевъ сынъ, какъ выше явствуетъ, показалъ, что оный князь Василій Володиміровъ сынъ отъ намѣренія ихъ, о которомъ отъ нихъ слышалъ, отвращалъ, а каковыми рѣчьми, того де не упомнитъ.

А князь Иванъ Алексѣевъ сынъ показалъ: Отъ князь Василья де и князь Михайла Володиміровыхъ дѣтей никакого отвращенія,

А Князь Сергѣй показалъ, что о намѣреніи ко учиненію княжну Катерину наслѣдницею россійскаго престола онымъ князь Василью и князь Михайлу сказывалъ братъ его князь Алексѣй, а онъ де князь Сергѣй о томъ имъ сказывалъ ли, не упомнитъ. А о показанномъ де ихъ намѣреніи князь Василій и князь Михайло Володиміровы дѣти вѣдали, съ которыми де о учиненіи наслѣдницей княжну Катерину и разговоры они имѣли, токмо какъ именно съ ними говорили, о томъ де сказать нынѣ не упомнитъ.

Князь Иванъ Григорьевъ сынъ объявилъ: Князь Василью де Володимірову сыну какъ князь Алексѣй и князь Сергѣй, такъ и онъ князь Иванъ говорили, что имѣютъ они намѣреніе, чтобы послѣ кончины Его Величества удержать наслѣдство обрученной Его Величества невѣстѣ Княжнѣ Катеринѣ, и князь Василій де Володиміровъ сынъ отъ того имъ воспрещалъ, а каковыми де рѣчьми, и что они на то съ нимъ говорили, акуратно всего сказать нынѣ онъ не помнитъ, только де согласія съ ними у оного князь Василья Володимірова сына не было, и для того о всемъ вышепоказанномъ своемъ намѣреніи и о сочиненіи духовной, и о прочемъ съ нимъ они не говорили. А братъ де его князь Михайло Володиміровъ сынъ объ ономъ вѣдалъ ли, того де онъ князь Иванъ не помнитъ, а ежели де онъ и вѣдалъ, и то де можетъ столько же слышалъ, какъ и братъ его князь Василій Володиміровъ сынъ, а о духовной де оные князь Василій и князь Михайло не вѣдали.

Князь Василій же Володиміровъ сынъ объявилъ, что онъ князь Василій и братъ его князь Михайло къ вышеозначенному помянутыхъ Долгорукихъ намѣренію не толико не приставали, но отъ того еще ихъ отвращали, чтобъ оное свое намѣреніе они отложили; но только де отъ оныхъ князь Алексѣя и князь Сергѣя и князь Ивана Григорьевыхъ дѣтей ни какой ко отложенію оного своего намѣренія склонности онъ не присмотрѣлъ; но еще видѣлъ де онъ, что за оное на него князь Василья осердились. А князь Василій де Лукинъ сынъ во ономъ согласіе съ ними имѣлъ ли, того онъ князь Василій не знаетъ; только де въ означенное время присмотрѣлъ онъ князь Василій онаго князь Василья Лукина сына, что онъ въ печальномъ образѣ былъ, какъ видно, не хотѣлъ слышать отъ оныхъ князь Сергѣя съ братьями показаннаго ихъ противнаго намѣренія, понеже де послѣ того оный князь Василій Лукинъ сынъ сказывалъ ему князь Василью, что оныхъ князь Алексѣя и князь Сергѣя и князь Ивана Григорьевыхъ дѣтей отъ онаго ихъ намѣренія онъ отвращалъ, а означенной де духовной никогда онъ князь Василій ни у кого не видывалъ, и у кого та духовная имѣется ль, того онъ не знаетъ.

А князь Иванъ Григорьевъ сынъ, какъ выше явствуетъ, показалъ, что оный князь Василій Володиміровъ сынъ отъ намѣренія ихъ, о которомъ отъ нихъ слышалъ, отвращалъ, а каковыми рѣчьми, того де не упомнитъ.

А князь Иванъ Алексѣевъ сынъ показалъ: Отъ князь Василья де и князь Михайла Володиміровыхъ дѣтей никакого отвращенія,

чтобъ отъ намѣренія своего во учиненіи сестру его князь Иванову наслѣдницею отстали, онъ князь Иванъ не слыхалъ.

Князь Василій Лукинъ сынъ показалъ: Какъ де князь Василій Володиміровъ сынъ съ братомъ своимъ князь Михайломъ помянутыхъ князь Алексѣя и князь Сергѣя отвращали, чтобъ они отъ онаго своего намѣренія отстали, и при томъ де оный же князь Василій Володиміровъ сынъ онымъ князь Алексѣю и князь Сергѣю разсуждая говорилъ, что какъ де нынѣ дочерѣ его князь Алексѣевой быть наслѣдницею: когда бы де она была за государемъ въ супружествѣ, тогда бы де можетъ, что бы то сдѣлалось; и для того, чтобъ они отъ того своего намѣренія отстали.

А князь Василій Володиміровъ сынъ показалъ: Съ князь Алексѣемъ де и съ князь Сергѣемъ и съ князь Иваномъ Григорьевыми дѣтьми Долгорукими о наслѣдствіи дочери его князь Алексѣевой онъ князь Василій слова такія: „когда бъ де она была за государемъ въ супружествѣ, и тогда бъ де можетъ то сдѣлалось“, говорилъ въ такомъ намѣреніи, что ежели бъ де она могла быть за Ея Величествомъ въ супружествѣ, то можетъ быть де, Его Величество по своему соизволенію ее и короновалъ при себѣ, какъ дѣдушка его учинилъ, о чемъ де онъ князь Василій во оное время и помянутымъ Долгорукимъ сказывалъ, и разсуждалъ де имъ, что когда Богъ того не сдѣлалъ, то нынѣ де Его Величество въ тяжкой болѣзнѣ думать о томъ не надлежитъ, что собою де того дѣлать никакъ не можно, и дѣло де то страшное, и чтобъ они отъ того отстали, понеже де въ томъ могутъ сами пропасть; но токмо де отъ оныхъ князь Алексѣя съ братьями ко отвращенію отъ того склонности онъ не присмотрѣлъ, но всѣ де злобу они за то на него князь Василья имѣли.

Князь Михайло сказалъ: Братъ де его князь Василій съ князь Алексѣемъ и князь Сергѣемъ Григорьевыми дѣтьми о дочерѣ князь Алексѣевой: „когда бы де она была за государемъ въ супружествѣ, тогда бъ де можетъ, что то сдѣлалось“, при немъ князь Михайлѣ не говаривали; а о прочемъ де вышепоказанномъ оный его братъ князь Василій говорилъ ли, и въ какомъ намѣреніи, того де онъ князь Михайло не упомнитъ.

А князь Иванъ Григорьевъ сынъ показалъ: Помянутый де князь Василій Володиміровъ сынъ о вышеобъявленномъ можетъ что и говорилъ, но токмо таковыми ли рѣчьми, и что на оное онъ князь Иванъ и братья его говорили ль, того де онъ князь Иванъ не упомнитъ.

А князь Сергѣй и князь Василій Лукинъ сынъ сказали: Князь Василій и князь Михайло Володиміровы дѣти объ ономъ имъ говорили ль, не упомнятъ.

А князь Иванъ Алексѣевъ сынъ сказалъ: Князь Василій де Володиміровъ сынъ объ ономъ, помнится, ему князь Ивану и отцу его говорилъ.

Князь Василій же Володиміровъ сынъ, показалъ: Князь Алексѣй де, и князь Сергѣй, и князь Иванъ Григорьевы дѣти въ выше-

чтобъ отъ намѣренія своего во учиненіи сестру его князь Иванову наслѣдницею отстали, онъ князь Иванъ не слыхалъ.

Князь Василій Лукинъ сынъ показалъ: Какъ де князь Василій Володиміровъ сынъ съ братомъ своимъ князь Михайломъ помянутыхъ князь Алексѣя и князь Сергѣя отвращали, чтобъ они отъ онаго своего намѣренія отстали, и при томъ де оный же князь Василій Володиміровъ сынъ онымъ князь Алексѣю и князь Сергѣю разсуждая говорилъ, что какъ де нынѣ дочерѣ его князь Алексѣевой быть наслѣдницею: когда бы де она была за государемъ въ супружествѣ, тогда бы де можетъ, что бы то сдѣлалось; и для того, чтобъ они отъ того своего намѣренія отстали.

А князь Василій Володиміровъ сынъ показалъ: Съ князь Алексѣемъ де и съ князь Сергѣемъ и съ князь Иваномъ Григорьевыми дѣтьми Долгорукими о наслѣдствіи дочери его князь Алексѣевой онъ князь Василій слова такія: „когда бъ де она была за государемъ въ супружествѣ, и тогда бъ де можетъ то сдѣлалось“, говорилъ въ такомъ намѣреніи, что ежели бъ де она могла быть за Ея Величествомъ въ супружествѣ, то можетъ быть де, Его Величество по своему соизволенію ее и короновалъ при себѣ, какъ дѣдушка его учинилъ, о чемъ де онъ князь Василій во оное время и помянутымъ Долгорукимъ сказывалъ, и разсуждалъ де имъ, что когда Богъ того не сдѣлалъ, то нынѣ де Его Величество въ тяжкой болѣзнѣ думать о томъ не надлежитъ, что собою де того дѣлать никакъ не можно, и дѣло де то страшное, и чтобъ они отъ того отстали, понеже де въ томъ могутъ сами пропасть; но токмо де отъ оныхъ князь Алексѣя съ братьями ко отвращенію отъ того склонности онъ не присмотрѣлъ, но всѣ де злобу они за то на него князь Василья имѣли.

Князь Михайло сказалъ: Братъ де его князь Василій съ князь Алексѣемъ и князь Сергѣемъ Григорьевыми дѣтьми о дочерѣ князь Алексѣевой: „когда бы де она была за государемъ въ супружествѣ, тогда бъ де можетъ, что то сдѣлалось“, при немъ князь Михайлѣ не говаривали; а о прочемъ де вышепоказанномъ оный его братъ князь Василій говорилъ ли, и въ какомъ намѣреніи, того де онъ князь Михайло не упомнитъ.

А князь Иванъ Григорьевъ сынъ показалъ: Помянутый де князь Василій Володиміровъ сынъ о вышеобъявленномъ можетъ что и говорилъ, но токмо таковыми ли рѣчьми, и что на оное онъ князь Иванъ и братья его говорили ль, того де онъ князь Иванъ не упомнитъ.

А князь Сергѣй и князь Василій Лукинъ сынъ сказали: Князь Василій и князь Михайло Володиміровы дѣти объ ономъ имъ говорили ль, не упомнятъ.

А князь Иванъ Алексѣевъ сынъ сказалъ: Князь Василій де Володиміровъ сынъ объ ономъ, помнится, ему князь Ивану и отцу его говорилъ.

Князь Василій же Володиміровъ сынъ, показалъ: Князь Алексѣй де, и князь Сергѣй, и князь Иванъ Григорьевы дѣти въ выше-

объявленную его князь Василья съ братомъ своимъ князь Михайломъ бытность при князь Васильѣ Лукинѣ сынѣ, помнится ему князь Василью, говорили слова такія: „Хорошо бъ де, когда бъ Его Величество подписалъ послѣ себя наслѣдство обрученной своей невѣстѣ". А подъ духовною ль бы, или подъ другимъ чѣмъ изволилъ подписать, оные Долгорукіе тогда именно выговорили ль, того онъ князь Василій, не упомнитъ; только де въ то же время оные Долгорукіе ко оному разсуждали: „Кабы де подписавъ Его Величество и призвавъ министровъ, сенаторовъ и генералитетъ, вручилъ имъ и о исполненіи словесно повелѣлъ, и такимъ де образомъ могло бы въ дѣйствіе произойдтить.

И онъ де князь Василій сказалъ, что ежели Его Величество при животѣ своемъ изволитъ то учинить, то въ волѣ Его Величества состоитъ; но только бъ они объ означенномъ своемъ намѣреніи болѣе не разсуждали, что по ихъ намѣренію ничего сдѣлаться не можетъ, и чтобъ отъ того они отстали, на крѣпко имъ подтверждалъ; но оные де князь Алексѣй, князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти за то на него сердились; токмо де послѣ того отъ онаго намѣренія своего они отстали ль, или въ дѣйство производили, и чрезъ духовную ль, или чрезъ другое что, того де онъ князь Василій подлинно не знаетъ и ни отъ кого о томъ не слыхалъ.

А князь Михайло сказалъ: Что о вышеобъявленномъ князь Алексѣй, князь Сергѣй, князь Иванъ Григорьевы дѣти и братъ его князь Василій говорили ль, того де онъ не упомнитъ, и подлинно ль де оное говорено было, точно нынѣ утвердить не можетъ, и князь Алексѣй, и князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти отъ онаго своего намѣренія отстали ль, или въ дѣйство производили, и чрезъ духовную ль, или чрезъ другое что, того де онъ князь Михайло не знаетъ и не отъ кого о томъ не слыхалъ.

А князь Иванъ Григорьевъ сынъ показалъ: Оный де князь Василій Володиміровъ сынъ объ ономъ можетъ что имъ говорилъ, только де таковыми ли рѣчьми, и что на оное онъ князь Иванъ и братья его говорили ль, того де вспомнить онъ князь Иванъ не можетъ.

А князь Сергѣй сказалъ: Оный де князь Василій Володиміровъ сынъ о томъ, что ежели де Его Величество при животѣ своемъ изволитъ что учинить, то въ волѣ Его Величества состоитъ, имъ говорилъ, а слова де такія, чтобъ объ означенномъ своемъ намѣреніи болѣе они не разсуждали, что по ихъ намѣренію ничего сдѣлаться не можетъ, оный князь Василій Володиміровъ сынъ говорилъ ли, не упомнитъ.

А князь Иванъ Алексѣевъ сынъ сказалъ: Князь Василій де Володиміровъ сынъ объ ономъ, помнится, ему князь Ивану говорилъ до сочиненія еще духовной.

А князь Василій Лукинъ сынъ сказалъ, что объ ономъ де князь Василій Володиміровъ сынъ говорилъ ли, не помнитъ.

Князь Василій же Володиміровъ сынъ объявилъ: Отъ означен-

объявленную его князь Василья съ братомъ своимъ князь Михайломъ бытность при князь Васильѣ Лукинѣ сынѣ, помнится ему князь Василью, говорили слова такія: „Хорошо бъ де, когда бъ Его Величество подписалъ послѣ себя наслѣдство обрученной своей невѣстѣ". А подъ духовною ль бы, или подъ другимъ чѣмъ изволилъ подписать, оные Долгорукіе тогда именно выговорили ль, того онъ князь Василій, не упомнитъ; только де въ то же время оные Долгорукіе ко оному разсуждали: „Кабы де подписавъ Его Величество и призвавъ министровъ, сенаторовъ и генералитетъ, вручилъ имъ и о исполненіи словесно повелѣлъ, и такимъ де образомъ могло бы въ дѣйствіе произойдтить.

И онъ де князь Василій сказалъ, что ежели Его Величество при животѣ своемъ изволитъ то учинить, то въ волѣ Его Величества состоитъ; но только бъ они объ означенномъ своемъ намѣреніи болѣе не разсуждали, что по ихъ намѣренію ничего сдѣлаться не можетъ, и чтобъ отъ того они отстали, на крѣпко имъ подтверждалъ; но оные де князь Алексѣй, князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти за то на него сердились; токмо де послѣ того отъ онаго намѣренія своего они отстали ль, или въ дѣйство производили, и чрезъ духовную ль, или чрезъ другое что, того де онъ князь Василій подлинно не знаетъ и ни отъ кого о томъ не слыхалъ.

А князь Михайло сказалъ: Что о вышеобъявленномъ князь Алексѣй, князь Сергѣй, князь Иванъ Григорьевы дѣти и братъ его князь Василій говорили ль, того де онъ не упомнитъ, и подлинно ль де оное говорено было, точно нынѣ утвердить не можетъ, и князь Алексѣй, и князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти отъ онаго своего намѣренія отстали ль, или въ дѣйство производили, и чрезъ духовную ль, или чрезъ другое что, того де онъ князь Михайло не знаетъ и не отъ кого о томъ не слыхалъ.

А князь Иванъ Григорьевъ сынъ показалъ: Оный де князь Василій Володиміровъ сынъ объ ономъ можетъ что имъ говорилъ, только де таковыми ли рѣчьми, и что на оное онъ князь Иванъ и братья его говорили ль, того де вспомнить онъ князь Иванъ не можетъ.

А князь Сергѣй сказалъ: Оный де князь Василій Володиміровъ сынъ о томъ, что ежели де Его Величество при животѣ своемъ изволитъ что учинить, то въ волѣ Его Величества состоитъ, имъ говорилъ, а слова де такія, чтобъ объ означенномъ своемъ намѣреніи болѣе они не разсуждали, что по ихъ намѣренію ничего сдѣлаться не можетъ, оный князь Василій Володиміровъ сынъ говорилъ ли, не упомнитъ.

А князь Иванъ Алексѣевъ сынъ сказалъ: Князь Василій де Володиміровъ сынъ объ ономъ, помнится, ему князь Ивану говорилъ до сочиненія еще духовной.

А князь Василій Лукинъ сынъ сказалъ, что объ ономъ де князь Василій Володиміровъ сынъ говорилъ ли, не помнитъ.

Князь Василій же Володиміровъ сынъ объявилъ: Отъ означен-

ныхъ де князь Алексѣя и князь Сергѣя и отъ князь Василья Лукина сына Долгорукихъ, и отъ другихъ ни отъ кого никогда о томъ, что оная духовная рукою Его Величества подписана или не подписана, тако же вмѣсто Его Величества воровски кто подписалъ ли, и для чего, того онъ князь Василій не слыхалъ и не знаетъ, и ни отъ кого, ни чрезъ что̀ объ ономъ онъ не слыхивалъ, и разсужденія и совѣта объ ономъ же ни о чемъ со оными Долгорукими и ни съ кѣмъ никогда онъ не имѣлъ; да не только де объ ономъ, но и о томъ, кто оную духовную сочинялъ и набѣло переписывалъ, онъ князь Василій не вѣдаетъ и ни отъ кого о томъ не слыхалъ.

А князь Михайло показалъ: Отъ братьевъ де своихъ князь Алексѣя и князь Сергѣя Григорьевыхъ дѣтей, и отъ князь Василья Лукина сына, и отъ князь Василья же Володимірова сына, и отъ племянника своего князь Ивана, и ни отъ кого о томъ, что оная духовная рукою Его Императорскаго Величества подписана или не подписана, тако же вмѣсто Его Величества воровски кто именно тое духовную подписалъ ли, и для чего, никогда онъ князь Михайло не слыхалъ, и разсужденія де и совѣта никакого о томъ у него князь Михайла ни съ кѣмъ не было.

Князь Василій же Володимировъ сынъ показалъ, что братъ его князь Михайло во объявленное время дорогою съ нимъ отъ князь Алексѣя говорилъ ему князь Василію: „Вотъ де мы отговариваемъ и претимъ, что княжнѣ Катеринѣ наслѣдницею быть не можно, а когда де Его Величеству отъ болѣзни будетъ легче, то де князь Алексѣй съ братьями своими за то насъ сгубятъ“. И онъ де князь Василій сказалъ: „Плюнуть де на нихъ лучше, правду имъ говорить, а не мамить“.

А князь Михайло сказалъ: Объ ономъ де тому своему брату говорилъ онъ безъ всякаго противнаго намѣренія, но спроста въ разговорахъ съ онымъ братомъ своимъ о показанномъ оныхъ князь Алексѣя съ братьями своими намѣреніи, и на оныя де его слова оный его братъ объ означенномъ говорилъ, и онъ де князь Михайло, на то не говоря болѣе ничего, умолчалъ.

Князь Василій же Володимировъ сынъ показалъ, что на вопросные пункты сперва въ допросѣ своемъ о вышеобъявленномъ о всемъ онъ князь Василій именно не показалъ, того ради, думалъ де онъ, что и кромѣ его показанія объ ономъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ извѣстно, понеже де по пришествіи въ Москву, Ея Императорское Величество изволила ему князь Василью сказывать, что князь Василій Лукинъ сынъ доносилъ Ея Императорскому Величеству во время шествія изъ Курляндіи о дерзости князь Сергѣя и князь Ивана Григорьевыхъ дѣтей, что они министровъ бить хотѣли, сжели совѣтъ ихъ слушать они не станутъ; и при томъ де изволила Ея Императорское Величество его князь Василья спросить: „Было ли де такъ?“ И онъ князь Василій Ея Императорскому Величеству донесъ, что о ихъ де дураческомъ дерзновеніи что̀ ему князь Ва-

ныхъ де князь Алексѣя и князь Сергѣя и отъ князь Василья Лукина сына Долгорукихъ, и отъ другихъ ни отъ кого никогда о томъ, что оная духовная рукою Его Величества подписана или не подписана, тако же вмѣсто Его Величества воровски кто подписалъ ли, и для чего, того онъ князь Василій не слыхалъ и не знаетъ, и ни отъ кого, ни чрезъ что̀ объ ономъ онъ не слыхивалъ, и разсужденія и совѣта объ ономъ же ни о чемъ со оными Долгорукими и ни съ кѣмъ никогда онъ не имѣлъ; да не только де объ ономъ, но и о томъ, кто оную духовную сочинялъ и набѣло переписывалъ, онъ князь Василій не вѣдаетъ и ни отъ кого о томъ не слыхалъ.

А князь Михайло показалъ: Отъ братьевъ де своихъ князь Алексѣя и князь Сергѣя Григорьевыхъ дѣтей, и отъ князь Василья Лукина сына, и отъ князь Василья же Володимірова сына, и отъ племянника своего князь Ивана, и ни отъ кого о томъ, что оная духовная рукою Его Императорскаго Величества подписана или не подписана, тако же вмѣсто Его Величества воровски кто именно тое духовную подписалъ ли, и для чего, никогда онъ князь Михайло не слыхалъ, и разсужденія де и совѣта никакого о томъ у него князь Михайла ни съ кѣмъ не было.

Князь Василій же Володимировъ сынъ показалъ, что братъ его князь Михайло во объявленное время дорогою съ нимъ отъ князь Алексѣя говорилъ ему князь Василію: „Вотъ де мы отговариваемъ и претимъ, что княжнѣ Катеринѣ наслѣдницею быть не можно, а когда де Его Величеству отъ болѣзни будетъ легче, то де князь Алексѣй съ братьями своими за то насъ сгубятъ“. И онъ де князь Василій сказалъ: „Плюнуть де на нихъ лучше, правду имъ говорить, а не манить“.

А князь Михайло сказалъ: Объ ономъ де тому своему брату говорилъ онъ безъ всякаго противнаго намѣренія, но спроста въ разговорахъ съ онымъ братомъ своимъ о показанномъ оныхъ князь Алексѣя съ братьями своими намѣреніи, и на оныя де его слова оный его братъ объ означенномъ говорилъ, и онъ де князь Михайло, на то не говоря болѣе ничего, умолчалъ.

Князь Василій же Володимировъ сынъ показалъ, что на вопросные пункты сперва въ допросѣ своемъ о вышеобъявленномъ о всемъ онъ князь Василій именно не показалъ, того ради, думалъ де онъ, что и кромѣ его показанія объ ономъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ извѣстно, понеже де по пришествіи въ Москву, Ея Императорское Величество изволила ему князь Василью сказывать, что князь Василій Лукинъ сынъ доносилъ Ея Императорскому Величеству во время шествія изъ Курляндіи о дерзости князь Сергѣя и князь Ивана Григорьевыхъ дѣтей, что они министровъ бить хотѣли, сжели совѣтъ ихъ слушать они не станутъ; и при томъ де изволила Ея Императорское Величество его князь Василья спросить: „Было ли де такъ?“ И онъ князь Василій Ея Императорскому Величеству донесъ, что о ихъ де дураческомъ дерзновеніи что̀ ему князь Ва-

силью и доносить, когда уже князь Василій Лукинъ сынъ доносилъ. Къ тому же де графъ Гаврила Головкинъ о томъ, что означенный князь Алексѣй съ братьями своими дочь свою желалъ наслѣдницею россійскаго престола учинить, вѣдалъ, а по чему, того онъ князь Василій не знаетъ, и оный де графъ Головкинъ благодарилъ его князь Василья, что отъ показанныхъ замысловъ онаго князь Алексѣя съ братьями онъ князь Василій отвращалъ; по чему надѣялся де онъ князь Василій, что и чрезъ онаго графа Головкина о вышеобъявленномъ Ея Императорскому Величеству уже донесено. А о противномъ де дѣлѣ и совѣтѣ князь Алексѣя и братьевъ его, кромѣ того, о чемъ выше сего отъ него князь Василья показано, о другомъ де ни о чемъ онъ не вѣдалъ, но только де о всѣхъ бывшихъ разговорахъ: развѣ чего отъ безпамятства своего онъ князь Василій не объявилъ, понеже де всего за многопрошедшимъ временемъ и за старостію акуратно вспомнить онъ не можетъ; а сверхъ де того думать было онымъ Долгорукимъ не можно, для того что онъ въ согласіи къ нимъ не приставалъ, но еще отъ того ихъ отвращалъ.

А князь Михайло показалъ: О противномъ де дѣлѣ и совѣтѣ князь Алексѣя и братьевъ его, кромѣ того, какъ выше сего онъ князь Михайло объявилъ, о другомъ ни о чемъ онъ не вѣдалъ и самъ съ ними ни о каковыхъ противныхъ дѣлахъ не совѣтывалъ; и оные де Долгорукіе отъ означеннаго намѣренія своего отстали ль, или въ дѣйство производили, и чрезъ духовную ль, или чрезъ другое что, того де онъ князь Михайло не знаетъ и ни отъ кого о томъ не слыхалъ.

А на вопросные же пункты сперва въ допросѣ своемъ о вышеобъявленномъ онъ князь Михайло не показалъ не для какого о томъ закрытія, но отъ одного своего безпамятства, что къ показанію де объ ономъ въ память ему князь Михайлу за многопрошедшимъ временемъ не пришло.

Означенные жъ князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти и князь Василій Лукинъ сынъ и князь Иванъ Алексѣевъ сынъ Долгорукіе при слѣдствіи же показали, что въ сочиненіи показанной духовной, кромѣ князя Алексѣя и ихъ, князя Василья Лукина сына и князя Сергѣя и князя Ивана Григорьевыхъ дѣтей и князя Ивана Алексѣева сына, другихъ совѣтниковъ и сообщниковъ съ ними не было, и съ другими ни съ кѣмъ согласія въ томъ они не имѣли, и оныхъ де духовныхъ, кромѣ его князя Сергѣя, никто не писывали, и въ томъ они утвердились.

Въ приговорѣ генеральнаго собранія предложено, что помянутые князь Василій и князь Михайло Володиміровы дѣти Долгорукіе, хотя отъ показаннаго противнаго намѣренія означенныхъ Долгорукихъ и отвращали, однако же, вѣдая о такомъ противномъ дѣлѣ, Ея Императорскому Величеству о томъ они не доносили, и при слѣдствіи сперва объ ономъ именно они не объявили и за то смерти достойны; но токмо де предается объ нихъ въ высочайшую милость Ея Императорскаго Величества.

силью и доносить, когда уже князь Василій Лукинъ сынъ доносилъ. Къ тому же де графъ Гаврила Головкинъ о томъ, что означенный князь Алексѣй съ братьями своими дочь свою желалъ наслѣдницею россійскаго престола учинить, вѣдалъ, а по чему, того онъ князь Василій не знаетъ, и оный де графъ Головкинъ благодарилъ его князь Василья, что отъ показанныхъ замысловъ онаго князь Алексѣя съ братьями онъ князь Василій отвращалъ; по чему надѣялся де онъ князь Василій, что и чрезъ онаго графа Головкина о вышеобъявленномъ Ея Императорскому Величеству уже донесено. А о противномъ де дѣлѣ и совѣтѣ князь Алексѣя и братьевъ его, кромѣ того, о чемъ выше сего отъ него князь Василья показано, о другомъ де ни о чемъ онъ не вѣдалъ, но только де о всѣхъ бывшихъ разговорахъ: развѣ чего отъ безпамятства своего онъ князь Василій не объявилъ, понеже де всего за многопрошедшимъ временемъ и за старостію акуратно вспомнить онъ не можетъ; а сверхъ де того думать было онымъ Долгорукимъ не можно, для того что онъ въ согласіи къ нимъ не приставалъ, но еще отъ того ихъ отвращалъ.

А князь Михайло показалъ: О противномъ де дѣлѣ и совѣтѣ князь Алексѣя и братьевъ его, кромѣ того, какъ выше сего онъ князь Михайло объявилъ, о другомъ ни о чемъ онъ не вѣдалъ и самъ съ ними ни о каковыхъ противныхъ дѣлахъ не совѣтывалъ; и оные де Долгорукіе отъ означеннаго намѣренія своего отстали ль, или въ дѣйство производили, и чрезъ духовную ль, или чрезъ другое что, того де онъ князь Михайло не знаетъ и ни отъ кого о томъ не слыхалъ.

А на вопросные же пункты сперва въ допросѣ своемъ о вышеобъявленномъ онъ князь Михайло не показалъ не для какого о томъ закрытія, но отъ одного своего безпамятства, что къ показанію де объ ономъ въ память ему князь Михайлу за многопрошедшимъ временемъ не пришло.

Означенные жъ князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти и князь Василій Лукинъ сынъ и князь Иванъ Алексѣевъ сынъ Долгорукіе при слѣдствіи же показали, что въ сочиненіи показанной духовной, кромѣ князя Алексѣя и ихъ, князя Василья Лукина сына и князя Сергѣя и князя Ивана Григорьевыхъ дѣтей и князя Ивана Алексѣева сына, другихъ совѣтниковъ и сообщниковъ съ ними не было, и съ другими ни съ кѣмъ согласія въ томъ они не имѣли, и оныхъ де духовныхъ, кромѣ его князя Сергѣя, никто не писывали, и въ томъ они утвердились.

Въ приговорѣ генеральнаго собранія предложено, что помянутые князь Василій и князь Михайло Володиміровы дѣти Долгорукіе, хотя отъ показаннаго противнаго намѣренія означенныхъ Долгорукихъ и отвращали, однако же, вѣдая о такомъ противномъ дѣлѣ, Ея Императорскому Величеству о томъ они не доносили, и при слѣдствіи сперва объ ономъ именно они не объявили и за то смерти достойны; но токмо де предается объ нихъ въ высочайшую милость Ея Императорскаго Величества.

По именному блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, указу, состоявшемуся ноября 1-го дня 739 году, повелѣно, что оные князь Василій и князь Михайло Володиміровы дѣти, за показанныя въ ономъ приговорѣ важныя вины, смертной казни хотя и достойны, однакоже Ея Императорское Величество, милосердуя о нихъ, отъ смертной казни ихъ освободила; но токмо онаго князя Василья содержать по прежнему въ Иванѣ-городѣ и, кромѣ церкви, никуда его не выпускать, и къ нему ни кого, ни для чего не допускать. По тому же и брата его князя Михайла, взявъ изъ деревни, содержать въ Шлютельбургѣ противъ того, какъ брата его князя Василья.

И по силѣ онаго именнаго указа помянутый князь Михайло въ Шлютельбургъ взятъ, гдѣ, такожъ и помянутый князь Василій Володиміровъ сынъ въ Иванѣ-городѣ, содержатся и по нынѣ.

Съ онымъ князь Михайломъ, изъ вышепомянутаго села Бояринова, взято собственныхъ его 144 р. 69 к., которые оному князю Михаилу съ человѣкомъ его велѣно употреблять на пропитаніе.

По вышеобъявленному же именному Ея Императорскаго Величества указу повелѣно о прочихъ князь Алексѣевыхъ дѣтяхъ, такожъ и князь Михайловыхъ дѣтяхъ и внучатахъ, сколько ихъ гдѣ обрѣтается, взявъ откуда надлежитъ вѣдомость и справясь, сколько за онымъ князь Михайломъ деревень, и гдѣ именно имѣется, и описавъ пожитки его всѣ, доложить.

А по справкѣ явилось:

У помянутаго князя Михайла Долгорукова сыновей:

Князь Александръ, въ службѣ съ 729 года, съ января мѣсяца, а мая съ 22-го дня 739 года имѣется въ Санктъ-Петербургскомъ драгунскомъ полку подполковникомъ.

Князь Сергѣй, въ службѣ имѣлся съ 715, а съ 736 годовъ былъ въ Рижскомъ гарнизонѣ премьеръ-маіоромъ, и 739 года мая 2-го дня, по именному Ея Императорскаго Величества указу, отъ военной и штатской службы отставленъ, и велѣно жить ему въ подмосковной его деревнѣ въ селѣ Покровскомъ безвыѣздно.

Князь Петръ да князь Василій въ 736 году, по именному Ея Императорскаго Величества указу, для опредѣленія въ службу въ полки Украинскаго корпуса изъ военной коллегіи отосланы къ господину генералъ-фельдмаршалу графу фонъ-Миниху, а мая 17-го дня (котораго года не показано), оный генералъ-фельдмаршалъ рапортовалъ, что о написаніи ихъ въ драгуны и о причисленіи въ Троицкій полкъ къ генералъ-фельдцейхместеру князю Гессенъ-Гамбургскому предложено.

Дочерей онаго жь князя Михайла:

За Львомъ Александровымъ сыномъ Милославскимъ—Анна.

За Александромъ Романовымъ сыномъ Брюсомъ—Настасья.

Дѣвки—княжна Авдотья и княжна Аграфена, обрѣтаются въ Москвѣ, въ домѣ своемъ, о чемъ показалъ оный отецъ ихъ князь Михайло.

По именному блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, указу, состоявшемуся ноября 1-го дня 739 году, повелѣно, что оные князь Василій и князь Михайло Володиміровы дѣти, за показанныя въ ономъ приговорѣ важныя вины, смертной казни хотя и достойны, однакоже Ея Императорское Величество, милосердуя о нихъ, отъ смертной казни ихъ освободила; но токмо онаго князя Василья содержать по прежнему въ Иванѣ-городѣ и, кромѣ церкви, никуда его не выпускать, и къ нему ни кого, ни для чего не допускать. По тому же и брата его князя Михайла, взявъ изъ деревни, содержать въ Шлютельбургѣ противъ того, какъ брата его князя Василья.

И по силѣ онаго именнаго указа помянутый князь Михайло въ Шлютельбургъ взятъ, гдѣ, такожъ и помянутый князь Василій Володиміровъ сынъ въ Иванѣ-городѣ, содержатся и по нынѣ.

Съ онымъ князь Михайломъ, изъ вышепомянутаго села Бояринова, взято собственныхъ его 144 р. 69 к., которые оному князю Михаилу съ человѣкомъ его велѣно употреблять на пропитаніе.

По вышеобъявленному же именному Ея Императорскаго Величества указу повелѣно о прочихъ князь Алексѣевыхъ дѣтяхъ, такожъ и князь Михайловыхъ дѣтяхъ и внучатахъ, сколько ихъ гдѣ обрѣтается, взявъ откуда надлежитъ вѣдомость и справясь, сколько за онымъ князь Михайломъ деревень, и гдѣ именно имѣется, и описавъ пожитки его всѣ, доложить.

А по справкѣ явилось:

У помянутаго князя Михайла Долгорукова сыновей:

Князь Александръ, въ службѣ съ 729 года, съ января мѣсяца, а мая съ 22-го дня 739 года имѣется въ Санктъ-Петербургскомъ драгунскомъ полку подполковникомъ.

Князь Сергѣй, въ службѣ имѣлся съ 715, а съ 736 годовъ былъ въ Рижскомъ гарнизонѣ премьеръ-маіоромъ, и 739 года мая 2-го дня, по именному Ея Императорскаго Величества указу, отъ военной и штатской службы отставленъ, и велѣно жить ему въ подмосковной его деревнѣ въ селѣ Покровскомъ безвыѣздно.

Князь Петръ да князь Василій въ 736 году, по именному Ея Императорскаго Величества указу, для опредѣленія въ службу въ полки Украинскаго корпуса изъ военной коллегіи отосланы къ господину генералъ-фельдмаршалу графу фонъ-Миниху, а мая 17-го дня (котораго года не показано), оный генералъ-фельдмаршалъ рапортовалъ, что о написаніи ихъ въ драгуны и о причисленіи въ Троицкій полкъ къ генералъ-фельдцейхместеру князю Гессенъ-Гамбургскому предложено.

Дочерей онаго жь князя Михайла:

За Львомъ Александровымъ сыномъ Милославскимъ—Анна.

За Александромъ Романовымъ сыномъ Брюсомъ—Настасья.

Дѣвки—княжна Авдотья и княжна Аграфена, обрѣтаются въ Москвѣ, въ домѣ своемъ, о чемъ показалъ оный отецъ ихъ князь Михайло.

Внучатъ онаго князь Михайла, а помянутаго сына его князя Сергѣя дѣтей:

Князь Михайло, въ службѣ марта съ 1-го 736, а февраля съ 3-го 737 годовъ имѣется въ С.-Петербургскомъ драгунскомъ полку прапорщикомъ.

Князь Ѳедоръ, въ службѣ августа съ 1-го 736, а октября съ 30-го 737 годовъ имѣется въ Ревельскомъ драгунскомъ полку вахмистромъ.

Князь Иванъ да князь Юрья, дочь княжна Марья имѣлись при отцѣ своемъ князѣ Сергѣѣ въ селѣ Покровскомъ, о чемъ показалъ помянутый дѣдъ ихъ князь Михайло.

А по навѣдыванію въ Москвѣ тайной канцеляріи изъ конторы показано, что онаго князя Сергѣя дочери княжны—Марія 17, Авдотья 4 лѣтъ, живутъ въ Москвѣ въ домѣ и пропитаніе имѣютъ изъ деревень онаго дѣда ихъ князя Михайла.

По описи у онаго князь Михайла въ Галицкомъ уѣздѣ въ вышеобъявленномъ селѣ Бояриновѣ, кромѣ вышеозначенныхъ взятыхъ съ тѣмъ князь Михайломъ въ Шлютельбургъ денегъ, явилось: святыя иконы въ окладахъ золотыхъ и серебреная, и мѣдная, и оловянная посуда, и прочіе пожитки, тако жь и оставшій послѣ его въ житницахъ запасъ, лошади, скотъ и птицы, имѣлись въ объявленномъ селѣ Бояриновѣ.

Изъ вотчинной коллегіи и той коллегіи изъ конторы, вѣдомостьми, за онымъ князь Михайломъ въ Верейскомъ, въ Можайскомъ, въ Волоколамскомъ, въ Боровскомъ, въ Суздальскомъ, въ Юрьевскомъ-Польскаго, въ Калужскомъ, въ Епифаньскомъ, въ Нижегородскомъ, въ Донковскомъ, въ Елецкомъ, въ Галицкомъ, да въ Копорскомъ уѣздахъ, въ мызѣ, въ селѣ и въ деревняхъ и въ пустошахъ показано на лицо мужеска и женска полу 390 душъ, сверхъ того въ бѣгахъ мужеска и женска полу 16 душъ; по купчей 2 человѣка.

Да во оной же изъ вотчинной коллегіи вѣдомости, за онымъ князь Михайломъ написано въ Московскомъ уѣздѣ село Покровское съ деревнями.

А по присланной изъ военной коллегіи вѣдомости, какъ выше явствуетъ, показано, что оное село Покровское сына онаго князя Михайла, князя Сергѣя, въ которомъ ему князь Сергѣю безвыѣздно жить повелѣно.

Въ оной же изъ вотчинной коллегіи вѣдомости, за онымъ князь Михайломъ написано въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ Березопольскомъ стану село Даденево; въ немъ, по переписи и по свидѣтельству, мужеска полу 250 душъ.

А онаго князь Михайла человѣкъ Матвей Сахаровъ въ вотчинной коллегіи сказкою показалъ, что онымъ селомъ оный князь Михайло не владѣлъ, а владѣетъ де тѣмъ селомъ помянутый сынъ его князь Сергѣй.

Въ той же вѣдомости объявлено, что по присланной де изъ каморъ-коллегіи справкѣ, за онымъ князь Михайломъ въ Можайскомъ

Внучатъ онаго князь Михайла, а помянутаго сына его князя Сергѣя дѣтей:

Князь Михайло, въ службѣ марта съ 1-го 736, а февраля съ 3-го 737 годовъ имѣется въ С.-Петербургскомъ драгунскомъ полку прапорщикомъ.

Князь Ѳедоръ, въ службѣ августа съ 1-го 736, а октября съ 30-го 737 годовъ имѣется въ Ревельскомъ драгунскомъ полку вахмистромъ.

Князь Иванъ да князь Юрья, дочь княжна Марья имѣлись при отцѣ своемъ князѣ Сергѣѣ въ селѣ Покровскомъ, о чемъ показалъ помянутый дѣдъ ихъ князь Михайло.

А по навѣдыванію въ Москвѣ тайной канцеляріи изъ конторы показано, что онаго князя Сергѣя дочери княжны—Марія 17, Авдотья 4 лѣтъ, живутъ въ Москвѣ въ домѣ и пропитаніе имѣютъ изъ деревень онаго дѣда ихъ князя Михайла.

По описи у онаго князь Михайла въ Галицкомъ уѣздѣ въ вышеобъявленномъ селѣ Бояриновѣ, кромѣ вышеозначенныхъ взятыхъ съ тѣмъ князь Михайломъ въ Шлютельбургъ денегъ, явилось: святыя иконы въ окладахъ золотыхъ и серебреная, и мѣдная, и оловянная посуда, и прочіе пожитки, такожъ и оставшій послѣ его въ житницахъ запасъ, лошади, скотъ и птицы, имѣлись въ объявленномъ селѣ Бояриновѣ.

Изъ вотчинной коллегіи и той коллегіи изъ конторы, вѣдомостьми, за онымъ князь Михайломъ въ Верейскомъ, въ Можайскомъ, въ Волоколамскомъ, въ Боровскомъ, въ Суздальскомъ, въ Юрьевскомъ-Польскаго, въ Калужскомъ, въ Епифаньскомъ, въ Нижегородскомъ, въ Донковскомъ, въ Елецкомъ, въ Галицкомъ, да въ Копорскомъ уѣздахъ, въ мызѣ, въ селѣ и въ деревняхъ и въ пустошахъ показано на лицо мужеска и женска полу 390 душъ, сверхъ того въ бѣгахъ мужеска и женска полу 16 душъ; по купчей 2 человѣка.

Да во оной же изъ вотчинной коллегіи вѣдомости, за онымъ князь Михайломъ написано въ Московскомъ уѣздѣ село Покровское съ деревнями.

А по присланной изъ военной коллегіи вѣдомости, какъ выше явствуетъ, показано, что оное село Покровское сына онаго князя Михайла, князя Сергѣя, въ которомъ ему князь Сергѣю безвыѣздно жить повелѣно.

Въ оной же изъ вотчинной коллегіи вѣдомости, за онымъ князь Михайломъ написано въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ Березопольскомъ стану село Даденево; въ немъ, по переписи и по свидѣтельству, мужеска полу 250 душъ.

А онаго князь Михайла человѣкъ Матвей Сахаровъ въ вотчинной коллегіи сказкою показалъ, что онымъ селомъ оный князь Михайло не владѣлъ, а владѣетъ де тѣмъ селомъ помянутый сынъ его князь Сергѣй.

Въ той же вѣдомости объявлено, что по присланной де изъ каморъ-коллегіи справкѣ, за онымъ князь Михайломъ въ Можайскомъ

уѣздѣ въ селѣ Самотовѣ, показано въ окладѣ 20, не въ окладѣ 2 души.

А помянутый жъ князь Михайловъ человѣкъ Сахаровъ сказкою показалъ, что онымъ селомъ князь Михайло не владѣлъ, а владѣетъ де коммерцъ-конторы подъячій Семенъ Давыдовъ для того, что на оное де село всѣ крѣпости имѣются у того Давыдова, и хотя де тѣ крѣпости писаны и на князь Михайлово имя, токмо де по купчей за оное село собственныя деньги платилъ отецъ онаго Давыдова.

Въ вѣдомости жъ объявлено, что по присланной изъ каморъ-коллегіи справкѣ, за онымъ же княземъ Михайломъ въ Можайскомъ, Галицкомъ, Ярославскомъ, Симбирскомъ уѣздахъ въ селахъ и деревняхъ, по переписи и по свидѣтельству, мужеска пола показано 836 душъ, а по какимъ де дачамъ и крѣпостямъ оныя въ подушный окладъ за нимъ княземъ Михайломъ имѣются, о томъ де въ вотчинной коллегіи не вѣдомо, и по справкамъ дачь на оныя не явилось.

А означенный князь Михайловъ человѣкъ Сахаровъ сказкою показалъ, что показанныя деревни по разнымъ сдѣлкамъ за онымъ княземъ Михайломъ имѣются, а которыхъ де годовъ, и гдѣ оныя сдѣлки, о томъ де онъ Сахаровъ не вѣдаетъ.

По описи лейбъ-гвардіи унтеръ-офицера явствуетъ, что въ вышеобъявленномъ селѣ Боярновѣ, за взятьемъ со онымъ княземъ Михайломъ въ Шлютельбургъ для услуженія одного человѣка, осталось дворовыхъ людей и съ приказчикомъ 5 человѣкъ.

Изъ Московской полиціймейстерской канцеляріи справкою показано, что онаго князь Михайла имѣются въ Москвѣ неотписные два двора съ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ.

Да въ присланномъ въ тайную канцелярію изъ полиціймейстерской канцеляріи доношеніи объявлено, что онаго жъ князь Михайла въ С.-Петербургѣ имѣются дворы, а именно: первый на Васильевскомъ острову въ первой линіи по большому каналу, съ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ; второй на Санктпетербургскомъ острову съ деревяннымъ строеніемъ.

По именному блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, указу, сентября 23-го дня 740 году, повелѣно: помянутаго князь Михайла Долгорукова внучатъ, а сына его князь Сергѣя сыновей, не служащихъ, годныхъ въ военную службу, написать въ разные армейскіе полки въ солдаты, а кто изъ нихъ въ солдатахъ быть еще не годны, тѣхъ опредѣлить въ гарнизонныя школы по разнымъ мѣстамъ; а движимое и недвижимое онаго князь Михайла собственное имѣніе отписать на Ея Императорское Величество, кромѣ того, которое получилъ онъ въ приданыя за женою своею, хотя то и за нимъ было справлено; и по примѣру тому, какъ сообщниковъ Волынскаго съ женами и дѣтьми высочайшее Ея Императорскаго Величества милосердіе учинено, соизволила Ея Императорское Величество изъ высочайшаго

уѣздѣ въ селѣ Самотовѣ, показано въ окладѣ 20, не въ окладѣ 2 души.

А помянутый жъ князь Михайловъ человѣкъ Сахаровъ сказкою показалъ, что онымъ селомъ князь Михайло не владѣлъ, а владѣетъ де коммерцъ-конторы подъячій Семенъ Давыдовъ для того, что на оное де село всѣ крѣпости имѣются у того Давыдова, и хотя де тѣ крѣпости писаны и на князь Михайлово имя, токмо де по купчей за оное село собственныя деньги платилъ отецъ онаго Давыдова.

Въ вѣдомости жъ объявлено, что по присланной изъ каморъ-коллегіи справкѣ, за онымъ же княземъ Михайломъ въ Можайскомъ, Галицкомъ, Ярославскомъ, Симбирскомъ уѣздахъ въ селахъ и деревняхъ, по переписи и по свидѣтельству, мужеска пола показано 836 душъ, а по какимъ де дачамъ и крѣпостямъ оныя въ подушный окладъ за нимъ княземъ Михайломъ имѣются, о томъ де въ вотчинной коллегіи не вѣдомо, и по справкамъ дачь на оныя не явилось.

А означенный князь Михайловъ человѣкъ Сахаровъ сказкою показалъ, что показанныя деревни по разнымъ сдѣлкамъ за онымъ княземъ Михайломъ имѣются, а которыхъ де годовъ, и гдѣ оныя сдѣлки, о томъ де онъ Сахаровъ не вѣдаетъ.

По описи лейбъ-гвардіи унтеръ-офицера явствуетъ, что въ вышеобъявленномъ селѣ Боярновѣ, за взятьемъ со онымъ княземъ Михайломъ въ Шлютельбургъ для услуженія одного человѣка, осталось дворовыхъ людей и съ приказчикомъ 5 человѣкъ.

Изъ Московской полиціймейстерской канцеляріи справкою показано, что онаго князь Михайла имѣются въ Москвѣ неотписные два двора съ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ.

Да въ присланномъ въ тайную канцелярію изъ полиціймейстерской канцеляріи доношеніи объявлено, что онаго жъ князь Михайла въ С.-Петербургѣ имѣются дворы, а именно: первый на Васильевскомъ острову въ первой линіи по большому каналу, съ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ; второй на Санктпетербургскомъ острову съ деревяннымъ строеніемъ.

По именному блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, указу, сентября 23-го дня 740 году, повелѣно: помянутаго князь Михайла Долгорукова внучатъ, а сына его князь Сергѣя сыновей, не служащихъ, годныхъ въ военную службу, написать въ разные армейскіе полки въ солдаты, а кто изъ нихъ въ солдатахъ быть еще не годны, тѣхъ опредѣлить въ гарнизонныя школы по разнымъ мѣстамъ; а движимое и недвижимое онаго князь Михайла собственное имѣніе отписать на Ея Императорское Величество, кромѣ того, которое получилъ онъ въ приданыя за женою своею, хотя то и за нимъ было справлено; и по примѣру тому, какъ сообщниковъ Волынскаго съ женами и дѣтьми высочайшее Ея Императорскаго Величества милосердіе учинено, соизволила Ея Императорское Величество изъ высочайшаго

своего милосердія всемилостивѣйше оставить и пожаловать для пропитанія дѣтямъ онаго князь Михайла, которые въ службѣ находятся, а деревень за ними не имѣется, такожде и дочерямъ его, которыя не въ замужествѣ, то матери ихъ имѣніе, хотя оное по приданству за отцемъ ихъ было справлено, да сверхъ того изъ собственнаго онаго князь Михайла имѣнія на каждаго его сына и дочь по сороку душъ.

И по силѣ оного именнаго указу о написаніи вышеобъявленныхъ не служащихъ князь Михайловыхъ внучатъ, а сына его князь Сергѣя сыновей, имѣющихся при ономъ князь Сергѣѣ, князь Ивана да князь Юрья, въ разные армейскіе полки въ солдаты, а кто изъ нихъ въ солдатѣхъ быть еще не годны, о опредѣленіи въ гарнизонныя школы по разнымъ мѣстамъ, изъ тайной канцеляріи сообщено въ военную коллегію съ таковымъ объявленіемъ, дабы во исполненіе оного именнаго указу оные князь Михайловы внучата ко оному росписанію взяты были, кромѣ Москвы, куда оная коллегія заблагоразсудитъ,—чего ради объ отдачѣ оныхъ князь Михайловыхъ внучатъ кому отъ оной коллегіи указомъ опредѣлено будетъ принять, писано въ Москву къ генералу и кавалеру и оберъгофмейстеру графу Салтыкову.

Въ промеморіи изъ военной коллегіи показано, что оныхъ князь Михайловыхъ внучатъ для написанія въ разные армейскіе полки, состоящіе въ командѣ генерала Кейта, годныхъ въ службу, а малолѣтныхъ въ Воронежскую и въ другія тамошнія разныя гарнизонныя школы, кромѣ Москвы, изъ военной конторы велѣно отправить къ оному генералу Кейту.

А въ правительствующій сенатъ изъ тайной канцеляріи подано было доношеніе съ таковымъ представленіемъ, что не соблаговолитъ ли правительствующій сенатъ во исполненіе вышерѣченнаго именнаго Ея Императорскаго Величества указу о раздѣленіи вышеозначеннаго имѣнія и о дачѣ изъ собственныхъ помянутаго князя Михайла вышеозначеннымъ дѣтямъ его по сороку душъ въ вотчинную коллегію, а за тѣмъ оставшаго объ отписаніи въ канцелярію конфискаціи, или куда правительствующій сенатъ разсудитъ, опредѣлить указами, и въ тайную канцелярію о томъ указомъ сообщить, понеже гдѣ по разсужденію правительствующаго сената оставшему помянутаго князь Михайла имѣнію опись учинить и въ смотрѣніи тому быть повелѣно будетъ, то изъ тайной канцеляріи имѣютъ быть сообщены о имѣніи онаго князь Михайла съ вѣдомостей копіи.

А по присланной въ тайную канцелярію правительствующаго сената резолюціи велѣно по силѣ вышеобъявленнаго именнаго Ея Императорскаго Величества указу, раздѣленіе князь Михайла Владимірова сына Долгорукова справленнаго за нимъ приданаго за женою его движимаго и недвижимаго имѣнія, для пропитанія дѣтямъ онаго князь Михаила, кои въ службѣ находятся, а деревень не имѣютъ, и дочерямъ его, которыя не въ замужествѣ, да сверхъ того изъ собственнаго онаго князь Михайла имѣнія на каждаго его

своего милосердія всемилостивѣйше оставить и пожаловать для пропитанія дѣтямъ онаго князь Михайла, которые въ службѣ находятся, а деревень за ними не имѣется, такожде и дочерямъ его, которыя не въ замужествѣ, то матери ихъ имѣніе, хотя оное по приданству за отцемъ ихъ было справлено, да сверхъ того изъ собственнаго онаго князь Михайла имѣнія на каждаго его сына и дочь по сороку душъ.

И по силѣ оного именнаго указу о написаніи вышеобъявленныхъ не служащихъ князь Михайловыхъ внучатъ, а сына его князь Сергѣя сыновей, имѣющихся при ономъ князь Сергѣѣ, князь Ивана да князь Юрья, въ разные армейскіе полки въ солдаты, а кто изъ нихъ въ солдатѣхъ быть еще не годны, о опредѣленіи въ гарнизонныя школы по разнымъ мѣстамъ, изъ тайной канцеляріи сообщено въ военную коллегію съ таковымъ объявленіемъ, дабы во исполненіе оного именнаго указу оные князь Михайловы внучата ко оному росписанію взяты были, кромѣ Москвы, куда оная коллегія заблагоразсудитъ,—чего ради объ отдачѣ оныхъ князь Михайловыхъ внучатъ кому отъ оной коллегіи указомъ опредѣлено будетъ принять, писано въ Москву къ генералу и кавалеру и оберъгофмейстеру графу Салтыкову.

Въ промеморіи изъ военной коллегіи показано, что оныхъ князь Михайловыхъ внучатъ для написанія въ разные армейскіе полки, состоящіе въ командѣ генерала Кейта, годныхъ въ службу, а малолѣтныхъ въ Воронежскую и въ другія тамошнія разныя гарнизонныя школы, кромѣ Москвы, изъ военной конторы велѣно отправить къ оному генералу Кейту.

А въ правительствующій сенатъ изъ тайной канцеляріи подано было доношеніе съ таковымъ представленіемъ, что не соблаговолитъ ли правительствующій сенатъ во исполненіе вышерѣченнаго именнаго Ея Императорскаго Величества указу о раздѣленіи вышеозначеннаго имѣнія и о дачѣ изъ собственныхъ помянутаго князя Михайла вышеозначеннымъ дѣтямъ его по сороку душъ въ вотчинную коллегію, а за тѣмъ оставшаго объ отписаніи въ канцелярію конфискаціи, или куда правительствующій сенатъ разсудитъ, опредѣлить указами, и въ тайную канцелярію о томъ указомъ сообщить, понеже гдѣ по разсужденію правительствующаго сената оставшему помянутаго князь Михайла имѣнію опись учинить и въ смотрѣніи тому быть повелѣно будетъ, то изъ тайной канцеляріи имѣютъ быть сообщены о имѣніи онаго князь Михайла съ вѣдомостей копіи.

А по присланной въ тайную канцелярію правительствующаго сената резолюціи велѣно по силѣ вышеобъявленнаго именнаго Ея Императорскаго Величества указу, раздѣленіе князь Михайла Владимірова сына Долгорукова справленнаго за нимъ приданаго за женою его движимаго и недвижимаго имѣнія, для пропитанія дѣтямъ онаго князь Михаила, кои въ службѣ находятся, а деревень не имѣютъ, и дочерямъ его, которыя не въ замужествѣ, да сверхъ того изъ собственнаго онаго князь Михайла имѣнія на каждаго его

сына и дочь по сороку душъ, по сообщенію изъ оной канцеляріи о имѣніи его князь Михайла вѣдомостей, учинить въ вотчинной коллегіи, а затѣмъ оставшее его князь Михайла Долгорукова имѣніе по вѣдомостямъ той же канцеляріи отписать и въ смотрѣніи имѣть канцеляріи конфискаціи.

И по силѣ оной резолюціи съ имѣющихся въ тайной канцеляріи о вышеобъявленномъ движимомъ и недвижимомъ онаго князь Михайла имѣніи описей изъ тайной канцеляріи въ вотчинную коллегію при промеморіи посланы точныя копіи, и велѣно, дабы по исполненіи вышеозначеннаго объ оставшемъ имѣніи, сколько всего того за объявленнымъ раздѣленіемъ и дачею останется, изъ оной коллегіи для отписанія сообщено было въ канцелярію конфискаціи, обстоятельное извѣстіе безъ замедленія о семъ для вѣдома изъ тайной канцеляріи, и въ канцелярію конфискаціи указъ посланъ.

Но токмо въ вотчинной коллегіи о вышеозначенномъ что̀ учинено, въ тайной канцеляріи извѣстія не имѣется.

Помянутаго князь Михайла сынъ Санктпетербургскаго драгунскаго полку поручикъ князь Василій Долгорукій въ поданномъ своемъ челобитьѣ написалъ, что недвижимое отца его имѣніе оставлено было и имѣлось во владѣніи за братомъ его, того же Санктпетербургскаго драгунскаго полка подполковникомъ княземъ Александромъ, и за сестрами его Авдотьею и Аграфеною, и за нимъ Васильемъ, и чрезъ оное де пропитаніе свое они имѣли. И тѣмъ челобитьемъ проситъ, чтобы для многолѣтняго Его Императорскаго Величества и всемилостивѣйшихъ Его Императорскаго Величества родителей здравія показать высокое милосердіе, и тѣмъ недвижимымъ отца ихъ имѣніемъ, до нынѣ бывшемъ за ними, пожаловать по прежнему для крайнаго пропитанія ихъ, дабы онъ Василій и означенный братъ его, будучи въ службѣ Его Императорскаго Величества, такожде и сестры ихъ, тѣми пропитаніе имѣли.

Въ ссылкѣ въ городѣ Березовѣ князь Алексѣя Долгорукова дѣтей имѣлось, а именно: сынъ Алексѣй, дочери Катерина, Алена, Анна, да бывшія при нихъ во услуженіи вдовы Авдотья Петрова, Арина Захарьева, Авдотья Махайлова, дѣвки Матрена Иванова, Мавра Петрова.

А по слѣдствію о вышепомянутыхъ Долгорукихъ дѣла до означенныхъ князь Алексѣева сына Алексѣя и сестеръ его Катерины, Алены, Анны, важности, и до оныхъ служительницъ не коснулось; но токмо по именному блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны указу, подписанному собственною Ея Величества рукою, вышеобъявленнаго 23-го дня октября 740 года, повелѣно учинить слѣдующее:

1) Помянутаго князь Алексѣя Долгорукова сына Алексѣя, дабы болѣе ему въ дачѣ кормовыхъ денегъ не происходило, и отъ того бы интересу напрасной траты не было, и праздно бы не жилъ, написать въ Камчатскую экспедицію въ матросы, и изъ той экспедиціи въ

сына и дочь по сороку душъ, по сообщенію изъ оной канцелярій о имѣніи его князь Михайла вѣдомостей, учинить въ вотчинной коллегіи, а затѣмъ оставшее его князь Михайла Долгорукова имѣніе по вѣдомостямъ той же канцеляріи отписать и въ смотрѣніи имѣть канцеляріи конфискаціи.

И по силѣ оной резолюціи съ имѣющихся въ тайной канцеляріи о вышеобъявленномъ движимомъ и недвижимомъ онаго князь Михайла имѣніи описей изъ тайной канцеляріи въ вотчинную коллегію при промеморіи посланы точныя копіи, и велѣно, дабы по исполненіи вышеозначеннаго объ оставшемъ имѣніи, сколько всего того за объявленнымъ раздѣленіемъ и дачею останется, изъ оной коллегіи для отписанія сообщено было въ канцелярію конфискаціи, обстоятельное извѣстіе безъ замедленія о семъ для вѣдома изъ тайной канцеляріи, и въ канцелярію конфискаціи указъ посланъ.

Но токмо въ вотчинной коллегіи о вышеозначенномъ что̀ учинено, въ тайной канцеляріи извѣстія не имѣется.

Помянутаго князь Михайла сынъ Санктпетербургскаго драгунскаго полку поручикъ князь Василій Долгорукій въ поданномъ своемъ челобитьѣ написалъ, что недвижимое отца его имѣніе оставлено было и имѣлось во владѣніи за братомъ его, того же Санктпетербургскаго драгунскаго полка подполковникомъ княземъ Александромъ, и за сестрами его Авдотьею и Аграфеною, и за нимъ Васильемъ, и чрезъ оное де пропитаніе свое они имѣли. И тѣмъ челобитьемъ проситъ, чтобы для многолѣтняго Его Императорскаго Величества и всемилостивѣйшихъ Его Императорскаго Величества родителей здравія показать высокое милосердіе, и тѣмъ недвижимымъ отца ихъ имѣніемъ, до нынѣ бывшемъ за ними, пожаловать по прежнему для крайнаго пропитанія ихъ, дабы онъ Василій и означенный братъ его, будучи въ службѣ Его Императорскаго Величества, такожде и сестры ихъ, тѣми пропитаніе имѣли.

Въ ссылкѣ въ городѣ Березовѣ князь Алексѣя Долгорукова дѣтей имѣлось, а именно: сынъ Алексѣй, дочери Катерина, Алена, Анна, да бывшія при нихъ во услуженіи вдовы Авдотья Петрова, Арина Захарьева, Авдотья Махайлова, дѣвки Матрена Иванова, Мавра Петрова.

А по слѣдствію о вышепомянутыхъ Долгорукихъ дѣла до означенныхъ князь Алексѣева сына Алексѣя и сестеръ его Катерины, Алены, Анны, важности, и до оныхъ служительницъ не коснулось; но токмо по именному блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны указу, подписанному собственною Ея Величества рукою, вышеобъявленнаго 23-го дня октября 740 года, повелѣно учинить слѣдующее:

1) Помянутаго князь Алексѣя Долгорукова сына Алексѣя, дабы болѣе ему въ дачѣ кормовыхъ денегъ не происходило, и отъ того бы интересу напрасной траты не было, и праздно бы не жилъ, написать въ Камчатскую экспедицію въ матросы, и изъ той экспедиціи въ

другія мѣста ни для чего его не переводить; а дочерей онаго князь Алексѣя, Катерину, Алену, Анну разослать въ Сибирь по монастырямъ, по разсмотрѣнію Сибирскаго митрополита, и въ тѣхъ монастыряхъ по обыкновенію постричь ихъ въ монахини, и настоятельницамъ тѣхъ монастырей имѣть и содержать ихъ подъ наикрѣпчайшимъ присмотромъ, и никуда ихъ изъ тѣхъ монастырей ни для чего отнюдь не выпускать, и писемъ писать не давать, и постороннихъ никого ни для какого сообщенія къ нимъ не допускать, и чтобы ни каковыхъ шалостей и непотребства отъ нихъ не происходило, пищею и одеждою содержать ихъ по обыкновенію тѣхъ монастырей равномѣрно противъ прочихъ монахинь безъ всякой отмѣны, и во оные монастыри изъ Березова разослать ихъ за надлежащимъ карауломъ съ нарочно посланными изъ Тобольской губернской канцеляріи оберъ-офицерами.

2) Имѣющихся при оныхъ князь Алексѣевыхъ дочеряхъ въ услуженіи вдовъ, тако жь и дѣвокъ, свободить и разослать ихъ въ разные сибирскіе города на вѣчное житье, а ежели оныя вдовы и дѣвки въ замужествѣ быть пожелаютъ, то имъ позволить, токмо кромѣ солдатства и пріѣзжихъ, но за тамошнихъ жителей.

3) Имѣющуюся нынѣ при оныхъ же князь Алексѣевыхъ дѣтяхъ мѣдную и оловянную посуду и платье, оставя изъ того онымъ потребное число, безъ всякаго излишества, прочую всю отобрать въ Березовскую воеводскую канцелярію, и обще съ имѣющимся въ оной воеводской канцеляріи прежде отобранными у оныхъ Долгорукихъ пожитками, и остаточныя за издержаніемъ имъ на пропитаніе деньги, давъ изъ тѣхъ денегъ помянутому Алексѣю и сестрамъ его во время посылки ихъ въ показанныя мѣста на пропитаніе по двадцати по пяти копѣекъ на день человѣку, да въ тѣ монастыри, въ которыя оныя дѣвки посланы будутъ, въ каждый на всѣхъ имѣющихся тамъ монахинь на пропитаніе денегъ пятьдесять рублевъ, а достальныя всѣ изъ той воеводской канцеляріи отослать въ Тобольскую губернскую канцелярію немедленно, и въ той губернской канцеляріи тѣ присланныя деньги записать въ приходъ, а означенные пожитки, оцѣня, съ публичнаго торга продать, и деньги по тому жь въ приходъ записать и въ тайную канцелярію о томъ о всемъ обстоятельно репортовать.

(Объ ономъ еще изъ Сибирской губернской канцеляріи не репортовано).

И по силѣ онаго именнаго указу о вышеобъявленномъ о всемъ въ Сибирскую губернскую канцелярію, тако жь и о постриженіи означенныхъ Доолгоруковыхъ дочерей въ разные сибирскіе дѣвичьи монастыри изъ святѣйшаго синода и изъ тайной канцеляріи, куда надлежало, указы посланы.

А въ допошеніи изъ Тобольской архіерейской канцеляріи показано, что означенныхъ Долгорукова дочерей въ монахини велѣно постричь Тобольской епархіи въ дѣвичьихъ монастыряхъ, а именно: Катерину въ Томскомъ Рождественскомъ, Елену въ Тюменскомъ Успенскомъ, Анну въ Верхотурскомъ Покровскомъ. И требовано

другія мѣста ни для чего его не переводить; а дочерей онаго князь Алексѣя, Катерину, Алену, Анну разослать въ Сибирь по монастырямъ, по разсмотрѣнію Сибирскаго митрополита, и въ тѣхъ монастыряхъ по обыкновенію постричь ихъ въ монахини, и настоятельницамъ тѣхъ монастырей имѣть и содержать ихъ подъ наикрѣпчайшимъ присмотромъ, и никуда ихъ изъ тѣхъ монастырей ни для чего отнюдь не выпускать, и писемъ писать не давать, и постороннихъ никого ни для какого сообщенія къ нимъ не допускать, и чтобы ни каковыхъ шалостей и непотребства отъ нихъ не происходило, пищею и одеждою содержать ихъ по обыкновенію тѣхъ монастырей равномѣрно противъ прочихъ монахинь безъ всякой отмѣны, и во оные монастыри изъ Березова разослать ихъ за надлежащимъ карауломъ съ нарочно посланными изъ Тобольской губернской канцеляріи оберъ-офицерами.

2) Имѣющихся при оныхъ князь Алексѣевыхъ дочеряхъ въ услуженіи вдовъ, тако жь и дѣвокъ, свободить и разослать ихъ въ разные сибирскіе города на вѣчное житье, а ежели оныя вдовы и дѣвки въ замужествѣ быть пожелаютъ, то имъ позволить, токмо кромѣ солдатства и пріѣзжихъ, но за тамошнихъ жителей.

3) Имѣющуюся нынѣ при оныхъ же князь Алексѣевыхъ дѣтяхъ мѣдную и оловянную посуду и платье, оставя изъ того онымъ потребное число, безъ всякаго излишества, прочую всю отобрать въ Березовскую воеводскую канцелярію, и обще съ имѣющимся въ оной воеводской канцеляріи прежде отобранными у оныхъ Долгорукихъ пожитками, и остаточныя за издержаніемъ имъ на пропитаніе деньги, давъ изъ тѣхъ денегъ помянутому Алексѣю и сестрамъ его во время посылки ихъ въ показанныя мѣста на пропитаніе по двадцати по пяти копѣекъ на день человѣку, да въ тѣ монастыри, въ которыя оныя дѣвки посланы будутъ, въ каждый на всѣхъ имѣющихся тамъ монахинь на пропитаніе денегъ пятьдесять рублевъ, а достальныя всѣ изъ той воеводской канцеляріи отослать въ Тобольскую губернскую канцелярію немедленно, и въ той губернской канцеляріи тѣ присланныя деньги записать въ приходъ, а означенные пожитки, оцѣня, съ публичнаго торга продать, и деньги по тому жь въ приходъ записать и въ тайную канцелярію о томъ о всемъ обстоятельно репортовать.

(Объ ономъ еще изъ Сибирской губернской канцеляріи не репортовано).

И по силѣ онаго именнаго указу о вышеобъявленномъ о всемъ въ Сибирскую губернскую канцелярію, тако жь и о постриженіи означенныхъ Доолгоруковыхъ дочерей въ разные сибирскіе дѣвичьи монастыри изъ святѣйшаго синода и изъ тайной канцеляріи, куда надлежало, указы посланы.

А въ допошеніи изъ Тобольской архіерейской канцеляріи показано, что означенныхъ Долгорукова дочерей въ монахини велѣно постричь Тобольской епархіи въ дѣвичьихъ монастыряхъ, а именно: Катерину въ Томскомъ Рождественскомъ, Елену въ Тюменскомъ Успенскомъ, Анну въ Верхотурскомъ Покровскомъ. И требовано

де отъ Сибирской губернской канцеляріи опредѣленія, что вышеозначенные дѣвичьи монастыри, кромѣ одного Томскаго, отъ Тобольска обрѣтаются въ близости и на самомъ Московскомъ трактѣ, и весьма вси малобратственные и нищетскіе, единою милостынею питаемые, въ которыхъ де не только карауловъ содержать, но и обычайныхъ монастырскихъ службъ исправлять не кому, и крестьянъ и слугъ никого при тѣхъ монастыряхъ не имѣется. А изъ Сибирской губернской канцеляріи отвѣтствовано, что изъ той губернской канцеляріи для взятья помянутыхъ Долгорукова дочерей Катерины, Алены, Анны и для отвозу ихъ въ означенные монастыри, посланы въ Березовъ нарочные оберъ-офицеры и солдаты, и велѣно тѣхъ Долгорукова дочерей въ тѣхъ монастыряхъ постричь при оныхъ оберъ-офицерахъ, и для вышепоказанныхъ отъ архіерейской канцеляріи резоновъ тѣмъ оберъ-офицерамъ изъ солдатъ для караула оставить при оныхъ Долгорукихъ по два человѣка по указу.

Князь Александръ и князь Николай Алексѣевы дѣти Долгоруковы, которые будучи въ ссылкѣ въ городѣ Березовѣ, въ нижеслѣдующихъ винахъ объявились, а именно:

(Дѣла о нихъ, почему во оную ссылку посланы, въ тайной канцеляріи не было).

Князь Александръ брату своему князь Ивану Алексѣеву сыну говорилъ:

1) „Подъячій де Тишинъ хочетъ на него князь Ивана доносить, будто де онъ князь Иванъ бранилъ государыню и говорилъ: „Какая де она государыня, она—Шведка; мы де знаемъ за что она Бирона жалуетъ,....., а нынѣ де выбрана государынею“.

2) „Государыня де императрица государыню цесаревну наказывала плетьми за непотр....., что она отъ Шубина.....“. И помянутый де Тишинъ говорилъ: „Я де бывалъ у Мошкова въ интендантской конторѣ у дѣлъ и видѣлъ прижитыхъ отъ государыни цесаревны двухъ дѣтей мужеска и женска полу“.

3) „Государыня де императрица хочетъ герцога Голстинскаго за сына выдать въ замужество государыню принцессу Анну, а оный де Голстинскій обѣщаетъ государынѣ императрицѣ дать 20.000 войска, и будетъ де онъ въ Швеціи королемъ“.

Въ которыхъ произносимыхъ своихъ словахъ оный князь Александръ при слѣдствіи чрезъ показаніе означеннаго брата своего князь Ивана изобличенъ и самъ въ томъ винился.

И сперва оный князь Александръ показывалъ, что объ оныхъ словахъ слышалъ онъ отъ человѣка своего Василья Щеглова, который сказывалъ ему князь Александру при сестрѣ его Катеринѣ Оный Щегловъ въ томъ не винился.

А потомъ и самъ оный князь Александръ сказалъ, что оныхъ словъ отъ Щеглова онъ не слыхалъ и сперва де объ ономъ на того Щеглова и про сестру свою Катерину показалъ онъ напрасно, а слышалъ де онъ Александръ объ ономъ о всемъ на одинѣ отъ

де отъ Сибирской губернской канцеляріи опредѣленія, что вышеозначенные дѣвичьи монастыри, кромѣ одного Томскаго, отъ Тобольска обрѣтаются въ близости и на самомъ Московскомъ трактѣ, и весьма вси малобратственные и нищетскіе, единою милостынею питаемые, въ которыхъ де не только карауловъ содержать, но и обычайныхъ монастырскихъ службъ исправлять не кому, и крестьянъ и слугъ никого при тѣхъ монастыряхъ не имѣется. А изъ Сибирской губернской канцеляріи отвѣтствовано, что изъ той губернской канцеляріи для взятья помянутыхъ Долгорукова дочерей Катерины, Алены, Анны и для отвозу ихъ въ означенные монастыри, посланы въ Березовъ нарочные оберъ-офицеры и солдаты, и велѣно тѣхъ Долгорукова дочерей въ тѣхъ монастыряхъ постричь при оныхъ оберъ-офицерахъ, и для вышепоказанныхъ отъ архіерейской канцеляріи резоновъ тѣмъ оберъ-офицерамъ изъ солдатъ для караула оставить при оныхъ Долгорукихъ по два человѣка по указу.

Князь Александръ и князь Николай Алексѣевы дѣти Долгоруковы, которые будучи въ ссылкѣ въ городѣ Березовѣ, въ нижеслѣдующихъ винахъ объявились, а именно:

(Дѣла о нихъ, почему во оную ссылку посланы, въ тайной канцеляріи не было).

Князь Александръ брату своему князь Ивану Алексѣеву сыну говорилъ:

1) „Подъячій де Тишинъ хочетъ на него князь Ивана доносить, будто де онъ князь Иванъ бранилъ государыню и говорилъ: „Какая де она государыня, она—Шведка; мы де знаемъ за что она Бирона жалуетъ,....., а нынѣ де выбрана государынею“.

2) „Государыня де императрица государыню цесаревну наказывала плетьми за непотр....., что она отъ Шубина.....“. И помянутый де Тишинъ говорилъ: „Я де бывалъ у Мошкова въ интендантской конторѣ у дѣлъ и видѣлъ прижитыхъ отъ государыни цесаревны двухъ дѣтей мужеска и женска полу“.

3) „Государыня де императрица хочетъ герцога Голстинскаго за сына выдать въ замужество государыню принцессу Анну, а оный де Голстинскій обѣщаетъ государынѣ императрицѣ дать 20.000 войска, и будетъ де онъ въ Швеціи королемъ“.

Въ которыхъ произносимыхъ своихъ словахъ оный князь Александръ при слѣдствіи чрезъ показаніе означеннаго брата своего князь Ивана изобличенъ и самъ въ томъ винился.

И сперва оный князь Александръ показывалъ, что объ оныхъ словахъ слышалъ онъ отъ человѣка своего Василья Щеглова, который сказывалъ ему князь Александру при сестрѣ его Катеринѣ Оный Щегловъ въ томъ не винился.

А потомъ и самъ оный князь Александръ сказалъ, что оныхъ словъ отъ Щеглова онъ не слыхалъ и сперва де объ ономъ на того Щеглова и про сестру свою Катерину показалъ онъ напрасно, а слышалъ де онъ Александръ объ ономъ о всемъ на одинѣ отъ

доносителя Тишина, въ чемъ и въ очной съ тѣмъ Тишинымъ ставкѣ, онъ князь Александръ утвердился. А Тишинъ въ томъ не винился.

А оный князь Александръ объявилъ, что, слыша де онъ отъ онаго Тишина объ означенныхъ непристойныхъ словахъ, бывшему у нихъ на караулѣ маіору Петрову не донесъ простотою своею.

Онъ же князь Александръ показывалъ, что о вышепоказанныхъ непристойныхъ словахъ сказывалъ онъ брата своего князь Ивана женѣ княгинѣ Натальѣ, въ сѣняхъ сквозь стѣну въ прорубное окошко на одинѣ, и она де ему сказала: „Я де о томъ слышала". А отъ кого, не выговорила.

А потомъ онъ князь Александръ винился, что оной княгинѣ Натальѣ объ означенномъ онъ не говоривалъ, а сперва де о томъ показалъ на нее напрасно, и сговариваетъ де о томъ правдою, а не ради какого сожалѣнія, помня смертный часъ, какъ явиться ему на страшномъ судѣ Христовѣ.

А вышепомянутому князь Николаю братъ его князь Иванъ, слыша отъ онаго же брата своего князь Александра вышеобъявленныя непристойныя слова, сказывалъ о томъ именно, о чемъ при слѣдствіи оный князь Иванъ объявилъ именно.

А князь Николай сперва въ томъ не винился, а потомъ въ слышаніи отъ брата своего князь Ивана вышеобъявленныхъ всѣхъ словъ онъ князь Николай винился и показалъ, что, слыша отъ онаго князь Ивана объ означенныхъ непристойныхъ словахъ, не донесъ, сожалѣя онаго брата своего князь Ивана.

Онъ же князь Николай о имѣвшейся книгѣ о коронаціи Его Императорскаго Величества Петра II и о имѣвшемъ у князь Ивана патентѣ при слѣдствіи не объявилъ и оную книгу ухоронилъ на наистопкѣ; а при слѣдствіи показалъ, что объ ономъ не объявилъ и оную книгу ухоронилъ онъ, желая той книгѣ и патенту утаену быть, для того, мыслилъ де онъ, ежели оную книгу и патентъ объявить, то за держаніе той книги и патента будетъ какое истязаніе. Оную жь книгу хотѣлъ онъ князь Николай сжечь и брату своему князь Ивану говорилъ, что онъ тое книгу хочетъ сжечь; въ чемъ самъ же онъ князь Николай винился, что оную книгу сжечь онъ хотѣлъ, боясь де за держаніе при себѣ той книги истязанія.

По именному блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, указу, сентября 23-го дня 1740 года, повелѣно: помянутымъ Долгоруковымъ, Александру, за происшедшія отъ него въ бытность въ ссылкѣ въ городѣ Березовѣ важныя злодѣйственныя и непристойныя слова, да князь Николаю, что онъ, слыша о тѣхъ словахъ отъ брата своего князь Ивана, по силѣ указовъ, гдѣ надлежитъ, не донесъ, и о томъ закрылъ и умолчалъ, учинить обоимъ публично въ Тобольскѣ жестокое наказаніе, бить кнутомъ и, урѣзавъ у нихъ языки, сослать въ работу вѣчно, Александра въ Камчатку, Николая въ Охотскъ, и въ тѣхъ мѣстахъ на пропитаніе давать имъ на мѣсяцъ

доносителя Тишина, въ чемъ и въ очной съ тѣмъ Тишинымъ ставкѣ, онъ князь Александръ утвердился. А Тишинъ въ томъ не винился.

А оный князь Александръ объявилъ, что, слыша де онъ отъ онаго Тишина объ означенныхъ непристойныхъ словахъ, бывшему у нихъ на караулѣ маіору Петрову не донесъ простотою своею.

Онъ же князь Александръ показывалъ, что о вышепоказанныхъ непристойныхъ словахъ сказывалъ онъ брата своего князь Ивана женѣ княгинѣ Натальѣ, въ сѣняхъ сквозь стѣну въ прорубное окошко на одинѣ, и она де ему сказала: „Я де о томъ слышала". А отъ кого, не выговорила.

А потомъ онъ князь Александръ винился, что оной княгинѣ Натальѣ объ означенномъ онъ не говоривалъ, а сперва де о томъ показалъ на нее напрасно, и сговариваетъ де о томъ правдою, а не ради какого сожалѣнія, помня смертный часъ, какъ явиться ему на страшномъ судѣ Христовѣ.

А вышепомянутому князь Николаю братъ его князь Иванъ, слыша отъ онаго же брата своего князь Александра вышеобъявленныя непристойныя слова, сказывалъ о томъ именно, о чемъ при слѣдствіи оный князь Иванъ объявилъ именно.

А князь Николай сперва въ томъ не винился, а потомъ въ слышаніи отъ брата своего князь Ивана вышеобъявленныхъ всѣхъ словъ онъ князь Николай винился и показалъ, что, слыша отъ онаго князь Ивана объ означенныхъ непристойныхъ словахъ, не донесъ, сожалѣя онаго брата своего князь Ивана.

Онъ же князь Николай о имѣвшейся книгѣ о коронаціи Его Императорскаго Величества Петра II и о имѣвшемъ у князь Ивана патентѣ при слѣдствіи не объявилъ и оную книгу ухоронилъ на наистопкѣ; а при слѣдствіи показалъ, что объ ономъ не объявилъ и оную книгу ухоронилъ онъ, желая той книгѣ и патенту утаену быть, для того, мыслилъ де онъ, ежели оную книгу и патентъ объявить, то за держаніе той книги и патента будетъ какое истязаніе. Оную жь книгу хотѣлъ онъ князь Николай сжечь и брату своему князь Ивану говорилъ, что онъ тое книгу хочетъ сжечь; въ чемъ самъ же онъ князь Николай винился, что оную книгу сжечь онъ хотѣлъ, боясь де за держаніе при себѣ той книги истязанія.

По именному блажепныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, указу, сентября 23-го дня 1740 года, повелѣно: помянутымъ Долгоруковымъ, Александру, за происшедшія отъ него въ бытность въ ссылкѣ въ городѣ Березовѣ важныя злодѣйственныя и непристойныя слова, да князь Николаю, что онъ, слыша о тѣхъ словахъ отъ брата своего князь Ивана, по силѣ указовъ, гдѣ надлежитъ, не донесъ, и о томъ закрылъ и умолчалъ, учинить обоимъ публично въ Тобольскѣ жестокое наказаніе, бить кнутомъ и, урѣзавъ у нихъ языки, сослать въ работу вѣчно, Александра въ Камчатку, Николая въ Охотскъ, и въ тѣхъ мѣстахъ на пропитаніе давать имъ на мѣсяцъ

муки по два четверика, крупъ и соли по препорціи, денегъ по двѣ копѣйки на день.

И по силѣ того именнаго указу о исполненіи изъ тайной канцеляріи посланъ въ Сибирскую губернскую канцелярію указъ, такожь гвардіи къ сержанту, который для караула имѣлся, писано 740 году сентября 25-го дня.

По указу Его Императорскаго Величества, именемъ Его Императорскаго Величества объявленному отъ бывшаго регента, октября 23-го дня, повелѣно: для поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны, отъ означенной экзекуціи оныхъ Долгоруковыхъ помиловать и того имъ не чинить, но токмо послать ихъ въ тѣ мѣста, куда сослать ихъ велѣно, и объ ономъ всемилостивѣйшемъ Его Императорскаго Величества о показаніи къ нимъ высочайшаго милосердія указѣ объявить имъ, чего ради отправить изъ тайной канцеляріи съ указомъ въ Тобольскъ нарочнаго на почтовыхъ подводахъ, о чемъ того же числа съ нарочнымъ указъ былъ отправленъ.

Но сего 741 года января 19-го дня, присланнымъ изъ Сибирской губернской канцеляріи репортомъ объявлено, что оными Долгоруковымъ до полученія вышерѣченнаго Его Императорскаго Величества указу наказаніе кнутомъ со урѣзаніемъ у нихъ языковъ учинено ноября 19-го дня, и посланы въ вышеобъявленныя мѣста.

Нынѣ оные Долгоруковы живы ль, или изъ нихъ кто умеръ, въ тайной канцеляріи извѣстія не имѣется.

муки по два четверика, крупъ и соли по препорціи, денегъ по двѣ копѣйки на день.

И по силѣ того именнаго указу о исполненіи изъ тайной канцеляріи посланъ въ Сибирскую губернскую канцелярію указъ, такожь гвардіи къ сержанту, который для караула имѣлся, писано 740 году сентября 25-го дня.

По указу Его Императорскаго Величества, именемъ Его Императорскаго Величества объявленному отъ бывшаго регента, октября 23-го дня, повелѣно: для поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны, отъ означенной экзекуціи оныхъ Долгоруковыхъ помиловать и того имъ не чинить, но токмо послать ихъ въ тѣ мѣста, куда сослать ихъ велѣно, и объ ономъ всемилостивѣйшемъ Его Императорскаго Величества о показаніи къ нимъ высочайшаго милосердія указѣ объявить имъ, чего ради отправить изъ тайной канцеляріи съ указомъ въ Тобольскъ нарочнаго на почтовыхъ подводахъ, о чемъ того же числа съ нарочнымъ указъ былъ отправленъ.

Но сего 741 года января 19-го дня, присланнымъ изъ Сибирской губернской канцеляріи репортомъ объявлено, что оными Долгоруковымъ до полученія вышерѣченнаго Его Императорскаго Величества указу наказаніе кнутомъ со урѣзаніемъ у нихъ языковъ учинено ноября 19-го дня, и посланы въ вышеобъявленныя мѣста.

Нынѣ оные Долгоруковы живы ль, или изъ нихъ кто умеръ, въ тайной канцеляріи извѣстія не имѣется.

СНОШЕНІЯ КНЯЗЯ А. А. ЧЕРКАССКАГО СЪ ГОЛЬШТИНСКИМЪ ДВОРОМЪ ПРИ ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ ІОАННОВНѢ.

Печатаемое подъ этимъ заглавіемъ дѣло князя А. А. Черкасскаго оставалось до сихъ поръ очень мало разъясненнымъ въ нашей исторической литературѣ. Въ манифестѣ императрицы Анны, отъ 16-го ноября 1734 года, помѣщенномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, т. IX, № 6647, и заключающемъ въ себѣ рѣшеніе государыни по дѣлу Черкасскаго, весьма кратко и глухо упомянуто винѣ князя, за которую онъ былъ судимъ. П. П. Пекарскій, въ статьѣ своей „Путешествіе академика І.-Н. Делиля въ Березовъ", стр. 47—48, вкратцѣ изложилъ сущность этого процесса на основаніи подлинныхъ документовъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ. Эти именно документы мы и печатаемъ съ копій, сохранившихся въ бумагахъ И. П. Шульгина.

Князь Александръ Андреевичъ Черкасскій приходился дальнимъ родственникомъ извѣстному кабинетъ-министру императрицы Анны, князю А. М. Черкасскому. Въ эпоху своего ареста князь Александръ Андреевичъ имѣлъ званіе каммергера и занималъ должность губернатора въ Смоленскѣ, особенно важную въ то время, такъ какъ Смоленскъ былъ тогда пограничнымъ съ Польшею губернскимъ городомъ. Въ этой должности князь состоялъ еще въ 1731 году, какъ это видно изъ письма къ нему Бирона, которое недавно было напечатано *). Современники мало знали о причинѣ ареста князя, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго извѣстія въ донесеніи саксонскаго посланника графа де-Линара курфюрсту Августу, отъ 19-го января 1734 года, изъ Петербурга: „Генералъ

*) См. Русскій Архивъ 1867 г., ст. 469.

СНОШЕНІЯ КНЯЗЯ А. А. ЧЕРКАССКАГО СЪ ГОЛЬШТИНСКИМЪ ДВОРОМЪ ПРИ ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ ІОАННОВНѢ.

Печатаемое подъ этимъ заглавіемъ дѣло князя А. А. Черкасскаго оставалось до сихъ поръ очень мало разъясненнымъ въ нашей исторической литературѣ. Въ манифестѣ императрицы Анны, отъ 16-го ноября 1734 года, помѣщенномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, т. IX, № 6647, и заключающемъ въ себѣ рѣшеніе государыни по дѣлу Черкасскаго, весьма кратко и глухо упомянуто винѣ князя, за которую онъ былъ судимъ. П. П. Пекарскій, въ статьѣ своей „Путешествіе академика І.-Н. Делиля въ Березовъ", стр. 47—48, вкратцѣ изложилъ сущность этого процесса на основаніи подлинныхъ документовъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ. Эти именно документы мы и печатаемъ съ копій, сохранившихся въ бумагахъ И. П. Шульгина.

Князь Александръ Андреевичъ Черкасскій приходился дальнимъ родственникомъ извѣстному кабинетъ-министру императрицы Анны, князю А. М. Черкасскому. Въ эпоху своего ареста князь Александръ Андреевичъ имѣлъ званіе каммергера и занималъ должность губернатора въ Смоленскѣ, особенно важную въ то время, такъ какъ Смоленскъ былъ тогда пограничнымъ съ Польшею губернскимъ городомъ. Въ этой должности князь состоялъ еще въ 1731 году, какъ это видно изъ письма къ нему Бирона, которое недавно было напечатано *). Современники мало знали о причинѣ ареста князя, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго извѣстія въ донесеніи саксонскаго посланника графа де-Линара курфюрсту Августу, отъ 19-го января 1734 года, изъ Петербурга: „Генералъ

*) См. Русскій Архивъ 1867 г., ст. 469.

Ушаковъ вернулся нѣсколько дней тому назадъ. Мы узнали, что причиной его поѣздки былъ бунтъ въ Смоленскѣ и въ его окрестностяхъ, по подстрекательству недовольныхъ въ Польшѣ; онъ арестовалъ и казнилъ многихъ изъ безпокойныхъ головъ; говорятъ также, что порядочное число священниковъ и близкій родственникъ государственнаго министра, князя Черкасскаго, заарестованы и заключены въ здѣшней крѣпости" *). Неточность этихъ словъ видна изъ нижеслѣдующихъ документовъ. За вины свои Черкасскій подлежалъ смертной казни, но императрица, „по природному своему милосердію и обыкновенной высочайшей склонности къ показанію милости", какъ сказано въ манифестѣ 16-го ноября 1734 г., освободила князя отъ смертной казни и повелѣла лишить его всѣхъ чиновъ, а также движимаго и недвижимаго имущества, и послать въ Сибирь въ Жиганское зимовье на вѣчное житье. По приведенному въ „Исторіи Русскаго государства" Геррманна извѣстію саксонскаго дипломата видно, что вмѣстѣ съ тѣмъ женѣ и дѣтямъ Черкасскаго позволено было жить, гдѣ они захотятъ **). Кромѣ того, вышеуказаннымъ манифестомъ (который мы не нашли нужнымъ перепечатывать вполнѣ, по его общедоступности) повелѣно замѣшанныхъ въ дѣло Черкасскаго Семена Корсака съ женой, Ивана Аршеневскаго и Александра Пребышевскаго за недонесеніе послать въ ссылку въ Сибирь, а „невинно оклеветанные смоленское шляхетство за ихъ явившуюся невинность и вѣрность всемилостивѣйше отъ насъ пожалованы каждый изъ нихъ повышеніемъ чина". Черкасскій былъ привезенъ въ Тобольскъ въ 1735 году и оттуда препровожденъ въ дальнее Жиганское зимовье, при чемъ велѣно содержать его какъ въ дорогѣ, такъ и въ самомъ Жиганскѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. „На памяти жителей Жиганска", говоритъ г. И. Сельскій, собиравшій свѣдѣнія о замѣчательныхъ людяхъ, сосланныхъ въ Восточную Сибирь въ прошломъ столѣтіи, „осталось, что князь Черкасскій, во все время своего заточенія въ этомъ зимовьи, находился подъ стражею; онъ былъ заключенъ въ отдѣльномъ отъ селенія домѣ; днемъ его выпускали на воздухъ, но за присмотромъ двухъ солдатъ; въ воскресенье и праздничные дни онъ ходилъ въ церковь также подъ присмотромъ стражи. Наистрожайше предписано было не подпускать къ нему людей. Конечно, не понимая этой строгости, одинъ изъ жителей Жи-

*) Сборникъ Русскаго историческаго общества, т. V, стр. 479.

**) См. Русскій Архивъ 1866 г., ст. 670.

Ушаковъ вернулся нѣсколько дней тому назадъ. Мы узнали, что причиной его поѣздки былъ бунтъ въ Смоленскѣ и въ его окрестностяхъ, по подстрекательству недовольныхъ въ Польшѣ; онъ арестовалъ и казнилъ многихъ изъ безпокойныхъ головъ; говорятъ также, что порядочное число священниковъ и близкій родственникъ государственнаго министра, князя Черкасскаго, заарестованы и заключены въ здѣшней крѣпости" *). Неточность этихъ словъ видна изъ нижеслѣдующихъ документовъ. За вины свои Черкасскій подлежалъ смертной казни, но императрица, „по природному своему милосердію и обыкновенной высочайшей склонности къ показанію милости", какъ сказано въ манифестѣ 16-го ноября 1734 г., освободила князя отъ смертной казни и повелѣла лишить его всѣхъ чиновъ, а также движимаго и недвижимаго имущества, и послать въ Сибирь въ Жиганское зимовье на вѣчное житье. По приведенному въ „Исторіи Русскаго государства" Геррманна извѣстію саксонскаго дипломата видно, что вмѣстѣ съ тѣмъ женѣ и дѣтямъ Черкасскаго позволено было жить, гдѣ они захотятъ **). Кромѣ того, вышеуказаннымъ манифестомъ (который мы не нашли нужнымъ перепечатывать вполнѣ, по его общедоступности) повелѣно замѣшанныхъ въ дѣло Черкасскаго Семена Корсака съ женой, Ивана Аршеневскаго и Александра Пребышевскаго за недонесеніе послать въ ссылку въ Сибирь, а „невинно оклеветанные смоленское шляхетство за ихъ явившуюся невинность и вѣрность всемилостивѣйше отъ насъ пожалованы каждый изъ нихъ повышеніемъ чина". Черкасскій былъ привезенъ въ Тобольскъ въ 1735 году и оттуда препровожденъ въ дальнее Жиганское зимовье, при чемъ велѣно содержать его какъ въ дорогѣ, такъ и въ самомъ Жиганскѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. „На памяти жителей Жиганска", говоритъ г. И. Сельскій, собиравшій свѣдѣнія о замѣчательныхъ людяхъ, сосланныхъ въ Восточную Сибирь въ прошломъ столѣтіи, „осталось, что князь Черкасскій, во все время своего заточенія въ этомъ зимовьи, находился подъ стражею; онъ былъ заключенъ въ отдѣльномъ отъ селенія домѣ; днемъ его выпускали на воздухъ, но за присмотромъ двухъ солдатъ; въ воскресенье и праздничные дни онъ ходилъ въ церковь также подъ присмотромъ стражи. Наистрожайше предписано было не подпускать къ нему людей. Конечно, не понимая этой строгости, одинъ изъ жителей Жи-

*) Сборникъ Русскаго историческаго общества, т. V, стр. 479.

**) См. Русскій Архивъ 1866 г., ст. 670.

ганска передалъ князю псалтырь; объ этомъ было донесено въ Якутскъ; завязалось дѣло, и обвиненнаго высѣкли кнутомъ и велѣли переслать въ дальнее зимовье“ *).

Черкасскій пробылъ въ ссылкѣ слишкомъ пять лѣтъ. Онъ былъ освобожденъ изъ нея, съ возвращеніемъ ему званія каммергера, при вступленіи на престолъ Іоанна III, во время регентства Бирона, въ октябрѣ 1740 года. При императрицѣ Елизаветѣ князь былъ произведенъ въ генералъ-поручики и пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго **).

Есть извѣстія и о ссылкѣ Семена Корсака и его жены: въ статьѣ г. Сельскаго сказано, что мѣстомъ ссылки для нихъ была назначена Гижига; но какъ видно изъ указанной выше статьи г. Пекарскаго, академикъ Делиль и его спутники въ 1740 году видѣли Корсака и его красивую жену въ Верхотурьи. О дальнѣйшей судьбѣ этихъ лицъ, а равно Аршеневскаго и Пребышевскаго, ничего не извѣстно.

Замѣчательно, въ дѣлѣ Черкасскаго, выказанное имъ сочувствіе къ аристократическому устройству Рѣчи Посполитой. Такого рода сочувствіе было довольно замѣтно въ средѣ русскихъ вельможъ, въ особенности въ первой половинѣ XVIII вѣка. Подобно князю Черкасскому, и современникъ его А. П. Волынскій говорилъ одному изъ своихъ довѣренныхъ людей: „Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ: ни на что не смотрятъ, и имъ все даромъ. Нѣтъ, польскому шляхтичу не смѣетъ ни самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся!“ ***). Подобными сочувствіями всего болѣе объясняется попытка Долгорукихъ въ 1730 году, о неуспѣхѣ которой жалѣлъ и князь А. А. Черкасскій.

I.

Первое доношеніе Ѳедора Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская!

Прославленная въ свѣтѣ Вашего Императорскаго Величества вы-

---

*) См. статью г. *Сельскаго*, въ Русскомъ Словѣ 1862 года, № , стр. 13—14.

**) См. Россійскую родословную книгу, князя П. Долгорукова, т. II, стр. 39.

***) См. «Записку объ Артеміи Волынскомъ» въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ 1858 г., кн. II, смѣсь, стр. 160.

ганска передалъ князю псалтырь; объ этомъ было донесено въ Якутскъ; завязалось дѣло, и обвиненнаго высѣкли кнутомъ и велѣли переслать въ дальнее зимовье“ *).

Черкасскій пробылъ въ ссылкѣ слишкомъ пять лѣтъ. Онъ былъ освобожденъ изъ нея, съ возвращеніемъ ему званія каммергера, при вступленіи на престолъ Іоанна III, во время регентства Бирона, въ октябрѣ 1740 года. При императрицѣ Елизаветѣ князь былъ произведенъ въ генералъ-поручики и пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго **).

Есть извѣстія и о ссылкѣ Семена Корсака и его жены: въ статьѣ г. Сельскаго сказано, что мѣстомъ ссылки для нихъ была назначена Гижига; но какъ видно изъ указанной выше статьи г. Пекарскаго, академикъ Делиль и его спутники въ 1740 году видѣли Корсака и его красивую жену въ Верхотурьи. О дальнѣйшей судьбѣ этихъ лицъ, а равно Аршеневскаго и Пребышевскаго, ничего не извѣстно.

Замѣчательно, въ дѣлѣ Черкасскаго, выказанное имъ сочувствіе къ аристократическому устройству Рѣчи Посполитой. Такого рода сочувствіе было довольно замѣтно въ средѣ русскихъ вельможъ, въ особенности въ первой половинѣ XVIII вѣка. Подобно князю Черкасскому, и современникъ его А. П. Волынскій говорилъ одному изъ своихъ довѣренныхъ людей: „Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ: ни на что не смотрятъ, и имъ все даромъ. Нѣтъ, польскому шляхтичу не смѣетъ ни самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся!“ ***). Подобными сочувствіями всего болѣе объясняется попытка Долгорукихъ въ 1730 году, о неуспѣхѣ которой жалѣлъ и князь А. А. Черкасскій.

I.

Первое доношеніе Ѳедора Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская!

Прославленная въ свѣтѣ Вашего Императорскаго Величества вы-

---

*) См. статью г. *Сельскаго*, въ Русскомъ Словѣ 1862 года, № , стр. 13—14.

**) См. Россійскую родословную книгу, князя П. Долгорукова, т. II, стр. 39.

***) См. «Записку объ Артеміи Волынскомъ» въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ 1858 г., кн. II, смѣсь, стр. 160.

сочайше щедрая милость къ своимъ вѣрноподданнымъ и неусыпное материнское попеченіе о благополучіи Россійской имперіи, яко же и всенижайшая раболѣпная моя должность, побуждаетъ меня по причинѣ вѣрнаго подданства, надъ предъ монаршимъ Вашего Императорскаго Величества престоломъ, всенижайше донесть слѣдующее.

Служилъ я, всенижайшій Вашего Императорскаго Величества рабъ, при дворѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Высочества государыни царевны и герцогини Мекленбургъ-Шверинскія Екатерины Іоанновны каморъ-пажемъ и въ прошломъ 1732 году, по всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Высочества соизволенію, отъ двора уволенъ былъ вовсе, и данъ мнѣ пачпортъ свободный, который получа, поѣхалъ я въ Смоленскъ къ отцу моему, и пріѣхавъ туда, о учинившемся моемъ отъ двора Ея Высочества ему отцу моему не сказалъ, не хотя его при старости лѣтъ опечалить, но объявилъ, что будто только для свиданія съ нимъ на время пріѣхалъ, а по силѣ Вашего Императорскаго Величества указовъ тотъ данный мнѣ увольнительный пачпортъ тамошнему губернатору князю Черкаєскому объявить долженъ былъ, при чемъ просилъ его, чтобъ о томъ онъ отцу моему не объявлялъ, представляя причиною вышеписанное жъ.

Потомъ, нѣсколько дней минувши, случилось мнѣ съ нимъ губернаторомъ быть въ гостяхъ у полковника Якова Швайковскаго въ деревнѣ Лавровѣ, гдѣ онъ губернаторъ, отведчи меня въ садъ, говорилъ мнѣ наединѣ, якобы въ разсужденіе, чтобъ я не токмо бъ печалился, но и не думалъ о семъ, вмѣняя это мнѣ ни за малое несчастіе, но будто бы сдѣлалось сіе еще къ лучшему моему происхожденію, и при томъ мнѣ обѣщалъ ко всему доброму слѣдъ сыскать, сказывая, что нынѣ у насъ въ Россіи честнымъ людямъ никакъ жить не возможно; паче жъ кои получше другихъ разумѣютъ, тѣ будто весьма въ краткомъ времени пропадаютъ; да и про себя онъ князь Черкасской объявилъ, что онъ якобы по такой же причинѣ въ Смоленскъ губернаторомъ опредѣленъ, что Ваше Императорское Величество къ нему высочайшую свою милость съ отмѣною отъ другихъ оказывать изволила, которое г-ну оберъ-каммергеру графу Бирону не очень пріятно видѣть было, того ради будто онъ губернаторъ отъ двора и отлученъ, а особливо за тѣмъ, дабы кто гораздо больше другихъ смыслитъ, при дворѣ не было, а простыхъ, что ничего не знаютъ, держатъ. И разсуждая о семъ, напослѣдокъ говорилъ, что мнѣ по такимъ нынѣшнимъ въ Россіи происходящимъ конъюктурамъ, счастія ни малаго сыскать никоимъ образомъ не возможно, и просилъ меня, дабы я для пространныхъ съ нимъ дискурсовъ пріѣхалъ въ городъ; и съ тѣмъ оттуды разъѣхались.

Послѣ же сего года я пріѣхалъ по его прошенію къ нему губернатору, то онъ сперва мнѣ объявилъ, ежели я ему во всемъ послушенъ буду (а именно бъ въ чемъ—того еще не открылъ) то онъ всякое добродѣяніе чинить мнѣ готовъ, чего ради во увѣреніе привелъ меня къ присягѣ; и какъ скоро я въ томъ присягу

сочайше щедрая милость къ своимъ вѣрноподданнымъ и неусыпное материнское попеченіе о благополучіи Россійской имперіи, яко же и всенижайшая раболѣпная моя должность, побуждаетъ меня по причинѣ вѣрнаго подданства, надъ предъ монаршимъ Вашего Императорскаго Величества престоломъ, всенижайше донесть слѣдующее.

Служилъ я, всенижайшій Вашего Императорскаго Величества рабъ, при дворѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Высочества государыни царевны и герцогини Меклембургъ-Шверинскія Екатерины Іоанновны каморъ-пажемъ и въ прошломъ 1732 году, по всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Высочества соизволенію, отъ двора уволенъ былъ вовсе, и данъ мнѣ пачпортъ свободный, который получа, поѣхалъ я въ Смоленскъ къ отцу моему, и пріѣхавъ туда, о учинившемся моемъ отъ двора Ея Высочества ему отцу моему не сказалъ, не хотя его при старости лѣтъ опечалить, но объявилъ, что будто только для свиданія съ нимъ на время пріѣхалъ, а по силѣ Вашего Императорскаго Величества указовъ тотъ данный мнѣ увольнительный пачпортъ тамошнему губернатору князю Черкаєскому объявить долженъ былъ, при чемъ просилъ его, чтобъ о томъ онъ отцу моему не объявлялъ, представляя причиною вышеписанное жъ.

Потомъ, нѣсколько дней минувши, случилось мнѣ съ нимъ губернаторомъ быть въ гостяхъ у полковника Якова Швайковскаго въ деревнѣ Лавровѣ, гдѣ онъ губернаторъ, отведчи меня въ садъ, говорилъ мнѣ наединѣ, якобы въ разсужденіе, чтобъ я не токмо бъ печалился, но и не думалъ о семъ, вмѣняя это мнѣ ни за малое несчастіе, но будто бы сдѣлалось сіе еще къ лучшему моему происхожденію, и при томъ мнѣ обѣщалъ ко всему доброму слѣдъ сыскать, сказывая, что нынѣ у насъ въ Россіи честнымъ людямъ никакъ жить не возможно; паче жъ кои получше другихъ разумѣютъ, тѣ будто весьма въ краткомъ времени пропадаютъ; да и про себя онъ князь Черкасской объявилъ, что онъ якобы по такой же причинѣ въ Смоленскъ губернаторомъ опредѣленъ, что Ваше Императорское Величество къ нему высочайшую свою милость съ отмѣною отъ другихъ оказывать изволила, которое г-ну оберъ-каммергеру графу Бирону не очень пріятно видѣть было, того ради будто онъ губернаторъ отъ двора и отлученъ, а особливо за тѣмъ, дабы кто гораздо больше другихъ смыслитъ, при дворѣ не было, а простыхъ, что ничего не знаютъ, держатъ. И разсуждая о семъ, напослѣдокъ говорилъ, что мнѣ по такимъ нынѣшнимъ въ Россіи происходящимъ конъюктурамъ, счастія ни малаго сыскать никоимъ образомъ не возможно, и просилъ меня, дабы я для пространныхъ съ нимъ дискурсовъ пріѣхалъ въ городъ; и съ тѣмъ оттуды разъѣхались.

Послѣ же сего года я пріѣхалъ по его прошенію къ нему губернатору, то онъ сперва мнѣ объявилъ, ежели я ему во всемъ послушенъ буду (а именно бъ въ чемъ—того еще не открылъ) то онъ всякое добродѣяніе чинить мнѣ готовъ, чего ради во увѣреніе привелъ меня къ присягѣ; и какъ скоро я въ томъ присягу

учинилъ, то онъ губернаторъ говорилъ мнѣ нижеписанное, а именно: Въ Голштиндіи имѣется одинъ принцъ, внукъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Перваго, который истинный наслѣдникъ Россійской имперіи, и отдалить его отъ сего никакъ не возможно, и всѣ за подлинно почитаютъ, что онъ того достоинъ; и будто уже онъ губернаторъ къ тому принцу многихъ Смольянъ привелъ въ сущую вѣрность, а именно, генерала Потемкина съ другими, которые, нынѣ завременно о ихъ склонности къ нему принцу донося, а онъ губернаторъ рекомендуя и засвидѣтельствуя ихъ въ томъ, къ Его Королевскому Высочеству герцогу Голштейнскому писать будутъ, и дабы я съ тѣми ихъ всѣми письмы для врученія въ Киль ѣхалъ, за которое будто я награжденіе получу немалое.

Сіе я услышавъ, просилъ его губернатора на нѣсколько дней дать мнѣ сроку чтобъ подумать, и говорилъ ему, дабы отцу моему про сіе бъ не сообщалъ; и тогда поѣхалъ я въ деревню мою, будучи въ намѣреніи, какимъ бы образомъ отъ того удалиться, ибо не противъ моего ума оная коммиссія поручаема была.

Но онъ губернаторъ, токмо малое время спустя, прислалъ ко мнѣ нарочнаго человѣка, чтобъ я къ нему, не мѣшкавъ, былъ; и когда я пріѣхалъ, то спрашивалъ меня, что намѣренъ ли я ѣхать, на что я, опасаяся его, дабы не сдѣлалъ какой шкоды отцу моему, сказалъ, что ѣду, чѣмъ онъ весьма доволенъ былъ; и наипаче прежняго сталъ онъ меня увѣщевать и ласкать, выхваляя Его Королевское Высочество, какой онъ милостивый государь, и въ какой чести содержатся придворные у него, и совѣтовалъ мнѣ сперва въ Петербургъ ѣхать и просить объ отпускѣ въ чужія государства подъ видомъ будто для обученія, и когда бъ меня оттуда отпустили, то мнѣ ѣхать бы прямо въ Киль съ оными письмы и тамъ жить при герцоговомъ дворѣ.

Я у него спросилъ, долго ли мнѣ тамъ жить, и говорилъ, что опасаюся сію коммиссію на меня снять, для того—иногда о семъ дѣлѣ, или токмо что я тамо живу, да донесется, то меня оттуда достанутъ, а паче жь чрезъ то приведу отца моего въ великое несчастіе.

На сіе мнѣ онъ губернаторъ въ отвѣтъ говорилъ, что Ваше Императорское Величество не долговѣчна и хотя бы паче чаянія высочайшая Вашего Императорскаго Величества жизнь (о чемъ вѣрноподданные Вашего Императорскаго Величества раби непрестанно Всевышняго Бога изъ глубины сердецъ молятъ) и продолжилася, то о семъ дѣлѣ никто донесть не можетъ, понеже де при нынѣшнемъ правленіи доносителемъ весьма малое награжденіе, и въ примѣръ сказывалъ про дѣйствительнаго тайнаго совѣтника г. князя Черкасскаго, что сколько онъ пожалованъ, да еще и не за такое де дѣло; а о семъ кто можетъ провѣдать и какъ донесетъ; а хотя и донеслося бы, то герцогъ не выдастъ по причинѣ сего дѣла; и разсуждая о всемъ ономъ, склонялъ всемѣрно меня къ тому, чтобъ всеконечно съ тѣми письмы ѣхать, обнадеживая

учинилъ, то онъ губернаторъ говорилъ мнѣ нижеписанное, а именно: Въ Голштиндіи имѣется одинъ принцъ, внукъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Перваго, который истинный наслѣдникъ Россійской имперіи, и отдалить его отъ сего никакъ не возможно, и всѣ за подлинно почитаютъ, что онъ того достоинъ; и будто уже онъ губернаторъ къ тому принцу многихъ Смольянъ привелъ въ сущую вѣрность, а именно, генерала Потемкина съ другими, которые, нынѣ завременно о ихъ склонности къ нему принцу донося, а онъ губернаторъ рекомендуя и засвидѣтельствуя ихъ въ томъ, къ Его Королевскому Высочеству герцогу Голштейнскому писать будутъ, и дабы я съ тѣми ихъ всѣми письмы для врученія въ Киль ѣхалъ, за которое будто я награжденіе получу немалое.

Сіе я услышавъ, просилъ его губернатора на нѣсколько дней дать мнѣ сроку чтобъ подумать, и говорилъ ему, дабы отцу моему про сіе бъ не сообщалъ; и тогда поѣхалъ я въ деревню мою, будучи въ намѣреніи, какимъ бы образомъ отъ того удалиться, ибо не противъ моего ума оная коммиссія поручаема была.

Но онъ губернаторъ, токмо малое время спустя, прислалъ ко мнѣ нарочнаго человѣка, чтобъ я къ нему, не мѣшкавъ, былъ; и когда я пріѣхалъ, то спрашивалъ меня, что намѣренъ ли я ѣхать, на что я, опасаяся его, дабы не сдѣлалъ какой шкоды отцу моему, сказалъ, что ѣду, чѣмъ онъ весьма доволенъ былъ; и наипаче прежняго сталъ онъ меня увѣщевать и ласкать, выхваляя Его Королевское Высочество, какой онъ милостивый государь, и въ какой чести содержатся придворные у него, и совѣтовалъ мнѣ сперва въ Петербургъ ѣхать и просить объ отпускѣ въ чужія государства подъ видомъ будто для обученія, и когда бъ меня оттуда отпустили, то мнѣ ѣхать бы прямо въ Киль съ оными письмы и тамъ жить при герцоговомъ дворѣ.

Я у него спросилъ, долго ли мнѣ тамъ жить, и говорилъ, что опасаюся сію коммиссію на меня снять, для того—иногда о семъ дѣлѣ, или токмо что я тамо живу, да донесется, то меня оттуда достанутъ, а паче жь чрезъ то приведу отца моего въ великое несчастіе.

На сіе мнѣ онъ губернаторъ въ отвѣтъ говорилъ, что Ваше Императорское Величество не долговѣчна и хотя бы паче чаянія высочайшая Вашего Императорскаго Величества жизнь (о чемъ вѣрноподданные Вашего Императорскаго Величества раби непрестанно Всевышняго Бога изъ глубины сердецъ молятъ) и продолжилася, то о семъ дѣлѣ никто донесть не можетъ, понеже де при нынѣшнемъ правленіи доносителемъ весьма малое награжденіе, и въ примѣръ сказывалъ про дѣйствительнаго тайнаго совѣтника г. князя Черкасскаго, что сколько онъ пожалованъ, да еще и не за такое де дѣло; а о семъ кто можетъ провѣдать и какъ донесетъ; а хотя и донеслося бы, то герцогъ не выдастъ по причинѣ сего дѣла; и разсуждая о всемъ ономъ, склонялъ всемѣрно меня къ тому, чтобъ всеконечно съ тѣми письмы ѣхать, обнадеживая

за то мнѣ во всемъ вспомогать и производить къ счастію, для чего и къ вышеупомянутому дѣйствительному тайному совѣтнику г. князю Черкасскому писать хотѣлъ, чтобъ онъ старался о скоромъ моемъ отпускѣ.

Послѣ того три дни спустя, отдалъ мнѣ онъ губернаторъ одно свое письмо, а другое генерала Потемкина къ Его Королевскому Высочеству герцогу Голштейнскому; потомъ отпустилъ меня въ деревню, чтобъ я скоряе собирался къ отъѣзду чрезъ Петербургъ.

И тако я, тѣ письмы получа, въ путь уже приготовлялся, будучи въ намѣреніи какой бы способъ сыскать пріѣхать въ С.-Петербургъ, чрезъ который бы можно было Вашему Императорскому Величеству о такомъ происходящемъ дѣлѣ донесть; а отцу моему объ ономъ намѣреніи моемъ и о дѣлѣ не объявилъ, но токмо сказалъ, что паки ко двору Ея Высочества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни царевны и герцогини Меклембургъ-Шверинскія отъѣзжаю, о которомъ дѣлѣ и по нынѣ отецъ мой не вѣдаетъ, какъ о семъ и своеручное его князя Черкасскаго нижеозначенное ко мнѣ письмо гласитъ.

Послѣ того малое время спустя, онъ губернаторъ знатно былъ въ сумнѣніи, чая, чтобъ я въ бытность мою въ Петербургѣ Вашему Императорскому Величеству о семъ не донесъ, и для того къ тому меня не допустилъ, но прислалъ ко мнѣ человѣка нарочно, чтобъ я у него губернатора не мѣшкавъ былъ.

И какъ я пріѣхалъ, то говорилъ мнѣ, что онъ иной наилучшій способъ къ проѣзду изобрѣлъ, понеже де, имѣя деньги, можно пробраться чрезъ Польшу, мнѣ же де сіе сдѣлать легче, нежели чрезъ Петербургъ, ибо пачпортъ онъ губернаторъ можетъ дать самъ; и для того велѣлъ мнѣ прійдти въ канцелярію и просить у него о томъ при вице-губернаторѣ князѣ Козловскомъ, представя имъ, яко бы я ради собственныя моея нужды въ Польшу ѣду, а по взятіи того пачпорта деньги мнѣ свои на проѣздъ и тратить, записавъ на которыя мѣста ѣхать, дать обѣщалъ.

Я нижайшій на сіе все ему губернатору отвѣтствовалъ, что такимъ образомъ не поѣду, для того, что отцу моему про сіе дѣло сказать не смѣю, а не сказавъ, ѣхать не можно, ибо не имѣю денегъ на тамошнее житье, а на что̀ иное просить причины тако жь нѣтъ; ежели же чрезъ Петербургъ, то готовъ, для того, что могу къ отцу моему писать, якобы я указомъ Вашего Императорскаго Величества въ чужія государства посланъ, и тогда уже слѣдъ имѣю отъ него отца моего о переводѣ денегъ просить; и на послѣдокъ на отказъ ему губернатору объявилъ, что ежели по прежнему его намѣренію о проѣздѣ чрезъ Петербургъ чиниться не будетъ, то я другою дорогою не поѣду; что̀ ему чувствительно быть стало, думая, не провожу ли я его въ семъ дѣлѣ.

Послѣ сего началъ меня жестоко поить и вывѣдывать, не проговорюсь ли я въ чемъ, но я льстя божился, что никакого вреда ему губернатору по сему дѣлу не учиню; однакожь можно было

за то мнѣ во всемъ вспомогать и производить къ счастію, для чего и къ вышеупомянутому дѣйствительному тайному совѣтнику г. князю Черкасскому писать хотѣлъ, чтобъ онъ старался о скоромъ моемъ отпускѣ.

Послѣ того три дни спустя, отдалъ мнѣ онъ губернаторъ одно свое письмо, а другое генерала Потемкина къ Его Королевскому Высочеству герцогу Голштейнскому; потомъ отпустилъ меня въ деревню, чтобъ я скоряе собирался къ отъѣзду чрезъ Петербургъ.

И тако я, тѣ письмы получа, въ путь уже приготовлялся, будучи въ намѣреніи какой бы способъ сыскать пріѣхать въ С.-Петербургъ, чрезъ который бы можно было Вашему Императорскому Величеству о такомъ происходящемъ дѣлѣ донесть; а отцу моему объ ономъ намѣреніи моемъ и о дѣлѣ не объявилъ, но токмо сказалъ, что паки ко двору Ея Высочества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни царевны и герцогини Меклембургъ-Шверинскія отъѣзжаю, о которомъ дѣлѣ и по нынѣ отецъ мой не вѣдаетъ, какъ о семъ и своеручное его князя Черкасскаго нижеозначенное ко мнѣ письмо гласитъ.

Послѣ того малое время спустя, онъ губернаторъ знатно былъ въ сумнѣніи, чая, чтобъ я въ бытность мою въ Петербургѣ Вашему Императорскому Величеству о семъ не донесъ, и для того къ тому меня не допустилъ, но прислалъ ко мнѣ человѣка нарочно, чтобъ я у него губернатора не мѣшкавъ былъ.

И какъ я пріѣхалъ, то говорилъ мнѣ, что онъ иной наилучшій способъ къ проѣзду изобрѣлъ, понеже де, имѣя деньги, можно пробраться чрезъ Польшу, мнѣ же де сіе сдѣлать легче, нежели чрезъ Петербургъ, ибо пачпортъ онъ губернаторъ можетъ дать самъ; и для того велѣлъ мнѣ прійдти въ канцелярію и просить у него о томъ при вице-губернаторѣ князѣ Козловскомъ, представя имъ, яко бы я ради собственныя моея нужды въ Польшу ѣду, а по взятіи того пачпорта деньги мнѣ свои на проѣздъ и тратить, записавъ на которыя мѣста ѣхать, дать обѣщалъ.

Я нижайшій на сіе все ему губернатору отвѣтствовалъ, что такимъ образомъ не поѣду, для того, что отцу моему про сіе дѣло сказать не смѣю, а не сказавъ, ѣхать не можно, ибо не имѣю денегъ на тамошнее житье, а на что̀ иное просить причины тако жь нѣтъ; ежели же чрезъ Петербургъ, то готовъ, для того, что могу къ отцу моему писать, якобы я указомъ Вашего Императорскаго Величества въ чужія государства посланъ, и тогда уже слѣдъ имѣю отъ него отца моего о переводѣ денегъ просить; и на послѣдокъ на отказъ ему губернатору объявилъ, что ежели по прежнему его намѣренію о проѣздѣ чрезъ Петербургъ чиниться не будетъ, то я другою дорогою не поѣду; что̀ ему чувствительно быть стало, думая, не провожу ли я его въ семъ дѣлѣ.

Послѣ сего началъ меня жестоко поить и вывѣдывать, не проговорюсь ли я въ чемъ, но я льстя божился, что никакого вреда ему губернатору по сему дѣлу не учиню; однакожь можно было

видѣть, что тому не очень вѣрилъ; и пошелъ отъ меня въ другую камору, позванъ къ себѣ секретаря Пребышевскаго, и тамо между собою говорили не мало, а про то ли дѣло, или нѣтъ, того знать нельзя было.

Между тѣмъ, пока они тамъ были, пришелъ смоленскій шляхтичь Семенъ Ивановъ сынъ Корсакъ (который ему губернатору другъ былъ искренній) и спрашивалъ меня, для чего ко мнѣ губернаторъ сталъ быть милостивъ. Я ему отвѣтствовалъ, что по старому знакомству; но онъ разсмѣявся на сіе мнѣ говорилъ, чего ради я отъ него таюся: „Мы де всѣ про это дѣло знаемъ, только де ты оберегайся, чтобъ губернаторъ тебя не погубилъ“.

Сіе же я услышавъ, пошелъ къ нему губернатору спросить, всѣ ли о происходящемъ дѣлѣ знаютъ. На то онъ губернаторъ мнѣ отвѣтствовалъ, что нѣкоторые только вѣдаютъ, только бъ я не опасался, ибо онъ знаетъ, съ кѣмъ говоритъ. Потомъ спросилъ я, что онъ не съ лукавностію ли какою въ семъ дѣлѣ откровеніе мнѣ учинилъ, и не хочетъ ли изъ того мнѣ бѣды сдѣлать? Тогда онъ отвѣтствовалъ, божася, что онъ причину имѣетъ за герцогову къ нему милость въ томъ меня увѣщевать, а не проводить и ниже зла какого дѣлать. И ежели бъ ему можно было, то не токмо бы меня одного, но и все Россійское государство къ тому своему согласію склонять готовъ.

Послѣ того говорилъ мнѣ: „Когда бъ де сіе да сдѣлалось, что принцъ наслѣдникомъ засталъ, счастлива бъ де тѣмъ была Россія.“ На сіе я ему сказалъ, что развѣ де не вѣрное еще надѣяніе въ томъ имѣетъ. На то мнѣ онъ въ отвѣтъ говорилъ, что не сумнѣваясь уповаетъ, для того хотя бъ Россія онаго своевольно имѣть не похотѣла, то отецъ его принцевъ, Его Королевское Высочество герцогъ Голштинскій — наслѣдникъ Швеціи, и чаетъ, что онъ скоро королемъ тамо будетъ; тогда де и насильно быть можетъ; къ тому жь, ежели въ Польшѣ король съ нимъ будетъ въ согласіи, то уже всеконечно его никако миновать не можно. Въ тѣхъ разговорахъ сталъ поить меня и самъ пилъ безмѣрно.

По семъ вышелъ я въ другую камору отъ него, но онъ тотъ же часъ за мною пришелъ и говорилъ: для чего я будто былъ печаленъ? На которое я ничего ему не отвѣтствовалъ, что онъ можетъ принялъ себѣ за противно и съ сердца мнѣ говорилъ, яко бы онъ разумѣть можетъ, что съ нимъ я дѣлать хочу: „Только де надо мною ничего учинить не можешь, но прежде я де тебя ссажу“. И съ тѣмъ окончаніемъ пошелъ отъ меня къ шляхтѣ, кои у него въ гостяхъ были въ день имянинъ жены его губернатора, и началъ съ ними пребезмѣрно напиваться.

Потомъ вышелъ ко мнѣ со всею компаніею и налилъ превеликій пакалъ (изъ котораго ежели бы выпить, то бъ по моимъ лѣтамъ умереть можно было) и велѣлъ мнѣ пить за здоровье того, кого онъ да я знаю, на что я ему сказалъ, что обиняковъ никакихъ не знаю и пить не хочу. Съ чего онъ, пуще осердясь, бранилъ меня всяческими ругательными словами и грозилъ стараться чрезъ какіе бъ

видѣть, что тому не очень вѣрилъ; и пошелъ отъ меня въ другую камору, позванъ къ себѣ секретаря Пребышевскаго, и тамо между собою говорили не мало, а про то ли дѣло, или нѣтъ, того знать нельзя было.

Между тѣмъ, пока они тамъ были, пришелъ смоленскій шляхтичь Семенъ Ивановъ сынъ Корсакъ (который ему губернатору другъ былъ искренній) и спрашивалъ меня, для чего ко мнѣ губернаторъ сталъ быть милостивъ. Я ему отвѣтствовалъ, что по старому знакомству; но онъ разсмѣявся на сіе мнѣ говорилъ, чего ради я отъ него таюся: „Мы де всѣ про это дѣло знаемъ, только де ты оберегайся, чтобъ губернаторъ тебя не погубилъ“.

Сіе же я услышавъ, пошелъ къ нему губернатору спросить, всѣ ли о происходящемъ дѣлѣ знаютъ. На то онъ губернаторъ мнѣ отвѣтствовалъ, что нѣкоторые только вѣдаютъ, только бъ я не опасался, ибо онъ знаетъ, съ кѣмъ говоритъ. Потомъ спросилъ я, что онъ не съ лукавностію ли какою въ семъ дѣлѣ откровеніе мнѣ учинилъ, и не хочетъ ли изъ того мнѣ бѣды сдѣлать? Тогда онъ отвѣтствовалъ, божася, что онъ причину имѣетъ за герцогову къ нему милость въ томъ меня увѣщевать, а не проводить и ниже зла какого дѣлать. И ежели бъ ему можно было, то не токмо бы меня одного, но и все Россійское государство къ тому своему согласію склонять готовъ.

Послѣ того говорилъ мнѣ: „Когда бъ де сіе да сдѣлалось, что принцъ наслѣдникомъ засталъ, счастлива бъ де тѣмъ была Россія.“ На сіе я ему сказалъ, что развѣ де не вѣрное еще надѣяніе въ томъ имѣетъ. На то мнѣ онъ въ отвѣтъ говорилъ, что не сумнѣваясь уповаетъ, для того хотя бъ Россія онаго своевольно имѣть не похотѣла, то отецъ его принцевъ, Его Королевское Высочество герцогъ Голштинскій — наслѣдникъ Швеціи, и чаетъ, что онъ скоро королемъ тамо будетъ; тогда де и насильно быть можетъ; къ тому жь, ежели въ Польшѣ король съ нимъ будетъ въ согласіи, то уже всеконечно его никако миновать не можно. Въ тѣхъ разговорахъ сталъ поить меня и самъ пилъ безмѣрно.

По семъ вышелъ я въ другую камору отъ него, но онъ тотъ же часъ за мною пришелъ и говорилъ: для чего я будто былъ печаленъ? На которое я ничего ему не отвѣтствовалъ, что онъ можетъ принялъ себѣ за противно и съ сердца мнѣ говорилъ, яко бы онъ разумѣть можетъ, что съ нимъ я дѣлать хочу: „Только де надо мною ничего учинить не можешь, но прежде я де тебя ссажу“. И съ тѣмъ окончаніемъ пошелъ отъ меня къ шляхтѣ, кои у него въ гостяхъ были въ день имянинъ жены его губернатора, и началъ съ ними пребезмѣрно напиваться.

Потомъ вышелъ ко мнѣ со всею компаніею и налилъ превеликій пакалъ (изъ котораго ежели бы выпить, то бъ по моимъ лѣтамъ умереть можно было) и велѣлъ мнѣ пить за здоровье того, кого онъ да я знаю, на что я ему сказалъ, что обиняковъ никакихъ не знаю и пить не хочу. Съ чего онъ, пуще осердясь, бранилъ меня всяческими ругательными словами и грозилъ стараться чрезъ какіе бъ

ни есть способы меня погубить; но я ему только говорилъ, чтобъ меня не бранилъ, и пошелъ въ домъ мой.

Послѣ на другой день, не хотя ему подать виду, что я намѣреніе имѣлъ донести Вашему Императорскому Величеству, пришелъ просить у него прощенія, признавая меня предъ нимъ будто за виновнаго, и тогда помирились; однакожь изъ его поступковъ можно было признать, что на меня сердитъ былъ, то я, утоляя вспыльчивость его, а особливо, дабы не сдѣлалъ изъ того злобства какой обиды отцу моему, объявилъ ему губернатору, что ѣду въ деревню мою, откуды надѣюсь на тѣхъ же дняхъ выѣхать въ путь мой чрезъ Польшу, чѣмъ онъ паки доволенъ сталъ и, позвавъ своего секретаря Пребышевскаго, спрашивалъ у него: на которыя мѣста пробираться, и много ли денегъ потребно на проѣздъ? На что Пребышевской сказалъ, что денегъ на сіе довольно трехъ-сотъ рублевъ, а на которыя мѣста ѣхать—дастъ записку, которую, тако жь и пачпортъ, обѣщалъ онъ губернаторъ отдать мнѣ послѣ; и по семъ Пребышевской вышелъ вонъ, а губернаторъ еще говорилъ мнѣ о письмѣ вышеозначенномъ, кое я имѣлъ отъ него къ герцогу, чтобъ пока не отъѣду, отдалъ ему, которое вмѣстѣ съ пачпортомъ отдать обнадеживалъ; чего я не учинилъ, но пристойно отговорился, якобы со мною онаго не было, ибо въ деревнѣ осталось; послѣ жь при розстаніи съ нимъ говорилъ онъ мнѣ, что ему не имовѣрно, будто бы я по прошествіи одной недѣли могъ выѣхать, но я его сколько можно тѣмъ увѣщевалъ.

Послѣ же сего по исходѣ малаго времени прислалъ онъ губернаторъ ко мнѣ въ деревню вышеозначеннаго смоленскаго шляхтича Семена Корсака жену сказать мнѣ, будто съ дружбы ея ко мнѣ собою, что онъ губернаторъ на меня сердитъ, для того, что я его обманываю, и думаетъ де про меня нижайшаго, якобы я изъ Петербурга присланъ нарочно о его къ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшей вѣрности вывѣдывать, за что причину имѣя, хотѣлъ на меня какое бъ нибудь злое намѣреніе проискать и по тому бъ сослать меня сковавъ въ Петербургъ. На что я ей отвѣтствовалъ: „Губернаторъ сердится на меня напрасно, ибо будто я въ мысль мою того, что онъ думаетъ, не приходило. Что же я не скоро ѣду, оное длится отъ разныхъ моихъ нуждъ, кои уже почти исправилъ, и надѣюсь позавтрѣе къ нему губернатору для прощенія и взятья пачпорта быть“.

И тако, всемилостивѣйшая государыня, сіе сообразя, къ прежнему моему намѣренію, чтобъ ѣхать въ Петербургъ (гдѣ Вашему Императорскому Величеству желалъ, сыскавъ случаи, всеподданнѣйше донесть), по моему чаянію, весьма сумнителенъ быть сталъ и препятствовалъ, ибо онъ губернаторъ имѣетъ тамо за себя нарочитаго заступника, вышеписаннаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника г. князя Черкасскаго и надѣялся я, что онъ губернаторъ о томъ, дабы меня не допустить до Вашего Императорскаго Величества высочайшаго лица, къ нему писалъ; еще жь думалъ, что и чрезъ другой способъ онъ бы губернаторъ себя избавить, а меня

ни есть способы меня погубить; но я ему только говорилъ, чтобъ меня не бранилъ, и пошелъ въ домъ мой.

Послѣ на другой день, не хотя ему подать виду, что я намѣреніе имѣлъ донести Вашему Императорскому Величеству, пришелъ просить у него прощенія, признавая меня предъ нимъ будто за виновнаго, и тогда помирились; однакожь изъ его поступковъ можно было признать, что на меня сердитъ былъ, то я, утоляя вспыльчивость его, а особливо, дабы не сдѣлалъ изъ того злобства какой обиды отцу моему, объявилъ ему губернатору, что ѣду въ деревню мою, откуды надѣюсь на тѣхъ же дняхъ выѣхать въ путь мой чрезъ Польшу, чѣмъ онъ паки доволенъ сталъ и, позвавъ своего секретаря Пребышевскаго, спрашивалъ у него: на которыя мѣста пробираться, и много ли денегъ потребно на проѣздъ? На что Пребышевской сказалъ, что денегъ на сіе довольно трехъ-сотъ рублевъ, а на которыя мѣста ѣхать—дастъ записку, которую, тако жь и пачпортъ, обѣщалъ онъ губернаторъ отдать мнѣ послѣ; и по семъ Пребышевской вышелъ вонъ, а губернаторъ еще говорилъ мнѣ о письмѣ вышеозначенномъ, кое я имѣлъ отъ него къ герцогу, чтобъ пока не отъѣду, отдалъ ему, которое вмѣстѣ съ пачпортомъ отдать обнадеживалъ; чего я не учинилъ, но пристойно отговорился, якобы со мною онаго не было, ибо въ деревнѣ осталось; послѣ жь при розстаніи съ нимъ говорилъ онъ мнѣ, что ему не имовѣрно, будто бы я по прошествіи одной недѣли могъ выѣхать, но я его сколько можно тѣмъ увѣщевалъ.

Послѣ же сего по исходѣ малаго времени прислалъ онъ губернаторъ ко мнѣ въ деревню вышеозначеннаго смоленскаго шляхтича Семена Корсака жену сказать мнѣ, будто съ дружбы ея ко мнѣ собою, что онъ губернаторъ на меня сердитъ, для того, что я его обманываю, и думаетъ де про меня нижайшаго, якобы я изъ Петербурга присланъ нарочно о его къ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшей вѣрности вывѣдывать, за что причину имѣя, хотѣлъ на меня какое бъ нибудь злое намѣреніе проискать и по тому бъ сослать меня сковавъ въ Петербургъ. На что я ей отвѣтствовалъ: „Губернаторъ сердится на меня напрасно, ибо будто я въ мысль мою того, что онъ думаетъ, не приходило. Что же я не скоро ѣду, оное длится отъ разныхъ моихъ нуждъ, кои уже почти исправилъ, и надѣюсь позавтрѣе къ нему губернатору для прощенія и взятья пачпорта быть“.

И тако, всемилостивѣйшая государыня, сіе сообразя, къ прежнему моему намѣренію, чтобъ ѣхать въ Петербургъ (гдѣ Вашему Императорскому Величеству желалъ, сыскавъ случаи, всеподданнѣйше донесть), по моему чаянію, весьма сумнителенъ быть сталъ и препятствовалъ, ибо онъ губернаторъ имѣетъ тамо за себя нарочитаго заступника, вышеписаннаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника г. князя Черкасскаго и надѣялся я, что онъ губернаторъ о томъ, дабы меня не допустить до Вашего Императорскаго Величества высочайшаго лица, къ нему писалъ; еще жь думалъ, что и чрезъ другой способъ онъ бы губернаторъ себя избавить, а меня

вѣчно погубить могъ, еже равно какъ и вышеупоминаемое сдѣлалося бъ легко, а именно: когда бъ онъ увѣдалъ, что я въ Петербургъ изъ Москвы поѣхалъ, то бъ онъ, подкупя подлость, велѣлъ меня на дорогѣ убить до смерти или токмо письмы однѣ отнять, (которыя ему, какъ выше упомянуто, по отданіи уже мнѣ весьма у себя имѣть хотѣлось); и тогда бъ сіе дѣло они губернаторъ съ другими въ пожеланное имъ дѣйство произвесть могли, а Вашему Императорскому Величеству донесено не было, я же бы, съ бѣдною моею всею фамиліею, въ великое бъ несчастіе пришелъ. Того ради, уповая на помощь Всевышняго Создателя всея твари, тако жь на высочайшую Императорскаго Величества щедрую материнскую милость къ Россійскому народу, принялъ отвагу, не простясь съ нимъ губернаторомъ и никому не сказавъ, безъ пачпорта проѣхать за польскую границу тайно и оттуды пробираться не въ Киль, но въ Нѣмецкіе краи для сыску Вашего Императорскаго Величества какого бъ министра, въ которомъ бы мѣстѣ ни былъ, и ему имѣющія у меня данныя отъ него губернатора и отъ генерала Потемкина письмы выдать и при томъ донесть и о всемъ вышеписанномъ происхожденіи.

И когда я съ моими людьми ночнымъ временемъ за рубежъ проѣхалъ, то одного человѣка послалъ возвратно въ Смоленскъ для виду съ письмомъ къ нему губернатору, что я, будто по его приказу исполняя, въ путь мой поѣхалъ; а самъ остался, не ѣздя въ даль, ожидать на оное отвѣта, который чрезъ того жь человѣка и получилъ съ благодареніемъ за сіе, и притомъ приложены были письма разныя, а именно: одно отъ него губернатора къ герцогу, да инструкція мнѣ, что̀ герцогу въ разговорахъ представлять, отъ генерала Потемкина письмо ко мнѣ, да къ Станиславу Лещинскому, съ коимъ мнѣ какъ поступать велѣно было Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите изъ упомянутой инструкціи и изъ тѣхъ писемъ, чего ради всѣ оны при семъ всеподданнѣйше прилагаю.

Когда жь тѣ письмы получилъ, то по содержанію инструкціи усмотрѣлъ я, что посланное со мною письмо отъ губернатора къ герцогу только было рекомендательное обо мнѣ; того ради дерзнулъ сперва тотъ кувертъ, тако жь письмо Потемкина (которое еще, какъ выше упомянуто, въ Смоленску мнѣ отдано было) и потомъ и всѣ для моего извѣстія распечатать; и понеже въ первыхъ двухъ посланныхъ со мною ничего о согласіи ихъ не упоминалось, но токмо прошено о неоставленіи меня, и для того разсудилъ я лучше ѣхать въ Киль и тамо оныя вручить, понеже, всемилостивѣйшая государыня, ежели бъ мнѣ прямо ѣхать къ россійскому министру, то бъ они о томъ, можетъ быть, провѣдали или и по сему признать могли, что отъ герцога на оныя не имѣли бъ отвѣту, чего ради, будучи въ сумнѣніи, не искали бъ вмѣсто сего какихъ другихъ дорогъ.

Но Всевышній Богъ, наказуя меня, до того по мнѣнію моему исполненія вскорѣ не допустилъ, ибо въ одномъ мѣстечкѣ въ Польшѣ приключилася мнѣ жестокая болѣзнь, отъ которой не малое время

вѣчно погубить могъ, еже равно какъ и вышеупоминаемое сдѣлалося бъ легко, а именно: когда бъ онъ увѣдалъ, что я въ Петербургъ изъ Москвы поѣхалъ, то бъ онъ, подкупя подлость, велѣлъ меня на дорогѣ убить до смерти или токмо письмы однѣ отнять, (которыя ему, какъ выше упомянуто, по отданіи уже мнѣ весьма у себя имѣть хотѣлось); и тогда бъ сіе дѣло они губернаторъ съ другими въ пожеланное имъ дѣйство произвесть могли, а Вашему Императорскому Величеству донесено не было, я же бы, съ бѣдною моею всею фамиліею, въ великое бъ несчастіе пришелъ. Того ради, уповая на помощь Всевышняго Создателя всея твари, тако жь на высочайшую Императорскаго Величества щедрую материнскую милость къ Россійскому народу, принялъ отвагу, не простясь съ нимъ губернаторомъ и никому не сказавъ, безъ пачпорта проѣхать за польскую границу тайно и оттуды пробираться не въ Киль, но въ Нѣмецкіе краи для сыску Вашего Императорскаго Величества какого бъ министра, въ которомъ бы мѣстѣ ни былъ, и ему имѣющія у меня данныя отъ него губернатора и отъ генерала Потемкина письмы выдать и при томъ донесть и о всемъ вышеписанномъ происхожденіи.

И когда я съ моими людьми ночнымъ временемъ за рубежъ проѣхалъ, то одного человѣка послалъ возвратно въ Смоленскъ для виду съ письмомъ къ нему губернатору, что я, будто по его приказу исполняя, въ путь мой поѣхалъ; а самъ остался, не ѣздя въ даль, ожидать на оное отвѣта, который чрезъ того жь человѣка и получилъ съ благодареніемъ за сіе, и притомъ приложены были письма разныя, а именно: одно отъ него губернатора къ герцогу, да инструкція мнѣ, что̀ герцогу въ разговорахъ представлять, отъ генерала Потемкина письмо ко мнѣ, да къ Станиславу Лещинскому, съ коимъ мнѣ какъ поступать велѣно было Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите изъ упомянутой инструкціи и изъ тѣхъ писемъ, чего ради всѣ оны при семъ всеподданнѣйше прилагаю.

Когда жь тѣ письмы получилъ, то по содержанію инструкціи усмотрѣлъ я, что посланное со мною письмо отъ губернатора къ герцогу только было рекомендательное обо мнѣ; того ради дерзнулъ сперва тотъ кувертъ, тако жь письмо Потемкина (которое еще, какъ выше упомянуто, въ Смоленску мнѣ отдано было) и потомъ и всѣ для моего извѣстія распечатать; и понеже въ первыхъ двухъ посланныхъ со мною ничего о согласіи ихъ не упоминалось, но токмо прошено о неоставленіи меня, и для того разсудилъ я лучше ѣхать въ Киль и тамо оныя вручить, понеже, всемилостивѣйшая государыня, ежели бъ мнѣ прямо ѣхать къ россійскому министру, то бъ они о томъ, можетъ быть, провѣдали или и по сему признать могли, что отъ герцога на оныя не имѣли бъ отвѣту, чего ради, будучи въ сумнѣніи, не искали бъ вмѣсто сего какихъ другихъ дорогъ.

Но Всевышній Богъ, наказуя меня, до того по мнѣнію моему исполненія вскорѣ не допустилъ, ибо въ одномъ мѣстечкѣ въ Польшѣ приключилася мнѣ жестокая болѣзнь, отъ которой не малое время

одержанъ былъ и въ безъ надѣянія находился о жизни; по малой же отъ оной свободѣ, не мѣшкая ничего, въ путь мой поѣхалъ до Кенигсберга сухимъ путемъ, а изъ Кенигсберга до Фляисбурга водою (и на морѣ отъ сильныхъ штурмовъ пробылъ не мало жь время), а оттуда въ Киль сухимъ путемъ, куды пріѣхавъ, Его Королевское Высочество видѣть не могъ за отсутствіемъ въ Нейштадтѣ, чего ради оныя письма отдалъ я оберъ-каммергеру барону Штарку, понеже во отлученіи герцога всякія приходящія письма вручаемы бываютъ ему Штарку, и просилъ его на упомянутыя объ отвѣтѣ; однако жь на оныя, будучи тамо два дни, ничего въ отвѣтъ не получилъ и герцогу представленъ не былъ, а между тѣмъ я увѣдалъ о обрѣтающемся въ Гамбургѣ Вашего Императорскаго Величества чрезвычайномъ посланникѣ г. Бестужевѣ-Рюминѣ; того ради, не мѣшкавъ, оттуды къ нему поѣхалъ, а тамо объявилъ, что безъ денегъ долѣе жить чѣмъ не имѣю.

Когда же въ Гамбургъ пріѣхалъ, то немедленно въ домъ означеннаго Вашего Императорскаго Величества министра явился подъ образомъ проѣзжаго, понеже, всемилостивѣйшая государыня, опасался я о семъ происшедшемъ важномъ дѣлѣ того часу сообщить, размышляя, что не ихъ ли же держитъ партію. Но потомъ по всякимъ обстоятельствамъ усмотрѣлъ, что ни малаго къ тому слѣду не имѣетъ, и для того, осмѣлясь, объ ономъ открылъ и, написавъ сіе всенижайшее, подалъ съ присовокупленіемъ упоминаемыхъ оставшихъ у меня распечатанныхъ писемъ безъ кувертовъ, а именно: письмо губернаторское къ герцогу, писанное цыфрами, другое ко мнѣ, да инструкцію его жь губернатора своеручную, письма генерала Потемкина къ Станиславу Лещинскому, а другое ко мнѣ; кромѣ же сихъ, у себя не оставливаю ни единаго, въ чемъ по чистой христіанской совѣсти клянуся Всемогущему Богу.

Предъ Вашимъ же Императорскаго Величества монаршескимъ престоломъ падъ, всенижайше со слезами прошу по высочайшей щедрой материнской милости, во всей вселенной хвальной, и ради Вашего Императорскаго Величества и всей императорской фамиліи долголѣтняго здравія, въ семъ отъ неразумія принятомъ и чинимомъ дѣлѣ (ибо, всемилостивѣйшая государыня, не совершеннаго еще возраста есмь человѣкъ) Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій пардонъ мнѣ нижайшему пожаловать, не по достоинству моему, но дабы чрезъ сію высочайшую милость впредь о происхожденіи подобныхъ же сему конъюнктуръ (отъ которыхъ Боже избави) къ скорому Вашему Императорскому Величеству доношенію другіе поощреніе и примѣръ имѣли; я же засіе по всеподданнѣйшей раболѣпности во вся дни живота моего о благополучномъ Вашего Императорскаго Величества многолѣтномъ государствованіи и о процвѣтеніи во всегдашне-безконечной славѣ мудраго правительства Россійской имперіи Всевышняго непрестанно молить долженствую.

Въ Гамбургѣ въ 29-й день сентября 1733 года.

Вашего Императорскаго Величества вѣрно всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ Ѳедоръ Красной-Милашевичъ.

одержанъ былъ и въ безъ надѣянія находился о жизни; по малой же отъ оной свободѣ, не мѣшкая ничего, въ путь мой поѣхалъ до Кенигсберга сухимъ путемъ, а изъ Кенигсберга до Флянсбурга водою (и на морѣ отъ сильныхъ штурмовъ пробылъ не мало жь время), а оттуда въ Киль сухимъ путемъ, куды пріѣхавъ, Его Королевское Высочество видѣть не могъ за отсутствіемъ въ Нейштадтѣ, чего ради оныя письма отдалъ я оберъ-каммергеру барону Штарку, понеже во отлученіи герцога всякія приходящія письма вручаемы бываютъ ему Штарку, и просилъ его на упомянутыя объ отвѣтѣ; однако жь на оныя, будучи тамо два дни, ничего въ отвѣтъ не получилъ и герцогу представленъ не былъ, а между тѣмъ я увѣдалъ о обрѣтающемся въ Гамбургѣ Вашего Императорскаго Величества чрезвычайномъ посланникѣ г. Бестужевѣ-Рюминѣ; того ради, не мѣшкавъ, оттуды къ нему поѣхалъ, а тамо объявилъ, что безъ денегъ долѣе жить чѣмъ не имѣю.

Когда же въ Гамбургъ пріѣхалъ, то немедленно въ домъ означеннаго Вашего Императорскаго Величества министра явился подъ образомъ проѣзжаго, понеже, всемилостивѣйшая государыня, опасался я о семъ происшедшемъ важномъ дѣлѣ того часу сообщить, размышляя, что не ихъ ли же держитъ партію. Но потомъ по всякимъ обстоятельствамъ усмотрѣлъ, что ни малаго къ тому слѣду не имѣетъ, и для того, осмѣлясь, объ ономъ открылъ и, написавъ сіе всенижайшее, подалъ съ присовокупленіемъ упоминаемыхъ оставшихъ у меня распечатанныхъ писемъ безъ кувертовъ, а именно: письмо губернаторское къ герцогу, писанное цыфрами, другое ко мнѣ, да инструкцію его жь губернатора своеручную, письма генерала Потемкина къ Станиславу Лещинскому, а другое ко мнѣ; кромѣ же сихъ, у себя не оставливаю ни единаго, въ чемъ по чистой христіанской совѣсти клянуся Всемогущему Богу.

Предъ Вашимъ же Императорскаго Величества монаршескимъ престоломъ падъ, всенижайше со слезами прошу по высочайшей щедрой материнской милости, во всей вселенной хвальной, и ради Вашего Императорскаго Величества и всей императорской фамиліи долголѣтняго здравія, въ семъ отъ неразумія принятомъ и чинимомъ дѣлѣ (ибо, всемилостивѣйшая государыня, не совершеннаго еще возраста есмь человѣкъ) Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій пардонъ мнѣ нижайшему пожаловать, не по достоинству моему, но дабы чрезъ сію высочайшую милость впредь о происхожденіи подобныхъ же сему конъюнктуръ (отъ которыхъ Боже избави) къ скорому Вашему Императорскому Величеству доношенію другіе поощреніе и примѣръ имѣли; я же засіе по всеподданнѣйшей раболѣпности во вся дни живота моего о благополучномъ Вашего Императорскаго Величества многолѣтномъ государствованіи и о процвѣтеніи во всегдашне-безконечной славѣ мудраго правительства Россійской имперіи Всевышняго непрестанно молить долженствую.

Въ Гамбургѣ въ 29-й день сентября 1733 года.

Вашего Императорскаго Величества вѣрно всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ Ѳедоръ Красной-Милашевичъ.

II.

Приложенія къ первому доношенію Ѳ. Краснаго-Милашевича.

1.

Государь мой и братъ Ѳедоръ Ивановичь, многолѣтно желаю вамъ здравствовать.

Нынѣ я узналъ вѣрность вашу; я сожалѣю отъ сердца моего, что такъ поступалъ я съ вами, и подлинно, что я сумнѣвался объ васъ очень, и думалъ я, что вы меня обманывали; и ежели бы вы не уѣхали, то бы могло съ вами это сдѣлаться, какъ вы писали; а нынѣ, видя этакую вашу правду, отъ сердца моего вамъ во всемъ служить готовъ; и здѣсь не извольте опасаться, чтобы съ отцемъ вашимъ могло сдѣлаться; покамѣсть я здѣсь буду, то все тайно будетъ. И нынѣ я человѣка вашего допрашивалъ, котораго вы изволили воротить; онъ сказалъ, что вы поѣхали на Украйну; отецъ вашъ изволилъ привести его въ допросъ, и я ему сказалъ, чтобъ онъ не печалился, что вы поѣхали въ Голштиндію, а про дѣло ничего ему не сказалъ; и вы пожалуйте, не извольте писать къ нему объ этомъ въ письмахъ; лучше, какъ вѣдать не будетъ; а то онъ когда провѣдаетъ, то станетъ печалиться, а этого онъ не разсудитъ, что къ вашему счастію дорога, которой бы вамъ искать тяжело; только не извольте печалиться, а дѣлать по дѣлу инструкціи прежней, которую я вамъ далъ, то все изрядно будетъ. Съ г. Потемкинымъ мы помирились; и его письмы пожалуйте, вручите Его Королевскому Высочеству и другія—которыя къ кому принадлежатъ; онъ право вамъ слуга истинно хорошій, по его письмамъ еще лучшій можете случай сыскать. Вновь ежели изволите писать, то ни что не пишите, только будто рекомендательныя письмы просячи; то я уже стану деньги къ вамъ пересылать, а когда о нужномъ дѣлѣ станете писать, то просите, чтобы къ Бондію въ Петербургъ пересылать, а оттуды я уже отыскивать стану. Больше ни о чемъ къ вамъ писать не имѣю; только остаюсь всегда вѣрнымъ и нижайшимъ князь Александръ Черкасской.

Пожалуйте, это письмо издерите при семъ человѣкѣ.

2.

Инструкція.

Пріѣхавъ въ Киль, сыскать извольте гофъ-юнкера Дівіэрова, и ему письмы, которыя надлежатъ, извольте отдать; то онъ вамъ весь слѣдъ покажетъ; а другимъ всѣмъ извольте сказывать, что во Францію ѣдете; а какъ васъ представятъ предъ Его Королевское Высочество, то вы только одно рекомендательное письмо извольте вручить, а потомъ, посмотря по склонности отвѣту на это письмо,

II.

Приложенія къ первому доношенію Ѳ. Краснаго-Милашевича.

1.

Государь мой и братъ Ѳедоръ Ивановичь, многолѣтно желаю вамъ здравствовать.

Нынѣ я узналъ вѣрность вашу; я сожалѣю отъ сердца моего, что такъ поступалъ я съ вами, и подлинно, что я сумнѣвался объ васъ очень, и думалъ я, что вы меня обманывали; и ежели бы вы не уѣхали, то бы могло съ вами это сдѣлаться, какъ вы писали; а нынѣ, видя этакую вашу правду, отъ сердца моего вамъ во всемъ служить готовъ; и здѣсь не извольте опасаться, чтобы съ отцемъ вашимъ могло сдѣлаться; покамѣсть я здѣсь буду, то все тайно будетъ. И нынѣ я человѣка вашего допрашивалъ, котораго вы изволили воротить; онъ сказалъ, что вы поѣхали на Украйну; отецъ вашъ изволилъ привести его въ допросъ, и я ему сказалъ, чтобъ онъ не печалился, что вы поѣхали въ Голштиндію, а про дѣло ничего ему не сказалъ; и вы пожалуйте, не извольте писать къ нему объ этомъ въ письмахъ; лучше, какъ вѣдать не будетъ; а то онъ когда провѣдаетъ, то станетъ печалиться, а этого онъ не разсудитъ, что къ вашему счастію дорога, которой бы вамъ искать тяжело; только не извольте печалиться, а дѣлать по дѣлу инструкціи прежней, которую я вамъ далъ, то все изрядно будетъ. Съ г. Потемкинымъ мы помирились; и его письмы пожалуйте, вручите Его Королевскому Высочеству и другія—которыя къ кому принадлежатъ; онъ право вамъ слуга истинно хорошій, по его письмамъ еще лучшій можете случай сыскать. Вновь ежели изволите писать, то ни что не пишите, только будто рекомендательныя письмы просячи; то я уже стану деньги къ вамъ пересылать, а когда о нужномъ дѣлѣ станете писать, то просите, чтобы къ Бондію въ Петербургъ пересылать, а оттуды я уже отыскивать стану. Больше ни о чемъ къ вамъ писать не имѣю; только остаюсь всегда вѣрнымъ и нижайшимъ князь Александръ Черкасской.

Пожалуйте, это письмо издерите при семъ человѣкѣ.

2.

Инструкція.

Пріѣхавъ въ Киль, сыскать извольте гофъ-юнкера Дівіэрова, и ему письмы, которыя надлежатъ, извольте отдать; то онъ вамъ весь слѣдъ покажетъ; а другимъ всѣмъ извольте сказывать, что во Францію ѣдете; а какъ васъ представятъ предъ Его Королевское Высочество, то вы только одно рекомендательное письмо извольте вручить, а потомъ, посмотря по склонности отвѣту на это письмо,

можете и всѣ письмы достальныя изъ своихъ рукъ отдать; то онъ, прочевъ письмы, тотчасъ станетъ о всемъ спрашивать, то вы и начните сказывать этимъ способомъ:

Скажите, что вы отъ меня нарочно посланы съ этимъ къ Его Высочеству, также и отъ господина Потемкина, которые *) съ самыя нужды писали, и когда бъ не я, то бы уже другой дороги искали, только я ихъ удерживалъ, и отнынѣ впредь до счастливаго наслѣдствія удержать обѣщаюсь. Тутъ и начните сказывать о всѣхъ нуждахъ, которыя они терпѣли прежде этого, какъ я не былъ, а именно: что при второмъ государѣ за князей Долгорукихъ всѣхъ за вѣру хотѣли въ ссылку сослать, а въ которой они вѣрѣ завоеваны, не хотятъ отстать своей вѣры, и подлинно бы были посланы, когда бъ не князь Алексѣй Михайловичь Черкасской; а нынѣ еще пуще того стало, что почтенія никакого нѣту ни самому генералу, гоненіе жестокое терпятъ отъ всѣхъ, какъ въ вѣрѣ такъ и во всемъ; духовныхъ началовъ присылаютъ очень жестокихъ, которые безмѣрно подстерегаютъ въ вѣрѣ, и хотя мало увидятъ что по комъ, тотчасъ куютъ и въ тюрьмы сажаютъ честныхъ дворянъ, которые ни какъ снести не могутъ жестокаго правленія, когда бы я ихъ не обнадеживалъ милостивымъ наслѣдникомъ.

Еще же донесите, что въ деревняхъ разореніе великое имѣютъ, поголовныя деньги и всякія подати чрезмѣрно велики берутъ, отъ чего въ разореніе приходятъ великое, а больше, что рекрутъ повсягодно выбираютъ по скольку разъ, отъ чего безмѣрно разоряются и въ нищету приходятъ деревни порубежныя; крестьяне всегда бѣгутъ, а когда деньги не всѣ съ кого возьмутъ, то помѣщиковъ самихъ на правежахъ бьютъ и въ тюрьмахъ держатъ. И такъ все пространно донесите, увѣряя его въ большей вѣрности отъ нихъ.

Еще же сказать, что это все дѣлается отъ Курляндцевъ, а именно отъ Бирона да отъ Миниха, что они, производя своихъ Курляндцевъ, полки новые собираютъ, и офицерами своихъ производятъ, а больше для того, чтобъ ихъ сила больше была, и не хотя допустить въ наслѣдство принца.

Того ради не только фельдмаршаловъ поуходили, но и офицеровъ всѣхъ повыписывали изъ полковъ, которые заложеные уже были и вѣрные государству, всѣхъ повыписали, а вновь набрали Курляндцевъ, и изъ того всему государству обида, что иной вѣкъ свой служилъ, а нынѣ подъ старость и хлѣбъ отнятъ почти у всѣхъ, а все отъ Бирона, про котораго всѣ знаютъ, въ какомъ онъ кредитѣ находится, и для того не только что изъ Смольянъ, но и во всей Россіи вѣрнаго нѣтъ ни одного человѣка; что всѣ загнаты нынѣ, а отъ кого?—которые не годны были быть въ службѣ нашей при Первомъ Петрѣ, а нынѣ всѣ тѣ командиры стали; и какъ можно вѣрность представлять всѣхъ къ Его Королевскому Высочеству, и что

*) То есть, смоленскіе шляхтичи.

можете и всѣ письмы достальныя изъ своихъ рукъ отдать; то онъ, прочевъ письмы, тотчасъ станетъ о всемъ спрашивать, то вы и начните сказывать этимъ способомъ:

Скажите, что вы отъ меня нарочно посланы съ этимъ къ Его Высочеству, также и отъ господина Потемкина, которые *) съ самыя нужды писали, и когда бъ не я, то бы уже другой дороги искали, только я ихъ удерживалъ, и отнынѣ впредь до счастливаго наслѣдствія удержать обѣщаюсь. Тутъ и начните сказывать о всѣхъ нуждахъ, которыя они терпѣли прежде этого, какъ я не былъ, а именно: что при второмъ государѣ за князей Долгорукихъ всѣхъ за вѣру хотѣли въ ссылку сослать, а въ которой они вѣрѣ завоеваны, не хотятъ отстать своей вѣры, и подлинно бы были посланы, когда бъ не князь Алексѣй Михайловичь Черкасской; а нынѣ еще пуще того стало, что почтенія никакого нѣту ни самому генералу, гоненіе жестокое терпятъ отъ всѣхъ, какъ въ вѣрѣ такъ и во всемъ; духовныхъ началовъ присылаютъ очень жестокихъ, которые безмѣрно подстерегаютъ въ вѣрѣ, и хотя мало увидятъ что по комъ, тотчасъ куютъ и въ тюрьмы сажаютъ честныхъ дворянъ, которые ни какъ снести не могутъ жестокаго правленія, когда бы я ихъ не обнадеживалъ милостивымъ наслѣдникомъ.

Еще же донесите, что въ деревняхъ разореніе великое имѣютъ, поголовныя деньги и всякія подати чрезмѣрно велики берутъ, отъ чего въ разореніе приходятъ великое, а больше, что рекрутъ повсягодно выбираютъ по скольку разъ, отъ чего безмѣрно разоряются и въ нищету приходятъ деревни порубежныя; крестьяне всегда бѣгутъ, а когда деньги не всѣ съ кого возьмутъ, то помѣщиковъ самихъ на правежахъ бьютъ и въ тюрьмахъ держатъ. И такъ все пространно донесите, увѣряя его въ большей вѣрности отъ нихъ.

Еще же сказать, что это все дѣлается отъ Курляндцевъ, а именно отъ Бирона да отъ Миниха, что они, производя своихъ Курляндцевъ, полки новые собираютъ, и офицерами своихъ производятъ, а больше для того, чтобъ ихъ сила больше была, и не хотя допустить въ наслѣдство принца.

Того ради не только фельдмаршаловъ поуходили, но и офицеровъ всѣхъ повыписывали изъ полковъ, которые заложеные уже были и вѣрные государству, всѣхъ повыписали, а вновь набрали Курляндцевъ, и изъ того всему государству обида, что иной вѣкъ свой служилъ, а нынѣ подъ старость и хлѣбъ отнятъ почти у всѣхъ, а все отъ Бирона, про котораго всѣ знаютъ, въ какомъ онъ кредитѣ находится, и для того не только что изъ Смольянъ, но и во всей Россіи вѣрнаго нѣтъ ни одного человѣка; что всѣ загнаты нынѣ, а отъ кого?—которые не годны были быть въ службѣ нашей при Первомъ Петрѣ, а нынѣ всѣ тѣ командиры стали; и какъ можно вѣрность представлять всѣхъ къ Его Королевскому Высочеству, и что

*) То есть, смоленскіе шляхтичи.

никакимъ образомъ не могутъ этого сдѣлать, чтобъ не былъ наслѣдникъ истинный мужественный, понеже уже настращены такъ, что и честь и хлѣбъ весь потеряли, а именно чрезъ Бирона; что всѣ торги унелись какъ въ Россіи, такъ и въ Смоленскѣ; тутъ можете и свою причину объявить, что съ вами было въ Петербургѣ, и такимъ образомъ, что Бironъ имѣетъ одного купца, который торгуетъ безпошлинно, а именно Ферманъ, и торгуетъ онъ подъ видомъ своимъ, а онъ все за его деньги выписываетъ и прибыль превеликую чрезъ это себѣ имѣетъ, а всему государству обида дѣлается не малая, и въ нищету приходятъ какъ купцы, такъ и вся Россія, отъ чего ни одного человѣка въ Россіи нѣтъ вѣрнаго имъ; и какъ можно обо всемъ пространять, того ради все ему будетъ вѣрнѣе во всемъ.

А потомъ, ежели изволитъ быть согласенъ, то вы просите, чтобъ изволилъ отписать къ Смольяномъ милостивую грамоту, которая ихъ въ лучшую вѣрность приведетъ, и не только что они будутъ вѣрняе, одни Смольяне, и Украйну могу привесть въ вѣрность, и я по Его Королевскаго Высочества письму писалъ, только отвѣту еще не получилъ.

Ежели вновь изволитъ писать, то вы можете пріѣхать къ рубежу, пришлите сказать мнѣ, что вы пріѣхали, то уже я знаю, какъ съ вами увидѣться, что никто вѣдать не станетъ, окромѣ меня; а лучше, когда бы къ Бондію пересылать изволили письмы, то бы еще лучше не было подозрѣнія, и вамъ бы лучше было, когда бъ вы отъ Его Высочества не отдалялись и всегда при немъ были, того ради, чтобъ его всечастно увѣряли, и онъ съ вами охотно станетъ говорить всегда. Также обо мнѣ пожалуйте, не позабудьте донести, что я въ евтомъ тружусь, и какъ вѣрно—пожалуйте донесите. А на остатокъ памятуйте, какъ вы мнѣ присягали, чтобъ это сохранить тайно и надо мною подлогу не сдѣлать. Больше вы сами можете знать что дѣлать, а нынѣ лишь съ Божіею помощію сохранно извольте отвезти письма, за что счастіе вы себѣ получите, а здѣсь не извольте опасаться, чтобъ пронеслось; а я сколько можно служить отцу вашему долженъ; а нынѣ столько васъ увѣряю, что и своею рукою подписываюся—только помните—на страшный судъ.

К. А. Черкасской.

3.

Переводъ съ польскаго письма къ Ѳедору Красному-Милашевичу изъ Смоленска, отъ 21-го Іюня 1733-го году.

Мнѣ многосердечный братъ! Въ надѣяніи дружбы смѣю трудить сіею моею грамоткою, которая не съ поврежденіемъ будетъ чести вашей, но надѣюсь, что еще можетъ быть дорогою ко счастію вамъ, моему государю, то есть, сіи письма, которыя адресованы къ вамъ и въ вашемъ ковертѣ, прошу покорно отдать въ цѣлости къ

никакимъ образомъ не могутъ этого сдѣлать, чтобъ не былъ наслѣдникъ истинный мужественный, понеже уже настращены такъ, что и честь и хлѣбъ весь потеряли, а именно чрезъ Бирона; что всѣ торги унелись какъ въ Россіи, такъ и въ Смоленскѣ; тутъ можете и свою причину объявить, что съ вами было въ Петербургѣ, и такимъ образомъ, что Бironъ имѣетъ одного купца, который торгуетъ безпошлинно, а именно Ферманъ, и торгуетъ онъ подъ видомъ своимъ, а онъ все за его деньги выписываетъ и прибыль превеликую чрезъ это себѣ имѣетъ, а всему государству обида дѣлается не малая, и въ нищету приходятъ какъ купцы, такъ и вся Россія, отъ чего ни одного человѣка въ Россіи нѣтъ вѣрнаго имъ; и какъ можно обо всемъ пространять, того ради все ему будетъ вѣрнѣе во всемъ.

А потомъ, ежели изволитъ быть согласенъ, то вы просите, чтобъ изволилъ отписать къ Смольяномъ милостивую грамоту, которая ихъ въ лучшую вѣрность приведетъ, и не только что они будутъ вѣрняе, одни Смольяне, и Украйну могу привесть въ вѣрность, и я по Его Королевскаго Высочества письму писалъ, только отвѣту еще не получилъ.

Ежели вновь изволитъ писать, то вы можете пріѣхать къ рубежу, пришлите сказать мнѣ, что вы пріѣхали, то уже я знаю, какъ съ вами увидѣться, что никто вѣдать не станетъ, окромѣ меня; а лучше, когда бы къ Бондію пересылать изволили письмы, то бы еще лучше не было подозрѣнія, и вамъ бы лучше было, когда бъ вы отъ Его Высочества не отдалялись и всегда при немъ были, того ради, чтобъ его всечастно увѣряли, и онъ съ вами охотно станетъ говорить всегда. Также обо мнѣ пожалуйте, не позабудьте донести, что я въ евтомъ тружусь, и какъ вѣрно—пожалуйте донесите. А на остатокъ памятуйте, какъ вы мнѣ присягали, чтобъ это сохранить тайно и надо мною подлогу не сдѣлать. Больше вы сами можете знать что дѣлать, а нынѣ лишь съ Божіею помощію сохранно извольте отвезти письма, за что счастіе вы себѣ получите, а здѣсь не извольте опасаться, чтобъ пронеслось; а я сколько можно служить отцу вашему долженъ; а нынѣ столько васъ увѣряю, что и своею рукою подписываюся—только помните—на страшный судъ.

К. А. Черкасской.

3.

Переводъ съ польскаго письма къ Ѳедору Красному-Милашевичу изъ Смоленска, отъ 21-го Іюня 1733-го году.

Мнѣ многосердечный братъ! Въ надѣяніи дружбы смѣю трудить сіею моею грамоткою, которая не съ поврежденіемъ будетъ чести вашей, но надѣюсь, что еще можетъ быть дорогою ко счастію вамъ, моему государю, то есть, сіи письма, которыя адресованы къ вамъ и въ вашемъ ковертѣ, прошу покорно отдать въ цѣлости къ

кому подписаны, а именно: одно письмо до княжеской свѣтлости, а другое—нѣтъ ли тамъ министра французскаго, то по своей милости пожалуйте, извольте ему отдать; а когда вы увѣдаете, что Королевское Величество Лещинскій имѣется въ Гданцикѣ, то совѣтовалъ бы я вамъ самому съѣздить и отдать сіе письмо, за что отслужить обѣщаюсь вамъ моему государю. Ежели жь бы соизволилъ отвѣтъ писать Королевское Величество, то такъ надѣюсь на васъ, моего государя, что вы не пожалѣя труда, возвратно пріѣдете, а такимъ образомъ, когда прибудите на рубежъ, то извольте вы, мой государь, дать знать до князя нашего губернатора, тогда уже мы съ вами увидимся; а нынѣ меня непремѣнному пріятству рекомендуя, подписуюся, вамъ государя моего и любезнаго брата нижайшимъ слугою генералъ Александръ Потемкинъ.

P. S. Вы, мой государь, не извольте ворочаться съ дороги, не бывъ въ Килѣ, хотя бы Его Королевское Величество и посылалъ лучше пускай нарочнаго отправитъ, или назадъ ѣдучи вы, мой государь, можете взять, ежели въ Килѣ недолго пробудете.

4.

Переводъ же съ польскаго жъ письма къ Станиславу Лещинскому изъ Смоленска жъ, отъ 17-го Іюня 1733 году.

Ясноосвѣщенный король государь, государь нашъ милостивый! Отверзаются уста сердецъ польскихъ, наполненныхъ веселія и радости, съ поздравленіемъ ихъ славы, когда будутъ имѣть короля и прямаго распорядителя сына ихъ отечества, котораго сей хоноръ миновать никако бъ не могъ, чрезъ волю Управителя небесъ, при чемъ и мы поздравляя Вашему Королевскому Величеству, государю нашему милостивому, завременно просимъ чрезъ сію нашу суплику, дабы мы могли подъ державіемъ вашимъ выйдтить изъ неволи нашей, въ коей нынѣ обрѣтаемся запроданы безвинно отъ нашей братьи Поляковъ.

Въ губерніи Смоленской больше нынѣ о нашемъ счастіи слыша, прибѣгаемъ, аки стадо, разгнанное отъ волка предъ пастыремъ, тако и мы, въ неволи будучи, къ Вашему Королевскому Величеству государю нашему милостивому, дабы соизволили высвободить насъ отъ тиранства такого, хотя не для нашей вѣрности, но ради Матери Пресвятой, Которая обрѣтается купно съ нами запродана: Она да поможетъ Вашему Королевскому Величеству, а мы изъ нашей губерніи по возможности нашей обѣщаемъ готоваго войска полтретьи тысячи поставить безъ всякаго денежнаго награжденія, кои всякій съ охотою радъ жизнь потерять для Вашего Королевскаго Величества, аки отца отечества, яко матери своея; только милостиваго государя просимъ, когда прибудете въ Польшу, то какъ намъ поступать, чрезъ сего жъ самаго г-на Милашевича повелите, который съ прямой охоты ѣхалъ до Вашего Королевскаго Величества, и въ томъ оному можете повѣрить; а войско въ го-

кому подписаны, а именно: одно письмо до княжеской свѣтлости, а другое—нѣтъ ли тамъ министра французскаго, то по своей милости пожалуйте, извольте ему отдать; а когда вы увѣдаете, что Королевское Величество Лещинскій имѣется въ Гданцикѣ, то совѣтовалъ бы я вамъ самому съѣздить и отдать сіе письмо, за что отслужить обѣщаюсь вамъ моему государю. Ежели жь бы соизволилъ отвѣтъ писать Королевское Величество, то такъ надѣюсь на васъ, моего государя, что вы не пожалѣя труда, возвратно пріѣдете, а такимъ образомъ, когда прибудите на рубежъ, то извольте вы, мой государь, дать знать до князя нашего губернатора, тогда уже мы съ вами увидимся; а нынѣ меня непремѣнному пріятству рекомендуя, подписуюся, вамъ государя моего и любезнаго брата нижайшимъ слугою генералъ Александръ Потемкинъ.

P. S. Вы, мой государь, не извольте ворочаться съ дороги, не бывъ въ Килѣ, хотя бы Его Королевское Величество и посылалъ лучше пускай нарочнаго отправитъ, или назадъ ѣдучи вы, мой государь, можете взять, ежели въ Килѣ недолго пробудете.

4.

Переводъ же съ польскаго жъ письма къ Станиславу Лещинскому изъ Смоленска жъ, отъ 17-го Іюня 1733 году.

Ясноосвѣщенный король государь, государь нашъ милостивый! Отверзаются уста сердецъ польскихъ, наполненныхъ веселія и радости, съ поздравленіемъ ихъ славы, когда будутъ имѣть короля и прямаго распорядителя сына ихъ отечества, котораго сей хоноръ миновать никако бъ не могъ, чрезъ волю Управителя небесъ, при чемъ и мы поздравляя Вашему Королевскому Величеству, государю нашему милостивому, завременно просимъ чрезъ сію нашу суплику, дабы мы могли подъ державіемъ вашимъ выйдтить изъ неволи нашей, въ коей нынѣ обрѣтаемся запроданы безвинно отъ нашей братьи Поляковъ.

Въ губерніи Смоленской больше нынѣ о нашемъ счастіи слыша, прибѣгаемъ, аки стадо, разгнанное отъ волка предъ пастыремъ, тако и мы, въ неволи будучи, къ Вашему Королевскому Величеству государю нашему милостивому, дабы соизволили высвободить насъ отъ тиранства такого, хотя не для нашей вѣрности, но ради Матери Пресвятой, Которая обрѣтается купно съ нами запродана: Она да поможетъ Вашему Королевскому Величеству, а мы изъ нашей губерніи по возможности нашей обѣщаемъ готоваго войска полтретьи тысячи поставить безъ всякаго денежнаго награжденія, кои всякій съ охотою радъ жизнь потерять для Вашего Королевскаго Величества, аки отца отечества, яко матери своея; только милостиваго государя просимъ, когда прибудете въ Польшу, то какъ намъ поступать, чрезъ сего жъ самаго г-на Милашевича повелите, который съ прямой охоты ѣхалъ до Вашего Королевскаго Величества, и въ томъ оному можете повѣрить; а войско въ го-

товности имѣется всегда. Во увѣреніе нашея вѣрности подписуемся Вашего Королевскаго Величества государя нашего милостиваго нижайше подданные, генералъ Александръ Потемкинъ, со всѣмъ нашимъ уѣздомъ.

5.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская!

Вашему Императорскому Величеству со всеглубочайшею раболѣпностію моею при семъ предъявляю роспись именамъ и прозваніямъ нѣкоторыхъ смоленскихъ шляхтъ, присланную ко мнѣ отъ смоленскаго губернатора князя Черкасскаго при письмѣ его, чрезъ которое меня просилъ, дабы я оную, пріѣхавъ въ Киль, объявилъ Его Королевскому Высочеству герцогу Голштинскому, и при томъ донесъ бы, что та роспись къ Его Высочеству послана для засвидѣтельствованія ихъ вѣрности въ наслѣдствѣ Россійской имперіи принца Голштинскаго, и что все сіе дѣлается чрезъ его губернаторское стараніе, которую я въ бытность мою тамъ не токмо чтобъ герцогу предъявилъ, но ниже кому упоминалъ, понеже, всемилостивѣйшая государыня, намѣреніе мое твердо состояло въ томъ, чтобъ донесть Вашему Императорскому Величеству,—ежели бы и предъ симъ за немалое уже время учиниться могло, когда бъ его губернаторскій свойственникъ дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Черкасской въ высокомъ Вашего Императорскаго Величества кабинетѣ не присутствовалъ, который не токмо мнѣ къ доношенію великій страхъ подалъ (ибо упоминаемый губернаторъ мнѣ всегда имъ граживалъ, и потому я чаялъ, что о томъ и онъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, свѣдомъ же); но и тѣ, кои по оному важному дѣлу приличные имѣются, надѣюсь, когда о происхожденіи того распрашиваны будутъ, бояся его, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, во многомъ запираться станутъ, дабы онъ имъ вредъ (ежели правду доносить будутъ) не отомщалъ. Еще, всемилостивѣйшая государыня, могу по себѣ разсудить, что ежели бъ Вашего Императорскаго Величества чрезвычайный посланникъ и камергеръ Бестужевъ-Рюминъ со мною до Вашего Императорскаго Величества самъ не поѣхалъ, то бъ я, остерегаясь его, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, никакъ бы не могъ отважиться одинъ ѣхать и на сіе такъ смѣло поступить; а нынѣ яко же и предъ симъ уповая на всемогущаго Бога и Вашего Императорскаго Величества на высочайшія прославленныя щедроты, все происшедшее съ откровенією всенижайше представляю.

Всемилостивѣйшая государыня, Ваше Императорское Величество! Всемилостивѣйше изволите усмотрѣть изъ всего моего доношенія, что я всенижайшій не прельстился на обѣщанныя мнѣ губернаторомъ за сіе дѣло отъ герцога награжденія; паче же сего не уважаю, что и сродники мои въ означенной росписи упоминаются (которые своими ль руками подписались, того подлинно знать не могу), но

товности имѣется всегда. Во увѣреніе нашея вѣрности подписуемся Вашего Королевскаго Величества государя нашего милостиваго нижайше подданные, генералъ Александръ Потемкинъ, со всѣмъ нашимъ уѣздомъ.

5.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская!

Вашему Императорскому Величеству со всеглубочайшею раболѣпностію моею при семъ предъявляю роспись именамъ и прозваніямъ нѣкоторыхъ смоленскихъ шляхтъ, присланную ко мнѣ отъ смоленскаго губернатора князя Черкасскаго при письмѣ его, чрезъ которое меня просилъ, дабы я оную, пріѣхавъ въ Киль, объявилъ Его Королевскому Высочеству герцогу Голштинскому, и при томъ донесъ бы, что та роспись къ Его Высочеству послана для засвидѣтельствованія ихъ вѣрности въ наслѣдствѣ Россійской имперіи принца Голштинскаго, и что все сіе дѣлается чрезъ его губернаторское стараніе, которую я въ бытность мою тамъ не токмо чтобъ герцогу предъявилъ, но ниже кому упоминалъ, понеже, всемилостивѣйшая государыня, намѣреніе мое твердо состояло въ томъ, чтобъ донесть Вашему Императорскому Величеству,—ежели бы и предъ симъ за немалое уже время учиниться могло, когда бъ его губернаторскій свойственникъ дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Черкасской въ высокомъ Вашего Императорскаго Величества кабинетѣ не присутствовалъ, который не токмо мнѣ къ доношенію великій страхъ подалъ (ибо упоминаемый губернаторъ мнѣ всегда имъ граживалъ, и потому я чаялъ, что о томъ и онъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, свѣдомъ же); но и тѣ, кои по оному важному дѣлу приличные имѣются, надѣюсь, когда о происхожденіи того распрашиваны будутъ, бояся его, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, во многомъ запираться станутъ, дабы онъ имъ вредъ (ежели правду доносить будутъ) не отомщалъ. Еще, всемилостивѣйшая государыня, могу по себѣ разсудить, что ежели бъ Вашего Императорскаго Величества чрезвычайный посланникъ и камергеръ Бестужевъ-Рюминъ со мною до Вашего Императорскаго Величества самъ не поѣхалъ, то бъ я, остерегаясь его, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, никакъ бы не могъ отважиться одинъ ѣхать и на сіе такъ смѣло поступить; а нынѣ яко же и предъ симъ уповая на всемогущаго Бога и Вашего Императорскаго Величества на высочайшія прославленныя щедроты, все происшедшее съ откровенією всенижайше представляю.

Всемилостивѣйшая государыня, Ваше Императорское Величество! Всемилостивѣйше изволите усмотрѣть изъ всего моего доношенія, что я всенижайшій не прельстился на обѣщанныя мнѣ губернаторомъ за сіе дѣло отъ герцога награжденія; паче же сего не уважаю, что и сродники мои въ означенной росписи упоминаются (которые своими ль руками подписались, того подлинно знать не могу), но

по всеподданнѣйшей рабской моей должности Вашему Императорскому Величеству о семъ представляю, уповая за оное, яко я, тако и вышереченные сродники мои (буде подлинно въ томъ погрѣшили, иногда, опасаясь губернаторскаго злодѣянія и не осмѣлясь Вашему Императорскому Величеству донести ради вышеписаннаго же дѣйствительнаго тайнаго совѣтника), можемъ получить въ винѣ нашей Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшее оставленіе.

Вышеозначенное губернаторское ко мнѣ письмо въ дальнемъ, всемилостивѣйшая государыня, проѣздѣ не знаю какъ утратилось. О семъ всенижайше доносить Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше всенижайшій рабъ Ѳедоръ Красной-Милашевичь.

Гамбургъ въ 29-й день
сентября 1733 года.

Роспись.

Стольникъ Иванъ Корсакъ.
Ротмистръ Степанъ Корсакъ.
Ротмистръ князь Михайло Соколинской.
Ротмистръ князь Дмитрій Соколинской.
Полковникъ Иванъ Швайковской.
Ротмистръ Александръ Воронецъ.
Поручикъ Богданъ Соколинской.
Ротмистръ Демьянъ Потемкинъ.
Товарищъ Владиміръ Потемкинъ.
Товарищъ Иванъ Милашевичь.
Товарищъ Николай Соколинской.
Товарищъ Константинъ Милашевичь.
Полковникъ Андрей Бурневской.
Ротмистръ Измаилъ Потемкинъ.
Ротмистръ Антонъ Ридванской.
Ротмистръ Захарій Милашевичь.
Товарищъ Яковъ Лярскій.
Хорунжій Степанъ Коховской.
Хорунжій Яковъ Лярскій.
Хорунжій Михайло Бурневской.
Товарищъ Михайло Швайковской.
Товарищъ Михайло Потемкинъ.
Товарищъ Иванъ Шетило.
Товарищъ Яковъ Потемкинъ.
Товарищъ Семенъ князь Буйнецкой-Соколинской.
Товарищъ Иванъ Милашевичь.
Поручикъ Юрья Повала-Швайковской.
Товарищъ Яковъ Швайковской.
Товарищъ Михайло Швайковской.
Товарищъ Илья Потемкинъ.
Товарищъ Григорій Лярскій.
Полковникъ Демьянъ Храповицкій.
Хорунжій Михайло Бурневской.
Товарищъ Юрья Храповицкій.

по всеподданнѣйшей рабской моей должности Вашему Императорскому Величеству о семъ представляю, уповая за оное, яко я, тако и вышереченные сродники мои (буде подлинно въ томъ погрѣшили, иногда, опасаясь губернаторскаго злодѣянія и не осмѣлясь Вашему Императорскому Величеству донести ради вышеписаннаго же дѣйствительнаго тайнаго совѣтника), можемъ получить въ винѣ нашей Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшее оставленіе.

Вышеозначенное губернаторское ко мнѣ письмо въ дальнемъ, всемилостивѣйшая государыня, проѣздѣ не знаю какъ утратилось. О семъ всенижайше доносить Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше всенижайшій рабъ Ѳедоръ Красной-Милашевичь.

Гамбургъ въ 29-й день
сентября 1733 года.

Роспись.

Стольникъ Иванъ Корсакъ.
Ротмистръ Степанъ Корсакъ.
Ротмистръ князь Михайло Соколинской.
Ротмистръ князь Дмитрій Соколинской.
Полковникъ Иванъ Швайковской.
Ротмистръ Александръ Воронецъ.
Поручикъ Богданъ Соколинской.
Ротмистръ Демьянъ Потемкинъ.
Товарищъ Владиміръ Потемкинъ.
Товарищъ Иванъ Милашевичь.
Товарищъ Николай Соколинской.
Товарищъ Константинъ Милашевичь.
Полковникъ Андрей Бурневской.
Ротмистръ Измаилъ Потемкинъ.
Ротмистръ Антонъ Ридванской.
Ротмистръ Захарій Милашевичь.
Товарищъ Яковъ Лярскій.
Хорунжій Степанъ Коховской.
Хорунжій Яковъ Лярскій.
Хорунжій Михайло Бурневской.
Товарищъ Михайло Швайковской.
Товарищъ Михайло Потемкинъ.
Товарищъ Иванъ Шетило.
Товарищъ Яковъ Потемкинъ.
Товарищъ Семенъ князь Буйнецкой-Соколинской.
Товарищъ Иванъ Милашевичь.
Поручикъ Юрья Повала-Швайковской.
Товарищъ Яковъ Швайковской.
Товарищъ Михайло Швайковской.
Товарищъ Илья Потемкинъ.
Товарищъ Григорій Лярскій.
Полковникъ Демьянъ Храповицкій.
Хорунжій Михайло Бурневской.
Товарищъ Юрья Храповицкій.

6.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская!

Вашему Императорскому Величеству для высочайшаго извѣстія въ дополненіе къ прежнему моему рабскому, всенижайше доношу:

Въ бытность мою въ Килѣ случилось мнѣ при нѣкоторомъ случаѣ видѣть дочь Орликову (который измѣнилъ вмѣстѣ съ бывшимъ на Украйнѣ гетманомъ Мазепою), коя мнѣ въ разговорахъ сообщила, что отецъ ея живетъ нынѣ въ Турецкой землѣ, а мать въ Польшѣ въ г. Краковѣ; она же Орликовна имѣетъ два брата, и изъ оныхъ одинъ обрѣтается при Его Величествѣ королѣ Французскомъ, а другой при Станиславѣ Лещинскомъ, который отъ него Станислава нѣсколько разъ въ недавномъ времени посыланъ былъ къ султану Турецкому съ письмами, между коими одно имѣлось къ вышеупомянутому отцу ея измѣнику Орлику обязательное, что ежели онъ Станиславъ въ Польшѣ королемъ дѣйствительно будетъ, то тогда всеконечно его Орлика на Украйнѣ, принадлежащей Россійской имперіи, гетманомъ учинитъ, о чемъ стараться весьма сильною рукою обѣщалъ.

Еще же мнѣ сказывала, что отъ Его Королевскаго Высочества герцога Голштинскаго отправленъ съ нужною коммиссіею на встрѣчу къ означенному Станиславу Лещинскому генералъ Штенфлихтъ (за которымъ была ея Орликовны сестра родная за мужемъ), а о содержаніи оной коммисіи мнѣ не объявила. Оная Орликовна у герцога Голштинскаго находится въ немаломъ кредитѣ.

О семъ всенижайше доноситъ Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ Ѳедоръ Красной-Милашевичъ.

Въ Гамбургѣ 30-го дня
сентября 1733 года.

III.

Инструкція нашему генералу, подполковнику отъ гвардіи и генералу-адъютанту Андрею Ушакову.

Понеже открылись нѣкоторыя государственныя важнѣйшія дѣла и злодѣйскія намѣренія, въ которыхъ главные причастники губернаторъ Смоленскій, генералъ-маіоръ Потемкинъ съ товарищи, по приложенной росписи, того ради ѣхать вамъ на почтѣ со всякимъ возможнымъ поспѣшеніемъ денно и нощно прямо въ Смоленскъ, объявляя дорогою, что вы отправлены для вступленія съ нѣкоторою командою въ Польшу.

Пріѣхавши въ Смоленскъ, не заѣзжая ни на какой дворъ, пріѣхать прямо къ губернатору на дворъ и онаго купно со всѣмъ своимъ домомъ и служительми взять подъ крѣпчайшій караулъ, а особливо смотрѣть, чтобъ при немъ обрѣтающій секретарь Пребышевской не ушелъ, тоже подъ крѣпкій караулъ взять, а письма

6.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская!

Вашему Императорскому Величеству для высочайшаго извѣстія въ дополненіе къ прежнему моему рабскому, всенижайше доношу:

Въ бытность мою въ Килѣ случилось мнѣ при нѣкоторомъ случаѣ видѣть дочь Орликову (который измѣнилъ вмѣстѣ съ бывшимъ на Украйнѣ гетманомъ Мазепою), коя мнѣ въ разговорахъ сообщила, что отецъ ея живетъ нынѣ въ Турецкой землѣ, а мать въ Польшѣ въ г. Краковѣ; она же Орликовна имѣетъ два брата, и изъ оныхъ одинъ обрѣтается при Его Величествѣ королѣ Французскомъ, а другой при Станиславѣ Лещинскомъ, который отъ него Станислава нѣсколько разъ въ недавномъ времени посыланъ былъ къ султану Турецкому съ письмами, между коими одно имѣлось къ вышеупомянутому отцу ея измѣнику Орлику обязательное, что ежели онъ Станиславъ въ Польшѣ королемъ дѣйствительно будетъ, то тогда всеконечно его Орлика на Украйнѣ, принадлежащей Россійской имперіи, гетманомъ учинитъ, о чемъ стараться весьма сильною рукою обѣщалъ.

Еще же мнѣ сказывала, что отъ Его Королевскаго Высочества герцога Голштинскаго отправленъ съ нужною коммиссіею на встрѣчу къ означенному Станиславу Лещинскому генералъ Штенфлихтъ (за которымъ была ея Орликовны сестра родная за мужемъ), а о содержаніи оной коммисіи мнѣ не объявила. Оная Орликовна у герцога Голштинскаго находится въ немаломъ кредитѣ.

О семъ всенижайше доноситъ Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ Ѳедоръ Красной-Милашевичъ.

Въ Гамбургѣ 30-го дня
сентября 1733 года.

III.

Инструкція нашему генералу, подполковнику отъ гвардіи и генералу-адъютанту Андрею Ушакову.

Понеже открылись нѣкоторыя государственныя важнѣйшія дѣла и злодѣйскія намѣренія, въ которыхъ главные причастники губернаторъ Смоленскій, генералъ-маіоръ Потемкинъ съ товарищи, по приложенной росписи, того ради ѣхать вамъ на почтѣ со всякимъ возможнымъ поспѣшеніемъ денно и нощно прямо въ Смоленскъ, объявляя дорогою, что вы отправлены для вступленія съ нѣкоторою командою въ Польшу.

Пріѣхавши въ Смоленскъ, не заѣзжая ни на какой дворъ, пріѣхать прямо къ губернатору на дворъ и онаго купно со всѣмъ своимъ домомъ и служительми взять подъ крѣпчайшій караулъ, а особливо смотрѣть, чтобъ при немъ обрѣтающій секретарь Пребышевской не ушелъ, тоже подъ крѣпкій караулъ взять, а письма

какъ губернаторскія, такъ и секретаря вкупѣ со всѣми оными, какія у нихъ ни найдутся, забрать въ одно мѣсто и запечатать, а арестовавъ такъ губернатора, какъ и секретаря, держать всякаго за особливымъ карауломъ. чтобъ другъ съ другомъ не говорили, также и никого говорить съ ними не допускать, ни пера, ни бумаги не давать и въ прочемъ всѣ тѣ же предосторожности взять, какъ съ такими крамольниками принадлежитъ.

Дорогою ѣдучи, освѣдомиться тайнымъ образомъ, гдѣ нынѣ генералъ Потемкинъ свое пребываніе имѣетъ, въ деревняхъ ли своихъ, или въ Смоленскѣ, также и о прочихъ по приложенной росписи подлинно развѣдать, и ежели они въ деревняхъ обрѣтаются, то съ дороги послать къ нимъ пристойное число солдатъ съ офицеры и велѣть ихъ всѣхъ, сколько возможно, въ одно время, дабы другъ про друга не свѣдали и уйти не могли, взять подъ крѣпчайшій караулъ, такожде и всѣ ихъ письма собрать и запечатать и велѣть ихъ, часу не мѣшкавъ, въ городъ или другую какую крѣпость привезть, кого куда по близости способно будетъ, и для того велѣть сіе учинить въ ночное время, когда люди въ наилучшемъ снѣ бываютъ, а ежели которые въ Смоленскѣ въ городѣ обрѣтаются, и съ тѣми учинить по вышеписанному же; того ради и въ Смоленскъ пріѣхать также ночнымъ временемъ, когда ворота вездѣ заперты.

При семъ вамъ сообщаются оригинальныя письма, писанныя по объявленію при семъ съ вами посланнаго Ѳедора Иванова сына Краснаго-Милашевича, собственною рукою губернатора Смоленскаго князя Черкасскаго, а именно къ нему Милашевичу, да еще же отъ него губернатора своеручная инструкція ему Милашевичу и при томъ письмо, писанное цыфирью къ герцогу Голштинскому, да отъ генералъ-маіора Потемкина къ нему же Милашевичу одно своеручное письмо и при томъ отъ него же Потемкина своеручное письмо къ Станиславу Лещинскому, оба на польскомъ языкѣ, и съ оныхъ обоихъ переводы своеручные Милашевича; да еще при семъ же своеручная роспись разныхъ персонъ Смольянъ, которая отъ губернатора прислана къ помянутому Милашевичу для показанія герцогу Голштинскому о ихъ къ нему вѣрности, да одно пространное своеручное доношеніе Милашевича, намъ поданное, и при томъ второе доношеніе съ переводомъ вышеупомянутой росписи, да третій прибавокъ, всѣ своеручныя Милашевича; да сверхъ онаго прилагается своеручный концептъ Милашевича, писанный къ губернатору Смоленскому, и ежели у него губернатора оригинальное письмо отъ него Милашевича найдется, въ немалую ему губернатору улику быть можетъ, что онъ о томъ не доносилъ; изъ которыхъ изо всѣхъ писемъ усмотрите обстоятельно, въ чемъ сіе ихъ злодѣйское намѣреніе состоитъ.

И для того надлежитъ вамъ, по прибытіи своемъ въ Смоленскъ, посланнаго съ вами доносителя весьма въ началѣ его Милашевича содержать и, не показавъ его губернатору, напередъ объявить вышеписанныя своеручныя письма и спрашивать его, признаетъ ли онъ

какъ губернаторскія, такъ и секретаря вкупѣ со всѣми оными, какія у нихъ ни найдутся, забрать въ одно мѣсто и запечатать, а арестовавъ такъ губернатора, какъ и секретаря, держать всякаго за особливымъ карауломъ. чтобъ другъ съ другомъ не говорили, также и никого говорить съ ними не допускать, ни пера, ни бумаги не давать и въ прочемъ всѣ тѣ же предосторожности взять, какъ съ такими крамольниками принадлежитъ.

Дорогою ѣдучи, освѣдомиться тайнымъ образомъ, гдѣ нынѣ генералъ Потемкинъ свое пребываніе имѣетъ, въ деревняхъ ли своихъ, или въ Смоленскѣ, также и о прочихъ по приложенной росписи подлинно развѣдать, и ежели они въ деревняхъ обрѣтаются, то съ дороги послать къ нимъ пристойное число солдатъ съ офицеры и велѣть ихъ всѣхъ, сколько возможно, въ одно время, дабы другъ про друга не свѣдали и уйти не могли, взять подъ крѣпчайшій караулъ, такожде и всѣ ихъ письма собрать и запечатать и велѣть ихъ, часу не мѣшкавъ, въ городъ или другую какую крѣпость привезть, кого куда по близости способно будетъ, и для того велѣть сіе учинить въ ночное время, когда люди въ наилучшемъ снѣ бываютъ, а ежели которые въ Смоленскѣ въ городѣ обрѣтаются, и съ тѣми учинить по вышеписанному же; того ради и въ Смоленскъ пріѣхать также ночнымъ временемъ, когда ворота вездѣ заперты.

При семъ вамъ сообщаются оригинальныя письма, писанныя по объявленію при семъ съ вами посланнаго Ѳедора Иванова сына Краснаго-Милашевича, собственною рукою губернатора Смоленскаго князя Черкасскаго, а именно къ нему Милашевичу, да еще же отъ него губернатора своеручная инструкція ему Милашевичу и при томъ письмо, писанное цыфирью къ герцогу Голштинскому, да отъ генералъ-маіора Потемкина къ нему же Милашевичу одно своеручное письмо и при томъ отъ него же Потемкина своеручное письмо къ Станиславу Лещинскому, оба на польскомъ языкѣ, и съ оныхъ обоихъ переводы своеручные Милашевича; да еще при семъ же своеручная роспись разныхъ персонъ Смольянъ, которая отъ губернатора прислана къ помянутому Милашевичу для показанія герцогу Голштинскому о ихъ къ нему вѣрности, да одно пространное своеручное доношеніе Милашевича, намъ поданное, и при томъ второе доношеніе съ переводомъ вышеупомянутой росписи, да третій прибавокъ, всѣ своеручныя Милашевича; да сверхъ онаго прилагается своеручный концептъ Милашевича, писанный къ губернатору Смоленскому, и ежели у него губернатора оригинальное письмо отъ него Милашевича найдется, въ немалую ему губернатору улику быть можетъ, что онъ о томъ не доносилъ; изъ которыхъ изо всѣхъ писемъ усмотрите обстоятельно, въ чемъ сіе ихъ злодѣйское намѣреніе состоитъ.

И для того надлежитъ вамъ, по прибытіи своемъ въ Смоленскъ, посланнаго съ вами доносителя весьма въ началѣ его Милашевича содержать и, не показавъ его губернатору, напередъ объявить вышеписанныя своеручныя письма и спрашивать его, признаетъ ли онъ

тѣ письма за свои своеручныя или хотя по его приказу писанныя и ежели онъ въ томъ винится, то тотчасъ требовать отъ онаго, чтобъ онъ безъ всякія утайки объявилъ всѣхъ тѣхъ, которые въ семъ злодѣйскомъ дѣлѣ причастны или о томъ хотя только вѣдаютъ; и ежели объявитъ, то тотчасъ надлежащія мѣры взять, чтобъ они безъ разглашенія пойманы и за караулъ взяты были; и ежели бъ какія явились въ удаленныхъ мѣстахъ, то туда нарочнаго послать и велѣть ихъ за караулъ взять, и особливо его губернатора тогда спрашивать, къ кому онъ, по письму герцога Голштинскаго, въ Украйну писалъ, и о чемъ онъ писалъ, и какой отвѣтъ получилъ, и гдѣ тѣ письма, и какое согласіе и намѣреніе съ ними имѣлъ, и если что̀ важно въ томъ откроется, то того же часу послать нарочнаго на Украйну, смотря по важности дѣла, хотя самого генералъ-маіора Бахметева, и велѣть ему тамошнихъ причинныхъ по тому же немедленно арестовать; и ежели бы и паче чаянія какая опасность была, то о томъ немедленно отписать къ генералу Вейсбаху, чтобъ онъ съ полками его команды тотчасъ надлежащія предосторожности взялъ и въ тѣ мѣста потребное число войска послалъ, однако жь все безъ разглашенія, претекстами; такожде о чемъ надлежитъ, отписать къ генералу Семену Нарышкину въ Глуховъ, и велите ему такожде и съ своей стороны все то чинить, что̀ по тѣмъ обстоятельствамъ потребно будетъ.

Но ежели онъ губернаторъ вышепомянутыя за своеручныя письма не признаетъ, или хотя съ его приказовъ писаны — не признаетъ и во всемъ запираться станетъ, тогда дать ему очную ставку съ нимъ доносителемъ Милашевичемъ и велѣть ему Милашевичу его губернатора обличать, и понеже онъ Милашевичь объявилъ, что чрезъ его Милашевича собственнаго служителя письма отъ него губернатора къ нему Милашевичу присланы, того ради весьма потребно того служителя, котораго Милашевичь самъ покажетъ, немедленно сыскать и для вящаго обличенія ему губернатору представить.

Въ томъ же Милашевича доношеніи упомянуто о Семенѣ Ивановѣ сынѣ Корсаковѣ, который не токмо съ нимъ Милашевичемъ въ домѣ губернатора говорилъ о томъ дѣлѣ, но и нарочно къ нему въ деревню присланъ былъ, и для того весьма потребно и его Корсакова съ самаго начала такожде подъ караулъ взять и въ Смоленскъ привесть для лучшей улики.

И понеже, по его Милашевича объявленію, его губернаторскій секретарь Пребышевской обо всемъ имѣетъ быть извѣстенъ, то можете съ нимъ секретаремъ, въ такомъ случаѣ, ежели губернаторъ во всемъ запираться станетъ, хотя и пожесточае поступать, дабы подлинную правду изъ него вывѣдать, а между тѣмъ пересмотрѣть всѣ собранныя письма, не найдется ли въ оныхъ письмахъ къ сему дѣлу какой слѣдъ, и особливо какія письма—отъ герцога Голштинскаго, отъ Станислава Лещинскаго или отъ его адгерентовъ, или другія причинныя письма.

Противъ вышеписаннаго жь поступать и съ генераломъ-маіоромъ

тѣ письма за свои своеручныя или хотя по его приказу писанныя и ежели онъ въ томъ винится, то тотчасъ требовать отъ онаго, чтобъ онъ безъ всякія утайки объявилъ всѣхъ тѣхъ, которые въ семъ злодѣйскомъ дѣлѣ причастны или о томъ хотя только вѣдаютъ; и ежели объявитъ, то тотчасъ надлежащія мѣры взять, чтобъ они безъ разглашенія пойманы и за караулъ взяты были; и ежели бъ какія явились въ удаленныхъ мѣстахъ, то туда нарочнаго послать и велѣть ихъ за караулъ взять, и особливо его губернатора тогда спрашивать, къ кому онъ, по письму герцога Голштинскаго, въ Украйну писалъ, и о чемъ онъ писалъ, и какой отвѣтъ получилъ, и гдѣ тѣ письма, и какое согласіе и намѣреніе съ ними имѣлъ, и если что̀ важно въ томъ откроется, то того же часу послать нарочнаго на Украйну, смотря по важности дѣла, хотя самого генералъ-маіора Бахметева, и велѣть ему тамошнихъ причинныхъ по тому же немедленно арестовать; и ежели бы и паче чаянія какая опасность была, то о томъ немедленно отписать къ генералу Вейсбаху, чтобъ онъ съ полками его команды тотчасъ надлежащія предосторожности взялъ и въ тѣ мѣста потребное число войска послалъ, однако жь все безъ разглашенія, претекстами; такожде о чемъ надлежитъ, отписать къ генералу Семену Нарышкину въ Глуховъ, и велите ему такожде и съ своей стороны все то чинить, что̀ по тѣмъ обстоятельствамъ потребно будетъ.

Но ежели онъ губернаторъ вышепомянутыя за своеручныя письма не признаетъ, или хотя съ его приказовъ писаны — не признаетъ и во всемъ запираться станетъ, тогда дать ему очную ставку съ нимъ доносителемъ Милашевичемъ и велѣть ему Милашевичу его губернатора обличать, и понеже онъ Милашевичь объявилъ, что чрезъ его Милашевича собственнаго служителя письма отъ него губернатора къ нему Милашевичу присланы, того ради весьма потребно того служителя, котораго Милашевичь самъ покажетъ, немедленно сыскать и для вящаго обличенія ему губернатору представить.

Въ томъ же Милашевича доношеніи упомянуто о Семенѣ Ивановѣ сынѣ Корсаковѣ, который не токмо съ нимъ Милашевичемъ въ домѣ губернатора говорилъ о томъ дѣлѣ, но и нарочно къ нему въ деревню присланъ былъ, и для того весьма потребно и его Корсакова съ самаго начала такожде подъ караулъ взять и въ Смоленскъ привесть для лучшей улики.

И понеже, по его Милашевича объявленію, его губернаторскій секретарь Пребышевской обо всемъ имѣетъ быть извѣстенъ, то можете съ нимъ секретаремъ, въ такомъ случаѣ, ежели губернаторъ во всемъ запираться станетъ, хотя и пожесточае поступать, дабы подлинную правду изъ него вывѣдать, а между тѣмъ пересмотрѣть всѣ собранныя письма, не найдется ли въ оныхъ письмахъ къ сему дѣлу какой слѣдъ, и особливо какія письма—отъ герцога Голштинскаго, отъ Станислава Лещинскаго или отъ его адгерентовъ, или другія причинныя письма.

Противъ вышеписаннаго жь поступать и съ генераломъ-маіоромъ

Потемкинымъ, Корсаковымъ и съ прочими и трудиться чрезъ всякіе приличные способы, дабы сіе злодѣйское дѣло прямо отверыть и прямую правду вывѣдать, къ чему и то можетъ служить, чтобъ тотчасъ по пріѣзду вашему въ Смоленскъ, у польскихъ границъ крѣпкое смотрѣніе имѣть, дабы иногда пересылаемыя письма или хотя и нарочно посланныхъ людей перенять и письма отъ нихъ отбирать, и ежели что по тѣмъ письмамъ явилось, то поступать, какъ важность того требовать будетъ.

И понеже въ письмѣ генералъ-маіора Потемкина къ Станиславу изображено, что 2500 войска къ его службѣ безуплатно всегда готовы будутъ, того ради надлежитъ вамъ на подвиги тамошнихъ обывателей и особливо шляхетство смоленское съ недреманнымъ окомъ смотрѣть и марширующій изъ Москвы въ Смоленскъ полкъ, такожде и прочія въ сосѣдствѣ находящія войска, ежели бъ какая опасность была, такимъ образомъ разставить и разложить, чтобъ оная опасность тотчасъ прекращена быть могла, и никакое возмущеніе тамо не воспослѣдовало.

Для вспоможенія въ сей вамъ данной коммисіи можете вы взять изъ Великихъ Лукъ генералъ-маіора Бахметева да изъ Торопца полковника Шамердина.

Впрочемъ имѣете вы тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, намъ обстоятельно доносить, что у васъ происходить будетъ, на что тогда вящіе наши потребные указы присланы будутъ, и до полученія новыхъ нашихъ указовъ въ розыски и пытки какъ съ нимъ губернаторомъ, такъ и съ прочимъ смоленскимъ шляхетствомъ, ниже съ доносителемъ Милашевичемъ не вступать, но ежели бы дѣло до того дошло, что надобно было ими розыскивать, то немедленно и обстоятельно намъ доносить.

Понеже весьма государственная нужда въ томъ состоитъ, того ради, надлежитъ вамъ такія предосторожности во всемъ взять, чтобъ изъ всѣхъ именованныхъ персонъ никто уйти не успѣлъ, и впрочемъ сіе дѣло и о причинѣ арестованія ихъ содержать въ наивысшемъ секретѣ, чтобъ прежде времени отнюдь въ народѣ не разгласилось, въ чемъ во всемъ мы надѣемся на вашу извѣстную вѣрность и присяжную должность.

Прибавокъ къ инструкціи.

Особливо же надлежитъ вамъ стараться и со всякимъ прилежаніемъ искать, чтобъ получить оную азбуку цыфирную, по которой врученное вамъ отправленное отъ него губернатора къ герцогу Голштинскому цыфирное письмо писано, а съ доносителемъ Милашевичемъ подтверждается вамъ поступать со всякою ласкою, дабы онъ въ торопость не пришелъ, и держать его всегда при себѣ, однакожъ пристойнымъ и тайнымъ и искуснымъ образомъ надзирать, чтобъ онъ не ушелъ, обнадеживая его часто нашимъ всемилостивѣйшимъ награжденіемъ.

Понеже въ вышеписанной инструкціи, данной отъ губернатора

Потемкинымъ, Корсаковымъ и съ прочими и трудиться чрезъ всякіе приличные способы, дабы сіе злодѣйское дѣло прямо отверыть и прямую правду вывѣдать, къ чему и то можетъ служить, чтобъ тотчасъ по пріѣзду вашему въ Смоленскъ, у польскихъ границъ крѣпкое смотрѣніе имѣть, дабы иногда пересылаемыя письма или хотя и нарочно посланныхъ людей перенять и письма отъ нихъ отбирать, и ежели что по тѣмъ письмамъ явилось, то поступать, какъ важность того требовать будетъ.

И понеже въ письмѣ генералъ-маіора Потемкина къ Станиславу изображено, что 2500 войска къ его службѣ безуплатно всегда готовы будутъ, того ради надлежитъ вамъ на подвиги тамошнихъ обывателей и особливо шляхетство смоленское съ недреманнымъ окомъ смотрѣть и марширующій изъ Москвы въ Смоленскъ полкъ, такожде и прочія въ сосѣдствѣ находящія войска, ежели бъ какая опасность была, такимъ образомъ разставить и разложить, чтобъ оная опасность тотчасъ прекращена быть могла, и никакое возмущеніе тамо не воспослѣдовало.

Для вспоможенія въ сей вамъ данной коммисіи можете вы взять изъ Великихъ Лукъ генералъ-маіора Бахметева да изъ Торопца полковника Шамердина.

Впрочемъ имѣете вы тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, намъ обстоятельно доносить, что у васъ происходить будетъ, на что тогда вящіе наши потребные указы присланы будутъ, и до полученія новыхъ нашихъ указовъ въ розыски и пытки какъ съ нимъ губернаторомъ, такъ и съ прочимъ смоленскимъ шляхетствомъ, ниже съ доносителемъ Милашевичемъ не вступать, но ежели бы дѣло до того дошло, что надобно было ими розыскивать, то немедленно и обстоятельно намъ доносить.

Понеже весьма государственная нужда въ томъ состоитъ, того ради, надлежитъ вамъ такія предосторожности во всемъ взять, чтобъ изъ всѣхъ именованныхъ персонъ никто уйти не успѣлъ, и впрочемъ сіе дѣло и о причинѣ арестованія ихъ содержать въ наивысшемъ секретѣ, чтобъ прежде времени отнюдь въ народѣ не разгласилось, въ чемъ во всемъ мы надѣемся на вашу извѣстную вѣрность и присяжную должность.

Прибавокъ къ инструкціи.

Особливо же надлежитъ вамъ стараться и со всякимъ прилежаніемъ искать, чтобъ получить оную азбуку цыфирную, по которой врученное вамъ отправленное отъ него губернатора къ герцогу Голштинскому цыфирное письмо писано, а съ доносителемъ Милашевичемъ подтверждается вамъ поступать со всякою ласкою, дабы онъ въ торопость не пришелъ, и держать его всегда при себѣ, однакожъ пристойнымъ и тайнымъ и искуснымъ образомъ надзирать, чтобъ онъ не ушелъ, обнадеживая его часто нашимъ всемилостивѣйшимъ награжденіемъ.

Понеже въ вышеписанной инструкціи, данной отъ губернатора

Смоленскаго Милашевичу, упомянуто, что губернаторъ, по письму герцога Голштинскаго, уже въ Украйну писалъ, того ради, разсуждая собою о тѣхъ персонахъ, къ которымъ онъ губернаторъ о такомъ важномъ дѣлѣ писать могъ бы, нѣкоторое сомнѣніе имѣемъ, не писалъ ли онъ иногда къ генералу Семену Нарышкину, который при гетманѣ въ Глуховѣ обрѣтается; того ради надлежитъ вамъ не токмо тотчасъ съ своего пріѣзда всякимъ образомъ стараться вывѣдать, къ кому онъ въ Украйну писалъ, и съ кѣмъ онъ тамо въ согласіи обрѣтается (какъ о томъ уже и выше въ инструкціи именно упомянуто и подтверждено), но и отъ него генерала Нарышкина остерегаться и смотрѣть, не найдется ли за нимъ какой слѣдъ, а паче всего, какъ скоро вы о той украинской корреспонденціи подлинно увѣдаете, въ чемъ главная нужда состоитъ, то того часу туда послать и до кого бъ ни дошло, не смотря ни на чье лице, за караулъ взять. Сію инструкцію оригинально имѣете вы сообщить генералъ-маіору Бахметеву, дабы онъ толь лучше въ состояніи былъ обще съ вами согласно поступать.

IV.

Второе доношеніе Ѳедора Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Видя неусыпное и прилежное Вашего Императорскаго Величества попеченіе къ народу Россійскому и желаніе всякаго благополучія въ милостивомъ правленіи, я же, яко недостойный назватися рабъ Вашего Императорскаго Величества, не яко ложный доноситель или желатель какія мзды за сіе въ награжденіе или бы умышленнымъ воровскимъ подлогомъ сдѣлалъ сіе, и не по должности рабской, но укрывая добродѣтелей моихъ не хотя оскорбить несовершенную самую правду, донесъ Вашему Императорскому Величеству въ прежнемъ доношеніи моемъ, за что достоинъ есмь смерти и жестокаго истязанія, чего никакъ миновать могу, но на остатокъ въ правдѣ моей вѣнчаться хотя и смертію желаю; ежели жъ сверхъ сего что знаю или затѣваю на князя Черкасскаго, или собою составливалъ роспись, или цифирное письмо, или польскія письма писалъ, то не только смертнаго наказанія и истязанія достоинъ буду, но и по смерти моей соборнаго проклятія долженъ буду; нынѣ истинную сущую доношу Вашему Императорскому Величеству.

Въ прошломъ 1732 году, какъ нижайшій отпущенъ былъ отъ двора ея величества государыни царевны и герцогини Мекленбургъ-Шверинскія Екатерины Іоанновны, то по нѣкоторому случаю вхожъ былъ къ старостѣ Потоцкому, который былъ въ Петербургѣ, а именно: купецъ былъ Баро, за котораго я нижайшій и отъ двора былъ отрѣшенъ; вышепомянутый купецъ давно былъ мнѣ знакомъ, и которому я купцу ненадобные мною выписанные товары прода-

Смоленскаго Милашевичу, упомянуто, что губернаторъ, по письму герцога Голштинскаго, уже въ Украйну писалъ, того ради, разсуждая собою о тѣхъ персонахъ, къ которымъ онъ губернаторъ о такомъ важномъ дѣлѣ писать могъ бы, нѣкоторое сомнѣніе имѣемъ, не писалъ ли онъ иногда къ генералу Семену Нарышкину, который при гетманѣ въ Глуховѣ обрѣтается; того ради надлежитъ вамъ не токмо тотчасъ съ своего пріѣзда всякимъ образомъ стараться вывѣдать, къ кому онъ въ Украйну писалъ, и съ кѣмъ онъ тамо въ согласіи обрѣтается (какъ о томъ уже и выше въ инструкціи именно упомянуто и подтверждено), но и отъ него генерала Нарышкина остерегаться и смотрѣть, не найдется ли за нимъ какой слѣдъ, а паче всего, какъ скоро вы о той украинской корреспонденціи подлинно увѣдаете, въ чемъ главная нужда состоитъ, то того часу туда послать и до кого бъ ни дошло, не смотря ни на чье лице, за караулъ взять. Сію инструкцію оригинально имѣете вы сообщить генералъ-маіору Бахметеву, дабы онъ толь лучше въ состояніи былъ обще съ вами согласно поступать.

IV.

Второе доношеніе Ѳедора Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Видя неусыпное и прилежное Вашего Императорскаго Величества попеченіе къ народу Россійскому и желаніе всякаго благополучія въ милостивомъ правленіи, я же, яко недостойный назватися рабъ Вашего Императорскаго Величества, не яко ложный доноситель или желатель какія мзды за сіе въ награжденіе или бы умышленнымъ воровскимъ подлогомъ сдѣлалъ сіе, и не по должности рабской, но укрывая добродѣтелей моихъ не хотя оскорбить несовершенную самую правду, донесъ Вашему Императорскому Величеству въ прежнемъ доношеніи моемъ, за что достоинъ есмь смерти и жестокаго истязанія, чего никакъ миновать могу, но на остатокъ въ правдѣ моей вѣнчаться хотя и смертію желаю; ежели жъ сверхъ сего что знаю или затѣваю на князя Черкасскаго, или собою составливалъ роспись, или цифирное письмо, или польскія письма писалъ, то не только смертнаго наказанія и истязанія достоинъ буду, но и по смерти моей соборнаго проклятія долженъ буду; нынѣ истинную сущую доношу Вашему Императорскому Величеству.

Въ прошломъ 1732 году, какъ нижайшій отпущенъ былъ отъ двора ея величества государыни царевны и герцогини Мекленбургъ-Шверинскія Екатерины Іоанновны, то по нѣкоторому случаю вхожъ былъ къ старостѣ Потоцкому, который былъ въ Петербургѣ, а именно: купецъ былъ Баро, за котораго я нижайшій и отъ двора былъ отрѣшенъ; вышепомянутый купецъ давно былъ мнѣ знакомъ, и которому я купцу ненадобные мною выписанные товары прода-

вать отдавалъ, и у него купца на кредитъ биралъ часто, а вышеозначенный купецъ знакомъ былъ помянутому Потоцкому и отъ него также товары продавать биралъ и ему на кредитъ вѣривалъ; и какъ у сего купца забраны товары были въ Петербургѣ, то Потоцкій самъ присылалъ, а не человѣкъ его, коляску по товары. Въ прошломъ 1732 году онъ Потоцкій показалъ, будто камердинеръ его посылалъ коляску, а не онъ; то онъ Потоцкій стыда ради сказалъ; да и въ тѣхъ же товарахъ его Потоцкаго было тысячъ на пять, и больше. И по тому знакомству онъ Потоцкій въ малыхъ и неразсудительныхъ моихъ лѣтахъ наговорилъ, чтобы я къ нему въ Польшу поѣхалъ, и какъ я поѣхалъ изъ Петербурга, то оный Потоцкій писалъ со мною рекомендацію обо мнѣ къ Потоцкому жь, который былъ въ Горкахъ воевода Бѣльскій, и къ секретарю примасову Магельницкому, который въ его Потоцкаго мѣстечкѣ Кристіянъ-Полѣ управителемъ: когда бъ я прежде его пріѣхалъ и похотѣлъ жить, то бъ ему дѣлать мнѣ всякую выгоду и содержать бы меня до его Потоцкаго пріѣзду; но я какъ поѣхалъ изъ С.-Петербурга и пріѣхалъ въ Смоленскъ, какъ прежде сего означено въ доношеніи моемъ, у князя Черкасскаго бывалъ и всѣ показанныя слова его Черкасскаго слышалъ, и въ одно время ему Черкасскому о семъ объявилъ, что оный Потоцкій звалъ меня къ себѣ и рекомендацію къ вышеупомянутымъ далъ обо мнѣ, то онъ Черкасской похвалилъ сіе и сказалъ: „Можешь де оттуда и лучшій случай сыскать“. А эти слова были сказаны у помянутаго въ доношеніи моемъ полковника Якова Швайковскаго, какъ въ вечеру съ Черкасскимъ на чердакѣ, гдѣ онъ Черкасской спалъ, говорили; только я въ тѣ поры ему намекнулъ, а всего не говорилъ, но обѣщалъ ему сказать, пріѣхавъ въ Смоленскъ, какъ онъ Черкасской хотѣлъ мнѣ слѣдъ сыскать и велѣлъ мнѣ въ Смоленскъ пріѣхать, гдѣ и къ присягѣ приводилъ, чтобъ мнѣ сего не сказать. И въ то время я ему Черкасскому обстоятельно о Потоцкомъ разсказалъ, и въ то время онъ Черкасской всѣ слова упомянутыя говорилъ, кромѣ сихъ словъ: „когда де въ Польшѣ да король согласный будетъ, да что—поѣзжай де ты отъ здѣшней шляхты и отъ генерала Потемкина“; того онъ Черкасской не говорилъ, а говорилъ на свою одну персону, и письма отъ Потемкина не давалъ, но далъ лишь свое рекомендательное къ герцогу. А въ доношеніи моемъ того ради написалъ, якобы Черкасской говорилъ, для того, что я съ тѣмъ самъ ѣхать описался въ Петербургъ, думалъ, что всеконечно Черкасскій во всемъ признаться можетъ. А прочія слова онъ Черкасской всѣ говорилъ, какъ въ доношеніи я показалъ. И какимъ образомъ я изъ Смоленска поѣхалъ, то все правда; только человѣка моего Андрея Моисѣева къ нему Черкасскому не посылалъ и писемъ, въ доношеніи моемъ и въ очной ставкѣ что я показалъ, а именно письма ко мнѣ, да инструкціи и цыфирнаго письма и росписи смоленскихъ шляхтъ да двухъ писемъ генералъ-маіора Потемкина къ Лещинскому да ко мнѣ, не получалъ отъ него Черкасскаго, а получилъ я сіи письма отъ помянутаго Потоцкаго такимъ образомъ, какъ ниже сего зна-

вать отдавалъ, и у него купца на кредитъ биралъ часто, а вышеозначенный купецъ знакомъ былъ помянутому Потоцкому и отъ него также товары продавать биралъ и ему на кредитъ вѣривалъ; и какъ у сего купца забраны товары были въ Петербургѣ, то Потоцкій самъ присылалъ, а не человѣкъ его, коляску по товары. Въ прошломъ 1732 году онъ Потоцкій показалъ, будто камердинеръ его посылалъ коляску, а не онъ; то онъ Потоцкій стыда ради сказалъ; да и въ тѣхъ же товарахъ его Потоцкаго было тысячъ на пять, и больше. И по тому знакомству онъ Потоцкій въ малыхъ и неразсудительныхъ моихъ лѣтахъ наговорилъ, чтобы я къ нему въ Польшу поѣхалъ, и какъ я поѣхалъ изъ Петербурга, то оный Потоцкій писалъ со мною рекомендацію обо мнѣ къ Потоцкому жь, который былъ въ Горкахъ воевода Бѣльскій, и къ секретарю примасову Магельницкому, который въ его Потоцкаго мѣстечкѣ Кристіянъ-Полѣ управителемъ: когда бъ я прежде его пріѣхалъ и похотѣлъ жить, то бъ ему дѣлать мнѣ всякую выгоду и содержать бы меня до его Потоцкаго пріѣзду; но я какъ поѣхалъ изъ С.-Петербурга и пріѣхалъ въ Смоленскъ, какъ прежде сего означено въ доношеніи моемъ, у князя Черкасскаго бывалъ и всѣ показанныя слова его Черкасскаго слышалъ, и въ одно время ему Черкасскому о семъ объявилъ, что оный Потоцкій звалъ меня къ себѣ и рекомендацію къ вышеупомянутымъ далъ обо мнѣ, то онъ Черкасской похвалилъ сіе и сказалъ: „Можешь де оттуда и лучшій случай сыскать“. А эти слова были сказаны у помянутаго въ доношеніи моемъ полковника Якова Швайковскаго, какъ въ вечеру съ Черкасскимъ на чердакѣ, гдѣ онъ Черкасской спалъ, говорили; только я въ тѣ поры ему намекнулъ, а всего не говорилъ, но обѣщалъ ему сказать, пріѣхавъ въ Смоленскъ, какъ онъ Черкасской хотѣлъ мнѣ слѣдъ сыскать и велѣлъ мнѣ въ Смоленскъ пріѣхать, гдѣ и къ присягѣ приводилъ, чтобъ мнѣ сего не сказать. И въ то время я ему Черкасскому обстоятельно о Потоцкомъ разсказалъ, и въ то время онъ Черкасской всѣ слова упомянутыя говорилъ, кромѣ сихъ словъ: „когда де въ Польшѣ да король согласный будетъ, да что — поѣзжай де ты отъ здѣшней шляхты и отъ генерала Потемкина“; того онъ Черкасской не говорилъ, а говорилъ на свою одну персону, и письма отъ Потемкина не давалъ, но далъ лишь свое рекомендательное къ герцогу. А въ доношеніи моемъ того ради написалъ, якобы Черкасской говорилъ, для того, что я съ тѣмъ самъ ѣхать описался въ Петербургъ, думалъ, что всеконечно Черкасскій во всемъ признаться можетъ. А прочія слова онъ Черкасской всѣ говорилъ, какъ въ доношеніи я показалъ. И какимъ образомъ я изъ Смоленска поѣхалъ, то все правда; только человѣка моего Андрея Моисѣева къ нему Черкасскому не посылалъ и писемъ, въ доношеніи моемъ и въ очной ставкѣ что я показалъ, а именно письма ко мнѣ, да инструкціи и цыфирнаго письма и росписи смоленскихъ шляхтъ да двухъ писемъ генералъ-маіора Потемкина къ Лещинскому да ко мнѣ, не получалъ отъ него Черкасскаго, а получилъ я сіи письма отъ помянутаго Потоцкаго такимъ образомъ, какъ ниже сего зна-

читъ. Только я донесть Вашему Императорскому Величеству не намѣренъ былъ, того ради, что не зналъ — какимъ образомъ, и не смѣлъ, понеже я и такъ былъ въ несчастіи отъ онаго Потоцкаго: могли бы подумать, что я, выискивая случай, затѣялъ; но намѣреніе мое было ѣхать къ вышеозначенному Потоцкому, гдѣ думалъ сыскать случай чрезъ него, видя его въ тѣ поры въ кредитѣ у двора россійскаго; и думалъ я, побывъ у него нѣсколько время, пріискавъ случай, отъ него съ рекомендаціею возвратиться назадъ въ Россію. На пути моемъ, какъ я изъ Смоленска ѣхалъ въ Варшаву чрезъ Минскъ (гдѣ нынѣшнюю мою жену узналъ), и оттуда поѣхалъ въ Варшаву, и въ Варшавѣ Потоцкаго не засталъ; и ѣхалъ я въ дальнюю его деревню Кристіянъ-Поль, гдѣ его получилъ дома, и жилъ у него, думая, что онъ въ вѣрности находится двора россійскаго, понеже онъ Потоцкій и кавалерію имѣлъ россійскую; и въ нѣкоторое время, усмотря его наединѣ, къ разговорамъ кстати сказалъ ему, что князь Черкасской говорилъ мнѣ такія слова, а именно изъ тѣхъ словъ, которыя я въ доношеніи написалъ, и въ инструкціи упомянуто, только не всѣ, нѣкоторыя изъ тѣхъ; и сказалъ ему, что „не изволишь ли ты объ этомъ отписать къ Ея Императорскому Величеству, за что̀, думаю, получите благодареніе“. На то онъ Потоцкій сказалъ: „Что̀ де мнѣ писать! И ежели де мнѣ писать, то не дать тебѣ самому ѣхать!“ И я ему на то отвѣтствовалъ, что я самъ съ этимъ не поѣду, понеже опасаюсь: можетъ быть, что и не повѣрятъ; то онъ Потоцкій сказалъ: „А коли де такъ, то я писать не стану собою“. Тѣмъ и окончилось; потомъ я ему ничего не говорилъ, ни онъ мнѣ объ тѣхъ разговорахъ.

Потомъ, видя я его къ себѣ милость, сказалъ ему, что я, чрезъ Минскъ ѣдучи, сыскалъ себѣ невѣсту; только думаю, что за меня не отдадутъ. И онъ Потоцкій спрашивалъ, кто она такова, и обѣщалъ сіе сдѣлать и писалъ къ тестю моему обо мнѣ. Получа отъ тестя моего отвѣтъ, что они волю его исполнятъ, то онъ Потоцкій отпустилъ меня и далъ денегъ сто червонныхъ на свадьбу и желалъ, чтобы я у него жилъ и женясь бы къ нему возвратился; и что̀ тесть мой держалъ его Потоцкаго деревню, онъ Потоцкій вовсе женѣ моей уступилъ и далъ мнѣ на нее крѣпость, которая нынѣ у жены моей имѣется. И я отъ онаго Потоцкаго поѣхалъ въ Минскъ съ намѣреніемъ жениться, и какъ пріѣхалъ въ домъ къ тестю моему, не засталъ тестя моего дома; дожидаясь его тестя, занемогъ я огневою и пролежалъ нѣсколько время. Въ болѣзни моей писывалъ тесть мой къ нему Потоцкому и отъ него получалъ въ отвѣтъ письма, и ко мнѣ по вся почты. Потомъ, какъ я послѣ болѣзни сталъ оправляться, то получилъ отъ него Потоцкаго письмо чрезъ почту изъ Варшавы, какъ онъ Потоцкій пріѣзжалъ на сеймъ и жилъ въ Варшавѣ послѣ того, въ такой силѣ, чтобъ я къ нему пріѣхалъ въ Варшаву, а ежели не женился, чтобъ о всѣхъ вышеозначенныхъ разговорахъ князя Черкасскаго, о которыхъ я ему Потоцкому сказывалъ, на письмѣ бъ прислалъ; то я, мало оправившись отъ болѣзни, и написалъ къ нему Потоцкому письмо

читъ. Только я донесть Вашему Императорскому Величеству не намѣренъ былъ, того ради, что не зналъ — какимъ образомъ, и не смѣлъ, понеже я и такъ былъ въ несчастіи отъ онаго Потоцкаго: могли бы подумать, что я, выискивая случай, затѣялъ; но намѣреніе мое было ѣхать къ вышеозначенному Потоцкому, гдѣ думалъ сыскать случай чрезъ него, видя его въ тѣ поры въ кредитѣ у двора россійскаго; и думалъ я, побывъ у него нѣсколько время, пріискавъ случай, отъ него съ рекомендаціею возвратиться назадъ въ Россію. На пути моемъ, какъ я изъ Смоленска ѣхалъ въ Варшаву чрезъ Минскъ (гдѣ нынѣшнюю мою жену узналъ), и оттуда поѣхалъ въ Варшаву, и въ Варшавѣ Потоцкаго не засталъ; и ѣхалъ я въ дальнюю его деревню Кристіянъ-Поль, гдѣ его получилъ дома, и жилъ у него, думая, что онъ въ вѣрности находится двора россійскаго, понеже онъ Потоцкій и кавалерію имѣлъ россійскую; и въ нѣкоторое время, усмотря его наединѣ, къ разговорамъ кстати сказалъ ему, что князь Черкасской говорилъ мнѣ такія слова, а именно изъ тѣхъ словъ, которыя я въ доношеніи написалъ, и въ инструкціи упомянуто, только не всѣ, нѣкоторыя изъ тѣхъ; и сказалъ ему, что „не изволишь ли ты объ этомъ отписать къ Ея Императорскому Величеству, за что̀, думаю, получите благодареніе“. На то онъ Потоцкій сказалъ: „Что̀ де мнѣ писать! И ежели де мнѣ писать, то не дать тебѣ самому ѣхать!“ И я ему на то отвѣтствовалъ, что я самъ съ этимъ не поѣду, понеже опасаюсь: можетъ быть, что и не повѣрятъ; то онъ Потоцкій сказалъ: „А коли де такъ, то я писать не стану собою“. Тѣмъ и окончилось; потомъ я ему ничего не говорилъ, ни онъ мнѣ объ тѣхъ разговорахъ.

Потомъ, видя я его къ себѣ милость, сказалъ ему, что я, чрезъ Минскъ ѣдучи, сыскалъ себѣ невѣсту; только думаю, что за меня не отдадутъ. И онъ Потоцкій спрашивалъ, кто она такова, и обѣщалъ сіе сдѣлать и писалъ къ тестю моему обо мнѣ. Получа отъ тестя моего отвѣтъ, что они волю его исполнятъ, то онъ Потоцкій отпустилъ меня и далъ денегъ сто червонныхъ на свадьбу и желалъ, чтобы я у него жилъ и женясь бы къ нему возвратился; и что̀ тесть мой держалъ его Потоцкаго деревню, онъ Потоцкій вовсе женѣ моей уступилъ и далъ мнѣ на нее крѣпость, которая нынѣ у жены моей имѣется. И я отъ онаго Потоцкаго поѣхалъ въ Минскъ съ намѣреніемъ жениться, и какъ пріѣхалъ въ домъ къ тестю моему, не засталъ тестя моего до̀ма; дожидаясь его тестя, занемогъ я огневою и пролежалъ нѣсколько время. Въ болѣзни моей писывалъ тесть мой къ нему Потоцкому и отъ него получалъ въ отвѣтъ письма, и ко мнѣ по вся почты. Потомъ, какъ я послѣ болѣзни сталъ оправляться, то получилъ отъ него Потоцкаго письмо чрезъ почту изъ Варшавы, какъ онъ Потоцкій пріѣзжалъ на сеймъ и жилъ въ Варшавѣ послѣ того, въ такой силѣ, чтобъ я къ нему пріѣхалъ въ Варшаву, а ежели не женился, чтобъ о всѣхъ вышеозначенныхъ разговорахъ князя Черкасскаго, о которыхъ я ему Потоцкому сказывалъ, на письмѣ бъ прислалъ; то я, мало оправившись отъ болѣзни, и написалъ къ нему Потоцкому письмо

отъ себя и прописалъ всѣ слова князя Черкасскаго, о которыхъ я въ доношеніи моемъ показалъ, что инструкція Черкасскаго: такая инструкція не его руки Черкасскаго, но мною составлена была и послана къ нему Потоцкому чрезъ человѣка моего Андрея Моисѣева, не подписываясь подъ его руку Черкасскаго, но думалъ, что знатно, онъ Потоцкій хочетъ объ этомъ писать къ россійскому двору или съ министромъ россійскимъ, можетъ быть, говорилъ про сіе вышепомянутое дѣло.Ославъ вышепомянутаго человѣка Андрея Моисѣева, самъ еще не очень отъ болѣзни оправился; и Андрей Моисѣевъ возвратился отъ Потоцкаго прежде свадьбы моея за недѣлю съ однимъ письмомъ, въ которомъ было написано, что онъ Потоцкій письма отъ меня получилъ, а отвѣту на нихъ не пишетъ, въ скоромъ времени чрезъ почту отписать хотѣлъ; да онъ же Потоцкій въ томъ же письмѣ писалъ, что де въ Вильно-городъ посланъ будетъ примасовъ секретарь Магельницкій; то думаетъ де онъ Потоцкій, что ежели не скоро онъ Магельницкій отъѣдетъ, то съ нимъ писать и приказывать станетъ онъ Потоцкій ко мнѣ. И я по полученіи сего письма спустя недѣлю женился и во время свадьбы моей получилъ вѣдомость, что вышеупомянутый секретарь примасовъ Магельницкій въ Вильно пріѣхалъ; то я на третій день послѣ свадьбы моей поѣхалъ въ Вильно для повиданія съ нимъ Магельницкимъ и хотя получить чрезъ него отвѣтъ; и по пріѣздѣ моемъ въ Вильно къ вышеупомянутому Магельницкому пришелъ и спрашивалъ у него, нѣтъ ли ко мнѣ какихъ писемъ; то онъ Магельницкій сказалъ, что де говорилъ староста Потоцкій, хотѣлъ де писать, только не успѣлъ; станетъ де писать скоро чрезъ почту, только де говорилъ, какъ прилутъ письма, чтобъ противъ ихъ сдѣлалъ; да онъ же Магельницкій сказывалъ, что у нихъ было на сеймѣ, будто бы россійскому министру вольнаго голосу не было, и будто всѣ посторонніе министры согласились избрать Станислава королемъ; и многіе разговоры говорилъ противу россійскаго двора. Потомъ онъ Магельницкій сказалъ мнѣ: „Теперь де ты поѣзжай къ женѣ; ужь де онъ Потоцкій прямо къ тебѣ въ Минскъ писать станетъ; а ежели де ко мнѣ будетъ что писать, то де я къ тебѣ пришлю“. И велѣлъ мнѣ въ Вильнѣ оставить человѣка, и велѣлъ, чтобы человѣкъ мой по вся дни провѣдывать приходилъ къ одному купцу Маву въ домъ; ежели де какія письма къ опому Магельницкому будутъ, то оный человѣкъ привезъ бы ко мнѣ, понеже онъ Магельницкій отъѣзжалъ въ подгородную деревню Потѣя, стражника Литовскаго; а письма, къ нему Магельницкому присланныя, откуда бы ни были, принималъ вышеупомянутый купецъ Мавъ. И я на его слово что сдѣлалъ самъ: я поѣхалъ къ женѣ моей, а въ Вильнѣ оставилъ человѣка моего Ѳедора Раевскаго, для привозу ежели бъ были какія письма на имя мое; и какъ я чрезъ три дни пріѣхалъ въ домъ тестя моего, то послалъ Андрея Моисѣева въ городъ Минскъ и велѣлъ ему тамъ дожидаться, ежели будутъ какія письма на почтѣ; и Андрей Моисѣевъ привезъ на третій день съ почты большой пакетъ отъ него Потоцкаго, въ которомъ пакетѣ

отъ себя и прописалъ всѣ слова князя Черкасскаго, о которыхъ я въ доношеніи моемъ показалъ, что инструкція Черкасскаго: такая инструкція не его руки Черкасскаго, но мною составлена была и послана къ нему Потоцкому чрезъ человѣка моего Андрея Моисѣева, не подписываясь подъ его руку Черкасскаго, но думалъ, что знатно, онъ Потоцкій хочетъ объ этомъ писать къ россійскому двору или съ министромъ россійскимъ, можетъ быть, говорилъ про сіе вышепомянутое дѣло.Ославъ вышепомянутаго человѣка Андрея Моисѣева, самъ еще не очень отъ болѣзни оправился; и Андрей Моисѣевъ возвратился отъ Потоцкаго прежде свадьбы моея за недѣлю съ однимъ письмомъ, въ которомъ было написано, что онъ Потоцкій письма отъ меня получилъ, а отвѣту на нихъ не пишетъ, въ скоромъ времени чрезъ почту отписать хотѣлъ; да онъ же Потоцкій въ томъ же письмѣ писалъ, что де въ Вильно-городъ посланъ будетъ примасовъ секретарь Магельницкій; то думаетъ де онъ Потоцкій, что ежели не скоро онъ Магельницкій отъѣдетъ, то съ нимъ писать и приказывать станетъ онъ Потоцкій ко мнѣ. И я по полученіи сего письма спустя недѣлю женился и во время свадьбы моей получилъ вѣдомость, что вышеупомянутый секретарь примасовъ Магельницкій въ Вильно пріѣхалъ; то я на третій день послѣ свадьбы моей поѣхалъ въ Вильно для повиданія съ нимъ Магельницкимъ и хотя получить чрезъ него отвѣтъ; и по пріѣздѣ моемъ въ Вильно къ вышеупомянутому Магельницкому пришелъ и спрашивалъ у него, нѣтъ ли ко мнѣ какихъ писемъ; то онъ Магельницкій сказалъ, что де говорилъ староста Потоцкій, хотѣлъ де писать, только не успѣлъ; станетъ де писать скоро чрезъ почту, только де говорилъ, какъ прилутъ письма, чтобъ противъ ихъ сдѣлалъ; да онъ же Магельницкій сказывалъ, что у нихъ было на сеймѣ, будто бы россійскому министру вольнаго голосу не было, и будто всѣ посторонніе министры согласились избрать Станислава королемъ; и многіе разговоры говорилъ противу россійскаго двора. Потомъ онъ Магельницкій сказалъ мнѣ: „Теперь де ты поѣзжай къ женѣ; ужь де онъ Потоцкій прямо къ тебѣ въ Минскъ писать станетъ; а ежели де ко мнѣ будетъ что писать, то де я къ тебѣ пришлю“. И велѣлъ мнѣ въ Вильнѣ оставить человѣка, и велѣлъ, чтобы человѣкъ мой по вся дни провѣдывать приходилъ къ одному купцу Маву въ домъ; ежели де какія письма къ опому Магельницкому будутъ, то оный человѣкъ привезъ бы ко мнѣ, понеже онъ Магельницкій отъѣзжалъ въ подгородную деревню Потѣя, стражника Литовскаго; а письма, къ нему Магельницкому присланныя, откуда бы ни были, принималъ вышеупомянутый купецъ Мавъ. И я на его слово что сдѣлалъ самъ: я поѣхалъ къ женѣ моей, а въ Вильнѣ оставилъ человѣка моего Ѳедора Раевскаго, для привозу ежели бъ были какія письма на имя мое; и какъ я чрезъ три дни пріѣхалъ въ домъ тестя моего, то послалъ Андрея Моисѣева въ городъ Минскъ и велѣлъ ему тамъ дожидаться, ежели будутъ какія письма на почтѣ; и Андрей Моисѣевъ привезъ на третій день съ почты большой пакетъ отъ него Потоцкаго, въ которомъ пакетѣ

были письма, а именно, одно письмо будто генералъ-маіора Потемкина ко мнѣ, да роспись смоленскимъ шляхтамъ, да изъ моего письма съ вышеупомянутыхъ словъ Черкасскаго сдѣлана будто инструкція, которую я къ нему Потоцкому писалъ, а не его Черкасскаго собственной руки, да цифирное письмо; подписи подъ онымъ не было, и пакетовъ объявленныхъ не было на имя герцога Голштинскаго, которые я по полученіи своею рукою подписалъ такимъ образомъ, какъ ниже сего написано; да еще жь будто бы отъ всея Малой Россіи къ нему жь Станиславу, и очень ругательна была, которую я нижайшій опасался показать и сожегъ, не ѣздя изъ дому тестя моего. Помнится мнѣ, что въ такой силѣ было написано, будто бы они Малороссіяне пишутъ тако жь къ Станиславу: когда де отвѣтъ получимъ милостивый отъ Станислава, то можемъ де всю армію осилить, понеже они разставлены въ Украйнѣ по дворамъ, и согласясь де, всѣхъ передавимъ. Иныхъ упомнить не могу, только думаю, всеконечно, пасквиль былъ сдѣланъ. Я же, никакого на Украйну не имѣючи слѣду, донесть не смѣлъ. Да ко мнѣ жь было отъ него Потоцкаго письмо, а въ немъ было написано, чтобы вышеозначенныя письма въ трехъ воеводствахъ объявить, а именно: въ Вильнѣ, въ Минскѣ да въ Ошмянѣ, во время реляційныхъ сеймиковъ, и сказывать, что это подлинно ко мнѣ прислано, и говорить, что это все правда, и увѣщевать ихъ, съ чего бы могли имѣть Поляки вѣрность къ Станиславу и мнѣ бы повѣрить могли, того ради, что я изъ Россіи уѣхалъ; и тестю моему велѣть сказать, чтобы онъ мнѣ помогъ въ этомъ. И къ нему Потоцкій отписалъ, чтобы могло сдѣлаться по симъ письмамъ; но я, получа такія письма, сумнился, а больше видѣвъ роспись смоленскихъ шляхтъ, и нѣкоторыхъ похожи руки казались изъ сродниковъ близкихъ и роднаго брата подписана тутъ же рука была, а его ли—подлинно того не вѣдалъ; только думалъ, что чрезъ такое дальнее разстояніе, какъ бы самому Потоцкому увѣдать и составить; думалъ, что конечно, что нибудь между ими было, понеже видѣлъ князя Черкасскаго губернатора не очень вѣрна, и такія отъ него слова слышалъ.

То съ глупаго моего разума сдѣлалъ сіе изъ онаго письма, которое я къ нему писалъ Потоцкому съ разговоровъ Черкасскаго, и наученія сдѣлалъ, будто инструкцію, да письмо, будто отъ Черкасскаго ко мнѣ, и кувертъ на цифирное письмо на имя герцогово, и другой кувертъ на мое имя, и подписалъ я его Черкасскаго именемъ, и не подъ его руку, подписываяся собственною моею рукою, только для того, что я самъ въ Петербургъ намѣренія не имѣлъ ѣхать, а думалъ отдать которому министру; и сдѣлавши глупое такое дѣло, тестю моему просто ничего не сказалъ, только сказалъ ему, что по этимъ письмамъ надобно мнѣ, всеконечно, ѣхать въ Кенигсбергъ для пріему денегъ; и взявъ на дорогу денегъ и не мѣшкавъ недѣли, поѣхалъ въ Вильно и, тамъ съ вышеупомянутымъ Магельницкимъ не видавшись, поѣхалъ, взявъ моего человѣка Ѳедора Раевскаго въ Кенигсбергъ; и пріѣхавъ въ Кенигс-

были письма, а именно, одно письмо будто генералъ-маіора Потемкина ко мнѣ, да роспись смоленскимъ шляхтамъ, да изъ моего письма съ вышеупомянутыхъ словъ Черкасскаго сдѣлана будто инструкція, которую я къ нему Потоцкому писалъ, а не его Черкасскаго собственной руки, да цифирное письмо; подписи подъ онымъ не было, и пакетовъ объявленныхъ не было на имя герцога Голштинскаго, которые я по полученіи своею рукою подписалъ такимъ образомъ, какъ ниже сего написано; да еще жь будто бы отъ всея Малой Россіи къ нему жь Станиславу, и очень ругательна была, которую я нижайшій опасался показать и сожегъ, не ѣздя изъ дому тестя моего. Помнится мнѣ, что въ такой силѣ было написано, будто бы они Малороссіяне пишутъ тако жь къ Станиславу: когда де отвѣтъ получимъ милостивый отъ Станислава, то можемъ де всю армію осилить, понеже они разставлены въ Украйнѣ по дворамъ, и согласясь де, всѣхъ передавимъ. Иныхъ упомнить не могу, только думаю, всеконечно, пасквиль былъ сдѣланъ. Я же, никакого на Украйну не имѣючи слѣду, донесть не смѣлъ. Да ко мнѣ жь было отъ него Потоцкаго письмо, а въ немъ было написано, чтобы вышеозначенныя письма въ трехъ воеводствахъ объявить, а именно: въ Вильнѣ, въ Минскѣ да въ Ошмянѣ, во время реляційныхъ сеймиковъ, и сказывать, что это подлинно ко мнѣ прислано, и говорить, что это все правда, и увѣщевать ихъ, съ чего бы могли имѣть Поляки вѣрность къ Станиславу и мнѣ бы повѣрить могли, того ради, что я изъ Россіи уѣхалъ; и тестю моему велѣть сказать, чтобы онъ мнѣ помогъ въ этомъ. И къ нему Потоцкій отписалъ, чтобы могло сдѣлаться по симъ письмамъ; но я, получа такія письма, сумнился, а больше видѣвъ роспись смоленскихъ шляхтъ, и нѣкоторыхъ похожи руки казались изъ сродниковъ близкихъ и роднаго брата подписана тутъ же рука была, а его ли—подлинно того не вѣдалъ; только думалъ, что чрезъ такое дальнее разстояніе, какъ бы самому Потоцкому увѣдать и составить; думалъ, что конечно, что нибудь между ими было, понеже видѣлъ князя Черкасскаго губернатора не очень вѣрна, и такія отъ него слова слышалъ.

То съ глупаго моего разума сдѣлалъ сіе изъ онаго письма, которое я къ нему писалъ Потоцкому съ разговоровъ Черкасскаго, и наученія сдѣлалъ, будто инструкцію, да письмо, будто отъ Черкасскаго ко мнѣ, и кувертъ на цифирное письмо на имя герцогово, и другой кувертъ на мое имя, и подписалъ я его Черкасскаго именемъ, и не подъ его руку, подписываяся собственною моею рукою, только для того, что я самъ въ Петербургъ намѣренія не имѣлъ ѣхать, а думалъ отдать которому министру; и сдѣлавши глупое такое дѣло, тестю моему просто ничего не сказалъ, только сказалъ ему, что по этимъ письмамъ надобно мнѣ, всеконечно, ѣхать въ Кенигсбергъ для пріему денегъ; и взявъ на дорогу денегъ и не мѣшкавъ недѣли, поѣхалъ въ Вильно и, тамъ съ вышеупомянутымъ Магельницкимъ не видавшись, поѣхалъ, взявъ моего человѣка Ѳедора Раевскаго въ Кенигсбергъ; и пріѣхавъ въ Кенигс-

бергъ, опасался ѣхать прямо въ Петербургъ, но провѣдалъ, что въ Гамбургѣ россійскій министръ имѣется; да вѣдалъ же, что и въ Берлинѣ министръ есть, только сухимъ путемъ денегъ много надлежало, а я не имѣлъ столько; а въ Польшѣ слышно было, что графъ Левольдъ отъѣхалъ въ Петербургъ, а хотя бы и былъ, то я опасался ѣхать въ Варшаву, для того, что вышеупомянутый Потоцкій въ Варшавѣ въ то время жилъ; да въ то жь время случился корабль во Фляизбургъ, откуда—сказывали—что до Гамбурга не далече; а изъ Фляизбурха поѣхалъ я чрезъ Киль, и какъ пріѣхалъ въ Киль, то похотѣлъ видѣть принца. И какъ я пришелъ, то сталъ каммергеръ Штаркъ спрашивать: есть ли пачпортъ, или письма? То я не могъ отговориться, отдалъ вышеозначенное письмо Черкасскаго одно, понеже меня признавали за бѣглеца изъ Россіи; потомъ я, не зная что̀ дѣлать, не имѣя письменнаго доказательства на князя Черкасскаго, послалъ вышепомянутаго человѣка Ѳедора Раевскаго съ письмами къ князю Черкасскому, хотя получить въ доказательство письма, и чрезъ почту писалъ же къ нему Черкасскому, но скоро получить отвѣту не могъ, и вздумалъ подъ цыфирнымъ письмомъ подписаться своею рукою его Черкасскаго именемъ, и думалъ, что по этому онъ Черкасскій можетъ признаться во всѣхъ вышепомянутыхъ въ доношеніи словахъ его Черкасскаго; и такъ я подписавъ, поѣхалъ изъ Киля въ Гамбургъ такимъ образомъ, какъ въ доношеніи означено моемъ; и бывъ въ Гамбургѣ, писалъ къ нему Черкасскому такимъ образомъ, какъ копію я нижайшій предъявилъ, того ради, хотя увѣдать, нѣтъ ли чего отъ него Черкасскаго въ сихъ письмахъ; но не получа отвѣту, объявилъ г-ну Бестужеву такимъ образомъ, какъ въ доношеніи моемъ упомянуто, для того, что я самъ намѣренъ былъ ѣхать; а когда уже доношеніе отдалъ, и г-нъ Бестужевъ приготовился ѣхать, то я, пожалѣя моихъ сродниковъ, сказалъ, что я самъ поѣду, а уже ѣдучи, опасался сказать, какимъ образомъ сіе дѣло было, не хотя разбиваться съ доношеніемъ моимъ и не хотя подать по себѣ виду; а больше думалъ, что всеконечно, роспись прямая ихъ рукъ; и думалъ, что всеконечно, братья и сродники мои признаются къ той росписи; и уже въ Петербургъ пріѣхавъ, намѣреніе имѣлъ донести истинную самую, но отъ страха уже не могъ разбиваться съ доношеніемъ; и еще жь думалъ, что князь Черкасской признается въ его словахъ, и тому всему могутъ повѣрить, а по человѣка посылать не станутъ; а какъ уже съ Черкасскимъ была очная ставка, и я подписался подъ смертною казнію, то уже и пуще того опасался сказать; и по человѣка братъ мой поѣхалъ; уже и самъ не зналъ, что̀ со мной можется сдѣлать, только думалъ, что съ женою моею проститься могу, а уже самъ себя признадъ виннаго предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что не по должности рабской донесъ не совершенную правду; и не думаю, чтобы уже вина сія отпущена была, понеже достоинъ есмь смерти за сіе; и потомъ какъ братъ мой привезъ человѣка, то отецъ мой пришелъ ко мнѣ очень рано и сказалъ, что человѣка привезли: куда его —

бергъ, опасался ѣхать прямо въ Петербургъ, но провѣдалъ, что въ Гамбургѣ россійскій министръ имѣется; да вѣдалъ же, что и въ Берлинѣ министръ есть, только сухимъ путемъ денегъ много надлежало, а я не имѣлъ столько; а въ Польшѣ слышно было, что графъ Левольдъ отъѣхалъ въ Петербургъ, а хотя бы и былъ, то я опасался ѣхать въ Варшаву, для того, что вышеупомянутый Потоцкій въ Варшавѣ въ то время жилъ; да въ то жь время случился корабль во Фляизбургъ, откуда—сказывали—что до Гамбурга не далече; а изъ Фляизбурха поѣхалъ я чрезъ Киль, и какъ пріѣхалъ въ Киль, то похотѣлъ видѣть принца. И какъ я пришелъ, то сталъ каммергеръ Штаркъ спрашивать: есть ли пачпортъ, или письма? То я не могъ отговориться, отдалъ вышеозначенное письмо Черкасскаго одно, понеже меня признавали за бѣглеца изъ Россіи; потомъ я, не зная что̀ дѣлать, не имѣя письменнаго доказательства на князя Черкасскаго, послалъ вышепомянутаго человѣка Ѳедора Раевскаго съ письмами къ князю Черкасскому, хотя получить въ доказательство письма, и чрезъ почту писалъ же къ нему Черкасскому, но скоро получить отвѣту не могъ, и вздумалъ подъ цыфирнымъ письмомъ подписаться своею рукою его Черкасскаго именемъ, и думалъ, что по этому онъ Черкасскій можетъ признаться во всѣхъ вышепомянутыхъ въ доношеніи словахъ его Черкасскаго; и такъ я подписавъ, поѣхалъ изъ Киля въ Гамбургъ такимъ образомъ, какъ въ доношеніи означено моемъ; и бывъ въ Гамбургѣ, писалъ къ нему Черкасскому такимъ образомъ, какъ копію я нижайшій предъявилъ, того ради, хотя увѣдать, нѣтъ ли чего отъ него Черкасскаго въ сихъ письмахъ; но не получа отвѣту, объявилъ г-ну Бестужеву такимъ образомъ, какъ въ доношеніи моемъ упомянуто, для того, что я самъ намѣренъ былъ ѣхать; а когда уже доношеніе отдалъ, и г-нъ Бестужевъ приготовился ѣхать, то я, пожалѣя моихъ сродниковъ, сказалъ, что я самъ поѣду, а уже ѣдучи, опасался сказать, какимъ образомъ сіе дѣло было, не хотя разбиваться съ доношеніемъ моимъ и не хотя подать по себѣ виду; а больше думалъ, что всеконечно, роспись прямая ихъ рукъ; и думалъ, что всеконечно, братья и сродники мои признаются къ той росписи; и уже въ Петербургъ пріѣхавъ, намѣреніе имѣлъ донести истинную самую, но отъ страха уже не могъ разбиваться съ доношеніемъ; и еще жь думалъ, что князь Черкасской признается въ его словахъ, и тому всему могутъ повѣрить, а по человѣка посылать не станутъ; а какъ уже съ Черкасскимъ была очная ставка, и я подписался подъ смертною казнію, то уже и пуще того опасался сказать; и по человѣка братъ мой поѣхалъ; уже и самъ не зналъ, что̀ со мной можется сдѣлать, только думалъ, что съ женою моею проститься могу, а уже самъ себя признадъ виннаго предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что не по должности рабской донесъ не совершенную правду; и не думаю, чтобы уже вина сія отпущена была, понеже достоинъ есмь смерти за сіе; и потомъ какъ братъ мой привезъ человѣка, то отецъ мой пришелъ ко мнѣ очень рано и сказалъ, что человѣка привезли: куда его —

сюда или къ себѣ его на квартиру отвести? То я съ торопей сказалъ, чтобы они куда спрятали его, и они, сожалѣя меня и не зная дѣла ничего, сдѣлали было это, но я, видя мое неправильное доношеніе, и не могъ отъ совѣсти воздержаться, падъ предъ монаршескимъ Вашего Императорскаго Величества престоломъ, истинную самую сущую правду со слезами доношу, и ежели сверхъ сего что̀ знаю, или польскія два письма составилъ, или роспись, или то цыфирное письмо составилъ, или на Черкасскаго что̀ затѣялъ, то не только смерти и истязанія, но и проклятія достоинъ буду вѣчно.

Вашего Императорскаго Величества недостойный назваться вѣрнымъ рабомъ, но долженъ быть въ числѣ воровъ и бездѣльниковъ, наказанныхъ безчестно и прощенія уже никакого дерзну просить, развѣ смертной казни.

Ѳёдоръ Красной-Милашевичъ.

Въ Смоленскѣ 19-го декабря
1733 года.

V.

Третье доношеніе Ѳ. Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская!

Что я Ваше Императорское Величество послѣднимъ неправымъ всенижайшимъ моимъ доношеніемъ утрудилъ, въ томъ со мною Вашего Императорскаго Величества воля да будетъ, ибо, всемилостивѣйшая государыня, истинно не зналъ — что̀ дѣлать, понеже въ бытность въ Смоленскѣ, яко овца, не имѣя пастыря между волковъ, тако и я противу моихъ разныхъ несправедливо не сходственныхъ по доношенію моему доказательствъ, одинъ безъ всякаго заступника обрѣтался; къ тому допускали ко мнѣ отца моего, который съ проклятіемъ меня увѣщевалъ, чтобъ я отъ сего дѣла отсталъ и всѣхъ на меня снялъ, признаяся за виннаго, будто я отъ себя выдумалъ оное дѣло, чрезъ что̀ яко бы могу его избавить отъ погибели и всю бѣдную мою фамилію отъ вѣчнаго безчестія, отъ чего почти въ безуміе пришелъ; но токмо всегда утѣшался обѣщанною мнѣ Вашего Императорскаго Величества высочайшею милостію и желалъ имѣть милость всепресвѣтлѣйшее Ваше Императорское лице видѣть, о чемъ чрезъ письма просилъ каммергера и чрезвычайнаго посланника Бестужева-Рюмина Вашему Императорскому Величеству представить, и оныя для посылки отдавалъ обрѣтающемуся при генералѣ Ушаковѣ секретарю Хрущову, на которыя никакого отвѣта не получилъ, и отъ сего горше печалился; однакожъ нынѣ по счастію моему, чрезъ помощь Всевышняго Бога, того высочайшаго двора улучить сподобился. И тако, падая къ монаршескимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ, всенижайше прошу, по дарованной отъ Бога Вашему Императорскому

сюда или къ себѣ его на квартиру отвести? То я съ торопей сказалъ, чтобы они куда спрятали его, и они, сожалѣя меня и не зная дѣла ничего, сдѣлали было это, но я, видя мое неправильное доношеніе, и не могъ отъ совѣсти воздержаться, падъ предъ монаршескимъ Вашего Императорскаго Величества престоломъ, истинную самую сущую правду со слезами доношу, и ежели сверхъ сего что̀ знаю, или польскія два письма составилъ, или роспись, или то цыфирное письмо составилъ, или на Черкасскаго что̀ затѣялъ, то не только смерти и истязанія, но и проклятія достоинъ буду вѣчно.

Вашего Императорскаго Величества недостойный назваться вѣрнымъ рабомъ, но долженъ быть въ числѣ воровъ и бездѣльниковъ, наказанныхъ безчестно и прощенія уже никакого дерзну просить, развѣ смертной казни.

Ѳедоръ Красной-Милашевичъ.

Въ Смоленскѣ 19-го декабря
1733 года.

V.

Третье доношеніе Ѳ. Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская!

Что я Ваше Императорское Величество послѣднимъ неправымъ всенижайшимъ моимъ доношеніемъ утрудилъ, въ томъ со мною Вашего Императорскаго Величества воля да будетъ, ибо, всемилостивѣйшая государыня, истинно не зналъ — что̀ дѣлать, понеже въ бытность въ Смоленскѣ, яко овца, не имѣя пастыря между волковъ, тако и я противу моихъ разныхъ несправедливо не сходственныхъ по доношенію моему доказательствъ, одинъ безъ всякаго заступника обрѣтался; къ тому допускали ко мнѣ отца моего, который съ проклятіемъ меня увѣщевалъ, чтобъ я отъ сего дѣла отсталъ и всѣхъ на меня снялъ, признаяся за виннаго, будто я отъ себя выдумалъ оное дѣло, чрезъ что̀ яко бы могу его избавить отъ погибели и всю бѣдную мою фамилію отъ вѣчнаго безчестія, отъ чего почти въ безуміе пришелъ; но токмо всегда утѣшался обѣщанною мнѣ Вашего Императорскаго Величества высочайшею милостію и желалъ имѣть милость всепресвѣтлѣйшее Ваше Императорское лице видѣть, о чемъ чрезъ письма просилъ каммергера и чрезвычайнаго посланника Бестужева-Рюмина Вашему Императорскому Величеству представить, и оныя для посылки отдавалъ обрѣтающемуся при генералѣ Ушаковѣ секретарю Хрущову, на которыя никакого отвѣта не получилъ, и отъ сего горше печалился; однакожъ нынѣ по счастію моему, чрезъ помощь Всевышняго Бога, того высочайшаго двора улучить сподобился. И тако, падая къ монаршескимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ, всенижайше прошу, по дарованной отъ Бога Вашему Императорскому

Величеству власти, избавляя меня отъ напрасной погибели не токмо мнѣ оное чинимое, но и отцу моему и всей бѣдной фамиліи всемилостивѣйше оставить, чего ради по всеподданнѣйшей моей должности чрезъ сіе сущую правду, не щадя и не сожалѣя никого, но токмо памятуя, какъ мнѣ явиться въ день страшнаго суда предъ лицемъ Всевышняго Бога, Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу.

Въ прежнемъ моемъ всенижайшемъ доношеніи, которое изъ Гамбурга привезено, что я упоминалъ о разговорахъ со мною князя Черкасскаго и о рекомендательныхъ письмахъ и о прочемъ, оное все истинная правда, въ чемъ стою твердо до окончанія жизни моея.

Что же надлежитъ до отца моего, то онъ проклиналъ меня и увѣщевалъ, чтобъ я признался будто виннымъ, для того, что онъ объ отъѣздѣ моемъ въ Киль зналъ, ибо мнѣ губернаторъ приказывалъ ему сказать, чтобъ онъ пріѣхалъ изъ деревни въ городъ, а я бы въ отлученіи его уѣхалъ за границу, а по отъѣздѣ моемъ подалъ бы онъ явочное челобитье для виду, будто я пропалъ безвѣстно. И такъ, означенный отецъ мой не токмо сіе дѣлалъ, но еще просилъ капитана Булку, который при заставѣ на карауле былъ, чтобъ меня пропустилъ за рубежъ, объявляя ему, якобы я за партикулярною нуждою моею ѣду; того ради онъ отецъ мой нынѣ былъ въ сумнѣніи, что ежели извѣстное дѣло распространилося розысками, то и про него бъ сыскалось, за что опасался наказанія.

Другія же важнѣйшія письма упомянутаго князя Черкасскаго и инструкція, такожь генерала Потемкина къ Станиславу Лещинскому и ко мнѣ, оныя я получилъ не чрезъ человѣка отца моего, но отдалъ мнѣ примаса регія секретарь Магельницкій въ бытность мою въ Вильнѣ, и сказывалъ мнѣ, что оныя получены чрезъ старосты Бѣльскаго, Францишка Потоцкаго кавалера Выжгу, а кто Выжгѣ тѣ письма отдалъ, то я не знаю, только слышалъ отъ него Выжги самого, что онъ пріѣхалъ изъ Горокъ; тогда упомянутый Магельницкій научалъ меня, дабы я сходилъ въ обитель благочестивую греческаго исповѣданія, имѣющуюся тамъ въ Вильнѣ, къ намѣстнику и объявилъ бы ему, яко бы я отъ Вашего Императорскаго Величества присланъ къ нимъ нарочно справиться, могутъ ли они за деньги поставить на нѣсколько тысячъ россійскаго войска провіанту, что я и учинилъ, и намѣстникъ, со многими живущими тамо греческаго закону людьми совѣтовавъ, объявилъ мнѣ, что онъ не токмо за деньги, но и безъ того Вашему Императорскому Величеству служить можетъ, о чемъ я Магельницкому сказывалъ, и послѣ того вскорѣ, не видавшись съ нимъ Магельницкимъ, въ Кенигсбергъ уѣхалъ, и что по тому у нихъ происходило, того я не знаю; оный Магельницкій въ упомянутую обитель посылалъ меня, умысля тако, когда бъ они монахи съ прочими жители провіантъ заготовили, то оный бы Магельницкій насильствомъ тотъ провіантъ взялъ на свое войско.

Вышеупомянутыя отданныя мнѣ письма князя Черкасскаго и про-

Величеству власти, избавляя меня отъ напрасной погибели не токмо мнѣ оное чинимое, но и отцу моему и всей бѣдной фамиліи всемилостивѣйше оставить, чего ради по всеподданнѣйшей моей должности чрезъ сіе сущую правду, не щадя и не сожалѣя никого, но токмо памятуя, какъ мнѣ явиться въ день страшнаго суда предъ лицемъ Всевышняго Бога, Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу.

Въ прежнемъ моемъ всенижайшемъ доношеніи, которое изъ Гамбурга привезено, что я упоминалъ о разговорахъ со мною князя Черкасскаго и о рекомендательныхъ письмахъ и о прочемъ, оное все истинная правда, въ чемъ стою твердо до окончанія жизни моея.

Что же надлежитъ до отца моего, то онъ проклиналъ меня и увѣщевалъ, чтобъ я признался будто виннымъ, для того, что онъ объ отъѣздѣ моемъ въ Киль зналъ, ибо мнѣ губернаторъ приказывалъ ему сказать, чтобъ онъ пріѣхалъ изъ деревни въ городъ, а я бы въ отлученіи его уѣхалъ за границу, а по отъѣздѣ моемъ подалъ бы онъ явочное челобитье для виду, будто я пропалъ безвѣстно. И такъ, означенный отецъ мой не токмо сіе дѣлалъ, но еще просилъ капитана Булку, который при заставѣ на карауле былъ, чтобъ меня пропустилъ за рубежъ, объявляя ему, якобы я за партикулярною нуждою моею ѣду; того ради онъ отецъ мой нынѣ былъ въ сумнѣніи, что ежели извѣстное дѣло распространилося розысками, то и про него бъ сыскалось, за что опасался наказанія.

Другія же важнѣйшія письма упомянутаго князя Черкасскаго и инструкція, такожь генерала Потемкина къ Станиславу Лещинскому и ко мнѣ, оныя я получилъ не чрезъ человѣка отца моего, но отдалъ мнѣ примаса регія секретарь Магельницкій въ бытность мою въ Вильнѣ, и сказывалъ мнѣ, что оныя получены чрезъ старосты Бѣльскаго, Францишка Потоцкаго кавалера Выжгу, а кто Выжгѣ тѣ письма отдалъ, то я не знаю, только слышалъ отъ него Выжги самого, что онъ пріѣхалъ изъ Горокъ; тогда упомянутый Магельницкій научалъ меня, дабы я сходилъ въ обитель благочестивую греческаго исповѣданія, имѣющуюся тамъ въ Вильнѣ, къ намѣстнику и объявилъ бы ему, яко бы я отъ Вашего Императорскаго Величества присланъ къ нимъ нарочно справиться, могутъ ли они за деньги поставить на нѣсколько тысячъ россійскаго войска провіанту, что я и учинилъ, и намѣстникъ, со многими живущими тамо греческаго закону людьми совѣтовавъ, объявилъ мнѣ, что онъ не токмо за деньги, но и безъ того Вашему Императорскому Величеству служить можетъ, о чемъ я Магельницкому сказывалъ, и послѣ того вскорѣ, не видавшись съ нимъ Магельницкимъ, въ Кенигсбергъ уѣхалъ, и что по тому у нихъ происходило, того я не знаю; оный Магельницкій въ упомянутую обитель посылалъ меня, умысля тако, когда бъ они монахи съ прочими жители провіантъ заготовили, то оный бы Магельницкій насильствомъ тотъ провіантъ взялъ на свое войско.

Вышеупомянутыя отданныя мнѣ письма князя Черкасскаго и про-

чія при томъ признаваю я паче за истинную, ибо отецъ мой предъ тѣмъ незадолго прислалъ ко мнѣ письмо съ человѣкомъ моимъ Ѳедоромъ Раевскимъ, въ которомъ писалъ, что у него въ гостяхъ былъ губернаторъ Черкасской, и между прочимъ сказывалъ, что пришлетъ ко мнѣ нужнѣйшія письма съ надежнымъ человѣкомъ вскорѣ.

Я безъ сумнѣнія чаю, что и вышеозначенный староста Потоцкій по извѣстному дѣлу въ согласіи жъ обрѣтается, ибо онъ самъ мнѣ сказывалъ, что Смоленскъ подъ польскимъ правленіемъ, всеконечно, будетъ вскорѣ, такожъ губернаторъ Черкасской съ нимъ старостою часто корреспондуетъ; оный Потоцкій весьма ко мнѣ добръ былъ по одной причинѣ, о которой здѣсь изъяснить не могу, но ежели Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ не премину всенижайше изустно донесть.

Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите, что я существенную правду доношу; по сему, понеже, и отца моего не сожалѣя, предъявляю, будучи въ надеждѣ, яко я, тако и онъ отецъ мой со всею нашею бѣдною фамиліею, за сіе справедливое и весьма важное доношеніе можемъ получить высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость; нынѣ же всенижайше прошу повелѣть, по прежнимъ моимъ доношеніямъ происходящее дѣло, которое продолжалось въ Смоленскѣ трудами генерала Ушакова и другихъ (понеже оное зѣло плодовито и не основательно), оставить, а начать вновь здѣсь, дабы толь скоряе корень сего злого дѣла найдтиться могъ, чего ради необходимо потребно здѣсь имѣть для улики отъ меня губернатора Черкасскаго, Семена Корсака съ женою, Демьяна Денисова сына Потемкина, ибо въ оныхъ вся нужда состоитъ; что же безпамятіемъ моимъ при семъ въ добавокъ написать проронилъ, то могу послѣ, ежели что припомню, Вашему Императорскому Величеству донесть, а паче всенижайше прошу всемилостивѣйше повелѣть обо всемъ обстоятельнѣе меня распросить, на что я съ чистою совѣстію отвѣтствовать долженствую.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ

Ѳедоръ Красной-Милашевичъ.

Декабря 30-го дня 1733 года.

VI.

Первое доношеніе Ивана Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Вашего Императорскаго Величества предъ монаршескими стопами падая, всенижайше доношу:

Сынъ мой нижайшаго, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Красной-Милашевичъ какъ пріѣхалъ изъ С.-Петербурга и явился у меня въ Смо-

чія при томъ признаваю я паче за истинную, ибо отецъ мой предъ тѣмъ незадолго прислалъ ко мнѣ письмо съ человѣкомъ моимъ Ѳедоромъ Раевскимъ, въ которомъ писалъ, что у него въ гостяхъ былъ губернаторъ Черкасской, и между прочимъ сказывалъ, что пришлетъ ко мнѣ нужнѣйшія письма съ надежнымъ человѣкомъ вскорѣ.

Я безъ сумнѣнія чаю, что и вышеозначенный староста Потоцкій по извѣстному дѣлу въ согласіи жъ обрѣтается, ибо онъ самъ мнѣ сказывалъ, что Смоленскъ подъ польскимъ правленіемъ, всеконечно, будетъ вскорѣ, такожь губернаторъ Черкасской съ нимъ старостою часто корреспондуетъ; оный Потоцкій весьма ко мнѣ добръ былъ по одной причинѣ, о которой здѣсь изъяснить не могу, но ежели Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ не премину всенижайше изустно донесть.

Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите, что я существенную правду доношу; по сему, понеже, и отца моего не сожалѣя, предъявляю, будучи въ надеждѣ, яко я, тако и онъ отецъ мой со всею нашею бѣдною фамиліею, за сіе справедливое и весьма важное доношеніе можемъ получить высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость; нынѣ же всенижайше прошу повелѣть, по прежнимъ моимъ доношеніямъ происходящее дѣло, которое продолжалось въ Смоленскѣ трудами генерала Ушакова и другихъ (понеже оное зѣло плодовито и не основательно), оставить, а начать вновь здѣсь, дабы толь скоряе корень сего злого дѣла найдтиться могъ, чего ради необходимо потребно здѣсь имѣть для улики отъ меня губернатора Черкасскаго, Семена Корсака съ женою, Демьяна Денисова сына Потемкина, ибо въ оныхъ вся нужда состоитъ; что же безпамятіемъ моимъ при семъ въ добавокъ написать проронилъ, то могу послѣ, ежели что припомню, Вашему Императорскому Величеству донесть, а паче всенижайше прошу всемилостивѣйше повелѣть обо всемъ обстоятельнѣе меня распросить, на что я съ чистою совѣстію отвѣтствовать долженствую.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ

Ѳедоръ Красной-Милашевичъ.

Декабря 30-го дня 1733 года.

VI.

Первое доношеніе Ивана Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Вашего Императорскаго Величества предъ монаршескими стопами падая, всенижайше доношу:

Сынъ мой нижайшаго, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Красной-Милашевичъ какъ пріѣхалъ изъ С.-Петербурга и явился у меня въ Смо-

ленскѣ, и побывъ дни съ два или съ три, отъѣхалъ въ домъ свой, а оттуды, спустя нѣсколько время, съ недѣлю и больше, пріѣхалъ въ Смоленскъ, и въ Смоленскѣ побывъ день, поѣхалъ съ губернаторомъ княземъ Черкасскимъ въ гости къ Корсакамъ, и тамъ бывъ съ недѣлю и больше, пріѣхалъ въ Смоленскъ, и побывъ съ день или съ два, отъѣхалъ такожь съ губернаторомъ Черкасскимъ въ гости къ полковнику Якову Швайковскому, и тамъ бывъ дни два или три, пріѣхалъ въ Смоленскъ и объявилъ мнѣ, что имѣетъ намѣреніе ѣхать для обученія въ чужіе краи, а именно въ Польшу или въ Цесарію или въ Гишпанію, „токмо де какъ милостивый мой патронъ князь Черкасской совѣтуетъ ѣхать въ Голштиндію“; то я на то отвѣтствовалъ ему, что все сіе худо: „Тебѣ причтется къ измѣнѣ, а мнѣ быть въ бѣдѣ и въ печалѣ съ оставшими дѣтьми“. То онъ и замолчалъ въ то время, а потомъ онъ отъѣхалъ въ домъ, и я за нимъ пріѣхалъ, спустя дни съ три или больше, то онъ сказалъ мнѣ, что де „я имѣю рекомендательныя письма отъ Потоцкаго къ его родственникамъ, которые меня не оставятъ; а тамъ де исправясь, могу быть въ чужихъ краяхъ и обучась возвратиться, понеже де и многіе самовольно отбывали въ чужіе краи, а по возврату еще за науку получаютъ немалое жалованье, а я де такой же человѣкъ“. То я ему сказалъ на то, что „не съ нашею сумою ѣхать въ чужіе краи“; а онъ сказалъ: „Токмо прошу вашего родительскаго благословенія, да на дорогу токмо на проѣздъ до Петербурга, а то де надѣюсь, что дастся мнѣ жалованье и пачпортъ чистой на нѣсколько лѣтъ“. И я ему сказалъ, что „ежели съ такимъ намѣреніемъ, какъ ты говоришь нынѣ, то буди мое благословеніе надъ тобою, и что возможно на проѣздъ готовъ дать до Петербурга“. А онъ сказалъ, что де „ежели до Петербурга пожалуете что на проѣздъ, то де я тамъ надѣюсь милости Божеской, что буду имѣть съ чѣмъ ѣхать“. И послѣ того онъ, сынъ мой, отъѣхалъ для свиданія къ родственникамъ своимъ, а я такожь, нѣсколько дней спустя, пріѣхалъ въ домъ свой въ деревню Тритянку изъ Смоленска, и въ ту пору сталъ просить оный сынъ мой, чтобъ я просилъ капитана Булку чрезъ форпостъ его пропустить за рубежъ на малое время, чтобъ ему токмо испродать что я ему дамъ на дорогу; то капитанъ Булка сказалъ, что де „я по слову вашему его пропущу, токмо бы не замѣшкался онъ за рубежемъ“. И я, не зная такого намѣренія сына своего, что онъ умыслилъ, не бывъ въ С.-Петербургѣ, безъ пачпорту отъѣхать въ чужіе краи, и я и паки того капитана Булку о пропускѣ просилъ, въ чемъ онъ и обѣщаніе далъ; а послѣ того капитанъ Булка отъѣхалъ на форпостъ свой, а я, по прежнему, въ Смоленскъ для дѣла своего въ духовномъ приказѣ, по которому я содержался безсъѣздно на порукахъ съ полтора года; то пріѣхалъ ко мнѣ оный сынъ мой Ѳедоръ въ Смоленскъ, и по пріѣздѣ своемъ, былъ на обѣдѣ у губернатора князя Черкасскаго и тамъ былъ до полуночи, и пришедъ въ домъ свой, сталъ вторично просить о благословеніи, чтобъ ему быть въ чужихъ краяхъ для обученія; я на то ему сказалъ, что

ленскѣ, и побывъ дни съ два или съ три, отъѣхалъ въ домъ свой, а оттуды, спустя нѣсколько время, съ недѣлю и больше, пріѣхалъ въ Смоленскъ, и въ Смоленскѣ побывъ день, поѣхалъ съ губернаторомъ княземъ Черкасскимъ въ гости къ Корсакамъ, и тамъ бывъ съ недѣлю и больше, пріѣхалъ въ Смоленскъ, и побывъ съ день или съ два, отъѣхалъ такожь съ губернаторомъ Черкасскимъ въ гости къ полковнику Якову Швайковскому, и тамъ бывъ дни два или три, пріѣхалъ въ Смоленскъ и объявилъ мнѣ, что имѣетъ намѣреніе ѣхать для обученія въ чужіе краи, а именно въ Польшу или въ Цесарію или въ Гишпанію, „токмо де какъ милостивый мой патронъ князь Черкасской совѣтуетъ ѣхать въ Голштиндію“; то я на то отвѣтствовалъ ему, что все сіе худо: „Тебѣ причтется къ измѣнѣ, а мнѣ быть въ бѣдѣ и въ печалѣ съ оставшими дѣтьми“. То онъ и замолчалъ въ то время, а потомъ онъ отъѣхалъ въ домъ, и я за нимъ пріѣхалъ, спустя дни съ три или больше, то онъ сказалъ мнѣ, что де „я имѣю рекомендательныя письма отъ Потоцкаго къ его родственникамъ, которые меня не оставятъ; а тамъ де исправясь, могу быть въ чужихъ краяхъ и обучась возвратиться, понеже де и многіе самовольно отбывали въ чужіе краи, а по возврату еще за науку получаютъ немалое жалованье, а я де такой же человѣкъ“. То я ему сказалъ на то, что „не съ нашею сумою ѣхать въ чужіе краи“; а онъ сказалъ: „Токмо прошу вашего родительскаго благословенія, да на дорогу токмо на проѣздъ до Петербурга, а то де надѣюсь, что дастся мнѣ жалованье и пачпортъ чистой на нѣсколько лѣтъ“. И я ему сказалъ, что „ежели съ такимъ намѣреніемъ, какъ ты говоришь нынѣ, то буди мое благословеніе надъ тобою, и что возможно на проѣздъ готовъ дать до Петербурга“. А онъ сказалъ, что де „ежели до Петербурга пожалуете что на проѣздъ, то де я тамъ надѣюсь милости Божеской, что буду имѣть съ чѣмъ ѣхать“. И послѣ того онъ, сынъ мой, отъѣхалъ для свиданія къ родственникамъ своимъ, а я такожь, нѣсколько дней спустя, пріѣхалъ въ домъ свой въ деревню Тритянку изъ Смоленска, и въ ту пору сталъ просить оный сынъ мой, чтобъ я просилъ капитана Булку чрезъ форпостъ его пропустить за рубежъ на малое время, чтобъ ему токмо испродать что я ему дамъ на дорогу; то капитанъ Булка сказалъ, что де „я по слову вашему его пропущу, токмо бы не замѣшкался онъ за рубежемъ“. И я, не зная такого намѣренія сына своего, что онъ умыслилъ, не бывъ въ С.-Петербургѣ, безъ пачпорту отъѣхать въ чужіе краи, и я и паки того капитана Булку о пропускѣ просилъ, въ чемъ онъ и обѣщаніе далъ; а послѣ того капитанъ Булка отъѣхалъ на форпостъ свой, а я, по прежнему, въ Смоленскъ для дѣла своего въ духовномъ приказѣ, по которому я содержался безсъѣздно на порукахъ съ полтора года; то пріѣхалъ ко мнѣ оный сынъ мой Ѳедоръ въ Смоленскъ, и по пріѣздѣ своемъ, былъ на обѣдѣ у губернатора князя Черкасскаго и тамъ былъ до полуночи, и пришедъ въ домъ свой, сталъ вторично просить о благословеніи, чтобъ ему быть въ чужихъ краяхъ для обученія; я на то ему сказалъ, что

„ежели съ воли монаршеской, то буди мое благословеніе". И онъ сказалъ: „То де надѣюсь, что буду имѣть благословеніе Божеское". И о пачпортѣ чистомъ: „Взять мнѣ Богъ поможетъ, понеже де всемилостивѣйшая государыня для обученія не запрещаетъ этого, чтобъ кто охотою учился". Да еще же де князь Черкасской говорилъ мнѣ де: „Лучше этого мѣста, что въ Голштиндіи, не сыскать, для того, что я де самъ тамъ былъ и знаю все и буду писать рекомендательный листъ объ немъ" (сынѣ моемъ). И я ему сказалъ, что „это весьма хорошо, токмо безъ воли Ея Императорскаго Величества, конечно, не ѣзди"; въ чемъ онъ сынъ мой и обѣщался. А послѣ того на другой день онъ сынъ мой сталъ проситься въ домъ свой для собиранія въ С.-Петербургъ, и я ему сказалъ, что „поѣзжай съ Богомъ, собравшись и продавъ что тебѣ я далъ на дорогу, а остатокъ оставь сестрамъ своимъ, а себѣ возьми рублевъ двѣсти на проѣздъ до Петербурга". И оный сынъ мой, отъѣхавъ въ домъ свой, собрался въ скорости и, побравъ что я ему велѣлъ, отъѣхалъ изъ двора, а въ домѣ у меня сына большого и дочери большей не было: сынъ былъ въ Москвѣ, а дочь у тетки; и какъ пріѣхала дочь моя большая съ теткою своею въ домъ свой, прислали ко мнѣ со извѣстіемъ, что сынъ мой Ѳедоръ отъѣхалъ со двора не знамо куда, забравъ всѣ свои пожитки, съ тремя человѣки. и я по тому извѣстію объявилъ въ Смоленской губернской канцеляріи, которую (повѣстку) подалъ самому губернатору, и принявъ, губернаторъ князь Черкасской явочное челобитье велѣлъ по обычаю записать, за что я всенародно, со слезами поклонясь, просилъ, чтобы мнѣ какой за отъѣздъ сына моего причины не было; то князь Черкасской сказалъ: „Тебѣ ничего не будетъ, ты не виноватъ; сынъ твой не при тебѣ жилъ". Токмо спросилъ: „Что ты де вѣдаешь, гдѣ твой сынъ; я де надѣюсь, что въ Нѣмецкихъ краяхъ, а въ Польшѣ онъ не будетъ, и я де вѣрно тебѣ о томъ говорю". И я сказалъ, что и самъ я надѣюсь, что онъ въ Польшѣ не будетъ, понеже къ польскимъ обычаямъ и охоты не имѣетъ. И послѣ того, вышедъ изъ канцеляріи въ домъ государевъ, гдѣ имѣетъ жительство губернаторъ, князь Черкасской вопросилъ меня: „Что прямо ты не вѣдаешь про сына своего?" То я ему подъ присягою сказалъ, что не вѣдаю. И онъ губернаторъ сказалъ, что „не плачь, но молись Богу; сынъ вашъ будетъ человѣкомъ, коли доѣдетъ въ Голштиндію, принцъ его не оставитъ: я де самъ тамъ былъ и вѣдаю. А послѣ того будучи губернаторъ у Корсакова въ деревнѣ, ѣдучи мимо моего двора къ Потемкину въ село Черепово, по просьбѣ моей заѣхалъ ко мнѣ въ домъ мой, и я сталъ губернатора въ домѣ своемъ просить, чтобъ мнѣ за отъѣздъ сына моего не приключилось какой вины, и онъ губернаторъ сказалъ мнѣ наединѣ тихо, что „молись Богу, онъ сынъ вашъ вамъ всѣмъ будетъ показатель въ добромъ пути, токмо имѣетъ ли онъ чѣмъ заѣхать въ Голштиндію; а тамъ прямо будетъ человѣкомъ; по моей рекомендаціи, не оставятъ; а про принца можешь знать, что онъ кто есть". А въ какой силѣ

„ежели съ воли монаршеской, то буди мое благословеніе". И онъ сказалъ: „То де надѣюсь, что буду имѣть благословеніе Божеское". И о пачпортѣ чистомъ: „Взять мнѣ Богъ поможетъ, понеже де всемилостивѣйшая государыня для обученія не запрещаетъ этого, чтобъ кто охотою учился". Да еще же де князь Черкасской говорилъ мнѣ де: „Лучше этого мѣста, что въ Голштиндіи, не сыскать, для того, что я де самъ тамъ былъ и знаю все и буду писать рекомендательный листъ объ немъ" (сынѣ моемъ). И я ему сказалъ, что „это весьма хорошо, токмо безъ воли Ея Императорскаго Величества, конечно, не ѣзди"; въ чемъ онъ сынъ мой и обѣщался. А послѣ того на другой день онъ сынъ мой сталъ проситься въ домъ свой для собиранія въ С.-Петербургъ, и я ему сказалъ, что „поѣзжай съ Богомъ, собравшись и продавъ что тебѣ я далъ на дорогу, а остатокъ оставь сестрамъ своимъ, а себѣ возьми рублевъ двѣсти на проѣздъ до Петербурга". И оный сынъ мой, отъѣхавъ въ домъ свой, собрался въ скорости и, побравъ что я ему велѣлъ, отъѣхалъ изъ двора, а въ домѣ у меня сына большого и дочери большей не было: сынъ былъ въ Москвѣ, а дочь у тетки; и какъ пріѣхала дочь моя большая съ теткою своею въ домъ свой, прислали ко мнѣ со извѣстіемъ, что сынъ мой Ѳедоръ отъѣхалъ со двора не знамо куда, забравъ всѣ свои пожитки, съ тремя человѣки. и я по тому извѣстію объявилъ въ Смоленской губернской канцеляріи, которую (повѣстку) подалъ самому губернатору, и принявъ, губернаторъ князь Черкасской явочное челобитье велѣлъ по обычаю записать, за что я всенародно, со слезами поклонясь, просилъ, чтобы мнѣ какой за отъѣздъ сына моего причины не было; то князь Черкасской сказалъ: „Тебѣ ничего не будетъ, ты не виноватъ; сынъ твой не при тебѣ жилъ". Токмо спросилъ: „Что ты де вѣдаешь, гдѣ твой сынъ; я де надѣюсь, что въ Нѣмецкихъ краяхъ, а въ Польшѣ онъ не будетъ, и я де вѣрно тебѣ о томъ говорю". И я сказалъ, что и самъ я надѣюсь, что онъ въ Польшѣ не будетъ, понеже къ польскимъ обычаямъ и охоты не имѣетъ. И послѣ того, вышедъ изъ канцеляріи въ домъ государевъ, гдѣ имѣетъ жительство губернаторъ, князь Черкасской вопросилъ меня: „Что прямо ты не вѣдаешь про сына своего?" То я ему подъ присягою сказалъ, что не вѣдаю. И онъ губернаторъ сказалъ, что „не плачь, но молись Богу; сынъ вашъ будетъ человѣкомъ, коли доѣдетъ въ Голштиндію, принцъ его не оставитъ: я де самъ тамъ былъ и вѣдаю. А послѣ того будучи губернаторъ у Корсакова въ деревнѣ, ѣдучи мимо моего двора къ Потемкину въ село Черепово, по просьбѣ моей заѣхалъ ко мнѣ въ домъ мой, и я сталъ губернатора въ домѣ своемъ просить, чтобъ мнѣ за отъѣздъ сына моего не приключилось какой вины, и онъ губернаторъ сказалъ мнѣ наединѣ тихо, что „молись Богу, онъ сынъ вашъ вамъ всѣмъ будетъ показатель въ добромъ пути, токмо имѣетъ ли онъ чѣмъ заѣхать въ Голштиндію; а тамъ прямо будетъ человѣкомъ; по моей рекомендаціи, не оставятъ; а про принца можешь знать, что онъ кто есть". А въ какой силѣ

сказалъ, то я не знаю; токмо я, отшедъ, поклонился и сталъ его подчивать, какъ гостя; только онъ губернаторъ, не мѣшкавъ, отъѣхалъ къ Потемкинымъ, а оттуды возвратясь, заѣхалъ ко мнѣ на малое время, а о сынѣ моемъ во вторую у меня бытность ничего не говорилъ. А когда прилучалось время быть въ домѣ его губернатора, то при разговорахъ со мною наединѣ всегда обѣщался имѣть въ неоставленіи сына моего и къ принцу писать. А такое обѣщаніе его губернатора было по подлинное извѣстіе о сынѣ моемъ, которое прислано изъ Гамбурга отъ чрезвычайнаго посланника Бестужева-Рюмина, которое объявлено мнѣ въ прошедшемъ октябрѣ 1733 году, по которымъ письмамъ я нижайшій и допрашиванъ, въ которомъ письмѣ отъ сына моего Ѳедора написано, что писанное письмо къ князю чрезъ Раевскаго не надлежитъ отдавать, но у себя держать; а къ какому князю того не показано. И по оному письму взята у меня нижайшаго сказка съ немалымъ штрафомъ въ поставкѣ вышеупомянутаго Раевскаго, и я по данной сказкѣ по прибытіи Раевскаго и съ письмами представилъ предъ губернатора, и письмо, подписанное ко мнѣ князя Черкасскаго губернатора Смоленскаго, писанное рукою сына моего на русскомъ языкѣ, отдалъ ему губернатору при свидѣтеляхъ—тестѣ его губернаторскомъ Иванѣ Корсакѣ, при капитанѣ артиллеріи Реалѣ, да при шуринѣ губернаторскомъ Семенѣ Корсакѣ, и при поданіи ему губернатору письма объявилъ и про свое письмо, писанное отъ сына моего на польскомъ языкѣ, и сказалъ, что „прошу, прикажите мое письмо освидѣтельствовать, такожъ и свое мнѣ объявить“. То князь Черкасской сказалъ, что „мнѣ до твоего письма дѣла нѣтъ, а тебѣ до моего такожъ“. А въ оному письмѣ отъ сына моего писано къ нему губернатору подъ скрыптомъ *) рукою сына моего Ѳедора, что „приказъ вашъ исполнилъ, принца ручку поцѣловалъ“; а къ какой то силѣ писано, того я не знаю. И оное письмо прочтя, губернаторъ положилъ себѣ въ карманъ, сказалъ мнѣ, что де „ты, конечно, вѣдалъ объ отъѣздѣ сына своего“. И я на оное сказалъ, что „кто вѣдалъ прямо про отъѣздъ такой сына моего и совѣтовалъ ему, чтобъ тому быть на Покровской горѣ на висѣлицѣ“; и ко мнѣ писанное письмо отъ сына моего того жь часу показалъ предъ шуриномъ его губернаторскимъ Семеномъ Корсакомъ; а оное письмо взято у меня генераломъ Бахметевымъ да Секретаремъ Хрущевымъ.

Всемилостивѣйшая государыня императрица! Вашего Императорскаго Величества всенижайше прошу сотворить съ нами высочайшую милость! Ей, всемилостивѣйшая государыня, ни въ какихъ согласіяхъ не бывалъ противъ правъ россійскихъ, что̀ засвидѣтельствую всѣми Смольяны, яко есмь Вашего Императорскаго Величества всенижайшій вѣрный рабъ; что же я въ поставкѣ человѣка своего Андрея предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ погрѣшилъ, что̀ учинилось истинно безъ умыслу, но самою просто-

*) Т. е. post-scriptum.

сказалъ, то я не знаю; токмо я, отшедъ, поклонился и сталъ его подчивать, какъ гостя; только онъ губернаторъ, не мѣшкавъ, отъѣхалъ къ Потемкинымъ, а оттуды возвратясь, заѣхалъ ко мнѣ на малое время, а о сынѣ моемъ во вторую у меня бытность ничего не говорилъ. А когда прилучалось время быть въ домѣ его губернатора, то при разговорахъ со мною наединѣ всегда обѣщался имѣть въ неоставленіи сына моего и къ принцу писать. А такое обѣщаніе его губернатора было по подлинное извѣстіе о сынѣ моемъ, которое прислано изъ Гамбурга отъ чрезвычайнаго посланника Бестужева-Рюмина, которое объявлено мнѣ въ прошедшемъ октябрѣ 1733 году, по которымъ письмамъ я нижайшій и допрашиванъ, въ которомъ письмѣ отъ сына моего Ѳедора написано, что писанное письмо къ князю чрезъ Раевскаго не надлежитъ отдавать, но у себя держать; а къ какому князю того не показано. И по оному письму взята у меня нижайшаго сказка съ немалымъ штрафомъ въ поставкѣ вышеупомянутаго Раевскаго, и я по данной сказкѣ по прибытіи Раевскаго и съ письмами представилъ предъ губернатора, и письмо, подписанное ко мнѣ князя Черкасскаго губернатора Смоленскаго, писанное рукою сына моего на русскомъ языкѣ, отдалъ ему губернатору при свидѣтеляхъ—тестѣ его губернаторскомъ Иванѣ Корсакѣ, при капитанѣ артиллеріи Реалѣ, да при шуринѣ губернаторскомъ Семенѣ Корсакѣ, и при поданіи ему губернатору письма объявилъ и про свое письмо, писанное отъ сына моего на польскомъ языкѣ, и сказалъ, что „прошу, прикажите мое письмо освидѣтельствовать, такожъ и свое мнѣ объявить“. То князь Черкасской сказалъ, что „мнѣ до твоего письма дѣла нѣтъ, а тебѣ до моего такожъ“. А въ оному письмѣ отъ сына моего писано къ нему губернатору подъ скрыптомъ *) рукою сына моего Ѳедора, что „приказъ вашъ исполнилъ, принца ручку поцѣловалъ“; а къ какой то силѣ писано, того я не знаю. И оное письмо прочтя, губернаторъ положилъ себѣ въ карманъ, сказалъ мнѣ, что де „ты, конечно, вѣдалъ объ отъѣздѣ сына своего“. И я на оное сказалъ, что „кто вѣдалъ прямо про отъѣздъ такой сына моего и совѣтовалъ ему, чтобъ тому быть на Покровской горѣ на висѣлицѣ“; и ко мнѣ писанное письмо отъ сына моего того жь часу показалъ предъ шуриномъ его губернаторскимъ Семеномъ Корсакомъ; а оное письмо взято у меня генераломъ Бахметевымъ да Секретаремъ Хрущевымъ.

Всемилостивѣйшая государыня императрица! Вашего Императорскаго Величества всенижайше прошу сотворить съ нами высочайшую милость! Ей, всемилостивѣйшая государыня, ни въ какихъ согласіяхъ не бывалъ противъ правъ россійскихъ, что̀ засвидѣтельствую всѣми Смольяны, яко есмь Вашего Императорскаго Величества всенижайшій вѣрный рабъ; что же я въ поставкѣ человѣка своего Андрея предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ погрѣшилъ, что̀ учинилось истинно безъ умыслу, но самою просто-

*) T. e. post-scriptum.

тою, и въ томъ прошу Вашего Императорскаго Величества, яко у Бога вышняго, о милосердіи.

Ежели что послѣ припомню, по сему дѣлу потребнаго, то объ ономъ донесу впредь.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ
Иванъ Красной-Милашевичъ.

Въ 8-й день генваря
1734 году.

VII.

Второе доношеніе Ивана Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская!

Что могъ припамятовать, Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу не тая ничего и не защищая никого, но самую сущую правду, какъ мнѣ явиться въ день страшнаго суда предъ лицемъ Божіимъ.

1.

Сынъ мой Ѳедоръ мнѣ сказывалъ, что губернаторъ Черкасской ему говорилъ, дабы онъ ѣхалъ прямо въ Голштиндію къ принцу, который де истинный наслѣдникъ Россійскаго государства: „того ради надобно де заблаговременно искать у него милости; а то де послѣ не таково будетъ; теперь де можешь лучше выслужиться, понеже долго ли, коротко ли быть ему наслѣдникомъ“.

2.

Означенный Черкасской съ тѣмъ сыномъ моимъ приказывалъ, а правда ли то, или нѣтъ—того я не знаю, чтобъ я по отъѣздѣ сына моего записалъ бы явочную челобитную.

3.

Капитана Булку я о пропускѣ сына моего за рубежъ просилъ токмо въ такомъ намѣреніи, что сынъ мой, собравшись съ деньгами, паки назадъ въ скоромъ времени пріѣхалъ, а не прямо, какъ выше помянуто, въ Голштиндію уѣхалъ.

4.

Я сыну своему говорилъ, когда онъ въ Голштиндію поѣдетъ, то бъ взялъ съ собою человѣка лишняго, котораго бы съ дороги прислалъ ко мнѣ назадъ съ извѣстіемъ, гдѣ будетъ обращаться, что онъ тако и учинилъ: одного человѣка Ивана Павлова, отъѣхавъ отъ двора моего двадцать-пять миль отъ города Могилева, прислалъ безъ письма, котораго я нижайшій человѣка по возврату въ Смоленскую губернскую канцелярію къ допросу представлялъ.

тою, и въ томъ прошу Вашего Императорскаго Величества, яко у Бога вышняго, о милосердіи.

Ежели что послѣ припомню, по сему дѣлу потребнаго, то объ ономъ донесу впредь.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ
Иванъ Красной-Милашевичъ.

Въ 8-й день генваря
1734 году.

VII.

Второе доношеніе Ивана Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская!

Что могъ припамятовать, Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу не тая ничего и не защищая никого, но самую сущую правду, какъ мнѣ явиться въ день страшнаго суда предъ лицемъ Божіимъ.

1.

Сынъ мой Ѳедоръ мнѣ сказывалъ, что губернаторъ Черкасской ему говорилъ, дабы онъ ѣхалъ прямо въ Голштиндію къ принцу, который де истинный наслѣдникъ Россійскаго государства: „того ради надобно де заблаговременно искать у него милости; а то де послѣ не таково будетъ; теперь де можешь лучше выслужиться, понеже долго ли, коротко ли быть ему наслѣдникомъ“.

2.

Означенный Черкасской съ тѣмъ сыномъ моимъ приказывалъ, а правда ли то, или нѣтъ—того я не знаю, чтобъ я по отъѣздѣ сына моего записалъ бы явочную челобитную.

3.

Капитана Булку я о пропускѣ сына моего за рубежъ просилъ токмо въ такомъ намѣреніи, что сынъ мой, собравшись съ деньгами, паки назадъ въ скоромъ времени пріѣхалъ, а не прямо, какъ выше помянуто, въ Голштиндію уѣхалъ.

4.

Я сыну своему говорилъ, когда онъ въ Голштиндію поѣдетъ, то бъ взялъ съ собою человѣка лишняго, котораго бы съ дороги прислалъ ко мнѣ назадъ съ извѣстіемъ, гдѣ будетъ обращаться, что онъ тако и учинилъ: одного человѣка Ивана Павлова, отъѣхавъ отъ двора моего двадцать-пять миль отъ города Могилева, прислалъ безъ письма, котораго я нижайшій человѣка по возврату въ Смоленскую губернскую канцелярію къ допросу представлялъ.

5.

Сынъ мой Ѳедоръ сказывалъ мнѣ, что Черкасской рекомендательныя письма объ немъ къ герцогу Голштинскому писать хотѣлъ, которыя получилъ ли онъ—того я не знаю; а въ склонности Смольянъ Черкасскій къ герцогу писать намѣренъ ли былъ, того я не вѣдаю и ни отъ кого не слыхалъ, и сынъ мой объ ономъ мнѣ сказывалъ ли, ей, не упомню.

6.

Князь Черкасской по отъѣздѣ сына моего неоднократно мнѣ говаривалъ, что „не печалься де о сынѣ, будетъ де онъ человѣкъ по моей рекомендаціи и всей вашей фамиліи показатель; принцъ де его не оставитъ".

7.

Когда онъ Черкасской у меня нижайшаго въ гостяхъ былъ, то паки о сынѣ моемъ говорилъ, что „молись Богу, сынъ вашъ будетъ человѣкомъ по моей рекомендаціи; а о принцѣ ты знаешь, кто онъ есть". И еще онъ Черкасской къ герцогу Голштинскому о неоставленіи сына моего писать хотѣлъ а къ нему сыну моему онъ. Черкасскій писать хотѣлъ ли, того я теперь ей не упомню.

8.

Человѣка Ѳедора Раевскаго, который ко мнѣ съ письмами отъ сына моего пріѣхалъ, когда онъ меня просилъ, чтобъ ему въ Польшѣ жениться, и для того съ тѣмъ же Раевскимъ я къ нему писалъ, чтобъ лучше ѣхалъ въ Голштиндію, и словесно съ тѣмъ человѣкомъ объ ономъ приказывалъ, ибо я не хотѣлъ видѣть, дабы онъ въ Польшѣ остался.

9.

Князь Черкасской, генералъ-маіоръ Потемкинъ и другіе Смольяна къ сыну моему что̀ писали ль, или нѣтъ, и съ кѣмъ отправляли, и ни о какихъ ихъ намѣреніяхъ ни отъ кого не слыхалъ и не знаю.

10.

Еще жь я посылалъ, со взятымъ паспортомъ, за подписаніемъ руки губернаторской, человѣка своего, прозваніемъ Шпилевскаго, для провѣдыванія сына моего, гдѣ онъ обрѣтается, который въ Польшѣ его уже не засталъ и письма отъ него ко мнѣ ни какого не привезъ, а я къ нему писалъ съ проклятіемъ, чтобъ пріѣхалъ немедленно назадъ.

11.

Въ домѣ матери Демьяна Потемкина, въ селѣ Череповѣ, онъ Демьянъ, поднося питье, говорилъ: „Знайте, кто вамъ подноситъ:

5.

Сынъ мой Ѳедоръ сказывалъ мнѣ, что Черкасской рекомендательныя письма объ немъ къ герцогу Голштинскому писать хотѣлъ, которыя получилъ ли онъ—того я не знаю; а въ склонности Смольянъ Черкасскій къ герцогу писать намѣренъ ли былъ, того я не вѣдаю и ни отъ кого не слыхалъ, и сынъ мой объ ономъ мнѣ сказывалъ ли, ей, не упомню.

6.

Князь Черкасской по отъѣздѣ сына моего неоднократно мнѣ говаривалъ, что „не печалься де о сынѣ, будетъ де онъ человѣкъ по моей рекомендаціи и всей вашей фамиліи показатель; принцъ де его не оставитъ".

7.

Когда онъ Черкасской у меня нижайшаго въ гостяхъ былъ, то паки о сынѣ моемъ говорилъ, что „молись Богу, сынъ вашъ будетъ человѣкомъ по моей рекомендаціи; а о принцѣ ты знаешь, кто онъ есть". И еще онъ Черкасской къ герцогу Голштинскому о неоставленіи сына моего писать хотѣлъ а къ нему сыну моему онъ. Черкасскій писать хотѣлъ ли, того я теперь ей не упомню.

8.

Человѣка Ѳедора Раевскаго, который ко мнѣ съ письмами отъ сына моего пріѣхалъ, когда онъ меня просилъ, чтобъ ему въ Польшѣ жениться, и для того съ тѣмъ же Раевскимъ я къ нему писалъ, чтобъ лучше ѣхалъ въ Голштиндію, и словесно съ тѣмъ человѣкомъ объ ономъ приказывалъ, ибо я не хотѣлъ видѣть, дабы онъ въ Польшѣ остался.

9.

Князь Черкасской, генералъ-маіоръ Потемкинъ и другіе Смольяна къ сыну моему что̀ писали ль, или нѣтъ, и съ кѣмъ отправляли, и ни о какихъ ихъ намѣреніяхъ ни отъ кого не слыхалъ и не знаю.

10.

Еще жь я посылалъ, со взятымъ паспортомъ, за подписаніемъ руки губернаторской, человѣка своего, прозваніемъ Шпилевскаго, для провѣдыванія сына моего, гдѣ онъ обрѣтается, который въ Польшѣ его уже не засталъ и письма отъ него ко мнѣ ни какого не привезъ, а я къ нему писалъ съ проклятіемъ, чтобъ пріѣхалъ немедленно назадъ.

11.

Въ домѣ матери Демьяна Потемкина, въ селѣ Череповѣ, онъ Демьянъ, поднося питье, говорилъ: „Знайте, кто вамъ подноситъ:

генералъ-маіоръ герцога Голштинскаго". И тогда на немъ знакъ съ ленты былъ перевязанъ пучкомъ; таковыя жь знаки были на князѣ Черкасскомъ и на прочихъ, а именно на Семенѣ Корсакѣ и у жены его, на Володимірѣ да на Михайлѣ Денисовыхъ дѣтяхъ Потемкиныхъ, да на Ѳедорѣ Ивановѣ сынѣ Потемкинѣ, да на Яковѣ Васильевѣ сынѣ Потемкинѣ.

12.

У Черкасскаго были въ кредитѣ поручикъ Иванъ Аршеневской, Александръ Пребышевской, Николай Потемкинъ, Михайло Яковлевичъ сынъ Швайковской, которые могутъ знать лучше какую важность за Черкасскимъ, понеже всегда при немъ обрѣтались, и можно ихъ назвать конфидентами его Черкасскаго.

Всемилостивѣйшая государыня, Вашего Императорскаго Величества всенижайше прошу о высочайшемъ милосердіи! Истинно, всемилостивѣйшая государыня, сущую правду доношу безъ всякія утайки.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ, Иванъ Красный-Милашевичъ.

Въ 10-й день генваря, 1734 года.

VIII.

Письмо и первое повинное доношеніе князя А. А. Черкасскаго.

1.

Всемилостивѣйшая государыня!

Нынѣ я нахожусь въ сущей алтераціи и за тѣмъ памятно написать не могу, а въ чемъ я виновенъ и что упомню, о томъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше обстоятельно донесу завтрашняго дня чрезъ всенижайшую мою повинную и, падая къ высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ, прошу о милосердіи.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ Князь Александръ Черкасской.

Въ 11-й день генваря 1734 года.

2.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу:

1.

Въ пріѣздѣ Ѳедора Милашевича въ Смоленскъ, въ бытность его у меня, о герцогѣ Голштинскомъ и о принцѣ его я съ онымъ Милашевичемъ разговоръ имѣлъ и ему рекомендательное письмо

генералъ-маіоръ герцога Голштинскаго". И тогда на немъ знакъ съ ленты былъ перевязанъ пучкомъ; таковыя жь знаки были на князѣ Черкасскомъ и на прочихъ, а именно на Семенѣ Корсакѣ и у жены его, на Володимірѣ да на Михайлѣ Денисовыхъ дѣтяхъ Потемкиныхъ, да на Ѳедорѣ Ивановѣ сынѣ Потемкинѣ, да на Яковѣ Васильевѣ сынѣ Потемкинѣ.

12.

У Черкасскаго были въ кредитѣ поручикъ Иванъ Аршеневской, Александръ Пребышевской, Николай Потемкинъ, Михайло Яковлевичъ сынъ Швайковской, которые могутъ знать лучше какую важность за Черкасскимъ, понеже всегда при немъ обрѣтались, и можно ихъ назвать конфидентами его Черкасскаго.

Всемилостивѣйшая государыня, Вашего Императорскаго Величества всенижайше прошу о высочайшемъ милосердіи! Истинно, всемилостивѣйшая государыня, сущую правду доношу безъ всякія утайки.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ, Иванъ Красный-Милашевичъ.

Въ 10-й день генваря, 1734 года.

VIII.

Письмо и первое повинное доношеніе князя А. А. Черкасскаго.

1.

Всемилостивѣйшая государыня!

Нынѣ я нахожусь въ сущей алтераціи и за тѣмъ памятно написать не могу, а въ чемъ я виновенъ и что упомню, о томъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше обстоятельно донесу завтрашняго дня чрезъ всенижайшую мою повинную и, падая къ высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ, прошу о милосердіи.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ Князь Александръ Черкасской.

Въ 11-й день генваря 1734 года.

2.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу:

1.

Въ пріѣздѣ Ѳедора Милашевича въ Смоленскъ, въ бытность его у меня, о герцогѣ Голштинскомъ и о принцѣ его я съ онымъ Милашевичемъ разговоръ имѣлъ и ему рекомендательное письмо

дать хотѣлъ къ герцогу и къ каммергеру Штарку, а о принцѣ, что оный наслѣдникъ имперіи Россійской говорилъ, а когда рекомендательныя письма ему дать хотѣлъ, то говорилъ ему, чтобъ онъ про то никому не сказывалъ, такожь говорилъ ему, когда онъ будетъ у принца, чтобъ отъ меня ручку поцѣловалъ, и говоря съ нимъ о семъ съ клятвою, чтобъ онъ меня въ ономъ не обманулъ, на что онъ обѣщаніе свое мнѣ далъ, что ни кому о томъ не скажетъ; и письмо къ герцогу писалъ на французскомъ языкѣ, обнадеживая Его Высочество въ моихъ услугахъ и вѣрности моей къ нему, и кое письмо къ герцогу отдалъ ему самъ у себя въ домѣ.

2.

Съ Иваномъ Аршеневскимъ, получа письма отъ Милашевича, говорилъ, что Милашевичь какъ меня своими письмами вяжетъ, и ему давалъ письма читать и о принцѣ съ нимъ говорилъ, что ему въ Россіи можно быть наслѣдникомъ, а при полученіи письма отъ Милашевича въ поскриптѣ было написано, что оный коммиссію, данную ему отъ меня, исправилъ и у принца руку поцѣловалъ.

3.

Семенъ Корсаковъ, что проситъ Милашевичь у меня пашпорта въ Голштиндію, говорилъ, и что я его намѣренъ оковавъ отослать въ С.-Петербургъ говорилъ же такожь, и жена его Корсака мнѣ сказывала, что Милашевичь ей говорилъ, что онъ имѣетъ отъ меня письма, и что я ей сказалъ, что я ему ни какихъ писемъ не давалъ, а съ нею жь, такожь и съ мужемъ ея, о милости ко мнѣ герцоговой и покойной государыни цесаревны Анны Петровны, не токмо съ ними, но и съ иными многими говорилъ, что какъ герцогъ, такъ и государыня цесаревна ко мнѣ были милостивы.

4.

Александра Пребышевскаго въ отъѣздѣ его изъ Смоленска вышеупомянутаго Милашевича призывалъ и спрашивалъ: ежели ѣхать ему изъ Смоленска въ Гамбургъ, на которыя мѣста ему ѣхать, и что можно для проѣзду денегъ издержать? На что онъ мнѣ сказалъ, что рублевъ триста или больше на проѣздъ надобно.

Болѣ нынѣ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донесть не имѣю; токмо, припадая къ стопамъ милосердія Вашего Императорскаго Величества, требую высочайшаго милосердія къ винности моей, а что впредь могу припомнить, то безъ всякой утайки Вашему Императорскому Величеству донесу.

Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшій рабъ, князь Александръ Черкасской.

С.-Петербургъ,
1734 г. генваря 12-го дня.

дать хотѣлъ къ герцогу и къ каммергеру Штарку, а о принцѣ, что оный наслѣдникъ имперіи Россійской говорилъ, а когда рекомендательныя письма ему дать хотѣлъ, то говорилъ ему, чтобъ онъ про то никому не сказывалъ, такожь говорилъ ему, когда онъ будетъ у принца, чтобъ отъ меня ручку поцѣловалъ, и говоря съ нимъ о семъ съ клятвою, чтобъ онъ меня въ ономъ не обманулъ, на что онъ обѣщаніе свое мнѣ далъ, что ни кому о томъ не скажетъ; и письмо къ герцогу писалъ на французскомъ языкѣ, обнадеживая Его Высочество въ моихъ услугахъ и вѣрности моей къ нему, и кое письмо къ герцогу отдалъ ему самъ у себя въ домѣ.

2.

Съ Иваномъ Аршеневскимъ, получа письма отъ Милашевича, говорилъ, что Милашевичь какъ меня своими письмами вяжетъ, и ему давалъ письма читать и о принцѣ съ нимъ говорилъ, что ему въ Россіи можно быть наслѣдникомъ, а при полученіи письма отъ Милашевича въ поскрыптѣ было написано, что оный коммиссію, данную ему отъ меня, исправилъ и у принца руку поцѣловалъ.

3.

Семенъ Корсаковъ, что проситъ Милашевичь у меня пашпорта въ Голштиндію, говорилъ, и что я его намѣренъ оковавъ отослать въ С.-Петербургъ говорилъ же такожь, и жена его Корсака мнѣ сказывала, что Милашевичь ей говорилъ, что онъ имѣетъ отъ меня письма, и что я ей сказалъ, что я ему ни какихъ писемъ не давалъ, а съ нею жь, такожь и съ мужемъ ея, о милости ко мнѣ герцоговой и покойной государыни цесаревны Анны Петровны, не токмо съ ними, но и съ иными многими говорилъ, что какъ герцогъ, такъ и государыня цесаревна ко мнѣ были милостивы.

4.

Александра Пребышевскаго въ отъѣздѣ его изъ Смоленска вышеупомянутаго Милашевича призывалъ и спрашивалъ: ежели ѣхать ему изъ Смоленска въ Гамбургъ, на которыя мѣста ему ѣхать, и что можно для проѣзду денегъ издержать? На что онъ мнѣ сказалъ, что рублевъ триста или больше на проѣздъ надобно.

Болѣ нынѣ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донесть не имѣю; токмо, припадая къ стопамъ милосердія Вашего Императорскаго Величества, требую высочайшаго милосердія къ винности моей, а что впредь могу припомнить, то безъ всякой утайки Вашему Императорскому Величеству донесу.

Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшій рабъ, князь Александръ Черкасской.

С.-Петербургъ,
1734 г. генваря 12-го дня.

IX.

Четвертое дополненіе Ѳедора Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская!

Чувствую съ радостію немалою Вашего Императорскаго Величества обнадеженную мнѣ милость, того ради исповѣдую вся моя согрѣшенія, яко всемогущему Богу, тако по дарованной отъ него власти Вашему Императорскому Величеству, не утая ни малаго чего, но самую сущую правду съ чистою совѣстію доношу и, падъ къ монаршему подножію Вашего Императорскаго Величества, слезно всенижайше прошу съ отцомъ и братомъ моимъ о милосердіи, которое не по достоинству нашему да учинится, но для всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества многолѣтняго здравія, чего для и всѣ наши погрѣшенія въ высочайшее милосердое разсужденіе всенижайше подвергаемъ.

Между прочими разговоры (о которыхъ во всенижайшихъ моихъ доношеніяхъ упоминается), когда я князю Черкасскому, будучи въ Смоленскѣ, сказалъ, что имѣю рекомендательныя письма отъ Потоцкаго въ Польшу, то онъ мнѣ говорилъ: „Или ты въ Россіи жить не хочешь; ежели жь де ты такое намѣреніе имѣешь, я де могу этого лучше еще тебѣ къ счастію слѣдъ сыскать, только де надобно слушаться меня во всемъ“. И тогда привелъ меня къ присягѣ и началъ говорить, что въ Голштиндіи имѣется принцъ, внукъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Перваго, а государыни цесаревны Елисаветъ Петровны племянникъ родной, который истинный наслѣдникъ Россійскаго государства, отъ чего никто отдалить его не можетъ, и для того, надобно де у него завременно милости искать и заслуживать чести: „Ты же де можешь чрезъ Потоцкаго отъ государыни цесаревны рекомендацію достать, а я де отъ себя такъ тебя рекомендую герцогу, что не только де ты впередъ всякаго счастія ожидать имѣешь, но и нынѣ во всякомъ довольствіи и покоѣ содержанъ и награжденъ будешь, а здѣсь де тебѣ счастія при нынѣшнемъ правленіи ни коимъ образомъ сыскать не возможно, понеже де Курляндцы все завладали; я бы де и самъ истинно изъ Голштиндіи не выѣхалъ, когда бы не женатъ былъ, для того, что герцогъ—весьма милостивый государь, котораго милость я до гроба забыть не могу, и служить ему готовъ во всемъ, гдѣ случай допуститъ. Такожъ и отъ сродниковъ своихъ здѣшнихъ можешь де выпросить рекомендацію, которая весьма пріятна будетъ герцогу“. Я на то говорилъ, что не токмо у сродниковъ, но и ни у кого другаго о томъ просить не смѣю. Черкасской говорилъ: „Когда де сего дѣлать не можешь или не хочешь, то де можно тебѣ и самому написать, токмо для Бога ни кому о семъ не сказывай, что я тебя научаю, будто отъ генерала Потемкина письмо къ герцогу, яко бы ты его племян-

IX.

Четвертое дополненіе Ѳедора Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская!

Чувствую съ радостію немалою Вашего Императорскаго Величества обнадеженную мнѣ милость, того ради исповѣдую вся моя согрѣшенія, яко всемогущему Богу, тако по дарованной отъ него власти Вашему Императорскому Величеству, не утая ни малаго чего, но самую сущую правду съ чистою совѣстію доношу и, падъ къ монаршему подножію Вашего Императорскаго Величества, слезно всенижайше прошу съ отцомъ и братомъ моимъ о милосердіи, которое не по достоинству нашему да учинится, но для всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества многолѣтняго здравія, чего для и всѣ наши погрѣшенія въ высочайшее милосердое разсужденіе всенижайше подвергаемъ.

Между прочими разговоры (о которыхъ во всенижайшихъ моихъ доношеніяхъ упоминается), когда я князю Черкасскому, будучи въ Смоленскѣ, сказалъ, что имѣю рекомендательныя письма отъ Потоцкаго въ Польшу, то онъ мнѣ говорилъ: „Или ты въ Россіи жить не хочешь; ежели жь де ты такое намѣреніе имѣешь, я де могу этого лучше еще тебѣ къ счастію слѣдъ сыскать, только де надобно слушаться меня во всемъ“. И тогда привелъ меня къ присягѣ и началъ говорить, что въ Голштиндіи имѣется принцъ, внукъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Перваго, а государыни цесаревны Елисаветъ Петровны племянникъ родной, который истинный наслѣдникъ Россійскаго государства, отъ чего никто отдалить его не можетъ, и для того, надобно де у него завременно милости искать и заслуживать чести: „Ты же де можешь чрезъ Потоцкаго отъ государыни цесаревны рекомендацію достать, а я де отъ себя такъ тебя рекомендую герцогу, что не только де ты впередъ всякаго счастія ожидать имѣешь, но и нынѣ во всякомъ довольствіи и покоѣ содержанъ и награжденъ будешь, а здѣсь де тебѣ счастія при нынѣшнемъ правленіи ни коимъ образомъ сыскать не возможно, понеже де Курляндцы все завладали; я бы де и самъ истинно изъ Голштиндіи не выѣхалъ, когда бы не женатъ былъ, для того, что герцогъ—весьма милостивый государь, котораго милость я до гроба забыть не могу, и служить ему готовъ во всемъ, гдѣ случай допуститъ. Такожъ и отъ сродниковъ своихъ здѣшнихъ можешь де выпросить рекомендацію, которая весьма пріятна будетъ герцогу“. Я на то говорилъ, что не токмо у сродниковъ, но и ни у кого другаго о томъ просить не смѣю. Черкасской говорилъ: „Когда де сего дѣлать не можешь или не хочешь, то де можно тебѣ и самому написать, токмо для Бога ни кому о семъ не сказывай, что я тебя научаю, будто отъ генерала Потемкина письмо къ герцогу, яко бы ты его племян-

никъ, и что онъ Потемкинъ со многими смоленскими шляхты къ оному герцогу въ великой вѣрности находятся", и будто бы они Смольяне не Вашему Императорскому Величеству, но принцу Голштинскому въ вѣрности присягали; и далъ мнѣ записку своей руки, въ какой силѣ оное письмо написать надлежало. И я говорилъ: „Когда герцогъ будетъ спрашивать, что кто именно въ той вѣрности обрѣтаются?" Черкасскій сказалъ: „Напиши де наперед̀ъ это письмо противъ записки, а то я тѣмъ временемъ уже изготовлю концептъ той присягѣ и инструкцію де напишу, какъ тебѣ, будучи въ Голштиндіи, поступать и что̀ герцогу въ разговорахъ представлять; вѣдь де герцогъ ихъ Смольянъ рукъ не знаетъ, а по моей рекомендаціи тому, что̀ ты на словахъ говорить будешь, всему повѣрятъ".

Послѣ того, когда я по данной мнѣ отъ него запискѣ письмо Потемкина написалъ и принесъ къ нему Черкасскому, и прочетъ, отдалъ ему, то далъ мнѣ Черкасской концептъ, писанный рукою его, какъ обыкновенно присяги бываютъ, токмо на имя принцево отъ генерала-маіора Потемкина со всѣми Смольяны, что они присягаютъ въ вѣрности, засвидѣтельствуя въ томъ княземъ Черкасскимъ; въ то жь время отдалъ мнѣ инструкцію, написанную его жь Черкасскаго рукою, какъ мнѣ поступать, будучи въ Голштиндіи, и велѣлъ мнѣ вышеозначенную присягу и инструкцію списать моею рукою и подъ тою присягою подписать имена Смольянъ шляхтъ, и для того бъ выписалъ бы я изъ писемъ отца моего, сколько возможно, какихъ званій. И когда я изъ разныхъ партикулярныхъ писемъ нѣсколько именъ выписалъ, а инструкцію и присягу набѣло переписалъ и принесъ къ нему Черкасскому, то онъ велѣлъ тѣ имена переписать, очиня разныя перья, дабы не мочно признать, что однею рукою писано; а переписавъ, приказалъ приклеить подъ присягою и говорилъ, чтобъ я еще, сколько могъ, именъ добавливалъ, и тутъ же подписывалъ, и когда я переписалъ и свое имя внизу подписалъ, а инструкція ужь у него была, то онъ, прочетъ, отдалъ мнѣ бѣлыя, а черныя взялъ къ себѣ.

На другой день отдалъ мнѣ Черкасской письмо свое къ герцогу, такожь и Потемкина фальшивое (кое я писалъ), запечаталъ разными печатьми, и сказывалъ мнѣ, что онъ къ герцогу писалъ, дабы мнѣ во всемъ вѣрили, что̀ я представлять буду; при томъ же просилъ меня, чтобъ я все по содержанію инструкціи исправилъ, такожь бы и у принца руку поцѣловалъ и донесъ бы о его къ нему вѣрности. Тогда жь мнѣ велѣлъ оттуды писать нужныя письма цыфирью и сказалъ мнѣ токмо двѣнадцать словъ ключевыхъ: *А, Е, И, О, У, Б, П, Р, Ы, Н, Ц, Ъ*, которыми что̀ потребно писать мочно, но постороннему разобрать весьма трудно; послѣ того совѣтовалъ мнѣ чрезъ Петербургъ ѣхать и хотѣлъ о томъ писать къ дѣйствительному тайному совѣтнику князю Черкасскому, чтобы меня, не замѣшкавъ, пропустили будто для наукъ въ чужія государства; потомъ взялъ у меня паспортъ за подписаніемъ генералъ-фельдмаршала Миниха и, наложа на подпись почтовую бумагу, противъ

никъ, и что онъ Потемкинъ со многими смоленскими шляхты къ оному герцогу въ великой вѣрности находятся", и будто бы они Смольяне не Вашему Императорскому Величеству, но принцу Голштинскому въ вѣрности присягали; и далъ мнѣ записку своей руки, въ какой силѣ оное письмо написать надлежало. И я говорилъ: „Когда герцогъ будетъ спрашивать, что кто именно въ той вѣрности обрѣтаются?" Черкасскій сказалъ: „Напиши де наперед̀ъ это письмо противъ записки, а то я тѣмъ временемъ уже изготовлю концептъ той присягѣ и инструкцію де напишу, какъ тебѣ, будучи въ Голштиндіи, поступать и что̀ герцогу въ разговорахъ представлять; вѣдь де герцогъ ихъ Смольянъ рукъ не знаетъ, а по моей рекомендаціи тому, что̀ ты на словахъ говорить будешь, всему повѣрятъ".

Послѣ того, когда я по данной мнѣ отъ него запискѣ письмо Потемкина написалъ и принесъ къ нему Черкасскому, и прочетъ, отдалъ ему, то далъ мнѣ Черкасской концептъ, писанный рукою его, какъ обыкновенно присяги бываютъ, токмо на имя принцево отъ генерала-маіора Потемкина со всѣми Смольяны, что они присягаютъ въ вѣрности, засвидѣтельствуя въ томъ княземъ Черкасскимъ; въ то жь время отдалъ мнѣ инструкцію, написанную его жь Черкасскаго рукою, какъ мнѣ поступать, будучи въ Голштиндіи, и велѣлъ мнѣ вышеозначенную присягу и инструкцію списать моею рукою и подъ тою присягою подписать имена Смольянъ шляхтъ, и для того бъ выписалъ бы я изъ писемъ отца моего, сколько возможно, какихъ званій. И когда я изъ разныхъ партикулярныхъ писемъ нѣсколько именъ выписалъ, а инструкцію и присягу набѣло переписалъ и принесъ къ нему Черкасскому, то онъ велѣлъ тѣ имена переписать, очиня разныя перья, дабы не мочно признать, что однею рукою писано; а переписавъ, приказалъ приклеить подъ присягою и говорилъ, чтобъ я еще, сколько могъ, именъ добавливалъ, и тутъ же подписывалъ, и когда я переписалъ и свое имя внизу подписалъ, а инструкція ужь у него была, то онъ, прочетъ, отдалъ мнѣ бѣлыя, а черныя взялъ къ себѣ.

На другой день отдалъ мнѣ Черкасской письмо свое къ герцогу, такожь и Потемкина фальшивое (кое я писалъ), запечаталъ разными печатьми, и сказывалъ мнѣ, что онъ къ герцогу писалъ, дабы мнѣ во всемъ вѣрили, что̀ я представлять буду; при томъ же просилъ меня, чтобъ я все по содержанію инструкціи исправилъ, такожь бы и у принца руку поцѣловалъ и донесъ бы о его къ нему вѣрности. Тогда жь мнѣ велѣлъ оттуды писать нужныя письма цыфирью и сказалъ мнѣ токмо двѣнадцать словъ ключевыхъ: *А, Е, И, О, У, Б, П, Р, Ы, Н, Ц, Ъ*, которыми что̀ потребно писать мочно, но постороннему разобрать весьма трудно; послѣ того совѣтовалъ мнѣ чрезъ Петербургъ ѣхать и хотѣлъ о томъ писать къ дѣйствительному тайному совѣтнику князю Черкасскому, чтобы меня, не замѣшкавъ, пропустили будто для наукъ въ чужія государства; потомъ взялъ у меня паспортъ за подписаніемъ генералъ-фельдмаршала Миниха и, наложа на подпись почтовую бумагу, противъ

окошка списалъ точь въ точь, будто бы Минихъ самъ подписалъ, сказывая: „Я де руку его не знаю“. А для чего то дѣлалъ, того не знаю; только однажды пьяный говорилъ, что онъ „герцогу во всѣхъ приказахъ служить радъ, хотя бъ де и такимъ образомъ, ежели бъ де онъ герцогъ согласился съ какимъ непріятелемъ Россійскаго государства, и особливо де съ Поляками, понеже де имѣетъ претензію о наслѣдствѣ въ Россіи, сынъ его—принцъ, а онъ де герцогъ королемъ скоро будетъ въ Швеціи; тогда бъ де и насильно могли сдѣлать, ибо я войско не токмо за рубежъ, но и въ самую крѣпость Смоленскую впустить могу, ибо меня, яко губернатора, во всемъ слушать должны станутъ; я же де здѣсь имѣю у себя много друзей; къ тому жь составилъ бы я указы, понеже де я имѣю многихъ письма знатныхъ персонъ, подъ которыя руки могу легко подписаться“. О вышеписанныхъ словахъ спрашивалъ я у него Черкасскаго и у трезваго, то онъ сказалъ, будто то на примѣръ говорилъ, а то: „Гдѣ де герцогу дѣлать; его де и безъ того отрѣшить не могутъ, а покуда де принцъ выростетъ, то тетка жь его цесаревна Елисавета Петровна будетъ“. Я спросилъ: „А государыня императрица какъ будетъ?“ На то Черкасской говорилъ: „Она не долговѣчна“. Я говорилъ, что Ваше Императорское Величество по высочайшему соизволенію завременно наслѣдника учините. Черкасской говорилъ: „Полно де и того, что ей и Долгорукіе подслужились, думая въ другой рядъ царствовать; да куда де ихъ пырнули, а нынѣче ужь такъ никто не отважится сдѣлать“.

Послѣ спрашивалъ у меня про князь Юрья Долгорукаго и говорилъ: „Вотъ де этотъ дѣтина пропалъ безъ выправки, кто де говоритъ о такихъ дѣлахъ при бездѣльникахъ доносителяхъ!“ Я ему сказалъ: „Нельзя никакъ устеречься; можетъ быть, кто и у насъ подслушаетъ да донесетъ“. Черкасской говорилъ: „Нѣтъ, дескать, за меня есть кому говорить и въ кабинетѣ; знаешь де ты его, кто онъ таковъ; нынѣ жь де доносителемъ мало выторжки и не за такое дѣло; а хотя и донеслось бы, то герцогъ не выдастъ по причинѣ сего дѣла; развѣ де ты только сплутать хочешь, да можешь де ты разсудить, какое у насъ житье въ Россіи; все обладали Курляндцы, отъ которыхъ намъ ужь де тошно стало“. Послѣ того передумалъ онъ, чтобъ не въ Петербургъ, но чрезъ Польшу ѣхать, и велѣлъ мнѣ сказать отцу моему, чтобъ онъ по отъѣздѣ моемъ явочную челобитную подалъ; мнѣ жь онъ Черкасскій говорилъ, чтобъ я написалъ апшитъ фальшивый, будто я уволенъ отъ двора Ея Высочества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни царевны Екатерины Іоанновны гофъ-юнкеромъ, для того, чтобъ меня тѣмъ же чиномъ или еще и выше къ герцогову двору приняли, а велѣлъ мнѣ подписаться подъ руку Ея Императорскаго Высочества и печать за рубежемъ сдѣлать такую жь, какъ въ паспортахъ моихъ были за подписаніемъ Ея Императорскаго Высочества собственныя руки,—чего бы не учинилъ, хотя ему и обѣщалъ.

Послѣ же сего я обо всемъ, какъ говорено съ Черкасскимъ, о поѣздкѣ моей въ Голштиндію отцу моему сказывалъ, токмо о пись-

окошка списалъ точь въ точь, будто бы Минихъ самъ подписалъ, сказывая: „Я де руку его не знаю“. А для чего то дѣлалъ, того не знаю; только однажды пьяный говорилъ, что онъ „герцогу во всѣхъ приказахъ служить радъ, хотя бъ де и такимъ образомъ, ежели бъ де онъ герцогъ согласился съ какимъ непріятелемъ Россійскаго государства, и особливо де съ Поляками, понеже де имѣетъ претензію о наслѣдствѣ въ Россіи, сынъ его—принцъ, а онъ де герцогъ королемъ скоро будетъ въ Швеціи; тогда бъ де и насильно могли сдѣлать, ибо я войско не токмо за рубежъ, но и въ самую крѣпость Смоленскую впустить могу, ибо меня, яко губернатора, во всемъ слушать должны станутъ; я же де здѣсь имѣю у себя много друзей; къ тому жь составилъ бы я указы, понеже де я имѣю многихъ письма знатныхъ персонъ, подъ которыя руки могу легко подписаться“. О вышеписанныхъ словахъ спрашивалъ я у него Черкасскаго и у трезваго, то онъ сказалъ, будто то на примѣръ говорилъ, а то: „Гдѣ де герцогу дѣлать; его де и безъ того отрѣшить не могутъ, а покуда де принцъ выростетъ, то тетка жь его цесаревна Елисавета Петровна будетъ“. Я спросилъ: „А государыня императрица какъ будетъ?“ На то Черкасской говорилъ: „Она не долговѣчна“. Я говорилъ, что Ваше Императорское Величество по высочайшему соизволенію завременно наслѣдника учините. Черкасской говорилъ: „Полно де и того, что ей и Долгорукіе подслужились, думая въ другой рядъ царствовать; да куда де ихъ пырнули, а нынѣче ужь такъ никто не отважится сдѣлать“.

Послѣ спрашивалъ у меня про князь Юрья Долгорукаго и говорилъ: „Вотъ де этотъ дѣтина пропалъ безъ выправки, кто де говоритъ о такихъ дѣлахъ при бездѣльникахъ доносителяхъ!“ Я ему сказалъ: „Нельзя никакъ устеречься; можетъ быть, кто и у насъ подслушаетъ да донесетъ“. Черкасской говорилъ: „Нѣтъ, дескать, за меня есть кому говорить и въ кабинетѣ; знаешь де ты его, кто онъ таковъ; нынѣ жь де доносителемъ мало выторжки и не за такое дѣло; а хотя и донеслось бы, то герцогъ не выдастъ по причинѣ сего дѣла; развѣ де ты только сплутать хочешь, да можешь де ты разсудить, какое у насъ житье въ Россіи; все обладали Курляндцы, отъ которыхъ намъ ужь де тошно стало“. Послѣ того передумалъ онъ, чтобъ не въ Петербургъ, но чрезъ Польшу ѣхать, и велѣлъ мнѣ сказать отцу моему, чтобъ онъ по отъѣздѣ моемъ явочную челобитную подалъ; мнѣ жь онъ Черкасскій говорилъ, чтобъ я написалъ апшитъ фальшивый, будто я уволенъ отъ двора Ея Высочества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни царевны Екатерины Іоанновны гофъ-юнкеромъ, для того, чтобъ меня тѣмъ же чиномъ или еще и выше къ герцогову двору приняли, а велѣлъ мнѣ подписаться подъ руку Ея Императорскаго Высочества и печать за рубежемъ сдѣлать такую жь, какъ въ паспортахъ моихъ были за подписаніемъ Ея Императорскаго Высочества собственныя руки,—чего бы не учинилъ, хотя ему и обѣщалъ.

Послѣ же сего я обо всемъ, какъ говорено съ Черкасскимъ, о поѣздкѣ моей въ Голштиндію отцу моему сказывалъ, токмо о пись-

мѣ Потемкина что фальшивое, не говорилъ, а сказалъ, будто Смольяне со мною къ герцогу письма посылаютъ. Онъ отецъ мой мнѣ говорилъ: „Явочную де челобитную я подамъ, а апшитъ де, какъ хочешь, пиши за рубежемъ, а здѣсь мнѣ отъ того бѣду сдѣлать можешь; я де про это и слышать не хочу“. То я говорилъ ему: „Такъ пусть же донесемъ“. На что онъ сказалъ: „Кто намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно за напрасно“.

Когда я пришелъ къ Черкасскому прощаться, то онъ мнѣ говорилъ: „Помни Бога и страшный судъ, не пронеси сего дѣла отнюдь никому“. Потомъ отдалъ мнѣ письмо къ гофъ-юнкеру Дивіэрову и сказалъ, что онъ мнѣ весь слѣдъ покажетъ въ Голштиндіи; а что въ томъ письмѣ было писано, того я не знаю. Мнѣ жь приказывалъ, что когда у Потоцкаго буду просить о рекомендаціи отъ цесаревны, то я, усмотря его склонность, и обо всемъ бы сообщилъ, только бъ о письмѣ Потемкина и о присягѣ не сказывалъ бы, что фальшивое, но за истинное, будто подлинное его. И простясь, съ тѣмъ намѣреніемъ и отправился за рубежъ, чтобъ къ герцогу ѣхать; только для Потоцкаго заѣхалъ въ Варшаву и о рекомендаціи отъ государыни цесаревны просить уже раздумалъ; но увидѣвшись съ нимъ Потоцкимъ, говорилъ, что не донесетъ ли онъ Вашему Императорскому Величеству и обо всемъ ему пространно разсказалъ, какъ было, токмо о Потемкинѣ письмѣ говорилъ и о присягѣ, что подлинныя. Онъ Потоцкій мнѣ сказалъ: „Что де мнѣ объ этомъ писать! Дай де Богъ, чтобъ де Смоленскъ польскій былъ“. Я просилъ его Потоцкаго, когда того дѣлать не хочетъ, то хотя бъ отписалъ къ Черкасскому, что я къ нему пріѣхалъ, и онъ Потоцкій къ нему Черкасскому писалъ письмо, токмо объявляя о пріѣздѣ моемъ, и тѣ письма при мнѣ отправлены чрезъ Горки, а къ кому адресованы, того не знаю.

Потомъ я отъѣхалъ въ Литву жениться, а дѣло это бросилъ и хотѣлъ изодрать, чтобъ не пронеслось, но по смерти короля Августа, передъ Святою недѣлею, онъ Потоцкій писалъ ко мнѣ изъ Варшавы, чтобъ я о чемъ ему сказывалъ, отписалъ бы пространно, или бы самъ я пріѣхалъ; но я самъ за болѣзнію ѣхать не могъ, а чаялъ, что онъ намѣрился Вашему Императорскому Величеству донести при тогдашнихъ нужныхъ конъюнктурахъ, понеже онъ былъ въ кредитѣ у россійскаго двора; и для того, выписавъ изо всего, къ нему Потоцкому послалъ съ человѣкомъ моимъ Андреемъ Моисѣевымъ, на которое отвѣту не получилъ, только писалъ, что примасовъ секретарь Магельницкій въ Вильно будетъ и обо всемъ мнѣ разскажетъ; и какъ Магельницкій въ Вильно пріѣхалъ, то я къ нему ѣздилъ спрашивать, который мнѣ въ томъ ничего не говорилъ, а сказалъ, что станетъ де чрезъ почту писать: „Ежели жь де паче чаянія ко мнѣ отпишетъ, то я къ тебѣ пришлю, и для того оставь ты здѣсь человѣка“. И тогда я покинулъ Ѳедора Раевскаго.

Въ то время онъ Магельницкій, какъ я въ послѣднемъ моемъ доношеніи написалъ, посылалъ меня въ обитель благочестивую и все такъ было, какъ въ томъ доношеніи показано.

мѣ Потемкина что фальшивое, не говорилъ, а сказалъ, будто Смольяне со мною къ герцогу письма посылаютъ. Онъ отецъ мой мнѣ говорилъ: „Явочную де челобитную я подамъ, а апшитъ де, какъ хочешь, пиши за рубежемъ, а здѣсь мнѣ отъ того бѣду сдѣлать можешь; я де про это и слышать не хочу“. То я говорилъ ему: „Такъ пусть же донесемъ“. На что онъ сказалъ: „Кто намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно за напрасно“.

Когда я пришелъ къ Черкасскому прощаться, то онъ мнѣ говорилъ: „Помни Бога и страшный судъ, не пронеси сего дѣла отнюдь никому“. Потомъ отдалъ мнѣ письмо къ гофъ-юнкеру Дивіэрову и сказалъ, что онъ мнѣ весь слѣдъ покажетъ въ Голштиндіи; а что въ томъ письмѣ было писано, того я не знаю. Мнѣ жь приказывалъ, что когда у Потоцкаго буду просить о рекомендаціи отъ цесаревны, то я, усмотря его склонность, и обо всемъ бы сообщилъ, только бъ о письмѣ Потемкина и о присягѣ не сказывалъ бы, что фальшивое, но за истинное, будто подлинное его. И простясь, съ тѣмъ намѣреніемъ и отправился за рубежъ, чтобъ къ герцогу ѣхать; только для Потоцкаго заѣхалъ въ Варшаву и о рекомендаціи отъ государыни цесаревны просить уже раздумалъ; но увидѣвшись съ нимъ Потоцкимъ, говорилъ, что не донесетъ ли онъ Вашему Императорскому Величеству и обо всемъ ему пространно разсказалъ, какъ было, токмо о Потемкинѣ письмѣ говорилъ и о присягѣ, что подлинныя. Онъ Потоцкій мнѣ сказалъ: „Что де мнѣ объ этомъ писать! Дай де Богъ, чтобъ де Смоленскъ польскій былъ“. Я просилъ его Потоцкаго, когда того дѣлать не хочетъ, то хотя бъ отписалъ къ Черкасскому, что я къ нему пріѣхалъ, и онъ Потоцкій къ нему Черкасскому писалъ письмо, токмо объявляя о пріѣздѣ моемъ, и тѣ письма при мнѣ отправлены чрезъ Горки, а къ кому адресованы, того не знаю.

Потомъ я отъѣхалъ въ Литву жениться, а дѣло это бросилъ и хотѣлъ изодрать, чтобъ не пронеслось, но по смерти короля Августа, передъ Святою недѣлею, онъ Потоцкій писалъ ко мнѣ изъ Варшавы, чтобъ я о чемъ ему сказывалъ, отписалъ бы пространно, или бы самъ я пріѣхалъ; но я самъ за болѣзнію ѣхать не могъ, а чаялъ, что онъ намѣрился Вашему Императорскому Величеству донести при тогдашнихъ нужныхъ конъюнктурахъ, понеже онъ былъ въ кредитѣ у россійскаго двора; и для того, выписавъ изо всего, къ нему Потоцкому послалъ съ человѣкомъ моимъ Андреемъ Моисѣевымъ, на которое отвѣту не получилъ, только писалъ, что примасовъ секретарь Магельницкій въ Вильно будетъ и обо всемъ мнѣ разскажетъ; и какъ Магельницкій въ Вильно пріѣхалъ, то я къ нему ѣздилъ спрашивать, который мнѣ въ томъ ничего не говорилъ, а сказалъ, что станетъ де чрезъ почту писать: „Ежели жь де паче чаянія ко мнѣ отпишетъ, то я къ тебѣ пришлю, и для того оставь ты здѣсь человѣка“. И тогда я покинулъ Ѳедора Раевскаго.

Въ то время онъ Магельницкій, какъ я въ послѣднемъ моемъ доношеніи написалъ, посылалъ меня въ обитель благочестивую и все такъ было, какъ въ томъ доношеніи показано.

Потомъ пріѣхалъ въ домъ тестя моего, послалъ человѣка моего Андрея Моисѣева въ Минскъ дожидаться, не будутъ ли какія письма съ почты, который и привезъ одинъ большой ковертъ съ почты, а въ оном вложены были письмо князя Черкасскаго, писанное цыфрами его Черкасскаго рукою (которую цыфирь далъ онъ мнѣ для корреспонденціи о нужныхъ дѣлѣхъ) и за его печатью; съ того письма копія при всенижайшемъ моемъ доношеніи, писанномъ въ Гамбургѣ, приложена; съ инструкціею въ томъ же ковертѣ было еще два письма на польскомъ языкѣ, одно будто отъ Потемкина къ Станиславу Лещинскому, а другое ко мнѣ цыфирное письмо (о которомъ я объявилъ, будто писано отъ Черкасскаго къ герцогу).

О тѣхъ письмахъ Потоцкій ко мнѣ писалъ, чтобъ я тѣ три письма, купно съ тѣми, которыя и у меня были, объявилъ на сеймикахъ въ трехъ мѣстахъ, а именно въ Вильнѣ, въ Минскѣ и въ Ошмянѣ, сказывая, что оныя писаны подлинно отъ Смольянъ, при томъ же бы разгласилъ, что Смольяне герцогу Голштинскому въ вѣрности, присягали, и герцогъ Голштинскій уже съ Станиславомъ согласился-что ежели Станиславъ поможетъ принцу Голштинскому въ наслѣдствѣ Россіи, то за оное Смоленскъ Польшѣ уступится; а про цыфирное письмо велѣлъ сказывать, что будто сочиненные отъ Смольянъ пункты, подъ которыми Станиславъ подпишется, какъ ихъ въ своей протекціи содержать и чтобъ ихъ никогда назадъ Россіи не возвращать; ежели жь де станутъ спрашивать Поляки, для чего писано цыфирью, то надобно сказать, что это великой важности дѣло, чего ради Смольяне ни на какомъ языкѣ писать не смѣютъ, дабы не пронеслось, но послали напередъ такую азбуку къ Станиславу впредь для корреспонденціи; а по объявленіи тѣ письма, чтобъ къ нему Потоцкому самъ привезъ, либо бы отдалъ Магельницкому.

Тѣ письма фальшивыя ль, или подлинно отъ генералъ-маіора Потемкина писаны, истинно не знаю, токмо письмо цыфирное Черкасскаго писанное подлинно его рукою ко мнѣ, и въ томъ твердо стою до окончанія жизни моей.

Оныя письма на сеймикахъ ниже кому иному не сообщалъ и не объявлялъ, но послѣ того вскорѣ поѣхалъ, не видавшись съ Потоцкимъ, въ Кенигсбергъ, а вышеозначенное письмо Черкасскаго, писанное ко мнѣ цыфирью, изодралъ, только у себя оставилъ, переписавъ копію, для того, дабы оное въ другія руки не попалось.

Изъ Кенигсберга отъѣхалъ я въ Киль съ человѣкомъ Ѳедоромъ Раевскимъ и, пріѣхавъ туды, сперва видѣлся съ гофъ-юнкеромъ Дивіэровымъ, которому отдалъ я письмо Черкасскаго, писанное къ нему, и онъ Дивіэръ представилъ меня принцу, и тогда я у принца, руку поцѣловавъ, доносилъ о вѣрности Черкасскаго. На то отвѣтствовалъ мнѣ за принца Эхлеръ (котораго брать здѣсь обрѣтается), благодарствуя за вѣрность Черкасскаго, а за мои труды, что я такъ далеко ѣхалъ, и за то ему Черкасскому и мнѣ всякую милость оказывать обѣщалъ, и приказано мнѣ дожидаться герцога на другой день; оный же гофъ-юнкеръ Дивіэровъ представилъ меня Штарку, который мнѣ говорилъ, чтобъ я имѣющія у меня къ герцогу письма

Потомъ пріѣхалъ въ домъ тестя моего, послалъ человѣка моего Андрея Моисѣева въ Минскъ дожидаться, не будутъ ли какія письма съ почты, который и привезъ одинъ большой ковертъ съ почты, а въ оном вложены были письмо князя Черкасскаго, писанное цыфрами его Черкасскаго рукою (которую цыфирь далъ онъ мнѣ для корреспонденціи о нужныхъ дѣлѣхъ) и за его печатью; съ того письма копія при всенижайшемъ моемъ доношеніи, писанномъ въ Гамбургѣ, приложена; съ инструкціею въ томъ же ковертѣ было еще два письма на польскомъ языкѣ, одно будто отъ Потемкина къ Станиславу Лещинскому, а другое ко мнѣ цыфирное письмо (о которомъ я объявилъ, будто писано отъ Черкасскаго къ герцогу).

О тѣхъ письмахъ Потоцкій ко мнѣ писалъ, чтобъ я тѣ три письма, купно съ тѣми, которыя и у меня были, объявилъ на сеймикахъ въ трехъ мѣстахъ, а именно въ Вильнѣ, въ Минскѣ и въ Ошмянѣ, сказывая, что оныя писаны подлинно отъ Смольянъ, при томъ же бы разгласилъ, что Смольяне герцогу Голштинскому въ вѣрности, присягали, и герцогъ Голштинскій уже съ Станиславомъ согласился-что ежели Станиславъ поможетъ принцу Голштинскому въ наслѣдствѣ Россіи, то за оное Смоленскъ Польшѣ уступится; а про цыфирное письмо велѣлъ сказывать, что будто сочиненные отъ Смольянъ пункты, подъ которыми Станиславъ подпишется, какъ ихъ въ своей протекціи содержать и чтобъ ихъ никогда назадъ Россіи не возвращать; ежели жь де станутъ спрашивать Поляки, для чего писано цыфирью, то надобно сказать, что это великой важности дѣло, чего ради Смольяне ни на какомъ языкѣ писать не смѣютъ, дабы не пронеслось, но послали напередъ такую азбуку къ Станиславу впредь для корреспонденціи; а по объявленіи тѣ письма, чтобъ къ нему Потоцкому самъ привезъ, либо бы отдалъ Магельницкому.

Тѣ письма фальшивыя ль, или подлинно отъ генералъ-маіора Потемкина писаны, истинно не знаю, токмо письмо цыфирное Черкасскаго писанное подлинно его рукою ко мнѣ, и въ томъ твердо стою до окончанія жизни моей.

Оныя письма на сеймикахъ ниже кому иному не сообщалъ и не объявлялъ, но послѣ того вскорѣ поѣхалъ, не видавшись съ Потоцкимъ, въ Кенигсбергъ, а вышеозначенное письмо Черкасскаго, писанное ко мнѣ цыфирью, изодралъ, только у себя оставилъ, переписавъ копію, для того, дабы оное въ другія руки не попалось.

Изъ Кенигсберга отъѣхалъ я въ Киль съ человѣкомъ Ѳедоромъ Раевскимъ и, пріѣхавъ туды, сперва видѣлся съ гофъ-юнкеромъ Дивіэровымъ, которому отдалъ я письмо Черкасскаго, писанное къ нему, и онъ Дивіэръ представилъ меня принцу, и тогда я у принца, руку поцѣловавъ, доносилъ о вѣрности Черкасскаго. На то отвѣтствовалъ мнѣ за принца Эхлеръ (котораго брать здѣсь обрѣтается), благодарствуя за вѣрность Черкасскаго, а за мои труды, что я такъ далеко ѣхалъ, и за то ему Черкасскому и мнѣ всякую милость оказывать обѣщалъ, и приказано мнѣ дожидаться герцога на другой день; оный же гофъ-юнкеръ Дивіэровъ представилъ меня Штарку, который мнѣ говорилъ, чтобъ я имѣющія у меня къ герцогу письма

ему отдалъ, а самъ бы жилъ въ Килѣ до прибытія герцогова; и тогда я ему Штарку письмо, посланное со мною отъ Черкасскаго, да фальшивое, которое я писалъ въ Смоленскѣ отъ генерала Потемкина, отдалъ.

Послѣ приключилася мнѣ жестокая болѣзнь отъ горькой печали, что я сталъ размышлять, яко предъ Богомъ, тако и предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ погрѣшилъ безъ всякаго умыслу, но токмо отъ наученія Черкасскаго и отъ глупаго моего разума, что я ему былъ послушенъ и не вѣдалъ, что̀ со мною сдѣлаться могло. Тогда, бывши со мною, Ѳедоръ Раевскій, говорилъ мнѣ: о чемъ я такъ горько печалюсь; и я, прося у него совѣта, сказалъ, что имѣю письма отъ Черкасскаго и отъ Смольянъ, которыя писаны, засвидѣтельствуя вѣрность ихъ принцу, а учинено оное безъ воли Ея Императорскаго Величества, и я намѣренъ о томъ донести Ея Императорскому Величеству; и онъ Раевскій мнѣ сказалъ: „Не печалься, молись Богу, сіе хорошо разсуждаешь; всемилостивѣйшая государыня въ твоей винѣ проститъ; ежели жъ де сего да не сдѣлаешь, то Богъ тебя накажетъ и не такою де болѣзнію“; потомъ сталъ я развѣдывать, гдѣ близко имѣется россійскій министръ, и какъ скоро услышалъ, что Вашего Императорскаго Величества чрезвычайный посланникъ Бестужевъ-Рюминъ въ Гамбургѣ обрѣтается, то человѣка моего Ѳедора Раевскаго отпустилъ въ Смоленскъ и писалъ съ нимъ къ Черкасскому письмо, что я въ Килѣ обрѣтаюсь благополучно, приказъ его весь исполнилъ и принцу руку поцѣловалъ. А по отъѣздѣ его Раевскаго истинно, всемилостивѣйшая государыня, всеконечное уже намѣреніе имѣлъ донести Вашему Императорскому Величеству, только о Потоцкомъ опасался объявить, дабы не сдѣлалъ какой обиды тестю моему, и для того, полученныя отъ него письма ко мнѣ, тако жъ и фальшивую присягу (которая при росписи смоленскихъ шляхтъ приклеена была), подписанное имя мое внизу отрѣзавъ, изодралъ, а цыфирное письмо подписалъ моею рукою имя Черкасскаго, ибо я имѣлъ должность объявить, что оныя отъ Потоцкаго получены, и что̀ съ тѣми и съ другими приказано дѣлать было; и то исправя, поѣхалъ я въ Гамбургъ, гдѣ пріѣхавъ, всенижайшую мою повинную написавъ, чрезвычайному посланнику Бестужеву-Рюмину подалъ.

Что̀ же я въ доношеніяхъ моихъ прежнихъ несходственно противъ сего показалъ и тѣмъ Ваше Императорское Величество утрудилъ, въ томъ высочайшая Вашего Императорскаго Величества воля да буди, ибо истинно, всемилостивѣйшая государыня, оное учинилъ безъ всякаго умыслу, но отъ глупости моея, понеже по наученію Черкасскаго весьма я по сему дѣлу запутался, которое, опасаясь истязанія, боялся открыть, а теперь, уповая на Бога и на высочайшую Вашего Императорскаго Величества обѣщанную мнѣ милость, доношу сущую правду, не сожалѣя и не выправляя себя и отца моего и ни утая ни малаго, развѣ что̀ отъ безпамятства моего проронилъ, буде же съ умыслу, то да не узрю славы Божіей. И тако, падая къ монаршескому подножію, подвергаю вину мою

ему отдалъ, а самъ бы жилъ въ Килѣ до прибытія герцогова; и тогда я ему Штарку письмо, посланное со мною отъ Черкасскаго, да фальшивое, которое я писалъ въ Смоленскѣ отъ генерала Потемкина, отдалъ.

Послѣ приключилася мнѣ жестокая болѣзнь отъ горькой печали, что я сталъ размышлять, яко предъ Богомъ, тако и предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ погрѣшилъ безъ всякаго умыслу, но токмо отъ наученія Черкасскаго и отъ глупаго моего разума, что я ему былъ послушенъ и не вѣдалъ, что̀ со мною сдѣлаться могло. Тогда, бывши со мною, Ѳедоръ Раевскій, говорилъ мнѣ: о чемъ я такъ горько печалюсь; и я, прося у него совѣта, сказалъ, что имѣю письма отъ Черкасскаго и отъ Смольянъ, которыя писаны, засвидѣтельствуя вѣрность ихъ принцу, а учинено оное безъ воли Ея Императорскаго Величества, и я намѣренъ о томъ донести Ея Императорскому Величеству; и онъ Раевскій мнѣ сказалъ: „Не печалься, молись Богу, сіе хорошо разсуждаешь; всемилостивѣйшая государыня въ твоей винѣ проститъ; ежели жъ де сего да не сдѣлаешь, то Богъ тебя накажетъ и не такою де болѣзнію“; потомъ сталъ я развѣдывать, гдѣ близко имѣется россійскій министръ, и какъ скоро услышалъ, что Вашего Императорскаго Величества чрезвычайный посланникъ Бестужевъ-Рюминъ въ Гамбургѣ обрѣтается, то человѣка моего Ѳедора Раевскаго отпустилъ въ Смоленскъ и писалъ съ нимъ къ Черкасскому письмо, что я въ Килѣ обрѣтаюсь благополучно, приказъ его весь исполнилъ и принцу руку поцѣловалъ. А по отъѣздѣ его Раевскаго истинно, всемилостивѣйшая государыня, всеконечное уже намѣреніе имѣлъ донести Вашему Императорскому Величеству, только о Потоцкомъ опасался объявить, дабы не сдѣлалъ какой обиды тестю моему, и для того, полученныя отъ него письма ко мнѣ, тако жъ и фальшивую присягу (которая при росписи смоленскихъ шляхтъ приклеена была), подписанное имя мое внизу отрѣзавъ, изодралъ, а цыфирное письмо подписалъ моею рукою имя Черкасскаго, ибо я имѣлъ должность объявить, что оныя отъ Потоцкаго получены, и что̀ съ тѣми и съ другими приказано дѣлать было; и то исправя, поѣхалъ я въ Гамбургъ, гдѣ пріѣхавъ, всенижайшую мою повинную написавъ, чрезвычайному посланнику Бестужеву-Рюмину подалъ.

Что̀ же я въ доношеніяхъ моихъ прежнихъ несходственно противъ сего показалъ и тѣмъ Ваше Императорское Величество утрудилъ, въ томъ высочайшая Вашего Императорскаго Величества воля да буди, ибо истинно, всемилостивѣйшая государыня, оное учинилъ безъ всякаго умыслу, но отъ глупости моея, понеже по наученію Черкасскаго весьма я по сему дѣлу запутался, которое, опасаясь истязанія, боялся открыть, а теперь, уповая на Бога и на высочайшую Вашего Императорскаго Величества обѣщанную мнѣ милость, доношу сущую правду, не сожалѣя и не выправляя себя и отца моего и ни утая ни малаго, развѣ что̀ отъ безпамятства моего проронилъ, буде же съ умыслу, то да не узрю славы Божіей. И тако, падая къ монаршескому подножію, подвергаю вину мою

во всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества разсужденіе и прошу всенижайше съ отцемъ и братомъ моимъ слезно, яко у Бога вышняго, о милосердіи.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ

Ѳедоръ Красной-Милашевичъ.

Генваря 21-го дня 1734 года.

X.

Письмо и второе повинное доношеніе князя А. А. Черкасскаго.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Какъ предъ Богомъ, такъ и предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ столько погрѣшилъ, что ни какими мѣрами не могу оправдаться и не достоинъ просить о милости, ежели не Всевышній умилосердитъ Вашего Императорскаго Величества ко мнѣ высочайшую персону — не ради меня всенижайшаго, но для бѣдной моей фамиліи, съ которыми за Ваше Императорскаго Величества многолѣтное здравіе повсечастно молить долженствую, а теперь, падая къ монаршескому подножію, со слезами прошу по имѣющей отъ Бога императорской власти меня заблудшаго во всемъ всемилостивѣйше простить и жизнь даровать; ничто меня не страшитъ такъ жестоко, какъ я толь долгое время, въ чемъ виновенъ, запирался, а особливо, что я Вашему Императорскому Величеству въ повинной моей написалъ и словесно доносилъ сущую правду, а предъ присутствующими господами министрами въ томъ во всемъ запирался и сказывалъ, будто оное тогда учинялъ отъ страху; а нынѣ, ни малаго чего не утая, приношу чистое покаяніе: первое, что я во всенижайшей моей повинной написалъ и Вашему Императорскому Величеству изустно всеподданнѣйше доносилъ, то все истинная правда, а въ чемъ еще виновенъ, о томъ обстоятельное доношеніе налишу сего же дня; я всѣ мои вины и меня съ бѣдною фамиліею подвергаю во всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества разсужденіе, токмо прошу, яко у Бога вышняго, милосердія.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ,

Князь Александръ Черкасской.

С.-Петербургъ.
Генваря 26-го дня 1734 года.

2.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу.

во всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества разсужденіе и прошу всенижайше съ отцемъ и братомъ моимъ слезно, яко у Бога вышняго, о милосердіи.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ
Ѳедоръ Красной-Милашевичъ.

Генваря 21-го дня 1734 года.

X.

Письмо и второе повинное доношеніе князя А. А. Черкасскаго.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Какъ предъ Богомъ, такъ и предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ столько погрѣшилъ, что ни какими мѣрами не могу оправдаться и не достоинъ просить о милости, ежели не Всевышній умилосердитъ Вашего Императорскаго Величества ко мнѣ высочайшую персону — не ради меня всенижайшаго, но для бѣдной моей фамиліи, съ которыми за Ваше Императорскаго Величества многолѣтное здравіе повсечастно молить долженствую, а теперь, падая къ монаршескому подножію, со слезами прошу по имѣющей отъ Бога императорской власти меня заблудшаго во всемъ всемилостивѣйше простить и жизнь даровать; ничто меня не страшитъ такъ жестоко, какъ я толь долгое время, въ чемъ виновенъ, запирался, а особливо, что я Вашему Императорскому Величеству въ повинной моей написалъ и словесно доносилъ сущую правду, а предъ присутствующими господами министрами въ томъ во всемъ запирался и сказывалъ, будто оное тогда учинялъ отъ страху; а нынѣ, ни малаго чего не утая, приношу чистое покаяніе: первое, что я во всенижайшей моей повинной написалъ и Вашему Императорскому Величеству изустно всеподданнѣйше доносилъ, то все истинная правда, а въ чемъ еще виновенъ, о томъ обстоятельное доношеніе налишу сего же дня; я всѣ мои вины и меня съ бѣдною фамиліею подвергаю во всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества разсужденіе, токмо прошу, яко у Бога вышняго, милосердія.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ,
Князь Александръ Черкасской.

С.-Петербургъ.
Генваря 26-го дня 1734 года.

2.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу.

1.

Въ пріѣздъ Ѳедора Милашевича въ Смоленскъ былъ онъ у меня въ домѣ и объявилъ о себѣ, что онъ пажъ достойно-славной памяти государыни царевны Екатерины Іоанновны; послѣ того въ другое время оный же Милашевичъ, бывши со мною въ деревнѣ Лавровѣ у Якова Швейковскаго, пришедъ ко мнѣ въ чердакъ, гдѣ я спалъ, который былъ близъ сада, и былъ печаленъ, котораго я спросилъ: „Что ты такъ печаленъ?“ На то онъ мнѣ сказалъ: „Я де не печаленъ, а хотя и есть нѣкоторая печаль, то де я оную самъ объявлю впредь“. И я ему сказалъ, чтобъ пространнѣе, ежели изволитъ, прибывъ ко мнѣ въ домъ, сказать мнѣ.

2.

И по пріѣздѣ моемъ въ Смоленскъ на другой или на третій день, пришелъ оный Милашевичъ ко мнѣ въ Смоленскъ въ которое время у меня никого не прилучилось; и я оному началъ говорить и спрашивать о его тогда печалѣ; который мнѣ тогда сказалъ, что онъ отлученъ отъ двора и для того печалится, а по что отлученъ, по той причинѣ для того, что онъ хаживалъ часто въ домъ государынѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и что съ нимъ большую немилость въ томъ сдѣлалъ докторъ Блюментростъ. На что я ему сказалъ, что „правда, хотя то и печально, однако вы человѣкъ еще молодой, можете дослужиться себѣ счастія“; и сказалъ ему про себя: „Я хотя отъ двора и не отлученъ, однакожъ нынѣ здѣсь, а не при дворѣ, да сокрушаться о семъ причины не имѣю и вѣдаю, что не всѣмъ, при дворѣ будучи, себѣ счастіе или случаи сыскивать, и я Ея Императорскаго Величества милость имѣю, но можетъ быть, въ пріѣздъ мой изъ Курляндіи не хотѣли, чтобъ я при дворѣ былъ, и послали меня сюда“.

3.

И въ тѣхъ же разговорѣхъ оный Милашевичъ сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ ѣхать въ чужіе краи, а именно чрезъ Нѣмецкую землю во Францію, и имѣетъ отъ Потоцкаго письмо рекомендательное, и я ему сказалъ, что хорошо; и намѣренъ ѣхать отсель изъ Смоленска или чрезъ Питербургъ, прося себѣ пашпорта, или изъ Польши чрезъ Голштиндію; и при томъ меня спросилъ: „Ежели де отсюда ѣхать чрезъ Польшу, на которыя мѣста ѣхать надобно?“ И я ему сказалъ, что я въ Польшѣ не бывалъ и изъ Польши тракту не знаю, и сколько къ тому денегъ потребно, не знаю жь, и позвавъ Пребышевскаго, спросилъ: „Много ль надлежитъ на проѣздъ денегъ отсель до Голштиндіи?“ Который сказалъ, что „рублевъ триста надобно“.

4.

И спросилъ его: „Что развѣ твоего намѣренія жить нѣтъ въ Россіи?“ И сталъ у меня просить къ герцогу рекомендательнаго

1.

Въ пріѣздъ Ѳедора Милашевича въ Смоленскъ былъ онъ у меня въ домѣ и объявилъ о себѣ, что онъ пажъ достойно-славной памяти государыни царевны Екатерины Іоанновны; послѣ того въ другое время оный же Милашевичь, бывши со мною въ деревнѣ Лавровѣ у Якова Швейковскаго, пришедъ ко мнѣ въ чердакъ, гдѣ я спалъ, который былъ близь сада, и былъ печаленъ, котораго я спросилъ: „Что ты такъ печаленъ?“ На то онъ мнѣ сказалъ: „Я де не печаленъ, а хотя и есть нѣкоторая печаль, то де я оную самъ объявлю впредь“. И я ему сказалъ, чтобъ пространнѣе, ежели изволитъ, прибывъ ко мнѣ въ домъ, сказать мнѣ.

2.

И по пріѣздѣ моемъ въ Смоленскъ на другой или на третій день, пришелъ оный Милашевичь ко мнѣ въ Смоленскъ въ которое время у меня никого не прилучилось; и я оному началъ говорить и спрашивать о его тогда печалѣ; который мнѣ тогда сказалъ, что онъ отлученъ отъ двора и для того печалится, а по что отлученъ, по той причинѣ для того, что онъ хаживалъ часто въ домъ государынѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и что съ нимъ большую немилость въ томъ сдѣлалъ докторъ Блюментростъ. На что я ему сказалъ, что „правда, хотя то и печально, однако вы человѣкъ еще молодой, можете дослужиться себѣ счастія“; и сказалъ ему про себя: „Я хотя отъ двора и не отлученъ, однакожъ нынѣ здѣсь, а не при дворѣ, да сокрушаться о семъ причины не имѣю и вѣдаю, что не всѣмъ, при дворѣ будучи, себѣ счастіе или случаи сыскивать, и я Ея Императорскаго Величества милость имѣю, но можетъ быть, въ пріѣздъ мой изъ Курляндіи не хотѣли, чтобъ я при дворѣ былъ, и послали меня сюда“.

3.

И въ тѣхъ же разговорѣхъ оный Милашевичь сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ ѣхать въ чужіе краи, а именно чрезъ Нѣмецкую землю во Францію, и имѣетъ отъ Потоцкаго письмо рекомендательное, и я ему сказалъ, что хорошо; и намѣренъ ѣхать отсель изъ Смоленска или чрезъ Питербургъ, прося себѣ пашпорта, или изъ Польши чрезъ Голштиндію; и при томъ меня спросилъ: „Ежели де отсюда ѣхать чрезъ Польшу, на которыя мѣста ѣхать надобно?“ И я ему сказалъ, что я въ Польшѣ не бывалъ и изъ Польши тракту не знаю, и сколько къ тому денегъ потребно, не знаю жь, и позвавъ Пребышевскаго, спросилъ: „Много ль надлежитъ на проѣздъ денегъ отсель до Голштиндіи?“ Который сказалъ, что „рублевъ триста надобно“.

4.

И спросилъ его: „Что развѣ твоего намѣренія жить нѣтъ въ Россіи?“ И сталъ у меня просить къ герцогу рекомендательнаго

письма, сказывая, что „я де дѣтина молодой, хочу учиться и видѣть свѣтъ; такожде и къ кавалеромъ его, кого вы изволите знать, прошу меня рекомендовать“. И я ему письмо рекомендательное къ герцогу далъ, прося его, чтобъ онъ не оставленъ былъ; а письмо писалъ я по французски, сколько могъ умѣть, и притомъ ему сказалъ, чтобъ онъ сперва сыскалъ каммергера Штарка; и чтобъ представилъ себя герцогу чрезъ онаго жь Штарка; а къ Штарку отъ меня письма и къ Девіэру не далъ, и еще ему сказалъ, что герцогъ его не оставитъ, и сказалъ ему, что „ежели случай васъ допуститъ остаться при дворѣ его и быть при принцѣ, ты самъ вѣдаешь, что онъ внукъ покойника Петра Перваго и можетъ со временемъ быть наслѣдникомъ россійскимъ, только ты обяжись клятвою, чтобъ тебѣ мнѣ быть вѣрну и меня не обмануть“, на что онъ мнѣ и божился. Еще жь я говорилъ, что оный же принцъ—подлинный наслѣдникъ, и нынѣ есть время при немъ быть и въ немъ искать, чтобъ впредь отъ него милости ожидать заблаговременно; „и нынѣ награжденіе получишь, а впредь еще больше надѣешься надлежитъ, а въ нынѣшнія конъюнктуры не токмо тебя, хотя и лучше есть, и тѣмъ счастія сыскать нельзя здѣсь въ Россіи, для того что Нѣмцы больше завладали; а о принцѣ и многіе уповаютъ, что онъ наслѣдникомъ будетъ; и я, когда обрѣтался въ службѣ цесаревниной и видя милость ея, такожьде и герцогову, и когда бъ не былъ женатъ, то бъ и самъ оттолъ не выѣхалъ, ибо герцогъ — государь милостивый, и я ему служить до гроба готовъ, гдѣ мнѣ случай допуститъ“.

5.

И говорилъ ему, чтобъ написалъ письмо самъ, будто отъ генерала Потемкина, что онъ со многими шляхтичи находится къ герцогу въ вѣрности, которое герцогу будетъ пріятно, а въ какой силѣ то письмо написать, далъ ему записку и сказалъ ему, что оные Смольяне присягали не государынѣ, но принцу; а записка оная была моей руки.

6.

А послѣ того времени сочинилъ я два концепта—одинъ присягѣ, а другой инструкціи, и присяга въ такой силѣ на имя принца была, какъ обыкновенныя бываютъ присяги, а инструкція, что Милашевичу, будучи въ Голшиндіи, исправлять, съ которой копія точная при семъ приложена, за подписаніемъ моей руки; а чего тогда я не писалъ, то я теперь вычернилъ.

7.

А съ тѣхъ двухъ концептовъ отдалъ я набѣло переписывать Милашевичу, а подъ присягою велѣлъ ему написать имена, какія онъ знаетъ, и какія можетъ выбрать изъ писемъ отца своего; и какъ оныя писалъ, то я бѣлыя читалъ и отдалъ ему, а черныя взялъ къ себѣ и изодралъ; а оная присяга была написана будто отъ генерала Потемкина съ другими Смольянами.

письма, сказывая, что „я де дѣтина молодой, хочу учиться и видѣть свѣтъ; такожде и къ кавалеромъ его, кого вы изволите знать, прошу меня рекомендовать“. И я ему письмо рекомендательное къ герцогу далъ, прося его, чтобъ онъ не оставленъ былъ; а письмо писалъ я по французски, сколько могъ умѣть, и притомъ ему сказалъ, чтобъ онъ сперва сыскалъ каммергера Штарка; и чтобъ представилъ себя герцогу чрезъ онаго жь Штарка; а къ Штарку отъ меня письма и къ Девіэру не далъ, и еще ему сказалъ, что герцогъ его не оставитъ, и сказалъ ему, что „ежели случай васъ допуститъ остаться при дворѣ его и быть при принцѣ, ты самъ вѣдаешь, что онъ внукъ покойника Петра Перваго и можетъ со временемъ быть наслѣдникомъ россійскимъ, только ты обяжись клятвою, чтобъ тебѣ мнѣ быть вѣрну и меня не обмануть“, на что онъ мнѣ и божился. Еще жь я говорилъ, что оный же принцъ—подлинный наслѣдникъ, и нынѣ есть время при немъ быть и въ немъ искать, чтобъ впредь отъ него милости ожидать заблаговременно; „и нынѣ награжденіе получишь, а впредь еще больше надѣешься надлежитъ, а въ нынѣшнія конъюнктуры не токмо тебя, хотя и лучше есть, и тѣмъ счастія сыскать нельзя здѣсь въ Россіи, для того что Нѣмцы больше завладали; а о принцѣ и многіе уповаютъ, что онъ наслѣдникомъ будетъ; и я, когда обрѣтался въ службѣ цесаревниной и видя милость ея, такожьде и герцогову, и когда бъ не былъ женатъ, то бъ и самъ оттолъ не выѣхалъ, ибо герцогъ — государь милостивый, и я ему служить до гроба готовъ, гдѣ мнѣ случай допуститъ“.

5.

И говорилъ ему, чтобъ написалъ письмо самъ, будто отъ генерала Потемкина, что онъ со многими шляхтичи находится къ герцогу въ вѣрности, которое герцогу будетъ пріятно, а въ какой силѣ то письмо написать, далъ ему записку и сказалъ ему, что оные Смольяне присягали не государынѣ, но принцу; а записка оная была моей руки.

6.

А послѣ того времени сочинилъ я два концепта—одинъ присягѣ, а другой инструкціи, и присяга въ такой силѣ на имя принца была, какъ обыкновенныя бываютъ присяги, а инструкція, что Милашевичу, будучи въ Голшиндіи, исправлять, съ которой копія точная при семъ приложена, за подписаніемъ моей руки; а чего тогда я не писалъ, то я теперь вычернилъ.

7.

А съ тѣхъ двухъ концептовъ отдалъ я набѣло переписывать Милашевичу, а подъ присягою велѣлъ ему написать имена, какія онъ знаетъ, и какія можетъ выбрать изъ писемъ отца своего; и какъ онныя писалъ, то я бѣлыя читалъ и отдалъ ему, а черныя взялъ къ себѣ и изодралъ; а оная присяга была написана будто отъ генерала Потемкина съ другими Смольянами.

8.

Вышеписанное будто отъ генерала Потемкина письмо къ герцогу я отдалъ ему Милашевичу вмѣстѣ которыя были отъ меня рекомендательныя; а въ моемъ къ герцогу писано, представляя мои вѣрныя услуги и ссылаяся во всемъ на Милашевича, что онъ представлять будетъ, чтобъ изволилъ ему вѣрить.

9.

Говорилъ я недостойный Вашего Величества о высочайшей персонѣ, что не долговѣчна, а къ какимъ рѣчамъ сказать не упомню.

10.

Милашевичу я совѣтовалъ, чтобъ онъ ѣхалъ сперва чрезъ Петербургъ, а потомъ приказалъ ему ѣхать чрезъ Польшу и говорилъ, чтобъ онъ отцу своему сказалъ, дабы онъ по отъѣздѣ его написалъ явочную челобитную.

11.

По отъѣздѣ Ѳедора Милашевича изъ Смоленска, къ нему писемъ никакихъ, не только цыфирныхъ, и никакихъ не писывалъ и цыфири ему не давалъ.

12.

О республикѣ Польской съ Семеномъ Корсакомъ я говорилъ, что „и у насъ Долгорукіе хотѣли тожь сдѣлать, да не удалось; развѣ что, можетъ впредь лучше сдѣлается“. И то я говорилъ безъ всякаго умыслу.

13.

Къ Милашевичу два письма польскія, одно будто отъ генерала Потемкина къ Станиславу Лещинскому, а другое къ нему Милашевичу, да притомъ еще цыфирная—такихъ я не посылывалъ, и самъ я не писалъ, и никого не заставлялъ, и что такая записка—не знаю.

14.

А о семъ дѣлѣ какъ генералъ Потемкинъ, такъ и прочіе изъ шляхетства никто не вѣдалъ, кромѣ меня да вышеозначеннаго Милашевича; а и я оное дѣлалъ безо всякаго умыслу, и какъ оное началось и продолжалось, истинно и самъ не знаю: такъ былъ сильно въ затмѣніи.

15.

А на Украйну я ни къ кому и ни о чемъ по сему касающемся дѣлу не писалъ, а что въ инструкціи упоминалъ я, будто по письму герцогову на Украйну писалъ, и то я учинилъ, ободряя Милашевича.

16.

Съ Потоцкимъ и съ другими зарубежными Поляки по тому жь дѣлу я никогда не писалъ, и отъ нихъ такожь писемъ не получалъ.

8.

Вышеписанное будто отъ генерала Потемкина письмо къ герцогу я отдалъ ему Милашевичу вмѣстѣ которыя были отъ меня рекомендательныя; а въ моемъ къ герцогу писано, представляя мои вѣрныя услуги и ссылаяся во всемъ на Милашевича, что онъ представлять будетъ, чтобъ изволилъ ему вѣрить.

9.

Говорилъ я недостойный Вашего Величества о высочайшей персонѣ, что не долговѣчна, а къ какимъ рѣчамъ сказать не упомню.

10.

Милашевичу я совѣтовалъ, чтобъ онъ ѣхалъ сперва чрезъ Петербургъ, а потомъ приказалъ ему ѣхать чрезъ Польшу и говорилъ, чтобъ онъ отцу своему сказалъ, дабы онъ по отъѣздѣ его написалъ явочную челобитную.

11.

По отъѣздѣ Ѳедора Милашевича изъ Смоленска, къ нему писемъ никакихъ, не только цыфирныхъ, и никакихъ не писывалъ и цыфири ему не давалъ.

12.

О республикѣ Польской съ Семеномъ Корсакомъ я говорилъ, что „и у насъ Долгорукіе хотѣли тожь сдѣлать, да не удалось; развѣ что, можетъ впредь лучше сдѣлается“. И то я говорилъ безъ всякаго умыслу.

13.

Къ Милашевичу два письма польскія, одно будто отъ генерала Потемкина къ Станиславу Лещинскому, а другое къ нему Милашевичу, да притомъ еще цыфирная—такихъ я не посылывалъ, и самъ я не писалъ, и никого не заставлялъ, и что такая записка—не знаю.

14.

А о семъ дѣлѣ какъ генералъ Потемкинъ, такъ и прочіе изъ шляхетства никто не вѣдалъ, кромѣ меня да вышеозначеннаго Милашевича; а и я оное дѣлалъ безо всякаго умыслу, и какъ оное началось и продолжалось, истинно и самъ не знаю: такъ былъ сильно въ затмѣніи.

15.

А на Украйну я ни къ кому и ни о чемъ по сему касающемся дѣлу не писалъ, а что въ инструкціи упоминалъ я, будто по письму герцогову на Украйну писалъ, и то я учинилъ, ободряя Милашевича.

16.

Съ Потоцкимъ и съ другими зарубежными Поляки по тому жь дѣлу я никогда не писалъ, и отъ нихъ такожь писемъ не получалъ.

17.

Отъ герцога Голштинскаго и отъ его придворныхъ года съ четыре или больше ни какихъ писемъ не получалъ, а графъ Бондій ко мнѣ о семъ дѣлѣ, и я къ нему николи не писывали.

18.

О азбукѣ цыфирной, кромѣ той, которую отдалъ я Николаю Потемкину, ни какой не имѣлъ и цыфирью ни съ кѣмъ не кореспондевалъ, и чрезъ него Николая Потемкина никакихъ писемъ, касающихся по сему дѣлу, ни къ кому не писалъ и не присылалъ.

19.

А ежели что нынѣ запамятовалъ, а послѣ припомнить могу, о томъ не премину Вашему Императорскому Величеству донести.

Всемилостивѣйшая государыня императрица, сотвори со мною бѣднымъ милость, возстави падшаго, который съ бѣдною своею фамиліею долженствуетъ прославлять высочайшаго Вашего Императорскаго Величества щедроты повсечастно.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ
Князь Александръ Черкасской.

С.-Петербургъ
1734 г. генваря 26-го дня.

XI.

Вопросные пункты Ѳ. Красному-Милашевичу, съ его отвѣтами.

Вопросные пункты Ѳедору Милашевичу, по которымъ показать тебѣ сущую правду: 1) чего ради былъ въ Польшѣ, 2) о письмахъ польскихъ и о цыфирномъ письмѣ, о которыхъ ты сказалъ, будто будучи въ Польшѣ получилъ: отъ кого оныя къ тебѣ подлинно присланы, или кѣмъ сочинены; и знаешь ли кто оныя сочинялъ, такожь и набѣло переписывалъ, и не самъ ли ты сіе дѣлалъ, и чтобы ты не имѣлъ сумнѣнія и опасенія въ томъ, хотя въ первыхъ своихъ доношеніяхъ и доносилъ въ чемъ и неправду, но за нынѣшнее твое истинное показаніе отъ Ея Императорскаго Величества въ той своей винѣ прощенъ будешь.

1734 г. марта въ 9-й день предъ собраніемъ въ учрежденной коммиссіи доноситель Ѳедоръ Милашевичь спрашиванъ противъ сихъ сочиненныхъ пунктовъ въ дополненіе, который въ распросѣ сказалъ:

17.

Отъ герцога Голштинскаго и отъ его придворныхъ года съ четыре или больше ни какихъ писемъ не получалъ, а графъ Бондій ко мнѣ о семъ дѣлѣ, и я къ нему николи не писывали.

18.

О азбукѣ цыфирной, кромѣ той, которую отдалъ я Николаю Потемкину, ни какой не имѣлъ и цыфирью ни съ кѣмъ не кореспондевалъ, и чрезъ него Николая Потемкина никакихъ писемъ, касающихся по сему дѣлу, ни къ кому не писалъ и не присылалъ.

19.

А ежели что нынѣ запамятовалъ, а послѣ припомнить могу, о томъ не премину Вашему Императорскому Величеству донести.

Всемилостивѣйшая государыня императрица, сотвори со мною бѣднымъ милость, возстави падшаго, который съ бѣдною своею фамиліею долженствуетъ прославлять высочайшаго Вашего Императорскаго Величества щедроты повсечастно.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ
Князь Александръ Черкасской.

С.-Петербургъ
1734 г. генваря 26-го дня.

XI.

Вопросные пункты Ѳ. Красному-Милашевичу, съ его отвѣтами.

Вопросные пункты Ѳедору Милашевичу, по которымъ показать тебѣ сущую правду: 1) чего ради былъ въ Польшѣ, 2) о письмахъ польскихъ и о цыфирномъ письмѣ, о которыхъ ты сказалъ, будто будучи въ Польшѣ получилъ: отъ кого оныя къ тебѣ подлинно присланы, или кѣмъ сочинены; и знаешь ли кто оныя сочинялъ, такожь и набѣло переписывалъ, и не самъ ли ты сіе дѣлалъ, и чтобы ты не имѣлъ сумнѣнія и опасенія въ томъ, хотя въ первыхъ своихъ доношеніяхъ и доносилъ въ чемъ и неправду, но за нынѣшнее твое истинное показаніе отъ Ея Императорскаго Величества въ той своей винѣ прощенъ будешь.

1734 г. марта въ 9-й день предъ собраніемъ въ учрежденной коммиссіи доноситель Ѳедоръ Милашевичь спрашиванъ противъ сихъ сочиненныхъ пунктовъ въ дополненіе, который въ распросѣ сказалъ:

1.

Въ поданномъ твоемъ доношеніи 29-го сентября 1733 году въ Гамбургѣ показано: смоленскій де шляхтичь Семенъ Корсакъ спрашивалъ тебя въ домѣ Черкасскаго: „для чего Черкасской къ тебѣ сталъ быть милостивъ“, и ты ему Корсаку отвѣтствовалъ, что „по старому знакомству“; и Корсакъ разсмѣявся на сіе тебѣ говорилъ: „чего де ты отъ него Корсака таишься; мы де всѣ про это дѣло знаемъ, только де ты оберегайся, чтобъ Черкасской тебя не погубилъ“. При комъ ты о ономъ съ Корсакомъ говорилъ, понеже Корсакъ съ розыску показалъ, говорилъ ли такія слова,—не помнитъ.

На 1-й.

Отъ Семена Корсака показанныя въ семъ пунктѣ слова всѣ въ домѣ Черкасскаго конечно слышалъ наединѣ.

2.

Да ты же показалъ, что де Черкасской божась тебѣ говорилъ, что онъ причину имѣетъ за герцогову къ нему милость въ томъ тебя увѣщевать, а не проводить и ниже зла какого дѣлать, и ежели бъ ему Черкасскому можно было, то не токмо бы тебя одного, но и все Россійское государство къ тому своему согласію склонить готовъ. Подлинно ль тебѣ Черкасской такія слова говорилъ, понеже Черкасской въ томъ запирается?

На 2-й.

Черкасской ему Милашевичу въ домѣ своемъ на имянинахъ жены своей конечно всѣ показанныя слова говорилъ, а былъ онъ тогда Черкасской шуменъ.

3.

Въ доношеніяхъ твоихъ показано: въ *первомъ*, въ Гамбургѣ,—когда ты съ своими людьми ночнымъ временемъ за рубежъ проѣхалъ, то одного человѣка послалъ возвратно въ Смоленскъ для виду съ письмомъ къ Черкасскому, что ты, будто по его приказу исполняя, въ путь свой поѣхалъ, а самъ остался, не ѣз-

На 3-й.

Будучи онъ въ Вильнѣ видѣлся съ секретаремъ Магельницкимъ, который приказомъ Потоцкаго ему Милашевичу, приказалъ, чтобъ онъ сочинилъ концептъ цыфирному письму, яко бы отъ всѣхъ Смольянъ сочиненные пункты въ вѣрности къ Станиславу Лещинскому, да къ нему жъ отъ генералъ-маіора Потем-

1.

Въ поданномъ твоемъ доношеніи 29-го сентября 1733 году въ Гамбургѣ показано: смоленскій де шляхтичь Семенъ Корсакъ спрашивалъ тебя въ домѣ Черкасскаго: „для чего Черкасской къ тебѣ сталъ быть милостивъ“, и ты ему Корсаку отвѣтствовалъ, что „по старому знакомству“; и Корсакъ разсмѣявся на сіе тебѣ говорилъ: „чего де ты отъ него Корсака таишься; мы де всѣ про это дѣло знаемъ, только де ты оберегайся, чтобъ Черкасской тебя не погубилъ“. При комъ ты о ономъ съ Корсакомъ говорилъ, понеже Корсакъ съ розыску показалъ, говорилъ ли такія слова,—не помнитъ.

На 1-й.

Отъ Семена Корсака показанныя въ семъ пунктѣ слова всѣ въ домѣ Черкасскаго конечно слышалъ наединѣ.

2.

Да ты же показалъ, что де Черкасской божась тебѣ говорилъ, что онъ причину имѣетъ за герцогову къ нему милость въ томъ тебя увѣщевать, а не проводить и ниже зла какого дѣлать, и ежели бъ ему Черкасскому можно было, то не токмо бы тебя одного, но и все Россійское государство къ тому своему согласію склонить готовъ. Подлинно ль тебѣ Черкасской такія слова говорилъ, понеже Черкасской въ томъ запирается?

На 2-й.

Черкасской ему Милашевичу въ домѣ своемъ на имянинахъ жены своей конечно всѣ показанныя слова говорилъ, а былъ онъ тогда Черкасской шуменъ.

3.

Въ доношеніяхъ твоихъ показано: въ *первомъ*, въ Гамбургѣ,—когда ты съ своими людьми ночнымъ временемъ за рубежъ проѣхалъ, то одного человѣка послалъ возвратно въ Смоленскъ для виду съ письмомъ къ Черкасскому, что ты, будто по его приказу исполняя, въ путь свой поѣхалъ, а самъ остался, не ѣз-

На 3-й.

Будучи онъ въ Вильнѣ видѣлся съ секретаремъ Магельницкимъ, который приказомъ Потоцкаго ему Милашевичу, приказалъ, чтобъ онъ сочинилъ концептъ цыфирному письму, яко бы отъ всѣхъ Смольянъ сочиненные пункты въ вѣрности къ Станиславу Лещинскому, да къ нему жъ отъ генералъ-маіора Потем-

дя вдаль, ожидать на оное отвѣта, который чрезъ того жь человѣка отъ него Черкасскаго и получилъ съ благодареніемъ за сіе, и при томъ приложены были письмы разныя, а именно: одно отъ него Черкасскаго къ герцогу да инструкція тебѣ, что̀ герцогу въ разговорѣхъ представлять, отъ генералъ-маіора Потемкина письмо къ нему да къ Станиславу Лещинскому; во *второмъ*, въ Смоленску,—письма—одно, будто генералъ-маіора Потемкина къ Станиславу Лещинскому, да отъ него жь Потемкина къ тебѣ, да роспись смоленскимъ шляхтамъ, да изъ твоего письма съ словъ Черкасскаго сдѣлана будто инструкція, которую ты къ Потоцкому писалъ, а не его Черкасскаго собственной руки, да цыфирное письмо, подписи подъ онымъ не было, и пакетовъ объявленныхъ на имя герцога Голштинскаго, и оные будто ты получилъ съ почты изъ Минска чрезъ человѣка своего Моисѣева въ большемъ пакетѣ отъ Потоцкаго; да въ Смоленску же ты объявилъ присланное къ тебѣ отъ Потоцкаго полное письмо, писанное будто бы отъ генералъ-маіора Потемкина къ Станиславу Лещинскому, и оное письмо руки польскаго шляхтича гусарской хоронги ротмистра Станишевскаго, который живетъ при означенномъ Потоцкомъ; а человѣкъ твой Андрей Моисѣевъ въ Смоленску же въ допросѣ сказалъ, что изъ Варшавы отъ Потоцкаго двѣ грамотки къ тебѣ отдалъ ему Моисѣеву Потоцкаго конюшій Борковскій, которыя онъ Моисѣевъ отдалъ тебѣ въ деревнѣ тестя твоего; въ *третьемъ*, въ С.-Петербургѣ 30-го кина о вѣрности жь письмо, да третіе якобы къ нему Милашевичу отъ генерала Потемкина; и оные всѣ де концепты онъ Милашевичь съ Магельницкимъ сочинили обще по приказу чрезъ Магельницкаго отъ Потоцкаго, и по сочиненіи тѣхъ концептовъ, онъ Магельницкій заставилъ набѣло переписать польскаго шляхтича гусарской хорунги ротмистра Станишевскаго, который и переписалъ, а черные у Станишевскаго остались (и оныя письма ему Милашевичу при семъ показываны, о которыхъ онъ сказалъ, что тѣ—оригиналы); а отъ Черкасскаго онъ никакихъ цыфирныхъ писемъ не получалъ, токмо подлинно Черкасской ему Милашевичу цыфирью въ двѣнадцати словахъ, какъ въ доношеніи его Милашевичевомъ объ ономъ значитъ, писать нужныя письма къ себѣ словесно приказывалъ; а цыфири письменной не давалъ; а получа вышеписанныя два письма, велѣлъ Магельницкій оныя объявить на сеймикахъ въ Минскѣ, въ Вильнѣ и въ Ошмянѣ; и поѣхалъ онъ Милашевичь въ домъ къ тестю своему, токмо онъ Милашевичь на тѣхъ сеймикахъ и нигдѣ не показывалъ и словесно о тѣхъ письмахъ, ниже тестю своему не сказывалъ; а въ первыхъ своихъ доношеніяхъ онъ Милашевичь писалъ объ оныхъ письмахъ рознь для того, что имѣлъ опасеніе и страхъ, дабы взысканія какого по онымъ письмамъ отъ него не было; и какъ онъ услышалъ, что вступаетъ россійское войско въ Польшу, имѣлъ опасеніе, чтобъ его не поймали, и для того такимъ образомъ уѣхалъ въ Голштиндію для тамошняго его житья,

дя вдаль, ожидать на оное отвѣта, который чрезъ того жь человѣка отъ него Черкасскаго и получилъ съ благодареніемъ за сіе, и при томъ приложены были письмы разныя, а именно: одно отъ него Черкасскаго къ герцогу да инструкція тебѣ, что̀ герцогу въ разговорѣхъ представлять, отъ генералъ-маіора Потемкина письмо къ нему да къ Станиславу Лещинскому; во *второмъ*, въ Смоленску,—письма—одно, будто генералъ-маіора Потемкина къ Станиславу Лещинскому, да отъ него жь Потемкина къ тебѣ, да роспись смоленскимъ шляхтамъ, да изъ твоего письма съ словъ Черкасскаго сдѣлана будто инструкція, которую ты къ Потоцкому писалъ, а не его Черкасскаго собственной руки, да цыфирное письмо, подписи подъ онымъ не было, и пакетовъ объявленныхъ на имя герцога Голштинскаго, и оные будто ты получилъ съ почты изъ Минска чрезъ человѣка своего Моисѣева въ большемъ пакетѣ отъ Потоцкаго; да въ Смоленску же ты объявилъ присланное къ тебѣ отъ Потоцкаго полное письмо, писанное будто бы отъ генералъ-маіора Потемкина къ Станиславу Лещинскому, и оное письмо руки польскаго шляхтича гусарской хоронги ротмистра Станишевскаго, который живетъ при означенномъ Потоцкомъ; а человѣкъ твой Андрей Моисѣевъ въ Смоленску же въ допросѣ сказалъ, что изъ Варшавы отъ Потоцкаго двѣ грамотки къ тебѣ отдалъ ему Моисѣеву Потоцкаго конюшій Борковскій, которыя онъ Моисѣевъ отдалъ тебѣ въ деревнѣ тестя твоего; въ *третьемъ*, въ С.-Петербургѣ 30-го кина о вѣрности жь письмо, да третіе якобы къ нему Милашевичу отъ генерала Потемкина; и оные всѣ де концепты онъ Милашевичь съ Магельницкимъ сочинили обще по приказу чрезъ Магельницкаго отъ Потоцкаго, и по сочиненіи тѣхъ концептовъ, онъ Магельницкій заставилъ набѣло переписать польскаго шляхтича гусарской хорунги ротмистра Станишевскаго, который и переписалъ, а черные у Станишевскаго остались (и оныя письма ему Милашевичу при семъ показываны, о которыхъ онъ сказалъ, что тѣ—оригиналы); а отъ Черкасскаго онъ никакихъ цыфирныхъ писемъ не получалъ, токмо подлинно Черкасской ему Милашевичу цыфирью въ двѣнадцати словахъ, какъ въ доношеніи его Милашевичевомъ объ ономъ значитъ, писать нужныя письма къ себѣ словесно приказывалъ; а цыфири письменной не давалъ; а получа вышеписанныя два письма, велѣлъ Магельницкій оныя объявить на сеймикахъ въ Минскѣ, въ Вильнѣ и въ Ошмянѣ; и поѣхалъ онъ Милашевичь въ домъ къ тестю своему, токмо онъ Милашевичь на тѣхъ сеймикахъ и нигдѣ не показывалъ и словесно о тѣхъ письмахъ, ниже тестю своему не сказывалъ; а въ первыхъ своихъ доношеніяхъ онъ Милашевичь писалъ объ оныхъ письмахъ рознь для того, что имѣлъ опасеніе и страхъ, дабы взысканія какого по онымъ письмамъ отъ него не было; и какъ онъ услышалъ, что вступаетъ россійское войско въ Польшу, имѣлъ опасеніе, чтобъ его не поймали, и для того такимъ образомъ уѣхалъ въ Голштиндію для тамошняго его житья,

дня декабря, — важнѣйшія де письма Черкасскаго и инструкція, такожъ генералъ-маіора Потемкина къ Ставиславу Лещинскому и къ тебѣ ты получилъ не чрезъ человѣка отца твоего, но отдалъ тебѣ примаса регія секретарь Магельницкій, какъ ты былъ въ Вильнѣ, и сказалъ тебѣ, что оныя получены чрезъ кавалера старосты Бѣльскаго Францишка Потоцкаго Выжга, а кто тому Выжгѣ оныя письма отдалъ, того онъ не знаетъ, только слышалъ отъ него Выжги самого, что онъ пріѣхалъ съ Горокъ; въ *четвертомъ*, генваря 21-го дня, въ С.-Петербургѣ,— привезъ къ тебѣ человѣкъ твой Андрей Моисѣевъ съ почты изъ Минска большой куверть, а въ оном вложены были письмо князя Черкасскаго, писанное цыфрами его Черкасскаго рукою (которую цыфирь далъ онъ тебѣ для коресподенціи о нужныхъ дѣлѣхъ) и за его печатью; въ томъ же кувертѣ было еще два письма на польскомъ языкѣ, одно будто отъ Потемкина къ Лещинскому, а другое къ тебѣ Милашевичу, да цыфирное письмо (о которомъ ты объявилъ, будто писано отъ Черкасскаго къ герцогу). Тако ты показывалъ все розно; а нынѣ надлежитъ тебѣ сущую правду показать, на чемъ утверждаешься ты, и почему совершенно знаешь, что вышепомянутое письмо вышерѣченный ротмистръ Станишевскій писалъ, и кто тому цыфирному письму концептъ сочинялъ, и буде подлинно сіе знаешь, покажи, гдѣ онъ Станишевскій, и когда и при комъ дѣлалъ, и чего ради ты въ оныхъ своихъ доношеніяхъ разность объявлялъ? покамѣсть войско россійское изъ Польши выступитъ; онъ же чаялъ, что герцогъ Голштинскій къ россійской сторонѣ доброжелателенъ.

дня декабря, — важнѣйшія де письма Черкасскаго и инструкція, такожъ генералъ-маіора Потемкина къ Ставиславу Лещинскому и къ тебѣ ты получилъ не чрезъ человѣка отца твоего, но отдалъ тебѣ примаса регія секретарь Магельницкій, какъ ты былъ въ Вильнѣ, и сказалъ тебѣ, что оныя получены чрезъ кавалера старосты Бѣльскаго Францишка Потоцкаго Выжга, а кто тому Выжгѣ оныя письма отдалъ, того онъ не знаетъ, только слышалъ отъ него Выжги самого, что онъ пріѣхалъ съ Горокъ; въ *четвертомъ*, генваря 21-го дня, въ С.-Петербургѣ,— привезъ къ тебѣ человѣкъ твой Андрей Моисѣевъ съ почты изъ Минска большой куверть, а въ оном вложены были письмо князя Черкасскаго, писанное цыфрами его Черкасскаго рукою (которую цыфирь далъ онъ тебѣ для коресподенціи о нужныхъ дѣлѣхъ) и за его печатью; въ томъ же кувертѣ было еще два письма на польскомъ языкѣ, одно будто отъ Потемкина къ Лещинскому, а другое къ тебѣ Милашевичу, да цыфирное письмо (о которомъ ты объявилъ, будто писано отъ Черкасскаго къ герцогу). Тако ты показывалъ все розно; а нынѣ надлежитъ тебѣ сущую правду показать, на чемъ утверждаешься ты, и почему совершенно знаешь, что вышепомянутое письмо вышерѣченный ротмистръ Станишевскій писалъ, и кто тому цыфирному письму концептъ сочинялъ, и буде подлинно сіе знаешь, покажи, гдѣ онъ Станишевскій, и когда и при комъ дѣлалъ, и чего ради ты въ оныхъ своихъ доношеніяхъ разность объявлялъ?

покамѣсть войско россійское изъ Польши выступитъ; онъ же чаялъ, что герцогъ Голштинскій къ россійской сторонѣ доброжелателенъ.

4.

О вышепомянутомъ цыфирномъ письмѣ въ доношеніяхъ же ты показалъ: въ *первомъ*, въ Гамбургѣ,—что оное письмо князя Черкасскаго къ герцогу Голштинскому, и будто получено съ прочими вышепоказанными письмы отъ Черкасскаго чрезъ человѣка твоего, котораго ты, проѣхавъ а рубежъ, посылалъ возвратно въ Смоленскъ; во *второмъ*, въ Смоленску, — что оное получилъ ты съ почты изъ Минска, чрезъ человѣка твоего Андрея Моисѣева въ пакетѣ отъ Потоцкаго съ прочими жъ вышеписанными письмы, а подписи подъ онымъ и пакета на имя герцогово не было; а Потоцкій писалъ къ тебѣ, чтобъ съ прочими вышеписанными объявить на сеймикахъ, а ты де съ глупаго своего разума сдѣлалъ на оное письмо кувертъ на имя герцогово и подписалъ имя Черкасскаго, и не подъ его руку подписываясь, но собственною своею, только для того будто, что тогда ты самъ въ Петербургъ намѣренія не имѣлъ ѣхать, но думалъ отдать которому министру; въ *третьемъ*, въ С.-Петербургѣ, декабря 30-го дня,—упоминаешь ты, яко бы то письмо съ прочими въ кувертѣ отдалъ тебѣ примаса регія секретарь Магельницкій въ бытность твою въ Вильнѣ; въ *четвертомъ*, въ С.-Петербургѣ генваря 21-го дня,—показываешь ты, что будто ты получилъ съ прочими съ почты изъ Минска чрезъ человѣка своего Андрея Моисѣева въ кувертѣ, и о томъ именно Потоцкій къ тебѣ писалъ, чтобъ ты, объявляя на сеймикахъ, сказывалъ, будто бы сочиненные отъ

На 4-й.

А подъ цыфирнымъ письмомъ вышепомянутымъ онъ Милашевичь подписался, будучи въ Килѣ, для доказательства на Черкасскаго, также что и при доношеніи безъ подписи подать было не возможно.

4.

О вышепомянутомъ цыфирномъ письмѣ въ доношеніяхъ же ты показалъ: въ *первомъ*, въ Гамбургѣ,—что оное письмо князя Черкасскаго къ герцогу Голштинскому, и будто получено съ прочими вышепоказанными письмы отъ Черкасскаго чрезъ человѣка твоего, котораго ты, проѣхавъ а рубежъ, посылалъ возвратно въ Смоленскъ; во *второмъ*, въ Смоленску, — что оное получилъ ты съ почты изъ Минска, чрезъ человѣка твоего Андрея Моисѣева въ пакетѣ отъ Потоцкаго съ прочими жъ вышеписанными письмы, а подписи подъ онымъ и пакета на имя герцогово не было; а Потоцкій писалъ къ тебѣ, чтобъ съ прочими вышеписанными объявить на сеймикахъ, а ты де съ глупаго своего разума сдѣлалъ на оное письмо кувертъ на имя герцогово и подписалъ имя Черкасскаго, и не подъ его руку подписываясь, но собственною своею, только для того будто, что тогда ты самъ въ Петербургъ намѣренія не имѣлъ ѣхать, но думалъ отдать которому министру; въ *третьемъ*, въ С.-Петербургѣ, декабря 30-го дня,—упоминаешь ты, яко бы то письмо съ прочими въ кувертѣ отдалъ тебѣ примаса регія секретарь Магельницкій въ бытность твою въ Вильнѣ; въ *четвертомъ*, въ С.-Петербургѣ генваря 21-го дня,—показываешь ты, что будто ты получилъ съ прочими съ почты изъ Минска чрезъ человѣка своего Андрея Моисѣева въ кувертѣ, и о томъ именно Потоцкій къ тебѣ писалъ, чтобъ ты, объявляя на сеймикахъ, сказывалъ, будто бы сочиненные отъ

На 4-й.

А подъ цыфирнымъ письмомъ вышепомянутымъ онъ Милашевичь подписался, будучи въ Килѣ, для доказательства на Черкасскаго, также что и при доношеніи безъ подписи подать было не возможно.

Смольянъ пункты, подъ которыми Станиславъ подпишется, какъ ихъ въ своей протекціи содержать, и чтобъ ихъ никогда назадъ Россіи не возвращать, и ежели де станутъ спрашивать тебя Поляки, для чего писано цыфирью, то де надобно сказывать, что это великой важности дѣло, чего ради Смольяне ни на какомъ языкѣ писать не смѣютъ, дабы не пронеслось, но послали они будто напередъ такую азбуку къ Станиславу впередъ, для кореспонденціи; и когда ты, будучи въ Килѣ, по отправленіи Ѳедора Раевскаго въ Смоленскъ, имѣлъ всеконечное уже намѣреніе донести Ея Императорскому Величеству, то подъ тѣмъ цыфирнымъ письмомъ подписалъ ты своею рукою имя Черкасскаго для того, что будто имѣлъ знатность объявить, что оное отъ Потоцкаго получено, и что съ тѣмъ приказано дѣлать было. Нынѣ ты покажи истинную правду, кто оное письмо сочинялъ, и въ какой силѣ оное состоитъ, и кто набѣло переписывалъ, и какою цыфирью, и ты оную разобрать умѣешь ли, и для чего то дѣлано, и чего ради ты своею рукою имя Черкасскаго подъ тѣмъ подписалъ, и гдѣ ты подлинно подъ тѣмъ письмомъ подписался, и чего ради подписался? Нынѣ скажи именно.

5.

Ты же написалъ въ полученныхъ тобою отъ Потоцкаго письмахъ, было писано якобы отъ всей Малой Россіи къ нему жъ Станиславу, и очень де ругательно было, которое ты опасался показать и сожегъ; а помнится де тебѣ, что въ немъ было на-

На 5-й.

Какъ онъ Милашевичъ въ Вильнѣ увидѣлся съ помянутымъ Магельницкимъ, какъ о томъ выше сего показано въ 3-мъ пунктѣ, и въ то же время онъ Магельницкій о Малой Россіи пасквиль ему Милашевичу показалъ, который онъ Милашевичъ списалъ,

Смольянъ пункты, подъ которыми Станиславъ подпишется, какъ ихъ въ своей протекціи содержать, и чтобъ ихъ никогда назадъ Россіи не возвращать, и ежели де станутъ спрашивать тебя Поляки, для чего писано цыфирью, то де надобно сказывать, что это великой важности дѣло, чего ради Смольяне ни на какомъ языкѣ писать не смѣютъ, дабы не пронеслось, но послали они будто напередъ такую азбуку къ Станиславу впередъ, для кореспонденціи; и когда ты, будучи въ Килѣ, по отправленіи Ѳедора Раевскаго въ Смоленскъ, имѣлъ всеконечное уже намѣреніе донести Ея Императорскому Величеству, то подъ тѣмъ цыфирнымъ письмомъ подписалъ ты своею рукою имя Черкасскаго для того, что будто имѣлъ знатность объявить, что оное отъ Потоцкаго получено, и что съ тѣмъ приказано дѣлать было. Нынѣ ты покажи истинную правду, кто оное письмо сочинялъ, и въ какой силѣ оное состоитъ, и кто набѣло переписывалъ, и какою цыфирью, и ты оную разобрать умѣешь ли, и для чего то дѣлано, и чего ради ты своею рукою имя Черкасскаго подъ тѣмъ подписалъ, и гдѣ ты подлинно подъ тѣмъ письмомъ подписался, и чего ради подписался? Нынѣ скажи именно.

5.

Ты же написалъ въ полученныхъ тобою отъ Потоцкаго письмахъ, было писано якобы отъ всей Малой Россіи къ нему жь Станиславу, и очень де ругательно было, которое ты опасался показать и сожегъ; а помнится де тебѣ, что въ немъ было на-

На 5-й.

Какъ онъ Милашевичь въ Вильнѣ увидѣлся съ помянутымъ Магельницкимъ, какъ о томъ выше сего показано въ 3-мъ пунктѣ, и въ то же время онъ Магельницкій о Малой Россіи пасквиль ему Милашевичу показалъ, который онъ Милашевичь списалъ,

писано, будто бы они Малороссіяне пишутъ къ Станиславу: когда де отвѣтъ получимъ милостивый отъ Станислава, то можемъ де всю армію осилить, понеже де они разставлены въ Украйнѣ по дворамъ и согласясь де всѣхъ передавимъ; скажи нынѣ въ дополненіе, какія еще въ томъ письмѣ рѣчи были написаны, и подлинно ли тотъ пасквиль отъ Потоцкаго присланъ къ тебѣ, и чрезъ кого, и знаешь ли, кто оный сочинялъ, и конечно ль тотъ пасквиль ты сжегъ, и до сожженія онаго кому ты показывалъ или словесно о томъ объявлялъ?

6.

Вышеписанныя всѣ письма или хотя нѣкоторыя изъ оныхъ ты по содержанію письма Потоцкаго на сеймикахъ въ Вильнѣ, въ Минскѣ и въ Ошмянѣ подлинно ли не объявлялъ, и о написанномъ въ нихъ иногда словесно не разглашалъ ли?

7.

Отъ Черкасскаго цыфирную азбуку въ двѣнадцати словахъ подлинно ль ты имѣлъ, и тою азбукою онъ Черкасской къ тебѣ, а ты къ нему писывалъ ли, понеже Черкасской въ распросѣхъ и въ повинныхъ о томъ не винился. Нынѣ ты скажи сущую правду.

8.

Къ гофъ-юнкору Дивіэрову подлинно ли ты отъ Черкасскаго письмо имѣлъ, и о чемъ въ томъ письмѣ именно было писано, и отдалъ ли ты оное упомянутому Девіэру, понеже ты въ доношеніи генваря 21-го дня написалъ, а въ немъ было показано тою силою, какъ въ семъ вопросномъ пунктѣ ему объявлено, а больше того, что писано ли — не упомнитъ; и потомъ поѣхалъ въ домъ къ тестю своему, а того пасквиля никому и нигдѣ не показывалъ и словесно о томъ не сказывалъ, и тотъ пасквиль, увѣдавъ о вступленіи россійскаго войска въ Польшу, сжегъ; а отъ Потоцкаго къ нему Милашевичу никакихъ пасквилей въ присылкѣ не было.

На 6-й.

Но объ оныхъ письмахъ на сеймикахъ и нигдѣ не разглашалъ и словесно о томъ ни кому не сказывалъ.

На 7-й.

Въ 12-ти цыфирныхъ словахъ азбуки не давывалъ Черкасской ему, Милашевичу, токмо словесно о тѣхъ словахъ ему приказывалъ, и между ими тою цыфирью ни каковыхъ писемъ писывано не было.

На 8-й.

Къ гофъ-юнкору Дивіэру письмо отъ Черкасскаго съ нимъ подлинно было, и Черкасской ему сказывалъ, что въ ономъ писано о рекомендаціи, и что оный де Дивіэръ ему Милашевичу весь слѣдъ покажетъ въ Голштиндіи.

писано, будто бы они Малороссіяне пишутъ къ Станиславу: когда де отвѣтъ получимъ милостивый отъ Станислава, то можемъ де всю армію осилить, понеже де они разставлены въ Украйнѣ по дворамъ и согласясь де всѣхъ передавимъ; скажи нынѣ въ дополненіе, какія еще въ томъ письмѣ рѣчи были написаны, и подлинно ли тотъ пасквиль отъ Потоцкаго присланъ къ тебѣ, и чрезъ кого, и знаешь ли, кто оный сочинялъ, и конечно ль тотъ пасквиль ты сжегъ, и до сожженія онаго кому ты показывалъ или словесно о томъ объявлялъ?

6.

Вышеписанныя всѣ письма или хотя нѣкоторыя изъ оныхъ ты по содержанію письма Потоцкаго на сеймикахъ въ Вильнѣ, въ Минскѣ и въ Ошмянѣ подлинно ли не объявлялъ, и о написанномъ въ нихъ иногда словесно не разглашалъ ли?

7.

Отъ Черкасскаго цыфирную азбуку въ двѣнадцати словахъ подлинно ль ты имѣлъ, и тою азбукою онъ Черкасской къ тебѣ, а ты къ нему писывалъ ли, понеже Черкасской въ распросѣхъ и въ повинныхъ о томъ не винился. Нынѣ ты скажи сущую правду.

8.

Къ гофъ-юнкору Дивіэрову подлинно ли ты отъ Черкасскаго письмо имѣлъ, и о чемъ въ томъ письмѣ именно было писано, и отдалъ ли ты оное упомянутому Девіэру, понеже ты въ доношеніи генваря 21-го дня написалъ, а въ немъ было показано тою силою, какъ въ семъ вопросномъ пунктѣ ему объявлено, а больше того, что писано ли — не упомнитъ; и потомъ поѣхалъ въ домъ къ тестю своему, а того пасквиля никому и нигдѣ не показывалъ и словесно о томъ не сказывалъ, и тотъ пасквиль, увѣдавъ о вступленіи россійскаго войска въ Польшу, сжегъ; а отъ Потоцкаго къ нему Милашевичу никакихъ пасквилей въ присылкѣ не было.

На 6-й.

Но объ оныхъ письмахъ на сеймикахъ и нигдѣ не разглашалъ и словесно о томъ ни кому не сказывалъ.

На 7-й.

Въ 12-ти цыфирныхъ словахъ азбуки не давывалъ Черкасской ему, Милашевичу, токмо словесно о тѣхъ словахъ ему приказывалъ, и между ими тою цыфирью ни каковыхъ писемъ писывано не было.

На 8-й.

Къ гофъ-юнкору Дивіэру письмо отъ Черкасскаго съ нимъ подлинно было, и Черкасской ему сказывалъ, что въ ономъ писано о рекомендаціи, и что оный де Дивіэръ ему Милашевичу весь слѣдъ покажетъ въ Голштиндіи.

что отдалъ то письмо тебѣ Черкасской и сказалъ, что оный Дивіэръ весь слѣдъ тебѣ покажетъ въ Голштиндіи; а Черкасской показалъ, что письма съ тобою къ оному Дивіэру не посылалъ.

9.

Дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ господиномъ княземъ Черкасскимъ, что онъ въ кабинетѣ Ея Императорскаго Величества, ограживалъ ли Черкасской, ибо онъ сказалъ, что не ограживалъ?

На 9-й.

Дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ господиномъ княземъ Черкасскимъ князь Александръ Черкасской конечно ему Милашевичу ограживалъ къ такимъ словамъ, когда у нихъ о князѣ Юрьѣ Долгорукомъ разговоры были.

10.

Съ старостою Потоцкимъ согласіе имѣлъ онъ Черкасской по сему дѣлу и о томъ съ нимъ кореспондовалъ ли, и когда ты въ Польшѣ у него Потоцкаго былъ, о томъ, что ты къ нему пріѣхалъ, дабы онъ къ Черкасскому отписалъ, просилъ ли, и онъ Потоцкій къ нему Черкасскому писалъ ли, и подлинно ли ты о содержаніи того письма отъ Потоцкаго къ Черкасскому не знаешь, понеже Черкасской сказалъ, что съ онымъ Потоцкимъ и съ другими зарубежными Поляки по сему дѣлу никогда не кореспондовалъ и отъ нихъ писемъ не получалъ.

На 10-й.

Съ старостою Потоцкимъ у Черкасскаго по сему дѣлу согласіе было ли, и кореспондовалъ ли, того подлинно не вѣдаетъ токмо ему Милашевичу онъ Черкасскій приказывалъ: когда де будешь у Потоцкаго, скажи де ему, что онъ Черкасской его Милашевича послалъ къ герцогу въ Голштиндію; и о посланныхъ съ нимъ Милашевичемъ туды письмахъ писано, а о другихъ, бывшихъ между ими Черкасскимъ и Милашевичамъ, разговорѣхъ Потоцкому Черкасской сказывать не приказывалъ, и онъ Милашевичь о томъ Потоцкому отъ себя не сказывалъ же, а о пріѣздѣ его Милашевичевѣ Потоцкій къ Черкасскому писалъ, а о чемъ, подлинно не знаетъ; а Черкасской то отъ Потоцкаго письмо получилъ ли, не вѣдаетъ.

11.

Какъ ты отъ Черкасскаго въ Голштиндію отправленъ, но ты мимо Голштиндіи для чего въ Польшу поѣхалъ, какъ о томъ именно явствуетъ изъ твоихъ доношеній, и именно въ *первомъ*

На 11-й.

Какъ онъ за рубежъ проѣхалъ, то пробирался прямо въ Польшу къ Потоцкому, понеже оный тогда къ россійской сторонѣ противнымъ являлся; а въ Голштиндію онъ ѣхать не хотѣлъ; и жилъ

что отдалъ то письмо тебѣ Черкасской и сказалъ, что оный Дивіэръ весь слѣдъ тебѣ покажетъ въ Голштиндіи; а Черкасской показалъ, что письма съ тобою къ оному Дивіэру не посылалъ.

9.

Дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ господиномъ княземъ Черкасскимъ, что онъ въ кабинетѣ Ея Императорскаго Величества, ограживалъ ли Черкасской, ибо онъ сказалъ, что не ограживалъ?

На 9-й.

Дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ господиномъ княземъ Черкасскимъ князь Александръ Черкасской конечно ему Милашевичу ограживалъ къ такимъ словамъ, когда у нихъ о князѣ Юрьѣ Долгорукомъ разговоры были.

10.

Съ старостою Потоцкимъ согласіе имѣлъ онъ Черкасской по сему дѣлу и о томъ съ нимъ кореспондовалъ ли, и когда ты въ Польшѣ у него Потоцкаго былъ, о томъ, что ты къ нему пріѣхалъ, дабы онъ къ Черкасскому отписалъ, просилъ ли, и онъ Потоцкій къ нему Черкасскому писалъ ли, и подлинно ли ты о содержаніи того письма отъ Потоцкаго къ Черкасскому не знаешь, понеже Черкасской сказалъ, что съ онымъ Потоцкимъ и съ другими зарубежными Поляки по сему дѣлу никогда не кореспондовалъ и отъ нихъ писемъ не получалъ.

На 10-й.

Съ старостою Потоцкимъ у Черкасскаго по сему дѣлу согласіе было ли, и кореспондовалъ ли, того подлинно не вѣдаетъ токмо ему Милашевичу онъ Черкасскій приказывалъ: когда де будешь у Потоцкаго, скажи де ему, что онъ Черкасской его Милашевича послалъ къ герцогу въ Голштиндію; и о посланныхъ съ нимъ Милашевичемъ туды письмахъ писано, а о другихъ, бывшихъ между ими Черкасскимъ и Милашевичамъ, разговорѣхъ Потоцкому Черкасской сказывать не приказывалъ, и онъ Милашевичь о томъ Потоцкому отъ себя не сказывалъ же, а о пріѣздѣ его Милашевичевѣ Потоцкій къ Черкасскому писалъ, а о чемъ, подлинно не знаетъ; а Черкасской то отъ Потоцкаго письмо получилъ ли, не вѣдаетъ.

11.

Какъ ты отъ Черкасскаго въ Голштиндію отправленъ, но ты мимо Голштиндіи для чего въ Польшу поѣхалъ, какъ о томъ именно явствуетъ изъ твоихъ доношеній, и именно въ *первомъ*

На 11-й.

Какъ онъ за рубежъ проѣхалъ, то пробирался прямо въ Польшу къ Потоцкому, понеже оный тогда къ россійской сторонѣ противнымъ являлся; а въ Голштиндію онъ ѣхать не хотѣлъ; и жилъ

ты написалъ, поданномъ въ Смоленску,—намѣреніе де твое къ Потоцкому ѣхать для взятья въ Россію рекомендаціи, съ которою и возвратиться паки въ Россію; но на пути де своемъ, какъ изъ Смоленска ѣхалъ въ Варшаву чрезъ Минскъ (гдѣ невѣсту нашелъ), и оттуда поѣхалъ въ Варшаву, и тамо Потоцкаго не застали, и ѣхалъ въ дальнюю его деревню Крстьянъ-Поль, гдѣ его и получилъ, и жилъ у него, сказывая ему о своей невѣстѣ, въ чемъ онъ тебѣ и вспоможеніе учинилъ, которая за тебя и взята чрезъ его Потоцкаго способъ; и сверхъ того, онъ Потоцкій тебѣ на свадьбу далъ сто червонныхъ да деревню женѣ твоей отдалъ, на которую и крѣпость далъ; а потомъ писалъ тебѣ изъ Варшавы Потоцкій, какъ ты былъ въ домѣ у тестя твоего, чтобъ ты къ нему пріѣхалъ въ Варшаву, понеже онъ тогда тутъ жилъ на сеймѣ; но ты къ нему въ то время не ѣздилъ, а по женитьбѣ своей на третій день ѣздилъ въ Вильну къ секретарю Магельницкому для свиданія съ нимъ, а изъ Вильны пріѣхалъ къ женѣ своей, а потомъ пріѣхалъ въ Вильну и тамъ, не видѣвшись съ Магельницкимъ, проѣхалъ въ Кенигсбергъ, а изъ Кенигсберга пріѣхалъ въ Киль; во *второмъ*, въ С.-Петербургѣ, генваря 21-го дня,—съ тѣмъ намѣреніемъ отправился за рубежъ, чтобъ къ герцогу ѣхать, только для Потоцкаго заѣхалъ въ Варшаву и съ нимъ видѣлся, и потомъ отъѣхалъ въ Литву жениться; а въ *третьемъ*, поданномъ въ Гамбургѣ,—что въ Польшѣ у Потоцкаго былъ и женился, о томъ ничего не написалъ. Нынѣ ты скажи суу Потоцкаго и въ Польшѣ по то время, какъ увѣдалъ о намѣреніи вступленія войска россійскаго въ Польшу; тогда убоявся онъ, чтобъ его не поймали, и усмотря Потоцкаго уже противнымъ къ сторонѣ россійской, тайнымъ образомъ изъ дому тестя своего поѣхалъ въ Кенигсбергъ и въ Голштиндію проѣхалъ; а когда Потоцкій его Милашевича къ свадьбѣ снабдевалъ червонными и невѣсту за него высваталъ, и женѣ его деревню далъ, въ то время еще король Августъ былъ живъ, и отъ Потоцкаго онъ тогда о противностяхъ къ россійской сторонѣ ничего не слыхалъ; а въ Польшѣ всей его бытности съ семь мѣсяцевъ было, и согласія у него Милашевича съ Потоцкимъ въ противныхъ поступкахъ къ сторонѣ россійской не было; а что онъ Милашевичь о происходящемъ семъ дѣлѣ обрѣтающимся въ тамошнихъ краяхъ россійскимъ министрамъ вскорѣ не донесъ, для того что чаялъ герцога Голштинскаго къ россійской сторонѣ доброжелательна; а въ бытность его въ Килѣ, увѣдавъ о посылкѣ отъ онаго герцога къ Станиславу Лещинскому, а за чѣмъ—подлинно не знаетъ, тогда онъ искалъ случая, гдѣ бъ донесть россійскому министру, котораго въ Гамбургѣ нашедъ, и донесъ; а желанія его къ польской сторонѣ не было; а ежели бъ было, то бъ онъ изъ Польши не поѣхалъ и о томъ бы нигдѣ не доносилъ.

ты написалъ, поданномъ въ Смоленску,—намѣреніе де твое къ Потоцкому ѣхать для взятья въ Россію рекомендаціи, съ которою и возвратиться паки въ Россію; но на пути де своемъ, какъ изъ Смоленска ѣхалъ въ Варшаву чрезъ Минскъ (гдѣ невѣсту нашелъ), и оттуда поѣхалъ въ Варшаву, и тамо Потоцкаго не застали, и ѣхалъ въ дальнюю его деревню Крстьянъ-Поль, гдѣ его и получилъ, и жилъ у него, сказывая ему о своей невѣстѣ, въ чемъ онъ тебѣ и вспоможеніе учинилъ, которая за тебя и взята чрезъ его Потоцкаго способъ; и сверхъ того, онъ Потоцкій тебѣ на свадьбу далъ сто червонныхъ да деревню женѣ твоей отдалъ, на которую и крѣпость далъ; а потомъ писалъ тебѣ изъ Варшавы Потоцкій, какъ ты былъ въ домѣ у тестя твоего, чтобъ ты къ нему пріѣхалъ въ Варшаву, понеже онъ тогда тутъ жилъ на сеймѣ; но ты къ нему въ то время не ѣздилъ, а по женитьбѣ своей на третій день ѣздилъ въ Вильну къ секретарю Магельницкому для свиданія съ нимъ, а изъ Вильны пріѣхалъ къ женѣ своей, а потомъ пріѣхалъ въ Вильну и тамъ, не видѣвшись съ Магельницкимъ, проѣхалъ въ Кенигсбергъ, а изъ Кенигсберга пріѣхалъ въ Киль; во *второмъ*, въ С.-Петербургѣ, генваря 21-го дня,—съ тѣмъ намѣреніемъ отправился за рубежъ, чтобъ къ герцогу ѣхать, только для Потоцкаго заѣхалъ въ Варшаву и съ нимъ видѣлся, и потомъ отъѣхалъ въ Литву жениться; а въ *третьемъ*, поданномъ въ Гамбургѣ,—что въ Польшѣ у Потоцкаго былъ и женился, о томъ ничего не написалъ. Нынѣ ты скажи суу Потоцкаго и въ Польшѣ по то время, какъ увѣдалъ о намѣреніи вступленія войска россійскаго въ Польшу; тогда убоявся онъ, чтобъ его не поймали, и усмотря Потоцкаго уже противнымъ къ сторонѣ россійской, тайнымъ образомъ изъ дому тестя своего поѣхалъ въ Кенигсбергъ и въ Голштиндію проѣхалъ; а когда Потоцкій его Милашевича къ свадьбѣ снабдевалъ червонными и невѣсту за него высваталъ, и женѣ его деревню далъ, въ то время еще король Августъ былъ живъ, и отъ Потоцкаго онъ тогда о противностяхъ къ россійской сторонѣ ничего не слыхалъ; а въ Польшѣ всей его бытности съ семь мѣсяцевъ было, и согласія у него Милашевича съ Потоцкимъ въ противныхъ поступкахъ къ сторонѣ россійской не было; а что онъ Милашевичь о происходящемъ семъ дѣлѣ обрѣтающимся въ тамошнихъ краяхъ россійскимъ министрамъ вскорѣ не донесъ, для того что чаялъ герцога Голштинскаго къ россійской сторонѣ доброжелательна; а въ бытность его въ Килѣ, увѣдавъ о посылкѣ отъ онаго герцога къ Станиславу Лещинскому, а за чѣмъ—подлинно не знаетъ, тогда онъ искалъ случая, гдѣ бъ донесть россійскому министру, котораго въ Гамбургѣ нашедъ, и донесъ; а желанія его къ польской сторонѣ не было; а ежели бъ было, то бъ онъ изъ Польши не поѣхалъ и о томъ бы нигдѣ не доносилъ.

щую правду: для чего ты, имѣя таковую данную отъ Черкасскаго важную коммиссію, такъ долго въ Польшѣ медлилъ, и сколько того всего времени имѣетъ быть отъ пріѣзду твоего въ Польшу по отъѣздъ твой въ Киль, и въ каковомъ ты намѣреніи съ Потоцкимъ къ сторонѣ россійской находился, и для чего ты вскорѣ россійскимъ обрѣтающимся въ тамошнихъ краяхъ министрамъ о происходящемъ между вами съ Черкасскимъ дѣлъ не донесъ, а имѣлъ себѣ конфидента, помянутаго Потоцкаго, зная о немъ, что онъ россійской сторонѣ не доброжелателенъ, ибо онъ желалъ, чтобъ Смоленскъ польскій былъ, о чемъ ты именно въ своемъ послѣднемъ доношеніи написалъ, и въ томъ явная твоя вина по сему означилася; и какія ты по приказу Потоцкаго и гдѣ на сеймикахъ о происходящемъ и нынѣшнемъ дѣлѣ разглашенія чинилъ, понеже и по всему видно, что тебя Потоцкій для того къ себѣ и ласкалъ и снабдевалъ червонными и дачею деревни, и вспомоществованіемъ женидьбою, чтобъ ты его всѣ приказы исполнялъ; къ тому же явное и видимое твое желаніе было къ сторонѣ польской, а не къ россійской. Того для нынѣ принеси Ея Императорскому Величеству о всемъ чистое свое покаяніе безо всякія утайки.

12.

Въ послѣднемъ ты своемъ доношеніи, генваря 21-го дня сего 1734 г.,—написалъ, что ты слышалъ отъ пьянаго Черкасскаго у него въ домѣ, на имянинахъ жены его, такія слова, что де онъ Черкасской во всѣхъ приказахъ

На 12-й.

Въ томъ утверждается на прежнемъ своемъ показаніи, и что въ семъ объявительномъ пунктѣ показано, тѣ всѣ слова онъ Милашевичь отъ Черкасскаго подлинно слышалъ—первыя отъ шумнаго, вторыя отъ трезваго, какъ

щую правду: для чего ты, имѣя таковую данную отъ Черкасскаго важную коммиссію, такъ долго въ Польшѣ медлилъ, и сколько того всего времени имѣетъ быть отъ пріѣзду твоего въ Польшу по отъѣздъ твой въ Киль, и въ каковомъ ты намѣреніи съ Потоцкимъ къ сторонѣ россійской находился, и для чего ты вскорѣ россійскимъ обрѣтающимся въ тамошнихъ краяхъ министрамъ о происходящемъ между вами съ Черкасскимъ дѣлъ не донесъ, а имѣлъ себѣ конфидента, помянутаго Потоцкаго, зная о немъ, что онъ россійской сторонѣ не доброжелателенъ, ибо онъ желалъ, чтобъ Смоленскъ польскій былъ, о чемъ ты именно въ своемъ послѣднемъ доношеніи написалъ, и въ томъ явная твоя вина по сему означилася; и какія ты по приказу Потоцкаго и гдѣ на сеймикахъ о происходящемъ и нынѣшнемъ дѣлѣ разглашенія чинилъ, понеже и по всему видно, что тебя Потоцкій для того къ себѣ и ласкалъ и снабдевалъ червонными и дачею деревни, и вспомоществованіемъ женидьбою, чтобъ ты его всѣ приказы исполнялъ; къ тому же явное и видимое твое желаніе было къ сторонѣ польской, а не къ россійской. Того для нынѣ принеси Ея Императорскому Величеству о всемъ чистое свое покаяніе безо всякія утайки.

12.

Въ послѣднемъ ты своемъ доношеніи, генваря 21-го дня сего 1734 г.,—написалъ, что ты слышалъ отъ пьянаго Черкасскаго у него въ домѣ, на имянинахъ жены его, такія слова, что де онъ Черкасской во всѣхъ приказахъ

На 12-й.

Въ томъ утверждается на прежнемъ своемъ показаніи, и что въ семъ объявительномъ пунктѣ показано, тѣ всѣ слова онъ Милашевичь отъ Черкасскаго подлинно слышалъ—первыя отъ шумнаго, вторыя отъ трезваго, какъ

герцогу служить радъ, хотя бъ де и такимъ образомъ, ежели бъ де онъ герцогъ согласился съ какимъ непріятелемъ Россійскаго государства, а особливо съ Поляками, понеже претензію имѣетъ о наслѣдствѣ въ Россіи сынъ его принцъ, а онъ герцогъ королемъ скоро будетъ въ Швеціи, тогда и насильно могли бъ сдѣлать, ибо де онъ Черкасской войско не токмо за рубежъ, но и въ самую крѣпость Смоленскую впустить можетъ, понеже де его, яко губернатора, во всемъ слушать долженствуютъ, онъ же въ Смоленскѣ имѣетъ много друзей, къ тому жь составилъ бы указы, ибо де имѣетъ у себя письма многихъ знатныхъ персонъ, подъ которыя де руки могъ легко подписаться; а трезвый де онъ Черкасской сказалъ, будто то на примѣръ говорилъ, а то де гдѣ герцогу дѣлать, его де и безъ того отрѣшить не могутъ; а покуда де принцъ выростетъ, то тетка его цесаревна Елисаветъ Петровна будетъ; кто при тѣхъ вашихъ разговорѣхъ случился быть, и чего ради ты о таковыхъ всеяснѣйшихъ словахъ въ первыхъ своихъ доношеніяхъ не показывалъ? Нынѣ скажи самую истину, совершенно ли ты то отъ Черкасскаго слышалъ, понеже онъ Черкасской въ томъ запирается, что такихъ словъ тебѣ онъ не говаривалъ?

въ томъ пунктѣ показано именно; а оныя слова были у нихъ, Милашевича съ Черкасскимъ, наединѣ; а въ первыхъ своихъ доношеніяхъ о томъ не писалъ забвеніемъ.

13.

Подлинно ли Черкасской тебѣ приказывалъ написать абшитъ фальшивый, будто ты уволенъ отъ двора государыни царевны гофъ-юнкеромъ, чтобъ къ герцогову двору тѣмъ же чиномъ приняли, или выше, и велѣлъ под-

На 13-й.

О сочиненіи фальшиваго абшита и печати Черкасской ему Милашевичу подлинно то все сдѣлать приказывалъ, токмо онъ того не чинилъ, и о томъ онъ Милашевичь отцу своему сказывалъ, на которое отецъ его ему

герцогу служить радъ, хотя бъ де и такимъ образомъ, ежели бъ де онъ герцогъ согласился съ какимъ непріятелемъ Россійскаго государства, а особливо съ Поляками, понеже претензію имѣетъ о наслѣдствѣ въ Россіи сынъ его принцъ, а онъ герцогъ королемъ скоро будетъ въ Швеціи, тогда и насильно могли бъ сдѣлать, ибо де онъ Черкасской войско не токмо за рубежъ, но и въ самую крѣпость Смоленскую впустить можетъ, понеже де его, яко губернатора, во всемъ слушать долженствуютъ, онъ же въ Смоленскѣ имѣетъ много друзей, къ тому жь составилъ бы указы, ибо де имѣетъ у себя письма многихъ знатныхъ персонъ, подъ которыя де руки могъ легко подписаться; а трезвый де онъ Черкасской сказалъ, будто то на примѣръ говорилъ, а то де гдѣ герцогу дѣлать, его де и безъ того отрѣшить не могутъ; а покуда де принцъ выростетъ, то тетка его цесаревна Елисаветъ Петровна будетъ; кто при тѣхъ вашихъ разговорѣхъ случился быть, и чего ради ты о таковыхъ всеяснѣйшихъ словахъ въ первыхъ своихъ доношеніяхъ не показывалъ? Нынѣ скажи самую истину, совершенно ли ты то отъ Черкасскаго слышалъ, понеже онъ Черкасской въ томъ запирается, что такихъ словъ тебѣ онъ не говаривалъ?

въ томъ пунктѣ показано именно; а оныя слова были у нихъ, Милашевича съ Черкасскимъ, наединѣ; а въ первыхъ своихъ доношеніяхъ о томъ не писалъ забвеніемъ.

13.

Подлинно ли Черкасской тебѣ приказывалъ написать абшитъ фальшивый, будто ты уволенъ отъ двора государыни царевны гофъ-юнкеромъ, чтобъ къ герцогову двору тѣмъ же чиномъ приняли, или выше, и велѣлъ подъ-

На 13-й.

О сочиненіи фальшиваго абшита и печати Черкасской ему Милашевичу подлинно то все сдѣлать приказывалъ, токмо онъ того не чинилъ, и о томъ онъ Милашевичь отцу своему сказывалъ, на которое отецъ его ему

писаться подъ руку Ея Высочества государыни царевны Екатерины Іоанновны и печать за рубежемъ сдѣлать; и то ты учинилъ ли, и для чего въ *первыхъ* своихъ повинныхъ доношеніяхъ о семъ ты не написалъ, а написалъ уже въ *послѣднемъ*, поданномъ въ С.-Петербургѣ 21-го генваря? Нынѣ скажи сущую правду: когда и гдѣ, и при комъ тѣ слова у васъ были, понеже о семъ Черкасской себя винна не признавалъ же?

14.

Да ты же Ѳедоръ и въ томъ же своемъ послѣднемъ доношеніи на Черкасскаго пишешь, что онъ съ паспорта за рукою генерала фельдмаршала графа фонъ-Миниха, наложа на надпись почтовую бумагу, противъ окошка руку его Минихову списывалъ; при комъ, и въ какое время то Черкасской чинилъ, понеже онъ и въ томъ запирается, что того не чинивалъ?

15.

Въ Смоленскомъ ты доношеніи написалъ: когда тебя Черкасской къ присягѣ приводилъ, и въ то время ты ему Черкасскому обстоятельно о Потоцкомъ разсказалъ. О чемъ именно о Потоцкомъ тогда ты Черкасскому сказывалъ, скажи нынѣ именно?

чинить запретилъ, а въ первыхъ своихъ доношеніяхъ о томъ не объявилъ забвеніемъ.

На 14-й.

Съ паспорта Минихова руку его Черкасской конечно списывалъ, а при томъ ни кого не было.

На 15-й.

Въ данной отъ Потоцкаго (будучи въ С.-Петербургѣ) ему Милашевичу рекомендаціи къ секретарю Магельницкому и къ дворецкому его Потоцкаго къ Бобровскому писано о неоставленіи его Милашевича, когда онъ у нихъ будетъ, а не о другомъ чемъ и не по сему жъ касающемуся дѣлу.

XII.

Вопросные пункты Ивану Красному-Милашевичу, съ его отвѣтами.

1.

По запискѣ явочной отъ тебя челобитной о безвѣстномъ сына

На 1-й.

Вышеписанныя рѣчи между ими Черкасскимъ и Иваномъ Милаше-

писаться подъ руку Ея Высочества государыни царевны Екатерины Іоанновны и печать за рубежемъ сдѣлать; и то ты учинилъ ли, и для чего въ *первыхъ* своихъ повинныхъ доношеніяхъ о семъ ты не написалъ, а написалъ уже въ *послѣднемъ*, поданномъ въ С.-Петербургѣ 21-го генваря? Нынѣ скажи сущую правду: когда и гдѣ, и при комъ тѣ слова у васъ были, понеже о семъ Черкасской себя винна не признавалъ же?

14.

Да ты же Ѳедоръ и въ томъ же своемъ послѣднемъ доношеніи на Черкасскаго пишешь, что онъ съ паспорта за рукою генерала фельдмаршала графа фонъ-Миниха, наложа на надпись почтовую бумагу, противъ окошка руку его Минихову списывалъ; при комъ, и въ какое время то Черкасской чинилъ, понеже онъ и въ томъ запирается, что того не чинивалъ?

15.

Въ Смоленскомъ ты доношеніи написалъ: когда тебя Черкасской къ присягѣ приводилъ, и въ то время ты ему Черкасскому обстоятельно о Потоцкомъ разсказалъ. О чемъ именно о Потоцкомъ тогда ты Черкасскому сказывалъ, скажи нынѣ именно?

чинить запретилъ, а въ первыхъ своихъ доношеніяхъ о томъ не объявилъ забвеніемъ.

На 14-й.

Съ паспорта Минихова руку его Черкасской конечно списывалъ, а при томъ ни кого не было.

На 15-й.

Въ данной отъ Потоцкаго (будучи въ С.-Петербургѣ) ему Милашевичу рекомендаціи къ секретарю Магельницкому и къ дворецкому его Потоцкаго къ Бобровскому писано о неоставленіи его Милашевича, когда онъ у нихъ будетъ, а не о другомъ чемъ и не по сему жъ касающемуся дѣлу.

XII.

Вопросные пункты Ивану Красному-Милашевичу, съ его отвѣтами.

1.

По запискѣ явочной отъ тебя челобитной о безвѣстномъ сына

На 1-й.

Вышеписанныя рѣчи между ими Черкасскимъ и Иваномъ Милаше-

твоего отъѣздѣ, въ канцеляріи ты Черкасскому поклонился со слезами и просилъ, чтобъ тебѣ за оный отъѣздъ сына твоего какой причины не было, и Черкасской тебѣ сказалъ, что де „тебѣ никакой причины не будетъ, ты де не виноватъ, сынъ твой не при тебѣ жилъ“; и спросилъ Черкасской: „ты де вѣдаешь, гдѣ твой сынъ; я де надѣюсь, что въ Нѣмецкихъ краяхъ, вѣрно тебѣ о томъ говорю“; и ты на то ему Черкасскому сказалъ: „я де и самъ надѣюсь, что онъ въ Польшѣ не будетъ, понеже де онъ къ польскимъ обычаямъ не охотникъ“. При таковыхъ вашихъ словахъ въ канцеляріи кто случился быть, понеже ты Иванъ Милашевичъ ему Черкасскому челобитную публично подалъ и публично кланялся, то и оныя слова вамъ надлежитъ публично говорить, а не наодинѣ. Покажи именно о семъ сущую правду.

2.

И какъ Черкасской изъ канцеляріи пришелъ въ свою квартиру, гдѣ паки Черкасской тебя Ивана вопросилъ: „прямо ль де ты не вѣдаешь про сына своего“, то ты ему подъ присягою сказалъ, что не вѣдаешь; и Черкасской говорилъ: „не плачь, молись Богу, сынъ вашъ будетъ человѣкъ, коли доѣдетъ въ Голштиндію, принцъ его не оставитъ, я де самъ тамъ былъ и вѣдаю“. Кто при тѣхъ вашихъ словахъ были, покажи о семъ именно?

3.

Черкасской, будучи у тебя въ деревнѣ, тебѣ Ивану говорилъ; „сынъ твой Ѳедоръ будетъ вамъ

вичемъ въ канцеляріи были, и при томъ случился быть вице-губернаторъ князь Козловской, а изъ секретарей кто былъ ли— не упомнитъ; а по подачѣ оной явочной челобитной, Черкасской, призвавъ канцеляриста, который былъ у записки явочныхъ челобитенъ, приказывалъ тому подъячему, чтобъ оную челобитную положить подъ спудъ, и никто бъ про нея не вѣдалъ; и о томъ губернаторскомъ приказѣ слышалъ вице-губернаторъ и секретарь, который его челобитную замѣчалъ, а помнится ему Милашевичу, что онаго канцеляриста зовутъ Петромъ Ивановымъ.

На 2-й.

При вышеписанныхъ словахъ, бывшихъ въ спальнѣ, никого не было, а говорено наединѣ; и утверждается на повинной своей.

На 3-й.

Помянутыя слова между ими съ Черкасскимъ конечно были, а къ нему писать хотѣлъ ли онъ

твоего отъѣздѣ, въ канцеляріи ты Черкасскому поклонился со слезами и просилъ, чтобъ тебѣ за оный отъѣздъ сына твоего какой причины не было, и Черкасской тебѣ сказалъ, что де „тебѣ никакой причины не будетъ, ты де не виноватъ, сынъ твой не при тебѣ жилъ“; и спросилъ Черкасской: „ты де вѣдаешь, гдѣ твой сынъ; я де надѣюсь, что въ Нѣмецкихъ краяхъ, вѣрно тебѣ о томъ говорю“; и ты на то ему Черкасскому сказалъ: „я де и самъ надѣюсь, что онъ въ Польшѣ не будетъ, понеже де онъ къ польскимъ обычаямъ не охотникъ“. При таковыхъ вашихъ словахъ въ канцеляріи кто случился быть, понеже ты Иванъ Милашевичъ ему Черкасскому челобитную публично подалъ и публично кланялся, то и оныя слова вамъ надлежитъ публично говорить, а не наодинѣ. Покажи именно о семъ сущую правду.

2.

И какъ Черкасской изъ канцеляріи пришелъ въ свою квартиру, гдѣ паки Черкасской тебя Ивана вопросилъ: „прямо ль де ты не вѣдаешь про сына своего“, то ты ему подъ присягою сказалъ, что не вѣдаешь; и Черкасской говорилъ: „не плачь, молись Богу, сынъ вашъ будетъ человѣкъ, коли доѣдетъ въ Голштиндію, принцъ его не оставитъ, я де самъ тамъ былъ и вѣдаю“. Кто при тѣхъ вашихъ словахъ были, покажи о семъ именно?

3.

Черкасской, будучи у тебя въ деревнѣ, тебѣ Ивану говорилъ; „сынъ твой Ѳедоръ будетъ вамъ

вичемъ въ канцеляріи были, и при томъ случился быть вице-губернаторъ князь Козловской, а изъ секретарей кто былъ ли— не упомнитъ; а по подачѣ оной явочной челобитной, Черкасской, призвавъ канцеляриста, который былъ у записки явочныхъ челобитенъ, приказывалъ тому подъячему, чтобъ оную челобитную положить подъ спудъ, и никто бъ про нея не вѣдалъ; и о томъ губернаторскомъ приказѣ слышалъ вице-губернаторъ и секретарь, который его челобитную замѣчалъ, а помнится ему Милашевичу, что онаго канцеляриста зовутъ Петромъ Ивановымъ.

На 2-й.

При вышеписанныхъ словахъ, бывшихъ въ спальнѣ, никого не было, а говорено наединѣ; и утверждается на повинной своей.

На 3-й.

Помянутыя слова между ими съ Черкасскимъ конечно были, а къ нему писать хотѣлъ ли онъ

всѣмъ показатель въ добромъ пути, токмо имѣетъ ли чѣмъ доѣхать въ Голштиндію; а то прямо будетъ человѣкъ, по моей де рекомендаціи не оставятъ; а принца можешь де знать, кто онъ есть". И за то ты поклонился ему Черкасскому, и еще онъ же Черкасской къ герцогу Голштинскому о неоставленіи сына твоего Ѳедора писать хотѣлъ, а къ сыну твоему писать хотѣлъ ли, о томъ ты въ повинномъ своемъ доношеніи написалъ, яко бы того не упомнишь. И когда ты Иванъ, у Черкасскаго въ домѣ ни бывалъ, то онъ всегда обѣщевалъ сына твоего не оставить. Понеже въ томъ Черкасской запирается, что тебѣ таковыхъ словъ не говаривалъ, нынѣ скажи именно: хотѣлъ ли писать къ сыну твоему, и не знаешь ли о чемъ, и буде писалъ, въ какой силѣ?

4.

Да ты же Иванъ Милашевичь въ своей повинной написалъ, что де ты отъ сына своего Ѳедора слышалъ, что Черкасской рекомендательныя письма объ немъ къ герцогу Голштинскому писать хотѣлъ, а получилъ ли, и о склонности Смольянъ Черкасской къ герцогу намѣренъ ли былъ писать, и сынъ твой тебѣ о томъ сказывалъ ли, яко бы ты того будто не помнишь, нынѣ скажи о семъ именно?

5.

Въ повинной сына твоего Ѳедора написано, когда онъ былъ въ Смоленску при слѣдствіи, тогда де ты Иванъ съ проклятіемъ увѣщевалъ его Ѳедора, чтобъ онъ отъ всего дѣла отсталъ, и что ты ему при томъ говорилъ?

Черкасской, того конечно не помнитъ; а тѣ де Черкасскаго слова: о неоставленіи сына его Ѳедора въ Голштиндію Черкасской писать подлинно хотѣлъ; а писалъ ли и о чемъ, конечно не знаетъ; а при тѣхъ ихъ разговорѣхъ другихъ никого не было, а говорено наединѣ; а утверждается во всемъ на повинной своей.

На 4-й.

О рекомендательномъ письмѣ онъ Иванъ отъ сына своего слышалъ; а о склонности Смольянъ къ герцогу Черкасской писать хотѣлъ ли, того онъ Иванъ отъ сына своего Ѳедора не слыхалъ и письма о ономъ сынъ его Ѳедоръ къ герцогу Голштинскому отъ Черкасскаго получилъ ли, о томъ не слыхалъ же; а что въ повинномъ своемъ доношеніи написалъ, якобы того не помнитъ, и то учинилъ отъ безпамятства.

На 5-й.

При слѣдствіи въ Смоленску онъ Иванъ, будучи у сына своего Ѳедора, говорилъ: „ежели де ты по сему дѣлу что выдумалъ отъ себя или на кого затѣялъ напрасно, и за то де буди проклятъ, и лучше отъ сего дѣла

всѣмъ показатель въ добромъ пути, токмо имѣетъ ли чѣмъ доѣхать въ Голштиндію; а то прямо будетъ человѣкъ, по моей де рекомендаціи не оставятъ; а принца можешь де знать, кто онъ есть". И за то ты поклонился ему Черкасскому, и еще онъ же Черкасской къ герцогу Голштинскому о неоставленіи сына твоего Ѳедора писать хотѣлъ, а къ сыну твоему писать хотѣлъ ли, о томъ ты въ повинномъ своемъ доношеніи написалъ, яко бы того не упомнишь. И когда ты Иванъ, у Черкасскаго въ домѣ ни бывалъ, то онъ всегда обѣщевалъ сына твоего не оставить. Понеже въ томъ Черкасской запирается, что тебѣ таковыхъ словъ не говаривалъ, нынѣ скажи именно: хотѣлъ ли писать къ сыну твоему, и не знаешь ли о чемъ, и буде писалъ, въ какой силѣ?

4.

Да ты же Иванъ Милашевичь въ своей повинной написалъ, что де ты отъ сына своего Ѳедора слышалъ, что Черкасской рекомендательныя письма объ немъ къ герцогу Голштинскому писать хотѣлъ, а получилъ ли, и о склонности Смольянъ Черкасской къ герцогу намѣренъ ли былъ писать, и сынъ твой тебѣ о томъ сказывалъ ли, яко бы ты того будто не помнишь, нынѣ скажи о семъ именно?

5.

Въ повинной сына твоего Ѳедора написано, когда онъ былъ въ Смоленску при слѣдствіи, тогда де ты Иванъ съ проклятіемъ увѣщевалъ его Ѳедора, чтобъ онъ отъ всего дѣла отсталъ, и что ты ему при томъ говорилъ?

Черкасской, того конечно не помнитъ; а тѣ де Черкасскаго слова: о неоставленіи сына его Ѳедора въ Голштиндію Черкасской писать подлинно хотѣлъ; а писалъ ли и о чемъ, конечно не знаетъ; а при тѣхъ ихъ разговорѣхъ другихъ никого не было, а говорено наединѣ; а утверждается во всемъ на повинной своей.

На 4-й.

О рекомендательномъ письмѣ онъ Иванъ отъ сына своего слышалъ; а о склонности Смольянъ къ герцогу Черкасской писать хотѣлъ ли, того онъ Иванъ отъ сына своего Ѳедора не слыхалъ и письма о ономъ сынъ его Ѳедоръ къ герцогу Голштинскому отъ Черкасскаго получилъ ли, о томъ не слыхалъ же; а что въ повинномъ своемъ доношеніи написалъ, якобы того не помнитъ, и то учинилъ отъ безпамятства.

На 5-й.

При слѣдствіи въ Смоленску онъ Иванъ, будучи у сына своего Ѳедора, говорилъ: „ежели де ты по сему дѣлу что выдумалъ отъ себя или на кого затѣялъ напрасно, и за то де буди проклятъ, и лучше отъ сего дѣла

отстань; а буде въ настоящемъ доносилъ, то де поди прямою дорогою"; на которое сынъ ему отвѣтствовалъ, что де „это дѣло не отъ меня вымышлено, не извольте де о семъ печалиться", понеже онъ Иванъ тогда плакалъ; а при тѣхъ ихъ словахъ былъ караульный сержантъ, и тѣ разговоры были у нихъ въ слухъ.

6.

Писалъ ли къ сыну твоему Ѳедору Черкасской съ человѣкомъ твоимъ Раевскимъ какія нужнѣйшія письма, или хотя съ кѣмъ съ другимъ, какъ о томъ онъ Черкасской, будучи у тебя въ гостяхъ, говорилъ о посылкѣ нужнѣйшихъ писемъ съ надежнымъ человѣкомъ вскорѣ? Скажи о чемъ именно, чрезъ кого и о чемъ писалъ, понеже сынъ твой показалъ, что ты прислалъ къ нему письмо свое съ Раевскимъ, въ которомъ объявилъ, что Черкасской былъ у тебя въ гостяхъ и сказывалъ, что пришлетъ къ нему Ѳедору нужнѣйшія письма съ нарочнымъ человѣкомъ вскорѣ.

На 6-й.

Черкасской съ человѣкомъ его Раевскимъ къ сыну его Ѳедору въ Польшу никакихъ писемъ не посылывалъ, а съ другими съ кѣмъ посылывалъ, и о чемъ, не знаетъ, а отъ Черкасскаго указанныя въ семъ вопросномъ пунктѣ слова онъ слышалъ, а именно о письмѣ рекомендательномъ о сынѣ его къ герцогу и къ сыну его о тамошнихъ поступкахъ.

7.

Когда ты Иванъ Черкасскому отдалъ отъ сына своего Ѳедора письмо и о своемъ къ тебѣ отъ него жъ сына твоего письмѣ сказывалъ и говорилъ при свидѣтеляхъ, чтобъ Черкасскому твое велѣлъ письмо прочесть, откуда и что къ тебѣ сынъ твой пишетъ,—на которое тебѣ Черкасской отвѣтствовалъ, что де „мнѣ до твоего письма дѣла, а тебѣ де до моего нѣтъ, а ты де, конечно, вѣдаешь объ отъѣздѣ сына своего"; на которое ты Иванъ побожась молвилъ: „кто де вѣдаетъ прямо про отъѣздъ сына

На 7-й.

Когда оное письмо онъ Милашевичъ Черкасскому и помянутыя при томъ между ими рѣчи были, и тогда онъ подлинно не вѣдалъ, что сынъ его въ Голштиндіи обрѣтался, а увѣдомился онъ изъ вышеписанныхъ своего и Черкасскаго писемъ отъ сына его, что сынъ его Ѳедоръ былъ въ Голштиндіи, а тѣ письма получены чрезъ Раевскаго; а при объявленіи въ канцеляріи сына его Ѳедора письма, отпущеннаго изъ Гамбурга, просилъ онъ Иванъ Черкасскаго и Козловскаго, чтобъ его съ тѣми пись-

отстань; а буде въ настоящемъ доносилъ, то де поди прямою дорогою"; на которое сынъ ему отвѣтствовалъ, что де „это дѣло не отъ меня вымышлено, не извольте де о семъ печалиться", понеже онъ Иванъ тогда плакалъ; а при тѣхъ ихъ словахъ былъ караульный сержантъ, и тѣ разговоры были у нихъ въ слухъ.

6.

Писалъ ли къ сыну твоему Ѳедору Черкасской съ человѣкомъ твоимъ Раевскимъ какія нужнѣйшія письма, или хотя съ кѣмъ съ другимъ, какъ о томъ онъ Черкасской, будучи у тебя въ гостяхъ, говорилъ о посылкѣ нужнѣйшихъ писемъ съ надежнымъ человѣкомъ вскорѣ? Скажи о чемъ именно, чрезъ кого и о чемъ писалъ, понеже сынъ твой показалъ, что ты прислалъ къ нему письмо свое съ Раевскимъ, въ которомъ объявилъ, что Черкасской былъ у тебя въ гостяхъ и сказывалъ, что пришлетъ къ нему Ѳедору нужнѣйшія письма съ нарочнымъ человѣкомъ вскорѣ.

На 6-й.

Черкасской съ человѣкомъ его Раевскимъ къ сыну его Ѳедору въ Польшу никакихъ писемъ не посылывалъ, а съ другими съ кѣмъ посылывалъ, и о чемъ, не знаетъ, а отъ Черкасскаго указанныя въ семъ вопросномъ пунктѣ слова онъ слышалъ, а именно о письмѣ рекомендательномъ о сынѣ его къ герцогу и къ сыну его о тамошнихъ поступкахъ.

7.

Когда ты Иванъ Черкасскому отдалъ отъ сына своего Ѳедора письмо и о своемъ къ тебѣ отъ него жъ сына твоего письмѣ сказывалъ и говорилъ при свидѣтеляхъ, чтобъ Черкасскому твое велѣлъ письмо прочесть, откуда и что къ тебѣ сынъ твой пишетъ,—на которое тебѣ Черкасской отвѣтствовалъ, что де „мнѣ до твоего письма дѣла, а тебѣ де до моего нѣтъ, а ты де, конечно, вѣдаешь объ отъѣздѣ сына своего"; на которое ты Иванъ побожась молвилъ: „кто де вѣдаетъ прямо про отъѣздъ сына

На 7-й.

Когда оное письмо онъ Милашевичъ Черкасскому и помянутыя при томъ между ими рѣчи были, и тогда онъ подлинно не вѣдалъ, что сынъ его въ Голштиндіи обрѣтался, а увѣдомился онъ изъ вышеписанныхъ своего и Черкасскаго писемъ отъ сына его, что сынъ его Ѳедоръ былъ въ Голштиндіи, а тѣ письма получены чрезъ Раевскаго; а при объявленіи въ канцеляріи сына его Ѳедора письма, отпущеннаго изъ Гамбурга, просилъ онъ Иванъ Черкасскаго и Козловскаго, чтобъ его съ тѣми пись-

моего и совѣтовалъ ему, чтобъ тому быть на Покровской горѣ на висилицѣ"; но ты подлинно вѣдалъ про отъѣздъ сына своего, для чего такъ божился?

8.

Подлинно ли ты человѣка своего Шпилевскаго съ паспортомъ за рубежъ посылалъ для провѣдыванія сына своего Ѳедора или для чего другаго, и по возвращеніи тотъ человѣкъ что тебѣ сказалъ?

9.

Подлинно ли Демьянъ Потемкинъ въ деревни матери своей называлъ онъ себя Демьянъ генералъ-маіоромъ Голштинскимъ, и Черкасской при томъ былъ ли, и другіе кто случились быть?

10.

Явная твоя явилася вина, что ты вѣдалъ про отъѣздъ сына своего въ Голштиндію, о чемъ сынъ твой въ повинномъ послѣднемъ своемъ доношеніи именно показалъ, что онъ тебѣ о томъ сказывалъ, а въ явочномъ своемъ челобитьѣ ты написалъ, что тотъ твой сынъ безъ бытности твоей и безъ приказу, не спросясь у мами, которыхъ было—отъ чрезвычайнаго посланника Бестужева-Рюмина къ Черкасскому, другое отъ сына его къ нему Милашевичу, да еще отъ вышеозначеннаго господина Бестужева-Рюмина къ нему жъ Ивану Милашевичу, послать скована въ Гамбургъ, и Черкасской сказалъ, что съ тѣми письмы въ Петербургъ его не пошлютъ, „а будемъ де писать въ иностранную коллегію"; а притомъ былъ секретарь Михайло Гедейновъ.

На 8-й.

Онаго Шпилевскаго для провѣдыванія про сына его Ѳедора въ Польшу съ паспортомъ онъ Иванъ посылалъ, а не для какой другой причины, а по возвращеніи оный Шпилевскій никакого къ нему о сынѣ его Ѳедорѣ извѣстія не принесъ, понеже его нигдѣ не нашелъ, а доѣзжалъ онъ Шпилевскій токмо до Могилева и за Могилевымъ.

На 9-й.

Оный Потемкинъ генералъ-маіоромъ Голштинскимъ назывался, а при томъ былъ и Черкасской, токмо оное слышали ль—не знаетъ, понеже тогда въ оной кампаніи иные ходили, иные стояли, нѣкоторые сидѣли и танцовали; а назывался при подносѣ питья.

На 10-й.

О поѣздкѣ сына своего Ѳедора въ Голштиндію онъ Иванъ конечно не извѣстенъ, а когда сынъ его оный Ѳедоръ просился у него для ученія въ чужіе краи, и тогда онъ, давъ ему надлежащее награжденіе, чрезъ заставу его для промыслу денегъ ѣхать велѣлъ, и капитана о томъ просилъ, а что на него Ивана сынъ его Ѳе-

моего и совѣтовалъ ему, чтобъ тому быть на Покровской горѣ на висилицѣ"; но ты подлинно вѣдалъ про отъѣздъ сына своего, для чего такъ божился?

8.

Подлинно ли ты человѣка своего Шпилевскаго съ паспортомъ за рубежъ посылалъ для провѣдыванія сына своего Ѳедора или для чего другаго, и по возвращеніи тотъ человѣкъ что тебѣ сказалъ?

9.

Подлинно ли Демьянъ Потемкинъ въ деревни матери своей называлъ онъ себя Демьянъ генералъ-маіоромъ Голштинскимъ, и Черкасской при томъ былъ ли, и другіе кто случились быть?

10.

Явная твоя явилася вина, что ты вѣдалъ про отъѣздъ сына своего въ Голштиндію, о чемъ сынъ твой въ повинномъ послѣднемъ своемъ доношеніи именно показалъ, что онъ тебѣ о томъ сказывалъ, а въ явочномъ своемъ челобитьѣ ты написалъ, что тотъ твой сынъ безъ бытности твоей и безъ приказу, не спросясь у мами, которыхъ было — отъ чрезвычайнаго посланника Бестужева-Рюмина къ Черкасскому, другое отъ сына его къ нему Милашевичу, да еще отъ вышеозначеннаго господина Бестужева-Рюмина къ нему жъ Ивану Милашевичу, послать скована въ Гамбургъ, и Черкасской сказалъ, что съ тѣми письмы въ Петербургъ его не пошлютъ, „а будемъ де писать въ иностранную коллегію"; а притомъ былъ секретарь Михайло Гедейновъ.

На 8-й.

Онаго Шпилевскаго для провѣдыванія про сына его Ѳедора въ Польшу съ паспортомъ онъ Иванъ посылалъ, а не для какой другой причины, а по возвращеніи оный Шпилевскій никакого къ нему о сынѣ его Ѳедорѣ извѣстія не принесъ, понеже его нигдѣ не нашелъ, а доѣзжалъ онъ Шпилевскій токмо до Могилева и за Могилевымъ.

На 9-й.

Оный Потемкинъ генералъ-маіоромъ Голштинскимъ назывался, а при томъ былъ и Черкасской, токмо оное слышали ль — не знаетъ, понеже тогда въ оной кампаніи иные ходили, иные стояли, нѣкоторые сидѣли и танцовали; а назывался при подносѣ питья.

На 10-й.

О поѣздкѣ сына своего Ѳедора въ Голштиндію онъ Иванъ конечно не извѣстенъ, а когда сынъ его оный Ѳедоръ просился у него для ученія въ чужіе краи, и тогда онъ, давъ ему надлежащее награжденіе, чрезъ заставу его для промыслу денегъ ѣхать велѣлъ, и капитана о томъ просилъ, а что на него Ивана сынъ его Ѳе-

тебя, съ тремя человѣки, забравъ всѣ пожитки свои, отъѣхалъ не знамо куда; и тебѣ было по присяжной своей должности надлежало сына своего отъ того удерживать, или бъ гдѣ въ пристойномъ мѣстѣ доносить, но ты вмѣсто того еще сыну своему и чрезъ заставу безъ пашпорта путь свободный учинилъ и отъ доношенія о томъ онаго сына своего отвращалъ, понеже онъ тебѣ объявлялъ, дабы объ ономъ донесть, но ты ему на оное сказалъ: „кто де намъ повѣритъ, пропадешь де вѣчно занапрасно“. Для чего такъ ты учинилъ?

11.

Когда же сынъ твой тебѣ объ отъѣздѣ своемъ въ Голштиндію сказывалъ, то уже онъ и о всѣхъ словахъ, бывшихъ у сына твоего съ Черкасскимъ, тебѣ сказывалъ же. Скажи ты нынѣ, о какихъ ты именно словахъ о наслѣдствѣ и о принцѣ Голштинскомъ и о прочемъ тому подобномъ отъ сына своего слыхалъ?

доръ показалъ, яко бы онъ Иванъ ему Ѳедору говорилъ: „ежели де будемъ доносить, кто де намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно занапрасно“, такихъ словъ онъ Иванъ сыну своему не говаривалъ; а ежели бъ онъ вѣдалъ подлинно про такой отъѣздъ сына своего Ѳедора, то бъ онъ его за рубежъ не отпускалъ, а донесъ бы о томъ въ пристойномъ мѣстѣ.

На 11-й.

Сынъ его Ѳедоръ ему Ивану сказывалъ: совѣтуетъ де ему Черкасской, чтобъ ѣхать въ Голштиндію, и нынѣ де заблаговременно у принца надобно заслуживать, понеже де долго ли, коротко ли, да быть ему наслѣдникомъ въ Россіи; и онъ Иванъ сказалъ сыну своему Ѳедору: „ежели де сіе не противно будетъ то Императорскому Величеству, ея де съ Божіею помощію поѣзжай чрезъ Петербургъ, взявъ себѣ свободный пашпортъ“. И съ тѣмъ намѣреніемъ послалъ его за рубежъ для промыслу денегъ, какъ выше показано; а кромѣ помянутыхъ словъ онъ Иванъ отъ сына своего Ѳедора не слыхивалъ.

XIII.

Пункты на очной ставкѣ Ѳедору Милашевичу съ отцемъ его Иваномъ Милашевичемъ.

Въ послѣдней повинной 26-го дня генваря Ѳедоръ Милашевичь написалъ:

1.

Обо всемъ де онъ Милашевичь,

Иванъ Милашевичъ въ распросѣ сказалъ:

1.

О поѣздѣ сына своего въ Гол-

тебя, съ тремя человѣки, забравъ всѣ пожитки свои, отъѣхалъ не знамо куда; и тебѣ было по присяжной своей должности надлежало сына своего отъ того удерживать, или бъ гдѣ въ пристойномъ мѣстѣ доносить, но ты вмѣсто того еще сыну своему и чрезъ заставу безъ пашпорта путь свободный учинилъ и отъ доношенія о томъ онаго сына своего отвращалъ, понеже онъ тебѣ объявлялъ, дабы объ ономъ донесть, но ты ему на оное сказалъ: „кто де намъ повѣритъ, пропадешь де вѣчно занапрасно“. Для чего такъ ты учинилъ?

11.

Когда же сынъ твой тебѣ объ отъѣздѣ своемъ въ Голштиндію сказывалъ, то уже онъ и о всѣхъ словахъ, бывшихъ у сына твоего съ Черкасскимъ, тебѣ сказывалъ же. Скажи ты нынѣ, о какихъ ты именно словахъ о наслѣдствѣ и о принцѣ Голштинскомъ и о прочемъ тому подобномъ отъ сына своего слыхалъ?

доръ показалъ, яко бы онъ Иванъ ему Ѳедору говорилъ: „ежели де будемъ доносить, кто де намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно занапрасно“, такихъ словъ онъ Иванъ сыну своему не говаривалъ; а ежели бъ онъ вѣдалъ подлинно про такой отъѣздъ сына своего Ѳедора, то бъ онъ его за рубежъ не отпускалъ, а донесъ бы о томъ въ пристойномъ мѣстѣ.

На 11-й.

Сынъ его Ѳедоръ ему Ивану сказывалъ: совѣтуетъ де ему Черкасской, чтобъ ѣхать въ Голштиндію, и нынѣ де заблаговременно у принца надобно заслуживать, понеже де долго ли, коротко ли, да быть ему наслѣдникомъ въ Россіи; и онъ Иванъ сказалъ сыну своему Ѳедору: „ежели де сіе не противно будетъ то Императорскому Величеству, ея де съ Божіею помощію поѣзжай чрезъ Петербургъ, взявъ себѣ свободный пашпортъ“. И съ тѣмъ намѣреніемъ послалъ его за рубежъ для промыслу денегъ, какъ выше показано; а кромѣ помянутыхъ словъ онъ Иванъ отъ сына своего Ѳедора не слыхивалъ.

XIII.

Пункты на очной ставкѣ Ѳедору Милашевичу съ отцемъ его Иваномъ Милашевичемъ.

Въ послѣдней повинной 26-го дня генваря Ѳедоръ Милашевичь написалъ:

1.

Обо всемъ де онъ Милашевичь,

Иванъ Милашевичъ въ распросѣ сказалъ:

1.

О поѣздѣ сына своего въ Гол-

какъ говорено съ Черкасскимъ о поѣздкѣ его Милашевича въ Голштиндію, отцу его сказывалъ, и онъ де отецъ его ему говорилъ: „явочную де челобитную я подамъ, а абшитъ де, какъ хочешь, пиши за рубежемъ, а здѣсь де мнѣ отъ того бѣду сдѣлать можешь; я де про это и слышать не хочу“. То де онъ говорилъ ему: „Такъ лучше донесемъ“. На что онъ сказалъ: „Кто намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно занапрасно“.

штиндію онъ Иванъ конечно не извѣстенъ; а когда оный сынъ его просился у него для обученія въ чужіе краи, и тогда онъ, давъ ему надлежащее награжденіе, чрезъ заставу для промыслу денегъ ѣхать велѣлъ и капитана о томъ просилъ; а что на него Ивана оной сынъ его показалъ, якобы онъ Иванъ ему Ѳедору говорилъ: „ежели де будемъ доносить, кто намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно занапрасно“, такихъ словъ онъ Иванъ сыну своему не говорилъ.

Да сего марта 20-го дня, въ подтвержденіе онъ Иванъ Милашевичъ въ распросѣ жъ сказалъ:

Таковыхъ рѣчей: „кто де намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно за напрасно“, сыну своему Ѳедору говорилъ ли, — не упомнитъ, а прочія слова говорилъ.

А въ очной ставкѣ того жъ числа говорили:

Ѳедоръ Милашевичъ: Онъ де Ѳедоръ отцу своему говорилъ: „Лучше де донесемъ“. И отецъ де его ему сказалъ: „Кто де намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно занапрасно“.

Отецъ его Иванъ сказалъ: теперь де онъ припамятовалъ по словамъ сыновнимъ, что тѣ всѣ слова между ими съ сыномъ всѣ были.

2.

Какъ де допущенъ былъ къ нему доносителю въ Смоленскѣ отецъ его, тогда де онъ проклиналъ его доносителя и увѣщевалъ, чтобъ онъ доноситель отъ сего дѣла отсталъ и все бъ на себя снялъ, признавая за виннаго, будто онъ доноситель отъ себя выдумалъ сіе дѣло, чрезъ что яко бы можетъ его избавить отъ погибели и всю бѣдную ихъ фамилію отъ вѣчнаго безчестія.

2.

Иванъ Милашевичъ въ распросѣ сказалъ:

При слѣдствіи де въ Смоленску онъ Иванъ, будучи у сына своего, говорилъ: „Ежели де ты по сему дѣлу что выдумалъ отъ себя или на кого затѣялъ напрасно, и за то буди де проклятъ, и лучше отъ сего дѣла отстань, а буде въ настоящемъ доносишь, то де поди прямою дорогою“. И на оное де сынъ его отвѣтствовалъ, что де „это дѣло не отъ меня вымышлено, не извольте о семъ печалиться“, по-

какъ говорено съ Черкасскимъ о поѣздкѣ его Милашевича въ Голштиндію, отцу его сказывалъ, и онъ де отецъ его ему говорилъ: „явочную де челобитную я подамъ, а абшитъ де, какъ хочешь, пиши за рубежемъ, а здѣсь де мнѣ отъ того бѣду сдѣлать можешь; я де про это и слышать не хочу“. То де онъ говорилъ ему: „Такъ лучше донесемъ“. На что онъ сказалъ: „Кто намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно занапрасно“.

штиндію онъ Иванъ конечно не извѣстенъ; а когда оный сынъ его просился у него для обученія въ чужіе краи, и тогда онъ, давъ ему надлежащее награжденіе, чрезъ заставу для промыслу денегъ ѣхать велѣлъ и капитана о томъ просилъ; а что на него Ивана оной сынъ его показалъ, якобы онъ Иванъ ему Ѳедору говорилъ: „ежели де будемъ доносить, кто намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно занапрасно“, такихъ словъ онъ Иванъ сыну своему не говорилъ.

Да сего марта 20-го дня, въ подтвержденіе онъ Иванъ Милашевичъ въ распросѣ жъ сказалъ:

Таковыхъ рѣчей: „кто де намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно за напрасно“, сыну своему Ѳедору говорилъ ли, — не упомнитъ, а прочія слова говорилъ.

А въ очной ставкѣ того жъ числа говорили:

Ѳедоръ Милашевичъ: Онъ де Ѳедоръ отцу своему говорилъ: „Лучше де донесемъ“. И отецъ де его ему сказалъ: „Кто де намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно занапрасно“.

Отецъ его Иванъ сказалъ: теперь де онъ припамятовалъ по словамъ сыновнимъ, что тѣ всѣ слова между ими съ сыномъ всѣ были.

2.

Какъ де допущенъ былъ къ нему доносителю въ Смоленскѣ отецъ его, тогда де онъ проклиналъ его доносителя и увѣщевалъ, чтобъ онъ доноситель отъ сего дѣла отсталъ и все бъ на себя снялъ, признавая за виннаго, будто онъ доноситель отъ себя выдумалъ сіе дѣло, чрезъ что яко бы можетъ его избавить отъ погибели и всю бѣдную ихъ фамилію отъ вѣчнаго безчестія.

2.

Иванъ Милашевичъ въ распросѣ сказалъ:

При слѣдствіи де въ Смоленску онъ Иванъ, будучи у сына своего, говорилъ: „Ежели де ты по сему дѣлу что выдумалъ отъ себя или на кого затѣялъ напрасно, и за то буди де проклятъ, и лучше отъ сего дѣла отстань, а буде въ настоящемъ доносишь, то де поди прямою дорогою“. И на оное де сынъ его отвѣтствовалъ, что де „это дѣло не отъ меня вымышлено, не извольте о семъ печалиться“, по-

неже онъ Иванъ тогда плакалъ; а при тѣхъ ихъ словахъ былъ караульный солдатъ, и тѣ разговоры были у нихъ въ слухъ.

До сего марта 20-го дня въ подтвержденіе онъ Иванъ Милашевичь въ распросѣ жь сказалъ:

Утверждается на прежнемъ роспросѣ, а таковыхъ словъ, что сынъ его на него Ивана показываетъ, точно всѣхъ ему Ѳедору не говаривалъ, и никто его Ивана къ сыну его Ѳедору съ вышеписанными словами не посылывалъ, чтобы онъ отъ того дѣла отсталъ, а былъ онъ у него самъ собою.

А въ очной ставкѣ того жь числа говорили:

Ѳедоръ Милашевичь: Говорилъ де въ Смоленску отецъ его: „Ежели де ты скажешь, что я вѣдалъ о поѣздкѣ твоей въ Голштиндію, то де ты буди проклятъ или де лучше и отъ всего сего дѣла отстань и на себя пріими“.

Отецъ его сказалъ: Вышеписанныя рѣчи: „Ежели де ты скажешь, что онъ Иванъ вѣдалъ о поѣздкѣ твоей въ Голштиндію, то де ты буди проклятъ или де лучше и отъ всего дѣла сего отстань и на себя перенеси“, онъ Иванъ сыну своему говорилъ отъ страху.

XIV.

Копія съ вопросныхъ и отвѣтныхъ пунктовъ князь Александра Черкасскаго, о чемъ онъ на повинное свое послѣднее 26-го дня генваря 1734 году доношеніе въ подтвержденіе спрашиванъ и сказалъ:

Въ послѣдней повинной князь Александра Черкасскаго написано:

1.

О дачѣ Ѳедору Милашевичу къ герцогу рекомендательнаго письма прося, чтобъ герцогъ Голштинскій Милашевича не оставилъ, а то де письмо писалъ

Въ отвѣтѣ его жь показано:

На 1-й.

Къ герцогу онъ писалъ одно рекомендательное письмо по французски безъ концепта самъ, а силу въ ономъ писалъ только что о неоставленіи онаго Милашеви-

неже онъ Иванъ тогда плакалъ; а при тѣхъ ихъ словахъ былъ караульный солдатъ, и тѣ разговоры были у нихъ въ слухъ.

До сего марта 20-го дня въ подтвержденіе онъ Иванъ Милашевичъ въ распросѣ жь сказалъ:

Утверждается на прежнемъ роспросѣ, а таковыхъ словъ, что сынъ его на него Ивана показываетъ, точно всѣхъ ему Ѳедору не говаривалъ, и никто его Ивана къ сыну его Ѳедору съ вышеписанными словами не посылывалъ, чтобы онъ отъ того дѣла отсталъ, а былъ онъ у него самъ собою.

А въ очной ставкѣ того жь числа говорили:

Ѳедоръ Милашевичъ: Говорилъ де въ Смоленску отецъ его: „Ежели де ты скажешь, что я вѣдалъ о поѣздкѣ твоей въ Голштиндію, то де ты буди проклятъ или де лучше и отъ всего сего дѣла отстань и на себя пріими“.

Отецъ его сказалъ: Вышеписанныя рѣчи: „Ежели де ты скажешь, что онъ Иванъ вѣдалъ о поѣздкѣ твоей въ Голштиндію, то де ты буди проклятъ или де лучше и отъ всего дѣла сего отстань и на себя перенеси“, онъ Иванъ сыну своему говорилъ отъ страху.

XIV.

Копія съ вопросныхъ и отвѣтныхъ пунктовъ князь Александра Черкасскаго, о чемъ онъ на повинное свое послѣднее 26-го дня генваря 1734 году доношеніе въ подтвержденіе спрашиванъ и сказалъ:

Въ послѣдней повинной князь Александра Черкасскаго написано:

Въ отвѣтѣ его жь показано:

1. На 1-й.

О дачѣ Ѳедору Милашевичу къ герцогу рекомендательнаго письма прося, чтобъ герцогъ Голштинскій Милашевича не оставилъ, а то де письмо писалъ

Къ герцогу онъ писалъ одно рекомендательное письмо по французски безъ концепта самъ, а силу въ ономъ писалъ только что о неоставленіи онаго Милашеви-

онъ Черкасской по французски. Скажи нынѣ, въ какой силѣ и терминахъ оное писалъ, и гдѣ тому письму концептъ?

2.

Голштинскаго двора къ каммергеру Штарку и гофъ-юнкеру Дивіэру съ Милашевичемъ подлинно ли писемъ не было. Покажи о семъ именно.

3.

Почему онъ Черкасской разсуждалъ и признавалъ, что принцъ Голштинскій Россійскому государству подлинный наслѣдникъ, и никто де его отъ того отлучить не можетъ; чтобъ нынѣ у него искать, а впредь отъ него милости ожидать, да и многіе де о томъ принцѣ уповаютъ, что наслѣдникомъ будетъ? Скажи о семъ именно: отъ кого онъ о томъ о всемъ слыхалъ, или съ кѣмъ о томъ совѣтовалъ и разговаривалъ, или отъ посторонниихъ отъ кого о томъ не слыхалъ ли?

4.

Да онъ же Черкасской Милашевичу говаривалъ: „Въ нынѣшнія де конъюктуры не токмо тебѣ, кто и лучше есть, и тѣмъ счастія сыскать нельзя здѣсь въ Россіи, для того, что Нѣмцы больше завладали". Съ какого онъ резону оное говорилъ?

5.

За какую къ нему Черкасскому отъ герцога Голштинскаго чрезвычайную милость онъ герцогу до гроба служить обѣщался, и каковыми случаями, и не было ль къ нему отъ него или

ча, какъ о томъ же въ послѣдней своей повинной написалъ обстоятельно.

На 2-й.

Подлинно не писывалъ, а словесно съ Милашевичемъ къ Штарку приказывалъ, чтобъ онъ ему явился: „то де онъ тебя можетъ герцогу представить"; а чтобъ о семъ дѣлѣ сказать о томъ Штарку и Девіэру, такого отъ него приказу съ Милашевичемъ не было.

На 3-й.

По сему пункту онъ Черкасской говорилъ только одному Милашевичу всѣ показанныя въ семъ пунктѣ слова, а другимъ о томъ изъ оныхъ словъ никому не говаривалъ и ни отъ кого о томъ ни о чемъ изъ онаго не слыхивалъ и не совѣтовалъ ни съ кѣмъ; а Милашевичу говаривалъ изъ себя, для своей къ герцогу прислуги, а не въ другой какой силѣ.

На 4-й.

Говорилъ оно все для утвержденія и подкрѣпленія Милашевича.

На 5-й.

Какъ онъ Черкасской былъ при герцогѣ, и онъ тогда былъ къ нему милостивъ, а не чрезвычайно—къ тому онъ тѣ слова и говорилъ; а присылки и прошенія отъ герцога и отъ его ми-

онъ Черкасской по французски. Скажи нынѣ, въ какой силѣ и терминахъ оное писалъ, и гдѣ тому письму концептъ?

2.

Голштинскаго двора къ каммергеру Штарку и гофъ-юнкеру Дивіэру съ Милашевичемъ подлинно ли писемъ не было. Покажи о семъ именно.

3.

Почему онъ Черкасской разсуждалъ и признавалъ, что принцъ Голштинскій Россійскому государству подлинный наслѣдникъ, и никто де его отъ того отлучить не можетъ; чтобъ нынѣ у него искать, а впредь отъ него милости ожидать, да и многіе де о томъ принцѣ уповаютъ, что наслѣдникомъ будетъ? Скажи о семъ именно: отъ кого онъ о томъ о всемъ слыхалъ, или съ кѣмъ о томъ совѣтовалъ и разговаривалъ, или отъ посторонникъ отъ кого о томъ не слыхалъ ли?

4.

Да онъ же Черкасской Милашевичу говаривалъ: „Въ нынѣшнія де конъюктуры не токмо тебѣ, кто и лучше есть, и тѣмъ счастія сыскать нельзя здѣсь въ Россіи, для того, что Нѣмцы больше завладали". Съ какого онъ резону оное говорилъ?

5.

За какую къ нему Черкасскому отъ герцога Голштинскаго чрезвычайную милость онъ герцогу до гроба служить обѣщался, и каковыми случаями, и не было ль къ нему отъ него или

На 1-й.

ча, какъ о томъ же въ послѣдней своей повинной написалъ обстоятельно.

На 2-й.

Подлинно не писывалъ, а словесно съ Милашевичемъ къ Штарку приказывалъ, чтобъ онъ ему явился: „то де онъ тебя можетъ герцогу представить"; а чтобъ о семъ дѣлѣ сказать о томъ Штарку и Девіэру, такого отъ него приказу съ Милашевичемъ не было.

На 3-й.

По сему пункту онъ Черкасской говорилъ только одному Милашевичу всѣ показанныя въ семъ пунктѣ слова, а другимъ о томъ изъ оныхъ словъ никому не говаривалъ и ни отъ кого о томъ ни о чемъ изъ онаго не слыхивалъ и не совѣтовалъ ни съ кѣмъ; а Милашевичу говаривалъ изъ себя, для своей къ герцогу прислуги, а не въ другой какой силѣ.

На 4-й.

Говорилъ оно все для утвержденія и подкрѣпленія Милашевича.

На 5-й.

Какъ онъ Черкасской былъ при герцогѣ, и онъ тогда былъ къ нему милостивъ, а не чрезвычайно—къ тому онъ тѣ слова и говорилъ; а присылки и прошенія отъ герцога и отъ его ми-

отъ министровъ его какого и о чемъ прошенія?

6.

Написалъ онъ Черкасской письмо самъ, будто отъ генералъ-маіора Потемкина, что онъ со многими Смоленскими шляхтичи находится къ герцогу въ вѣрности, которое герцогу будетъ пріятно, а въ какой силѣ письмо написать, далъ ему записку своей руки и сказалъ ему, что оные Смольяне присягали не государынѣ, но принцу. Для чего онъ такое злое дѣло чинилъ, и съ кѣмъ у него къ тому дѣлу былъ злоумышленный совѣтъ, и на кого у него о томъ была надежда, понеже ему безъ надежды такого дѣла начинать одному и безъ совѣта и безъ подлинной надежды не возможно; и какъ онъ на шляхту въ томъ Смоленскую въ вѣрности къ герцогу надежду имѣлъ, и кто въ ономъ съ нимъ изъ шляхты Смоленской были согласны, а особливо Ивану Милашевичу, Ѳедорову отцу, о томъ сказывалъ ли, понеже онъ его о сынѣ часто обнадеживалъ, что сынъ де его имъ будетъ всѣмъ показатель, понеже онъ Иванъ по его приказу сына отпустилъ въ Киль и явочную челобитную о сынѣ велѣлъ подать. Скажи о семъ именно.

нистровъ ни о чемъ къ нему не бывало.

На 6-й.

На показанныя въ семъ пунктѣ всѣ слова онъ Черкасской Милашевичу говаривалъ только одному, а другимъ никому, и самъ о томъ тѣхъ словъ ни отъ кого не слыхивалъ и оное дѣло самъ вымыслилъ, а ни съ кѣмъ о томъ не совѣтовалъ, и надежды въ томъ дѣлѣ никаковой не имѣлъ; также и особливо на Смоленскую шляхту въ вѣрности къ герцогу онъ Черкасской надежды не имѣлъ же, и никто въ ономъ съ нимъ Черкасскимъ изъ Смоленской шляхты и никто же изъ другихъ согласія не имѣли; и о семъ показываетъ самую сущую правду безъ всякія утайки, и Ѳедорову отцу Милашевича Ивану о семъ дѣлѣ такожъ де никогда не говаривалъ и съ нимъ о всемъ ономъ не совѣтовалъ; а о челобитной ссылается на послѣднюю повинную; а въ послѣдней повинной написано: Милашевичу онъ Черкасской говорилъ, чтобъ онъ отцу своему сказалъ, дабы онъ по отъѣздѣ его записалъ явочную челобитную.

7.

Въ сочиненіи двухъ концептовъ имъ Черкасскимъ, перваго —присягѣ, другого—инструкціи, кто въ томъ сочиненіи съ нимъ Черкасскимъ, кромѣ Милашевича, въ согласіи и въ совѣтѣ былъ, а одному ему того никакъ чинить было не возможно. Скажи съ кѣмъ именно.

На 7-й.

Какъ онъ Черкасской концепты присягѣ и инструкціи сочинялъ, тогда притомъ былъ Ѳедоръ Милашевичь, а въ сочиненіи оныхъ ни съ кѣмъ совѣту не имѣлъ, а вымышлялъ самъ собою одинъ, а о содержаніи оныхъ другимъ никому онъ не сказывалъ.

отъ министровъ его какого и о чемъ прошенія?

6.

Написалъ онъ Черкасской письмо самъ, будто отъ генералъ-маіора Потемкина, что онъ со многими Смоленскими шляхтичи находится къ герцогу въ вѣрности, которое герцогу будетъ пріятно, а въ какой силѣ письмо написать, далъ ему записку своей руки и сказалъ ему, что оные Смольяне присягали не государынѣ, но принцу. Для чего онъ такое злое дѣло чинилъ, и съ кѣмъ у него къ тому дѣлу былъ злоумышленный совѣтъ, и на кого у него о томъ была надежда, понеже ему безъ надежды такого дѣла начинать одному и безъ совѣта и безъ подлинной надежды не возможно; и какъ онъ на шляхту въ томъ Смоленскую въ вѣрности къ герцогу надежду имѣлъ, и кто въ ономъ съ нимъ изъ шляхты Смоленской были согласны, а особливо Ивану Милашевичу, Ѳедорову отцу, о томъ сказывалъ ли, понеже онъ его о сынѣ часто обнадеживалъ, что сынъ де его имъ будетъ всѣмъ показатель, понеже онъ Иванъ по его приказу сына отпустилъ въ Киль и явочную челобитную о сынѣ велѣлъ подать. Скажи о семъ именно.

нистровъ ни о чемъ къ нему не бывало.

На 6-й.

На показанныя въ семъ пунктѣ всѣ слова онъ Черкасской Милашевичу говаривалъ только одному, а другимъ никому, и самъ о томъ тѣхъ словъ ни отъ кого не слыхивалъ и оное дѣло самъ вымыслилъ, а ни съ кѣмъ о томъ не совѣтовалъ, и надежды въ томъ дѣлѣ никаковой не имѣлъ; также и особливо на Смоленскую шляхту въ вѣрности къ герцогу онъ Черкасской надежды не имѣлъ же, и никто въ ономъ съ нимъ Черкасскимъ изъ Смоленской шляхты и никто же изъ другихъ согласія не имѣли; и о семъ показываетъ самую сущую правду безъ всякія утайки, и Ѳедорову отцу Милашевича Ивану о семъ дѣлѣ такожъ де никогда не говаривалъ и съ нимъ о всемъ ономъ не совѣтовалъ; а о челобитной ссылается на послѣднюю повинную; а въ послѣдней повинной написано: Милашевичу онъ Черкасской говорилъ, чтобъ онъ отцу своему сказалъ, дабы онъ по отъѣздѣ его записалъ явочную челобитную.

7.

Въ сочиненіи двухъ концептовъ имъ Черкасскимъ, перваго —присягѣ, другого—инструкціи, кто въ томъ сочиненіи съ нимъ Черкасскимъ, кромѣ Милашевича, въ согласіи и въ совѣтѣ былъ, а одному ему того никакъ чинить было не возможно. Скажи съ кѣмъ именно.

На 7-й.

Какъ онъ Черкасской концепты присягѣ и инструкціи сочинялъ, тогда притомъ былъ Ѳедоръ Милашевичь, а въ сочиненіи оныхъ ни съ кѣмъ совѣту не имѣлъ, а вымышлялъ самъ собою одинъ, а о содержаніи оныхъ другимъ никому онъ не сказывалъ.

8.

Подлинно ли онъ тѣ два концепта изодралъ и не отдалъ ли онъ ихъ кому на сохраненіе впредь чаемой себѣ отъ герцога и принца надежды, и не показывалъ ли ихъ кому? Скажи именно, понеже онъ въ своемъ къ герцогу съ Милашевичемъ письмѣ представлялъ о своихъ вѣрныхъ услугахъ и во всемъ томъ ссылался на Милашевича.

На 8-й.

Тѣ концепты изодралъ и ихъ никому не показывалъ.

9.

Съ чего онъ признаваетъ, что Ея Императорское Величество наша всемилостивѣйшая государыня недолговѣчна, или онъ о семъ отъ кого слыхалъ или съ кѣмъ о томъ говаривалъ, и къ какой рѣчи и слову, и не было ли на здоровіе Ея Императорскаго Величества какого злаго умыслу? О семъ покажи именно.

На 9-й.

Съ чего то о недолговѣчности и къ чему говорилъ, не помнитъ, и ни отъ кого о томъ не слыхалъ, и ни съ кѣмъ о томъ, кромѣ Милашевича, не говаривалъ, и умыслу отъ него на здоровье Ея Императорскаго Величества отъ него не было, и ни отъ кого о томъ нѣ слыхалъ и незнаетъ.

10.

О республикѣ Польской говорилъ онъ Черкасской Семену Корсакову, выхваляя, что „то хорошо, да и у насъ де Долгорукіе хотѣли то жь сдѣлать, да не удалось, развѣ де что можетъ впредь лучше этого сдѣлаться“. Скажи, почему онъ чаетъ, что лучше сдѣлаться, и не слыхалъ ли онъ отъ кого о томъ какихъ совѣтовъ или разсужденій?

На 10-й.

Оныя слова онъ говорилъ ни съ чего, и никакого о томъ отъ него чаянія подлиннаго нѣтъ, и ни отъ кого о томъ не слыхалъ и совѣтовъ никакихъ ни съ кѣмъ о томъ и разсужденій не имѣлъ.

11.

Къ Милашевичу два письма польскія, одно—будто отъ генералъ-маіора Потемкина къ Станиславу Лещинскому, а другое—къ нему Милашевичу, да при томъ еще цыфирное, конечно ль онъ Черкасской не подписывалъ, или кто по приказу его Черкасскаго не писывалъ ли оныя и

На 11-й.

О посылкѣ оныхъ писемъ онъ конечно не знаетъ.

8.

Подлинно ли онъ тѣ два концепта изодралъ и не отдалъ ли онъ ихъ кому на сохраненіе впредь чаемой себѣ отъ герцога и принца надежды, и не показывалъ ли ихъ кому? Скажи именно, понеже онъ въ своемъ къ герцогу съ Милашевичемъ письмѣ представлялъ о своихъ вѣрныхъ услугахъ и во всемъ томъ ссылался на Милашевича.

На 8-й.

Тѣ концепты изодралъ и ихъ никому не показывалъ.

9.

Съ чего онъ признаваетъ, что Ея Императорское Величество наша всемилостивѣйшая государыня недолговѣчна, или онъ о семъ отъ кого слыхалъ или съ кѣмъ о томъ говаривалъ, и къ какой рѣчи и слову, и не было ли на здоровіе Ея Императорскаго Величества какого злаго умыслу? О семъ покажи именно.

На 9-й.

Съ чего то о недолговѣчности и къ чему говорилъ, не помнитъ, и ни отъ кого о томъ не слыхалъ, и ни съ кѣмъ о томъ, кромѣ Милашевича, не говаривалъ, и умыслу отъ него на здоровье Ея Императорскаго Величества отъ него не было, и ни отъ кого о томъ не слыхалъ и незнаетъ.

10.

О республикѣ Польской говорилъ онъ Черкасской Семену Корсакову, выхваляя, что „то хорошо, да и у насъ де Долгорукіе хотѣли то жь сдѣлать, да не удалось, развѣ де что можетъ впредь лучше этого сдѣлаться“. Скажи, почему онъ чаетъ, что лучше сдѣлаться, и не слыхалъ ли онъ отъ кого о томъ какихъ совѣтовъ или разсужденій?

На 10-й.

Оныя слова онъ говорилъ ни съ чего, и никакого о томъ отъ него чаянія подлиннаго нѣтъ, и ни отъ кого о томъ не слыхалъ и совѣтовъ никакихъ ни съ кѣмъ о томъ и разсужденій не имѣлъ.

11.

Къ Милашевичу два письма польскія, одно—будто отъ генералъ-маіора Потемкина къ Станиславу Лещинскому, а другое—къ нему Милашевичу, да при томъ еще цыфирное, конечно ль онъ Черкасской не подписывалъ, или кто по приказу его Черкасскаго не писывалъ ли оныя и

На 11-й.

О посылкѣ оныхъ писемъ онъ конечно не знаетъ.

не посылывалъ ли, и не признаваетъ ли онъ, чтобъ то могло быть отъ кого сочинено?

12.

На Украйну къ гетману, генералу Нарышкину, къ полковнику Ивану Хрущову конечно ль онъ Черкасской по сему дѣлу ни о чемъ не писывалъ, или кто по его приказу не писывалъ ли? Скажи о семъ именно, понеже онъ Черкасской въ инструкціи Милашевичу написалъ, яко бы по письму герцогову на Украйну писалъ, и подлинно ли къ нему отъ герцога писемъ не прихаживало на его рекомендательное о Милашевичѣ письмо?

На 12-й.

По сему дѣлу на Украйну онъ Черкасской ни къ кому не писывалъ и къ себѣ ни отъ кого о томъ писемъ не получалъ и ни къ кому о томъ же писать не приказывалъ, и отъ герцога къ нему Черкасскому на рекомендательное съ Милашевичемъ письмо не отвѣтствовано, а въ инструкціи написалъ, яко бы по письму герцогову на Украйну писалъ для подтвержденія Милашевичу.

13.

Съ Потоцкимъ и съ другими зарубежными Поляки по сему жь дѣлу подлинно ли онъ Черкасской не имѣлъ корреспонденціи?

На 13-й.

Подлинно не имѣлъ.

14.

Отъ герцога Голштинскаго и отъ его придворныхъ, отъ котораго время ни писемъ не имѣлъ, а особливо по нынѣшнему дѣлу не получалъ ли? Скажи именно, понеже онъ Черкасской у герцога въ вѣрности находится, надлежитъ имѣть частую ему съ нимъ корреспонденцію.

На 14-й.

Отъ герцога онъ письмо послѣднее получилъ тому года съ четыре, а въ немъ писано о кончинѣ государыни цесаревны Анны Петровны, а потомъ уже писемъ отъ герцога, а особливо по нынѣшнему дѣлу не получалъ.

15.

Азбуку цыфирную, кромѣ той, что Николаю Потемкину отдалъ, конечно ль другой онъ Черкасской не имѣлъ, и цыфирью подлинно ль о семъ дѣлѣ ни съ кѣмъ не корреспондовалъ и чрезъ Николая Потемкина никакихъ писемъ, касающихся по сему жь дѣлу, отъ Потоцкаго и ни отъ другихъ зарубежныхъ не получалъ ли, и во всемъ ли томъ

На 15-й.

По всему сему пункту онъ Черкасской ссылается на послѣднюю свою повинную челобитную

А въ повинной написано: азбуки цыфирной, кромѣ той, которую отдалъ онъ Черкасской Николаю Потемкину, никакой не имѣлъ и цыфирью ни съ кѣмъ не корреспондовалъ, и чрезъ онаго Потемкина никакихъ писемъ, касающихся по сему дѣлу, ни

не посылывалъ ли, и не признаваетъ ли онъ, чтобъ то могло быть отъ кого сочинено?

12.

На Украйну къ гетману, генералу Нарышкину, къ полковнику Ивану Хрущову конечно ль онъ Черкасской по сему дѣлу ни о чемъ не писывалъ, или кто по его приказу не писывалъ ли? Скажи о семъ именно, понеже онъ Черкасской въ инструкціи Милашевичу написалъ, яко бы по письму герцогову на Украйну писалъ, и подлинно ли къ нему отъ герцога писемъ не прихаживало на его рекомендательное о Милашевичѣ письмо?

На 12-й.

По сему дѣлу на Украйну онъ Черкасской ни къ кому не писывалъ и къ себѣ ни отъ кого о томъ писемъ не получалъ и ни къ кому о томъ же писать не приказывалъ, и отъ герцога къ нему Черкасскому на рекомендательное съ Милашевичемъ письмо не отвѣтствовано, а въ инструкціи написалъ, яко бы по письму герцогову на Украйну писалъ для подтвержденія Милашевичу.

13.

Съ Потоцкимъ и съ другими зарубежными Поляки по сему жь дѣлу подлинно ли онъ Черкасской не имѣлъ корреспонденціи?

На 13-й.

Подлинно не имѣлъ.

14.

Отъ герцога Голштинскаго и отъ его придворныхъ, отъ котораго время ни писемъ не имѣлъ, а особливо по нынѣшнему дѣлу не получалъ ли? Скажи именно, понеже онъ Черкасской у герцога въ вѣрности находится, надлежитъ имѣть частую ему съ нимъ корреспонденцію.

На 14-й.

Отъ герцога онъ письмо послѣднее получилъ тому года съ четыре, а въ немъ писано о кончинѣ государыни цесаревны Анны Петровны, а потомъ уже писемъ отъ герцога, а особливо по нынѣшнему дѣлу не получалъ.

15.

Азбуку цыфирную, кромѣ той, что̀ Николаю Потемкину отдалъ, конечно ль другой онъ Черкасской не имѣлъ, и цыфирью подлинно ль о семъ дѣлѣ ни съ кѣмъ не корреспондовалъ и чрезъ Николая Потемкина никакихъ писемъ, касающихся по сему жь дѣлу, отъ Потоцкаго и ни отъ другихъ зарубежныхъ не получалъ ли, и во всемъ ли томъ

На 15-й.

По всему сему пункту онъ Черкасской ссылается на послѣднюю свою повинную челобитную

А въ повинной написано: азбуки цыфирной, кромѣ той, которую отдалъ онъ Черкасской Николаю Потемкину, никакой не имѣлъ и цыфирью ни съ кѣмъ не корреспондовалъ, и чрезъ онаго Потемкина никакихъ писемъ, касающихся по сему дѣлу, ни

остается, что онъ по сему пункту въ послѣдней повинной написалъ, что оная истинна?

16.

Кто отъ двора отлучены таковые, кои гораздо больше другихъ смыслятъ; про кого онъ сими словами разумѣлъ?

17.

Онъ же Черкасской говорилъ: „ежели бъ принцъ Голштинскій наслѣдникомъ засталъ, то бъ Россія счастлива была, и хотя бъ де Россія имѣть оного своевольно и не похотѣла, то отецъ его герцогъ наслѣдникъ Швеціи"; и чаетъ, что „онъ скоро королемъ тамо будетъ, тогда де и насильно быть можетъ; къ тому жь, ежели въ Польшѣ король съ нимъ будетъ въ согласіи, то уже всеконечно его никако миновать не можно". Съ чего онъ Черкасской такія слова говорилъ, или о томъ отъ кого слыхалъ и съ кѣмъ еще о томъ разговаривалъ? Скажи именно.

18.

О Милашевичѣ не было ль рекомендаціи отъ государыни цесаревны Елисаветъ Петровны къ Потоцкому, и съ чего онъ Черкасской о той рекомендаціи Милашевичу говаривалъ, что ему отъ цесаревны рекомендацію можно выпросить?

19.

Съ пашпорта за рукою генерала-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, наложа на подпись покъ кому не писалъ и не присылалъ.

На 16-й.

Такія слова онъ Черкасской говорилъ въ подтвержденіе Милашевичу, а о другихъ, кто именно отлучены, подлинно не знаетъ; токмо онъ говорилъ генерально о всѣхъ тѣхъ, кои отъ двора отлучены, тѣ, которые въ ссылки посланы, а именами ихъ не помнитъ.

На 17-й.

Въ семъ пунктѣ показанныя всѣ слова онъ Черкасской Милашевичу говорилъ въ подтвержденіе его, а съ прочими ни съ кѣмъ оныхъ словъ не разговаривалъ и ни отъ кого того не слыхивалъ.

На 18-й.

О рекомендаціи отъ цесаревны къ Потоцкому онъ Черкасской не говаривалъ, а говорилъ: ежели де онъ Милашевичъ хочетъ ѣхать въ Голштиндію, то бы де онъ и просилъ рекомендацію отъ цесаревны къ герцогу, а отъ Потоцкаго во Францію.

На 19-й.

Не списывалъ.

остается, что онъ по сему пункту въ послѣдней повинной написалъ, что оная истинна?

16.

Кто отъ двора отлучены таковые, кои гораздо больше другихъ смыслятъ; про кого онъ сими словами разумѣлъ?

17.

Онъ же Черкасской говорилъ: „ежели бъ принцъ Голштинскій наслѣдникомъ засталъ, то бъ Россія счастлива была, и хотя бъ де Россія имѣть оного своевольно и не похотѣла, то отецъ его герцогъ наслѣдникъ Швеціи"; и чаетъ, что „онъ скоро королемъ тамо будетъ, тогда де и насильно быть можетъ; къ тому жь, ежели въ Польшѣ король съ нимъ будетъ въ согласіи, то уже всеконечно его никако миновать не можно". Съ чего онъ Черкасской такія слова говорилъ, или о томъ отъ кого слыхалъ и съ кѣмъ еще о томъ разговаривалъ? Скажи именно.

18.

О Милашевичѣ не было ль рекомендаціи отъ государыни цесаревны Елисаветъ Петровны къ Потоцкому, и съ чего онъ Черкасской о той рекомендаціи Милашевичу говаривалъ, что ему отъ цесаревны рекомендацію можно выпросить?

19.

Съ пашпорта за рукою генерала-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, наложа на подпись покъ кому не писалъ и не присылалъ.

На 16-й.

Такія слова онъ Черкасской говорилъ въ подтвержденіе Милашевичу, а о другихъ, кто именно отлучены, подлинно не знаетъ; токмо онъ говорилъ генерально о всѣхъ тѣхъ, кои отъ двора отлучены, тѣ, которые въ ссылки посланы, а именами ихъ не помнитъ.

На 17-й.

Въ семъ пунктѣ показанныя всѣ слова онъ Черкасской Милашевичу говорилъ въ подтвержденіе его, а съ прочими ни съ кѣмъ оныхъ словъ не разговаривалъ и ни отъ кого того не слыхивалъ.

На 18-й.

О рекомендаціи отъ цесаревны къ Потоцкому онъ Черкасской не говаривалъ, а говорилъ: ежели де онъ Милашевичъ хочетъ ѣхать въ Голштиндію, то бы де онъ и просилъ рекомендацію отъ цесаревны къ герцогу, а отъ Потоцкаго во Францію.

На 19-й.

Не списывалъ.

чтовую бумагу, противъ окошка руку его Минихову списывалъ ли, и для чего?

20.

Пьяный Черкасской говорилъ: „во всѣхъ де приказахъ герцогу служить радъ, хотя де и такимъ образомъ, ежели бъ де онъ герцогъ согласился съ какимъ непріятелемъ государства, а особливо съ Поляками, понеже имѣетъ претензію о наслѣдствѣ въ Россіи, сынъ его принцъ, а онъ герцогъ королемъ скоро будетъ Швеціи, тогда бъ и насильно могли сдѣлать“; и будто онъ Черкасской войско не токмо за рубежъ, но и въ самую крѣпость Смоленскую впустить можетъ, понеже де его, яко губернатора, во всемъ слушать долженствуютъ; онъ же въ Смоленску много имѣетъ друзей, къ тому жъ составилъ бы указъ, и будто имѣетъ у себя письма многихъ знатныхъ персонъ, подъ которыя де руки могъ подписать. Для чего онъ Черкасской то все чинилъ хотѣлъ, и кто съ нимъ къ тому былъ въ согласіи, и когда и въ какомъ случаѣ онъ то мыслилъ и учинить хотѣлъ?

На 20-й.

По сему пункту онъ Черкасской всѣхъ тѣхъ словъ не говаривалъ, и самъ онъ ни отъ кого оныхъ словъ не слыхивалъ.

Въ очной ставкѣ говорили:

Черкасской: Такихъ словъ, что на него въ семъ пунктѣ Ѳедоръ Милашевичъ показываетъ, оный Черкасской ему Милашевичу и никому никогда не говаривалъ.

Милашевичъ: Оный всѣ слова ему князь Александръ Черкасской всѣ говорилъ въ то время, какъ жена его Черкасскаго первая была именинница, а былъ тогда Черкасской очень шуменъ, и въ то время они сидѣли двое на стулѣ, особливо отъ другихъ; и на другой день онъ Милашевичь ему Черкасскому упоминалъ о тѣхъ же словахъ; онъ Черкасской отвѣтствовалъ: „что де это говорить, гдѣ де герцогу въ это путаться!“

Черкасской сказалъ, что оныхъ словъ конечно не говаривалъ.

21.

Да онъ же Черкасской говорилъ: „принца отъ наслѣдства отрѣшить не могутъ, а покуда де принцъ выростетъ, то тетка его цесаревна Елисаветъ Петровна будетъ“; для чего онъ такія слова говорилъ и съ кѣмъ другимъ, кромѣ Милашевича, совѣтовалъ, и какимъ бы образомъ то учиниться могло? Скажи истинную правду.

На 21-й.

Но и сихъ всѣхъ словъ онъ Черкасской не говаривалъ самъ, и ни отъ кого не слыхивалъ и ни съ кѣмъ не совѣтовалъ.

Въ очной ставкѣ говорили:

Черкасской: Подлинно онъ Черкасской и такихъ словъ Милашевичу и ни кому не говаривалъ, и ни отъ кого не слыхивалъ, и умыслу онъ Черкасской на здравіе Ея Императорскаго Величества ни съ кѣмъ не имѣлъ

чтовую бумагу, противъ окошка руку его Минихову списывалъ ли, и для чего?

20.

Пьяный Черкасской говорилъ: „во всѣхъ де приказахъ герцогу служить радъ, хотя де и такимъ образомъ, ежели бъ де онъ герцогъ согласился съ какимъ непріятелемъ государства, а особливо съ Поляками, понеже имѣетъ претензію о наслѣдствѣ въ Россіи, сынъ его принцъ, а онъ герцогъ королемъ скоро будетъ Швеціи, тогда бъ и насильно могли сдѣлать“; и будто онъ Черкасской войско не токмо за рубежъ, но и въ самую крѣпость Смоленскую впустить можетъ, понеже де его, яко губернатора, во всемъ слушать долженствуютъ; онъ же въ Смоленску много имѣетъ друзей, къ тому жъ составилъ бы указъ, и будто имѣетъ у себя письма многихъ знатныхъ персонъ, подъ которыя де руки могъ подписать. Для чего онъ Черкасской то все чинилъ хотѣлъ, и кто съ нимъ къ тому былъ въ согласіи, и когда и въ какомъ случаѣ онъ то мыслилъ и учинить хотѣлъ?

На 20-й.

По сему пункту онъ Черкасской всѣхъ тѣхъ словъ не говаривалъ, и самъ онъ ни отъ кого оныхъ словъ не слыхивалъ.

Въ очной ставкѣ говорили:

Черкасской: Такихъ словъ, что на него въ семъ пунктѣ Ѳедоръ Милашевичъ показываетъ, оный Черкасской ему Милашевичу и никому никогда не говаривалъ.

Милашевичъ: Оный всѣ слова ему князь Александръ Черкасской всѣ говорилъ въ то время, какъ жена его Черкасскаго первая была именинница, а былъ тогда Черкасской очень шуменъ, и въ то время они сидѣли двое на стулѣ, особливо отъ другихъ; и на другой день онъ Милашевичь ему Черкасскому упоминалъ о тѣхъ же словахъ; онъ Черкасской отвѣтствовалъ: „что де это говорить, гдѣ де герцогу въ это путаться!“

Черкасской сказалъ, что оныхъ словъ конечно не говаривалъ.

21.

Да онъ же Черкасской говорилъ: „принца отъ наслѣдства отрѣшить не могутъ, а покуда де принцъ выростетъ, то тетка его цесаревна Елисаветъ Петровна будетъ“; для чего онъ такія слова говорилъ и съ кѣмъ другимъ, кромѣ Милашевича, совѣтовалъ, и какимъ бы образомъ то учиниться могло? Скажи истинную правду.

На 21-й.

Но и сихъ всѣхъ словъ онъ Черкасской не говаривалъ самъ, и ни отъ кого не слыхивалъ и ни съ кѣмъ не совѣтовалъ.

Въ очной ставкѣ говорили:

Черкасской: Подлинно онъ Черкасской и такихъ словъ Милашевичу и ни кому не говаривалъ, и ни отъ кого не слыхивалъ, и умыслу онъ Черкасской на здравіе Ея Императорскаго Величества ни съ кѣмъ не имѣлъ

и въ совѣтѣ къ тому никто не былъ.

Милашевичъ: По оныхъ же словахъ Черкасской ему Милашевичу конечно такія слова говорилъ, а при томъ никого не было, и онъ Милашевичъ его Черкасскаго спросилъ: почему онъ знаетъ, что государыня императрица не долговѣчна, на которое ему Черкасскому отвѣтствовалъ: „Много де ужъ на моемъ вѣку перемѣнилось государей, они де и всѣ не долговѣчны".

Черкасской: Оныхъ всѣхъ словъ, что онъ на него нынѣ въ сей очной ставкѣ Милашевичъ показываетъ, конечно не говаривалъ.

22.

Еще же онъ Черкасской говорилъ: „Долгорукіе де подслужились, думая вдругорядь царствовать, да куда де ихъ пырнули, а нынѣ ужъ такъ никто не отважится сдѣлать". Въ какую мѣру онъ то говорилъ, и отъ Долгорукихъ прислугу какую онъ въ томъ упоминаетъ?

На 22-й.

О Долгорукихъ онъ говорилъ: „Хотѣли де они царствовать, да вотъ де ихъ за то куда въ ссылку послали, а нынѣ де уже никто такъ не отважится страдать, чтобъ на себя такую бѣду привесть".

23.

Про князя Юрья Долгорукаго говорилъ: „Вотъ де дѣтина пропалъ безъ выправки". Безъ какой выправки,—покажи именно, и не имѣлъ ли онъ съ тѣмъ Долгорукимъ о томъ дѣлѣ каковыхъ разговоровъ?

На 23-й.

Про князь Юрья Долгорукова говаривалъ, что онъ пропалъ самъ отъ себя; „безъ выправки" не говаривалъ; и съ онымъ Долгорукимъ о томъ дѣлѣ никаковыхъ разговоровъ и согласія не имѣлъ.

24.

Для чего онъ Черкасской Милашевича заставливалъ сочинить фальшивый абшитъ о увольненіи его изъ службы и за рубежемъ печать поддѣлать?

На 24-й.

Таковыхъ словъ онъ Черкасской Милашевичу всѣхъ не говаривалъ.

25.

Въ томъ ли онъ Черкасской

На 25-й.

Утверждается на прежнемъ

и въ совѣтѣ къ тому никто не былъ.

Милашевичъ: По оныхъ же словахъ Черкасской ему Милашевичу конечно такія слова говорилъ, а при томъ никого не было, и онъ Милашевичъ его Черкасскаго спросилъ: почему онъ знаетъ, что государыня императрица не долговѣчна, на которое ему Черкасскому отвѣтствовалъ: „Много де ужъ на моемъ вѣку перемѣнилось государей, они де и всѣ не долговѣчны".

Черкасской: Оныхъ всѣхъ словъ, что онъ на него нынѣ въ сей очной ставкѣ Милашевичъ показываетъ, конечно не говаривалъ.

22.

Еще же онъ Черкасской говорилъ: „Долгорукіе де подслужились, думая вдругорядь царствовать, да куда де ихъ пырнули, а нынѣ ужъ такъ никто не отважится сдѣлать". Въ какую мѣру онъ то говорилъ, и отъ Долгорукихъ прислугу какую онъ въ томъ упоминаетъ?

На 22-й.

О Долгорукихъ онъ говорилъ: „Хотѣли де они царствовать, да вотъ де ихъ за то куда въ ссылку послали, а нынѣ де уже никто такъ не отважится страдать, чтобъ на себя такую бѣду привесть".

23.

Про князя Юрья Долгорукаго говорилъ: „Вотъ де дѣтина пропалъ безъ выправки". Безъ какой выправки,—покажи именно, и не имѣлъ ли онъ съ тѣмъ Долгорукимъ о томъ дѣлѣ каковыхъ разговоровъ?

На 23-й.

Про князь Юрья Долгорукова говаривалъ, что онъ пропалъ самъ отъ себя; „безъ выправки" не говаривалъ; и съ онымъ Долгорукимъ о томъ дѣлѣ никаковыхъ разговоровъ и согласія не имѣлъ.

24.

Для чего онъ Черкасской Милашевича заставливалъ сочинить фальшивый абшитъ о увольненіи его изъ службы и за рубежемъ печать поддѣлать?

На 24-й.

Таковыхъ словъ онъ Черкасской Милашевичу всѣхъ не говаривалъ.

25.

Въ томъ ли онъ Черкасской

На 25-й.

Утверждается на прежнемъ

утверждается о сожженныхъ двухъ письмахъ отъ Милашевича, и что въ нихъ было написано, какъ онъ въ своемъ роспросѣ показалъ 23-го дня генваря; и не жегъ ли онъ другихъ отъ него Милашевича или отъ другихъ отъ кого писемъ?

своемъ роспросѣ 23-го генваря, и другихъ писемъ присланныхъ ни отъ кого не жегъ, а отъ Милашевича сжегъ только два письма.

26.

Сверхъ поданной отъ него челобитной, 26-го дня генваря, что онъ могъ еще припамятовать о томъ? Скажи сущую правду безъ всякія утайки.

На 26-й.

Кромѣ оной повинной челобитной, нынѣ онъ ничего припамятовать не можетъ, а что въ той своей повинной челобитной онъ написалъ, то самая истинна, на которой и нынѣ утверждается.

27.

Пребышевской на него Черкасскаго показываетъ: когда герцогъ Голштинскій писалъ къ нему Черкасскому о кончинѣ цесаревны Анны Петровны, которое онъ Пребышевской принялъ отъ Александра Бутурлина и отвезъ къ нему въ подмосковную въ Васильевское, на которое къ нему герцогу онъ Черкасской и отвѣтствовалъ съ благодареніемъ, и что по желанію его герцогову пріѣхать къ нему не можетъ,—какою матеріею герцогъ къ нему Черкасскому писалъ, и цѣло ли то письмо, и нынѣ гдѣ оно?

На 27-й.

Когда онъ былъ въ службѣ при государынѣ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ и по кончинѣ ея того жь году, а котораго именно не помнитъ, писалъ къ нему герцогъ, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нему при немъ быть и жить, на которое онъ Черкасской къ нему герцогу отвѣтствовалъ, что онъ человѣкъ россійскій, гдѣ имѣетъ свой домъ, и за тѣмъ къ нему пріѣхать не можетъ, а для посылки то письмо отослалъ онъ къ голштинскому министру Штамкину.

28.

Говорилъ онъ Черкасской Николаю Потемкину, чтобъ почту изъ Нѣмецкихъ краевъ прямо чрезъ Польшу мимо Риги... Для какой причины онъ того желалъ, понеже есть учрежденная почта чрезъ Ригу?

На 28-й.

Спрашивалъ онъ Черкасской Николая Потемкина, можно ль де изъ Нѣмецкихъ краевъ прямо чрезъ Польшу въ Смоленскъ почтѣ приходить, не захватывая Риги, на которое Николай Потемкинъ ему отвѣтствовалъ, что нельзя де, а въ какую силу то говорилъ, того онъ Черкасской не знаетъ.

утверждается о сожженныхъ двухъ письмахъ отъ Милашевича, и что въ нихъ было написано, какъ онъ въ своемъ роспросѣ показалъ 23-го дня генваря; и не жегъ ли онъ другихъ отъ него Милашевича или отъ другихъ отъ кого писемъ?

своемъ роспросѣ 23-го генваря, и другихъ писемъ присланныхъ ни отъ кого не жегъ, а отъ Милашевича сжегъ только два письма.

26.

Сверхъ поданной отъ него челобитной, 26-го дня генваря, что онъ могъ еще припамятовать о томъ? Скажи сущую правду безъ всякія утайки.

На 26-й.

Кромѣ оной повинной челобитной, нынѣ онъ ничего припамятовать не можетъ, а что въ той своей повинной челобитной онъ написалъ, то самая истинна, на которой и нынѣ утверждается.

27.

Пребышевской на него Черкасскаго показываетъ: когда герцогъ Голштинскій писалъ къ нему Черкасскому о кончинѣ цесаревны Анны Петровны, которое онъ Пребышевской принялъ отъ Александра Бутурлина и отвезъ къ нему въ подмосковную въ Васильевское, на которое къ нему герцогу онъ Черкасской и отвѣтствовалъ съ благодареніемъ, и что по желанію его герцогову пріѣхать къ нему не можетъ,—какою матеріею герцогъ къ нему Черкасскому писалъ, и цѣло ли то письмо, и нынѣ гдѣ оно?

На 27-й.

Когда онъ былъ въ службѣ при государынѣ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ и по кончинѣ ея того жь году, а котораго именно не помнитъ, писалъ къ нему герцогъ, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нему при немъ быть и жить, на которое онъ Черкасской къ нему герцогу отвѣтствовалъ, что онъ человѣкъ россійскій, гдѣ имѣетъ свой домъ, и за тѣмъ къ нему пріѣхать не можетъ, а для посылки то письмо отослалъ онъ къ голштинскому министру Штамкину.

28.

Говорилъ онъ Черкасской Николаю Потемкину, чтобъ почту изъ Нѣмецкихъ краевъ прямо чрезъ Польшу мимо Риги... Для какой причины онъ того желалъ, понеже есть учрежденная почта чрезъ Ригу?

На 28-й.

Спрашивалъ онъ Черкасской Николая Потемкина, можно ль де изъ Нѣмецкихъ краевъ прямо чрезъ Польшу въ Смоленскъ почтѣ приходить, не захватывая Риги, на которое Николай Потемкинъ ему отвѣтствовалъ, что нельзя де, а въ какую силу то говорилъ, того онъ Черкасской не знаетъ.

29.

Человѣкъ его Черкасскаго Куксинъ показалъ: когда онъ велѣлъ ему у Милашевича письма P. S. вычистить, при томъ де былъ и Аршеневской; а онъ Черкасской показалъ, что Аршеневской того не вѣдалъ. Скажи именно: вѣдаетъ ли о томъ Аршеневской, также онъ и Аршеневской съ кѣмъ и какія имѣли корреспонденціи, или въ какомъ по сему дѣлу съ Смоленскою шляхтою имѣли согласіе и совѣтъ, понеже оный Аршеневской у него былъ конфидентъ. Скажи о семъ именно?

На 29-й.

О вычищеніи онаго подскрыпта Аршеневской подлинно вѣдалъ, а съ нимъ Аршеневскимъ и ни съ кѣмъ и никакой корреспонденціи съ Смоленскою шляхтою и согласія по сему дѣлу и совѣту не имѣлъ.

Съ генералъ-маіоромъ Потемкинымъ онъ Черкасской никакой конфиденціи не имѣлъ, и о семъ дѣлѣ ему Потемкину ни о чемъ не обѣщалъ, и онъ Потемкинъ о всѣхъ его Черкасскаго по сему дѣлу поступкахъ ни о чемъ не знаетъ.

XV.

Докладъ императрицѣ Аннѣ съ экстрактомъ изъ дѣла.

Ея Императорскому Величеству самодержицѣ Всероссійской отъ учрежденной коммиссіи всеподданнѣйшій докладъ.

По доношенію доносителя Ѳедора Милашевича на бывшаго Смоленскаго губернатора князь Александра Черкасскаго и изъ отвѣтовъ его Черкасскаго и о прилучившихся по тому же дѣлу, кои были въ розыскахъ, и о прочихъ, что̀ по слѣдствію въ оной коммиссіи явилось, о томъ о всемъ Вашему Императорскому Величеству оная коммиссія приноситъ при семъ экстрактъ и всеподданнѣйше у Вашего Императорскаго Величества помянутая коммиссія проситъ о всемилостивѣйшемъ указѣ впредь по тому дѣлу, что̀ Ваше Императорское Величество повелите чинить.

Марта 26-го дня 1734 году.

Экстрактъ, что̀ на князь Александра Черкасскаго доноситель Ѳедоръ Милашевичь въ поданномъ въ С.-Петербургѣ въ нынѣшнемъ 1734 г. генваря 21-го дня доношеніи показалъ, и на оное чтобъ Черкасской въ роспросѣ въ очныхъ ставкахъ и въ повинныхъ отвѣтствовалъ, и въ чемъ запирается, значитъ ниже сего.

29.

Человѣкъ его Черкасскаго Куксинъ показалъ: когда онъ велѣлъ ему у Милашевича письма P. S. вычистить, при томъ де былъ и Аршеневской; а онъ Черкасской показалъ, что Аршеневской того не вѣдалъ. Скажи именно: вѣдаетъ ли о томъ Аршеневской, также онъ и Аршеневской съ кѣмъ и какія имѣли корреспонденціи, или въ какомъ по сему дѣлу съ Смоленскою шляхтою имѣли согласіе и совѣтъ, понеже оный Аршеневской у него былъ конфидентъ. Скажи о семъ именно?

На 29-й.

О вычищеніи онаго подскрыпта Аршеневской подлинно вѣдалъ, а съ нимъ Аршеневскимъ и ни съ кѣмъ и никакой корреспонденціи съ Смоленскою шляхтою и согласія по сему дѣлу и совѣту не имѣлъ.

Съ генералъ-маіоромъ Потемкинымъ онъ Черкасской никакой конфиденціи не имѣлъ, и о семъ дѣлѣ ему Потемкину ни о чемъ не обѣщалъ, и онъ Потемкинъ о всѣхъ его Черкасскаго по сему дѣлу поступкахъ ни о чемъ не знаетъ.

XV.

Докладъ императрицѣ Аннѣ съ экстрактомъ изъ дѣла.

Ея Императорскому Величеству самодержицѣ Всероссійской отъ учрежденной коммиссіи всеподданнѣйшій докладъ.

По доношенію доносителя Ѳедора Милашевича на бывшаго Смоленскаго губернатора князь Александра Черкасскаго и изъ отвѣтовъ его Черкасскаго и о прилучившихся по тому же дѣлу, кои были въ розыскахъ, и о прочихъ, что̀ по слѣдствію въ оной коммиссіи явилось, о томъ о всемъ Вашему Императорскому Величеству оная коммиссія приноситъ при семъ экстрактъ и всеподданнѣйше у Вашего Императорскаго Величества помянутая коммиссія проситъ о всемилостивѣйшемъ указѣ впредь по тому дѣлу, что̀ Ваше Императорское Величество повелите чинить.

Марта 26-го дня 1734 году.

Экстрактъ, что̀ на князь Александра Черкасскаго доноситель Ѳедоръ Милашевичь въ поданномъ въ С.-Петербургѣ въ нынѣшнемъ 1734 г. генваря 21-го дня доношеніи показалъ, и на оное чтобъ Черкасской въ роспросѣ въ очныхъ ставкахъ и въ повинныхъ отвѣтствовалъ, и въ чемъ запирается, значитъ ниже сего.

Доноситель показалъ:

1.

Говорилъ ему доносителю Черкасской: Въ Голштиндіи де имѣется принцъ, внукъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Великаго, а государынѣ цесаревны Елисаветъ Петровны племянникъ родной, который истинный наслѣдникъ Россійскаго государства, отъ чего никто его отдалить не можетъ, и для того надобно де у него завременно милости искать и заслуживать чести."

А въ первомъ доношеніи написалъ все вышеписанное же, да къ тому же пополнилъ: „И всѣ заподлинно принца почитаютъ, что онъ то достанетъ."

2.

Черкасской же доносителю говорилъ: „Я де отъ себя такъ тебя рекомендую герцогу, что не только де ты впередъ всякаго счастія ожидать имѣешь, но и нынѣ во всякомъ довольствіи и покоѣ содержанъ, къ тому и награжденъ будешь".

3.

Онъ же Черкасской ему доносителю говорилъ: „Здѣсь тебѣ счастія при нынѣшнемъ правленіи никоимъ образомъ сыскать не возможно, понеже де Курляндцы все завладѣли".

4.

Черкасской же говорилъ: „Я

Черкасской отвѣтствовалъ:

На 1-й.

Въ повинной и въ подтвердительныхъ роспросахъ:

Что принцъ Россійскому государству подлинный наслѣдникъ, и никто его отъ того отлучить не можетъ, чтобъ нынѣ у него искать, а впредь отъ него милости ожидать заблаговременно, да и многіе о томъ принцѣ уповаютъ, что наслѣдникомъ будетъ,—всѣ показанныя слова говорилъ онъ Черкасской только одному доносителю, а другимъ о томъ изъ оныхъ словъ никому не говаривалъ и ни отъ кого о томъ ни о чемъ изъ онаго не слыхалъ и не совѣтовалъ ни съ кѣмъ, а и доносителю говаривалъ изъ себя, для своей къ герцогу прислуги, а не въ другой какой видъ.

на 2-й.

Къ герцогу онъ Черкасской писалъ рекомендательное одно письмо по французски, сколько могъ умѣть безъ концепта, прося, чтобъ онъ доноситель не оставленъ былъ и говорилъ: „Нынѣ де есть время при немъ принцѣ быть и въ немъ искать милости, нынѣ же награжденіе получимъ, а впредь еще больше надѣяться надлежитъ".

на 3-й.

„Въ нынѣшнія де конъюктуры не токмо ему доносителю, но кто и лучше есть, и тѣмъ счастія сыскать нельзя здѣсь въ Россіи, для того что Нѣмцы больше завладали." Говорилъ оное онъ Черкасской для утвержденія и подкрѣпленія доносителева.

на 4-й.

Какъ онъ Черкасской былъ

Доноситель показалъ:

1.

Говорилъ ему доносителю Черкасской: Въ Голштиндіи де имѣется принцъ, внукъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Великаго, а государынѣ цесаревны Елисаветъ Петровны племянникъ родной, который истинный наслѣдникъ Россійскаго государства, отъ чего никто его отдалить не можетъ, и для того надобно де у него завременно милости искать и заслуживать чести."

А въ первомъ доношеніи написалъ все вышеписанное же, да къ тому же пополнилъ: „И всѣ заподлинно принца почитаютъ, что онъ то достанетъ."

2.

Черкасской же доносителю говорилъ: „Я де отъ себя такъ тебя рекомендую герцогу, что не только де ты впередъ всякаго счастія ожидать имѣешь, но и нынѣ во всякомъ довольствіи и покоѣ содержанъ, къ тому и награжденъ будешь".

3.

Онъ же Черкасской ему доносителю говорилъ: „Здѣсь тебѣ счастія при нынѣшнемъ правленіи никоимъ образомъ сыскать не возможно, понеже де Курляндцы все завладѣли".

4.

Черкасской же говорилъ: „Я

Черкасской отвѣтствовалъ:

На 1-й.

Въ повинной и въ подтвердительныхъ роспросахъ:

Что принцъ Россійскому государству подлинный наслѣдникъ, и никто его отъ того отлучить не можетъ, чтобъ нынѣ у него искать, а впредь отъ него милости ожидать заблаговременно, да и многіе о томъ принцѣ уповаютъ, что наслѣдникомъ будетъ,—всѣ показанныя слова говорилъ онъ Черкасской только одному доносителю, а другимъ о томъ изъ оныхъ словъ никому не говаривалъ и ни отъ кого о томъ ни о чемъ изъ онаго не слыхалъ и не совѣтовалъ ни съ кѣмъ, а и доносителю говаривалъ изъ себя, для своей къ герцогу прислуги, а не въ другой какой видъ.

на 2-й.

Къ герцогу онъ Черкасской писалъ рекомендательное одно письмо по французски, сколько могъ умѣть безъ концепта, прося, чтобъ онъ доноситель не оставленъ былъ и говорилъ: „Нынѣ де есть время при немъ принцѣ быть и въ немъ искать милости, нынѣ же награжденіе получимъ, а впредь еще больше надѣяться надлежитъ".

на 3-й.

„Въ нынѣшнія де конъюктуры не токмо ему доносителю, но кто и лучше есть, и тѣмъ счастія сыскать нельзя здѣсь въ Россіи, для того что Нѣмцы больше завладали." Говорилъ оное онъ Черкасской для утвержденія и подкрѣпленія доносителева.

на 4-й.

Какъ онъ Черкасской былъ

бы де и самъ истинно изъ Голштиндіи не выѣхалъ, когда бъ да не женатъ былъ, для того что герцогъ весьма милостивый государь, котораго милость я де до гроба забыть не могу, и служить ему готовъ во всемъ, гдѣ случай допуститъ".

5.

„Такожъ и отъ сродниковъ здѣшнихъ можетъ выпросить рекомендацію, которая весьма пріятна будетъ герцогу". Доноситель на то молвилъ, что не только у сродниковъ, но и ни у кого другого о томъ просить не смѣетъ. Черкасской сказалъ: „Когда де сего дѣлать не хочешь, то де можно тебѣ и самому написать (только для Бога никому о семъ не сказывай, что де я тебя научаю), будто отъ генералъ-маіора Потемкина письмо къ герцогу, яко бы онъ доноситель его племянникъ, и что онъ Потемкинъ со многими Смоленскими шляхтами къ оному герцогу въ великой вѣрности находится, и будто бы они Смольяне не Ея Императорскому Величеству, но принцу Голштинскому въ вѣрности присягали; и далъ ему доносителю записку своей руки, въ какой силѣ оное письмо написать надлежало, и когда онъ доноситель по той запискѣ письмо отъ Потемкина написалъ и принесъ къ нему Черкасскому и, прочетъ, ему отдалъ.

6.

Далъ ему Черкасской концептъ, писанный рукою его, какъ обыкновенно присяги бываютъ, токмо на имя принцево отъ генералъ-маіора Потемкина со всѣми Смольяны, что они присягаютъ въ вѣрности, засвидѣтельствуя при герцогѣ, и онъ тогда былъ къ нему милостивъ, а не чрезвычайно; къ тому онъ тѣ слова и говорилъ, а присылки и прошенія отъ герцога и отъ министровъ ни о чемъ къ нему не бывало.

на 5-й.

Написалъ онъ доноситель письмо, самъ будто отъ генералъ-маіора Потемкина, что онъ Черкасской, со многими шляхтичи, находятся къ герцогу въ вѣрности, которое герцогу будетъ пріятно; а въ какой силѣ письмо написать, далъ ему доносителю записку своей руки и сказалъ ему, что оные Смольяне присягали не государынѣ, но принцу; всѣ оныя слова онъ Черкасской Милашевичу говаривалъ только одному, а другимъ никому, и самъ о томъ ни отъ кого тѣхъ словъ не слыхивалъ, и оное дѣло самъ вымыслилъ, а ни съ кѣмъ о томъ не совѣтовалъ и надежды въ томъ дѣлѣ ни каковой не имѣлъ, также и особливо на Смоленскую шляхту въ вѣрности къ герцогу онъ Черкасской надежды не имѣлъ же, и никто въ ономъ съ нимъ Черкасскимъ изъ Смоленской шляхты и изъ другихъ согласія не имѣли, и о семъ онъ Черкасской показывалъ самую сущую правду безъ всякія утайки.

На 6-й.

Сочинилъ онъ Черкасской два концепта: одинъ присягѣ, а другой инструкціи, и присяга въ такой силѣ на имя принца была, какъ обыкновенныя бываютъ присяги, а инструкція, что доносителю, будучи въ Голштиндіи,

бы де и самъ истинно изъ Голштиндіи не выѣхалъ, когда бъ да не женатъ былъ, для того что герцогъ весьма милостивый государь, котораго милость я де до гроба забыть не могу, и служить ему готовъ во всемъ, гдѣ случай допуститъ".

5.

„Такожъ и отъ сродниковъ здѣшнихъ можетъ выпросить рекомендацію, которая весьма пріятна будетъ герцогу". Доноситель на то молвилъ, что не только у сродниковъ, но и ни у кого другого о томъ просить не смѣетъ. Черкасской сказалъ: „Когда де сего дѣлать не хочешь, то де можно тебѣ и самому написать (только для Бога никому о семъ не сказывай, что де я тебя научаю), будто отъ генералъ-маіора Потемкина письмо къ герцогу, яко бы онъ доноситель его племянникъ, и что онъ Потемкинъ со многими Смоленскими шляхтами къ оному герцогу въ великой вѣрности находится, и будто бы они Смольяне не Ея Императорскому Величеству, но принцу Голштинскому въ вѣрности присягали; и далъ ему доносителю записку своей руки, въ какой силѣ оное письмо написать надлежало, и когда онъ доноситель по той запискѣ письмо отъ Потемкина написалъ и принесъ къ нему Черкасскому и, прочетъ, ему отдалъ.

6.

Далъ ему Черкасской концептъ, писанный рукою его, какъ обыкновенно присяги бываютъ, токмо на имя принцево отъ генералъ-маіора Потемкина со всѣми Смольяны, что они присягаютъ въ вѣрности, засвидѣтельствуя при герцогѣ, и онъ тогда былъ къ нему милостивъ, а не чрезвычайно; къ тому онъ тѣ слова и говорилъ, а присылки и прошенія отъ герцога и отъ министровъ ни о чемъ къ нему не бывало.

на 5-й.

Написалъ онъ доноситель письмо, самъ будто отъ генералъ-маіора Потемкина, что онъ Черкасской, со многими шляхтичи, находятся къ герцогу въ вѣрности, которое герцогу будетъ пріятно; а въ какой силѣ письмо написать, далъ ему доносителю записку своей руки и сказалъ ему, что оные Смольяне присягали не государынѣ, но принцу; всѣ оныя слова онъ Черкасской Милашевичу говаривалъ только одному, а другимъ никому, и самъ о томъ ни отъ кого тѣхъ словъ не слыхивалъ, и оное дѣло самъ вымыслилъ, а ни съ кѣмъ о томъ не совѣтовалъ и надежды въ томъ дѣлѣ ни каковой не имѣлъ, также и особливо на Смоленскую шляхту въ вѣрности къ герцогу онъ Черкасской надежды не имѣлъ же, и никто въ ономъ съ нимъ Черкасскимъ изъ Смоленской шляхты и изъ другихъ согласія не имѣли, и о семъ онъ Черкасской показывалъ самую сущую правду безъ всякія утайки.

На 6-й.

Сочинилъ онъ Черкасской два концепта: одинъ присягѣ, а другой инструкціи, и присяга въ такой силѣ на имя принца была, какъ обыкновенныя бываютъ присяги, а инструкція, что доносителю, будучи въ Голштиндіи,

имъ Черкасскимъ; въ то же время отдалъ ему доносителю инструкцію, написанную его Черкасскаго рукою, какъ ему доносителю поступать, будучи въ Голштиндіи, и велѣлъ означенную присягу и инструкцію списать его доносителевою рукою и подъ тою присягою подписать имена Смоленскихъ шляхтъ, и для того бъ выписалъ бы онъ доноситель изъ писемъ отца своего сколько возможно какихъ званій; и когда онъ изъ разныхъ партикулярныхъ писемъ нѣсколько именъ выписалъ, а инструкцію и присягу набѣло переписалъ и принесъ къ нему Черкасскому, то онъ Черкасской велѣлъ тѣ имена переписать, очинл разныя перья, дабы не можно признать, что одною рукою писано, а переписавъ, приказалъ приклеить подъ присягою и говорилъ, чтобъ онъ доноситель еще сколько могъ именъ добавливалъ и тутъ же подписывалъ; и когда онъ доноситель переписалъ и свое имя подписалъ, а инструкція уже у него была, то онъ Черкасской прочетъ отдалъ ему доносителю бѣлыя, а чорныя взялъ къ себѣ.

7.

На другой день отдалъ ему доносителю Черкасской письмо свое къ герцогу, такожь и Потемкина фальшивое, которое доноситель писалъ, запечатавъ разными печатьми, и сказалъ ему доносителю, что онъ къ герцогу писалъ, дабы ему доносителю во всемъ вѣрили, что онъ доноситель представлять будетъ; притомъ же просилъ Черкасской его доносителя, чтобъ онъ доноситель все по содержанію инструкціи исправилъ, такожь и у принца ручку поцѣловалъ и донесъ исправлять, съ которой сообщивъ при повинной копію, за его рукою, а съ тѣхъ двухъ концептовъ отдалъ онъ на бѣло переписывать доносителю, а подъ присягою велѣлъ ему написать имена, какія онъ знаетъ, и какія можетъ выбрать изъ писемъ отца своего и, какъ оныя доноситель написалъ, то онъ Черкасской бѣлыя читалъ и отдалъ ему доносителю, а черныя взялъ къ себѣ и изодралъ, а та присяга была написана будто отъ генералъ-маіора Потемкина съ другими Смольяны; а въ сочиненіи тѣхъ двухъ концептовъ, перваго присягѣ, другого инструкціи, какъ онъ Черкасской ихъ сочинялъ, тогда при томъ былъ онъ Милашевичъ; а въ сочиненіи оныхъ ни съ кѣмъ совѣту не имѣлъ, а вымышлялъ самъ собою одинъ; а о содержаніи оныхъ другимъ никому онъ не сказывалъ; а означенные концепты изодралъ и никому ихъ не показывалъ. И объ оной присягѣ, чьи имена подъ тою подписаны, и что тѣ люди о той подпискѣ показали, объ ономъ учиненъ особый докладъ.

На 7-й, въ повинной.

Оное будто отъ генералъ-маіора Потемкина письмо къ герцогу онъ Черкасской отдалъ ему доносителю вмѣстѣ, которыя были отъ него Черкасскаго рекомендательныя, а въ его Черкасскаго къ герцогу писано, представляя его Черкасскаго вѣрныя услуги и ссылаясь во всемъ на доносителя, что онъ представлять будетъ, чтобъ изволилъ ему вѣрить. Ему жь доносителю говорилъ: когда онъ будетъ у принца, чтобъ отъ него Черкасскаго ручку поцѣловалъ.

имъ Черкасскимъ; въ то же время отдалъ ему доносителю инструкцію, написанную его Черкасскаго рукою, какъ ему доносителю поступать, будучи въ Голштиндіи, и велѣлъ означенную присягу и инструкцію списать его доносителевою рукою и подъ тою присягою подписать имена Смоленскихъ шляхтъ, и для того бъ выписалъ бы онъ доноситель изъ писемъ отца своего сколько возможно какихъ званій; и когда онъ изъ разныхъ партикулярныхъ писемъ нѣсколько именъ выписалъ, а инструкцію и присягу набѣло переписалъ и принесъ къ нему Черкасскому, то онъ Черкасской велѣлъ тѣ имена переписать, очиня разныя перья, дабы не можно признать, что одною рукою писано, а переписавъ, приказалъ приклеить подъ присягою и говорилъ, чтобъ онъ доноситель еще сколько могъ именъ добавливалъ и тутъ же подписывалъ; и когда онъ доноситель переписалъ и свое имя подписалъ, а инструкція уже у него была, то онъ Черкасской прочетъ отдалъ ему доносителю бѣлыя, а чорныя взялъ къ себѣ.

7.

На другой день отдалъ ему доносителю Черкасской письмо свое къ герцогу, такожь и Потемкина фальшивое, которое доноситель писалъ, запечатавъ разными печатьми, и сказалъ ему доносителю, что онъ къ герцогу писалъ, дабы ему доносителю во всемъ вѣрили, что онъ доноситель представлять будетъ; притомъ же просилъ Черкасской его доносителя, чтобъ онъ доноситель все по содержанію инструкціи исправилъ, такожь и у принца ручку поцѣловалъ и донесъ исправлять, съ которой сообщивъ при повинной копію, за его рукою, а съ тѣхъ двухъ концептовъ отдалъ онъ на бѣло переписывать доносителю, а подъ присягою велѣлъ ему написать имена, какія онъ знаетъ, и какія можетъ выбрать изъ писемъ отца своего и, какъ оныя доноситель написалъ, то онъ Черкасской бѣлыя читалъ и отдалъ ему доносителю, а черныя взялъ къ себѣ и изодралъ, а та присяга была написана будто отъ генералъ-маіора Потемкина съ другими Смольяны; а въ сочиненіи тѣхъ двухъ концептовъ, перваго присягѣ, другого инструкціи, какъ онъ Черкасской ихъ сочинялъ, тогда при томъ былъ онъ Милашевичъ; а въ сочиненіи оныхъ ни съ кѣмъ совѣту не имѣлъ, а вымышлялъ самъ собою одинъ; а о содержаніи оныхъ другимъ никому онъ не сказывалъ; а означенные концепты изодралъ и никому ихъ не показывалъ. И объ оной присягѣ, чьи имена подъ тою подписаны, и что тѣ люди о той подпискѣ показали, объ ономъ учиненъ особый докладъ.

На 7-й, въ повинной.

Оное будто отъ генералъ-маіора Потемкина письмо къ герцогу онъ Черкасской отдалъ ему доносителю вмѣстѣ, которыя были отъ него Черкасскаго рекомендательныя, а въ его Черкасскаго къ герцогу писано, представляя его Черкасскаго вѣрныя услуги и ссылаясь во всемъ на доносителя, что онъ представлять будетъ, чтобъ изволилъ ему вѣрить. Ему жь доносителю говорилъ: когда онъ будетъ у принца, чтобъ отъ него Черкасскаго ручку поцѣловалъ.

бы о его Черкасскаго къ нему вѣрности.

А въ повинной въ Смоленску доноситель написалъ:

Показанныхъ писемъ въ доношеніи его и въ очной ставкѣ, а именно и инструкціи, и цыфирнаго письма, и росписки Смоленскихъ шляхтъ, да двухъ писемъ генералъ-маіора Потемкина къ Лещинскому да къ нему доносителю отъ Черкасскаго не получалъ, а получилъ оныя отъ Потоцкаго; а оная инструкція сдѣлана была со словъ Черкасскаго и составлена имъ доносителемъ и послана была отъ него доносителя къ Потоцкому.

8-й.

Тогда жъ велѣлъ онъ Черкасской изъ Голштиндіи писать нужныя письма цыфирью и сказалъ ему доносителю токмо 12 словъ ключевыхъ: *А, Е, И, О, У, Т, Ш, Р, Ы, Н, Ц, Ъ,* которыми что̀ потребно писать можно, но постороннему разобрать весьма трудно.

9.

Черкасской взялъ у него доносителя пашпортъ за рукою генерала-фельдмаршала графа фонъ-Миниха и, наложа на подпись почтовую бумагу, противъ окошка списалъ, точно будто бы Минихъ самъ подписалъ, сказывая: „я де руку его не знаю“;

А какова инструкція оному доносителю отъ Черкасскаго дана, съ оной при семъ сообщается копія.

На 8-й.

Азбуки цыфирной доносителю не давывалъ.

А Милашевичъ утверждается на прежнемъ своемъ показаніи. А азбуки цыфирной письменной отъ Черкасскаго не получалъ и между ними цыфирью корреспонденціи не было.

А въ очной ставкѣ говорили: Черкасской: что тѣми словами конечно доносителю не приказывалъ къ себѣ писемъ писать А доноситель утверждается на прежнемъ своемъ показаніи, что тѣми словами подлинно Черкасской къ себѣ нужныя письма писать велѣлъ.

На 9-й въ роспросѣ.

Не списывалъ и показанныхъ на него словъ не говаривалъ.

А доноситель Милашевичъ въ подтвердительномъ роспросѣ утверждается, что конечно списывалъ.

А Черкасской сказалъ, что конечно не списывалъ.

бы о его Черкасскаго къ нему вѣрности.

А въ повинной въ Смоленску доноситель написалъ:

Показанныхъ писемъ въ доношеніи его и въ очной ставкѣ, а именно и инструкціи, и цыфирнаго письма, и росписки Смоленскихъ шляхтъ, да двухъ писемъ генералъ-маіора Потемкина къ Лещинскому да къ нему доносителю отъ Черкасскаго не получалъ, а получилъ оныя отъ Потоцкаго; а оная инструкція сдѣлана была со словъ Черкасскаго и составлена имъ доносителемъ и послана была отъ него доносителя къ Потоцкому.

8-й.

Тогда жъ велѣлъ онъ Черкасской изъ Голштиндіи писать нужныя письма цыфирью и сказалъ ему доносителю токмо 12 словъ ключевыхъ: *А, Е, И, О, У, Т, Ш, Р, Ы, Н, Ц, Ъ,* которыми что̀ потребно писать можно, но постороннему разобрать весьма трудно.

9.

Черкасской взялъ у него доносителя пашпортъ за рукою генерала-фельдмаршала графа фонъ-Миниха и, наложа на подпись почтовую бумагу, противъ окошка списалъ, точно будто бы Минихъ самъ подписалъ, сказывая: „я де руку его не знаю“;

А какова инструкція оному доносителю отъ Черкасскаго дана, съ оной при семъ сообщается копія.

На 8-й.

Азбуки цыфирной доносителю не давывалъ.

А Милашевичъ утверждается на прежнемъ своемъ показаніи. А азбуки цыфирной письменной отъ Черкасскаго не получалъ и между ними цыфирью корреспонденціи не было.

А въ очной ставкѣ говорили: Черкасской: что тѣми словами конечно доносителю не приказывалъ къ себѣ писемъ писать А доноситель утверждается на прежнемъ своемъ показаніи, что тѣми словами подлинно Черкасской къ себѣ нужныя письма писать велѣлъ.

На 9-й въ роспросѣ.

Не списывалъ и показанныхъ на него словъ не говаривалъ.

А доноситель Милашевичъ въ подтвердительномъ роспросѣ утверждается, что конечно списывалъ.

А Черкасской сказалъ, что конечно не списывалъ.

а для чего то дѣлалъ, того онъ доноситель не знаетъ.

10.

Только однажды Черкасской пьяный говорилъ, что онъ герцогу во всѣхъ приказѣхъ служить радъ, хотя бъ де и такимъ образомъ, ежели бъ онъ герцогъ согласится съ какимъ непріятелемъ Россійскаго государства, а особливо де съ Поляками, понеже де имѣетъ претензію о наслѣдствѣ въ Россіи, сынъ его принцъ, а онъ де герцогъ королемъ скоро будетъ въ Швеціи; тогда бъ де и насильно могли сдѣлать, ибо де „я войско не токмо за рубежъ, но и въ самую крѣпость Смоленскую впустить могу, понеже де меня, яко губернатора, во всемъ слушать долженствуютъ, я же здѣсь имѣю у себя много друзей, къ тому жь составилъ бы указы, понеже де имѣю многихъ знатныхъ персонъ письма, подъ которыя де руки могу легко подписаться". О вышеписанныхъ словахъ спрашивалъ онъ доноситель у Черкасскаго и у трезваго, то онъ сказалъ, будто то на примѣръ говорилъ, а то гдѣ де герцогу дѣлать, его де и безъ того отрѣшить не могутъ, а покуда де принцъ выростетъ, то тетка его цесаревна Елисаветъ Петровна будетъ.

А въ первыхъ его доносителевыхъ доношеніяхъ того не написано.

На 10-й.

По сему жь пункту онъ Черкасской всѣхъ тѣхъ словъ не говаривалъ, и самъ онъ ни отъ кого оныхъ словъ не слыхивалъ.

Въ очной ставкѣ говорили: Черкасской: Такихъ словъ, что на него въ семъ пунктѣ доноситель показываетъ, онъ Черкасской ему доносителю и никому никогда не говаривалъ.

Доноситель: Оныя всѣ слова ему Черкасской говорилъ въ то время, какъ жена его Черкасскаго первая была имянинница, а былъ тогда Черкасской очень пьянъ, и въ то время они сидѣли двое на стулѣ особливо отъ другихъ, и на де другой день, онъ доноситель ему Черкасскому упоминалъ о тѣхъ же словахъ, и онъ Черкасской отвѣтствовалъ, что де это говорилъ: гдѣ де герцогу въ эвто путаться; Черкасской сказалъ, что оныхъ словъ конечно не говаривалъ. Да и такихъ словъ, что принца отъ наслѣдства отрѣшить не могутъ, а покуда де принцъ выростетъ, то тетка его Цесаревна Елисаветъ Петровна будетъ, онъ Черкасской самъ не говаривалъ, и ни отъ кого не слыхивалъ и ни съ кѣмъ не совѣтовалъ.

А потомъ Милашевичъ въ подтвержденіе въ роспросѣ показалъ, что онъ утверждается на прежнемъ своемъ показаніи, что тѣ всѣ слова онъ отъ Черкасскаго подлинно слышалъ, первыя отъ шумнаго, вторыя отъ трезваго; а тѣ слова были у нихъ наединѣ; а въ первыхъ своихъ доношеніяхъ о томъ не писалъ забвеніемъ.

а для чего то дѣлалъ, того онъ доноситель не знаетъ.

10.

Только однажды Черкасской пьяный говорилъ, что онъ герцогу во всѣхъ приказѣхъ служить радъ, хотя бъ де и такимъ образомъ, ежели бъ онъ герцогъ согласится съ какимъ непріятелемъ Россійскаго государства, а особливо де съ Поляками, понеже де имѣетъ претензію о наслѣдствѣ въ Россіи, сынъ его принцъ, а онъ де герцогъ королемъ скоро будетъ въ Швеціи; тогда бъ де и насильно могли сдѣлать, ибо де „я войско не токмо за рубежъ, но и въ самую крѣпость Смоленскую впустить могу, понеже де меня, яко губернатора, во всемъ слушать долженствуютъ, я же здѣсь имѣю у себя много друзей, къ тому жь составилъ бы указы, понеже де имѣю многихъ знатныхъ персонъ письма, подъ которыя де руки могу легко подписаться". О вышеписанныхъ словахъ спрашивалъ онъ доноситель у Черкасскаго и у трезваго, то онъ сказалъ, будто то на примѣръ говорилъ, а то гдѣ де герцогу дѣлать, его де и безъ того отрѣшить не могутъ, а покуда де принцъ выростетъ, то тетка его цесаревна Елисаветъ Петровна будетъ.

А въ первыхъ его доносителевыхъ доношеніяхъ того не написано.

На 10-й.

По сему жь пункту онъ Черкасской всѣхъ тѣхъ словъ не говаривалъ, и самъ онъ ни отъ кого оныхъ словъ не слыхивалъ.

Въ очной ставкѣ говорили: Черкасской: Такихъ словъ, что на него въ семъ пунктѣ доноситель показываетъ, онъ Черкасской ему доносителю и никому никогда не говаривалъ.

Доноситель: Оныя всѣ слова ему Черкасской говорилъ въ то время, какъ жена его Черкасскаго первая была имянинница, а былъ тогда Черкасской очень пьянъ, и въ то время они сидѣли двое на стулѣ особливо отъ другихъ, и на де другой день, онъ доноситель ему Черкасскому упоминалъ о тѣхъ же словахъ, и онъ Черкасской отвѣтствовалъ, что де это говорилъ: гдѣ де герцогу въ эвто путаться; Черкасской сказалъ, что оныхъ словъ конечно не говаривалъ. Да и такихъ словъ, что принца отъ наслѣдства отрѣшить не могутъ, а покуда де принцъ выростетъ, то тетка его Цесаревна Елисаветъ Петровна будетъ, онъ Черкасской самъ не говаривалъ, и ни отъ кого не слыхивалъ и ни съ кѣмъ не совѣтовалъ.

А потомъ Милашевичъ въ подтвержденіе въ роспросѣ показалъ, что онъ утверждается на прежнемъ своемъ показаніи, что тѣ всѣ слова онъ отъ Черкасскаго подлинно слышалъ, первыя отъ шумнаго, вторыя отъ трезваго; а тѣ слова были у нихъ наединѣ; а въ первыхъ своихъ доношеніяхъ о томъ не писалъ забвеніемъ.

11.

И доноситель же Черкасскаго спросилъ: „А государыня императрица какъ будетъ?“ На то Черкасской говорилъ: „Она де недолговѣчна.“ И онъ доноситель говорилъ, что Ея Императорское Величество по высочайшему соизволенію завременно наслѣдника учинитъ; Черкасской говорилъ: „Полно де и того, что ей Долгорукіе подслужились, думая въ другорядь царствовать, да куда де ихъ пырнули, а нынче уже такъ никто не отважится сдѣлать“.

12.

Послѣ того спрашивалъ у него доносителя про князь Юрія Долгорукаго и говорилъ: „Вотъ де этотъ дѣтина пропалъ безъ выправки, кто де говоритъ о такихъ дѣлѣхъ при бездѣльникахъ доносителяхъ“. И на то онъ доноситель молвилъ: „Нельзя никакъ устеречься; можетъ быть, кто и у насъ подслушаетъ да донесетъ“; Черкасской молвилъ: „Нѣтъ де-скать, за меня есть кому говорить и въ кабинетѣ, знаешь де ты его, кто онъ таковъ; нынѣ жь де мало доносителемъ выторжки, и не за такое дѣло; а хотя де и донеслось бы, то герцогъ не выдастъ по причинѣ сего дѣла, развѣ де ты только сплутать хочешь, да можешь де

На 11-й въ повинной.

Говорилъ онъ недостойный о Ея Императорскаго Величества высочайшей персонѣ, что не долговѣчна, а къ какимъ рѣчамъ не знаетъ. А о Долгорукихъ говорилъ: „Хотѣли де они царствовать, да вотъ де ихъ за то куда въ ссылку послали, а нынѣ де уже никто такъ не отважится страдать, чтобъ на себя такую бѣду привесть“.

Да въ очной ставкѣ говорили:

Доноситель: Спросилъ онъ Черкасскаго: почему онъ знаетъ, что государыня императрица не долговѣчна, на которое Черкасской отвѣтствовалъ: „Много де ужь на моемъ вѣку перемѣнилось государей, они де и всѣ не долговѣчны“.

Черкасской: Такихъ словъ, что „много де уже на моемъ вѣку перемѣнилось государей, они де и всѣ не долговѣчны“, конечно не говаривалъ.

На 12-й въ роспросѣ.

Про князь Юрія Долгорукова говаривалъ, что онъ пропалъ самъ отъ себя, а чтобъ безъ выправки—не говаривалъ, и со онымъ Долгорукимъ о томъ дѣлѣ ни каковыхъ разговоровъ и согласія не имѣлъ. А о доносителяхъ и что герцогъ не выдастъ и о прочемъ, онъ Черкасской не говаривалъ, а что де Нѣмцы обладали, то онъ Черкасской говорилъ.

А доноситель въ подтвержденіе спрашиванъ и сказалъ, что онъ утверждается на прежнемъ своемъ показаніи, а дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ господиномъ княземъ Черкасскимъ Черкасской конечно ему доносителю угражиналъ къ такимъ словамъ,

11.

И доноситель же Черкасскаго спросилъ: „А государыня императрица какъ будетъ?“ На то Черкасской говорилъ: „Она де недолговѣчна.“ И онъ доноситель говорилъ, что Ея Императорское Величество по высочайшему соизволенію завременно наслѣдника учинитъ; Черкасской говорилъ: „Полно де и того, что ей Долгорукіе подслужились, думая въ другорядь царствовать, да куда де ихъ пырнули, а нынче уже такъ никто не отважится сдѣлать“.

На 11-й въ повинной.

Говорилъ онъ недостойный о Ея Императорскаго Величества высочайшей персонѣ, что не долговѣчна, а къ какимъ рѣчамъ не знаетъ. А о Долгорукихъ говорилъ: „Хотѣли де они царствовать, да вотъ де ихъ за то куда въ ссылку послали, а нынѣ де уже никто такъ не отважится страдать, чтобъ на себя такую бѣду привесть“.

Да въ очной ставкѣ говорили:

Доноситель: Спросилъ онъ Черкасскаго: почему онъ знаетъ, что государыня императрица не долговѣчна, на которое Черкасской отвѣтствовалъ: „Много де ужь на моемъ вѣку перемѣнилось государей, они де и всѣ не долговѣчны“.

Черкасской: Такихъ словъ, что „много де уже на моемъ вѣку перемѣнилось государей, они де и всѣ не долговѣчны“, конечно не говаривалъ.

12.

Послѣ того спрашивалъ у него доносителя про князь Юрія Долгорукаго и говорилъ: „Вотъ де этотъ дѣтина пропалъ безъ выправки, кто де говоритъ о такихъ дѣлѣхъ при бездѣльникахъ доносителяхъ“. И на то онъ доноситель молвилъ: „Нельзя никакъ устеречься; можетъ быть, кто и у насъ подслушаетъ да донесетъ“; Черкасской молвилъ: „Нѣтъ де-скать, за меня есть кому говорить и въ кабинетѣ, знаешь де ты его, кто онъ таковъ; нынѣ жь де мало доносителемъ выторжки, и не за такое дѣло; а хотя де и донеслось бы, то герцогъ не выдастъ по причинѣ сего дѣла, развѣ де ты только сплутать хочешь, да можешь де

На 12-й въ роспросѣ.

Про князь Юрія Долгорукова говаривалъ, что онъ пропалъ самъ отъ себя, а чтобъ безъ выправки—не говаривалъ, и со онымъ Долгорукимъ о томъ дѣлѣ ни каковыхъ разговоровъ и согласія не имѣлъ. А о доносителяхъ и что герцогъ не выдастъ и о прочемъ, онъ Черкасской не говаривалъ, а что де Нѣмцы обладали, то онъ Черкасской говорилъ.

А доноситель въ подтвержденіе спрашиванъ и сказалъ, что онъ утверждается на прежнемъ своемъ показаніи, а дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ господиномъ княземъ Черкасскимъ Черкасской конечно ему доносителю угражиналъ къ такимъ словамъ,

ты разсудить, что все обладали Курляндцы, отъ которыхъ уже намъ тошно стало".

13.

Ему жь доносителю онъ Черкасской говорилъ, чтобъ онъ написалъ абшитъ фальшивый, будто онъ доноситель уволенъ отъ двора Ея Высочества государыни царевны Екатерины Іоанновны гофъ-юнкеромъ, для того чтобъ его тѣмъ же чиномъ или еще и выше къ герцогову двору приняли, и велѣлъ ему доносителю подписать подъ руку Ея Высочества и печать за рубежемъ сдѣлать такую, какъ въ пашортахъ его доносителевыхъ были, за подписаніемъ Ея Высочества собственныя руки, чего онъ доноситель не учинилъ.

14.

Когда онъ пришелъ къ Черкасскому прощаться, то Черкасской ему говорилъ: „Помни Бога и страшный судъ, не пронеси де сего дѣла отнюдь никому". Потомъ отдалъ ему доносителю Черкасской къ гофъ-юнкеру Дивіэру письмо и сказалъ: онъ ему весь слѣдъ покажетъ въ Голштиндіи; а что въ томъ письмѣ было написано, того онъ доноситель не знаетъ.

15.

Ему жь доносителю приказывалъ Черкасской, что когда у Потоцкаго будетъ просить о рекомендаціи отъ цесаревны къ герцогу, то бъ онъ, усмотря его когда у нихъ о князь Юрьѣ Долгорукомъ разговоры были.

На 13-й въ роспросѣ.

О сочиненіи фальшиваго абшита, о увольненіи его доносителя изъ службы, и чтобъ за рубежемъ печать поддѣлать, такихъ словъ доносителю онъ Черкасской не говаривалъ.

А доноситель въ подтвержденіе спрашиванъ и сказалъ, что онъ утверждается на прежнемъ своемъ показаніи.

На 14-й въ роспросѣ.

Къ оному Дивіэру не писывалъ и показанныхъ на него отъ носителя словъ не говаривалъ.

А доноситель въ подтвержденіе сказалъ, что къ Дивіэру письмо отъ Черкасскаго подлинно было, и Черкасской сказывалъ, что въ ономъ писано о рекомендаціи, и оный де Дивіэръ ему доносителю весь слѣдъ покажетъ въ Голштиндіи, а въ инструкціи, данной доносителю отъ Черкасскаго, написано: „Пріѣхавъ въ Киль, сыскать извольте гофъ-юнкера Девіэрова и ему письмы, которы надлежатъ, извольте отдать, то онъ вамъ весь слѣдъ покажетъ".

На 15-й въ роспросѣ.

Черкасской сказалъ: сего всего Милашевичу не приказывалъ и не говаривалъ и не знаетъ.

А въ подтвердительномъ роспросѣ онъ же Черкасской сказалъ

ты разсудить, что все обладали Курляндцы, отъ которыхъ уже намъ тошно стало".

13.

Ему жъ доносителю онъ Черкасской говорилъ, чтобъ онъ написалъ абшитъ фальшивый, будто онъ доноситель уволенъ отъ двора Ея Высочества государыни царевны Екатерины Іоанновны гофъ-юнкеромъ, для того чтобъ его тѣмъ же чиномъ или еще и выше къ герцогову двору приняли, и велѣлъ ему доносителю подписать подъ руку Ея Высочества и печать за рубежемъ сдѣлать такую, какъ въ пашортахъ его доносителевыхъ были, за подписаніемъ Ея Высочества собственныя руки, чего онъ доноситель не учинилъ.

14.

Когда онъ пришелъ къ Черкасскому прощаться, то Черкасской ему говорилъ: „Помни Бога и страшный судъ, не пронеси де сего дѣла отнюдь никому". Потомъ отдалъ ему доносителю Черкасской къ гофъ-юнкеру Дивіэру письмо и сказалъ: онъ ему весь слѣдъ покажетъ въ Голштиндіи; а что въ томъ письмѣ было написано, того онъ доноситель не знаетъ.

15.

Ему жъ доносителю приказывалъ Черкасской, что когда у Потоцкаго будетъ просить о рекомендаціи отъ цесаревны къ герцогу, то бъ онъ, усмотря его когда у нихъ о князь Юрьѣ Долгорукомъ разговоры были.

На 13-й въ роспросѣ.

О сочиненіи фальшиваго абшита, о увольненіи его доносителя изъ службы, и чтобъ за рубежемъ печать поддѣлать, такихъ словъ доносителю онъ Черкасской не говаривалъ.

А доноситель въ подтвержденіе спрашиванъ и сказалъ, что онъ утверждается на прежнемъ своемъ показаніи.

На 14-й въ роспросѣ.

Къ оному Дивіэру не писывалъ и показанныхъ на него отъ носителя словъ не говаривалъ.

А доноситель въ подтвержденіе сказалъ, что къ Дивіэру письмо отъ Черкасскаго подлинно было, и Черкасской сказывалъ, что въ ономъ писано о рекомендаціи, и оный де Дивіэръ ему доносителю весь слѣдъ покажетъ въ Голштиндіи, а въ инструкціи, данной доносителю отъ Черкасскаго, написано: „Пріѣхавъ въ Киль, сыскать извольте гофъ-юнкера Девіэрова и ему письмы, которы надлежатъ, извольте отдать, то онъ вамъ весь слѣдъ покажетъ".

На 15-й въ роспросѣ.

Черкасской сказалъ: сего всего Милашевичу не приказывалъ и не говаривалъ и не знаетъ.

А въ подтвердительномъ роспросѣ онъ же Черкасской сказалъ:

склонность, и обо всемъ бы сообщилъ, только бъ о письмѣ Потемкина и о присягѣ не сказывалъ бы, что фальшивое, но за истинное, будто подлинно его.

А марта 9-го дня доноситель сказалъ:

Черкасской ему доносителю приказывалъ: „Когда де будешь у Потоцкаго, скажи де ему, что онъ Черкасской его доносителя послалъ къ герцогу въ Голштиндію, и о посланныхъ съ нимъ тудыписьмахъ, и что въ оныхъ писано.“ А другихъ бывшихъ между ими Черкасскимъ и доносителемъ разговорахъ Потоцкому Черкасской сказывать не приказывалъ, и онъ доноситель о томъ Потоцкому отъ себя не сказывалъ же.

Говорилъ де онъ Черкасской ему Милашевичу: Ежели де онъ хочетъ ѣхать въ Голштиндію, то бы де онъ испросилъ рекомендацію отъ цесаревны къ герцогу, а отъ Потоцкаго во Францію а прочихъ словъ конечно не говаривалъ.

16.

На 16-й въ роспросѣ.

И какъ онъ доноситель отправился за рубежъ, чтобъ къ герцогу ѣхать, только для Потоцкаго заѣхалъ въ Варшаву и, увидѣвшись съ Потоцкимъ, говорилъ, что не донесетъ ли онъ Ея Императорскому Величеству, и обо всемъ ему Потоцкому пространно разсказалъ, какъ было, только о Потемкинѣ письмѣ говорилъ и о присягѣ будто подлинныя,— на которое онъ Потоцкой ему доносителю сказалъ: „Что де мнѣ объ этомъ писать, дай де Богъ чтобъ де Смоленскъ польскій былъ.“ Потомъ онъ доноситель отъѣхалъ въ Литву жениться, а дѣло это бросилъ и хотѣлъ изодрать, чтобъ не пронеслось, но по смерти короля Августа, предъ Святою недѣлею, Потоцкій писалъ къ нему изъ Варшавы, ему сказывалъ, отписалъ бы пространно, или бы самъ пріѣхалъ; и онъ доноситель самъ за болѣз-

Сего марта въ 9-й день доноситель сказалъ:

При собраніи въ оной коммиссіи всѣхъ членовъ доноситель Ѳедоръ Милашевичъ въ пополненіе прежнимъ его повиннымъ увѣщеванъ, чтобъ показалъ сущую правду: 1) чего ради былъ въ Польшѣ, 2) о письмахъ польскихъ и о цыфирномъ письмѣ, о которыхъ онъ сказалъ, будто, будучи въ Польшѣ, получилъ,— отъ кого оные къ нему подлинно присланы, или кѣмъ сочинены, и знаетъ ли кто оныя сочинялъ, такожь и набѣло переписывалъ, и не самъ ли онъ сіе дѣлалъ; и что онъ имѣлъ сумнѣнія и опасенія въ томъ, что хотя въ первыхъ своихъ доношеніяхъ и доносилъ, въ чемъ и неправду, но за нынѣшнее его истинное показаніе отъ Ея Императорскаго Величества въ той его винѣ прощенъ будетъ, и

склонность, и обо всемъ бы сообщилъ, только бъ о письмѣ Потемкина и о присягѣ не сказывалъ бы, что фальшивое, но за истинное, будто подлинно его.

А марта 9-го дня доноситель сказалъ:

Черкасской ему доносителю приказывалъ: „Когда де будешь у Потоцкаго, скажи де ему, что онъ Черкасской его доносителя послалъ къ герцогу въ Голштиндію, и о посланныхъ съ нимъ тудыписьмахъ, и что въ оныхъ писано.“ А другихъ бывшихъ между ими Черкасскимъ и доносителемъ разговорахъ Потоцкому Черкасской сказывать не приказывалъ, и онъ доноситель о томъ Потоцкому отъ себя не сказывалъ же.

Говорилъ де онъ Черкасской ему Милашевичу: Ежели де онъ хочетъ ѣхать въ Голштиндію, то бы де онъ испросилъ рекомендацію отъ цесаревны къ герцогу, а отъ Потоцкаго-во Францію а прочихъ словъ конечно не говаривалъ.

16.

На 16-й въ роспросѣ.

И какъ онъ доноситель отправился за рубежъ, чтобъ къ герцогу ѣхать, только для Потоцкаго заѣхалъ въ Варшаву и, увидѣвшись съ Потоцкимъ, говорилъ, что не донесетъ ли онъ Ея Императорскому Величеству, и обо всемъ ему Потоцкому пространно разсказалъ, какъ было, только о Потемкинѣ письмѣ говорилъ и о присягѣ будто подлинныя,— на которое онъ Потоцкой ему доносителю сказалъ: „Что де мнѣ объ этомъ писать, дай де Богъ чтобъ де Смоленскъ польскій былъ.“ Потомъ онъ доноситель отъѣхалъ въ Литву жениться, а дѣло это бросилъ и хотѣлъ изодрать, чтобъ не пронеслось, но по смерти короля Августа, предъ Святою недѣлею, Потоцкій писалъ къ нему изъ Варшавы, ему сказывалъ, отписалъ бы пространно, или бы самъ пріѣхалъ; и онъ доноситель самъ за болѣз-

Сего марта въ 9-й день доноситель сказалъ:

При собраніи въ оной коммиссіи всѣхъ членовъ доноситель Ѳедоръ Милашевичъ въ пополненіе прежнимъ его повиннымъ увѣщеванъ, чтобъ показалъ сущую правду: 1) чего ради былъ въ Польшѣ, 2) о письмахъ польскихъ и о цыфирномъ письмѣ, о которыхъ онъ сказалъ, будто, будучи въ Польшѣ, получилъ,— отъ кого оные къ нему подлинно присланы, или кѣмъ сочинены, и знаетъ ли кто оныя сочинялъ, такожь и набѣло переписывалъ, и не самъ ли онъ сіе дѣлалъ; и что онъ имѣлъ сумнѣнія и опасенія въ томъ, что хотя въ первыхъ своихъ доношеніяхъ и доносилъ, въ чемъ и неправду, но за нынѣшнее его истинное показаніе отъ Ея Императорскаго Величества въ той его винѣ прощенъ будетъ, и

нію ѣхать не могъ, а чаялъ, что Потоцкій намѣрился Ея Императорскому Величеству донести при тогдашнихъ нужныхъ конъюктурахъ, понеже онъ былъ въ кредитѣ у Россійскаго двора, и для того, выписавъ онъ доноситель изо всего, къ нему Потоцкому послалъ съ человѣкомъ своимъ, на которое отвѣту не получилъ, только писалъ, что примасовъ секретарь Магельницкій въ Вильну будетъ и обо всемъ ему доносителю разскажетъ; и ѣздилъ къ нему Магельницкому въ Вильну спрашивать, который ему о томъ ничего не говорилъ, а сказалъ, что станетъ де чрезъ почту писать, ежели де къ нему Магельницкому Потоцкій отпишетъ, то онъ къ нему доносителю пришлетъ. Потомъ, пріѣхавъ онъ доноситель въ домъ тестя своего, послалъ человѣка своего, въ Минскъ дожидаться, не будутъ ли какія письма, который и привезъ большой кувертъ съ почты, а въ немъ вложены были письмо Черкасскаго, писанное цыфрами его Черкасскаго рукою (которую цыфирь далъ онъ ему доносителю для корреспонденціи о нужныхъ дѣлахъ); въ томъ же кувертѣ было еще два письма на польскомъ языкѣ, одно будто отъ Потемкина къ Станиславу Лещинскому, другое къ нему доносителю, да цыфирное письмо (о которомъ онъ доноситель объявилъ, будто писано отъ Черкасскаго къ герцогу); о тѣхъ письмахъ къ нему доносителю Потоцкій писалъ, что де онъ тѣ три письма купно съ тѣми, которыя у него доносителя были, объявлены на сеймикахъ въ Вильнѣ, въ Минскѣ и въ Ошмянѣ, сказывая, что оныя писаны оный доноситель Ея Императорскому Величеству принесъ всенижайшую повинную, въ слѣдующемъ:

Какъ де онъ въ Вильнѣ видѣлся съ секретаремъ Магельницкимъ, который приказомъ Потоцкаго ему доносителю говорилъ, чтобъ онъ сочинилъ концептъ цыфирному письму, яко бы отъ всѣхъ Смольянъ сочиненные пункты въ вѣрности къ Станиславу Лещинскому, да къ нему будто отъ генерала Потемкина; и оные всѣ концепты онъ доноситель съ Магельницкимъ сочиняли обще по приказу черезъ Магельницкаго отъ Потоцкаго, и по сочиненіи тѣхъ концептовъ онъ Магельницкій заставилъ набѣло переписать польскаго шляхтича ротмистра Станишевскаго (объ ономъ польскомъ шляхтичѣ и въ Смоленскѣ въ повинной своей онъ доноситель показалъ, а обстоятельно о томъ за скорою его въ С.-Петербургъ посылкою не спрашивалъ, и о томъ Ея Императорскому Величеству отъ господина генерала Ушакова донесено было письменно), который и переписалъ, а черные у Станишевскаго остались; и оныя письма ему доносителю при распросѣ показаны, о которыхъ сказалъ, что оригинальныя; а отъ Черкасскаго онъ никакихъ цыфирныхъ писемъ не получалъ; а получа вышеписанныя письма, велѣлъ Магельницкому оныя объявить на сеймикахъ въ Минскѣ, въ Вильнѣ и въ Ошмянѣ, токмо онъ на тѣхъ сеймикахъ нигдѣ не показывалъ и словесно о тѣхъ письмахъ никому не сказывалъ; а въ первыхъ своихъ доношеніяхъ онъ доноситель, писалъ объ оныхъ письмахъ разнь для того, что

нію ѣхать не могъ, а чаялъ, что Потоцкій намѣрился Ея Императорскому Величеству донести при тогдашнихъ нужныхъ конъюктурахъ, понеже онъ былъ въ кредитѣ у Россійскаго двора, и для того, выписавъ онъ доноситель изо всего, къ нему Потоцкому послалъ съ человѣкомъ своимъ, на которое отвѣту не получилъ, только писалъ, что примасовъ секретарь Магельницкій въ Вильну будетъ и обо всемъ ему доносителю разскажетъ; и ѣздилъ къ нему Магельницкому въ Вильну спрашивать, который ему о томъ ничего не говорилъ, а сказалъ, что станетъ де чрезъ почту писать, ежели де къ нему Магельницкому Потоцкій отпишетъ, то онъ къ нему доносителю пришлетъ. Потомъ, пріѣхавъ онъ доноситель въ домъ тестя своего, послалъ человѣка своего, въ Минскъ дожидаться, не будутъ ли какія письма, который и привезъ большой кувертъ съ почты, а въ немъ вложены были письмо Черкасскаго, писанное цыфрами его Черкасскаго рукою (которую цыфирь далъ онъ ему доносителю для корреспонденціи о нужныхъ дѣлахъ); въ томъ же кувертѣ было еще два письма на польскомъ языкѣ, одно будто отъ Потемкина къ Станиславу Лещинскому, другое къ нему доносителю, да цыфирное письмо (о которомъ онъ доноситель объявилъ, будто писано отъ Черкасскаго къ герцогу); о тѣхъ письмахъ къ нему доносителю Потоцкій писалъ, что де онъ тѣ три письма купно съ тѣми, которыя у него доносителя были, объявлены на сеймикахъ въ Вильнѣ, въ Минскѣ и въ Ошмянѣ, сказывая, что оныя писаны оный доноситель Ея Императорскому Величеству принесъ всенижайшую повинную, въ слѣдующемъ:

Какъ де онъ въ Вильнѣ видѣлся съ секретаремъ Магельницкимъ, который приказомъ Потоцкаго ему доносителю говорилъ, чтобъ онъ сочинилъ концептъ цыфирному письму, яко бы отъ всѣхъ Смольянъ сочиненные пункты въ вѣрности къ Станиславу Лещинскому, да къ нему будто отъ генерала Потемкина; и оные всѣ концепты онъ доноситель съ Магельницкимъ сочиняли обще по приказу черезъ Магельницкаго отъ Потоцкаго, и по сочиненіи тѣхъ концептовъ онъ Магельницкій заставилъ набѣло переписать польскаго шляхтича ротмистра Станишевскаго (объ ономъ польскомъ шляхтичѣ и въ Смоленскѣ въ повинной своей онъ доноситель показалъ, а обстоятельно о томъ за скорою его въ С.-Петербургъ посылкою не спрашивалъ, и о томъ Ея Императорскому Величеству отъ господина генерала Ушакова донесено было письменно), который и переписалъ, а черные у Станишевскаго остались; и оныя письма ему доносителю при распросѣ показаны, о которыхъ сказалъ, что оригинальныя; а отъ Черкасскаго онъ никакихъ цыфирныхъ писемъ не получалъ; а получа вышеписанныя письма, велѣлъ Магельницкому оныя объявить на сеймикахъ въ Минскѣ, въ Вильнѣ и въ Ошмянѣ, токмо онъ на тѣхъ сеймикахъ нигдѣ не показывалъ и словесно о тѣхъ письмахъ никому не сказывалъ; а въ первыхъ своихъ доношеніяхъ онъ доноситель, писалъ объ оныхъ письмахъ разнь для того, что

подлинно отъ Смольянъ, притомъ же бы разгласилъ, что Смольяне герцогу Голштинскому въ вѣрности присягали, и герцогъ Голштинской уже съ Станиславомъ согласился, что ежели Станиславъ поможетъ принцу Голштинскому въ наслѣдствѣ Россіи, то за оное Смоленскъ Польшѣ уступиться; а про цыфирное письмо велѣлъ сказывать, что будто сочиненные отъ Смольянъ пункты, подъ которыми Станиславъ подпишется, какъ ихъ въ своей протекціи содержать, и чтобъ ихъ никогда Россіи не возвращать; ежели жъ де станутъ спрашивать Поляки, для чего писано цыфирью то надобно сказать, что это великой важности дѣло, чего ради Смольяне ни на какомъ языкѣ писать не смѣютъ, дабы не пронеслось, но послали напередъ такую азбуку къ Станиславу впредь для кореспонденціи, а по объявленіи тѣ письма чтобъ къ нему Потоцкому самъ привезъ или бы отдалъ Магельницкому. Тѣ письма фальшивыя ль, или подлинно отъ генералъ-маіора Потемкина писаны, истинно доноситель не знаетъ, токмо письмо цыфирное Черкасскаго писанное подлинно его рукою, и въ томъ твердо онъ доноситель стоитъ до окончанія жизни своей; и тѣ письма на сеймикахъ никому не сообщалъ, и не объявлялъ, но послѣ того вскорѣ поѣхалъ, не видавшись съ Потоцкимъ въ Кенигсбергъ, а вышеозначенное письмо Черкасскаго, писанное къ нему доносителю, изодралъ, только у себя оставилъ списавъ копію, дабы въ другія руки не попалось; изъ Кенигсберга отъѣхалъ въ Киль и, пріѣхавъ туды, видѣлся съ гофъ-юнкеромъ Деимѣлъ опасеніе и страхъ взысканія какого по тѣмъ письмамъ отъ него не было бъ и какъ онъ услышалъ, о вступленіи россійскаго войска въ Польшу, имѣлъ опасеніе, чтобъ его не поймали и, усмотря Потоцкаго противнымъ къ сторонѣ россійской, и для того тайнымъ образомъ уѣхалъ въ Голштиндію, для тамошняго его житья, покамѣсть войско россійское изъ Польши выступитъ. онъ же чаялъ, что герцогъ Голштинскій къ россійской сторонѣ доброжелателенъ; а какъ онъ доноситель за рубежъ проѣхалъ, то пробирался прямо въ Польшу къ Потоцкому, понеже онъ тогда къ россійской сторонѣ противнымъ не являлся; а въ Голштиндію онъ ѣхать не хотѣлъ, а когда Потоцкой его доносителя къ свадьбѣ снабдѣвалъ червонными и невѣсту за него высваталъ и женѣ его деревню далъ, въ то время еще король Августъ былъ живъ, и отъ Потоцкаго онъ доноситель тогда о противностяхъ къ россійской сторонѣ ничего не слыхалъ, а въ Польшѣ всей его бытности съ семь мѣсяцевъ было, и согласіе у него доносителя съ Потоцкимъ въ противныхъ поступкахъ къ сторонѣ россійской не было; а о происходящемъ семъ дѣлѣ обрѣтающимся въ тамошнихъ краяхъ россійскимъ министромъ вскорѣ не донесъ, для того чаялъ герцога Голштинскаго; а въ бытность его доносителеву въ Килѣ, увѣдавъ о посылкѣ отъ онаго герцога къ Станиславу Лещинскому, а зачѣмъ—подлинно не знаетъ, тогда онъ искалъ случай, гдѣ бъ донести россійскому министру, котораго въ Гамбургѣ нашедъ, и

подлинно отъ Смольянъ, притомъ же бы разгласилъ, что Смольяне герцогу Голштинскому въ вѣрности присягали, и герцогъ Голштинской уже съ Станиславомъ согласился, что ежели Станиславъ поможетъ принцу Голштинскому въ наслѣдствѣ Россіи, то за оное Смоленскъ Польшѣ уступиться; а про цыфирное письмо велѣлъ сказывать, что будто сочиненные отъ Смольянъ пункты, подъ которыми Станиславъ подпишется, какъ ихъ въ своей протекціи содержать, и чтобъ ихъ никогда Россіи не возвращать; ежели жъ де станутъ спрашивать Поляки, для чего писано цыфирью то надобно сказать, что это великой важности дѣло, чего ради Смольяне ни на какомъ языкѣ писать не смѣютъ, дабы не пронеслось, но послали напередъ такую азбуку къ Станиславу впредь для кореспонденціи, а по объявленіи тѣ письма чтобъ къ нему Потоцкому самъ привезъ или бы отдалъ Магельницкому. Тѣ письма фальшивыя ль, или подлинно отъ генералъ-маіора Потемкина писаны, истинно доноситель не знаетъ, токмо письмо цыфирное Черкасскаго писанное подлинно его рукою, и въ томъ твердо онъ доноситель стоитъ до окончанія жизни своей; и тѣ письма на сеймикахъ никому не сообщалъ, и не объявлялъ, но послѣ того вскорѣ поѣхалъ, не видавшись съ Потоцкимъ въ Кенигсбергъ, а вышеозначенное письмо Черкасскаго, писанное къ нему доносителю, изодралъ, только у себя оставилъ списавъ копію, дабы въ другія руки не попалось; изъ Кенигсберга отъѣхалъ въ Киль и, пріѣхавъ туды, видѣлся съ гофъ-юнкеромъ Деимѣлъ опасеніе и страхъ взысканія какого по тѣмъ письмамъ отъ него не было бъ и какъ онъ услышалъ, о вступленіи россійскаго войска въ Польшу, имѣлъ опасеніе, чтобъ его не поймали и, усмотря Потоцкаго противнымъ къ сторонѣ россійской, и для того тайнымъ образомъ уѣхалъ въ Голштиндію, для тамошняго его житья, покамѣсть войско россійское изъ Польши выступитъ. онъ же чаялъ, что герцогъ Голштинскій къ россійской сторонѣ доброжелателенъ; а какъ онъ доноситель за рубежъ проѣхалъ, то пробирался прямо въ Польшу къ Потоцкому, понеже онъ тогда къ россійской сторонѣ противнымъ не являлся; а въ Голштиндію онъ ѣхать не хотѣлъ, а когда Потоцкой его доносителя къ свадьбѣ снабдѣвалъ червонными и невѣсту за него высваталъ и женѣ его деревню далъ, въ то время еще король Августъ былъ живъ, и отъ Потоцкаго онъ доноситель тогда о противностяхъ къ россійской сторонѣ ничего не слыхалъ, а въ Польшѣ всей его бытности съ семь мѣсяцевъ было, и согласіе у него доносителя съ Потоцкимъ въ противныхъ поступкахъ къ сторонѣ россійской не было; а о происходящемъ семъ дѣлѣ обрѣтающимся въ тамошнихъ краяхъ россійскимъ министромъ вскорѣ не донесъ, для того чаялъ герцога Голштинскаго; а въ бытность его доносителеву въ Килѣ, увѣдавъ о посылкѣ отъ онаго герцога къ Станиславу Лещинскому, а зачѣмъ—подлинно не знаетъ, тогда онъ искалъ случай, гдѣ бъ донести россійскому министру, котораго въ Гамбургѣ нашедъ, и

віэромъ, которому отдалъ онъ письмо, Черкасскаго писанное къ нему, и онъ представилъ его принцу, и тогда, у него руку поцѣловавъ, доносилъ о вѣрности Черкасскаго; на то отвѣтствовалъ ему за него Эхлеръ, благодарствуя за вѣрность Черкасскаго, а его доносителевы труды, и за то Черкасскому и ему доносителю всякую милость оказывать обѣщалъ, и приказано дожидаться герцога; на другой день Девіэръ и едставилъ его Старку, который ему доносителю говорилъ, чтобъ онъ имѣющія къ герцогу письма ему отдалъ, а самъ бы жилъ до прибытія герцогова, и тогда онъ доноситель ему Штарку письмо, посланное съ нимъ отъ Черкасскаго, да фальшивое, которое онъ писалъ въ Смоленску отъ генералъ-маіора Потемкина, отдалъ.

А потомъ былъ боленъ отъ горькой печали, что онъ сталъ размышлять, яко предъ Богомъ, такъ и предъ Ея Императорскимъ Величествомъ погрѣшилъ безъ всякаго умыслу, но отъ глупаго своего разума, что онъ доноситель Черкасскому былъ послушенъ; а по свободѣ отъ болѣзни провѣдывалъ о россійскихъ министрахъ, и какъ увѣдалъ, что россійскій министръ въ Гамбургѣ обрѣтается, то всеконечное свое намѣреніе имѣлъ донести Ея Императорскому Величеству, только о Потоцкомъ опасался объявить, дабы не сдѣлалъ какой обиды тестю его, и для того полученныя отъ онаго Потоцкаго письма къ нему доносителю, тако жь и фалшивую присягу, которая при росписи Смоленскихъ шляхтъ приклеена была, и подписано имя его доносителево внизу, отрѣзавъ изодралъ, а цыфирное письмо донесъ; а желаніе его къ польской сторонѣ не было, а ежели бъ было, то бъ онъ изъ Польши не поѣхалъ, и о томъ бы не доносилъ.

Доноситель же въ роспросѣ сказалъ:

Подъ цыфирнымъ письмомъ под-

віэромъ, которому отдалъ онъ письмо, Черкасскаго писанное къ нему, и онъ представилъ его принцу, и тогда, у него руку поцѣловавъ, доносилъ о вѣрности Черкасскаго; на то отвѣтствовалъ ему за него Эхлеръ, благодарствуя за вѣрность Черкасскаго, а его доносителевы труды, и за то Черкасскому и ему доносителю всякую милость оказывать обѣщалъ, и приказано дожидаться герцога; на другой день Девіэръ и едставилъ его Старку, который ему доносителю говорилъ, чтобъ онъ имѣющія къ герцогу письма ему отдалъ, а самъ бы жилъ до прибытія герцогова, и тогда онъ доноситель ему Штарку письмо, посланное съ нимъ отъ Черкасскаго, да фальшивое, которое онъ писалъ въ Смоленску отъ генералъ-маіора Потемкина, отдалъ.

А потомъ былъ боленъ отъ горькой печали, что онъ сталъ размышлять, яко предъ Богомъ, такъ и предъ Ея Императорскимъ Величествомъ погрѣшилъ безъ всякаго умыслу, но отъ глупаго своего разума, что онъ доноситель Черкасскому былъ послушенъ; а по свободѣ отъ болѣзни провѣдывалъ о россійскихъ министрахъ, и какъ увѣдалъ, что россійскій министръ въ Гамбургѣ обрѣтается, то всеконечное свое намѣреніе имѣлъ донести Ея Императорскому Величеству, только о Потоцкомъ опасался объявить, дабы не сдѣлалъ какой обиды тестю его, и для того полученныя отъ онаго Потоцкаго письма къ нему доносителю, тако жь и фалшивую присягу, которая при росписи Смоленскихъ шляхтъ приклеена была, и подписано имя его доносителево внизу, отрѣзавъ изодралъ, а цыфирное письмо донесъ; а желаніе его къ польской сторонѣ не было, а ежели бъ было, то бъ онъ изъ Польши не поѣхалъ, и о томъ бы не доносилъ.

Доноситель же въ роспросѣ сказалъ:

Подъ цыфирнымъ письмомъ под-

подписалъ онъ доноситель своею рукою имя Черкасскаго, ибо имѣлъ должность объявить, что оное отъ Потоцкаго, и что съ тѣми и съ другими приказано дѣлать было; и тако исправя, поѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ пріѣхавъ, подалъ доношеніе чрезвычайному посланнику и камергеру господину Бестужеву-Рюмину.

17-й въ *первомъ* доношеніи:

Черкасской ему доносителю говорилъ: „Когда бъ де сіе да сдѣлалось, что принцъ наслѣдникомъ засталъ, счастлива бъ де тѣмъ была Россія“; и что не сумнѣваясь, уповаетъ, для того хотя бъ Россія имѣть онаго своевольно не похотѣла, то отецъ его принцевъ герцогъ Голштинскій—наслѣдникъ въ Швеціи, и чаетъ, что онъ скоро королемъ тамо будетъ, тогда де и насильно быть можетъ къ тому жь, ежели въ Польшѣ коль съ нимъ будетъ въ согласіи, то уже всеконечно его никакъ миновать не можно.

А въ *другихъ* доношеніяхъ онъ доноситель такъ точно не показалъ.

18-й въ *первомъ* доношеніи:

Говорилъ ему доносителю Черкасской, объявляя про себя, что онъ якобы въ Смоленскъ губернаторомъ опредѣленъ, по такой причинѣ, что Ея Императорское Величество къ нему высочайшую свою милость съ отмѣною отъ другихъ оказывать изволила, которое господину оберъ-камергеру графу фонъ-Бирону не очень пріятно было, того ради будто онъ Черкасской отъ двора и отлученъ, а особливо за тѣмъ, дабы кто гораздо больше другихъ смыслитъ, при дворѣ бъ не были, писался, будучи въ Китѣ, для доказательства на Черкасскаго, также что и при доношеніи безъ подписки подать было не возможно.

На 17-й Черкасской въ роспросѣ сказалъ:

Всѣ показанныя слова онъ Черкасской доносителю говорилъ въ подтвержденіе его, а съ прочими ни съ кѣмъ оныхъ словъ не разговаривалъ и ни отъ кого того не слыхивалъ.

На 18-й Черкасской въ роспросѣ сказалъ:

Кто отъ двора отлучены таковые, кои гораздо больше другихъ смыслятъ,—такія слова онъ Черкасской говорилъ, въ подтвержденіе доносителево, а о другихъ, кто именно отлучены, подлинно не знаетъ, токмо онъ говорилъ генерально о всѣхъ тѣхъ, кои отъ двора отлучены, тѣ, которые въ ссылки посланы, а именами ихъ не помнитъ.

подписалъ онъ доноситель своею рукою имя Черкасскаго, ибо имѣлъ должность объявить, что оное отъ Потоцкаго, и что съ тѣми и съ другими приказано дѣлать было; и тако исправя, поѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ пріѣхавъ, подалъ доношеніе чрезвычайному посланнику и камергеру господину Бестужеву-Рюмину.

17-й въ *первомъ* доношеніи:

Черкасской ему доносителю говорилъ: „Когда бъ де сіе да сдѣлалось, что принцъ наслѣдникомъ засталъ, счастлива бъ де тѣмъ была Россія"; и что не сумнѣваясь, уповаетъ, для того хотя бъ Россія имѣть онаго своевольно не похотѣла, то отецъ его принцевъ герцогъ Голштинскій— наслѣдникъ въ Швеціи, и чаетъ, что онъ скоро королемъ тамо будетъ, тогда де и насильно быть можетъ къ тому жь, ежели въ Польшѣ коль съ нимъ будетъ въ согласіи, то уже всеконечно его никакъ миновать не можно.

А въ *другихъ* доношеніяхъ онъ доноситель такъ точно не показалъ.

18-й въ *первомъ* доношеніи:

Говорилъ ему доносителю Черкасской, объявляя про себя, что онъ якобы въ Смоленскъ губернаторомъ опредѣленъ, по такой причинѣ, что Ея Императорское Величество къ нему высочайшую свою милость съ отмѣною отъ другихъ оказывать изволила, которое господину оберъ-камергеру графу фонъ-Бирону не очень пріятно было, того ради будто онъ Черкасской отъ двора и отлученъ, а особливо за тѣмъ, дабы кто гораздо больше другихъ смыслитъ, при дворѣ бъ не были, писался, будучи въ Китѣ, для доказательства на Черкасскаго, также что и при доношеніи безъ подписки подать было не возможно.

На 17-й Черкасской въ роспросѣ сказалъ:

Всѣ показанныя слова онъ Черкасской доносителю говорилъ въ подтвержденіе его, а съ прочими ни съ кѣмъ оныхъ словъ не разговаривалъ и ни отъ кого того не слыхивалъ.

На 18-й Черкасской въ роспросѣ сказалъ:

Кто отъ двора отлучены таковые, кои гораздо больше другихъ смыслятъ,—такія слова онъ Черкасской говорилъ, въ подтвержденіе доносителево, а о другихъ, кто именно отлучены, подлинно не знаетъ, токмо онъ говорилъ генерально о всѣхъ тѣхъ, кои отъ двора отлучены, тѣ, которые въ ссылки посланы, а именами ихъ не помнитъ.

а простыхъ, кто ничего не знаютъ, держатъ.

19-й въ *первомъ* же:

Черкасской божась говорилъ, что онъ причину имѣетъ за герцогову къ нему милость его доносителя увѣщевать, а не проводить и ниже зла какого сдѣлать, и ежели бъ ему Черкасскому можно было, то не токмо бы его доносителя одного, но и все Россійское государство къ тому своему согласію склонять готовъ.

20-й.

во *второмъ* въ Смоленску:

Получилъ онъ въ Польшѣ отъ Потоцкаго письмо, которое писано будто отъ всея Малой Россіи къ Станиславу Лещинскому и очень ругательно было, которое онъ доноситель опасался подать и сожегъ, а помнится ему, что въ такой силѣ написано было, будто бы они Малороссіяне пишутъ также къ Станиславу: когда де отвѣтъ получимъ милостивый отъ Станислава, то можемъ де всю армію осилить, понеже де они разставлены въ Украйнѣ по дворамъ, и согласясь де всѣхъ передавимъ; а другихъ словъ упомнить не можетъ.

А въ инструкціи между прочимъ написано:

О письмахъ, ежели герцогъ будетъ согласенъ, то бъ доноситель выпросилъ, чтобъ изволилъ отписать къ Смольяномъ милостивую грамоту которая ихъ въ лучшую вѣрность приведетъ, и не токмо что они будутъ вѣрнѣе одни Смольяне, и Украйну можетъ привесть въ вѣрность; и онъ Черкасской по его герцогову письму писалъ, только еще отвѣту не получалъ.

На 19-й Черкасской въ роспросѣ сказалъ:

Такихъ де словъ не говаривалъ.

На 20-й.

Черкасской въ повинной и въ подтвердительномъ роспросѣ сказалъ:

По сему дѣлу на Украйну онъ Черкасской ни къ кому не писывалъ и къ себѣ ни отъ кого о томъ не получалъ и никому о томъ же писать не приказывалъ, и отъ герцога къ нему Черкасскому на рекомендательное съ доносителемъ письмо не отвѣтствовано; а въ инструкціи написалъ, якобы по письму герцогову на Украйну писалъ, для подтвержденія доносителю; а отъ герцога онъ Черкасской письмо послѣднее получилъ тому года съ четыре, а въ немъ писано о кончинѣ цесаревны Анны Петровны; а потомъ уже писемъ отъ герцога, а особливо по сему дѣлу не получалъ.

Доноситель въ роспросѣ сказалъ:

Какъ онъ доноситель въ Вильнѣ увидѣлся съ секретаремъ Магельницкимъ, какъ о томъ выше сего показано, и въ то же время онъ Магельницкій о Малой Россіи пасквиль ему доносителю показалъ, который онъ доноситель списалъ, а въ немъ было показано тою силою, какъ въ семъ

а простыхъ, кто ничего не знаютъ, держатъ.

19-й въ *первомъ* же:

Черкасской божась говорилъ, что онъ причину имѣетъ за герцогову къ нему милость его доносителя увѣщевать, а не проводить и ниже зла какого сдѣлать, и ежели бъ ему Черкасскому можно было, то не токмо бы его доносителя одного, но и все Россійское государство къ тому своему согласію склонять готовъ.

20-й.

во *второмъ* въ Смоленску:

Получилъ онъ въ Польшѣ отъ Потоцкаго письмо, которое писано будто отъ всея Малой Россіи къ Станиславу Лещинскому и очень ругательно было, которое онъ доноситель опасался подать и сожегъ, а помнится ему, что въ такой силѣ написано было, будто бы они Малороссіяне пишутъ также къ Станиславу: когда де отвѣтъ получимъ милостивый отъ Станислава, то можемъ де всю армію осилить, понеже де они разставлены въ Украйнѣ по дворамъ, и согласясь де всѣхъ передавимъ; а другихъ словъ упомнить не можетъ.

А въ инструкціи между прочимъ написано:

О письмахъ, ежели герцогъ будетъ согласенъ, то бъ доноситель выпросилъ, чтобъ изволилъ отписать къ Смольяномъ милостивую грамоту которая ихъ въ лучшую вѣрность приведетъ, и не токмо что они будутъ вѣрнѣе одни Смольяне, и Украйну можетъ привесть въ вѣрность; и онъ Черкасской по его герцогову письму писалъ, только еще отвѣту не получалъ.

На 19-й Черкасской въ роспросѣ сказалъ:

Такихъ де словъ не говаривалъ.

На 20-й.

Черкасской въ повинной и въ подтвердительномъ роспросѣ сказалъ:

По сему дѣлу на Украйну онъ Черкасской ни къ кому не писывалъ и къ себѣ ни отъ кого о томъ не получалъ и никому о томъ же писать не приказывалъ, и отъ герцога къ нему Черкасскому на рекомендательное съ доносителемъ письмо не отвѣтствовано; а въ инструкціи написалъ, якобы по письму герцогову на Украйну писалъ, для подтвержденія доносителю; а отъ герцога онъ Черкасской письмо послѣднее получилъ тому года съ четыре, а въ немъ писано о кончинѣ цесаревны Анны Петровны; а потомъ уже писемъ отъ герцога, а особливо по сему дѣлу не получалъ.

Доноситель въ роспросѣ сказалъ:

Какъ онъ доноситель въ Вильнѣ увидѣлся съ секретаремъ Магельницкимъ, какъ о томъ выше сего показано, и въ то же время онъ Магельницкій о Малой Россіи пасквиль ему доносителю показалъ, который онъ доноситель списалъ, а въ немъ было показано тою силою, какъ въ семъ

пунктѣ объявлено,—а больше того что писано ли, не упомнитъ, а того пасквиля никому не показывалъ и словесно о томъ не сказывалъ, а увѣдавъ о вступленіи россійскаго войска въ Польшу сжегъ, а отъ Потоцкаго къ нему доносителю никакихъ пасквилей въ присылкѣ не было.

21-й въ поданномъ въ С.-Петербургѣ:

Потоцкій весьма къ нему доносителю добръ былъ по одной причинѣ, о которой здѣсь изъяснить не можетъ, но ежели Ея Императорскаго Величеству угодно будетъ не преминетъ изустно донести.

22-й въ поданномъ въ Гамбургѣ:

Въ Килѣ видѣлъ онъ доноситель дочь Орликову, который измѣнилъ съ Мазепою, и сказывала де она ему доносителю, что отецъ ея живетъ въ Турецкой землѣ, а мать въ Польшѣ, а два брата одинъ при Французскомъ королѣ, другой при Лещинскомъ, который нѣсколько разъ не въ давнемъ времени посланъ былъ отъ Лещинскаго къ султану Турецкому съ письмами, между которыми имѣлось одно къ отцу ея измѣннику Орлику обязательное, ежели Лещенскій въ Польшѣ королемъ будетъ, то всеконечно его Орлика на Украйнѣ Россійской имперіи гетманомъ учинитъ, о чемъ стараться весьма сильною рукою обѣщалъ.

Что же онъ доноситель въ своихъ доношеніяхъ несходственно показалъ и тѣмъ Ея Императорское Величество утрудилъ, въ томъ, падая къ Ея Императорскаго Величества монаршескому подножію, слезно проситъ съ отцемъ и братомъ своимъ о всемилостивѣйшее Ея Императорскаго Величества разсужденіе и проситъ, яко у Бога Вышняго, о милосердіи сотворить съ нимъ бѣднымъ милость воз-

А Черкасской въ повинной написалъ всѣ свои вины и себя съ бѣдною его фамиліею подвергаетъ во всемилостивѣйшее Ея Императорскаго Величества разсужденіе и проситъ, яко у Бога Вышняго, о милосердіи сотворить съ нимъ бѣднымъ милость воз-

пунктѣ объявлено,—а больше того что писано ли, не упомнитъ, а того пасквиля никому не показывалъ и словесно о томъ не сказывалъ, а увѣдавъ о вступленіи россійскаго войска въ Польшу сжегъ, а отъ Потоцкаго къ нему доносителю никакихъ пасквилей въ присылкѣ не было.

21-й въ поданномъ въ С.-Петербургѣ:

Потоцкій весьма къ нему доносителю добръ былъ по одной причинѣ, о которой здѣсь изъяснить не можетъ, но ежели Ея Императорскаго Величеству угодно будетъ не преминетъ изустно донести.

22-й въ поданномъ въ Гамбургѣ:

Въ Килѣ видѣлъ онъ доноситель дочь Орликову, который измѣнилъ съ Мазепою, и сказывала де она ему доносителю, что отецъ ея живетъ въ Турецкой землѣ, а мать въ Польшѣ, а два брата одинъ при Французскомъ королѣ, другой при Лещинскомъ, который нѣсколько разъ не въ давнемъ времени посланъ былъ отъ Лещинскаго къ султану Турецкому съ письмами, между которыми имѣлось одно къ отцу ея измѣннику Орлику обязательное, ежели Лещенскій въ Польшѣ королемъ будетъ, то всеконечно его Орлика на Украйнѣ Россійской имперіи гетманомъ учинитъ, о чемъ стараться весьма сильною рукою обѣщалъ.

Что же онъ доноситель въ своихъ доношеніяхъ несходственно показалъ и тѣмъ Ея Императорское Величество утрудилъ, въ томъ, падая къ Ея Императорскаго Величества монаршескому подножію, слезно проситъ съ отцемъ и братомъ своимъ о всемилостивѣйшее Ея Императорскаго Величества разсужденіе и проситъ, яко у Бога Вышняго, о милосердіи сотворить съ нимъ бѣднымъ милость воз-

А Черкасской въ повинной написалъ всѣ свои вины и себя съ бѣдною его фамиліею подвергаетъ во всемилостивѣйшее Ея Императорскаго Величества разсужденіе и проситъ, яко у Бога Вышняго, о милосердіи сотворить съ нимъ бѣднымъ милость воз-

лостивѣйшемъ прощеніи и буде оное учинилъ—безъ всякаго умысла, но отъ глупости своей и отъ несовершенныхъ лѣтъ.

ставить падшаго, который съ бѣдною своею фамиліею долженствуетъ прославлять высочайшія Ея Императорскаго Величества щедроты повсечастно.

3.

Да сверхъ онаго по сему дѣлу Черкасскаго человѣкъ Петръ Куксинъ, поручикъ Иванъ Аршеневскій, шляхтичь Семенъ Корсакъ (который Черкасскому шуринъ), бывшій Черкасскаго домовой управитель Александръ Пребышевскій на Черкасскаго въ роспросѣхъ и съ розыску показали:

1.

Человѣкъ онаго Черкасскаго Петръ Куксинъ, по роспросу и съ очныхъ ставокъ и съ пытки показалъ:

При письмѣ де отъ Ѳедора Милашевича къ Черкасскому изъ Голштиндіи былъ подскрыпть, въ которомъ было написано, что коммисію де Черкасскаго онъ Милашевичь исправилъ и принца въ ручку поцѣловалъ; по приказу Черкасскаго тотъ подскрыпть онъ Куксинъ вычистилъ, а видѣлъ то поручикъ Иванъ Аршеневскій; а въ Смоленску при слѣдствіи онъ Куксинъ не объявилъ по приказу помѣщика своего.

На 1-й.

Аршеневской съ розыску показалъ, что онъ видѣлъ, какъ тотъ подскрыпть Черкасской Куксину велѣлъ вычистить.

Черкасской сказалъ, что оное чинить приказывалъ.

2.

Помянутый поручикъ Иванъ Аршеневскій въ роспросѣ и съ розыску показалъ: Присланное отъ Ѳедора Милашевича изъ Киля къ Черкасскому письмо, въ которомъ въ подскрыптѣ было написано, что онъ Милашевичь данную ему коммиссію отъ Черкасскаго исправилъ, а принца въ ручку поцѣловалъ, видѣлъ, и Аршеневской Черкасскому говорилъ: ежели де сіе письмо важное, чтобъ объявилъ въ Петербургѣ; а Черкасской то письмо бросилъ въ печь, и сгорѣло.

На 2-й.

Черкасской сказалъ:

Говорилъ онъ Черкасской: Ежели де то письмо объявить въ канцеляріи, а оттуда послать въ С.-Петербургъ, то и самому за нимъ въ Петербургъ ѣхать, и потомъ то письмо онъ Черкасской бросилъ въ печь и сжегъ, а не объявилъ за страхомъ.

лостивѣйшемъ прощеніи и буде оное учинилъ—безъ всякаго умысла, но отъ глупости своей и отъ несовершенныхъ лѣтъ.

ставить падшаго, который съ бѣдною своею фамиліею долженствуетъ прославлять высочайшія Ея Императорскаго Величества щедроты повсечастно.

3.

Да сверхъ онаго по сему дѣлу Черкасскаго человѣкъ Петръ Куксинъ, поручикъ Иванъ Аршеневскій, шляхтичь Семенъ Корсакъ (который Черкасскому шуринъ), бывшій Черкасскаго домовой управитель Александръ Пребышевскій на Черкасскаго въ роспросѣхъ и съ розыску показали:

1.

Человѣкъ онаго Черкасскаго Петръ Куксинъ, по роспросу и съ очныхъ ставокъ и съ пытки показалъ:

При письмѣ де отъ Ѳедора Милашевича къ Черкасскому изъ Голштиндіи былъ подскрыпть, въ которомъ было написано, что коммисію де Черкасскаго онъ Милашевичь исправилъ и принца въ ручку поцѣловалъ; по приказу Черкасскаго тотъ подскрыпть онъ Куксинъ вычистилъ, а видѣлъ то поручикъ Иванъ Аршеневскій; а въ Смоленску при слѣдствіи онъ Куксинъ не объявилъ по приказу помѣщика своего.

На 1-й.

Аршеневской съ розыску показалъ, что онъ видѣлъ, какъ тотъ подскрыпть Черкасской Куксину велѣлъ вычистить.

Черкасской сказалъ, что оное чинить приказывалъ.

2.

Помянутый поручикъ Иванъ Аршеневскій въ роспросѣ и съ розыску показалъ: Присланное отъ Ѳедора Милашевича изъ Киля къ Черкасскому письмо, въ которомъ въ подскрыптѣ было написано, что онъ Милашевичь данную ему коммиссію отъ Черкасскаго исправилъ, а принца въ ручку поцѣловалъ, видѣлъ, и Аршеневской Черкасскому говорилъ: ежели де сіе письмо важное, чтобъ объявилъ въ Петербургѣ; а Черкасской то письмо бросилъ въ печь, и сгорѣло.

На 2-й.

Черкасской сказалъ:

Говорилъ онъ Черкасской: Ежели де то письмо объявить въ канцеляріи, а оттуда послать въ С.-Петербургъ, то и самому за нимъ въ Петербургъ ѣхать, и потомъ то письмо онъ Черкасской бросилъ въ печь и сжегъ, а не объявилъ за страхомъ.

3.

Семенъ Корсакъ показалъ:

1) О наслѣдствѣ принца Голштинскаго Черкасской, выхваляя цесаревну Анну Петровну, говорилъ: „Ежели де сынъ ея таковъ, какова она хороша и умна, то де онъ принцъ будетъ наслѣдникъ Петру Первому императору“. А чему наслѣдникъ того не выговаривалъ.

2) Онъ же Корсакъ, сверхъ прежняго своего роспросу, при розыскѣ показалъ: когда де россійскаго войска въ Польшу шло, тогда Черкасской говорилъ: „Какъ государыню императрицу выбирали, то де намъ никто не мѣшалъ“.

3) Черкасской, державъ въ рукахъ у себя табакерку золотую съ портретомъ цесаревны Анны Петровны, смотря на оный, говорилъ: сей де портретъ прежъ сего лучше бывалъ; она де цесаревна его Черкасскаго любила.

4) Корсакъ въ роспросѣ и съ розыску сказалъ: слышалъ онъ отъ Черкасскаго о республикѣ Польской, выхваляя, что „то хорошо, да и у насъ де Долгорукіе хотѣли то жъ сдѣлать, да не удалось; развѣ де что можетъ впредь лучше этого сдѣлаться“,

На 3-й.

Черкасской говорилъ:

Хваля цесаревну Анну Петровну, говорилъ: „Ежели принцъ таковъ хорошъ и уменъ будетъ, какъ мать его, то онъ подобенъ будетъ дѣду своему Петру Первому императору“.

Черкасской въ роспросѣ сказалъ, что россійское войско въ Польшу шло, о томъ онъ съ Корсакомъ и съ прочими говаривалъ, а такихъ словъ: „когда де государыню императрицу выбирали, то де намъ никто не мѣшалъ“, онъ Черкасской ни съ кѣмъ не говаривалъ.

Черкасской сказалъ:

Держалъ табакерку въ рукахъ своихъ съ портретомъ, токмо не цесаревны, и говорилъ, что цесаревна еще лучше была сего портрета; и она де его жаловала-любила.

Черкасской сказалъ:

Тѣ слова онъ говорилъ ни съ чего, и никакого отъ него маянія подлинно нѣтъ, и ни отъ кого о томъ онъ подлинно не слыхивалъ, и совѣтовъ никакихъ ни съ кѣмъ о томъ онъ и разсужденій не имѣлъ.

А въ подтвержденіе онъ же Черкасской 11-го марта 1734 г. въ роспросѣ сказалъ: „Еще де лучше впредь сдѣлатся можетъ“, того не говорилъ, а говорилъ: „Можетъ де Богъ впредь все сдѣлаетъ“.

4.

Александръ Пребышевскій показалъ:

1) За здоровье принца Гол-

На 4-й.

Черкасской сказалъ:

За здоровье герцога Голштин-

3.

Семенъ Корсакъ показалъ:

1) О наслѣдствѣ принца Голштинскаго Черкасской, выхваляя цесаревну Анну Петровну, говорилъ: „Ежели де сынъ ея таковъ, какова она хороша и умна, то де онъ принцъ будетъ наслѣдникъ Петру Первому императору“. А чему наслѣдникъ того не выговаривалъ.

2) Онъ же Корсакъ, сверхъ прежняго своего роспросу, при розыскѣ показалъ: когда де россійскаго войска въ Польшу шло, тогда Черкасской говорилъ: „Какъ государыню императрицу выбирали, то де намъ никто не мѣшалъ“.

3) Черкасской, державъ въ рукахъ у себя табакерку золотую съ портретомъ цесаревны Анны Петровны, смотря на оный, говорилъ: сей де портретъ прежъ сего лучше бывалъ; она де цесаревна его Черкасскаго любила.

4) Корсакъ въ роспросѣ и съ розыску сказалъ: слышалъ онъ отъ Черкасскаго о республикѣ Польской, выхваляя, что „то хорошо, да и у насъ де Долгорукіе хотѣли то жъ сдѣлать, да не удалось; развѣ де что можетъ впредь лучше этого сдѣлаться“,

На 3-й.

Черкасской говорилъ:

Хваля цесаревну Анну Петровну, говорилъ: „Ежели принцъ таковъ хорошъ и уменъ будетъ, какъ мать его, то онъ подобенъ будетъ дѣду своему Петру Первому императору“.

Черкасской въ роспросѣ сказалъ, что россійское войско въ Польшу шло, о томъ онъ съ Корсакомъ и съ прочими говаривалъ, а такихъ словъ: „когда де государыню императрицу выбирали, то де намъ никто не мѣшалъ“, онъ Черкасской ни съ кѣмъ не говаривалъ.

Черкасской сказалъ:

Держалъ табакерку въ рукахъ своихъ съ портретомъ, токмо не цесаревны, и говорилъ, что цесаревна еще лучше была сего портрета; и она де его жаловала-любила.

Черкасской сказалъ:

Тѣ слова онъ говорилъ ни съ чего, и никакого отъ него маянія подлинно нѣтъ, и ни отъ кого о томъ онъ подлинно не слыхивалъ, и совѣтовъ никакихъ ни съ кѣмъ о томъ онъ и разсужденій не имѣлъ.

А въ подтвержденіе онъ же Черкасской 11-го марта 1734 г. въ роспросѣ сказалъ: „Еще де лучше впредь сдѣлатся можетъ“, того не говорилъ, а говорилъ: „Можетъ де Богъ впредь все сдѣлаетъ“.

4.

Александръ Пребышевскій показалъ:

1) За здоровье принца Гол-

На 4-й.

Черкасской сказалъ:

За здоровье герцога Голштин-

штинскаго, на колѣнях стоя, у Черкасскаго пивали; и съ розыску онъ Пребышевскій въ томъ же утверждается, что конечно на колѣнях пивали и рюмки бивали.

2) Онъ же Пребышевскій показалъ: Черкасской же говаривалъ: „Виватъ, нашъ панъ, виватъ, принцъ Голштинскій; дай Боже, чтобъ у насъ въ Россіи былъ наслѣдникъ". И съ розыску онъ Пребышевскій въ томъ же утверждается.

3) Пребышевскій же съ розыску показалъ: Говорилъ де ему Пребышевскому Черкасской: „Уѣдемъ де мы отсюда куда-нибудь, а деньги де у насъ есть червонныя, тѣ, которыя взяты за Горыгорки отъ Потоцкаго". И Пребышевскій Черкасскаго спросилъ: „Куды де?" Черкасской молвилъ: „Въ Италію или куда-нибудь". И Пребышевскій на то сказалъ: „Не шутишь ли де ты?" Но Черкасской побожился, еще подтвердилъ: „Уѣдемъ де".

скаго и принца никогда у него въ домѣ и нигдѣ не пивали.

Черкасской сказалъ:
Такихъ словъ не говаривалъ.

а Черкасской сказалъ:
Всего того не говаривалъ.

Въ очной ставкѣ говорили:

Пребышевскій утверждается на первыхъ словахъ, да пополнилъ: Черкасской де и то молвилъ: въ которую де дѣвку онъ Черкасской влюбился (что нынѣ жена его Черкасскаго), „и ее де съ собою увеземъ".

4) Онъ же Пребышевскій отъ Черкасскаго слышалъ, какъ онъ говорилъ: „Овладѣли де черти святымъ мѣстомъ, а именно Нѣмцы; за то де и хлѣба не родится". А при тѣхъ словахъ былъ Петръ Отрошкевичъ.

5) А о вышепоказанныхъ отъ него Пребышевскаго всѣхъ словахъ, слышанныхъ отъ Черкасскаго и принца никогда у него въ домѣ и нигдѣ не пивали.

Черкасской сказалъ: Показанныхъ на него отъ Пребышевскаго словъ точно всѣхъ не говаривалъ, а говорилъ, ежели бъ де онъ не былъ здѣсь въ Смоленску губернаторомъ, то бъ де онъ съ эстою дѣвкою уѣхалъ куда-нибудь (которая нынѣ за нимъ), понеже онъ въ нее влюбился.

Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку солдатъ Петръ Отрошкевичъ, сказалъ, что онъ отъ Черкасскаго тѣхъ и никаковыхъ подозрительныхъ словъ не слыхивалъ.

Черкасской сказалъ:
Такихъ словъ не говаривалъ, токмо какъ Пребышевскій по-

штинскаго, на колѣнях стоя, у Черкасскаго пивали; и съ розыску онъ Пребышевскій въ томъ же утверждается, что конечно на колѣнях пивали и рюмки бивали.

2) Онъ же Пребышевскій показалъ: Черкасской же говаривалъ: „Виватъ, нашъ панъ, виватъ, принцъ Голштинскій; дай Боже, чтобъ у насъ въ Россіи былъ наслѣдникъ". И съ розыску онъ Пребышевскій въ томъ же утверждается.

3) Пребышевскій же съ розыску показалъ: Говорилъ де ему Пребышевскому Черкасской: „Уѣдемъ де мы отсюда куда-нибудь, а деньги де у насъ есть червонныя, тѣ, которыя взяты за Горыгорки отъ Потоцкаго". И Пребышевскій Черкасскаго спросилъ: „Куды де?" Черкасской молвилъ: „Въ Италію или куда-нибудь". И Пребышевскій на то сказалъ: „Не шутишь ли де ты?" Но Черкасской побожился, еще подтвердилъ: „Уѣдемъ де".

скаго и принца никогда у него въ домѣ и нигдѣ не пивали.

Черкасской сказалъ:
Такихъ словъ не говаривалъ.

а Черкасской сказалъ:
Всего того не говаривалъ.

Въ очной ставкѣ говорили:

Пребышевскій утверждается на первыхъ словахъ, да пополнилъ: Черкасской де и то молвилъ: въ которую де дѣвку онъ Черкасской влюбился (что нынѣ жена его Черкасскаго), „и ее де съ собою увеземъ".

Черкасской сказалъ: Показанныхъ на него отъ Пребышевскаго словъ точно всѣхъ не говаривалъ, а говорилъ, ежели бъ де онъ не былъ здѣсь въ Смоленску губернаторомъ, то бъ де онъ съ эстою дѣвкою уѣхалъ куда-нибудь (которая нынѣ за нимъ), понеже онъ въ нее влюбился.

4) Онъ же Пребышевскій отъ Черкасскаго слышалъ, какъ онъ говорилъ: „Овладѣли де черти святымъ мѣстомъ, а именно Нѣмцы; за то де и хлѣба не родится". А при тѣхъ словахъ былъ Петръ Отрошкевичъ.

5) А о вышепоказанныхъ отъ него Пребышевскаго всѣхъ словахъ, слышанныхъ отъ Черкас-

Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку солдатъ Петръ Отрошкевичъ, сказалъ, что онъ отъ Черкасскаго тѣхъ и никаковыхъ подозрительныхъ словъ не слыхивалъ.

Черкасской сказалъ:
Такихъ словъ не говаривалъ, токмо какъ Пребышевскій по-

скаго, пріѣхалъ онъ Пребышевскій въ С.-Петербургъ доносить — не смѣлъ, понеже отъ Черкасскаго часто бывали такія слова: „У меня де нынѣ въ кабинетѣ дядя, и кто де на меня и о чемъ будетъ доводить, то де тому доводчику первый кнутъ, да и голову де отсѣкутъ“.

А изъ Смоленска поѣхалъ онъ Пребышевскій своевольно, понеже жена его въ Москвѣ обрѣталась, и никакой коммиссіи ему и посылки въ С.-Петербургъ ни для чего подобнаго тому отъ Черкасскаго и ни отъ кого дано не было; а пріѣхалъ онъ въ С.-Петербургъ пріискивать себѣ патрона, понеже онъ изъ службы Черкасскаго уволенъ былъ.

6) Пребывшевскій же по особливому секретному дѣлу и Семенъ Корсакъ съ женою своею на Черкасскаго, что показали, и по тому Черкасской въ нѣкоторыхъ признался, а въ другихъ не винился; а Пребышевскій и Корсакъ съ пытки, а жена его Корсака съ Пребыщевскимъ въ застѣнкѣ въ очной ставкѣ, а Черкасской въ коммиссіи съ оными людьми въ очной же ставкѣ въ своихъ словахъ утвердилися.

5.

Семенова жена Корсака Прасковья приведена была въ застѣнокъ и въ роспросѣ сказала: Слыхала она отъ Черкасскаго, какъ онъ принца Голштинскаго хваливалъ и говаривалъ, что де онъ будетъ наслѣдникъ россійскаго престола.

А больше того она и вышеписанные Куксинъ, Аршеневскій, Корсакъ, Пребышевскій, никабранился съ Семеномъ Корсакомъ, и тогда онъ Черкасской говорилъ, что онъ нехорошо такъ дѣлаетъ; и онъ Пребышевскій сказалъ, что не хочетъ у него Черкасскаго жить; и онъ Черкасской ему говорилъ: „Поѣзжай, куды хочешь; я де тебя не боюсь, ты на меня ничего донесть не можешь, что онъ взятокъ не беретъ“.

скаго, пріѣхалъ онъ Пребышевскій въ С.-Петербургъ доносить — не смѣлъ, понеже отъ Черкасскаго часто бывали такія слова: „У меня де нынѣ въ кабинетѣ дядя, и кто де на меня и о чемъ будетъ доводить, то де тому доводчику первый кнутъ, да и голову де отсѣкутъ".

А изъ Смоленска поѣхалъ онъ Пребышевскій своевольно, понеже жена его въ Москвѣ обрѣталась, и никакой коммиссіи ему и посылки въ С.-Петербургъ ни для чего подобнаго тому отъ Черкасскаго и ни отъ кого дано не было; а пріѣхалъ онъ въ С.-Петербургъ пріискивать себѣ патрона, понеже онъ изъ службы Черкасскаго уволенъ былъ.

6) Пребывшевскій же по особливому секретному дѣлу и Семенъ Корсакъ съ женою своею на Черкасскаго, что показали, и по тому Черкасской въ нѣкоторыхъ признался, а въ другихъ не винился; а Пребышевскій и Корсакъ съ пытки, а жена его Корсака съ Пребыщевскимъ въ застѣнкѣ въ очной ставкѣ, а Черкасской въ коммиссіи съ оными людьми въ очной же ставкѣ въ своихъ словахъ утвердилися.

5.

Семенова жена Корсака Прасковья приведена была въ застѣнокъ и въ роспросѣ сказала: Слыхала она отъ Черкасскаго, какъ онъ принца Голштинскаго хваливалъ и говаривалъ, что де онъ будетъ наслѣдникъ россійскаго престола.

А больше того она и вышеписанные Куксинъ, Аршеневскій, Корсакъ, Пребышевскій, никабранился съ Семеномъ Корсакомъ, и тогда онъ Черкасской говорилъ, что онъ нехорошо такъ дѣлаетъ; и онъ Пребышевскій сказалъ, что не хочетъ у него Черкасскаго жить; и онъ Черкасской ему говорилъ: „Поѣзжай, куды хочешь; я де тебя не боюсь, ты на меня ничего донесть не можешь, что онъ взятокъ не беретъ".

ковыхъ важностей за Черкасскимъ не знаютъ.

Да въ роспросѣ жъ показали:

6.

Генералъ-маіоръ Потемкинъ, съ шляхтою, что и они за князь Александромъ Черкасскимъ по содержанію сего дѣла ничего не знаютъ.

7. На 7-й.

Доносителевъ отецъ поручикъ Иванъ Милашевичь въ повинныхъ своихъ написалъ:

Въ первой:

Что сынъ его Ѳедоръ прямо въ Голштиндію, не бывъ въ С.-Петербургѣ, безъ указу хотѣлъ ѣхать, о томъ онъ подлинно не вѣдалъ, и къ той его поѣздкѣ ему не совѣтывалъ, понеже какъ тотъ его сынъ изъ дому, забравъ всѣ свои пожитки, невѣдомо куда отъѣхалъ, о томъ онъ явочное челобитье записалъ; а что Черкасской сыну его совѣтывалъ ѣхать въ Голштиндію и хотѣлъ къ герцогу дать рекомендательный листъ, о томъ ему Ивану сынъ его Ѳедоръ сказывалъ, токмо и на то онъ Иванъ ему Ѳедору подтверждалъ, чтобъ без указу не ѣздилъ.

Сынъ его Ивановъ, Ѳедоръ въ повинной написалъ:

Объ отъѣздѣ его Ѳедоровомъ въ Кіевъ отецъ его зналъ, и какъ было говорено съ Черкасскимъ о поѣздкѣ его въ Голштиндію, отцу своему онъ Ѳедоръ сказывалъ.

Во второй повинной:

1) Сынъ его Ѳедоръ сказывалъ ему, что Черкасской говорилъ, чтобъ онъ Ѳедоръ прямо ѣхалъ въ Голштиндію къ принцу, который де истинный наслѣдникъ Россійскаго государства, того де ради надобно заблаговременно искать у него милости, а то де послѣ не таково будетъ, теперь де можешь лучше выслужиться, понеже — долго ли, ко-

А Черкасской въ первомъ роспросѣ запирался, а въ послѣдней повинной сказалъ, что онъ то доносителю говорилъ.

ковыхъ важностей за Черкасскимъ не знаютъ.

Да въ роспросѣ жъ показали:

6.

Генералъ-маіоръ Потемкинъ, съ шляхтою, что и они за князь Александромъ Черкасскимъ по содержанію сего дѣла ничего не знаютъ.

7. На 7-й.

Доносителевъ отецъ поручикъ Иванъ Милашевичь въ повинныхъ своихъ написалъ:

Въ первой:

Что сынъ его Ѳедоръ прямо въ Голштиндію, не бывъ въ С.-Петербургѣ, безъ указу хотѣлъ ѣхать, о томъ онъ подлинно не вѣдалъ, и къ той его поѣздкѣ ему не совѣтывалъ, понеже какъ тотъ его сынъ изъ дому, забравъ всѣ свои пожитки, невѣдомо куда отъѣхалъ, о томъ онъ явочное челобитье записалъ; а что Черкасской сыну его совѣтывалъ ѣхать въ Голштиндію и хотѣлъ къ герцогу дать рекомендательный листъ, о томъ ему Ивану сынъ его Ѳедоръ сказывалъ, токмо и на то онъ Иванъ ему Ѳедору подтверждалъ, чтобъ без указу не ѣздилъ.

Сынъ его Ивановъ, Ѳедоръ въ повинной написалъ:

Объ отъѣздѣ его Ѳедоровомъ въ Кіевъ отецъ его зналъ, и какъ было говорено съ Черкасскимъ о поѣздкѣ его въ Голштиндію, отцу своему онъ Ѳедоръ сказывалъ.

Во второй повинной:

1) Сынъ его Ѳедоръ сказывалъ ему, что Черкасской говорилъ, чтобъ онъ Ѳедоръ прямо ѣхалъ въ Голштиндію къ принцу, который де истинный наслѣдникъ Россійскаго государства, того де ради надобно заблаговременно искать у него милости, а то де послѣ не таково будетъ, теперь де можешь лучше выслужиться, понеже — долго ли, ко-

А Черкасской въ первомъ роспросѣ запирался, а въ послѣдней повинной сказалъ, что онъ то доносителю говорилъ.

ротко ли, быть ему наслѣдникомъ.

2) Когда сынъ его Ѳедоръ къ нему, Ивану, изъ Польши человѣка своего Раевскаго прислалъ съ требованіемъ о позволеніи въ Польшѣ жениться, тогда онъ Иванъ къ сыну своему съ тѣмъ же человѣкомъ писалъ, чтобъ лучше ѣхать въ Голштиндію, а въ Польшѣ бы не остался.

3) Онъ же Иванъ при объявленіи въ канцеляріи Смоленской писемъ, полученныхъ изъ Гамбурга отъ господина чрезвычайнаго посланника и каммергера Бестужева-Рюмина и отъ сына его, просилъ Черкасскаго и Козловскаго, чтобъ его съ тѣми письмами послать скована въ Петербургъ, на которое ему Черкасской сказалъ, что его не пошлютъ, а будетъ де писать о томъ въ иностранную коллегію; да притомъ и секретарь Гедеоновъ былъ.

4) Иванъ же Милашевичь показалъ:

Явочную де челобитную по принятіи Черкасской, призвавъ подъячаго, который ихъ записываетъ, велѣлъ ее подъ спудъ положить, и никто бъ про нее не вѣдалъ, а при томъ были вице-губернаторъ князь Козловскій да секретарь Гедеоновъ.

Сынъ его Ивановъ доноситель Ѳедоръ сказалъ:

Черкасской де приказывалъ ему

Черкасской въ роспросѣ и въ очной ставкѣ сказалъ: Оныхъ де словъ, чтобъ его послать съ тѣми письма въ Петербургъ скована, онъ Иванъ не говаривалъ, и въ томъ на Козловскаго и Гедеонова шлется.

А Иванъ Милашевичь утверждается на первыхъ своихъ словахъ, что конечно онъ говорилъ.

А Черкасской въ роспросѣ и въ очной ставкѣ сказалъ: Такихъ словъ онъ не говаривалъ, и въ томъ шлется на Козловскаго и Гедеонова, а на подъячаго не шлется, понеже его притомъ не было.

А Иванъ Милашевичь утверждается на прежнихъ своихъ словахъ.

А по справкѣ, отъ Ивана Милашевича явочное челобитье подано 16-го дня октября 1732 г., о которой изъ Смоленской губерніи въ иностранную коллегію писано 17-го дня октября 1733 году, и такъ объ ономъ годъ не репортовано.

А Черкасской въ повинной на-

ротко ли, быть ему наслѣдникомъ.

2) Когда сынъ его Ѳедоръ къ нему, Ивану, изъ Польши человѣка своего Раевскаго прислалъ съ требованіемъ о позволеніи въ Польшѣ жениться, тогда онъ Иванъ къ сыну своему съ тѣмъ же человѣкомъ писалъ, чтобъ лучше ѣхать въ Голштиндію, а въ Польшѣ бы не остался.

3) Онъ же Иванъ при объявленіи въ канцеляріи Смоленской писемъ, полученныхъ изъ Гамбурга отъ господина чрезвычайнаго посланника и каммергера Бестужева-Рюмина и отъ сына его, просилъ Черкасскаго и Козловскаго, чтобъ его съ тѣми письмами послать скована въ Петербургъ, на которое ему Черкасской сказалъ, что его не пошлютъ, а будетъ де писать о томъ въ иностранную коллегію; да притомъ и секретарь Гедеоновъ былъ.

4) Иванъ же Милашевичь показалъ:

Явочную де челобитную по принятіи Черкасской, призвавъ подъячаго, который ихъ записываетъ, велѣлъ ее подъ спудъ положить, и никто бъ про нее не вѣдалъ, а при томъ были вице-губернаторъ князь Козловскій да секретарь Гедеоновъ.

Сынъ его Ивановъ доноситель Ѳедоръ сказалъ:

Черкасской де приказывалъ ему

Черкасской въ роспросѣ и въ очной ставкѣ сказалъ: Оныхъ де словъ, чтобъ его послать съ тѣми письма въ Петербургъ скована, онъ Иванъ не говаривалъ, и въ томъ на Козловскаго и Гедеонова шлется.

А Иванъ Милашевичь утверждается на первыхъ своихъ словахъ, что конечно онъ говорилъ.

А Черкасской въ роспросѣ и въ очной ставкѣ сказалъ: Такихъ словъ онъ не говаривалъ, и въ томъ шлется на Козловскаго и Гедеонова, а на подъячаго не шлется, понеже его притомъ не было.

А Иванъ Милашевичь утверждается на прежнихъ своихъ словахъ.

А по справкѣ, отъ Ивана Милашевича явочное челобитье подано 16-го дня октября 1732 г., о которой изъ Смоленской губерніи въ иностранную коллегію писано 17-го дня октября 1733 году, и такъ объ ономъ годъ не репортовано.

А Черкасской въ повинной на-

Ѳедору сказать отцу его Ивану, чтобъ онъ по отъѣздѣ сына его въ Голштиндію явочное челобитье записалъ для виду, будто онъ пропалъ безвѣстно, на которое де отецъ его Ѳедоръ сказалъ: „Явочную челобитную подамъ, а абшитъ де какъ хочешь пиши за рубежемъ, а здѣсь де мнѣ отъ того бѣду сдѣлать можешь, я де про это и слышать не хочу". Тогда онъ доноситель говорилъ отцу своему: „Такъ де лучше донесемъ". На что отецъ его ему доносителю сказалъ: „Кто де намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно занапрасно".

Доноситель же показалъ: Какъ де допущенъ былъ къ нему въ Смоленску отецъ его, тогда онъ проклиналъ его доносителя и увѣщевалъ, чтобъ онъ доноситель отъ сего дѣла отсталъ и все бъ на себя снялъ, признавая за виновнаго, будто онъ доноситель отъ себя выдумалъ, чрезъ что можетъ его избавить отъ погибели и всю бѣдную ихъ фамилію отъ вѣчнаго безчестія.

8.

Доносителя Ѳедора Милашевича братъ Иванъ Милашевичъ посланъ былъ изъ Смоленска для привозу изъ Польши человѣка его доносителева Андрея Моисѣева (о которомъ онъ доноси-писалъ: дабы Иванъ Милашевичъ по отъѣздѣ сына своего явочную подалъ челобитную, о томъ онъ Ѳедору Милашевичу говорилъ.

Иванъ Милашевичъ въ роспросѣ сказалъ. Такихъ словъ о недоношеніи и о прочемъ онъ сыну своему не говаривалъ.

А въ очной съ сыномъ ставкѣ сказалъ, что тѣ всѣ слова сыну своему говорилъ.

Иванъ Милашевичъ сказалъ: Говорилъ онъ сыну своему: „Ежели ты по сему дѣлу что выдумалъ отъ себя или на кого затѣявъ напрасно, и за то буди де проклятъ, и лучше отъ сего дѣла отстать, а буде въ настоящемъ доносишь, то поди прямою дорогою". На которое сынъ его отвѣтствовалъ, что де „это дѣло не отъ меня вымышлено".

А въ очной ставкѣ говорили:

Сынъ его доноситель: Отецъ де его говорилъ ему доносителю: „Ежели де ты скажешь, что онъ Иванъ вѣдалъ о поѣздѣ его Ѳедоровой въ Голштиндію, то де ты буди проклятъ, или де лучше и отъ всего сего дѣла отстань и на себя перейми".

А отецъ его въ томъ признался, а тѣ де рѣчи говорилъ отъ страху.

Ѳедору сказать отцу его Ивану, чтобъ онъ по отъѣздѣ сына его въ Голштиндію явочное челобитье записалъ для виду, будто онъ пропалъ безвѣстно, на которое де отецъ его Ѳедоръ сказалъ: „Явочную челобитную подамъ, а абшитъ де какъ хочешь пиши за рубежемъ, а здѣсь де мнѣ отъ того бѣду сдѣлать можешь, я де про это и слышать не хочу“. Тогда онъ доноситель говорилъ отцу своему: „Такъ де лучше донесемъ“. На что отецъ его ему доносителю сказалъ: „Кто де намъ повѣритъ, пропадемъ де вѣчно занапрасно“.

Доноситель же показалъ: Какъ де допущенъ былъ къ нему въ Смоленску отецъ его, тогда онъ проклиналъ его доносителя и увѣщевалъ, чтобъ онъ доноситель отъ сего дѣла отсталъ и все бъ на себя снялъ, признавая за виновнаго, будто онъ доноситель отъ себя выдумалъ, чрезъ что можетъ его избавить отъ погибели и всю бѣдную ихъ фамилію отъ вѣчнаго безчестія.

8.

Доносителя Ѳедора Милашевича братъ Иванъ Милашевичъ посланъ былъ изъ Смоленска для привозу изъ Польши человѣка его доносителева Андрея Моисѣева (о которомъ онъ доносиписалъ: дабы Иванъ Милашевичъ по отъѣздѣ сына своего явочную подалъ челобитную, о томъ онъ Ѳедору Милашевичу говорилъ.

Иванъ Милашевичъ въ роспросѣ сказалъ. Такихъ словъ о недоношеніи и о прочемъ онъ сыну своему не говаривалъ.

А въ очной съ сыномъ ставкѣ сказалъ, что тѣ всѣ слова сыну своему говорилъ.

Иванъ Милашевичъ сказалъ: Говорилъ онъ сыну своему: „Ежели ты по сему дѣлу что выдумалъ отъ себя или на кого затѣявъ напрасно, и за то буди де проклятъ, и лучше отъ сего дѣла отстать, а буде въ настоящемъ доносишь, то поди прямою дорогою“. На которое сынъ его отвѣтствовалъ, что де „это дѣло не отъ меня вымышлено“.

А въ очной ставкѣ говорили:

Сынъ его доноситель: Отецъ де его говорилъ ему доносителю: „Ежели де ты скажешь, что онъ Иванъ вѣдалъ о поѣздѣ его Ѳедоровой въ Голштиндію, то де ты буди проклятъ, или де лучше и отъ всего сего дѣла отстань и на себя перейми“.

А отецъ его въ томъ признался, а тѣ де рѣчи говорилъ отъ страху.

тель показалъ, что привезъ къ нему въ Польшу отъ Черкасскаго письма), и объявилъ онъ Милашевичъ въ Смоленску при слѣдствіи ложно, якобы онаго Моисѣева въ дорогѣ отбили.

9.

Смоленскій шляхтичъ Николай Потемкинъ показалъ, что Черкасской внѣ и внутрь государства и въ Малую Россію и къ герцогу Голштинскому и къ его придворнымъ о секретахъ писывалъ ли и съ герцогомъ и съ его придворными и съ Потоцкимъ и съ Поляками корреспондовалъ ли, того онъ Потемкинъ не знаетъ, и съ нимъ въ томъ согласіи не былъ, и ни отъ кого о томъ не слыхивалъ, и противъ показанія Пребышевскаго—въ Польшѣ онъ не живалъ и Потоцкаго служителемъ не назывался.

Да онъ же Потемкинъ показалъ: Требовалъ де у него Черкасской совѣту, чтобъ прямо чрезъ Польшу въ Смоленскъ письма изъ Нѣмецкихъ краевъ получать и объ отдачѣ ему отъ Черкасскаго цыфирной азбуки для корреспонденціи съ нимъ въ его Потемкинѣ пути въ Польшѣ о тамошнихъ обращеніяхъ, на что ему Николай отвѣтствовалъ, что въ Смоленскъ почта ординарная ходитъ съ Вильны въ Минскъ до Могилева и до Кадексъ, а цыфирную азбуку Черкасской ему отдалъ, чтобъ увѣдомлялъ, что будетъ въ его Потемкина пути дѣлаться въ Польшѣ, ибо онъ тогда посланъ былъ при генералѣ-поручикѣ Загрязскомъ; и тою азбукою писалъ къ нему о своемъ пути, а однажды о обращеніяхъ польскихъ и о сеймикахъ и о избраніи въ короли Лещинскаго, а отъ Черкасской сказалъ:

Что онъ его Потемкина можно ль изъ Нѣмецкихъ краевъ прямо чрезъ Польшу въ Смоленскъ почтѣ приходить, не захватывая Риги,—спрашивалъ, на что ему Потемкинъ отвѣтствовалъ, что нельзя де; а въ какую силу то говорилъ, того онъ Черкасской не знаетъ; а цыфирную азбуку ему Потемкину онъ Черкасской для увѣдомленія его Черкасскаго о нынѣшнихъ польскихъ обращеніяхъ далъ, и по той азбукѣ получилъ отъ него Потемкина письмо о собраніи въ Польшѣ войскъ да скорой присылкѣ аммуничныхъ вещей; а онъ Черкасской къ нему Потемкину тою цыфирью не писывалъ, да и отъ Потемкина онъ о важности сего дѣла писемъ тою цыфирью не получалъ; а всѣхъ писемъ отъ Потемкина имѣлъ онъ Черкас-

тель показалъ, что привезъ къ нему въ Польшу отъ Черкасскаго письма), и объявилъ онъ Милашевичъ въ Смоленску при слѣдствіи ложно, якобы онаго Моисѣева въ дорогѣ отбили.

9.

Смоленскій шляхтичъ Николай Потемкинъ показалъ, что Черкасской внѣ и внутрь государства и въ Малую Россію и къ герцогу Голштинскому и къ его придворнымъ о секретахъ писывалъ ли и съ герцогомъ и съ его придворными и съ Потоцкимъ и съ Поляками корреспондовалъ ли, того онъ Потемкинъ не знаетъ, и съ нимъ въ томъ согласіи не былъ, и ни отъ кого о томъ не слыхивалъ, и противъ показанія Пребышевскаго—въ Польшѣ онъ не живалъ и Потоцкаго служителемъ не назывался.

Да онъ же Потемкинъ показалъ: Требовалъ де у него Черкасской совѣту, чтобъ прямо чрезъ Польшу въ Смоленскъ письма изъ Нѣмецкихъ краевъ получать и объ отдачѣ ему отъ Черкасскаго цыфирной азбуки для корреспонденціи съ нимъ въ его Потемкинѣ пути въ Польшѣ о тамошнихъ обращеніяхъ, на что ему Николай отвѣтствовалъ, что въ Смоленскъ почта ординарная ходитъ съ Вильны въ Минскъ до Могилева и до Кадексъ, а цыфирную азбуку Черкасской ему отдалъ, чтобъ увѣдомлялъ, что будетъ въ его Потемкина пути дѣлаться въ Польшѣ, ибо онъ тогда посланъ былъ при генералѣ-поручикѣ Загрязскомъ; и тою азбукою писалъ къ нему о своемъ пути, а однажды о обращеніяхъ польскихъ и о сеймикахъ и о избраніи въ короли Лещинскаго, а отъ Черкасской сказалъ:

Что онъ его Потемкина можно ль изъ Нѣмецкихъ краевъ прямо чрезъ Польшу въ Смоленскъ почтѣ приходить, не захватывая Риги,—спрашивалъ, на что ему Потемкинъ отвѣтствовалъ, что нельзя де; а въ какую силу то говорилъ, того онъ Черкасской не знаетъ; а цыфирную азбуку ему Потемкину онъ Черкасской для увѣдомленія его Черкасскаго о нынѣшнихъ польскихъ обращеніяхъ далъ, и по той азбукѣ получилъ отъ него Потемкина письмо о собраніи въ Польшѣ войскъ да скорой присылкѣ аммуничныхъ вещей; а онъ Черкасской къ нему Потемкину тою цыфирью не писывалъ, да и отъ Потемкина онъ о важности сего дѣла писемъ тою цыфирью не получалъ; а всѣхъ писемъ отъ Потемкина имѣлъ онъ Черкас-

Черкасскаго тою азбукою писемъ не получалъ и съ другими не корреспондовалъ ни съ кѣмъ, а особливо съ Поляками, и кромѣ той азбуки, они каковой противности къ сторонѣ россійской согласія ни съ кѣмъ же не имѣлъ.

О немъ же, Потемкинѣ, въ реляціи подполковникъ Ливенъ показалъ, что де онъ Потемкинъ въ тѣсномъ весьма согласіи съ Потоцкимъ былъ, понеже ему на платежъ постановленной за Горыгорки суммы денегъ въ займы далъ, и сынъ его у Потоцкаго обрѣтается и по нынѣ.

10-й.

На Смоленскаго шляхтича Демьяна Потемкина показали:

1) Пребышевскій: что онъ Потемкинъ называлъ себя и въ письмѣ два или три, но и въ тѣхъ ни о каковыхъ секретахъ по сему слѣдственному дѣлу онъ Потемкинъ къ нему Черкасскому не писывалъ.

Николай Потемкинъ по спросѣ сказалъ: Съ Потоцкимъ никакой конфиденціи не имѣлъ, а 3,000 руб. Потоцкому въ займы чрезъ него Потемкина дано отъ Смоленскаго купца Ирика, которые онъ, купецъ, и возвратилъ, а сынъ де его Осипъ жилъ при своей матери за рубежемъ, котораго она отдала въ школу Потоцкому еще шестилѣтняго тому уже года съ два, и о взятьѣ того его сына онъ Потемкинъ и о присылкѣ къ нему писалъ къ женѣ своей, а буде того не учинитъ, то онъ и деревни всѣ ея выжжетъ.

Польскій шляхтичъ Витковскій сказалъ, что чрезъ него отъ Потоцкаго къ Николаю Потемкину никаковыхъ кореспонденцій и словесныхъ приказовъ не было, понеже Потоцкій его Николая не любливалъ; а къ нему Витковскому онъ Потемкинъ хоть и писывалъ, токмо о покупкѣ жита, пеньки и прочаго, что подлежитъ до дому, и что можно было исправить, также требовалъ Потемкинъ отъ него Витковскаго увѣдомленія, и что въ Литвѣ и въ Польшѣ дѣлается, и ежели о чемъ онъ Витковскій зналъ, о томъ ему сообщалъ.

На 10-й.

А. Потемкинъ на вышеписанное въ роспросѣ и въ застѣнкѣ

Черкасскаго тою азбукою писемъ не получалъ и съ другими не корреспондовалъ ни съ кѣмъ, а особливо съ Поляками, и кромѣ той азбуки, они каковой противности къ сторонѣ россійской согласія ни съ кѣмъ же не имѣлъ.

О немъ же, Потемкинѣ, въ реляціи подполковникъ Ливенъ показалъ, что де онъ Потемкинъ въ тѣсномъ весьма согласіи съ Потоцкимъ былъ, понеже ему на платежъ постановленной за Горыгорки суммы денегъ въ займы далъ, и сынъ его у Потоцкаго обрѣтается и по нынѣ.

10-й.

На Смоленскаго шляхтича Демьяна Потемкина показали:

1) Пребышевскій: что онъ Потемкинъ называлъ себя и въ письмѣ два или три, но и въ тѣхъ ни о каковыхъ секретахъ по сему слѣдственному дѣлу онъ Потемкинъ къ нему Черкасскому не писывалъ.

Николай Потемкинъ по спросѣ сказалъ: Съ Потоцкимъ никакой конфиденціи не имѣлъ, а 3,000 руб. Потоцкому въ займы чрезъ него Потемкина дано отъ Смоленскаго купца Ирика, которые онъ, купецъ, и возвратилъ, а сынъ де его Осипъ жилъ при своей матери за рубежемъ, котораго она отдала въ школу Потоцкому еще шестилѣтняго тому уже года съ два, и о взятьѣ того его сына онъ Потемкинъ и о присылкѣ къ нему писалъ къ женѣ своей, а буде того не учинитъ, то онъ и деревни всѣ ея выжжетъ.

Польскій шляхтичъ Витковскій сказалъ, что чрезъ него отъ Потоцкаго къ Николаю Потемкину никаковыхъ кореспонденцій и словесныхъ приказовъ не было, понеже Потоцкій его Николая не любливалъ; а къ нему Витковскому онъ Потемкинъ хоть и писывалъ, токмо о покупкѣ жита, пеньки и прочаго, что подлежитъ до дому, и что можно было исправить, также требовалъ Потемкинъ отъ него Витковскаго увѣдомленія, и что въ Литвѣ и въ Польшѣ дѣлается, и ежели о чемъ онъ Витковскій зналъ, о томъ ему сообщалъ.

На 10-й.

А. Потемкинъ на вышеписанное въ роспросѣ и въ застѣнкѣ

махъ подписывался къ Семену Корсаку герцога Голштинскаго генералъ-маіоромъ, и на музыкѣ игрывали у него маршъ голштинскій.

2) Доносителевъ отецъ Иванъ Милашевичь въ повинной написалъ: При подносѣ питья онъ Потемкинъ говорилъ: „Знаете ли, кто вамъ подноситъ? генералъ-маіоръ герцога Голштинскаго".

3) Семенъ Корсакъ: Онъ де Потемкинъ ему Корсаку говорилъ: „Разговариваютъ де о герцогѣ Голштинскомъ и хвалятъ принца, эти де разговоры когда-нибудь да сдѣлаютъ причину".

Онъ же Корсакъ и жена его Прасковья и Розалія Соколинская сказали, что онъ Потемкинъ генералъ-маіоромъ себя называлъ, и другіе при компаніи въ издѣвкахъ его генералъ-маіоромъ называли жь, токмо не голштинскимъ; и въ одномъ письмѣ къ нему Корсаку онъ Потемкинъ генералъ-маіоромъ подписался просто, а не герцога Голштинскаго, а гдѣ онъ Корсакъ то письмо дѣвалъ, не помнитъ.

11.

Князь Богдана Соколинскаго жена Розалія, на которую показалъ Пребышевскій, что она выдумала носить ленты, а носилъ ихъ Черкасской со многими Смольянами вмѣсто кавалеріи.

12.

Польскій шляхтичь Антонъ Накревичь, который служивалъ у Витковскаго въ привозѣ изъ Горокъ отъ польскаго жь шляхтича Витковскаго къ Черкасскому присланныхъ отъ Потоцкаго писемъ, который въ допросѣ показалъ, что письма онъ Накре-

при дыбѣ въ очной ставкѣ сказалъ: что его въ путкахъ въ компаніяхъ называли генералъ-маіоромъ, а чтобъ голштинскимъ, самъ онъ не назывался и не писался; а когда въ компаніи дамы его называли генераломъ-маіоромъ, и на оное имъ отзывался; а показанныя слова о герцогѣ и о принцѣ Корсаку говорилъ ли, подлинно не упомнитъ, и маршу у него голштинскаго не игрывали, а въ письмѣ къ нему Корсаку, можетъ быть, онъ Потемкинъ подписался генералъ-маіоромъ компаній, а не герцога Голштинскаго, однако жь подписывался ли, того не упомнитъ.

На 11-й.

А Черкасской и означенная Розалія и другіе показали, что оныя ленточки маленькія пучками нашивали недолго, да и то только въ знакъ компаній, а не въ другой образъ, а кавалеріями ихъ не называли.

махъ подписывался къ Семену Корсаку герцога Голштинскаго генералъ-маіоромъ, и на музыкѣ игрывали у него маршъ голштинскій.

2) Доносителевъ отецъ Иванъ Милашевичъ въ повинной написалъ: При подносѣ питья онъ Потемкинъ говорилъ: „Знаете ли, кто вамъ подноситъ? генералъ-маіоръ герцога Голштинскаго".

3) Семенъ Корсакъ: Онъ де Потемкинъ ему Корсаку говорилъ: „Разговариваютъ де о герцогѣ Голштинскомъ и хвалятъ принца, эти де разговоры когда-нибудь да сдѣлаютъ причину".

Онъ же Корсакъ и жена его Прасковья и Розалія Соколинская сказали, что онъ Потемкинъ генералъ-маіоромъ себя называлъ, и другіе при компаніи въ издѣвкахъ его генералъ-маіоромъ называли жь, токмо не голштинскимъ; и въ одномъ письмѣ къ нему Корсаку онъ Потемкинъ генералъ-маіоромъ подписался просто, а не герцога Голштинскаго, а гдѣ онъ Корсакъ то письмо дѣвалъ, не помнитъ.

11.

Князь Богдана Соколинскаго жена Розалія, на которую показалъ Пребышевскій, что она выдумала носить ленты, а носилъ ихъ Черкасской со многими Смольянами вмѣсто кавалеріи.

12.

Польскій шляхтичъ Антонъ Накревичъ, который служивалъ у Витковскаго въ привозѣ изъ Горокъ отъ польскаго жь шляхтича Витковскаго къ Черкасскому присланныхъ отъ Потоцкаго писемъ, который въ допросѣ показалъ, что письма онъ Накрепри дыбѣ въ очной ставкѣ сказалъ: что его въ путкахъ въ компаніяхъ называли генералъ-маіоромъ, а чтобъ голштинскимъ, самъ онъ не назывался и не писался; а когда въ компаніи дамы его называли генераломъ-маіоромъ, и на оное имъ отзывался; а показанныя слова о герцогѣ и о принцѣ Корсаку говорилъ ли, подлинно не упомнитъ, и маршу у него голштинскаго не игрывали, а въ письмѣ къ нему Корсаку, можетъ быть, онъ Потемкинъ подписался генералъ-маіоромъ компаній, а не герцога Голштинскаго, однако жь подписывался ли, того не упомнитъ.

На 11-й.

А Черкасской и означенная Розалія и другіе показали, что оныя ленточки маленькія пучками нашивали недолго, да и то только въ знакъ компаній, а не въ другой образъ, а кавалеріями ихъ не называли.

вичь къ Черкасскому изъ Горокъ привезъ отъ помянутаго Витковскаго, а тѣ письма отъ Потоцкаго или отъ Витковскаго или отъ другого кого были писаны, и о чемъ, того не знаетъ.

13.

Польскій же шляхтичъ Витковскій, который отправилъ съ вышепомянутымъ Накревичемъ изъ Горокъ къ Черкасскому письмо отъ Потоцкаго, при своемъ письмѣ послалъ, въ которомъ онъ Витковскій писалъ о освобожденіи своемъ изъ-подъ ареста, а тогда его арестовалъ Николай Потемкинъ, а за что не знаетъ; а Потоцкій о чемъ къ Черкасскому писалъ, не вѣдаетъ; а окромѣ того, отъ Потоцкаго и ни отъ кого писемъ не посылывалъ и не получалъ и ни о какихъ фавціяхъ и о противныхъ замыслахъ къ сторонѣ Ея Императорскаго Величества отъ Потоцкаго приказовъ къ нему Витковскому не было.

„На 13-й.

А Черкасской, смотря помянутаго присланнаго къ нему Потоцкаго письма, сказалъ: То Потоцкаго письмо чрезъ нарочнаго онъ получилъ, токмо онъ въ томъ письмѣ никакой важности не признаваетъ, и въ какую силу то Потоцкій къ нему писалъ, того не знаетъ, а слышалъ онъ, что Потоцкій хотѣлъ быть въ Смоленскѣ, а оттуда въ С.-Петербургъ.

А въ томъ письмѣ написано тако:

„Я намѣренъ былъ приближиться вскорѣ въ ваше сосѣдство и честь имѣть ваше превосходительство видѣть и благодарить и за всѣ ваши пріязни, которыя вы мнѣ показали; но я вижу къ великому моему сожалѣнію, что человѣкъ намѣряетъ, а Богъ располагаетъ; и тако, будучи препятствованъ настоящею конъюнктурою самъ то чинить, не могу того оставить, чтобъ чрезъ сіе не показать, обнадеживая, что не смотря на несчастливое состояніе публичныхъ дѣлъ, я не могу приминуть васъ просить обнадеженнымъ быть о великой эстимѣ и великой консидераціи, съ которою я есмь и всегда пребуду“.

Онъ же Черкасской въ 11-мъ числѣ сего марта въ подтвердительномъ послѣднемъ его роспросѣ сказалъ: Во всемъ, о чемъ онъ Черкасской показалъ, утверж-

вичь къ Черкасскому изъ Горокъ привезъ отъ помянутаго Витковскаго, а тѣ письма отъ Потоцкаго или отъ Витковскаго или отъ другого кого были писаны, и о чемъ, того не знаетъ.

13.

Польскій же шляхтичь Витковскій, который отправилъ съ вышепомянутымъ Накревичемъ изъ Горокъ къ Черкасскому письмо отъ Потоцкаго, при своемъ письмѣ послалъ, въ которомъ онъ Витковскій писалъ о освобожденіи своемъ изъ-подъ ареста, а тогда его арестовалъ Николай Потемкинъ, а за что не знаетъ; а Потоцкій о чемъ къ Черкасскому писалъ, не вѣдаетъ; а окромѣ того, отъ Потоцкаго и ни отъ кого писемъ не посылывалъ и не получалъ и ни о какихъ фавціяхъ и о противныхъ замыслахъ къ сторонѣ Ея Императорскаго Величества отъ Потоцкаго приказовъ къ нему Витковскому не было.

На 13-й.

А Черкасской, смотря помянутаго присланнаго къ нему Потоцкаго письма, сказалъ: То Потоцкаго письмо чрезъ нарочнаго онъ получилъ, токмо онъ въ томъ письмѣ никакой важности не признаваетъ, и въ какую силу то Потоцкій къ нему писалъ, того не знаетъ, а слышалъ онъ, что Потоцкій хотѣлъ быть въ Смоленскѣ, а оттуда въ С.-Петербургъ.

А въ томъ письмѣ написано тако:

„Я намѣренъ былъ приближиться вскорѣ въ ваше сосѣдство и честь имѣть ваше превосходительство видѣть и благодарить и за всѣ ваши пріязни, которыя вы мнѣ показали; но я вижу къ великому моему сожалѣнію, что человѣкъ намѣряетъ, а Богъ располагаетъ; и тако, будучи препятствованъ настоящею конъюнктурою самъ то чинить, не могу того оставить, чтобъ чрезъ сіе не показать, обнадеживая, что не смотря на несчастливое состояніе публичныхъ дѣлъ, я не могу приминуть васъ просить обнадеженнымъ быть о великой эстимѣ и великой консидераціи, съ которою я есмь и всегда пребуду“.

Онъ же Черкасской въ 11-мъ числѣ сего марта въ подтвердительномъ послѣднемъ его роспросѣ сказалъ: Во всемъ, о чемъ онъ Черкасской показалъ, утверж-

дается на послѣдней своей повинной.

14.

Князь Александрова жена Черкасскаго княгиня Анна Иванова дочь противъ показанія Семеновой жены Корсака по особливому секретному важному дѣлу изъ Смоленска взята и на вопросъ о томъ и о прочемъ слѣдственномъ о Черкасскомъ дѣлѣ отвѣтствовала, что она по тому секретному дѣлу противъ Прасковьина показанія тако жь де и о прочемъ, что по сему дѣлу до мужа касается, отъ мужа своего не слыхивала и за нимъ того не знаетъ.

XVI.

Дополнительные допросы князю А. Черкасскому и Ѳ. Красному-Милашевичу.

1.

1734 апрѣля 1-го дня Ея Императорское Величество по докладу отъ учрежденной коммиссіи, слушавъ учиненнаго доклада и экстракта о показаніяхъ доносителя Ѳедора Милашевича и другихъ на князь Александра Черкасскаго, и о прочихъ по тому жь дѣлу, указала по именному своему Императорскаго Величества изустному указу: 1) по особливому секретному важному дѣлу Александра Пребышевскаго въ подтвержденіе еще распросить, въ томъ ли онъ утверждается; 2) доносителя Ѳедора Милашевича—о чемъ онъ словесно хотѣлъ Ея Императорскому Величеству доносить; 3) князь Александра Черкасскаго привесть въ застѣнокъ и разспрашивать съ подтвержденіемъ по оному важному секретному дѣлу. да въ чемъ онъ Черкасской по доносителеву и прочихъ показанію не во всемъ винился, а въ чемъ винился, о томъ спрашивать, кто съ нимъ въ томъ согласіи и намѣреніи были, также и сверхъ доносителева показанія, что̀ онъ Черкасской еще за собою и за другими кѣмъ по оному дѣлу знаетъ, чтобъ показалъ сущую правду безъ всякія утайки, за что̀ получитъ отъ Ея Императорскаго Величества нѣкоторую милость; и кто что̀ покажутъ, о томъ доложить Ея Императорскому Величеству.

Подлинное за подписаніемъ господъ министровъ.

дается на послѣдней своей повинной.

14.

Князь Александрова жена Черкасскаго княгиня Анна Иванова дочь противъ показанія Семеновой жены Корсака по особливому секретному важному дѣлу изъ Смоленска взята и на вопросъ о томъ и о прочемъ слѣдственномъ о Черкасскомъ дѣлѣ отвѣтствовала, что она по тому секретному дѣлу противъ Прасковьина показанія тако жь де и о прочемъ, что по сему дѣлу до мужа касается, отъ мужа своего не слыхивала и за нимъ того не знаетъ.

XVI.

Дополнительные допросы князю А. Черкасскому и Ѳ. Красному-Милашевичу.

1.

1734 апрѣля 1-го дня Ея Императорское Величество по докладу отъ учрежденной коммиссіи, слушавъ учиненнаго доклада и экстракта о показаніяхъ доносителя Ѳедора Милашевича и другихъ на князь Александра Черкасскаго, и о прочихъ по тому жь дѣлу, указала по именному своему Императорскаго Величества изустному указу: 1) по особливому секретному важному дѣлу Александра Пребышевскаго въ подтвержденіе еще распросить, въ томъ ли онъ утверждается; 2) доносителя Ѳедора Милашевича—о чемъ онъ словесно хотѣлъ Ея Императорскому Величеству доносить; 3) князь Александра Черкасскаго привесть въ застѣнокъ и разспрашивать съ подтвержденіемъ по оному важному секретному дѣлу. да въ чемъ онъ Черкасской по доносителеву и прочихъ показанію не во всемъ винился, а въ чемъ винился, о томъ спрашивать, кто съ нимъ въ томъ согласіи и намѣреніи были, также и сверхъ доносителева показанія, что̀ онъ Черкасской еще за собою и за другими кѣмъ по оному дѣлу знаетъ, чтобъ показалъ сущую правду безъ всякія утайки, за что̀ получитъ отъ Ея Императорскаго Величества нѣкоторую милость; и кто что̀ покажутъ, о томъ доложить Ея Императорскому Величеству.

Подлинное за подписаніемъ господъ министровъ.

2.

1734 года апрѣля 1-го дня, въ учрежденной коммиссіи предъ собраніемъ доноситель Ѳедоръ Милашевичь о пунктѣ, о которомъ онъ хотѣлъ самой Ея Императорскому Величеству изустно донести, спрашиванъ и сказалъ: Въ прошломъ 1732 году, въ бытность въ С.-Петербургѣ Потоцкаго, былъ при немъ польскій шляхтичь Выжга, сказывалъ ему Ѳедору, что де цесаревна Елисавета Петровна, наряжась въ мужское платье, ходитъ въ Греческую слободу въ одинъ домъ, куда и Потоцкій ходитъ же; а потомъ и самъ Потоцкій ему Ѳедору о томъ сказывалъ же и приказывалъ: когда де она цесаревна пройдетъ Греческою улицею въ помянутый домъ, чтобъ о томъ онъ Ѳедоръ его Потоцкаго увѣдомлялъ, понеже она цесаревна хаживала мимо его Ѳедоровой квартиры, что̀ онъ Ѳедоръ и исполнялъ,—какъ цесаревна пройдетъ въ томъ домъ, тогда онъ Ѳедоръ ему Потоцкому сказывалъ, куда и Потоцкій тогда же прихаживалъ; а когда цесаревна улицею въ мужскомъ платьѣ хаживала въ оный домъ, то онъ Ѳедоръ присмотрѣлъ за нею двухъ дѣвокъ однажды, токмо въ военномъ они платьи, изъ которыхъ одна Марья Нарышкина, а другой не знаетъ; и по вышепомянутой причинѣ къ нему Ѳедору Потоцкій былъ и добръ; а чей оный былъ домъ—не знаетъ, а указать можетъ; а хаживала она цесаревна въ тотъ домъ часто, дни чрезъ два и чрезъ три; а онъ Ѳедоръ между ими ни въ каковыхъ пересылкахъ, ни письменныхъ, ни словесныхъ не бывалъ, такожде и въ дѣлѣ ономъ не бывалъ же; да оный же Потоцкій носитъ у себя на камзолѣ цесаревны Елисаветы Петровны портретъ, безъ стекла и безъ алмазовъ, на черной лентѣ, а величиною оный въ полтинникъ; и какъ уже Потоцкій былъ въ Польшѣ, хотѣлъ его Ѳедора къ цесаревнѣ послать съ письмами, токмо онъ не поѣхалъ; а больше сего по оному пункту другаго донести не имѣетъ.

Ѳедоръ Красный-Милашевичь руку приложилъ.

3.

1734 апрѣля 1-го дня, въ застѣнкѣ при дыбѣ князь Александръ Черкасской сказалъ: Что̀ онъ прежде сего во всѣхъ своихъ повинныхъ и въ роспросѣхъ, что ни сказывалъ на себя, отъ того всего отпирался, что ни въ чемъ томъ не виновенъ. А потомъ онъ же Черкасской сказалъ: Что̀ де онъ во всѣхъ своихъ повинныхъ и роспросѣхъ сказывалъ, въ томъ таки нынѣ винится, и какъ прежде многократно съ подписаніемъ въ повинныхъ и въ роспросѣхъ сказывалъ, такъ и нынѣ въ томъ утверждается и винится. А потомъ онъ же Черкасской сказалъ, что оное все на себя затѣялъ напрасно, убѣгая истязанія. У подлиннаго приписано тако: Князь Александръ Черкасской.

Какъ министры изъ застѣнка пошли, тогда князь Александръ Черкасской просилъ ихъ, чтобъ отъ него выслушать, и доносилъ, имъ, чтобъ они доложили Ея Императорскому Величеству и засту-

2.

1734 года апрѣля 1-го дня, въ учрежденной коммиссіи предъ собраніемъ доноситель Ѳедоръ Милашевичь о пунктѣ, о которомъ онъ хотѣлъ самой Ея Императорскому Величеству изустно донести, спрашиванъ и сказалъ: Въ прошломъ 1732 году, въ бытность въ С.-Петербургѣ Потоцкаго, былъ при немъ польскій шляхтичь Выжга, сказывалъ ему Ѳедору, что де цесаревна Елисавета Петровна, наряжась въ муское платье, ходитъ въ Греческую слободу въ одинъ домъ, куда и Потоцкій ходитъ же; а потомъ и самъ Потоцкій ему Ѳедору о томъ сказывалъ же и приказывалъ: когда де она цесаревна пройдетъ Греческою улицею въ помянутый домъ, чтобъ о томъ онъ Ѳедоръ его Потоцкаго увѣдомлялъ, понеже она цесаревна хаживала мимо его Ѳедоровой квартиры, что̀ онъ Ѳедоръ и исполнялъ,—какъ цесаревна пройдетъ въ томъ домъ, тогда онъ Ѳедоръ ему Потоцкому сказывалъ, куда и Потоцкій тогда же прихаживалъ; а когда цесаревна улицею въ мужскомъ платьѣ хаживала въ оный домъ, то онъ Ѳедоръ присмотрѣлъ за нею двухъ дѣвокъ однажды, токмо въ военномъ они платьи, изъ которыхъ одна Марья Нарышкина, а другой не знаетъ; и по вышепомянутой причинѣ къ нему Ѳедору Потоцкій былъ и добръ; а чей оный былъ домъ—не знаетъ, а указать можетъ; а хаживала она цесаревна въ тотъ домъ часто, дни чрезъ два и чрезъ три; а онъ Ѳедоръ между ими ни въ каковыхъ пересылкахъ, ни письменныхъ, ни словесныхъ не бывалъ, такожде и въ дѣлѣ ономъ не бывалъ же; да оный же Потоцкій носитъ у себя на камзолѣ цесаревны Елисаветы Петровны портретъ, безъ стекла и безъ алмазовъ, на черной лентѣ, а величиною оный въ полтинникъ; и какъ уже Потоцкій былъ въ Польшѣ, хотѣлъ его Ѳедора къ цесаревнѣ послать съ письмами, токмо онъ не поѣхалъ; а больше сего по оному пункту другаго донести не имѣетъ.

Ѳедоръ Красный-Милашевичь руку приложилъ.

3.

1734 апрѣля 1-го дня, въ застѣнкѣ при дыбѣ князь Александръ Черкасской сказалъ: Что̀ онъ прежде сего во всѣхъ своихъ повинныхъ и въ роспросѣхъ, что ни сказывалъ на себя, отъ того всего отпирался, что ни въ чемъ томъ не виновенъ. А потомъ онъ же Черкасской сказалъ: Что̀ де онъ во всѣхъ своихъ повинныхъ и роспросѣхъ сказывалъ, въ томъ таки нынѣ винится, и какъ прежде многократно съ подписаніемъ въ повинныхъ и въ роспросѣхъ сказывалъ, такъ и нынѣ въ томъ утверждается и винится. А потомъ онъ же Черкасской сказалъ, что оное все на себя затѣялъ напрасно, убѣгая истязанія. У подлиннаго приписано тако: Князь Александръ Черкасской.

Какъ министры изъ застѣнка пошли, тогда князь Александръ Черкасской просилъ ихъ, чтобъ отъ него выслушать, и доносилъ, имъ, чтобъ они доложили Ея Императорскому Величеству и засту-

пили о освобожденіи его отъ казни, а послать бы его хотя куда за его вины въ заточеніе, то онъ во всемъ свою вину принесетъ. А какъ ему Черкасскому оная записка для подписки объявлена, тогда онъ Черкасской сказалъ: полно, онъ такія слова, что онъ во всемъ свою вину принесетъ, говорилъ ли, не помнитъ, и за тѣмъ не подписался.

XVII.

Пятое доношеніе Ѳ. Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская!

Вашему Императорскому Величеству о нижеслѣдующемъ всеподданнѣйше доношу.

1.

Хотя мнѣ отъ Черкасскаго и былъ приказъ, чтобъ я, бывъ у Потоцкаго, о всемъ ему, за чѣмъ я отъ него Черкасскаго въ Голштиндію былъ посланъ и о присягѣ генералъ-маіора Потемкина съ прочими сказалъ, токмо я Потоцкому и примасову секретарю Магельницкому и никому въ Польшѣ про то не сказывалъ и письменно о томъ Потоцкаго не увѣдомлялъ и отъ Потоцкаго никаковыхъ фальшивыхъ писемъ по сему дѣлу не получалъ.

2.

Отъ помянутаго жь секретаря Магельницкаго приказу мнѣ Потоцкаго и его о сочиненіи концепта цыфирному письму, яко бы отъ всѣхъ Смольянъ сочиненные пункты въ вѣрности Лещинскому, да къ нему жь Лещинскому будто отъ генералъ-маіора Потемкина о вѣрности же письмо, да третіе, якобы ко мнѣ отъ Потемкина жь не было, а оныхъ всѣхъ концептовъ я съ Магельницкимъ не сочинялъ, и набѣло шляхтичь Станишевскій не переписывалъ, и на сеймикахъ о объявленіи того—приказу отъ Магельницкаго мнѣ не было, а помянутыя письма я сочинялъ самъ одинъ для доказательства Черкасскому, понеже, ѣдучи изъ Киля, посланнаго со мною отъ Черкасскаго письма: первое къ герцогу, второе будто отъ Потемкина, третье къ Дивіэру отъ него жь Черкасскаго, четвертое присягу и съ росписью на дорогѣ всѣ обронилъ, а будучи въ Голштиндіи, оныхъ писемъ не роздалъ, для того что герцога не видалъ, а Дивіэра хотя и видѣлъ, и ему не отдалъ, понеже онъ вскорѣ самъ хотѣлъ ѣхать въ Россію, и о томъ онъ мнѣ сказывалъ.

3.

А въ бытность мою въ Килѣ сказывалъ я, за чѣмъ и съ чѣмъ меня Черкасской въ Голштиндію прислалъ только одному россійскому человѣку Вельяминову, а имя запамятовалъ, который въ

пили о освобожденіи его отъ казни, а послать бы его хотя куда за его вины въ заточеніе, то онъ во всемъ свою вину принесетъ. А какъ ему Черкасскому оная записка для подписки объявлена, тогда онъ Черкасской сказалъ: полно, онъ такія слова, что онъ во всемъ свою вину принесетъ, говорилъ ли, не помнитъ, и за тѣмъ не подписался.

XVII.

Пятое доношеніе Ѳ. Краснаго-Милашевича.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская!

Вашему Императорскому Величеству о нижеслѣдующемъ всеподданнѣйше доношу.

1.

Хотя мнѣ отъ Черкасскаго и былъ приказъ, чтобъ я, бывъ у Потоцкаго, о всемъ ему, за чѣмъ я отъ него Черкасскаго въ Голштиндію былъ посланъ и о присягѣ генералъ-маіора Потемкина съ прочими сказалъ, токмо я Потоцкому и примасову секретарю Магельницкому и никому въ Польшѣ про то не сказывалъ и письменно о томъ Потоцкаго не увѣдомлялъ и отъ Потоцкаго никаковыхъ фальшивыхъ писемъ по сему дѣлу не получалъ.

2.

Отъ помянутаго жь секретаря Магельницкаго приказу мнѣ Потоцкаго и его о сочиненіи концепта цыфирному письму, яко бы отъ всѣхъ Смольянъ сочиненные пункты въ вѣрности Лещинскому, да къ нему жь Лещинскому будто отъ генералъ-маіора Потемкина о вѣрности же письмо, да третіе, якобы ко мнѣ отъ Потемкина жь не было, а оныхъ всѣхъ концептовъ я съ Магельницкимъ не сочинялъ, и набѣло шляхтичь Станишевскій не переписывалъ, и на сеймикахъ о объявленіи того—приказу отъ Магельницкаго мнѣ не было, а помянутыя письма я сочинялъ самъ одинъ для доказательства Черкасскому, понеже, ѣдучи изъ Киля, посланнаго со мною отъ Черкасскаго письма: первое къ герцогу, второе будто отъ Потемкина, третье къ Дивіэру отъ него жь Черкасскаго, четвертое присягу и съ росписью на дорогѣ всѣ обронилъ, а будучи въ Голштиндіи, оныхъ писемъ не роздалъ, для того что герцога не видалъ, а Дивіэра хотя и видѣлъ, и ему не отдалъ, понеже онъ вскорѣ самъ хотѣлъ ѣхать въ Россію, и о томъ онъ мнѣ сказывалъ.

3.

А въ бытность мою въ Килѣ сказывалъ я, за чѣмъ и съ чѣмъ меня Черкасской въ Голштиндію прислалъ только одному россійскому человѣку Вельяминову, а имя запамятовалъ, который въ

голштиндской службѣ обрѣтается поручикомъ, а другому о томъ никому не сказывалъ, и помянутый Вельяминовъ присовѣтовалъ мнѣ, чтобъ я о себѣ въ Нейштатъ къ герцогу отписалъ, по которому его совѣту я и писалъ о себѣ, объявляя, что я пріѣхалъ изъ Россійской земли съ нужнымъ дѣломъ, чтобъ онъ герцогъ приказалъ мнѣ быть въ Нейштатѣ; и то письмо отдалъ я каммергеру Штарку, а при томъ былъ и Дивіэръ, а посланныхъ со мною отъ Черкасскаго къ герцогу писемъ Штарку не отдавалъ.

4.

А по представленіи Дивіэру передъ принцемъ я былъ, и что меня Черкасской въ Киль прислалъ, доносилъ, и руку у него поцѣловалъ; только при томъ я не говорилъ, съ чѣмъ меня и за чѣмъ въ Киль Черкасской прислалъ; а о вѣрности Черкасскаго къ герцогу тогда говорилъ ли я, и напротивъ моихъ словъ за принца Эхлеръ, благодарствуя за вѣрность Черкасскаго. а мои труды, что я такъ далеко ѣхалъ, и за то ему Черкасскому и мнѣ всякую милость оказывать обѣщалъ, какъ о томъ я въ послѣдней повинной генваря 21-го дня сего года написалъ, того истинно не помню; а какъ я былъ передъ принцемъ и тогда только говорилъ я, что пріѣхалъ въ Киль искать службы.

5.

А что я въ прежнихъ моихъ показаніяхъ о вышеписанномъ не показалъ, и то я учинилъ отъ великаго страху и безпамятства и отъ несовершенныхъ лѣтъ; а нынѣ о вышеписанномъ приношу Вашему Императорскому Величеству, яко Богу, самую сущую истину по чистой моей совѣсти, а въ прочемъ, сверхъ онаго, о чемъ я на Черкасскаго показывалъ, въ томъ во всемъ утверждаюсь на тѣхъ моихъ показаніяхъ и всеподданнѣйше и Вашего Императорскаго Величества прошу помилованія сотворить со мною, бѣднымъ человѣкомъ, милость.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ Ѳедоръ Милашевичъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Мая 22-го дня 1734 года.

XVIII.

Доклады императрицѣ Аннѣ.

I.

Ея Императорскому Величеству самодержицѣ всероссійской отъ учрежденной коммиссіи всеподданнѣйшій докладъ.

Понеже по докладу Вашему Императорскому Величеству по дѣлу о доношеніи на князь Александра Черкасскаго доносителя Ѳедора

голштиндской службѣ обрѣтается поручикомъ, а другому о томъ никому не сказывалъ, и помянутый Вельяминовъ присовѣтовалъ мнѣ, чтобъ я о себѣ въ Нейштатъ къ герцогу отписалъ, по которому его совѣту я и писалъ о себѣ, объявляя, что я пріѣхалъ изъ Россійской земли съ нужнымъ дѣломъ, чтобъ онъ герцогъ приказалъ мнѣ быть въ Нейштатѣ; и то письмо отдалъ я каммергеру Штарку, а при томъ былъ и Дивіэръ, а посланныхъ со мною отъ Черкасскаго къ герцогу писемъ Штарку не отдавалъ.

4.

А по представленіи Дивіэру передъ принцемъ я былъ, и что меня Черкасской въ Киль прислалъ, доносилъ, и руку у него поцѣловалъ; токмо при томъ я не говорилъ, съ чѣмъ меня и за чѣмъ въ Киль Черкасской прислалъ; а о вѣрности Черкасскаго къ герцогу тогда говорилъ ли я, и напротивъ моихъ словъ за принца Эхлеръ, благодарствуя за вѣрность Черкасскаго. а мои труды, что я такъ далеко ѣхалъ, и за то ему Черкасскому и мнѣ всякую милость оказывать обѣщалъ, какъ о томъ я въ послѣдней повинной генваря 21-го дня сего года написалъ, того истинно не помню; а какъ я былъ передъ принцемъ и тогда только говорилъ я, что пріѣхалъ въ Киль искать службы.

5.

А что я въ прежнихъ моихъ показаніяхъ о вышеписанномъ не показалъ, и то я учинилъ отъ великаго страху и безпамятства и отъ несовершенныхъ лѣтъ; а нынѣ о вышеписанномъ приношу Вашему Императорскому Величеству, яко Богу, самую сущую истину по чистой моей совѣсти, а въ прочемъ, сверхъ онаго, о чемъ я на Черкасскаго показывалъ, въ томъ во всемъ утверждаюсь на тѣхъ моихъ показаніяхъ и всеподданнѣйше и Вашего Императорскаго Величества прошу помилованія сотворить со мною, бѣднымъ человѣкомъ, милость.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ Ѳедоръ Милашевичъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Мая 22-го дня 1734 года.

XVIII.

Доклады императрицѣ Аннѣ.

I.

Ея Императорскому Величеству самодержицѣ всероссійской отъ учрежденной коммиссіи всеподданнѣйшій докладъ.

Понеже по докладу Вашему Императорскому Величеству по дѣлу о доношеніи на князь Александра Черкасскаго доносителя Ѳедора

Милашевича, также и по показанію на него жь Черкасскаго домового его управителя Пребышевскаго и шурина его Семена Корсака и жены онаго Корсака Прасковьи Денисовой дочери, во многихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ и касающееся до высочайшей Вашего Императорскаго Величества чести и Вашего Императорскаго Величества высокой фамиліи онъ Черкасской въ роспросѣхъ своихъ и въ повинныхъ многократно винился, а потомъ многократно и запирался, такожь доносителя Милашевича въ повинныхъ и въ допросѣхъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ явился перемѣны, чего ради по правамъ надлежало было обоими ими какъ Черкасскимъ, такъ и Милашевичемъ произвесть розыскомъ, но ежели Ваше Императорское Величество того чинить повелѣть не соизволите, то учрежденная коммиссія мнѣніе свое представляетъ слѣдующее по всѣмъ обстоятельствамъ и изслѣдованіямъ и по розыскамъ о томъ дѣлѣ:

Коммиссія не усмотрѣла, чтобъ до какого глубокаго слѣдованія дошло, но токмо тотъ злой умыслъ происходилъ отъ него Черкасскаго съ нимъ Милашевичемъ въ словахъ и на письмахъ; и такожь упомянутая коммиссія Вашему Императорскому Величеству по присяжной своей должности представляетъ, что оный Черкасской не токмо въ собственноручныхъ нѣсколькихъ своихъ повинныхъ, безъ всякаго принужденія по собственному своему желанію написанныхъ, такожь и въ допросѣхъ показалъ, но и предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ изустно вину свою приносилъ, что противу присяжной своей должности желалъ принцу Голштинскому наслѣдіе Всероссійскаго престола имѣть, и для того послалъ съ доносителемъ Милашевичемъ къ герцогу свое письмо, да при томъ другое, якобы отъ генералъ-маіора Потемкина, которому концептъ сочинялъ же онъ Черкасской вымысломъ своимъ, будто оный Потемкинъ со многими Смоленскими шляхты находятся къ герцогу въ вѣрности, и сказывалъ доносителю, что Смольяне присягали, якобы не Вашему Императорскому Величеству, но принцу; да онъ же Черкасской сочинилъ на имя принцево въ вѣрности фальшивую присягу, подъ которою доносителю велѣлъ подписать, выбравъ изъ писемъ отца его, Смоленскихъ шляхтъ; такожь сочинилъ концептъ инструкціи, что доносителю представлять герцогу, и со онаго концепта на бѣло переписалъ доноситель, которую онъ Черкасской по объявленіи ему въ коммисіи читалъ и призналъ за сущую отъ себя сочиненную, токмо во оной переправилъ своеручно нѣкоторыя слова, о которыхъ объявилъ, что будто въ его концептѣ не такъ написаны были, и потому видно, что онъ тое инструкцію подлинно сочинялъ самъ, ибо ему въ неправкѣ весьма было памятно, а во оной инструкціи между прочимъ упоминается, что онъ Черкасской не токмо Смольянъ, но и Украйну можетъ въ вѣрность къ принцу привесть, во оной же представлялъ и другія важныя противности, о чемъ именно въ той инструкціи значитъ; упомянутой же Черкасской о высочайшей Вашего Императорскаго Величества особѣ говорилъ будто не долговѣчна, а къ какимъ рѣчамъ якобы не помнитъ. Такожь по показанію Пребышевскаго, Семена Корсака и же-

Милашевича, также и по показанію на него жь Черкасскаго домового его управителя Пребышевскаго и шурина его Семена Корсака и жены онаго Корсака Прасковьи Денисовой дочери, во многихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ и касающееся до высочайшей Вашего Императорскаго Величества чести и Вашего Императорскаго Величества высокой фамиліи онъ Черкасской въ роспросѣхъ своихъ и въ повинныхъ многократно винился, а потомъ многократно и запирался, такожь доносителя Милашевича въ повинныхъ и въ допросѣхъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ явился перемѣны, чего ради по правамъ надлежало было обоими ими какъ Черкасскимъ, такъ и Милашевичемъ произвесть розыскомъ, но ежели Ваше Императорское Величество того чинить повелѣть не соизволите, то учрежденная коммиссія мнѣніе свое представляетъ слѣдующее по всѣмъ обстоятельствамъ и изслѣдованіямъ и по розыскамъ о томъ дѣлѣ:

Коммиссія не усмотрѣла, чтобъ до какого глубокаго слѣдованія дошло, но токмо тотъ злой умыслъ происходилъ отъ него Черкасскаго съ нимъ Милашевичемъ въ словахъ и на письмахъ; и такожь упомянутая коммиссія Вашему Императорскому Величеству по присяжной своей должности представляетъ, что оный Черкасской не токмо въ собственноручныхъ нѣсколькихъ своихъ повинныхъ, безъ всякаго принужденія по собственному своему желанію написанныхъ, такожь и въ допросѣхъ показалъ, но и предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ изустно вину свою приносилъ, что противу присяжной своей должности желалъ принцу Голштинскому наслѣдіе Всероссійскаго престола имѣть, и для того послалъ съ доносителемъ Милашевичемъ къ герцогу свое письмо, да при томъ другое, якобы отъ генералъ-маіора Потемкина, которому концептъ сочинялъ же онъ Черкасской вымысломъ своимъ, будто оный Потемкинъ со многими Смоленскими шляхты находятся къ герцогу въ вѣрности, и сказывалъ доносителю, что Смольяне присягали, якобы не Вашему Императорскому Величеству, но принцу; да онъ же Черкасской сочинилъ на имя принцево въ вѣрности фальшивую присягу, подъ которою доносителю велѣлъ подписать, выбравъ изъ писемъ отца его, Смоленскихъ шляхтъ; такожь сочинилъ концептъ инструкціи, что доносителю представлять герцогу, и со онаго концепта на бѣло переписалъ доноситель, которую онъ Черкасской по объявленіи ему въ коммисіи читалъ и призналъ за сущую отъ себя сочиненную, токмо во оной переправилъ своеручно нѣкоторыя слова, о которыхъ объявилъ, что будто въ его концептѣ не такъ написаны были, и потому видно, что онъ тое инструкцію подлинно сочинялъ самъ, ибо ему въ неправкѣ весьма было памятно, а во оной инструкціи между прочимъ упоминается, что онъ Черкасской не токмо Смольянъ, но и Украйну можетъ въ вѣрность къ принцу привесть, во оной же представлялъ и другія важныя противности, о чемъ именно въ той инструкціи значитъ; упомянутой же Черкасской о высочайшей Вашего Императорскаго Величества особѣ говорилъ будто не долговѣчна, а къ какимъ рѣчамъ якобы не помнитъ. Такожь по показанію Пребышевскаго, Семена Корсака и же-

ны его, и другія поносныя слова о высочайшей Вашего Императорскаго Величества персонѣ и Вашего Императорскаго Величества высокой фамиліи онъ Черкасской употреблялъ; да упомянутый же Семенъ Корсакъ показалъ склонности Черкасскаго къ возстановленію республики въ Россіи, какъ о томъ обстоятельно по дѣлу явно, изъ чего въ нѣкоторыхъ словахъ онъ Черкасской самъ признался и подписался, а Пребышевскій и Корсакъ съ пытокъ, а Прасковья Корсакова въ застѣнкѣ каждый на своихъ показаніяхъ утверждаются; на него жь Черкасскаго человѣкъ его Петръ Куксинъ въ допросѣ и съ пытки сказалъ, что по приказу онаго Черкасскаго у полученнаго изъ Голштиндіи письма отъ Милашевича P. S. вычистилъ (какъ на томъ оригинальномъ письмѣ то чищенье, въ которомъ написано было, что доноситель данную ему отъ него Черкасскаго коммисію исправилъ, ручку поцѣловалъ, о чемъ тогда и поручикъ Аршеневскій съ пытки показалъ, точно жь въ чемъ и самъ онъ Черкасской уже винился, что тотъ P. S. человѣку своему вычищать приказывалъ); да еще онъ же Черкасской отъ помянутаго Милашевича полученныя жъ два письма, писанныя о томъ же дѣлѣ, сжегъ; означенный же Черкасской, прикрывая отъѣздъ изъ Смоленска доносителевъ, велѣлъ подать отцу его явочную челобитную яко бы о безвѣстномъ отъѣздѣ, о которой челобитной какъ по дѣлу значитъ, онъ Черкасской укрывалъ годъ цѣлый и никуды о томъ не писалъ, а хотя онъ Черкасской, будучи приведенъ въ застѣнокъ, во всемъ томъ, что̀ выше сего объявлено, предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и въ собственныхъ своихъ повинныхъ и роспросѣхъ и въ очныхъ ставкахъ и по уликамъ отъ другихъ винился, а потомъ отперся; но видно по его въ томъ самомъ случаѣ многократнымъ перемѣннымъ словамъ и по учиненному жь тогда его прошенію о исходатайствованіи ему свобожденія отъ смерти, что онъ Черкасской въ томъ заперся, хотя тѣмъ себя отъ казни свободить; но по всѣмъ обстоятельствамъ вышепоказаннымъ учрежденная коммиссія разсуждаетъ, что то, въ чемъ онъ Черкасской прежде предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, а потомъ въ повинныхъ своихъ и въ роспросѣхъ и по уликамъ винился, во всемъ томъ виновенъ,—того ради за вышеупомянутыя его Черкасскаго противъ присяжной должности и подданства и предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ самодержавною государынею показанныя тяжкія вины, по мнѣнію учрежденной коммисіи, по уложенію и по государственнымъ правамъ надлежитъ ему Черкасскому учинить смертная казнь; а доноситель Милашевичь, за сообщеніе свое съ Черкасскимъ въ такомъ ихъ противномъ дѣлѣ и умышленіи, что онъ, принявъ отъ Черкасскаго коммиссію, ѣздилъ въ Голштиндію и долговременно о томъ не доносилъ, и сверхъ онаго, сперва многихъ Смоленскихъ шляхтъ оклеветалъ невинно въ такомъ важномъ государственномъ преступленіи, тако жъ де и за многія въ его доношеніяхъ и повинныхъ явившіяся перемѣны, о которыхъ явственно по дѣлу открылося, хотя и подлежалъ смертной казни, но понеже чрезъ его добровольный при-

ны его, и другія поносныя слова о высочайшей Вашего Императорскаго Величества персонѣ и Вашего Императорскаго Величества высокой фамиліи онъ Черкасской употреблялъ; да упомянутый же Семенъ Корсакъ показалъ склонности Черкасскаго къ возстановленію республики въ Россіи, какъ о томъ обстоятельно по дѣлу явно, изъ чего въ нѣкоторыхъ словахъ онъ Черкасской самъ признался и подписался, а Пребышевскій и Корсакъ съ пытокъ, а Прасковья Корсакова въ застѣнкѣ каждый на своихъ показаніяхъ утверждаются; на него жь Черкасскаго человѣкъ его Петръ Кусинъ въ допросѣ и съ пытки сказалъ, что по приказу онаго Черкасскаго у полученнаго изъ Голштиндіи письма отъ Милашевича P. S. вычистилъ (какъ на томъ оригинальномъ письмѣ то чищенье, въ которомъ написано было, что доноситель данную ему отъ него Черкасскаго коммисію исправилъ, ручку поцѣловалъ, о чемъ тогда и поручикъ Аршеневскій съ пытки показалъ, точно жь въ чемъ и самъ онъ Черкасской уже винился, что тотъ P. S. человѣку своему вычищать приказывалъ); да еще онъ же Черкасской отъ помянутаго Милашевича полученныя жъ два письма, писанныя о томъ же дѣлѣ, сжегъ; означенный же Черкасской, прикрывая отъѣздъ изъ Смоленска доносителевъ, велѣлъ подать отцу его явочную челобитную яко бы о безвѣстномъ отъѣздѣ, о которой челобитной какъ по дѣлу значитъ, онъ Черкасской укрывалъ годъ цѣлый и никуды о томъ не писалъ, а хотя онъ Черкасской, будучи приведенъ въ застѣнокъ, во всемъ томъ, что̀ выше сего объявлено, предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и въ собственныхъ своихъ повинныхъ и роспросѣхъ и въ очныхъ ставкахъ и по уликамъ отъ другихъ винился, а потомъ отперся; но видно по его въ томъ самомъ случаѣ многократнымъ перемѣннымъ словамъ и по учиненному жь тогда его прошенію о исходатайствованіи ему свобожденія отъ смерти, что онъ Черкасской въ томъ заперся, хотя тѣмъ себя отъ казни свободить; но по всѣмъ обстоятельствамъ вышепоказаннымъ учрежденная коммиссія разсуждаетъ, что то, въ чемъ онъ Черкасской прежде предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, а потомъ въ повинныхъ своихъ и въ роспросѣхъ и по уликамъ винился, во всемъ томъ виновенъ,—того ради за вышеупомянутыя его Черкасскаго противъ присяжной должности и подданства и предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ самодержавною государынею показанныя тяжкія вины, по мнѣнію учрежденной коммисіи, по уложенію и по государственнымъ правамъ надлежитъ ему Черкасскому учинить смертная казнь; а доноситель Милашевичь, за сообщеніе свое съ Черкасскимъ въ такомъ ихъ противномъ дѣлѣ и умышленіи, что онъ, принявъ отъ Черкасскаго коммиссію, ѣздилъ въ Голштиндію и долговременно о томъ не доносилъ, и сверхъ онаго, сперва многихъ Смоленскихъ шляхтъ оклеветалъ невинно въ такомъ важномъ государственномъ преступленіи, тако жъ де и за многія въ его доношеніяхъ и повинныхъ явившіяся перемѣны, о которыхъ явственно по дѣлу открылося, хотя и подлежалъ смертной казни, но понеже чрезъ его добровольный пріі-

ѣздъ въ Гамбургъ и потомъ въ С.-Петербургъ и доношеніе о томъ государственномъ дѣлѣ, того ради учрежденная коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее свое мнѣніе представляетъ—отъ оной казни его за вышепоказаннымъ на Черкасскаго доказательствомъ освободить, а вмѣсто того послать его безъ наказанія въ ссылку, куды Ваше Императорское Величество повелѣть соизволите, а о невинно содержащихся подъ арестомъ, которые оклеветаны отъ доносителя и отъ Черкасскаго въ прежде поданномъ Вашему Императорскому Величеству докладѣ, при семъ коммиссія приноситъ всеподданнѣйшее вторичное доношеніе, а о прочихъ, которые потому же дѣлу приличились, донесено Вашему Императорскому Величеству будетъ особливо впредь немедленно.

Подлинный докладъ за подписаніемъ присутствующихъ въ коммиссіи господъ министровъ.

Мая 30-го дня
1734 года.

II.

Ея Императорскому Величеству самодержицѣ всероссійской отъ учрежденной коммиссіи всеподданнѣйшій докладъ.

По слѣдственному дѣлу о Черкасскомъ съ доносителемъ Милашевичемъ приличившіеся: Черкасскаго шуринъ шляхтичъ Семенъ Корсакъ, бывшій Черкасскаго домовой управитель Александръ Пребышевскій, поручикъ Иванъ Аршеневскій, были пытаны за то, что они, вѣдавъ за Черкасскимъ нижеслѣдующія важности, объ оныхъ добровольно не доносили, а именно:

Семенъ Корсакъ съ женою своею Прасковьею слыхали отъ Черкасскаго поносныя слова о высокой фамиліи Вашего Императорскаго Величества, да онъ же Корсакъ слыхалъ отъ Черкасскаго, какъ онъ говаривалъ про принца Голштинскаго о наслѣдствіи Россійскому государству и о склонности Черкасскаго къ возстановленію республики въ Россіи, какъ о томъ обстоятельнѣе по дѣлу явно; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляетъ за вышепоказанную ихъ вину послать его Семена съ женою въ ссылку въ Сибирь въ Вехотурье и опредѣлить имъ кормовыхъ денегъ по рублю на день.

Александръ Пребышевскій отъ Черкасскаго слыхивалъ поносныя слова о высочайшей Вашего Императорскаго Величества персонѣ и Вашего Императорскаго Величества высокой фамиліи и о прочемъ, чего и доноситель въ своихъ доношеніяхъ о томъ не поминалъ, и Черкасской въ нѣкоторыхъ словахъ по его Пребышевскаго и другихъ уликамъ винился, а не доносилъ онъ Пребышевскій о томъ сперва добровольно за уграживаніемъ отъ Черкасскаго, о чемъ явно по дѣлу, и за тотъ его недонось онъ Пребышевскій пытанъ; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляетъ за оную его вину послать его въ ссылку въ Сибирь на Тару и опредѣлить ему кормовыя деньги по пятидесятъ копѣекъ на день.

Поручикъ Иванъ Аршеневскій, какъ Черкасской человѣку сво-

ѣздъ въ Гамбургъ и потомъ въ С.-Петербургъ и доношеніе о томъ государственномъ дѣлѣ, того ради учрежденная коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее свое мнѣніе представляетъ—отъ оной казни его за вышепоказаннымъ на Черкасскаго доказательствомъ освободить, а вмѣсто того послать его безъ наказанія въ ссылку, куды Ваше Императорское Величество повелѣть соизволите, а о невинно содержащихся подъ арестомъ, которые оклеветаны отъ доносителя и отъ Черкасскаго въ прежде поданномъ Вашему Императорскому Величеству докладѣ, при семъ коммиссія приноситъ всеподданнѣйшее вторичное доношеніе, а о прочихъ, которые потому же дѣлу приличились, донесено Вашему Императорскому Величеству будетъ особливо впредь немедленно.

Подлинный докладъ за подписаніемъ присутствующихъ въ коммиссіи господъ министровъ.

Мая 30-го дня
1734 года.

II.

Ея Императорскому Величеству самодержицѣ всероссійской отъ учрежденной коммиссіи всеподданнѣйшій докладъ.

По слѣдственному дѣлу о Черкасскомъ съ доносителемъ Милашевичемъ приличившіеся: Черкасскаго шуринъ шляхтичъ Семенъ Корсакъ, бывшій Черкасскаго домовой управитель Александръ Пребышевскій, поручикъ Иванъ Аршеневскій, были пытаны за то, что они, вѣдавъ за Черкасскимъ нижеслѣдующія важности, объ оныхъ добровольно не доносили, а именно:

Семенъ Корсакъ съ женою своею Прасковьею слыхали отъ Черкасскаго поносныя слова о высокой фамиліи Вашего Императорскаго Величества, да онъ же Корсакъ слыхалъ отъ Черкасскаго, какъ онъ говаривалъ про принца Голштинскаго о наслѣдствіи Россійскому государству и о склонности Черкасскаго къ возстановленію республики въ Россіи, какъ о томъ обстоятельнѣе по дѣлу явно; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляетъ за вышепоказанную ихъ вину послать его Семена съ женою въ ссылку въ Сибирь въ Вехотурье и опредѣлить имъ кормовыхъ денегъ по рублю на день.

Александръ Пребышевскій отъ Черкасскаго слыхивалъ поносныя слова о высочайшей Вашего Императорскаго Величества персонѣ и Вашего Императорскаго Величества высокой фамиліи и о прочемъ, чего и доноситель въ своихъ доношеніяхъ о томъ не поминалъ, и Черкасской въ нѣкоторыхъ словахъ по его Пребышевскаго и другихъ уликамъ винился, а не доносилъ онъ Пребышевскій о томъ сперва добровольно за уграживаніемъ отъ Черкасскаго, о чемъ явно по дѣлу, и за тотъ его недонось онъ Пребышевскій пытанъ; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляетъ за оную его вину послать его въ ссылку въ Сибирь на Тару и опредѣлить ему кормовыя деньги по пятидесятъ копѣекъ на день.

Поручикъ Иванъ Аршеневскій, какъ Черкасской человѣку сво-

ему Петру Куксину (который умеръ) приказывалъ у присланнаго при письмѣ отъ доносителя Милашевича изъ Голштиндіи къ Черкасскому поскрыпть (а въ немъ было написано, что онъ доноситель коммиссію Черкасскаго исправилъ и принца въ ручку поцѣловалъ) вычистить, а другое доносителево жь письмо Черкасской бросилъ въ печь и сгорѣло, онъ Аршеневскій видѣлъ и о томъ сожженомъ письмѣ Аршеневскій Черкасскому говорилъ: ежели де сіе письмо важное, чтобъ объявилъ въ Петербургѣ; а Черкасской сказалъ: будетъ де объявитъ, то и самому за нимъ ѣхать, а въ Смоленску онъ Аршеневскій при слѣдствіи о томъ не объявилъ; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляетъ онаго Аршеневскаго за показанную его вину, что онъ о томъ добровольно не показалъ, послать его въ ссылку въ Сибирь въ Томскъ и опредѣлить ему кормовыхъ денегъ по рублю на день.

Доносителевъ отецъ Иванъ Милашевичь объ отъѣздѣ сына своего доносителя въ Голштиндію, и что Черкасской хотѣлъ писать къ герцогу о рекомендаціи того его сына, вѣдалъ и по приказу Черкасскаго, чрезъ того его сына явочное челобитье о безвѣстномъ отъѣздѣ сына его подалъ и приказывалъ сыну своему за рубежемъ написать себѣ абшитъ; да онъ же Иванъ сыну своему отговаривалъ, чтобъ о семъ дѣлѣ не доносить: „кто де намъ повѣритъ“; и чрезъ форпостъ у капитана Булка исходатайствовалъ сыну своему свободный за рубежъ проѣздъ; и что Черкасской говаривалъ о Голштиндскомъ принцѣ, что „онъ истинной наслѣдникъ Россійскаго государства, и для того надобно заблаговременно искать у него милости, а то де послѣ не таково будетъ, теперь де можетъ лучше выслужиться, понеже долго ли, коротко ли быть ему наслѣдникомъ“. о томъ отъ сына слыхалъ; и какъ сынъ его былъ въ Польшѣ, то онъ къ нему писалъ, чтобъ онъ ѣхалъ лучше въ Голштиндію; коммиссія представляетъ за вышепоказанныя его вины противъ присяжной его должности послать его Ивана въ ссылку въ Сибирь въ Мангазею и опредѣлить ему кормовыя деньги по пятидесятъ копѣекъ на день. А давать имъ оныя кормовыя деньги изъ доходовъ Сибирской губерніи, понеже имъ, будучи въ той ссылкѣ, безъ кормовыхъ денегъ пропитанія получать будетъ не откуда.

Доносителевъ же братъ Иванъ Милашевичь посыланъ былъ изъ Смоленска для привозу изъ Польши человѣка его доносителева Моисѣева (о которомъ онъ доноситель показывалъ, якобы письма привезъ отъ Черкасскаго), и объявилъ онъ Иванъ въ Смоленску при слѣдствіи ложно, будто того человѣка въ дорогѣ отбили; а по слѣдствію въ коммиссіи доноситель утвердился, что тѣхъ писемъ отъ Черкасскаго чрезъ помянутаго человѣка своего не получалъ, а сочинилъ оныя самъ одинъ въ Гамбургѣ для доказательства на Черкасскаго; и хотя до онаго доносителева брата по сему дѣлу по слѣдствію, кромѣ вышепоказаннаго, ничего и не касается, но заложное его о вышеписанномъ показаніе коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляетъ — послать его Ивана въ Ярославль и жить ему тамо до указу безъисходно, а по-

ему Петру Куксину (который умеръ) приказывалъ у присланнаго при письмѣ отъ доносителя Милашевича изъ Голштиндіи къ Черкасскому поскрыпть (а въ немъ было написано, что онъ доноситель коммиссію Черкасскаго исправилъ и принца въ ручку поцѣловалъ) вычистить, а другое доносителево жь письмо Черкасской бросилъ въ печь и сгорѣло, онъ Аршеневскій видѣлъ и о томъ сожженомъ письмѣ Аршеневскій Черкасскому говорилъ: ежели де сіе письмо важное, чтобъ объявилъ въ Петербургѣ; а Черкасской сказалъ: будетъ де объявитъ, то и самому за нимъ ѣхать, а въ Смоленску онъ Аршеневскій при слѣдствіи о томъ не объявилъ; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляетъ онаго Аршеневскаго за показанную его вину, что онъ о томъ добровольно не показалъ, послать его въ ссылку въ Сибирь въ Томскъ и опредѣлить ему кормовыхъ денегъ по рублю на день.

Доносителевъ отецъ Иванъ Милашевичь объ отъѣздѣ сына своего доносителя въ Голштиндію, и что Черкасской хотѣлъ писать къ герцогу о рекомендаціи того его сына, вѣдалъ и по приказу Черкасскаго, чрезъ того его сына явочное челобитье о безвѣстномъ отъѣздѣ сына его подалъ и приказывалъ сыну своему за рубежемъ написать себѣ абшитъ; да онъ же Иванъ сыну своему отговаривалъ, чтобъ о семъ дѣлѣ не доносить: „кто де намъ повѣритъ“; и чрезъ форпостъ у капитана Булка исходатайствовалъ сыну своему свободный за рубежъ проѣздъ; и что Черкасской говаривалъ о Голштиндскомъ принцѣ, что „онъ истинной наслѣдникъ Россійскаго государства, и для того надобно заблаговременно искать у него милости, а то де послѣ не таково будетъ, теперь де можетъ лучше выслужиться, понеже долго ли, коротко ли быть ему наслѣдникомъ“. о томъ отъ сына слыхалъ; и какъ сынъ его былъ въ Польшѣ, то онъ къ нему писалъ, чтобъ онъ ѣхалъ лучше въ Голштиндію; коммиссія представляетъ за вышепоказанныя его вины противъ присяжной его должности послать его Ивана въ ссылку въ Сибирь въ Мангазею и опредѣлить ему кормовыя деньги по пятидесятъ копѣекъ на день. А давать имъ оныя кормовыя деньги изъ доходовъ Сибирской губерніи, понеже имъ, будучи въ той ссылкѣ, безъ кормовыхъ денегъ пропитанія получать будетъ не откуда.

Доносителевъ же братъ Иванъ Милашевичь посыланъ былъ изъ Смоленска для привозу изъ Польши человѣка его доносителева Моисѣева (о которомъ онъ доноситель показывалъ, якобы письма привезъ отъ Черкасскаго), и объявилъ онъ Иванъ въ Смоленску при слѣдствіи ложно, будто того человѣка въ дорогѣ отбили; а по слѣдствію въ коммиссіи доноситель утвердился, что тѣхъ писемъ отъ Черкасскаго чрезъ помянутаго человѣка своего не получалъ, а сочинилъ оныя самъ одинъ въ Гамбургѣ для доказательства на Черкасскаго; и хотя до онаго доносителева брата по сему дѣлу по слѣдствію, кромѣ вышепоказаннаго, ничего и не касается, но заложное его о вышеписанномъ показаніе коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляетъ — послать его Ивана въ Ярославль и жить ему тамо до указу безъисходно, а по-

неже въ Ярославскомъ уѣздѣ есть отца его деревни, отъ которыхъ ему и пропитаніе получать, также и прочими отеческими всѣми деревнями и пожитками ему Ивану владѣть же невозбранно.

Смоленскій шляхтичь Николай Потемкинъ (который былъ въ Горахъ и Горкахъ управителемъ), а о немъ показано, что онъ въ тѣсномъ весьма согласіи съ Потоцкимъ былъ и на платежъ постановленной за Горы-Горки суммы денегъ въ займы Потоцкому далъ, и сынъ его у Потоцкаго обрѣтается; а въ роспросѣ онъ Николай сказалъ, что онъ съ Потоцкимъ никакой конфиденціи не имѣлъ, а заимно денегъ три тысячи рублевъ чрезъ него дано было отъ Смоленскаго купца, которые и возвращены; а сынъ его Потемкина жилъ при матерѣ своей за рубежемъ (съ которою онъ Николай въ несогласіи живетъ), котораго она своевольно отдала въ школу Потоцкому еще шестилѣтняго, тому нынѣ года съ два; а польскій шляхтичь Витковскій, бывшій въ Горкахъ же администраторомъ при вѣдомствѣ Потоцкаго, показалъ что чрезъ него Витковскаго къ нему Потемкину никаковыхъ корреспонденцій и словесныхъ приказовъ не было, понеже де Потоцкій его Потемкина не любливалъ, а другихъ никакихъ по сему дѣлу важностей отъ доносителя и отъ Черкасскаго и отъ прочихъ на него Потемкина не показано; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляетъ—онаго Николая посылать въ ссылку въ Сибирь въ Тобольскъ и опредѣлить его тамъ къ дѣламъ, къ какимъ онъ будетъ достоинъ по разсмотрѣнію губернаторскому.

Князь Богдана Соколинскаго жена Розалія, на которую показалъ Пребышевскій, что она выдумала просить ленты, а носилъ де ихъ Черкасской со многими Смольяны въ знакъ кавалеріи; а Черкасской и означенная Розалія и другіе показали, что оныя ленточки маленькія пучками нашивали, да и то токмо въ знакъ компаніи, а не въ другой образъ, а кавалеріями ихъ не называли; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доноситъ—долговременный арестъ вмѣнить ей въ наказаніе и свободить ее по прежнему въ Смоленскъ, понеже до нея другихъ важностей не касается.

Степанъ Корсакъ съ женою и съ падчерицею привезены были во свидѣтельство важныхъ секретныхъ словъ, показанныхъ отъ Пребышевскаго на Черкасскаго, и что они отъ Черкасскаго слышали, то ясно показали; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доноситъ—оныхъ Степана съ женою и съ падчерицею свободить, объявя имъ Вашего Императорскаго Величества указъ: по которымъ они дѣламъ были содержаны и о чемъ были спрашиваны, о тѣхъ никому въ разговорѣхъ подъ потеряніемъ своего живота отнюдь не сказывать.

Учитель дѣтей Черкасскаго Французъ Пирардъ писывалъ отъ Черкасскаго къ Потоцкому о деревенскихъ дѣлахъ, а важности отъ Черкасскаго и отъ себя ни къ кому ни о чемъ не писывалъ и ничего ни за кѣмъ не знаетъ; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доноситъ—онаго Француза, свободить понеже до него никакого дѣла не касается, и никто никакой важности на него не показалъ.

неже въ Ярославскомъ уѣздѣ есть отца его деревни, отъ которыхъ ему и пропитаніе получать, также и прочими отеческими всѣми деревнями и пожитками ему Ивану владѣть же невозбранно.

Смоленскій шляхтичь Николай Потемкинъ (который былъ въ Горахъ и Горкахъ управителемъ), а о немъ показано, что онъ въ тѣсномъ весьма согласіи съ Потоцкимъ былъ и на платежъ постановленной за Горы-Горки суммы денегъ въ займы Потоцкому далъ, и сынъ его у Потоцкаго обрѣтается; а въ роспросѣ онъ Николай сказалъ, что онъ съ Потоцкимъ никакой конфиденціи не имѣлъ, а заимно денегъ три тысячи рублевъ чрезъ него дано было отъ Смоленскаго купца, которые и возвращены; а сынъ его Потемкина жилъ при матерѣ своей за рубежемъ (съ которою онъ Николай въ несогласіи живетъ), котораго она своевольно отдала въ школу Потоцкому еще шестилѣтняго, тому нынѣ года съ два; а польскій шляхтичь Витковскій, бывшій въ Горкахъ же администраторомъ при вѣдомствѣ Потоцкаго, показалъ что чрезъ него Витковскаго къ нему Потемкину никаковыхъ корреспонденцій и словесныхъ приказовъ не было, понеже де Потоцкій его Потемкина не любливалъ, а другихъ никакихъ по сему дѣлу важностей отъ доносителя и отъ Черкасскаго и отъ прочихъ на него Потемкина не показано; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляетъ—онаго Николая посылать въ ссылку въ Сибирь въ Тобольскъ и опредѣлить его тамъ къ дѣламъ, къ какимъ онъ будетъ достоинъ по разсмотрѣнію губернаторскому.

Князь Богдана Соколинскаго жена Розалія, на которую показалъ Пребышевскій, что она выдумала просить ленты, а носилъ де ихъ Черкасской со многими Смольяны въ знакъ кавалеріи; а Черкасской и означенная Розалія и другіе показали, что оныя ленточки маленькія пучками нашивали, да и то токмо въ знакъ компаніи, а не въ другой образъ, а кавалеріями ихъ не называли; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доноситъ—долговременный арестъ вмѣнить ей въ наказаніе и свободить ее по прежнему въ Смоленскъ, понеже до нея другихъ важностей не касается.

Степанъ Корсакъ съ женою и съ падчерицею привезены были во свидѣтельство важныхъ секретныхъ словъ, показанныхъ отъ Пребышевскаго на Черкасскаго, и что они отъ Черкасскаго слышали, то ясно показали; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доноситъ—оныхъ Степана съ женою и съ падчерицею свободить, объявя имъ Вашего Императорскаго Величества указъ: по которымъ они дѣламъ были содержаны и о чемъ были спрашиваны, о тѣхъ никому въ разговорѣхъ подъ потеряніемъ своего живота отнюдь не сказывать.

Учитель дѣтей Черкасскаго Французъ Пирардъ писывалъ отъ Черкасскаго къ Потоцкому о деревенскихъ дѣлахъ, а важности отъ Черкасскаго и отъ себя ни къ кому ни о чемъ не писывалъ и ничего ни за кѣмъ не знаетъ; и коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доноситъ—онаго Француза, свободить понеже до него никакого дѣла не касается, и никто никакой важности на него не показалъ.

И о вышеписанномъ о всемъ коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доноситъ и проситъ у Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указа.

Подлинное за подписаніемъ присутствующихъ въ коммиссіи господъ министровъ.

Сентября 4-го дня 1734 года.

Съ сего и приговоръ писанъ точно. На томъ докладѣ написано собственною Ея Императорскаго Величества рукою такъ:

Учинить по сему. Анна.

Резолюція подписана 23-го сентября 1734 года.

XIX.

Вопросные пункты князю С. Козловскому, съ его отвѣтами.

Вопросительные пункты бывшему Смоленской губерніи вице-губернатору князь Семену Козловскому, по которымъ ему отвѣтствовать сущую правду безъ утайки, а ежели что онъ по силѣ объявленныхъ ему пунктовъ скажетъ неправду, а потомъ кѣмъ изобличенъ будетъ, и за то ему учиненъ будетъ штрафъ, чего онъ по силѣ того дѣла будетъ достоинъ.

1.

Въ прошломъ 1732 году октября 16-го дня по принятіи въ Смоленску у Смоленскаго шляхтича поручика Ивана Милашевича явочной челобитной о безъизвѣстномъ отъѣздѣ сына его Ѳедора, для чего чрезъ цѣлый годъ о томъ куда надлежало не репапортовали, и не было ль у васъ съ Черкасскимъ о томъ какого сообщенія съ помянутыми Милашевичами, или ты за Черкасскимъ въ согласіи съ оными Милашевичами въ таковомъ ихъ намѣреніи не вѣдалъ ли?

2.

По доношенію помянутаго жъ поручика Милашевичу человѣку его Шпилевскому для провѣдыванія вышеозначеннаго сына его Ѳедора изъ губернской канцеляріи пачпортъ данъ ли, и съ какъ

1734 года ноября 15-го дня Смоленскій бывшій вице-губернаторъ князь Семенъ Козловскій въ допросѣ сказалъ:

На 1-й.

По принятіи въ Смоленску у Смоленскаго шляхтича поручика Ивана Милашевича явочной челобитной о безъизвѣстномъ отъѣздѣ сына его Ѳедора, въ иностранную коллегію они съ губернаторомъ Черкасскимъ чрезъ цѣлый годъ не репортовали забвеніемъ отъ многихъ губернскихъ дѣлъ, а умыслу у него князя Козловскаго въ томъ ни съ кѣмъ не было, такожде и про сообщеніе Черкасскаго съ Милашевичами къ тому онъ не зналъ.

На 2-й.

По прошенію поручика Ивана Милашевича для посылки человѣка его Шпилевскаго за рубежъ обыска сыну его Ѳедора изъ губернской канцеляріи данъ пачпортъ, а какъ тотъ человѣкъ

И о вышеписанномъ о всемъ коммиссія Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доноситъ и проситъ у Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указа.

Подлинное за подписаніемъ присутствующихъ въ коммиссіи господъ министровъ.

Сентября 4-го дня 1734 года.

Съ сего и приговоръ писанъ точно. На томъ докладѣ написано собственною Ея Императорскаго Величества рукою такъ:

Учинить по сему. Анна.

Резолюція подписана 23-го сентября 1734 года.

XIX.

Вопросные пункты князю С. Козловскому, съ его отвѣтами.

Вопросительные пункты бывшему Смоленской губерніи вице-губернатору князь Семену Козловскому, по которымъ ему отвѣтствовать сущую правду безъ утайки, а ежели что онъ по силѣ объявленныхъ ему пунктовъ скажетъ неправду, а потомъ кѣмъ изобличенъ будетъ, и за то ему учиненъ будетъ штрафъ, чего онъ по силѣ того дѣла будетъ достоинъ.

1.

Въ прошломъ 1732 году октября 16-го дня по принятіи въ Смоленску у Смоленскаго шляхтича поручика Ивана Милашевича явочной челобитной о безъизвѣстномъ отъѣздѣ сына его Ѳедора, для чего чрезъ цѣлый годъ о томъ куда надлежало не репапортовали, и не было ль у васъ съ Черкасскимъ о томъ какого сообщенія съ помянутыми Милашевичами, или ты за Черкасскимъ въ согласіи съ онымъ Милашевичами въ таковомъ ихъ намѣреніи не вѣдалъ ли?

2.

По доношенію помянутаго жъ поручика Милашевичу человѣку его Шпилевскому для провѣдыванія вышеозначеннаго сына его іѲедора изъ губернской канцеляріи пачпортъ данъ ли, и съ какъ

1734 года ноября 15-го дня Смоленскій бывшій вице-губернаторъ князь Семенъ Козловскій въ допросѣ сказалъ:

На 1-й.

По принятіи въ Смоленску у Смоленскаго шляхтича поручика Ивана Милашевича явочной челобитной о безъизвѣстномъ отъѣздѣ сына его Ѳедора, въ иностранную коллегію они съ губернаторомъ Черкасскимъ чрезъ цѣлый годъ не репортовали забвеніемъ отъ многихъ губернскихъ дѣлъ, а умыслу у него князя Козловскаго въ томъ ни съ кѣмъ не было, такожде и про сообщеніе Черкасскаго съ Милашевичами къ тому онъ не зналъ.

На 2-й.

По прошенію поручика Ивана Милашевича для посылки человѣка его Шпилевскаго за рубежъ обыска сыну его Ѳедора изъ губернской канцеляріи данъ пачпортъ, а какъ тотъ человѣкъ

кого случая оный Милашевичь для провѣдыванія объ ономъ сынѣ своемъ за рубежемъ посылалъ, въ губернской канцеляріи слѣдовано ль; буде не слѣдовано, для чего, и не было ль о томъ тебѣ князю Козловскому отъ Черкасскаго приказу, чтобы не слѣдовать?

3.

Въ 1732 году ноября 27-го дня, при челобитьѣ жь помянутаго Ивана Милашевича человѣкъ его Иванъ Павловъ въ Смоленскую губернскую канцелярію приведенъ былъ и въ допросѣ о безъизвѣстномъ уѣздѣ его Павлова изъ Смоленска съ сыномъ его Ѳедоромъ, да съ человѣкомъ его жь Милашевича Андреемъ Моисѣевымъ за польскій рубежъ, и что оный Ѳедоръ былъ въ Могилевѣ, оный Павловъ объявилъ именно; но вы съ Черкасскимъ по допросѣ онаго Павлова учинили резолюцію и отдали того Павлова Ивану Милашевичу на росписку, а о томъ куда вамъ надлежало не репортовали же, также и объ оной своей резолюціи куда надлежало о репортованіи не написали, для чего, понеже слѣдъ явный вамъ чрезъ онаго Павлова показанъ, что Ѳедоръ Милашевичь за рубежъ отъѣхалъ, а ты о томъ подлинно зналъ да молчалъ, и не куда не доносилъ? Покажи о семъ самую истину.

4.

Присланныя изъ Гамбурга отъ чрезвычайнаго посланника и каммергера и кавалера г. Бестужева-Рюмина два письма: одно къ Черкасскому, другое къ означенному Милашевичу отъ сына его Ѳедора, въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ и чрезъ кого Черкасскій получилъ, и въ Смоленскую возвратился изъ-за рубежа, о томъ на немъ Милашевичѣ того человѣка не взыскивано и не слѣдовано забвеніемъ и простотою, а не инымъ каковымъ умысломъ, и съ Черкасскимъ о томъ согласія жь не имѣлъ.

На 3-й.

Въ 1732 году ноября 27-го дня, по объявленію Милашевичева человѣка Ивана Павлова въ губернскую канцелярію о безъизвѣстномъ уѣздѣ его Павлова изъ Смоленска съ Ѳедоромъ Милашевичемъ да съ человѣкомъ его жь Милашевича Андреемъ Моисѣевымъ за польскій рубежъ, и что оный Ѳедоръ Милашевичь былъ въ Могилевѣ, оный Павловъ въ допросѣ объявилъ именно, токмо онъ Козловской съ Черкасскимъ не слѣдовали простотою и забвеніемъ и отдали того человѣка Ивану Милашевичу на росписку и ни куды о томъ же не репортовали забвеніемъ же, а въ резолюціи о томъ не написали простотою своею и забвеніемъ; а согласія въ томъ онъ съ Черкасскимъ и ни съ кѣмъ другимъ не имѣлъ.

На 4-й.

О присланныхъ изъ Гамбурга письмахъ онъ князь Козловской свѣдомъ такимъ образомъ: въ 1733 году въ осеннее время, пришедъ въ канцелярію, князь Черкасской, вынявъ у себя изъ кармана письма и призвавъ секретаря Михайла Гедеонова, отдавъ ему тѣ письма, приказывалъ, чтобъ пи-

кого случая оный Милашевичь для провѣдыванія объ ономъ сынѣ своемъ за рубежемъ посылалъ, въ губернской канцеляріи слѣдовано ль; буде не слѣдовано, для чего, и не было ль о томъ тебѣ князю Козловскому отъ Черкасскаго приказу, чтобы не слѣдовать?

3.

Въ 1732 году ноября 27-го дня, при челобитьѣ жь помянутаго Ивана Милашевича человѣкъ его Иванъ Павловъ въ Смоленскую губернскую канцелярію приведенъ былъ и въ допросѣ о безъизвѣстномъ уѣздѣ его Павлова изъ Смоленска съ сыномъ его Ѳедоромъ, да съ человѣкомъ его жь Милашевича Андреемъ Моисѣевымъ за польскій рубежъ, и что оный Ѳедоръ былъ въ Могилевѣ, оный Павловъ объявилъ именно; но вы съ Черкасскимъ по допросѣ онаго Павлова учинили резолюцію и отдали того Павлова Ивану Милашевичу на росписку, а о томъ куда вамъ надлежало не репортовали же, также и объ оной своей резолюціи куда надлежало о репортованіи не написали, для чего, понеже слѣдъ явный вамъ чрезъ онаго Павлова показанъ, что Ѳедоръ Милашевичь за рубежъ отъѣхалъ, а ты о томъ подлинно зналъ да молчалъ, и не куда не доносилъ? Покажи о семъ самую истину.

4.

Присланныя изъ Гамбурга отъ чрезвычайнаго посланника и каммергера и кавалера г. Бестужева-Рюмина два письма: одно къ Черкасскому, другое къ означенному Милашевичу отъ сына его Ѳедора, въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ и чрезъ кого Черкасскій получилъ, и въ Смоленскую возвратился изъ-за рубежа, о томъ на немъ Милашевичѣ того человѣка не взыскивано и не слѣдовано забвеніемъ и простотою, а не инымъ каковымъ умысломъ, и съ Черкасскимъ о томъ согласія жь не имѣлъ.

На 3-й.

Въ 1732 году ноября 27-го дня, по объявленію Милашевичева человѣка Ивана Павлова въ губернскую канцелярію о безъизвѣстномъ уѣздѣ его Павлова изъ Смоленска съ Ѳедоромъ Милашевичемъ да съ человѣкомъ его жь Милашевича Андреемъ Моисѣевымъ за польскій рубежъ, и что оный Ѳедоръ Милашевичь былъ въ Могилевѣ, оный Павловъ въ допросѣ объявилъ именно, токмо онъ Козловской съ Черкасскимъ не слѣдовали простотою и забвеніемъ и отдали того человѣка Ивану Милашевичу на росписку и ни куды о томъ же не репортовали забвеніемъ же, а въ резолюціи о томъ не написали простотою своею и забвеніемъ, а согласія въ томъ онъ съ Черкасскимъ и ни съ кѣмъ другимъ не имѣлъ.

На 4-й.

О присланныхъ изъ Гамбурга письмахъ онъ князь Козловской свѣдомъ такимъ образомъ: въ 1733 году въ осеннее время, пришедъ въ канцелярію, князь Черкасской, вынявъ у себя изъ кармана письма и призвавъ секретаря Михайла Гедеонова, отдавъ ему тѣ письма, приказывалъ, чтобъ пи-

ской губернской канцелярiи оныя письма Черкасской объявлялъ ли, и въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ, и что тогда съ оными чинили?

5.

По запискѣ явочной челобитной отъ Ивана Милашевича въ канцелярiю Черкасскому онъ Милашевичь поклонился со слезами и просилъ, чтобы ему за оный отъѣздъ сына его какой причины не было, и Черкасской де ему Ивану—за тотъ сыновень отъѣздъ никакой причины не будетъ: „Ты де въ томъ не виноватъ, сынъ де твой не при тебѣ жилъ“. И спросилъ де Черкасской у него Ивана Милашевича: „Вѣдаешь ли де ты, гдѣ твой сынъ; я де надѣюсь, что въ Нѣмецкихъ краяхъ, а въ Польшѣ онъ не будетъ; и я де вѣрно о томъ тебѣ говорю“. На которое де Иванъ Милашевичь Черкасскому сказалъ: „Я де и самъ надѣюсь, что сынъ его въ Польшѣ не будетъ, понеже де онъ къ польскимъ обычаямъ не охотникъ“. И при тѣхъ де всѣхъ словахъ ты въ канцелярiи былъ?

6.

Поданную явочную отъ Ивана Милашевича челобитную о безвѣстномъ сына его Ѳедора изъ Смоленска отъѣздѣ Черкасской призвавъ канцеляриста Петра Иванова, который былъ у записанныя по польски перевелъ, и по переводѣ оныхъ въ канцелярiи не слушали, токмо онъ князь Козловской отъ Черкасскаго слышалъ, что въ тѣхъ письмахъ отъ Ѳедора Милашевича писано къ отцу его и къ Черкасскому, что его Ѳедора человѣкъ его ограбилъ, и тогда де онъ обрѣтался въ великой бѣдности и требовалъ присылки денегъ къ нему Ѳедору въ Гамбургъ; а самъ онъ Козловской тѣхъ писемъ никогда не читывалъ, а чрезъ кого получены и когда того не знаетъ.

На 5-й.

Въ одно время, а въ какое не упомнитъ, будучи въ канцелярiи, Иванъ Милашевичь Черкасскому кланялся и плакалъ, чтобъ ему за отъѣздъ сына его Ѳедора какой бѣды не было, понеже де онъ не знаетъ, куды сынъ его поѣхалъ, и Черкасской ему говорилъ: „какъ де тебѣ не знать, куды сынъ твой поѣхалъ“. А прочихъ всѣхъ словъ, показанныхъ по сему помянутому, онъ Козловской въ то время и никогда нигдѣ отъ Черкасскаго и отъ Милашевича не слыхивалъ.

На 6-й.

Вышеписанныхъ всѣ съ показанныхъ словъ о положенiи челобитной подъ спудъ онъ князь Козловской не слыхивалъ, а Черкасской о томъ приказывалъ ли, или нѣтъ, того не знаетъ.

ской губернской канцелярiи оныя письма Черкасской объявлялъ ли, и въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ, и что тогда съ оными чинили?

5.

По запискѣ явочной челобитной отъ Ивана Милашевича въ канцелярiю Черкасскому онъ Милашевичь поклонился со слезами и просилъ, чтобы ему за оный отъѣздъ сына его какой причины не было, и Черкасской де ему Ивану—за тотъ сыновень отъѣздъ никакой причины не будетъ: „Ты де въ томъ не виноватъ, сынъ де твой не при тебѣ жилъ“. И спросилъ де Черкасской у него Ивана Милашевича: „Вѣдаешь ли де ты, гдѣ твой сынъ; я де надѣюсь, что въ Нѣмецкихъ краяхъ, а въ Польшѣ онъ не будетъ; и я де вѣрно о томъ тебѣ говорю“. На которое де Иванъ Милашевичь Черкасскому сказалъ: „Я де и самъ надѣюсь, что сынъ его въ Польшѣ не будетъ, понеже де онъ къ польскимъ обычаямъ не охотникъ“. И при тѣхъ де всѣхъ словахъ ты въ канцелярiи былъ?

6.

Поданную явочную отъ Ивана Милашевича челобитную о безвѣстномъ сына его Ѳедора изъ Смоленска отъѣздѣ Черкасской призвавъ канцеляриста Петра Иванова, который былъ у записанныя по польски перевелъ, и по переводѣ оныхъ въ канцелярiи не слушали, токмо онъ князь Козловской отъ Черкасскаго слышалъ, что въ тѣхъ письмахъ отъ Ѳедора Милашевича писано къ отцу его и къ Черкасскому, что его Ѳедора человѣкъ его ограбилъ, и тогда де онъ обрѣтался въ великой бѣдности и требовалъ присылки денегъ къ нему Ѳедору въ Гамбургъ; а самъ онъ Козловской тѣхъ писемъ никогда не читывалъ, а чрезъ кого получены и когда того не знаетъ.

На 5-й.

Въ одно время, а въ какое не упомнитъ, будучи въ канцелярiи, Иванъ Милашевичь Черкасскому кланялся и плакалъ, чтобъ ему за отъѣздъ сына его Ѳедора какой бѣды не было, понеже де онъ не знаетъ, куды сынъ его поѣхалъ, и Черкасской ему говорилъ: „какъ де тебѣ не знать, куды сынъ твой поѣхалъ“. А прочихъ всѣхъ словъ, показанныхъ по сему помянутому, онъ Козловской въ то время и никогда нигдѣ отъ Черкасскаго и отъ Милашевича не слыхивалъ.

На 6-й.

Вышеписанныхъ всѣ съ показанныхъ словъ о положенiи челобитной подъ спудъ онъ князь Козловской не слыхивалъ, а Черкасской о томъ приказывалъ ли, или нѣтъ, того не знаетъ.

ски явочныхъ челобитенъ, приказывалъ, чтобъ оную челобитную положить подъ спудъ, и никто бъ про нее не вѣдалъ, а при томъ и ты былъ?

На 7-й.

7.

Просилъ ли Иванъ Милашевичь Черкасскаго и тебя при томъ, какъ въ канцеляріи объявлены присланныя изъ Гамбурга Ѳедоровы письма Милашевича, съ тѣми письмами послать скована въ С.-Петербургъ, и на то Черкасскій говорилъ ли, что съ тѣми письмами его Ивана въ С.-Петербургъ не пошлютъ, „а будемъ де писать въ иностранную коллегію“?

Когда Иванъ Милашевичь Черкасскаго и его просилъ, чтобы съ полученными изъ Гамбурга письмами послать его въ Петербургъ, а не скована, и на то Черкасской молвилъ, что его съ тѣму письмами въ С.-Петербургъ не пошлютъ, „а будемъ де писать въ иностранную коллегію“, тѣ слова онъ Козловскій слышалъ.

На 8-й.

8.

Въ письмѣ отъ тебя къ бывшему Смоленскому жъ губернатору князю Черкасскому декабря 31-го дня, писано, чтобы онъ Черкасскій какъ возможно былъ въ городъ не медля, для какой нужды — о томъ донесешь ты, какъ его увидишь; въ каковое время къ нему ты то письмо писалъ, и для чего ты его такъ зѣло очень нужно требовалъ?

Показанное ему Козловскому письмо, писанное къ князь Александру Черкасскому отъ него 31-го дня декабря, а году не означено, смотря, сумнѣвался, что его ли рукою писано оное, но потомъ сказалъ, что то письмо писано отъ него Козловскаго къ Черкасскому, а въ которомъ году, и какой ради нужды онъ Черкасскаго въ городъ требовалъ такъ скоро, того не упомнитъ, понеже у нихъ случалися многія губернскія нужныя дѣла часто, а то письмо писано не въ другой какой образъ и не касающееся къ сему дѣлу о Милашевичахъ.

На 9-й.

9.

Ежели ты что и сверхъ вышеписаннаго вѣдаешь, касающееся по сему жъ дѣлу, о томъ скажи безъ утайки?

Сверхъ вышеписаннаго онъ Козловской касающагося по сему дѣлу ничего ни за кѣмъ не знаетъ, и въ томъ подписуется подъ вышеписаннымъ объявленнымъ ему штрафомъ.

Къ подлинному допросу онъ князь Семенъ Козловской руку приложилъ.

ски явочныхъ челобитенъ, приказывалъ, чтобъ оную челобитную положить подъ спудъ, и никто бъ про нее не вѣдалъ, а при томъ и ты былъ?

На 7-й.

7.

Просилъ ли Иванъ Милашевичь Черкасскаго и тебя при томъ, какъ въ канцеляріи объявлены присланныя изъ Гамбурга Ѳедоровы письма Милашевича, съ тѣми письмами послать скована въ С.-Петербургъ, и на то Черкасскій говорилъ ли, что съ тѣми письмами его Ивана въ С.-Петербургъ не пошлютъ, „а будемъ де писать въ иностранную коллегію“?

Когда Иванъ Милашевичь Черкасскаго и его просилъ, чтобы съ полученными изъ Гамбурга письмами послать его въ Петербургъ, а не скована, и на то Черкасской молвилъ, что его съ тѣму письмами въ С.-Петербургъ не пошлютъ, „а будемъ де писать въ иностранную коллегію“, тѣ слова онъ Козловскій слышалъ.

На 8-й.

8.

Въ письмѣ отъ тебя къ бывшему Смоленскому жъ губернатору князю Черкасскому декабря 31-го дня, писано, чтобы онъ Черкасскій какъ возможно былъ въ городъ не медля, для какой нужды — о томъ донесешь ты, какъ его увидишь; въ каковое время къ нему ты то письмо писалъ, и для чего ты его такъ зѣло очень нужно требовалъ?

Показанное ему Козловскому письмо, писанное къ князь Александру Черкасскому отъ него 31-го дня декабря, а году не означено, смотря, сумнѣвался, что его ли рукою писано оное, но потомъ сказалъ, что то письмо писано отъ него Козловскаго къ Черкасскому, а въ которомъ году, и какой ради нужды онъ Черкасскаго въ городъ требовалъ такъ скоро, того не упомнитъ, понеже у нихъ случалися многія губернскія нужныя дѣла часто, а то письмо писано не въ другой какой образъ и не касающееся къ сему дѣлу о Милашевичахъ.

На 9-й.

9.

Ежели ты что и сверхъ вышеписаннаго вѣдаешь, касающееся по сему жъ дѣлу, о томъ скажи безъ утайки?

Сверхъ вышеписаннаго онъ Козловской касающагося по сему дѣлу ничего ни за кѣмъ не знаетъ, и въ томъ подписуется подъ вышеписаннымъ объявленнымъ ему штрафомъ.

Къ подлинному допросу онъ князь Семенъ Козловской руку приложилъ.

XX.

Указъ слѣдственной коммиссіи.

Хотя было и велѣно князь Александра Черкасскаго за его измѣнническіе и тяжкіе предъ нами и вредительные къ государству нашему поступки казнить смертью, а доносителя Ѳедора Милашевича и съ отцомъ за ихъ вины послать въ ссылку въ Сибирь, однако жь по обыкновенному нашему милосердію нынѣ всемилостивѣйше повелѣваемъ: Черкасскаго отъ смертной казни освободить, а вмѣсто того послать его Черкасскаго въ ссылку въ Сибирь вѣчно въ Джиганское зимовье и держать его тамъ подъ крѣпкимъ карауломъ; а движимое и недвижимое его Черкасскаго имѣніе всемилостивѣйше жалуемъ дѣтямъ его, изъ которыхъ одну деревню опредѣлить ему Черкасскому на пропитаніе; а доносителя Ѳедора Милашевича и съ отцомъ его Иваномъ въ ссылку въ Сибирь не посылать, а послать ихъ въ Ярославль и жить имъ тамо и въ деревнѣ ихъ того уѣзду свободно и пропитаніе имъ получать отъ собственныхъ ихъ деревень, и для того ихъ и прочихъ всѣхъ тѣхъ, кто куда назначены, нашимъ указомъ послать въ тѣ мѣста немедленно.

У подлиннаго подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Анна.

Ноября 16-го дня 1764 года.

1734 года, ноября 16-го дня Ея Императорское Величество указала по имянному своему Императорскаго Величества указу отписанное все движимое и недвижимое князь Александра Черкасскаго имѣніе, для показанія своего милосердія къ дѣтямъ его Черкасскаго, всемилостивѣйше пожаловать дѣтямъ онаго Черкасскаго и изъ всѣхъ деревень одну деревню опредѣлить для пропитанія его Черкасскаго въ ссылкѣ, а дѣтей Черкасскаго и совсѣмъ ихъ имѣніемъ поручить дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру господину князю Черкасскому; а въ Джиганскомъ зимовьѣ у Черкасскаго быть на карауле доброму оберъ-офицеру тобольскаго гарнизона, и никаковыхъ бы отъ него Черкасскаго къ его чаянію и надеждѣ похвальныхъ словъ никто за истину не принималъ; а содержать его подъ самымъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему никого, и для того въ указѣхъ къ Сибирскому губернатору и въ Джиганское зимовье накрѣпко объявить; а какъ онъ Черкасскій въ Джиганскомъ зимовьѣ будетъ себя содержать, о томъ бы караульный офицеръ чрезъ два мѣсяца репортовалъ губернатору, а губернаторъ бы чрезъ два же мѣсяца въ сенатъ, а изъ служителей его Черкасскаго при немъ ни кому не быть, а послать его одного.

Подлинное за подписаніемъ господъ министровъ.

Подписанъ 20-го дня ноября 1734 года.

XX.

Указъ слѣдственной коммиссіи.

Хотя было и велѣно князь Александра Черкасскаго за его измѣнническіе и тяжкіе предъ нами и вредительные къ государству нашему поступки казнить смертью, а доносителя Ѳедора Милашевича и съ отцомъ за ихъ вины послать въ ссылку въ Сибирь, однако жь по обыкновенному нашему милосердію нынѣ всемилостивѣйше повелѣваемъ: Черкасскаго отъ смертной казни освободить, а вмѣсто того послать его Черкасскаго въ ссылку въ Сибирь вѣчно въ Джиганское зимовье и держать его тамъ подъ крѣпкимъ карауломъ; а движимое и недвижимое его Черкасскаго имѣніе всемилостивѣйше жалуемъ дѣтямъ его, изъ которыхъ одну деревню опредѣлить ему Черкасскому на пропитаніе; а доносителя Ѳедора Милашевича и съ отцомъ его Иваномъ въ ссылку въ Сибирь не посылать, а послать ихъ въ Ярославль и жить имъ тамо и въ деревнѣ ихъ того уѣзду свободно и пропитаніе имъ получать отъ собственныхъ ихъ деревень, и для того ихъ и прочихъ всѣхъ тѣхъ, кто куда назначены, нашимъ указомъ послать въ тѣ мѣста немедленно.

У подлиннаго подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Анна.

Ноября 16-го дня 1764 года.

1734 года, ноября 16-го дня Ея Императорское Величество указала по имянному своему Императорскаго Величества указу отписанное все движимое и недвижимое князь Александра Черкасскаго имѣніе, для показанія своего милосердія къ дѣтямъ его Черкасскаго, всемилостивѣйше пожаловать дѣтямъ онаго Черкасскаго и изъ всѣхъ деревень одну деревню опредѣлить для пропитанія его Черкасскаго въ ссылкѣ, а дѣтей Черкасскаго и совсѣмъ ихъ имѣніемъ поручить дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру господину князю Черкасскому; а въ Джиганскомъ зимовьѣ у Черкасскаго быть на карауле доброму оберъ-офицеру тобольскаго гарнизона, и никаковыхъ бы отъ него Черкасскаго къ его чаянію и надеждѣ похвальныхъ словъ никто за истину не принималъ; а содержать его подъ самымъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему никого, и для того въ указѣхъ къ Сибирскому губернатору и въ Джиганское зимовье накрѣпко объявить; а какъ онъ Черкасскій въ Джиганскомъ зимовьѣ будетъ себя содержать, о томъ бы караульный офицеръ чрезъ два мѣсяца репортовалъ губернатору, а губернаторъ бы чрезъ два же мѣсяца въ сенатъ, а изъ служителей его Черкасскаго при немъ ни кому не быть, а послать его одного.

Подлинное за подписаніемъ господъ министровъ.

Подписанъ 20-го дня ноября 1734 года.

ПО ДѢЛУ МИРОВИЧА.

(1764 г.)

Изъ написанной графомъ Д. Н. Блудовымъ исторической записки о заговорѣ, который былъ составленъ подпоручикомъ Смоленскаго пѣхотнаго полка Павломъ Яковлевичемъ Мировичемъ, съ цѣлью освободить и возвести на русскій престолъ заключеннаго въ Шлюссельбургѣ принца Іоанна Антоновича, извѣстно, что по собственному показанію Мировича, одною изъ причинъ, наиболѣе побудившихъ его къ этому предпріятію, былъ отказъ императрицы Екатерины на двукратную просьбу Мировича съ фамиліей возвратить ему имѣніе, нѣкогда отписанное на казну у его дѣда, сообщника Мазепы [1]). Въ числѣ помѣщаемыхъ ниже документовъ находятся: 1) записка статсъ-секретаря императрицы Г. Н. Теплова о первомъ прошеніи Мировича, 2) второе прошеніе его же и 3) оффиціальная записка о судѣ надъ Мировичемъ.

I.

Докладная записка Г. Н. Теплова императрицѣ Екатеринѣ о первомъ прошеніи Мировича.

Титулярный совѣтникъ Григорій Семеновъ и Нарвскаго пѣхотнаго полку подпоручикъ Василій Яковлевъ Мировичъ просятъ:

Въ 1744 году проспла родная ихъ бабка полковница Пелагея Захарьева дочь Мировича, съ дѣтьми, внучатами и правнучата-

[1]) Записка графа Блудова напечатана въ приложеніи къ сочиненію Е. П. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время. (Царствованіе императора Александра I)“, изданіе второе (С.-Пб., 1870 г.), стр. 234—243.

ПО ДѢЛУ МИРОВИЧА.

(1764 г.)

Изъ написанной графомъ Д. Н. Блудовымъ исторической записки о заговорѣ, который былъ составленъ подпоручикомъ Смоленскаго пѣхотнаго полка Павломъ Яковлевичемъ Мировичемъ, съ цѣлью освободить и возвести на русскій престолъ заключеннаго въ Шлюссельбургѣ принца Іоанна Антоновича, извѣстно, что по собственному показанію Мировича, одною изъ причинъ, наиболѣе побудившихъ его къ этому предпріятію, былъ отказъ императрицы Екатерины на двукратную просьбу Мировича съ фамиліей возвратить ему имѣніе, нѣкогда отписанное на казну у его дѣда, сообщника Мазепы [1]). Въ числѣ помѣщаемыхъ ниже документовъ находятся: 1) записка статсъ-секретаря императрицы Г. Н. Теплова о первомъ прошеніи Мировича, 2) второе прошеніе его же и 3) оффиціальная записка о судѣ надъ Мировичемъ.

I.

Докладная записка Г. Н. Теплова императрицѣ Екатеринѣ о первомъ прошеніи Мировича.

Титулярный совѣтникъ Григорій Семеновъ и Нарвскаго пѣхотнаго полку подпоручикъ Василій Яковлевъ Мировичь просятъ:

Въ 1744 году просила родная ихъ бабка полковница Пелагея Захарьева дочь Мировича, съ дѣтьми, внучатами и правнучата-

[1]) Записка графа Блудова напечатана въ приложеніи къ сочиненію Е. П. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время. (Царствованіе императора Александра I)“, изданіе второе (С.-Пб., 1870 г.), стр. 234—243.

ми, о взятыхъ у нея жалованныхъ и купленныхъ въ полку Переяславскомъ деревняхъ, которыя напослѣдокъ отписаны были на Ваше Императорское Величество. По оному прошенію правительствующій сенатъ разсмотрѣвъ опредѣлилъ: купленныя отдать, а о пожалованныхъ доложить блаженной памяти государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; но токмо что это ихъ дѣло еще и понынѣ не рѣшено.

Резолюція собственноручная императрицы: „Отослать въ сенату на разсмотрѣніе".

Февраля 5-го дня 1764 года.

II.

Второе прошеніе Мировича.

Августѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая императрица и государыня!

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ устремился по самой истиности поднесть сіе написанное Вашему Императорскому Величеству, а особливо принудили меня несносности трехъ не имущихъ родныхъ сестеръ моихъ, которыя въ дѣвичествѣ въ Москвѣ странствуютъ и на себѣ всю бѣдность какъ предъ симъ сносили, такъ и понынѣ носятъ единственно отъ давняго приключенія злосчастнаго и вреднаго намъ предка нашего, о которомъ, нынѣшняго года января 10-го, я и дядя мой титулярный совѣтникъ Григорій Мировичъ подавали чрезъ господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника Теплова Вашему Императорскому Величеству нижайшую челобитную, въ коей просили объ отдачѣ намъ отписанныхъ въ Малой Россіи деревень во время измѣны Мазепы отъ бабки нашей полковницы Переяславской Пелагеи Мировичевой въ Переяславскомъ же полку,—которую Ваше Императорское Величество и повелѣли сенату разсмотрѣть, и по справкамъ въ правительствующемъ сенатѣ по иное что въ пользу нашу оказалось, какъ въ рѣченной измѣнѣ преступленіе дяди нашего генеральнаго бунчужнаго Ѳедора Мировича, чего для правительствующій сенатъ за изображенными обстоятельствами намъ отдачи не учинилъ, а опредѣлилъ доложить Вашему Императорскому Величеству; на что воспослѣдовала прошедшаго апрѣля 13-го и Вашего Императорскаго Величества собственноручная конфирмація слѣдующая: „По прописанному здѣсь просители никакого права не имѣютъ, и для того надлежитъ сенату отказать имъ".

Вашему Императорскому Величеству со всеподданнѣйшимъ моимъ изъясненіемъ и съ прошеніемъ осмѣлился, исключа себя, потому что въ службѣ Вашего Императорскаго Величества по моему чину я получаю жалованье, а единственно подношу сіе для трехъ не имущихъ дѣвицъ сестеръ моихъ, которыя уже имѣютъ

ми, о взятыхъ у нея жалованныхъ и купленныхъ въ полку Переяславскомъ деревняхъ, которыя напослѣдокъ отписаны были на Ваше Императорское Величество. По оному прошенію правительствующій сенатъ разсмотрѣвъ опредѣлилъ: купленныя отдать, а о пожалованныхъ доложить блаженной памяти государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; но токмо что это ихъ дѣло еще и понынѣ не рѣшено.

Резолюція собственноручная императрицы: „Отослать въ сенату на разсмотрѣніе".

Февраля 5-го дня 1764 года.

II.

Второе прошеніе Мировича.

Августѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая императрица и государыня!

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ устремился по самой истиности поднесть сіе написанное Вашему Императорскому Величеству, а особливо принудили меня несносности трехъ не имущихъ родныхъ сестеръ моихъ, которыя въ дѣвичествѣ въ Москвѣ странствуютъ и на себѣ всю бѣдность какъ предъ симъ сносили, такъ и понынѣ носятъ единственно отъ давняго приключенія злосчастнаго и вреднаго намъ предка нашего, о которомъ, нынѣшняго года января 10-го, я и дядя мой титулярный совѣтникъ Григорій Мировичъ подавали чрезъ господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника Теплова Вашему Императорскому Величеству нижайшую челобитную, въ коей просили объ отдачѣ намъ отписанныхъ въ Малой Россіи деревень во время измѣны Мазепы отъ бабки нашей полковницы Переяславской Пелагеи Мировичевой въ Переяславскомъ же полку,—которую Ваше Императорское Величество и повелѣли сенату разсмотрѣть, и по справкамъ въ правительствующемъ сенатѣ по иное что въ пользу нашу оказалось, какъ въ рѣченной измѣнѣ преступленіе дяди нашего генеральнаго бунчужнаго Ѳедора Мировича, чего для правительствующій сенатъ за изображенными обстоятельствами намъ отдачи не учинилъ, а опредѣлилъ доложить Вашему Императорскому Величеству; на что воспослѣдовала прошедшаго апрѣля 13-го и Вашего Императорскаго Величества собственноручная конфирмація слѣдующая: „По прописанному здѣсь просители никакого права не имѣютъ, и для того надлежитъ сенату отказать имъ".

Вашему Императорскому Величеству со всеподданнѣйшимъ моимъ изъясненіемъ и съ прошеніемъ осмѣлился, исключа себя, потому что въ службѣ Вашего Императорскаго Величества по моему чину я получаю жалованье, а единственно подношу сіе для трехъ не имущихъ дѣвицъ сестеръ моихъ, которыя уже имѣютъ

полныя лѣта, а именно: Прасковья — двадцать лѣтъ, Аграфена — девятнадцать, Александра — шестнадцать и нигдѣ оныя не имѣютъ какъ въ Великой Россіи ни одной души, такъ и въ Малой ни двора, — чего для ихъ необходимости Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйшую государыню, веемилостивѣйше прошу изъ отписныхъ отъ насъ въ Малой Россіи въ Переяславскомъ полку деревень или хотя пенціонъ изъ доказаннаго всюды Вашего Императорскаго Величества великодушія имъ повелѣть пожаловать.

Великой государыни, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и нижайшій рабъ Смоленскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Василій Яковлевъ сынъ Мировичъ.

Апрѣля дня 1764 года.

На докладной запискѣ Теплова, приложенной къ просьбѣ, собственноручная резолюція императрицы: „Довольствоваться прежнею резолюціею. Екатерина“. Іюня 9-го дня 1764 года.

III.

Записка о судѣ надъ Мировичемъ.

Оное дѣло въ сенатъ поступило и производилось такимъ образомъ:

Августа отъ 17-го дня 1764 года полученъ въ сенатъ манифестъ за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки о кончинѣ принца Іоанна чрезъ злодѣйство бывшаго подпоручика Мировича, о чемъ слѣдственное дѣло произведено генераломъ-поручикомъ Веймарномъ: повелѣли Ея Императорское Величество отдать на судъ сенату купно съ синодомъ и призвавъ первыхъ трехъ классовъ персонъ, съ президентами всѣхъ коллегій. Того жъ августа 19-го дня сенатъ, въ общемъ всѣхъ департаментовъ собраніи, по слушаніи того манифеста опредѣлилъ: напечатавъ съ онаго потребное число экземпляровъ, публиковать во всемъ государствѣ и во всѣ судебныя мѣста и города разослать, а для суда вышеписанныхъ персонъ созвать къ 23-му августа.

Августа 24-го, правящимъ тогда генералъ-прокурорскую должность генераломъ-квартирмейстеромъ, что̀ нынѣ тайный дѣйствительный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ, княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ объявленъ именной Ея Величества указъ, чтобы по тому дѣлу сентенцію подписывать напередъ сенату и синоду, а потомъ прочимъ призваннымъ персонамъ по старшинству ихъ чиновъ. Того же 24-го августа означеннымъ собраніемъ, по выслушаніи дѣла учиненнаго генераломъ-поручикомъ Веймарномъ экстракта, сдѣлано опредѣленіе, что какъ по тому дѣлу разныя разсужденія, тайности подлежащія, быть могутъ, то хранить оныя по должности присяги, во исполненіе чего всѣ бывшіе у производства и при разсмотрѣніи того дѣла подписками и обязаны. Того же 24-го августа учинено опредѣленіе о поднесеніи Ея Импера-

полныя лѣта, а именно: Прасковья — двадцать лѣтъ, Аграфена— девятнадцать, Александра — шестнадцать и нигдѣ оныя не имѣютъ какъ въ Великой Россіи ни одной души, такъ и въ Малой ни двора, — чего для ихъ необходимости Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйшую государыню, веемилостивѣйше прошу изъ отписныхъ отъ насъ въ Малой Россіи въ Переяславскомъ полку деревень или хотя пенціонъ изъ доказаннаго всюды Вашего Императорскаго Величества великодушія имъ повелѣть пожаловать.

Великой государыни, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и нижайшій рабъ Смоленскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Василій Яковлевъ сынъ Мировичъ.

Апрѣля дня 1764 года.

На докладной запискѣ Теплова, приложенной къ просьбѣ, собственноручная резолюція императрицы: „Довольствоваться прежнею резолюціею. Екатерина". Іюня 9-го дня 1764 года.

III.

Записка о судѣ надъ Мировичемъ.

Оное дѣло въ сенатъ поступило и производилось такимъ образомъ:

Августа отъ 17-го дня 1764 года полученъ въ сенатъ манифестъ за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки о кончинѣ принца Іоанна чрезъ злодѣйство бывшаго подпоручика Мировича, о чемъ слѣдственное дѣло произведено генераломъ-поручикомъ Веймарномъ: повелѣли Ея Императорское Величество отдать на судъ сенату купно съ синодомъ и призвавъ первыхъ трехъ классовъ персонъ, съ президентами всѣхъ коллегій. Того жъ августа 19-го дня сенатъ, въ общемъ всѣхъ департаментовъ собраніи, по слушаніи того манифеста опредѣлилъ: напечатавъ съ онаго потребное число экземпляровъ, публиковать во всемъ государствѣ и во всѣ судебныя мѣста и города разослать, а для суда вышеписанныхъ персонъ созвать къ 23-му августа.

Августа 24-го, правящимъ тогда генералъ-прокурорскую должность генераломъ-квартирмейстеромъ, что̀ нынѣ тайный дѣйствительный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ, княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ объявленъ именной Ея Величества указъ, чтобы по тому дѣлу сентенцію подписывать напередъ сенату и синоду, а потомъ прочимъ призваннымъ персонамъ по старшинству ихъ чиновъ. Того же 24-го августа означеннымъ собраніемъ, по выслушаніи дѣла учиненнаго генераломъ-поручикомъ Веймарномъ экстракта, сдѣлано опредѣленіе, что какъ по тому дѣлу разныя разсужденія, тайности подлежащія, быть могутъ, то хранить оныя по должности присяги, во исполненіе чего всѣ бывшіе у производства и при разсмотрѣніи того дѣла подписками и обязаны. Того же 24-го августа учинено опредѣленіе о поднесеніи Ея Импера-

торскому Величеству доклада, которымъ просить дозволенія, чтобъ въ разсужденіи важности того дѣла на тотъ только случай уполномочить собраніе въ рѣшеніи того дѣла по большинству голосовъ, и съ тѣмъ докладомъ объ отправленіи отъ собранія: отъ синода—митрополита Новгородскаго, архіепископа С.-Петербургскаго и епископа Ростовскаго, отъ сената—графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, графа Александра Борисовича Бутурлина, князя Якова Петровича Шаховскаго и князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, а отъ прочаго собранія—графа Вилима Вилимовича Фермора, Ивана Лукьяновича Талызина, графа Гендрикова, князя Александра Михайловича Голицына, графа Захара Григорьевича Чернышева и Александра Александровича Нарышкина.

27-го августа отъ означенныхъ персонъ подано объявленіе, какимъ образомъ ими тотъ докладъ въ Царскомъ селѣ былъ поданъ, а потомъ возвращенъ въ сенатъ съ высочайшею конфирмаціею. По слушаніи того доклада, того жъ 27-го августа, собраніе опредѣлило: Мировича и всѣхъ сообщниковъ его предъ собраніемъ спросить каждаго порознь — ихъ ли руками подписаны отвѣты, и во всемъ ли томъ, что въ нихъ показано, признаютъ себя виновными, и не закрыли ли кого, и не имѣютъ ли чего объявить, и чтобъ по рѣшительномъ окончаніи того дѣла, какъ о точной смерти принца Іоанна, такъ и все производство напечатавъ, обнародовать.

Во исполненіе этого опредѣленія выписанныя изъ дѣла вины Мировичу и его сообщникамъ читаны, и что все то справедливо, каждый изъ нихъ своеручно подписали, что все внесено въ опредѣленіе, учиненное 31-го августа, которымъ, также и еще другимъ того жъ числа особымъ приговоромъ, присудили, для лучшаго приведенія Мировича къ чувство и полное раскаяніе, сдѣлать ему увѣщаніе изъ присутствующихъ въ собраніи одной духовной и тремъ свѣтскимъ персонамъ, и именно: преосвященному Ростовскому Аѳонасію, графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, князю Александру Михайловичу Голицыну и барону Александру Ивановичу Черкасову, которые его Мировича и увѣщевали, и что показалъ, оное на письмѣ собранію предложили.

По слушаніи того сентября 1-го дня учинено опредѣленіе, чтобъ его Мировича, лиша чиновъ и сковавъ, содержать подъ секретнымъ карауломъ, а по предложенной изъ законовъ выпискѣ, приступить къ сочиненію сентенціи.

2-го сентября слушали голосъ барона Александра Ивановича Черкасова о произведеніи Мировичу пытки, и всѣ согласились на прежнемъ опредѣленіи приступить къ сентенціи, къ сочиненію которой и назначили Адама Васильевича Олсуфьева, генерала-поручика Веймарна и юстицъ-коллегіи президента Эмме. Того жъ числа въ журналѣ записано объявленіе членовъ святѣйшаго синода, что они по слушаніи того дѣла, увидя собственное признаніе преступниковъ, согласуютъ, что они достойны казни, и какая по тому заключена будетъ сентенція, отъ оной не отступаются, но какъ они духовнаго чина, то къ подписанію на смерть не могутъ.

торскому Величеству доклада, которымъ просить дозволенія, чтобъ въ разсужденіи важности того дѣла на тотъ только случай уполномочить собраніе въ рѣшеніи того дѣла по большинству голосовъ, и съ тѣмъ докладомъ объ отправленіи отъ собранія: отъ синода—митрополита Новгородскаго, архіепископа С.-Петербургскаго и епископа Ростовскаго, отъ сената—графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, графа Александра Борисовича Бутурлина, князя Якова Петровича Шаховскаго и князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, а отъ прочаго собранія—графа Вилима Вилимовича Фермора, Ивана Лукьяновича Талызина, графа Гендрикова, князя Александра Михайловича Голицына, графа Захара Григорьевича Чернышева и Александра Александровича Нарышкина.

27-го августа отъ означенныхъ персонъ подано объявленіе, какимъ образомъ ими тотъ докладъ въ Царскомъ селѣ былъ поданъ, а потомъ возвращенъ въ сенатъ съ высочайшею конфирмаціею. По слушаніи того доклада, того жъ 27-го августа, собраніе опредѣлило: Мировича и всѣхъ сообщниковъ его предъ собраніемъ спросить каждаго порознь — ихъ ли руками подписаны отвѣты, и во всемъ ли томъ, что въ нихъ показано, признаютъ себя виновными, и не закрыли ли кого, и не имѣютъ ли чего объявить, и чтобъ по рѣшительномъ окончаніи того дѣла, какъ о точной смерти принца Іоанна, такъ и все производство напечатавъ, обнародовать.

Во исполненіе этого опредѣленія выписанныя изъ дѣла вины Мировичу и его сообщникамъ читаны, и что все то справедливо, каждый изъ нихъ своеручно подписали, что все внесено въ опредѣленіе, учиненное 31-го августа, которымъ, также и еще другимъ того жъ числа особымъ приговоромъ, присудили, для лучшаго приведенія Мировича къ чувство и полное раскаяніе, сдѣлать ему увѣщаніе изъ присутствующихъ въ собраніи одной духовной и тремъ свѣтскимъ персонамъ, и именно: преосвященному Ростовскому Аѳонасію, графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, князю Александру Михайловичу Голицыну и барону Александру Ивановичу Черкасову, которые его Мировича и увѣщевали, и что показалъ, оное на письмѣ собранію предложили.

По слушаніи того сентября 1-го дня учинено опредѣленіе, чтобъ его Мировича, лиша чиновъ и сковавъ, содержать подъ секретнымъ карауломъ, а по предложенной изъ законовъ выпискѣ, приступить къ сочиненію сентенціи.

2-го сентября слушали голосъ барона Александра Ивановича Черкасова о произведеніи Мировичу пытки, и всѣ согласились на прежнемъ опредѣленіи приступить къ сентенціи, къ сочиненію которой и назначили Адама Васильевича Олсуфьева, генерала-поручика Веймарна и юстицъ-коллегіи президента Эмме. Того жъ числа въ журналѣ записано объявленіе членовъ святѣйшаго синода, что они по слушаніи того дѣла, увидя собственное признаніе преступниковъ, согласуютъ, что они достойны казни, и какая по тому заключена будетъ сентенція, отъ оной не отступаются, но какъ они духовнаго чина, то къ подписанію на смерть не могутъ.

Сентября 3-го дня, въ разсужденіи томъ, что Мировичъ по скованіи его началъ плакать, не пришелъ ли въ какое раскаяніе, собраніе опредѣлило еще его увѣщевать преосвященному Аѳанасію Ростовскому, графу Александру Борисовичу Бутурлину, князю Александру Михайловичу Голицыну и барону Александру Ивановичу Черкасову, что̀ ими и исполнено, и что̀ показалъ, письменно объявлено.

Сентября 6-го дня собраніе опредѣлило: къ Мировичу для показанія допустить священника.

Сентября 9-го дня, съ прописаніемъ изъ сего дѣла обстоятельствъ подписана сентенція и формуляръ публичному указу, при которомъ она публикована. Того жь числа сдѣлано опредѣленіе о припечатаніи къ сентенціи и даннаго отъ присутствовавшихъ въ томъ собраніи духовныхъ персонъ голоса. Того жь числа еще учинено опредѣленіе, чтобъ Мировича и его сообщниковъ, по объявленіи имъ сентенціи, содержать въ крѣпости, а при экзекуціи въ Петербургѣ быть генералъ-полиціймейстеру въ Шлиссельбургскомъ предмѣстьи, военной коллегіи командировать дивизіоннаго генералъ-маіора, и при самой экзекуціи исполненіе сентенціи напечатавъ публиковать при указахъ.

10-го сентября сдѣлано опредѣленіе, чтобъ 15-го сентября при экзекуціи публикацію учинить и эшафотъ съ потребностями приготовить отъ главной полиціи и по требованію генералъ-полиціймейстера принадлежащую на то время воинскую команду командировать отъ военной коллегіи, а мастеровъ съ принадлежностями отослать изъ губернской канцеляріи, для объявленія винъ при экзекуціи изъ членовъ и служителей отъ главной полиціи.

Сентября 3-го дня, въ разсужденіи томъ, что Мировичъ по скованіи его началъ плакать, не пришелъ ли въ какое раскаяніе, собраніе опредѣлило еще его увѣщевать преосвященному Аѳанасію Ростовскому, графу Александру Борисовичу Бутурлину, князю Александру Михайловичу Голицыну и барону Александру Ивановичу Черкасову, что̀ ими и исполнено, и что̀ показалъ, письменно объявлено.

Сентября 6-го дня собраніе опредѣлило: къ Мировичу для показанія допустить священника.

Сентября 9-го дня, съ прописаніемъ изъ сего дѣла обстоятельствъ подписана сентенція и формуляръ публичному указу, при которомъ она публикована. Того жь числа сдѣлано опредѣленіе о припечатаніи къ сентенціи и даннаго отъ присутствовавшихъ въ томъ собраніи духовныхъ персонъ голоса. Того жь числа еще учинено опредѣленіе, чтобъ Мировича и его сообщниковъ, по объявленіи имъ сентенціи, содержать въ крѣпости, а при экзекуціи въ Петербургѣ быть генералъ-полиціймейстеру въ Шлиссельбургскомъ предмѣстьи, военной коллегіи командировать дивизіоннаго генералъ-маіора, и при самой экзекуціи исполненіе сентенціи напечатавъ публиковать при указахъ.

10-го сентября сдѣлано опредѣленіе, чтобъ 15-го сентября при экзекуціи публикацію учинить и эшафотъ съ потребностями приготовить отъ главной полиціи и по требованію генералъ-полиціймейстера принадлежащую на то время воинскую команду командировать отъ военной коллегіи, а мастеровъ съ принадлежностями отослать изъ губернской канцеляріи, для объявленія винъ при экзекуціи изъ членовъ и служителей отъ главной полиціи.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЭКСПЕДИЦІИ ВЪ ДАРГО ВЪ 1845 ГОДУ.

Письмо съ Кавказа отъ 25-го іюня 1845 года *).

Дни три тому назадъ отправился въ Петербургъ адъютантъ графа Воронцова князь Андрониковъ съ донесеніемъ о благополучномъ окончаніи экспедиціи. Съ нимъ я писалъ къ вамъ о томъ, что я и Фрейтагъ живы и здоровы. Зная, какъ вы жаждете подробностями нашихъ подвиговъ, постараюсь разсказать вамъ все, что̀ сумѣю. Цѣль экспедиціи, ея ходъ и развязку вы узнаете или изъ вѣдомостей, или изъ частныхъ разговоровъ. Я вамъ, какъ отцу, буду говорить о себѣ и о Фрейтагѣ.

Съ начала экспедиціи я дежурилъ при графѣ, съ прочими его адъютантами. Во время дѣла, гдѣ отличался князь Барятинскій, и о которомъ вы уже знаете, я случился близко, потому что дѣло произошло неожиданно, и потому я въ него попалъ. За это я получилъ Владимірскій крестъ. Послѣ того, время сраженія при взятіи Дарго столицы Шамиля, я былъ въ свитѣ графа. Почти всѣ-другіе, при его особѣ состоящіе, отпросились, кто въ авангардъ, кто въ другую часть войскъ. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія нашего въ Дарго, предстояло части войскъ идти на встрѣчу отряду, везущему намъ продовольствіе. Надобно было пройти 9 верстъ страшнаго Ичкерскаго лѣса. Непріятель, огромными партіями насъ тутъ ожидалъ; намъ было извѣстно, что вездѣ подѣланы новые завалы, чрезъ которые надобно было пробиваться штыками, и мы готовились къ сильному бою. Командиромъ отряда назначенъ былъ генералъ Клюке-фонъ-Клугенау, у него авангардомъ — Пассекъ, арріергардомъ—Викторовъ. Я выпросился сопутствовать Пассеку, въ качествѣ простаго зрителя. Весело и бодро прошли мы съ этимъ пылкимъ воиномъ три четверти дороги, отбивая завалъ за заваломъ съ криками и барабаннымъ боемъ. Тутъ мы пріостановились, чтобы удержать сильнѣе одну опасную позицію. Непрія-

*) Къ сожалѣнію, авторъ этого письма, копія съ котораго сохранилась въ бумагахъ И. П. Шульгина, не извѣстенъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЭКСПЕДИЦІИ ВЪ ДАРГО ВЪ 1845 ГОДУ.

Письмо съ Кавказа отъ 25-го іюня 1845 года *).

Дни три тому назадъ отправился въ Петербургъ адъютантъ графа Воронцова князь Андрониковъ съ донесеніемъ о благополучномъ окончаніи экспедиціи. Съ нимъ я писалъ къ вамъ о томъ, что я и Фрейтагъ живы и здоровы. Зная, какъ вы жаждете подробностями нашихъ подвиговъ, постараюсь разсказать вамъ все, что̀ сумѣю. Цѣль экспедиціи, ея ходъ и развязку вы узнаете или изъ вѣдомостей, или изъ частныхъ разговоровъ. Я вамъ, какъ отцу, буду говорить о себѣ и о Фрейтагѣ.

Съ начала экспедиціи я дежурилъ при графѣ, съ прочими его адъютантами. Во время дѣла, гдѣ отличался князь Барятинскій, и о которомъ вы уже знаете, я случился близко, потому что дѣло произошло неожиданно, и потому я въ него попалъ. За это я получилъ Владимірскій крестъ. Послѣ того, время сраженія при взятіи Дарго столицы Шамиля, я былъ въ свитѣ графа. Почти всѣ-другіе, при его особѣ состоящіе, отпросились, кто въ авангардъ, кто въ другую часть войскъ. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія нашего въ Дарго, предстояло части войскъ идти на встрѣчу отряду, везущему намъ продовольствіе. Надобно было пройти 9 верстъ страшнаго Ичкерскаго лѣса. Непріятель, огромными партіями насъ тутъ ожидалъ; намъ было извѣстно, что вездѣ подѣланы новые завалы, чрезъ которые надобно было пробиваться штыками, и мы готовились къ сильному бою. Командиромъ отряда назначенъ былъ генералъ Клюке-фонъ-Клугенау, у него авангардомъ — Пассекъ, арріергардомъ—Викторовъ. Я выпросился сопутствовать Пассеку, въ качествѣ простаго зрителя. Весело и бодро прошли мы съ этимъ пылкимъ воиномъ три четверти дороги, отбивая завалъ за заваломъ съ криками и барабаннымъ боемъ. Тутъ мы пріостановились, чтобы удержать сильнѣе одну опасную позицію. Непрія-

*) Къ сожалѣнію, авторъ этого письма, копія съ котораго сохранилась въ бумагахъ И. П. Шульгина, не извѣстенъ.

тель встрѣтилъ насъ жестокимъ огнемъ съ каждаго завала, но рукопашной схватки ни разу не выдерживалъ. Кромѣ того, направо и налѣво разбросанныя наши же бревна, при первомъ прохожденіи нашемъ, наносили намъ жестокій вредъ. Подъ вечеръ, массы удалого непріятеля ворвались въ хвостъ колонны, пользуясь узкимъ перешейкомъ, гдѣ была топкая мѣстность. Двѣ лошади везли гробъ съ тѣломъ генерала Фока и двѣ другія — нашего родственника Михайла Николаевича Бибикова; за ними непосредственно шло орудіе. Въ одно мгновеніе лошади подъ гробами и орудіемъ были убиты, и перешеекъ сдѣлался почти не проходимымъ. Непріятель съ неистовствомъ бросился въ шашки. Тутъ завязался бой отчаянный, въ которомъ погибли генералъ Викторовъ и баталіонный командиръ, прикрывавшій орудіе, полковникъ Кривошеинъ. Уже была ночь, когда мы выбрались изъ лѣсу и встрѣтили колонну съ провіантомъ. Пассекъ былъ немедленно назначенъ начальникомъ арріергарда; онъ устроилъ войско и мнѣ велѣлъ принять баталіонъ убитаго Кривошеина (3-ій баталіонъ Люблинскаго полка). Мы ночевали у опушки лѣса, и намъ былъ слышенъ неумолкаемый стукъ топоровъ. Непріятель снова приготовлялъ завалы по всей дорогѣ, и предвидя, что мы на слѣдующій день будемъ слѣдовать съ тяжестями, готовился задержать насъ упорнымъ боемъ. Сильная потеря наша наканунѣ его ободрила; по лѣсу раздавалось ихъ предсмертное пѣніе (молитва, которую они поютъ на жаркое дѣло).

Съ разсвѣтомъ Пассекъ назначилъ командовать авангардомъ мой баталіонъ и въ помощь мнѣ, около 300 милиціонеровъ пѣшихъ. Мы перекрестились и пошли. Едва выступили въ опушку, загорѣлась пальба, которая уже и не умолкала до ночи. Первый завалъ былъ жестоко труденъ, но Богъ меня благословилъ на этомъ новомъ для меня поприщѣ. Завалъ былъ занятъ моимъ баталіономъ счастливо, за нимъ другой и третій. Тутъ пріостановился я, чтобъ немного отдохнуть и устроиться. Пассекъ, который поддерживалъ меня съ резервомъ, все видѣлъ и былъ въ восхищеніи. Немного подождавъ, благословилъ онъ насъ опять и велѣлъ броситься съ четверть версты отъ третьяго завала и выбить непріятеля штыками. Это удалось. Предстояло еще труднѣйшее. Перешеекъ, гдѣ наканунѣ пало столько жертвъ, былъ заваленъ трупами и обломками всякаго рода. Густой лѣсъ по сторонамъ былъ занятъ сильнымъ непріятелемъ. Тутъ Шамиль положилъ непременно преградить намъ путь. Богъ и тутъ насъ благословилъ; мы заняли гору; но покуда я утверждался на горѣ, справа и слѣва бросились въ тылъ моему баталіону и на перерѣзъ Пассеку страшныя толпы враговъ. Всѣ деревья кругомъ были усѣяны непріятелями. Можете себѣ представить картину, которую представлялъ перешеекъ, объятый дымомъ. Храбрый Пассекъ хотѣлъ пробиться до меня штыками но вскорѣ былъ убитъ въ упоръ изъ пистолетовъ въ сердце. Въ эту минуту произошелъ безпорядокъ, который намъ могъ дорого обойтись. Часть колоннъ изъ главныхъ войскъ Пассека была раз-

тель встрѣтилъ насъ жестокимъ огнемъ съ каждаго завала, но рукопашной схватки ни разу не выдерживалъ. Кромѣ того, направо и налѣво разбросанныя наши же бревна, при первомъ прохожденіи нашемъ, наносили намъ жестокій вредъ. Подъ вечеръ, массы удалого непріятеля ворвались въ хвостъ колонны, пользуясь узкимъ перешейкомъ, гдѣ была топкая мѣстность. Двѣ лошади везли гробъ съ тѣломъ генерала Фока и двѣ другія — нашего родственника Михайла Николаевича Бибикова; за ними непосредственно шло орудіе. Въ одно мгновеніе лошади подъ гробами и орудіемъ были убиты, и перешеекъ сдѣлался почти не проходимымъ. Непріятель съ неистовствомъ бросился въ шашки. Тутъ завязался бой отчаянный, въ которомъ погибли генералъ Викторовъ и баталіонный командиръ, прикрывавшій орудіе, полковникъ Кривошеинъ. Уже была ночь, когда мы выбрались изъ лѣсу и встрѣтили колонну съ провіантомъ. Пассекъ былъ немедленно назначенъ начальникомъ арріергарда; онъ устроилъ войско и мнѣ велѣлъ принять баталіонъ убитаго Кривошеина (3-ій баталіонъ Люблинскаго полка). Мы ночевали у опушки лѣса, и намъ былъ слышенъ неумолкаемый стукъ топоровъ. Непріятель снова приготовлялъ завалы по всей дорогѣ, и предвидя, что мы на слѣдующій день будемъ слѣдовать съ тяжестями, готовился задержать насъ упорнымъ боемъ. Сильная потеря наша наканунѣ его ободрила; по лѣсу раздавалось ихъ предсмертное пѣніе (молитва, которую они поютъ на жаркое дѣло).

Съ разсвѣтомъ Пассекъ назначилъ командовать авангардомъ мой баталіонъ и въ помощь мнѣ, около 300 милиціонеровъ пѣшихъ. Мы перекрестились и пошли. Едва выступили въ опушку, загорѣлась пальба, которая уже и не умолкала до ночи. Первый завалъ былъ жестоко труденъ, но Богъ меня благословилъ на этомъ новомъ для меня поприщѣ. Завалъ былъ занятъ моимъ баталіономъ счастливо, за нимъ другой и третій. Тутъ пріостановился я, чтобъ немного отдохнуть и устроиться. Пассекъ, который поддерживалъ меня съ резервомъ, все видѣлъ и былъ въ восхищеніи. Немного подождавъ, благословилъ онъ насъ опять и велѣлъ броситься съ четверть версты отъ третьяго завала и выбить непріятеля штыками. Это удалось. Предстояло еще труднѣйшее. Перешеекъ, гдѣ наканунѣ пало столько жертвъ, былъ заваленъ трупами и обломками всякаго рода. Густой лѣсъ по сторонамъ былъ занятъ сильнымъ непріятелемъ. Тутъ Шамиль положилъ непременно преградить намъ путь. Богъ и тутъ насъ благословилъ; мы заняли гору; но покуда я утверждался на горѣ, справа и слѣва бросились въ тылъ моему баталіону и на перерѣзъ Пассеку страшныя толпы враговъ. Всѣ деревья кругомъ были усѣяны непріятелями. Можете себѣ представить картину, которую представлялъ перешеекъ, объятый дымомъ. Храбрый Пассекъ хотѣлъ пробиться до меня штыками но вскорѣ былъ убитъ въ упоръ изъ пистолетовъ въ сердце. Въ эту минуту произошелъ безпорядокъ, который намъ могъ дорого обойтись. Часть колоннъ изъ главныхъ войскъ Пассека была раз-

строена. Непріятель ринулся впередъ, сбилъ мой авангардъ, и все это дрогнуло. Въ полуверстѣ у насъ была площадка. Видя невозможность удержать дрогнувшую массу, не смотря ни какія мѣры отчаянной строгости, я положилъ всю мою надежду на площадку, обогнувъ всю толпу, и на площадкѣ нашелъ несвязную толпу погибающихъ отъ града пуль изъ опушки, занятой многочисленнымъ непріятелемъ. Богъ помогъ мнѣ все остановить, привести въ порядокъ и выгнать непріятеля изъ опушки. Тутъ съ остаткомъ двухъ ротъ моего баталіона, пошелъ я опять назадъ съ намѣреніемъ пробиться до генерала Клюке. Съ крикомъ „ура!“ занялъ я подошву извѣстнаго вамъ лѣсистаго бугра. Тутъ остановился я, чтобы вздохнуть и, собравшись съ новыми силами, занять верхъ горы, а ежели можно, мокрый перешеекъ. Мало было уже около меня храбрыхъ товарищей. Я видѣлъ невозможность идти далѣе и потому рѣшился держаться на этомъ мѣстѣ до послѣдней крайности, пока генералъ самъ не пробьется до меня. Можете себѣ представить мой восторгъ, когда вдругъ я увидѣлъ идущій стройно и весело къ намъ на помощь, высланный изъ лагеря свѣжій баталіонъ Кабардинскаго полка. Я далъ ему мѣсто; онъ пошелъ далѣе, и я вернулся въ авангардъ. Въ самомъ арріергардѣ дрался съ неимовѣрною стойкостію 2-ой баталіонъ того же полка. Тутъ убитъ баталіонный командиръ, извѣстный на Кавказѣ своею храбростію полковникъ Ронжевскій. Когда пробился къ нему свѣжій баталіонъ, онъ стройно и лихо отступилъ, выдерживая сильнѣшій натискъ на каждомъ шагу.

Уже было темно, когда мы возвратились въ лагерь. Я былъ тронутъ до слезъ ласками графа и участіемъ всѣхъ товарищей; это происходило 10-го и 11-го іюля. 12-го мнѣ велѣно принять баталіонъ Ронжевскаго, то есть, 2-ой Кабардинскій. 13-го рѣшено было уничтожить лагерь и обозъ и идти всему отряду на проломъ чрезъ дремучій Ичкерскій лѣсъ въ Герзель-аулъ. 11-го убили у меня лошадь двумя пулями въ лѣвый бокъ; я взялъ другую свою же лошадь изъ-подъ казака; скоро и ее убили на повалъ пулею въ лобъ. Казакъ оставался при мнѣ тѣлохранителемъ безотлучно. У него вся шинель была прострѣлена пулями. Графъ ему пожаловалъ Георгіевскій крестъ и велѣлъ выдать столько цѣлковыхъ, сколько окажется дыръ на шинели. Ихъ оказалось 11; но ни онъ, ни я не тронуты.

Отъ самаго разсвѣта 13-го числа до 20-го, два баталіона Кабардинскаго полка были въ арріергардѣ и отъ зари до зари выдерживали сильнѣйшій натискъ многочисленнаго непріятеля.

Съ неимовѣрною смѣлостію ожесточенные Чеченцы бросались на насъ, чтобы отомстить за истребленіе ихъ столицы; природа давала имъ возможность сильно сопротивляться нашему авангарду, а фанатизмъ ихъ давалъ имъ дерзость погибать въ срединѣ нашей колонны и одолѣвать арріергардъ. 13-го, 14-го и 15-го мы дрались; 16-го намъ не возможно было двинуться съ мѣста. У насъ

строена. Непріятель ринулся впередъ, сбилъ мой авангардъ, и все это дрогнуло. Въ полуверстѣ у насъ была площадка. Видя невозможность удержать дрогнувшую массу, не смотря ни какія мѣры отчаянной строгости, я положилъ всю мою надежду на площадку, обогнувъ всю толпу, и на площадкѣ нашелъ несвязную толпу погибающихъ отъ града пуль изъ опушки, занятой многочисленнымъ непріятелемъ. Богъ помогъ мнѣ все остановить, привести въ порядокъ и выгнать непріятеля изъ опушки. Тутъ съ остаткомъ двухъ ротъ моего баталіона, пошелъ я опять назадъ съ намѣреніемъ пробиться до генерала Клюке. Съ крикомъ „ура!“ занялъ я подошву извѣстнаго вамъ лѣсистаго бугра. Тутъ остановился я, чтобы вздохнуть и, собравшись съ новыми силами, занять верхъ горы, а ежели можно, мокрый перешеекъ. Мало было уже около меня храбрыхъ товарищей. Я видѣлъ невозможность идти далѣе и потому рѣшился держаться на этомъ мѣстѣ до послѣдней крайности, пока генералъ самъ не пробьется до меня. Можете себѣ представить мой восторгъ, когда вдругъ я увидѣлъ идущій стройно и весело къ намъ на помощь, высланный изъ лагеря свѣжій баталіонъ Кабардинскаго полка. Я далъ ему мѣсто; онъ пошелъ далѣе, и я вернулся въ авангардъ. Въ самомъ арріергардѣ дрался съ неимовѣрною стойкостію 2-ой баталіонъ того же полка. Тутъ убитъ баталіонный командиръ, извѣстный на Кавказѣ своею храбростію полковникъ Ронжевскій. Когда пробился къ нему свѣжій баталіонъ, онъ стройно и лихо отступилъ, выдерживая сильнѣшій натискъ на каждомъ шагу.

Уже было темно, когда мы возвратились въ лагерь. Я былъ тронутъ до слезъ ласками графа и участіемъ всѣхъ товарищей; это происходило 10-го и 11-го іюля. 12-го мнѣ велѣно принять баталіонъ Ронжевскаго, то есть, 2-ой Кабардинскій. 13-го рѣшено было уничтожить лагерь и обозъ и идти всему отряду на проломъ чрезъ дремучій Ичкерскій лѣсъ въ Герзель-аулъ. 11-го убили у меня лошадь двумя пулями въ лѣвый бокъ; я взялъ другую свою же лошадь изъ-подъ казака; скоро и ее убили на повалъ пулею въ лобъ. Казакъ оставался при мнѣ тѣлохранителемъ безотлучно. У него вся шинель была прострѣлена пулями. Графъ ему пожаловалъ Георгіевскій крестъ и велѣлъ выдать столько цѣлковыхъ, сколько окажется дыръ на шинели. Ихъ оказалось 11; но ни онъ, ни я не тронуты.

Отъ самаго разсвѣта 13-го числа до 20-го, два баталіона Кабардинскаго полка были въ арріергардѣ и отъ зари до зари выдерживали сильнѣйшій натискъ многочисленнаго непріятеля.

Съ неимовѣрною смѣлостію ожесточенные Чеченцы бросались на насъ, чтобы отомстить за истребленіе ихъ столицы; природа давала имъ возможность сильно сопротивляться нашему авангарду, а фанатизмъ ихъ давалъ имъ дерзость погибать въ срединѣ нашей колонны и одолѣвать арріергардъ. 13-го, 14-го и 15-го мы дрались; 16-го намъ не возможно было двинуться съ мѣста. У насъ

было слишкомъ 1200 человѣкъ раненыхъ, и почти вовсе не было зарядовъ. Сильно становился ощутителенъ недостатокъ въ продовольствіи. Впереди насъ крѣпчайшія мѣста заняты были страшнымъ непріятелемъ. Со всѣхъ сторонъ стекались враги наши, какъ вороны. Рѣшено было ждать, чтобы Фрейтагъ пришелъ со свѣжими войсками на помощь. По всѣмъ соображеніямъ, онъ могъ лишь поспѣть къ 20-му на ночь, и то въ предположеніи, что непріятель не перехватитъ посланныхъ къ нему лазутчиковъ. Между тѣмъ лагерь нашъ занималъ площадку на берегу рѣки величиною въ квадратную версту. Шамиль подвезъ три орудія и въ продолженіе 2½ сутокъ стрѣлялъ изъ нихъ по насъ чрезъ рѣку, сдѣлавъ около 300 выстрѣловъ. Въ это же время съ трехъ прочихъ сторонъ не умолкалъ ружейный огонь. Но мы всѣ рѣшились умереть, но не покидать раненыхъ товарищей. Самимъ бросаться на проломъ было совсѣмъ не возможно.

Фрейтагъ, получивъ извѣстіе о положеніи отряда, съ неимовѣрною скоростью собралъ войско. Нѣкоторые баталіоны въ двое сутокъ сдѣлали 150 верстъ и вступили прямо въ смертный бой. 18-го вечеромъ, мы увидѣли его войско въ 7 верстахъ отъ насъ. 19-го, оба авангарда съ новыми силами устремились на встрѣчу непріятелю. Бой былъ сильный, но наши сошлись и обнялись на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ непріятель готовилъ намъ могилу. Тогда, вся слава и бремя дня предоставлены были двумъ арріергардамъ баталіонамъ. Жестокъ былъ напоръ врага, но чувство чести и своей обязанности превозмогло. Богъ нашъ свидѣтель въ томъ, какъ мы стояли; совѣсть чиста, и на душѣ легко. Насъ уже оставалась лишь малая горсть въ оврагѣ лѣсистомъ; почти уже не было патроновъ. Лѣсъ ревѣлъ отъ гиковъ непріятеля, но мы не могли ни шагу уступить, иначе все бы погибло въ одно мгновеніе. Вдругъ бѣгутъ на помощь свѣжія веселыя лица въ чистыхъ рубашкахъ. Это былъ 4-ый баталіонъ Кабардинскаго полка, который пришелъ съ Фрейтагомъ, тотъ самый баталіонъ, которымъ командовалъ я въ 1842 году. Люди меня узнали и стали со мной здороваться такъ весело и громко, что я этой минуты никогда не забуду. „Выручайте стараго вашего товарища, друзья мои!“ сказалъ я имъ. „Ура, въ штыки!“ былъ ихъ отвѣтъ. Они вступили въ бой; мы отступили. Это было 19-го числа. Съ какимъ удовольствіемъ я обнялъ Фрейтага и принималъ поздравленіе товарищей, и какъ глубоко въ меня врѣзались одобрительныя слова нашего геніальнаго главнокомандующаго, — этого я высказать не въ состояніи.

20-го мы слѣдовали подъ прикрытіемъ Фрейтага и вышли въ Герзель-аулъ. Графъ объѣзжалъ всѣ войска съ Фрейтагомъ и заставилъ кричать ему „ура!“ Графъ сказалъ Фрейтагу, что онъ много доволенъ. Вся молодежь и его высочество принцъ Гессенскій чрезвычайно меня обласкали, такъ что память этой экспедиціи и кровавыя ея развязки будутъ мнѣ памятны во всю мою жизнь. Теперь я живу у Фрейтага, къ нему прикомандированъ, а чрезъ три недѣли онъ меня отправитъ на Кубань къ начальнику

было слишкомъ 1200 человѣкъ раненыхъ, и почти вовсе не было зарядовъ. Сильно становился ощутителенъ недостатокъ въ продовольствіи. Впереди насъ крѣпчайшія мѣста заняты были страшнымъ непріятелемъ. Со всѣхъ сторонъ стекались враги наши, какъ вороны. Рѣшено было ждать, чтобы Фрейтагъ пришелъ со свѣжими войсками на помощь. По всѣмъ соображеніямъ, онъ могъ лишь поспѣть къ 20-му на ночь, и то въ предположеніи, что непріятель не перехватитъ посланныхъ къ нему лазутчиковъ. Между тѣмъ лагерь нашъ занималъ площадку на берегу рѣки величиною въ квадратную версту. Шамиль подвезъ три орудія и въ продолженіе 2½ сутокъ стрѣлялъ изъ нихъ по насъ чрезъ рѣку, сдѣлавъ около 300 выстрѣловъ. Въ это же время съ трехъ прочихъ сторонъ не умолкалъ ружейный огонь. Но мы всѣ рѣшились умереть, но не покидать раненыхъ товарищей. Самимъ бросаться на проломъ было совсѣмъ не возможно.

Фрейтагъ, получивъ извѣстіе о положеніи отряда, съ неимовѣрною скоростью собралъ войско. Нѣкоторые баталіоны въ двое сутокъ сдѣлали 150 верстъ и вступили прямо въ смертный бой. 18-го вечеромъ, мы увидѣли его войско въ 7 верстахъ отъ насъ. 19-го, оба авангарда съ новыми силами устремились на встрѣчу непріятелю. Бой былъ сильный, но наши сошлись и обнялись на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ непріятель готовилъ намъ могилу. Тогда, вся слава и бремя дня предоставлены были двумъ арріергардамъ баталіонамъ. Жестокъ былъ напоръ врага, но чувство чести и своей обязанности превозмогло. Богъ нашъ свидѣтель въ томъ, какъ мы стояли; совѣсть чиста, и на душѣ легко. Насъ уже оставалась лишь малая горсть въ оврагѣ лѣсистомъ; почти уже не было патроновъ. Лѣсъ ревѣлъ отъ гиковъ непріятеля, но мы не могли ни шагу уступить, иначе все бы погибло въ одно мгновеніе. Вдругъ бѣгутъ на помощь свѣжія веселыя лица въ чистыхъ рубашкахъ. Это былъ 4-ый баталіонъ Кабардинскаго полка, который пришелъ съ Фрейтагомъ, тотъ самый баталіонъ, которымъ командовалъ я въ 1842 году. Люди меня узнали и стали со мной здороваться такъ весело и громко, что я этой минуты никогда не забуду. „Выручайте стараго вашего товарища, друзья мои!“ сказалъ я имъ. „Ура, въ штыки!“ былъ ихъ отвѣтъ. Они вступили въ бой; мы отступили. Это было 19-го числа. Съ какимъ удовольствіемъ я обнялъ Фрейтага и принималъ поздравленіе товарищей, и какъ глубоко въ меня врѣзались одобрительныя слова нашего геніальнаго главнокомандующаго, — этого я высказать не въ состояніи.

20-го мы слѣдовали подъ прикрытіемъ Фрейтага и вышли въ Герзель-аулъ. Графъ объѣзжалъ всѣ войска съ Фрейтагомъ и заставилъ кричать ему „ура!“ Графъ сказалъ Фрейтагу, что онъ много доволенъ. Вся молодежь и его высочество принцъ Гессенскій чрезвычайно меня обласкали, такъ что память этой экспедиціи и кровавыя ея развязки будутъ мнѣ памятны во всю мою жизнь. Теперь я живу у Фрейтага, къ нему прикомандированъ, а чрезъ три недѣли онъ меня отправитъ на Кубань къ начальнику

праваго фланга, гдѣ я буду участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ осеннихъ и зимнихъ. Не могу со вздохомъ не вспомнить о павшихъ моихъ товарищахъ; 13-го, когда я вступилъ въ бой, у меня было въ баталіонѣ 370 штыковъ и 7 офицеровъ; 20-го оставалось 140 штыковъ и 3 офицера.

праваго фланга, гдѣ я буду участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ осеннихъ и зимнихъ. Не могу со вздохомъ не вспомнить о павшихъ моихъ товарищахъ; 13-го, когда я вступилъ въ бой, у меня было въ баталіонѣ 370 штыковъ и 7 офицеровъ; 20-го оставалось 140 штыковъ и 3 офицера.

КОРОЛЬ ШВЕДСКІЙ ГУСТАВЪ IV АДОЛЬФЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ 1796 ГОДУ.

(Изъ записокъ Массона).

К.-Ф.-П. Массонъ, изъ записокъ котораго переведенъ нижеслѣдующій отрывокъ, былъ въ Россіи и состоялъ въ русской службѣ съ 1786 по 1796 годъ. Онъ имѣлъ чинъ маіора и былъ однимъ изъ учителей великихъ князей Александра и Константина Павловичей. По восшествіи на престолъ императора Павла онъ долженъ былъ оставить Россію. Записки его были изданы въ 1800 году подъ заглавіемъ: „Mémoires secrets sur la Russie pendant les règnes de Catherine et de Paul I". Человѣкъ либеральнаго образа мыслей, вынужденный выѣхать изъ Россіи, онъ рѣзкими чертами описываетъ русское правительство и общество. Не смотря однако на множество крайностей и пристрастныхъ выходокъ, въ его запискахъ попадаются очень живыя черты и любопытныя замѣтки. Проживъ десять лѣтъ въ Россіи, не могъ же онъ не сдѣлать и вѣрныхъ наблюденій. Къ числу лучшихъ эпизодовъ въ запискахъ Массона должно отнести и переведенный нами отрывокъ. Разсказъ Массона о не состоявшемся бракѣ великой княжны Александры Павловны подтверждается и другими современниками, но ни у кого изъ нихъ этотъ эпизодъ не излагается такъ подробно, какъ у Массона; существенно не вѣрны у него только извѣстія о переговорахъ, предшествовавшихъ браку; но дипломатическія тайны и не могутъ быть извѣстны современникамъ. И въ настоящее время нельзя еще вполнѣ возстановить истину объ этомъ дѣлѣ, въ слѣдствіе недостатка въ обнародованныхъ матеріалахъ; поэтому, въ видахъ разъясненія фактовъ мы помѣщаемъ и эту часть разсказа Массона; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы постарались сопоставить все его повѣствованіе съ другими, преимущественно русскими извѣстіями,

КОРОЛЬ ШВЕДСКІЙ ГУСТАВЪ IV АДОЛЬФЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ 1796 ГОДУ.

(Изъ записокъ Массона).

К.-Ф.-П. Массонъ, изъ записокъ котораго переведенъ нижеслѣдующій отрывокъ, былъ въ Россіи и состоялъ въ русской службѣ съ 1786 по 1796 годъ. Онъ имѣлъ чинъ маіора и былъ однимъ изъ учителей великихъ князей Александра и Константина Павловичей. По восшествіи на престолъ императора Павла онъ долженъ былъ оставить Россію. Записки его были изданы въ 1800 году подъ заглавіемъ: „Mémoires secrets sur la Russie pendant les règnes de Catherine et de Paul I". Человѣкъ либеральнаго образа мыслей, вынужденный выѣхать изъ Россіи, онъ рѣзкими чертами описываетъ русское правительство и общество. Не смотря однако на множество крайностей и пристрастныхъ выходокъ, въ его запискахъ попадаются очень живыя черты и любопытныя замѣтки. Проживъ десять лѣтъ въ Россіи, не могъ же онъ не сдѣлать и вѣрныхъ наблюденій. Къ числу лучшихъ эпизодовъ въ запискахъ Массона должно отнести и переведенный нами отрывокъ. Разсказъ Массона о не состоявшемся бракѣ великой княжны Александры Павловны подтверждается и другими современниками, но ни у кого изъ нихъ этотъ эпизодъ не излагается такъ подробно, какъ у Массона; существенно не вѣрны у него только извѣстія о переговорахъ, предшествовавшихъ браку; но дипломатическія тайны и не могутъ быть извѣстны современникамъ. И въ настоящее время нельзя еще вполнѣ возстановить истину объ этомъ дѣлѣ, въ слѣдствіе недостатка въ обнародованныхъ матеріалахъ; поэтому, въ видахъ разъясненія фактовъ мы помѣщаемъ и эту часть разсказа Массона; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы постарались сопоставить все его повѣствованіе съ другими, преимущественно русскими извѣстіями,

которыя и приводимъ въ примѣчаніяхъ. Весьма немногія фразы Массона, преимущественно повторенія уже сказаннаго прежде, исключены нами вполнѣ; напротивъ того, большая часть даже рѣзкихъ и неосновательныхъ сужденій его оставлены; для русскаго читателя они или вовсе не требуютъ опроверженія, или будутъ поняты совершенно не въ томъ неблагопріятномъ смыслѣ, въ какомъ говорилъ авторъ.

А. М.

По заключеніи Верельскаго мира, возобновившаго согласіе Екатерины II съ Густавомъ III, между ними вскорѣ установились самыя любезныя отношенія, которыя вполнѣ противорѣчили ненависти и раздраженію, царившимъ во время войны. Военные люди обѣихъ націй точно также спѣшили взаимно засвидѣтельствовать уваженіе, которое питали другъ къ другу, ибо, за исключеніемъ казачьихъ наѣздовъ Денисова, эта война по своему характеру отличалась отъ обычнаго способа веденія войны Русскими. Они встрѣтили во врагахъ Шведахъ учтивость и храбрость; а всякій благовоспитанный Русскій, цѣня въ себѣ самомъ эти качества, дорожитъ ими и въ другихъ.

Графъ Стакельбергъ, прославившійся своимъ посольствомъ или, лучше сказать, своимъ господствомъ въ Польшѣ, былъ назначенъ въ Швецію. Екатерина, которая никакъ не могла жить въ мирѣ со своими сосѣдями до тѣхъ поръ, пока не подчиняла ихъ или не дѣлала преданными ей, снова начала искать случая возстановить свое вліяніе на Швецію, которое Густавъ III съумѣлъ поколебать своимъ превосходствомъ и стойкостію. Съ этого времени любимою мечтой императрицы стало выдать одну изъ великихъ княженъ (ея внучекъ) за шведскаго наслѣднаго принца; даже говорили, что этотъ бракъ былъ поставленъ въ видѣ особаго условія въ секретныхъ пунктахъ мирнаго договора. Несомнѣнно, что великую княжну Александру Павловну [1]) воспитывали въ надеждѣ видѣть ея въ одинъ прекрасный день королевою Швеціи; всѣ окружавшіе ее старались поддерживать въ ней эту мысль и занимали ее разсказами о привлекательной наружности и не сложившемся еще характерѣ юнаго Густава. Сама императрица часто съ улыбкою говорила ей о немъ. Однажды великая княжна раскрыла портфель, въ который были вложены портреты нѣсколькихъ жениховъ царственнаго происхожденія, и ей предложили выбрать себѣ кого-нибудь изъ нихъ въ супруги: юная великая княжна, краснѣя, указала на того, о комъ ей насказали такъ много хорошаго, и кто успѣлъ уже занять ее просыпавшееся воображеніе. Добрая бабка, не обращая вниманіе на то, что ея внучка умѣетъ читать и по надписямъ внизу портретовъ узнала, который изъ нихъ изображаетъ принца шведскаго, рѣшила, что предпочтеніе основывалось лишь на не-

[1]) Родилась въ 1783 году.

которыя и приводимъ въ примѣчаніяхъ. Весьма немногія фразы Массона, преимущественно повторенія уже сказаннаго прежде, исключены нами вполнѣ; напротивъ того, большая часть даже рѣзкихъ и неосновательныхъ сужденій его оставлены; для русскаго читателя они или вовсе не требуютъ опроверженія, или будутъ поняты совершенно не въ томъ неблагопріятномъ смыслѣ, въ какомъ говорилъ авторъ.

А. М.

По заключеніи Верельскаго мира, возобновившаго согласіе Екатерины II съ Густавомъ III, между ними вскорѣ установились самыя любезныя отношенія, которыя вполнѣ противорѣчили ненависти и раздраженію, царившимъ во время войны. Военные люди обѣихъ націй точно также спѣшили взаимно засвидѣтельствовать уваженіе, которое питали другъ къ другу, ибо, за исключеніемъ казачьихъ наѣздовъ Денисова, эта война по своему характеру отличалась отъ обычнаго способа веденія войны Русскими. Они встрѣтили во врагахъ Шведахъ учтивость и храбрость; а всякій благовоспитанный Русскій, цѣня въ себѣ самомъ эти качества, дорожитъ ими и въ другихъ.

Графъ Стакельбергъ, прославившійся своимъ посольствомъ или, лучше сказать, своимъ господствомъ въ Польшѣ, былъ назначенъ въ Швецію. Екатерина, которая никакъ не могла жить въ мирѣ со своими сосѣдями до тѣхъ поръ, пока не подчиняла ихъ или не дѣлала преданными ей, снова начала искать случая возстановить свое вліяніе на Швецію, которое Густавъ III съумѣлъ поколебать своимъ превосходствомъ и стойкостію. Съ этого времени любимою мечтой императрицы стало выдать одну изъ великихъ княженъ (ея внучекъ) за шведскаго наслѣднаго принца; даже говорили, что этотъ бракъ былъ поставленъ въ видѣ особаго условія въ секретныхъ пунктахъ мирнаго договора. Несомнѣнно, что великую княжну Александру Павловну [1]) воспитывали въ надеждѣ видѣть ея въ одинъ прекрасный день королевою Швеціи; всѣ окружавшіе ее старались поддерживать въ ней эту мысль и занимали ее разсказами о привлекательной наружности и не сложившемся еще характерѣ юнаго Густава. Сама императрица часто съ улыбкою говорила ей о немъ. Однажды великая княжна раскрыла портфель, въ который были вложены портреты нѣсколькихъ жениховъ царственнаго происхожденія, и ей предложили выбрать себѣ кого-нибудь изъ нихъ въ супруги: юная великая княжна, краснѣя, указала на того, о комъ ей насказали такъ много хорошаго, и кто успѣлъ уже занять ее просыпавшееся воображеніе. Добрая бабка, не обращая вниманіе на то, что ея внучка умѣетъ читать и по надписямъ внизу портретовъ узнала, который изъ нихъ изображаетъ принца шведскаго, рѣшила, что предпочтеніе основывалось лишь на не-

[1]) Родилась въ 1783 году.

объяснимой симпатіи, и еще усерднѣе стала преслѣдовать свою мысль.

Достовѣрно, что и многіе изъ приближенныхъ юнаго Густава старались возбудить въ немъ такія же чувства къ великой княжнѣ; а можетъ быть, и самъ король, этотъ упрямый деспотъ, согласился наконецъ на этотъ союзъ, вполнѣ приличный какъ для жениха, такъ и для невѣсты, но столь же безполезный для обоихъ государствъ. Какъ бы то ни было, но ужасная и внезапная смерть Густава III разрушила всѣ планы Екатерины. Предполагалось отправить его, во главѣ его же Шведовъ, во Францію, чтобы тамъ разыграть такую же роль, какую разыгрывали въ Германіи и Польшѣ Густавъ-Адольфъ и Карлъ XII, при чемъ вѣроятно надѣялись, что и Густавъ, подобно своимъ предшественникамъ, найдетъ въ этомъ походѣ свой конецъ [1]); въ Швеціи между тѣмъ Екатерина приготовлялась разыгрывать роль регентши несовершеннолѣтняго короля [2]), котораго она, вмѣстѣ съ его государствомъ, взяла бы въ свою опеку.

Но герцогъ Сюдерманландскій, успѣвшій захватить бразды правленія на время малолѣтства своего племянника, тотчасъ же выказалъ себя противникомъ русской системы [3]). Уступая своему брату въ любезности, герцогъ не счелъ нужнымъ жертвовать страною въ угоду дамамъ. Онъ платилъ Екатеринѣ тою же ненавистью, которую она питала къ нему со времени войны, когда грохотъ его пушекъ долеталъ до ея дворца. Эта морская война, которую къ тому же принцъ велъ такъ несчастливо, вооружила его противъ Русскихъ; ему были не безъизвѣстны тѣ порицанія и насмѣшки, которыми старались его преслѣдовать при Петербургскомъ дворѣ; въ эрмитажномъ театрѣ разыгрывались цѣлыя комедіи, въ которыхъ онъ былъ выведенъ [4]).

---

[1]) Здѣсь Массонъ ошибается: Екатерина не думала посылать однихъ Шведовъ, но и сама готовилась къ войнѣ противъ Франціи.

[2]) При вступленіи на престолъ, сыну Густава III, Густаву IV Адольфу, было всего 14-ть лѣтъ; онъ родился 1-го ноября 1778 года.

[3]) Въ 1782 г. Густавъ III сдѣлалъ завѣщаніе, чтобъ сынъ его принялъ правленіе не ранѣе 21 года. Во время войны съ Россіей, король написалъ другое завѣщаніе, въ которомъ совершеннолѣтіе Густава по успѣхамъ его въ наукахъ было сокращено до 18 лѣтъ; въ обоихъ этихъ завѣщаніяхъ младшій братъ короля, герцогъ Сюдерманландскій Карлъ назначался регентомъ, со всѣми королевскими правами, кромѣ правъ возводить въ дворянство и давать ордена. Но когда Густавъ III былъ раненъ, то написалъ третье завѣщаніе, чтобы герцогъ принялъ въ совѣтъ къ себѣ барона Армфельда и барона Таубе. По смерти Густава III, это завѣщаніе было уничтожено, и герцогъ вступилъ въ регентство въ силу первыхъ двухъ завѣщаній и вслѣдъ за тѣмъ удалилъ отъ управленія друзей Густава III которые почти всѣ были преданы Россіи. Съ этихъ поръ Армфельдъ сталъ въ оппозицію съ регентомъ и завелъ тайныя сношенія съ Россіей; по присоединеніи Финляндіи къ Россіи онъ поступилъ въ русскую службу, а въ 1812 году принялъ русское подданство и затѣмъ былъ возведенъ императоромъ Александромъ въ графское достоинство.

[4]) Массонъ ошибается: о время Шведско-русской войны на эрмитажномъ театрѣ дѣйствительно разыгрывали сочиненную Екатериной комическую оперу «Горе-Богатырь», но въ этой піесѣ былъ осмѣянъ не герцогъ Сюдерманландскій, а самъ Густавъ III.

объяснимой симпатіи, и еще усерднѣе стала преслѣдовать свою мысль.

Достовѣрно, что и многіе изъ приближенныхъ юнаго Густава старались возбудить въ немъ такія же чувства къ великой княжнѣ; а можетъ быть, и самъ король, этотъ упрямый деспотъ, согласился наконецъ на этотъ союзъ, вполнѣ приличный какъ для жениха, такъ и для невѣсты, но столь же безполезный для обоихъ государствъ. Какъ бы то ни было, но ужасная и внезапная смерть Густава III разрушила всѣ планы Екатерины. Предполагалось отправить его, во главѣ его же Шведовъ, во Францію, чтобы тамъ разыграть такую же роль, какую разыгрывали въ Германіи и Польшѣ Густавъ-Адольфъ и Карлъ XII, при чемъ вѣроятно надѣялись, что и Густавъ, подобно своимъ предшественникамъ, найдетъ въ этомъ походѣ свой конецъ [1]); въ Швеціи между тѣмъ Екатерина приготовлялась разыгрывать роль регентши несовершеннолѣтняго короля [2]), котораго она, вмѣстѣ съ его государствомъ, взяла бы въ свою опеку.

Но герцогъ Сюдерманландскій, успѣвшій захватить бразды правленія на время малолѣтства своего племянника, тотчасъ же выказалъ себя противникомъ русской системы [3]). Уступая своему брату въ любезности, герцогъ не счелъ нужнымъ жертвовать страною въ угоду дамамъ. Онъ платилъ Екатеринѣ тою же ненавистью, которую она питала къ нему со времени войны, когда грохотъ его пушекъ долеталъ до ея дворца. Эта морская война, которую къ тому же принцъ велъ такъ несчастливо, вооружила его противъ Русскихъ; ему были не безъизвѣстны тѣ порицанія и насмѣшки, которыми старались его преслѣдовать при Петербургскомъ дворѣ; въ эрмитажномъ театрѣ разыгрывались цѣлыя комедіи, въ которыхъ онъ былъ выведенъ [4]).

---

[1]) Здѣсь Массонъ ошибается: Екатерина не думала посылать однихъ Шведовъ, но и сама готовилась къ войнѣ противъ Франціи.

[2]) При вступленіи на престолъ, сыну Густава III, Густаву IV Адольфу, было всего 14-ть лѣтъ; онъ родился 1-го ноября 1778 года.

[3]) Въ 1782 г. Густавъ III сдѣлалъ завѣщаніе, чтобъ сынъ его принялъ правленіе не ранѣе 21 года. Во время войны съ Россіей, король написалъ другое завѣщаніе, въ которомъ совершеннолѣтіе Густава по успѣхамъ его въ наукахъ было сокращено до 18 лѣтъ; въ обоихъ этихъ завѣщаніяхъ младшій братъ короля, герцогъ Сюдерманландскій Карлъ назначался регентомъ, со всѣми королевскими правами, кромѣ правъ возводить въ дворянство и давать ордена. Но когда Густавъ III былъ раненъ, то написалъ третье завѣщаніе, чтобы герцогъ принялъ въ совѣтъ къ себѣ барона Армфельда и барона Таубе. По смерти Густава III, это завѣщаніе было уничтожено, и герцогъ вступилъ въ регентство въ силу первыхъ двухъ завѣщаній и вслѣдъ за тѣмъ удалилъ отъ управленія друзей Густава III которые почти всѣ были преданы Россіи. Съ этихъ поръ Армфельдъ сталъ въ оппозицію съ регентомъ и завелъ тайныя сношенія съ Россіей; по присоединеніи Финляндіи къ Россіи онъ поступилъ въ русскую службу, а въ 1812 году принялъ русское подданство и затѣмъ былъ возведенъ императоромъ Александромъ въ графское достоинство.

[4]) Массонъ ошибается: о время Шведско-русской войны на эрмитажномъ театрѣ дѣйствительно разыгрывали сочиненную Екатериной комическую оперу «Горе-Богатырь», но въ этой піесѣ былъ осмѣянъ не герцогъ Сюдерманландскій, а самъ Густавъ III.

Устранить регента, замѣстить его совѣтомъ изъ своихъ приверженцевъ, прицѣпить къ своей колесницѣ Швецію о бокъ съ Польшею — вотъ цѣль, которую задумала Екатерина, и которую хотѣла она во что бы то ни стало осуществить.

Чтобъ уничтожить въ самомъ источникѣ всѣ надежды Екатерины, регентъ просилъ для своего питомца руки принцессы Мекленбургской, которая и была торжественно объявлена невѣстою короля, и герцогъ сообщилъ всѣмъ дворамъ объ этомъ событіи. Графъ Шверинъ, который уже бывалъ въ Россіи и успѣлъ здѣсь пріобрѣсти друзей, былъ снова посланъ съ этимъ извѣстіемъ въ Петербургъ; но въ Выборгѣ онъ получилъ приказаніе императрицы не являться къ ней: приказаніе, прежде всего довольно странное, и изъ котораго можно было видѣть скорѣе досаду оскорбленной женщины, чѣмъ благоразуміе государыни. Уваженіе къ самой себѣ, къ своему полу, и въ особенности къ прелестной внукѣ должно было бы предостеречь Екатерину отъ столь громкаго заявленія своей досады. Но въ эту минуту Екатерина не была Екатериною Великою [1]).

Чтобы привести сколько-нибудь уважительную причину своему какъ оскорбительному, такъ и довольно неделикатному поступку, Екатерина приказала вручить регенту, чрезъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Стокгольмѣ, странную дипломатическую ноту, которая извѣстна изъ газетъ, и въ которой она не только обвиняетъ герцога Сюдерманландскаго въ оскорбленіи ея царскаго величества и въ томъ, что онъ имѣетъ сношенія съ Французскою республикой, но и намекаетъ на его единомысліе съ убійцами короля его брата, месть за котораго она принимаетъ на себя. Мало того, досада Екатерины и безразсудность ея министровъ пошли еще далѣе. Стали показывать видъ, что короля шведскаго можно застращать съ помощію пушекъ; заставить его разорвать брачный договоръ съ принцессою Мекленбургскою и сочетать его бракомъ съ великою княжной Александрою Павловною [2]). Дѣйствительно, великая княжна была до того прелест-

---

[1]) Къ этому мѣсту Массонъ дѣлаетъ забавное по своей наивности примѣчаніе: «Русскіе возвеличили самое имя ея: они произносятъ «Jékatarina» что нельзя перевести иначе какъ Archi-Catherine».

[2]) По этому случаю на невскомъ льдѣ (который въ то время былъ довольно толстъ) наслали доски, дабы, какъ говорили, облегчить перевозъ артиллеріи, которую предполагалось отправить въ Финляндію. Министры и генералы громко говорили о предстоящей войнѣ: очевидно, что это дѣлалось нарочно; не знаю, былъ ли графъ Стедингъ (шведскій посланникъ въ Петербургѣ) обманутъ этою уловкою. Князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ, генералъ очень честный и не на столько придворный, чтобъ угождать фаворитамъ, былъ даже посланъ на шведскую границу.

Примѣчаніе Массона.

Ю. В. Долгорукій, въ запискахъ своихъ, разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: „По моемъ выздоровленіи, государыня приказала мнѣ осмотрѣть Финляндію и донести, въ какомъ состояніи, по военной части, сія область. Мнѣ сторона сія была вовсе неизвѣстною, и я съ удовольствіемъ по

Устранить регента, замѣстить его совѣтомъ изъ своихъ приверженцевъ, прицѣпить къ своей колесницѣ Швецію о бокъ съ Польшею — вотъ цѣль, которую задумала Екатерина, и которую хотѣла она во что бы то ни стало осуществить.

Чтобъ уничтожить въ самомъ источникѣ всѣ надежды Екатерины, регентъ просилъ для своего питомца руки принцессы Мекленбургской, которая и была торжественно объявлена невѣстою короля, и герцогъ сообщилъ всѣмъ дворамъ объ этомъ событіи. Графъ Шверинъ, который уже бывалъ въ Россіи и успѣлъ здѣсь пріобрѣсти друзей, былъ снова посланъ съ этимъ извѣстіемъ въ Петербургъ; но въ Выборгѣ онъ получилъ приказаніе императрицы не являться къ ней: приказаніе, прежде всего довольно странное, и изъ котораго можно было видѣть скорѣе досаду оскорбленной женщины, чѣмъ благоразуміе государыни. Уваженіе къ самой себѣ, къ своему полу, и въ особенности къ прелестной внукѣ должно было бы предостеречь Екатерину отъ столь громкаго заявленія своей досады. Но въ эту минуту Екатерина не была Екатериною Великою [1]).

Чтобы привести сколько-нибудь уважительную причину своему какъ оскорбительному, такъ и довольно неделикатному поступку, Екатерина приказала вручить регенту, чрезъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Стокгольмѣ, странную дипломатическую ноту, которая извѣстна изъ газетъ, и въ которой она не только обвиняетъ герцога Сюдерманландскаго въ оскорбленіи ея царскаго величества и въ томъ, что онъ имѣетъ сношенія съ Французскою республикой, но и намекаетъ на его единомысліе съ убійцами короля его брата, месть за котораго она принимаетъ на себя. Мало того, досада Екатерины и безразсудность ея министровъ пошли еще далѣе. Стали показывать видъ, что короля шведскаго можно застращать съ помощію пушекъ; заставить его разорвать брачный договоръ съ принцессою Мекленбургскою и сочетать его бракомъ съ великою княжной Александрою Павловною [2]). Дѣйствительно, великая княжна была до того прелест-

---

[1]) Къ этому мѣсту Массонъ дѣлаетъ забавное по своей наивности примѣчаніе: «Русскіе возвеличили самое имя ея: они произносятъ «Jékatarina» что нельзя перевести иначе какъ Archi-Catherine».

[2]) По этому случаю на невскомъ льдѣ (который въ то время былъ довольно толстъ) наслали доски, дабы, какъ говорили, облегчить перевозъ артиллеріи, которую предполагалось отправить въ Финляндію. Министры и генералы громко говорили о предстоящей войнѣ: очевидно, что это дѣлалось нарочно; не знаю, былъ ли графъ Стедингъ (шведскій посланникъ въ Петербургѣ) обманутъ этою уловкою. Князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ, генералъ очень честный и не на столько придворный, чтобъ угождать фаворитамъ, былъ даже посланъ на шведскую границу.

Примѣчаніе Массона.

Ю. В. Долгорукій, въ запискахъ своихъ, разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: „По моемъ выздоровленіи, государыня приказала мнѣ осмотрѣть Финляндію и донести, въ какомъ состояніи, по военной части, сія область. Мнѣ сторона сія была вовсе неизвѣстною, и я съ удовольствіемъ по

на что юному государю скорѣе можно было начать войну для полученія ея руки, а не на оборотъ. Согласно съ этимъ и былъ пущенъ слухъ, что король занятъ серьезно великою княжною, что дядя противъ его желанія нарушаетъ этотъ бракъ, и что Густавъ только ищетъ случая, чтобъ избѣжать брака съ принцессою Мекленбургскою, объявить себя наконецъ совершеннолѣтнимъ и просить руки великой княжны.

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе Шведы, привлеченные на сторону Екатерины разными обѣщаніями и тѣми щедротами, которыхъ они ожидали отъ роскошной императрицы, съ своей стороны подавали молодому королю совѣты въ томъ же смыслѣ и усиливали въ немъ ту же страсть, которую развили къ нему въ прекрасной великой княжнѣ. Завязалась даже довольно постоянная переписка между Шверинымъ, Стенбокомъ и лицами, приближенными къ великой княжнѣ, и нѣкоторыя изъ этихъ писемъ были даже показаны императрицѣ [1]).

оставилъ ни одного мѣста, гдѣ бы не побывать, ѣздя частію на линѣйкѣ частію верхомъ, и немного въ рыбачьихъ лодкахъ. Возвратясь, я подробно о всемъ представилъ. Императрица моимъ донесеніемъ весьма осталась довольною". См. Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ, стр. 332—333.

[1]) Несомнѣнно, что въ Петербургѣ главною пружиною переговоровъ о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ королемъ Густавомъ IV, былъ членъ иностранной коллегіи, графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ. Съ начала 1785 г. по весну 1786 г. онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Швеціи и успѣлъ образовать тамъ русскую партію, которая противодѣйствовала Густаву III въ послѣдовавшей за тѣмъ войнѣ его съ Россіей. Морковъ же руководилъ и дѣйствіями русскихъ посланниковъ во время переговоровъ о брачномъ союзѣ. Вотъ въ какихъ словахъ Морковъ излагалъ это дѣло графу С. П. Румянцеву, назначенному въ 1793 году русскимъ посломъ въ Швецію, въ письмѣ отъ 17-го апрѣля 1794 года: «О бракѣ идетъ рѣчь со времени посылки генерала Клингспора, пріѣзжавшаго сюда съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ молодаго короля. Онъ закинулъ объ этомъ нѣсколько словъ. Графъ Стакельбергъ получилъ приказаніе разработывать эту мысль; онъ постарался возбудить къ тому желаніе въ молодомъ королѣ черезъ окружающихъ его. Графъ Стакельбергъ говорилъ, что онъ вполнѣ успѣлъ въ этомъ. Регентъ въ своихъ письмахъ къ императрицѣ говорилъ объ этомъ обиняками; но со времени прибытія графа Стенбока, дѣло приняло характеръ формальныхъ переговоровъ. Регентъ писалъ въ ясныхъ выраженіяхъ. Вы увидите по приложеніямъ къ оффиціальной депешѣ, отправляемой къ вамъ сегодня, какъ отвѣчала императрица. Затѣмъ отъ регента было получено новое письмо, въ которомъ онъ говорилъ о своемъ желаніи, чтобъ этотъ брачный проектъ сталъ поскорѣе гласнымъ, для того чтобъ закрыть роть тѣмъ, которые стараются распускать слухъ, будто между обоими государствами готовится совершенный разрывъ. Императрица, входя въ его мысли, собиралась съ своей стороны предложить свиданіе между королемъ и юною принцессою здѣсь въ Петербургѣ, на будущее лѣто, по случаю путешествія, которое король могъ бы сдѣлать въ Финляндіи. Письмо, въ которомъ заключалось это предложеніе, не только было приготовлено и подписано, но оно должно было отправиться на другой день послѣ того, въ который тутъ было получено извѣщеніе о прекрасной конвенціи, заключенной въ Копенгагенѣ. Императрица велѣла уничтожить свое письмо»... Затѣмъ Морковъ указываетъ на тотъ образъ дѣйствій, котораго долженъ держаться Румянцевъ: во первыхъ, онъ долженъ дать «регенту болѣе правильное понятіе о сте-

на что юному государю скорѣе можно было начать войну для полученія ея руки, а не на оборотъ. Согласно съ этимъ и былъ пущенъ слухъ, что король занятъ серьезно великою княжною, что дядя противъ его желанія нарушаетъ этотъ бракъ, и что Густавъ только ищетъ случая, чтобъ избѣжать брака съ принцессою Мекленбургскою, объявить себя наконецъ совершеннолѣтнимъ и просить руки великой княжны.

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе Шведы, привлеченные на сторону Екатерины разными обѣщаніями и тѣми щедротами, которыхъ они ожидали отъ роскошной императрицы, съ своей стороны подавали молодому королю совѣты въ томъ же смыслѣ и усиливали въ немъ ту же страсть, которую развили къ нему въ прекрасной великой княжнѣ. Завязалась даже довольно постоянная переписка между Шверинымъ, Стенбокомъ и лицами, приближенными къ великой княжнѣ, и нѣкоторыя изъ этихъ писемъ были даже показаны императрицѣ [1]).

оставилъ ни одного мѣста, гдѣ бы не побывать, ѣздя частію на линѣйкѣ частію верхомъ, и немного въ рыбачьихъ лодкахъ. Возвратясь, я подробно о всемъ представилъ. Императрица моимъ донесеніемъ весьма осталась довольною". См. Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ, стр. 332—333.

[1]) Несомнѣнно, что въ Петербургѣ главною пружиною переговоровъ о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ королемъ Густавомъ IV, былъ членъ иностранной коллегіи, графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ. Съ начала 1785 г. по весну 1786 г. онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Швеціи и успѣлъ образовать тамъ русскую партію, которая противодѣйствовала Густаву III въ послѣдовавшей за тѣмъ войнѣ его съ Россіей. Морковъ же руководилъ и дѣйствіями русскихъ посланниковъ во время переговоровъ о брачномъ союзѣ. Вотъ въ какихъ словахъ Морковъ излагалъ это дѣло графу С. П. Румянцеву, назначенному въ 1793 году русскимъ посломъ въ Швецію, въ письмѣ отъ 17-го апрѣля 1794 года: «О бракѣ идетъ рѣчь со времени посылки генерала Клингспора, пріѣзжавшаго сюда съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ молодаго короля. Онъ закинулъ объ этомъ нѣсколько словъ. Графъ Стакельбергъ получилъ приказаніе разработывать эту мысль; онъ постарался возбудить къ тому желаніе въ молодомъ королѣ черезъ окружающихъ его. Графъ Стакельбергъ говорилъ, что онъ вполнѣ успѣлъ въ этомъ. Регентъ въ своихъ письмахъ къ императрицѣ говорилъ объ этомъ обиняками; но со времени прибытія графа Стенбока, дѣло приняло характеръ формальныхъ переговоровъ. Регентъ писалъ въ ясныхъ выраженіяхъ. Вы увидите по приложеніямъ къ оффиціальной депешѣ, отправляемой къ вамъ сегодня, какъ отвѣчала императрица. Затѣмъ отъ регента было получено новое письмо, въ которомъ онъ говорилъ о своемъ желаніи, чтобъ этотъ брачный проектъ сталъ поскорѣе гласнымъ, для того чтобъ закрыть роть тѣмъ, которые стараются распускать слухъ, будто между обоими государствами готовится совершенный разрывъ. Императрица, входя въ его мысли, собиралась съ своей стороны предложить свиданіе между королемъ и юною принцессою здѣсь въ Петербургѣ, на будущее лѣто, по случаю путешествія, которое король могъ бы сдѣлать въ Финляндіи. Письмо, въ которомъ заключалось это предложеніе, не только было приготовлено и подписано, но оно должно было отправиться на другой день послѣ того, въ который тутъ было получено извѣщеніе о прекрасной конвенціи, заключенной въ Копенгагенѣ. Императрица велѣла уничтожить свое письмо»... Затѣмъ Морковъ указываетъ на тотъ образъ дѣйствій, котораго долженъ держаться Румянцевъ: во первыхъ, онъ долженъ дать «регенту болѣе правильное понятіе о сте-

Но послѣ столь рѣзкихъ поступковъ противъ регента, можно ли было ожидать, что онъ уступитъ и покорится? Однако, онъ поступилъ такимъ образомъ— быть можетъ, изъ боязни, а пожалуй, и изъ расчета. Генералъ Будбергъ, только что объѣздившій всю Германію для избранія невѣсты великому князю Константину Павловичу и привезшій принцессу Кобургскую и трехъ ея дочерей, былъ признанъ способнымъ побороть всѣ тѣ затрудненія, которыя представлялись въ пріисканіи супруга для молодой великой княжны. Онъ тотчасъ же былъ отправленъ въ Мекленбургъ, чтобы договориться объ отказѣ отъ брака принцессы съ королемъ, и оттуда въ качествѣ русскаго посланника явился въ Стокгольмъ [1]). Деньги, угрозы, обѣщанія наконецъ восторжествовали. Екатерина добилась того, чтобы король не вступалъ въ бракъ ранѣе своего совершеннолѣтія; регентъ же, желая показать, что его питомецъ совер-

---

пени важности, которую императрица придаетъ этому браку», и во вторыхъ, «удержать его отъ дальнѣйшихъ неосторожностей, на которыя онъ могъ бы рѣшиться въ надеждѣ на безнаказанность, льстясь постоянно укрощать гнѣвъ императрицы приманкой этого брака. Дѣйствительно», продолжаетъ Морковъ, «она не видитъ въ немъ ничего столь привлекательнаго для своей внучки, чтобъ она должна была бы для достиженія этой цѣли пожертвовать иными соображеніями, каковы возбуждаемыя иностранными дѣлами, теперь стоящими на очереди. Впрочемъ, все, что вамъ извѣстно о расположеніи императрицы къ королю, къ регенту, ко всему Шведскому королевству, можетъ лишь, сдѣлавшись гласнымъ, упрочить за нею довѣріе шведской націи и обнаружитъ несостоятельность теперешняго управленія, въ случаѣ, если между двумя государствами возникнетъ слишкомъ явное несогласіе. Итакъ, вы можете, какъ мнѣ кажется, пользоваться всѣми случаями, которые представятся естественнымъ образомъ, для того, чтобы просвѣщать умы на счетъ всѣхъ обольщеній, коими герцогъ и его сторонники хотѣли бы ихъ отуманить». (См. Русскій Архивъ 1869 г., ст. 874—876). Позже, въ январѣ 1796 года, желая снова повернуть брачные переговоры въ пользу Россіи, Морковъ отправилъ въ Стокгольмъ тайнаго своего агента, Швейцарца Кристина. Кристинъ явился въ Швецію врагомъ Русскихъ и этимъ способомъ вошелъ въ милость регента; затѣмъ однако Кристинъ нашелъ случай передать молодому королю, тайно отъ дяди, записку о выгодахъ брака съ русскою великою княжною, и эта записка такъ подѣйствовала на Густава, что онъ вдругъ на отрѣзъ отказался отъ брака съ Мекленбургскою принцессою (см. «Воспоминанія» Вигеля, ч. VI, стр. 15; также «L'espion anglais à la cour de Russie», II, подъ 1796 годомъ).

[1]) Будбергъ прибылъ въ Стокгольмъ только въ началѣ 1796 года; до тѣхъ поръ со времени отъѣзда графа С. П. Румянцева въ началѣ осени 1795 года, представителемъ Россіи въ Швеціи былъ повѣренный въ дѣлахъ. Вигель, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», ч. IV, стр. 12, характеризуетъ Будберга слѣдующими словами: «Трудно опредѣлительно сказать что-нибудь на счетъ характера такого человѣка, который сквозь столь важныя мѣста и событія (въ 1807 г. Будбергъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и подписалъ Тильзитскій трактатъ) прошелъ невидимкою: судя по догадкамъ, можно себѣ вообразить его Нѣмцемъ, довольно образованнымъ для того времени, гдѣ нужно искательнымъ, терпѣливымъ и молчаливымъ, и слѣдственно, по наружности глубокомысленнымъ». Если отзывъ этотъ справедливъ, то назначеніе Будберга на трудный постъ объясняется только тѣмъ, что Морковъ имѣлъ въ Стокгольмѣ тайнаго агента въ лицѣ Кристина, который успѣлъ уже прежде того завязать тамъ связи, выгодныя для Россіи. Массонъ, очевидно, не зналъ ничего о миссіи Кристина.

Но послѣ столь рѣзкихъ поступковъ противъ регента, можно ли было ожидать, что онъ уступитъ и покорится? Однако, онъ поступилъ такимъ образомъ— быть можетъ, изъ боязни, а пожалуй, и изъ расчета. Генералъ Будбергъ, только что объѣздившій всю Германію для избранія невѣсты великому князю Константину Павловичу и привезшій принцессу Кобургскую и трехъ ея дочерей, былъ признанъ способнымъ побороть всѣ тѣ затрудненія, которыя представлялись въ пріисканіи супруга для молодой великой княжны. Онъ тотчасъ же былъ отправленъ въ Мекленбургъ, чтобы договориться объ отказѣ отъ брака принцессы съ королемъ, и оттуда въ качествѣ русскаго посланника явился въ Стокгольмъ [1]). Деньги, угрозы, обѣщанія наконецъ восторжествовали. Екатерина добилась того, чтобы король не вступалъ въ бракъ ранѣе своего совершеннолѣтія; регентъ же, желая показать, что его питомецъ совер-

---

пени важности, которую императрица придаетъ этому браку», и во вторыхъ, «удержать его отъ дальнѣйшихъ неосторожностей, на которыя онъ могъ бы рѣшиться въ надеждѣ на безнаказанность, льстясь постоянно укрощать гнѣвъ императрицы приманкой этого брака. Дѣйствительно», продолжаетъ Морковъ, «она не видитъ въ немъ ничего столь привлекательнаго для своей внучки, чтобъ она должна была бы для достиженія этой цѣли пожертвовать иными соображеніями, каковы возбуждаемыя иностранными дѣлами, теперь стоящими на очереди. Впрочемъ, все, что вамъ извѣстно о расположеніи императрицы къ королю, къ регенту, ко всему Шведскому королевству, можетъ лишь, сдѣлавшись гласнымъ, упрочить за нею довѣріе шведской націи и обнаружитъ несостоятельность теперешняго управленія, въ случаѣ, если между двумя государствами возникнетъ слишкомъ явное несогласіе. Итакъ, вы можете, какъ мнѣ кажется, пользоваться всѣми случаями, которые представятся естественнымъ образомъ, для того, чтобы просвѣщать умы на счетъ всѣхъ обольщеній, коими герцогъ и его сторонники хотѣли бы ихъ отуманить». (См. Русскій Архивъ 1869 г., ст. 874—876). Позже, въ январѣ 1796 года, желая снова повернуть брачные переговоры въ пользу Россіи, Морковъ отправилъ въ Стокгольмъ тайнаго своего агента, Швейцарца Кристина. Кристинъ явился въ Швецію врагомъ Русскихъ и этимъ способомъ вошелъ въ милость регента; затѣмъ однако Кристинъ нашелъ случай передать молодому королю, тайно отъ дяди, записку о выгодахъ брака съ русскою великою княжною, и эта записка такъ подѣйствовала на Густава, что онъ вдругъ на отрѣзъ отказался отъ брака съ Мекленбургскою принцессою (см. «Воспоминанія» Вигеля, ч. VI, стр. 15; также «L'espion anglais à la cour de Russie», II, подъ 1796 годомъ).

[1]) Будбергъ прибылъ въ Стокгольмъ только въ началѣ 1796 года; до тѣхъ поръ со времени отъѣзда графа С. П. Румянцева въ началѣ осени 1795 года, представителемъ Россіи въ Швеціи былъ повѣренный въ дѣлахъ. Вигель, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», ч. IV, стр. 12, характеризуетъ Будберга слѣдующими словами: «Трудно опредѣлительно сказать что-нибудь на счетъ характера такого человѣка, который сквозь столь важныя мѣста и событія (въ 1807 г. Будбергъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и подписалъ Тильзитскій трактатъ) прошелъ невидимкою: судя по догадкамъ, можно себѣ вообразить его Нѣмцемъ, довольно образованнымъ для того времени, гдѣ нужно искательнымъ, терпѣливымъ и молчаливымъ, и слѣдственно, по наружности глубокомысленнымъ». Если отзывъ этотъ справедливъ, то назначеніе Будберга на трудный постъ объясняется только тѣмъ, что Морковъ имѣлъ въ Стокгольмѣ тайнаго агента въ лицѣ Кристина, который успѣлъ уже прежде того завязать тамъ связи, выгодныя для Россіи. Массонъ, очевидно, не зналъ ничего о миссіи Кристина.

шенно свободенъ въ своихъ поступкахъ, согласился наконецъ на поѣздку въ Петербургъ, куда его такъ любезно приглашали. Брачный вопросъ, истинная причина этого приглашенія, былъ затронутъ лишь слегка, съ нѣкоторою сентиментальностью. „Если", какъ говорили, „эти дѣти уже полюбили другъ друга, если при свиданіи, они еще болѣе сблизятся, то отыщутся и средства, чтобы создать ихъ взаимное счастіе". Такъ говорила императрица. Пріѣздъ короля въ Петербургъ знаменовалъ ея торжество. Екатерина расчитывала на красоту своей внуки и на милости, которыми намѣревалась осыпать короля, регента и ихъ свиту. Она не сомнѣвалась, что юный Густавъ, при видѣ той, которой осмѣлился отказать изъ государственныхъ видовъ, пожертвуетъ теперь, для обладанія ею, и своимъ королевствомъ, и славою Карла XII.

Шведскій король прибылъ въ Петербургъ въ сопровожденіи своего дяди и довольно многочисленной свиты $^{14}/_{25}$-го августа, и остановился въ домѣ Стединга, своего посланника. Весь городъ пришелъ въ движеніе; всѣ желали видѣть юнаго монарха. Императрица, которая жила въ ту пору въ Таврическомъ дворцѣ, переѣхала въ Эрмитажъ, чтобы торжественно принять короля [1]). Съ перваго же свиданія съ нимъ, она казалась восхищенною и почти влюбилась въ него сама [2]). Онъ хотѣлъ ей поцѣловать руку, но она воспротивилась. „Нѣтъ", сказала она, „я не забуду, что вѣдь графъ Гага — король". „Если ваше величество", отвѣчалъ онъ, „не желаете дозволить мнѣ это какъ императрица, то дозволите мнѣ, по крайней мѣрѣ, какъ женщина, къ которой я питаю полное уваженіе и удивленіе". Свиданіе съ великою княжною было еще занимательнѣе: и она, и онъ были въ сильномъ замѣшательствѣ, и взоры всѣхъ, жадно устремленные на нихъ, еще болѣе увеличивали ихъ смущеніе. Конечно, оба они были достойны тѣхъ чувствъ, которыя питали другъ къ другу съ самаго дѣтства. И надобно полагать, что если государственныя соображенія шведскаго короля или нежеланіе нынѣшняго императора помѣшаютъ этому браку, прелестнѣйшая изъ великихъ княженъ сдѣлается самою несчастною. Между тѣмъ никто не имѣетъ столько правъ на счастіе, какъ она; въ четырнадцать лѣтъ она уже совсѣмъ сложилась и казалась взрослою; у нея благородная и величественная осанка, которую ея лѣта и полъ дѣлаютъ еще привлека-

[1]) По словамъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1796 г., шведскій король прибылъ въ Петербургъ не 14-го, а 13-го августа, въ 8 часовъ вечера; король принялъ имя *графа Гага*, а регентъ — *графа Ваза*. Въ ожиданіи въѣзда гостей въ городъ по Выборгской дорогѣ, императрица писала къ Петербургскому генералъ-губернатору Н. П. Архарову: «Николай Петровичъ, держи ухо востро, дабы не вздумали нахалы (когда гости подъѣдутъ ближе къ городу) толпами, верхами, пѣшкомъ да и женщины въ каретахъ встрѣчать еще за Парголово» (см. Русскій Архивъ 1864 г., ст. 913). Изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей видно, что императрица не переселялась изъ Таврическаго дворца въ Эрмитажъ, а только пріѣзжала въ Зимній дворецъ въ дни торжественныхъ собраній.

[2]) Подлинныя ея слова.

Примѣчаніе Массона.

шенно свободенъ въ своихъ поступкахъ, согласился наконецъ на поѣздку въ Петербургъ, куда его такъ любезно приглашали. Брачный вопросъ, истинная причина этого приглашенія, былъ затронутъ лишь слегка, съ нѣкоторою сентиментальностью. „Если", какъ говорили, „эти дѣти уже полюбили другъ друга, если при свиданіи, они еще болѣе сблизятся, то отыщутся и средства, чтобы создать ихъ взаимное счастіе". Такъ говорила императрица. Пріѣздъ короля въ Петербургъ знаменовалъ ея торжество. Екатерина расчитывала на красоту своей внуки и на милости, которыми намѣревалась осыпать короля, регента и ихъ свиту. Она не сомнѣвалась, что юный Густавъ, при видѣ той, которой осмѣлился отказать изъ государственныхъ видовъ, пожертвуетъ теперь, для обладанія ею, и своимъ королевствомъ, и славою Карла XII.

Шведскій король прибылъ въ Петербургъ въ сопровожденіи своего дяди и довольно многочисленной свиты $^{14}/_{25}$-го августа, и остановился въ домѣ Стединга, своего посланника. Весь городъ пришелъ въ движеніе; всѣ желали видѣть юнаго монарха. Императрица, которая жила въ ту пору въ Таврическомъ дворцѣ, переѣхала въ Эрмитажъ, чтобы торжественно принять короля [1]). Съ перваго же свиданія съ нимъ, она казалась восхищенною и почти влюбилась въ него сама [2]). Онъ хотѣлъ ей поцѣловать руку, но она воспротивилась. „Нѣтъ", сказала она, „я не забуду, что вѣдь графъ Гага — король". „Если ваше величество", отвѣчалъ онъ, „не желаете дозволить мнѣ это какъ императрица, то дозволите мнѣ, по крайней мѣрѣ, какъ женщина, къ которой я питаю полное уваженіе и удивленіе". Свиданіе съ великою княжною было еще занимательнѣе: и она, и онъ были въ сильномъ замѣшательствѣ, и взоры всѣхъ, жадно устремленные на нихъ, еще болѣе увеличивали ихъ смущеніе. Конечно, оба они были достойны тѣхъ чувствъ, которыя питали другъ къ другу съ самаго дѣтства. И надобно полагать, что если государственныя соображенія шведскаго короля или нежеланіе нынѣшняго императора помѣшаютъ этому браку, прелестнѣйшая изъ великихъ княженъ сдѣлается самою несчастною. Между тѣмъ никто не имѣетъ столько правъ на счастіе, какъ она; въ четырнадцать лѣтъ она уже совсѣмъ сложилась и казалась взрослою; у нея благородная и величественная осанка, которую ея лѣта и полъ дѣлаютъ еще привлека-

[1]) По словамъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1796 г., шведскій король прибылъ въ Петербургъ не 14-го, а 13-го августа, въ 8 часовъ вечера; король принялъ имя *графа Гага*, а регентъ — *графа Ваза*. Въ ожиданіи въѣзда гостей въ городъ по Выборгской дорогѣ, императрица писала къ Петербургскому генералъ-губернатору Н. П. Архарову: «Николай Петровичъ, держи ухо востро, дабы не вздумали нахалы (когда гости подъѣдутъ ближе къ городу) толпами, верхами, пѣшкомъ да и женщины въ каретахъ встрѣчать еще за Парголово» (см. Русскій Архивъ 1864 г., ст. 913). Изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей видно, что императрица не переселялась изъ Таврическаго дворца въ Эрмитажъ, а только пріѣзжала въ Зимній дворецъ въ дни торжественныхъ собраній.

[2]) Подлинныя ея слова.

Примѣчаніе Массона.

тельнѣе; черты ея лица самыя правильныя, цвѣтъ лица—ослѣпительный; на челѣ ея отпечатокъ ясности, непорочности и невинности; пепельнаго цвѣта волосы, убранные какъ будто феями, украшаютъ эту прелестную головку. Ко всему этому умъ, дарованія и сердце вполнѣ соотвѣтствуютъ этой обаятельной наружности. Воспитательница великой княжны, дѣвица Вилламова развила въ ней самыя возвышенныя и чистыя чувства. Благоразуміе, здравомысліе и тонкая чувствительность отличали ее съ самаго дѣтства и приковывали къ ней обожаніе всѣхъ, кто ее окружалъ.

Съ другой стороны, трудно было найдти, не скажу — короля, но вообще молодаго человѣка болѣе привлекательнаго, болѣе благовоспитаннаго и подававшаго болѣе лестныя надежды, чѣмъ король шведскій. Ему было 17 лѣтъ: онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ, имѣлъ благородный, умный, пріятный и въ то же время важный и гордый видъ, что заставляло его уважать, не смотря на юные его годы; онъ обладалъ всею юношескою прелестью, но безъ обычной юношеской неловкости. Его учтивость была проста и предупредительна; все, что онъ ни говорилъ, было обдумано; къ серьознымъ вещамъ онъ относился съ полнымъ вниманіемъ, котораго трудно было ожидать отъ его молодости; онъ высказывалъ знанія, свидѣтельствовавшія объ его тонкомъ образованіи; нѣкоторая серьозность, соотвѣтствовавшая его сану, никогда не покидала его. Весь блескъ русской императрицы, обнаруженный передъ нимъ, по видимому, не ослѣпилъ его. При этомъ блестящемъ и многочисленномъ дворѣ, онъ казался болѣе развязнымъ, чѣмъ сами великіе князья, которые не умѣли никого занять. Самый дворъ и все общество отдавали иностранному государю предпочтеніе передъ ними. Сама императрица дала почувствовать, что она съ горестью замѣчаетъ всю разницу между королемъ и ея вторымъ внукомъ, котораго она была принуждена посадить подъ арестъ во время пребыванія Густава въ Петербургѣ [1]).

---

[1]) Во многихъ случаяхъ, когда король являлся вмѣстѣ съ великими князьями, общество было поражено различіемъ между тѣмъ и другими. При осмотрѣ артиллерійскаго кадетскаго корпуса молодой Густавъ обратилъ вниманіе на все, что того заслуживало, и разговаривалъ съ окружавшими его генералами и великимъ княземъ Александромъ, который на этотъ разъ исполнялъ обязанности хозяина, тогда какъ великій князь Константинъ шутилъ съ солдатами. Несомнѣнно, что уѣзжая изъ Петербурга, король шведскій зналъ городъ столько же, сколько и тѣ, кто долженъ былъ царствовать въ немъ со временемъ.

Примѣчаніе Массона.

Извѣстно, что и въ послѣдствіи, когда Александръ вступилъ на престолъ, онъ не могъ освободиться отъ нѣкоторой робости въ большихъ собраніяхъ. Притомъ же, король шведскій произвелъ на него, кажется, не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 18-го октября 1796 г. къ своему наставнику Лагарпу великій князь выражался о пребываніи шведскаго короля въ Россіи слѣдующимъ образомъ: «По возвращеніи съ дачи, пріѣхалъ шведскій король; новая суета, праздники, балы, ужины всякаго рода, и все это каждый день, такъ что голова шла кругомъ, и все безъ малѣйшаго удовольствія, потому что къ этому примѣ-

тельнѣе; черты ея лица самыя правильныя, цвѣтъ лица—ослѣпительный; на челѣ ея отпечатокъ ясности, непорочности и невинности; пепельнаго цвѣта волосы, убранные какъ будто феями, украшаютъ эту прелестную головку. Ко всему этому умъ, дарованія и сердце вполнѣ соотвѣтствуютъ этой обаятельной наружности. Воспитательница великой княжны, дѣвица Вилламова развила въ ней самыя возвышенныя и чистыя чувства. Благоразуміе, здравомысліе и тонкая чувствительность отличали ее съ самаго дѣтства и приковывали къ ней обожаніе всѣхъ, кто ее окружалъ.

Съ другой стороны, трудно было найдти, не скажу — короля, но вообще молодаго человѣка болѣе привлекательнаго, болѣе благовоспитаннаго и подававшаго болѣе лестныя надежды, чѣмъ король шведскій. Ему было 17 лѣтъ: онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ, имѣлъ благородный, умный, пріятный и въ то же время важный и гордый видъ, что заставляло его уважать, не смотря на юные его годы; онъ обладалъ всею юношескою прелестью, но безъ обычной юношеской неловкости. Его учтивость была проста и предупредительна; все, что онъ ни говорилъ, было обдумано; къ серьознымъ вещамъ онъ относился съ полнымъ вниманіемъ, котораго трудно было ожидать отъ его молодости; онъ высказывалъ знанія, свидѣтельствовавшія объ его тонкомъ образованіи; нѣкоторая серьозность, соотвѣтствовавшая его сану, никогда не покидала его. Весь блескъ русской императрицы, обнаруженный передъ нимъ, по видимому, не ослѣпилъ его. При этомъ блестящемъ и многочисленномъ дворѣ, онъ казался болѣе развязнымъ, чѣмъ сами великіе князья, которые не умѣли никого занять. Самый дворъ и все общество отдавали иностранному государю предпочтеніе передъ ними. Сама императрица дала почувствовать, что она съ горестью замѣчаетъ всю разницу между королемъ и ея вторымъ внукомъ, котораго она была принуждена посадить подъ арестъ во время пребыванія Густава въ Петербургѣ [1]).

---

[1]) Во многихъ случаяхъ, когда король являлся вмѣстѣ съ великими князьями, общество было поражено различіемъ между тѣмъ и другими. При осмотрѣ артиллерійскаго кадетскаго корпуса молодой Густавъ обратилъ вниманіе на все, что того заслуживало, и разговаривалъ съ окружавшими его генералами и великимъ княземъ Александромъ, который на этотъ разъ исполнялъ обязанности хозяина, тогда какъ великій князь Константинъ шутилъ съ солдатами. Несомнѣнно, что уѣзжая изъ Петербурга, король шведскій зналъ городъ столько же, сколько и тѣ, кто долженъ былъ царствовать въ немъ со временемъ.

Примѣчаніе Массона.

Извѣстно, что и въ послѣдствіи, когда Александръ вступилъ на престолъ, онъ не могъ освободиться отъ нѣкоторой робости въ большихъ собраніяхъ. Притомъ же, король шведскій произвелъ на него, кажется, не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 18-го октября 1796 г. къ своему наставнику Лагарпу великій князь выражался о пребываніи шведскаго короля въ Россіи слѣдующимъ образомъ: «По возвращеніи съ дачи, пріѣхалъ шведскій король; новая суета, праздники, балы, ужины всякаго рода, и все это каждый день, такъ что голова шла кругомъ, и все безъ малѣйшаго удовольствія, потому что къ этому примѣ-

Вся русская знать спѣшила раздѣлить радость Екатерины; нѣкоторымъ же вельможамъ она сама назначила дни, въ которые тѣ должны были сдѣлать парадный пріемъ ея юному гостю. Такъ, графы Строгоновъ, Остерманъ, Безбородко и Самойловъ въ особенности отличались громадными затратами и великолѣпіемъ, которое они выказали при этомъ случаѣ [1]). Царедворцы старались превзойдти другъ друга богатствомъ своихъ одеждъ, а генералы военными зрѣлищами, которыя устроивались для короля. Густавъ находился какъ бы въ безпрерывномъ очарованіи и все-таки съумѣлъ съ пользою проводить всѣ утра, отправляясь вмѣстѣ съ регентомъ пѣшкомъ осматривать городъ и все, что̀ въ немъ было любопытнаго и поучительнаго для него [2]); всюду онъ дѣлалъ вопросы или давалъ отвѣты, которые выказывали его умъ и образованіе. Регентъ, казалось, гордился своимъ питомцемъ и всеобщими похвалами ему. Регентъ былъ человѣкъ небольшаго роста, имѣлъ манеры непринужденныя и весьма утонченныя, видъ наблюдательный и лукавый, блестящіе, полные огня глаза; все, что̀ онъ ни говорилъ, было умно и заставляло задумываться каждаго, кто его слышалъ.

Можно себѣ легко представить, что во время празднествъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ [3]), королю и великой княжнѣ часто представлялся случай видѣться, танцовать и говорить другъ съ другомъ; они освоились между собою и, казалось, были въ восхищеніи другъ отъ друга. Екатерина какъ бы помолодѣла: ее давно уже ни что̀ такъ не занимало и не оживляло. Предстоящій бракъ уже ни для кого не былъ тайной; онъ сдѣлался предметомъ ежедневнаго разговора. Императрица обращалась къ юному королю и къ своей внукѣ, какъ къ жениху и невѣстѣ, и какъ бы поощряла ихъ любить другъ друга. Однажды, она въ своемъ присутствіи заставила ихъ обмѣняться первымъ поцѣлуемъ; и этотъ-то поцѣ-

---

шалась церемонность» (см. Сборникъ Русскаго историч. общества, V, стр. 27). Можетъ быть впрочемъ, событія сопровождавшія послѣдніе дни пребыванія Густава въ Петербургѣ, побудили Александра выразиться такимъ образомъ.

[1]) 20-го августа былъ балъ и ужинъ у вице-канцлера графа И. А. Остермана, на его приморской дачѣ, 26-го — балъ у графа А. Н. Самойлова, 28-го — обѣдъ, балъ и ужинъ у графа А. А. Безбородка; всѣ эти праздники описаны въ современныхъ петербургскихъ газетахъ; описанія праздника у графа Строгонова тамъ нѣтъ, но за то говорится объ обѣдѣ и балѣ у оберъ-шталмейстера А. Л. Нарышкина, бывшемъ 23-го августа. Праздникъ у Безбородка стоилъ 50 тысячъ рублей. (Соч. Державина, 2-е академ. изданіе I, стр. 514). Конечно, на этихъ празднествахъ присутствовала и вся царская фамилія.

[2]) 18-го августа король и регентъ посѣтили академію наукъ, а 26-го присутствовали въ торжественномъ засѣданіи въ академіи художествъ (см. С.-Петербургскія Вѣдомости 1796 года).

[3]) Кромѣ празднествъ, данныхъ вельможами, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ описаны торжества въ Зимнемъ дворцѣ — 30-го августа, празднованіе кавалерскаго праздника св. Александра Невскаго, и 5-го сентября, тезоименитство великой княгини Елизаветы Алексѣевны; въ оба эти дни были при дворѣ обѣдъ и балъ.

Вся русская знать спѣшила раздѣлить радость Екатерины; нѣкоторымъ же вельможамъ она сама назначила дни, въ которые тѣ должны были сдѣлать парадный пріемъ ея юному гостю. Такъ, графы Строгоновъ, Остерманъ, Безбородко и Самойловъ въ особенности отличались громадными затратами и великолѣпіемъ, которое они выказали при этомъ случаѣ [1]). Царедворцы старались превзойдти другъ друга богатствомъ своихъ одеждъ, а генералы военными зрѣлищами, которыя устроивались для короля. Густавъ находился какъ бы въ безпрерывномъ очарованіи и все-таки съумѣлъ съ пользою проводить всѣ утра, отправляясь вмѣстѣ съ регентомъ пѣшкомъ осматривать городъ и все, что̀ въ немъ было любопытнаго и поучительнаго для него [2]); всюду онъ дѣлалъ вопросы или давалъ отвѣты, которые выказывали его умъ и образованіе. Регентъ, казалось, гордился своимъ питомцемъ и всеобщими похвалами ему. Регентъ былъ человѣкъ небольшаго роста, имѣлъ манеры непринужденныя и весьма утонченныя, видъ наблюдательный и лукавый, блестящіе, полные огня глаза; все, что̀ онъ ни говорилъ, было умно и заставляло задумываться каждаго, кто его слышалъ.

Можно себѣ легко представить, что во время празднествъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ [3]), королю и великой княжнѣ часто представлялся случай видѣться, танцовать и говорить другъ съ другомъ; они освоились между собою и, казалось, были въ восхищеніи другъ отъ друга. Екатерина какъ бы помолодѣла: ее давно уже ни что̀ такъ не занимало и не оживляло. Предстоящій бракъ уже ни для кого не былъ тайной; онъ сдѣлался предметомъ ежедневнаго разговора. Императрица обращалась къ юному королю и къ своей внукѣ, какъ къ жениху и невѣстѣ, и какъ бы поощряла ихъ любить другъ друга. Однажды, она въ своемъ присутствіи заставила ихъ обмѣняться первымъ поцѣлуемъ; и этотъ-то поцѣ-

---

шалась церемонность» (см. Сборникъ Русскаго истор. общества, V, стр. 27). Можетъ быть впрочемъ, событія сопровождавшія послѣдніе дни пребыванія Густава въ Петербургѣ, побудили Александра выразиться такимъ образомъ.

[1]) 20-го августа былъ балъ и ужинъ у вице-канцлера графа И. А. Остермана, на его приморской дачѣ, 26-го — балъ у графа А. Н. Самойлова, 28-го — обѣдъ, балъ и ужинъ у графа А. А. Безбородка; всѣ эти праздники описаны въ современныхъ петербургскихъ газетахъ; описанія праздника у графа Строгонова тамъ нѣтъ, но за то говорится объ обѣдѣ и балѣ у оберъ-шталмейстера А. Л. Нарышкина, бывшемъ 23-го августа. Праздникъ у Безбородка стоилъ 50 тысячъ рублей. (Соч. Державина, 2-е академ. изданіе I, стр. 514). Конечно, на этихъ празднествахъ присутствовала и вся царская фамилія.

[2]) 18-го августа король и регентъ посѣтили академію наукъ, а 26-го присутствовали въ торжественномъ засѣданіи въ академіи художествъ (см. С.-Петербургскія Вѣдомости 1796 года).

[3]) Кромѣ празднествъ, данныхъ вельможами, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ описаны торжества въ Зимнемъ дворцѣ — 30-го августа, празднованіе кавалерскаго праздника св. Александра Невскаго, и 5-го сентября, тезоименитство великой княгини Елизаветы Алексѣевны; въ оба эти дни были при дворѣ обѣдъ и балъ.

луй, безъ сомнѣнія первый, который коснулся дѣвственныхъ устъ молодой великой княжны, и который могъ бы произвести самое сладостное и дорогое впечатлѣніе, сдѣлалъ ее на долго насчастною.

Между тѣмъ хлопоты объ окончательномъ заключеніи столь желаннаго союза продолжались. Единственное препятствіе заключалось въ вопросѣ о вѣроисповѣданіи. Екатерина предчувствовала настроеніе своего двора по этому поводу и потому посовѣтывалась съ митрополитомъ, можетъ ли ея внука отрѣчься отъ православія: вмѣсто отвѣта, который могъ бы удовлетворить государыню вполнѣ, митрополитъ ограничился слѣдующими словами: „Все въ волѣ вашего величества“. Императрица, не найдя поддержки въ мнѣніи своего духовнаго отца, котораго считала болѣе уступчивымъ, захотѣла быть болѣе Русскою, чѣмъ сами Русскіе, и для удовлетворенія національной гордости рѣшила возвести на шведскій престолъ государыню греко-россійскаго исповѣданія. На сколько это предпріятіе казалось императрицѣ необыкновеннымъ и унизительнымъ для народа и правительства шведскаго, на столько жъ оно льстило тщеславію государыни и ея министровъ. Сверхъ того, тѣ духовныя лица, которыми императрица намѣрена была окружить юную королеву, были въ ея глазахъ людьми вѣрными и способными поддерживать всѣ дѣйствія Александры Павловны въ интересахъ Россіи. Король былъ влюбленъ, очарованъ; регентъ, казалось, былъ на сторонѣ императрицы; можно ли было послѣ столь рѣшительныхъ приступовъ сомнѣваться, что они откажутся уладить дѣло? Въ частныхъ разговорахъ этотъ вопросъ затрогивался слегка, потому что никто не предполагалъ крайней неуступчивости въ самой Екатеринѣ; и король, съ своей стороны, далъ понять, что изъ уваженія къ требованіямъ русской націи, великая княжна не будетъ обязана произносить формальнаго отрѣченія. Императрица, убѣжденная, что нечего болѣе откладывать начатое дѣло, предоставила своимъ любимымъ министрамъ князю Н. А. Зубову и графу Моркову изготовить брачный договоръ по ихъ собственномуу смотрѣнію. Съ другой стороны, шведскій посланникъ былъ уполномоченъ просить руки великой княжны для короля и получилъ для того аудіенцію. День и часъ сговора были назначены на $^{10}/_{21}$-е сентября вечеромъ.

Но этому дню суждено было быть самымъ печальнымъ, если не самымъ унизительнымъ, какой только пережила вѣчно счастливая повелительница Россіи. Всему двору велѣно было собраться на торжество въ тронную залу: юная великая княжна, въ брачной одеждѣ, явилась въ сопровожденіи своихъ молоденькихъ сестеръ, великихъ князей и ихъ супругъ, а равно всѣхъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ; великій князь наслѣдникъ и его августѣйшая супруга прибыли изъ Гатчины. Всѣ были на лицо къ семи часамъ вечера. Наконецъ появилась и сама императрица во всемъ своемъ величіи; не доставало только юнаго нарѣченнаго, котораго долгое отсутствіе поражало всѣхъ. Частыя отлучки князя Зубова и нетерпѣніе, которое выказывала императрица, мгновенно возбудили общее любопытство; придворныя дамы стали перешептываться между собою. Что слу-

луй, безъ сомнѣнія первый, который коснулся дѣвственныхъ устъ молодой великой княжны, и который могъ бы произвести самое сладостное и дорогое впечатлѣніе, сдѣлалъ ее на долго насчастною.

Между тѣмъ хлопоты объ окончательномъ заключеніи столь желаннаго союза продолжались. Единственное препятствіе заключалось въ вопросѣ о вѣроисповѣданіи. Екатерина предчувствовала настроеніе своего двора по этому поводу и потому посовѣтывалась съ митрополитомъ, можетъ ли ея внука отрѣчься отъ православія: вмѣсто отвѣта, который могъ бы удовлетворить государыню вполнѣ, митрополитъ ограничился слѣдующими словами: „Все въ волѣ вашего величества“. Императрица, не найдя поддержки въ мнѣніи своего духовнаго отца, котораго считала болѣе уступчивымъ, захотѣла быть болѣе Русскою, чѣмъ сами Русскіе, и для удовлетворенія національной гордости рѣшила возвести на шведскій престолъ государыню греко-россійскаго исповѣданія. На сколько это предпріятіе казалось императрицѣ необыкновеннымъ и унизительнымъ для народа и правительства шведскаго, на столько жъ оно льстило тщеславію государыни и ея министровъ. Сверхъ того, тѣ духовныя лица, которыми императрица намѣрена была окружить юную королеву, были въ ея глазахъ людьми вѣрными и способными поддерживать всѣ дѣйствія Александры Павловны въ интересахъ Россіи. Король былъ влюбленъ, очарованъ; регентъ, казалось, былъ на сторонѣ императрицы; можно ли было послѣ столь рѣшительныхъ приступовъ сомнѣваться, что они откажутся уладить дѣло? Въ частныхъ разговорахъ этотъ вопросъ затрогивался слегка, потому что никто не предполагалъ крайней неуступчивости въ самой Екатеринѣ; и король, съ своей стороны, далъ понять, что изъ уваженія къ требованіямъ русской націи, великая княжна не будетъ обязана произносить формальнаго отрѣченія. Императрица, убѣжденная, что нечего болѣе откладывать начатое дѣло, предоставила своимъ любимымъ министрамъ князю Н. А. Зубову и графу Моркову изготовить брачный договоръ по ихъ собственномуу смотрѣнію. Съ другой стороны, шведскій посланникъ былъ уполномоченъ просить руки великой княжны для короля и получилъ для того аудіенцію. День и часъ сговора были назначены на $^{10}/_{21}$-е сентября вечеромъ.

Но этому дню суждено было быть самымъ печальнымъ, если не самымъ унизительнымъ, какой только пережила вѣчно счастливая повелительница Россіи. Всему двору велѣно было собраться на торжество въ тронную залу: юная великая княжна, въ брачной одеждѣ, явилась въ сопровожденіи своихъ молоденькихъ сестеръ, великихъ князей и ихъ супругъ, а равно всѣхъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ; великій князь наслѣдникъ и его августѣйшая супруга прибыли изъ Гатчины. Всѣ были на лицо къ семи часамъ вечера. Наконецъ появилась и сама императрица во всемъ своемъ величіи; не доставало только юнаго нарѣченнаго, котораго долгое отсутствіе поражало всѣхъ. Частыя отлучки князя Зубова и нетерпѣніе, которое выказывала императрица, мгновенно возбудили общее любопытство; придворныя дамы стали перешептываться между собою. Что слу-

чилось? Не заболѣлъ ли король? Но это не оправданіе..... Какъ онъ смѣетъ заставлять ждать государыню въ ея тронной залѣ, посреди всего двора! Между тѣмъ король не появлялся.

И вотъ что было причиной этого страннаго замедленія. Король долженъ былъ прибыть во дворецъ въ семь часовъ вечера. Въ 6 часовъ графъ Морковъ представилъ ему брачный договоръ, только что составленный имъ вмѣстѣ съ княземъ Н. А. Зубовымъ. По прочтеніи договора, Густавъ весьма удивился, найдя въ немъ условія, о которыхъ у него не было соглашенія съ императрицей, и спросилъ, отъ ея ли имени предлагаютъ ему подписать этотъ договоръ [1]).

На утвердительный отвѣтъ Моркова король возразилъ, что предлагаемыя условія не возможно исполнить; онъ замѣтилъ, что нисколько не желаетъ стѣснять великую княжну, что она можетъ тайно исповѣдывать свою религію, но что онъ не можетъ разрѣшить ей имѣть въ королевскомъ дворцѣ ни капеллу, ни священника; напротивъ того, въ народѣ и при всѣхъ важныхъ церемоніяхъ, она должна соблюдать религію страны. Можно вообразить себѣ удивленіе и всю неловкость положенія Моркова: онъ долженъ былъ принять назадъ свои бумаги и доложить князю Зубову, что король отказывается подписать ихъ. Вскорѣ онъ вернулся въ большой тревогѣ, чтобы представить королю, что императрица уже ждетъ его въ тронной залѣ, окруженная всѣмъ дворомъ, что теперь не время вести переговоры, и что всѣ льстятъ себя надеждою, что король не захочетъ нанести неслыханное оскорбленіе ни государынѣ, ни великой княжнѣ, ни всему Русскому государству. Затѣмъ пріѣхали Безбородко и многія другія лица убѣждать, торопить и умолять короля уступить: всѣ Шведы, которые были приглашены для посредничества, уже были готовы внять просьбамъ; регентъ же ограничился словами, что дѣло зависитъ отъ короля; потомъ, отведя его въ сторону, онъ началъ съ нимъ ходить по комнатѣ, говоря въ полголоса, и какъ казалось, самъ увѣщевалъ его уступить. Но король громко отвѣчалъ ему: „Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, я не могу! Я ни за что не подпишу!“ Онъ воспротивился всѣмъ убѣжденіямъ, всѣмъ просьбамъ русскихъ министровъ; наконецъ, раздраженный ихъ докучливостью, онъ еще разъ повторилъ свой отказъ и, торжественно произнеся, что не подпишетъ ничего, противнаго законамъ своей страны, удалился въ свою комнату и заперъ за собою двери [2]). Русскіе министры были поражены смѣлостью короля-

---

[1]) Въ условіи значилось, что великая княжна будетъ имѣть свою капеллу и своего духовника въ королевскомъ дворцѣ, а также были поставлены нѣкоторыя обязательства Швеціи противъ Франціи, что хранилось въ великой тайнѣ.

Примѣчаніе Массона.

[2]) По шведскимъ извѣстіямъ есть поводъ думать, что неодолимая твердость короля въ этомъ случаѣ была слѣдствіемъ письма, полученнаго имъ наканунѣ изъ Швеціи, отъ епископа Флодина (см. Соч. Державина, 2-е акад. изд., I, стр. 514).

чилось? Не заболѣлъ ли король? Но это не оправданіе..... Какъ онъ смѣетъ заставлять ждать государыню въ ея тронной залѣ, посреди всего двора! Между тѣмъ король не появлялся.

И вотъ что было причиной этого страннаго замедленія. Король долженъ былъ прибыть во дворецъ въ семь часовъ вечера. Въ 6 часовъ графъ Морковъ представилъ ему брачный договоръ, только что составленный имъ вмѣстѣ съ княземъ Н. А. Зубовымъ. По прочтеніи договора, Густавъ весьма удивился, найдя въ немъ условія, о которыхъ у него не было соглашенія съ императрицей, и спросилъ, отъ ея ли имени предлагаютъ ему подписать этотъ договоръ [1]).

На утвердительный отвѣтъ Моркова король возразилъ, что предлагаемыя условія не возможно исполнить; онъ замѣтилъ, что нисколько не желаетъ стѣснять великую княжну, что она можетъ тайно исповѣдывать свою религію, но что онъ не можетъ разрѣшить ей имѣть въ королевскомъ дворцѣ ни капеллу, ни священника; напротивъ того, въ народѣ и при всѣхъ важныхъ церемоніяхъ, она должна соблюдать религію страны. Можно вообразить себѣ удивленіе и всю неловкость положенія Моркова: онъ долженъ былъ принять назадъ свои бумаги и доложить князю Зубову, что король отказывается подписать ихъ. Вскорѣ онъ вернулся въ большой тревогѣ, чтобы представить королю, что императрица уже ждетъ его въ тронной залѣ, окруженная всѣмъ дворомъ, что теперь не время вести переговоры, и что всѣ льстятъ себя надеждою, что король не захочетъ нанести неслыханное оскорбленіе ни государынѣ, ни великой княжнѣ, ни всему Русскому государству. Затѣмъ пріѣхали Безбородко и многія другія лица убѣждать, торопить и умолять короля уступить: всѣ Шведы, которые были приглашены для посредничества, уже были готовы внять просьбамъ; регентъ же ограничился словами, что дѣло зависитъ отъ короля; потомъ, отведя его въ сторону, онъ началъ съ нимъ ходить по комнатѣ, говоря въ полголоса, и какъ казалось, самъ увѣщевалъ его уступить. Но король громко отвѣчалъ ему: „Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, я не могу! Я ни за что не подпишу!“ Онъ воспротивился всѣмъ убѣжденіямъ, всѣмъ просьбамъ русскихъ министровъ; наконецъ, раздраженный ихъ докучливостью, онъ еще разъ повторилъ свой отказъ и, торжественно произнеся, что не подпишетъ ничего, противнаго законамъ своей страны, удалился въ свою комнату и заперъ за собою двери [2]). Русскіе министры были поражены смѣлостью короля-

---

[1]) Въ условіи значилось, что великая княжна будетъ имѣть свою капеллу и своего духовника въ королевскомъ дворцѣ, а также были поставлены нѣкоторыя обязательства Швеціи противъ Франціи, что хранилось въ великой тайнѣ.

Примѣчаніе Массона.

[2]) По шведскимъ извѣстіямъ есть поводъ думать, что неодолимая твердость короля въ этомъ случаѣ была слѣдствіемъ письма, полученнаго имъ наканунѣ изъ Швеціи, отъ епископа Флодина (см. Соч. Державина, 2-е акад. изд., I, стр. 514).

ребенка, который задумалъ противиться ихъ государынѣ, и начали совѣщаться между собою, какимъ образомъ представить ей обо всемъ случившемся?

Если твердость характера, выказанная въ этомъ случаѣ юнымъ Густавомъ, была у него природная, и если всѣ убѣжденія, которыя, какъ кажется, дѣлались ему его приближенными, не были притворными, то твердость эта можетъ выработать великій характеръ для его націи, и нельзя не восхищаться ею въ семнадцати-лѣтнемъ юношѣ, котораго могла бы подкупить любовь. Но есть поводъ думать, что внушенія, которыя регентъ по видимому дѣлалъ своему племяннику, были мнимыми, и что онъ только хотѣлъ сложить на упорство короля вину того сопротивленія, которое могло навлечь на него месть со стороны Екатерины. Большая же часть Шведовъ, сопровождавшихъ Густава, была въ пользу брака: это были молодые придворные, которые расчитывали на щедрыя милости и досадовали, что дѣло не состоялось. Посланникъ Стедингъ разыгрывалъ довольно трудную роль; но графъ Флемингъ громко заявлялъ, что онъ никогда не посовѣтовалъ бы королю поступить противъ законовъ своего государства.

Препирательства между министрами императрицы и королемъ длились почти до десяти часовъ. Екатерина и ея дворъ все еще ждали: наконецъ пришлось объявить государынѣ, что все кончено. Зубовъ таинственно подошелъ къ ней и началъ говорить ей на ухо; императрица встала, произнесла нѣсколько невнятныхъ словъ и почувствовала себя дурно; съ ней даже сдѣлался легкій ударъ, который былъ предвѣстникомъ того, что нѣсколько недѣль спустя, свелъ ее въ могилу [1]). Императрица удалилась, отпустивъ весь дворъ, подъ предлогомъ внезапнаго нездоровья короля. Между тѣмъ вскорѣ всѣмъ стало извѣстно, въ чемъ было дѣло; одни были поражены дерзостью маленькаго шведскаго короля, другіе — неосторожностью мудрой Екатерины, которая подвергла себя такой непріятности; всѣ же вообще негодовали на высокомѣріе Зубова и Моркова, которые хотѣли своимъ коварствомъ провести Шведовъ и вообразили, что могутъ заставить экспромтомъ подписать брачный договоръ.

Жертвой этой нелѣпой и высокомѣрной политики, наиболѣе приковывавшею къ себѣ общее сочувствіе, была прелестная великая княжна Александра. Она едва имѣла силы добрести до своего покоя, и здѣсь, не будучи болѣе въ состояніи сдерживать слезы, въ присутствіи своихъ воспитательницъ и фрейлинъ предалась своему горю, которое совершенно разстроило ее и тронуло всѣхъ ее окружавшихъ. Черезъ день послѣ этой не предвидѣнной развязки, приходился день ангела великой княгини Анны Ѳеодоровны, и по придворному этикету назначенъ былъ балъ; но никто не хотѣлъ принять участія въ танцахъ. Между прочимъ пріѣхалъ и король.

---

[1]) То же думаетъ и графъ Ѳ. В. Ростопчинъ въ своей замѣчательной запискѣ о послѣднемъ днѣ жизни Екатерины II.

ребенка, который задумалъ противиться ихъ государынѣ, и начали совѣщаться между собою, какимъ образомъ представить ей обо всемъ случившемся?

Если твердость характера, выказанная въ этомъ случаѣ юнымъ Густавомъ, была у него природная, и если всѣ убѣжденія, которыя, какъ кажется, дѣлались ему его приближенными, не были притворными, то твердость эта можетъ выработать великій характеръ для его націи, и нельзя не восхищаться ею въ семнадцати-лѣтнемъ юношѣ, котораго могла бы подкупить любовь. Но есть поводъ думать, что внушенія, которыя регентъ по видимому дѣлалъ своему племяннику, были мнимыми, и что онъ только хотѣлъ сложить на упорство короля вину того сопротивленія, которое могло навлечь на него месть со стороны Екатерины. Большая же часть Шведовъ, сопровождавшихъ Густава, была въ пользу брака: это были молодые придворные, которые расчитывали на щедрыя милости и досадовали, что дѣло не состоялось. Посланникъ Стедингъ разыгрывалъ довольно трудную роль; но графъ Флемингъ громко заявлялъ, что онъ никогда не посовѣтовалъ бы королю поступить противъ законовъ своего государства.

Препирательства между министрами императрицы и королемъ длились почти до десяти часовъ. Екатерина и ея дворъ все еще ждали: наконецъ пришлось объявить государынѣ, что все кончено. Зубовъ таинственно подошелъ къ ней и началъ говорить ей на ухо; императрица встала, произнесла нѣсколько невнятныхъ словъ и почувствовала себя дурно; съ ней даже сдѣлался легкій ударъ, который былъ предвѣстникомъ того, что нѣсколько недѣль спустя, свелъ ее въ могилу [1]). Императрица удалилась, отпустивъ весь дворъ, подъ предлогомъ внезапнаго нездоровья короля. Между тѣмъ вскорѣ всѣмъ стало извѣстно, въ чемъ было дѣло; одни были поражены дерзостью маленькаго шведскаго короля, другіе — неосторожностью мудрой Екатерины, которая подвергла себя такой непріятности; всѣ же вообще негодовали на высокомѣріе Зубова и Моркова, которые хотѣли своимъ коварствомъ провести Шведовъ и вообразили, что могутъ заставить экспромтомъ подписать брачный договоръ.

Жертвой этой нелѣпой и высокомѣрной политики, наиболѣе приковывавшею къ себѣ общее сочувствіе, была прелестная великая княжна Александра. Она едва имѣла силы добрести до своего покоя, и здѣсь, не будучи болѣе въ состояніи сдерживать слезы, въ присутствіи своихъ воспитательницъ и фрейлинъ предалась своему горю, которое совершенно разстроило ее и тронуло всѣхъ ее окружавшихъ. Черезъ день послѣ этой не предвидѣнной развязки, приходился день ангела великой княгини Анны Ѳеодоровны, и по придворному этикету назначенъ былъ балъ; но никто не хотѣлъ принять участія въ танцахъ. Между прочимъ пріѣхалъ и король.

---

[1]) То же думаетъ и графъ Ѳ. В. Ростопчинъ въ своей замѣчательной запискѣ о послѣднемъ днѣ жизни Екатерины II.

Императрица появилась на одну секунду, но не удостоила его привѣтомъ; Зубовъ же открыто выказывалъ ему свое негодованіе. Неловкое положеніе чувствовалось всѣми присутствующими. Заболѣвшая великая княжна Александра вовсе не присутствовала на балѣ. Король танцовалъ съ другими великими княжнами, поговорилъ нѣсколько минутъ съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и вскорѣ удалился, раскланявшись еще вѣжливѣе, чѣмъ дѣлалъ обыкновенно. Этотъ вечеръ былъ его послѣднимъ появленіемъ при русскомъ дворѣ [1]). Рядъ торжественныхъ, блестящихъ и праздничныхъ дней внезапно смѣнился днями скучными и тихими; и конечно, никогда еще чужеземный король не проводилъ столь печальнаго и непріятнаго времени, какъ то, которое тогда наступило. Всѣ вдругъ сдѣлались больными или, по крайней мѣрѣ, сказывались таковыми. Всѣ громко порицали Зубова и Моркова, и никто не умѣлъ объяснить себѣ поведеніе Екатерины: сама она предалась безъисходному горю. Говорили, что эти низкіе любимцы имѣли дерзость внушать императрицѣ, что она можетъ въ отношеніи короля прибѣгнуть къ силѣ. Императрица заперлась и провела цѣлый день одна, въ своемъ Таврическомъ дворцѣ, куда переѣхала какъ будто для закладки церкви, но на самомъ дѣлѣ, для того, чтобы скрыть отъ постороннаго взгляда горе, пожиравшее ее, и чтобы тамъ удобнѣе совѣщаться съ митрополитомъ и своими любимцами, на счетъ того неловкаго положенія, въ которомъ она находилась [2]).

Всячески старались поправить дѣло: король еще разъ видѣлся съ императрицею на единѣ, а министры не разъ собирались на конференціи. Густаву наконецъ удалось увернуться, объявя, что онъ, по шведскимъ законамъ, не имѣетъ права согласиться на желаніе императрицы, но что онъ будетъ совѣщаться по этому предмету со своими государственными чинами, которые соберетъ при вступленіи въ совершеннолѣтіе, и что если государство согласится имѣть королеву греко-россійскаго исповѣданія, онъ не замедлитъ просить руки великой княжны. Русскіе министры тщетно старались склонить короля пренебречь народнымъ мнѣніемъ и предлагали ему, въ случаѣ возмущенія, средства усмирить его. Но король ни на что не соглашался.

Таковъ былъ результатъ этого путешествія, о которомъ едва смѣли упомянуть въ газетахъ. Король выѣхалъ изъ Петербурга въ тотъ день, когда праздновали день рожденія великаго князя Павла Петровича [3]), и почти недѣлю спустя послѣ размолвки. Онъ оста-

---

[1]) По извѣстію С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, при дворѣ былъ въ этотъ день обѣдъ и балъ; король присутствовалъ только на послѣднемъ; при томъ балъ окончился ранѣе обыкновеннаго, въ восьмомъ часу.

[2]) Массонъ повторяетъ свою ошибку, которая ужъ указана выше; государыня продолжала жить въ Таврическомъ дворцѣ во все время пребыванія Густава въ Петербургѣ.

[3]) То есть, 20-го сентября. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ по этому поводу было напечатано слѣдующее: «Въ субботу 20-го числа сего мѣсяца по утру графъ Гага и графъ Ваза отправились съ своею свитою обратно

Императрица появилась на одну секунду, но не удостоила его привѣтомъ; Зубовъ же открыто выказывалъ ему свое негодованіе. Неловкое положеніе чувствовалось всѣми присутствующими. Заболѣвшая великая княжна Александра вовсе не присутствовала на балѣ. Король танцовалъ съ другими великими княжнами, поговорилъ нѣсколько минутъ съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и вскорѣ удалился, раскланявшись еще вѣжливѣе, чѣмъ дѣлалъ обыкновенно. Этотъ вечеръ былъ его послѣднимъ появленіемъ при русскомъ дворѣ [1]). Рядъ торжественныхъ, блестящихъ и праздничныхъ дней внезапно смѣнился днями скучными и тихими; и конечно, никогда еще чужеземный король не проводилъ столь печальнаго и непріятнаго времени, какъ то, которое тогда наступило. Всѣ вдругъ сдѣлались больными или, по крайней мѣрѣ, сказывались таковыми. Всѣ громко порицали Зубова и Моркова, и никто не умѣлъ объяснить себѣ поведеніе Екатерины: сама она предалась безъисходному горю. Говорили, что эти низкіе любимцы имѣли дерзость внушать императрицѣ, что она можетъ въ отношеніи короля прибѣгнуть къ силѣ. Императрица заперлась и провела цѣлый день одна, въ своемъ Таврическомъ дворцѣ, куда переѣхала какъ будто для закладки церкви, но на самомъ дѣлѣ, для того, чтобы скрыть отъ постороннаго взгляда горе, пожиравшее ее, и чтобы тамъ удобнѣе совѣщаться съ митрополитомъ и своими любимцами, на счетъ того неловкаго положенія, въ которомъ она находилась [2]).

Всячески старались поправить дѣло: король еще разъ видѣлся съ императрицею на единѣ, а министры не разъ собирались на конференціи. Густаву наконецъ удалось увернуться, объявя, что онъ, по шведскимъ законамъ, не имѣетъ права согласиться на желаніе императрицы, но что онъ будетъ совѣщаться по этому предмету со своими государственными чинами, которые соберетъ при вступленіи въ совершеннолѣтіе, и что если государство согласится имѣть королеву греко-россійскаго исповѣданія, онъ не замедлитъ просить руки великой княжны. Русскіе министры тщетно старались склонить короля пренебречь народнымъ мнѣніемъ и предлагали ему, въ случаѣ возмущенія, средства усмирить его. Но король ни на что не соглашался.

Таковъ былъ результатъ этого путешествія, о которомъ едва смѣли упомянуть въ газетахъ. Король выѣхалъ изъ Петербурга въ тотъ день, когда праздновали день рожденія великаго князя Павла Петровича [3]), и почти недѣлю спустя послѣ размолвки. Онъ оста-

---

[1]) По извѣстію С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, при дворѣ былъ въ этотъ день обѣдъ и балъ; король присутствовалъ только на послѣднемъ; при томъ балъ окончился ранѣе обыкновеннаго, въ восьмомъ часу.

[2]) Массонъ повторяетъ свою ошибку, которая ужъ указана выше; государыня продолжала жить въ Таврическомъ дворцѣ во все время пребыванія Густава въ Петербургѣ.

[3]) То есть, 20-го сентября. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ по этому поводу было напечатано слѣдующее: «Въ субботу 20-го числа сего мѣсяца по утру графъ Гага и графъ Ваза отправились съ своею свитою обратно

вилъ по себѣ въ императрицѣ сердечное раздраженіе, а въ великой княжнѣ тоску и глубокую любовь, которыя сдѣлали ее больною и задумчивою, а въ обществѣ — всеобщее сожалѣніе и уваженіе. Не смотря на столь не предвидѣнную и печальную развязку, чтобы не очень оскорбить общество, были сдѣланы съ обѣихъ сторонъ подарки: и Русскіе были тѣмъ болѣе удивлены при видѣ богатыхъ и изысканныхъ подарковъ шведскаго короля, что привыкли смотрѣть на него, какъ на бѣднаго ребенка.

Если во всемъ нашемъ разсказѣ весьма мало упоминалось о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, то это потому, что въ вопросѣ какъ о судьбѣ его дѣтей, такъ и о всемъ касавшемся самаго государства онъ тогда почти не принималъ участія. Онъ проживалъ въ своемъ Гатчинскомъ дворцѣ, и въ продолженіе почти шестинедѣльнаго пребыванія шведскаго короля, только раза два пріѣзжалъ въ Петербургъ [1]). Его же августѣйшая супруга, напротивъ того, совершала скучныя и утомительныя путешествія по три и четыре раза въ недѣлю, чтобы присутствовать на всѣхъ даваемыхъ празднествахъ, соотвѣтственно своимъ правамъ и обязанностямъ, какъ матери. Эта благодушная великая княгиня говорила: „Если всѣ мои дочери при своемъ замужествѣ будутъ также дорого стоить мнѣ, какъ эта, то я умру на дорогѣ“. Король, соблюдая этикетъ, былъ по разу въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ. Великій князь Павелъ Петровичь и регентъ были такъ разнохарактерны, что не могли сойдтись; и въ настоящемъ случаѣ великій князь едва ли не впервые согласился съ мнѣніемъ матери и даже превзошелъ ее въ строгости и уваженіи къ требованіямъ православной религіи. Впрочемъ, очень можетъ статься, что причудливыя мнѣнія великаго князя представятъ столько же препятствій счастію его дочери, сколько помѣшала тому гордость Екатерины и неловкость ея министровъ [2]): уже самый нарядъ Шведовъ, ихъ короткія куртки, плащи, ленты и круглыя шляпы возбуждали въ великомъ князѣ непобѣдимое отвращеніе.

въ свое отечество, оставивъ здѣсь послѣ себя пріятнѣйшее впечатлѣніе, произведенное личными ихъ качествами, и удостоивъ своего благоволенія всѣхъ тѣхъ, кои имѣли честь быть съ ними въ какомъ-либо сношеніи или оказать имъ свои услуги».

[1]) Массонъ ошибается: великій князь Павелъ Петровичь появлялся на всѣхъ празднествахъ, которыя были описаны въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и уже были упомянуты.

[2]) Спустя нѣкоторое время по восшествіи на престолъ, Павелъ I пришелъ однажды на половину своихъ дочерей и началъ шутить съ одною изъ ихъ фрейлинъ, по поводу ея будущаго замужества: «А вотъ мою дочь Александру нельзя выдать замужъ, такъ какъ ея женихъ еще не умѣетъ писать». Императоръ только что получилъ тогда письмо отъ шведскаго короля, секретарь котораго, надписывая адресъ на письмѣ, пропустилъ нѣкоторые титулы императора, и между прочимъ, вновь пріобрѣтенный титулъ герцога курляндскаго.

Примѣчаніе Массона.

вилъ по себѣ въ императрицѣ сердечное раздраженіе, а въ великой княжнѣ тоску и глубокую любовь, которыя сдѣлали ее больною и задумчивою, а въ обществѣ — всеобщее сожалѣніе и уваженіе. Не смотря на столь не предвидѣнную и печальную развязку, чтобы не очень оскорбить общество, были сдѣланы съ обѣихъ сторонъ подарки: и Русскіе были тѣмъ болѣе удивлены при видѣ богатыхъ и изысканныхъ подарковъ шведскаго короля, что привыкли смотрѣть на него, какъ на бѣднаго ребенка.

Если во всемъ нашемъ разсказѣ весьма мало упоминалось о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, то это потому, что въ вопросѣ какъ о судьбѣ его дѣтей, такъ и о всемъ касавшемся самаго государства онъ тогда почти не принималъ участія. Онъ проживалъ въ своемъ Гатчинскомъ дворцѣ, и въ продолженіе почти шестинедѣльнаго пребыванія шведскаго короля, только раза два пріѣзжалъ въ Петербургъ [1]). Его же августѣйшая супруга, напротивъ того, совершала скучныя и утомительныя путешествія по три и четыре раза въ недѣлю, чтобы присутствовать на всѣхъ даваемыхъ празднествахъ, соотвѣтственно своимъ правамъ и обязанностямъ, какъ матери. Эта благодушная великая княгиня говорила: „Если всѣ мои дочери при своемъ замужествѣ будутъ также дорого стоить мнѣ, какъ эта, то я умру на дорогѣ“. Король, соблюдая этикетъ, былъ по разу въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ. Великій князь Павелъ Петровичь и регентъ были такъ разнохарактерны, что не могли сойдтись; и въ настоящемъ случаѣ великій князь едва ли не впервые согласился съ мнѣніемъ матери и даже превзошелъ ее въ строгости и уваженіи къ требованіямъ православной религіи. Впрочемъ, очень можетъ статься, что причудливыя мнѣнія великаго князя представятъ столько же препятствій счастію его дочери, сколько помѣшала тому гордость Екатерины и неловкость ея министровъ [2]): уже самый нарядъ Шведовъ, ихъ короткія куртки, плащи, ленты и круглыя шляпы возбуждали въ великомъ князѣ непобѣдимое отвращеніе.

въ свое отечество, оставивъ здѣсь послѣ себя пріятнѣйшее впечатлѣніе, произведенное личными ихъ качествами, и удостоивъ своего благоволенія всѣхъ тѣхъ, кои имѣли честь быть съ ними въ какомъ-либо сношеніи или оказать имъ свои услуги».

[1]) Массонъ ошибается: великій князь Павелъ Петровичь появлялся на всѣхъ празднествахъ, которыя были описаны въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и уже были упомянуты.

[2]) Спустя нѣкоторое время по восшествіи на престолъ, Павелъ I пришелъ однажды на половину своихъ дочерей и началъ шутить съ одною изъ ихъ фрейлинъ, по поводу ея будущаго замужества: «А вотъ мою дочь Александру нельзя выдать замужъ, такъ какъ ея женихъ еще не умѣетъ писать». Императоръ только что получилъ тогда письмо отъ шведскаго короля, секретарь котораго, надписывая адресъ на письмѣ, пропустилъ нѣкоторые титулы императора, и между прочимъ, вновь пріобрѣтенный титулъ герцога курляндскаго.

Примѣчаніе Массона.

ИЗЪ НРАВОВЪ XVIII ВѢКА.

I.

СЕМЕЙНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ГРАФА А. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

Подъ этимъ заглавіемъ мы печатаемъ нѣсколько отрывковъ изъ переписки графа А. П. Бестужева-Рюмина съ его единственнымъ сыномъ, графомъ Андреемъ Алексѣевичемъ. Но предварительно считаемъ нужнымъ сообщить нѣсколько біографическихъ извѣстій о семъ послѣднемъ, такъ какъ въ письмахъ рѣчь идетъ почти исключительно о немъ. По нраву своему Андрей Алексѣевичъ былъ однимъ изъ характернѣйшихъ типовъ своего времени [1]).

Высокое положеніе графа Алексѣя Петровича при русскомъ дворѣ, его обширныя связи и умѣнье ладить съ людьми, наконецъ его дарованія и образованность, казалось, должны были открыть и его сыну блестящую будущность; но не смотря на всѣ эти благопріятныя обстоятельства, изъ младшаго Бестужева вышелъ человѣкъ совершенно неспособный ни къ какой общественной дѣятельности, не могшій удержаться на высотѣ своего положенія, и безпокойный, буйный нравъ котораго доставилъ ему печальную извѣстность между современниками. Вотъ разсказъ одного изъ воспитателей великаго князя Павла Петровича, С. А. Порошина (въ его извѣстныхъ „Запискахъ“, подъ 10-мъ сентября 1765 года), представляющій намъ, какъ смотрѣли на Бестужева

[1]) Источники: *Büsching's* «Magasin», II, стр. 432; *Бантышъ-Каменскій*, «Біографіи росс. генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ», II, стр. 14—16; «Записки» Порошина, стр. 178, 404, 434, 492 и 549; Русскій Архивъ 1869 г., ст. 37, 60, 201—202; Осмнадцатый вѣкъ, I, стр. 84—86, II, стр. 337—338; статья *М. И. Семевскаго*: «Противники Фридриха Великаго», оттискъ изъ Военнаго Сборника за 1862 г., № 5 и 6.

ИЗЪ НРАВОВЪ XVIII ВѢКА.

I.

СЕМЕЙНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ГРАФА А. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

Подъ этимъ заглавіемъ мы печатаемъ нѣсколько отрывковъ изъ переписки графа А. П. Бестужева-Рюмина съ его единственнымъ сыномъ, графомъ Андреемъ Алексѣевичемъ. Но предварительно считаемъ нужнымъ сообщить нѣсколько біографическихъ извѣстій о семъ послѣднемъ, такъ какъ въ письмахъ рѣчь идетъ почти исключительно о немъ. По нраву своему Андрей Алексѣевичъ былъ однимъ изъ характернѣйшихъ типовъ своего времени [1]).

Высокое положеніе графа Алексѣя Петровича при русскомъ дворѣ, его обширныя связи и умѣнье ладить съ людьми, наконецъ его дарованія и образованность, казалось, должны были открыть и его сыну блестящую будущность; но не смотря на всѣ эти благопріятныя обстоятельства, изъ младшаго Бестужева вышелъ человѣкъ совершенно неспособный ни къ какой общественной дѣятельности, не могшій удержаться на высотѣ своего положенія, и безпокойный, буйный нравъ котораго доставилъ ему печальную извѣстность между современниками. Вотъ разсказъ одного изъ воспитателей великаго князя Павла Петровича, С. А. Порошина (въ его извѣстныхъ „Запискахъ“, подъ 10-мъ сентября 1765 года), представляющій намъ, какъ смотрѣли на Бестужева

[1]) Источники: *Büsching's* «Magasin», II, стр. 432; *Бантышъ-Каменскій*, «Біографіи росс. генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ», II, стр. 14—16; «Записки» Порошина, стр. 178, 404, 434, 492 и 549; Русскій Архивъ 1869 г., ст. 37, 60, 201—202; Осмнадцатый вѣкъ, I, стр. 84—86, II, стр. 337—338; статья *М. И. Семевскаго*: «Противники Фридриха Великаго», оттискъ изъ Военнаго Сборника за 1862 г., № 5 и 6.

при дворѣ: „Приходили ему (великому князю Павлу Петровичу) раза три сказывать, что графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ пришелъ: не изволитъ ли Его Высочество выйдтить. Государь цесаревичъ очень не доволенъ былъ симъ посѣщеніемъ и говорилъ: „Что мнѣ съ этимъ дуракомъ дѣлать; ни по русски, ни по французски не умѣетъ, да хоть бы и умѣлъ, такъ о чемъ съ нимъ говорить станешь?“ Вышелъ наконецъ Его Высочество и на гостя очень изволилъ смотрѣть косо. Никитѣ Ивановичу (Панину) говорилъ на ухо: „Chassez ce fou là, je vous prie“. Въ этихъ словахъ молодаго великаго князя, безъ сомнѣнія, слышится голосъ людей старшихъ. Личность графа А. А. Бестужева тѣмъ болѣе интересовала современниковъ, что ему предстояло быть наслѣдникомъ огромнаго Бестужевскаго богатства. Ниже мы увидимъ однако, что онъ могъ только отчасти воспользоваться унаслѣдованнымъ имѣніемъ.

Не извѣстно, какое воспитаніе получилъ графъ Андрей Алексѣевичъ; изъ словъ отца его (въ приводимомъ ниже письмѣ) видно, что онъ былъ баловнемъ матери (графини Анны Ивановны, урожденной Беттигеръ, дочери русскаго резидента въ Гамбургѣ); самъ же графъ Алексѣй Петровичъ, по словамъ князя М. М. Щербатова [1]), былъ „пронырливъ, золъ и мстителенъ, сластолюбивъ и собственно имѣющій страсть къ пьянству“; вліяніе такого отца— даже если допустить, что отзывъ Щербатова преувеличенъ, — также не могло быть хорошею нравственною школою для молодаго человѣка: сынъ унаслѣдовалъ отъ отца склонность къ пьянству и роскоши. Отецъ однако рано началъ заботиться о служебныхъ успѣхахъ сына. въ 1744 г., въ то самое время, какъ Алексѣй Петровичъ получилъ достоинство канцлера, Андрей Алексѣевичъ, произведенный изъ подпоручиковъ отъ бомбардиръ въ каммеръ-юнкеры, былъ отправленъ въ Польшу, гдѣ дядя его, графъ Михаилъ Петровичъ, находился полномочнымъ министромъ; спустя же два года, Андрей Алексѣевичъ сталъ уже каммергеромъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, канцлеръ задумалъ упрочить будущность сына блестящею женитьбою; онъ сосваталъ его на племянницѣ всесильныхъ при Елисаветѣ Разумовскихъ, графинѣ Авдотьѣ Даниловнѣ [2]). Свадьба ихъ была отпразднована 5-го мая 1747 года. Но этотъ бракъ, много содѣйствовавшій возвышенію канцлера, вскорѣ обнаружилъ грубые инстинкты

---

[1]) Записка «о поврежденіи нравовъ въ Россіи» въ Русской старинѣ 1870 г., II, стр. 101.

[2]) Она была дочь старшаго брата Разумовскихъ, Даніилы Григорьевича, который умеръ прежде чѣмъ младшіе вышли въ люди.

при дворѣ: „Приходили ему (великому князю Павлу Петровичу) раза три сказывать, что графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ пришелъ: не изволитъ ли Его Высочество выйдтить. Государь цесаревичъ очень не доволенъ былъ симъ посѣщеніемъ и говорилъ: „Что мнѣ съ этимъ дуракомъ дѣлать; ни по русски, ни по французски не умѣетъ, да хоть бы и умѣлъ, такъ о чемъ съ нимъ говорить станешь?“ Вышелъ наконецъ Его Высочество и на гостя очень изволилъ смотрѣть косо. Никитѣ Ивановичу (Панину) говорилъ на ухо: „Chassez ce fou là, je vous prie“. Въ этихъ словахъ молодаго великаго князя, безъ сомнѣнія, слышится голосъ людей старшихъ. Личность графа А. А. Бестужева тѣмъ болѣе интересовала современниковъ, что ему предстояло быть наслѣдникомъ огромнаго Бестужевскаго богатства. Ниже мы увидимъ однако, что онъ могъ только отчасти воспользоваться унаслѣдованнымъ имѣніемъ.

Не извѣстно, какое воспитаніе получилъ графъ Андрей Алексѣевичъ; изъ словъ отца его (въ приводимомъ ниже письмѣ) видно, что онъ былъ баловнемъ матери (графини Анны Ивановны, урожденной Беттигеръ, дочери русскаго резидента въ Гамбургѣ); самъ же графъ Алексѣй Петровичъ, по словамъ князя М. М. Щербатова [1]), былъ „пронырливъ, золъ и мстителенъ, сластолюбивъ и собственно имѣющій страсть къ пьянству“; вліяніе такого отца— даже если допустить, что отзывъ Щербатова преувеличенъ, — также не могло быть хорошею нравственною школою для молодаго человѣка: сынъ унаслѣдовалъ отъ отца склонность къ пьянству и роскоши. Отецъ однако рано началъ заботиться о служебныхъ успѣхахъ сына. въ 1744 г., въ то самое время, какъ Алексѣй Петровичъ получилъ достоинство канцлера, Андрей Алексѣевичъ, произведенный изъ подпоручиковъ отъ бомбардиръ въ каммеръ-юнкеры, былъ отправленъ въ Польшу, гдѣ дядя его, графъ Михаилъ Петровичъ, находился полномочнымъ министромъ; спустя же два года, Андрей Алексѣевичъ сталъ уже каммергеромъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, канцлеръ задумалъ упрочить будущность сына блестящею женитьбою; онъ сосваталъ его на племянницѣ всесильныхъ при Елисаветѣ Разумовскихъ, графинѣ Авдотьѣ Даниловнѣ [2]). Свадьба ихъ была отпразднована 5-го мая 1747 года. Но этотъ бракъ, много содѣйствовавшій возвышенію канцлера, вскорѣ обнаружилъ грубые инстинкты

---

[1]) Записка «о поврежденіи нравовъ въ Россіи» въ Русской старинѣ 1870 г., II, стр. 101.

[2]) Она была дочь старшаго брата Разумовскихъ, Даниилы Григорьевича, который умеръ прежде чѣмъ младшіе вышли въ люди.

въ характерѣ его сына. „Хотя Бестужевы такъ недавно женились“, пишетъ въ своей депешѣ саксонскій резидентъ Петцольдъ, — „однако у нихъ уже не разъ бывали домашнія ссоры; молодая графиня грозила пожаловаться государынѣ и оберъ-егермейстеру (графу А. Г. Разумовскому), обѣщаясь обратить свое замужество къ униженію великаго канцлера и его семейства во столько же, во сколько оно до сихъ поръ служило къ ихъ возвышенію“. Въ концѣ 1747 г. молодые супруги поѣхали въ Вѣну, куда Андрей Алексѣевичъ былъ отправленъ съ поздравленіемъ по случаю рожденія эрцгерцога Леопольда. Ихъ приняли въ Вѣнѣ очень ласково; но поѣздка эта, давшая пищу расточительности Бестужева, дорого обошлась старому канцлеру. Вѣроятно, возобновлялись между супругами и семейныя ссоры: безпутный мужъ скоро вогналъ жену въ могилу, говоритъ историкъ семейства Разумовскихъ, А. А. Васильчиковъ.

Можетъ быть, это обстолтельство было причиною, что Андрей Алексѣевичъ оставилъ на время Петербургъ; онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Нарву, но и здѣсь не замедлилъ проявить свое буйство и задоръ: позволялъ себѣ самоуправство, людей чиновныхъ бранилъ неподобными словами и грозился высѣчь кнутомъ; людей не чиновныхъ билъ по щекамъ, также палками, и сѣкъ нещадно; увозилъ чужихъ женъ. Между тѣмъ, въ 1757 году обрушилась бѣда надъ старымъ канцлеромъ; за интриги свои противъ наслѣдника престола онъ былъ удаленъ отъ двора и сосланъ въ свое имѣніе Горѣтово (въ Можайскомъ уѣздѣ, Московской губерніи). Сынъ долженъ былъ слѣдовать въ ссылку за отцемъ и получилъ разрѣшеніе остаться въ Петербургѣ только на короткое время, для устройства дѣлъ по отцовскому имуществу [1]). Въ деревнѣ дурныя наклонности Андрея

---

[1]) На А. П. Бестужевѣ были большіе казенные и частные долги (болѣе 120,000 р.); ихъ стали особенно усердно взыскивать съ него послѣ его паденія; между прочимъ, указомъ Петра III отъ 8-го февраля 1762 г., велѣно было взять въ казну за долги принадлежавшій Бестужеву Каменный островъ, гдѣ у бывшаго канцлера былъ домъ съ отлично отдѣланнымъ садомъ. Чтобы дать понятіе о роскошной обстановкѣ этого имѣнія довольно сказать, что при оцѣнкѣ его архитекторами Чевакинскимъ и Фюрстенбергомъ, въ силу упомянутаго указа, одно строеніе, «выключая внутренніе уборы», было оцѣнено въ 23,300 р., а всего съ уборами, но «кромѣ садовъ и оранжерейныхъ деревьевъ» — въ 26,214 р. 15 коп. (изъ бумагъ И. П. Шульгина). Указъ Петра III не былъ однако приведенъ въ исполненіе. Въ «Запискахъ» Порошина есть извѣстіе, что 28-го іюля 1765 г. великій князь Павелъ Петровичъ, съ графомъ Н. И. Панинымъ и своими кавалерами, ѣздилъ осматривать

въ характерѣ его сына. „Хотя Бестужевы такъ недавно женились“, пишетъ въ своей депешѣ саксонскій резидентъ Петцольдъ, — „однако у нихъ уже не разъ бывали домашнія ссоры; молодая графиня грозила пожаловаться государынѣ и оберъ-егермейстеру (графу А. Г. Разумовскому), обѣщаясь обратить свое замужество къ униженію великаго канцлера и его семейства во столько же, во сколько оно до сихъ поръ служило къ ихъ возвышенію“. Въ концѣ 1747 г. молодые супруги поѣхали въ Вѣну, куда Андрей Алексѣевичъ былъ отправленъ съ поздравленіемъ по случаю рожденія эрцгерцога Леопольда. Ихъ приняли въ Вѣнѣ очень ласково; но поѣздка эта, давшая пищу расточительности Бестужева, дорого обошлась старому канцлеру. Вѣроятно, возобновлялись между супругами и семейныя ссоры: безпутный мужъ скоро вогналъ жену въ могилу, говоритъ историкъ семейства Разумовскихъ, А. А. Васильчиковъ.

Можетъ быть, это обстолтельство было причиною, что Андрей Алексѣевичъ оставилъ на время Петербургъ; онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Нарву, но и здѣсь не замедлилъ проявить свое буйство и задоръ: позволялъ себѣ самоуправство, людей чиновныхъ бранилъ неподобными словами и грозился высѣчь кнутомъ; людей не чиновныхъ билъ по щекамъ, также палками, и сѣкъ нещадно; увозилъ чужихъ женъ. Между тѣмъ, въ 1757 году обрушилась бѣда надъ старымъ канцлеромъ; за интриги свои противъ наслѣдника престола онъ былъ удаленъ отъ двора и сосланъ въ свое имѣніе Горѣтово (въ Можайскомъ уѣздѣ, Московской губерніи). Сынъ долженъ былъ слѣдовать въ ссылку за отцемъ и получилъ разрѣшеніе остаться въ Петербургѣ только на короткое время, для устройства дѣлъ по отцовскому имуществу [1]). Въ деревнѣ дурныя наклонности Андрея

---

[1]) На А. П. Бестужевѣ были большіе казенные и частные долги (болѣе 120,000 р.); ихъ стали особенно усердно взыскивать съ него послѣ его паденія; между прочимъ, указомъ Петра III отъ 8-го февраля 1762 г., велѣно было взять въ казну за долги принадлежавшій Бестужеву Каменный островъ, гдѣ у бывшаго канцлера былъ домъ съ отлично отдѣланнымъ садомъ. Чтобы дать понятіе о роскошной обстановкѣ этого имѣнія довольно сказать, что при оцѣнкѣ его архитекторами Чевакинскимъ и Фюрстенбергомъ, въ силу упомянутаго указа, одно строеніе, «выключая внутренніе уборы», было оцѣнено въ 23,300 р., а всего съ уборами, но «кромѣ садовъ и оранжерейныхъ деревьевъ» — въ 26,214 р. 15 коп. (изъ бумагъ И. П. Шульгина). Указъ Петра III не былъ однако приведенъ въ исполненіе. Въ «Запискахъ» Порошина есть извѣстіе, что 28-го іюля 1765 г. великій князь Павелъ Петровичъ, съ графомъ Н. И. Панинымъ и своими кавалерами, ѣздилъ осматривать

Алексѣевича развились еще въ сильнѣйшей степени: онъ нашелъ себѣ товарища для кутежей въ караульномъ офицерѣ, приставленномъ къ бывшему канцлеру, предался „великому пьянству“ и ссорился съ отцомъ, такъ что наконецъ послѣдній секретнымъ образомъ писалъ къ духовнику Елизаветы Ѳ. Я. Дубянскому и жаловался на сына и его товарища. Въ слѣдствіе того, офицеръ былъ смѣненъ, а о молодомъ Бестужевѣ тайная канцелярія предписала: „смирить его въ чинимыхъ имъ безпокойствахъ по волѣ родительской“.

Наконецъ, по воцареніи Екатерины II, Бестужевымъ возвращена была свобода; на старика полились обильныя милости; поэтому понятно, что въ такое счастливое время сыну не хотѣлось быть не въ ладу съ отцомъ, и онъ просилъ у него прощенія, какъ видно то изъ двухъ напечатанныхъ нами писемъ Андрея Алексѣевича 1763 года. Алексѣй Петровичъ даже возобновилъ свои попеченія о карьерѣ сына: онъ неоднократно просилъ императрицу Екатерину „утѣшить“ Андрея Алексѣевича (который еще до ссылки отца былъ генералъ-поручикомъ, дѣйствительнымъ каммергеромъ и кавалеромъ орденовъ св. Александра и св. Анны) чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденомъ св. Андрея для сравненія со сверстниками. Просьба была исполнена.

Возникъ вопросъ и о новой женитьбѣ Андрея Алексѣевича. Ему сосватали княжну Анну Петровну Долгорукову (племянницу княжны Анны Сергѣевны Долгоруковой, первой начальницы Смольнаго монастыря). 5-го іюня 1765 года императрица сама обручила ихъ на куртагѣ. Большое письмо Алексѣя Петровича къ сыну отъ 31-го августа 1765 г., помѣщаемое ниже, излагаетъ распоряженія старика по поводу этого брака, а вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываетъ намъ и поведеніе сына въ отношеніи къ отцу за прошлое время. 2-го сен-

---

Каменный островъ. Вѣроятно, уже тогда была мысль купить это имѣніе для великаго князя, что̀ и совершилось въ послѣдствіи. О богатствѣ А. П. Бестужева-Рюмина можно судить и по слѣдующему разсказу Порошина, который впрочемъ относится уже къ 1764 году (подъ 7-мъ декабря): «Изъ сторонникъ обѣдалъ у насъ только графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ. Его превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ съ нимъ о домѣ ихъ, въ которомъ, по разсказамъ графа Андрея Алексѣевича, человѣкъ съ полтораста людей и великое въ томъ числѣ множество всякаго званія мастеровыхъ. Еще говорили о Каменномъ островѣ и о деревнѣ графа Бестужева, что̀ на Каменномъ носу, которая тысячи три въ годъ доходу ему приноситъ, не считая дровъ и сѣна, котораго онъ не купитъ“.

Алексѣевича развились еще въ сильнѣйшей степени: онъ нашелъ себѣ товарища для кутежей въ караульномъ офицерѣ, приставленномъ къ бывшему канцлеру, предался „великому пьянству“ и ссорился съ отцомъ, такъ что наконецъ послѣдній секретнымъ образомъ писалъ къ духовнику Елизаветы Ѳ. Я. Дубянскому и жаловался на сына и его товарища. Въ слѣдствіе того, офицеръ былъ смѣненъ, а о молодомъ Бестужевѣ тайная канцелярія предписала: „смирить его въ чинимыхъ имъ безпокойствахъ по волѣ родительской“.

Наконецъ, по воцареніи Екатерины II, Бестужевымъ возвращена была свобода; на старика полились обильныя милости; поэтому понятно, что въ такое счастливое время сыну не хотѣлось быть не въ ладу съ отцомъ, и онъ просилъ у него прощенія, какъ видно то изъ двухъ напечатанныхъ нами писемъ Андрея Алексѣевича 1763 года. Алексѣй Петровичъ даже возобновилъ свои попеченія о карьерѣ сына: онъ неоднократно просилъ императрицу Екатерину „утѣшить“ Андрея Алексѣевича (который еще до ссылки отца былъ генералъ-поручикомъ, дѣйствительнымъ каммергеромъ и кавалеромъ орденовъ св. Александра и св. Анны) чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденомъ св. Андрея для сравненія со сверстниками. Просьба была исполнена.

Возникъ вопросъ и о новой женитьбѣ Андрея Алексѣевича. Ему сосватали княжну Анну Петровну Долгорукову (племянницу княжны Анны Сергѣевны Долгоруковой, первой начальницы Смольнаго монастыря). 5-го іюня 1765 года императрица сама обручила ихъ на куртагѣ. Большое письмо Алексѣя Петровича къ сыну отъ 31-го августа 1765 г., помѣщаемое ниже, излагаетъ распоряженія старика по поводу этого брака, а вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываетъ намъ и поведеніе сына въ отношеніи къ отцу за прошлое время. 2-го сен-

---

Каменный островъ. Вѣроятно, уже тогда была мысль купить это имѣніе для великаго князя, что̀ и совершилось въ послѣдствіи. О богатствѣ А. П. Бестужева-Рюмина можно судить и по слѣдующему разсказу Порошина, который впрочемъ относится уже къ 1764 году (подъ 7-мъ декабря): «Изъ сторонникъ обѣдалъ у насъ только графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ. Его превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ съ нимъ о домѣ ихъ, въ которомъ, по разсказамъ графа Андрея Алексѣевича, человѣкъ съ полтораста людей и великое въ томъ числѣ множество всякаго званія мастеровыхъ. Еще говорили о Каменномъ островѣ и о деревнѣ графа Бестужева, что̀ на Каменномъ носу, которая тысячи три въ годъ доходу ему приноситъ, не считая дровъ и сѣна, котораго онъ не купитъ“.

тября Андрей Алексѣевичъ далъ подписку быть въ повиновеніи у отца. Въ слѣдъ за тѣмъ была отпразнована свадьба, но не прошло много времени, какъ Андрей Алексѣевичъ поссорился съ и этою женой. Извѣстіе о томъ записалъ Порошинъ въ декабрѣ 1765 года: „Разговаривали о графѣ Андреѣ Алексѣевичѣ Бестужевѣ, который недавно женился на княжнѣ Долгоруковой. 24-го числа нынѣшняго мѣсяца обобралъ онъ ее, дѣлалъ надъ нею разныя ругательства и сбилъ ее со двора. Велѣно къ нему приставить гвардіи офицера съ солдатами и отдать его отцу въ полную диспозицію".

Алексѣй Петровичъ не пощадилъ сына, такъ позорившаго его имя: онъ просилъ императрицу лишить Андрея Алексѣевича чиновъ и орденовъ и сослать его въ Свирскій Александровскій монастырь; письмомъ отъ 31-го января 1766 года Екатерина просила митрополита Новгородскаго Димитрія Сѣченова „дать повелѣніе архимандриту того монастыря, чтобъ онъ, Бестужева туда принявъ, содержалъ по предписанію отцовскому, подъ началомъ до тѣхъ поръ, доколѣ новаго повелѣнія о свободѣ его не послѣдуетъ". Андрей Алексѣевичъ пробылъ въ заключеніи до конца мая того же года; его освобожденіе послѣдовало по отцовской, вѣроятно, предсмертной просьбѣ (Алексѣй Петровичъ умеръ 10-го апрѣля 1766 года). Отецъ намѣревался лишить его наслѣдства, но скончался, не подписавъ духовнаго завѣщанія. Надъ Андреемъ Алексѣевичемъ были опредѣлены попечители, которые, за уплатою долговъ, выдавали ему каждый годъ по три тысячи рублей. Онъ жилъ въ Ревелѣ, гдѣ по словамъ Бюшинга, и „оставилъ въ 1768 году міръ, для котораго былъ безполезенъ".

Печатаемыя письма Бестужевыхъ ходили въ свое время въ спискахъ; съ одного изъ такихъ списковъ онѣ были напечатаны въ журналѣ „Современникъ" 1847 г., но прошли въ свое время не замѣченными. Нынѣ они печатаются съ исправленіемъ ошибокъ и возстановленіемъ собственныхъ именъ.

I.

Письма графа А. А. Бестужева-Рюмина къ своему отцу.

1.

Милостивый государь родитель!

Богъ самъ да будетъ мнѣ судья здѣсь и на ономъ свѣтѣ, если я когда-либо съ умыслу искалъ васъ оскорблять, а потому нижайше

тября Андрей Алексѣевичъ далъ подписку быть въ повиновеніи у отца. Въ слѣдъ за тѣмъ была отпразнована свадьба, но не прошло много времени, какъ Андрей Алексѣевичъ поссорился съ и этою женой. Извѣстіе о томъ записалъ Порошинъ въ декабрѣ 1765 года: „Разговаривали о графѣ Андреѣ Алексѣевичѣ Бестужевѣ, который недавно женился на княжнѣ Долгоруковой. 24-го числа нынѣшняго мѣсяца обобралъ онъ ее, дѣлалъ надъ нею разныя ругательства и сбилъ ее со двора. Велѣно къ нему приставить гвардіи офицера съ солдатами и отдать его отцу въ полную диспозицію".

Алексѣй Петровичъ не пощадилъ сына, такъ позорившаго его имя: онъ просилъ императрицу лишить Андрея Алексѣевича чиновъ и орденовъ и сослать его въ Свирскій Александровскій монастырь; письмомъ отъ 31-го января 1766 года Екатерина просила митрополита Новгородскаго Димитрія Сѣченова „дать повелѣніе архимандриту того монастыря, чтобъ онъ, Бестужева туда принявъ, содержалъ по предписанію отцовскому, подъ началомъ до тѣхъ поръ, доколѣ новаго повелѣнія о свободѣ его не послѣдуетъ". Андрей Алексѣевичъ пробылъ въ заключеніи до конца мая того же года; его освобожденіе послѣдовало по отцовской, вѣроятно, предсмертной просьбѣ (Алексѣй Петровичъ умеръ 10-го апрѣля 1766 года). Отецъ намѣревался лишить его наслѣдства, но скончался, не подписавъ духовнаго завѣщанія. Надъ Андреемъ Алексѣевичемъ были опредѣлены попечители, которые, за уплатою долговъ, выдавали ему каждый годъ по три тысячи рублей. Онъ жилъ въ Ревелѣ, гдѣ по словамъ Бюшинга, и „оставилъ въ 1768 году міръ, для котораго былъ безполезенъ".

Печатаемыя письма Бестужевыхъ ходили въ свое время въ спискахъ; съ одного изъ такихъ списковъ онѣ были напечатаны въ журналѣ „Современникъ" 1847 г., но прошли въ свое время не замѣченными. Нынѣ они печатаются съ исправленіемъ ошибокъ и возстановленіемъ собственныхъ именъ.

I.

Письма графа А. А. Бестужева-Рюмина къ своему отцу.

1.

Милостивый государь родитель!

Богъ самъ да будетъ мнѣ судья здѣсь и на ономъ свѣтѣ, если я когда-либо съ умыслу искалъ васъ оскорблять, а потому нижайше

и со слезами прошу о прощеніи; а какъ я счастливъ еще быть не могу персонально къ вашимъ ногамъ припасть, то просилъ Лукьяна Ивановича Камынина оное за меня исправить. Я паки прошу: умилосердитесь надо мною и не заградите мнѣ своего родительскаго сердца. Между тѣмъ господинъ Камынинъ мнѣ объявилъ, что вы хотите послать меня въ деревни; я подвергаюсь во всемъ вашей волѣ, хотя признаюсь, что для меня очень горестно отъ вашей персоны отринуту быть. Прошу еще со слезами о прощеніи; покажите милость вмѣсто правосудія. Остаюсь съ должнымъ почтеніемъ милостиваго государя моего родителя всенижайшій рабъ и слуга

Андрей Бестужевъ-Рюминъ.

Въ Москвѣ
6-го февраля 1763 года.

2.

Милостивый государь родитель!

Я уже письменно просилъ о великодушномъ и отеческомъ отпущеніи того, что̀ я третьяго дня хотя отнюдь не изъ злого намѣренія или умысла нашалилъ и чрезъ то васъ прогнѣвилъ и оскорбилъ, и какъ я въ слѣдствіе того и по моей чрезъ господина Камынина повторенной просьбѣ милостивое прощеніе и родительское благословеніе въ вашемъ праведномъ гнѣвѣ получилъ, то и долженствую чрезъ сіе мое нижайшее благодареніе принести, съ наисильнѣйшимъ увѣреніемъ, что я въ моемъ погрѣшеніи сердечно каюся, и что отнынѣ всевозможно стараться стану предъ милостивымъ моимъ государемъ родителемъ такъ себя вести, какъ во всемъ послушливому сыну принадлежитъ; въ противномъ же случаѣ подвергаю себя чрезъ сіе всякому наказанію, какое только государь мой родитель по Божескимъ и свѣтскимъ законамъ мнѣ учинить власть и силу имѣетъ, а между прочимъ и въ которую либо свою деревню меня послать или же инако наказать. Впрочемъ обнадеживаю о должномъ почтеніи, съ каковымъ во всю мою жизнь пребуду милостиваго государя моего родителя всенижайшій рабъ и слуга

Андрей Бестужевъ-Рюминъ.

Въ Москвѣ
9-го февраля 1763 года.

3.

Милостивый государь родитель!

Милостиваго государя моего родителя ко мнѣ отправленное письменное объявленіе и увѣщеваніе отъ 9-го числа сего марта мѣсяца общій нашъ духовникъ отецъ Герасимъ не токмо исправно мнѣ вручилъ, но и сверхъ того все то словесно изъяснилъ, что̀ милостивый государь мой родитель ему поручить изволилъ, на что̀ во первыхъ со внутреннимъ и крайнимъ сокрушеніемъ сердца до-

и со слезами прошу о прощеніи; а какъ я счастливъ еще быть не могу персонально къ вашимъ ногамъ припасть, то просилъ Лукьяна Ивановича Камынина оное за меня исправить. Я паки прошу: умилосердитесь надо мною и не заградите мнѣ своего родительскаго сердца. Между тѣмъ господинъ Камынинъ мнѣ объявилъ, что вы хотите послать меня въ деревни; я подвергаюсь во всемъ вашей волѣ, хотя признаюсь, что для меня очень горестно отъ вашей персоны отринуту быть. Прошу еще со слезами о прощеніи; покажите милость вмѣсто правосудія. Остаюсь съ должнымъ почтеніемъ милостиваго государя моего родителя всенижайшій рабъ и слуга

Андрей Бестужевъ-Рюминъ.

Въ Москвѣ
6-го февраля 1763 года.

2.

Милостивый государь родитель!

Я уже письменно просилъ о великодушномъ и отеческомъ отпущеніи того, что̀ я третьяго дня хотя отнюдь не изъ злого намѣренія или умысла нашалилъ и чрезъ то васъ прогнѣвилъ и оскорбилъ, и какъ я въ слѣдствіе того и по моей чрезъ господина Камынина повторенной просьбѣ милостивое прощеніе и родительское благословеніе въ вашемъ праведномъ гнѣвѣ получилъ, то и долженствую чрезъ сіе мое нижайшее благодареніе принести, съ наисильнѣйшимъ увѣреніемъ, что я въ моемъ погрѣшеніи сердечно каюся, и что отнынѣ всевозможно стараться стану предъ милостивымъ моимъ государемъ родителемъ такъ себя вести, какъ во всемъ послушливому сыну принадлежитъ; въ противномъ же случаѣ подвергаю себя чрезъ сіе всякому наказанію, какое только государь мой родитель по Божескимъ и свѣтскимъ законамъ мнѣ учинить власть и силу имѣетъ, а между прочимъ и въ которую либо свою деревню меня послать или же инако наказать. Впрочемъ обнадеживаю о должномъ почтеніи, съ каковымъ во всю мою жизнь пребуду милостиваго государя моего родителя всенижайшій рабъ и слуга

Андрей Бестужевъ-Рюминъ.

Въ Москвѣ
9-го февраля 1763 года.

3.

Милостивый государь родитель!

Милостиваго государя моего родителя ко мнѣ отправленное письменное объявленіе и увѣщеваніе отъ 9-го числа сего марта мѣсяца общій нашъ духовникъ отецъ Герасимъ не токмо исправно мнѣ вручилъ, но и сверхъ того все то словесно изъяснилъ, что̀ милостивый государь мой родитель ему поручить изволилъ, на что̀ во первыхъ со внутреннимъ и крайнимъ сокрушеніемъ сердца до-

бровольно и непринужденно, къ собственному моему стыду признаться долженъ, что все то, что вышеупомянутое объявленіе и увѣщеваніе отъ начала до конца въ себѣ содержитъ, сущая истина есть; а именно: 1) что я отнюдь не изъ злого намѣренія, ниже съ умысла, но единственно по вкоренившейся въ меня слабости къ пьянству, какъ въ счастіе, такъ и въ неповинное злоключеніе милостиваго государя моего родителя ему и покойной моей государынѣ родительницѣ многія и различныя чувствительныя оскорбленія, а при томъ и другія продерзости дѣлалъ; 2-е) что я по сей же причинѣ послѣ присланнаго въ 1761 году въ Горѣтово къ маіору Аршеневскому за подписаніемъ графа Александра Ивановича Шувалова, въ оригиналѣ мнѣ показаннаго и прочтеннаго императорскаго указу, по которому родителямъ моимъ власть дана была, если я должнаго имъ почтенія и послушанія показывать не стану, но по прежнему оскорблять буду, не токмо шпагу и кавалеріи съ меня снять, но и въ потребномъ случаѣ для лучшаго усмиренія и въ пустую избу меня запереть, — недолго воздержался: милостивыхъ моихъ родителей вновь всякимъ образомъ оскорблять и крушить такожь и другими шалостями и продерзостями продолжалъ, такъ что я въ моемъ пьянствѣ, особливо покойную мою государыню родительницу въ ея послѣдней тяжкой болѣзни и при самой смерти, къ непзрѣченной моей печали и раскаянію, немало обезпокоивалъ; 3-е) что я по прибытіи въ Москву, а оттуда въ Санктпетербургъ, въ обоихъ сихъ мѣстахъ, а особливо въ Куракиной домѣ и на Каменномъ посу равномѣрно, безразсуднымъ образомъ продолжалъ милостивому моему государю родителю всякія чувствительныя озлобленія причинять и другія неприличности оказывать, главнѣйше же потому только, что я часто пьянъ бывалъ; 4-е) что я чинимыя мнѣ отъ милостиваго государя моего родителя отъ времени до времени изъ милости и любви увѣщеванія. съ самымъ многократнымъ, изъ великодушія только происходящимъ прощеніемъ, презиралъ; 5-е) что я равномѣрно на учиненныя мнѣ въ Горѣтовѣ отъ вышепомянутаго нашего общаго духовника изъ Священнаго Писанія крѣпкія напомпнанія не смотрѣлъ и оныхъ совсѣмъ не уважалъ; 6-е) что я здѣсь, въ отсутствіе милостиваго государя моего родителя на Каменный носъ, лучшихъ его чиновныхъ служителей безвинно билъ и на цѣпь сажалъ; 7-е) что я, также во отлученіе его, подлость имѣлъ нѣкоторыхъ служителей, а особливо милостиваго родителя моего бывшаго камердинера Ивана Бѣлаго нѣсколькократно за столъ съ собою обѣдать и ужинать сажать, и что я на послѣдокъ продерзость имѣлъ въ моемъ пьянствѣ 25-го числа минувшаго февраля мѣсяца къ вышеупомянутому каммердинеру Ивану Бѣлому за полночь въ его горницу предъ спальнею государя родителя прійдти. такъ что я чрезъ мой съ нимъ имѣвшійся шумъ едва милостиваго государя моего родителя въ его снѣ не перепугалъ; не знаю по тогдашнему моему пьяному состоянію, за чѣмъ я точно къ нему приходилъ, и не памятую, отъ чего самый шумъ произошелъ.

бровольно и непринужденно, къ собственному моему стыду признаться долженъ, что все то, что вышеупомянутое объявленіе и увѣщеваніе отъ начала до конца въ себѣ содержитъ, сущая истина есть; а именно: 1) что я отнюдь не изъ злого намѣренія, ниже съ умысла, но единственно по вкоренившейся въ меня слабости къ пьянству, какъ въ счастіе, такъ и въ неповинное злоключеніе милостиваго государя моего родителя ему и покойной моей государынѣ родительницѣ многія и различныя чувствительныя оскорбленія, а при томъ и другія продерзости дѣлалъ; 2-е) что я по сей же причинѣ послѣ присланнаго въ 1761 году въ Горѣтово къ маіору Аршеневскому за подписаніемъ графа Александра Ивановича Шувалова, въ оригиналѣ мнѣ показаннаго и прочтеннаго императорскаго указу, по которому родителямъ моимъ власть дана была, если я должнаго имъ почтенія и послушанія показывать не стану, но по прежнему оскорблять буду, не токмо шпагу и кавалеріи съ меня снять, но и въ потребномъ случаѣ для лучшаго усмиренія и въ пустую избу меня запереть, — недолго воздержался: милостивыхъ моихъ родителей вновь всякимъ образомъ оскорблять и крушить такожь и другими шалостями и продерзостями продолжалъ, такъ что я въ моемъ пьянствѣ, особливо покойную мою государыню родительницу въ ея послѣдней тяжкой болѣзни и при самой смерти, къ непзрѣченной моей печали и раскаянію, немало обезпокоивалъ; 3-е) что я по прибытіи въ Москву, а оттуда въ Санктпетербургъ, въ обоихъ сихъ мѣстахъ, а особливо въ Куракиной домѣ и на Каменномъ посу равномѣрно, безразсуднымъ образомъ продолжалъ милостивому моему государю родителю всякія чувствительныя озлобленія причинять и другія неприличности оказывать, главнѣйше же потому только, что я часто пьянъ бывалъ; 4-е) что я чинимыя мнѣ отъ милостиваго государя моего родителя отъ времени до времени изъ милости и любви увѣщеванія. съ самымъ многократнымъ, изъ великодушія только происходящимъ прощеніемъ, презиралъ; 5-е) что я равномѣрно на учиненныя мнѣ въ Горѣтовѣ отъ вышепомянутаго нашего общаго духовника изъ Священнаго Писанія крѣпкія напомпнанія не смотрѣлъ и оныхъ совсѣмъ не уважалъ; 6-е) что я здѣсь, въ отсутствіе милостиваго государя моего родителя на Каменный носъ, лучшихъ его чиновныхъ служителей безвинно билъ и на цѣпь сажалъ; 7-е) что я, также во отлученіе его, подлость имѣлъ нѣкоторыхъ служителей, а особливо милостиваго родителя моего бывшаго камердинера Ивана Бѣлаго нѣсколькократно за столъ съ собою обѣдать и ужинать сажать, и что я на послѣдокъ продерзость имѣлъ въ моемъ пьянствѣ 25-го числа минувшаго февраля мѣсяца къ вышеупомянутому каммердинеру Ивану Бѣлому за полночь въ его горницу предъ спальнею государя родителя прійдти. такъ что я чрезъ мой съ нимъ имѣвшійся шумъ едва милостиваго государя моего родителя въ его снѣ не перепугалъ; не знаю по тогдашнему моему пьяному состоянію, за чѣмъ я точно къ нему приходилъ, и не памятую, отъ чего самый шумъ произошелъ.

Итакъ, по совѣсти моей признаюся, что я всѣми сими и еще многими другими неприличными и продерзостными поступками милостиваго моего государя родителя натуральнымъ образомъ наичувствительнѣйше оскорбилъ, и что я чрезъ то не токмо объявленному уже мнѣ въ вышеупомянутомъ писменномъ увѣщаніи заслуженному наказанію, но и собственному истязанію, какое только его родительская власть и сила по законамъ надъ мною опредѣлить можетъ, себя подвергнулъ столь наипаче, что я уже на прельсего моимъ государю родителю поданными собственноручными письмами многократно и подъ опасеніемъ непзбѣжимаго наказанія заклинался и обязывался мое продерзостное поведеніе не токмо поправить, но и совсѣмъ покинуть, и что я, не смотря на то, онымъ и до нынѣ продолжалъ; но какъ сіе мое срамное, а особливо моего родителя весьма сокрушающее поведеніе отъ вышепоказаннаго моего пьянства пропсходитъ, то смѣлость беру вновь къ ногамъ родителя моего припасть и, чистосердечно признавая вышепомянутыя отъ меня учиненныя шалости, слезно просить и молить, какъ изъ отеческой ко мнѣ по всей справедливости недостойному сыну иногда еще остающейся милости и любви, такъ и въ разсужденіи отъ меня уже объявленной и чрезъ сіе еще подтвержденной неумышленности, но единственнаго пьянства, — всѣ мои государю родителю доселѣ причиненныя противности и озлобленія со всѣми прочими продерзостями, а особливо вышепомянутое 25-го февраля съ каммердинеромъ Иваномъ Бѣлымъ случившееся и отъ меня причиненное происшествіе милостиво и великодушно хотя въ послѣдній разъ простить и отпустить, а наче всего свою мнѣ повѣренную милость и любовь по прежнему мнѣ возвратить; напротивъ чего дерзаю чрезъ сіе не токмо милостиваго государя моего родителя обнадежить, но при томъ и себя заклинаю, призывая самого Бога въ свидѣтели, что я отнынѣ всевозможно и самымъ дѣломъ слараться буду и самую мою жизнь, и все мое поведеніе отмѣнить и поправить, а особливо отъ пьянства воздержаться и оное совсѣмъ бросить, какъ такую слабость, отъ которой всѣ мои злыя дѣла происходятъ; такъ что съ помощію Божіею надѣюсь государю родителю болѣе причины не подать на меня гнѣваться, паче же моимъ во всемъ должнымъ послушаніемъ и почитаніемъ его милости и любви достойнымъ себя учинить. Однимъ словомъ, я стану впредь крайнѣйше тщиться такъ себя вести, что каждый и послѣдній слуга въ домѣ родителя моего мною доволенъ будетъ и на мѣня жаловаться причины не возъимѣетъ, потому что я признаюсь же, что я и съ посторонними въ домѣ моего родителя такъ поступалъ, что многіе изъ нихъ за то домъ родителя моего оставили и обѣгаютъ; въ противномъ же случаѣ и если я того моего заклинанія не сохраню, подвергаю себя чрезъ сіе всему тому, что государь родитель въ наказаніе мнѣ опредѣлить за потребно найдетъ, какъ онъ къ тому по Божескимъ и свѣтскимъ правамъ безпредѣльную власть имѣетъ.

Итакъ, по совѣсти моей признаюся, что я всѣми сими и еще многими другими неприличными и продерзостными поступками милостиваго моего государя родителя натуральнымъ образомъ наичувствительнѣйше оскорбилъ, и что я чрезъ то не токмо объявленному уже мнѣ въ вышеупомянутомъ писменномъ увѣщаніи заслуженному наказанію, но и собственному истязанію, какое только его родительская власть и сила по законамъ надъ мною опредѣлить можетъ, себя подвергнулъ столь наипаче, что я уже на прельсего моимъ государю родителю поданными собственноручными письмами многократно и подъ опасеніемъ непзбѣжимаго наказанія заклинался и обязывался мое продерзостное поведеніе не токмо поправить, но и совсѣмъ покинуть, и что я, не смотря на то, онымъ и до нынѣ продолжалъ; но какъ сіе мое срамное, а особливо моего родителя весьма сокрушающее поведеніе отъ вышепоказаннаго моего пьянства пропсходитъ, то смѣлость беру вновь къ ногамъ родителя моего припасть и, чистосердечно признавая вышепомянутыя отъ меня учиненныя шалости, слезно просить и молить, какъ изъ отеческой ко мнѣ по всей справедливости недостойному сыну иногда еще остающейся милости и любви, такъ и въ разсужденіи отъ меня уже объявленной и чрезъ сіе еще подтвержденной неумышленности, но единственнаго пьянства, — всѣ мои государю родителю доселѣ причиненныя противности и озлобленія со всѣми прочими продерзостями, а особливо вышепомянутое 25-го февраля съ каммердинеромъ Иваномъ Бѣлымъ случившееся и отъ меня причиненное происшествіе милостиво и великодушно хотя въ послѣдній разъ простить и отпустить, а наче всего свою мнѣ повѣренную милость и любовь по прежнему мнѣ возвратить; напротивъ чего дерзаю чрезъ сіе не токмо милостиваго государя моего родителя обнадежить, но при томъ и себя заклинаю, призывая самого Бога въ свидѣтели, что я отнынѣ всевозможно и самымъ дѣломъ слараться буду и самую мою жизнь, и все мое поведеніе отмѣнить и поправить, а особливо отъ пьянства воздержаться и оное совсѣмъ бросить, какъ такую слабость, отъ которой всѣ мои злыя дѣла происходятъ; такъ что съ помощію Божіею надѣюсь государю родителю болѣе причины не подать на меня гнѣваться, паче же моимъ во всемъ должнымъ послушаніемъ и почитаніемъ его милости и любви достойнымъ себя учинить. Однимъ словомъ, я стану впредь крайнѣйше тщиться такъ себя вести, что каждый и послѣдній слуга въ домѣ родителя моего мною доволенъ будетъ и на мѣня жаловаться причины не возъимѣетъ, потому что я признаюсь же, что я и съ посторонними въ домѣ моего родителя такъ поступалъ, что многіе изъ нихъ за то домъ родителя моего оставили и обѣгаютъ; въ противномъ же случаѣ и если я того моего заклинанія не сохраню, подвергаю себя чрезъ сіе всему тому, что государь родитель въ наказаніе мнѣ опредѣлить за потребно найдетъ, какъ онъ къ тому по Божескимъ и свѣтскимъ правамъ безпредѣльную власть имѣетъ.

Сей послѣдней милости и прощенія дерзаю паки отъ великодушія и человѣколюбія моего родителя колѣнопреклонно и слезно просить, а между тѣмъ не престану быть съ должнымъ почтеніемъ милостиваго государя моего родителя нижайшій рабъ и недостойный сынъ

Андрей Бестужевъ-Рюминъ.

Въ С.-Петербургѣ
19-го марта 1765 года.

II.

Письмо графа А. П. Бестужева-Рюмина къ сыну.

Сынъ мой графъ Андрей Алексѣевичь!

Сколько ни наскучило уже мнѣ вести съ тобою досадительную и безъ того переписку, но поведеніе, а паче поступки твои со мною принуждаютъ меня оную возобновить, особливо же для объявленія тебѣ того намѣренія, которое я по неволѣ о тебѣ принялъ, и которому ты самъ причиною. . . . . .

Не достаетъ мнѣ словъ описать, колико я и покойная моя жена, а твоя мать, отъ тебя съ самой почти твоей юности ослушаній, непочитаній, огорченій и самыхъ озлобленій претерпѣли. Довольно, что не возмогши тебя сами поправить, приносили жалобу Ея Величеству въ Бозѣ опочивающей государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая, умилосердясь на наше горестное состояніе, изволила нарочно въ домъ ко мнѣ присылать оберъ-гофмейстера барона Миниха—свой гнѣвъ тебѣ за то въ присутствіи нашемъ объявить, а при томъ и всѣ хиромантическія и другія всякимъ суевѣрствомъ наполненныя книги, въ которыхъ ты тогда больше упражнялся и шали научался, отобрать; съ такимъ прибавленіемъ, что если далѣе шалить станешь и намъ повиноваться не будешь, то подверженъ быть имѣешь всей строгости родительской надъ тобою власти.

Излишне же упоминать и о прочемъ твоемъ прежнемъ, не токмо неприличномъ, но и самомъ развращенномъ поведеніи и поступкахъ, потому что оные и такъ почти всей публикѣ извѣстны, чего для довольствуюсь на память тебѣ привести токмо послѣдующее и до нынѣ продолжаемое твое поведеніе и что я отъ тебя общее съ матерью претерпѣлъ, такъ и одинъ еще претерпѣваю.

Въ неповинное мое злоключеніе, когда мы въ деревняхъ своихъ находились, вдавшись ты въ безпрестанное пьянство и тщеславясь поспѣлыми на себѣ знаками чести, шпагою и кавалерскими орденами, называлъ ты часто меня государственнымъ плутомъ и измѣнникомъ, а мать свою такимъ именемъ, какого память ея и изобразить не дозволяетъ, и произносилъ сіи и тому подобныя ругательства при всей караульной воинской командѣ и при моихъ собственныхъ служителяхъ нарочно на русскомъ языкѣ, чтобъ всякъ

Сей послѣдней милости и прощенія дерзаю паки отъ великодушія и человѣколюбія моего родителя колѣнопреклонно и слезно просить, а между тѣмъ не престану быть съ должнымъ почтеніемъ милостиваго государя моего родителя нижайшій рабъ и недостойный сынъ

Андрей Бестужевъ-Рюминъ.

Въ С.-Петербургѣ
19-го марта 1765 года.

II.

Письмо графа А. П. Бестужева-Рюмина къ сыну.

Сынъ мой графъ Андрей Алексѣевичь!

Сколько ни наскучило уже мнѣ вести съ тобою досадительную и безъ того переписку, но поведеніе, а паче поступки твои со мною принуждаютъ меня оную возобновить, особливо же для объявленія тебѣ того намѣренія, которое я по неволѣ о тебѣ принялъ, и которому ты самъ причиною. . . . . .

Не достаетъ мнѣ словъ описать, колико я и покойная моя жена, а твоя мать, отъ тебя съ самой почти твоей юности ослушаній, непочитаній, огорченій и самыхъ озлобленій претерпѣли. Довольно, что не возмогши тебя сами поправить, приносили жалобу Ея Величеству въ Бозѣ опочивающей государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая, умилосердясь на наше горестное состояніе, изволила нарочно въ домъ ко мнѣ присылать оберъ-гофмейстера барона Миниха—свой гнѣвъ тебѣ за то въ присутствіи нашемъ объявить, а при томъ и всѣ хиромантическія и другія всякимъ суевѣрствомъ наполненныя книги, въ которыхъ ты тогда больше упражнялся и шали научался, отобрать; съ такимъ прибавленіемъ, что если далѣе шалить станешь и намъ повиноваться не будешь, то подверженъ быть имѣешь всей строгости родительской надъ тобою власти.

Излишне же упоминать и о прочемъ твоемъ прежнемъ, не токмо неприличномъ, но и самомъ развращенномъ поведеніи и поступкахъ, потому что оные и такъ почти всей публикѣ извѣстны, чего для довольствуюсь на память тебѣ привести токмо послѣдующее и до нынѣ продолжаемое твое поведеніе и что я отъ тебя общее съ матерью претерпѣлъ, такъ и одинъ еще претерпѣваю.

Въ неповинное мое злоключеніе, когда мы въ деревняхъ своихъ находились, вдавшись ты въ безпрестанное пьянство и тщеславясь поспѣлыми на себѣ знаками чести, шпагою и кавалерскими орденами, называлъ ты часто меня государственнымъ плутомъ и измѣнникомъ, а мать свою такимъ именемъ, какого память ея и изобразить не дозволяетъ, и произносилъ сіи и тому подобныя ругательства при всей караульной воинской командѣ и при моихъ собственныхъ служителяхъ нарочно на русскомъ языкѣ, чтобъ всякъ

оныя разумѣлъ; а сверхъ того, съ нѣкоторыми моими холопами сообщаяся, ихъ противу меня подущалъ, а другихъ отъ тебя уклоняющихся многократнымъ разглашеніемъ стращалъ, что я скоро въ Камчатку сосланъ буду, и что ты только ихъ помѣщикъ и господинъ останешься. Умалчиваю о томъ, что въ пьянствѣ мнѣ самому тростью граживалъ, а за матерью и за многими моими служителями и съ шпагою гонялся, и не упоминаю о другихъ твоихъ отъ пьянства жь происходящихъ продерзостяхъ, о которыхъ не токмо весь мой домъ и все тамошное многолюдное село, но почти и весь Можайскій уѣздъ засвидѣтельствовать могутъ. И хотя по учиненному о томъ отъ караульнаго офицера маіора Аршеневскаго репорту присланъ былъ къ нему въ 1761 году, за рукою его сіятельства генерала-фельдмаршала графа Александръ Ивановича Шувалова. монаршій именной указъ тебѣ объявить, что если ты впредь родителямъ своимъ послушенъ не будешь и ихъ по прежнему озлоблять станешь, въ такомъ случаѣ имъ власть дается не токмо снять съ тебя шпагу и кавалерію, но если для лучшаго усмиренія за нужно усмотрятъ, и въ пустую избу запереть; однакоже не много времени прошло, какъ ты, не смотря на вышеизображенный указъ, такожь и на чинимыя тебѣ отъ родителей и отъ общаго нашего духовника многократныя увѣщанія, но паче на натуральную родительскую любовь полагаясь, вмѣсто поправленія началъ опять пьянствовать и своими продерзостями продолжать, такъ что наконецъ показанными матери своей, и особливо въ послѣдніе дни ея болѣзни, самыми несносными досадами немало и смерти ея способствовалъ.

Того не довольно: ты, кажется, предпріялъ и мою жизнь такимъ же образомъ прекратить или по малой мѣрѣ укоротать. По освожденіи моемъ изъ неповинного заключенія и по возвращеніи твоемъ въ Москвѣ, не токмо тамо, но и въ Санктпетербургѣ и въ деревнѣ моей Каменномъ носу принялся ты опять за непрерывное пьянство и за новыя мнѣ самому оказуемыя чувствительныя и самыя несносныя огорченія и оскорбленія, такъ что хотя по моимъ увѣщеваніямъ временемъ опамятовавшись, въ томъ раскаявался и неоднократно, какъ на словахъ, такъ и самыми собственноручными и въ подлинникахъ у меня для изобличенія тебя хранящимися письмами въ томъ винился, прощенія просилъ и заклинался, — однакожь скоро послѣ, забывая или презирая, не только того не покидалъ, но паче опять продолжалъ. Умалчиваю о разныхъ другихъ отъ пьянства происходящихъ, наказанія достойныхъ шалостяхъ, безчинствахъ и продерзостяхъ, какъ напримѣръ: многихъ по дружбѣ меня посѣщающихъ и другихъ въ домѣ у меня живущихъ и вхожихъ, не безznатныхъ людей сумасбродствомъ своимъ оскорблялъ и обижалъ. Въ отлученіе мое изъ дому въ деревню лучшихъ моихъ служителей неповинно ругалъ, билъ и ковалъ, а другихъ, въ шалостяхъ тебѣ помогающихъ, съ собою за столъ сажалъ. Часто въ пьянствѣ цѣлыя ночи по всему дому прохаживалъ и, къ каждому въ покой стучась, безпокоилъ; а нѣсколькократно

оныя разумѣлъ; а сверхъ того, съ нѣкоторыми моими холопами сообщаяся, ихъ противу меня подущалъ, а другихъ отъ тебя уклоняющихся многократнымъ разглашеніемъ стращалъ, что я скоро въ Камчатку сосланъ буду, и что ты только ихъ помѣщикъ и господинъ останешься. Умалчиваю о томъ, что въ пьянствѣ мнѣ самому тростью граживалъ, а за матерью и за многими моими служителями и съ шпагою гонялся, и не упоминаю о другихъ твоихъ отъ пьянства жь происходящихъ продерзостяхъ, о которыхъ не токмо весь мой домъ и все тамошное многолюдное село, но почти и весь Можайскій уѣздъ засвидѣтельствовать могутъ. И хотя по учиненному о томъ отъ караульнаго офицера маіора Аршеневскаго репорту присланъ былъ къ нему въ 1761 году, за рукою его сіятельства генерала-фельдмаршала графа Александръ Ивановича Шувалова. монаршій именной указъ тебѣ объявить, что если ты впредь родителямъ своимъ послушенъ не будешь и ихъ по прежнему озлоблять станешь, въ такомъ случаѣ имъ власть дается не токмо снять съ тебя шпагу и кавалерію, но если для лучшаго усмиренія за нужно усмотрятъ, и въ пустую избу запереть; однакоже не много времени прошло, какъ ты, не смотря на вышеизображенный указъ, такожь и на чинимыя тебѣ отъ родителей и отъ общаго нашего духовника многократныя увѣщанія, но паче на натуральную родительскую любовь полагаясь, вмѣсто поправленія началъ опять пьянствовать и своими продерзостями продолжать, такъ что наконецъ показанными матери своей, и особливо въ послѣдніе дни ея болѣзни, самыми несносными досадами немало и смерти ея способствовалъ.

Того не довольно: ты, кажется, предпріялъ и мою жизнь такимъ же образомъ прекратить или по малой мѣрѣ укоротать. По освожденіи моемъ изъ неповинного заключенія и по возвращеніи твоемъ въ Москвѣ, не токмо тамо, но и въ Санктпетербургѣ и въ деревнѣ моей Каменномъ носу принялся ты опять за непрерывное пьянство и за новыя мнѣ самому оказуемыя чувствительныя и самыя несносныя огорченія и оскорбленія, такъ что хотя по моимъ увѣщеваніямъ временемъ опамятовавшись, въ томъ раскаявался и неоднократно, какъ на словахъ, такъ и самыми собственноручными и въ подлинникахъ у меня для изобличенія тебя хранящимися письмами въ томъ винился, прощенія просилъ и заклинался, — однакожь скоро послѣ, забывая или презирая, не только того не покидалъ, но паче опять продолжалъ. Умалчиваю о разныхъ другихъ отъ пьянства происходящихъ, наказанія достойныхъ шалостяхъ, безчинствахъ и продерзостяхъ, какъ напримѣръ: многихъ по дружбѣ меня посѣщающихъ и другихъ въ домѣ у меня живущихъ и вхожихъ, не безznатныхъ людей сумасбродствомъ своимъ оскорблялъ и обижалъ. Въ отлученіе мое изъ дому въ деревню лучшихъ моихъ служителей неповинно ругалъ, билъ и ковалъ, а другихъ, въ шалостяхъ тебѣ помогающихъ, съ собою за столъ сажалъ. Часто въ пьянствѣ цѣлыя ночи по всему дому прохаживалъ и, къ каждому въ покой стучась, безпокоилъ; а нѣсколькократно

и меня самого, и безъ того больнаго и дряхлаго старика, минувшаго лѣта на Каменномъ носу тревожилъ и пугалъ, ломяся пьяный и въ ночное время къ тѣмъ моимъ служителямъ, которые въ другой отъ меня горницѣ спятъ; такъ что когда я тебя какъ сумасшедшаго въ свой покой отвести приказывалъ, ты меня при всѣхъ моихъ людяхъ наиязвительнѣйшимъ образомъ бранилъ и ругалъ. Особливо же 25-го числа минувшаго февраля мѣсяца, въ Санктпетербургскомъ домѣ, до смерти бы меня перепугалъ, если бы я, утомясь отъ мучительной моей каменной болѣзни, по счастію на тотъ часъ крѣпко не заснулъ, когда ты, за полночь къ бывшему у меня въ должности каммердинера холопу моему Ивану Бѣлому предъ мою спальню пришедъ, превеликій шумъ сдѣлалъ,—какъ о томъ на другой день самъ же онъ, при четырехъ другихъ письменно мнѣ то засвидѣтельствовавшихъ служителяхъ, разсказывалъ, съ присовокупленіемъ еще такой твоей продерзости, за которую тебя или на цѣпь посадить, или его публично кнутомъ высѣчь надлежало бъ, хотя изъ сожалѣнія къ тебѣ я его по самомъ маломъ дома наказаніи только на поселеніе въ Сибирь отдалъ.

Въ прибавокъ же ко всему вышеизображенному, забылъ ты Бога и Его святыя заповѣди; такожъ презирая и сыновній долгъ, не устрашился возвести на меня и самую клевету и злословіе, а именно, воспользовавшись случившимся со мною прошлаго года лѣтомъ на Каменномъ носу отъ нестерпимой каменной боли делирическимъ припадкомъ, не токмо тотчасъ по всему городу, но многимъ и при самомъ дворѣ въ поношеніе и посмѣяніе мнѣ разглашалъ и разсказывалъ, якобы я съ ума сошелъ, хотя всѣ въ домѣ у меня живущіе не токмо служители, но и посторонніе знаютъ, что того со мною не было, и что я сколько Богъ далъ ума, еще не лишился и не потерялъ; а напротивъ того тебя по твоему пьянству, безчинствамъ и шалостямъ подлинно сумасшедшимъ назвать и почитать можно.

По таковымъ твоимъ развратнымъ и конечно сумасшедшимъ поступкамъ не могъ я обойтиться, но паче за долгъ поставлялъ сдѣлать тебѣ 9-го минувшаго марта мѣсяца послѣднее, крѣпкое на письмѣ увѣщаніе, съ точнымъ и подробнымъ показаніемъ всей вышеизображенной истины и съ угрозою, что въ случаѣ дальныхъ твоихъ оскорбленій, безпокойствъ, продерзостей и пьянства, принесу на тебя жалобу самой Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей нашей государынѣ; и хотя ты въ отвѣтъ на то собственноручнымъ же, равномѣрно для изобличенія тебя въ подлинникѣ у меня хранящимся пространнымъ письмомъ, отъ 19-го числа того жъ мѣсяца марта, не токмо во всѣхъ своихъ помянутыхъ худыхъ дѣлахъ и поступкахъ подробно и обстоятельно признался, винился и прощенія просилъ, съ новыми клятвами, что впредь совершенно отъ того воздержишься и, поправя свою жизнь, причины мнѣ болѣе не подашь тобою недовольну быть, а того меньше на тебя жаловаться, — но и тутъ немного времени прошло, какъ ты опять не токмо за пущее пьянство и горшія и го-

и меня самого, и безъ того больнаго и дряхлаго старика, минувшаго лѣта на Каменномъ носу тревожилъ и пугалъ, ломяся пьяный и въ ночное время къ тѣмъ моимъ служителямъ, которые въ другой отъ меня горницѣ спятъ; такъ что когда я тебя какъ сумасшедшаго въ свой покой отвести приказывалъ, ты меня при всѣхъ моихъ людяхъ наиязвительнѣйшимъ образомъ бранилъ и ругалъ. Особливо же 25-го числа минувшаго февраля мѣсяца, въ Санктпетербургскомъ домѣ, до смерти бы меня перепугалъ, если бы я, утомясь отъ мучительной моей каменной болѣзни, по счастію на тотъ часъ крѣпко не заснулъ, когда ты, за полночь къ бывшему у меня въ должности каммердинера холопу моему Ивану Бѣлому предъ мою спальню пришедъ, превеликій шумъ сдѣлалъ,—какъ о томъ на другой день самъ же онъ, при четырехъ другихъ письменно мнѣ то засвидѣтельствовавшихъ служителяхъ, разсказывалъ, съ присовокупленіемъ еще такой твоей продерзости, за которую тебя или на цѣпь посадить, или его публично кнутомъ высѣчь надлежало бъ, хотя изъ сожалѣнія къ тебѣ я его по самомъ маломъ дома наказаніи только на поселеніе въ Сибирь отдалъ.

Въ прибавокъ же ко всему вышеизображенному, забылъ ты Бога и Его святыя заповѣди; такожъ презирая и сыновній долгъ, не устрашился возвести на меня и самую клевету и злословіе, а именно, воспользовавшись случившимся со мною прошлаго года лѣтомъ на Каменномъ носу отъ нестерпимой каменной боли делирическимъ припадкомъ, не токмо тотчасъ по всему городу, но многимъ и при самомъ дворѣ въ поношеніе и посмѣяніе мнѣ разглашалъ и разсказывалъ, якобы я съ ума сошелъ, хотя всѣ въ домѣ у меня живущіе не токмо служители, но и посторонніе знаютъ, что того со мною не было, и что я сколько Богъ далъ ума, еще не лишился и не потерялъ; а напротивъ того тебя по твоему пьянству, безчинствамъ и шалостямъ подлинно сумасшедшимъ назвать и почитать можно.

По таковымъ твоимъ развратнымъ и конечно сумасшедшимъ поступкамъ не могъ я обойтиться, но паче за долгъ поставлялъ сдѣлать тебѣ 9-го минувшаго марта мѣсяца послѣднее, крѣпкое на письмѣ увѣщаніе, съ точнымъ и подробнымъ показаніемъ всей вышеизображенной истины и съ угрозою, что въ случаѣ дальныхъ твоихъ оскорбленій, безпокойствъ, продерзостей и пьянства, принесу на тебя жалобу самой Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей нашей государынѣ; и хотя ты въ отвѣтъ на то собственноручнымъ же, равномѣрно для изобличенія тебя въ подлинникѣ у меня хранящимся пространнымъ письмомъ, отъ 19-го числа того жъ мѣсяца марта, не токмо во всѣхъ своихъ помянутыхъ худыхъ дѣлахъ и поступкахъ подробно и обстоятельно признался, винился и прощенія просилъ, съ новыми клятвами, что впредь совершенно отъ того воздержишься и, поправя свою жизнь, причины мнѣ болѣе не подашь тобою недовольну быть, а того меньше на тебя жаловаться, — но и тутъ немного времени прошло, какъ ты опять не токмо за пущее пьянство и горшія и го-

раздо отважнѣйшія мнѣ оскорбленія, но и самую явную противъ меня злобу взялся. А главнѣйшее, съ вышеупомянутаго моего за рукою моею тебѣ даннаго письменнаго увѣщанія, знаю я, сдѣлалъ ты выписки, но многіе, во обличеніе тебѣ служащіе пункты, а особливо о вышепоказанномъ объ тебѣ въ деревни мои къ маіору Аршеневскому присланномъ указѣ выпустя, да и все содержаніе развратно истолковавъ, раздавалъ оные по городу твоимъ пріятелямъ, въ жалобу на меня, съ прибавленіемъ еще такихъ новыхъ клеветъ и поношеній, якобы я тебѣ недоброхотствую и совершенно изгоняю, якобы ни полушки денегъ на необходимые твои расходы не даю и якобы напослѣдокъ и старыхъ твоихъ долговъ платить отрекаюсь.

Неосновательность подобныхъ на меня взводимыхъ клеветъ хотя сама собою и тѣмъ однимъ доказывается, что никакой мнѣ прибыли нѣтъ и быть не можетъ недоброхотствовать и изгонять сына, котораго я только одного, хотя къ сожалѣнію по твоимъ поступкамъ весьма неудачливаго имѣю; но ты не безъизвѣстенъ, колико я при самомъ возвращеніи моемъ изъ неповиннаго заключенія и при самомъ первомъ Ея Императорскому Величеству благодареніи за сіе мое освобожденіе, забывъ всѣ твои противности, за тебя просилъ и заступалъ, такъ что тому и показанную тебѣ при короно-ваніи Ея Императорскаго Величества милость повышеніемъ чина приписывать должно, какъ и дѣйствительно она единственно въ разсужденіи моихъ заслугъ тебѣ показана, и о чемъ точно въ печатномъ указѣ изображено. Да равномѣрно жь не упустилъ я и при отъѣздѣ Ея Императорскаго Величества изъ Москвы въ Санктпетербургъ, сколько по моей старости, столько жь и по тогдашнему слабому моему состоянію, за тебя жь предстательствовать и по мнѣ въ высочайшую милость и монаршее покротельство препоручить. А что до платежа твоихъ старыхъ долговъ касается, то изъ нижеслѣдующаго, какъ твое напрасное на меня поношеніе, такъ и самыя причины принятыхъ мною въ томъ, какъ для меня, такъ и для тебя жь предосторожностей усмотрятся.

Въ прежнее время моего благополучія, и когда еще ты сверхъ получаемаго отъ двора каммергерскаго жалованья и въ прибавокъ ко всему домашнему готовому получалъ отъ меня особливо полторы тысячи рублевъ въ годъ или по сту по двадцати по пяти рублевъ на мѣсяцъ, да ко всѣмъ знатнымъ праздникамъ по новому платью, надѣлалъ ты, а особливо по случаю посылки твоей съ женою къ Вѣнскому двору, обще съ твоею матерью, которая по своей къ тебѣ излишней и вредной горячности или, лучше сказать, потворству, тебѣ въ томъ помогала, безъ моего вѣдома, а наименьше позволенія, на самыя безпутныя и мотовскія издержки такіе превеликіе долги, которые я хотя на себя и перенялъ, но не для того, чтобъ къ тому обязанъ былъ, а чтобъ только чрезъ то общую нашу честь сохранить; однакожь самъ собою отнюдь оплатить не могъ бы, еслибъ не подпалъ извѣстному, на мнѣ бывшему пятидесятитысячному казенному долгу, которая сумма въ самомъ дѣлѣ

раздо отважнѣйшія мнѣ оскорбленія, но и самую явную противъ меня злобу взялся. А главнѣйшее, съ вышеупомянутаго моего за рукою моею тебѣ даннаго письменнаго увѣщанія, знаю я, сдѣлалъ ты выписки, но многіе, во обличеніе тебѣ служащіе пункты, а особливо о вышепоказанномъ объ тебѣ въ деревни мои къ маіору Аршеневскому присланномъ указѣ выпустя, да и все содержаніе развратно истолковавъ, раздавалъ оные по городу твоимъ пріятелямъ, въ жалобу на меня, съ прибавленіемъ еще такихъ новыхъ клеветъ и поношеній, якобы я тебѣ недоброхотствую и совершенно изгоняю, якобы ни полушки денегъ на необходимые твои расходы не даю и якобы напослѣдокъ и старыхъ твоихъ долговъ платить отрекаюсь.

Неосновательность подобныхъ на меня взводимыхъ клеветъ хотя сама собою и тѣмъ однимъ доказывается, что никакой мнѣ прибыли нѣтъ и быть не можетъ недоброхотствовать и изгонять сына, котораго я только одного, хотя къ сожалѣнію по твоимъ поступкамъ весьма неудачливаго имѣю; но ты не безъизвѣстенъ, колико я при самомъ возвращеніи моемъ изъ неповиннаго заключенія и при самомъ первомъ Ея Императорскому Величеству благодареніи за сіе мое освобожденіе, забывъ всѣ твои противности, за тебя просилъ и заступалъ, такъ что тому и показанную тебѣ при короно-ваніи Ея Императорскаго Величества милость повышеніемъ чина приписывать должно, какъ и дѣйствительно она единственно въ разсужденіи моихъ заслугъ тебѣ показана, и о чемъ точно въ печатномъ указѣ изображено. Да равномѣрно жь не упустилъ я и при отъѣздѣ Ея Императорскаго Величества изъ Москвы въ Санктпетербургъ, сколько по моей старости, столько жь и по тогдашнему слабому моему состоянію, за тебя жь предстательствовать и по мнѣ въ высочайшую милость и монаршее покротельство препоручить. А что до платежа твоихъ старыхъ долговъ касается, то изъ нижеслѣдующаго, какъ твое напрасное на меня поношеніе, такъ и самыя причины принятыхъ мною въ томъ, какъ для меня, такъ и для тебя жь предосторожностей усмотрятся.

Въ прежнее время моего благополучія, и когда еще ты сверхъ получаемаго отъ двора каммергерскаго жалованья и въ прибавокъ ко всему домашнему готовому получалъ отъ меня особливо полторы тысячи рублевъ въ годъ или по сту по двадцати по пяти рублевъ на мѣсяцъ, да ко всѣмъ знатнымъ праздникамъ по новому платью, надѣлалъ ты, а особливо по случаю посылки твоей съ женою къ Вѣнскому двору, обще съ твоею матерью, которая по своей къ тебѣ излишней и вредной горячности или, лучше сказать, потворству, тебѣ въ томъ помогала, безъ моего вѣдома, а наименьше позволенія, на самыя безпутныя и мотовскія издержки такіе превеликіе долги, которые я хотя на себя и перенялъ, но не для того, чтобъ къ тому обязанъ былъ, а чтобъ только чрезъ то общую нашу честь сохранить; однакожь самъ собою отнюдь оплатить не могъ бы, еслибъ не подпалъ извѣстному, на мнѣ бывшему пятидесятитысячному казенному долгу, которая сумма въ самомъ дѣлѣ

не токмо вся за васъ пошла, но я еще и сверхъ того, сколько могъ себя обрывая, за васъ въ то число до нынѣ уже слишкомъ сто тысячь заплатилъ, какъ и доказать могу, что чрезъ одну контору барона Вульфа до сорока тысячь рублевъ къ тебѣ съ женою перевѣдено, да здѣсь заплочено вдругъ двадцать-двѣ тысячи рублевъ по одному только на меня изъ Дрездена присланному и тобою и покойною невѣсткою подписанному векселю. Умалчиваю о точныхъ долгахъ покойной моей жены, а твоей матери, которые для тебя жь надѣланы, и которыхъ я также шесть тысячь уже заплатилъ, а еще девять тысячь восемь-сотъ рублевъ въ Вульфову же или нынѣшнюю Риддерову контору заплатить надлежитъ.

Со всѣмъ тѣмъ не упустилъ бы я и остальные какъ твоей матери, такъ и твои подлинно старые долги, которыхъ вообще и сколько еще извѣстно немалая сумма наберется, уже давно вдругъ заплатить и отъ того единожды отдѣлаться, еслибъ нынѣшнее мое разоренное состояніе мнѣ то учинить дозволяло; но какъ ни есть, удалось бы уже можетъ быть мнѣ сіи ваши старые долги, а при томъ и свои, особливо же остальныя за домъ двадцать тысячь рублей еще при моей жизни исподоволь, а по нуждѣ хотя продажею нѣсколькихъ деревень оплатить, еслибъ самъ же ты препятствій въ томъ не нанесъ,—во первыхъ, озлясь на меня, будто я только изъ недоброхотства къ тебѣ, а не въ собственную твою пользу и не для оплаты твоихъ же долговъ назначилъ въ продажу два села съ деревнями; и пользуясь во всемъ противъ меня руководствомъ нѣкотораго, до нынѣ въ домъ мой по своему званію и за деньги ѣздившаго, а твоего искренняго и задушевнаго друга и собесѣдника употребилъ ты всевозможное стараніе и собою, и чрезъ него сей продажѣ мѣшать и препятствовать, какъ и дѣйствительно не токмо помянутый твой другъ, но сколько примѣчено, по его жъ наущенію, и другіе два его пріятели, знатныя персоны, своими пропсками, хитростями и внушеніями только уже предуспѣли, что сколько здѣсь и въ Москвѣ хорошихъ купцовъ не было, всѣхъ отбили и отогнали; да въ томъ, можетъ быть, оный твой другъ и особливую имъ угодность и одолженіе дѣлаетъ, потому что у одного изъ нихъ есть отъ тебя давнишніе векселя тысячь до десяти рублевъ проигранныхъ денегъ, и что они чрезъ то сими деньгами себя обнадежить ищутъ, вѣдая, что иногда по смерти моей, начитая чрезъ немалое время проценты на проценты, и съ лихвою получатъ, такъ что изъ того и помянутому стряпчему довольно достаться можетъ.

Сверхъ же того, на тебя самого ссылаюсь, что и нынѣ ты все по твоему званію готовое въ домѣ у меня имѣешь; а въ прибавокъ къ тому, съ самаго возвращенія моего изъ неповиннаго заключенія, по пятидесяти рублевъ въ мѣсяцъ на собственные твои мелкіе расходы отъ меня чрезъ немалое время порядочно и исправно получалъ, да и далѣе получалъ бы, еслибъ такого своевольства не употребилъ, что безъ вѣдома моего, а только по согласію съ тѣмъ штабъ-офицеромъ, который прежде у меня управителемъ и повѣреннымъ былъ, и который еще въ пятидесяти-пяти тысячахъ руб-

не токмо вся за васъ пошла, но я еще и сверхъ того, сколько могъ себя обрывая, за васъ въ то число до нынѣ уже слишкомъ сто тысячь заплатилъ, какъ и доказать могу, что чрезъ одну контору барона Вульфа до сорока тысячь рублевъ къ тебѣ съ женою перевѣдено, да здѣсь заплочено вдругъ двадцать-двѣ тысячи рублевъ по одному только на меня изъ Дрездена присланному и тобою и покойною невѣсткою подписанному векселю. Умалчиваю о точныхъ долгахъ покойной моей жены, а твоей матери, которые для тебя жь надѣланы, и которыхъ я также шесть тысячь уже заплатилъ, а еще девять тысячь восемь-сотъ рублевъ въ Вульфову же или нынѣшнюю Риддерову контору заплатить надлежитъ.

Со всѣмъ тѣмъ не упустилъ бы я и остальные какъ твоей матери, такъ и твои подлинно старые долги, которыхъ вообще и сколько еще извѣстно немалая сумма наберется, уже давно вдругъ заплатить и отъ того единожды отдѣлаться, еслибъ нынѣшнее мое разоренное состояніе мнѣ то учинить дозволяло; но какъ ни есть, удалось бы уже можетъ быть мнѣ сіи ваши старые долги, а при томъ и свои, особливо же остальныя за домъ двадцать тысячь рублей еще при моей жизни исподоволь, а по нуждѣ хотя продажею нѣсколькихъ деревень оплатить, еслибъ самъ же ты препятствій въ томъ не нанесъ,—во первыхъ, озлясь на меня, будто я только изъ недоброхотства къ тебѣ, а не въ собственную твою пользу и не для оплаты твоихъ же долговъ назначилъ въ продажу два села съ деревнями; и пользуясь во всемъ противъ меня руководствомъ нѣкотораго, до нынѣ въ домъ мой по своему званію и за деньги ѣздившаго, а твоего искренняго и задушевнаго друга и собесѣдника употребилъ ты всевозможное стараніе и собою, и чрезъ него сей продажѣ мѣшать и препятствовать, какъ и дѣйствительно не токмо помянутый твой другъ, но сколько примѣчено, по его жъ наущенію, и другіе два его пріятели, знатныя персоны, своими пропсками, хитростями и внушеніями только уже предуспѣли, что сколько здѣсь и въ Москвѣ хорошихъ купцовъ не было, всѣхъ отбили и отогнали; да въ томъ, можетъ быть, оный твой другъ и особливую имъ угодность и одолженіе дѣлаетъ, потому что у одного изъ нихъ есть отъ тебя давнишніе векселя тысячь до десяти рублевъ проигранныхъ денегъ, и что они чрезъ то сими деньгами себя обнадежить ищутъ, вѣдая, что иногда по смерти моей, начитая чрезъ немалое время проценты на проценты, и съ лихвою получатъ, такъ что изъ того и помянутому стряпчему довольно достаться можетъ.

Сверхъ же того, на тебя самого ссылаюсь, что и нынѣ ты все по твоему званію готовое въ домѣ у меня имѣешь; а въ прибавокъ къ тому, съ самаго возвращенія моего изъ неповиннаго заключенія, по пятидесяти рублевъ въ мѣсяцъ на собственные твои мелкіе расходы отъ меня чрезъ немалое время порядочно и исправно получалъ, да и далѣе получалъ бы, еслибъ такого своевольства не употребилъ, что безъ вѣдома моего, а только по согласію съ тѣмъ штабъ-офицеромъ, который прежде у меня управителемъ и повѣреннымъ былъ, и который еще въ пятидесяти-пяти тысячахъ руб-

ляхъ и другихъ важныхъ расходахъ еще не сочтенъ, самъ собою изъ моихъ денегъ болѣе тысячи двухъ-сотъ рублевъ забралъ, умалчивая, что когда тебѣ и больше вышеупомянутыхъ отъ меня опредѣленныхъ пятидесяти рублевъ на мѣсяцъ понадобилось, ты въ томъ отказу никогда не встрѣчалъ, такъ что и недавно въ два раза по сту рублевъ отъ меня безъ всякаго прекословія получалъ. Но ты, всѣмъ тѣмъ не довольствуясь, почти всѣ свои золотыя и бралліантовыя вещи частію заложилъ, а частію и распродалъ, употребляя деньги сколько на мотовство, а больше на подарки своимъ пріятелямъ, какъ между оными и вышеупомянутому моему холопу Ивану Бѣлому тысячи на полторы рублей золотыхъ же и бралліантовыхъ вещей надавалъ, а въ томъ числѣ такую подлость и такое презрѣніе къ покойной твоей матери оказалъ, что перстень съ портретомъ ея, брилліантами жь осыпанный, тому жь холопу подарить не устыдился, не уважая при томъ, что на груди ея, какъ гофмейстерины и статсъ-дамы, портретъ Ея Величества, въ Бозѣ опочивающей государыни императрицы Елизаветы Петровны изображенъ. Да что еще горше, воспользовавшись ты объявленнымъ отъ меня въ газетахъ и производимымъ платежемъ старыхъ долговъ, которыхъ понынѣ десять тысячь семьсотъ тридцать девять рублей за тебя одного заплочено, сталъ дѣлать, къ своему и моему новому разоренію, на подобные жь безпутные и мотовскіе расходы новые немалые долги, подписывая въ томъ какъ векселя, такъ и купецкіе и мастеровые счеты старыми, лѣтъ за восемь, числами, дабы оные чрезъ то между дѣйствительными старыми твоими долгами почитались, а не казались, что вновь и послѣ уже моей вышеупомянутой въ газетахъ внесенной публикаціи сдѣланы, и дабы ты во всякомъ случаѣ впредь осужденіе и къ безчестью моему отговорку имѣть могъ, будто я, обѣщавъ газетами, старыхъ долговъ не плачу, какъ и дѣйствительно являющіеся комнѣ остальные твои кредиторы платежа подобныхъ долговъ по твоему наученію подъ именемъ старыхъ требуютъ.

Но таковыя обстоятельства, а особливо послѣднее, натурально меня принудили платежъ сихъ твоихъ такъ называемыхъ старыхъ долговъ не токмо остановить, но и совсѣмъ отказать, съ одной стороны, для того, чтобъ симъ способомъ кредитъ твой у заимодавцевъ умалить и не допустить, чтобъ ты, нахватывая болѣе долговъ, себя ими разорялъ, а съ другой стороны—и потому, что будучи подобные долги безъ моего вѣдома и воли дѣланы, я оные и оплачивать не обязанъ.

При всемъ же томъ, сколько ты самъ собою по своему достаточному, но въ худо только употребленному разуму ни проворенъ, но къ не меньше чувствительному моему оскорбленію, есть и посторонніе люди, а особливо вышеупомянутый твой задушный другъ, который тебя конечно не даромъ не токмо на всѣ худыя дѣла и прописки наставляетъ и побуждаетъ, но особливо старается и кредитъ тебѣ и заимодавцевъ изыскивать и доставлять, находя тутъ и самъ свой счетъ, потому что онъ, можно сказать, тебя, какъ ко-

ляхъ и другихъ важныхъ расходахъ еще не сочтенъ, самъ собою изъ моихъ денегъ болѣе тысячи двухъ-сотъ рублевъ забралъ, умалчивая, что когда тебѣ и больше вышеупомянутыхъ отъ меня опредѣленныхъ пятидесяти рублевъ на мѣсяцъ понадобилось, ты въ томъ отказу никогда не встрѣчалъ, такъ что и недавно въ два раза по сту рублевъ отъ меня безъ всякаго прекословія получалъ. Но ты, всѣмъ тѣмъ не довольствуясь, почти всѣ свои золотыя и бралліантовыя вещи частію заложилъ, а частію и распродалъ, употребляя деньги сколько на мотовство, а больше на подарки своимъ пріятелямъ, какъ между оными и вышеупомянутому моему холопу Ивану Бѣлому тысячи на полторы рублей золотыхъ же и бралліантовыхъ вещей надавалъ, а въ томъ числѣ такую подлость и такое презрѣніе къ покойной твоей матери оказалъ, что перстень съ портретомъ ея, брилліантами жь осыпанный, тому жь холопу подарить не устыдился, не уважая при томъ, что на груди ея, какъ гофмейстерины и статсъ-дамы, портретъ Ея Величества, въ Бозѣ опочивающей государыни императрицы Елизаветы Петровны изображенъ. Да что еще горше, воспользовавшись ты объявленнымъ отъ меня въ газетахъ и производимымъ платежемъ старыхъ долговъ, которыхъ понынѣ десять тысячь семьсотъ тридцать девять рублей за тебя одного заплочено, сталъ дѣлать, къ своему и моему новому разоренію, на подобные жь безпутные и мотовскіе расходы новые немалые долги, подписывая въ томъ какъ векселя, такъ и купецкіе и мастеровые счеты старыми, лѣтъ за восемь, числами, дабы оные чрезъ то между дѣйствительными старыми твоими долгами почитались, а не казались, что вновь и послѣ уже моей вышеупомянутой въ газетахъ внесенной публикаціи сдѣланы, и дабы ты во всякомъ случаѣ впредь осужденіе и къ безчестью моему отговорку имѣть могъ, будто я, обѣщавъ газетами, старыхъ долговъ не плачу, какъ и дѣйствительно являющіеся комнѣ остальные твои кредиторы платежа подобныхъ долговъ по твоему наученію подъ именемъ старыхъ требуютъ.

Но таковыя обстоятельства, а особливо послѣднее, натурально меня принудили платежъ сихъ твоихъ такъ называемыхъ старыхъ долговъ не токмо остановить, но и совсѣмъ отказать, съ одной стороны, для того, чтобъ симъ способомъ кредитъ твой у заимодавцевъ умалить и не допустить, чтобъ ты, нахватывая болѣе долговъ, себя ими разорялъ, а съ другой стороны—и потому, что будучи подобные долги безъ моего вѣдома и волп дѣланы, я оные и оплачивать не обязанъ.

При всемъ же томъ, сколько ты самъ собою по своему достаточному, но въ худо только употребленному разуму ни проворенъ, но къ не меньше чувствительному моему оскорбленію, есть и посторонніе люди, а особливо вышеупомянутый твой задушный другъ, который тебя конечно не даромъ не токмо на всѣ худыя дѣла и прописки наставляетъ и побуждаетъ, но особливо старается и кредитъ тебѣ и заимодавцевъ изыскивать и доставлять, находя тутъ и самъ свой счетъ, потому что онъ, можно сказать, тебя, какъ ко-

ровъ, долгъ, чему и въ доказательство служитъ, что многіе принесенные отъ купцевъ и отъ портнаго счеты состоятъ большею частію въ такихъ вещахъ, товарахъ и платьяхъ, кои только ему съ фамиліею отъ тебя подарены и на нихъ же только дѣланы. Умалчивая, что сей же послѣдній и ты по равнымъ склонностямъ и по сходству нравовъ, безпрестанно на предъ сего другъ у друга бывая, только что пьянствовали, доходя до того, что въ свои пьяныя, но для меня, безъ сумнѣнія, злыя бесѣды въ домѣ у меня и того холопа приглашали и съ собою сажали, который, какъ выше изображено, отъ тебя столь щедро одаренъ; а когда ты у него въ гостяхъ бывалъ, то и пуще никогда трезвый, не токмо домой не возвращался, но часто отъ него жъ пьяный и ко двору пріѣзжалъ. Особливо же въ бытность мою прошлаго лѣта на Каменномъ носу, отпросясь на праздничный день въ городъ, чтобъ тамъ въ домѣ моемъ ночевать, на утро ко двору ѣхать, напротивъ, всю ночь у того жъ твоего друга сидѣлъ и токмо домой пріѣхалъ уже въ пятомъ часу по утру пьяный, но съ тѣмъ и во дворецъ поѣхалъ, гдѣ тебя многіе знатные всѣхъ состояній видѣли. А между тѣмъ того жъ утра въ домѣ моемъ разбилъ и безвинно на цѣпь посадилъ самаго лучшаго моего слугу дворецкаго Степана Нагаева, который за свою ко мнѣ вѣрность въ самомъ началѣ неповиннаго моего ареста отъ покойнаго генералъ-поручика Нащокина безвинно жестоко истязанъ былъ и претерпѣлъ, о чемъ я наконецъ принужденъ былъ и выше упомянутому твоему другу самъ персонально выговаривать да и подаренный тобою холопу моему Ивану Бѣлому перстень показывать, дабы онъ, изъ того поведеніе твое увидя, отъ тебя отсталъ.

И хотя за всѣ сіи худыя твои дѣла и злословія на меня могъ бы я безъ всякаго размышленія, поступить съ тобою, яко съ недостойнымъ сыномъ, такъ, какъ власть родителя дозволяетъ и какъ Божескія и свѣтскія права повелѣвають, но и тутъ родительская горячность надъ строгостію справедливаго твоего наказанія толико превозмогла, что я, особливо въ разсужденіи знатнаго твоего характера, предпріялъ было только принесть на тебя всемилостивѣйшей нашей государынѣ императрицѣ письменную жалобу, а потомъ тотчасъ послать тебя въ Пошехонскія мои деревни и тамъ подъ карауломъ содержать до тѣхъ поръ, пока я удостовѣрился бы, что ты уже на истинный путь обратился.

Да и въ самомъ дѣлѣ сія на тебя жалоба съ прописаніемъ всѣхъ твоихъ вышеизображенныхъ похожденій была уже сочинена и не токмо на бѣло переписана, но и мною 30-го числа минувшаго мая мѣсяца подписана, такъ что по моему въ томъ по неволѣ принятому твердому намѣренію оставалось только оную обще со всѣми твоими, для изобличенія тебя у меня хранящимися, оригинальными письмами запечатать и того жъ числа на вечерѣ Ея Императорскому Величеству всенижайшее поднести, а тотчасъ потомъ и тебя самого въ деревню подъ карауломъ послать. Но ты можешь назваться счастливъ и пресчастливъ, что въ самое то время, когда сія справедливо заслуженная судьба надъ тобою висѣла, оную от-

ровъ, долгъ, чему и въ доказательство служитъ, что многіе принесенные отъ купцевъ и отъ портнаго счеты состоятъ большею частію въ такихъ вещахъ, товарахъ и платьяхъ, кои только ему съ фамиліею отъ тебя подарены и на нихъ же только дѣланы. Умалчивая, что сей же послѣдній и ты по равнымъ склонностямъ и по сходству нравовъ, безпрестанно на предъ сего другъ у друга бывая, только что пьянствовали, доходя до того, что въ свои пьяныя, но для меня, безъ сумнѣнія, злыя бесѣды въ домѣ у меня и того холопа приглашали и съ собою сажали, который, какъ выше изображено, отъ тебя столь щедро одаренъ; а когда ты у него въ гостяхъ бывалъ, то и пуще никогда трезвый, не токмо домой не возвращался, но часто отъ него жъ пьяный и ко двору пріѣзжалъ. Особливо же въ бытность мою прошлаго лѣта на Каменномъ носу, отпросясь на праздничный день въ городъ, чтобъ тамъ въ домѣ моемъ ночевать, на утро ко двору ѣхать, напротивъ, всю ночь у того жъ твоего друга сидѣлъ и токмо домой пріѣхалъ уже въ пятомъ часу по утру пьяный, но съ тѣмъ и во дворецъ поѣхалъ, гдѣ тебя многіе знатные всѣхъ состояній видѣли. А между тѣмъ того жъ утра въ домѣ моемъ разбилъ и безвинно на цѣпь посадилъ самаго лучшаго моего слугу дворецкаго Степана Нагаева, который за свою ко мнѣ вѣрность въ самомъ началѣ неповиннаго моего ареста отъ покойнаго генералъ-поручика Нащокина безвинно жестоко истязанъ былъ и претерпѣлъ, о чемъ я наконецъ принужденъ былъ и выше-упомянутому твоему другу самъ персонально выговаривать да и подаренный тобою холопу моему Ивану Бѣлому перстень показывать, дабы онъ, изъ того поведеніе твое увидя, отъ тебя отсталъ.

И хотя за всѣ сіи худыя твои дѣла и злословія на меня могъ бы я безъ всякаго размышленія, поступить съ тобою, яко съ недостойнымъ сыномъ, такъ, какъ власть родителя дозволяетъ и какъ Божескія и свѣтскія права повелѣвають, но и тутъ родительская горячность надъ строгостію справедливаго твоего наказанія толико превозмогла, что я, особливо въ разсужденіи знатнаго твоего характера, предпріялъ было только принесть на тебя всемилостивѣйшей нашей государынѣ императрицѣ письменную жалобу, а потомъ тотчасъ послать тебя въ Пошехонскія мои деревни и тамъ подъ карауломъ содержать до тѣхъ поръ, пока я удостовѣрился бы, что ты уже на истинный путь обратился.

Да и въ самомъ дѣлѣ сія на тебя жалоба съ прописаніемъ всѣхъ твоихъ вышеизображенныхъ похожденій была уже сочинена и не токмо на бѣло переписана, но и мною 30-го числа минувшаго мая мѣсяца подписана, такъ что по моему въ томъ по неволѣ принятому твердому намѣренію оставалось только оную обще со всѣми твоими, для изобличенія тебя у меня хранящимися, оригинальными письмами запечатать и того жъ числа на вечерѣ Ея Императорскому Величеству всенижайшее поднести, а тотчасъ потомъ и тебя самого въ деревню подъ карауломъ послать. Но ты можешь назваться счастливъ и пресчастливъ, что въ самое то время, когда сія справедливо заслуженная судьба надъ тобою висѣла, оную от-

вратилъ, а именно тѣмъ, что того жь полудня, слѣдовательно, за два или за три часа до дѣйствительнаго исполненія помянутаго моего намѣренія, нечаянным образомъ ко мнѣ пришедъ, вновь въ своихъ предо мною погрѣшеніяхъ прощенія просилъ и, объявя мнѣ свое желаніе о вступленіи въ бракъ съ нынѣшнею твоею невѣстою княжною Анною Петровною Долгорукою, получилъ отъ меня не только во всемъ отпущеніе, но и родительское въ твоемъ предпріятіи благословеніе, а сверхъ того, для обрученія съ твоею невѣстою и перстень около четырехъ тысячь рублей цѣною, съ чѣмъ ты того жь вечера поѣхавъ къ сей твоей невѣстѣ, дѣйствительно на оной помолвленъ, а потомъ и формально съ нею обрученъ.

На сіе твое объявленное намѣреніе столь пріятнѣе было мнѣ согласоваться, что ты у меня, каковъ ни есть, одинъ, и что мнѣ натурально желательно тебя на истинный путь обращеннымъ, а еще паче, ко утѣшенію моему при послѣднихъ уже почти дняхъ, женатымъ и потомство имѣющимъ видѣть, особливо же въ разсужденіи выслуженнаго предками твоими графскаго достоинства, которое съ тобою кончится. А сверхъ того, ты самъ справедливость мнѣ отдать долженъ, коликократно я тебѣ издавна и чрезъ многіе годы о женитьбѣ твоей родительски совѣтовалъ, и колико же самъ собою и чрезъ другихъ о семъ старался, хотя къ сожалѣнію, всѣ мои въ томъ употребленные труды всегда тщетными оставались или, можетъ быть, отъ тебя жь самого или отъ вышеупомянутыхъ твоихъ друзей, по какимъ ихъ въ томъ видамъ, тщетными чинены были.

Какъ то ни было, нынѣшнему твоему брачному обязательству искренне я радовался, да и радоваться причину имѣлъ сколько по надеждѣ о твоемъ чрезъ то установленіи, столько же по тѣмъ похвальнымъ качествамъ, какія въ персонѣ твоей обрученной невѣсты, а моей будущей невѣстки, княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Долгорукой, и самъ усматривалъ и отъ всѣхъ посторонніхъ слышу, — чѣмъ уже она особливое себѣ почтеніе отъ меня не токмо пріобрѣла, но и о продолженіи онаго сумнѣваться не можетъ, а паче по тѣмъ удостовѣрительнымъ опытамъ, которые я ей о томъ и о моемъ къ ней усердіи подалъ.

Но между тѣмъ сія моя радость и надежда гораздо умаляются, видя, къ новому и крайнему сокрушенію, что ты и послѣ сего для тебя благополучнаго, а для меня пріятнаго происшествія, забывъ всѣ клятвы, вмѣсто ожидаемаго поправленія не токмо прежнее свое поведеніе, но и прежніе жь со мною поступки возобновилъ и донынѣ продолжаешь, такимъ образомъ, что опять и по самой справедливости назвать тебя могу недостойнымъ сыномъ и сущимъ Авессаломомъ. Буде бы все оное подробно здѣсь описывать, на то не достанетъ мнѣ и времени, и еще нѣсколькихъ тетрадей бумаги, чего для я только о нѣкоторыхъ упомяну.

Не знаю, прошло ли и нѣсколько дней по совершеніи твоего сговора, какъ ты началъ опять по часту пьянствовать, а при томъ, того жь времени, не вѣдомо чѣмъ, но примѣтно возгордился, сталъ

вратилъ, а именно тѣмъ, что того жь полудня, слѣдовательно, за два или за три часа до дѣйствительнаго исполненія помянутаго моего намѣренія, нечаянным образомъ ко мнѣ пришедъ, вновь въ своихъ предо мною погрѣшеніяхъ прощенія просилъ и, объявя мнѣ свое желаніе о вступленіи въ бракъ съ нынѣшнею твоею невѣстою княжною Анною Петровною Долгорукою, получилъ отъ меня не только во всемъ отпущеніе, но и родительское въ твоемъ предпріятіи благословеніе, а сверхъ того, для обрученія съ твоею невѣстою и перстень около четырехъ тысячь рублей цѣною, съ чѣмъ ты того жь вечера поѣхавъ къ сей твоей невѣстѣ, дѣйствительно на оной помолвленъ, а потомъ и формально съ нею обрученъ.

На сіе твое объявленное намѣреніе столь пріятнѣе было мнѣ согласоваться, что ты у меня, каковъ ни есть, одинъ, и что мнѣ натурально желательно тебя на истинный путь обращеннымъ, а еще паче, ко утѣшенію моему при послѣднихъ уже почти дняхъ, женатымъ и потомство имѣющимъ видѣть, особливо же въ разсужденіи выслуженнаго предками твоими графскаго достоинства, которое съ тобою кончится. А сверхъ того, ты самъ справедливость мнѣ отдать долженъ, коликократно я тебѣ издавна и чрезъ многіе годы о женитьбѣ твоей родительски совѣтовалъ, и колико же самъ собою и чрезъ другихъ о семъ старался, хотя къ сожалѣнію, всѣ мои въ томъ употребленные труды всегда тщетными оставались или, можетъ быть, отъ тебя жь самого или отъ вышеупомянутыхъ твоихъ друзей, по какимъ ихъ въ томъ видамъ, тщетными чинены были.

Какъ то ни было, нынѣшнему твоему брачному обязательству искренне я радовался, да и радоваться причину имѣлъ сколько по надеждѣ о твоемъ чрезъ то установленіи, столько же по тѣмъ похвальнымъ качествамъ, какія въ персонѣ твоей обрученной невѣсты, а моей будущей невѣстки, княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Долгорукой, и самъ усматривалъ и отъ всѣхъ посторонніхъ слышу, — чѣмъ уже она особливое себѣ почтеніе отъ меня не токмо пріобрѣла, но и о продолженіи онаго сумнѣваться не можетъ, а паче по тѣмъ удостовѣрительнымъ опытамъ, которые я ей о томъ и о моемъ къ ней усердіи подалъ.

Но между тѣмъ сія моя радость и надежда гораздо умаляются, видя, къ новому и крайнему сокрушенію, что ты и послѣ сего для тебя благополучнаго, а для меня пріятнаго происшествія, забывъ всѣ клятвы, вмѣсто ожидаемаго поправленія не токмо прежнее свое поведеніе, но и прежніе жь со мною поступки возобновилъ и донынѣ продолжаешь, такимъ образомъ, что опять и по самой справедливости назвать тебя могу недостойнымъ сыномъ и сущимъ Авессаломомъ. Буде бы все оное подробно здѣсь описывать, на то не достанетъ мнѣ и времени, и еще нѣсколькихъ тетрадей бумаги, чего для я только о нѣкоторыхъ упомяну.

Не знаю, прошло ли и нѣсколько дней по совершеніи твоего сговора, какъ ты началъ опять по часту пьянствовать, а при томъ, того жь времени, не вѣдомо чѣмъ, но примѣтно возгордясь, сталъ

вновь мнѣ самому разныя огорченія и непочитанія съ новыми на меня клеветами, поношеніями и самими злословіями, а родственникамъ моимъ, отъ крови которыхъ ты происходишь, явное презрѣніе и несносное ругательство оказывать, даже до того, что ихъ отъ меня и отъ дому моего всѣхъ отогналъ,—какъ и въ самомъ дѣлѣ, пріѣхавъ ты вскорѣ послѣ сговора пьяный въ домъ къ брату моему, адмиралу Ивану Лукьяновичу Талызину, звать ко мнѣ на другой день на обѣдъ, сверхъ разныхъ шалостей и безчинствъ, о которыхъ и сказать не прилично, обезчестилъ и разругалъ супругу его Ирину Ильиничну такимъ нестерпимымъ образомъ, что счастливъ, что на то время по болѣзни своей Иванъ Лукьяновичъ спалъ, который инако тебя за то не токмо изъ горницы выбить, но и съ лѣстницы сбросить велѣлъ, да и право имѣлъ, какъ они сами ко мнѣ о томъ жаловаться и сказать присылали. А хотя наконецъ по моему заступленію и по испрошеніи отъ тебя самого прощенія они тебѣ твою продерзость и уступили, но со всѣмъ тѣмъ съ самаго того случая въ домъ ко мнѣ уже не ѣздятъ, да и ѣхать уклоняются, опасаясь, что ты въ моемъ домѣ и пущія иногда имъ безчестія причинишь, какъ сему жъ опасенію и то приписывать надобно, что они нарочно для неприсутствія на твоей свадьбѣ въ деревню уѣхали.

Что жъ отъ тебя еще недавно, а именно 21-го числа минувшаго іюля мѣсяца, въ домѣ моемъ здѣсь на Каменномъ носу произошло, о томъ я распространяться не буду, потому что лучше мнѣ сослаться на всю тогда у меня бывшую компанію; сама ея сіятельство княжна Анна Сергѣевна Долгорукова, будущая твоя тетка, которая тогда жъ и съ братомъ своимъ княземъ Николаемъ Сергѣевичемъ, съ невѣстою твоею и ея сестрою да съ Любскимъ агентомъ г. Виллебрантомъ посѣщеніемъ своимъ меня почтила, засвидѣтельствовать не отречется, каковъ ты только одинъ былъ пьянъ, еще за обѣдомъ сколько напился, вновь послѣ обѣда, и какія отъ того въ присутствіи ихъ, моемъ и всѣхъ прочихъ гостей дѣлалъ гадкія и безобразныя шалости и безчинства, съ прибавленіемъ и самыхъ продерзостей, а именно, во первыхъ, тотчасъ послѣ стола помянутаго агента, а потомъ въ саду генералъ-поручика Веймарна, а особливо супругу его язвительно разругалъ да и князя Николая Сергѣевича гораздо тронуть не оставилъ, какъ они о томъ сказать лучше сами могутъ.

Я довольствуюсь только то присовокупить, что когда ея сіятельство княжна Анна Сергѣевна съ принадлежащими ей на вечеръ домой уѣхала, а я съ остальными гостьми ужинать сталъ, ты, сѣвши подлѣ упомянутой генеральши Веймарновой и напившись почти до безчувственности, сверхъ новыхъ сей своей сосѣдкѣ ругательствъ, нарочно и съ необычайнымъ смѣхомъ опрокинулъ предъ собою, слѣдовательно, и предъ нею на столѣ по скатерти цѣлый карафъ краснаго вина, а потомъ, другой такой же взявъ, подъ столъ вылилъ и тѣмъ едва платье ея и другихъ не замаралъ; къ чему въ пополненіе и такую еще наглость сдѣлалъ, что когда послѣ ужина

вновь мнѣ самому разныя огорченія и непочитанія съ новыми на меня клеветами, поношеніями и самими злословіями, а родственникамъ моимъ, отъ крови которыхъ ты происходишь, явное презрѣніе и несносное ругательство оказывать, даже до того, что ихъ отъ меня и отъ дому моего всѣхъ отогналъ,—какъ и въ самомъ дѣлѣ, пріѣхавъ ты вскорѣ послѣ сговора пьяный въ домъ къ брату моему, адмиралу Ивану Лукьяновичу Талызину, звать ко мнѣ на другой день на обѣдъ, сверхъ разныхъ шалостей и безчинствъ, о которыхъ и сказать не прилично, обезчестилъ и разругалъ супругу его Ирину Ильиничну такимъ нестерпимымъ образомъ, что счастливъ, что на то время по болѣзни своей Иванъ Лукьяновичъ спалъ, который инако тебя за то не токмо изъ горницы выбить, но и съ лѣстницы сбросить велѣлъ, да и право имѣлъ, какъ они сами ко мнѣ о томъ жаловаться и сказать присылали. А хотя наконецъ по моему заступленію и по испрошеніи отъ тебя самого прощенія они тебѣ твою продерзость и уступили, но со всѣмъ тѣмъ съ самаго того случая въ домъ ко мнѣ уже не ѣздятъ, да и ѣхать уклоняются, опасаясь, что ты въ моемъ домѣ и пущія иногда имъ безчестія причинишь, какъ сему жь опасенію и то приписывать надобно, что они нарочно для неприсутствія на твоей свадьбѣ въ деревню уѣхали.

Что жь отъ тебя еще недавно, а именно 21-го числа минувшаго іюля мѣсяца, въ домѣ моемъ здѣсь на Каменномъ носу произошло, о томъ я распространяться не буду, потому что лучше мнѣ сослаться на всю тогда у меня бывшую компанію; сама ея сіятельство княжна Анна Сергѣевна Долгорукова, будущая твоя тетка, которая тогда жь и съ братомъ своимъ княземъ Николаемъ Сергѣевичемъ, съ невѣстою твоею и ея сестрою да съ Любскимъ агентомъ г. Виллебрантомъ посѣщеніемъ своимъ меня почтила, засвидѣтельствовать не отречется, каковъ ты только одинъ былъ пьянъ, еще за обѣдомъ сколько напился, вновь послѣ обѣда, и какія отъ того въ присутствіи ихъ, моемъ и всѣхъ прочихъ гостей дѣлалъ гадкія и безобразныя шалости и безчинства, съ прибавленіемъ и самыхъ продерзостей, а именно, во первыхъ, тотчасъ послѣ стола помянутаго агента, а потомъ въ саду генералъ-поручика Веймарна, а особливо супругу его язвительно разругалъ да и князя Николая Сергѣевича гораздо тронуть не оставилъ, какъ они о томъ сказать лучше сами могутъ.

Я довольствуюсь только то присовокупить, что когда ея сіятельство княжна Анна Сергѣевна съ принадлежащими ей на вечеръ домой уѣхала, а я съ остальными гостьми ужинать сталъ, ты, сѣвши подлѣ упомянутой генеральши Веймарновой и напившись почти до безчувственности, сверхъ новыхъ сей своей сосѣдкѣ ругательствъ, нарочно и съ необычайнымъ смѣхомъ опрокинулъ предъ собою, слѣдовательно, и предъ нею на столѣ по скатерти цѣлый карафъ краснаго вина, а потомъ, другой такой же взявъ, подъ столъ вылилъ и тѣмъ едва платье ея и другихъ не замаралъ; къ чему въ пополненіе и такую еще наглость сдѣлалъ, что когда послѣ ужина

генералъ-поручикъ Веймарнъ съ женою домой поѣхалъ, а племянница моя генералъ-маіорша княгиня Маргарета Родіоновна Волконская съ двумя дочерьми еще въ покояхъ у меня осталась и со мною разговаривала, ты безчинно или, лучше сказать, безобразно къ ней при мнѣ прибѣжавъ и сказавъ, что ей пора домой ѣхать, потащилъ ее за руку вонъ изъ горницы, такъ что и дѣйствительно домой она ѣхать принуждена была, дабы иногда отъ тебя и большихъ грубостей не дождаться.

Но что особливо до клеветъ, поношенія и злословія твоего на меня касается, тому весьма свѣжій опытъ здѣсь слѣдуетъ. Ея сіятельство княжна Анна Сергѣевна, будущая твоя тетка, которую я по случаю ея прошедшихъ именинъ, наканунѣ, то есть, 24-го числа минувшаго іюля мѣсяца, поздравить да табакерку подарить обрѣтающаго при мнѣ г. капитана Вереникина посылалъ, поручила ему, конечно и безъ всякаго сумнѣнія, по твоему оболгапію и оклеветанію, мнѣ въ жалобу сказать, якобы тебя дома неволею держу и даже къ самой невѣстѣ не отпускаю, а того больше, якобы тебя въ бытность твою въ домѣ моемъ нарочно поятъ, какъ она то будто сама, помянутаго 21-го числа іюля примѣтила, обвиняя въ томъ главнѣйше племянника моего, а твоего двоюроднаго по матери брата, маіора Бентигера, который будто, особливо тогда послѣ обѣда, умышленный тебѣ поводъ подалъ съ господиномъ генералъ-поручикомъ Веймарномъ одинъ на одинъ перепиваться, какъ съ такою персоною, которая будто и безъ того, по ея названію, записной пьяница.

Подобную повѣсть слушать, признаюсь, крайне чувствительно мнѣ было, потому что оная, съ одной стороны, никакого основанія не имѣетъ и имѣть не можетъ, а съ другой, и несносную мнѣ самому обиду причиняетъ, какъ изъ нижеслѣдующаго усмотрится. Возможное ли дѣло, чтобъ я, усердствуя о твоемъ бракосочетаніи, не пускалъ тебя къ невѣстѣ, когда на тебя жь самого жь ссылаюсь, что со времени переѣзда моего сюда въ деревню живешь ты для удобнѣйшаго посѣщенія невѣсты въ городскомъ моемъ домѣ не только по цѣлой недѣли, но и болѣе, такъ что не только меня навѣстить не пріѣзжаешь, но и о здоровьи моемъ чрезъ кого-либо не навѣдываешься, хотя ты совершенно знаешь, что я по моей старости, дряхлости и безпрестаннымъ болѣзненнымъ припадкамъ почти ежедневно при смерти нахожусь? А теперь ты наконецъ и совсѣмъ тамъ основался, такъ что и для самыхъ твоихъ же свадебныхъ распоряженій и приготовленій на силу тебя когда сюда дозваться можно, хотя тѣмъ не меньше вѣдаю, что ты тамъ по ночамъ безпрестанно пьянствуешь, а вино изъ трактира покупаешь. Станется ли и то, чтобъ ты у невѣсты своей рѣдко бывалъ, когда всѣ мои тамошніе, а особливо при тебѣ обрѣтающіеся служители засвидѣтельствовать могутъ, что ты всякій почти день къ ней ѣздишь? Да не имѣешь ли ты къ тому способовъ, когда на весь же мой домъ ссылаюсь, что я для тебя, по случаю сихъ посѣщеній, нарочно шесть наемныхъ ямскихъ лошадей почти до нынѣ дер-

генералъ-поручикъ Веймарнъ съ женою домой поѣхалъ, а племянница моя генералъ-маіорша княгиня Маргарета Родіоновна Волконская съ двумя дочерьми еще въ покояхъ у меня осталась и со мною разговаривала, ты безчинно или, лучше сказать, безобразно къ ней при мнѣ прибѣжавъ и сказавъ, что ей пора домой ѣхать, потащилъ ее за руку вонъ изъ горницы, такъ что и дѣйствительно домой она ѣхать принуждена была, дабы иногда отъ тебя и большихъ грубостей не дождаться.

Но что особливо до клеветъ, поношенія и злословія твоего на меня касается, тому весьма свѣжій опытъ здѣсь слѣдуетъ. Ея сіятельство княжна Анна Сергѣевна, будущая твоя тетка, которую я по случаю ея прошедшихъ именинъ, наканунѣ, то есть, 24-го числа минувшаго іюля мѣсяца, поздравить да табакерку подарить обрѣтающаго при мнѣ г. капитана Вереникина посылалъ, поручила ему, конечно и безъ всякаго сумнѣнія, по твоему оболгапію и оклеветанію, мнѣ въ жалобу сказать, якобы тебя дома неволею держу и даже къ самой невѣстѣ не отпускаю, а того больше, якобы тебя въ бытность твою въ домѣ моемъ нарочно поятъ, какъ она то будто сама, помянутаго 21-го числа іюля примѣтила, обвиняя въ томъ главнѣйше племянника моего, а твоего двоюроднаго по матери брата, маіора Бентигера, который будто, особливо тогда послѣ обѣда, умышленный тебѣ поводъ подалъ съ господиномъ генералъ-поручикомъ Веймарномъ одинъ на одинъ перепиваться, какъ съ такою персоною, которая будто и безъ того, по ея названію, записной пьяница.

Подобную повѣсть слушать, признаюсь, крайне чувствительно мнѣ было, потому что оная, съ одной стороны, никакого основанія не имѣетъ и имѣть не можетъ, а съ другой, и несносную мнѣ самому обиду причиняетъ, какъ изъ нижеслѣдующаго усмотрится. Возможное ли дѣло, чтобъ я, усердствуя о твоемъ бракосочетаніи, не пускалъ тебя къ невѣстѣ, когда на тебя жь самого жь ссылаюсь, что со времени переѣзда моего сюда въ деревню живешь ты для удобнѣйшаго посѣщенія невѣсты въ городскомъ моемъ домѣ не только по цѣлой недѣли, но и болѣе, такъ что не только меня навѣстить не пріѣзжаешь, но и о здоровьи моемъ чрезъ кого-либо не навѣдываешься, хотя ты совершенно знаешь, что я по моей старости, дряхлости и безпрестаннымъ болѣзненнымъ припадкамъ почти ежедневно при смерти нахожусь? А теперь ты наконецъ и совсѣмъ тамъ основался, такъ что и для самыхъ твоихъ же свадебныхъ распоряженій и приготовленій на силу тебя когда сюда дозваться можно, хотя тѣмъ не меньше вѣдаю, что ты тамъ по ночамъ безпрестанно пьянствуешь, а вино изъ трактира покупаешь. Станется ли и то, чтобъ ты у невѣсты своей рѣдко бывалъ, когда всѣ мои тамошніе, а особливо при тебѣ обрѣтающіеся служители засвидѣтельствовать могутъ, что ты всякій почти день къ ней ѣздишь? Да не имѣешь ли ты къ тому способовъ, когда на весь же мой домъ ссылаюсь, что я для тебя, по случаю сихъ посѣщеній, нарочно шесть наемныхъ ямскихъ лошадей почти до нынѣ дер-

жалъ, а когда на послѣдокъ оныя за дороговизною и за пзлишними расходами отпущены были, всегда жь въ городѣ два цуга моихъ собственныхъ для тебя нарочно находились, которыхъ ты почти въ двое только сутокъ до того измучилъ, что пять лошадей изъ нихъ и съ мѣста не вставали, такъ что за тѣмъ недавно принужденъ ты былъ самъ отсюда къ невѣстѣ уже на моей шлюпкѣ ѣхать. Умалчиваю, что отъ необыкновенной ѣзды и опрометчивой скачки двѣ кареты почти совсѣмъ испортилъ, а по меньшей мѣрѣ оси и колеса въ прахъ переломалъ. Да какая мнѣ и польза тебя дома держать, когда ты отъ невѣсты всегда трезвый возвращаешься, а домой, особливо же сюда ко мнѣ лишь прійдешь, то безпрестанно пьянствуешь, такъ что когда или людей моихъ, у шенка приставленныхъ, или у кого только вино на рукахъ, хотя бъ то за полночь было, не найдешь, то ихъ пщешь и будишь, а иногда за ними и со шпагою гоняешься, чтобъ тебѣ только вина дали? И такъ, лучше не для того ли ты иногда на нѣсколько дней въ домѣ у меня хотя самъ собою, а не по моему приказу остаешься, чтобъ тебѣ только временемъ вытрезвиться, или же иногда и пьяная сія болѣзнь тебя дома у меня здѣсь удерживаетъ.

Но существительная и крайняя мнѣ обида состоитъ въ томъ, что ея сіятельство княжна Анна Сергѣевна, будущая твоя тетка, жалуется, будто тебя въ домѣ у меня нарочно поятъ; я не знаю, что она тѣмъ точно разумѣетъ, но буде паче чаянія думаетъ, что я самъ тебя нарочно пою или поить приказываю, то поставляетъ меня самымъ недоброжелательнымъ отцомъ къ собственному моему сыну, слѣдовательно, напрасно и несносно меня обижаетъ; а если и на другихъ кого мѣтитъ, то не меньше жь меня безчеститъ, тѣмъ паче, что безъ всякаго къ лѣтамъ и къ характеру моему уваженія, не знаю за кого меня считаетъ, когда такое мнѣніе изъявляетъ, будто бы я могъ стерпѣть, а того больше допустить сына своего въ домѣ у себя нарочно поить, а чрезъ то и его, и себя въ посмѣяніе приводить? Да кто бъ и безсовѣстенъ быть могъ подобными игрушками въ крайнее намъ обоимъ предосужденіе шутить. Не говоря о маіорѣ Беттигерѣ, которому и безъ того какъ по свойству, такъ и потому что онъ при мнѣ по именному Ея Императорскаго Величества указу опредѣленъ и у меня въ командѣ находится, такъ поступать не возможно; кольми жь еще паче въ толь не позволенную насмѣшку заводить такую персону, каковъ господинъ генералъ-поручикъ Веймарнъ, и о которомъ случай я имѣю знать, что онъ никогда пьяницей не бывалъ и ни есть, но паче репутацію искуснаго и разумнаго генерала имѣетъ и за то сюда въ службу рекомендованъ, такъ что ея сіятельство княжна Анна Сергѣевна конечно много ошибается, когда его несходственнымъ ему именемъ называетъ и обижаетъ, хотя его тѣмъ кажется и для того пощадить надлежало бъ, что онъ мнѣ пріятель и что по меньшей мѣрѣ на тотъ разъ у меня гостемъ былъ. Сверхъ же того, и какая бы кому польза была сына моего подпаивать и чрезъ то его здоровью вредить, а особливо маіору Бет-

жалъ, а когда на послѣдокъ оныя за дороговизною и за пзлишними расходами отпущены были, всегда жь въ городѣ два цуга моихъ собственныхъ для тебя нарочно находились, которыхъ ты почти въ двое только сутокъ до того измучилъ, что пять лошадей изъ нихъ и съ мѣста не вставали, такъ что за тѣмъ недавно принужденъ ты былъ самъ отсюда къ невѣстѣ уже на моей шлюпкѣ ѣхать. Умалчиваю, что отъ необыкновенной ѣзды и опрометчивой скачки двѣ кареты почти совсѣмъ испортилъ, а по меньшей мѣрѣ оси и колеса въ прахъ переломалъ. Да какая мнѣ и польза тебя дома держать, когда ты отъ невѣсты всегда трезвый возвращаешься, а домой, особливо же сюда ко мнѣ лишь прійдешь, то безпрестанно пьянствуешь, такъ что когда или людей моихъ, у шенка приставленныхъ, или у кого только вино на рукахъ, хотя бъ то за полночь было, не найдешь, то ихъ пщешь и будишь, а иногда за ними и со шпагою гоняешься, чтобъ тебѣ только вина дали? И такъ, лучше не для того ли ты иногда на нѣсколько дней въ домѣ у меня хотя самъ собою, а не по моему приказу остаешься, чтобъ тебѣ только временемъ вытрезвиться, или же иногда и пьяная сія болѣзнь тебя дома у меня здѣсь удерживаетъ.

Но существительная и крайняя мнѣ обида состоитъ въ томъ, что ея сіятельство княжна Анна Сергѣевна, будущая твоя тетка, жалуется, будто тебя въ домѣ у меня нарочно поятъ; я не знаю, что она тѣмъ точно разумѣетъ, но буде паче чаянія думаетъ, что я самъ тебя нарочно пою или поить приказываю, то поставляетъ меня самымъ недоброжелательнымъ отцомъ къ собственному моему сыну, слѣдовательно, напрасно и несносно меня обижаетъ; а если и на другихъ кого мѣтитъ, то не меньше жь меня безчеститъ, тѣмъ паче, что безъ всякаго къ лѣтамъ и къ характеру моему уваженія, не знаю за кого меня считаетъ, когда такое мнѣніе изъявляетъ, будто бы я могъ стерпѣть, а того больше допустить сына своего въ домѣ у себя нарочно поить, а чрезъ то и его, и себя въ посмѣяніе приводить? Да кто бъ и безсовѣстенъ быть могъ подобными игрушками въ крайнее намъ обоимъ предосужденіе шутить. Не говоря о маіорѣ Беттигерѣ, которому и безъ того какъ по свойству, такъ и потому что онъ при мнѣ по именному Ея Императорскаго Величества указу опредѣленъ и у меня въ командѣ находится, такъ поступать не возможно; кольми жь еще паче въ толь не позволенную насмѣшку заводить такую персону, каковъ господинъ генералъ-поручикъ Веймарнъ, и о которомъ случай я имѣю знать, что онъ никогда пьяницей не бывалъ и ни есть, но паче репутацію искуснаго и разумнаго генерала имѣетъ и за то сюда въ службу рекомендованъ, такъ что ея сіятельство княжна Анна Сергѣевна конечно много ошибается, когда его несходственнымъ ему именемъ называетъ и обижаетъ, хотя его тѣмъ кажется и для того пощадить надлежало бъ, что онъ мнѣ пріятель и что по меньшей мѣрѣ на тотъ разъ у меня гостемъ былъ. Сверхъ же того, и какая бы кому польза была сына моего подпаивать и чрезъ то его здоровью вредить, а особливо маіору Бет-

тигеру, какъ такому, который хотя мнѣ по женѣ и свой, но какъ иноземецъ и иностранецъ, не въ какое время никакого участія въ моемъ и сыновнемъ наслѣдствѣ имѣть не можетъ? Со всѣмъ тѣмъ ея сіятельство подобнымъ о тебѣ заступленіемъ, кажется, и тебѣ самому не много чести дѣлаетъ, когда говорить изволитъ, что тебя нарочно поятъ, и когда дѣло знакомое, что нарочно попть можно только шутовъ, дураковъ, сумасшедшихъ и пьяницъ, а особливо, когда ея сіятельство и не въ одинъ послѣдній разъ бытности у меня, но и въ нѣкоторые прежніе конечно примѣтила, что за столомъ у меня ни я, ни кто другой пить не неволитъ, и что никто пьяный не бываетъ, но что, напротивъ того, ты самъ не токмо за столомъ напиваешься, но когда послѣ обѣда компанія обыкновенно въ садъ прогуливаться ходитъ, ты гораздо послѣ и больше уже пьяный приходишь, какъ и въ самомъ дѣлѣ подобные промежутки одинъ у шенка въ залѣ препровождаешь, утоляя извѣстную и безъ того неспосную твою жажду, и въ чемъ я на весь мой домъ ссылаюсь. Но сколько мнѣ вышеупомянутыя нареканія ни чувствительны и оскорбительны, а особливо тѣмъ, что ея сіятельство княжна Анна Сергѣевна Долгорукая никакого права не имѣетъ подобные формальные выговоры мнѣ дѣлать, однакожь я, ненавидя ссориться, оныя въ своемъ мѣстѣ оставляю и упомянулъ тебѣ не въ насупротивную жалобу на ея сіятельство, но токмо для точнаго объясненія всѣхъ обстоятельствъ, и что все единственно отъ твоихъ лжей и оклеветаній происходитъ; да въ томъ и сумнѣваться нельзя, когда ты и на самое ея сіятельство въ домѣ у меня нѣкоторымъ посторонимъ людямъ, сверхъ жалобъ, что ты у ней и рюмки почти хорошаго вина не видишь, разныя клеветы несешь, даже до того, что тѣмъ же персонамъ и мнѣ самому сказывалъ, будто она старается и подыскиваетъ взять съ тебя запись или крѣпость на мое имѣніе въ пользу твоей невѣсты на полтораста тысячь рублевъ, — чему однакожь я не вѣрю, тѣмъ меньше, что подобная запись или крѣпость, или же какое обязательство на чужое имѣніе отнюдь дѣйствительно быть не можетъ; а на всякій случай я тебя въ семъ твоемъ противъ меня зломъ поползновеніи родительскимъ подлинно дѣйствительнымъ проклятіемъ заклинаю.

Между тѣмъ всѣ сіи твои безпрерывно мнѣ оказуемыя озлобленія, взводимыя на меня оклеветанія и злословія натурально истощеваютъ уже всю остальную мою терпѣливость, такъ что прогнѣвилъ бы я самого Господа Бога, еслибъ оныя болѣе сносить сталъ, тѣмъ паче, что святой же Его законъ повелѣваетъ сына, отца злословящаго, наказывать; а особливо, что ты еще и предъ нѣсколькими днями по одной только ко мнѣ злобѣ и недоброжелательству новую на меня клевету взвелъ и многимъ здѣсь въ домѣ у меня людямъ разсказывалъ, якобы я опять съ ума сшелъ, подучая и одного изъ моихъ лакеевъ сію твою басню, какъ будто имъ усмотрѣнную, утверждать и грозя ему за неисполненіе того наказаніемъ кнута и ссылки въ Сибирь, и о чемъ я тебѣ недавно при племянникахъ моихъ, князѣ Алексѣѣ Никитичѣ Волконскомъ

тигеру, какъ такому, который хотя мнѣ по женѣ и свой, но какъ иноземецъ и иностранецъ, не въ какое время никакого участія въ моемъ и сыновнемъ наслѣдствѣ имѣть не можетъ? Со всѣмъ тѣмъ ея сіятельство подобнымъ о тебѣ заступленіемъ, кажется, и тебѣ самому не много чести дѣлаетъ, когда говорить изволитъ, что тебя нарочно поятъ, и когда дѣло знакомое, что нарочно попть можно только шутовъ, дураковъ, сумасшедшихъ и пьяницъ, а особливо, когда ея сіятельство и не въ одинъ послѣдній разъ бытности у меня, но и въ нѣкоторые прежніе конечно примѣтила, что за столомъ у меня ни я, ни кто другой пить не неволитъ, и что никто пьяный не бываетъ, но что, напротивъ того, ты самъ не токмо за столомъ напиваешься, но когда послѣ обѣда компанія обыкновенно въ садъ прогуливаться ходитъ, ты гораздо послѣ и больше уже пьяный приходишь, какъ и въ самомъ дѣлѣ подобные промежутки одинъ у шенка въ залѣ препровождаешь, утоляя извѣстную и безъ того неспосную твою жажду, и въ чемъ я на весь мой домъ ссылаюсь. Но сколько мнѣ вышеупомянутыя нареканія ни чувствительны и оскорбительны, а особливо тѣмъ, что ея сіятельство княжна Анна Сергѣевна Долгорукая никакого права не имѣетъ подобные формальные выговоры мнѣ дѣлать, однакожь я, ненавидя ссориться, оныя въ своемъ мѣстѣ оставляю и упомянулъ тебѣ не въ насупротивную жалобу на ея сіятельство, но токмо для точнаго объясненія всѣхъ обстоятельствъ, и что все единственно отъ твоихъ лжей и оклеветаній происходитъ; да въ томъ и сумнѣваться нельзя, когда ты и на самое ея сіятельство въ домѣ у меня нѣкоторымъ посторонимъ людямъ, сверхъ жалобъ, что ты у ней и рюмки почти хорошаго вина не видишь, разныя клеветы несешь, даже до того, что тѣмъ же персонамъ и мнѣ самому сказывалъ, будто она старается и подыскиваетъ взять съ тебя запись или крѣпость на мое имѣніе въ пользу твоей невѣсты на полтораста тысячь рублевъ, — чему однакожь я не вѣрю, тѣмъ меньше, что подобная запись или крѣпость, или же какое обязательство на чужое имѣніе отнюдь дѣйствительно быть не можетъ; а на всякій случай я тебя въ семъ твоемъ противъ меня зломъ поползновеніи родительскимъ подлинно дѣйствительнымъ проклятіемъ заклинаю.

Между тѣмъ всѣ сіи твои безпрерывно мнѣ оказуемыя озлобленія, взводимыя на меня оклеветанія и злословія натурально истощеваютъ уже всю остальную мою терпѣливость, такъ что прогнѣвилъ бы я самого Господа Бога, еслибъ оныя болѣе сносить сталъ, тѣмъ паче, что святой же Его законъ повелѣваетъ сына, отца злословящаго, наказывать; а особливо, что ты еще и предъ нѣсколькими днями по одной только ко мнѣ злобѣ и недоброжелательству новую на меня клевету взвелъ и многимъ здѣсь въ домѣ у меня людямъ разсказывалъ, якобы я опять съ ума сшелъ, подучая и одного изъ моихъ лакеевъ сію твою басню, какъ будто имъ усмотрѣнную, утверждать и грозя ему за неисполненіе того наказаніемъ кнута и ссылки въ Сибирь, и о чемъ я тебѣ недавно при племянникахъ моихъ, князѣ Алексѣѣ Никитичѣ Волконскомъ

и маіорѣ Беттигерѣ, и при другихъ постороннихъ людяхъ со слезами выговаривалъ, хотя ты только безчувствителенъ быть являлся,—мнѣ по тому и не осталось бы уже, какъ безъ малѣйшаго отлагательства и тотъ часъ принести на тебя нынѣ Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей нашей государынѣ, горькую жалобу, произвесть надъ тобою прежнее мое намѣреніе, то есть, поступить съ тобою по всей строгости Божескихъ и свѣтскихъ правъ, такожь и родительской власти, даже до того, чтобъ тебя проклятію предать и самого моего наслѣдства лишить, тѣмъ паче, что могу непостыдный отвѣтъ предъ Всевидящимъ дать во истинѣ всего того, что я частію только выше о тебѣ изобразилъ, а наибольше еще умалчиваю. Токмо и въ семъ случаѣ остатки родительскаго моего къ тебѣ доброжелательства не допускаютъ меня до подобной крайности, а особливо въ разсужденіи, чтобъ подобнымъ, хотя праведнымъ съ тобою поступкомъ совершенію нынѣшняго твоего брачнаго обязательства препятствія и помѣшательства не нанести.

Но какъ со всѣмъ тѣмъ безнадеженъ я, чтобъ ты, и женясь, а особливо въ надеждѣ иногда на чье-либо подкрѣпленіе, за то же не принялся и чтобъ отъ того меня съ печали вовсе не сокрушилъ и безвременно не уморилъ, то для предупрежденія сихъ не безосновательныхъ опасеній, такожь и для того, чтобъ ты меня болѣе клеветать и поносить не могъ, а особливо, якобы тебя въ домѣ у меня нарочно поятъ, не нахожу я лучшаго способа, какъ съ тобою разойтиться; да еще тѣмъ скорѣе, что и такъ наскучило уже мнѣ въ домѣ у себя всякихъ отъ тебя происходящихъ сплетней, раздоровъ и безпокойствъ видѣть, паипаче жь, что ты не токмо всегда злѣйшій ненавистникъ былъ и есть всѣмъ тѣмъ, кто только мнѣ пріятель, или къ кому я повѣренность имѣю, но всегда жь стараешься меня съ ними ссорить, какъ и дѣйствительно съ нѣкоторыми перессорилъ и ихъ отъ меня и отъ дому моего отлучилъ. Къ тому жь и лѣта твои давно уже требуютъ, чтобъ ты самъ свое домостроительство и экономію зналъ и тѣмъ управлять умѣлъ, а не о томъ только думалъ, чтобъ, живучи у меня въ домѣ на готовомъ, новые долги дѣлать и тѣмъ вновь меня разорять, а того паче почитать меня въ своемъ домѣ твоимъ управителемъ или самымъ трактирщикомъ, въ разсужденіи, что ты ни о чемъ никогда не заботишься, а только всего спрашиваешь.

И такъ, по симъ справедливымъ уваженіямъ и для избѣжанія подобныхъ для меня на старости несходствій и безпокойствъ, сколько мнѣ натурально разлученіе съ тобою, а паче съ будущею моею дражайшею невѣсткою княжною Анною Петровною ни жалостно, однакожь я, въ необходимости находясь, принялъ твердое и непремѣняемое намѣреніе тебя формально отъ себя отдѣлить, о чемъ тебѣ чрезъ сіе и объявляю съ присовокупленіемъ и того, въ чемъ точно сей отдѣлъ состоять имѣетъ, а именно:

1) На содержаніе тебѣ съ будущею твоею супругою и съ служителями опредѣляю я тебѣ самъ и чрезъ сіе не изъ другихъ

и маіорѣ Беттигерѣ, и при другихъ постороннихъ людяхъ со слезами выговаривалъ, хотя ты только безчувствителенъ быть являлся,—мнѣ по тому и не осталось бы уже, какъ безъ малѣйшаго отлагательства и тотъ часъ принести на тебя нынѣ Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей нашей государынѣ, горькую жалобу, произвесть надъ тобою прежнее мое намѣреніе, то есть, поступить съ тобою по всей строгости Божескихъ и свѣтскихъ правъ, такожь и родительской власти, даже до того, чтобъ тебя проклятію предать и самого моего наслѣдства лишить, тѣмъ паче, что могу непостыдный отвѣтъ предъ Всевидящимъ дать во истинѣ всего того, что я частію только выше о тебѣ изобразилъ, а наибольше еще умалчиваю. Токмо и въ семъ случаѣ остатки родительскаго моего къ тебѣ доброжелательства не допускаютъ меня до подобной крайности, а особливо въ разсужденіи, чтобъ подобнымъ, хотя праведнымъ съ тобою поступкомъ совершенію нынѣшняго твоего брачнаго обязательства препятствія и помѣшательства не нанести.

Но какъ со всѣмъ тѣмъ безнадеженъ я, чтобъ ты, и женясь, а особливо въ надеждѣ иногда на чье-либо подкрѣпленіе, за то же не принялся и чтобъ отъ того меня съ печали вовсе не сокрушилъ и безвременно не уморилъ, то для предупрежденія сихъ не безосновательныхъ опасеній, такожь и для того, чтобъ ты меня болѣе клеветать и поносить не могъ, а особливо, якобы тебя въ домѣ у меня нарочно поятъ, не нахожу я лучшаго способа, какъ съ тобою разойтиться; да еще тѣмъ скорѣе, что и такъ наскучило уже мнѣ въ домѣ у себя всякихъ отъ тебя происходящихъ сплетней, раздоровъ и безпокойствъ видѣть, паипаче жь, что ты не токмо всегда злѣйшій ненавистникъ былъ и есть всѣмъ тѣмъ, кто только мнѣ пріятель, или къ кому я повѣренность имѣю, но всегда жь стараешься меня съ ними ссорить, какъ и дѣйствительно съ нѣкоторыми перессорилъ и ихъ отъ меня и отъ дому моего отлучилъ. Къ тому жь и лѣта твои давно уже требуютъ, чтобъ ты самъ свое домостроительство и экономію зналъ и тѣмъ управлять умѣлъ, а не о томъ только думалъ, чтобъ, живучи у меня въ домѣ на готовомъ, новые долги дѣлать и тѣмъ вновь меня разорять, а того паче почитать меня въ своемъ домѣ твоимъ управителемъ или самымъ трактирщикомъ, въ разсужденіи, что ты ни о чемъ никогда не заботишься, а только всего спрашиваешь.

И такъ, по симъ справедливымъ уваженіямъ и для избѣжанія подобныхъ для меня на старости несходствій и безпокойствъ, сколько мнѣ натурально разлученіе съ тобою, а паче съ будущею моею дражайшею невѣсткою княжною Анною Петровною ни жалостно, однакожь я, въ необходимости находясь, принялъ твердое и непремѣняемое намѣреніе тебя формально отъ себя отдѣлить, о чемъ тебѣ чрезъ сіе и объявляю съ присовокупленіемъ и того, въ чемъ точно сей отдѣлъ состоять имѣетъ, а именно:

1) На содержаніе тебѣ съ будущею твоею супругою и съ служителями опредѣляю я тебѣ самъ и чрезъ сіе не изъ другихъ

какихъ моихъ деревенскихъ доходовъ, но что изъ всемилостивѣйше пожалованнаго мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества нынѣшняго пенсіона три тысячи рублевъ на каждый годъ, платимыя отъ меня по прошествіи третей года жь; а дабы ты на первый случай всѣмъ вдругъ обзаволиться и домъ свой распорядить могъ, то за первый годъ всѣ три тысячи рублей вдругъ и впередъ тебѣ выдадутся.

2) Къ тому въ прибавокъ даю тебѣ въ совершенное и собственное владѣніе и пользованіе всѣ мои родовыя Пошехонскія вотчины, въ которыхъ по послѣдней ревизіи девять-сотъ четырнадцать душъ, да изъ пожалованныхъ мнѣ за мои службы подмосковное село Абрамово съ деревнями, въ которыхъ сто восемьдесятъ двѣ души, и того, тысяча девяносто шесть душъ, и съ которыхъ по положенному отъ меня окладу, то есть, по три рубли на душу, бездоимочно оброку три тысячи двѣсти восемьдесятъ восемь, да особливо съ села Абрамова за мельницы и рыбныя ловли двѣсти десять, и того всего три тысячи четыреста девяносто восемь рублевъ въ годъ получается, — не упоминая о другихъ разныхъ угодьяхъ, которыя также немалые доходы помѣщику приносятъ, и о которыхъ ты послѣ точное объясненіе получить можешь. А между тѣмъ знать тебѣ надобно, что въ вышепомянутомъ селѣ Абрамовѣ есть цѣлый изъ Москвы перевезенный деревянный мой домъ, въ которомъ и ты со мною на Корфовѣ дворѣ жилъ, и который ты, если хочешь, собрать и для житья себѣ тамо построить велѣть можешь. А дабы ты точно сими вотчинами пользоваться и какія-либо въ оныхъ, по твоему разсмотрѣнію, другія распоряженія тотчасъ начать могъ, то оныя со всѣми прочими тебѣ отъ меня уступаемыми дворовыми людьми за тобою приказнымъ порядкомъ и укрѣплены будутъ, съ выключеніемъ только имѣющагося въ селѣ Абрамовѣ моего конскаго завода и тѣхъ дворовыхъ людей, которые къ Пошехонскимъ вотчинамъ приписаны и которые у меня здѣсь и въ Москвѣ находятся, и съ запрещеніемъ, чтобъ тебѣ оныхъ вотчинъ по смерть мою ни продавать, ни закладывать, хотя и безъ того ты знаешь, что Пошехонскія по завѣщанію еще нашихъ предковъ и родителя моего, а твоего дѣда проданы и заложены быть не могутъ, но паче всегда въ родѣ Бестужевыхъ-Рюминыхъ оставаться имѣютъ, какъ того и покойный мой братъ, распродавъ все свое прочее недвижимое имѣніе, изъ сихъ деревень своей доли продать не могъ, о чемъ и я тебѣ не токмо самъ подъ клятвою подтверждаю, но во свое время и духовною моею подтверждать буду.

3) Для приборовъ на столъ твой даю тебѣ по двѣ дюжины ножей, вилокъ и ложекъ серебреныхъ, шесть солонокъ серебреныхъ, двѣ разливныя ложки серебреныя, двѣ пары ножей съ вилками серебреныхъ для разрѣзыванія, съ двумя ложками большими; а сверхъ того, и извѣстный тебѣ столовый сервизъ съ пладешанжемъ, порцеланный саксонскій, который мнѣ отъ покойнаго короля польскаго подаренъ, и который тогда въ четыре тысячи талеровъ, да и нынѣ,

какихъ моихъ деревенскихъ доходовъ, но что изъ всемилостивѣйше пожалованнаго мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества нынѣшняго пенсіона три тысячи рублевъ на каждый годъ, платимыя отъ меня по прошествіи третей года жь; а дабы ты на первый случай всѣмъ вдругъ обзавелиться и домъ свой распорядить могъ, то за первый годъ всѣ три тысячи рублей вдругъ и впередъ тебѣ выдадутся.

2) Къ тому въ прибавокъ даю тебѣ въ совершенное и собственное владѣніе и пользованіе всѣ мои родовыя Пошехонскія вотчины, въ которыхъ по послѣдней ревизіи девять-сотъ четырнадцать душъ, да изъ пожалованныхъ мнѣ за мои службы подмосковное село Абрамово съ деревнями, въ которыхъ сто восемьдесятъ двѣ души, и того, тысяча девяносто шесть душъ, и съ которыхъ по положенному отъ меня окладу, то есть, по три рубли на душу, бездоимочно оброку три тысячи двѣсти восемьдесятъ восемь, да особливо съ села Абрамова за мельницы и рыбныя ловли двѣсти десять, и того всего три тысячи четыреста девяносто восемь рублевъ въ годъ получается, — не упоминая о другихъ разныхъ угодьяхъ, которыя также немалые доходы помѣщику приносятъ, и о которыхъ ты послѣ точное объясненіе получить можешь. А между тѣмъ знать тебѣ надобно, что въ вышепомянутомъ селѣ Абрамовѣ есть цѣлый изъ Москвы перевезенный деревянный мой домъ, въ которомъ и ты со мною на Корфовѣ дворѣ жилъ, и который ты, если хочешь, собрать и для житья себѣ тамо построить велѣть можешь. А дабы ты точно сими вотчинами пользоваться и какія-либо въ оныхъ, по твоему разсмотрѣнію, другія распоряженія тотчасъ начать могъ, то оныя со всѣми прочими тебѣ отъ меня уступаемыми дворовыми людьми за тобою приказнымъ порядкомъ и укрѣплены будутъ, съ выключеніемъ только имѣющагося въ селѣ Абрамовѣ моего конскаго завода и тѣхъ дворовыхъ людей, которые къ Пошехонскимъ вотчинамъ приписаны и которые у меня здѣсь и въ Москвѣ находятся, и съ запрещеніемъ, чтобъ тебѣ оныхъ вотчинъ по смерть мою ни продавать, ни закладывать, хотя и безъ того ты знаешь, что Пошехонскія по закятію еще нашихъ предковъ и родителя моего, а твоего дѣда проданы и заложены быть не могутъ, но паче всегда въ родѣ Бестужевыхъ-Рюминыхъ оставаться имѣютъ, какъ того и покойный мой братъ, распродавъ все свое прочее недвижимое имѣніе, изъ сихъ деревень своей доли продать не могъ, о чемъ и я тебѣ не токмо самъ подъ клятвою подтверждаю, но во свое время и духовною моею подтверждать буду.

3) Для приборовъ на столъ твой даю тебѣ по двѣ дюжины ножей, вилокъ и ложекъ серебреныхъ, шесть солонокъ серебреныхъ, двѣ разливныя ложки серебреныя, двѣ пары ножей съ вилками серебреныхъ для разрѣзыванія, съ двумя ложками большими; а сверхъ того, и извѣстный тебѣ столовый сервизъ съ пладешанжемъ, порцелянный саксонскій, который мнѣ отъ покойнаго короля польскаго подаренъ, и который тогда въ четыре тысячи талеровъ, да и нынѣ,

и то на аукціонѣ, съ перваго слова въ тысячу шесть сотъ рублевъ оцѣненъ былъ,—хотя не для повседневнаго употребленія, но паче для случающихся трактаментовъ, тѣмъ паче, что и другіе многіе, чинами съ тобою равные, не стыдятся повседневно на фаянсѣ кушать. Что жь касается до столоваго бѣлья, то онаго только часть дастся, въ разсужденіи, что конечно, и безъ того твоя невѣста по обыкновенію имѣть будетъ.

4) Для услугъ твоихъ оставляю тебѣ до времени нынѣшняго твоего каммердинера Калмыка, а сверхъ того, даю тебѣ шесть лакеевъ въ ливреѣ и два истопника, да для мытья бѣлья, буде надобно, три женщины.

5) Для управленія твоего дома и для приказныхъ, а особливо деревенскихъ дѣлъ уступаю тебѣ прикащика Таланова, со всею его семьею.

6) Для экипажа твоего даю тебѣ три кареты, въ томъ числѣ одну богатую французскую, статскую, съ двумя цугами или четырнадцатью лошадьми, съ шорами на нихъ, при двухъ кучерахъ и двухъ форейторахъ, въ ливреѣ, и съ ихъ семьею.

7) Для кухни твоей даю тебѣ двухъ исправныхъ поваровъ съ однимъ ученикомъ, съ семьею жь ихъ.

8) Для снабденія на первый случай твоей кухни и погреба дастся тебѣ провизія какъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и винъ.

9) Для убранства твоего дома, на случай еслибъ въ ономъ мебелей не достаточно было, дадутся тебѣ столы, стулья, канапе, кабинеты и тому подобное, сколько излишнихъ у меня въ домѣ наберется, такожь и обои Гобленовые.

10) Для употребленія будущей твоей супругѣ даю тебѣ не токмо бывшей у матери твоей порцеланный саксонскій туалетъ, который ко мнѣ отъ покойнаго короля польскаго присланъ въ подаркѣ, и который слишкомъ двѣ тысячи рублевъ стоитъ, но и тотъ серебреный позолоченый туалетъ же, который, какъ ты самъ знаешь, нарочно мною изъ Англіи чрезъ барона Вульфа для употребленія матери твоей выписанъ и, помнится, около трехъ тысячъ рублевъ стоитъ, съ придѣланною отъ меня здѣсь серебреною жь позолоченою чернильницею и со всѣмъ ея приборомъ.

И наконецъ 11) уступаю тебѣ все послѣ матери твоей оставшееся немалое и знатное бѣлье, то есть, рубашки, кружева, богатое и прочее ея платье и наряды, которые ты отъ меня уже и принялъ.

Вотъ тотъ отдѣлъ, которымъ я тебя и будущую твою супругу наградить опредѣлилъ и опредѣляю, и которымъ ты столь паче доволенъ быть можешь, что ежегодно получать будешь доходовъ наличными деньгами болѣе шести тысячъ рублевъ, — доходы, какихъ не всякій твоего чина и изъ достойныхъ и послушныхъ дѣтей имѣетъ; а особливо, что не останется тебѣ сихъ денегъ употреблять какъ только на наемъ или на покупку дома да на содержаніе онаго и на столъ, потому что ты отъ меня, какъ выше изображено, не токмо всѣмъ къ дому принадлежащимъ снабденъ, но по случаю твоего брачнаго обязательства и самымъ новымъ платьемъ какъ ты,

и то на аукціонѣ, съ перваго слова въ тысячу шесть сотъ рублевъ оцѣненъ былъ,—хотя не для повседневнаго употребленія, но паче для случающихся трактаментовъ, тѣмъ паче, что и другіе многіе, чинами съ тобою равные, не стыдятся повседневно на фаянсѣ кушать. Что жь касается до столоваго бѣлья, то онаго только часть дастся, въ разсужденіи, что конечно, и безъ того твоя невѣста по обыкновенію имѣть будетъ.

4) Для услугъ твоихъ оставляю тебѣ до времени нынѣшняго твоего каммердинера Калмыка, а сверхъ того, даю тебѣ шесть лакеевъ въ ливреѣ и два истопника, да для мытья бѣлья, буде надобно, три женщины.

5) Для управленія твоего дома и для приказныхъ, а особливо деревенскихъ дѣлъ уступаю тебѣ прикащика Таланова, со всею его семьею.

6) Для экипажа твоего даю тебѣ три кареты, въ томъ числѣ одну богатую французскую, статскую, съ двумя цугами или четырнадцатью лошадьми, съ шорами на нихъ, при двухъ кучерахъ и двухъ форейторахъ, въ ливреѣ, и съ ихъ семьею.

7) Для кухни твоей даю тебѣ двухъ исправныхъ поваровъ съ однимъ ученикомъ, съ семьею жь ихъ.

8) Для снабденія на первый случай твоей кухни и погреба дастся тебѣ провизія какъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и винъ.

9) Для убранства твоего дома, на случай еслибъ въ ономъ мебелей не достаточно было, дадутся тебѣ столы, стулья, канапе, кабинеты и тому подобное, сколько излишнихъ у меня въ домѣ наберется, такожь и обои Гобленовые.

10) Для употребленія будущей твоей супругѣ даю тебѣ не токмо бывшей у матери твоей порцеланный саксонскій туалетъ, который ко мнѣ отъ покойнаго короля польскаго присланъ въ подарокъ, и который слишкомъ двѣ тысячи рублевъ стоитъ, но и тотъ серебреный позолоченый туалетъ же, который, какъ ты самъ знаешь, нарочно мною изъ Англіи чрезъ барона Вульфа для употребленія матери твоей выписанъ и, помнится, около трехъ тысячъ рублевъ стоитъ, съ придѣланною отъ меня здѣсь серебреною жь позолоченою чернильницею и со всѣмъ ея приборомъ.

И наконецъ 11) уступаю тебѣ все послѣ матери твоей оставшееся немалое и знатное бѣлье, то есть, рубашки, кружева, богатое и прочее ея платье и наряды, которые ты отъ меня уже и принялъ.

Вотъ тотъ отдѣлъ, которымъ я тебя и будущую твою супругу наградить опредѣлилъ и опредѣляю, и которымъ ты столь паче доволенъ быть можешь, что ежегодно получать будешь доходовъ наличными деньгами болѣе шести тысячъ рублевъ, — доходы, какихъ не всякій твоего чина и изъ достойныхъ и послушныхъ дѣтей имѣетъ; а особливо, что не останется тебѣ сихъ денегъ употреблять какъ только на наемъ или на покупку дома да на содержаніе онаго и на столъ, потому что ты отъ меня, какъ выше изображено, не токмо всѣмъ къ дому принадлежащимъ снабденъ, но по случаю твоего брачнаго обязательства и самымъ новымъ платьемъ какъ ты,

такъ и будущая твоя супруга на нѣсколько лѣтъ запасены, не упоминая о тѣхъ многихъ, которыя ты и до того имѣлъ и нынѣ еще имѣешь, и не упоминая жь о золотыхъ и бралліантовыхъ вещахъ, которыя также у тебя есть, а особливо о тѣхъ, которыя уже будущая твоя супруга тысячь на тринадцать рублевъ отъ меня получила, а съ платьемъ и до двадцати тысячь рублевъ наберется. А сверхъ того, надобно быть у тебя и приданому покойной твоей первой супруги, которое слишкомъ на двадцать тысячь рублевъ считалось, и которое все безъ изъятія тебѣ оставлено. Къ чему за главнѣйшее дѣло присовокупить нахожу, что какъ есть на тебѣ вышеизображеннымъ образомъ собственные долги, а можетъ быть, и вновь ты еще нажилъ и наживаешь, то натурально оные и платить тебѣ жь надлежитъ, тѣмъ паче, что сіи долги безъ моей воли сдѣланы и невѣдомо на что употреблены, такъ что мнѣ до нихъ ни малѣйшаго дѣла нѣтъ и никогда не будетъ и быть не можетъ; довольно, что я и такъ уже выше показаннымъ же образомъ сихъ безпутныхъ и мотовскихъ твоихъ долговъ, не говоря о прежнихъ, съ возвращенія только изъ неповиннаго моего заключенія по нынѣ десять тысячь семьсотъ тридцать девять рублевъ заплатилъ, и что также за мать твою платежа ея долговъ заимодавцы ожидаютъ, да что еще взялъ и беру я на себя заплатить же какъ и тѣ шесть или восемь тысячь, которыя ты къ сговору и къ свадьбѣ своей себѣ сдѣлать и на то только до тысячи рублевъ употребить у меня выпросилъ, такъ и тѣ платья жь, разные уборы и кровать съ постелью и занавѣсами, которые я для твоей невѣсты также сдѣлать и на все то до трехъ тысячь рублевъ употребить позволилъ, хотя не смотря на то присланные симъ вещамъ за ея подписаніемъ счеты уже гораздо сію сумму превосходятъ, и которые я уже заплачу, но не потому, чтобъ обязанъ былъ, а только для изъявленія моего въ томъ снисхожденія, такъ что если что-либо и за сими счетами на невѣсту твою взято, оное до меня совсѣмъ уже не принадлежитъ.

Такимъ образомъ, объявя вышепоказанное непремѣняемое мое намѣреніе, родительски приказываю тебѣ симъ и чрезъ сіе, по совершеніи здѣсь на Каменномъ носу твоей свадьбы и по окончаніи всѣхъ церемоній, прямо оттуда и не перебираясь въ Санктпетербургскій мой домъ, переѣхать на собственную свою квартиру, чего для надлежитъ тебѣ стараніе приложить какъ домъ себѣ поскорѣе нанять прискать, такъ и другія къ тому принадлежащія распоряженія сдѣлать, тѣмъ паче, что съ одной стороны, до основанія твоего собственнаго дома натурально и свадьба твоя совершена быть не можетъ.

За симъ остается мнѣ, какъ родителю, по случаю настоящаго твоего отдѣла и разлученія со мною, всеусердно желать тебѣ обще съ будущею твоею супругою не токмо долголѣтняго совершеннаго здоровья, но и всякаго благополучія съ приращеніемъ твоего потомства, а между тѣмъ и поправленія въ твоемъ поведеніи и поступкахъ, тѣмъ паче, что если ты не будешь памятовать Бога и Его

такъ и будущая твоя супруга на нѣсколько лѣтъ запасены, не упоминая о тѣхъ многихъ, которыя ты и до того имѣлъ и нынѣ еще имѣешь, и не упоминая жь о золотыхъ и бралліантовыхъ вещахъ, которыя также у тебя есть, а особливо о тѣхъ, которыя уже будущая твоя супруга тысячь на тринадцать рублевъ отъ меня получила, а съ платьемъ и до двадцати тысячь рублевъ наберется. А сверхъ того, надобно быть у тебя и приданому покойной твоей первой супруги, которое слишкомъ на двадцать тысячь рублевъ считалось, и которое все безъ изъятія тебѣ оставлено. Къ чему за главнѣйшее дѣло присовокупить нахожу, что какъ есть на тебѣ вышеизображеннымъ образомъ собственные долги, а можетъ быть, и вновь ты еще нажилъ и наживаешь, то натурально оные и платить тебѣ жь надлежитъ, тѣмъ паче, что сіи долги безъ моей воли сдѣланы и невѣдомо на что употреблены, такъ что мнѣ до нихъ ни малѣйшаго дѣла нѣтъ и никогда не будетъ и быть не можетъ; довольно, что я и такъ уже выше показаннымъ же образомъ сихъ безпутныхъ и мотовскихъ твоихъ долговъ, не говоря о прежнихъ, съ возвращенія только изъ неповиннаго моего заключенія по нынѣ десять тысячь семьсотъ тридцать девять рублевъ заплатилъ, и что также за мать твою платежа ея долговъ заимодавцы ожидаютъ, да что еще взялъ и беру я на себя заплатить же какъ и тѣ шесть или восемь тысячь, которыя ты къ сговору и къ свадьбѣ своей себѣ сдѣлать и на то только до тысячи рублевъ употребить у меня выпросилъ, такъ и тѣ платья жь, разные уборы и кровать съ постелью и занавѣсами, которые я для твоей невѣсты также сдѣлать и на все то до трехъ тысячь рублевъ употребить позволилъ, хотя не смотря на то присланные симъ вещамъ за ея подписаніемъ счеты уже гораздо сію сумму превосходятъ, и которые я уже заплачу, но не потому, чтобъ обязанъ былъ, а только для изъявленія моего въ томъ снисхожденія, такъ что если что-либо и за сими счетами на невѣсту твою взято, оное до меня совсѣмъ уже не принадлежитъ.

Такимъ образомъ, объявя вышепоказанное непремѣняемое мое намѣреніе, родительски приказываю тебѣ симъ и чрезъ сіе, по совершеніи здѣсь на Каменномъ носу твоей свадьбы и по окончаніи всѣхъ церемоній, прямо оттуда и не перебираяся въ Санктпетербургскій мой домъ, переѣхать на собственную свою квартиру, чего для надлежитъ тебѣ стараніе приложить какъ домъ себѣ поскорѣе нанять приискать, такъ и другія къ тому принадлежащія распоряженія сдѣлать, тѣмъ паче, что съ одной стороны, до основанія твоего собственнаго дома натурально и свадьба твоя совершена быть не можетъ.

За симъ остается мнѣ, какъ родителю, по случаю настоящаго твоего отдѣла и разлученія со мною, всеусердно желать тебѣ обще съ будущею твоею супругою не токмо долголѣтняго совершеннаго здоровья, но и всякаго благополучія съ приращеніемъ твоего потомства, а между тѣмъ и поправленія въ твоемъ поведеніи и поступкахъ, тѣмъ паче, что если ты не будешь памятовать Бога и Его

святыхъ заповѣдей исполнять, но прежнимъ своимъ поведеніемъ продолжать, а паче свои дѣла на лжахъ, клеветахъ и злословіяхъ, какъ на мнимыхъ твоихъ хитрыхъ, но въ самомъ дѣлѣ пагубныхъ правилахъ, которымъ ты весь свой вѣкъ послѣдовалъ, по прежнему жъ основывать станешь, — то всеконечно лишишь себя не токмо моего родительскаго благословенія, но и самый праведный гнѣвъ Божій на себя навлечешь, такъ что я въ семъ случаѣ желалъ бы лживымъ пророкомъ быть, что по моей кончинѣ, а иногда еще и при мнѣ по малой мѣрѣ посаженъ ты будешь въ монастырь подъ началъ. Къ чему прибавить нахожу, что хотя по разлученіи твоемъ со мною домъ мой тебѣ не токмо не запрещается, но паче охотно я тебя въ ономъ у себя всегда и во всякое время, а особливо къ обѣду и ужину видѣть желаю, но какъ я твоихъ клеветъ и злословій на меня опасаться причину имѣю, то приказываю тебѣ родительскою властію отнюдь не одному, но обще съ будущею твоею супругою ко мнѣ ѣздить, дабы во всякомъ случаѣ она свидѣтельницею твоихъ поступковъ быть могла.

Впрочемъ если ты иногда покусишься по прежнему примѣру съ сего моего письма несходственныя копіи или выписки своимъ пріятелямъ раздавать или только развратно толковать, то будь увѣренъ, что не оставлю того часа не токмо гдѣ надобно точныя копіи сообщить, но и въ самомъ высочайшемъ мѣстѣ съ жалобою на тебя увѣдомленіе о томъ учинить.

Между тѣмъ однакожъ, всего лучшаго тебѣ желая и отъ тебя ожидая, пребываю твой доброжелательный отецъ

Г. Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Въ Каменномъ носу, 31-го августа 1765 года.

Что я подлинное письмо ко мнѣ милостиваго государя моего родителя, графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, отъ 31-го августа 1765 года, за его подписаніемъ и изъ рукъ его принялъ, что изображеннымъ во ономъ родительскимъ его обо мнѣ опредѣленіемъ и даннымъ въ отдѣлъ награжденіемъ благодаренъ, что предписанную мнѣ во ономъ же родительскую его волю и повелѣніе точно и немедленно исполнить не премину, и что наконецъ сія копія съ вышеупомянутаго письма въ присутствіи моемъ съ подлинникомъ прочтена и во всемъ содержаніи сходна, оное все чрезъ сіе моимъ подписаніемъ свидѣтельствую и утверждаю.

Графъ Андрей Бестужевъ-Рюминъ.

Въ Каменномъ носу, 2-го числа сентября, предъ полуднемъ, 1765 года.

святыхъ заповѣдей исполнять, но прежнимъ своимъ поведеніемъ продолжать, а паче свои дѣла на лжахъ, клеветахъ и злословіяхъ, какъ на мнимыхъ твоихъ хитрыхъ, но въ самомъ дѣлѣ пагубныхъ правилахъ, которымъ ты весь свой вѣкъ послѣдовалъ, по прежнему жъ основывать станешь, — то всеконечно лишишь себя не токмо моего родительскаго благословенія, но и самый праведный гнѣвъ Божій на себя навлечешь, такъ что я въ семъ случаѣ желалъ бы лживымъ пророкомъ быть, что по моей кончинѣ, а иногда еще и при мнѣ по малой мѣрѣ посаженъ ты будешь въ монастырь подъ началъ. Къ чему прибавить нахожу, что хотя по разлученіи твоемъ со мною домъ мой тебѣ не токмо не запрещается, но паче охотно я тебя въ ономъ у себя всегда и во всякое время, а особливо къ обѣду и ужину видѣть желаю, но какъ я твоихъ клеветъ и злословій на меня опасаться причину имѣю, то приказываю тебѣ родительскою властію отнюдь не одному, но обще съ будущею твоею супругою ко мнѣ ѣздить, дабы во всякомъ случаѣ она свидѣтельницею твоихъ поступковъ быть могла.

Впрочемъ если ты иногда покусишься по прежнему примѣру съ сего моего письма несходственныя копіи или выписки своимъ пріятелямъ раздавать или только развратно толковать, то будь увѣренъ, что не оставлю того часа не токмо гдѣ надобно точныя копіи сообщить, но и въ самомъ высочайшемъ мѣстѣ съ жалобою на тебя увѣдомленіе о томъ учинить.

Между тѣмъ однакожъ, всего лучшаго тебѣ желая и отъ тебя ожидая, пребываю твой доброжелательный отецъ

Г. Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Въ Каменномъ носу, 31-го августа 1765 года.

Что я подлинное письмо ко мнѣ милостиваго государя моего родителя, графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, отъ 31-го августа 1765 года, за его подписаніемъ и изъ рукъ его принялъ, что изображеннымъ во ономъ родительскимъ его обо мнѣ опредѣленіемъ и даннымъ въ отдѣлъ награжденіемъ благодаренъ, что предписанную мнѣ во ономъ же родительскую его волю и повелѣніе точно и немедленно исполнить не премину, и что наконецъ сія копія съ вышеупомянутаго письма въ присутствіи моемъ съ подлинникомъ прочтена и во всемъ содержаніи сходна, оное все чрезъ сіе моимъ подписаніемъ свидѣтельствую и утверждаю.

Графъ Андрей Бестужевъ-Рюминъ.

Въ Каменномъ носу, 2-го числа сентября, предъ полуднемъ, 1765 года.

II.

ПИСЬМО П. С. СУМАРОКОВА.

Нижеслѣдующее письмо извлечено изъ одного рукописнаго сборника историческихъ документовъ и литературныхъ произведеній, составленнаго въ концѣ прошлаго вѣка. Вѣроятно, и это оригинальное посланіе, подобно помѣщеннымъ выше письмамъ Бестужевыхъ, ходило въ свое время по рукамъ и списывалось собирателями письменныхъ рѣдкостей.

Когда было писано это письмо, Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ (котораго не должно смѣшивать съ родственникомъ его Петромъ Панкратьевичемъ, отцемъ извѣстнаго писателя А. П. Сумарокова), былъ уже старикъ. Въ молодости онъ былъ каммеръюнкеромъ при герцогинѣ Гольштинской Аннѣ Петровнѣ (скончъ. въ 1728 г.); въ 1730 г., во время воцаренія Анны Ивановны, онъ, будучи офицеромъ гвардіи, былъ посланъ отъ графа П. И. Ягужинскаго въ Митаву, чтобы вести съ Анною переговоры въ смыслѣ неблагопріятномъ для верховниковъ; князь В. Л. Долгоруковъ арестовалъ его въ этомъ городѣ и отослалъ въ Москву, гдѣ Петръ Спиридоновичъ былъ освобожденъ, безъ сомнѣнія, уже тогда, когда императрица возвратила себѣ самодержавную власть. Въ слѣдующія царствованія Петръ Спиридоновичъ продолжалъ служить, достигъ степеней извѣстныхъ и принадлежалъ къ высшему столичному обществу; онъ занималъ при Елизаветѣ, Петрѣ III и Екатеринѣ II должности сенатора и оберъ-шталмейстера и былъ кавалеромъ ордена св. Андрея; умеръ онъ 12-го декабря 1780 года[1]).

Благодаря присоединенной къ письму современной припискѣ, оно не требуетъ объясненій. Но есть извѣстія о томъ, что старикъ нескоро угомонился въ своемъ гнѣвѣ: онъ преслѣдовалъ свою бывшую любовницу судебнымъ порядкомъ, и эта женщина, вѣроятно, вышедшая между тѣмъ замужъ, подала челобитную на Высочайшее имя. 25-го августа 1774 года императрица Екатерина II писала къ Московскому главнокомандующему князю М. И. Волконскому слѣдующее: „Ассесорша Анна Гарезина поданнымъ мнѣ челобитьемъ приноситъ жалобу: 1-е) на Петра Спиридоновича Сумарокова, что онъ, давъ ей крѣпости на людей и на деревни,

---

[1]) Росс. родосл. книга, *кн. П. Долгорукова*, IV, стр. 444; Осьмнадцатый вѣкъ, III, 173.

II.

ПИСЬМО П. С. СУМАРОКОВА.

Нижеслѣдующее письмо извлечено изъ одного рукописнаго сборника историческихъ документовъ и литературныхъ произведеній, составленнаго въ концѣ прошлаго вѣка. Вѣроятно, и это оригинальное посланіе, подобно помѣщеннымъ выше письмамъ Бестужевыхъ, ходило въ свое время по рукамъ и списывалось собирателями письменныхъ рѣдкостей.

Когда было писано это письмо, Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ (котораго не должно смѣшивать съ родственникомъ его Петромъ Панкратьевичемъ, отцемъ извѣстнаго писателя А. П. Сумарокова), былъ уже старикъ. Въ молодости онъ былъ каммеръюнкеромъ при герцогинѣ Гольштинской Аннѣ Петровнѣ (скончъ. въ 1728 г.); въ 1730 г., во время воцаренія Анны Ивановны, онъ, будучи офицеромъ гвардіи, былъ посланъ отъ графа П. И. Ягужинскаго въ Митаву, чтобы вести съ Анною переговоры въ смыслѣ неблагопріятномъ для верховниковъ; князь В. Л. Долгоруковъ арестовалъ его въ этомъ городѣ и отослалъ въ Москву, гдѣ Петръ Спиридоновичъ былъ освобожденъ, безъ сомнѣнія, уже тогда, когда императрица возвратила себѣ самодержавную власть. Въ слѣдующія царствованія Петръ Спиридоновичъ продолжалъ служить, достигъ степеней извѣстныхъ и принадлежалъ къ высшему столичному обществу; онъ занималъ при Елизаветѣ, Петрѣ III и Екатеринѣ II должности сенатора и оберъ-шталмейстера и былъ кавалеромъ ордена св. Андрея; умеръ онъ 12-го декабря 1780 года[1]).

Благодаря присоединенной къ письму современной припискѣ, оно не требуетъ объясненій. Но есть извѣстія о томъ, что старикъ нескоро угомонился въ своемъ гнѣвѣ: онъ преслѣдовалъ свою бывшую любовницу судебнымъ порядкомъ, и эта женщина, вѣроятно, вышедшая между тѣмъ замужъ, подала челобитную на Высочайшее имя. 25-го августа 1774 года императрица Екатерина II писала къ Московскому главнокомандующему князю М. И. Волконскому слѣдующее: „Ассесорша Анна Гарезина поданнымъ мнѣ челобитьемъ приноситъ жалобу: 1-е) на Петра Спиридоновича Сумарокова, что онъ, давъ ей крѣпости на людей и на деревни,

---

[1]) Росс. родосл. книга, *кн. П. Долгорукова*, IV, стр. 444; Осьмнадцатый вѣкъ, III, 173.

нынѣ оныя въ судебныхъ мѣстахъ порочитъ и старается не допустить ее по онымъ въ законное право; 2-е) будто вотчинная коллегія и Московская губернская канцелярія оныхъ дѣлъ ея не рѣшаютъ. Я, желая всякому, не смотря на лицо, доставить правосудіе, поручаю вамъ, напередъ позвавъ къ себѣ Петра Спиридоновича, ему сказать, что если оное дѣло подлинно такъ, какъ Гарезина въ своемъ прошеніи пишетъ, то я удивляюсь, что онъ, въ такомъ чинѣ и въ такихъ лѣтахъ, не старается паче прекратить сего дѣла, но допустилъ его къ своему безславію до судебныхъ мѣстъ. Если онъ захочетъ продолжать оное дѣло, то прикажите моимъ именемъ тѣмъ судебнымъ мѣстамъ, гдѣ оное производится, чтобъ они сей споръ рѣшили конечно въ шесть недѣль по точной силѣ законовъ и ко мнѣ рапортовали“ [1]). Дальнѣйшая судьба этого дѣла намъ не извѣстна.

Недостойная дочь Матвѣя Лукича Ѳадѣева! Ты, Анна, живучи у меня тринадцать лѣтъ на содержаніи госпожею и приживъ четырехъ со мною дѣтей, непрестанно о чистотѣ, честности и вѣрности ко мнѣ клялась, божась, что̀ есть свято, и письмами то утверждала, что пребудешь вѣрною и постоянною мнѣ одному любовницею до смерти; но по пословицѣ: повадившійся кувшинъ по воду ходитъ, на томъ ему, знать, и голову положить,—такъ то и ты. Ни клятвы, ни письмы твои, ни мои слова такую скверную душу, каковую ты имѣешь, отъ позорныхъ твоихъ дѣлъ не отвратили, но день ото дня страсть со своевольствомъ довели тебя до того, что поостригла себя въ...довствѣ и въ пьянствѣ, какъ кувшинъ—и голову положить. Выбивъ меня всевозможными обманами изъ города, подъ претекстомъ для излѣченія болѣзней осталась и начала роскошничать, пить, закладывая вещи и давая на себя векселя, бравъ деньги—про...довавъ въ свою волю—каковыхъ, слышу, на себѣ долговъ до 7000 рублей уже сдѣлала. Не довольна будучи въ домѣ бесѣдами въ антресоляхъ и подъ антресолями и въ прочихъ удобныхъ мѣстахъ, выбивая свидѣтельствующихъ за третьи двери, услаждать свою мерзкую плоть ѣзжала уже и ѣздишь къ ...дунамъ въ домы по утрамъ и на ночи съ вольною дѣвкою, которую за прислугу гдѣ ужиновала и за столъ сажала. Тѣмъ всѣмъ весь городъ, ругая и понося тебя, еще и меня сценами стыдитъ. Въ мое уже отсутствіе частыя твои къ ...дунамъ поѣздки жители улицами свидѣтельствуютъ, а о выѣздахъ и бесѣдахъ твоихъ въ домы, гдѣ безпутствуешь, о долговременномъ въ тѣхъ пребываніи сосѣди всѣ увѣряютъ. А дому моего всѣ люди, бѣганье твое съ ...дуномъ видѣвъ, утверждая, со воздыханіемъ разсказы-

---

[1]) Осьмнадцатый вѣкъ, I, стр. 145.

нынѣ оныя въ судебныхъ мѣстахъ порочитъ и старается не допустить ее по онымъ въ законное право; 2-е) будто вотчинная коллегія и Московская губернская канцелярія оныхъ дѣлъ ея не рѣшаютъ. Я, желая всякому, не смотря на лицо, доставить правосудіе, поручаю вамъ, напередъ позвавъ къ себѣ Петра Спиридоновича, ему сказать, что если оное дѣло подлинно такъ, какъ Гарезина въ своемъ прошеніи пишетъ, то я удивляюсь, что онъ, въ такомъ чинѣ и въ такихъ лѣтахъ, не старается паче прекратить сего дѣла, но допустилъ его къ своему безславію до судебныхъ мѣстъ. Если онъ захочетъ продолжать оное дѣло, то прикажите моимъ именемъ тѣмъ судебнымъ мѣстамъ, гдѣ оное производится, чтобъ они сей споръ рѣшили конечно въ шесть недѣль по точной силѣ законовъ и ко мнѣ рапортовали“ [1]). Дальнѣйшая судьба этого дѣла намъ не извѣстна.

Недостойная дочь Матвѣя Лукича Θадѣева! Ты, Анна, живучи у меня тринадцать лѣтъ на содержаніи госпожею и приживъ четырехъ со мною дѣтей, непрестанно о чистотѣ, честности и вѣрности ко мнѣ клялась, божась, что̀ есть свято, и шисьмами то утверждала, что пребудешь вѣрною и постоянною мнѣ одному любовницею до смерти; но по пословицѣ: повадившійся кувшинъ по воду ходитъ, на томъ ему, знать, и голову положить,—такъ то и ты. Ни клятвы, ни письмы твои, ни мои слова такую скверную душу, каковую ты имѣешь, отъ позорныхъ твоихъ дѣлъ не отвратили, но день ото дня страсть со своевольствомъ довели тебя до того, что поостригла себя въ...довствѣ и въ пьянствѣ, какъ кувшинъ—и голову положить. Выбивъ меня всевозможными обманами изъ города, подъ претекстомъ для излѣченія болѣзней осталась и начала роскошничать, пить, закладывая вещи и давая на себя векселя, бравъ деньги—про...довавъ въ свою волю—каковыхъ, слышу, на себѣ долговъ до 7000 рублей уже сдѣлала. Не довольна будучи въ домѣ бесѣдами въ антресоляхъ и подъ антресолями и въ прочихъ удобныхъ мѣстахъ, выбивая свидѣтельствующихъ за третьи двери, услаждать свою мерзкую плоть ѣзжала уже и ѣздишь къ ...дунамъ въ домы по утрамъ и на ночи съ вольною дѣвкою, которую за прислугу гдѣ ужиновала и за столъ сажада. Тѣмъ всѣмъ весь городъ, ругая и понося тебя, еще и меня сценами стыдитъ. Въ мое уже отсутствіе частыя твои къ ...дунамъ поѣздки жители улицами свидѣтельствуютъ, а о выѣздахъ и бесѣдахъ твоихъ въ домы, гдѣ безпутствуешь, о долговременномъ въ тѣхъ пребываніи сосѣди всѣ увѣряютъ. А дому моего всѣ люди, бѣганье твое съ ...дуномъ видѣвъ, утверждая, со воздыханіемъ разсказы-

---

[1]) Осьмнадцатый вѣкъ, I, стр. 145.

ваютъ, что̀ слышавъ, содрагаюсь. Бывающіе тѣ слуги за тобою въ таковыхъ бесѣдахъ получали отъ тебя награжденіе, а сверхъ того, боясь угрозъ твоихъ и видѣвъ твое позорное состояніе и въ мерзкихъ дѣлахъ погруженную, молчали, полагая въ себѣ—авось воздержишься; но какъ того не дождались, чувствуя передо мною свое преступленіе, всѣ твои дѣла мнѣ объяснили. И живущій въ домѣ моемъ офицеръ съ женою, сверхъ тѣхъ, не только словесно, но и письменно о семъ далъ мнѣ знать; а по послѣднемъ свѣдѣніи, что увѣряешь всякаго — меня зарѣзать хочешь, какъ я уже и предъ симъ къ тому тебя готовую видалъ. Бывая фуріею и давно тѣмъ хвалясь за ...дунами, ежели бъ я не остерегался, и исполнить уже по своему предпріятію могла.

Разсуди же, пьяная и скверная блудница, за всѣ мои тебѣ и всему роду твоему благотворенія чего ты достойна? Однако я какъ человѣкъ благородный, честный, человѣколюбивый, страдницѣ и подлой душѣ, какову ты имѣешь, званіе мое мстить воспрещаетъ, и не хочу, а приказалъ только людямъ моимъ дѣтей, которыхъ— ты увѣряешь, что со мною прижила, дабы ты, какъ убійцею мнѣ быть хочешь, тѣхъ не погубила, привезть сюда ко мнѣ, да воспитавъ, дамъ имъ знать милостиваго отца, а тебя, выпроводя изъ дому моего, въ него, яко доказанную и неукротимо сущую волочайку, не впущать, что̀ всѣ честнѣйшіе и разумнѣйшіе люди безъ сомнѣнія апробуютъ.

Таскайся, мерзкая и недостойная честныхъ людей никакой милости, и продавай свой скаредный товаръ, кому хочешь, благодаря свое искусство и совѣтодавцевъ, къ тому способъ подавшихъ, что изъ госпожи довели тебя въ смрадную жизнь, вѣря несомнѣнно, что за мои тебѣ благодареніи, а тобою учиненныя погрѣшности и за непостоянства отъ всякаго ...дуна будешь наказана, и сверхъ того, самое естество за твою ко мнѣ невѣрность разить тебя не оставитъ. Я, стыдясь всѣхъ, скинувъ тебя, какъ камень величайшей тягости, отдаю его желающему носить, а самъ уже и твоего смраднаго имени слышать не хочу.

У подлиннаго подписано такъ: Петръ Сумароковъ.

15-го мая 1772 году.
Изъ села Александрова.

Приписка современника. Таковыя коіи, какова сія есть, отъ Петра Спиридоновича при письмахъ изъ подмосковной со стряпчимъ его къ свѣдѣнію посланы: 1) ко мнѣ, 2) къ графинѣ Катеринѣ Сергѣевнѣ Гендриковой, 3) къ Ивану Назарьевичу Тимирязеву и 4) къ каммергеру и генералъ-поручику Ивану Васильевичу Ступишину; и къ сему послѣднему, какъ видно, съ тѣмъ, чтобъ отъ него по короткости ту хартію и Чертковъ могъ прочесть, а намъ въ оправданіе свое у публики подъ видомъ—изъ силъ выбился, и необходимо сіе сдѣлать должно. Оригинальное письмо самой той персонѣ, къ кому писано, черезъ того же стряпчаго 17-го мая от-

ваютъ, что̀ слышавъ, содрагаюсь. Бывающіе тѣ слуги за тобою въ таковыхъ бесѣдахъ получали отъ тебя награжденіе, а сверхъ того, боясь угрозъ твоихъ и видѣвъ твое позорное состояніе и въ мерзкихъ дѣлахъ погруженную, молчали, полагая въ себѣ—авось воздержишься; но какъ того не дождались, чувствуя передо мною свое преступленіе, всѣ твои дѣла мнѣ объяснили. И живущій въ домѣ моемъ офицеръ съ женою, сверхъ тѣхъ, не только словесно, но и письменно о семъ далъ мнѣ знать; а по послѣднемъ свѣдѣніи, что увѣряешь всякаго — меня зарѣзать хочешь, какъ я уже и предъ симъ къ тому тебя готовую видалъ. Бывая фуріею и давно тѣмъ хвалясь за ...дунами, ежели бъ я не остерегался, и исполнить уже по своему предпріятію могла.

Разсуди же, пьяная и скверная блудница, за всѣ мои тебѣ и всему роду твоему благотворенія чего ты достойна? Однако я какъ человѣкъ благородный, честный, человѣколюбивый, страдницѣ и подлой душѣ, какову ты имѣешь, званіе мое мстить воспрещаетъ, и не хочу, а приказалъ только людямъ моимъ дѣтей, которыхъ— ты увѣряешь, что со мною прижила, дабы ты, какъ убійцею мнѣ быть хочешь, тѣхъ не погубила, привезть сюда ко мнѣ, да воспитавъ, дамъ имъ знать милостиваго отца, а тебя, выпроводя изъ дому моего, въ него, яко доказанную и неукротимо сущую волочайку, не впущать, что̀ всѣ честнѣйшіе и разумнѣйшіе люди безъ сомнѣнія апробуютъ.

Таскайся, мерзкая и недостойная честныхъ людей никакой милости, и продавай свой скаредный товаръ, кому хочешь, благодаря свое искусство и совѣтодавцевъ, къ тому способъ подавшихъ, что изъ госпожи довели тебя въ смрадную жизнь, вѣря несомнѣнно, что за мои тебѣ благодареніи, а тобою учиненныя погрѣшности и за непостоянства отъ всякаго ...дуна будешь наказана, и сверхъ того, самое естество за твою ко мнѣ невѣрность разить тебя не оставитъ. Я, стыдясь всѣхъ, скинувъ тебя, какъ камень величайшей тягости, отдаю его желающему носить, а самъ уже и твоего смраднаго имени слышать не хочу.

У подлиннаго подписано такъ: Петръ Сумароковъ.

15-го мая 1772 году.
Изъ села Александрова.

Приписка современника. Таковыя коіи, какова сія есть, отъ Петра Спиридоновича при письмахъ изъ подмосковной со стряпчимъ его къ свѣдѣнію посланы: 1) ко мнѣ, 2) къ графинѣ Катеринѣ Сергѣевнѣ Гендриковой, 3) къ Ивану Назарьевичу Тимирязеву и 4) къ каммергеру и генералъ-поручику Ивану Васильевичу Ступишину; и къ сему послѣднему, какъ видно, съ тѣмъ, чтобъ отъ него по короткости ту хартію и Чертковъ могъ прочесть, а намъ въ оправданіе свое у публики подъ видомъ—изъ силъ выбился, и необходимо сіе сдѣлать должно. Оригинальное письмо самой той персонѣ, къ кому писано, черезъ того же стряпчаго 17-го мая от-

дано въ Москвѣ въ домъ ея, и тотъ же день, по приказу его, все у ней имѣніе отобрано, и со двора сбита въ одной только бѣленькой кофтѣ, а дѣти отвезены къ нему въ подмосковную; крѣпости же на дворъ и на деревни также вообще съ имѣніемъ обобраны. А она, по согнаніи со двора, поѣхала на роспускахъ съ наемнымъ извощикомъ къ Черткову, гдѣ ночевавъ, на другой день ѣздила къ Петру Спиридоновичу въ подмосковную; но къ себѣ онъ ея не допустилъ. А оттуда верстъ съ 20 проѣхала въ деревню къ графу Петру Ивановичу жаловаться; и тотъ жалобы ея и изъясненья, по гнусности ея дѣла, предъ себя не допустилъ же, гдѣ она, въ деревнѣ у мужика ночевавъ, пріѣхала обратно въ Москву. Что будетъ далѣ, а наиболѣе что произойдетъ по крѣпостямъ о домѣ и о деревняхъ, укрѣпленныхъ ей, не знаю. Живетъ гдѣ же не знаю; уповаю: не у Черткова ли? Сія побѣда старичкова по городу у насъ очень на язычкахъ въ работѣ.

дано въ Москвѣ въ домъ ея, и тотъ же день, по приказу его, все у ней имѣніе отобрано, и со двора сбита въ одной только бѣленькой кофтѣ, а дѣти отвезены къ нему въ подмосковную; крѣпости же на дворъ и на деревни также вообще съ имѣніемъ обобраны. А она, по согнаніи со двора, поѣхала на роспускахъ съ наемнымъ извощикомъ къ Черткову, гдѣ ночевавъ, на другой день ѣздила къ Петру Спиридоновичу въ подмосковную; но къ себѣ онъ ея не допустилъ. А оттуда верстъ съ 20 проѣхала въ деревню къ графу Петру Ивановичу жаловаться; и тотъ жалобы ея и изъясненья, по гнусности ея дѣла, предъ себя не допустилъ же, гдѣ она, въ деревнѣ у мужика ночевавъ, пріѣхала обратно въ Москву. Что будетъ далѣ, а наиболѣе что произойдетъ по крѣпостямъ о домѣ и о деревняхъ, укрѣпленныхъ ей, не знаю. Живетъ гдѣ же не знаю; уповаю: не у Черткова ли? Сія побѣда старичкова по городу у насъ очень на язычкахъ въ работѣ.

СОБЫТІЯ 1730 ГОДА.

(Извлеченіе изъ депешъ французскихъ резидентовъ въ Москвѣ).

Не смотря на то, что на русскомъ языкѣ существуетъ уже нѣсколько болѣе или менѣе подробныхъ разсказовъ о событіяхъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ императрицы Анны Іоанновны, мы сочли не безполезнымъ присоединить къ числу ихъ извлеченіе изъ донесеній французскихъ резидентовъ въ Москвѣ своему правительству объ этомъ событіи. Эти депеши заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей, не встрѣчающихся въ другихъ источникахъ; притомъ же французскій резидентъ Маньянъ, которому принадлежитъ большая часть депешъ, былъ человѣкъ умный и наблюдательный и получалъ отчетливыя свѣдѣнія, такъ что въ ряду иностранныхъ извѣстій о событіяхъ 1730 года его депешамъ принадлежитъ несомнѣнно первое мѣсто, и вообще онѣ представляютъ очень живую картину описываемыхъ происшествій.

Извлеченіе изъ депешъ французскихъ резидентовъ напечатано въ подлинникѣ въ приложеніи къ сочиненію Н. И. Тургенева: „La Russie et les Russes“ (т. III, стр. 258—286). Считаемъ долгомъ замѣтить, что чрезвычайная небрежность въ изложеніи Маньяна лишила насъ возможности представить переводъ буквально точный, и мы неоднократно были принуждены прибѣгать къ парафразѣ, не измѣняя однако ни мало смысла текста. Мы не позволили себѣ также никакихъ сокращеній противъ изданія г. Тургенева; не помѣщаемъ только двухъ прошеній, представленныхъ императрицѣ Аннѣ 25-го февраля, такъ какъ они уже обнародованы въ современномъ русскомъ подлинникѣ — первое въ настоящемъ сборникѣ (стр. 8—10), а второе въ т. XIX „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева (стр. 267). Въ переводѣ удержаны нѣкоторыя иностранныя слова, которыя хотя и могли бы быть замѣнены русскими, но въ повѣствованіи о событіяхъ 1730 года пріобрѣли почти значеніе

СОБЫТІЯ 1730 ГОДА.

(Извлеченіе изъ депешъ французскихъ резидентовъ въ Москвѣ).

Не смотря на то, что на русскомъ языкѣ существуетъ уже нѣсколько болѣе или менѣе подробныхъ разсказовъ о событіяхъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ императрицы Анны Іоанновны, мы сочли не безполезнымъ присоединить къ числу ихъ извлеченіе изъ донесеній французскихъ резидентовъ въ Москвѣ своему правительству объ этомъ событіи. Эти депеши заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей, не встрѣчающихся въ другихъ источникахъ; притомъ же французскій резидентъ Маньянъ, которому принадлежитъ большая часть депешъ, былъ человѣкъ умный и наблюдательный и получалъ отчетливыя свѣдѣнія, такъ что въ ряду иностранныхъ извѣстій о событіяхъ 1730 года его депешамъ принадлежитъ несомнѣнно первое мѣсто, и вообще онѣ представляютъ очень живую картину описываемыхъ происшествій.

Извлеченіе изъ депешъ французскихъ резидентовъ напечатано въ подлинникѣ въ приложеніи къ сочиненію Н. И. Тургенева: „La Russie et les Russes“ (т. III, стр. 258—286). Считаемъ долгомъ замѣтить, что чрезвычайная небрежность въ изложеніи Маньяна лишила насъ возможности представить переводъ буквально точный, и мы неоднократно были принуждены прибѣгать къ парафразѣ, не измѣняя однако ни мало смысла текста. Мы не позволили себѣ также никакихъ сокращеній противъ изданія г. Тургенева; не помѣщаемъ только двухъ прошеній, представленныхъ императрицѣ Аннѣ 25-го февраля, такъ какъ они уже обнародованы въ современномъ русскомъ подлинникѣ — первое въ настоящемъ сборникѣ (стр. 8—10), а второе въ т. XIX „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева (стр. 267). Въ переводѣ удержаны нѣкоторыя иностранныя слова, которыя хотя и могли бы быть замѣнены русскими, но въ повѣствованіи о событіяхъ 1730 года пріобрѣли почти значеніе

терминовъ; таковы: *кондиціи, пункты, факціи*, и т. д. Счетъ дней въ депешахъ означенъ по григоріанскому календарю.

Разсказъ Маньяна начинается съ того времени, когда совершилось избраніе Анны, и верховный тайный совѣтъ отправилъ депутатовъ для сообщенія ей извѣстія о случившемся.

I.

Москва, 2-го февраля 1730 года.

Выдаютъ за достовѣрное, что депутація, отправленная къ герцогинѣ Курляндской, имѣетъ порученіе объявить ей, что корона предлагается ей отъ имени государственныхъ чиновъ (les états) [1]) не иначе, какъ если ей угодно будетъ принять и одобрить постановленія, которыя имѣютъ быть составлены о новой формѣ правленія, и утвердить ихъ подлинною подписью (les ratifier de la manière la plus authentique).

Этимъ важнымъ дѣломъ нынѣ и занимаются; но въ настоящее время еще нельзя знать, какова будетъ эта новая форма правленія, и будетъ ли она составлена по образцу Англіи или Швеціи. Однако, относительно намѣреній старинныхъ русскихъ фамилій извѣстно, что онѣ воспользуются столь благопріятною коньюнктурою, чтобъ избавиться отъ того ужаснаго порабощенія, въ которомъ находились понынѣ, и поставятъ предѣлы той безграничной власти, въ силу которой русскіе государи могли по своей доброй волѣ располагать жизнью и имѣніемъ своихъ подданныхъ, безъ различія въ составѣ и формѣ суда, такъ что въ этомъ отношеніи вельможи Русскаго государства не имѣли, сравнительно съ простымъ народомъ, никакихъ преимуществъ, которыя ограждали бы ихъ отъ кнута и лишенія всѣхъ чиновъ и должностей. И такъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что русскіе вельможи прежде всего обратятъ вниманіе на это обстоятельство; по крайней мѣрѣ, если они не сдѣлаютъ этого, нельзя будетъ не сказать, что они пропустили удобный случай по недостатку мужества.

II.

Февраль 1730 года.

Иностранные министры и дипломатическіе агенты были очень удивлены избраніемъ герцогини Курляндской; догадки ихъ не простирались на дочерей царя Ивана; въ ихъ предположенія входили только сынъ герцога Гольштинскаго, цесаревна Елисавета (тетка

---

[1]) Подъ именемъ государственныхъ чиновъ депеши разумѣютъ высшихъ административныхъ лицъ и вельможъ, находившихся въ Москвѣ въ началѣ 1730 года; русскіе источники называютъ ихъ въ совокупности „генералитетомъ“.

терминовъ; таковы: *кондиціи, пункты, факціи*, и т. д. Счетъ дней въ депешахъ означенъ по григоріанскому календарю.

Разсказъ Маньяна начинается съ того времени, когда совершилось избраніе Анны, и верховный тайный совѣтъ отправилъ депутатовъ для сообщенія ей извѣстія о случившемся.

I.

Москва, 2-го февраля 1730 года.

Выдаютъ за достовѣрное, что депутація, отправленная къ герцогинѣ Курляндской, имѣетъ порученіе объявить ей, что корона предлагается ей отъ имени государственныхъ чиновъ (les états) [1]) не иначе, какъ если ей угодно будетъ принять и одобрить постановленія, которыя имѣютъ быть составлены о новой формѣ правленія, и утвердить ихъ подлинною подписью (les ratifier de la manière la plus authentique).

Этимъ важнымъ дѣломъ нынѣ и занимаются; но въ настоящее время еще нельзя знать, какова будетъ эта новая форма правленія, и будетъ ли она составлена по образцу Англіи или Швеціи. Однако, относительно намѣреній старинныхъ русскихъ фамилій извѣстно, что онѣ воспользуются столь благопріятною коньюнктурою, чтобъ избавиться отъ того ужаснаго порабощенія, въ которомъ находились понынѣ, и поставятъ предѣлы той безграничной власти, въ силу которой русскіе государи могли по своей доброй волѣ располагать жизнью и имѣніемъ своихъ подданныхъ, безъ различія въ составѣ и формѣ суда, такъ что въ этомъ отношеніи вельможи Русскаго государства не имѣли, сравнительно съ простымъ народомъ, никакихъ преимуществъ, которыя ограждали бы ихъ отъ кнута и лишенія всѣхъ чиновъ и должностей. И такъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что русскіе вельможи прежде всего обратятъ вниманіе на это обстоятельство; по крайней мѣрѣ, если они не сдѣлаютъ этого, нельзя будетъ не сказать, что они пропустили удобный случай по недостатку мужества.

II.

Февраль 1730 года.

Иностранные министры и дипломатическіе агенты были очень удивлены избраніемъ герцогини Курляндской; догадки ихъ не простирались на дочерей царя Ивана; въ ихъ предположенія входили только сынъ герцога Гольштинскаго, цесаревна Елисавета (тетка

---

[1]) Подъ именемъ государственныхъ чиновъ депеши разумѣютъ высшихъ административныхъ лицъ и вельможъ, находившихся въ Москвѣ въ началѣ 1730 года; русскіе источники называютъ ихъ въ совокупности „генералитетомъ“.

покойнаго царя)[1]), его бабка и княжна Екатерина Долгорукая. Но узнавъ кондиціи, предложенныя герцогинѣ Курляндской, легко узнаешь и тайную причину такого выбора. Первая изъ этихъ кондицій—та, чтобъ новая царица не вступала въ новый бракъ, а вторая—что ея дѣйствіями долженъ руководить совѣтъ, избранный націей. Это ограниченіе заставляетъ сомнѣваться, приметъ ли герцогиня Курляндская избраніе; но есть полное вѣроятіе, что привлекательность власти и надежда свергнуть со временемъ иго, налагаемое на избранную, не дозволятъ ей отказаться отъ трона, который достается ей только судьбою.

Что касается самихъ Русскихъ, ихъ разсчеты въ этихъ обстоятельствахъ не подлежатъ сомнѣнію. Недавній примѣръ случая Долгорукихъ заставляетъ ихъ бояться власти фаворитовъ, которые всегда могутъ властвовать надъ ними, доколѣ русскіе государи будутъ столь полновластны, и потому Русскіе хотятъ или уничтожить монархію, или до крайности ослабить власть государя, поставивъ ее подъ вліяніе аристократіи (ils veulent ou abolir la monarchie, ou en diminuer le pouvoir par un mêlange d'aristocratie). Въ этихъ видахъ для Россіи предлагаются различныя формы правленія: одни хотятъ ограничить права короны властью парламента, какъ въ Англіи, другіе—какъ въ Швеціи; иные полагаютъ учредить избирательную форму правленія, по образцу Польши; наконецъ, нѣкоторые предлагаютъ совершенно раздѣлить власть между вельможами страны, образовавъ аристократическую республику; такимъ образомъ, планъ ихъ при предоставленіи русскаго престола герцогинѣ Курляндской, заключается какъ бы въ томъ, чтобы дать ей корону въ пользованіе и ввѣрить ей престолъ лишь до той поры, пока они согласятся между собою въ томъ, какую учредить форму правленія. Отсюда легко понять, что намѣреніе націи состоитъ въ томъ, чтобы постепенно возвратиться къ своему прежнему состоянію и своимъ прежнимъ обычаямъ; и если достовѣрно, что императоръ[2]), при жизни покойнаго царя, не могъ разсчитывать на его помощь, то не оспоримо, что въ настоящее время онъ долженъ отказаться отъ всякаго призрака возможности извлечь какую-либо выгоду изъ Россіи.

Приложенія къ № II-му.

Кондиціи, которыя князь Василій Лукичъ Долгорукій, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ и генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ повезли въ Митаву, и которыя подписала царица при принятіи короны.

А.

1) Она совѣщается съ верховнымъ совѣтомъ по всѣмъ дѣламъ управленія.

---

[1]) Въ подлинникѣ: „à la princesse Isabelle, soeur du feu czar".

[2]) Разумѣется, императоръ Германскій Карлъ VI.

покойнаго царя)[1]), его бабка и княжна Екатерина Долгорукая. Но узнавъ кондиціи, предложенныя герцогинѣ Курляндской, легко узнаешь и тайную причину такого выбора. Первая изъ этихъ кондицій—та, чтобъ новая царица не вступала въ новый бракъ, а вторая—что ея дѣйствіями долженъ руководить совѣтъ, избранный націей. Это ограниченіе заставляетъ сомнѣваться, приметъ ли герцогиня Курляндская избраніе; но есть полное вѣроятіе, что привлекательность власти и надежда свергнуть со временемъ иго, налагаемое на избранную, не дозволятъ ей отказаться отъ трона, который достается ей только судьбою.

Что касается самихъ Русскихъ, ихъ разсчеты въ этихъ обстоятельствахъ не подлежатъ сомнѣнію. Недавній примѣръ случая Долгорукихъ заставляетъ ихъ бояться власти фаворитовъ, которые всегда могутъ властвовать надъ ними, доколѣ русскіе государи будутъ столь полновластны, и потому Русскіе хотятъ или уничтожить монархію, или до крайности ослабить власть государя, поставивъ ее подъ вліяніе аристократіи (ils veulent ou abolir la monarchie, ou en diminuer le pouvoir par un mêlange d'aristocratie). Въ этихъ видахъ для Россіи предлагаются различныя формы правленія: одни хотятъ ограничить права короны властью парламента, какъ въ Англіи, другіе—какъ въ Швеціи; иные полагаютъ учредить избирательную форму правленія, по образцу Польши; наконецъ, нѣкоторые предлагаютъ совершенно раздѣлить власть между вельможами страны, образовавъ аристократическую республику; такимъ образомъ, планъ ихъ при предоставленіи русскаго престола герцогинѣ Курляндской, заключается какъ бы въ томъ, чтобы дать ей корону въ пользованіе и ввѣрить ей престолъ лишь до той поры, пока они согласятся между собою въ томъ, какую учредить форму правленія. Отсюда легко понять, что намѣреніе націи состоитъ въ томъ, чтобы постепенно возвратиться къ своему прежнему состоянію и своимъ прежнимъ обычаямъ; и если достовѣрно, что императоръ[2]), при жизни покойнаго царя, не могъ разсчитывать на его помощь, то не оспоримо, что въ настоящее время онъ долженъ отказаться отъ всякаго призрака возможности извлечь какую-либо выгоду изъ Россіи.

Приложенія къ № II-му.

Кондиціи, которыя князь Василій Лукичъ Долгорукій, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ и генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ повезли въ Митаву, и которыя подписала царица при принятіи короны.

А.

1) Она совѣщается съ верховнымъ совѣтомъ по всѣмъ дѣламъ управленія.

---

[1]) Въ подлинникѣ: „à la princesse Isabelle, soeur du feu czar".

[2]) Разумѣется, императоръ Германскій Карлъ VI.

2) Безъ согласія (consentement) помянутаго совѣта она не заключаетъ мира и не объявляетъ войны.

3) Безъ его же согласія (aveu) она не устанавливаетъ никакого новаго сбора или налога.

4) Безъ его же согласія (consentement) она не раздаетъ никакихъ значительныхъ должностей.

5) Она не осуждаетъ и не казнитъ никого изъ дворянства, доколѣ онъ не будетъ изобличенъ по суду въ томъ, что заслуживаетъ смерти.

6) Имѣніе дворянина не можетъ быть конфисковано у него иначе, какъ по очевидномъ доказательствѣ его преступленія.

7) Безъ согласія (consentement) совѣта она не раздаетъ и не отчуждаетъ никакихъ имѣній, составляющихъ государственную собственность.

8) Безъ согласія (avis) верховнаго совѣта она не вступаетъ въ бракъ и не избираетъ себѣ наслѣдника; и пр.

Б.

Кондиціи, на которыхъ герцогиня Курляндская была избрана Русскою царицею.

1) Она никогда не вступитъ въ новый бракъ ни съ Русскимъ, ни съ иностранцемъ.

2) Она не будетъ имѣть права ни при жизни, ни при самой кончинѣ назначать кого-либо себѣ въ наслѣдники, такъ какъ право избранія ей наслѣдника предоставляется верховному совѣту.

3) Она никогда не будетъ стараться вступить въ совѣтъ, не будетъ раздавать никакихъ милостей кому бы то ни было и не будетъ жаловать въ чины выше полковника.

4) Если необходимость потребуетъ присутствія государыни въ совѣтѣ, то она будетъ имѣть въ немъ только два голоса, которые опредѣляются ей въ знакъ ея верховнаго достоинства и для постановленія рѣшенія, если мнѣнія въ совѣтѣ будутъ различны или раздѣлятся поровну.

5) Она никогда не будетъ имѣть права смѣнять членовъ совѣта, ни избирать новыхъ на вакантныя мѣста.

6) Она не будетъ имѣть права разсматривать бюджетъ (les comptes) или другія дѣла, проходящія черезъ совѣтъ, и когда они будутъ доведены до ея свѣдѣнія, она не будетъ имѣть права отмѣнять, пріостанавливать или уничтожать ихъ.

7) Ея забота будетъ состоять въ томъ, чтобъ утверждать то, что представитъ ей совѣтъ.

III.

6-го февраля 1730 года.

Пишу вамъ, такъ какъ положеніе здѣшняго двора таково, что я не позволяю себѣ пропустить ни одной почты. Впрочемъ, не

2) Безъ согласія (consentement) помянутаго совѣта она не заключаетъ мира и не объявляетъ войны.

3) Безъ его же согласія (aveu) она не устанавливаетъ никакого новаго сбора или налога.

4) Безъ его же согласія (consentement) она не раздаетъ никакихъ значительныхъ должностей.

5) Она не осуждаетъ и не казнитъ никого изъ дворянства, доколѣ онъ не будетъ изобличенъ по суду въ томъ, что заслуживаетъ смерти.

6) Имѣніе дворянина не можетъ быть конфисковано у него иначе, какъ по очевидномъ доказательствѣ его преступленія.

7) Безъ согласія (consentement) совѣта она не раздаетъ и не отчуждаетъ никакихъ имѣній, составляющихъ государственную собственность.

8) Безъ согласія (avis) верховнаго совѣта она не вступаетъ въ бракъ и не избираетъ себѣ наслѣдника; и пр.

Б.

Кондиціи, на которыхъ герцогиня Курляндская была избрана Русскою царицею.

1) Она никогда не вступитъ въ новый бракъ ни съ Русскимъ, ни съ иностранцемъ.

2) Она не будетъ имѣть права ни при жизни, ни при самой кончинѣ назначать кого-либо себѣ въ наслѣдники, такъ какъ право избранія ей наслѣдника предоставляется верховному совѣту.

3) Она никогда не будетъ стараться вступить въ совѣтъ, не будетъ раздавать никакихъ милостей кому бы то ни было и не будетъ жаловать въ чины выше полковника.

4) Если необходимость потребуетъ присутствія государыни въ совѣтѣ, то она будетъ имѣть въ немъ только два голоса, которые опредѣляются ей въ знакъ ея верховнаго достоинства и для постановленія рѣшенія, если мнѣнія въ совѣтѣ будутъ различны или раздѣлятся поровну.

5) Она никогда не будетъ имѣть права смѣнять членовъ совѣта, ни избирать новыхъ на вакантныя мѣста.

6) Она не будетъ имѣть права разсматривать бюджетъ (les comptes) или другія дѣла, проходящія черезъ совѣтъ, и когда они будутъ доведены до ея свѣдѣнія, она не будетъ имѣть права отмѣнять, пріостанавливать или уничтожать ихъ.

7) Ея забота будетъ состоять въ томъ, чтобъ утверждать то, что представитъ ей совѣтъ.

III.

6-го февраля 1730 года.

Пишу вамъ, такъ какъ положеніе здѣшняго двора таково, что я не позволяю себѣ пропустить ни одной почты. Впрочемъ, не

могу сообщить вамъ ничего болѣе точнаго въ дополненіе къ моей депешѣ отъ 2-го числа сего мѣсяца; могу только подтвердить ее, то есть, что здѣсь окончательно огласилось извѣстіе, что государственные чины избрали герцогиню Курляндскую на русскій престолъ, но при условіяхъ весьма различныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ другіе государи вступали на тотъ же престолъ. Дать вполнѣ точное понятіе о формѣ, которую приметъ здѣшнее правительство, тѣмъ труднѣе, что кажется, и сами министры, занимающіеся этимъ вопросомъ и собирающіеся для этой цѣли каждое утро и каждый вечеръ, не пришли еще къ полному соглашенію между собою. Въ слѣдствіе того, я повременю дать вамъ отчетъ о томъ, выжидая, чтобы дѣла разъяснились нѣсколько болѣе, ибо каждое лицо, съ которымъ приходится говорить, высказываетъ свое особое мнѣніе: по мнѣнію однихъ, новая царица должна только носить титулъ, вся же верховная власть должна быть сосредоточена въ верховномъ совѣтѣ; по мнѣнію же другихъ, учрежденіе такой формы правленія не можетъ удовлетворить мелкое дворянство, которое очень многочисленно въ здѣшней странѣ, а потому должны быть опредѣлены условія, которыя ограждали бъ это дворянство отъ могущаго ему случиться вреда. И такъ, необходимо имѣть еще терпѣніе, чтобъ узнать въ точности, каковы будутъ законы о будущей формѣ правленія. Вообще по мнѣнію, сложившемуся объ этомъ предметѣ у министровъ сосѣднихъ Россіи державъ, кажется, что послѣднія впредь не будутъ имѣть такихъ безпокойствъ относительно Россіи, какія имѣли доселѣ.

IV.

Москва, 13-го февраля 1730 года.

Около двухъ недѣль прошло со времени кончины царя, а между тѣмъ до сихъ поръ еще не рѣшили, какая здѣсь будетъ введена форма правленія; это происходило отъ непзвѣстности о томъ, приметъ ли герцогиня Курляндская корону на предписанныхъ ей кондиціяхъ; но третьяго-дня прибылъ сюда гонецъ, отправленный депутатами, поѣхавшими къ этой государынѣ, и привезъ извѣстіе, что она согласилась на избраніе и предложенныя ей кондиціи и предполагала выѣхать изъ Митавы 9-го числа сего мѣсяца, для вступленія на престолъ. Таковъ по крайней мѣрѣ слухъ, распространившійся со времени прибытія этого гонца. Но даже если мы предположимъ, что казавшееся опаснымъ затрудненіе относительно согласія герцогини устранено, то нельзя еще думать, что также просто сладится дѣло и относительно тѣхъ затрудненій, которыя касаются различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ учрежденіемъ новой формы правленія, такъ какъ толки по этому поводу не убѣждаютъ правительство (il n'est pas encore certain qu'il en puisse être aussi aisément de même de celles (difficultés) qu'on prétend qui se rencontrent sur différents articles de l'établissement d'une nouvelle forme de

могу сообщить вамъ ничего болѣе точнаго въ дополненіе къ моей депешѣ отъ 2-го числа сего мѣсяца; могу только подтвердить ее, то есть, что здѣсь окончательно огласилось извѣстіе, что государственные чины избрали герцогиню Курляндскую на русскій престолъ, но при условіяхъ весьма различныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ другіе государи вступали на тотъ же престолъ. Дать вполнѣ точное понятіе о формѣ, которую приметъ здѣшнее правительство, тѣмъ труднѣе, что кажется, и сами министры, занимающіеся этимъ вопросомъ и собирающіеся для этой цѣли каждое утро и каждый вечеръ, не пришли еще къ полному соглашенію между собою. Въ слѣдствіе того, я повременю дать вамъ отчетъ о томъ, выжидая, чтобы дѣла разъяснились нѣсколько болѣе, ибо каждое лицо, съ которымъ приходится говорить, высказываетъ свое особое мнѣніе: по мнѣнію однихъ, новая царица должна только носить титулъ, вся же верховная власть должна быть сосредоточена въ верховномъ совѣтѣ; по мнѣнію же другихъ, учрежденіе такой формы правленія не можетъ удовлетворить мелкое дворянство, которое очень многочисленно въ здѣшней странѣ, а потому должны быть опредѣлены условія, которыя ограждали бъ это дворянство отъ могущаго ему случиться вреда. И такъ, необходимо имѣть еще терпѣніе, чтобъ узнать въ точности, каковы будутъ законы о будущей формѣ правленія. Вообще по мнѣнію, сложившемуся объ этомъ предметѣ у министровъ сосѣднихъ Россіи державъ, кажется, что послѣднія впредь не будутъ имѣть такихъ безпокойствъ относительно Россіи, какія имѣли доселѣ.

IV.

Москва, 13-го февраля 1730 года.

Около двухъ недѣль прошло со времени кончины царя, а между тѣмъ до сихъ поръ еще не рѣшили, какая здѣсь будетъ введена форма правленія; это происходило отъ непзвѣстности о томъ, приметъ ли герцогиня Курляндская корону на предписанныхъ ей кондиціяхъ; но третьяго-дня прибылъ сюда гонецъ, отправленный депутатами, поѣхавшими къ этой государынѣ, и привезъ извѣстіе, что она согласилась на избраніе и предложенныя ей кондиціи и предполагала выѣхать изъ Митавы 9-го числа сего мѣсяца, для вступленія на престолъ. Таковъ по крайней мѣрѣ слухъ, распространившійся со времени прибытія этого гонца. Но даже если мы предположимъ, что казавшееся опаснымъ затрудненіе относительно согласія герцогини устранено, то нельзя еще думать, что также просто сладится дѣло и относительно тѣхъ затрудненій, которыя касаются различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ учрежденіемъ новой формы правленія, такъ какъ толки по этому поводу не убѣждаютъ правительство (il n'est pas encore certain qu'il en puisse être aussi aisément de même de celles (difficultés) qu'on prétend qui se rencontrent sur différents articles de l'établissement d'une nouvelle forme de

gouvernement, car les discours qui se tiennent à cet égard ne le persuadent point). Г. Остерманъ по прежнему притворяется больнымъ, чтобъ освободить себя отъ необходимости принимать участіе въ этомъ трудномъ дѣлѣ, и за послѣднее взялся, какъ говорятъ, старикъ князь Голицынъ, членъ верховнаго совѣта. Увѣряютъ, что планъ этого министра заключается въ слѣдующемъ: 1) власть государыни не должна распространяться далѣе внутренняго управленія двора; а вся власть верховная (souveraine) должна быть предоставлена верховному совѣту, составленному изъ десяти членовъ, которые одни могутъ располагать должностями и войсками; сверхъ этого совѣта, должно учредить еще три собранія: сенатъ, состоящій изъ тридцати-шести членовъ, дворянскую палату изъ двухъсотъ человѣкъ, и наконецъ, третью палату, составленную изъ выборныхъ (députés) отъ каждаго города. Но такъ какъ многіе изъ мелкаго дворянства (которое при подобномъ измѣненіи старыхъ порядковъ управленія было бы поставлено въ безвыходное положеніе), какъ говорятъ, намекнули подъ рукою, что при принесеніи, по русскому обычаю, присяги новой царицѣ, легко могутъ произойдти неожиданныя затрудненія, то это обстоятельство, по видимому, разстроило первоначальный проэктъ князя Голицина; къ тому же здѣсь образуется ежедневно множество различныхъ факцій, и въ нихъ несомнѣнно участвуютъ и наименѣе покорные изъ духовенства, которое оскорблено презрѣніемъ къ нему, обнаруженнымъ тѣмъ же княземъ Голицынымъ, въ слѣдствіе чего ни одно изъ духовныхъ лицъ не было призвано въ собраніе государственныхъ чиновъ для избранія новой царицы, подъ тѣмъ предлогомъ, что духовенство опозорило себя, оказавъ, послѣ смерти царя Петра I, содѣйствіе изъ корыстныхъ цѣлей къ возведенію на русскій престолъ, въ ущербъ законному наслѣднику, лица, которое должно было остаться совершенно чуждо ему.

Всѣ эти соображенія внушаютъ здѣсь довольно сильныя опасенія, и изъ того заключаютъ, что или мысль объ измѣненіи формы правленія будетъ покинута, и власть новой государыни будетъ сохранена въ томъ видѣ, какъ было при ея предшественникѣ, или же предполагаемыя нововведенія осуществятся не легко, не безъ того, чтобы породить въ этой странѣ внутреннія безпокойства; все это тѣмъ болѣе усиливаетъ общее нетерпѣніе, и всѣ хотятъ знать, можетъ ли предстоящее прибытіе царицы успокоить общественныя безпокойства.

V.

Москва, 18-го февраля 1730 года.

Ожидали, что проэктъ новаго управленія будетъ обнародованъ вчера или сегодня; но ничего еще не оглашено, изъ чего должно заключить, что обнародованіе проэкта имѣетъ быть отложено до прибытія новой царицы, которая—какъ я ужъ имѣлъ честь извѣ-

gouvernement, car les discours qui se tiennent à cet égard ne le persuadent point). Г. Остерманъ по прежнему притворяется больнымъ, чтобъ освободить себя отъ необходимости принимать участіе въ этомъ трудномъ дѣлѣ, и за послѣднее взялся, какъ говорятъ, старикъ князь Голицынъ, членъ верховнаго совѣта. Увѣряютъ, что планъ этого министра заключается въ слѣдующемъ: 1) власть государыни не должна распространяться далѣе внутренняго управленія двора; а вся власть верховная (souveraine) должна быть предоставлена верховному совѣту, составленному изъ десяти членовъ, которые одни могутъ располагать должностями и войсками; сверхъ этого совѣта, должно учредить еще три собранія: сенатъ, состоящій изъ тридцати-шести членовъ, дворянскую палату изъ двухъсотъ человѣкъ, и наконецъ, третью палату, составленную изъ выборныхъ (députés) отъ каждаго города. Но такъ какъ многіе изъ мелкаго дворянства (которое при подобномъ измѣненіи старыхъ порядковъ управленія было бы поставлено въ безвыходное положеніе), какъ говорятъ, намекнули подъ рукою, что при принесеніи, по русскому обычаю, присяги новой царицѣ, легко могутъ произойдти неожиданныя затрудненія, то это обстоятельство, по видимому, разстроило первоначальный проэктъ князя Голицина; къ тому же здѣсь образуется ежедневно множество различныхъ факцій, и въ нихъ несомнѣнно участвуютъ и наименѣе покорные изъ духовенства, которое оскорблено презрѣніемъ къ нему, обнаруженнымъ тѣмъ же княземъ Голицынымъ, въ слѣдствіе чего ни одно изъ духовныхъ лицъ не было призвано въ собраніе государственныхъ чиновъ для избранія новой царицы, подъ тѣмъ предлогомъ, что духовенство опозорило себя, оказавъ, послѣ смерти царя Петра I, содѣйствіе изъ корыстныхъ цѣлей къ возведенію на русскій престолъ, въ ущербъ законному наслѣднику, лица, которое должно было остаться совершенно чуждо ему.

Всѣ эти соображенія внушаютъ здѣсь довольно сильныя опасенія, и изъ того заключаютъ, что или мысль объ измѣненіи формы правленія будетъ покинута, и власть новой государыни будетъ сохранена въ томъ видѣ, какъ было при ея предшественникѣ, или же предполагаемыя нововведенія осуществятся не легко, не безъ того, чтобы породить въ этой странѣ внутреннія безпокойства; все это тѣмъ болѣе усиливаетъ общее нетерпѣніе, и всѣ хотятъ знать, можетъ ли предстоящее прибытіе царицы успокоить общественныя безпокойства.

V.

Москва, 18-го февраля 1730 года.

Ожидали, что проэктъ новаго управленія будетъ обнародованъ вчера или сегодня; но ничего еще не оглашено, изъ чего должно заключить, что обнародованіе проэкта имѣетъ быть отложено до прибытія новой царицы, которая—какъ я ужь имѣлъ честь извѣ-

стить васъ три дня тому назадъ—находится теперь на пути изъ Митавы.

Вполнѣ достовѣрно, что эта государыня согласилась на всѣ предписанныя ей кондиціи, а равно и на ту форму правленія, которую предполагаютъ уставить государственные чины. Генералъ-маіоръ Леонтьевъ, одинъ изъ депутатовъ, три дня тому назадъ прибывшій сюда съ удостовѣреніемъ, которое эта государыня прислала государственнымъ чинамъ, былъ немедленно произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Безпокойства о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть образованіе различныхъ факцій, направленныхъ противъ этихъ нововведеній, растутъ ежеминутно. Г. Ягужинскій, являвшійся, въ первыхъ собраніяхъ государственныхъ чиновъ, однимъ изъ самыхъ усердныхъ сторонниковъ свободы отечества (какъ говорятъ нынѣ въ Россіи), былъ арестованъ въ минувшій понедѣльникъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность написать императрицѣ письмо, въ которомъ совѣтовалъ ей не подписывать кондицій, предлагаемыхъ ей депутатами, и не принимать короны иначе какъ на тѣхъ же условіяхъ, на коихъ владѣли ея предки, и увѣрялъ ее, что она можетъ расчитывать какъ на его шпагу, такъ и на вооруженную помощь многихъ другихъ лицъ, объ именахъ которыхъ сообщитъ ей изустно посылаемый имъ нарочный: таково было содержаніе этого письма.

Одни говорятъ, что сама новая царица выдала гонца депутатамъ съ цѣлью убѣдить ихъ въ искреннемъ ея желаніи сообразоваться во всемъ ихъ совѣтами и рѣшеніями государственныхъ чиновъ, избравшихъ ее; другіе же утверждаютъ, что князь Долгорукій, отправленный депутатомъ къ этой государынѣ, первый открылъ этотъ заговоръ на пути въ Митаву, арестовалъ нарочнаго и взялъ у него письмо. Какъ бы то ни было, достовѣрно, что г. Леонтьевъ, бывшій однимъ изъ депутатовъ, представилъ это письмо чинамъ по своемъ возвращеніи, и это нарочный, посланный г. Ягужинскимъ и арестованный, привезенъ въ Москву скованнымъ; его фамилія Сумароковъ, и прежде онъ былъ каммеръ-юнкеромъ герцогини Голштинской въ Килѣ. Вчера государственные чины были въ собраніи въ теченіе всего дня, какъ для производства суда надъ г. Ягужинскимъ, который прежде всего былъ лишенъ голубой ленты, такъ и для раскрытія его сообщниковъ; ихъ арестуютъ ежеминутно между людьми всѣхъ состояній и полагаютъ, что уже человѣкъ тридцать находятся въ заключеніи. Замѣчаютъ, что великій канцлеръ Головкинъ, тесть г. Ягужинскаго, присутствовавшій въ собраніи при арестѣ послѣдняго, вышелъ изъ засѣданія, не сказавъ ни слова, и отправился домой; но не говорятъ однако, что онъ подозрѣвается въ томъ, что зналъ о поступкѣ зятя.

Мѣра, принятая государственными чинами относительно г. Ягужинскаго, равно какъ возведеніе г. Леонтьева въ чинъ генералъ-лейтенанта, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что чины твердо рѣшились отстаивать свой проэктъ объ измѣненіи формы правле-

стить васъ три дня тому назадъ—находится теперь на пути изъ Митавы.

Вполнѣ достовѣрно, что эта государыня согласилась на всѣ предписанныя ей кондиціи, а равно и на ту форму правленія, которую предполагаютъ уставить государственные чины. Генералъ-маіоръ Леонтьевъ, одинъ изъ депутатовъ, три дня тому назадъ прибывшій сюда съ удостовѣреніемъ, которое эта государыня прислала государственнымъ чинамъ, былъ немедленно произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Безпокойства о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть образованіе различныхъ факцій, направленныхъ противъ этихъ нововведеній, растутъ ежеминутно. Г. Ягужинскій, являвшійся, въ первыхъ собраніяхъ государственныхъ чиновъ, однимъ изъ самыхъ усердныхъ сторонниковъ свободы отечества (какъ говорятъ нынѣ въ Россіи), былъ арестованъ въ минувшій понедѣльникъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность написать императрицѣ письмо, въ которомъ совѣтовалъ ей не подписывать кондицій, предлагаемыхъ ей депутатами, и не принимать короны иначе какъ на тѣхъ же условіяхъ, на коихъ владѣли ея предки, и увѣрялъ ее, что она можетъ расчитывать какъ на его шпагу, такъ и на вооруженную помощь многихъ другихъ лицъ, объ именахъ которыхъ сообщитъ ей изустно посылаемый имъ нарочный: таково было содержаніе этого письма.

Одни говорятъ, что сама новая царица выдала гонца депутатамъ съ цѣлью убѣдить ихъ въ искреннемъ ея желаніи сообразоваться во всемъ ихъ совѣтами и рѣшеніями государственныхъ чиновъ, избравшихъ ее; другіе же утверждаютъ, что князь Долгорукій, отправленный депутатомъ къ этой государынѣ, первый открылъ этотъ заговоръ на пути въ Митаву, арестовалъ нарочнаго и взялъ у него письмо. Какъ бы то ни было, достовѣрно, что г. Леонтьевъ, бывшій однимъ изъ депутатовъ, представилъ это письмо чинамъ по своемъ возвращеніи, и это нарочный, посланный г. Ягужинскимъ и арестованный, привезенъ въ Москву скованнымъ; его фамилія Сумароковъ, и прежде онъ былъ каммеръ-юнкеромъ герцогини Голштинской въ Килѣ. Вчера государственные чины были въ собраніи въ теченіе всего дня, какъ для производства суда надъ г. Ягужинскимъ, который прежде всего былъ лишенъ голубой ленты, такъ и для раскрытія его сообщниковъ; ихъ арестуютъ ежеминутно между людьми всѣхъ состояній и полагаютъ, что уже человѣкъ тридцать находятся въ заключеніи. Замѣчаютъ, что великій канцлеръ Головкинъ, тесть г. Ягужинскаго, присутствовавшій въ собраніи при арестѣ послѣдняго, вышелъ изъ засѣданія, не сказавъ ни слова, и отправился домой; но не говорятъ однако, что онъ подозрѣвается въ томъ, что зналъ о поступкѣ зятя.

Мѣра, принятая государственными чинами относительно г. Ягужинскаго, равно какъ возведеніе г. Леонтьева въ чинъ генералъ-лейтенанта, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что чины твердо рѣшились отстаивать свой проэктъ объ измѣненіи формы правле-

нія. Нѣкоторые полагаютъ, что въ составленный планъ вошли слѣдующія статьи, а именно: что всякій иностранецъ исключается изъ верховнаго совѣта; что не смотря на то, Остерманнъ, во уваженіе къ своимъ заслугамъ, останется членомъ его, но что это обстоятельство не должно служить примѣромъ для будущаго; что царица не будетъ имѣть права ни заключать миръ, ни начинать войну безъ согласія (avis et consentement) верховнаго совѣта, въ коемъ ей будетъ принадлежать только два голоса; что на расходы ея двора опредѣляется сумма въ пятьсотъ тысячь рублей; что изъ всѣхъ войскъ она будетъ имѣть команду только надъ однимъ отрядомъ, который будетъ данъ ей для ея личной охраны и охраны ея дворца; что войска, въ томъ числѣ четыре гвардейскіе полка, будутъ зависѣть единственно отъ верховнаго совѣта; что государственная казна будетъ поручена храненію главнаго казначея, избираемаго совѣтомъ, куда будутъ препровождаться предписанія о расходахъ; что если кто изъ дворянства будетъ уличенъ въ преступленіи, онъ будетъ наказанъ по законамъ, но что такъ какъ вина его личная, то и опала его не распространяется на его семейство, какъ то было доселѣ; что наконецъ, всѣ должности будутъ замѣщаться по назначенію совѣта. Но совѣтъ этотъ еще не составленъ, и полагаютъ, что въ настоящее время наибольшія затрудненія заключаются въ избраніи тѣхъ двѣнадцати членовъ, кои должны войдти въ составъ совѣта. Главныя лица, пользующіяся наибольшимъ значеніемъ въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ и возвышающія тамъ свой голосъ, суть князь Дмитрій Голицынъ, братъ его фельдмаршалъ, примкнувшій къ нимъ фельдмаршалъ Долгорукій и князь Черкасскій, котораго считаютъ за ученаго законника.

Приложеніе къ № V.

Выдержка изъ предписанія министерства г. Маньяну.

Версаль, 27-го марта 1730 года.

Мѣры, принятыя относительно г. Ягужинскаго, могутъ подать поводъ къ значительнѣйшимъ движеніямъ; но онѣ даютъ возможность думать, что партія *старыхъ Русскихъ* (vieux Russes) имѣетъ твердое намѣреніе поддержать центръ власти, независимый отъ власти новой государыни (soutenir un centre d'autorité indépendant de celle de la nouvelle czarine). Нельзя не ожидать отъ васъ любопытнѣйшихъ подробностей по этому предмету, и мы прочтемъ ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

VI.

Москва, 27-го февраля 1730 года.

Такъ какъ согласно извѣстію, которое я имѣлъ честь сообщить вамъ въ моей послѣдней депешѣ, новая царица на прошлой не-

нія. Нѣкоторые полагаютъ, что въ составленный планъ вошли слѣдующія статьи, а именно: что всякій иностранецъ исключается изъ верховнаго совѣта; что не смотря на то, Остерманнъ, во уваженіе къ своимъ заслугамъ, останется членомъ его, но что это обстоятельство не должно служить примѣромъ для будущаго; что царица не будетъ имѣть права ни заключать миръ, ни начинать войну безъ согласія (avis et consentement) верховнаго совѣта, въ коемъ ей будетъ принадлежать только два голоса; что на расходы ея двора опредѣляется сумма въ пятьсотъ тысячь рублей; что изъ всѣхъ войскъ она будетъ имѣть команду только надъ однимъ отрядомъ, который будетъ данъ ей для ея личной охраны и охраны ея дворца; что войска, въ томъ числѣ четыре гвардейскіе полка, будутъ зависѣть единственно отъ верховнаго совѣта; что государственная казна будетъ поручена храненію главнаго казначея, избираемаго совѣтомъ, куда будутъ препровождаться предписанія о расхо́дахъ; что если кто изъ дворянства будетъ уличенъ въ преступленіи, онъ будетъ наказанъ по законамъ, но что такъ какъ вина его личная, то и опала его не распространяется на его семейство, какъ то было доселѣ; что наконецъ, всѣ должности будутъ замѣщаться по назначенію совѣта. Но совѣтъ этотъ еще не составленъ, и полагаютъ, что въ настоящее время наибольшія затрудненія заключаются въ избраніи тѣхъ двѣнадцати членовъ, кои должны войдти въ составъ совѣта. Главныя лица, пользующіяся наибольшимъ значеніемъ въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ и возвышающія тамъ свой голосъ, суть князь Дмитрій Голицынъ, братъ его фельдмаршалъ, примкнувшій къ нимъ фельдмаршалъ Долгорукій и князь Черкасскій, котораго считаютъ за ученаго законника.

Приложеніе къ № V.

Выдержка изъ предписанія министерства г. Маньяну.

Версаль, 27-го марта 1730 года.

Мѣры, принятыя относительно г. Ягужинскаго, могутъ подать поводъ къ значительнѣйшимъ движеніямъ; но онѣ даютъ возможность думать, что партія *старыхъ Русскихъ* (vieux Russes) имѣетъ твердое намѣреніе поддержать центръ власти, независимый отъ власти новой государыни (soutenir un centre d'autorité indépendant de celle de la nouvelle czarine). Нельзя не ожидать отъ васъ любопытнѣйшихъ подробностей по этому предмету, и мы прочтемъ ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

VI.

Москва, 27-го февраля 1730 года.

Такъ какъ согласно извѣстію, которое я имѣлъ честь сообщить вамъ въ моей послѣдней депешѣ, новая царица на прошлой не-

дѣлѣ прибыла на восьмиверстное разстояніе отъ здѣшней столицы, то члены верховнаго совѣта, сенаторы, фельдмаршалы и представители генералитета представлялись этой государынѣ третьяго дня въ субботу для изъявленія ей благодарности за то, что она приняла корону на кондиціяхъ, означенныхъ въ пунктахъ, которые были представлены ей депутатами отъ разныхъ сословій Русскаго государства, и чтобы въ то же время принести ей поздравленіе съ вступленіемъ на престолъ; притомъ, такъ какъ русскимъ государямъ принадлежитъ гроссмейстерство ордена св. Андрея, то они сочли долгомъ поднести ей знаки его; сверхъ того, они извѣстили императрицу, что такъ какъ приготовленія къ торжественному въѣзду ея въ Москву окончены, то отъ нея зависитъ назначить день для этого торжества.

Царица отвѣчала, что она дѣйствительно подписала упомянутые пункты, чтобъ сдѣлать чинамъ удовольствіе, и увѣрила ихъ, что будетъ соблюдать эти пункты всю свою жизнь въ той надеждѣ, что чины своими мудрыми совѣтами помогутъ ей сдѣлать ея царствованіе счастливымъ. Затѣмъ она приняла голубую ленту изъ рукъ г. великаго канцлера Головкина, какъ старшаго изъ кавалеровъ этого ордена, и объявила, что располагаетъ имѣть въѣздъ въ Москву на слѣдующій день, въ воскресенье, то есть, вчера, — что и воспослѣдовало около полудня; по этому случаю трауръ былъ снятъ на три дня.

VII.

Москва, 9-го марта 1730 года.

Такъ какъ г. де Лиріа благосклонно увѣдомилъ меня, нынѣче ночью, что черезъ два часа онъ отправляетъ гонца, который проѣдетъ черезъ Парижъ, то я пользуюсь случаемъ, чтобъ извѣстить васъ, что вчера, послѣ полудня, когда императрица прибыла въ собраніе государственныхъ чиновъ, генералъ-маіоръ гвардіи Юсуповъ подалъ ея величеству проектъ новой формы правленія въ девяти статьяхъ, составленныхъ княземъ Черкасскимъ по тѣмъ пунктамъ, которые были подписаны государынею въ Митавѣ, съ просьбой одобрить и утвердить эти статьи въ настоящемъ ихъ видѣ, если только она не пожелаетъ объявить свою волю о сохраненіи самодержавной власти. Тогда послышались разные голоса, объявлявшіе, что все дворянское сословіе единодушно требуетъ сохраненія самодержавной власти, что однако, говорятъ, возбудило довольно сильныя пренія въ собраніи; но они были немедленно прекращены значительнѣйшими изъ офицеровъ гвардіи, которые, видя, что царица начинаетъ приходить въ смущеніе, упросили ее высказаться согласно съ желаніями дворянства. Говорятъ даже, что маіоръ гвардіи Салтыковъ предложилъ ея царскому величеству немедленно привести въ исполненіе тѣ повелѣнія, которыя ей угодно будетъ дать для обузданія сопротивляющихся. Тогда царица,

дѣлѣ прибыла на восьмиверстное разстояніе отъ здѣшней столицы, то члены верховнаго совѣта, сенаторы, фельдмаршалы и представители генералитета представлялись этой государынѣ третьяго дня въ субботу для изъявленія ей благодарности за то, что она приняла корону на кондиціяхъ, означенныхъ въ пунктахъ, которые были представлены ей депутатами отъ разныхъ сословій Русскаго государства, и чтобы въ то же время принести ей поздравленіе съ вступленіемъ на престолъ; притомъ, такъ какъ русскимъ государямъ принадлежитъ гроссмейстерство ордена св. Андрея, то они сочли долгомъ поднести ей знаки его; сверхъ того, они извѣстили императрицу, что такъ какъ приготовленія къ торжественному въѣзду ея въ Москву окончены, то отъ нея зависитъ назначить день для этого торжества.

Царица отвѣчала, что она дѣйствительно подписала упомянутые пункты, чтобъ сдѣлать чинамъ удовольствіе, и увѣрила ихъ, что будетъ соблюдать эти пункты всю свою жизнь въ той надеждѣ, что чины своими мудрыми совѣтами помогутъ ей сдѣлать ея царствованіе счастливымъ. Затѣмъ она приняла голубую ленту изъ рукъ г. великаго канцлера Головкина, какъ старшаго изъ кавалеровъ этого ордена, и объявила, что располагаетъ имѣть въѣздъ въ Москву на слѣдующій день, въ воскресенье, то есть, вчера, — что и воспослѣдовало около полудня; по этому случаю трауръ былъ снятъ на три дня.

VII.

Москва, 9-го марта 1730 года.

Такъ какъ г. де Лиріа благосклонно увѣдомилъ меня, нынѣче ночью, что черезъ два часа онъ отправляетъ гонца, который проѣдетъ черезъ Парижъ, то я пользуюсь случаемъ, чтобъ извѣстить васъ, что вчера, послѣ полудня, когда императрица прибыла въ собраніе государственныхъ чиновъ, генералъ-маіоръ гвардіи Юсуповъ подалъ ея величеству проектъ новой формы правленія въ девяти статьяхъ, составленныхъ княземъ Черкасскимъ по тѣмъ пунктамъ, которые были подписаны государынею въ Митавѣ, съ просьбой одобрить и утвердить эти статьи въ настоящемъ ихъ видѣ, если только она не пожелаетъ объявить свою волю о сохраненіи самодержавной власти. Тогда послышались разные голоса, объявлявшіе, что все дворянское сословіе единодушно требуетъ сохраненія самодержавной власти, что однако, говорятъ, возбудило довольно сильныя пренія въ собраніи; но они были немедленно прекращены значительнѣйшими изъ офицеровъ гвардіи, которые, видя, что царица начинаетъ приходить въ смущеніе, упросили ее высказаться согласно съ желаніями дворянства. Говорятъ даже, что маіоръ гвардіи Салтыковъ предложилъ ея царскому величеству немедленно привести въ исполненіе тѣ повелѣнія, которыя ей угодно будетъ дать для обузданія сопротивляющихся. Тогда царица,

видя, что таково общее желаніе, велѣла принести пункты, поданные ей въ Митавѣ для ихъ уничтоженія (pour être rayés et biffés), что и было тотчасъ же исполнено, и слѣдовательно, самодержавная власть осталась при всѣхъ прерогативахъ, которыми пользовались предшественники ея царскаго величества. Въ то же время императрица повелѣла освободить изъ-подъ ареста г. Ягужинскаго. Затѣмъ императрица объявила, что она со временемъ, черезъ маіора гвардіи генералъ-лейтенанта Салтыкова, объявитъ свою волю, то есть, свои распоряженія относительно гвардіи.

По выходѣ изъ собранія, то есть, вчера вечеромъ, очень поздно, г. великій канцлеръ Головкинъ извѣстилъ объ этомъ важномъ событіи иностранныхъ министровъ, пребывающихъ при здѣшнемъ дворѣ.

Относительно тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ это странное рѣшеніе было подготовлено, я могъ до сихъ поръ узнать только то, что это сдѣлалось не черезъ князя Долгорукаго, а черезъ г. Остерманна съ одной стороны, и г. Ягужинскаго, съ другой, такъ какъ оба они, одинъ—лежа въ постели, другой—сидя въ заключеніи, нашли возможность дѣйствовать черезъ своихъ женъ и извѣстить царицу о всемъ своемъ планѣ, не смотря на бдительность князя Долгорукаго.

VIII.

Москва, 9-го марта 1730 года.

Вчерашнею ночью я имѣлъ честь писать къ вамъ съ гонцомъ, котораго отправилъ отсюда герцогъ де Лиріа, и который проѣдетъ черезъ Парижъ; хотя я и увѣренъ, что онъ обгонитъ почту, однако считаю не лишнимъ приложить здѣсь, на всякій случай, дупликатъ вышеупомянутой моей депеши.

Вы усмотрите изъ нея, какое важное событіе совершилось здѣсь вчера вечеромъ—возстановленіе самодержавной власти, которая, казалось, была уничтожена съ восшествіемъ царицы на престолъ. По мнѣнію Русскихъ, нѣсколько знающихъ исторію своей страны, такое обстоятельство случается уже не въ первый разъ; они утверждаютъ, что послѣдній изъ русскихъ государей, бывшихъ до того времени, когда корона перешла въ родъ Романовыхъ, нынѣ прекратившійся [1]), дожившъ до глубокой старости и не имѣя ни наслѣдника, ни надежды когда-либо имѣть таковаго, самъ предложилъ поставить предѣлъ неограниченной власти для того, чтобъ извлечь свою націю изъ суроваго рабства, въ которомъ она находилась дотолѣ; но что предложеніе этого государя, будучи зрѣло обсужено главными лицами страны, было отвергнуто общимъ голосомъ, такъ какъ оно ни какимъ образомъ не можетъ соотвѣтствовать духу русскаго народа. Въ такомъ случаѣ, нечего слишкомъ

[1]) Въ мужскомъ колѣнѣ.

видя, что таково общее желаніе, велѣла принести пункты, поданные ей въ Митавѣ для ихъ уничтоженія (pour être rayés et biffés), что и было тотчасъ же исполнено, и слѣдовательно, самодержавная власть осталась при всѣхъ прерогативахъ, которыми пользовались предшественники ея царскаго величества. Въ то же время императрица повелѣла освободить изъ-подъ ареста г. Ягужинскаго. Затѣмъ императрица объявила, что она со временемъ, черезъ маіора гвардіи генералъ-лейтенанта Салтыкова, объявитъ свою волю, то есть, свои распоряженія относительно гвардіи.

По выходѣ изъ собранія, то есть, вчера вечеромъ, очень поздно, г. великій канцлеръ Головкинъ извѣстилъ объ этомъ важномъ событіи иностранныхъ министровъ, пребывающихъ при здѣшнемъ дворѣ.

Относительно тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ это странное рѣшеніе было подготовлено, я могъ до сихъ поръ узнать только то, что это сдѣлалось не черезъ князя Долгорукаго, а черезъ г. Остерманна съ одной стороны, и г. Ягужинскаго, съ другой, такъ какъ оба они, одинъ—лежа въ постели, другой—сидя въ заключеніи, нашли возможность дѣйствовать черезъ своихъ женъ и извѣстить царицу о всемъ своемъ планѣ, не смотря на бдительность князя Долгорукаго.

VIII.

Москва, 9-го марта 1730 года.

Вчерашнею ночью я имѣлъ честь писать къ вамъ съ гонцомъ, котораго отправилъ отсюда герцогъ де Лиріа, и который проѣдетъ черезъ Парижъ; хотя я и увѣренъ, что онъ обгонитъ почту, однако считаю не лишнимъ приложить здѣсь, на всякій случай, дупликатъ вышеупомянутой моей депеши.

Вы усмотрите изъ нея, какое важное событіе совершилось здѣсь вчера вечеромъ—возстановленіе самодержавной власти, которая, казалось, была уничтожена съ восшествіемъ царицы на престолъ. По мнѣнію Русскихъ, нѣсколько знающихъ исторію своей страны, такое обстоятельство случается уже не въ первый разъ; они утверждаютъ, что послѣдній изъ русскихъ государей, бывшихъ до того времени, когда корона перешла въ родъ Романовыхъ, нынѣ прекратившійся [1]), дожившъ до глубокой старости и не имѣя ни наслѣдника, ни надежды когда-либо имѣть таковаго, самъ предложилъ поставить предѣлъ неограниченной власти для того, чтобъ извлечь свою націю изъ суроваго рабства, въ которомъ она находилась дотолѣ; но что предложеніе этого государя, будучи зрѣло обсужено главными лицами страны, было отвергнуто общимъ голосомъ, такъ какъ оно ни какимъ образомъ не можетъ соотвѣтствовать духу русскаго народа. Въ такомъ случаѣ, нечего слишкомъ

[1]) Въ мужскомъ колѣнѣ.

удивляться тому, что случилось. Но я, не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія по сему предмету, присовокуплю лишь къ отчету, который имѣлъ честь послать къ вамъ сегодня утромъ, что ея императорскому высочеству было однако угодно милостиво повелѣть, чтобы впредь ни одинъ дворянинъ не былъ разжалуемъ изъ своихъ чиновъ и должностей, ни лишенъ своего имущества иначе какъ по приговору суда; сверхъ того, она объявила, что будетъ соблюдать, при выборѣ членовъ въ свой совѣтъ, то правило, чтобъ не принимать болѣе одного лица изъ каждой фамиліи.

Я забылъ также прибавить, что какъ только г. Ягужинскій былъ выпущенъ изъ-подъ ареста, царица публично, въ собраніи, возвратила ему шпагу и Андреевскую ленту, и что г. великій канцлеръ Головкинъ, извѣщая вчера вечеромъ иностранныхъ министровъ о возстановленіи самодержавія, вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ ихъ, что они благоволятъ пожаловать сегодня ко двору для принесенія поздравленій царицѣ по этому случаю, ради котораго трауръ будетъ снятъ; это и было исполнено министрами, которые прибыли ко двору въ полномъ парадѣ. Было велѣно на нынѣшній день иллюминовать всѣ улицы.

Подтверждаютъ, что совершившійся переворотъ былъ подготовленъ, гг. Остерманномъ и Ягужинскимъ черезъ князя Черкасскаго, который самъ былъ составителемъ проэкта о примѣненіи формы правленія и въ то же время участвовалъ въ ихъ заговорѣ, Черкасскій, не смотря на всѣ затрудненія, которыми князь Долгорукій преграждалъ возможность кому бы то ни было частнымъ образомъ говорить съ царицею, взялъ на себя обязанность доводить до ея свѣдѣнія все необходимое черезъ свою жену и черезъ жену генерала Матюшкина.

Сообщаютъ и другую подробность, за достовѣрность которой я не ручаюсь: фельдмаршалъ Голицынъ, посѣтивъ нѣсколько времени тому назадъ считавшагося очень больнымъ г. Остерманна и пріѣдя въ негодованіе при видѣ противнаго, увлекся до того, что осыпалъ его бранью и высказалъ ему кровавые упреки за его притворство во время собраній совѣта, когда его познанія наиболѣе были необходимы; грубость фельдмаршала при этомъ случаѣ была столь чувствительна г. Остерманну, что онъ опасался умереть отъ огорченія (mourir de douleur), и что это обстоятельство всего болѣе побудило министра на самыя крайнія рѣшенія для того, чтобы разрушить проэктъ объ измѣненіи формы правленія.

Если дѣло было такъ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что г. Остерманнъ, примирившись этимъ способомъ съ г. Ягужинскимъ, мстительнѣйшимъ изъ людей, снова пріобрѣтетъ чрезвычайное значеніе, и что здѣсь послѣдуютъ весьма странныя событія.

удивляться тому, что случилось. Но я, не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія по сему предмету, присовокуплю лишь къ отчету, который имѣлъ честь послать къ вамъ сегодня утромъ, что ея императорскому высочеству было однако угодно милостиво повелѣть, чтобы впредь ни одинъ дворянинъ не былъ разжалуемъ изъ своихъ чиновъ и должностей, ни лишенъ своего имущества иначе какъ по приговору суда; сверхъ того, она объявила, что будетъ соблюдать, при выборѣ членовъ въ свой совѣтъ, то правило, чтобъ не принимать болѣе одного лица изъ каждой фамиліи.

Я забылъ также прибавить, что какъ только г. Ягужинскій былъ выпущенъ изъ-подъ ареста, царица публично, въ собраніи, возвратила ему шпагу и Андреевскую ленту, и что г. великій канцлеръ Головкинъ, извѣщая вчера вечеромъ иностранныхъ министровъ о возстановленіи самодержавія, вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ ихъ, что они благоволятъ пожаловать сегодня ко двору для принесенія поздравленій царицѣ по этому случаю, ради котораго трауръ будетъ снятъ; это и было исполнено министрами, которые прибыли ко двору въ полномъ парадѣ. Было велѣно на нынѣшній день иллюминовать всѣ улицы.

Подтверждаютъ, что совершившійся переворотъ былъ подготовленъ, гг. Остерманномъ и Ягужинскимъ черезъ князя Черкасскаго, который самъ былъ составителемъ проэкта о примѣненіи формы правленія и въ то же время участвовалъ въ ихъ заговорѣ, Черкасскій, не смотря на всѣ затрудненія, которыми князь Долгорукій преграждалъ возможность кому бы то ни было частнымъ образомъ говорить съ царицею, взялъ на себя обязанность доводить до ея свѣдѣнія все необходимое черезъ свою жену и черезъ жену генерала Матюшкина.

Сообщаютъ и другую подробность, за достовѣрность которой я не ручаюсь: фельдмаршалъ Голицынъ, посѣтивъ нѣсколько времени тому назадъ считавшагося очень больнымъ г. Остерманна и пріѣдя въ негодованіе при видѣ противнаго, увлекся до того, что осыпалъ его бранью и высказалъ ему кровавые упреки за его притворство во время собраній совѣта, когда его познанія наиболѣе были необходимы; грубость фельдмаршала при этомъ случаѣ была столь чувствительна г. Остерманну, что онъ опасался умереть отъ огорченія (mourir de douleur), и что это обстоятельство всего болѣе побудило министра на самыя крайнія рѣшенія для того, чтобы разрушить проэктъ объ измѣненіи формы правленія.

Если дѣло было такъ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что г. Остерманнъ, примирившись этимъ способомъ съ г. Ягужинскимъ, мстительнѣйшимъ изъ людей, снова пріобрѣтетъ чрезвычайное значеніе, и что здѣсь послѣдуютъ весьма странныя событія.

IX.

Замѣтка о тѣхъ же событіяхъ въ приложеніи къ одному изъ писемъ г. де-Бюсси.

Москва, 8-го марта 1730 года.

8-го марта утромъ дворянство пожелало явиться къ государынѣ, и ея величество, изъявивъ на то свое согласіе, велѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ призвать членовъ верховнаго совѣта для присутствованія при томъ. Какъ скоро дворяне вошли въ залу, князь Юсуповъ, генералъ-лейтенантъ и подполковникъ гвардіи, представилъ царицѣ, отъ имени всего вышеупомянутаго дворянства, пункты, которые были признаны соотвѣтственными для лучшаго управленія государствомъ, и кои были не что иное, какъ девять статей, составленныхъ княземъ Черкасскимъ. Ея царское величество благосклонно приняла вышеупомянутыя статьи и отдала ихъ князю Черкасскому для прочтенія въ слухъ, что онъ тотчасъ же и исполнилъ. По окончаніи чтенія, царица велѣла подать себѣ перо и подписала проэктъ, сказавъ, что одобряетъ его и намѣрена слѣдовать ему во всемъ. Тогда дворянство удалилось въ обыкновенную залу собраній и рѣшило немедленно отправить къ царицѣ депутацію для изъявленія ей благодарности.

Въ это время, офицеры гвардіи и другіе, находившіеся передъ царицею, зашумѣли и стали кричать, что они не желаютъ, чтобы предписывали законы ихъ государынѣ, которая должна быть столь же самодержавною, какъ и ея предки. Движеніе зашло такъ далеко, что царица была принуждена пригрозить имъ. Но они, падая къ ея ногамъ, сказали: „Государыня, мы вѣрные рабы вашего величества, вѣрно служили вашимъ предшественникамъ и готовы пожертвовать жизнью на службѣ вашему величеству; но мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ. Повелите, ваше величество, мы сложимъ къ вашимъ ногамъ ихъ головы“.

Тогда царица приказала имъ повиноваться генералъ-лейтенанту Салтыкову, подполковнику гвардіи, который, ставъ во главѣ ихъ, привѣтствовалъ ея царское величество какъ самодержавную государыню; когда позвали дворянъ, они сдѣлали то же самое, такъ что по общему требованію, царица осталась столь же самодержавною, какъ и ея предшественники. Проэктъ о новой формѣ правленія, только что подписанный ею, былъ разорванъ въ клочки, равно какъ и восемь пунктовъ, подписанныхъ въ Митавѣ, и слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ разрушены обширные проэкты тѣхъ, кто воодушевлялся государственнымъ интересомъ (ceux qu'un enthousiasme de république avait saisis).

Это былъ ужасный ударъ для верховнаго совѣта, который хотѣлъ управлять по своему произволу и потому старался, чтобъ никто не могъ говорить съ царицей и сдѣлать ей хотя бы малѣйшій намекъ. Но жены главнѣйшихъ вельможъ, любимыхъ царицей, пере-

IX.

Замѣтка о тѣхъ же событіяхъ въ приложеніи къ одному изъ писемъ г. де-Бюсси.

Москва, 8-го марта 1730 года.

8-го марта утромъ дворянство пожелало явиться къ государынѣ, и ея величество, изъявивъ на то свое согласіе, велѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ призвать членовъ верховнаго совѣта для присутствованія при томъ. Какъ скоро дворяне вошли въ залу, князь Юсуповъ, генералъ-лейтенантъ и подполковникъ гвардіи, представилъ царицѣ, отъ имени всего вышеупомянутаго дворянства, пункты, которые были признаны соотвѣтственными для лучшаго управленія государствомъ, и кои были не что иное, какъ девять статей, составленныхъ княземъ Черкасскимъ. Ея царское величество благосклонно приняла вышеупомянутыя статьи и отдала ихъ князю Черкасскому для прочтенія въ слухъ, что онъ тотчасъ же и исполнилъ. По окончаніи чтенія, царица велѣла подать себѣ перо и подписала проэктъ, сказавъ, что одобряетъ его и намѣрена слѣдовать ему во всемъ. Тогда дворянство удалилось въ обыкновенную залу собраній и рѣшило немедленно отправить къ царицѣ депутацію для изъявленія ей благодарности.

Въ это время, офицеры гвардіи и другіе, находившіеся передъ царицею, зашумѣли и стали кричать, что они не желаютъ, чтобы предписывали законы ихъ государынѣ, которая должна быть столь же самодержавною, какъ и ея предки. Движеніе зашло такъ далеко, что царица была принуждена пригрозить имъ. Но они, падая къ ея ногамъ, сказали: „Государыня, мы вѣрные рабы вашего величества, вѣрно служили вашимъ предшественникамъ и готовы пожертвовать жизнью на службѣ вашему величеству; но мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ. Повелите, ваше величество, мы сложимъ къ вашимъ ногамъ ихъ головы“.

Тогда царица приказала имъ повиноваться генералъ-лейтенанту Салтыкову, подполковнику гвардіи, который, ставъ во главѣ ихъ, привѣтствовалъ ея царское величество какъ самодержавную государыню; когда позвали дворянъ, они сдѣлали то же самое, такъ что по общему требованію, царица осталась столь же самодержавною, какъ и ея предшественники. Проэктъ о новой формѣ правленія, только что подписанный ею, былъ разорванъ въ клочки, равно какъ и восемь пунктовъ, подписанныхъ въ Митавѣ, и слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ разрушены обширные проэкты тѣхъ, кто воодушевлялся государственнымъ интересомъ (ceux qu'un enthousiasme de république avait saisis).

Это былъ ужасный ударъ для верховнаго совѣта, который хотѣлъ управлять по своему произволу и потому старался, чтобъ никто не могъ говорить съ царицей и сдѣлать ей хотя бы малѣйшій намекъ. Но жены главнѣйшихъ вельможъ, любимыхъ царицей, пере-

хитрили совѣтъ, вмѣсто своихъ мужей увѣдомивъ государыню обо всемъ и условившись съ нею о томъ, что̀ за тѣмъ произошло.

Когда все сказанное совершилось, царица велѣла освободить изъ-подъ ареста генерала Ягужинскаго, съ которымъ—говорятъ—имѣла два тайныя совѣщанія еще въ его заключеніи, и возвратила ему всѣ почести и должности.

Вечеромъ, великій канцлеръ послалъ секретаря своей канцеляріи по всѣмъ иностраннымъ министрамъ, чтобъ извѣстить ихъ, что въ полдень царица была провозглашена всероссійскою самодержицею, и чтобы мы ѣхали сегодня утромъ во дворецъ для принесенія ей поздравленій.

X.

Москва, 13-го марта 1730 года.

Все совершилось относительно провозглашенія самодержавія царицы такъ, какъ значится въ донесеніи отъ 9-го числа.

Верховный совѣтъ рѣшилъ было арестовать князя Черкасскаго, но онъ посредствомъ своей жены, своей свояченицы и герцогини Мекленбургской, царицыной сестры, подготовилъ и руководилъ, въ согласіи съ царицею, всѣмъ, что̀ совершилось 8-го числа. Князь Черкасскій, не смѣя пріѣхать во дворецъ со всѣмъ дворянствомъ, приказалъ своимъ друзьямъ поодиночкѣ явиться въ переднія и затѣмъ сомкнуться немедленно по его прибытіи; князь Юсуповъ, подполковникъ Преображенскаго полка, сдѣлалъ то же съ гвардейскими офицерами. Князь Черкасскій пріѣхалъ ко двору въ десять часовъ утра и испросилъ у государыни аудіенцію; ея величество велѣла позвать верховный совѣтъ для присутствованія при томъ. Князь Черкасскій подалъ прошеніе, подписанное многими изъ дворянства, а князь Юсуповъ представилъ другое, такого же содержанія, подписанное гвардейскими офицерами. Царица приказала ихъ прочесть; за тѣмъ члены верховнаго совѣта заявили, что ея царскому величеству слѣдовало бъ удалиться въ свой кабинетъ для обсужденія этого предмета; но герцогиня Мекленбургская, сестра царицы, подошла къ ней съ чернильницею въ рукѣ и сказала, что нечего разсуждать, а должно подписывать; царица немедленно же это и исполнила и въ то же время приказала офицерамъ гвардіи принимать приказанія только отъ ихъ подполковника, генералъ-лейтенанта Салтыкова.

Дворяне удалились, и собравшись въ одной изъ залъ дворца, постановили предоставить царицѣ самодержавную власть въ благодарность за благосклонное подписаніе ихъ прошенія; они испросили себѣ другую аудіенцію въ тотъ же вечеръ, на что̀ царица и дала свое согласіе, удержавъ между тѣмъ къ обѣду членовъ верховнаго совѣта, чтобъ они не разъѣхались по домамъ.

Въ три часа по полудни дворянство возвратилось. Князь Черкасскій предоставилъ другое прошеніе, которое царица приказала прочесть въ слухъ, и за тѣмъ, поблагодаривъ дворянство, прика-

хитрили совѣтъ, вмѣсто своихъ мужей увѣдомивъ государыню обо всемъ и условившись съ нею о томъ, что за тѣмъ произошло.

Когда все сказанное совершилось, царица велѣла освободить изъ-подъ ареста генерала Ягужинскаго, съ которымъ—говорятъ—имѣла два тайныя совѣщанія еще въ его заключеніи, и возвратила ему всѣ почести и должности.

Вечеромъ, великій канцлеръ послалъ секретаря своей канцеляріи по всѣмъ иностраннымъ министрамъ, чтобъ извѣстить ихъ, что въ полдень царица была провозглашена всероссійскою самодержицею, и чтобы мы ѣхали сегодня утромъ во дворецъ для принесенія ей поздравленій.

X.

Москва, 13-го марта 1730 года.

Все совершилось относительно провозглашенія самодержавія царицы такъ, какъ значится въ донесеніи отъ 9-го числа.

Верховный совѣтъ рѣшилъ было арестовать князя Черкасскаго, но онъ посредствомъ своей жены, своей свояченицы и герцогини Мекленбургской, царицыной сестры, подготовилъ и руководилъ, въ согласіи съ царицею, всѣмъ, что совершилось 8-го числа. Князь Черкасскій, не смѣя пріѣхать во дворецъ со всѣмъ дворянствомъ, приказалъ своимъ друзьямъ поодиночкѣ явиться въ переднія и затѣмъ сомкнуться немедленно по его прибытіи; князь Юсуповъ, подполковникъ Преображенскаго полка, сдѣлалъ то же съ гвардейскими офицерами. Князь Черкасскій пріѣхалъ ко двору въ десять часовъ утра и испросилъ у государыни аудіенцію; ея величество велѣла позвать верховный совѣтъ для присутствованія при томъ. Князь Черкасскій подалъ прошеніе, подписанное многими изъ дворянства, а князь Юсуповъ представилъ другое, такого же содержанія, подписанное гвардейскими офицерами. Царица приказала ихъ прочесть; за тѣмъ члены верховнаго совѣта заявили, что ея царскому величеству слѣдовало бъ удалиться въ свой кабинетъ для обсужденія этого предмета; но герцогиня Мекленбургская, сестра царицы, подошла къ ней съ чернильницею въ рукѣ и сказала, что нечего разсуждать, а должно подписывать; царица немедленно же это и исполнила и въ то же время приказала офицерамъ гвардіи принимать приказанія только отъ ихъ подполковника, генералъ-лейтенанта Салтыкова.

Дворяне удалились, и собравшись въ одной изъ залъ дворца, постановили предоставить царицѣ самодержавную власть въ благодарность за благосклонное подписаніе ихъ прошенія; они испросили себѣ другую аудіенцію въ тотъ же вечеръ, на что царица и дала свое согласіе, удержавъ между тѣмъ къ обѣду членовъ верховнаго совѣта, чтобъ они не разъѣхались по домамъ.

Въ три часа по полудни дворянство возвратилось. Князь Черкасскій предоставилъ другое прошеніе, которое царица приказала прочесть въ слухъ, и за тѣмъ, поблагодаривъ дворянство, прика-

зала великому канцлеру принести немедленно пункты, подписанные въ Митавѣ, и другіе подписанные ею акты въ пользу верховнаго совѣта. Великій канцлеръ принесъ ихъ и подалъ царицѣ, которая разорвала ихъ въ куски въ присутствіи всѣхъ.

11-го марта (28-го февраля) былъ обнародованъ собственноручно подписанный царицей указъ о принесеніи ей новой присяги, какъ самодержавной государынѣ.

Члены верховнаго совѣта счастливы были, что не шевельнулись 8-го числа; ибо еслибъ они оказали какое-либо сопротивленіе рѣшенію дворянъ, то дворяне и гвардейскіе офицеры положили выбросить верховниковъ за окно. Нынѣ все спокойно, и царица очень весела и довольна.

XI.

Москва, 16-го марта 1730 года.

Восемь дней тому назадъ я имѣлъ честь извѣстить васъ о возстановленіи самодержавія въ здѣшней странѣ, и о тѣхъ способахъ, которыми это великое дѣло было совершено. Сегодня имѣю добавить къ сказанному то еще, что по видимому, мелкое дворянство обнаруживаетъ безпощадную ненависть къ двумъ фамиліямъ— Голицыныхъ и Долгорукихъ, и утверждаетъ, что они питали опасные для отечества замыслы, незаконно овладѣвъ верховною властью; полагаютъ, что главнымъ образомъ это опасеніе мелкаго дворянства и тотъ еще предлогъ, что казаки украинскіе не упустили бъ столь благопріятнаго случая для сверженія русскаго господства, побудили это дворянство просить императрицу принять снова самодержавную власть, какъ то и было сдѣлано.

Чтобы скорѣе побудить къ тому государыню, въ этотъ день ко двору собралось болѣе восьми сотъ человѣкъ, съ рѣшимостью прибѣгнуть къ силѣ, если члены верховнаго совѣта окажутъ какую-либо попытку сопротивленія. Говорятъ, что дѣло легко могло дойдти до печальныхъ крайностей, что могла совершиться одна изъ трагическихъ сценъ, и что все зависѣло отъ одной минуты, — именно, когда императрица отказалась удалиться, по просьбѣ князя Василія Долгорукаго, въ свой кабинетъ для обсужденія прошенія, представленнаго дворянствомъ въ собраніи государственныхъ чиновъ; отъ этого она была удержана герцогиней Мекленбургскою, которая сказала ей: „Нѣтъ, государыня, теперь нечего разсуждать; вотъ перо, извольте подписать“. И царица, дѣйствительно, подписала прошеніе дворянства, сказавъ при томъ одному капитану гвардіи: „Я вижу, что я здѣсь не въ безопасности; повинуйтесь приказаніямъ, которыя передастъ вамъ отъ моего имени генералъ-маіоръ Салтыковъ, и не слушайте никого болѣе“. Члены верховнаго совѣта, видя себя такимъ образомъ окруженными со всѣхъ сторонъ вооруженными людьми, остались на мѣстѣ, и царица, какъ я имѣлъ честь сообщить вамъ недѣлю тому назадъ, велѣла подать

зала великому канцлеру принести немедленно пункты, подписанные въ Митавѣ, и другіе подписанные ею акты въ пользу верховнаго совѣта. Великій канцлеръ принесъ ихъ и подалъ царицѣ, которая разорвала ихъ въ куски въ присутствіи всѣхъ.

11-го марта (28-го февраля) былъ обнародованъ собственноручно подписанный царицей указъ о принесеніи ей новой присяги, какъ самодержавной государынѣ.

Члены верховнаго совѣта счастливы были, что не шевельнулись 8-го числа; ибо еслибъ они оказали какое-либо сопротивленіе рѣшенію дворянъ, то дворяне и гвардейскіе офицеры положили выбросить верховниковъ за окно. Нынѣ все спокойно, и царица очень весела и довольна.

XI.

Москва, 16-го марта 1730 года.

Восемь дней тому назадъ я имѣлъ честь извѣстить васъ о возстановленіи самодержавія въ здѣшней странѣ, и о тѣхъ способахъ, которыми это великое дѣло было совершено. Сегодня имѣю добавить къ сказанному то еще, что по видимому, мелкое дворянство обнаруживаетъ безпощадную ненависть къ двумъ фамиліямъ— Голицыныхъ и Долгорукихъ, и утверждаетъ, что они питали опасные для отечества замыслы, незаконно овладѣвъ верховною властью; полагаютъ, что главнымъ образомъ это опасеніе мелкаго дворянства и тотъ еще предлогъ, что казаки украинскіе не упустили бъ столь благопріятнаго случая для сверженія русскаго господства, побудили это дворянство просить императрицу принять снова самодержавную власть, какъ то и было сдѣлано.

Чтобы скорѣе побудить къ тому государыню, въ этотъ день ко двору собралось болѣе восьми сотъ человѣкъ, съ рѣшимостью прибѣгнуть къ силѣ, если члены верховнаго совѣта окажутъ какую-либо попытку сопротивленія. Говорятъ, что дѣло легко могло дойдти до печальныхъ крайностей, что могла совершиться одна изъ трагическихъ сценъ, и что все зависѣло отъ одной минуты, — именно, когда императрица отказалась удалиться, по просьбѣ князя Василія Долгорукаго, въ свой кабинетъ для обсужденія прошенія, представленнаго дворянствомъ въ собраніи государственныхъ чиновъ; отъ этого она была удержана герцогиней Мекленбургскою, которая сказала ей: „Нѣтъ, государыня, теперь нечего разсуждать; вотъ перо, извольте подписать“. И царица, дѣйствительно, подписала прошеніе дворянства, сказавъ при томъ одному капитану гвардіи: „Я вижу, что я здѣсь не въ безопасности; повинуйтесь приказаніямъ, которыя передастъ вамъ отъ моего имени генералъ-маіоръ Салтыковъ, и не слушайте никого болѣе“. Члены верховнаго совѣта, видя себя такимъ образомъ окруженными со всѣхъ сторонъ вооруженными людьми, остались на мѣстѣ, и царица, какъ я имѣлъ честь сообщить вамъ недѣлю тому назадъ, велѣла подать

себѣ пункты, подписанные въ Митавѣ, разорвала ихъ и бросила къ своимъ ногамъ.

Въ слѣдствіе сего, два дня тому назадъ, былъ обнародованъ манифестъ, что такъ какъ императрица, по настоянію дворянства, возвратила себѣ самодержавную власть, то подданные ея всѣхъ сословій обязываются снова принести ей присягу, по составленной формѣ, переводъ съ которой при семъ прилагается [1]).

Послѣ этого, царица признала нужнымъ возстановить такую форму правленія, какая была при покойномъ царѣ Петрѣ I, и потому составила сенатъ изъ двадцати-одного члена, выборъ которыхъ вчера и былъ сдѣланъ.

XII.

Москва, 3-го апрѣля 1730 года.

Русскіе упустили удобный случай освободиться отъ своего стариннаго рабства лишь по собственной своей ошибкѣ и по тому, что дурно взялись за дѣло; такъ какъ государыня приняла и подписала кондиціи, предложенныя ей депутатами государственныхъ чиновъ, то для сохраненія ихъ на будущее время, Русскимъ оставалось только согласиться между собою о такой формѣ государственнаго правленія, котораго соотвѣтствовала бы желаніямъ и интересамъ мелкаго дворянства; но это-то и оказалось невозможнымъ по двумъ главнымъ причинамъ: во первыхъ, по недостатку согласія и единства между знатнѣйшими фамиліями, и во вторыхъ, въ слѣдствіе предыдущаго, по упорству членовъ этихъ фамилій, которые непремѣнно хотѣли, чтобы совѣтъ состоялъ только изъ восьми или десяти членовъ, между тѣмъ какъ все дворянство, справедливо предвидѣвшее, что оно будетъ всемѣрно угнетаемо, если власть останется въ рукахъ двухъ или трехъ фамилій, требовало, чтобъ число членовъ этого совѣта было увеличено до двадцати-одного, и чтобъ въ составъ его не принималось болѣе одного или двухъ лицъ изъ одной фамиліи.

Г. Остерманнъ, который уже видѣлъ себя совершенно устраненнымъ отъ дѣлъ, былъ на столько ловокъ, что не преминулъ воспользоваться безпорядкомъ, порождаемымъ среди чиновъ этими разногласіями; поэтому Остерманнъ, полагаясь на то важное обстоятельство, что ни Голицыны, ни Долгорукіе не могли воспользоваться властью совѣта надъ гвардіей, состоящею почти исключительно изъ того же дворянства, вмѣстѣ съ Ягужинскимъ и княземъ Черкасскимъ внушилъ государынѣ, что такъ какъ она достигла трона по праву рожденія, то и не должна допускать, чтобъ на нее налагали кондиціи, тѣмъ болѣе тягостныя, что онѣ не были предложены даже императрицѣ Екатеринѣ, не смотря на ея происхожденіе изъ ничтожества; также, что по извѣстному свой-

[1]) Въ изданіи г. Тургенева этотъ переводъ не помѣщенъ.

себѣ пункты, подписанные въ Митавѣ, разорвала ихъ и бросила къ своимъ ногамъ.

Въ слѣдствіе сего, два дня тому назадъ, былъ обнародованъ манифестъ, что такъ какъ императрица, по настоянію дворянства, возвратила себѣ самодержавную власть, то подданные ея всѣхъ сословій обязываются снова принести ей присягу, по составленной формѣ, переводъ съ которой при семъ прилагается [1]).

Послѣ этого, царица признала нужнымъ возстановить такую форму правленія, какая была при покойномъ царѣ Петрѣ I, и потому составила сенатъ изъ двадцати-одного члена, выборъ которыхъ вчера и былъ сдѣланъ.

XII.

Москва, 3-го апрѣля 1730 года.

Русскіе упустили удобный случай освободиться отъ своего стариннаго рабства лишь по собственной своей ошибкѣ и по тому, что дурно взялись за дѣло; такъ какъ государыня приняла и подписала кондиціи, предложенныя ей депутатами государственныхъ чиновъ, то для сохраненія ихъ на будущее время, Русскимъ оставалось только согласиться между собою о такой формѣ государственнаго правленія, котораго соотвѣтствовала бы желаніямъ и интересамъ мелкаго дворянства; но это-то и оказалось невозможнымъ по двумъ главнымъ причинамъ: во первыхъ, по недостатку согласія и единства между знатнѣйшими фамиліями, и во вторыхъ, въ слѣдствіе предыдущаго, по упорству членовъ этихъ фамилій, которые непремѣнно хотѣли, чтобы совѣтъ состоялъ только изъ осьми или десяти членовъ, между тѣмъ какъ все дворянство, справедливо предвидѣвшее, что оно будетъ всемѣрно угнетаемо, если власть останется въ рукахъ двухъ или трехъ фамилій, требовало, чтобъ число членовъ этого совѣта было увеличено до двадцати-одного, и чтобъ въ составъ его не принималось болѣе одного или двухъ лицъ изъ одной фамиліи.

Г. Остерманнъ, который уже видѣлъ себя совершенно устраненнымъ отъ дѣлъ, былъ на столько ловокъ, что не преминулъ воспользоваться безпорядкомъ, порождаемымъ среди чиновъ этими разногласіями; поэтому Остерманнъ, полагаясь на то важное обстоятельство, что ни Голицыны, ни Долгорукіе не могли воспользоваться властью совѣта надъ гвардіей, состоящею почти исключительно изъ того же дворянства, вмѣстѣ съ Ягужинскимъ и княземъ Черкасскимъ внушилъ государынѣ, что такъ какъ она достигла трона по праву рожденія, то и не должна допускать, чтобъ на нее налагали кондиціи, тѣмъ болѣе тягостныя, что онѣ не были предложены даже императрицѣ Екатеринѣ, не смотря на ея происхожденіе изъ ничтожества; также, что по извѣстному свой-

[1]) Въ изданіи г. Тургенева этотъ переводъ не помѣщенъ.

ству Русскихъ, слѣдуетъ ожидать, что они какъ скоро достигнутъ безумной свободы, такъ и предадутся лѣни и праздности, изъ чего, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ паденіе государства, и послѣднее вскорѣ возвратится въ свое прежнее состояніе.

Между тѣмъ какъ императрицѣ дѣлались эти внушенія посредствомъ путей, о которыхъ упомянуто въ моей депешѣ отъ 9-го сего мѣсяца, нѣкоторые наиболѣе хитрые люди изъ духовенства, оскорбленные тѣмъ, что ихъ исключили изъ собранія государственныхъ чиновъ, дѣлали всякія усилія, чтобы возстановить мелкое дворянство противъ верховнаго совѣта, и главныхъ членовъ послѣдняго изображали злодѣями, желавшими измѣненія формы правленія только для того, чтобы самимъ завладѣть верховною властью, въ слѣдствіе чего рабское положеніе дворянства станетъ еще несравненно менѣе выносимымъ, чѣмъ при сохраненіи самодержавія государя. Когда же такимъ образомъ императрица возвратила себѣ верховную власть, то разрушились не только всѣ проэкты объ измѣненіи формы правленія, но и значеніе тѣхъ лицъ, которыя составляли ихъ, такъ какъ они должны были ограничиться сенаторскимъ званіемъ, которое въ сущности не даетъ имъ никакого вліятельнаго участія въ дѣлахъ.... [1]).

Цесаревна Елизавета не проявилась никакимъ образомъ при этомъ случаѣ. Она наслаждалась въ это время деревенскою жизнью, и тѣмъ, кто хлопоталъ здѣсь въ ея интересахъ, не удалось добиться даже того, чтобъ она прибыла въ Москву ради такой конъюнктуры; такъ какъ нѣсколько нарочныхъ, посланныхъ къ ней, не успѣли прибыть во время, то Елизавета могла возвратиться въ Москву только по избраніи герцогини Курляндской. Но даже еслибъ цесаревна и ранѣе находилась здѣсь, я не полагаю, чтобъ ея присутствіе могло послужить къ чему-либо, по слѣдующимъ тремъ причинамъ, одинаково важнымъ и препятствующимъ ей имѣть полезныхъ друзей въ какой-либо изъ значительнѣйшихъ русскихъ фамилій: во первыхъ, въ слѣдствіе вольности ея поведенія, которое Русскіе весьма не одобряютъ, несмотря на недостатокъ въ нихъ свѣтскаго образованія (le peu de delicatesse); во вторыхъ, въ слѣдствіе непріятнаго воспоминанія о царствованіи Екатерины, когда Гольштинцы дѣйствовали во всѣхъ отношеніяхъ съ крайнею заносчивостью, что дѣлаетъ мысль о возвращеніи ихъ столь ненавистною, что ея одной достаточно для устраненія цесаревны Елизаветы отъ трона, при всемъ несомнѣнномъ правѣ ея. Отсюда видно, что цесаревна Елизавета не можетъ никоимъ образомъ смущать новое правительство; такъ,

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ въ изданіи г. Тургенева пропускъ.

ству Русскихъ, слѣдуетъ ожидать, что они какъ скоро достигнутъ безумной свободы, такъ и предадутся лѣни и праздности, изъ чего, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ паденіе государства, и послѣднее вскорѣ возвратится въ свое прежнее состояніе.

Между тѣмъ какъ императрицѣ дѣлались эти внушенія посредствомъ путей, о которыхъ упомянуто въ моей депешѣ отъ 9-го сего мѣсяца, нѣкоторые наиболѣе хитрые люди изъ духовенства, оскорбленные тѣмъ, что ихъ исключили изъ собранія государственныхъ чиновъ, дѣлали всякія усилія, чтобы возстановить мелкое дворянство противъ верховнаго совѣта, и главныхъ членовъ послѣдняго изображали злодѣями, желавшими измѣненія формы правленія только для того, чтобы самимъ завладѣть верховною властью, въ слѣдствіе чего рабское положеніе дворянства станетъ еще несравненно менѣе выносимымъ, чѣмъ при сохраненіи самодержавія государя. Когда же такимъ образомъ императрица возвратила себѣ верховную власть, то разрушились не только всѣ проэкты объ измѣненіи формы правленія, но и значеніе тѣхъ лицъ, которыя составляли ихъ, такъ какъ они должны были ограничиться сенаторскимъ званіемъ, которое въ сущности не даетъ имъ никакого вліятельнаго участія въ дѣлахъ.... [1]).

Цесаревна Елизавета не проявилась никакимъ образомъ при этомъ случаѣ. Она наслаждалась въ это время деревенскою жизнью, и тѣмъ, кто хлопоталъ здѣсь въ ея интересахъ, не удалось добиться даже того, чтобъ она прибыла въ Москву ради такой конъюнктуры; такъ какъ нѣсколько нарочныхъ, посланныхъ къ ней, не успѣли прибыть во время, то Елизавета могла возвратиться въ Москву только по избраніи герцогини Курляндской. Но даже еслибъ цесаревна и ранѣе находилась здѣсь, я не полагаю, чтобъ ея присутствіе могло послужить къ чему-либо, по слѣдующимъ тремъ причинамъ, одинаково важнымъ и препятствующимъ ей имѣть полезныхъ друзей въ какой-либо изъ значительнѣйшихъ русскихъ фамилій: во первыхъ, въ слѣдствіе вольности ея поведенія, которое Русскіе весьма не одобряютъ, несмотря на недостатокъ въ нихъ свѣтскаго образованія (le peu de delicatesse); во вторыхъ, въ слѣдствіе непріятнаго воспоминанія о царствованіи Екатерины, когда Гольштинцы дѣйствовали во всѣхъ отношеніяхъ съ крайнею заносчивостью, что дѣлаетъ мысль о возвращеніи ихъ столь ненавистною, что ея одной достаточно для устраненія цесаревны Елизаветы отъ трона, при всемъ несомнѣнномъ правѣ ея. Отсюда видно, что цесаревна Елизавета не можетъ никоимъ образомъ смущать новое правительство; такъ,

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ въ изданіи г. Тургенева пропускъ.

по крайней мѣрѣ, кажется нынѣ, и потому, гольштинскіе министры, предполагавшіе, какъ увѣряютъ, предъявить протестъ противъ избранія герцогини Курляндской, заблагоразсудили воздержаться отъ того.

Сообщенное мною прежде о томъ, что Остерманнъ, по видимому, сохранитъ свой кредитъ, подтверждается доселѣ. Люди старо-русской партіи несомнѣнно сами признаютъ, что всего болѣе соотвѣтствовало интересамъ ихъ государства оставаться въ спокойствіи, не подвергая себя опасному участію въ какой-либо заграничной войнѣ, отъ которой для Россіи могутъ послѣдовать только бѣдствія. По этому-то, несмотря на заявленіе полнаго желанія царицы исполнить свои обязательства, и хотя въ этихъ видахъ, она не только предписала офицерамъ тѣхъ войскъ, кои назначаются на помощь императору, быть готовыми къ походу, но и рѣшила замѣнить эти войска изъ новаго набора въ 40,000 человѣкъ внутри государства, тѣмъ не менѣе, наиболѣе здравомыслящіе русскіе люди твердо убѣждены, что это вспомогательное войско не пойдетъ далѣе русской границы. Это обстоятельство разъяснится, когда вопросъ о немъ будетъ обсуждаться въ сенатѣ, куда, какъ говорятъ, г. Остерманнъ долженъ будетъ представить докладъ по всѣмъ дѣламъ. Если дѣла таковы, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ встрѣтитъ сильное сопротивленіе по тѣмъ мѣрамъ, кои не одобряются старо-русскою партіей, хотя бы изъ общаго къ нему нерасположенія, еще болѣе увеличившагося въ слѣдствіе того довѣрія, съ которымъ императрица слушаетъ его совѣты, и того участія которое онъ принималъ въ возстановленіи самодержавія.

XIII.

Москва, 10-го апрѣля 1730 года.

Я получилъ предписаніе, которымъ вамъ угодно было почтить меня, 2-го числа прошлаго мѣсяца. Въ надеждѣ, что послѣдняя моя депеша, отъ 3-го апрѣля, а равно и предъидущія, представили желаемое вами разъясненіе многихъ подробностей относительно кончины царя, я приложу сегодня стараніе къ тому, чтобъ отвѣтить на два вопроса, заключающіеся въ вашемъ предписаніи, во первыхъ, о причинахъ, по которымъ избраніе пало на герцогиню Курляндскую, а не на герцогиню Мекленбургскую, и во вторыхъ, о переговорахъ по предмету тѣснаго союза между Даніей и Россіей.

по крайней мѣрѣ, кажется нынѣ, и потому, гольштинскіе министры, предполагавшіе, какъ увѣряютъ, предъявить протестъ противъ избранія герцогини Курляндской, заблагоразсудили воздержаться отъ того.

Сообщенное мною прежде о томъ, что Остерманнъ, по видимому, сохранитъ свой кредитъ, подтверждается доселѣ. Люди старо-русской партіи несомнѣнно сами признаютъ, что всего болѣе соотвѣтствовало интересамъ ихъ государства оставаться въ спокойствіи, не подвергая себя опасному участію въ какой-либо заграничной войнѣ, отъ которой для Россіи могутъ послѣдовать только бѣдствія. По этому-то, несмотря на заявленіе полнаго желанія царицы исполнить свои обязательства, и хотя въ этихъ видахъ, она не только предписала офицерамъ тѣхъ войскъ, кои назначаются на помощь императору, быть готовыми къ походу, но и рѣшила замѣнить эти войска изъ новаго набора въ 40,000 человѣкъ внутри государства, тѣмъ не менѣе, наиболѣе здравомыслящіе русскіе люди твердо убѣждены, что это вспомогательное войско не пойдетъ далѣе русской границы. Это обстоятельство разъяснится, когда вопросъ о немъ будетъ обсуждаться въ сенатѣ, куда, какъ говорятъ, г. Остерманнъ долженъ будетъ представить докладъ по всѣмъ дѣламъ. Если дѣла таковы, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ встрѣтитъ сильное сопротивленіе по тѣмъ мѣрамъ, кои не одобряются старо-русскою партіей, хотя бы изъ общаго къ нему нерасположенія, еще болѣе увеличившагося въ слѣдствіе того довѣрія, съ которымъ императрица слушаетъ его совѣты, и того участія которое онъ принималъ въ возстановленіи самодержавія.

XIII.

Москва, 10-го апрѣля 1730 года.

Я получилъ предписаніе, которымъ вамъ угодно было почтить меня, 2-го числа прошлаго мѣсяца. Въ надеждѣ, что послѣдняя моя депеша, отъ 3-го апрѣля, а равно и предъидущія, представили желаемое вами разъясненіе многихъ подробностей относительно кончины царя, я приложу сегодня стараніе къ тому, чтобъ отвѣтить на два вопроса, заключающіеся въ вашемъ предписаніи, во первыхъ, о причинахъ, по которымъ избраніе пало на герцогиню Курляндскую, а не на герцогиню Мекленбургскую, и во вторыхъ, о переговорахъ по предмету тѣснаго союза между Даніей и Россіей.

Относительно перваго вопроса, вы изволили видѣть изъ моей депеши отъ 2-го февраля, что предлогомъ къ устраненію герцогини Мекленбургской отъ русскаго престола было опасеніе, чтобы положеніе дѣлъ ея супруга не вовлекло Россію во внѣшнія затрудненія. Ничто болѣе не соотвѣтствуетъ идеямъ такъ называемой старо-русской партіи, какъ то, чтобы, ставъ во главѣ управленія — какъ они того желаютъ, — освободиться отъ такихъ внѣшнихъ дѣлъ, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ ихъ государству. Но я вполнѣ убѣжденъ, что кромѣ вышеприведеннаго требованія государственной необходимости, служащаго благовиднымъ предлогомъ, были и другія, болѣе частныя и тайныя причины, заключавшіяся, по видимому, въ желаніи главныхъ русскихъ фамилій уничтожить самодержавіе и сдѣлать престолъ избирательнымъ, что̀ казалось имъ несовмѣстнымъ при вступленіи на престолъ герцогини Мекленбургской не только потому, что у нея есть уже наслѣдница, но и потому, что подобное событіе не замедлило бы привлечь въ Россію супруга герцогини; а старо-русская партія опасалась, чтобъ этотъ государь, въ которомъ предполагаютъ безпокойный характеръ, не захотѣлъ, по своимъ чуземнымъ понятіямъ, присвоить себѣ главное управленіе дѣлами. Это обстоятельство, вѣроятно, болѣе всѣхъ способствовало устраненію герцогини Мекленбургской отъ престола, хотя она и приходится старшею сестрою герцогинѣ Курляндской.

XIV.

Москва, 24-го апрѣля 1730 года.

Казалось, что по возстановленіи здѣсь самодержавія, царица не сохранила никакого нерасположенія въ отношеніи тѣхъ, кто во время междуцарствія, задумалъ было измѣнить форму правленія; но теперь видно, что такъ было сдѣлано лишь для принятія дѣйствительнѣйшихъ мѣръ, и что она лишь медлила нарушить свое молчаніе по этому поводу,—такъ какъ въ послѣдній четвергъ, 20-го числа сего мѣсяца, государыня, послѣ тайныхъ совѣщаній съ г. Остерманномъ въ своемъ кабинетѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, повелѣла обнародовать распоряженія объ удаленіи отъ двора шести главныхъ лицъ изъ фамилій Долгорукихъ и нѣсколькихъ другихъ лицъ.... Можетъ быть, какъ думаютъ многіе, вскорѣ станетъ извѣстнымъ еще большее ухудшеніе ихъ участи; но достовѣрно то, что всѣ они уже выѣхали изъ Москвы, гдѣ имъ не дозволено было пробыть долѣе 24-хъ часовъ, и что ихъ повезли по дорогамъ столь различнымъ, что имъ нельзя имѣть сношенія другъ съ другомъ....

До сихъ поръ можно только по догадкамъ говорить объ опалѣ столькихъ лицъ; такъ, и то, что̀ я буду имѣть честь изложить вамъ, касается только князя Василія Долгорукаго. Его опалу приписываютъ двумъ главнымъ причинамъ: во первыхъ, царица была оскорблена не только тѣмъ участіемъ, которое онъ принималъ въ планѣ измѣненія формы правленія, но и тѣмъ надзоромъ,

Относительно перваго вопроса, вы изволили видѣть изъ моей депеши отъ 2-го февраля, что предлогомъ къ устраненію герцогини Мекленбургской отъ русскаго престола было опасеніе, чтобы положеніе дѣлъ ея супруга не вовлекло Россію во внѣшнія затрудненія. Ничто болѣе не соотвѣтствуетъ идеямъ такъ называемой старо-русской партіи, какъ то, чтобы, ставъ во главѣ управленія — какъ они того желаютъ, — освободиться отъ такихъ внѣшнихъ дѣлъ, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ ихъ государству. Но я вполнѣ убѣжденъ, что кромѣ вышеприведеннаго требованія государственной необходимости, служащаго благовиднымъ предлогомъ, были и другія, болѣе частныя и тайныя причины, заключавшіяся, по видимому, въ желаніи главныхъ русскихъ фамилій уничтожить самодержавіе и сдѣлать престолъ избирательнымъ, что̀ казалось имъ несовмѣстнымъ при вступленіи на престолъ герцогини Мекленбургской не только потому, что у нея есть уже наслѣдница, но и потому, что подобное событіе не замедлило бы привлечь въ Россію супруга герцогини; а старо-русская партія опасалась, чтобъ этотъ государь, въ которомъ предполагаютъ безпокойный характеръ, не захотѣлъ, по своимъ чужеземнымъ понятіямъ, присвоить себѣ главное управленіе дѣлами. Это обстоятельство, вѣроятно, болѣе всѣхъ способствовало устраненію герцогини Мекленбургской отъ престола, хотя она и приходится старшею сестрою герцогинѣ Курляндской.

XIV.

Москва, 24-го апрѣля 1730 года.

Казалось, что по возстановленіи здѣсь самодержавія, царица не сохранила никакого нерасположенія въ отношеніи тѣхъ, кто во время междуцарствія, задумалъ было измѣнить форму правленія; но теперь видно, что такъ было сдѣлано лишь для принятія дѣйствительнѣйшихъ мѣръ, и что она лишь медлила нарушить свое молчаніе по этому поводу,—такъ какъ въ послѣдній четвергъ, 20-го числа сего мѣсяца, государыня, послѣ тайныхъ совѣщаній съ г. Остерманномъ въ своемъ кабинетѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, повелѣла обнародовать распоряженія объ удаленіи отъ двора шести главныхъ лицъ изъ фамилій Долгорукихъ и нѣсколькихъ другихъ лицъ.... Можетъ быть, какъ думаютъ многіе, вскорѣ станетъ извѣстнымъ еще большее ухудшеніе ихъ участи; но достовѣрно то, что всѣ они уже выѣхали изъ Москвы, гдѣ имъ не дозволено было пробыть долѣе 24-хъ часовъ, и что ихъ повезли по дорогамъ столь различнымъ, что имъ нельзя имѣть сношенія другъ съ другомъ....

До сихъ поръ можно только по догадкамъ говорить объ опалѣ столькихъ лицъ; такъ, и то, что̀ я буду имѣть честь изложить вамъ, касается только князя Василія Долгорукаго. Его опалу приписываютъ двумъ главнымъ причинамъ: во первыхъ, царица была оскорблена не только тѣмъ участіемъ, которое онъ принималъ въ планѣ измѣненія формы правленія, но и тѣмъ надзоромъ,

которымъ онъ окружилъ царицу, до возстановленія самодержавія, чтобы воспрепятствовать кому-либо имѣть съ нею сношенія...

Что касается другихъ ссыльныхъ, то по видимому, ихъ преступленія состояли въ томъ, что они принимали участіе, и при томъ слишкомъ живое, во введеніи новой формы правленія. Многіе полагаютъ, что государыня не ограничится сдѣланнымъ, что вскорѣ число ссылаемыхъ будетъ увеличено, и что между ними будутъ старикъ Дмитрій Голицынъ, фельдмаршалы Голицынъ и Долгорукій, г. Шафировъ и др. Но хотя въ обществѣ и ходятъ слухи о томъ, я считаю ихъ неосновательными....

Несомнѣнно однако, что первыя распоряженія царицы, со времени вступленія ея въ управленіе, даютъ здѣсь поводъ къ различнымъ сужденіямъ. Нѣкоторые, дѣйствительно, по видимому, одобряютъ поведеніе этой государыни, какъ лучшее средство упрочить самостоятельность ея управленія; но большая часть общества, знающая духъ здѣшняго народа и хорошо помнящая, какихъ огромныхъ усилій стоило Петру I исправленіе мятежныхъ наклонностей его подданныхъ, и то не вполнѣ успѣшное, не смотря на его суровость, — полагаетъ, что должно опасаться печальныхъ послѣдствій отъ неудовольствія людей столь почтенныхъ, въ особенности потому, что ихъ ссылку приписываютъ не столько нраву царицы, отъ природы мягкому и благодушному, сколько жестокимъ совѣтамъ нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ ея, которыя, будучи иностранцами по происхожденію, тѣмъ болѣе возбуждаютъ къ себѣ ненависть и желаніе отомстить за угнетенныхъ....

Безъ сомнѣнія, опасеніе великихъ непріятностей лично для себя побуждаетъ г. Остерманна совѣтовать государынѣ перенести свое мѣстопребываніе въ Петербургъ, гдѣ онъ будетъ болѣе обезпеченъ отъ сплетень, чѣмъ въ Москвѣ. Вамъ извѣстно, что онъ не могъ добиться этого отъ покойнаго царя въ слѣдствіе оппозиціи старо-русской партіи, и особенно Долгорукихъ; но теперь эти препятствія, по видимому, не существуютъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что онъ легко убѣдитъ царицу въ необходимости ея пребыванія въ Петербургѣ для возстановленія въ прежнемъ видѣ морской части, которая пришла въ совершенный почти упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ дворъ оставилъ Петербургъ, между тѣмъ какъ именно отъ этого обстоятельства зависитъ внѣшнее значеніе Россіи и только оно можетъ внушить къ ней уваженіе сосѣдей. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что слухъ о возвращеніи двора въ Петербургъ распространяется публично, какъ будто оно послѣдуетъ немедленно послѣ коронаціи царицы, назначенной на будущее воскресенье, послѣднее въ этомъ мѣсяцѣ. Нѣкоторые прибавляютъ, что для большей безопасности противъ возстанія въ здѣшней странѣ, отъ котораго иностранцы, стоящіе во главѣ правленія, всего болѣе могли бы подвергнуться опасности, царица намѣрена принять въ свою службу двухъ наиболѣе извѣстныхъ генераловъ изъ императорскихъ войскъ; въ скоромъ времени слухъ этотъ разъяснится.

которымъ онъ окружилъ царицу, до возстановленія самодержавія, чтобы воспрепятствовать кому-либо имѣть съ нею сношенія...

Что касается другихъ ссыльныхъ, то по видимому, ихъ преступленія состояли въ томъ, что они принимали участіе, и при томъ слишкомъ живое, во введеніи новой формы правленія. Многіе полагаютъ, что государыня не ограничится сдѣланнымъ, что вскорѣ число ссылаемыхъ будетъ увеличено, и что между ними будутъ старикъ Дмитрій Голицынъ, фельдмаршалы Голицынъ и Долгорукій, г. Шафировъ и др. Но хотя въ обществѣ и ходятъ слухи о томъ, я считаю ихъ неосновательными....

Несомнѣнно однако, что первыя распоряженія царицы, со времени вступленія ея въ управленіе, даютъ здѣсь поводъ къ различнымъ сужденіямъ. Нѣкоторые, дѣйствительно, по видимому, одобряютъ поведеніе этой государыни, какъ лучшее средство упрочить самостоятельность ея управленія; но большая часть общества, знающая духъ здѣшняго народа и хорошо помнящая, какихъ огромныхъ усилій стоило Петру I исправленіе мятежныхъ наклонностей его подданныхъ, и то не вполнѣ успѣшное, не смотря на его суровость, — полагаетъ, что должно опасаться печальныхъ послѣдствій отъ неудовольствія людей столь почтенныхъ, въ особенности потому, что ихъ ссылку приписываютъ не столько нраву царицы, отъ природы мягкому и благодушному, сколько жестокимъ совѣтамъ нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ ея, которыя, будучи иностранцами по происхожденію, тѣмъ болѣе возбуждаютъ къ себѣ ненависть и желаніе отомстить за угнетенныхъ....

Безъ сомнѣнія, опасеніе великихъ непріятностей лично для себя побуждаетъ г. Остерманна совѣтовать государынѣ перенести свое мѣстопребываніе въ Петербургъ, гдѣ онъ будетъ болѣе обезпеченъ отъ сплетень, чѣмъ въ Москвѣ. Вамъ извѣстно, что онъ не могъ добиться этого отъ покойнаго царя въ слѣдствіе оппозиціи старо-русской партіи, и особенно Долгорукихъ; но теперь эти препятствія, по видимому, не существуютъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что онъ легко убѣдитъ царицу въ необходимости ея пребыванія въ Петербургѣ для возстановленія въ прежнемъ видѣ морской части, которая пришла въ совершенный почти упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ дворъ оставилъ Петербургъ, между тѣмъ какъ именно отъ этого обстоятельства зависитъ внѣшнее значеніе Россіи и только оно можетъ внушить къ ней уваженіе сосѣдей. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что слухъ о возвращеніи двора въ Петербургъ распространяется публично, какъ будто оно послѣдуетъ немедленно послѣ коронаціи царицы, назначенной на будущее воскресенье, послѣднее въ этомъ мѣсяцѣ. Нѣкоторые прибавляютъ, что для большей безопасности противъ возстанія въ здѣшней странѣ, отъ котораго иностранцы, стоящіе во главѣ правленія, всего болѣе могли бы подвергнуться опасности, царица намѣрена принять въ свою службу двухъ наиболѣе извѣстныхъ генераловъ изъ императорскихъ войскъ; въ скоромъ времени слухъ этотъ разъяснится.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ПЕТРА I И ЕКАТЕРИНЫ I СО СВОИМИ ДОЧЕРЬМИ. [1])

I.

Въ 1-й день апрѣля 1721 года.

Сердце мое, царевна Анна Петровна, здравствуй съ дорогими своими сестрицами и племянникомъ и племянницею.

Объявляю вамъ, что дорогой вашъ батюшка, кушно и я, при помощи Божіей обрѣтаемся въ добромъ здравіи. Хотя я слышу, что съ прилежаніемъ учитесь писать, но паки напоминаю, чтобъ вы хорошенько учились. Прошу поцѣловать за дорогого твоего батюшка, также и за меня, любезныхъ своихъ сестрицъ, и племянника, и племянницу.

Внизу помѣта: Такое жь того числа къ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

II.

Изъ Риги, 1721 года марта отъ 19-го дня.

Сердце мое, царевна Анна Петровна, здравствуй съ дорогими своими сестрицами и племянникомъ и племянницею.

Объявляю тебѣ, что дорогой твой батюшка, кушно и я, по прибытіи нашемъ сюда, слава Богу, обрѣтаемся въ добромъ здравіи, и поздравляю тебѣ съ недѣльнымъ торжественнымъ праздникомъ ваіа; желаю же отъ сердца завтра быть въ всенощной во всякомъ благополучіи и радости достигнуть всемірнаго торжества Спасителева Христова возстанія. Сего моменту съ почтою получила я письмо твое, за которое благодарствую, и можно видѣть, что ты,

---

[1]) Эти письма сообщены П. Н. Петровымъ, коимъ списаны частію съ подлинниковъ, частію съ черновыхъ отпусковъ, хранящихся въ Кабинетѣ Петра Великаго. Правописаніе исправлено.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ПЕТРА I И ЕКАТЕРИНЫ I СО СВОИМИ ДОЧЕРЬМИ. [1])

I.

Въ 1-й день апрѣля 1721 года.

Сердце мое, царевна Анна Петровна, здравствуй съ дорогими своими сестрицами и племянникомъ и племянницею.

Объявляю вамъ, что дорогой вашъ батюшка, кушно и я, при помощи Божіей обрѣтаемся въ добромъ здравіи. Хотя я слышу, что съ прилежаніемъ учитесь писать, но паки напоминаю, чтобъ вы хорошенько учились. Прошу поцѣловать за дорогого твоего батюшка, также и за меня, любезныхъ своихъ сестрицъ, и племянника, и племянницу.

Внизу помѣта: Такое жь того числа къ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

II.

Изъ Риги, 1721 года марта отъ 19-го дня.

Сердце мое, царевна Анна Петровна, здравствуй съ дорогими своими сестрицами и племянникомъ и племянницею.

Объявляю тебѣ, что дорогой твой батюшка, кушно и я, по прибытіи нашемъ сюда, слава Богу, обрѣтаемся въ добромъ здравіи, и поздравляю тебѣ съ недѣльнымъ торжественнымъ праздникомъ ваіа; желаю же отъ сердца завтра быть въ всенощной во всякомъ благополучіи и радости достигнуть всемірнаго торжества Спасителева Христова возстанія. Сего моменту съ почтою получила я письмо твое, за которое благодарствую, и можно видѣть, что ты,

---

[1]) Эти письма сообщены П. Н. Петровымъ, коимъ списаны частію съ подлинниковъ, частію съ черновыхъ отпусковъ, хранящихся въ Кабинетѣ Петра Великаго. Правописаніе исправлено.

сердце мое, потщилась оное написать; для того и впредь хорошенько пишите, дабы васъ могъ похвалить за письмо дорогой вашъ батюшка. Прошу съ оными же торжественными праздниками поздравить и за дорогого батюшка, также и за меня, поцѣловать любезнѣйшихъ сестрицъ, также племянника и племянницу. Впрочемъ, предавъ ваше здравіе въ сохраненіе и милость Божію, остаюсь мать твоя Екатерина.

III.

Къ государынѣ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ, отъ 5-го мая.

Какъ мочно видѣть изъ писемъ вашего мастера, также и господина Девіэра, что вы, сердце мое, учитесь съ прилежаніемъ, и тому я зѣло радуюся и посылаю къ вамъ въ презентъ на вспоминаніе къ лучшей охотѣ и прилѣжанію по перстеньку брилліянтовому, и изъ оныхъ одинъ возьми себѣ, который самой угоденъ, а другой подари любезной своей сестрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, и за меня ее поцѣлуй. При семъ же посылаю ящикъ помаранцовъ и лимоновъ новыхъ, которые на нынѣшнихъ корабляхъ пришли; изъ тѣхъ же помаранцовъ пошлите отъ себя по нѣскольку десятковъ помаранцовъ и лимоновъ къ свѣтлѣйшему князю и къ господину адмиралу.

IV.

1-го іюня.

Объявляю тебѣ, что дорогой вашъ батюшка минувшаго мая 25-го, такожде и я 27-го дня, сюды прибыли благополучно въ добромъ здравіи. Благодарствую тебѣ, сердце мое, за писаніе, и впредь потщись хорошенько писать, дабы тѣмъ могъ увеселяться дорогой вашъ батюшка. Поздравляю васъ съ прешедшимъ днемъ рожденія дражайшаго вашего батюшка. Впрочемъ надѣемся съ помощей Божіей въ скоромъ времени и самое васъ видѣть.

V.

Въ 30-мъ мая 1722 изъ Нижняго.

Сердце мое, царевна Анна Петровна. Объявляю тебѣ, что мы съ дорогимъ вашимъ батюшкомъ прибыли сюда благополучно и обрѣтаемся, слава Богу, въ добромъ здравіи.

Поздравляю васъ съ имянинникомъ, днемъ рожденія дражайшаго вашего государя батюшка, и желаю отъ сердца, да Богъ благословитъ васъ во всякой радости и благополучіи достигнуть и прочихъ... грядущаго торжественнаго дни его тезоименитства; впро-

сердце мое, потщилась оное написать; для того и впредь хорошенько пишите, дабы васъ могъ похвалить за письмо дорогой вашъ батюшка. Прошу съ оными же торжественными праздниками поздравить и за дорогого батюшка, также и за меня, поцѣловать любезнѣйшихъ сестрицъ, также племянника и племянницу. Впрочемъ, предавъ ваше здравіе въ сохраненіе и милость Божію, остаюсь мать твоя Екатерина.

III.

Къ государынѣ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ, отъ 5-го мая.

Какъ мочно видѣть изъ писемъ вашего мастера, также и господина Девіэра, что вы, сердце мое, учитесь съ прилежаніемъ, и тому я зѣло радуюся и посылаю къ вамъ въ презентъ на вспоминаніе къ лучшей охотѣ и прилѣжанію по перстеньку брилліянтовому, и изъ оныхъ одинъ возьми себѣ, который самой угоденъ, а другой подари любезной своей сестрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, и за меня ее поцѣлуй. При семъ же посылаю ящикъ помаранцовъ и лимоновъ новыхъ, которые на нынѣшнихъ корабляхъ пришли; изъ тѣхъ же помаранцовъ пошлите отъ себя по нѣскольку десятковъ помаранцовъ и лимоновъ къ свѣтлѣйшему князю и къ господину адмиралу.

IV.

1-го іюня.

Объявляю тебѣ, что дорогой вашъ батюшка минувшаго мая 25-го, такожде и я 27-го дня, сюды прибыли благополучно въ добромъ здравіи. Благодарствую тебѣ, сердце мое, за писаніе, и впредь потщись хорошенько писать, дабы тѣмъ могъ увеселяться дорогой вашъ батюшка. Поздравляю васъ съ прешедшимъ днемъ рожденія дражайшаго вашего батюшка. Впрочемъ надѣемся съ помощей Божіей въ скоромъ времени и самое васъ видѣть.

V.

Въ 30-мъ мая 1722 изъ Нижняго.

Сердце мое, царевна Анна Петровна. Объявляю тебѣ, что мы съ дорогимъ вашимъ батюшкомъ прибыли сюда благополучно и обрѣтаемся, слава Богу, въ добромъ здравіи.

Поздравляю васъ съ имянинникомъ, днемъ рожденія дражайшаго вашего государя батюшка, и желаю отъ сердца, да Богъ благословитъ васъ во всякой радости и благополучіи достигнуть и прочихъ... грядущаго торжественнаго дни его тезоименитства; впро-

чемъ предавъ васъ въ сохраненіе и милость Божію, остаюсь мать ваша Екатерина.

Помѣта: Такое жь посылано письмо Елизаветѣ Петровнѣ въ 30-й день мая 1722 года.

VI.

Своеручное письмо императора Петра [1]).

13-го января 1723.

Аннушка и Лизенька, здравствуйте! А мы, слава Богу, живы и надѣемся, ежели Богъ изволитъ, вконце февраля или впервыхъ числахъ марта васъ видеть; поцелуйте и поздоровуйте от насъ большую сестрицу; также и внучатъ. Писма ваши всѣ исправно получаемъ.

VII.

17-го января.

Увѣдомились мы чрезъ письма Антона Мануиловича, что просилъ васъ голландскій резидентъ окрестить новорожденнаго его младенца, а вы безъ нашего соизволенія учинить того не смѣли; того для чрезъ сіе воспріемницею быть онаго младенца вамъ соизволяемъ. Впрочемъ предавъ васъ въ сохраненіе Божіе, пребываемъ мать ваша Екатерина.

Помѣта: Къ Елизаветъ Петровнѣ тоже.

VIII.

Сердце мое, цесаревна Анна Петровна, цесаревна Елизаветъ Петровна, здравствуйте!

Письма ваши генваря отъ 24-го числа мы получили, за которыя благодарствуемъ; и объявляю, что дорогой вашъ батюшка и я обрѣтаемся, слава Богу, въ добромъ здравіи; увѣдомлены мы чрезъ письмо господина Дивіера, что у васъ разглашено, будто вамъ мы велѣли быть сюды; но оное чаемъ отъ того произошло: то его хотѣли было по васъ посылать, но отложили за тѣмъ, что намѣрены вскорѣ сами ѣхать къ вамъ; сегодня ожидайте насъ къ себѣ. За симъ здравіе ваше въ сохраненіе Божіе предавъ, пребываемъ мать ваша императрица Екатерина.

IX.

Сердце мое, цесаревна Анна Петровна, Елисаветъ Петровна! Объявляемъ вамъ, что мы чрезъ помощь Божію въ добромъ здра-

[1]) Правописаніе подлинника сохранено.

чемъ предавъ васъ въ сохраненіе и милость Божію, остаюсь мать ваша Екатерина.

Помѣта: Такое жь посылано письмо Елизаветѣ Петровнѣ въ 30-й день мая 1722 года.

VI.

Своеручное письмо императора Петра [1]).

13-го января 1723.

Аннушка и Лизенька, здравствуйте! А мы, слава Богу, живы и надѣемся, ежели Богъ изволитъ, вконце февраля или впервыхъ числахъ марта васъ видеть; поцелуйте и поздоровуйте от насъ болшую сестрицу; также и внучатъ. Писма ваши всѣ исправно получаемъ.

VII.

17-го января.

Увѣдомились мы чрезъ письма Антона Мануиловича, что просилъ васъ голландскій резидентъ окрестить новорожденнаго его младенца, а вы безъ нашего соизволенія учинить того не смѣли; того для чрезъ сіе воспріемницею быть онаго младенца вамъ соизволяемъ. Впрочемъ предавъ васъ въ сохраненіе Божіе, пребываемъ мать ваша Екатерина.

Помѣта: Къ Елизаветъ Петровнѣ тоже.

VIII.

Сердце мое, цесаревна Анна Петровна, цесаревна Елизаветъ Петровна, здравствуйте!

Письма ваши генваря отъ 24-го числа мы получили, за которыя благодарствуемъ; и объявляю, что дорогой вашъ батюшка и я обрѣтаемся, слава Богу, въ добромъ здравіи; увѣдомлены мы чрезъ письмо господина Дивіера, что у васъ разглашено, будто вамъ мы велѣли быть сюды; но оное чаемъ отъ того произошло: то его хотѣли было по васъ посылать, но отложили за тѣмъ, что намѣрены вскорѣ сами ѣхать къ вамъ; сегодня ожидайте насъ къ себѣ. За симъ здравіе ваше въ сохраненіе Божіе предавъ, пребываемъ мать ваша императрица Екатерина.

IX.

Сердце мое, цесаревна Анна Петровна, Елисаветъ Петровна! Объявляемъ вамъ, что мы чрезъ помощь Божію въ добромъ здра-

[1]) Правописаніе подлинника сохранено.

віи; письмо ваше отъ 4-го числа сего февраля мы получили и за оное благодаримъ. При семъ послали мы къ вамъ съ директоромъ отъ строеній Сенявинымъ кицу чаю китайскаго, который употребляйте во здравіе. Впрочемъ, предаемъ васъ въ сохраненіе Божіе. Въ 9-й день февраля, императрица Екатерина.

X

Въ 14-й день іюля 1723 г.

Всемилостивѣйшій государь нашъ, дорогой батюшка! Всенижайше вамъ, государь, поздравляемъ съ благополучнымъ прибытіемъ со флотомъ къ Ревелю и желаемъ сердечно, дабы намъ васъ, государя, возвратившагося благополучно сюды, видѣть въ добромъ здравіи, и о себѣ, государь, батюшка доносимъ, что мы при милости государыни матушки обрѣтаемся въ добромъ здравіи; присланныя отъ васъ, государь батюшка, съ денщикомъ Андрѣемъ Древникомъ... и мы ѣли и за оные вамъ, государь, нижайше благодарствуемъ, желая вамъ, государю, добраго здравія и благополучнаго сюды возвращенія. Дщери ваши А. Е. Н. [1]).

[1]) То есть, цесаревны Анна, Елизавета и Наталія Петровны.

віи; письмо ваше отъ 4-го числа сего февраля мы получили и за оное благодаримъ. При семъ послали мы къ вамъ съ директоромъ отъ строеній Сенявинымъ кицу чаю китайскаго, который употребляйте во здравіе. Впрочемъ, предаемъ васъ въ сохраненіе Божіе. Въ 9-й день февраля, императрица Екатерина.

X

Въ 14-й день іюля 1723 г.

Всемилостивѣйшій государь нашъ, дорогой батюшка! Всенижайше вамъ, государь, поздравляемъ съ благополучнымъ прибытіемъ со флотомъ къ Ревелю и желаемъ сердечно, дабы намъ васъ, государя, возвратившагося благополучно сюды, видѣть въ добромъ здравіи, и о себѣ, государь, батюшка доносимъ, что мы при милости государыни матушки обрѣтаемся въ добромъ здравіи; присланныя отъ васъ, государь батюшка, съ денщикомъ Андрѣемъ Древникомъ... и мы ѣли и за оные вамъ, государь, нижайше благодарствуемъ, желая вамъ, государю, добраго здравія и благополучнаго сюды возвращенія. Дщери ваши А. Е. Н. [1]).

[1]) То есть, цесаревны Анна, Елизавета и Наталія Петровны.

ПИСЬМА ГРАФА А. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА КЪ БАРОНУ И. А. ЧЕРКАСОВУ.

Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, къ которому писаны помѣщаемыя ниже письма графа А. П. Бестужева-Рюмина, состоялъ кабинетъ-секретаремъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Онъ родился въ 1690 году и началъ службу въ 1705 году писаремъ при кабинетѣ Петра I; заслуживъ его расположеніе, Черкасовъ еще въ его царствованіе занялъ должность кабинетъ-секретаря. Въ послѣдующія царствованія онъ лишился этого званія и при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ находился въ опалѣ — сперва въ Казани, а потомъ въ Астрахани. Но по воцареніи Елизаветы онъ, подобно другимъ, еще находившимся въ живыхъ, сподвижникамъ Петра Великаго, былъ вызванъ ко двору, пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ и снова получилъ въ исправленіе тѣ обязанности, которыя исполнялъ при первомъ императорѣ. 25-го апрѣля 1742 года, при коронаціи Елизаветы, онъ былъ пожалованъ баронмъ Россійской имперіи; въ послѣдствіи онъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго; умеръ 21-го ноября 1752 года.

Черкасовъ, по исключительному положенію своего званія, былъ весьма важнымъ и вліятельнымъ лицомъ при дворѣ Елизаветы; черезъ него производились всѣ сношенія министровъ съ императрицею; значительнѣйшія изъ административныхъ лицъ нуждались въ его содѣйствіи и обращались къ нему съ почтительнѣйшими просьбами. Такимъ характеромъ отличаются и письма графа А. П. Бестужева-Рюмина; не смотря однако на свой нѣсколько официальный тонъ, эти письма довольно живо рисуютъ теченіе дѣлъ при императрицѣ Елизаветѣ.

ПИСЬМА ГРАФА А. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА КЪ БАРОНУ И. А. ЧЕРКАСОВУ.

Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, къ которому писаны помѣщаемыя ниже письма графа А. П. Бестужева-Рюмина, состоялъ кабинетъ-секретаремъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Онъ родился въ 1690 году и началъ службу въ 1705 году писаремъ при кабинетѣ Петра I; заслуживъ его расположеніе, Черкасовъ еще въ его царствованіе занялъ должность кабинетъ-секретаря. Въ послѣдующія царствованія онъ лишился этого званія и при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ находился въ опалѣ — сперва въ Казани, а потомъ въ Астрахани. Но по воцареніи Елизаветы онъ, подобно другимъ, еще находившимся въ живыхъ, сподвижникамъ Петра Великаго, былъ вызванъ ко двору, пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ и снова получилъ въ исправленіе тѣ обязанности, которыя исполнялъ при первомъ императорѣ. 25-го апрѣля 1742 года, при коронаціи Елизаветы, онъ былъ пожалованъ баронмъ Россійской имперіи; въ послѣдствіи онъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго; умеръ 21-го ноября 1752 года.

Черкасовъ, по исключительному положенію своего званія, былъ весьма важнымъ и вліятельнымъ лицомъ при дворѣ Елизаветы; черезъ него производились всѣ сношенія министровъ съ императрицею; значительнѣйшія изъ административныхъ лицъ нуждались въ его содѣйствіи и обращались къ нему съ почтительнѣйшими просьбами. Такимъ характеромъ отличаются и письма графа А. П. Бестужева-Рюмина; не смотря однако на свой нѣсколько официальный тонъ, эти письма довольно живо рисуютъ теченіе дѣлъ при императрицѣ Елизаветѣ.

Подлинники этихъ писемъ хранятся въ государственномъ архивѣ, въ дѣлахъ по внутреннему управленію императорскаго кабинета.

I.

Превосходительный баронъ!

Сего моменту былъ у меня англійскій министръ и показывалъ мнѣ оригинальное къ нему письмо отъ милорда Кармрета, отъ $^{8}/_{19}$ сего текущаго, изъ Лондона, въ которомъ написано, что французскій въ Стокгольмѣ министръ письменный меморіалъ подалъ, содержащій, что ежели извѣстнаго принца Сиркенфертскаго (Цвейбрикенъ) наслѣдникомъ шведскимъ опредѣлить, то обѣщаетъ Франція противъ Россіи, доколѣ война продолжится, платя по пятидесяти тысячь червонныхъ на всякій мѣсяцъ, вспомогать сухимъ путемъ и водою; и при врученіи того меморіала изустно внушилъ, что король, его государь, въ состояніи Россіи и диверзію учинить. Принадлежащее до диверзіи, то отъ стороны турецкой можно быть въ спокойствіи, ибо и послѣдній изъ Царяграда въ прошлой недѣлѣ прибывшій курьеръ въ подтвержденіе вѣдомости привезъ, что хвала всещедрому Богу, отъ Турковъ ни малѣйшаго опасенія не имѣется, но толь паче она отъ Россіи страшится—не соединилась бы съ Персіею, противъ которой къ сильной оборонѣ приготовляется, сирѣчь, противъ единой Персіи.

И ежели Франція намѣрена какую въ Россіи впредь диверзію учинить, не было бы то учинено королемъ Прусскимъ, на котораго подлинно надлежитъ смотрѣть недреманнымъ окомъ, и толь паче, какъ изъ многихъ мѣстъ подтвердительныя есть вѣдомости, что король Прусскій въ недавнѣ въ готовности имѣетъ въ Данцикѣ четыреста тысячь червонныхъ, которые могутъ быть для подкупленія Курляндскаго шляхетства въ произведеніе брата своего герцогомъ Курляндскимъ, чрезъ что Россія можетъ въ какіе споры вмѣшаться, и потому отъ короля Прусскаго воспослѣдуетъ чаятельная диверзія. И ежели помянутый Прусскій король въ сію шведскую войну не вмѣшается, то не токмо Данія, но и хотя бы вкупѣ съ Франціею по ситуаціи государства нашего въ пользу Швеціи, Россіи великаго вреда учинить не могутъ.

Онъ же, англійскій министръ, сообщилъ мнѣ, что король, его государь, изъ Англіи вскорѣ въ Ганноверъ переѣдетъ, чего ради и господину Нарышкину на сегодняшней почтѣ отправится изъ коллегіи указъ, чтобы для предостереженія Его Императорскаго Величества всевысочайшихъ интересовъ за Его Великобританскимъ Величествомъ слѣдовалъ.

О вышеозначенныхъ важныхъ вѣдомостяхъ Ея Императорскому

Подлинники этихъ писемъ хранятся въ государственномъ архивѣ, въ дѣлахъ по внутреннему управленію императорскаго кабинета.

I.

Превосходительный баронъ!

Сего моменту былъ у меня англійскій министръ и показывалъ мнѣ оригинальное къ нему письмо отъ милорда Кармрета, отъ $^{8}/_{19}$ сего текущаго, изъ Лондона, въ которомъ написано, что французскій въ Стокгольмѣ министръ письменный меморіалъ подалъ, содержащій, что ежели извѣстнаго принца Сиркенфертскаго (Цвейбрикенъ) наслѣдникомъ шведскимъ опредѣлить, то обѣщаетъ Франція противъ Россіи, доколѣ война продолжится, платя по пятидесяти тысячь червонныхъ на всякій мѣсяцъ, вспомогать сухимъ путемъ и водою; и при врученіи того меморіала изустно внушилъ, что король, его государь, въ состояніи Россіи и диверзію учинить. Принадлежащее до диверзіи, то отъ стороны турецкой можно быть въ спокойствіи, ибо и послѣдній изъ Царяграда въ прошлой недѣлѣ прибывшій курьеръ въ подтвержденіе вѣдомости привезъ, что хвала всещедрому Богу, отъ Турковъ ни малѣйшаго опасенія не имѣется, но толь паче она отъ Россіи страшится—не соединилась бы съ Персіею, противъ которой къ сильной оборонѣ приготовляется, сирѣчь, противъ единой Персіи.

И ежели Франція намѣрена какую въ Россіи впредь диверзію учинить, не было бы то учинено королемъ Прусскимъ, на котораго подлинно надлежитъ смотрѣть недреманнымъ окомъ, и толь паче, какъ изъ многихъ мѣстъ подтвердительныя есть вѣдомости, что король Прусскій въ недавнѣ въ готовности имѣетъ въ Данцикѣ четыреста тысячь червонныхъ, которые могутъ быть для подкупленія Курляндскаго шляхетства въ произведеніе брата своего герцогомъ Курляндскимъ, чрезъ что Россія можетъ въ какіе споры вмѣшаться, и потому отъ короля Прусскаго воспослѣдуетъ чаятельная диверзія. И ежели помянутый Прусскій король въ сію шведскую войну не вмѣшается, то не токмо Данія, но и хотя бы вкупѣ съ Франціею по ситуаціи государства нашего въ пользу Швеціи, Россіи великаго вреда учинить не могутъ.

Онъ же, англійскій министръ, сообщилъ мнѣ, что король, его государь, изъ Англіи вскорѣ въ Ганноверъ переѣдетъ, чего ради и господину Нарышкину на сегодняшней почтѣ отправится изъ коллегіи указъ, чтобы для предостереженія Его Императорскаго Величества всевысочайшихъ интересовъ за Его Великобританскимъ Величествомъ слѣдовалъ.

О вышеозначенныхъ важныхъ вѣдомостяхъ Ея Императорскому

Величеству донести проситъ вашего превосходительства послушный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Апрѣля 30-го дня 1743 года, въ 1-мъ часу пополудни.

Помѣта вверху письма: Сіе письмо изволила Ея Императорское Величество читать въ 30-й день апрѣля 1743 года.

II.

Превосходительный баронъ!

Третьяго дня поздно въ ночи Нордепфлихтъ переводчику Иванову поручилъ три письма для поданія—къ княгинѣ Гессенъ-Гомбургской, господину Лестоку и господину Брюмеру, которыя, искусно распечатавъ, взявъ съ нихъ копіи и паки искусно же запечатавъ, при семъ оригиналы и при томъ переводы прилагаю; оныя прошу при удобномъ случаѣ Ея Императорскому Величеству прочесть и оригиналомъ доложить, отдавать ли по адресамъ или удержать, чтобы о томъ извѣстно не было, и хотя въ оныхъ никакой важности не найдено, однако толико видно, на кого оный Шведъ болѣе надежду полагалъ, и колико господину Брюмеру уже въ сенатѣ стороною ни малую силу имѣетъ по своимъ намѣреніямъ его учинить (?), яко же и явно изъ письма видно, что господинъ Брюмеръ пріѣзду его сюда вспоспѣшествовалъ, какъ изъ подчеркнутыхъ строкъ примѣтно; а что онъ, Нордепфлихтъ, въ письмѣ своемъ упоминаетъ, чтобъ ему до мира позволено было въ Нарвѣ пробыть, и о томъ переводчикъ Ивановъ точно сказывалъ, что онъ, Нордепфлихтъ, отзывался, яко бы ему Брюмеръ сказывалъ, что скоро миръ заключенъ будетъ. Подаждь всещедрый Боже къ тому Свое благословеніе, чтобъ оное въ самомъ дѣйствѣ видѣть, да я же о томъ не безъ надежды, ибо, имѣя онъ Брюмеръ въ Швеціи со многими корреспонденцію, можетъ о томъ всѣхъ насъ болѣе вѣдать.

По семъ съ непрестаннымъ почтеніемъ пребываю вашего превосходительства послушный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Мая 17-го дня 1743 года, въ 7-мъ часу по полуночи [1]).

III.

Превосходительный баронъ!

При выходѣ изъ сената Ея Императорскому Величеству докладывалъ, что нужныя есть дѣла къ докладу, между прочими и польскія нѣкоторой важности; Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣть соизволила, чтобъ мы съ дѣлами были по обѣдѣ, однако же съ малымъ числомъ, ибо для велікаго праздника над-

[1]) Приложенія къ этому письму намъ не извѣстны.

Величеству донести проситъ вашего превосходительства послушный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Апрѣля 30-го дня 1743 года, въ 1-мъ часу пополудни.

Помѣта вверху письма: Сіе письмо изволила Ея Императорское Величество читать въ 30-й день апрѣля 1743 года.

II.

Превосходительный баронъ!

Третьяго дня поздно въ ночи Нордепфлихтъ переводчику Иванову поручилъ три письма для поданія—къ княгинѣ Гессенъ-Гомбургской, господину Лестоку и господину Брюмеру, которыя, искусно распечатавъ, взявъ съ нихъ копіи и паки искусно же запечатавъ, при семъ оригиналы и при томъ переводы прилагаю; оныя прошу при удобномъ случаѣ Ея Императорскому Величеству прочесть и оригиналомъ доложить, отдавать ли по адресамъ или удержать, чтобы о томъ извѣстно не было, и хотя въ оныхъ никакой важности не найдено, однако толико видно, на кого оный Шведъ болѣе надежду полагалъ, и колико господину Брюмеру уже въ сенатѣ стороною ни малую силу имѣетъ по своимъ намѣреніямъ его учинить (?), яко же и явно изъ письма видно, что господинъ Брюмеръ пріѣзду его сюда вспоспѣшествовалъ, какъ изъ подчеркнутыхъ строкъ примѣтно; а что онъ, Нордепфлихтъ, въ письмѣ своемъ упоминаетъ, чтобъ ему до мира позволено было въ Нарвѣ пробыть, и о томъ переводчикъ Ивановъ точно сказывалъ, что онъ, Нордепфлихтъ, отзывался, яко бы ему Брюмеръ сказывалъ, что скоро миръ заключенъ будетъ. Подаждь всещедрый Боже къ тому Свое благословеніе, чтобъ оное въ самомъ дѣйствѣ видѣть, да я же о томъ не безъ надежды, ибо, имѣя онъ Брюмеръ въ Швеціи со многими корреспонденцію, можетъ о томъ всѣхъ насъ болѣе вѣдать.

По семъ съ непрестаннымъ почтеніемъ пребываю вашего превосходительства послушный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Мая 17-го дня 1743 года, въ 7-мъ часу по полуночи [1]).

III.

Превосходительный баронъ!

При выходѣ изъ сената Ея Императорскому Величеству докладывалъ, что нужныя есть дѣла къ докладу, между прочими и польскія нѣкоторой важности; Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣть соизволила, чтобъ мы съ дѣлами были по обѣдѣ, однако же съ малымъ числомъ, ибо для велікаго праздника над-

[1]) Приложенія къ этому письму намъ не извѣстны.

лежитъ быть при всенощной. Того ради съ его превосходительствомъ Бреверномъ токмо мы приносили единый въ Абовъ указъ ко всемилостивѣйшей апробаціи и подписанію, ибо курьеръ болѣе двухъ сутокъ отвѣту ожидаетъ, а въ таковыхъ подобныхъ случаяхъ, какъ и во всѣхъ по иностранной коллегіи дѣлахъ, часу не упущается. Были во дворцѣ до полу 11-го часу по полудни, и дабы Ея Императорскому Величеству въ молитвѣ не попрепятствовать, яко же и чтобы намъ на сегодняшней почтѣ дѣла надлежащія въ отправленіи не остановить, принуждены были, Ея Императорскаго Величества не дождавшись, изъ дворца ѣхать и приложенный указъ вашему превосходительству поручить—при удобномъ случаѣ Ея Императорскому Величеству доложить, дабы курьера по важности дѣла долѣе не остановить; и по докладѣ и полученной всемилостивѣйшей резолюціи, прошу наиприлежно, моменту не мѣшкавъ, меня увѣдомить.

А прочія дѣла, которыя безъ всякой резолюціи (не имѣя случая о томъ доложить) отправлены, уповаю, что я съ господиномъ Бреверномъ въ томъ не виноватъ, какъ бы въ томъ конфузіи произойти не могли.

Вашего превосходительства всепослушный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Мая 21-го дня 1743 года, въ исходѣ 11-го часа ночи.

IV.

Превосходительный баронъ!

Наиприлежно прошу по приложенному реэстру при удобномъ случаѣ Ея Императорскому Величеству доложить яко же и о прочемъ:

1) Четыре штуки, полученныя сегодня по полудни изъ Абова на эстафетѣ.

2) Реляція Ланчинскаго (съ тремя разными приложеніями) о побѣдѣ надъ императоромъ Германскимъ, ибо о такой реляціи Ея Императорское Величество четвертаго дня спрашивать меня изволила, но оная тогда еще не въ полученіи была.

3) Экстрактъ изъ реляціи каммергера Корфа, по содержанію которой не соизволитъ ли Ея Императорское Величество въ городъ указъ послать, чтобы тамошняя эскадра, будучи къ походу во всякой готовности, впредь до указа остановилась, ибо датскій дворъ почти войну декларовалъ въ случаѣ такомъ, ежели кронъ-принцъ Датскій шведскимъ наслѣдникомъ учиненъ не будетъ; и тако, мнится мнѣ, этой эскадрѣ Архангелогородской еще тамо остановиться, дабы вновь изъ Копенгагена вѣдомость получить, яко же бы обождать, кто въ Швеціи наслѣдникомъ избранъ будетъ, по тому свои мѣры воспріять; къ тому же, хотя бы оной эскадрѣ изъ города и идти, то поздно сюда прибудутъ, что нынѣшней компаніи ничего вспоспѣшествовать не можетъ.

лежитъ быть при всенощной. Того ради съ его превосходительствомъ Бреверномъ токмо мы приносили единый въ Абовъ указъ ко всемилостивѣйшей апробаціи и подписанію, ибо курьеръ болѣе двухъ сутокъ отвѣту ожидаетъ, а въ таковыхъ подобныхъ случаяхъ, какъ и во всѣхъ по иностранной коллегіи дѣлахъ, часу не упущается. Были во дворцѣ до полу 11-го часу по полудни, и дабы Ея Императорскому Величеству въ молитвѣ не попрепятствовать, яко же и чтобы намъ на сегодняшней почтѣ дѣла надлежащія въ отправленіи не остановить, принуждены были, Ея Императорскаго Величества не дождавшись, изъ дворца ѣхать и приложенный указъ вашему превосходительству поручить—при удобномъ случаѣ Ея Императорскому Величеству доложить, дабы курьера по важности дѣла долѣе не остановить; и по докладѣ и полученной всемилостивѣйшей резолюціи, прошу наиприлежно, моменту не мѣшкавъ, меня увѣдомить.

А прочія дѣла, которыя безъ всякой резолюціи (не имѣя случая о томъ доложить) отправлены, уповаю, что я съ господиномъ Бреверномъ въ томъ не виноватъ, какъ бы въ томъ конфузіи произойти не могли.

Вашего превосходительства всепослушный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Мая 21-го дня 1743 года, въ исходѣ 11-го часа ночи.

IV.

Превосходительный баронъ!

Наиприлежно прошу по приложенному реэстру при удобномъ случаѣ Ея Императорскому Величеству доложить яко же и о прочемъ:

1) Четыре штуки, полученныя сегодня по полудни изъ Абова на эстафетѣ.

2) Реляція Ланчинскаго (съ тремя разными приложеніями) о побѣдѣ надъ императоромъ Германскимъ, ибо о такой реляціи Ея Императорское Величество четвертаго дня спрашивать меня изволила, но оная тогда еще не въ полученіи была.

3) Экстрактъ изъ реляціи каммергера Корфа, по содержанію которой не соизволитъ ли Ея Императорское Величество въ городъ указъ послать, чтобы тамошняя эскадра, будучи къ походу во всякой готовности, впредь до указа остановилась, ибо датскій дворъ почти войну декларовалъ въ случаѣ такомъ, ежели кронъ-принцъ Датскій шведскимъ наслѣдникомъ учиненъ не будетъ; и тако, мнится мнѣ, этой эскадрѣ Архангелогородской еще тамо остановиться, дабы вновь изъ Копенгагена вѣдомость получить, яко же бы обождать, кто въ Швеціи наслѣдникомъ избранъ будетъ, по тому свои мѣры воспріять; къ тому же, хотя бы оной эскадрѣ изъ города и идти, то поздно сюда прибудутъ, что нынѣшней компаніи ничего вспоспѣшествовать не можетъ.

4) Отвсюды подтвержденныя были вѣдомости, что отъ однихъ сулена была вся Финляндія, а отъ другихъ по рѣку Кименъ, и тако Шведы на кого ни есть твердую полагаютъ надежду, что въ томъ имъ вспомоществовано будетъ, и такимъ образомъ все мирное дѣло въ такую неразбираемую конфузію приведено, что едва ли предвидѣть можно, чтобы Швеція на уступку далѣе рѣки Кимена поступить склонилась, толь наипаче, что Шведамъ о всѣхъ здѣшнихъ намѣреніяхъ и пріуготовленіяхъ извѣстно (да и нельзя инако, какъ я въ недавнѣ слышалъ, что природный Шведъ при сенатѣ переводчикомъ); и ежели Швеція упорно въ томъ стоять будетъ, чтобы Финляндію не уступать, а Ея Императорскаго Величества намѣреніе, дабы наслѣдства шведскаго его свѣтлости епископу Любскому не упустить, и того ради склониться соизволитъ заключить миръ по рѣку Кименъ, то не соизволитъ ли всемилостивѣйше повелѣть заблаговременно къ министрамъ въ Абовъ отписать, дабы они яко отъ себя объявили, что ежели Швеція пожелаетъ, что Ея Императорское Величество по единому своему великодушію это болѣе уступить соизволила, то бы Цедеркрейцъ и Нолькенъ просительное къ Ея Императорскому Величеству снисходительное письмо прислали, изъясняя, что они пишутъ по указу королевскому и всѣхъ государственныхъ чиновъ; такое, по моему слабому мнѣнію, письмо получить бы взялись, ежели необходимая нужда позоветъ по рѣку Кимень миръ заключить, дабы оное было со славою и честію Ея Императорскаго Величества, что яко бы на то поступлено для прошенія всего государства, токмо по единой великодушности Ея Императорскаго Величества; а ежели Ея Императорское Величество на то отважиться изволитъ твердо за Финляндію стоять до того времени, что хотя бы Швеція и датскаго кандидата наслѣдникомъ опредѣлила и утвердила, то надлежитъ думать и о будущей компаніи; не безъ надежды же, что Данія, дабы для распоряженія и утвержденія новаго правительства (соединеннаго съ Швеціею) имѣть свободныя руки, и на то бы не поступила. для скораго прекращенія войны всю Финляндію Ея Императорскому Величеству уступить; да и Швеціи война весьма надокучила; для внутренняго покоя уповательно въ томъ такожде спорить не будутъ.

5) Ея Императорскому Величеству доложить, что резидентъ Гохгольцеръ отъ королевы своей нотификальную о ея коронаціи грамоту получилъ, желаетъ оную подать и какъ о коронаціи, такъ и о полученной побѣдѣ нотификаціи учинить, — соизволитъ ли всемилостивѣйше въ будущее воскресенье, послѣ обѣдни, допустить оное исполнить.

6) Голландскій резидентъ Шварцъ представлялъ, что голландскій командиръ съ конвойнаго корабля, который пришелъ въ Кронштадтъ съ нѣкоторыми знатными Голландцами, желаютъ допущены быть къ ручкѣ Ея Императорскаго Величества, — и о томъ, какъ всемилостивѣйше повелѣть соизволитъ.

На все сіе ожидая обстоятельнаго указа со особливымъ почте-

4) Отвсюды подтвержденныя были вѣдомости, что отъ однихъ сулена была вся Финляндія, а отъ другихъ по рѣку Кименъ, и тако Шведы на кого ни есть твердую полагаютъ надежду, что въ томъ имъ вспомоществовано будетъ, и такимъ образомъ все мирное дѣло въ такую неразбираемую конфузію приведено, что едва ли предвидѣть можно, чтобы Швеція на уступку далѣе рѣки Кимена поступить склонилась, толь наипаче, что Шведамъ о всѣхъ здѣшнихъ намѣреніяхъ и пріуготовленіяхъ извѣстно (да и нельзя инако, какъ я въ недавнѣ слышалъ, что природный Шведъ при сенатѣ переводчикомъ); и ежели Швеція упорно въ томъ стоять будетъ, чтобы Финляндію не уступать, а Ея Императорскаго Величества намѣреніе, дабы наслѣдства шведскаго его свѣтлости епископу Любскому не упустить, и того ради склониться соизволитъ заключить миръ по рѣку Кименъ, то не соизволитъ ли всемилостивѣйше повелѣть заблаговременно къ министрамъ въ Абовъ отписать, дабы они яко отъ себя объявили, что ежели Швеція пожелаетъ, что Ея Императорское Величество по единому своему великодушію это болѣе уступить соизволила, то бы Цедеркрейцъ и Нолькенъ просительное къ Ея Императорскому Величеству снисходительное письмо прислали, изъясняя, что они пишутъ по указу королевскому и всѣхъ государственныхъ чиновъ; такое, по моему слабому мнѣнію, письмо получить бы взялись, ежели необходимая нужда позоветъ по рѣку Кимень миръ заключить, дабы оное было со славою и честію Ея Императорскаго Величества, что яко бы на то поступлено для прошенія всего государства, токмо по единой великодушности Ея Императорскаго Величества; а ежели Ея Императорское Величество на то отважиться изволитъ твердо за Финляндію стоять до того времени, что хотя бы Швеція и датскаго кандидата наслѣдникомъ опредѣлила и утвердила, то надлежитъ думать и о будущей компаніи; не безъ надежды же, что Данія, дабы для распоряженія и утвержденія новаго правительства (соединеннаго съ Швеціею) имѣть свободныя руки, и на то бы не поступила. для скораго прекращенія войны всю Финляндію Ея Императорскому Величеству уступить; да и Швеціи война весьма надокучила; для внутренняго покоя уповательно въ томъ такожде спорить не будутъ.

5) Ея Императорскому Величеству доложить, что резидентъ Гохгольцеръ отъ королевы своей нотификальную о ея коронаціи грамоту получилъ, желаетъ оную подать и какъ о коронаціи, такъ и о полученной побѣдѣ нотификаціи учинить, — соизволитъ ли всемилостивѣйше въ будущее воскресенье, послѣ обѣдни, допустить оное исполнить.

6) Голландскій резидентъ Шварцъ представлялъ, что голландскій командиръ съ конвойнаго корабля, который пришелъ въ Кронштадтъ съ нѣкоторыми знатными Голландцами, желаютъ допущены быть къ ручкѣ Ея Императорскаго Величества, — и о томъ, какъ всемилостивѣйше повелѣть соизволитъ.

На все сіе ожидая обстоятельнаго указа со особливымъ почте-

ніемъ пребываю вашего превосходительства всепослушный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Мая 24-го дня 1743 года, о полуночи.

V.

Превосходительный баронъ

Его свѣтлость господинъ генералъ-фельдмаршалъ князь Долгорукій просилъ меня всеподданнѣйшее его Ея Императорскому Величеству доношеніе до вашего превосходительства отправить, которое включа, прилагаю при семъ обстоятельнѣйшее извѣстіе о Шведѣ, о которомъ я уже упоминалъ, именемъ Вассеръ, опредѣленномъ при сенатѣ (не зная русскаго языка) переводчикомъ. Сіе меня понудило къ вамъ отправить по причинѣ, что не до моего департамента, но до кабинета принадлежитъ. — Ея Императорскому Величеству о томъ всеподданнѣйше доложить; да и не безъ крайнѣйшей нужды есть о томъ Ея Императорскому Величеству вѣдать, какъ противъ указовъ и регламентовъ государя Петра Великаго въ томъ поступлено, и коль высочайшему интересу предосудительно, чтобъ Шведъ при сенатѣ былъ, гдѣ паче всѣхъ мѣстъ свободнѣе вѣдать не токмо о всякихъ военныхъ пріуготовленіяхъ, но и о силѣ и слабости государства; къ тому же, помянутый Шведъ Вассеръ ласкаетъ себя, какъ я слышалъ, по рекомендаціи и стараніямъ господина оберъ-маршала Брюмера, опредѣленнымъ быть при Его Императорскомъ Высочествѣ государѣ великомъ князѣ кабинетскимъ секретаремъ. А впрочемъ не извѣстно мнѣ, какъ и здѣсь, и на Москвѣ онъ, Вассеръ, для господина Брюмера многія письма на почтѣ писывалъ; и о всемъ ономъ сообща вамъ, съ особливымъ почтеніемъ пребываю вашего превосходительства всепослушно-вѣрный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Іюня 1-го дня 1743 года, о полуночи.

VI.

Превосходительный баронъ!

Сердечно сожалѣю, что я съ вашимъ превосходительствомъ предъ отъѣздомъ моимъ говорить случая не имѣлъ, что нѣкоторые здѣшнему коменданту барону Штейну въ вину приписуютъ, будто онъ приказанныя ему сто-тридцать лошадей не поставилъ; оное весьма не основательно, потому, что онъ болѣе двухъ-сотъ семидесяти лошадей ко двору Ея Императорскаго Величества отправилъ, но множество изъ оныхъ прежде приведенія на мѣсто разбитіемъ приставленныхъ солдатъ силою отняты, такъ что и посланныя съ свѣжею водою для Ея Величества лошади дворцовыми жъ служителями отбиты, и вода на дорогѣ разлита. Я, о семъ для извѣстія ваше

ніемъ пребываю вашего превосходительства всепослушный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Мая 24-го дня 1743 года, о полуночи.

V.

Превосходительный баронъ

Его свѣтлость господинъ генералъ-фельдмаршалъ князь Долгорукій просилъ меня всеподданнѣйшее его Ея Императорскому Величеству доношеніе до вашего превосходительства отправить, которое включа, прилагаю при семъ обстоятельнѣйшее извѣстіе о Шведѣ, о которомъ я уже упоминалъ, именемъ Вассеръ, опредѣленномъ при сенатѣ (не зная русскаго языка) переводчикомъ. Сіе меня понудило къ вамъ отправить по причинѣ, что не до моего департамента, но до кабинета принадлежитъ, — Ея Императорскому Величеству о томъ всеподданнѣйше доложить; да и не безъ крайнѣйшей нужды есть о томъ Ея Императорскому Величеству вѣдать, какъ противъ указовъ и регламентовъ государя Петра Великаго въ томъ поступлено, и коль высочайшему интересу предосудительно, чтобъ Шведъ при сенатѣ былъ, гдѣ паче всѣхъ мѣстъ свободнѣе вѣдать не токмо о всякихъ военныхъ пріуготовленіяхъ, но и о силѣ и слабости государства; къ тому же, помянутый Шведъ Вассеръ ласкаетъ себя, какъ я слышалъ, по рекомендаціи и стараніямъ господина оберъ-маршала Брюмера, опредѣленнымъ быть при Его Императорскомъ Высочествѣ государѣ великомъ князѣ кабинетскимъ секретаремъ. А впрочемъ не извѣстно мнѣ, какъ и здѣсь, и на Москвѣ онъ, Вассеръ, для господина Брюмера многія письма на почтѣ писывалъ; и о всемъ ономъ сообща вамъ, съ особливымъ почтеніемъ пребываю вашего превосходительства всепослушно-вѣрный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Іюня 1-го дня 1743 года, о полуночи.

VI.

Превосходительный баронъ!

Сердечно сожалѣю, что я съ вашимъ превосходительствомъ предъ отъѣздомъ моимъ говорить случая не имѣлъ, что нѣкоторые здѣшнему коменданту барону Штейну въ вину приписуютъ, будто онъ приказанныя ему сто-тридцать лошадей не поставилъ; оное весьма не основательно, потому, что онъ болѣе двухъ-сотъ семидесяти лошадей ко двору Ея Императорскаго Величества отправилъ, но множество изъ оныхъ прежде приведенія на мѣсто разбитіемъ приставленныхъ солдатъ силою отняты, такъ что и посланныя съ свѣжею водою для Ея Величества лошади дворцовыми жъ служителями отбиты, и вода на дорогѣ разлита. Я, о семъ для извѣстія ваше

превосходительство увѣдомляя, съ неотмѣннымъ почтеніемъ всегда пребуду вашего превосходительства всепослушный слуга...

Въ Нарвѣ. 9-го іюля 1744 г.

За отсутствіемъ его сіятельства сіе письмо не подписанное посылается.

VII.

Превосходительный баронъ!

При семъ слѣдуютъ по всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества мнѣ чрезъ ваше превосходительство объявленному повелѣнію требованныя извѣстія, касающіяся до отправленнаго отсюда въ Брауншвейгъ принца и принцессы Анны Брауншвейскихъ гардеробы, и хотя оныя Ея Императорскому Величеству предъ симъ поднесены были, то однакожь знатно о томъ запамятовать изволила. Я же съ особливымъ почтеніемъ и преданностію не отмѣнно пребуду вашего превосходительства всепослушный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Въ 3-й день сентября 1744 г.

PS. Я ваше превосходительство покорно прошу Ея Императорскому Величеству всенижайше представить, дабы повелѣно было Его Императорскому Высочеству великому князю должныя ему за прошлый и нынѣшній годы болѣе семидесяти тысячь руб. въ соляной конторѣ какъ наискорѣе выслать, ибо дѣло не въ томъ токмо одномъ состоитъ, что у него денегъ со всѣмъ не имѣется, какъ онъ вашему превосходительству о томъ самому во дворцѣ говорилъ, но теперь необходимая нужда требуетъ для принятія на герцогство Голстинское нѣкоторую сумму немедленно перевесть,— инако же оное герцогство по имперскимъ уставамъ у его высочества отнято будетъ, а Ея Императорское Величество сама указать изволила, дабы сіи издержки изъ шкатульныхъ великаго князя денегъ учинены были.

VIII.

Превосходительный баронъ!

Ваше превосходительство меня весьма одолжите, когда для партикулярнаго извѣстія меня увѣдомить изволите, гдѣ назначенная для генералъ-лейтенанта Ливена шпага съ брилліантами находится. Впрочемъ же, прилагаю при семъ роспись оставленнымъ у Ея Императорскаго Величества тому двѣ недѣли назадъ дѣламъ, съ которыхъ и съ вашимъ превосходительствомъ предъ нѣсколькими днями дубликаты ко всевысочайшему подписанію посланы, ибо въ оныхъ необходимая нужда обстоитъ, и когда ваше превосходительство о томъ Ея Императорскому Величеству напамятовать случай получите, то покорно прошу и вложенный указъ о заплатѣ швед-

превосходительство увѣдомляя, съ неотмѣннымъ почтеніемъ всегда пребуду вашего превосходительства всепослушный слуга...

Въ Нарвѣ. 9-го іюля 1744 г.

За отсутствіемъ его сіятельства сіе письмо не подписанное посылается.

VII.

Превосходительный баронъ!

При семъ слѣдуютъ по всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества мнѣ чрезъ ваше превосходительство объявленному повелѣнію требованныя извѣстія, касающіяся до отправленнаго отсюда въ Брауншвейгъ принца и принцессы Анны Брауншвейскихъ гардеробы, и хотя оныя Ея Императорскому Величеству предъ симъ поднесены были, то однакожь знатно о томъ запамятовать изволила. Я же съ особливымъ почтеніемъ и преданностію не отмѣнно пребуду вашего превосходительства всепослушный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Въ 3-й день сентября 1744 г.

PS. Я ваше превосходительство покорно прошу Ея Императорскому Величеству всенижайше представить, дабы повелѣно было Его Императорскому Высочеству великому князю должныя ему за прошлый и нынѣшній годы болѣе семидесяти тысячь руб. въ соляной конторѣ какъ наискорѣе выслать, ибо дѣло не въ томъ токмо одномъ состоитъ, что у него денегъ со всѣмъ не имѣется, какъ онъ вашему превосходительству о томъ самому во дворцѣ говорилъ, но теперь необходимая нужда требуетъ для принятія на герцогство Голстинское нѣкоторую сумму немедленно перевесть,— инако же оное герцогство по имперскимъ уставамъ у его высочества отнято будетъ, а Ея Императорское Величество сама указать изволила, дабы сіи издержки изъ шкатульныхъ великаго князя денегъ учинены были.

VIII.

Превосходительный баронъ!

Ваше превосходительство меня весьма одолжите, когда для партикулярнаго извѣстія меня увѣдомить изволите, гдѣ назначенная для генералъ-лейтенанта Ливена шпага съ брилліантами находится. Впрочемъ же, прилагаю при семъ роспись оставленнымъ у Ея Императорскаго Величества тому двѣ недѣли назадъ дѣламъ, съ которыхъ и съ вашимъ превосходительствомъ предъ нѣсколькими днями дубликаты ко всевысочайшему подписанію посланы, ибо въ оныхъ необходимая нужда обстоитъ, и когда ваше превосходительство о томъ Ея Императорскому Величеству напамятовать случай получите, то покорно прошу и вложенный указъ о заплатѣ швед-

скому двору субсидій, чему срокъ въ первомъ числѣ сентября уже пришелъ (дабы на сеймѣ о замедленіи заплаты противныхъ толкованій не было) къ подписанію поднести, о мнѣ же увѣренными быть, что я съ особливымъ почтеніемъ неотмѣнно пребуду вашего превосходительства послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Въ 26-й день сентября 1746 года.

IX.

Превосходительный баронъ!

Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣть соизволила взнесть къ себѣ сочиненный на всевысочайшую апробацію этикетъ церемоніала въ принятіи пословъ, который при семъ и слѣдуетъ, со всепокорнымъ прошеніемъ при удобномъ случаѣ Ея Императорскому Величеству поднесть. Впрочемъ же пріуготовляются еще разные этикеты: 1) о принятіи полномочныхъ министровъ, чрезвычайныхъ посланниковъ, министровъ безъ публичнаго характера, резидентовъ; 2) о подаркахъ имъ; 2) о недаваніи имъ карауловъ; 4) о лишеніи ихъ безпошлиннаго вывоза ихъ вещей, и 5) о всякихъ приключающихся при дворѣ церемоніяхъ.

Прежніе министры объ установленіи сего ни малѣйшаго попеченія не имѣли, едва ли не по причинѣ, чтобъ себя надъ оными учинить, дабы по прибытіи всякаго иностраннаго министра о принятіи ихъ совѣта у нихъ спрашивать и чрезъ то свои знанія и искусствы оказывать, или чтобъ по прихотямъ своимъ свободнѣе поступать могли: равнаго характера министрамъ, по пристрастіямъ своимъ, одному болѣе, а другому меньше учтивости оказывали, какъ такія при государѣ императорѣ Петрѣ Второмъ, а наипаче при государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ почти всегда въ допущеніи на аудіенціи иностранныхъ министровъ не согласующія церемоніи бывали; нынѣ же, по всемилостивѣйшей апробаціи, къ вѣчной Ея Императорскаго Величества памяти, всегда постоянный этикетъ церемоній состоять будетъ. По семъ съ непрестанно-особливымъ почтеніемъ пребываю вашего превосходительства всепослушный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Марта 12-го дня 1744 года.

X.

Monseigneur!

Вчерашняго утра, будучи съ докладами, Ея Императорское Величество упоминать изволила, чтобъ и прочихъ чужестранныхъ здѣсь обрѣтающихся персонъ письма подавать. А понеже извѣстнаго автора съ полгода накопленныхъ, весьма важныхъ писемъ толикое множество было, что переводчики денно и нощно перево-

скому двору субсидій, чему срокъ въ первомъ числѣ сентября уже пришелъ (дабы на сеймѣ о замедленіи заплаты противныхъ толкованій не было) къ подписанію поднести, о мнѣ же увѣренными быть, что я съ особливымъ почтеніемъ неотмѣнно пребуду вашего превосходительства послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Въ 26-й день сентября 1746 года.

IX.

Превосходительный баронъ!

Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣть соизволила взнесть къ себѣ сочиненный на всевысочайшую апробацію этикетъ церемоніала въ принятіи пословъ, который при семъ и слѣдуетъ, со всепокорнымъ прошеніемъ при удобномъ случаѣ Ея Императорскому Величеству поднесть. Впрочемъ же пріуготовляются еще разные этикеты: 1) о принятіи полномочныхъ министровъ, чрезвычайныхъ посланниковъ, министровъ безъ публичнаго характера, резидентовъ; 2) о подаркахъ имъ; 2) о недаваніи имъ карауловъ; 4) о лишеніи ихъ безпошлиннаго вывоза ихъ вещей, и 5) о всякихъ приключающихся при дворѣ церемоніяхъ.

Прежніе министры объ установленіи сего ни малѣйшаго попеченія не имѣли, едва ли не по причинѣ, чтобъ себя надъ оными учинить, дабы по прибытіи всякаго иностраннаго министра о принятіи ихъ совѣта у нихъ спрашивать и чрезъ то свои знанія и искусствы оказывать, или чтобъ по прихотямъ своимъ свободнѣе поступать могли: равнаго характера министрамъ, по пристрастіямъ своимъ, одному болѣе, а другому меньше учтивости оказывали, какъ такія при государѣ императорѣ Петрѣ Второмъ, а наипаче при государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ почти всегда въ допущеніи на аудіенціи иностранныхъ министровъ не согласующія церемоніи бывали; нынѣ же, по всемилостивѣйшей апробаціи, къ вѣчной Ея Императорскаго Величества памяти, всегда постоянный этикетъ церемоній состоять будетъ. По семъ съ непрестанно-особливымъ почтеніемъ пребываю вашего превосходительства всепослушный слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Марта 12-го дня 1744 года.

X.

Monseigneur!

Вчерашняго утра, будучи съ докладами, Ея Императорское Величество упоминать изволила, чтобъ и прочихъ чужестранныхъ здѣсь обрѣтающихся персонъ письма подавать. А понеже извѣстнаго автора съ полгода накопленныхъ, весьма важныхъ писемъ толикое множество было, что переводчики денно и нощно перево-

дами едва и понынѣ исправиться могутъ, того ради я прочими письмами, въ которыхъ почти ни какой важности не имѣется, Ея Императорское Величество и утруждать не осмѣлился; однакожъ оныя всѣ въ сохраненіи находятся, и по полученному Ея Императорскаго Величества всевысочайшему повелѣнію, я того жъ момента переводить заставилъ, которыя при иныхъ важнѣйшихъ дѣлахъ по возможности изготавливаться будутъ и Ея Императорскому Величеству вседолжнѣйше поднесутся.

Но чтобъ далѣе впредь толикое множество писемъ распечатывать, тому я болѣе возможности не усматриваю, потому что постъ-директоръ Ашъ въ С.-Петербургѣ на каждой почтѣ о несносномъ отъ раздуванья углевъ трудѣ, и что ослѣпленіе его глазъ отъ того всемѣрно вскорѣ слѣдовать имѣетъ, жалуется; къ тому жъ тотъ одинъ присяжный человѣкъ, который оныя въ цифрахъ и безъ цифръ письма переписываетъ, копированіемъ оныхъ никоимъ образомъ управиться не можетъ. Впрочемъ же прилагаю при семъ переводы съ двухъ къ извѣстному поносителю писемъ, всепокорно прося оныя Ея Императорскому Величеству при первѣйшемъ удобномъ случаѣ подать, потому что оныя самаго важнаго содержанія; я же есмь и пребуду всегда съ особливымъ высокопочитаніемъ вашего превосходительства всепослушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Въ 13-й день мая 1744 года.

XI.

Превосходительный баронъ!

Дипломы господина оберъ-гофмейстера барона Миниха, князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, графа Михаила Ларіоновича Воронцова и мой уже близко полугода у вашего превосходительства находятся, и ежели будущаго года дождутся, то ихъ переписывать надлежитъ, ибо оные всѣ на нынѣшній годъ изготовлены. Я для того ваше превосходительство прошу оные пожаловать прислать, дабы я ихъ поднести могъ, ибо до новаго года немного остается. Вашего превосходительства послушнѣйшій рабъ Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Декабря 3-го дня 1747 года.

XII.

Превосходительный баронъ!

Ея Императорское Величество указала мнѣ завтра по утру съ дѣлами къ себѣ быть; я для того ваше превосходительство прошу тѣ четыре диплома, о которыхъ я сего дня уже самъ васъ просилъ, сего вечера ко мнѣ прислать велѣть, дабы я ихъ завтра ко всевысочайшему подписанію Ея Императорскаго Величества под-

дами едва и понынѣ исправиться могутъ, того ради я прочими письмами, въ которыхъ почти ни какой важности не имѣется, Ея Императорское Величество и утруждать не осмѣлился; однакожъ оныя всѣ въ сохраненіи находятся, и по полученному Ея Императорскаго Величества всевысочайшему повелѣнію, я того жъ момента переводить заставилъ, которыя при иныхъ важнѣйшихъ дѣлахъ по возможности изготавливаться будутъ и Ея Императорскому Величеству вседолжнѣйше поднесутся.

Но чтобъ далѣе впредь толикое множество писемъ распечатывать, тому я болѣе возможности не усматриваю, потому что постъ-директоръ Ашъ въ С.-Петербургѣ на каждой почтѣ о несносномъ отъ раздуванья углевъ трудѣ, и что ослѣпленіе его глазъ отъ того всемѣрно вскорѣ слѣдовать имѣетъ, жалуется; къ тому жъ тотъ одинъ присяжный человѣкъ, который оныя въ цифрахъ и безъ цифръ письма переписываетъ, копированіемъ оныхъ никоимъ образомъ управиться не можетъ. Впрочемъ же прилагаю при семъ переводы съ двухъ къ извѣстному поносителю писемъ, всепокорно прося оныя Ея Императорскому Величеству при первѣйшемъ удобномъ случаѣ подать, потому что оныя самаго важнаго содержанія; я же есмь и пребуду всегда съ особливымъ высокопочитаніемъ вашего превосходительства всепослушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Въ 13-й день мая 1744 года.

XI.

Превосходительный баронъ!

Дипломы господина оберъ-гофмейстера барона Миниха, князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, графа Михаила Ларіоновича Воронцова и мой уже близко полугода у вашего превосходительства находятся, и ежели будущаго года дождутся, то ихъ переписывать надлежитъ, ибо оные всѣ на нынѣшній годъ изготовлены. Я для того ваше превосходительство прошу оные пожаловать прислать, дабы я ихъ поднести могъ, ибо до новаго года немного остается. Вашего превосходительства послушнѣйшій рабъ Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Декабря 3-го дня 1747 года.

XII.

Превосходительный баронъ!

Ея Императорское Величество указала мнѣ завтра по утру съ дѣлами къ себѣ быть; я для того ваше превосходительство прошу тѣ четыре диплома, о которыхъ я сего дня уже самъ васъ просилъ, сего вечера ко мнѣ прислать велѣть, дабы я ихъ завтра ко всевысочайшему подписанію Ея Императорскаго Величества под-

нести могъ. Вашего превосходительства послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Декабря 3-го дня 1747 года.

PS. Тако жь прилежно прошу ваше превосходительство напамятовать его сіятельству графу Алексѣю Григорьевичу объ указѣ о сынѣ моемъ, дабы оный прежде похода Ея Императорскаго Величества въ Царское Село подписанъ былъ, ибо сыну моему, не бывъ у присяги, въ путь отправится нельзя.

нести могъ. Вашего превосходительства послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Декабря 3-го дня 1747 года.

PS. Тако жь прилежно прошу ваше превосходительство напамятовать его сіятельству графу Алексѣю Григорьевичу объ указѣ о сынѣ моемъ, дабы оный прежде похода Ея Императорскаго Величества въ Царское Село подписанъ былъ, ибо сыну моему, не бывъ у присяги, въ путь отправится нельзя.

БІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ ОБЪ И. П. ШУЛЬГИНѢ *).

Иванъ Петровичь Шульгинъ былъ уроженцемъ Костромской губерніи и родился въ 1795 году. Дѣтство свое онъ провелъ среди многочисленной семьи; отецъ его былъ человѣкъ самъ не получившій образованія, но хорошо понимавшій всю пользу и необходимость его, а потому не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ для воспитанія своего сына и, кромѣ общаго элементарнаго образованія, старался пріохотить его къ музыкѣ и рисованію. Въ родной семьѣ Иванъ Петровичь былъ общимъ любимцемъ, и другіе члены семейства часто должны были подчиняться его желаніямъ. Иванъ Петровичь былъ отданъ въ Костромскую гимназію и по успѣхамъ въ наукахъ постоянно шелъ во главѣ своихъ товарищей. Въ слѣдствіе того, при первомъ требованіи воспитанниковъ гимназіи въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ въ 1810 году, выборъ остановился, между прочимъ, и на молодомъ Шульгинѣ. Отъѣздъ его изъ родительскаго дома сильно подѣйствовалъ на мать его, и она, не будучи въ силахъ перенести разлуку съ своимъ любимцемъ, вскорѣ захворала и умерла; съ ея кончиной исчезла та внутренняя связь, которая поддерживала эту семью; послѣ смерти жены отецъ Ивана Петровича почти бросилъ своихъ дѣтей, и вся тяжесть попеченія о своихъ младшихъ братьяхъ и сестрахъ пала на Ивана Петровича, только что окончившаго тогда свое воспитаніе.

Годы, проведенные Иваномъ Петровичемъ въ педагогическомъ институтѣ, были началомъ той труженической дѣятельности, которою преисполнена вся его жизнь. Предоставленный самому себѣ, безъ всякой посторонней поддержки, онъ пріобрѣталъ средства къ

---

*) Заканчивая первый томъ нашего сборника историческихъ матеріаловъ, мы сочли умѣстнымъ въ предлагаемомъ біографическомъ извѣстіи почтить память уважаемаго дѣятеля нашей литературы И. П. Шульгина, изъ собранія котораго почерпнута значительная часть напечатанныхъ нами документовъ.

БІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ ОБЪ И. П. ШУЛЬГИНѢ *).

Иванъ Петровичь Шульгинъ былъ уроженцемъ Костромской губерніи и родился въ 1795 году. Дѣтство свое онъ провелъ среди многочисленной семьи; отецъ его былъ человѣкъ самъ не получившій образованія, но хорошо понимавшій всю пользу и необходимость его, а потому не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ для воспитанія своего сына и, кромѣ общаго элементарнаго образованія, старался пріохотить его къ музыкѣ и рисованію. Въ родной семьѣ Иванъ Петровичь былъ общимъ любимцемъ, и другіе члены семейства часто должны были подчиняться его желаніямъ. Иванъ Петровичь былъ отданъ въ Костромскую гимназію и по успѣхамъ въ наукахъ постоянно шелъ во главѣ своихъ товарищей. Въ слѣдствіе того, при первомъ требованіи воспитанниковъ гимназіи въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ въ 1810 году, выборъ остановился, между прочимъ, и на молодомъ Шульгинѣ. Отъѣздъ его изъ родительскаго дома сильно подѣйствовалъ на мать его, и она, не будучи въ силахъ перенести разлуку съ своимъ любимцемъ, вскорѣ захворала и умерла; съ ея кончиной исчезла та внутренняя связь, которая поддерживала эту семью; послѣ смерти жены отецъ Ивана Петровича почти бросилъ своихъ дѣтей, и вся тяжесть попеченія о своихъ младшихъ братьяхъ и сестрахъ пала на Ивана Петровича, только что окончившаго тогда свое воспитаніе.

Годы, проведенные Иваномъ Петровичемъ въ педагогическомъ институтѣ, были началомъ той труженической дѣятельности, которою преисполнена вся его жизнь. Предоставленный самому себѣ, безъ всякой посторонней поддержки, онъ пріобрѣталъ средства къ

---

*) Заканчивая первый томъ нашего сборника историческихъ матеріаловъ, мы сочли умѣстнымъ въ предлагаемомъ біографическомъ извѣстіи почтить память уважаемаго дѣятеля нашей литературы И. П. Шульгина, изъ собранія котораго почерпнута значительная часть напечатанныхъ нами документовъ.

существованію уроками, которые давалъ товарищамъ, и своими скудными доходами спѣшилъ дѣлиться съ своею семьею. Въ 1813 году онъ кончилъ курсъ въ институтѣ. Случай поступить на службу въ Петербургѣ представился ему нескоро, и было время, что уступая необходимости, онъ рѣшался уже ѣхать учителемъ въ Иркутскъ; но совѣты и увѣщанія профессора статистики и географіи Зябловскаго успѣли поколебать въ немъ эту рѣшимость.

Въ 1816 году, 20-ти лѣтъ отъ рожденія, Иванъ Петровичъ поступилъ воспитателемъ и учителемъ въ Царскосельскій лицей и, начиная съ этого времени, посвятилъ этому заведенію лучшіе годы своей жизни. Въ то же время онъ долженъ былъ окончательно принять на себя заботы и попеченія о семействѣ своего отца, состоявшемъ тогда изъ четырехъ братьевъ, двухъ сестеръ и одной престарѣлой родственницы. Пробивая такимъ образомъ себѣ служебную дорогу, молодой человѣкъ продолжалъ заботиться и объ усовершенствованіи своего образованія; сознавая всю необходимость знанія иностранныхъ языковъ, онъ при помощи своихъ сослуживцевъ, изучилъ нѣмецкій и французскій языки и достигъ не только отличнаго пониманія ихъ, но и хорошо объяснялся на томъ и другомъ. Нерѣдко онъ хаживалъ пѣшкомъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, гдѣ давалъ уроки, и возвращался назадъ всегда бодрый, веселый и довольный судьбой.

Извѣстный нашъ статистикъ, въ то время профессоръ С.-Петербургскаго университета, Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ, землякъ Ивана Петровича, рано оцѣнилъ его дарованія и много содѣйствовалъ ему какъ въ пріобрѣтеніи имъ познаній, такъ и возможности прилагать ихъ на учебномъ поприщѣ; въ домѣ этого почтеннаго человѣка Иванъ Петровичъ находилъ всегда и радушный пріемъ, и добрый совѣтъ, которыхъ онъ не забывалъ всю жизнь; еще незадолго до кончины своей, Иванъ Петровичъ собирался ѣхать въ Петрозаводскъ, чтобы поклониться праху Константина Ивановича. У него же въ домѣ Шульгинъ встрѣтилъ дѣвицу Е. В. фонъ-Рицкъ, на которой и женился въ 1823 году.

Со времени женитьбы труды и заботы Ивана Петровича еще болѣе увеличились; ему пришлось заботиться и о собственномъ семействѣ, которое съ каждымъ годомъ увеличивалось. „Я женюсь, милые дорогіе друзья мои“, писалъ онъ своимъ сестрамъ передъ свадьбой, „а потому посылаю вамъ вдвое болѣе, чѣмъ удѣлялъ до сего времени; не знаю, скоро ли буду въ состояніи выслать еще“.

Рядомъ съ этими заботами сталъ расширяться и кругъ дѣятельности Ивана Петровича; извѣстность его какъ опытнаго и даровитаго наставника стала обширнѣе, такъ что въ 1830 году мы встрѣчаемъ его имя въ спискахъ преподавателей почти всѣхъ существовавшихъ въ то время учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, начиная обществомъ благородныхъ дѣвицъ и кончая лицеемъ. Въ 1833 году онъ поступилъ профессоромъ новой исторіи въ С.-Петербургскій университетъ и въ томъ же году былъ избранъ деканомъ историко-филологическаго факультета, а на слѣдующій годъ ректоромъ; къ

существованію уроками, которые давалъ товарищамъ, и своими скудными доходами спѣшилъ дѣлиться съ своею семьею. Въ 1813 году онъ кончилъ курсъ въ институтѣ. Случай поступить на службу въ Петербургѣ представился ему нескоро, и было время, что уступая необходимости, онъ рѣшался уже ѣхать учителемъ въ Иркутскъ; но совѣты и увѣщанія профессора статистики и географіи Зябловскаго успѣли поколебать въ немъ эту рѣшимость.

Въ 1816 году, 20-ти лѣтъ отъ рожденія, Иванъ Петровичъ поступилъ воспитателемъ и учителемъ въ Царскосельскій лицей и, начиная съ этого времени, посвятилъ этому заведенію лучшіе годы своей жизни. Въ то же время онъ долженъ былъ окончательно принять на себя заботы и попеченія о семействѣ своего отца, состоявшемъ тогда изъ четырехъ братьевъ, двухъ сестеръ и одной престарѣлой родственницы. Пробивая такимъ образомъ себѣ служебную дорогу, молодой человѣкъ продолжалъ заботиться и объ усовершенствованіи своего образованія; сознавая всю необходимость знанія иностранныхъ языковъ, онъ при помощи своихъ сослуживцевъ, изучилъ нѣмецкій и французскій языки и достигъ не только отличнаго пониманія ихъ, но и хорошо объяснялся на томъ и другомъ. Нерѣдко онъ хаживалъ пѣшкомъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, гдѣ давалъ уроки, и возвращался назадъ всегда бодрый, веселый и довольный судьбой.

Извѣстный нашъ статистикъ, въ то время профессоръ С.-Петербургскаго университета, Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ, землякъ Ивана Петровича, рано оцѣнилъ его дарованія и много содѣйствовалъ ему какъ въ пріобрѣтеніи имъ познаній, такъ и возможности прилагать ихъ на учебномъ поприщѣ; въ домѣ этого почтеннаго человѣка Иванъ Петровичъ находилъ всегда и радушный пріемъ, и добрый совѣтъ, которыхъ онъ не забывалъ всю жизнь; еще незадолго до кончины своей, Иванъ Петровичъ собирался ѣхать въ Петрозаводскъ, чтобы поклониться праху Константина Ивановича. У него же въ домѣ Шульгинъ встрѣтилъ дѣвицу Е. В. фонъ-Рицкъ, на которой и женился въ 1823 году.

Со времени женитьбы труды и заботы Ивана Петровича еще болѣе увеличились; ему пришлось заботиться и о собственномъ семействѣ, которое съ каждымъ годомъ увеличивалось. „Я женюсь, милые дорогіе друзья мои“, писалъ онъ своимъ сестрамъ передъ свадьбой, „а потому посылаю вамъ вдвое болѣе, чѣмъ удѣлялъ до сего времени; не знаю, скоро ли буду въ состояніи выслать еще“.

Рядомъ съ этими заботами сталъ расширяться и кругъ дѣятельности Ивана Петровича; извѣстность его какъ опытнаго и даровитаго наставника стала обширнѣе, такъ что въ 1830 году мы встрѣчаемъ его имя въ спискахъ преподавателей почти всѣхъ существовавшихъ въ то время учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, начиная обществомъ благородныхъ дѣвицъ и кончая лицеемъ. Въ 1833 году онъ поступилъ профессоромъ новой исторіи въ С.-Петербургскій университетъ и въ томъ же году былъ избранъ деканомъ историко-филологическаго факультета, а на слѣдующій годъ ректоромъ; къ

этому же почти времени относится избраніе его въ члены-корреспонденты статистическаго отдѣленія совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ и академіи наукъ; нѣсколько позже онъ былъ назначенъ наставникомъ-наблюдателемъ за преподаваніемъ политическихъ наукъ во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ 1845 г. избранъ членомъ общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ. Къ учебной дѣятельности Ивана Петровича присоединились и его ученые труды; въ 1822 году онъ издалъ „Руководство ко всеобщей географіи“, а въ 1832 историческое разсужденіе „Изображеніе характера и содержаніе новой исторіи“, за которое академія наукъ присудила ему второстепенную Демидовскую премію. Съ благодарностью относясь къ мѣсту своего первоначальнаго образованія, Костромской гимназіи, Иванъ Петровичъ принесъ въ даръ этому заведенію написанный имъ курсъ географіи, какъ первый свой учено-литературный трудъ, и триста экземпляровъ этой книги пожертвовалъ на сооруженіе строившагося тогда въ Костромѣ памятника Ивану Сусанину. Великій князь Михаилъ Павловичъ, получивъ въ г. Тильбургѣ (въ Голландіи) книгу „Изображеніе характера и содержанія новой исторіи“, благодарилъ Ивана Петровича слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый государь Иванъ Петровичъ! Примите искреннюю благодарность за посвященіе и присылку мнѣ новаго историческаго труда вашего; благодарю васъ также и за чувства ваши относительно меня лично. Да будетъ сей трудъ вашъ, необходимый для современной эпохи русскаго просвѣщенія, основаніемъ другаго столь же необходимаго: руководства для преподаванія въ подвѣдомственныхъ мнѣ военно-учебныхъ заведеніяхъ исторіи русской и всеобщей, въ коемъ они чрезвычайно нуждаются. Познанія и краснорѣчіе ваше, искусство и долголѣтняя опытность вашего преподаванія, ваши вполнѣ испытанныя мною благонамѣренность и благородство чувствъ, и наконецъ глубокія свѣдѣнія ваши о всѣхъ дѣйствіяхъ самодержавной власти, упрочившей славу и счастіе нашего отечества, служатъ мнѣ несомнѣннымъ и утѣшительнымъ ручательствомъ, что вы оправдаете вполнѣ и высочайшую довѣренность къ вамъ Государя Императора, и мои ожиданія, что русскимъ юношамъ руководство ваше для изученія исторіи будетъ вмѣстѣ и руководствомъ для жизни, развивая въ нихъ чувства любви къ долгу и отечеству изъ непоколебимой преданности двумъ неизмѣннымъ въ продолженіи вѣковъ хранителямъ и благодѣтелямъ Россіи—церкви и престолу. Съ нетерпѣніемъ ожидая скорѣйшаго окончанія сей важной работы, съ истиннымъ уваженіемъ пребываю вамъ на всегда искренно доброжелательный Михаилъ“.

Приводимъ еще одно письмо, которое доказываетъ то уваженіе, которымъ пользовался Иванъ Петровичъ. Въ 1838 году Сергѣй Николаевичъ Глинка, посылая Ивану Петровичу съ сыномъ своимъ свои „Записки о Москвѣ въ 1812 году“, написалъ на посылаемомъ экземплярѣ слѣдующее:

этому же почти времени относится избраніе его въ члены-корреспонденты статистическаго отдѣленія совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ и академіи наукъ; нѣсколько позже онъ былъ назначенъ наставникомъ-наблюдателемъ за преподаваніемъ политическихъ наукъ во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ 1845 г. избранъ членомъ общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ. Къ учебной дѣятельности Ивана Петровича присоединились и его ученые труды; въ 1822 году онъ издалъ „Руководство ко всеобщей географіи“, а въ 1832 историческое разсужденіе „Изображеніе характера и содержаніе новой исторіи“, за которое академія наукъ присудила ему второстепенную Демидовскую премію. Съ благодарностью относясь къ мѣсту своего первоначальнаго образованія, Костромской гимназіи, Иванъ Петровичъ принесъ въ даръ этому заведенію написанный имъ курсъ географіи, какъ первый свой учено-литературный трудъ, и триста экземпляровъ этой книги пожертвовалъ на сооруженіе строившагося тогда въ Костромѣ памятника Ивану Сусанину. Великій князь Михаилъ Павловичъ, получивъ въ г. Тильбургѣ (въ Голландіи) книгу „Изображеніе характера и содержанія новой исторіи“, благодарилъ Ивана Петровича слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый государь Иванъ Петровичъ! Примите искреннюю благодарность за посвященіе и присылку мнѣ новаго историческаго труда вашего; благодарю васъ также и за чувства ваши относительно меня лично. Да будетъ сей трудъ вашъ, необходимый для современной эпохи русскаго просвѣщенія, основаніемъ другаго столь же необходимаго: руководства для преподаванія въ подвѣдомственныхъ мнѣ военно-учебныхъ заведеніяхъ исторіи русской и всеобщей, въ коемъ они чрезвычайно нуждаются. Познанія и краснорѣчіе ваше, искусство и долголѣтняя опытность вашего преподаванія, ваши вполнѣ испытанныя мною благонамѣренность и благородство чувствъ, и наконецъ глубокія свѣдѣнія ваши о всѣхъ дѣйствіяхъ самодержавной власти, упрочившей славу и счастіе нашего отечества, служатъ мнѣ несомнѣннымъ и утѣшительнымъ ручательствомъ, что вы оправдаете вполнѣ и высочайшую довѣренность къ вамъ Государя Императора, и мои ожиданія, что русскимъ юношамъ руководство ваше для изученія исторіи будетъ вмѣстѣ и руководствомъ для жизни, развивая въ нихъ чувства любви къ долгу и отечеству изъ непоколебимой преданности двумъ неизмѣннымъ въ продолженіи вѣковъ хранителямъ и благодѣтелямъ Россіи—церкви и престолу. Съ нетерпѣніемъ ожидая скорѣйшаго окончанія сей важной работы, съ истиннымъ уваженіемъ пребываю вамъ на всегда искренно доброжелательный Михаилъ“.

Приводимъ еще одно письмо, которое доказываетъ то уваженіе, которымъ пользовался Иванъ Петровичъ. Въ 1838 году Сергѣй Николаевичъ Глинка, посылая Ивану Петровичу съ сыномъ своимъ свои „Записки о Москвѣ въ 1812 году“, написалъ на посылаемомъ экземплярѣ слѣдующее:

„Милостивый государь и почтеннѣйшій Иванъ Петровичь! Вручитель книги—сынъ мой Сергѣй, желающій пользоваться слушаніемъ лекцій въ университетѣ. Счастливымъ себя почитаю, что первый шагъ на новомъ поприщѣ начинаетъ онъ подъ щитомъ Провидѣнія и при радушномъ вашемъ содѣйствіи, въ чемъ, зная сердечныя ваши качества, и не сомнѣваюсь. А вотъ вамъ и вѣсть о васъ. На другой день бытности вашей у Ивана Николаевича Скобелева, я навѣстилъ его; увидя меня, онъ вскричалъ съ душевнымъ восторгомъ: „Сергѣй Николаевичь! Иванъ Скобелевъ опять ожилъ. Вчера былъ у меня Иванъ Петровичь Шульгинъ и слушалъ мои грамотки. Слезы блистали въ глазахъ его. Онъ снялъ горе съ сердца ретиваго, онъ оживилъ меня!“ Исторія, жизнь русская и душа русская въ васъ и съ вами, одушевляйте ими вновь поколѣніе. Записки—память прошедшаго. Исторія—жизнь минувшаго. Сергѣй Глинка.

„За даръ простой, но даръ сердечный
„Мнѣ десять подари вѣковъ!
„Стяжалъ себѣ вѣнецъ ты вѣчный,
„Былое оживляя вновь.
„Ты зрѣлъ гигантское паденье
„Несытыхъ властію Римлянъ,
„Европы видѣлъ обновленье,
„И кѣмъ урокъ былъ Риму данъ.
„И твой урокъ, другъ незабвенный,
„Умъ освѣжая, мысль живитъ.
„Тому и памятникъ нетлѣнный,
„Кто десять намъ вѣковъ даритъ.

Весь вашъ,

сердцемъ и душою преданный вамъ Сергѣй Глинка.

Ивану Петровичу Шульгину, въ залогъ искренняго уваженія къ нему сочинителя Записокъ“.

Въ послѣдствіи Иванъ Петровичь издалъ еще начало учебника по всеобщей исторіи, которое и было принято въ руководство по военно-учебнымъ заведеніямъ; но ему не удалось окончить это предпріятіе. Равнымъ образомъ, не осуществились и другіе ученые труды имъ задуманные—„Статистическій Ежегодникъ“, который онъ предполагалъ издавать, состоя професоромъ при университетѣ, и задуманная имъ въ 1830 г. „Исторія юго-западной Россіи“. Приводимъ записку, которую онъ подавалъ по этому поводу тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, князю Ливену:

„Страны югозападной Россіи суть страны славныхъ воспоминаній для нашего отечества. Здѣсь подъ Олеговымъ хранительнымъ щитомъ укрѣплялись его младенческія силы; здѣсь была для насъ колыбель и истинной вѣры, и перваго нашего гражданскаго образованія, и перваго законодательства. Въ послѣдствіи времени, когда съ исхода XII-го вѣка Россія стала сосредоточиваться на сѣверовостокѣ, страны югозападныя, ослабленныя междоусобіями удѣль-

„Милостивый государь и почтеннѣйшій Иванъ Петровичь! Вручитель книги—сынъ мой Сергѣй, желающій пользоваться слушаніемъ лекцій въ университетѣ. Счастливымъ себя почитаю, что первый шагъ на новомъ поприщѣ начинаетъ онъ подъ щитомъ Провидѣнія и при радушномъ вашемъ содѣйствіи, въ чемъ, зная сердечныя ваши качества, и не сомнѣваюсь. А вотъ вамъ и вѣсть о васъ. На другой день бытности вашей у Ивана Николаевича Скобелева, я навѣстилъ его; увидя меня, онъ вскричалъ съ душевнымъ восторгомъ: „Сергѣй Николаевичь! Иванъ Скобелевъ опять ожилъ. Вчера былъ у меня Иванъ Петровичь Шульгинъ и слушалъ мои грамотки. Слезы блистали въ глазахъ его. Онъ снялъ горе съ сердца ретиваго, онъ оживилъ меня!“ Исторія, жизнь русская и душа русская въ васъ и съ вами, одушевляйте ими вновь поколѣніе. Записки—память прошедшаго. Исторія—жизнь минувшаго. Сергѣй Глинка.

„За даръ простой, но даръ сердечный
„Мнѣ десять подари вѣковъ!
„Стяжалъ себѣ вѣнецъ ты вѣчный,
„Былое оживляя вновь.
„Ты зрѣлъ гигантское паденье
„Несытыхъ властію Римлянъ,
„Европы видѣлъ обновленье,
„И кѣмъ урокъ былъ Риму данъ.
„И твой урокъ, другъ незабвенный,
„Умъ освѣжая, мысль живитъ.
„Тому и памятникъ нетлѣнный,
„Кто десять намъ вѣковъ даритъ.

Весь вашъ,

сердцемъ и душою преданный вамъ Сергѣй Глинка.

Ивану Петровичу Шульгину, въ залогъ искренняго уваженія къ нему сочинителя Записокъ“.

Въ послѣдствіи Иванъ Петровичь издалъ еще начало учебника по всеобщей исторіи, которое и было принято въ руководство по военно-учебнымъ заведеніямъ; но ему не удалось окончить это предпріятіе. Равнымъ образомъ, не осуществились и другіе ученые труды имъ задуманные—„Статистическій Ежегодникъ“, который онъ предполагалъ издавать, состоя професоромъ при университетѣ, и задуманная имъ въ 1830 г. „Исторія юго-западной Россіи“. Приводимъ записку, которую онъ подавалъ по этому поводу тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, князю Ливену:

„Страны югозападной Россіи суть страны славныхъ воспоминаній для нашего отечества. Здѣсь подъ Олеговымъ хранительнымъ щитомъ укрѣплялись его младенческія силы; здѣсь была для насъ колыбель и истинной вѣры, и перваго нашего гражданскаго образованія, и перваго законодательства. Въ послѣдствіи времени, когда съ исхода XII-го вѣка Россія стала сосредоточиваться на сѣверовостокѣ, страны югозападныя, ослабленныя междоусобіями удѣль-

ной системы, опустошенныя многократными нападеніями чужестранцевъ, отдѣлились болѣе и болѣе отъ состава государственнаго, и историкъ Россіи можетъ съ начала XIII вѣка только отъ времени до времени бросать мимоходные взгляды на судьбу Россіи Приднѣпровской. Съ начала XIV вѣка сіи области дѣлаются добычею чужеземцевъ, въ теченіи трехъ съ половиною вѣковъ находятся подъ властію литовскою и польскою и, на все сіе время до самаго возвращенія ихъ въ нѣдра отечества, изчезаютъ для россійской исторіи.

„Между тѣмъ, въ теченіи сего періода, подъ вліяніемъ чужеземной, не ласковой власти измѣняются языкъ и нравы обитателей югозападной Россіи, образуется новый народъ — малороссійскій, народъ, перенесшій изъ прежняго своего быта въ свою новую жизнь и сохранившій на перекоръ новымъ владыкамъ одно сокровище неизмѣннымъ—вѣру праотеческую. Между тѣмъ на юговосточныхъ предѣлахъ странъ, занимаемыхъ симъ народомъ, помѣстились на постоянное жительство и властвованіе Татары, составившіе Крымское ханство и поступившіе съ исхода XV вѣка подъ покровительство Турціи. Такимъ образомъ Приднѣпровскій край находился между тремя государствами: на сѣвѣро-западѣ Польша съ своимъ горделивымъ властительствомъ и съ своими религіозными притѣсненіями; на сѣверо-востокѣ Россія, къ которой жители Малороссіи влекомы были силою исторіи; на юговостокѣ Татары, враждебные и вѣрою, и образомъ жизни и Польшѣ, и Малороссіи, и Россіи. И великодушное упорство самовластію польскихъ правителей, и бои съ Татарами, безпрерывно возобновлявшіеся, были причиною образованія въ Малороссіи особеннаго военнаго сословія, *казаковъ*, которыхъ подвигами огласилась страна отъ нижнихъ частей Дуная до Урала, и которыхъ отважное удальство покорило россійскому скипетру третью часть Азіи.

„Исторія сей страны и сего народа, исторія столь богатая и характерами, и событіями, составляющая столь важную часть исторіи отечественной, до сихъ поръ можно сказать, еще не написана. Послѣдній трудъ въ семъ родѣ, болѣе предшествовавшихъ полный, есть трудъ г. Бантышъ-Каменскаго: „Исторія Малой Россіи со временъ присоединенія оной къ Россійскому государству“. Москва, 1822 года; 2 тома in 4. Не смотря на выгодное положеніе автора относительно къ отысканію источниковъ для составленія исторіи Малороссіи, трудъ сей не занимаетъ значущаго мѣста въ отечественной литературѣ ни по какимъ отношеніямъ. Это есть сухая компиляція, расположенная по годамъ и днямъ; и одинъ уже сей способъ изложенія, чисто хронологическій, на одномъ только времени, а не на самомъ свойствѣ событій основанный, служитъ самъ по себѣ препятствіемъ къ живому изображенію предмета и не даетъ понятія о томъ, что̀ составляетъ настоящую цѣль всякой исторіи, понятія о жизни и судьбѣ народа. При томъ, важный недостатокъ сочиненія г. Бантышъ-Каменскаго, кажется, и тотъ еще, что у него нѣсколько болѣе обстоятельно описаны вре-

ной системы, опустошенныя многократными нападеніями чужестранцевъ, отдѣлились болѣе и болѣе отъ состава государственнаго, и историкъ Россіи можетъ съ начала XIII вѣка только отъ времени до времени бросать мимоходные взгляды на судьбу Россіи Приднѣпровской. Съ начала XIV вѣка сіи области дѣлаются добычею чужеземцевъ, въ теченіи трехъ съ половиною вѣковъ находятся подъ властію литовскою и польскою и, на все сіе время до самаго возвращенія ихъ въ нѣдра отечества, изчезаютъ для россійской исторіи.

„Между тѣмъ, въ теченіи сего періода, подъ вліяніемъ чужеземной, не ласковой власти измѣняются языкъ и нравы обитателей югозападной Россіи, образуется новый народъ — малороссійскій, народъ, перенесшій изъ прежняго своего быта въ свою новую жизнь и сохранившій на перекоръ новымъ владыкамъ одно сокровище неизмѣннымъ—вѣру праотеческую. Между тѣмъ на югозападныхъ предѣлахъ странъ, занимаемыхъ симъ народомъ, помѣстились на постоянное жительство и властвованіе Татары, составившіе Крымское ханство и поступившіе съ исхода XV вѣка подъ покровительство Турціи. Такимъ образомъ Приднѣпровскій край находился между тремя государствами: на сѣвѣро-западѣ Польша съ своимъ горделивымъ властительствомъ и съ своими религіозными притѣсненіями; на сѣверо-востокѣ Россія, къ которой жители Малороссіи влекомы были силою исторіи; на югозападѣ Татары, враждебные и вѣрою, и образомъ жизни и Польшѣ, и Малороссіи, и Россіи. И великодушное упорство самовластію польскихъ правителей, и бои съ Татарами, безпрерывно возобновлявшіеся, были причиною образованія въ Малороссіи особеннаго военнаго сословія, *казаковъ*, которыхъ подвигами огласилась страна отъ нижнихъ частей Дуная до Урала, и которыхъ отважное удальство покорило россійскому скипетру третью часть Азіи.

„Исторія сей страны и сего народа, исторія столь богатая и характерами, и событіями, составляющая столь важную часть исторіи отечественной, до сихъ поръ можно сказать, еще не написана. Послѣдній трудъ въ семъ родѣ, болѣе предшествовавшихъ полный, есть трудъ г. Бантышъ-Каменскаго: „Исторія Малой Россіи со временъ присоединенія оной къ Россійскому государству“. Москва, 1822 года; 2 тома in 4. Не смотря на выгодное положеніе автора относительно къ отысканію источниковъ для составленія исторіи Малороссіи, трудъ сей не занимаетъ значущаго мѣста въ отечественной литературѣ ни по какимъ отношеніямъ. Это есть сухая компиляція, расположенная по годамъ и днямъ; и одинъ уже сей способъ изложенія, чисто хронологическій, на одномъ только времени, а не на самомъ свойствѣ событій основанный, служитъ самъ по себѣ препятствіемъ къ живому изображенію предмета и не даетъ понятія о томъ, что̀ составляетъ настоящую цѣль всякой исторіи, понятія о жизни и судьбѣ народа. При томъ, важный недостатокъ сочиненія г. Бантышъ-Каменскаго, кажется, и тотъ еще, что у него нѣсколько болѣе обстоятельно описаны вре-

мена отъ присоединенія Малороссіи къ Россіи, слѣдовательно, тѣ времена, когда сія страна вошла опять въ составъ государства Россійскаго и перестала имѣть свою особую исторію. Важнѣйшія времена въ жизни малороссійскаго народа суть, кажется, именно эти три съ половиною вѣка спорной зависимости Малороссіи отъ Литвы и Польши, и эти времена помѣщены у автора въ краткомъ обозрѣніи на нѣсколькихъ страницахъ, на которыхъ встрѣчаешь не болѣе того, что можно прочитать во всякомъ руководствѣ россійской исторіи.

„Нынѣ, когда еще много живыхъ существуетъ воспоминаній о быломъ, нынѣ, кажется, было бы время составить удовлетворительное изображеніе жизни и судьбы малороссійскаго народа. Успѣхи общаго европейскаго образованія изглаживаютъ одну черту народности за другою, и быстрѣе, чѣмъ представить себѣ можно. Пройдетъ еще 50 лѣтъ, и любопытные и просвѣщенные потомки тщетно будутъ искать памятниковъ минувшаго на преобразованной землѣ, среди измѣнившаго свою физіономію народа. Пусть тотъ, кому бы поручено было сооруженіе подобнаго памятника оригинальному быту малороссійскаго народа, среди самой Малороссіи всматривается въ физіономію страны и людей, собираетъ и живыя преданія на самыхъ урочищахъ, и письменные памятники въ архивахъ и, окруживъ себя таковыми, созидаетъ изъ нихъ цѣлое стройное. Такое предпріятіе достойно было бы царствованія Николая!

„Гг. Сегренъ, Купферъ и Парротъ щедро надѣлены были правительствомъ и получили всѣ средства для совершенія предпріятій подобнаго рода. Первый путешествовалъ по странамъ, занимаемымъ Финскими племенами, судьба которыхъ, при всемъ томъ, что занимала всегда подчиненное мѣсто въ исторіи Россіи, признана достойною тщательнаго изслѣдованія именно потому, что племена сіи находятся въ государственномъ составѣ нашего отечества; два послѣдніе отправлены были для измѣренія высоты Арарата, Элборуса, а г. Парротъ и нынѣ еще находится въ таковой экспедиціи за Кавказомъ. Сколь же ближе для Россіи Малороссія, и сколь болѣе важныхъ отношеній имѣетъ исторія сей страны къ исторіи россійской, и можно сказать, къ европейской исторіи, ибо Малороссія и по своему положенію и приволью, и по воинственному характеру своихъ жителей обращала на себя взоры и возбуждала дѣятельное участіе всѣхъ своихъ сосѣдей—Россіянъ, Поляковъ, Крымскихъ Татаръ и Турокъ, и служила поводомъ къ безпрерывному соприкосновенію то воинственному, то мирному сихъ народовъ между собою.

„Нижеподписавшійся почелъ бы себя счастливымъ предпринять подобный трудъ. Для совершенія его съ желаемымъ успѣхомъ необходимо, чтобъ онъ приведенъ былъ въ состояніе посвятить всего себя сему занятію. Для сего надобно, 1) чтобы онъ освобожденъ былъ отъ всѣхъ своихъ служебныхъ обязанностей съ удержаніемъ всего содержанія, нынѣ по службѣ имъ пріобрѣтаемаго, и съ за-

мена отъ присоединенія Малороссіи къ Россіи, слѣдовательно, тѣ времена, когда сія страна вошла опять въ составъ государства Россійскаго и перестала имѣть свою особую исторію. Важнѣйшія времена въ жизни малороссійскаго народа суть, кажется, именно эти три съ половиною вѣка спорной зависимости Малороссіи отъ Литвы и Польши, и эти времена помѣщены у автора въ краткомъ обозрѣніи на нѣсколькихъ страницахъ, на которыхъ встрѣчаешь не болѣе того, что̀ можно прочитать во всякомъ руководствѣ россійской исторіи.

„Нынѣ, когда еще много живыхъ существуетъ воспоминаній о быломъ, нынѣ, кажется, было бы время составить удовлетворительное изображеніе жизни и судьбы малороссійскаго народа. Успѣхи общаго европейскаго образованія изглаживаютъ одну черту народности за другою, и быстрѣе, чѣмъ представить себѣ можно. Пройдетъ еще 50 лѣтъ, и любопытные и просвѣщенные потомки тщетно будутъ искать памятниковъ минувшаго на преобразованной землѣ, среди измѣнившаго свою физіономію народа. Пусть тотъ, кому бы поручено было сооруженіе подобнаго памятника оригинальному быту малороссійскаго народа, среди самой Малороссіи всматривается въ физіономію страны и людей, собираетъ и живыя преданія на самыхъ урочищахъ, и письменные памятники въ архивахъ и, окруживъ себя таковыми, созидаетъ изъ нихъ цѣлое стройное. Такое предпріятіе достойно было бы царствованія Николая!

„Гг. Сегренъ, Купферъ и Парротъ щедро надѣлены были правительствомъ и получили всѣ средства для совершенія предпріятій подобнаго рода. Первый путешествовалъ по странамъ, занимаемымъ Финскими племенами, судьба которыхъ, при всемъ томъ, что занимала всегда подчиненное мѣсто въ исторіи Россіи, признана достойною тщательнаго изслѣдованія именно потому, что племена сіи находятся въ государственномъ составѣ нашего отечества; два послѣдніе отправлены были для измѣренія высоты Арарата, Элборуса, а г. Парротъ и нынѣ еще находится въ таковой экспедиціи за Кавказомъ. Сколь же ближе для Россіи Малороссія, и сколь болѣе важныхъ отношеній имѣетъ исторія сей страны къ исторіи россійской, и можно сказать, къ европейской исторіи, ибо Малороссія и по своему положенію и приволью, и по воинственному характеру своихъ жителей обращала на себя взоры и возбуждала дѣятельное участіе всѣхъ своихъ сосѣдей—Россіянъ, Поляковъ, Крымскихъ Татаръ и Турокъ, и служила поводомъ къ безпрерывному соприкосновенію то воинственному, то мирному сихъ народовъ между собою.

„Нижеподписавшійся почелъ бы себя счастливымъ предпринять подобный трудъ. Для совершенія его съ желаемымъ успѣхомъ необходимо, чтобъ онъ приведенъ былъ въ состояніе посвятить всего себя сему занятію. Для сего надобно, 1) чтобы онъ освобожденъ былъ отъ всѣхъ своихъ служебныхъ обязанностей съ удержаніемъ всего содержанія, нынѣ по службѣ имъ пріобрѣтаемаго, и съ за-

численіемъ времени, которое онъ употребилъ бы на совершеніе труда, въ дѣйствительную службу; 2) чтобъ ему открыты были библіотеки монастырскія и архивы правительственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ и областяхъ отъ Дѣстра до Урала, и отъ Чернаго моря и подошвы Кавказа до Десны и Оки; 3) чтобъ онъ могъ пользоваться архивами польскими въ Варшавѣ и въ случаѣ надобности въ Краковѣ и Львовѣ.

„Мѣстомъ своего пребыванія полагалъ бы онъ избрать Харьковъ или его окрестности, чтобы быть вблизи малороссійскаго университета; отсюда ему надобно бы было предпринимать путешествія по Украйнѣ россійской и польской частію для обозрѣнія архивовъ, частію для ознакомленія себя съ живыми урочищами, съ театромъ замѣчательныхъ событій или съ мѣстами жизни и дѣйствованія людей знаменитыхъ.

Адъюнктъ-профессоръ императорскаго лицея надворный совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Шульгинъ“.

Іюль, 1830.

Въ 1839 году Иванъ Петровичъ призванъ былъ для преподаванія исторіи и статистики великому князю Константину Николаевичу, а въ слѣдъ за симъ, и двумъ братьямъ его, великимъ князьямъ Николаю и Михаилу. Глубокое чувство любви и привязанности къ своимъ августѣйшимъ ученикамъ Иванъ Петровичъ сохранилъ въ сердцѣ своемъ до послѣднихъ дней жизни; радушный и ласковый пріемъ, которымъ удостоивалъ Ивана Петровича великій князь Константинъ Николаевичъ, оставлялъ надолго въ душѣ его радостное чувство.

По военному вѣдомству Иванъ Петровичъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ Я. И. Ростовцова; имя его является нераздѣльнымъ съ каждымъ преобразованіемъ военно-учебныхъ заведеній; онъ много содѣйствовалъ преуспѣянію этихъ заведеній и развитію воспитывавшагося въ нихъ юношества.

Многостороннія свѣдѣнія Ивана Петровича по всѣмъ отраслямъ экономическихъ и политическихъ наукъ не находили себѣ удовлетворенія въ той тѣсной сферѣ, которая представлялась ему педагогическою дѣятельностью, и онъ желалъ еще болѣе расширить кругъ своихъ занятій. Призванный въ 1840 году министромъ государственныхъ имуществъ Д. П. Киселевымъ въ члены совѣта этого министерства, онъ принялъ участіе въ дѣятельности его, и въ особенности трудился въ особой коммиссіи по разработкѣ вопроса объ измѣненіи системы податей, съ переводомъ ихъ съ людей на землю.

20-го февраля 1866 года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени поступленія Ивана Петровича на государственную службу, и этотъ день былъ дружески отпразднованъ его близкими, сослуживцами и учениками. Послѣдніе годы жизни своей Иванъ Петровичъ провелъ среди своего семейства, въ полной свѣжести умственныхъ силъ и, не переставая слѣдить за успѣхами нашего об-

численіемъ времени, которое онъ употребилъ бы на совершеніе труда, въ дѣйствительную службу; 2) чтобъ ему открыты были библіотеки монастырскія и архивы правительственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ и областяхъ отъ Дѣстра до Урала, и отъ Чернаго моря и подошвы Кавказа до Десны и Оки; 3) чтобъ онъ могъ пользоваться архивами польскими въ Варшавѣ и въ случаѣ надобности въ Краковѣ и Львовѣ.

„Мѣстомъ своего пребыванія полагалъ бы онъ избрать Харьковъ или его окрестности, чтобы быть вблизи малороссійскаго университета; отсюда ему надобно бы было предпринимать путешествія по Украйнѣ россійской и польской частію для обозрѣнія архивовъ, частію для ознакомленія себя съ живыми урочищами, съ театромъ замѣчательныхъ событій или съ мѣстами жизни и дѣйствованія людей знаменитыхъ.

Адъюнктъ-профессоръ императорскаго лицея надворный совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Шульгинъ“.

Іюль, 1830.

Въ 1839 году Иванъ Петровичъ призванъ былъ для преподаванія исторіи и статистики великому князю Константину Николаевичу, а въ слѣдъ за симъ, и двумъ братьямъ его, великимъ князьямъ Николаю и Михаилу. Глубокое чувство любви и привязанности къ своимъ августѣйшимъ ученикамъ Иванъ Петровичъ сохранилъ въ сердцѣ своемъ до послѣднихъ дней жизни; радушный и ласковый пріемъ, которымъ удостоивалъ Ивана Петровича великій князь Константинъ Николаевичъ, оставлялъ надолго въ душѣ его радостное чувство.

По военному вѣдомству Иванъ Петровичъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ Я. И. Ростовцова; имя его является нераздѣльнымъ съ каждымъ преобразованіемъ военно-учебныхъ заведеній; онъ много содѣйствовалъ преуспѣянію этихъ заведеній и развитію воспитывавшагося въ нихъ юношества.

Многостороннія свѣдѣнія Ивана Петровича по всѣмъ отраслямъ экономическихъ и политическихъ наукъ не находили себѣ удовлетворенія въ той тѣсной сферѣ, которая представлялась ему педагогическою дѣятельностью, и онъ желалъ еще болѣе расширить кругъ своихъ занятій. Призванный въ 1840 году министромъ государственныхъ имуществъ Д. П. Киселевымъ въ члены совѣта этого министерства, онъ принялъ участіе въ дѣятельности его, и въ особенности трудился въ особой коммиссіи по разработкѣ вопроса объ измѣненіи системы податей, съ переводомъ ихъ съ людей на землю.

20-го февраля 1866 года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени поступленія Ивана Петровича на государственную службу, и этотъ день былъ дружески отпразднованъ его близкими, сослуживцами и учениками. Послѣдніе годы жизни своей Иванъ Петровичъ провелъ среди своего семейства, въ полной свѣжести умственныхъ силъ и, не переставая слѣдить за успѣхами нашего об-

щественнаго развитія. Въ эти годы особенно занимали его судьбы нашихъ окраинъ, и онъ неоднократно обращался къ перу, чтобъ излагать свои мысли по этому поводу. Но эти статьи его остались не напечатанными. И. П. Шульгинъ скончался въ Петербургѣ 30-го апрѣля 1869 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Разсказы, записанные И. П. Шульгинымъ.

1.

Въ день погребенія великой княгини Наталіи Алексѣевны случился слѣдующій анекдотъ: Императрица при отпѣваніи тѣла плакала и, смочивъ слезами платокъ, передавала его черезъ плечо, не поворачивая головы, дежурной фрейлинѣ, которую она предполагала тотчасъ позади себя, и которая догадается взять платокъ изъ руки императрицы и передать ей свѣжій. Вмѣсто фрейлины, ближайшимъ къ императрицѣ человѣкомъ стоялъ вице-канцлеръ графъ И. А. Остерманъ, сынъ знаменитаго Остермана, столь же, какъ и отецъ, неопрятный, хотя далеко не столь умный и при томъ въ высшей степени разсѣянный. Догадавшись, что̀ нужно императрицѣ, Остерманъ поспѣшно беретъ платокъ ея и, выхвативъ изъ своего кармана, подаетъ ей другой; императрица беретъ, не глядя, что̀ ей было подано, и встряхиваетъ мнимый платокъ, чтобъ имъ утереться: оказалось, что это былъ засаленный спальный колпакъ графа Остермана.

(Этотъ анекдотъ разсказанъ былъ покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ графу, нынѣ князю, А. Ѳ. Орлову, а я слышалъ его отъ самого графа Орлова).

2.

Два случая изъ жизни графа А. Ѳ. Орлова, разсказанные мнѣ имъ самимъ въ апрѣлѣ 1845 года.

Въ 1832 г. графъ отправленъ былъ въ Лондонъ для совѣщаній по дѣламъ белгійскимъ. На обѣдѣ, который давалъ дипломатическому корпусу и высшей британской знати герцогъ Девонширъ, лордъ Палмерстонъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, отведя графа въ сторону, говоритъ ему: „Государь вашъ, графъ, поставляетъ насъ въ большое затрудненіе по дѣламъ польскимъ. Мы ручались за соблюденіе условій Вѣнскаго конгресса; по силѣ ихъ Польша должна была получить конституцію, которую императоръ Александръ обѣщалъ распространить и на провинціи своей имперіи, отъ Польши присоединенныя; нынѣ и въ самомъ царствѣ государственные уставы измѣнены по одной волѣ самодержца.

щественнаго развитія. Въ эти годы особенно занимали его судьбы нашихъ окраинъ, и онъ неоднократно обращался къ перу, чтобъ излагать свои мысли по этому поводу. Но эти статьи его остались не напечатанными. И. П. Шульгинъ скончался въ Петербургѣ 30-го апрѣля 1869 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Разсказы, записанные И. П. Шульгинымъ.

1.

Въ день погребенія великой княгини Наталіи Алексѣевны случился слѣдующій анекдотъ: Императрица при отпѣваніи тѣла плакала и, смочивъ слезами платокъ, передавала его черезъ плечо, не поворачивая головы, дежурной фрейлинѣ, которую она предполагала тотчасъ позади себя, и которая догадается взять платокъ изъ руки императрицы и передать ей свѣжій. Вмѣсто фрейлины, ближайшимъ къ императрицѣ человѣкомъ стоялъ вице-канцлеръ графъ И. А. Остерманъ, сынъ знаменитаго Остермана, столь же, какъ и отецъ, неопрятный, хотя далеко не столь умный и при томъ въ высшей степени разсѣянный. Догадавшись, что̀ нужно императрицѣ, Остерманъ поспѣшно беретъ платокъ ея и, выхвативъ изъ своего кармана, подаетъ ей другой; императрица беретъ, не глядя, что̀ ей было подано, и встряхиваетъ мнимый платокъ, чтобъ имъ утереться: оказалось, что это былъ засаленный спальный колпакъ графа Остермана.

(Этотъ анекдотъ разсказанъ былъ покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ графу, нынѣ князю, А. Ѳ. Орлову, а я слышалъ его отъ самого графа Орлова).

2.

Два случая изъ жизни графа А. Ѳ. Орлова, разсказанные мнѣ имъ самимъ въ апрѣлѣ 1845 года.

Въ 1832 г. графъ отправленъ былъ въ Лондонъ для совѣщаній по дѣламъ белгійскимъ. На обѣдѣ, который давалъ дипломатическому корпусу и высшей британской знати герцогъ Девонширъ, лордъ Палмерстонъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, отведя графа въ сторону, говоритъ ему: „Государь вашъ, графъ, поставляетъ насъ въ большое затрудненіе по дѣламъ польскимъ. Мы ручались за соблюденіе условій Вѣнскаго конгресса; по силѣ ихъ Польша должна была получить конституцію, которую императоръ Александръ обѣщалъ распространить и на провинціи своей имперіи, отъ Польши присоединенныя; нынѣ и въ самомъ царствѣ государственные уставы измѣнены по одной волѣ самодержца.

Теперь предстоитъ открытіе палатъ, и мы, министры, не будемъ знать, что̀ отвѣчать на вопросы и возраженія, которые не мудрено предвидѣть; Австрія и Пруссія въ отношеніи къ частямъ Польши, въ ихъ владѣніи находящимся, сохраняютъ условія; Россія, по видимому, ставитъ себя внѣ обязательствъ, трактатами опредѣленныхъ." „Австрія и Пруссія", сказалъ графъ, возвышая съ намѣреніемъ голосъ, чтобы какъ посланники этихъ державъ, такъ и прочіе присутствующіе могли слышать разговоръ, начатый Палмерстономъ въ конфиденціальномъ тонѣ, — „Австрія и Пруссія, милордъ, обязывались съ Наполеономъ многими трактатами; и теряли свои земли, и опять получали ихъ по новымъ трактатамъ. Наполеонъ напалъ на Россію; всѣ знаютъ, чѣмъ кончилось его нападеніе! Россія не уступала ни кому ни пяди своей земли, и ни отъ кого, въ видѣ снисходительной уступки, земель не получала. Бывшее герцогство Варшавское покорено было русскимъ оружіемъ, какъ часть владѣній союзника Наполеонова и врага Россіи; Вѣнскій конгрессъ призналъ это завоеваніе законнымъ возмездіемъ за побѣдоносныя и спасительныя усилія Россіи, въ пользу Европы подъятыя; слѣдовательно, отношенія императора Русскаго къ его польскимъ областямъ совсѣмъ другія, чѣмъ Австріи и Пруссіи, отношенія императора Николая къ царству Польскому опять еще другія, чѣмъ императора Александра; край этотъ есть наше новое, вторичное завоеваніе, стоившее намъ опять многихъ усилій, многихъ жертвъ; слѣдовательно, императоръ Николай былъ въ правѣ и даже въ обязанности принять мѣры, чтобы не было надобности въ третій разъ завоевывать Польшу. Скажу болѣе: власть Русскаго самодержца велика; но въ Россіи есть общественное мнѣніе, и я убѣжденъ, что именно послѣ послѣднихъ въ Польшѣ событій, которыя сильно возобновили въ умахъ всѣ воспоминанія нашей многовѣковой тяжбы съ Поляками, государь не могъ бы, не ожесточивъ этого общественнаго мнѣнія, сдѣлать какія бы то ни было уступки Полякамъ. Въ отечествѣ моемъ знаютъ, какъ безпредѣльно я преданъ государю, и при всемъ томъ, милордъ, я, въ случаѣ уступокъ Польшѣ, ни минуты не поколебался бы возвратить государю всѣ эти (показывая на свои звѣзды) знаки его милости и его благоволенія къ моей службѣ; не пересталъ бы быть его вѣрноподданнымъ, но пересталъ бы быть его генералъ-адъютантомъ, его министромъ".

Большой безмолвный кругъ европейскихъ дипломатовъ, министровъ и высшей аристократіи Англіи составился около разговаривающихъ; лордъ Палмерстонъ съ безотвѣтнымъ вниманіемъ выслушалъ одушевленную рѣчь графа и послѣ, въ своихъ парламентскихъ отвѣтахъ и рѣчахъ, высказывалъ эти мысли, оглашенныя потомъ и газетами Англіи.

Въ 1833 году, когда Ибрагимъ-Паша ужъ овладѣлъ Сиріей и большею частію Малой Азіи, и изъ Кутаи, своей главной квартиры, грозилъ онъ султану Махмуду, что прійдетъ напоить коня своего въ Скутари, Махмудъ обратился къ покровительству Россіи.

Теперь предстоитъ открытіе палатъ, и мы, министры, не будемъ знать, что̀ отвѣчать на вопросы и возраженія, которые не мудрено предвидѣть; Австрія и Пруссія въ отношеніи къ частямъ Польши, въ ихъ владѣніи находящимся, сохраняютъ условія; Россія, по видимому, ставитъ себя внѣ обязательствъ, трактатами опредѣленныхъ." „Австрія и Пруссія", сказалъ графъ, возвышая съ намѣреніемъ голосъ, чтобы какъ посланники этихъ державъ, такъ и прочіе присутствующіе могли слышать разговоръ, начатый Палмерстономъ въ конфиденціальномъ тонѣ, — „Австрія и Пруссія, милордъ, обязывались съ Наполеономъ многими трактатами; и теряли свои земли, и опять получали ихъ по новымъ трактатамъ. Наполеонъ напалъ на Россію; всѣ знаютъ, чѣмъ кончилось его нападеніе! Россія не уступала ни кому ни пяди своей земли, и ни отъ кого, въ видѣ снисходительной уступки, земель не получала. Бывшее герцогство Варшавское покорено было русскимъ оружіемъ, какъ часть владѣній союзника Наполеонова и врага Россіи; Вѣнскій конгрессъ призналъ это завоеваніе законнымъ возмездіемъ за побѣдоносныя и спасительныя усилія Россіи, въ пользу Европы подъятыя; слѣдовательно, отношенія императора Русскаго къ его польскимъ областямъ совсѣмъ другія, чѣмъ Австріи и Пруссіи, отношенія императора Николая къ царству Польскому опять еще другія, чѣмъ императора Александра; край этотъ есть наше новое, вторичное завоеваніе, стоившее намъ опять многихъ усилій, многихъ жертвъ; слѣдовательно, императоръ Николай былъ въ правѣ и даже въ обязанности принять мѣры, чтобы не было надобности въ третій разъ завоевывать Польшу. Скажу болѣе: власть Русскаго самодержца велика; но въ Россіи есть общественное мнѣніе, и я убѣжденъ, что именно послѣ послѣднихъ въ Польшѣ событій, которыя сильно возобновили въ умахъ всѣ воспоминанія нашей многовѣковой тяжбы съ Поляками, государь не могъ бы, не ожесточивъ этого общественнаго мнѣнія, сдѣлать какія бы то ни было уступки Полякамъ. Въ отечествѣ моемъ знаютъ, какъ безпредѣльно я преданъ государю, и при всемъ томъ, милордъ, я, въ случаѣ уступокъ Польшѣ, ни минуты не поколебался бы возвратить государю всѣ эти (показывая на свои звѣзды) знаки его милости и его благоволенія къ моей службѣ; не пересталъ бы быть его вѣрноподданнымъ, но пересталъ бы быть его генералъ-адъютантомъ, его министромъ".

Большой безмолвный кругъ европейскихъ дипломатовъ, министровъ и высшей аристократіи Англіи составился около разговаривающихъ; лордъ Палмерстонъ съ безотвѣтнымъ вниманіемъ выслушалъ одушевленную рѣчь графа и послѣ, въ своихъ парламентскихъ отвѣтахъ и рѣчахъ, высказывалъ эти мысли, оглашенныя потомъ и газетами Англіи.

Въ 1833 году, когда Ибрагимъ-Паша ужъ овладѣлъ Сиріей и большею частію Малой Азіи, и изъ Кутаи, своей главной квартиры, грозилъ онъ султану Махмуду, что прійдетъ напоить коня своего въ Скутари, Махмудъ обратился къ покровительству Россіи.

Франція, безполезно хлопотавшая до сихъ поръ о примиреніи султана съ Мехметомъ-Али, встревожена была прибытіемъ генерала Муравьева и еще болѣе извѣстностію, что императоръ готовъ поддерживать султана противу мятежнаго паши; встревожена была этимъ и Англія. Баронъ Руссень, посланникъ французскій, и лордъ Понсоби, англійскій, одинъ въ слѣдъ за другимъ прибыли въ Константинополь; ни тотъ, ни другой не имѣли еще аудіенціи у султана, но и тотъ, и другой дѣйствовали на рейсъ-ефенди, хлопотали о посредничествѣ между Портой и Египтомъ, усиливаясь устранить участіе Россіи и ея вліяніе на Турцію. Махмудъ колеблемъ былъ и страхомъ успѣховъ оружія Ибрагима, и настоятельными предложеніями посредничества отъ Руссеня и отъ Понсоби, принимая которое онъ долженъ былъ согласиться на уступки пашѣ, ибо на этомъ только основаніи посредники обѣщали ему миръ съ Мехметомъ-Али; Махмудъ и желалъ помощи отъ Россіи, и опасался принять ее, чтобы не раздражить Англіи и Франціи. Въ это время смятенія Порты прибылъ въ Константинополь графъ Орловъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ и главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами, посланными на помощь султану. Громъ пушекъ со всѣхъ кораблей русскихъ, стоявшихъ у Буюкдере и Терапіи, привѣтствовалъ флагъ посла, когда пароходъ, на которомъ прибылъ графъ Орловъ, положилъ якорь; Константинополь сначала и не зналъ, что̀ значитъ этотъ громъ, его встревожившій. Въ самый день своего прибытія графъ видѣлся съ рейсъ-ефендіемъ, и на другой день султанъ назначилъ ему аудіенцію. По прибытіи во дворецъ, графъ нашелъ и рейсъ-ефенди, и все министерство Махмуда въ большомъ смятеніи. Ласково спрашивая своихъ знакомцевъ 1829 г. (когда графъ велъ переговоры Адріанопольскаго мира) о причинѣ такого страннаго ему пріема, графъ узналъ, что лордъ Понсоби, еще не видѣвшій султана, а по дипломатическому обычаю, какъ посланникъ, прежде въ столицу прибывшій, прежде и долженствовавшій имѣть аудіенцію, свѣдавъ, что въ тотъ день назначена аудіенція графу, настоятельно просилъ, чтобъ и ему дана была аудіенція въ тотъ же день. Министерство турецкое потому и было въ такой тревогѣ, что графъ, естественно, потребуетъ тотчасъ по прибытіи своемъ во дворецъ быть допущеннымъ къ султану, а между тѣмъ въ это время подъѣдетъ и лордъ Понсоби: какъ дѣлать? „Не безпокойтесь, господа“, сказалъ графъ, „мы старые знакомые, и мнѣ весьма пріятно будетъ провести съ вами время, пока лордъ Понсоби будетъ у султана“. Можно себѣ представить, какъ обрадованы были члены дивана такимъ для нихъ неожиданнымъ оборотомъ. Дѣйствительно, лордъ Понсоби тотчасъ пріѣхалъ. „Былъ ли графъ Орловъ у султана“, былъ первый заботливый вопросъ англійскаго посла. „Нѣтъ“, сказали ему; „узнавъ, что вы должны имѣть аудіенцію, онъ согласился подождать, пока ваша кончится“. Лордъ Понсоби не могъ не чувствовать, до какой степени былъ обязателенъ такой поступокъ графа, и поспѣшилъ ему это выразить, а министерство турецкое

Франція, безполезно хлопотавшая до сихъ поръ о примиреніи султана съ Мехметомъ-Али, встревожена была прибытіемъ генерала Муравьева и еще болѣе извѣстностію, что императоръ готовъ поддерживать султана противу мятежнаго паши; встревожена была этимъ и Англія. Баронъ Руссень, посланникъ французскій, и лордъ Понсоби, англійскій, одинъ въ слѣдъ за другимъ прибыли въ Константинополь; ни тотъ, ни другой не имѣли еще аудіенціи у султана, но и тотъ, и другой дѣйствовали на рейсъ-ефенди, хлопотали о посредничествѣ между Портой и Египтомъ, усиливаясь устранить участіе Россіи и ея вліяніе на Турцію. Махмудъ колеблемъ былъ и страхомъ успѣховъ оружія Ибрагима, и настоятельными предложеніями посредничества отъ Руссеня и отъ Понсоби, принимая которое онъ долженъ былъ согласиться на уступки пашѣ, ибо на этомъ только основаніи посредники обѣщали ему миръ съ Мехметомъ-Али; Махмудъ и желалъ помощи отъ Россіи, и опасался принять ее, чтобы не раздражить Англіи и Франціи. Въ это время смятенія Порты прибылъ въ Константинополь графъ Орловъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ и главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами, посланными на помощь султану. Громъ пушекъ со всѣхъ кораблей русскихъ, стоявшихъ у Буюкдере и Терапіи, привѣтствовалъ флагъ посла, когда пароходъ, на которомъ прибылъ графъ Орловъ, положилъ якорь; Константинополь сначала и не зналъ, что̀ значитъ этотъ громъ, его встревожившій. Въ самый день своего прибытія графъ видѣлся съ рейсъ-ефендіемъ, и на другой день султанъ назначилъ ему аудіенцію. По прибытіи во дворецъ, графъ нашелъ и рейсъ-ефенди, и все министерство Махмуда въ большомъ смятеніи. Ласково спрашивая своихъ знакомцевъ 1829 г. (когда графъ велъ переговоры Адріанопольскаго мира) о причинѣ такого страннаго ему пріема, графъ узналъ, что лордъ Понсоби, еще не видѣвшій султана, а по дипломатическому обычаю, какъ посланникъ, прежде въ столицу прибывшій, прежде и долженствовавшій имѣть аудіенцію, свѣдавъ, что въ тотъ день назначена аудіенція графу, настоятельно просилъ, чтобъ и ему дана была аудіенція въ тотъ же день. Министерство турецкое потому и было въ такой тревогѣ, что графъ, естественно, потребуетъ тотчасъ по прибытіи своемъ во дворецъ быть допущеннымъ къ султану, а между тѣмъ въ это время подъѣдетъ и лордъ Понсоби: какъ дѣлать? „Не безпокойтесь, господа“, сказалъ графъ, „мы старые знакомые, и мнѣ весьма пріятно будетъ провести съ вами время, пока лордъ Понсоби будетъ у султана“. Можно себѣ представить, какъ обрадованы были члены дивана такимъ для нихъ неожиданнымъ оборотомъ. Дѣйствительно, лордъ Понсоби тотчасъ пріѣхалъ. „Былъ ли графъ Орловъ у султана“, былъ первый заботливый вопросъ англійскаго посла. „Нѣтъ“, сказали ему; „узнавъ, что вы должны имѣть аудіенцію, онъ согласился подождать, пока ваша кончится“. Лордъ Понсоби не могъ не чувствовать, до какой степени былъ обязателенъ такой поступокъ графа, и поспѣшилъ ему это выразить, а министерство турецкое

этимъ оборотомъ было выведено изъ величайшаго затрудненія. Аудіенція лорда Понсоби продолжалась нѣсколько минутъ; по выходѣ его, графъ тотчасъ позванъ былъ къ султану и имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Воспрещеніе военнымъ судамъ всѣхъ державъ входа въ Дарданеллы и полное утвержденіе вліянія Россіи на Порту: вотъ что было послѣдствіемъ пребыванія графа Орлова въ Константинополѣ въ 1833 году.

3.

Какимъ образомъ Ѳаддей Булгаринъ, бывъ въ русской службѣ, перешелъ во французскую и опять очутился въ Россіи.

Находясь въ лейбъ-уланскомъ полку, Булгаринъ написалъ стихи на великаго князя Константина Павловича; за это былъ разжалованъ въ солдаты и сосланъ въ дальній гарнизонъ; пробывъ въ гарнизонѣ весьма недолго, вышелъ въ отставку и отправился во Францію; здѣсь онъ вступилъ въ службу въ дѣйствующую армію въ Испаніи; въ послѣдствіи переведенъ былъ въ гвардію Наполеона и, во время компаніи 1812 г., взятъ былъ въ плѣнъ. Войска наши возвращались въ Россію и безпрестанно встрѣчали плѣнныхъ Французовъ, возвращавшихся въ свое отечество. Однажды ротмистру Кошкулю на походѣ говоритъ унтеръ-офицеръ, что „вонъ въ томъ обозѣ, что миновалъ насъ, одинъ плѣнный приказалъ вамъ поклониться“. „Кой чортъ“, сказалъ Кошкуль, „развѣ ты, Храпченко, выучился говорить по французски?“ „Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, плѣнный говоритъ чисто по русски!“ „Ага! это интересно“, и поворотивъ коня, понесся Кошкуль въ догонку; вскорѣ наскакавши на обозъ, закричалъ: „Стой!“ Всѣ высунулись изъ повозокъ, а вмѣстѣ и кланявшійся, который, понявъ, въ чемъ дѣло, немедленно выскочилъ изъ повозки и, подойдя къ Кошкулю, привѣтствовалъ его по русски. Каково было удивленіе Кошкуля, когда онъ узналъ въ семъ плѣнномъ Ѳаддея Булгарина, который, на вопросъ ему: почему онъ не остался въ Россіи?—отвѣчалъ, что боится быть сосланнымъ за Иртышъ. Когда же Кошкуль ему сказалъ, что цари Русскіе зла не помнятъ и платятъ за него добромъ, то онъ отвѣчалъ, что постарается воспользоваться его совѣтомъ. Въ послѣдствіи времени, идя однажды по Невскому проспекту, когда еще бульваръ былъ по срединѣ, встрѣтился Кошкуль съ двумя особами, изъ которыхъ меньшая ростомъ и толстая, съ крикомъ бросилась къ нему и, ставъ на колѣни, воскликнула: „Отецъ и благодѣтель мой, тебѣ я обязанъ теперешнимъ моимъ благосостояніемъ; твоимъ совѣтомъ воспользовался я и, прибывъ въ Россію, нахожу себя счастливымъ; скажи пожалуйста, чѣмъ я могу тебя возблагодарить? За важные совѣты даютъ Георгія, а за благодѣтельный чѣмъ вознаграждаютъ? Я теперь вмѣстѣ съ моимъ другомъ Н. И. Гречемъ занимаюсь литературой, и будь увѣренъ, что все мною написанное будетъ принадлежать тебѣ въ одномъ экземплярѣ“. Кошкуль, попросивъ его подняться съ колѣней (по-

*

этимъ оборотомъ было выведено изъ величайшаго затрудненія. Аудіенція лорда Понсоби продолжалась нѣсколько минутъ; по выходѣ его, графъ тотчасъ позванъ былъ къ султану и имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Воспрещеніе военнымъ судамъ всѣхъ державъ входа въ Дарданеллы и полное утвержденіе вліянія Россіи на Порту: вотъ что было послѣдствіемъ пребыванія графа Орлова въ Константинополѣ въ 1833 году.

3.

Какимъ образомъ Ѳаддей Булгаринъ, бывъ въ русской службѣ, перешелъ во французскую и опять очутился въ Россіи.

Находясь въ лейбъ-уланскомъ полку, Булгаринъ написалъ стихи на великаго князя Константина Павловича; за это былъ разжалованъ въ солдаты и сосланъ въ дальній гарнизонъ; пробывъ въ гарнизонѣ весьма недолго, вышелъ въ отставку и отправился во Францію; здѣсь онъ вступилъ въ службу въ дѣйствующую армію въ Испаніи; въ послѣдствіи переведенъ былъ въ гвардію Наполеона и, во время компаніи 1812 г., взятъ былъ въ плѣнъ. Войска наши возвращались въ Россію и безпрестанно встрѣчали плѣнныхъ Французовъ, возвращавшихся въ свое отечество. Однажды ротмистру Кошкулю на походѣ говоритъ унтеръ-офицеръ, что „вонъ въ томъ обозѣ, что миновалъ насъ, одинъ плѣнный приказалъ вамъ поклониться“. „Кой чортъ“, сказалъ Кошкуль, „развѣ ты, Храпченко, выучился говорить по французски?“ „Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, плѣнный говоритъ чисто по русски!“ „Ага! это интересно“, и поворотивъ коня, понесся Кошкуль въ догонку; вскорѣ наскакавши на обозъ, закричалъ: „Стой!“ Всѣ высунулись изъ повозокъ, а вмѣстѣ и кланявшійся, который, понявъ, въ чемъ дѣло, немедленно выскочилъ изъ повозки и, подойдя къ Кошкулю, привѣтствовалъ его по русски. Каково было удивленіе Кошкуля, когда онъ узналъ въ семъ плѣнномъ Ѳаддея Булгарина, который, на вопросъ ему: почему онъ не остался въ Россіи?—отвѣчалъ, что боится быть сосланнымъ за Иртышъ. Когда же Кошкуль ему сказалъ, что царя Русскіе зла не помнятъ и платятъ за него добромъ, то онъ отвѣчалъ, что постарается воспользоваться его совѣтомъ. Въ послѣдствіи времени, идя однажды по Невскому проспекту, когда еще бульваръ былъ по срединѣ, встрѣтился Кошкуль съ двумя особами, изъ которыхъ меньшая ростомъ и толстая, съ крикомъ бросилась къ нему и, ставъ на колѣни, воскликнула: „Отецъ и благодѣтель мой, тебѣ я обязанъ теперешнимъ моимъ благосостояніемъ; твоимъ совѣтомъ воспользовался я и, прибывъ въ Россію, нахожу себя счастливымъ; скажи пожалуйста, чѣмъ я могу тебя возблагодарить? За важные совѣты даютъ Георгія, а за благодѣтельный чѣмъ вознаграждаютъ? Я теперь вмѣстѣ съ моимъ другомъ Н. И. Гречемъ занимаюсь литературой, и будь увѣренъ, что все мною написанное будетъ принадлежать тебѣ въ одномъ экземплярѣ“. Кошкуль, попросивъ его подняться съ колѣней (по-

*

тому что начали окружать ихъ многія любопытствующія лица), поблагодарилъ его за обѣщаніе. Съ тѣхъ поръ, хотя Кошкуль и встрѣчался съ Булгаринымъ, но о присылкѣ экземпляровъ рѣчи не было.

(Весь этотъ разсказъ я слышалъ отъ самого Петра Ивановича Кошкуля въ 1849 году, января 28-го дня; онъ въ это время былъ генералъ-лейтенантомъ и командующимъ конною гвардейскою дивизіей).

II.

Собственноручныя примѣчанія А. С. Пушкина къ «Исторіи Пугачевскаго бунта» [1]).

(Списано И. П. Шульгинымъ съ оригинала).

1.

Стран. 16. Пугачевъ былъ уже пятый самозванецъ, принявшій на себя имя Императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто Государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ Великій Князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ, или желалъ вѣрить сему слуху. По возшествіи на престолъ первый вопросъ Государя графу Гудовичу былъ: живъ ли мой отецъ?

2.

Стран. 18. Пугачевъ говорилъ, что сама Императрица помогла ему скрыться.

3.

Стран. 20. Первое возмутительное воззваніе Пугачева къ Яицкимъ казакамъ есть удивительный образецъ народнаго краснорѣчія, хотя и безграмотнаго. Оно тѣмъ болѣе подѣйствовало, что объявленія, или *публикаціи* Рейнсдорпа были писаны столь же вяло какъ и правильно, длинными обиняками, съ глаголами на концѣ періодовъ.

4.

Стран. 25. Бѣдный Харловъ, на канунѣ взятія крѣпости, былъ пьянъ, но я не рѣшился того сказать, изъ уваженія его храбрости и прекрасной смерти.

5.

Стран. 34. Сей Нащокинъ былъ тотъ самый, который далъ пощечину Суворову (послѣ того Суворовъ, увидя его, всегда прятался и говорилъ: боюсь, боюсь! онъ дерется). Нащокинъ (Воинъ Ва-

---

[1]) Правописаніе подлинника сохранено. — Нѣкоторыя изъ этихъ примѣчаній были напечатаны Е. И. Якушкинымъ въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 года, ст. 179—183. Указанія на страницы сдѣланы по первому изданію «Исторіи Пугачевскаго унта», 1834 года.

тому что начали окружать ихъ многія любопытствующія лица), поблагодарилъ его за обѣщаніе. Съ тѣхъ поръ, хотя Кошкуль и встрѣчался съ Булгаринымъ, но о присылкѣ экземпляровъ рѣчи не было.

(Весь этотъ разсказъ я слышалъ отъ самого Петра Ивановича Кошкуля въ 1849 году, января 28-го дня; онъ въ это время былъ генералъ-лейтенантомъ и командующимъ конною гвардейскою дивизіей).

II.

Собственноручныя примѣчанія А. С. Пушкина къ «Исторіи Пугачевскаго бунта» [1]).

(Списано И. П. Шульгинымъ съ оригинала).

1.

Стран. 16. Пугачевъ былъ уже пятый самозванецъ, принявшій на себя имя Императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто Государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ Великій Князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ, или желалъ вѣрить сему слуху. По возшествіи на престолъ первый вопросъ Государя графу Гудовичу былъ: живъ ли мой отецъ?

2.

Стран. 18. Пугачевъ говорилъ, что сама Императрица помогла ему скрыться.

3.

Стран. 20. Первое возмутительное воззваніе Пугачева къ Яицкимъ казакамъ есть удивительный образецъ народнаго краснорѣчія, хотя и безграмотнаго. Оно тѣмъ болѣе подѣйствовало, что объявленія, или *публикаціи* Рейнсдорпа были писаны столь же вяло какъ и правильно, длинными обиняками, съ глаголами на концѣ періодовъ.

4.

Стран. 25. Бѣдный Харловъ, на канунѣ взятія крѣпости, былъ пьянъ, но я не рѣшился того сказать, изъ уваженія его храбрости и прекрасной смерти.

5.

Стран. 34. Сей Нащокинъ былъ тотъ самый, который далъ пощечину Суворову (послѣ того Суворовъ, увидя его, всегда прятался и говорилъ: боюсь, боюсь! онъ деретъся). Нащокинъ (Воинъ Ва-

---

[1]) Правописаніе подлинника сохранено. — Нѣкоторыя изъ этихъ примѣчаній были напечатаны Е. И. Якушкинымъ въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 года, ст. 179—183. Указанія на страницы сдѣланы по первому изданію «Исторіи Пугачевскаго унта», 1834 года.

сильичъ) былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей своего времени. Сынъ его написалъ его записки: отроду не читывалъ я ничего забавнѣе. Государь Павелъ Петровичъ любилъ его и при возшествіи своемъ на престолъ звалъ его въ службу. Нащокинъ отвѣчалъ Государю: Вы горячи и я горячъ; служба въ прокъ мнѣ не пойдетъ. Государь пожаловалъ ему деревни въ Костромской губерніи, куда онъ и удалился. Онъ былъ крестникъ Императрицы Елисаветы и умеръ въ 1809 году.

6.

Стран. 54. Чернышевъ (тотъ самый, о которомъ Государыня Екатерина II говоритъ въ своихъ запискахъ) былъ нѣкогда камеръ-лакеемъ. Онъ былъ удаленъ изъ Петербурга повелѣніемъ Императрицы Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина вступивъ на престолъ, осыпала его и брата своими милостями. Старшій умеръ въ Пбургѣ комендантомъ крѣпости.

7.

Стран. 55. Карръ былъ предъ симъ употребляемъ въ дѣлахъ, требовавшихъ твердости, и даже жестокости (что еще не предполагаетъ храбрости и Карръ это доказалъ). Разбитый двумя каторжниками онъ бѣжалъ подъ предлогомъ лихорадки, лома въ костяхъ, фистулы и горячки. Пріѣхавъ въ Москву, онъ хотѣлъ явиться съ оправданіями къ князю Волхонскому, который его непринялъ. Карръ пріѣхалъ въ благородное собраніе, но его появленіе произвело такой шумъ и такіе крики, что онъ принужденъ былъ поспѣшно удалиться. Нынѣ общее мнѣніе если и существуетъ, то ужъ гораздо равнодушнѣе, нежели какъ бывало въ старину. Сей человѣкъ, пожертвовавшій честью для своей безопасности, нашелъ однакоже смерть насильственную: онъ былъ убитъ своими крестьянами, выведенными изъ терпѣнія его жестокостью.

8.

Стран. 56. Императрица уважала Бибикова и увѣрена была въ его усердіи, но никогда его нелюбила. Въ началѣ Ея царствованія былъ онъ посланъ въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство несчастнаго Іоанна Антоновича, для тайныхъ переговоровъ. Бибиковъ возвратился влюбленный безъ памяти въ принцессу Екатерину (что весьма непонравилось Государынѣ); Бибикова подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая будто бы желала возвести на престолъ Государя Великаго Князя. Симъ призракомъ безпрестанно смущали Государыню, и тѣмъ отравляли сношенія между матерью и сыномъ, котораго раздражали и ожесточали ежедневныя мѣлочныя досады и подлая дерзость временщиковъ. Бибиковъ не разъ бывалъ посредникомъ между Императрицей и Великимъ Княземъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ: Великій Князь разговаривая однажды о военныхъ движеніяхъ, подозвалъ полковника Бибикова (брата Александра Ильича), и спросилъ во сколько времени полкъ его, въ случаѣ тревоги, можетъ поспѣть

сильичъ) былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей своего времени. Сынъ его написалъ его записки: отроду не читывалъ я ничего забавнѣе. Государь Павелъ Петровичъ любилъ его и при возшествіи своемъ на престолъ звалъ его въ службу. Нащокинъ отвѣчалъ Государю: Вы горячи и я горячъ; служба въ прокъ мнѣ не пойдетъ. Государь пожаловалъ ему деревни въ Костромской губерніи, куда онъ и удалился. Онъ былъ крестникъ Императрицы Елисаветы и умеръ въ 1809 году.

6.

Стран. 54. Чернышевъ (тотъ самый, о которомъ Государыня Екатерина II говоритъ въ своихъ запискахъ) былъ нѣкогда камеръ-лакеемъ. Онъ былъ удаленъ изъ Петербурга повелѣніемъ Императрицы Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина вступивъ на престолъ, осыпала его и брата своими милостями. Старшій умеръ въ Пбургѣ комендантомъ крѣпости.

7.

Стран. 55. Карръ былъ предъ симъ употребляемъ въ дѣлахъ, требовавшихъ твердости, и даже жестокости (что еще не предполагаетъ храбрости и Карръ это доказалъ). Разбитый двумя каторжниками онъ бѣжалъ подъ предлогомъ лихорадки, лома въ костяхъ, фистулы и горячки. Пріѣхавъ въ Москву, онъ хотѣлъ явиться съ оправданіями къ князю Волхонскому, который его непринялъ. Карръ пріѣхалъ въ благородное собраніе, но его появленіе произвело такой шумъ и такіе крики, что онъ принужденъ былъ поспѣшно удалиться. Нынѣ общее мнѣніе если и существуетъ, то ужъ гораздо равнодушнѣе, нежели какъ бывало въ старину. Сей человѣкъ, пожертвовавшій честью для своей безопасности, нашелъ однакоже смерть насильственную: онъ былъ убитъ своими крестьянами, выведенными изъ терпѣнія его жестокостью.

8.

Стран. 56. Императрица уважала Бибикова и увѣрена была въ его усердіи, но никогда его нелюбила. Въ началѣ Ея царствованія былъ онъ посланъ въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство несчастнаго Іоанна Антоновича, для тайныхъ переговоровъ. Бибиковъ возвратился влюбленный безъ памяти въ принцессу Екатерину (что весьма непонравилось Государынѣ); Бибикова подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая будто бы желала возвести на престолъ Государя Великаго Князя. Симъ призракомъ безпрестанно смущали Государыню, и тѣмъ отравляли сношенія между матерью и сыномъ, котораго раздражали и ожесточали ежедневныя мѣлочныя досады и подлая дерзость временщиковъ. Бибиковъ не разъ бывалъ посредникомъ между Императрицей и Великимъ Княземъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ: Великій Князь разговаривая однажды о военныхъ движеніяхъ, подозвалъ полковника Бибикова (брата Александра Ильича), и спросилъ во сколько времени полкъ его, въ случаѣ тревоги, можетъ поспѣть

въ Гатчину? На другой день Александръ Ильичъ узнаетъ, что о вопросѣ Великаго Князя донесено, и что у брата его отымаютъ полкъ. Александръ Ильичъ, разпросивъ брата, бросился къ Императрицѣ, и объяснилъ ей, что слова Великаго Князя были ни что иное, какъ военное сужденіе, а не заговоръ. Государыня успокоилась, но сказала: скажи брату своему, что въ случаѣ тревоги, полкъ его долженъ идти въ Петербургъ, а не въ Гатчино.

9.

Стран. 73. Густавъ III, изъявляя въ 1790 году всѣ свои неудовольствія, хвалился тѣмъ, что онъ несмотря на всѣ представленія, невоспользовался смятеніемъ, произведеннымъ Пугачевымъ. — Есть чѣмъ хвастать, говорила Государыня, что король не вступилъ въ союзъ съ бѣглымъ каторжникомъ, вѣшавшимъ женщинъ и дѣтей.

10.

Стран. 78. Уральскія казаки (особливо старыя люди) до нынѣ привязаны къ памяти Пугачева. Грѣхъ сказать, говорила мнѣ 80-ти лѣтняя казачка, на него мы не жалуемся; онъ намъ зла не сдѣлалъ. — Разкажи мнѣ, говорилъ я Д. Пьянову, какъ Пугачевъ былъ у тебя посаженымъ отцемъ? — Онъ для тебя Пугачевъ, отвѣчалъ мнѣ сердито старикъ, а для меня онъ былъ Великій Государь Петръ Федоровичъ. Когда упоминалъ я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: Не его воля была; наши пьяницы его мутили.

11.

Стран. 82. И. И. Дмитріевъ увѣрялъ, что Державинъ повѣсилъ сихъ двухъ мужиковъ болѣе изъ поэтическаго любопытства, нежели изъ настоящей необходимости.

12.

Стран. 84. Казни, произведенныя въ Башкиріи генераломъ княземъ Урусовымъ, невѣроятны. Около 130 человѣкъ были умерщвлены посреди всевозможныхъ мученій. „Остальныхъ, человѣкъ до тысячи (пишетъ Рычковъ), простили, отрѣзавъ имъ носы и уши“. — Многія изъ сихъ прощенныхъ должны были быть живы во время Пугачевскаго бунта.

13.

Стран. 93. Князь Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой человѣкъ и красавецъ. — Императрица замѣтила его въ Москвѣ на балѣ (въ 1775), и сказала: какъ онъ хорошъ, настоящая куколка! Это слово его погубило. Шепелевъ (въ послѣдствіи женатый на одной изъ племянницъ Потемкина), вызвалъ Голицына на поединокъ и закололъ его, сказываютъ, измѣннически. Москва обвиняла Потемкина....

въ Гатчину? На другой день Александръ Ильичъ узнаетъ, что о вопросѣ Великаго Князя донесено, и что у брата его отымаютъ полкъ. Александръ Ильичъ, разпросивъ брата, бросился къ Императрицѣ, и объяснилъ ей, что слова Великаго Князя были ни что иное, какъ военное сужденіе, а не заговоръ. Государыня успокоилась, но сказала: скажи брату своему, что въ случаѣ тревоги, полкъ его долженъ идти въ Петербургъ, а не въ Гатчино.

9.

Стран. 73. Густавъ III, изъявляя въ 1790 году всѣ свои неудовольствія, хвалился тѣмъ, что онъ несмотря на всѣ представленія, невоспользовался смятеніемъ, произведеннымъ Пугачевымъ. — Есть чѣмъ хвастать, говорила Государыня, что король не вступилъ въ союзъ съ бѣглымъ каторжникомъ, вѣшавшимъ женщинъ и дѣтей.

10.

Стран. 78. Уральскія казаки (особливо старыя люди) до нынѣ привязаны къ памяти Пугачева. Грѣхъ сказать, говорила мнѣ 80-ти лѣтняя казачка, на него мы не жалуемся; онъ намъ зла не сдѣлалъ. — Разкажи мнѣ, говорилъ я Д. Пьянову, какъ Пугачевъ былъ у тебя посаженымъ отцемъ? — Онъ для тебя Пугачевъ, отвѣчалъ мнѣ сердито старикъ, а для меня онъ былъ Великій Государь Петръ Федоровичъ. Когда упоминалъ я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: Не его воля была; наши пьяницы его мутили.

11.

Стран. 82. И. И. Дмитріевъ увѣрялъ, что Державинъ повѣсилъ сихъ двухъ мужиковъ болѣе изъ поэтическаго любопытства, нежели изъ настоящей необходимости.

12.

Стран. 84. Казни, произведенныя въ Башкиріи генераломъ княземъ Урусовымъ, невѣроятны. Около 130 человѣкъ были умерщвлены посреди всевозможныхъ мученій. „Остальныхъ, человѣкъ до тысячи (пишетъ Рычковъ), простили, отрѣзавъ имъ носы и уши“. — Многія изъ сихъ прощенныхъ должны были быть живы во время Пугачевскаго бунта.

13.

Стран. 93. Князь Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой человѣкъ и красавецъ. — Императрица замѣтила его въ Москвѣ на балѣ (въ 1775), и сказала: какъ онъ хорошъ, настоящая куколка! Это слово его погубило. Шепелевъ (въ послѣдствіи женатый на одной изъ племянницъ Потемкина), вызвалъ Голицына на поединокъ и закололъ его, сказываютъ, измѣннически. Москва обвиняла Потемкина....

14.

Стран. 135. Замѣчательна разница, которую правительство полагало между дворянствомъ личнымъ и дворянствомъ родовымъ. Прапорщикъ Минеевъ и нѣсколько другихъ офицеровъ были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами, и проч. А Шванвичъ только ошельмованъ преломленіемъ надъ головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство отъ тѣлеснаго наказанія. Шванвичъ былъ сынъ кронштадскаго коменданта, разрубившаго нѣкогда палашемъ, въ трактирной ссорѣ, щеку Алексѣя Орлова (Чесменскаго).

15.

Стран. 137. Кто были сіи смышленыя сообщники, управлявшія дѣйствіями Самозванца? — Перфильевъ? Шигаевъ? — Это должно явствовать изъ процесса Пугачева, но къ сожалѣнію я его не читалъ, не смѣвъ его разпечатать безъ Высочайшаго на то соизволенія.

16.

Стран. 138. Молодой Пулавскій былъ въ связи съ женою стараго Казанскаго губернатора.

17.

Стран. 145. Въ Саранскѣ митрополитъ (?) Александръ принялъ Пугачева со Крестомъ и Евангеліемъ, и во время молебствія, на ектеніи упомянулъ Государыню Устинію Петровну. Архимандритъ преданъ былъ гражданскому суду, въ Казани. 13 Окт. 1774 года въ полдень приведенъ онъ былъ въ оковахъ въ соборъ. Его повели въ алтарь и возложили на него полное облаченіе. Солдаты съ примкнутыми штыками стояли у сѣверныхъ дверей. Протопопъ и протодіаконъ поставили его посреди церкви, во всемъ облаченіи и въ оковахъ. Послѣ обѣдни былъ онъ выведенъ на площадь; ему прочли его вины. Послѣ того сняли съ него ризы, обрѣзали волоса и бороду, и сослали на вѣчное заточеніе. Народъ былъ въ ужасѣ и жалѣлъ о преступникѣ. Въ указѣ велѣно было вывести Александра въ одеждѣ монашеской. Но Потемкинъ (Петръ Сергѣевичъ) отступилъ отъ сего, *для большаго ефекта.*

18.

Стран. 157. Настоящая причина, по которой Румянцевъ не захотѣлъ отпустить Суворова, была зависть, которую питалъ онъ къ Бибикову, какъ вообще ко всѣмъ людямъ, коихъ соперничество казалось ему опаснымъ.

19.

Стран. 164. Падуровъ, какъ депутатъ, въ силу привиллегій, данныхъ именнымъ указомъ, не могъ не въ какомъ случаѣ быть казненъ смертью. Не знаю, прибѣгнулъ ли онъ къ защитѣ сего закона; можетъ быть онъ его незналъ; можетъ быть судьи о томъ не подумали; тѣмъ не менѣе казнь сего злодѣя противъ закона.

14.

Стран. 135. Замѣчательна разница, которую правительство полагало между дворянствомъ личнымъ и дворянствомъ родовымъ. Прапорщикъ Минеевъ и нѣсколько другихъ офицеровъ были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами, и проч. А Шванвичъ только ошельмованъ преломленіемъ надъ головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство отъ тѣлеснаго наказанія. Шванвичъ былъ сынъ кронштадскаго коменданта, разрубившаго нѣкогда палашемъ, въ трактирной ссорѣ, щеку Алексѣя Орлова (Чесменскаго).

15.

Стран. 137. Кто были сіи смышленыя сообщники, управлявшія дѣйствіями Самозванца? — Перфильевъ? Шигаевъ? — Это должно явствовать изъ процесса Пугачева, но къ сожалѣнію я его не читалъ, не смѣвъ его разпечатать безъ Высочайшаго на то соизволенія.

16.

Стран. 138. Молодой Пулавскій былъ въ связи съ женою стараго Казанскаго губернатора.

17.

Стран. 145. Въ Саранскѣ митрополитъ (?) Александръ принялъ Пугачева со Крестомъ и Евангеліемъ, и во время молебствія, на ектеніи упомянулъ Государыню Устинію Петровну. Архимандритъ преданъ былъ гражданскому суду, въ Казани. 13 Окт. 1774 года въ полдень приведенъ онъ былъ въ оковахъ въ соборъ. Его повели въ алтарь и возложили на него полное облаченіе. Солдаты съ примкнутыми штыками стояли у сѣверныхъ дверей. Протопопъ и протодіаконъ поставили его посреди церкви, во всемъ облаченіи и въ оковахъ. Послѣ обѣдни былъ онъ выведенъ на площадь; ему прочли его вины. Послѣ того сняли съ него ризы, обрѣзали волоса и бороду, и сослали на вѣчное заточеніе. Народъ былъ въ ужасѣ и жалѣлъ о преступникѣ. Въ указѣ велѣно было вывести Александра въ одеждѣ монашеской. Но Потемкинъ (Петръ Сергѣевичъ) отступилъ отъ сего, *для большаго ефекта.*

18.

Стран. 157. Настоящая причина, по которой Румянцевъ не захотѣлъ отпустить Суворова, была зависть, которую питалъ онъ къ Бибикову, какъ вообще ко всѣмъ людямъ, коихъ соперничество казалось ему опаснымъ.

19.

Стран. 164. Падуровъ, какъ депутатъ, въ силу привиллегій, данныхъ именнымъ указомъ, не могъ не въ какомъ случаѣ быть казненъ смертью. Не знаю, прибѣгнулъ ли онъ къ защитѣ сего закона; можетъ быть онъ его незналъ; можетъ быть судьи о томъ не подумали; тѣмъ не менѣе казнь сего злодѣя противъ закона.

Общія замѣчанія.

Весь черный народъ былъ за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты, и архіереи. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но выгоды ихъ были слишкомъ противуположны. (NB. Классъ приказныхъ и чиновниковъ былъ еще малочисленъ, и рѣшительно принадлежалъ простому народу. Тоже можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офицерахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ были въ шайкахъ Пугачева. Иванычь одинъ былъ изъ хорошихъ дворянъ).

Всѣ *Нѣмцы*, находившіеся въ среднихъ чинахъ, сдѣлали честно свое дѣло: Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Дицъ, Деморинъ, Дуве etc. Но всѣ тѣ, которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ, дѣйствовали слабо, робко, безъ усердія: Рейнсдорпъ, Брантъ, Карръ, Фрейманъ, Корфъ, Валленштернъ, Биловъ, Декалонгъ, etc. etc.

Разбирая мѣры, предпринятыя Пугачевымъ и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самыя надежныя и дѣйствительныя къ достиженію своей цѣли. Правительство съ своей стороны дѣйствовало слабо, медленно, ошибочно.

Нѣтъ худа безъ добра: Пугачевскій бунтъ доказалъ правительству необходимость многихъ перемѣнъ, и въ 1775 году послѣдовало новое учрежденіе губерніямъ. Государственная власть была сосредоточена; губерніи слишкомъ пространныя, раздѣлились; сообщеніе всѣхъ частей Государства сдѣлалось быстрѣе, etc.

Общія замѣчанія.

Весь черный народъ былъ за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты, и архіереи. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но выгоды ихъ были слишкомъ противуположны. (NB. Классъ приказныхъ и чиновниковъ былъ еще малочисленъ, и рѣшительно принадлежалъ простому народу. Тоже можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офицерахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ были въ шайкахъ Пугачева. Шванвичъ одинъ былъ изъ хорошихъ дворянъ).

Всѣ *Нѣмцы*, находившіеся въ среднихъ чинахъ, сдѣлали честно свое дѣло: Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Дицъ, Деморинъ, Дуве etc. Но всѣ тѣ, которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ, дѣйствовали слабо, робко, безъ усердія: Рейнсдорпъ, Брантъ, Карръ, Фрейманъ, Корфъ, Валленштернъ, Биловъ, Декалонгъ, etc. etc.

Разбирая мѣры, предпринятыя Пугачевымъ и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самыя надежныя и дѣйствительныя къ достиженію своей цѣли. Правительство съ своей стороны дѣйствовало слабо, медленно, ошибочно.

Нѣтъ худа безъ добра: Пугачевскій бунтъ доказалъ правительству необходимость многихъ перемѣнъ, и въ 1775 году послѣдовало новое учрежденіе губерніямъ. Государственная власть была сосредоточена; губерніи слишкомъ пространныя, раздѣлились; сообщеніе всѣхъ частей Государства сдѣлалось быстрѣе, etc.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ КО ВТОРОМУ ОТДѢЛУ.

Къ стр. 131.

Строка 23-я сверху, напечатано: „доносу"; слѣдуетъ читать: „допросу".

Къ стр. 146—151.

Въ статьѣ А. А. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ" (Осьмнадцатый вѣкъ, сборникъ П. И. Бартенева, II, стр. 267) Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ названъ Алексѣемъ Никифоровичемъ; но принятое нами имя и отчество Шубина заимствованы изъ основаннаго на офиціальныхъ данныхъ „Историческаго собранія списковъ кавалерамъ четырехъ россійскихъ императорскихъ орденовъ" Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, въ которомъ на стр. 195, А. Я. Шубинъ показанъ въ числѣ кавалеровъ ордена св. Александра Невскаго, подъ 1743 годомъ, и потому должно считаться болѣе вѣрнымъ. Въ статьѣ г. Васильчикова находится слѣдующее объясненіе обстоятельствъ, причинившихъ ссылку Шубина: „До 1731 г. первымъ лицемъ при дворѣ цесаревны (Елизаветы) былъ сержантъ Семеновскаго полка Алексѣй Никифоровичъ Шубинъ, сынъ бѣднаго Владимірскаго помѣщика изъ окрестностей Александрова. Черезъ него Елизавета Петровна познакомилась съ этою мѣстностью, которую очень полюбила и которую посѣщала, даже будучи императрицею. Въ 1731 году (1) Шубинъ какъ-то неосторожно выразилъ при свидѣтеляхъ мысль, что напрасно избрали Анну Ивановну и не вспомнили про дочь Петра Великаго. Слова эти были немедлен-

---

1) La Cour de Russie il y a cent ans, 49.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ КО ВТОРОМУ ОТДѢЛУ.

Къ стр. 131.

Строка 23-я сверху, напечатано: „доносу"; слѣдуетъ читать: „допросу".

Къ стр. 146—151.

Въ статьѣ А. А. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ" (Осьмнадцатый вѣкъ, сборникъ П. И. Бартенева, II, стр. 267) Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ названъ Алексѣемъ Никифоровичемъ; но принятое нами имя и отчество Шубина заимствованы изъ основаннаго на офиціальныхъ данныхъ „Историческаго собранія списковъ кавалерамъ четырехъ россійскихъ императорскихъ орденовъ" Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, въ которомъ на стр. 195, А. Я. Шубинъ показанъ въ числѣ кавалеровъ ордена св. Александра Невскаго, подъ 1743 годомъ, и потому должно считаться болѣе вѣрнымъ. Въ статьѣ г. Васильчикова находится слѣдующее объясненіе обстоятельствъ, причинившихъ ссылку Шубина: „До 1731 г. первымъ лицемъ при дворѣ цесаревны (Елизаветы) былъ сержантъ Семеновскаго полка Алексѣй Никифоровичъ Шубинъ, сынъ бѣднаго Владимірскаго помѣщика изъ окрестностей Александрова. Черезъ него Елизавета Петровна познакомилась съ этою мѣстностью, которую очень полюбила и которую посѣщала, даже будучи императрицею. Въ 1731 году (1) Шубинъ какъ-то неосторожно выразилъ при свидѣтеляхъ мысль, что напрасно избрали Анну Ивановну и не вспомнили про дочь Петра Великаго. Слова эти были немедлен-

---

1) La Cour de Russie il y a cent ans, 49.

но переданы кому слѣдуетъ. Шубина схватили, пытали, заключили въ такъ называемый каменный мѣшокъ и наконецъ, послѣ наказанія кнутомъ и вырѣзанія языка, сослали въ Камчатку. Арестъ Шубина и его горестная судьба сдѣлали сильное впечатлѣніе на великую княжну. Она долгое время была неутѣшна по своемъ любимцѣ, и есть преданіе, что она намѣревалась принять иноческій чинъ въ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ".

Къ стр 148.

Строка 14-я сверху, вмѣсто „завился" слѣдуетъ читать: „явился".

Къ стр. 151.

Въ дополненіе къ напечатаннымъ документамъ объ А. Я. Шубинѣ, П. Н. Петровъ сообщилъ намъ еще слѣдующій указъ:

„Указъ нашей вотчинной канцеляріи.

Всемилостивѣйше пожаловали мы нашему генералъ-маіору и кавалеру Алексѣю Шубину въ вѣчное потомственное владѣніе собственныя наши вотчины, въ Ярославскомъ уѣздѣ, село Тихвинское, Алексѣевское тожь, да селца Павловское и Подольское съ деревнями, да въ Нижегородскомъ уѣздѣ село Работки съ деревнями жь, и съ людми, и со кресьяны, съ пашнею, съ лѣсы и съ сѣнными покосы, и со всякими угодьи, и со всѣми къ тѣмъ селамъ и деревнямъ принадлежностьми, какъ оныя села и деревни и всякія къ нимъ принадлежности вѣдомы были въ оной нашей вотчинной канцеляріи, не оставливая ничего; и повелѣваемъ объ отдачѣ тѣхъ селъ и деревень съ принадлежностьми изъ канцеляріи нашей въ Москву оной канцеляріи къ дѣламъ послать указъ; а о справкѣ и объ отказѣ за него Шубина тѣхъ селъ и деревень съ принадлежностьми, куда надлежитъ, сообщить письменно. А для владѣнія тѣхъ селъ и деревень съ принадлежностьми, изъ канцеляріи нашей дать данную. Дано въ С.-Петербургѣ. Августа 4-го дня 1743 года.

Елисаветъ.

Къ стр. 205.

Упоминаемое въ „инструкціи" стѣсненіе католической вѣры между Смоленскою шляхтой указываетъ, что въ составленіи этой инструкціи участвовала рука какого-либо католическаго фанатика. Въ противоположность свидѣтельству инструкціи извѣстно, что въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка стала развиваться между

но переданы кому слѣдуетъ. Шубина схватили, пытали, заключили въ такъ называемый каменный мѣшокъ и наконецъ, послѣ наказанія кнутомъ и вырѣзанія языка, сослали въ Камчатку. Арестъ Шубина и его горестная судьба сдѣлали сильное впечатлѣніе на великую княжну. Она долгое время была неутѣшна по своемъ любимцѣ, и есть преданіе, что она намѣревалась принять иноческій чинъ въ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ".

Къ стр 148.

Строка 14-я сверху, вмѣсто „завился" слѣдуетъ читать: „явился".

Къ стр. 151.

Въ дополненіе къ напечатаннымъ документамъ объ А. Я. Шубинѣ, П. Н. Петровъ сообщилъ намъ еще слѣдующій указъ:

„Указъ нашей вотчинной канцеляріи.

Всемилостивѣйше пожаловали мы нашему генералъ-маіору и кавалеру Алексѣю Шубину въ вѣчное потомственное владѣніе собственныя наши вотчины, въ Ярославскомъ уѣздѣ, село Тихвинское, Алексѣевское тожь, да селца Павловское и Подольское съ деревнями, да въ Нижегородскомъ уѣздѣ село Работки съ деревнями жь, и съ людми, и со кресьяны, съ пашнею, съ лѣсы и съ сѣнными покосы, и со всякими угодьи, и со всѣми къ тѣмъ селамъ и деревнямъ принадлежностьми, какъ оныя села и деревни и всякія къ нимъ принадлежности вѣдомы были въ оной нашей вотчинной канцеляріи, не оставливая ничего; и повелѣваемъ объ отдачѣ тѣхъ селъ и деревень съ принадлежностьми изъ канцеляріи нашей въ Москву оной канцеляріи къ дѣламъ послать указъ; а о справкѣ и объ отказѣ за него Шубина тѣхъ селъ и деревень съ принадлежностьми, куда надлежитъ, сообщить письменно. А для владѣнія тѣхъ селъ и деревень съ принадлежностьми, изъ канцеляріи нашей дать данную. Дано въ С.-Петербургѣ. Августа 4-го дня 1743 года.

Елисаветъ.

Къ стр. 205.

Упоминаемое въ „инструкціи" стѣсненіе католической вѣры между Смоленскою шляхтой указываетъ, что въ составленіи этой инструкціи участвовала рука какого-либо католическаго фанатика. Въ противоположность свидѣтельству инструкціи извѣстно, что въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка стала развиваться между

Смоленскою шляхтой католическая пропаганда (см. „Исторію Россіи“ С. М. Соловьева, т. XIX, стр. 188—189 и 310).

Къ стр. 223 и слѣд.

Фамилія капитана Буйна ошибочно напечатана: Булка.

Къ стр. 230.

Строка 2-я сверху, вмѣсто „дополненіе“ слѣдуетъ читать „донощеніе“.

Къ стр. 232.

О князѣ Юріи Долгорукомъ см. въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева, т. XIX, стр. 326, и въ Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей, 1864 г., кн. I, смѣсь, стр. 8—10.

Къ стр. 255.

Столбецъ 2-й, строки 8-я и 4-я, вмѣсто „въ Гамбургъ“ слѣдуетъ читать: „въ Петербургъ“.

Смоленскою шляхтой католическая пропаганда (см. „Исторію Россіи“ С. М. Соловьева, т. XIX, стр. 188—189 и 310).

Къ стр. 223 и слѣд.

Фамилія капитана Буйна ошибочно напечатана: Булка.

Къ стр. 230.

Строка 2-я сверху, вмѣсто „дополненіе“ слѣдуетъ читать „донощеніе“.

Къ стр. 232.

О князѣ Юріи Долгорукомъ см. въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева, т. XIX, стр. 326, и въ Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей, 1864 г., кн. I, смѣсь, стр. 8—10.

Къ стр. 255.

Столбецъ 2-й, строки 8-я и 4-я, вмѣсто „въ Гамбургъ“ слѣдуетъ читать: „въ Петербургъ“.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А. . . . . , II. 54.
Августинъ, ректъ. Тр. Лавры. II. 61.
Августъ, король Польскій и курфирстъ Саксонскій. II. 194, 233, 248, 275, 277.
Авдотья Большая, I. 55.
Авіа, II. 62.
Аврамовъ, справщикъ, I. 13, 16, 26.
Адамъ, I. 29.
Адріанъ, папа, I. 24.
Аксаковъ, И. С. I. 36.
Александра Павловна, великая княжна, II. 317, 318, 320, 321, 326, 328—330.
Александръ (?), II. 9.
Александръ, митроп. въ Саранскѣ? II. 407.
Александръ I, императоръ, II. 47—50, 52, 54—60, 65—67, 71, 74—76, 78—87, 89, 92, 118, 307, 317, 319, 324, 325, 329, 400, 401.
Алексѣевъ, II. 78.
Алексѣевъ, II. 79.
Алексѣевъ, Илья, II. 54.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, I. 7, 57, 59, 74, 82.
Альбрехтъ, I. 77.
Амвросій, митроп. Новгородскій, II. 61.
Анастасій, архіеп. Могилевскій, II. 85.
Анна Іоанновна, императрица I. 33, 82. II. 1, 2, 11, 13, 14, 116, 146, 147, 152, 154, 174, 183, 185, 187, 189, 192—194, 196, 208, 210, 214, 220, 222, 226, 228, 230, 236, 267, 296, 302, 306, 308, 356, 360, 361, 383, 390.
Анна Петровна, цесаревна, I. 49—59, 61, 64—72, 74—77, 79, 80, 82—87. II. 191, 229, 262, 266, 280, 283, 356, 379—382.
Анна Ѳеодоровна, великая княгиня, II. 328.
Андрей, II. 225.
Андреяновъ, Г., II. 168.
Андрониковъ, князь, II. 312.
Анненскій, Н., II. 85.
Апраксинъ, графъ, I. 59, 60, 76, 78, 85.
Апраксинъ, Андрей, II. 5.
Апраксинъ, Степанъ, II. 9.
Апраксинъ, Степ. Степан., II. 72.
Аристотель, I. 23, 24.
Армфельдъ, баронъ, II. 319.
Арсеньева, Варвара Мих., I. 51.
Арсеньевъ, В. Д., II. 64.
Арсеньевъ, Конст. Ив., II. 152, 394.
Арсеньевы, I. 50.
Архаровъ, Ив. Петр., II. 73.
Архаровъ, Ник. Петр., II. 73, 323.
Аршеневскій, маіоръ, II. 337, 340, 342.
Аршеневскій, Ив., II. 195, 196, 228, 229, 267, 282, 285, 298—300.
Аршеневскій, Н. Я., II. 53.
Афросимовъ, II. 43—45.
Афросимовъ, II. А., II. 64.
Ашъ, II. 391.
Аѳанасій Ростовскій, преосв., II. 310, 311.

Бабкинъ, II. 130.
Багратіонъ, князь, II. 73.
Бакиревъ, II. 166, 168.
Бальцъ, Э., II. 94.
Банкъ, фонъ, I. 78.
Бантышъ-Каменскій, Д. Н., I. 4, 11, 25, 331, 397.
Бантышъ-Каменскій, Ник. Ник., II. 77.
Баро, II. 214.
Барсукъ-Моисеевъ, II. 48, 62.
Бартеневъ, П. И., II, 95, 123.
Барятинскій, князь А. И., II. 312.
Барятинскій, князь Андрей, II. 9.
Барятинскій, князь Ив., II. 5, 9.
Бассевичъ, графъ, I. 56, 62—64, 70, 71, 73, 75, 77, 79, 83.
Баскаковъ, А., II. 5.
Баумъ, М., II. 94.
Бахметевъ, I. 77.
Бахметевъ, II. 212—214, 225.
Безбородко, графъ А. А., II. 73, 325, 327.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А. . . . . , II. 54.
Августинъ, ректъ. Тр. Лавры. II. 61.
Августъ, король Польскій и курфирстъ Саксонскій. II. 194, 233, 248, 275, 277.
Авдотья Большая, I. 55.
Авіа, II. 62.
Аврамовъ, справщикъ, I. 13, 16, 26.
Адамъ, I. 29.
Адріанъ, папа, I. 24.
Аксаковъ, И. С. I. 36.
Александра Павловна, великая княжна, II. 317, 318, 320, 321, 326, 328—330.
Александръ (?), II. 9.
Александръ, митроп. въ Саранскѣ? II. 407.
Александръ I, императоръ, II. 47—50, 52, 54—60, 65—67, 71, 74—76, 78—87, 89, 92, 118, 307, 317, 319, 324, 325, 329, 400, 401.
Алексѣевъ, II. 78.
Алексѣевъ, II. 79.
Алексѣевъ, Илья, II. 54.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, I. 7, 57, 59, 74, 82.
Альбрехтъ, I. 77.
Амвросій, митроп. Новгородскій, II. 61.
Анастасій, архіеп. Могилевскій, II. 85.
Анна Іоанновна, императрица I. 33, 82. II. 1, 2, 11, 13, 14, 116, 146, 147, 152, 154, 174, 183, 185, 187, 189, 192—194, 196, 208, 210, 214, 220, 222, 226, 228, 230, 236, 267, 296, 302, 306, 308, 356, 360, 361, 383, 390.
Анна Петровна, цесаревна, I. 49—59, 61, 64—72, 74—77, 79, 80, 82—87. II. 191, 229, 262, 266, 280, 283, 356, 379—382.
Анна Ѳеодоровна, великая княгиня, II. 328.
Андрей, II. 225.
Андреяновъ, Г., II. 168.
Андрониковъ, князь, II. 312.
Анненскій, Н., II. 85.
Апраксинъ, графъ, I. 59, 60, 76, 78, 85.
Апраксинъ, Андрей, II. 5.
Апраксинъ, Степанъ, II. 9.
Апраксинъ, Степ. Степан., II. 72.
Аристотель, I. 23, 24.
Армфельдъ, баронъ, II. 319.
Арсеньева, Варвара Мих., I. 51.
Арсеньевъ, В. Д., II. 64.
Арсеньевъ, Конст. Ив., II. 152, 394.
Арсеньевъ, I. 50.
Архаровъ, Ив. Петр., II. 73.
Архаровъ, Ник. Петр., II. 73, 323.
Аршеневскій, маіоръ, II. 337, 340, 342.
Аршеневскій, Ив., II. 195, 196, 228, 229, 267, 282, 285, 298—300.
Аршеневскій, Н. Я., II. 53.
Афросимовъ, II. 43—45.
Афросимовъ, II. А., II. 64.
Ашъ, II. 391.
Аѳанасій Ростовскій, преосв., II. 310, 311.

Бабкинъ, II. 130.
Багратіонъ, князь, II. 73.
Бакиревъ, II. 166, 168.
Бальцъ, Э., II. 94.
Банкъ, фонъ, I. 78.
Бантышъ-Каменскій, Д. Н., I. 4, 11, 25, 331, 397.
Бантышъ-Каменскій, Ник. Ник., II. 77.
Баро, II. 214.
Барсукъ-Моисеевъ, II. 48, 62.
Бартеневъ, П. И., II, 95, 123.
Барятинскій, князь А. И., II. 312.
Барятинскій, князь Андрей, II. 9.
Барятинскій, князь Ив., II. 5, 9.
Бассевичъ, графъ, I. 56, 62—64, 70, 71, 73, 75, 77, 79, 83.
Баскаковъ, А., II. 5.
Баумъ, М., II. 94.
Бахметевъ, I. 77.
Бахметевъ, II. 212—214, 225.
Безбородко, графъ А. А., II. 73, 325, 327.

Беклешовъ, Александръ Андр., II. 76.
Беклешовъ, II. 56.
Беллярминъ, I. 2, 21.
Беневенти, II. 60, 86.
Бенингсенъ, графъ, II. 73.
Бепсъ, I. 77.
Бергъ, II. 34.
Бередниковъ, II. 136, 137.
Беркгольцъ, I. 30, 56, 64—66, 68—70, 75, 79, 80.
Бернсторфы, II. 104.
Бертье, II. 110.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петр., II. 203, 208, 219, 220, 225, 235, 255, 279, 287, 303, 331—335, 339, 355, 383, 385, 386, 388—392.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Андрей Алекс., II. 331—336, 339, 355.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Мих. Петр., II. 332.
Бестужевы-Рюмины, графы, II. 333—335, 352, 356.
Беттигеръ, Анна Ив., II. 332.
Беттигеръ, маіоръ, II. 348, 349, 351.
Бибиковъ, II. 39—44.
Бибиковъ, Алдръ Иль., II. 405—407.
Бибиковъ, Вас., II. 9.
Бибиковъ, Вас. Ил.? II. 405.
Бибиковъ, Дмитр. Гавр., II. 112—115, 118, 119.
Бибиковъ, Ив., I. 77, 88. II. 5, 9.
Бибиковъ, Мих. Ник., II. 313.
Биловъ, II, 408.
Биронъ, герцогъ Эрнстъ-Іоаннъ, II. 191, 194, 196, 197, 205, 206, 279.
Биспекъ, Петръ, II. 30.
Біанки, II, 92.
Блеклой, С., I. 77.
Блудовъ, графъ Дмитр. Ник., II. 307.
Блюментростъ, II, 287.
Боборыкинъ, Лук., II. 9.
Бобрищевъ-Пушкинъ, I. 77.
Бобровскій, II. 166, 167, 170, 171, 251.
Богдановичъ, М. И., II. 112.
Богдановъ, Н. И., II. 64.
Богдановъ, Ѳедоръ, II. 28—38.
Бонапарте, II. 105—107, 109, 110.
Бонде, графъ, I. 78, 79. II. 206, 240.
Борковскій, II. 242.
Бороздинъ, II. 35.
Боуръ, II. 73.
Браницкій, графъ, II. 73.
Брантъ, II. 408.
Брауншвейгская, принцесса Анна, II. 86—389.
Брауншвейгскій принцъ, II. 389.
Бреверпъ, II. 386.
Бредаль, баронъ, I. 77. 88.
Бредихинъ, I. 77.
Броунъ, графъ Ю. Ю. II., 28—31, 34, 38.
Бруни, II. 91.
Брюмеръ, II. 385, 388.
Брюсъ, графъ, Алдръ Ром., II. 185.
Брюсъ, графиня, Настасья Мих., II. 185.
Будбергъ, II. 322.
Буддей, I. 21.
Бужинскій, Гавріилъ, I. 29.
Буйницкій-Соколинскій, князь Симъ, II. 209.
Булгаковъ, II. 40,
Булгаковъ, Алексѣй, II. 146, 147, 150.
Булгаковъ, С. А., II. 73.
Булгаринъ, Ѳ., II. 403, 404.
Булка, II. 221, 223, 226, 227, 300.
Буржуа, Н., I. 61.
Бурневскій, Андрей, II. 209.
Бурневскій, Мих., II. 209.
Бутурлинъ, графъ Алдръ Бор., II. 310, 311.
Бутурлинъ, графъ Алексѣй, II. 266.
Бутурлинъ, графъ Ив. Ив., I. 82.
Бухвостова, К., I. 55.
Бухвостовъ, Левъ, II, 9.
Бѣлободскій, Янъ, I. 30.
Бѣловъ, И., II. 337, 338, 341, 344, 345.
Бѣлосельскій, князь Алдръ Мих., II. 72.
Бѣлоусовъ, Ивнъ, II. 130.
Бѣлоустова (Мордвинова), II. 132.
Бюшингъ, I. 56. II. 331, 335.

Вадковскій, Ѳ., II. 96, 97.
Ваза, графъ, II. 323, 329.
Валкеръ, II. 85.
Валленштернъ, II. 408.
Валуева, II. 76.
Валуевъ, Петръ Степ., II. 72, 76.
Варлаамъ, архіепископъ Тверской, I. 7.
Варлаамъ, архимандритъ, I. 13.
Вассеръ, II. 388.
Васильевъ, баронъ, Алекс. Вас., II. 73.
Васильчиковъ, А. А., II. 333.
Васильчиковъ, князь, II. 114, 122.
Вейцарнъ, г-жа, II. 347—349.
Веймарнъ, И. И., II. 309, 310, 347, 348, 349.
Вейсбахъ, графъ, II. 212.
Веллингъ, графиня, I. 76.
Вельяминовъ, II. 295, 296.
Вельяминовъ, Петръ, II. 5.
Вельяминовъ, Степ., II. 5, 9.
Веревкинъ, II. 43.
Верденъ, Іосфъ, II. 94.
Верденъ, Петръ, II. 91, 94.
Вереникинъ, II. 348.
Верещинскій, II, 115.
Вествальдъ, II. 173.
Вигель, Ф. Ф., II. 322.
Виламова, II. 324.
Виллебрантъ, II. 347.

Беклешовъ, Александръ Андр., II. 76.
Беклешовъ, II. 56.
Беллярминъ, I. 2, 21.
Беневенти, II. 60, 86.
Бенингсенъ, графъ, II. 73.
Бенсъ, I. 77.
Бергъ, II. 34.
Бередниковъ, II. 136, 137.
Беркгольцъ, I. 30, 56, 64—66, 68—70, 75, 79, 80.
Бернсторфы, II. 104.
Бертье, II. 110.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петр., II. 203, 208, 219, 220, 225, 235, 255, 279, 287, 303, 331—335, 339, 355, 383, 385, 386, 388—392.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Андрей Алекс., II. 331—336, 339, 355.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Мих. Петр., II. 332.
Бестужевы-Рюмины, графы, II. 333—335, 352, 356.
Беттигеръ, Анна Ив., II. 332.
Беттигеръ, маіоръ, II. 348, 349, 351.
Бибиковъ, II. 39—44.
Бибиковъ, Алдръ Иль., II. 405—407.
Бибиковъ, Вас., II. 9.
Бибиковъ, Вас. Ил.? II. 405.
Бибиковъ, Дмитр. Гавр., II. 112—115, 118, 119.
Бибиковъ, Ив., I. 77, 88. II. 5, 9.
Бибиковъ, Мих. Ник., II. 313.
Биловъ, II, 408.
Биронъ, герцогъ Эрнстъ-Іоаннъ, II. 191, 194, 196, 197, 205, 206, 279.
Биспекъ, Петръ, II. 30.
Біанки, II, 92.
Блеклой, С., I. 77.
Блудовъ, графъ Дмитр. Ник., II. 307.
Блюментростъ, II, 287.
Боборыкинъ, Лук., II. 9.
Бобрищевъ-Пушкинъ, I. 77.
Бобровскій, II. 166, 167, 170, 171, 251.
Богдановичъ, М. И., II. 112.
Богдановъ, Н. И., II. 64.
Богдановъ, Ѳедоръ, II. 28—38.
Бонапарте, II. 105—107, 109, 110.
Бонде, графъ, I. 78, 79. II. 206, 240.
Борковскій, II. 242.
Бороздинъ, II. 35.
Боуръ, II. 73.
Браницкій, графъ, II. 73.
Брантъ, II. 408.
Брауншвейгская, принцесса Анна, II. 86—389.
Брауншвейгскій принцъ, II. 389.
Бревернъ, II. 386.
Бредаль, баронъ, I. 77. 88.
Бредихинъ, I. 77.
Броунъ, графъ Ю. Ю. II., 28—31, 34, 38.
Бруни, II. 91.
Брюмеръ, II. 385, 388.
Брюсъ, графъ, Алдръ Ром., II. 185.
Брюсъ, графиня, Настасья Мих., II. 185.
Будбергъ, II. 322.
Буддей, I. 21.
Бужинскій, Гавріилъ, I. 29.
Буйницкій-Соколинскій, князь Симъ, II. 209.
Булгаковъ, II. 40,
Булгаковъ, Алексѣй, II. 146, 147, 150.
Булгаковъ, С. А., II. 73.
Булгаринъ, Ѳ., II. 403, 404.
Булка, II. 221, 223, 226, 227, 300.
Буржуа, Н., I. 61.
Бурневскій, Андрей, II. 209.
Бурневскій, Мих., II. 209.
Бутурлинъ, графъ Алдръ Бор., II. 310, 311.
Бутурлинъ, графъ Алексѣй, II. 266.
Бутурлинъ, графъ Ив. Ив., I. 82.
Бухвостова, К., I. 55.
Бухвостовъ, Левъ, II, 9.
Бѣлободскій, Янъ, I. 30.
Бѣловъ, И., II. 337, 338, 341, 344, 345.
Бѣлосельскій, князь Алдръ Мих., II. 72.
Бѣлоусовъ, Ивнъ, II. 130.
Бѣлоустова (Мордвинова), II. 132.
Бюшингъ, I. 56. II. 331, 335.

Вадковскій, Ѳ., II. 96, 97.
Ваза, графъ, II. 323, 329.
Валкеръ, II. 85.
Валленштернъ, II. 408.
Валуева, II. 76.
Валуевъ, Петръ Степ., II. 72, 76.
Варлаамъ, архіепископъ Тверской, I. 7.
Варлаамъ, архимандритъ, I. 13.
Вассеръ, II. 388.
Васильевъ, баронъ, Алекс. Вас., II. 73.
Васильчиковъ, А. А., II. 333.
Васильчиковъ, князь, II. 114, 122.
Вейцарнъ, г-жа, II. 347—349.
Веймарнъ, И. И., II. 309, 310, 347, 348, 349.
Вейсбахъ, графъ, II. 212.
Веллингъ, графиня, I. 76.
Вельяминовъ, II. 295, 296.
Вельяминовъ, Петръ, II. 5.
Вельяминовъ, Степ., II. 5, 9.
Веревкинъ, II. 43.
Верденъ, Іосфъ, II. 94.
Верденъ, Петръ, II. 91, 94.
Вереникинъ, II. 348.
Верещинскій, II, 115.
Вествальдъ, II. 173.
Вигель, Ф. Ф., II. 322.
Виламова, II. 324.
Виллебрантъ, II. 347.

Вильбуа, Нкта Петр., I. 69, 77, 86.
Викторовъ, П. 312, 313.
Витковскій, П. 290—292, 301.
Воейковъ, Петръ, П. 5, 9.
Возжинскій, I. 55.
Возницынъ, А. П. 10.
Волконская, княгиня Мргрта Род. П. 348.
Волконскій, князь, П. 73.
Волконскій, князь Алексѣй Нкт., П. 350.
Волконскій, князь Гргр. Сем., П. 72.
Волконскій, князь Мхло Нкт. П. 356, 405.
Волконскій, князь Н. А., П. 56.
Волконскій, князь Пвлъ Мих., П. 80.
Волынскій, Ивнъ. П. 9.
Волынскій, Артм. Петр., П. 187, 196.
Волынскій, Артмнъ Серг., I. 84.
Вольтеръ, I. 37, 47, 48.
Воробьевъ, П. 92.
Воронцовъ, графъ Алдръ Ром. П 72, 209.
Воронцовъ, графъ Мхло Илл., П. 391.
Воронцовъ, графъ Рмнъ Илл., I. 40.
Воронцовъ, графъ Смнъ Ром., П. 107.
Воронцовъ, князь М. С., П. 312.
Всеволожскій, П. 51.
Вульфъ, баронъ, I. 55. П. 343, 353.
Выжга, П. 221, 243.
Вяземская, княжна, П. 175.
Вяземская, княжна Марья Ѳед. I. 54.
Вяземскій, князь Алдръ Алекс. I. 37, 38, 40, 43, 45, 48. II. 35, 38, 64. 129, 131, 132, 136, 138, 159, 160, 188, 309, 310.
Вяземскій, князь Вас., II. 5.
Вязмитиновъ, С. К., II. 72.

Гаврінлъ, митроп. Новгородскій, I. 43.
Гага, графъ, II. 323, 329.
Гагарина, княжна, II. 159.
Гагаринъ, князь, II. 64.
Гагаринъ, князь А. И., П. 102.
Гагаринъ, князь Смнъ, П. 9.
Гайденъ, П. 92.
Гарезина, Анна, П. 356, 357.
Гвоздевъ, А. Д., II. 64.
Г....., Петръ Мтв., II, 25.
Гедеоновъ, Мхлъ, II. 255, 287, 303.
Геймъ, II. 62.
Гельбигъ, I. 50,—II. 146.
Гельвецій, II. 37.
Гендрикова, графиня, Екатерина Серг., II. 358.
Гендриковъ, графъ, II. 310.
Генрей, В., II. 62, 98.
Герасимъ, свящ., II. 336.
Гергардъ, Іоаннъ, I. 21.
Герличка, II. 92.
Германъ, II. 1, 195.
Геррманъ, II. 195.
Гершгроссъ, Г., II. 21, 24.
Герцъ, баронъ, I. 62, 63.
Гессе, II. 53.
Гессенскій, принцъ, II. 315.
Гессенъ-Гомбургская, княгиня, II, 385.
Гессенъ-Гомбургскій, князь, II. 185.
Главовъ, П. М., II. 64.
Глазуновъ, И. И., I. 9.
Глазуновъ, Мтв., II. 85, 86.
Гледіонъ, В., II, 94.
Глинкъ, Э. I, 55, 56.
Глинка, Сергѣй Ник., II. 91, 395, 396.
Глинка, Сергѣй Серг., II. 396.
Глѣбовъ, А. И., I. 46,—II. 130.
Годуновъ, Борисъ, II. 80.
Голенищевъ - Кутузовъ, графъ Павелъ Иван., II. 48, 62.
Голиковъ, И. И., I. 9, 55.
Голицынъ, князь, II. 406.
Голицынъ, князь Алдръ Мих., II. 31, 34—36, 38, 63, 72, 74, 310, 311.
Голицынъ, князь Дмитрій Мих., II. 10, 11, 176, 178, 367, 378.
Голицынъ, князь Мих. Мих., II. 3, 362, 365, 370, 378.
Голицынъ, князь Сергѣй Ѳед. II. 72.
Голицынъ, князь Ѳедоръ Ник., II. 48, 62.
Голицыны, князья, II. 373, 374.
Головинъ, графъ, II. 72.
Головинъ, графъ, I. 77.
Головкина, графиня, II. 63.
Головкинъ, графъ Гврло Ив. I. 60, 78, 84.—II. 10, 11, 51, 64, 72. 176, 178, 184, 366, 368—370.
Головкинъ, графъ Ивнъ Г., II. 5, 9.
Головкинъ, графъ Мхлъ Г., II. 5, 9.
Голштинскій, герцогъ Карлъ-Фридрихъ, I. 56, 61—74, 76, 79, 80, 82—84.—II. 173, 191 198—200, 208, 210—214, 218, 227, 228, 231, 234, 240, 242—244, 248, 253, 256, 258, 259, 262, 263, 266, 269, 277, 279, 283—285, 289, 291, 297, 299, 300.
Горичъ, II. 72.
Горка, Лаврентій, I. 29.
Горсткинъ, Брсъ, II. 10.
Гохгольцеръ, II. 387.
Грейгъ, С. К., I. 39.
Грековъ, Максимъ, II. 5.
Гречъ, Н. И., II. 403.
Григорій (?)...., II. 10.
Григорій, папа, I, 24.
Грушевскій, Алдръ Влад., II. 72.
Гудовичъ, графъ Ив. Вас. II. 72, 404.
Гурьевъ, II. 60.
Гурьевъ, Иванъ, II. 9.
Гурьевъ, Иванъ, II. 97, 98, 100.
Гурьевъ, Петръ, II. 97, 98, 100,
Гурьевъ, Семенъ, II. 97—100.

Вильбуа, Нкта Петр., I. 69, 77, 86.
Викторовъ, П. 312, 313.
Витковскій, П. 290—292, 301.
Воейковъ, Петръ, П. 5, 9.
Возжинскій, I. 55.
Возницынъ, А. П. 10.
Волконская, княгиня Мргрта Род. П. 348.
Волконскій, князь, П. 73.
Волконскій, князь Алексѣй Нкт., П. 350.
Волконскій, князь Гргр. Сем., П. 72.
Волконскій, князь Мхло Нкт. П. 356, 405.
Волконскій, князь Н. А., П. 56.
Волконскій, князь Пвлъ Мих., П. 80.
Волынскій, Ивнъ. П. 9.
Волынскій, Артм. Петр., П. 187, 196.
Волынскій, Артмнъ Серг., I. 84.
Вольтеръ, I. 37, 47, 48.
Воробьевъ, П. 92.
Воронцовъ, графъ Алдръ Ром. П 72, 209.
Воронцовъ, графъ Мхло Илл., П. 391.
Воронцовъ, графъ Рмнъ Илл., I. 40.
Воронцовъ, графъ Смнъ Ром., П. 107.
Воронцовъ, князь М. С., П. 312.
Всеволожскій, П. 51.
Вульфъ, баронъ, I. 55. П. 343, 353.
Выжга, П. 221, 243.
Вяземская, княжна, П. 175.
Вяземская, княжна Марья Ѳед. I. 54.
Вяземскій, князь Алдръ Алекс. I. 37, 38, 40, 43, 45, 48. II. 35, 38, 64. 129, 131, 132, 136, 138, 159, 160, 188, 309, 310.
Вяземскій, князь Вас., II. 5.
Вязмитиновъ, С. К., II. 72.

Гавріилъ, митроп. Новгородскій, I. 43.
Гага, графъ, II. 323, 329.
Гагарина, княжна, II. 159.
Гагаринъ, князь, II. 64.
Гагаринъ, князь А. И., П. 102.
Гагаринъ, князь Смнъ, П. 9.
Гайденъ, П. 92.
Гарезина, Анна, П. 356, 357.
Гвоздевъ, А. Д., II. 64.
Г....., Петръ Мтв., II, 25.
Гедеоновъ, Мхлъ, II. 255, 287, 303.
Геймъ, II. 62.
Гельбигъ, I. 50,—II. 146.
Гельвецій, II. 37.
Гендрикова, графиня, Екатерина Серг., II. 358.
Гендриковъ, графъ, II. 310.
Генрей, В., II. 62, 98.
Герасимъ, свящ., II. 336.
Гергардъ, Іоаннъ, I. 21.
Герличка, II. 92.
Германъ, II. 1, 195.
Геррманъ, II. 195.
Гершгроссъ, Г., II. 21, 24.
Герцъ, баронъ, I. 62, 63.
Гессе, II. 53.
Гессенскій, принцъ, II. 315.
Гессенъ-Гомбургская, княгиня, II, 385.
Гессенъ-Гомбургскій, князь, II. 185.
Главовъ, П. М., II. 64.
Глазуновъ, И. И., I. 9.
Глазуновъ, Мтв., II. 85, 86.
Гледіонъ, В., II, 94.
Глинкъ, Э. I, 55, 56.
Глинка, Сергѣй Ник., II. 91, 395, 396.
Глинка, Сергѣй Серг., II. 396.
Глѣбовъ, А. И., I. 46,—II. 130.
Годуновъ, Борисъ, II. 80.
Голенищевъ - Кутузовъ, графъ Павелъ Иван., II. 48, 62.
Голиковъ, И. И., I. 9, 55.
Голицынъ, князь, II. 406.
Голицынъ, князь Алдръ Мих., II. 31, 34—36, 38, 63, 72, 74, 310, 311.
Голицынъ, князь Дмитрій Мих., II. 10, 11, 176, 178, 367, 378.
Голицынъ, князь Мих. Мих., II. 3, 362, 365, 370, 378.
Голицынъ, князь Сергѣй Ѳед. II. 72.
Голицынъ, князь Ѳедоръ Ник., II. 48, 62.
Голицыны, князья, II. 373, 374.
Головинъ, графъ, II. 72.
Головинъ, графъ, I. 77.
Головкина, графиня, II. 63.
Головкинъ, графъ Гврло Ив. I. 60, 78, 84.—II. 10, 11, 51, 64, 72. 176, 178, 184, 366, 368—370.
Головкинъ, графъ Ивнъ Г., II. 5, 9.
Головкинъ, графъ Мхлъ Г., II. 5, 9.
Голштинскій, герцогъ Карлъ-Фридрихъ, I. 56, 61—74, 76, 79, 80, 82—84.—II. 173, 191 198—200, 208, 210—214, 218, 227, 228, 231, 234, 240, 242—244, 248, 253, 256, 258, 259, 262, 263, 266, 269, 277, 279, 283—285, 289, 291, 297, 299, 300.
Горичъ, П. 72.
Горка, Лаврентій, I. 29.
Горсткинъ, Брсъ, II. 10.
Гохгольцеръ, П. 387.
Грейгъ, С. К., I. 39.
Грековъ, Максимъ, II. 5.
Гречъ, Н. И., II. 403.
Григорій (?)...., II. 10.
Григорій, папа, I, 24.
Грушевскій, Алдръ Влад., II. 72.
Гудовичъ, графъ Ив. Вас. II. 72, 404.
Гурьевъ, II. 60.
Гурьевъ, Иванъ, II. 9.
Гурьевъ, Иванъ, II. 97, 98, 100.
Гурьевъ, Петръ, II. 97, 98, 100,
Гурьевъ, Семенъ, II. 97—100.

Гурьевы, II. 95.
Густавъ III, король Шведскій, II. 107, 318, 319, 321, 406.
Густавъ IV Адольфъ, король Шведскій, II. 317—319, 321—325, 327, 329.

Давыдовъ, Семенъ, II. 187.
Далейракъ, II. 91.
Даллова, II. 91, 92.
Данилова, М., I. 55.
Даниловъ, Илар., II. 9.
Дашкова, княгиня Екатерина Ром. II. 63, 67.
Дашковы, князья, II. 51.
Девіэръ, I. 82. II. 204, 233, 234, 238, 246, 247, 259, 274, 277, 278, 295, 296, 380, 381.
Де-Бюсси, II. 371.
Девалонгъ, II. 408.
Де-ля-Бретонъ, II. 62, 82, 83, 93.
Делиль, Н. І., II. 152, 194, 196.
Дельденъ, В. фонъ, II. 147, 148.
Демидовъ, II. 51, 64.
Деморинъ, II. 408.
Денглеръ, II. 91, 92.
Денисовъ, II. 318.
Денисовъ, графъ, II. 72.
Державина, Д. А., II. 79.
Державинъ, Гавріилъ Ром., II. 58, 73, 79, 84, 325, 327, 406.
Десингъ, О., II. 94.
Дидро, I. 37, 48.
Дитмаръ, I. 87.
Дицъ, II. 408.
Дмитревскій, И. А., II. 84.
Дмитріевъ, Иванъ Ив. II. 406.
Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ А. М., I. 77.
Добровольскій, II. 115, 116.
Дома, I. 55.
Докторовъ, Петръ, II. 9.
Долгорукова, княгиня, II. 63.
Долгорукова, княжна Авд. Мих., II. 185, 189.
Долгорукова, княжна Авдотья Серг. II. 186.
Долгорукова, княжна Аграфена Мих., II. 185, 189.
Долгорукова, княгиня Александра, II. 153, 155.
Долгорукова, княжна Анна Алекс., II. 189—191.
Долгорукова, княжна Анна Петр., II. 334, 335, 346, 351.
Долгорукова, княжна Анна Серг., II. 334, 347—350.
Долгорукова, княжна Екатерина Алекс- I. 162—164, 167—170, 174—177, 179, 180, 188, 189—191, 362.
Долгорукова, княжна Елена Алекс., I. 189—191.
Долгорукова, княгиня Маргарита, II. 157.
Долгорукова, княжна Марья Серг., II. 186.
Долгорукова, княгиня Мареа, II. 153, 155, 160.
Долгорукова, княгиня Ната.я Бор., II. 165, 192.
Долгоруковъ, князь Алдръ Алекс., II. 191, 192.
Долгоруковъ, князь Алдръ Мих., II. 185, 189.
Долгоруковъ, князь Алексй Алекс., II. 189, 190.
Долгоруковъ, князь Алексй Григ., II. 10, 153—155, 162, 166, 169, 172—184, 189.
Долгоруковъ, князь В. Вол., II. 10, 155, 162, 169, 174—185, 367, 378, 388.
Долгоруковъ, князь Вас. Лук., II. 8, 10, 11, 152—155, 162—164, 169, 172—184, 356, 362, 366, 369, 370, 373, 377.
Долгоруковъ, князь Вас. Мих., II. 185, 189.
Долгоруковъ, князь Дмтр. Мих., II. 10, 11.
Долгоруковъ, князь Иванъ Алекс., II. 152, 153, 155, 160—172, 174, 175, 178, 180, 181, 191, 192.
Долгоруковъ, князь Иванъ Григ., II. 153, 164, 172, 174—182, 184.
Долгоруковъ, князь Иванъ Серг., II. 186, 187.
Долгоруковъ, князь Мих. Вол., II. 10, 155, 174—182, 184—189.
Долгоруковъ, князь Мих. Серг., II. 186.
Долгоруковъ, князь Нклй Алкс., II. 164—167, 170, 171, 191, 192.
Долгоруковъ, князь Нклй Серг., II. 347.
Долгоруковъ, князь Петръ Вас., II. 1, 2, 141, 152, 196.
Долгоруковъ, князь Петръ Мих., II. 185.
Долгоруковъ, князь Серг. Григ., II. 152, 153, 155—160, 162—164, 171—184, 186, 187.
Долгоруковъ, князь Серг. Мих., II. 185.
Долгоруковъ, князь Юрій Вол., II. 72, 141, 142, 144, 232, 247, 265, 273, 274, 320.
Долгоруковъ, князь Юрій Серг., II. 186, 187.
Долгоруковъ, князь Ѳдръ Серг., II. 186.
Долгоруковы, князья, II. 1, 2, 141, 152, 153, 160, 174, 189, 191, 193, 196, 205, 232, 239, 261, 265, 273, 283, 320, 356, 362, 373, 374, 377, 378.
Досифей, епископъ, I. 7, 8.
Древникъ, А., II. 382.
Дружининъ, II. 33.
Друцкой, князь Дан., II. 9.
Дубянскій, Ѳ. Я., II. 334.

Гурьевы, II. 95.
Густавъ III, король Шведскій, II. 107, 318, 319, 321, 406.
Густавъ IV Адольфъ, король Шведскій, II. 317—319, 321—325, 327, 329.

Давыдовъ, Семенъ, II. 187.
Далейракъ, II. 91.
Даллова, II. 91, 92.
Данилова, М., I. 55.
Даниловъ, Илар., II. 9.
Дашкова, княгиня Екатерина Ром. II. 63, 67.
Дашковы, князья, II. 51.
Девіэръ, I. 82. II. 204, 233, 234, 238, 246, 247, 259, 274, 277, 278, 295, 296, 380, 381.
Де-Бюсси, II. 371.
Девалонгъ, II. 408.
Де-ля-Бретонъ, II. 62, 82, 83, 93.
Делиль, Н. І., II. 152, 194, 196.
Дельденъ, В. фонъ, II. 147, 148.
Демидовъ, II. 51, 64.
Деморинъ, II. 408.
Денглеръ, II. 91, 92.
Денисовъ, II. 318.
Денисовъ, графъ, II. 72.
Державина, Д. А., II. 79.
Державинъ, Гавріилъ Ром., II. 58, 73, 79, 84, 325, 327, 406.
Десингъ, О., II. 94.
Дидро, I. 37, 48.
Дитмаръ, I. 87.
Дицъ, II. 408.
Дмитревскій, И. А., II. 84.
Дмитріевъ, Иванъ Ив. II. 406.
Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ А. М., I. 77.
Добровольскій, II. 115, 116.
Дома, I. 55.
Докторовъ, Петръ, II. 9.
Долгорукова, княгиня, II. 63.
Долгорукова, княжна Авд. Мих., II. 185, 189.
Долгорукова, княжна Авдотья Серг. II. 186.
Долгорукова, княжна Аграфена Мих., II. 185, 189.
Долгорукова, княгиня Александра, II. 153, 155.
Долгорукова, княжна Анна Алекс., II. 189—191.
Долгорукова, княжна Анна Петр., II. 334, 335, 346, 351.
Долгорукова, княжна Анна Серг., II. 334, 347—350.
Долгорукова, княжна Екатерина Алекс- I. 162—164, 167—170, 174—177, 179, 180, 188, 189—191, 362.
Долгорукова, княжна Елена Алекс., I. 189—191.
Долгорукова, княгиня Маргарита, II. 157.
Долгорукова, княжна Марья Серг., II. 186.
Долгорукова, княгиня Мареа, II. 153, 155, 160.
Долгорукова, княгиня Ната.я Бор., II. 165, 192.
Долгоруковъ, князь Алдръ Алксв., II. 191, 192.
Долгоруковъ, князь Алдръ Мих., II. 185, 189.
Долгоруковъ, князь Алексй Алксв., II. 189, 190.
Долгоруковъ, князь Алексй Гргр., II. 10, 153—155, 162, 166, 169, 172—184, 189.
Долгоруковъ, князь В. Вол., II. 10, 155, 162, 169, 174—185, 367, 378, 388.
Долгоруковъ, князь Вас. Лук., II. 8, 10, 11, 152—155, 162—164, 169, 172—184, 356, 362, 366, 369, 370, 373, 377.
Долгоруковъ, князь Вас. Мих., II. 185, 189.
Долгоруковъ, князь Дмтр. Мих., II. 10, 11.
Долгоруковъ, князь Иванъ Алксв., II. 152, 153, 155, 160—172, 174, 175, 178, 180, 181, 191, 192.
Долгоруковъ, князь Иванъ Гргр., II. 153, 164, 172, 174—182, 184.
Долгоруковъ, князь Иванъ Серг., II. 186, 187.
Долгоруковъ, князь Мих. Вол., II. 10, 155, 174—182, 184—189.
Долгоруковъ, князь Мих. Серг., II. 186.
Долгоруковъ, князь Нклй Алкс., II. 164—167, 170, 171, 191, 192.
Долгоруковъ, князь Нклй Серг., II. 347.
Долгоруковъ, князь Петръ Вас., II. 1, 2, 141, 152, 196.
Долгоруковъ, князь Петръ Мих., II. 185.
Долгоруковъ, князь Серг. Гргр., II. 152, 153, 155—160, 162—164, 171—184, 186, 187.
Долгоруковъ, князь Серг. Мих., II. 185.
Долгоруковъ, князь Юрій Вол., II. 72, 141, 142, 144, 232, 247, 265, 273, 274, 320.
Долгоруковъ, князь Юрій Серг., II. 186, 187.
Долгоруковъ, князь Ѳдръ Серг., II. 186.
Долгоруковы, князья, II. 1, 2, 141, 152, 153, 160, 174, 189, 191, 193, 196, 205, 232, 239, 261, 265, 273, 283, 320, 356, 362, 373, 374, 377, 378.
Досифей, епископъ, I. 7, 8.
Древникъ, А., II. 382.
Дружининъ, II. 33.
Друцкой, князь Дан., II. 9.
Дубянскій, Ѳ. Я., II. 334.

Дуве, II. 408.
Дурновъ, Ивнъ, II. 9.

Евгеній, митроп., I. 8.
Евдокія, царица, I. 8.
Евлоній, еписк. Грузинскій, II. 89.
Екатерина Антоновна, принцесса, II. 405.
Екатерина I, императрица I. 50—56, 58, 62, 64, 69, 71, 73—75, 82, 86, 89. II. 13, 146, 174, 177, 374, 375, 379—382.
Екатерина II, императрица I. 38, 47, 48, 87. II. 28, 50, 52, 56, 58, 67, 73, 74, 78, 79, 83, 85, 87, 89, 95, 96, 102, 103, 123, 124, 126, 127, 139, 140, 307, 309, 317—323, 325, 326, 328—330, 334, 335, 356, 405, 407.
Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, I. 58. II. 197, 199, 214, 232, 237, 251, 274.
Екатерина Павловна, великая княгиня, II. 102.
Елагинъ, Андр., II. 5.
Елизавета Алексѣевна, императрица, II. 52, 58, 65, 67, 79, 82, 86, 325.
Елизавета Петровна, императрица I. 52, 53, 55, 56, 58—60, 66, 68, 72, 82, 83, 85—87, 89. II. 56, 77, 79, 146, 147, 150, 160—162, 169, 196, 230, 232, 237, 250, 263, 264, 268, 272, 294, 308, 332, 334, 339, 344, 356, 361, 375, 379—383, 405.
Елизаровъ, Аѳисій, II. 9.
Ельмтъ, II. 32.
Енгалычевъ, князь П. Н., II. 85, 92.
Епишковъ, Свстнъ. II. 9.
Еропкинъ, Петръ Дмтр. II. 72.
Ефимій, архм. Тихв. м., II. 132.
Ефремовъ, П. А., I. 12, 15, 30.

Жакенъ, Н., II. 94.
Жентонида, I. 55.
Жихаревъ, С. П., II. 47.
Жюбе, I. 16.

Заборовскій, Ив. Алекс., II. 72.
Заборовскій, Н. А., II. 63.
Завадовскій, графъ Петръ Вас., II. 64, 73.
Загрязской, II. 289.
Замыцкой, Алксй., II. 9.
Занеманъ, I. 77.
Захарьева, Арина, II. 189.
Зауеръ, графъ, II. 60.
Звѣрякинъ, I. 55.
Золотиловъ, Дмтр., II. 9.
Зотовъ, бригадиръ, I. 77.
Зотовъ, К. Н., флота командоръ, I. 77.
Зряховъ, И., II. 132. 136.
Зубовъ, графъ Вярнъ Алксдр., II. 73.
Зубовъ, князь Нклй Алксдр., II. 64, 73, 325, 327—329.
Зубовъ, князь Плтнъ Алксдр., II. 64, 73.
Зузинъ, Мхлъ, II. 9.
Зыбинъ, Алксй, II. 5, 9.
Зябловскій, II. 394.

Ибнъ, баронъ, II. 57.
Ибрагимъ-Паша, II. 401, 402.
Иванова, Д., I. 55.
Иванова, Матрена, II. 189.
Ивановъ, II. 385
Ивановъ, Петръ, II. 252, 304.
Иванъ Алексѣевичь, царь, II. 361.
Иванъ (?)..... II. 10.
Ивашевъ, II. 64.
Ивашкинъ, II 51, 78.
Ижорскій, князь, I. 58, 62.
Извѣковъ, Д. Е., I. 35.
Измайловъ, I. 77.
Измайловъ, Л. Д., II. 64.
Иловайскій, А. В. II. 73.
Ильинъ, Ивнъ. II. 9.
Ирикъ. II. 290.
Ирикъ, О. II. 290.
Ирина. I. 24.

Іоаннъ Антоновичъ, принцъ. II. 127, 307, 309, 310, 405.
Іоаннъ III. II. 196.
Іона, митроп. Грузинскій. II. 88, 89.
Іосифъ, крестьянинъ. II. 121.

Кабановъ, Ив. II. 9.
Каверинъ. II. 78.
Кайсаровъ, Смнъ. II. 9.
Калиграфъ. II. 92.
Калугинъ, Н. I. 55.
Кальвинъ. I. 16.
Каменскій, графъ Мхлъ Ѳедтв. II. 72.
Кампенгаузенъ, баронъ. II. 77.
Кампреджъ. I. 64, 66.
Камынинъ, Л. И. II. 336.
Кантемиръ, Антіохъ. I. 5, 8—11, 15, 30.
Кантемиръ, Дмитрій. I. 10—16, 19, 23, 24, 28—31, 34.
Каравакъ, Л. I. 58.
Карамзинъ. II. 48, 58, 81, 83, 87, 88, 90, 92.
Карлъ I, король Англійскій. II. 13.
Карлъ VI, имп. Германскій. II. 362.
Карлъ XII, король Шведскій. I. 62—64. II. 319, 323.
Кармретъ, лордъ. II. 384.

Дуве, II. 408.
Дурновъ, Иванъ, II. 9.

Евгеній, митроп., I. 8.
Евдокія, царица, I. 8.
Евловій, епископъ Грузинскій, II. 89.
Екатерина Антоновна, принцесса, II. 405.
Екатерина I, императрица I. 50—56, 58, 62, 64, 69, 71, 73—75, 82, 86, 89. II. 13, 146, 174, 177, 374, 375, 379—382.
Екатерина II, императрица I. 38, 47, 48, 87. II. 28, 50, 52, 56, 58, 67, 73, 74, 78, 79, 83, 85, 87, 89, 95, 96, 102, 103, 123, 124, 126, 127, 139, 140, 307, 309, 317—323, 325, 326, 328—330, 334, 335, 356, 405, 407.
Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, I. 58. II. 197, 199, 214, 232, 237, 251, 274.
Екатерина Павловна, великая княгиня, II. 102.
Елагинъ, Андр., II. 5.
Елизавета Алексѣевна, императрица, II. 52, 58, 65, 67, 79, 82, 86, 325.
Елизавета Петровна, императрица I. 52, 53, 55, 56, 58—60, 66, 68, 72, 82, 83, 85—87, 89. II. 56, 77, 79, 146, 147, 150, 160—162, 169, 196, 230, 232, 237, 250, 263, 264, 268, 272, 294, 308, 332, 334, 339, 344, 356, 361, 375, 379—383, 405.
Елизаровъ, Аѳисій, II. 9.
Ельмтъ, II. 32.
Енгалычевъ, князь II. Н., II. 85, 92.
Епишковъ, Евстиѳ., II. 9.
Ершкинъ, Петръ Дмтр. II. 72.
Ефимій, архм. Тихв. м., II. 132.
Ефремовъ, П. А., I. 12, 15, 30.

Жаженъ, Н., II. 94.
Жентонида, I. 55.
Жихаревъ, С. П., II. 47.
Жюбе, I. 16.

Заборовскій, Ив. Алекс., II. 72.
Заборовскій, Н. А., II. 68.
Завадовскій, графъ Петръ Вас., II. 64, 73.
Загразской, II. 289.
Замыцкой, Алексѣй., II. 9.
Занеманъ, I. 77.
Захарьева, Арина, II. 189.
Зауеръ, графъ, II. 60.
Звѣрякинъ, I. 55.
Золотиловъ, Дмтр., II. 9.
Зотовъ, бригадиръ, I. 77.
Зотовъ, К. Н., флота командоръ, I. 77.
Зряховъ, И., II. 132, 136.
Зубовъ, графъ Валеріанъ Алексдр., II. 73.
Зубовъ, князь Нелй Алексдр., II. 64, 73, 325, 327—329.
Зубовъ, князь Платонъ Алексдр., II. 64, 73.
Зувинъ, Мхлъ, II. 9.
Зыбинъ, Алексѣй, II. 5, 9.
Зябловскій, II. 394.

Ибнъ, баронъ, II. 57.
Ибрагимъ-Паша, II. 401, 402.
Иванова, Д., I. 55.
Иванова, Матрена, II. 189.
Ивановъ, II. 385.
Ивановъ, Петръ, II. 252, 304.
Иванъ Алексѣевичъ, царь, II. 361.
Ивавъ (?)..... II. 10.
Ивашевъ, II. 64.
Ивашкинъ, II. 51, 78.
Ижорскій, князь, I. 58, 62.
Извѣковъ, Д. Е., I. 35.
Измайловъ, I. 77.
Измайловъ, Л. Д., II. 64.
Иловайскій, А. В. II. 73.
Ильинъ, Иванъ. II. 9.
Ирикъ. II. 290.
Ирикъ, О. II. 290.
Ирина. I. 24.

Іоаннъ Антоновичъ, принцъ. II. 127, 307, 309, 310, 405.
Іоаннъ III. II. 196.
Іона, митроп. Грузинскій. II. 88, 89.
Іосифъ, крестьянинъ. II. 121.

Кабановъ, Ив. II. 9.
Каверинъ. II. 78.
Кайсаровъ, Сѣмѣ. II. 9.
Каллиграфъ. II. 92.
Калугинъ, Н. I. 55.
Кальвинъ. I. 16.
Каменскій, графъ Мхлъ Ѳедтв. II. 72.
Кампенгаузенъ, баронъ. II. 77.
Кампреджъ. I. 64, 66.
Камининъ, Л. И. II. 336.
Кантемиръ, Антіохъ. I. 5, 8—11, 15, 30.
Кантемиръ, Дмитрій. I. 10—16, 19, 23, 24, 28—31, 34.
Каравакъ, Л. I. 58.
Карамзинъ. II. 48, 58, 81, 83, 87, 88, 90, 92.
Карлъ I, король Англійскій. II. 13.
Карлъ VI, имп. Германскій. II. 362.
Карлъ XII, король Шведскій. I. 62—64. II. 319, 323.
Карпретъ, лордъ. II. 384.

Карпинскій, Іоакинеъ. I. 3.
Карръ. II. 405, 408.
Касаговъ, Андрей. II. 9.
Кашеваровъ. I. 45, 46.
Кашинъ, Д. Н. II. 91, 92.
Кашинъ, Арстрхъ. II. 35.
Кашинъ, Смнъ. II. 9.
Качеповскій. II. 47.
Квенштедтъ. I. 21.
Кейзеръ. II. 112.
Кейтъ. II. 187.
Керцелій. II. 91.
Кикуль, Яковъ. II. 31.
Кирилла, іеродіаконъ. II. 132—136.
Киселевъ, Д. П. II. 399.
Кіевскій, А. II. 159, 160.
К—л—мъ. II. 53.
Клауберъ. II. 85.
Клементова, А. И. I. 53, 55, 76.
Климовъ, П. I. 55.
Клингенау. II. 34.
Клингспортъ. II. 321.
Клушинъ. II. 85.
Клюке-фонъ-Клугенау. II. 312, 314.
Кнорринтъ. II. 73.
Кобургская, принцесса. II. 322.
Ковалевскій, Е. II. II. 307.
Ковалевскій, Мхлъ Ив. II. 48, 62.
Кожинъ, Петръ Никт. II. 59.
Козадаевъ, Осипъ. Петр. II. 74.
Козловская, княжна Анфиса Мих. II, 89.
Козловскій, князь Смнъ. II. 199, 252, 254, 287, 302—305.
Козмина, Н. I. 55.
Коллетти, Елевферій. I. 12.
Кологривовъ, Андрей. II. 10.
Колокольцевъ. II. 72.
Колокольцовъ, Птпъ. II. 9.
Колосовъ, Вас. II. 84.
Колпаковъ. II. 92.
Комбурлей. II. 71.
Кондоиди, Анастасій. I. 11.
Конищевъ, Д. II. 159, 160.
Константинъ, царь. I. 24.
Константинъ Николаевичъ, великій князь. II. 399.
Константинъ Павловичъ, великій князь II, 52, 82, 317, 322, 324, 403.
Корсаки. II. 223, 225.
Корсаковъ, Алкс. Ив. II. 72.
Корсакъ, Ив. II. 209, 225.
Корсакъ, Прасковья. II. 285, 291, 293, 297—299.
Корсакъ, Смнъ Ив. II. 195, 196, 200, 201, 212, 213, 222, 224, 225, 229, 239, 241, 261, 282, 283, 285, 291, 293, 297—299.
Корсакъ, Стпнъ. II. 209, 301.
Корстонъ. II. 62, 93.
Корфъ. II. 386.
Корфъ. II. 408.
Костюшко. II. 94.
Кохановскій, Симонъ. I. 25, 29.
Кохіусъ. II. 34.
Коховскій, Стпнъ. II. 209.
Коцебу. II. 90, 91, 92.
Кочубей, графъ Вктръ Павл. II. 73.
Кошелевъ, Рднъ. II. 9.
Кошкуль, Н. И. II. 403, 404.
Кравковъ, Евдкмъ Мих. I. 36—48.
Кр—въ, Дм. II. 119.
Красновъ-Милашевичъ, Ивнъ. II. 209, 222, 226, 228, 251—258, 260, 286—289, 291, 300—306.
Красновъ-Милашевичъ, Өдръ. II. 196, 203, 204, 206, 207, 209—214, 220, 222—230, 235—267, 269—272, 274, 275, 282, 286—288, 293—300, 302—306.
Крейцъ. I. 73.
Крестьянова, Б. I. 55.
Кривошеинъ. II. 313.
Кригеръ, Андрей. II. 54.
Кристинъ. II. 322.
Кроковскій, Іоасафъ. I. 7.
Кромвель. II. 80.
Кропотовъ, Ивнъ. II. 5.
Круликъ, Өеофилъ. I. 29.
Кузнецовъ, Ѳ. П. II. 168.
Кузьминъ, Мтвй. II. 11.
Куксинъ, П. II. 267, 282, 285, 298, 300.
Купферъ. II. 398.
Куракинъ, князь Алдръ Борисов. II. 64, 72—74.
Куртенеръ, Ф. II. 85.
Кустъ, Генри. II. 93.
Кустъ, Дж. II. 62, 93.
Кюно-де-Бельвуа, Кл.-Фр. II. 62, 93.

Лаваль, графъ. II. 71.
Ла-Ви. I. 55.
Лагарпъ, II. 324.
Ладыженскій. I. 77.
Ла-Лье. II. 86.
Ламанскій, В. И. I. 48.
Ламбъ, II. 73.
Ланской. II. 51.
Ланчинскій. II. 386.
Лапухинъ, Стпнъ. II. 5.
Ласунскіе. II. 95.
Латуръ-Ланнуа, виконтесса. I. 55, 72.
Лаурсъ, Анна. II. 25.
Лаурсъ, Шаттатъ. II. 25, 30.
Лауферъ, Ивнъ. II. 94.
Лауферъ, Пвлъ. II. 94.
Левольдъ, графъ. II. 219.
Левшинъ, В. А. II. 84—85.
Леонтьевъ. II. 11, 362, 366.
Леопольдъ, эрцгерцогъ. II. 333.

Карпинскій, Іоакинеъ. I. 3.
Карръ. II. 405, 408.
Касаговъ, Андрей. II. 9.
Кашеваровъ. I. 45, 46.
Кашинъ, Д. Н. II. 91, 92.
Кашинъ, Арстрхъ. II. 35.
Кашинъ, Смнъ. II. 9.
Качеповскій. II. 47.
Квенштедтъ. I. 21.
Кейзеръ. II. 112.
Кейтъ. II. 187.
Керцелій. II. 91.
Кикуль, Яковъ. II. 31.
Кирилла, іеродіаконъ. II. 132—136.
Киселевъ, Д. П. II. 399.
Кіевскій, А. II. 159, 160.
К—л—мъ. II. 53.
Клауберъ. II. 85.
Клементова, А. И. I. 53, 55, 76.
Климовъ, П. I. 55.
Клингенау. II. 34.
Клингспортъ. II. 321.
Клушинъ. II. 85.
Клюке-фонъ-Клугенау. II. 312, 314.
Кнорринтъ. II. 73.
Кобургская, принцесса. II. 322.
Ковалевскій, Е. П. II. 307.
Ковалевскій, Мхлъ Ив. II. 48, 62.
Кожинъ, Петръ Никт. II. 59.
Козадаевъ, Оспъ. Петр. II. 74.
Козловская, княжна Анфиса Мих. II, 89.
Козловскій, князь Смнъ. II. 199, 252, 254, 287, 302—305.
Козмина, Н. I. 55.
Коллетти, Елевферій. I. 12.
Кологриновъ, Андрей. II. 10.
Колокольцевъ. II. 72.
Колокольцовъ, Птпъ. II. 9.
Колосовъ, Вас. II. 84.
Колпаковъ. II. 92.
Комбурлей. II. 71.
Кондоиди, Анастасій. I. 11.
Конищевъ, Д. II. 159, 160.
Константинъ, царь. I. 24.
Константинъ Николаевичъ, великій князь. II. 399.
Константинъ Павловичъ, великій князь II, 52, 82, 317, 322, 324, 403.
Корсаки. II. 223, 225.
Корсаковъ, Алкс. Ив. II. 72.
Корсакъ, Ив. II. 209, 225.
Корсакъ, Прасковья. II. 285, 291, 293, 297—299.
Корсакъ, Смнъ Ив. II. 195, 196, 200, 201, 212, 213, 222, 224, 225, 229, 239, 241, 261, 282, 283, 285, 291, 293, 297—299.
Корсакъ, Стпнъ. II. 209, 301.
Корстонъ. II. 62, 93.
Корфъ. II. 386.
Корфъ. II. 408.
Костюшко. II. 94.
Кохановскій, Симонъ. I. 25, 29.
Кохіусъ. II. 34.
Коховскій, Стпнъ. II. 209.
Коцебу. II. 90, 91. 92.
Кочубей, графъ Викторъ Павл. II. 73.
Кошелевъ, Рднъ. II. 9.
Кошкуль, Н. И. II. 403, 404.
Кравковъ, Евдемъ Мих. I. 36—48.
Кр—въ, Дм. II. 119.
Красновъ-Милашевичъ, Ивнъ. II. 209, 222, 226, 228, 251—258, 260, 286—289, 291, 300—306.
Красновъ-Милашевичъ, Өдръ. II. 196, 203, 204, 206, 207, 209—214, 220, 222—230, 235—267, 269—272, 274, 275, 282, 286—288, 293—300, 302—306.
Крейцъ. I. 73.
Крестьянова, Б. I. 55.
Кривошеинъ. II. 313.
Кригеръ, Андрей. II. 54.
Кристинъ. II. 322.
Кроковскій, Іоасафъ. I. 7.
Кромвель. II. 80.
Кропотовъ, Ивнъ. II. 5.
Круликъ, Ѳеофилъ. I. 29.
Кузнецовъ, Ѳ. П. II. 168.
Кузьминъ, Мтвй. II. 11.
Куксинъ, П. П. 267, 282, 285, 298, 300.
Купферъ. II. 398.
Куракинъ, князь Алдръ Борисов. II. 64, 72—74.
Куртенеръ, Ф. II. 85.
Кустъ, Генри. II. 93.
Кустъ, Дж. II. 62, 93.
Кюно-де-Бельвуа, Кл.-Фр. II. 62, 93.

Лаваль, графъ. II. 71.
Ла-Ви. I. 55.
Лагарпъ, II. 324.
Ладыженскій. I. 77.
Ла-Лье. II. 86.
Ламанскій, В. И. I. 48.
Ламбъ, II. 73.
Ланской. II. 51.
Ланчинскій. II. 386.
Лапухинъ, Стпнъ. II. 5.
Ласунскіе. II. 95.
Латуръ-Ланнуа, виконтесса. I. 55, 72.
Лаурсъ, Анна. II. 25.
Лаурсъ, Шаттатъ. II. 25, 30.
Лауферъ, Ивнъ. II. 94.
Лауферъ, Пвлъ. II. 94.
Левольдъ, графъ. II. 219.
Левшинъ, В. А. II. 84—85.
Леонтьевъ. II. 11, 362, 366.
Леопольдъ, эрцгерцогъ. II. 333.

Лестокъ. II. 385.
Лещинскій, Станиславъ. II. 202, 203, 207, 210—213, 215, 217, 218, 221, 234, 239, 241—243, 245, 246, 248, 261, 271, 276, 277, 280. 281, 289, 295.
Либгартъ. II. 51.
Ливенъ, графиня. II. 67.
Ливенъ, подполк. II. 290.
Ливенъ, ген.-лейт. II. 389.
Ливенъ, князь. II. 396.
Линаръ-де, графъ. II. 194.
Лирійскій, дюкъ. I. 13. II. 1, 2, 368, 369.
Лискина Андреевна (Елизавета). I. 54, 55.
Лихаревъ. I. 77.
Лихаревъ, Дмитрій. II. 58, 84.
Лобанова. I. 76.
Лодеръ. II. 19.
Лопатинскій, Ѳеофилактъ. I. 3—5, 31.
Лопухинъ, Андрей. II. 9.
Лопухинъ, князь. II. 64.
Лохвицкій, Кондратъ. II. 57.
Лужковъ, Николай. II. 10.
Лунинъ, П. М. II. 64.
Люберасъ, баронъ. I. 88.
Любовниковъ. II. 165, 170.
Людовикъ XIV, король Французскій. I. 65.
Лярскій, Гр. II. 209.
Лярскій, Яковъ. II. 209.
Лярскій, Яковъ. II. 209.

М. К. II. 1.
Мавродинъ. II. 93.
Мавъ. II. 217.
Магельвицкій. II. 215, 217, 218, 221, 233, 234, 241—245, 248, 251, 276, 277, 280, 295.
Магіо, П. П. 78.
Маргрета (Маргарита). I. 54, 55.
Мазепа. II. 210, 281, 307, 308.
Макарова, О. М. II. 47.
Макаровъ. I. 80.
Макаровъ, Алексѣй. II. 5.
Макаровъ, Михаилъ Кондр. II. 74.
Макаровъ, Михаилъ Ник. II. 47.
Малеа, К. II. 93.
Малиновскій, Ѳедоръ Акс. II. 47, 48.
Маніяни, Маріана. I. 71.
Мансуровъ, Максимъ. II. 9.
Мантейфель, графъ. II. 35.
Манштейнъ. II. 1.
Маньянъ. II. 360, 361, 367.
Маріани, Ганнибалъ. II. 90, 94.
Марія Алексѣевна, царевна. I. 58.
Марія Ѳеодоровна, императрица. II. 27, 84, 88, 89, 330.
Марковичъ. I. 5, 6, 9.
Марковъ, С. I. 55.
Марковъ, графъ Иркій Ив. II. 72, 73.
Марсей. I. 82.
Маруцци, графъ. II. 71.
Маруцци, маркизъ. II. 140.
Марцисъ, Марце. II. 25.
Марѳа Матвѣевна, царица. I. 57.
Масловъ, Ансимъ. II. 11.
Масловъ, Н. И. II. 53.
Массонъ, К.-Ф.-П. II. 317, 319, 320, 322—324, 327, 329, 330.
Матвѣевъ. II. 31.
Матвѣевъ, графъ. II. 9.
Матюшкинъ. II. 370.
Махмудъ, султанъ. II. 401, 402.
Мацѣевичъ, Арсеній, митроп. Ростовскій. II. 123, 128, 131.
Мезонневъ. II. 51.
Мейбомъ, Дж. II. 62, 93.
Мейнцъ. II. 42.
Мекленбургская, принцесса. II. 320—322.
Мекленбургскій, принцъ. II. 73.
Мекленбургскій, принцъ Карлъ-Людъ. I. 58. II. 372, 373, 376, 377.
Меллинъ. II. 408.
Мельгуновъ, П.—П. 157.
Меньшикова, княжна Марія Алекс. I. 83.
Меньшикова, княгиня Дарья Мих. I. 51, 54, 78.
Меньшиковъ, князь Алдръ Дан. I. 51, 57—60, 62, 63, 75, 77, 78, 80—85.
Меньшиковъ, Гавріилъ Авд. I. 57.
Мерзляковъ, Алексѣй. II. 84.
Мехметъ-Али. II. 402.
Микита-Волокита. I. 86.
Микулинъ, Николай. II. 83.
Милашевичи. II. 305.
Милашевичъ, Захарій. II. 209.
Милашевичъ, Иванъ. II. 209, 288, 289, 301.
Милашевичъ, Кириллъ. II. 209.
Миллеръ, II. 92.
Милорадовичъ. II. 72, 112.
Милославская, Анна. II. 185.
Милославскій, Левъ Ал. II. 185.
Минеевъ. II. 407.
Минихъ, баронъ. II. 339, 391.
Минихъ, графъ Бург. Христ. I. 80, 88, II. 147—150, 185, 205, 231, 232, 251, 263, 264, 271.
Мировичъ, Агрфна. II. 309.
Мировичъ, Александра. II. 309.
Мировичъ, Василій Як. II. 307—311.
Мировичъ, Григорій. II. 308.
Мировичъ, Павелъ Як. II. 307.
Мировичъ, Плгея Зах. II. 307, 308.
Мировичъ, Прасковья. II. 309.
Мировичъ, Ѳедоръ. II. 308.
Михаилъ Николаевичъ, великій князь, II. 399.
Михаилъ Павловичъ, великій князь, II. 395.
Мицкевичъ, Вадславъ. II. 119.

Лестокъ. II. 385.
Лещинскій, Станиславъ. II. 202, 203, 207, 210—213, 215, 217, 218, 221, 234, 239, 241—243, 245, 246, 248, 261, 271, 276, 277, 280. 281, 289, 295.
Либгартъ. II. 51.
Ливенъ, графиня. II. 67.
Ливенъ, подполк. II. 290.
Ливенъ, ген.-лейт. II. 389.
Ливенъ, князь. II. 396.
Линаръ-де, графъ. II. 194.
Лирійскій, дюкъ. I. 13. II. 1, 2, 368, 369.
Лискина Андреевна (Елизавета). I. 54, 55.
Лихаревъ. I. 77.
Лихаревъ, Дмитрій. II. 58, 84.
Лобанова. I. 76.
Лодеръ. II. 19.
Лопатинскій, Ѳеофилактъ. I. 3—5, 31.
Лопухинъ, Андрей. II. 9.
Лопухинъ, князь. II. 64.
Лохвицкій, Кондратъ. II. 57.
Лужковъ, Николай. II. 10.
Лунинъ, П. М. II. 64.
Люберасъ, баронъ. I. 88.
Любовниковъ. II. 165, 170.
Людовикъ XIV, король Французскій. I. 65.
Лярскій, Гр. II. 209.
Лярскій, Яковъ. II. 209.
Лярскій, Яковъ. II. 209.

М. К. II. 1.
Мавродинъ. II. 93.
Мавъ. II. 217.
Магельвицкій. II. 215, 217, 218, 221, 233, 234, 241—245, 248, 251, 276, 277, 280, 295.
Магіо, П. П. 78.
Маргрета (Маргарита). I. 54, 55.
Мазепа. II. 210, 281, 307, 308.
Макарова, О. М. II. 47.
Макаровъ. I. 80.
Макаровъ, Алексѣй. II. 5.
Макаровъ, Михаилъ Кондр. II. 74.
Макаровъ, Михаилъ Ник. II. 47.
Малеа, К. II. 93.
Малиновскій, Ѳедоръ Акс. II. 47, 48.
Маніяни, Маріана. I. 71.
Мансуровъ, Максимъ. II. 9.
Мантейфель, графъ. II. 35.
Манштейнъ. II. 1.
Маньянъ. II. 360, 361, 367.
Маріани, Ганнибалъ. II. 90, 94.
Марія Алексѣевна, царевна. I. 58.
Марія Ѳеодоровна, императрица. II. 27, 84, 88, 89, 330.
Марковичъ. I. 5, 6, 9.
Марковъ, С. I. 55.
Марковъ, графъ Иркій Ив. II. 72, 73.
Марсей. I. 82.
Маруцци, графъ. II. 71.
Маруцци, маркизъ. II. 140.
Марцисъ, Марце. II. 25.
Марѳа Матвѣевна, царица. I. 57.
Масловъ, Ансимъ. II. 11.
Масловъ, Н. И. II. 53.
Массонъ, К.-Ф.-П. II. 317, 319, 320, 322—324, 327, 329, 330.
Матвѣевъ. II. 31.
Матвѣевъ, графъ. II. 9.
Матюшкинъ. II. 370.
Махмудъ, султанъ. II. 401, 402.
Мацѣевичъ, Арсеній, митроп. Ростовскій. II. 123, 128, 131.
Мезонневъ. II. 51.
Мейбомъ, Дж. II. 62, 93.
Мейнцъ. II. 42.
Мекленбургская, принцесса. II. 320—322.
Мекленбургскій, принцъ. II. 73.
Мекленбургскій, принцъ Карлъ-Людъ. I. 58. II. 372, 373, 376, 377.
Меллинъ. II. 408.
Мельгуновъ, П.—П. 157.
Меньшикова, княжна Марія Алекс. I. 83.
Меньшикова, княгиня Дарья Мих. I. 51, 54, 78.
Меньшиковъ, князь Алдръ Дан. I. 51, 57—60, 62, 63, 75, 77, 78, 80—85.
Меньшиковъ, Гаврилъ Авд. I. 57.
Мерзляковъ, Алексѣй. II. 84.
Мехметъ-Али. II. 402.
Микита-Волокита. I. 86.
Микулинъ, Николай. II. 83.
Милашевичи. II. 305.
Милашевичъ, Захрій. II. 209.
Милашевичъ, Иванъ. II. 209, 288, 289, 301.
Милашевичъ, Кириллъ. II. 209.
Миллеръ, II. 92.
Милорадовичъ. II. 72, 112.
Милославская, Анна. II. 185.
Милославскій, Левъ Ал. II. 185.
Минеевъ. II. 407.
Минихъ, баронъ. II. 339, 391.
Минихъ, графъ Бург. Христ. I. 80, 88, II. 147—150, 185, 205, 231, 232, 251, 263, 264, 271.
Мировичъ, Агрфна. II. 309.
Мировичъ, Александра. II. 309.
Мировичъ, Всѣй Як. II. 307—311.
Мировичъ, Григорій. II. 308.
Мировичъ, Павелъ Як. II. 307.
Мировичъ, Плгея Зах. II. 307, 308.
Мировичъ, Прасковья. II. 309.
Мировичъ, Ѳедоръ. II. 308.
Михаилъ Николаевичъ, великій князь, II. 399.
Михаилъ Павловичъ, великій князь, II. 395.
Мицкевичъ, Вадславъ. II. 119.

Мишуковъ. I. 77.
Михайлова, Авдотья. II. 189.
Михалевскій, И. II. 165, 170.
Михельсонъ, Ив. Ив. II. 72, 408.
Могила, Петръ. I. 24.
Моисеевъ, Андрій. II. 215, 217, 233, 234, 242—244, 288, 289, 300, 303.
Монсъ. I. 69.
Моравскій, графъ. II. 71.
Мордвинова, Авд. Як. II. 132.
Мордвиновъ, С. И. I. 85. 86.
Морковъ, графъ Аркадій Петр. II. 321, 322, 326—329.
Мосцанъ. II. 86.
Мошковы, II. и В. I. 55.
Мошковъ. II. 191.
Муравьевъ. II. 402.
Мусина-Пушкина-Брюсъ, графиня. II. 63.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ. II. 2.
Мусинъ-Пушкинъ, Цлтнъ. II. 5.
Мусинъ-Пушкинъ, II. И. I. 77.
Мурзинъ. I. 77.
Муфель. II. 408.
Мясной. II. 156—160.

Нагаевъ, С. II. 345.
Надревичъ, А. II. 291, 292.
Наполеонъ I, II. 401. 403.
Нарышкина I. 76.
Нарышкина, Марья. II. 294.
Нарышкинъ. I. 83.
Нарышкинъ, Алдръ Алекс. II. 310.
Нарышкинъ, Алдръ Льв. II. 51, 64, 72, 325.
Нарышкинъ, Смн. II. 212, 214, 262.
Нарышкинъ. II. 384.
Настасья, гудошница. I. 73.
Наталія Алексѣевна, великая княгиня, II. 400.
Наталія Алексѣевна, царевна. I. 50—54 57, 86.
Наталья Петровна, цесаревна. I. 59, 75, 382.
Наумовъ, Ивнъ. II. 9.
Наумъ. II. 54.
Нащинскій, Давидъ. I. 3.
Нащокинъ. II. 345.
Нащокинъ, Воинъ Вас. II. 404, 405.
Нащокинъ, Ивнъ. II. 9.
Невзоровъ, Мксм. II. 84.
Негребецкій, Павелъ. I. 30.
Нелединскій-Мелецкій, II. 79.
Несвитскій, князь. II. 63.
Нехачинъ, Ив. II. 84.
Никитина, У. I. 55.
Николай свящ. II. 130.
Николай I, императоръ. II. 113, 114, 118, 398, 400, 401.
Николай Николаевичъ, великій князь. II. 399.
Николевъ, Нклй Петр. II. 84.
Новосильцевъ, Нклй Ник. II. 74.
Новосильцовъ, Вслй. II. 5. 9.
Нолькенъ. II. 387.
Норденфлихтъ. II. 385.
Норрисъ. I. 81.
Носовъ. II. 92.

Овцынъ, Д. II. 165—167, 170.
Ожогинъ. II. 92.
Олсуфьевъ, Адмъ Вас. II. 310.
Олсуфьевъ, Мтвй. II. 5.
Ольховскій, II. 87.
Орликовна. II. 210. 281.
Орликъ. II. 210, 281.
Орлова, графиня. II. 76.
Орловъ, Чесменскій, графъ Алексѣй Гр. I. 39. II. 51, 63, 71—74, 124, 139, 140—142, 147, 392, 407.
Орловъ, графъ (князь) Алексѣй Өед. II. 400, 402, 403.
Орловъ, графъ Григорій Григ. II. 139—141, 143.
Остафьевъ, Гр. II. 10.
Остерманъ, графъ Андрій Ив. I. 62, 69, 70, 73, 74, 89. II. 10, 11, 365, 367, 369, 370, 374, 376—378, 400.
Остерманъ, графъ Иванъ Андр. II. 72, 74, 325, 400.
Остерманъ, графъ Өдръ Андр. II. 72.
Отрошкевичъ, II. II. 284.
Офенбергъ. II. 60
Охлестышевъ. II. 79.

П—въ, II. II. 147.
Павелъ, архіеп. Ярославскій. II. 63, 89.
Павелъ I, императоръ. II. 80, 83, 102, 103, 109, 317, 329—333, 404, 405.
Павловъ, Ивнъ. II. 226, 303.
Павловъ, Мхлъ. II. 9.
Падуровъ. II. 407.
Пайркеръ, Тмсъ. II, 62, 82, 93.
Паликала. I. 55.
Паликала, Лавра. I. 71.
Палицынъ, Авраамъ. II, 81.
Палласъ. II. 60.
Пальмерстонъ, лордъ. II. 400, 401.
Панинъ, графъ, Нкта Ив. I. 46. II. 332—334.
Панинъ, графъ Нкта Петр. II. 73, 140.
Панинъ, графъ Петръ Ив. II. 359.
Папа-Ангели, Нклй. II. 93.
Папазоли. II. 142, 143.
Папа-Огли. II. 140, 142.
Парротъ. II. 398.
Парсаданъ-Минигарь-Андроникъ. II. 9
Пассекъ. II. 72.
Пассекъ. II. 312, 313.

Мишуковъ. I. 77.
Михайлова, Авдотья. II. 189.
Михалевскій, И. II. 165, 170.
Михельсонъ, Ив. Ив. II. 72, 408.
Могила, Петръ. I. 24.
Моисеевъ, Андрій. II. 215, 217, 233, 234, 242—244, 288, 289, 300, 303.
Монсъ. I. 69.
Моравскій, графъ. II. 71.
Мордвинова, Авд. Як. II. 132.
Мордвиновъ, С. И. I. 85. 86.
Морковъ, графъ Аркадій Петр. II. 321, 322, 326—329.
Мосцанъ. II. 86.
Мошковы, II. и В. I. 55.
Мошковъ. II. 191.
Муравьевъ. II. 402.
Мусина-Пушкина-Брюсъ, графиня. II. 63.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ. II. 2.
Мусинъ-Пушкинъ, Цлтнъ. II. 5.
Мусинъ-Пушкинъ, II. И. I. 77.
Мурзинъ. I. 77.
Муфель. II. 408.
Мясной. II. 156—160.

Нагаевъ, С. II. 345.
Надревичъ, А. II. 291, 292.
Наполеонъ I, II. 401. 403.
Нарышкина I. 76.
Нарышкина, Марья. II. 294.
Нарышкинъ. I. 83.
Нарышкинъ, Алдръ Алекс. II. 310.
Нарышкинъ, Алдръ Льв. II. 51, 64, 72, 325.
Нарышкинъ, Смн. II. 212, 214, 262.
Нарышкинъ. II. 384.
Настасья, гудошница. I. 73.
Наталія Алексѣевна, великая княгиня, II. 400.
Наталія Алексѣевна, царевна. I. 50—54 57, 86.
Наталья Петровна, цесаревна. I. 59, 75, 382.
Наумовъ, Ивнъ. II. 9.
Наумъ. II. 54.
Нащинскій, Давидъ. I. 3.
Нащокинъ. II. 345.
Нащокинъ, Воинъ Вас. II. 404, 405.
Нащокинъ, Ивнъ. II. 9.
Невзоровъ, Мксм. II. 84.
Негребецкій, Павелъ. I. 30.
Нелединскій-Мелецкій, II. 79.
Несвитскій, князь. II. 63.
Нехачинъ, Ив. II. 84.
Никитина, У. I. 55.
Николай свящ. II. 130.
Николай I, императоръ. II. 113, 114, 118, 398, 400, 401.
Николай Николаевичъ, великій князь. II. 399.
Николевъ, Нклй Петр. II. 84.
Новосильцевъ, Нклй Ник. II. 74.
Новосильцовъ, Вслй. II. 5. 9.
Нолькенъ. II. 387.
Норденфлихтъ. II. 385.
Норрисъ. I. 81.
Носовъ. II. 92.

Овцынъ, Д. II. 165—167, 170.
Ожогинъ. II. 92.
Олсуфьевъ, Адмъ Вас. II. 310.
Олсуфьевъ, Мтвй. II. 5.
Ольховскій, II. 87.
Орликовна. II. 210. 281.
Орликъ. II. 210, 281.
Орлова, графиня. II. 76.
Орловъ, Чесменскій, графъ Алексѣй Гр. I. 39. II. 51, 63, 71—74, 124, 139, 140—142, 147, 392, 407.
Орловъ, графъ (князь) Алексѣй Өед. II. 400, 402, 403.
Орловъ, графъ Григорій Григ. II. 139—141, 143.
Остафьевъ, Гр. II. 10.
Остерманъ, графъ Андрій Ив. I. 62, 69, 70, 73, 74, 89. II. 10, 11, 365, 367, 369, 370, 374, 376—378, 400.
Остерманъ, графъ Иванъ Андр. II. 72, 74, 325, 400.
Остерманъ, графъ Өдръ Андр. II. 72.
Отрошкевичъ, II. II. 284.
Офенбергъ. II. 60
Охлестышевъ. II. 79.

П—въ, II. II. 147.
Павелъ, архіеп. Ярославскій. II. 63, 89.
Павелъ I, императоръ. II. 80, 83, 102, 103, 109, 317, 329—333, 404, 405.
Павловъ, Ивнъ. II. 226, 303.
Павловъ, Мхлъ. II. 9.
Падуровъ. II. 407.
Пайркеръ, Тмсъ. II, 62, 82, 93.
Паликала. I. 55.
Паликала, Лавра. I. 71.
Палицынъ, Авраамъ. II, 81.
Палласъ. II. 60.
Пальмерстонъ, лордъ. II. 400, 401.
Панинъ, графъ, Нкта Ив. I. 46. II. 332—334.
Панинъ, графъ Нкта Петр. II. 73, 140.
Панинъ, графъ Петръ Ив. II. 359.
Папа-Ангели, Нклй. II. 93.
Папазоли. II. 142, 143.
Папа-Огли. II. 140, 142.
Парротъ. II. 398.
Парсаданъ-Минигарь-Андроникъ. II. 9
Пассекъ. II. 72.
Пассекъ. II. 312, 313.

Паскевичъ, князь И. Ѳ. II. 120.
Пафнутій, монахъ. I. 31.
Пашковъ, Ивнъ. II. 9.
Пашковъ. II. 156.
Пезаровіусъ. II. 57, 92.
Пекарскій, П. П. 6, 7, 11, 13, 15, 16, 25, 26, 30.
Перфильевъ. II. 407.
Петерсонъ. II. 34.
Петрова, Авдотья. II. 189.
Петрова, Мавра. II. 189.
Петровъ, А. II. 140, 142.
Петровъ, Петръ Ник. I. 89, 379.
Петровъ, Симъ. II. 160—162, 164—167, 169—172.
Петръ Алексѣевичъ, царевичъ. I. 57. 82.
Петръ Петровичъ, царевичъ. I. 57—60.
Петръ I, императоръ. I. 2, 5—9, 11—14, 25, 26, 29, 31, 49—59, 61—64, 66, 68, 70—75, 83, 88, 89. II. 128, 142—144, 174, 177, 198, 205, 230, 238, 268, 283. 365, 374, 378, 379, 381, 383, 388.
Петръ II, императоръ. I. 15, 16. II. 10, 11, 13, 152, 153, 162—164, 167 — 169, 174, 175, 192, 390.
Петръ III, императоръ. I. 49, 87. I. 56, 79, 124. 141, 333, 356, 404, 406.
Петцольдъ. II. 333.
Пирардъ. II. 301.
Питиримъ, архимандритъ Нижегородскій. I. 88, 89.
Питтъ. II. 105, 108.
Пій VII, папа. II. 60, 86.
Плавильщиковъ, П. А. II. 84, 91, 92.
Плате. I. 78.
Платовъ. II. 73.
Платонъ, архіеп. Тверской. II. 129, 130, 131.
Платонъ, митр. Московскій. II. 63, 67, 72, 80, 84, 85, 89.
Плещеевъ, А. II. 149.
Плещеевъ, Ивнъ. II. 5.
Повало-Швайковскій, Юр. II. 209.
Подшиваловъ. II. 48.
Покровскій, Ѳ. II. 83.
Полозовъ, Алдръ. I. 55.
Полонскій, Нклай. II. 9.
Полонскій, Ѳдръ. II. 9.
Померанцева-Синявская. II. 92.
Померанцевъ. II. 91, 92.
Пономаревъ. II. 92.
Понсоби, лордъ. II. 402, 403.
Поповъ. II. 84.
Поповъ, В. С. II. 73.
Поповъ, Н. А. II. 1, 2.
Порошинъ, С. А. II. 331, 333—335.
Поспѣлова, Марья. II. 84.
Поспѣловъ, Мишка. II. 73.
Потемкинъ, Алдръ. II. 198, 199, 202 — 205, 207, 208, 210, 211, 213, 215, 218, 221, 224, 225, 227, 230, 231, 233 — 235, 238, 239, 241 — 243, 260, 261, 267, 269 — 271, 275 — 277, 286, 295, 297.
Потемкинъ, Вадмръ Дем. II. 209, 228.
Потемкинъ, Дмнъ Ден. II. 209, 222, 224, 225, 227, 255, 290, 291.
Потемкинъ, Иванъ. II. 209.
Потемкинъ, Измлъ. II. 209.
Потемкинъ, Илья. II. 209.
Потемкинъ, Мхлъ Дем. II. 228.
Потемкинъ, Нклай, II. 228, 240, 262, 266, 289, 290—292, 301.
Потемкинъ, Петръ Серг. II. 407.
Потемкинъ, Яквъ Вас. II. 209, 228.
Потемкинъ, Ѳдръ Ив. II. 228.
Потемкинъ-Таврическій, князь Г. II. 73, 103, 406.
Потоцкій, графъ. II. 73.
Потоцкій, Фрицшка. II. 214—218, 221 — 223, 230, 233, 234, 237, 239, 241 — 249, 251, 262, 263, 271 274 — 279, 284, 284, 289—292, 294. 295, 301.
Похвисневъ, Ив. II. 84.
Похвисневъ, Яквъ. II. 85.
Прасковья Ѳеодоровна, царица. I. 52, 53, 57, 58.
Пребышевскій, А. II. 195, 196, 200, 201, 210, 212, 228, 229, 237, 266. 282 — 285, 290, 291, 293, 297—299, 301.
Приклонскій, Павлъ. II. 58, 83.
Прозоровская, княгиня. II. 63, 79.
Прозоровскій, князь Адръ. Алекс. II. 73.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ. I. 1 — 16, 19. 20—25, 28—31, 33—35, 59, 75.
Прокудинъ-Горскій, Мхлъ. II. 83.
Протасова. II. 67.
Пугачевъ. II. 404 406—408.
Пулавскій, II. 407.
Пушкинъ, Алдръ Серг. II. 404.
Пырскій, И. II. 21, 24.
Пырскій, С. II. 157.
Пьяновъ, Д. II. 406.

Р—ій, II. 83.
Рагузинскій, графъ С. В. I. 71.
Радзивиллъ, князь, II. 58.
Радклиффъ, II. 93.
Раевскій, Александръ, II. 9.
Раевскій, Ѳдръ, II. 217—219, 222, 225, 227, 233—235, 245, 254, 287.
Развозовъ, Симъ, II. 57.
Раздеришинъ, Алдръ, II. 85.
Разумовская, графиня Авдотья Дан. II. 332.
Разумовскіе, графы, II. 332, 333.
Разумовскій, графъ Алексѣй Григ. II. 332.
Разумовскій, графъ Алексѣй Кир. II. 60, 72.
Разумовскій, графъ Дмло Гр. II. 332.

Паскевичъ, князь И. Ѳ. II. 120.
Пафнутій, монахъ. I. 31.
Пашковъ, Ивнъ. II. 9.
Пашковъ. II. 156.
Пезаровіусъ. II. 57, 92.
Пекарскій, П. П. 6, 7, 11, 13, 15, 16, 25, 26, 30.
Перфильевъ. II. 407.
Петерсонъ. II. 34.
Петрова, Авдотья. II. 189.
Петрова, Мавра. II. 189.
Петровъ, А. II. 140, 142.
Петровъ, Петръ Ник. I. 89, 379.
Петровъ, Симъ. II. 160—162, 164—167, 169—172.
Петръ Алексѣевичъ, царевичъ. I. 57. 82.
Петръ Петровичъ, царевичъ. I. 57—60.
Петръ I, императоръ. I. 2, 5—9, 11—14, 25, 26, 29, 31, 49—59, 61—64, 66, 68, 70—75, 83, 88, 89. II. 128, 142—144, 174, 177, 198, 205, 230, 238, 268, 283. 365, 374, 378, 379, 381, 383, 388.
Петръ II, императоръ. I. 15, 16. II. 10, 11, 13, 152, 153, 162—164, 167 — 169, 174, 175, 192, 390.
Петръ III, императоръ. I. 49, 87. I. 56, 79, 124. 141, 333, 356, 404, 406.
Петцольдъ. II. 333.
Пирардъ. II. 301.
Питиримъ, архимандритъ Нижегородскій. I. 88, 89.
Питтъ. II. 105, 108.
Пій VII, папа. II. 60, 86.
Плавильщиковъ, П. А. II. 84, 91, 92.
Плате. I. 78.
Платовъ. II. 73.
Платонъ, архіеп. Тверской. II. 129, 130, 131.
Платонъ, митр. Московскій. II. 63, 67, 72, 80, 84, 85, 89.
Плещеевъ, А. II. 149.
Плещеевъ, Ивнъ. II. 5.
Повало-Швайковскій, Юр. II. 209.
Подшиваловъ. II. 48.
Покровскій, Ѳ. II. 83.
Половцовъ, Алдръ. I. 55.
Полонскій, Нклай. II. 9.
Полонскій, Ѳдръ. II. 9.
Померанцева-Синявская. II. 92.
Померанцевъ. II. 91, 92.
Пономаревъ. II. 92.
Понсоби, лордъ. II. 402, 403.
Поповъ. II. 84.
Поповъ, В. С. II. 73.
Поповъ, Н. А. II. 1, 2.
Порошинъ, С. А. II. 331, 333—335.
Поспѣлова, Марья. II. 84.
Поспѣловъ, Мишка. II. 73.
Потемкинъ, Алдръ. II. 198, 199, 202 — 205, 207, 208, 210, 211, 213, 215, 218, 221, 224, 225, 227, 230, 231, 233 — 235, 238, 239, 241 — 243, 260, 261, 267, 269 — 271, 275 — 277, 286, 295, 297.
Потемкинъ, Вадмръ Дем. II. 209, 228.
Потемкинъ, Дмнъ Ден. II. 209, 222, 224, 225, 227, 255, 290, 291.
Потемкинъ, Иванъ. II. 209.
Потемкинъ, Измлъ. II. 209.
Потемкинъ, Илья. II. 209.
Потемкинъ, Мхлъ Дем. II. 228.
Потемкинъ, Нклай, II. 228, 240, 262, 266, 289, 290—292, 301.
Потемкинъ, Петръ Серг. II. 407.
Потемкинъ, Яквъ Вас. II. 209, 228.
Потемкинъ, Ѳдръ Ив. II. 228.
Потемкинъ-Таврическій, князь Г. II. 73, 103, 406.
Потоцкій, графъ. II. 73.
Потоцкій, Фрицшка. II. 214—218, 221 — 223, 230, 233, 234, 237, 239, 241 — 249, 251, 262, 263, 271 274 — 279, 284, 284, 289—292, 294. 295, 301.
Похвисневъ, Ив. II. 84.
Похвисневъ, Яквъ. II. 85.
Прасковья Ѳеодоровна, царица. I. 52, 53, 57, 58.
Пребышевскій, А. II. 195, 196, 200, 201, 210, 212, 228, 229, 237, 266. 282 — 285, 290, 291, 293, 297—299, 301.
Приклонскій, Павлъ. II. 58, 83.
Прозоровская, княгиня. II. 63, 79.
Прозоровскій, князь Адръ. Алекс. II. 73.
Проколовичъ, Ѳеофанъ. I. 1 — 16, 19. 20—25, 28—31, 33—35, 59, 75.
Прокудинъ-Горскій, Мхлъ. II. 83.
Протасова. II. 67.
Пугачевъ. II. 404 406—408.
Пулавскій, II. 407.
Пушкинъ, Алдръ Серг. II. 404.
Пырскій, И. II. 21, 24.
Пырскій, С. II. 157.
Пьяновъ, Д. II. 406.

Р—ій, II. 83.
Рагузинскій, графъ С. В. I. 71.
Радзивиллъ, князь, II. 58.
Радклиффъ, II. 93.
Раевскій, Александръ, II. 9.
Раевскій, Ѳдръ, II. 217—219, 222, 225, 227, 233—235, 245, 254, 287.
Развозовъ, Симъ, II. 57.
Раздеришинъ, Алдръ, II. 85.
Разумовская, графиня Авдотья Дан. II. 332.
Разумовскіе, графы, II. 332, 333.
Разумовскій, графъ Алексѣй Григ. II. 332.
Разумовскій, графъ Алексѣй Кир. II. 60, 72.
Разумовскій, графъ Дмло Гр. II. 332.

Разумовскій, графъ Кирилъ Григ. II 96, 97, 99, 310.
Райковъ, II. 92.
Рамбуръ, С. I. 56.
Растопчинъ, графъ, Ѳдръ Вас. II. 102, 103, 111, 328.
Реадъ, II. 225.
Ребиндеръ, I. 37.
Ренинсдорпъ, II. 85.
Рейнсдорпъ, II. 404, 408.
Рейхартъ, II. 34, 38.
Ржевскій, Адръ. II 9.
Ридванскій, Антнъ, II. 209.
Риддеръ, II. 343.
Риссъ, II. 85.
Рицкъ, фонъ Е. В. II. 394.
Ровандъ, Д. II. 93.
Ро-в-скій, II. 83.
Рогозинъ, II. 161, 165, 170.
Родзянко, Смнъ. II. 57, 83.
Родышевскій, Маркеллъ, I. 10, 13, 15, 16, 29.
Романовы, царствующій домъ, II. 369.
Рондо, леди. II. 1.
Ронжевскій, II. 314.
Рославлевы, II. 95.
Ростовцевъ, графъ Я. И. II. 399.
Румянцевъ, Алксндръ. I. 61. II. 9.
Румянцевъ, графъ Нклй Петр. II. 64, 73.
Румянцевъ, Петръ Алдр. II. 407.
Румянцевъ, Петръ, подпор. II. 156.
Румянцевъ, графъ С. II. 321, 322.
Руссенъ, баронъ, II. 402.
Рушбруръ, Р. II. 62, 82, 93.
Рычковъ, II. 406.

Сабуровъ, А. Ѳ. 51.
Савеловы, II. 51.
Савеловъ, Автмнъ, II. 9.
Савинъ, II. 79.
Сазоновъ, А. II. 54.
Саліерій, II. 90.
Салтыковъ, графъ. I. 159, 160, 188.
Салтыковъ, Петръ, II. 9.
Салтыковъ, Смнъ. I. 85. II. 9. 368, 369, 371—378.
Самаринъ, Ю. Ѳ. I. 6.
Самойловъ, графъ Алдръ Нкл. II. 78, 325.
Сандунова, II. 91, 92.
Сандуновъ, II. 92.
Сапѣга, графъ, I. 81.
Сапѣга, князь, II. 73.
Сахарова-Синявская. II. 92.
Сахаровъ. II. 92.
Свиньинъ, Петръ Серг. II. 73.
Севергинъ. II. 58.
Сегренъ. II. 398.
Секіотовъ, Серг. II. 9.
Сельскій, И. II. 195, 196.
Селявинъ, Нклй. II. 58, 83.
Семевскій, М. И. II. 331.
Семеновъ, Григорій. II. 307.
Сенявинъ. II. 382.
Сенявинъ, Иванъ Мих. I. 73, 85.
Серафимъ, еписк. Московскій. II. 61, 89.
Сердюковъ, Ив. II. 160.
Симонъ, архіеп. Рязанскій. II. 61.
Синявская, Д. I. 55.
Сипягинъ, Н. В. II. 64.
Сиркенфертскій (Цвейбриккенскій), принцъ. II. 384.
Скавронскій. II. 115.
Скобелевъ, И. Н. II. 396.
Скрыплевъ. II. 149.
Смирновъ. II. 88.
Смолинъ, А. И. II. 123, 124, 129, 130, 131, 133—138.
Соковнинъ, Нкта. II. 9.
Соколинская, Розалія, княгиня. II. 291, 301.
Соколинскій, Бгднъ, князь. II. 209, 291, 301.
Соколинскій, Дитрй. II. 209.
Соколинскій, Мхлъ. II. 209.
Соколинскій, Нклй. II. 209.
Соловьевъ, С. М. II. 1, 2, 142, 152, 360.
Соломонй. II. 90, 91.
Соркомарцъ. II. 32.
Соссе. II. 85.
Сохацкій, Павлъ Аѳн. II. 48, 62.
Сталь. II. 21, 24.
Стакельбергъ, графъ. II. 318, 321.
Станишевскій. II. 242, 243, 276, 295.
Стедингъ, графъ. II. 320, 323, 328.
Стенбокъ, графъ. II. 321.
Степанова, С. 55.
Стороженковъ. II. 87.
Строгоновъ. II. 51.
Строгоновъ, графъ. II. 325.
Ступишинъ, И. В. II. 358.
Суворова-Рымникская, графиня Италійская княгиня. II. 63.
Суворовъ, Алдръ Вас. II. 52, 73, 108, 109, 404, 407.
Суворовъ, Всл. Ив. II. 96—100.
Суворовъ, В. II. 161, 168, 171.
Сукинъ, Смнъ. I. 77. II. 5, 9.
Сумароковъ, Адръ Петр. II. 356.
Сумароковъ, Павлъ. II. 90, 92.
Сумароковъ, Петръ Панкр. II. 356.
Сумароковъ, Петръ Спир. II. 356—359, 366.
Сусанинъ, И. II. 395.
Сухотинъ, Мхлъ. II. 5, 9.
Сѣченовъ, Димитрій, митр. Новгородскій. II. 335.
Сюдерманландскій, герцогъ Карлъ, II. 319, 320.

Разумовскій, графъ Кр.лъ Григ. II 96, 97, 99, 310.
Райковъ, II. 92.
Рамбуръ, С. I. 56.
Растопчинъ, графъ, Ѳдръ Вас. II. 102, 103, 111, 328.
Реадъ, II. 225.
Ребиндеръ, I. 37.
Ренинсдорпъ, II. 85.
Рейнсдорпъ, II. 404, 408.
Рейхартъ, II. 34, 38.
Ржевскій, Адръ. II 9.
Ридванскій, Антнъ, II. 209.
Риддеръ, II. 343.
Риссъ, II. 85.
Рицкъ, фонъ Е. В. II. 394.
Рованд'ъ, Д. II. 93.
Ро-в-скій, II. 83.
Рогозинъ, II. 161, 165, 170.
Родзянко, Смнъ. II. 57, 83.
Родышевскій, Маркелл'ъ, I. 10, 13, 15, 16, 29.
Романовы, царствующій домъ, II. 369.
Рондо, леди. II. 1.
Ронжевскій, II. 314.
Рославлевы, II. 95.
Ростовцевъ, графъ Я. И. II. 399.
Румянцевъ, Алксндръ. I. 61. II. 9.
Румянцевъ, графъ Нкл.й Петр. II. 64, 73.
Румянцевъ, Петръ Алдр. II. 407.
Румянцевъ, Петръ, подпор. II. 156.
Румянцевъ, графъ С. II. 321, 322.
Руссенъ, баронъ, II. 402.
Рушбруръ, Р. II. 62, 82, 93.
Рычковъ, II. 406.

Сабуровъ, А. Ѳ. 51.
Савеловы, II. 51.
Савеловъ, Автнъ, II. 9.
Савинъ, II. 79.
Сазоновъ, А. II. 54.
Саліерій, II. 90.
Салтыковъ, графъ. I. 159, 160, 188.
Салтыковъ, Петръ, II. 9.
Салтыковъ, Смнъ. I. 85. II. 9. 368, 369, 371—378.
Самаринъ, Ю. Ѳ. I. 6.
Самойловъ, графъ Алдръ Нкл. II. 78, 325.
Сандунова, II. 91, 92.
Сандуновъ, II. 92.
Сапѣга, графъ, I. 81.
Сапѣга, князь, II. 73.
Сахарова-Синявская. II. 92.
Сахаровъ. II. 92.
Свиньинъ, Петръ Серг. II. 73.
Севергинъ. II. 58.
Сегренъ. II. 398.
Секіотовъ, Серг. II. 9.
Сельскій, И. II. 195, 196.
Селявинъ, Нкл.й. II. 58, 83.
Семевскій, М. И. II. 331.
Семеновъ, Григорій. II. 307.
Сенявинъ. II. 382.
Сенявинъ, Иванъ Мих. I. 73, 85.
Серафимъ, еписк. Московскій. II. 61, 89.
Сердюковъ, Ив. II. 160.
Симонъ, архіеп. Рязанскій. II. 61.
Синявская, Д. I. 55.
Сипягинъ, Н. В. II. 64.
Сиркенфертскій (Цвейбриккенскій), принцъ. II. 384.
Скавронскій. II. 115.
Скобелевъ, И. Н. II. 396.
Скрыплевъ. II. 149.
Смирновъ. II. 88.
Смолинъ, А. И. II. 123, 124, 129, 130, 131, 133—138.
Соковнинъ, Нкта. II. 9.
Соколинская, Розалія, княгиня. II. 291, 301.
Соколинскій, Бгднъ, князь. II. 209, 291, 301.
Соколинскій, Дитрй. II. 209.
Соколинскій, Мхлъ. II. 209.
Соколинскій, Нкл.й. II. 209.
Соловьевъ, С. М. II. 1, 2, 142, 152, 360.
Соломонй. II. 90, 91.
Соркомарцъ. II. 32.
Соссе. II. 85.
Сохацкій, Павл' Аѳн. II. 48, 62.
Сталь. II. 21, 24.
Стакельбергъ, графъ. II. 318, 321.
Станишевскій. II. 242, 243, 276, 295.
Стединг'ъ, графъ. II. 320, 323, 328.
Стенбокъ, графъ. II. 321.
Степанова, С. 55.
Стороженковъ. II. 87.
Строгоновъ. II. 51.
Строгоновъ, графъ. II. 325.
Ступишинъ, И. В. II. 358.
Суворова-Рымникская, графиня Италійская княгиня. II. 63.
Суворовъ, Алдръ Вас. II. 52, 73, 108, 109, 404, 407.
Суворовъ, Всл. Ив. II. 96—100.
Суворовъ, В. II. 161, 168, 171.
Сукинъ, Смнъ. I. 77. II. 5, 9.
Сумароковъ, Адръ Петр. II. 356.
Сумароковъ, Павл'ъ. II. 90, 92.
Сумароковъ, Петръ Панкр. II. 356.
Сумароковъ, Петръ Спир. II. 356—359, 366.
Сусанинъ, И. II. 395.
Сухотинъ, Мхлъ. II. 5, 9.
Сѣченовъ, Димитрій, митр. Новгородскій. II. 335.
Сюдерманландскій, герцогъ Карлъ, II. 319, 320.

Талановъ. II. 353.
Талызина, Ирина Ильин. II. 347.
Талызинъ, Ив. Л. II. 310, 347.
Танѣевъ. I. 77.
Таракановъ, Алексѣй. II. 5, 9.
Тарасій, патріархъ. I. 24.
Татищевъ, Никй Алекс. II. 64, 73.
Татищевъ, В. Н. II. 1, 2, 9.
Таубе, баронъ. II. 319.
Таушевъ, А. Ѳ. II. 84.
Тверитиновъ. I. 25.
Текелли. II. 39, 43.
Тепловъ, Г. Н. II. 307—309.
Тессинъ, графъ. I. 79.
Тимашевъ. II. 80.
Тимирязевъ, И. Н. II. 358.
Тишинъ, О. 160—162, 164—171, 191, 192.
Толстая, Аннсья Кирилл. I. 50—53, 58.
Толстой. I. 10.
Толстой, графъ. I. 73.
Толстой, графъ. I. 174.
Томсенъ. I. 75.
Тредіаковскій, В. К. II. 54.
Трейденъ, фонъ. II. 147, 148.
Трубецкой, князь Никта Юрьев. II. 9, 391.
Трубецкой, князь С. Н. II. 56.
Трубецкой, князь Ю. Н. II. 79.
Тугутъ, II. 105, 108.
Тургеневъ, Никй Ив. II. 360, 274, 375.
Тургеневъ, Рмнъ. II. 9.
Тюфякинъ, князь. II. 71.

Урусова, княжна Екатрна. II. 84.
Урусовъ, князь. 406.
Усовъ, Андрй. II. 9.
Устинья Петровна, II. 407.
Устряловъ, Н. I. 30.
Ушаковъ, Андрй Ив. II. 5, 9, 172, 195, 210, 220, 223, 276.
Ушаковъ, Ѳдръ. II. 9, 155, 161, 165, 167, 168, 170, 171.

Фалѣевъ, Дм. II. 89.
Фандербекъ. I. 4.
Фенелонъ. II. 93.
Ферманъ. II. 206.
Ферморъ, графъ В. В. II. 310.
Фикъ, фонъ. II. 155.
Филаретъ Черниговскій. I. 16, 21.
Флемингъ. II. 93.
Флемингъ, графъ. II. 328.
Флодинъ. II. 327.
Флорковскій. II. 94.
Фокъ. II. 313.
Фраманъ. II. 92.
Фрейманъ. II. 408.
Фрейтагъ. II. 312, 315.
Фридманъ. II. 85.
Фридрихъ Великій. II. 108, 331.
Фюрстенбергъ. II. 333.

Ханыковъ, Петръ. II. 9.
Харбортъ. II. 93.
Харловъ. II. 404.
Хвостовъ, графъ Д. И. II. 73.
Хвостовъ, Мхлъ. II. 10.
Херасковъ, Мхлъ Матв. II. 48, 58, 62, 73, 83.
Хитрово. II. 95.
Хитрово, Адръ. II. 9.
Хитрово, Петръ. II. 9.
Хитровъ. II. 79.
Хованская, княгиня. II. 79.
Хованская, княгиня. II. 160.
Хомутовъ, Гргрій Аполл. II. 57.
Хорватъ. II. 64.
Храповицкій, Дмнъ. II. 209.
Храповицкій, Юрій. II. 209.
Храпченко. II. 403.
Христіано, Т. II. 93.
Хрущовъ, Алексѣй. II. 97—99.
Хрущовъ, Ивнъ. II. 220, 225, 262.
Хрущовъ, Никй. II. 57.
Хрущовъ, Петръ. II. 97—100.
Хрущовы. II. 95.

Цедеркрейцъ. II. 387.
Цицлеръ. II. 137.
Циммерманъ. II. 85.
Цицеронъ. I. 23, 28.

Чарторижскій, князь Адамъ. II. 72, 115, 116.
Чеботаревъ. II. 62.
Чебышевъ, П. П. I. 48.
Чебышевъ. II. 129.
Чевакинскій. II. 333.
Черкасовъ, баронъ Алдръ Ив. II. 310, 311.
Черкасовъ, баронъ Ивнъ Ант. II. 383.
Черкасская, княгиня Анна Ив. II. 293.
Черкасскій, князь Алксдръ Андр. II. 9, 194—197, 201, 204, 206, 208, 211, 214—219, 221—236, 240—247, 249—306.
Черкасскій, князь Алексѣй Мих. II. 2, 5, 8, 9, 150, 194, 205, 367, 368, 370—372, 374.
Черкасскій, князь Петръ. II. 9.
Чернышевъ, графъ Гргрій Петр. II. 5, 9.
Чернышевъ, графъ Зхръ Гр. II. 310.
Чернышевъ, графъ Ив. Гр. I. 39, 40, 405.
Чертковъ. II. 358, 359.
Чистовичъ. I. 1, 4, 7, 9, 10, 12, 28, 29, 31.

Талановъ. II. 353.
Талызина, Ирина Ильин. II. 347.
Талызинъ, Ив. Л. II. 310, 347.
Танѣевъ. I. 77.
Тараканов, Алексѣй. II. 5, 9.
Тарасій, патріархъ. I. 24.
Татищевъ, Нклй Алекс. II. 64, 73.
Татищевъ, В. Н. II. 1, 2, 9.
Таубе, баронъ. II. 319.
Таушевъ, А. Ѳ. II. 84.
Тверитиновъ. I. 25.
Текелли. II. 39, 43.
Тепловъ, Г. Н. II. 307—309.
Тессинъ, графъ. I. 79.
Тимашевъ. II. 80.
Тимирязевъ, И. Н. II. 358.
Тишинъ, О. 160—162, 164—171, 191, 192.
Толстая, Аннсья Кирилл. I. 50—53, 58.
Толстой. I. 10.
Толстой, графъ. I. 73.
Толстой, графъ. I. 174.
Томсенъ. I. 75.
Тредіаковскій, В. К. II. 54.
Трейденъ, фонъ. II. 147, 148.
Трубецкой, князь Нкта Юрьев. II. 9, 391.
Трубецкой, князь С. Н. II. 56.
Трубецкой, князь Ю. Н. II. 79.
Тугутъ, II. 105, 108.
Тургеневъ, Нклй Ив. II. 360, 274, 375.
Тургеневъ, Рмнъ. II. 9.
Тюфякинъ, князь. II. 71.

Урусова, княжна Екатрна. II. 84.
Урусовъ, князь. 406.
Усовъ, Андрй. II. 9.
Устинья Петровна, II. 407.
Устряловъ, Н. I. 30.
Ушаковъ, Андрй Ив. II. 5, 9, 172, 195, 210, 220, 223, 276.
Ушаковъ, Ѳдръ. II. 9, 155, 161, 165, 167, 168, 170, 171.

Фалѣевъ, Дм. II. 89.
Фандербекъ. I. 4.
Фенелонъ. II. 93.
Ферманъ. II. 206.
Ферморъ, графъ В. В. II. 310.
Фикъ, фонъ. II. 155.
Филаретъ Черниговскій. I. 16, 21.
Флемингъ. II. 93.
Флемингъ, графъ. II. 328.
Флодинъ. II. 327.
Флорковскій. II. 94.
Фокъ. II. 313.
Фравманъ. II. 92.
Фрейманъ. II. 408.
Фрейтагъ. II. 312, 315.
Фридманъ. II. 85.
Фридрихъ Великій. II. 108, 331.
Фюрстенбергъ. II. 333.

Ханыковъ, Петръ. II. 9.
Харбортъ. II. 93.
Харловъ. II. 404.
Хвостовъ, графъ Д. И. II. 73.
Хвостовъ, Мхлъ. II. 10.
Херасковъ, Мхлъ Матв. II. 48, 58, 62, 73, 83.
Хитрово. II. 95.
Хитрово, Адръ. II. 9.
Хитрово, Петръ. II. 9.
Хитровъ. II. 79.
Хованская, княгиня. II. 79.
Хованская, княгиня. II. 160.
Хомутовъ, Гргрій Аполл. II. 57.
Хорватъ. II. 64.
Храповицкій, Дмнъ. II. 209.
Храповицкій, Юрій. II. 209.
Храпченко. II. 403.
Христіано, Т. II. 93.
Хрущовъ, Алексѣй. II. 97—99.
Хрущовъ, Ивнъ. II. 220, 225, 262.
Хрущовъ, Нклй. II. 57.
Хрущовъ, Петръ. II. 97—100.
Хрущовы. II. 95.

Цедеркрейцъ. II. 387.
Цицлеръ. II. 137.
Циммерманъ. II. 85.
Цицеронъ. I. 23, 28.

Чарторижскій, князь Адамъ. II. 72, 115, 116.
Чеботаревъ. II. 62.
Чебышевъ, П. П. I. 48.
Чебышевъ. II. 129.
Чевакинскій. II. 333.
Черкасовъ, баронъ Алдръ Ив. II. 310, 311.
Черкасовъ, баронъ Ивнъ Ант. II. 383.
Черкасская, княгиня Анна Ив. II. 293.
Черкасскій, князь Алксдръ Андр. II. 9, 194—197, 201, 204, 206, 208, 211, 214—219, 221—236, 240—247, 249—306.
Черкасскій, князь Алексѣй Мих. II. 2, 5, 8, 9, 150, 194, 205, 367, 368, 370—372, 374.
Черкасскій, князь Петръ. II. 9.
Чернышевъ, графъ Гргрій Петр. II. 5, 9.
Чернышевъ, графъ Зхръ Гр. II. 310.
Чернышевъ, графъ Ив. Гр. I. 39, 40, 405.
Чертковъ. II. 358, 359.
Чистовичъ. I. 1, 4, 7, 9, 10, 12, 28, 29, 31.

Чихачевъ, Я. П. 150.
Чичаговъ. I. 36.
Чичерина, графиня. II. 76.
Чоглоковъ. II. 36.
Чубаровъ, Ивнъ. II. 10.

Шаликова, княжна, Александра. II. 58, 83.
Шаликовъ, князь П. И. II. 84.
Шамординъ. II. 213.
Шамиль. II. 312, 313, 315.
Шарлотта-Софія, кронпринцесса. I. 57.
Шатровъ, Никй. II. 58, 84.
Шафировъ. II. 153, 154, 378.
Шаховской, князь Алексй. II. 5.
Шаховской, князь Андрй. II. 10.
Шаховской, князь Яквъ Петр. II. 310.
Швайковскій, Ивнъ. II. 209.
Швайковскій, Мхлъ. II. 209.
Швайковскій, Мхлъ Як. II. 209.
Швайковскій, Яковъ. II. 197, 209, 215, 223, 237.
Шванвичъ. II. 407, 408.
Шварцъ. II. 387.
Шверинъ, графъ. II 320, 321.
Шелагинъ. II. 54.
Шемякинъ, Стпнъ. II. 9.
Шепелева, М. I. 55. 76.
Шепелевъ, Дмтрй. II. 9.
Шепелевъ, Стпнъ. II, 9.
Шепелевъ. II. 406.
Шереметевъ, графъ. II. 34, 38.
Шериданъ. II. 91.
Шетило, И. II. 209.
Шлейницъ, баронъ. I, 77.
Шигаевъ. II. 407.
Шлиппенбахъ. I. 57.
Шпилевскій. II. 227, 255, 302.
Штамбке. I. 70, 83, 84.
Штамкинъ. II. 266.
Штаркъ, баронъ. II. 203, 219, 229, 234, 235, 238, 259, 278, 296.
Штейнъ, баронъ. II. 388.
Штенфихтъ. II. 210.
Шишковскій, Стпнъ. Ив. I. 40, 42, 45, 48. II. 129, 131.
Шишковъ, А. С. II. 13.
Шубинъ, А. Я. II. 146—151, 191.
Шуваловъ, графъ Адръ. Ив. II. 337, 340.
Шуйскій, царь Вслій Ив. II. 13.
Шульгинъ, И. Д. II. 1, 17, 39, 95, 102, 153, 194, 312, 333, 393—396, 399, 400, 404.
Шушеринъ, II. 92.
Шушеринъ, Ѳдръ. II. 9.

Щебальскій, П. К. II. 1, 2, 152.
Щербатова, княгиня. II. 79.
Щербатовъ, князь, М. М. I. 2, 332.
Щербатовъ, князь. II. 72.
Щегловъ, В. II. 191.

Эйтинскій, принцъ Людвигъ. I. 82.
Элеонора-Гедвига, герцогиня Гольштинская, I. 64.
Элеонора-Ульрика, Шведская. I. 64.
Эмме. II. 310.
Энгельгардтъ. II. 73.
Энгельгардтъ, I. фонъ. II. 24, 30.
Эристовъ, князь. II. 64.
Эссенъ. II. 35.
Эхлеръ. II. 234, 278, 296.

Юббазниковъ, Нкта (?). II. 9.
Юррисъ. II. 25.
Юсуповъ, князь. II. 368, 371, 372.
Юсуповъ, князь Брсъ. II. 9.
Юсуповъ, князь Гргрй II. 5, 9.
Юшковъ, Адръ. II. 9.
Юшковъ, Смнъ. II. 10.

Яворскій, Стефанъ. I. 3, 5—9.
Ягужинскій, графъ Павлъ Ив. I. 74, 76, 77. II. 356, 366, 367, 369, 370, 372, 374.
Якушкинъ, Е. И. II. 404.
Языковъ, Д. II. 1.
Языковъ, Д. И. II. 153.
Языковъ, Ивнъ. II. 9.
Янки. II. 29, 31—33, 37.
Яновскій, Ѳеодосій. I. 25, 29.
Янъ. II. 25.

Ѳадѣевъ, М. Л. II. 357.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь. I. 57.
Ѳеофанъ, архимандритъ Псковской. I, 78.
Ѳома, цирюльникъ. I. 25. 31.

Чихачевъ, Я. П. 150.
Чичаговъ. I. 36.
Чичерина, графиня. II. 76.
Чоглоковъ. II. 36.
Чубаровъ, Ивнъ. II. 10.

Шаликова, княжна, Алкеандра. II. 58, 83.
Шаликовъ, князь П. И. II. 84.
Шамординъ. II. 213.
Шамиль. II. 312, 313, 315.
Шарлотта-Софія, кронпринцесса. I. 57.
Шатровъ, Нклй. II. 58, 84.
Шафировъ. II. 153, 154, 378.
Шаховской, князь Алксй. II. 5.
Шаховской, князь Андрй. II. 10.
Шаховской, князь Яквъ Петр. II. 310.
Швайковскій, Ивнъ. II. 209.
Швайковскій, Мхлъ. II. 209.
Швайковскій, Мхлъ Як. II. 209.
Швайковскій, Яковъ. II. 197, 209, 215, 223, 237.
Шванвичъ. II. 407, 408.
Шварцъ. II. 387.
Шверинъ, графъ. II 320, 321.
Шелагинъ. II. 54.
Шемякинъ, Стпнъ. II. 9.
Шепелева, М. I. 55. 76.
Шепелевъ, Дмтрй. II. 9.
Шепелевъ, Стпнъ. II, 9.
Шепелевъ. II. 406.
Шереметевъ, графъ. II. 34, 38.
Шериданъ. II. 91.
Шетило, И. II. 209.
Шлейницъ, баронъ. I, 77.
Шигаевъ. II. 407.
Шлиппенбахъ. I. 57.
Шпилевскій. II. 227, 255, 302.
Штамбке. I. 70, 83, 84.
Штамкинъ. II. 266.
Штаркъ, баронъ. II. 203, 219, 229, 234, 235, 238, 259, 278, 296.
Штейнъ, баронъ. II. 388.
Штенфихтъ. II. 210.
Шишковскій, Стпнъ. Ив. I. 40, 42, 45, 48. II. 129, 131.
Шишковъ, А. С. II. 13.
Шубинъ, А. Я. II. 146—151, 191.
Шуваловъ, графъ Адръ. Ив. II. 337, 340.
Шуйскій, царь Вслій Ив. II. 13.
Шульгинъ, И. Д. II. 1, 17, 39, 95, 102, 153, 194, 312, 333, 393—396, 399, 400, 404.
Шушеринъ, II. 92.
Шушеринъ, Ѳдръ. II. 9.

Щебальскій, П. К. II. 1, 2, 152.
Щербатова, княгиня. II. 79.
Щербатовъ, князь, М. М. I. 2, 332,
Щербатовъ, князь. II. 72.
Щегловъ, В. II. 191.

Эйтинскій, принцъ Людвигъ. I. 82.
Элеонора-Гедвига, герцогиня Гольштинская, I. 64.
Элеонора-Ульрика, Шведская. I. 64.
Эмме. II. 310.
Энгельгардтъ. II. 73.
Энгельгардтъ, I. фонъ. II. 24, 30.
Эристовъ, князь. II. 64.
Эссенъ. II. 35.
Эхлеръ. II. 234, 278, 296.

Юббазниковъ, Нкта (?). II. 9.
Юррисъ. II. 25.
Юсуповъ, князь. II. 368, 371, 372.
Юсуповъ, князь Брсъ. II. 9.
Юсуповъ, князь Гргрй II. 5, 9.
Юшковъ, Адръ. II. 9.
Юшковъ, Смнъ. II. 10.

Яворскій, Стефанъ. I. 3, 5—9.
Ягужинскій, графъ Пвлъ Ив. I. 74, 76, 77. II. 356, 366, 367, 369, 370, 372, 374.
Якушкинъ, Е. И. II. 404.
Языковъ, Д. II. 1.
Языковъ, Д. И. II. 153.
Языковъ, Ивнъ. II. 9.
Янки. II. 29, 31—33, 37.
Яновскій, Ѳеодосій. I. 25, 29.
Янъ. II. 25.

Ѳадѣевъ, М. Л. II. 357.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь. I. 57.
Ѳеофанъ, архимандритъ Псковской. I, 78.
Ѳома, цирюльникъ. I. 25. 31.

ЦѢНА 3 руб.

ЦѢНА 3 руб.

2007053675

2007053675